

Борис Докторов

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Историко-биографические
поиски

ТОМ 7

**Беседы с социологами
II – IV поколений**

2016

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г
Д635

Докторов Б.З.
Д635 Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. Том 7: Историко-биографические поиски. Беседы социологами II-IV поколений – М: ЦСПиМ, 2016. – 1003 с.

ISBN 978-5-906001-46-7.

В 9-ти томнике доктора философских наук, профессора Б.З. Докторова обсуждаются результаты его историко-наукоедческого анализа становления современной российской социологии. Оригинальность и новизна данной работы определяется установкой автора на освещение прошлого и настоящего отечественной социологии на базе воспоминаний и суждений тех, кто формировал ее основы и внес значительный вклад в ее развитие. А в последние годы – и тех, кто в настоящее время активно работает в социологии и готовит новые поколения социологов.

Том 1 – «Биографии и история» – является методологическим введением ко всему проекту. Одновременно в нем представлены теоретико-эмпирические выводы проведенного исследования.

Материалы Томов 2, 4, 7 и 8 (в двух частях) – «Беседы с социологами семи поколений» – образуют эмпирическую базу исследования и придают особую значимость проделанной работе. Это – 143 глубинных биографических интервью, которые были проведены автором в 2005–2016 годах с российскими социологами разных возрастных групп.

Тома 3 и 5 содержат историко-методологические работы Б.З.

Докторова, статьи о жизни и творчестве социологов, чьи гражданские позиции особенно близки автору. Также, в них представлены его автобиографические материалы

Том 6 – включает в себя книги Б.З. Докторов о Б.А. Грушине и В.А. Ядове, ярких представителях первого поколения российских социологов.

Том 9 – впервые знакомит российского читателя с биографией и творчеством историка, философа и социолога науки Б.Г. Кузнецова и содержит пространное автобиографическое интервью Б.З. Докторов.

Книга может быть полезной широкому кругу социологов-исследователей, университетских преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующимся в области истории российской социологии. Вместе с тем, она адресована и более широкому кругу читателей, интересующихся социологией и историей нашей страны.

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г

ISBN 978-5-906001-46-7

© Докторов Б. З., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Поколения II-III

Дмитриевский В. Н. Заложенный в трудах группы «социология и театр» ресурс еще не исчерпан	9
Алесина М. А. У каждого была своя история прихода в социологию	68
Бакштановский В. И. Что удалось сделать в области теории? Прежде всего, зародить, создать и развить отечественную школу прикладной этики	122
Барбакова К. Г. С того момента я начала идентифицировать себя как социолог	144
Вешнинский Ю. Г. ... Звалось судьбой и никогда не повторится.	159
Лебедев П. Н. Кто на мир смотрит разумно — на того и мир смотрит разумно	251
Сымонович Ч. Э. Хвост шайтана подсёк меня на другом	275
Тихонов А. В. Мне самому интересно понять, как получилось, что я стал заниматься социологией	304
Федотова Л. Н. Уже хочется свою деланкуо бработать.....	320
Ярская-Смирнова В. Н. Мой путь в социологию был не простым, как у многих в те годы: отправной точкой была философия.	360

Поколение IV

Гавра Д. П. Философия, политэкономия — здесь я чувствовал себя в своей стихии	404
Гаврилюк В. В. Молодежная тематика — самая интересная для меня в социологической науке	426
Григорьева И. А. В 1994 году случился “первотолчок”, определивший всю мою последующую профессиональную жизнь	449
Демидов А. М. В 1991 году GFK-РУСЬ состояла из трех человек, а сейчас нас — 380	476
Дука А. В. У меня было настоящее “коммунистическо-социалистическое” восприятие мира	495
Задорин И. В. В отношении к работе моя профессиональная позиция всегда была сильнее гражданской	520

Ключарев Г. А. Мой путь в социологию оказался долг и тернист.....	553
Козина И. М. Качественная социология уже давно не нуждается в обосновании своей легитимности.....	569
Кораблева Г. Б. Потребность в переменах и их ветер начинает чувствоваться в конце 80-х-начале 90-х годов	587
Корниенко А. В. Одновременно меня потянуло в сферу исследования мышления, когнитивных процессов.	608
Крокинская О. К. Я бы не сказала, что меняются студенты. Меняется — и не в лучшую сторону университет	644
Лебедева Л. В. Тогда я впервые столкнулась с социологией и с темой автобиографии	705
Мукомель В. И. Я бы рассматривал наш диалог в трехмерном измерении: общество — наука — работа. И я при сем.....	723
Рожанский М. Я. Я продолжаю считать себя историком, занимающимся социальной историей, но не социологом	754
Руткевич А. М. Историка радует не единообразие, а многообразие людей и идей	781
Савельева И. М. В последние десять лет Андрей в значительной мере ощущал себя социологом.....	817
Тихонова Н. Е. Я всю жизнь занималась тем, что мне самой было интересно и что я считала важным	866
Тысячнюк М. С. Я — феноменолог, мне нравится что-либо объяснять и создавать свои собственные теоретические концепции	885
Цыплёнков С. Ю. Я оказался офицером Балтийского флота с двумя дипломами о социологическом образовании.....	913
Чепуренко А. Ю. Жизнь способствовала стихийному превращению меня в социолога	930
Чередниченко Г. А. За меня вступилось Провидение	949
Штейнберг И. Е. Уже было так скучно, что стало не так страшно	981

ПРЕДИСЛОВИЕ

Том 7 — прямое продолжение материалов, приведенных в Томах 2 и 4.

Том 2 — «реликтовый», он начал свое существование в первом издании настоящей книги [1], и его содержание отражает сделанное мною в 2005–2011 годах. Это — «всего» 44 интервью, то было начало настоящего историко-социологического исследования, когда отлаживалась методика интервьюирования, когда не было даже представления о том, что проект окажется столь продолжительным и объемным. Все шло медленно, двигался «в темноте». Но в итоге собранный тогда материал охватывает процесс формирования первых четырех поколений советской социологии, он позволяет обнаружить сходство и различие траекторий движения в социологию представителей этих четырех когорт.

В 2014 г. при подготовке 2-го издания настоящей книги коллекция новых интервью образовала Том 4 [2]. По структуре он воспроизводил Том 2, но в том издании просматривалось и развитие проекта, принципиально важным было появление — всего двух — интервью с социологами V поколения. Это доказывает, что в 2014 году, после практически десяти лет изучения нашего современного социологического сообщества, пятая когорта социологов мне продолжала казаться объектом, мало интересным для исторического анализа. Судя по всему, я на протяжении десяти лет исследований во-первых, более интересовался прошлым нашей науки, чем ее настоящим, во-вторых, не осознавал, что обращение к молодым социологам делает восприятие прошлого объемным, и в-третьих, не понимал, что обращение к пятому поколению — это уже шаг в изучение будущего нашей социологии.

К настоящему моменту ситуация коренным образом изменилась. Проведено не только еще 20 интервью с социологами V поколения, но также 21 интервью с исследователями VI и 22 — VII поколений. Тексты всех этих интервью собраны в Томе 8.

В Таблице 1 представлено распределение интервью с социологами первых четырех поколений; все они размещены Томах 2,4 и в настоящем Томе 7.

Таблица 1

Поколенческая структура интервью с социологами I–IV поколений, представленных в томах 2,4 и 7

Тома	Поколение / временные интервалы поколений				Итого
	I	II	III	IV	
	1923–1934	конец 20-х–1934	1935–1946	1947–1958	
Том 2	6	10	16	12	44
Том 4	3	4	5	3	15
Том 7	–	1	9	23	33

Что наиболее существенным образом объединяет поколения I–IV? Рассмотрим группу «самых молодых»: в первый год перестройки родившимся в 1955–1958 годах было 28–30 лет, а в момент подписания Беловежского соглашения (1991 г.) даже младшим из них было не менее 30 лет. Большинство из них уже имело опыт работы в социологии, некоторые — были обладателями степени кандидата наук. Другими словами, всех социологов первых четырех поколений объединяет то, что каждый из них (возможно, за небольшим исключением) имел опыт профессиональной работы в СССР и, таким образом, все они являются советскими социологами.

Еще впереди детальный анализ процессов становления, образования всех социологических поколений, но в порядке первого приближения имеет смысл говорить о трех подходах к описанию наших профессионально-возрастных когорт. Во-первых, можно говорить о социо-хронологической специфике поколений, во-вторых, о модели, или траектории, вхождения в социологию, и, в-третьих, о доминантных функциях (или ролях) поколений в становлении и развитии социологии (Таблица 2). В такой 3-х мерной системе координат каждое из названных направлений анализа может трактоваться как координатная ось аналитического пространства, в котором могут изучаться и отдельные поколения и их изменчивость, подвижность.

Таблица 2

Три оси типологического пространства анализа социологических поколений

Поколение	Социо-хронологическое имя поколения	Вхождение в социологию	Доминантная функция (роль) поколения
I	«Шестидесятники» (первая волна)	Им суждено было начать	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	«Шестидесятники» (вторая волна)	Первые ученики первых учителей	Расширение предметного поля исследований
III	Военное	Призванные помогать	Развитие эмпирических методов
Iv	Первое послевоенное	Спасенные перестройкой	Сохранение достигнутого, испытание нового

Первые два типологизационных направления я начал изучать давно, в общих чертах они представлены в Томе 1 данного издания и были рассмотрены в моей книге «Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории», увидевшей свет в 2013 году [3].

Третье направление мне представляется сегодня наиболее интересным и перспективным, его я начал разрабатывать лишь недавно [4]. Предполагаю, что поколенческо-функциональный анализ дает возможность поставить перед исследователями серьезные задачи исторического познания российской социологии и подойти к их решению.

В ходе интервью я часто прошу моих собеседников рассказать об их учителях и коллегах, не доживших до нашего времени; отказов я не помню. Поэтому общее число историй жизни советских/российских социологов, отраженных в этой книге, — по моим оценкам — возрастает минимум до 80.

На мой взгляд, каждое интервью — захватывающе интересно, ведь за ним — жизнь конкретного человека, а все вместе они дают уникальную картину истории нашей науки и нашего сообщества; добавлю — и истории нашей страны за многие десятилетия. Они вносят в описание прошлого-настоящего ту конкретику фактов и чувств, которые невозможно познать с помощью иных исследовательских методов. Хотя, конечно же, история науки во всей ее полноте не постижима лишь через рассказы тех, кто ее вершит. Она хранится во множестве различного рода официальных и личных документов, в следах взаимодействия социологов с обществом и социологии как института с государством. И конечно же — в результатах деятельности социологов: отчетах, статьях, книгах.

Футурологический аспект автоматически присутствует в любом серьезном историческом исследовании, поскольку изучение прошлого постоянно генерирует «вопросительность» по поводу будущего. Но в нашем случае изучение накапливаемых биографий социологов включает в себя переход от первых (старших по возрасту) поколений к следующим (более молодым). И это сразу придает анализу собранной информации динамическую окрашенность. Актуализируется тема строения следующих поколений социологов, путей развития социологии и форм организации российского социологического сообщества.

Литература

1. Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х томах [Электронное издание]. М.: ЦСПиМ. 2012. <http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm>.
2. Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. 2-е изд., в 6-ти т. [электронный ресурс] / редактор электронного издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014 <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=389#> http://www.socioprognoz.ru/hta_6/htm/menu.htm;
3. Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013.
4. Докторов Б. З. К обоснованию поколенческо-функционального анализа истории советской и пост-советской социологии. В сб.: Калейдоскоп времен: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие / Научный ред. В.Н. Ярская-Смирнова. — Саратов: СГПТУ им. Ю.А. Гагарина. 2016. С. 77–82. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/sem-pokolenii-rossiiskih-sociologov-i-ih-pokolenii-dominantnye-funkcii>.

Поколения II-III

Интервью с Виталием Николаевичем ДМИТРИЕВСКИМ

«ЗАЛОЖЕННЫЙ В ТРУДАХ ГРУППЫ “СОЦИОЛОГИЯ И ТЕАТР” РЕСУРС ЕЩЕ НЕ ИСЧЕРПАН»

Дмитриевский В. Н. — окончил Ленинградское Хоровое училище при Академической капелле (1952 г.), театроведческий факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (1957 г.). Доктор искусствоведения (1992), профессор (1994), ведущий сотрудник Государственного института искусствознания, заведующий кафедрой истории культуры Академии Хорового искусства, профессор ГИТИС. Основные области исследования: социология театра, социология художественной культуры, историко-биографическая тематика. Интервью состоялось: июль — август 2014 г.

Виталий Николаевич Дмитриевский и по году рождения, и по характеру траектории его вхождения в социологию принадлежит ко второму поколению советских/российских социологов. Типичным для представителей этой когорты исследователей является успешная работа по базовой специальности (история, журналистика, физико-математические или технические науки) или деятельность комсомольско-партийного функционера, а затем осознанное обращение к социологии. Дмитриевский, получив музыкальное образование в Хоровом училище при Ленинградской Капелле и Театральном институте, быстро занял заметное место в сообществе ленинградских театроведов и театральных критиков. Но стремление глубже понять суть театрального искусства, природу взаимодействия сценического действия и зрительного зала обратило его внимание к публике. Исходно возник интерес к опыту театроведения 1930-х годов, а затем — проведение широкомасштабных, многоцелевых социологических исследований театральной жизни Ленинграда. Дмитриевский создал и с 1973 по 1978 годы возглавлял уникальный социолого-театроведческий коллектив (артель), называвшийся «Социология и театр» и действовавший под эгидой Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества.

Кроме того Виталий Николаевич свыше сорока лет занимается изучением биографии великого русского певца и актера Федора Ивановича Шаляпина. Это исследование начиналось как историко-театроведческое, но в настоящее время оно с полным основанием может рассматриваться и как одно из крупных достижений в области историко-биографических поисков, осуществляемых российскими социологами. В 2014 году в серии ЖЗЛ увидела свет его книга «Шаляпин». Так что многие поколения россиян будут знакомиться с жизнью и творчеством Шаляпина по Дмитриевскому.

Так случилось, что в этой онлайн-книге есть интервью с основными участниками проекта «Социология и театр»: А. Алексеевым, О. Божковым, Л. Кесельманом и Б. Фирсовым, есть биографические данные автора книги — Б. Докторовой, но не было интервью с вдохновителем этой работы — В. Н. Дмитриевским. Теперь этот парадокс устранен.

В. Н. Дмитриевский: «Заложенный в трудах группы “социология и театр” ресурс еще не исчерпан»

Виталий, мы знаем друг друга, по-моему, 40 лет, к тому же Вы недавно опубликовали не только интересные книги, но и мемуары. Так что, Вы и Ваши работы по социологии театра дают представление и о Вашей биографии, и о профессиональной деятельности. И все же, наша беседа представляется мне очень важной. Прежде всего, мы сможем соединить биографическую информацию с Вашими рассказами о пути в социологию и проведенных исследованиях. И, во-вторых, а вдруг, отвечая на мои вопросы, Вы вспомните какие-то факты, о которых не писали раньше, какие-то новые рефлексии о прошлом-настоящем появятся здесь?

Пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье, насколько глубоко Вы знаете ее прошлое? Сохранились ли какие-либо документы Ваших предков, дневники и прочее?

Я родился в Ленинграде 30 ноября 1933 года.

Семья — бабушка Александра Степановна Долгова, ее дочь Александра Николаевна Дмитриевская с мужем Дмитриевским Николаем Иосифовичем (мои родители), муж старшей дочери Нины Николаевны Чирсковой, недавно умершей от туберкулеза, Чирсков Максим Константинович с дочерью Галиной — жила в доме 16, на третьем этаже, квартира 9 по улице Декабристов, что недалеко от Театральной площади.

Самый древний документ семейного архива — «Выписка их метрической книги», свидетельствующая о том, что : 25 января 1899 года дед мой Николай Александрович Долгов, православного исповедания, сочетался первым браком с крестьянской девицей из деревни Соколово Костромской области Трухиной Александрой Степановной. Поручителями «по женихе» выступили мещане Николай Александров Горностаев и Михаил Михайлов Львов; «по невесте» — крестьяне Костромской губернии Михаил Федоров Сумин и хорист русской оперы Гаврила Михайлов Алексеев. Таинство совершили священник Михаил Белавин и диакон Василий Троицкий.

Ещё документ — «Удостоверение о службе на транспорте». Из него следует: 1896—1898 гг. Н. А. Долгов служил каретником С.—Петербургских мастерских Северо-Западного отделения Николаевской железной дороги, в 1898—1900 гг. занимал должность конторщика. В 1900—1906 гг. там же служил счетоводом,

а 21 сентября 1906 года уволен по болезни. На старом фото с грифом «Фотоателье К. Шапиро 2-й» бабушке 20 лет, деду — 29. Красивая и трогательная пара.

Николай Александрович Долгов фигурировал во всех отцовских и материнских кадровых анкетах и автобиографиях, коих в пору советский власти заполнялось великое множество. В графе «Родители жены (мужа) указывалось: «жел.-дор. служащий в Петербурге в 1905 г. был выселен как полит. неблагонадежный, умер в ссылке в 1916 г. в м. Ундол».

Овдовевшей бабушке помогал ставить на ноги трех дочерей ее дядя, мой двоюродный прадед, главный кондуктор Варшавской железной дороги, по нынешнему — начальник бригады проводников пассажирского поезда. Прадед и определил внучек-сестер в Гимназию принца Ольденбургского, что на Лермонтовском проспекте, вывозил всех на дачу в Сиверскую — там же «паслись и его собственные девять детей.

Предки по отцовской линии родом из Курской губернии. О них в отцовской анкете по учету кадров, заполненной в октябре 1939 года сообщалось: Иосиф Васильевич Дмитриевский родился в 1872 году., священник, иждивенец. Мать Ефремова Мария Павловна, 1881 г.р., село Н. Смородино Курской губ. и уезда, домашняя хозяйка, иждивенец». Указывалось также: до 1937 года оба были лишены избирательных прав как служители культа, а семья в 1919 году находилась на территории, занятой белыми частями. Отец — третий ребенок. Старшими были Сергей, в будущем красный командир, Ольга — врач, младшие Михаил —художник и певец Мариинского театра, Дмитрий — помощник паровозного машиниста, а впоследствии артист провинциальных оперных театров и Академической Капеллы в Ленинграде.

Более глубинные родовые корни мне неведомы. Можно лишь утверждать, что четыре прадеда — Александр, Степан, Василий и Павел — костромичи и куряне, появились на свет где-то в первой половине XIX века и благословили своих потомков на житие в XX и даже в XXI веке.

Александра Степановна Долгова, моя бабушка, за год до большевистского переворота осталась вдовой политического ссыльного с тремя дочерьми, как-то протащила их сквозь две революции, бандитизм, разруху «военного коммунизма», расцвет и погром нэпа. Чтобы как-то выжить, бабушка «сдавала углы» в темной проходной комнате. Старшая дочь Нина вскоре вышла замуж за учителя химии Максима Чирскова, но в конце 20-х годов умерла от туберкулеза, средняя дочь — Милица вышла замуж за студента технического вуза Андрея и на три года уехала с ним в Заволжье, младшая — Александра, моя мать, тоже вышла замуж за «уголового жильца» Николая, молодого инженера-энергетика. Ко дню бракосочетания отец подарил матери кабинетный рояль фирмы братьев Дидерихс — «поставщиков двора его императорского величества» — как гласила надпись на внутренней стороне крышки. Латунный двуглавый орел, украшавший крышку, свинтили, видимо, из предосторожности, и четыре маленьких дырки от шурупов остались напоминанием о гербе монархии. Рояль этот сопутствует мне во всех квартирных и междугородных переселениях. Вторая семейная реликвия — шарообразный самовар — тоже со мной.

Году в 1936—37-м мы ездили к отцовским родителям в Курск. В полутемных сенях просторного бревенчатого дома дед — большой, в густой бороде — погладил меня по голове и подвел к ящику пахнущих яблок: «Пробуй!» В духовные семинарии не зачисляли слабых и малорослых; брали сильных, красивых, высоких, с хорошими мощными голосами. Преимущество отдавали басам. Дед Иосиф Васильевич параметрам соответствовал. Церковь, однако, к тому времени разгромили; дед с супругой Марией Павловной жили на посылки детей. Как-то один из преданных прихожан сообщил деду о грядущем вызове в отдел НКВД. Ранним утром старики, не торопясь, без вещей, вышли к вокзалу, сели в пригородный поезд и с пересадками добрались до Москвы, а потом и до Ленинграда. Между

тем близились выборы в Верховный совет, по квартирам зачастили агитаторы со списками избирателей, управдом и другие проверяльщики»... Наконец, старики получили паспорта с постоянной пропиской, а новая Сталинская конституция сняла с них клеймо «лишенцев» избирательных прав, которым метили «служителей культа».

Теперь, пожалуйста, о фактах и впечатлениях Вашей ранней жизни...

Моя жизнь долгое время хронологически делилась на три этапа — довоенный, военный и послевоенный. Это как детство, отрочество и юность.

Наша квартира на улице Декабристов в старом четырехэтажном доме с мрачным двором-колодцем, имела два входа — «парадный», с улицы, с широкой грязной лестницей, сохранившей на ступенях приметы былой роскоши — медные кольца для крепления ковров, и «черный», со двора на кухню. Темный коридор соединял комнаты с кухней: на огромной чугунной плите шипели примусы и дымили керосинки. Электроприборами пользовались только для освещения. Управдом сам ежемесячно снимал показания счетчика и за превышение лимита обрезал провода.

Управдом — реальная и зловещая фигура, реальная власть на местах. Он приходил внезапно, иногда с дворником и милиционером, осматривал помещения «на предмет противопожарной безопасности», «наличия средств затемнения», «незаконного присутствия посторонних и неустановленных лиц», проверял документы. В блокадные годы управдом «фиксировал факты смерти» и изымал продуктовые карточки умерших. «Зафиксировал» он в декабре 1942 года и кончину деда Иосифа Васильевича, бабушки Марии Павловны и их сына моего дяди художника и певца Михаила.

Судя по семейным легендам, в молодости мать моя была нрава веселого и характера авантюрного, любила шумные компании, танцы, театр, простаивала ночи у касс Народного дома за билетами «на Шаляпина», «на Собинова», «на Фатьму Мухтарову», не пропускала премьер Мариинского театра с молодыми Улановой, Люком, Печковским, Чабукиани. Но я помню мать уже нездоровой, по лестнице она подымалась с одышкой, останавливаясь, в нарочитой улыбке просматривалась боль и какая-то виноватая усталость.

Бабушкой, матерью и тетужкой Милей мне назначалась роль благонаправленного ребенка из добропорядочной семьи. Разлагающему влиянию улицы противопоставлялась система традиционного домашнего воспитания. Фортепианное музицирование, уроки гувернантки-немки Матильды Леонтьевны, игровое общение с ровесниками — детьми уважаемых друзей и знакомых. Но с началом финской войны всех немцев, финнов и прибалтов депортировали из Ленинграда в восточном направлении, туда же отправили Матильду Леонтьевну.

Моими первыми сценическими впечатлениями стали спектакли кукольного театра Евгения Деммени, что на углу Невского и Садовой. Запомнился «Гулливер среди лилипутов». Метерлинковскую сказку «Синяя птица» МХАТ привез на гастроли — они проходили в новом рабочем клубе — Выборгском Доме культуры. Родители любили театр. Сохранилось много театральных программ 1930–40-х годов. В программке спектакля Театра им Ленсовета «Слава» — пьеса В. Гусева шла 11 июня 1938 года — крупным шрифтом объявлено: «Перед началом каждого спектакля актеры театра исполняют стихи, посвященные выборам

в Верховный Совет РСФСР. В спектакле «Слава», «Очная ставка», «Терентий Иванович» вставлены целые куски текста, специально написанные к выборам. В фойе театра открыта консультация для зрителей по вопросам выборов».

Особое место в ту пору в театральной жизни Ленинграда занимал Театр Комедии. Рассматривать броские красочные афиши, программки и буклеты художника и режиссера Н. П. Акимова было очень увлекательно. Его яркие композиции привлекали внимание броской метафорой, смелым преувеличением, ярким штрихом, неожиданным цветовым решением. На «Двенадцатую ночь» Шекспира и на «Тень» Шварца меня родители не брали, но принесли программки и мать потом рассказывала мне содержание спектаклей.

Дома, в выходные дни по радио семейно слушали драматические или оперные спектакли. Трансляция шла непосредственно из театра. Диктор излагал историю создания оперы, перечислял действующих лиц, обстоятельно, с учетом иерархии званий, представлял исполнителей — народный, заслуженный, лауреат, орденосец ... Изложение событий первого действия завершалось строгой фразой: «Внимание! Зрительный зал будет включен без дополнительного предупреждения» В комнате прекращались разговоры, отставлялись закуски, вязанья, наступала «тишина предвкушения»... Пауза, зал взрывался аплодисментами — значит, дирижер встал у пульта и поклонился публике — начинала звучать увертюра...

Мир театрального великолепия, сценической торжественности, праздника, и тесной, заставленной сундуками, старыми ширмами, шкафами полутемной квартиры, кухни с тусклой лампочкой, коптящими керосинками и примусами, существовал параллельно, не пересекаясь. В Мариинский театр меня приводили преимущественно на балеты: красочные волшебные зрелища формируют возвышенные чувства, облагораживают душу. В просторечии Маринка, а официально Государственный академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова, оставался по своей генетической сути театром императорским, а точнее имперским, хотя именно там проводились торжественные собрания партактива. На спектакли дети приходили сюда не школьными культпоходами, не пионерским строем, как например в Театр юных зрителей, с песнями, знаменами и барабанами, а семейно, с родителями, бабушками и дедушками. Здесь не бегали стаей, на устраивали возни, а ходили чинно по царскому фойе: девочки в нарядных платьях с большими бантами, мальчики — гладко причесанные, часто в модных тогда матросках и гетрах.

В кино ходили по выходным, с отцом и матерью. Фильмы я видел разные в зависимости от настроений и вкуса сопровождающих — «Если завтра война», «На границе», «Джюльбарс» — про героев-пограничников, «Три товарища», «Ошибка инженера Кочина», «Великий гражданин» — про отступников, трусов, вредителей и шпионов. Для детей выпускали в прокат фильмы «Дети капитана Гранта», «Золотой ключик», «Брат героя». Шли и увлекательные кино-шлягеры той поры «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Цирк», «Светлый путь», «Девушка с характером», «Музыкальная история», иностранные — «Большой вальс», «Петер» с популярной Франческой Гааль. А в сентябре сорок первого в кино-театре «Смена» на Садовой мы смотрели «Маскарад» с Тамарой Макаровой и Николаем Мордвиновым. Сеанс прерывался из-за воздушной тревоги, зри-

телей несколько раз выводили в бомбоубежище, а потом и вовсе распустили. Тогда раз я так и не узнал, чем же завершилась эта жуткая история с отравленным мороженым.

Пусть появление в Вашем рассказе о детстве «воздушной тревоги» станет началом воспоминаний о втором этапе Вашей жизни, военном.

24 августа 1939 года «Правда» опубликовала передовую статью «Укрепление мира»: «Вражде между Германией и СССР кладется конец и взаимное сотрудничество отныне будет служить делу всеобщего укрепления мира». Вдохновленный дипломатическими успехами Сталин, как позже стало известно, на банкете по случаю заключения советско-германского пакта о ненападении предложил поднять тост за Гитлера: «Мне хочется выпить за его здоровье!». В сентябре Германия оккупировала Западную Польшу, Красная армия заняла ее восточные территории.

О войне — не дворовой игре, заимствованной из фильмов, а реальной — я узнал в день рождения, 30 ноября 1939 года. Мне исполнилось шесть лет, с утра я жду гостей, будут поздравлять, дарить подарки... Праздник не состоялся — началась война с Финляндией. Отец — к тому времени он стал главным инженером оборонного завода — остался на заводе, бабушка кинулась в магазин — «запасаться». Вечером с матерью, торопясь и причитая, они шили маскировочные шторы: к четырем дням темнело и надо было успеть плотно занавесить окна: с улицы уже доносились свистки патрулей.

Спустя месяц собрались встречать новый 1940-й год, сверкала елка, но лица озабоченные: от дяди Мити с начала боев не было вестей. Война кончилась в марте, дядя Митя привез мне ценнейший подарок — пулеметную ленту с отстрелянными гильзами: на короткое время я стал героем двора.

Отец получил от завода квартиру в новом блочном доме за Московской заставой на Сызранской улице в доме 2/16. В лабиринтах строительного мусора, обломках бетонных плит, труб, куч битого кирпича и кафельной плитки случались замечательные приключения. Улица брала реванш за обременительную семейную опеку. Вольница, однако, длилась недолго. С осени меня определили в музыкальную школу, запаковали в аккуратно-омерзительный костюмчик — штаны на ляпочках, гетры, кофта-матроска, берет с помпоном. С папкой «мюзик» и «Фортепианной грамотой» С.Майкопара дважды в неделю я отправлялся с матерью к красному кирпичному зданию музыкальной школы на Международном проспекте, рядом с трамвайным парком имени Коняшина.

Летом 1941 года отец снял дачу в Карташевке, за один перегон до Сиверской, по Варшавскому направлению Субботними вечерами отдыхающее население собиралось у станции в ожидании городской родни. Издали показывался пылящий паровоз «СУ» на огромных колесах. С подножек, тамбуров, междвагонных переходов сыпались пассажиры — с портфелями, сетками, сумками, пакетами, рюкзаками, удочками, корытами, шезлонгами, гамаками... И все же тревожное предчувствие носилось в воздухе. Оно усилилось, когда 14 июня в газетах появилось «Сообщение ТАСС», в котором категорически опровергались злонамеренные слухи о возможном нападении Германии на СССР: болтунов, паникеров и провокаторов требовали к ответу.

Следующая суббота и утро воскресенья 22 июня прошли как обычно в ритуальных встречах дачного поезда, но уже днем разнеслась весть о радиовыступлении Молотова. Дачная жизнь с ее игровой эйфорией, купаньями, флиртом, танцами и застольями стала неуместной. Родители быстро сложили вещи, на станции погрузились в «детский вагон». На полке графин с водой позванивал о пустой стакан, под потолком крест-накрест цветные флажки, в межоконных проемах окантованные рисунки В.Конашевича к сказкам К.Чуковского, портрет Ленина за чтением газеты художника И.Бродского, фото Сталина со счастливой узбекской пионеркой Мамлакат.

Во дворе на Сызранской многое изменилось. Подвалы превратились в бомбоубежища, у дверей ящики с песком, противопожарный щит с лопатами, баграми. По вечерам взрослых обучают пользоваться противогазом, гасить зажигательные бомбы, перевязывать раненых. По Международному проспекту в сторону Средней Рогатки нестройно идут отряды пестро одетых женщин с лопатами и кирками, мобилизованных рыть окопы на подступах к городу. Навстречу — конные телеги с беженцами, толпы пешех с мешками, корзинами, чемоданами, узлами, орущими детьми.

Тем временем в театрах формировались агитбригады для выездов на фронт. Известный актер Николай Черкасов формировал труппу Театра народного ополчения, к выезду на передовую готовился и Театр Краснознаменного Балтийского флота. Другие театры готовились к эвакуации — Мариинский театр и Хореографическое училище двинулись в Пермь, Александринский театр в Новосибирск, ТЮЗ в Березники. Дольше других оставался в Ленинграде Театр Комедии. Перед отъездом он показал премьеру — патриотическую комедию А. Гладкова «Давным-давно». В январе 1942 года прекратил показывать спектакли Театр имени Ленсовета, а в феврале его эвакуировали по ладожской «Дороге жизни» в Пятигорск.

В середине сентября начались регулярные артобстрелы и бомбежки. Московскую заставу объявили прифронтовой оборонительной зоной, и мы вернулись жить к бабушке на улицу Декабристов. 8 сентября блокадное кольцо вокруг Ленинграда замкнулось. Со двора исчезли пыльщики, точильщики, молочницы, зато появились нищие беженцы в лохмотьях, в ватниках, старых пальто, в одеялах, иногда накинутых на голое тело, просят хлеба, воды, одежды. Усталые женщины-почтальоны разносили по квартирам письма с фронта, с «большой земли» — конверты, сложенные треугольники, открытки, мятые, рваные со штампом «Просмотрено военной цензурой». Бывает вымарана половина текста.. В ноябре соседи со второго этажа послали родственникам телеграмму: «Всё благополучно. Теленка Арку съели». Родственники в ответ чудом сумели передать посылку: они помнили Арку — славного охотничьего добермана...

Радио дома и на улице не выключалось — учащенные удары метронома оповещали о воздушной тревоге. Приказали в десятидневный срок сдать радиоприемники и... велосипеды. Приемника у нас отродясь не было а о велосипеде, подвешенном в коридоре к потолку, забыли. Его тщательно завесили тряпьем, чтобы дворник и управдом при обходе не заметили.

Отец принес с завода «буржуйку» — название осталось с времен после-революционной разрухи, когда недобитые классовые враги пытались выжить в условиях военного коммунизма. Жестяную печь на тонких «курьих ножках», отдаленно напоминающую самовар, поставили в центре комнаты, подвесили длинную коленчатую трубу, вывели ее в дымоход.

В сентябре на крупных уличных перекрестках началось строительство ДОТов — «долговременных огневых точек». Железобетонные коробки с щелевыми проемами воздвигли у Фрунзенского универмага на Обводном канале, и у Нарвских ворот, и на Исаакиевской площади у здания бывшего немецкого посольства. Тогда же разбомбили Бадаевские продовольственные склады. В магазинной очереди очевидцы рассказывали: кипящая сахарная масса сползала в Обводный канал, обезумевшие люди вылавливали горящие куски. Тут же полчища крыс выходили на водопой и тогда всякое пешее и транспортное движение прекращалось. Замешкавшегося шофера грузовика крысы растерзали.

Вернувшись «с окопов», тетя Миля шепотом рассказывала о раненых ополченцах, забытых в Пулковое армейским начальством. Немцы занимали Пушкин, Павловск, Гатчину, Мгу. Тетя Миля приволокла рюкзак капустных кочерыжек вперемешку с гнилой картошкой и кусок конины.

Фугасная бомба попала в зоопарк. Звери метались по клеткам, раненую слониху Бетси пристрелили. Рядом несколько дней горели «американские горы». Продолжалось нашествие беженцев Их расселяли по клубам и школам, но продовольственным пайками обеспечивали только работающих. В Физиологическом институте скулили голодные собаки, вскоре их съели научные сотрудники. А тут уже и мародеры начали рейды по квартирам: искали антиквариат, драгоценности в обмен на хлеб и шоколад.

Отцу на заводе выдали пакетики сахара и мешок прессованного жмыха — «дуранды». Её долго разваривали, превращая в кашу, или грызли как сухари. Кончились запасы рыбьего жира, в пищу пошла олифа, я отковыривал из окон замазку. Варили столярный клей, чемоданные ремни, старую обувь. Бабушка и мама на «буржуйке» готовили что-то «обеденное» — по квартире разносился тяжелый смрад...

Однажды мы замешкались по тревоге спуститься в убежище и налет авиации застал нас на черной лестнице. Вслед за жутким воем фугасной бомбы раздался взрыв, дом подпрыгнул, затрещал, но не рухнул. В убежище мы вошли, добела запорошенные известкой — бомба угодила в левое крыло Мариинского театра.

Замерли водопровод и канализация. В январе-феврале 1942 года уличная температура понижалась до 42-х градусов мороза. За водой ходили в дальний угол двора, в прачечную, потом к ближайшей проруби на канал Грибоедова. Ночью прорубь затягивалась, утром около ледяного горба, образовавшегося от пролитой воды, лежали трупы, рядом — чайники, кастрюли, ведра, огородные лейки. Снова долбили лед, черпали воду, для страховки привязывали себя к чугунной ограде.

Днем трупы подбирал грузовик и свозил к «Новой Голландии» — сборный пункт нашего района. Умерших дома родственники или соседи везли на санках к кладбищам — завернутых в тряпье, иногда в грубо сколоченных некрашеных гробах и просто ящиках, к которым прибивались лыжные полозья. Когда сил не хватало, покойника подтаскивали к уличной подворотне: грузовик заберет.

У Академии Художеств мертвых сбрасывали в Неву. Тех, кого все-таки довозили до Пискаревского кладбища, сбрасывали в ров и бульдозером зарывали. Родителей отца и дядю Мишу похоронили там...

30 ноября 1941 года все—таки отметили мой день рождения. Сохранилось мое письмо отцу на завод с описанием торжества: подарок «Сказки братьев Гримм», меню — бульон из самовара, студень из ремней и столярного клея, плитка шоколада. Сообщили: отец свалился у проходной, сослуживцы отнесли его в заводской стационар, подлечили, подкормили и ко дню Сталинской Конституции, 12 декабря, на трое суток отпустили домой. Это была наша последняя прогулка с отцом и матерью. День был солнечный, морозный. Я увидел другой город. Фасадная часть соседнего дома отвалилась, обнажились квартирные интерьеры четырех этажей, где-то на перекрытиях повисла мебель, на стенах картины, зеркало, часы. Золоченные купола Исаакиевского собора залиты серой «мышинной» краской, часть огромных окон заложена кирпичами, на шпиль Адмиралтейства накинута брезентовый чехол...

В начале марта ранним утром с отцовского завода пригнали грузовик: мать, бабушку и меня привезли на Финляндский вокзал. Только к вечеру поезд дотащился до Борисовой Гривы. Людей распредели по группам и рассадили в грузовики-полуторки. Шоферы помогали ослабевшим забраться в кузов. Садись на доски, прилаженные к бортам, спиной к кабине, кутались в одеяла, прикрывались брезентом. Дали команду—машины, переваливаясь на рытвинах, вырулили на ладожский лед. На станции Жихарево нас ждал отец — его эшелон с заводским оборудованием отправлялся в Челябинск, наш — в Горький. У вагона отец разговаривал с матерью, я держал его за рукавицу, за большой палец, задрав голову различал силуэты родительских лиц на фоне темно-звездного синего неба. Лязгнули буфере, эшелон содрогнулся, отец поднял меня, поцеловал и затолкнул в вагон...

Ночью украли паек. Сумка лежала для надежности под головой у бабушки, на полке. Ее разрезали бритвой через щель из соседнего купе. Бабушка плакала, мать испугала меня темным ожесточившимся лицом. Вокруг все суетно стали проверять свои вещи, кто-то сунул мне сухарь.

В Горьком нас поселили в школе. Спортивный зал заставлен железными койками, около шведской стенки мы отгородились подобием занавески. Мать временно работала машинисткой в Управлении Главного архитектора. По воскресеньям мы ходили на почтамт за письмами. Однажды, получив плотный конверт с официальным грифом, мать обмерла. Очнувшись, среди прочих документов, сразу нашла главный — свидетельство о смерти отца. Через неделю умерла бабушка. Мы, согласно изначальной разнарядке, двинулись в Пятигорск. Город приказано было числить тыловым и туда уже вывезли много ленинградских учреждений — Педагогический институт имени Герцена, Театральный Институт, Театр имени Ленсовета под руководством С. Радлова и др. Отклонение от маршрута не допускалось ни при каких условиях.

До Сталинграда мы плыли на старом пароходе «Полина Осипенко», оттуда на поезде до Минеральных Вод, а затем на электричке до Пятигорска. Днем мать металась в поисках работы, а меня оставляла в парке «Цветник». Здесь энергичная дама-затейник и мрачный баянист увлекали запуганных эвакуированных детей разучиванием песен: Репертуар знаком: «На границе тучи ходят хмурые»,

«Мы красная кавалерия...», «С неба полуденного — жара не подступи — конница Буденного раскинулась в пути», «И в битве упоительной, лавиною стремительной — Даешь Варшаву! Даешь Берлин! Уж врезались мы в Крым!». К вечеру детей «разбирали», затейница сворачивала обои до следующего утра — агитпроп работал в Пятигорске образцово.

Пятигорские обыватели в массе не слишком любезны: эвакуированных называли «выковырянными», «буржуйами», иногда просто «евреями», независимо от этнического происхождения. С сочувствием относились лишь отдельные люди. Определенный «экономический» интерес сохранялся до той поры, пока у «выковырянных» оставались деньги, какие-либо ценности, носильные вещи, годные к обмену на продукты. Сделка совершалась на барахолке у рынка. С утра там выстраивались неровные ряды усталых интеллигентного вида женщин, в руках и на земле — ношенная одежда, часы, обувь, броши, фетровые шляпы, белье, игрушки. Вещи отдавали за бесценок, за «натуру» — ведро картошки, кучка кукурузных початков, фруктов, овощей. Деньги — эквивалент непрочный. Тем временем советские организации стремительно свертывали свою деятельность, у горисполкома загружались автобусы, с крыши из трубы валил дым — жгли документы. Мать кидалась к шоферам и молчаливым начальникам, предлагала старинные серебряные часы деда — лишь бы взяли... Машины отъехали, на час — два наступило затишье, потом послышались ухающие орудийные разрывы, рваные пулеметные очереди, угрожающе низко пролетел самолет с черными крестами на крыльях и откуда-то внезапно выскочили немецкие мотоциклисты-колясочники в приплюснутых касках с автоматами на шее, за ними рычащие тяжелые грузовики с пехотой и легкой артиллерией....

Уже на следующий день стены домов забелели листовками, обращениями, указами на русском и немецком языках. Заработали военно-оккупационные и гражданские учреждения — комендатура, управа, полиция, биржа труда и даже «еврейский комитет». Категорический приказ — еврейскому населению приколоть желтые шестиконечные звезды и собраться для переселения в гетто. На бульвар стекаются старики, женщины, дети с узлами, чемоданами, тележками. Наконец, построение закончено, колонна тяжело двинулась к «Цветнику». Люди на тротуаре стали расходиться. Недели через две поползли слухи — всех расстреляли: с каменоломен потянуло трупным смрадом...

Выживали по-разному. Не успевший эвакуироваться Театр имени Ленсовета возобновил спектакли, в афише «Бесприданница», «Без вины виноватые», «Дама с камелиями»... Знакомый ленинградский профессор-химик ночами сторожил склад, его дочь-журналистка служила курьером в управе. Тетя Миля и мама прибились к городской библиотеке, она размещалась в центре, у Лермонтовского сквера. В вестибюле повесили парадный портрет Гитлера. Назначенный управой уполномоченный приводил офицеров в зал немецкоязычной периодики, населению разрешили выдавать в основном классику, советская литература сваливалась в подвал — «до особого разрешения».

Между тем Красная армия наступала. В местной газете появилась карикатура: Сталин, Черчилль, Рузвельт в собачьих ошейниках на поводке у устрашающей фигуры в смокинге и с клыкастой мордой: «Мировой империализм». Театр

Радлова уехал в Запорожье, улицы опустели, в станицы Горячеводской демонстрируются показательные казни партизан — под виселицу ставят грузовики, на осужденных надевают петли, команда! — машины отъезжают — «Аллес!»...

Вечером 10 января 1943 года началась перестрелка, гул самолетов, треск мчащихся мотоциклов — на следующий день с рассветом Пятигорск освободили. В городе пахло дымом, догорали взорванные здания, брошенные машины, под ногами хрустело стекло разбитых витрин разграбленных ночью магазинов и кафе. Стремительно восстанавливалась пропагандистская атрибутика. Когда мы с матерью подошли к библиотеке, у здания стоял патруль и красноармейцы разворачивали «Окно ТАСС» — огромный плакат Кукрыниксов — плачущий Гитлер в рваной старушечьей шали на фоне мятой географической карты Поволжья; подпись «Потеряла я колечко, а в колечке 22 дивизии». Имелся в виду разгром под Сталинградом.

Награды находили героев! 14 апреля «Пятигорская правда» опубликовала заметку «Библиотечные работники спасли тысячи ценных книг». И в самом деле, мы с матерью едва ли не месяц возили на тележке книги из дома в прежнее их обиталище.

Тетя Миля и мама стали работать в женском Ремесленном училище: мать машинисткой, тетя преподавателем немецкого языка. Персонал училища, а заодно и меня здесь кормили бесплатным обедом.

Накануне нового 1944 года учащихся собрал замдиректора по политиковоспитательной работе и объявил: учебные занятия отменяются, будем разучивать новый «Гимн Советского Союза». С музыкой проблем не было «Гимн партии большевиков» Александрова знал каждый школьник, он был написан к ХУІІІ Съезду ВКП(б) и понравился Сталину: он попросил повторить его исполнение. Теперь на эту же мелодию накладывался новый текст Михалкова и Эль-Регистана. Гимн партии начинался куплетом: «Страны величавой свободные дети // Сегодня мы славную песню поем. О партии самой могучей на свете // О самом большом человеке поем»

Старые и новые слова путались. К тому же в припеве каждый раз вторая строфа менялась — «дружбы народов...» «Счастья народов...», «Славы народов...». Хор пел вразнобой. Политрук был упорен и наконец достиг триумфа — 1 января на вечере новый Гимн страны прозвучал торжественно и без ошибок.

27 января 1944 года прорвали ленинградскую блокаду и сестры бабушки — тетя Лёля и тетя Маня, детский врач и машинистка, служившие в Торговом порту, задались целью вернуть нас на историческую родину. Как-то они прислали нам «Ленинградскую правду» с поразившим нас сообщением о возвращении главным улицам прежних названий: проспект 25-го октября опять стал Невским, улица 3-го июля — Садовой, площадь Урицкого — Дворцовой, проспект Нахимсона — Владимирским, проспект Володарского — Литейным... Правда нашей улице Декабристов не вернули название Офицерской, но в это же время Красная армия была переименована в Советскую, красноармейцы, краснофлотцы, командиры обрядились в погоны и Дом Красной армии в Ленинграде, в царское время именовавшийся Офицерским собранием, сменил вывеску на Окружной Дом офицеров. Первое время дико было слышать обращение «Товарищ офицер!», оно звучало также нелепо как «Господин красный командир». Чем руководствовался Сталин — а без его санкции разве кто-либо решился

бы отменить «Проспект 25 октября» — понять было трудно, но надо было привыкать к новой лексике: Совнарком стал Советом министров, народные комиссары — министрами...

Первым шагом к возвращению в Ленинград стала вербовка в какую-то строительную организацию московского пригорода Кунцево. Мы погрузились в товарняк и с длительными остановками через две недели добрались до Подмосковья. Тетя Миля должна была отработать в Кунцеве обусловленный срок и заново завербовалась в Ленинград — служащей в Управление тыла Балтийского флота — в почти вымершем городе не хватало работников всех профессий и квалификаций. Ведомство располагалось на острове «Новая Голландия». С набережной Мойки, стоя напротив кирпичной арки канала-ковша, можно было увидеть груженую кирпичом баржу, на откосе зеленела трава. Ничто не напоминало о свирепой зиме 42-го года, когда сюда свозили трупы умерших от голода.

23 февраля 1945 года день Советской армии и флота отмечали на работе у матери радостно, в предчувствии грядущей победы. После доклада о текущем моменте и торжественных песнопений о Сталине вечер перешел в развлекательное русло. Популярны артисты Ефрем Флакс, Леонид Кострица, Зоя Рождественская исполняли любимые песни — «В лесу прифронтовом», «Дороги», «Смуглянку-молдаванку», куплеты об удачливом английском капитане Джемсе Кеннеди. Отношения с союзниками были тогда на пике дружбы и Герман Орлов в сопровождении джазового трио Николая Минха «заводил» аудиторию:

«Слышен сверху злобный вой: «Джемс Кеннеди! // Мессершмитт над головой, Джемс Кеннеди!// Но игра и здесь проста — Джемс Кеннеди // Сделал немца без хвоста, Джемс Кеннеди!// Ранен дважды, но пришел Джемс Кеннеди. Груз в советский порт привел Джеймс Кеннеди. Как вы храбро дрались, сэр // Джемс Кеннеди!» // — Я британский офицер Джемс Кеннеди!». Припев исполнялся вместе с публикой: «Только в море, только в море, безусловно это так! Безусловно это! // Только в море, только в море может счастлив быть моряк!»

Победы ждали со дня на день. Главный радиодиктор Юрий Левитан сообщил о капитуляции Германии утром 9 мая. Все бросились на улицу. На Невском перекрыли движение, братались, плакали, смеялись. С самолетов бросали листовки с праздничным обращением к народу. В «Известиях» — указ об объявлении 9 мая праздником Победы, приказы Верховного Главнокомандующего Сталина, стихотворение В. Лебедева-Кумача «Мы победили!»:

Спасибо нашему великому Отцу // Поклон ему земной и всенародный. // И нашим маршалам, и каждому бойцу // За ратный труд, за подвиг благородный!».

Вечером на Дворцовой площади флаги, транспаранты, натянуты киноэкраны, с грузовиков-кинопередвижек гоняют «Трактористов», «Юность Максима», «Чапаева», «Двух бойцов»... Ребята бойко перебегают от экрана к экрану, втискиваются в толпу... Лики киногероев едва различимы — светло, начинаются белые ночи...

Радостно, но ноги подгибаются от усталости. Из всей ватаги нас осталось трое, мы учимся в Хоровом училище Капеллы, она рядом, на Мойке, за певческим мостом. И обитаемся мы здесь же, в интернате. Вахтер, несмотря на поздний час, встречает нас по доброму — такой праздник! Все будет хорошо....

Б. М. Фирсов вспоминал в нашей беседе о Ленинградской блокаде, **А. Г. Здравомыслов**, **Я. И. Гилинск** — **З**, **Беляев**, **О. Б. Божков**, но Ваши

воспоминания самые детальные и потому — драматические. Пожалуйста, теперь о Хоровом училище Капеллы, это совсем незнакомая реальность...

В начале осени 1944 года Капелла вернулась в Ленинград из эвакуации. Хоровое училище объявило набор учащихся. Меня зачислили в третий класс и определили в интернат — как «особо нуждающегося»: отец погиб, мать — инвалид второй группы.

Спальня интерната находилась на третьем этаже правого крыла капелльского здания. Окна выходят в парадный двор. Место оживленное: проходными путями народ спешил с улицы Желябова на Мойку и Дворцовую площадь. Напротив — окна квартир жильцов левого крыла: вся коммунальная жизнь на виду! Капелльских служащих, испокон веку приписанных к дворцовому ведомству, некогда селили просторно. «Уплотнения» советских лет превратили отдельные апартаменты в задымленные, пропахшие керосином и стиркой коммуналкам. Бывшие придворные певчие сплотились и — выжили. По утрам из разных углов дворцового лабиринта — кроме парадного, Капелла имела еще семь проходных и тупиковых «непарадных» дворов — начинал стекаться на спевки и репетиции служилый люд разных поколений и чинов: хористы, солисты, концертмейстеры, дирижеры, школьники, сопровождающая их родня и многочисленные наставники-педагоги...

Палладий Андреевич Богданов выходил из левой подворотни в 8.45 утра с точностью кремлевского караула. Зимой, в тяжелой, глухо застегнутой до подбородка шубе, в меховой шапке, с папкой, он степенно пересекал двор. В гардеробе услужливые родители учащихся перехватывали шубу, несли на вешалку — Палладий Андреевич снисходительно принимал церемониальный обряд: в 9.00 он стоял у рояля. Опоздание — скандал!

Палладию Андреевичу немного за шестьдесят. В Капелле — с 1890-х, с регентских классов. Фотография подростка в длинной дохе украшает историческую экспозицию музейной витрины концертного зала. Палладий Андреевич любил вспоминать учителей — имена «звучали» — Римский-Корсаков, Балакирев, Лядов, Глазунов... Само имя — Палладий — уникально: цитирую словарь: «химический элемент, серебристый металл, встречающийся в природе вместе с платиной». Да и на слух — ПАЛЛАДИЙ — звучало торжественно и загадочно. Были времена, когда Палладий Андреевич практически заправлял всей Капеллой, теперь только хором Училища. Но профессиональный и нравственный авторитет его по-прежнему безусловен, хотя некоторая ущемленность проскальзывает, иногда совершенно неожиданно. Размеренный в движениях, небольшого роста, слегка склонный к полноте, с седыми висками и полированной лысиной, строгим пронизывающим взглядом, он при случае любил язвительно высмеять глупость и безвкусию современных обычаев и нравов. В его-то времена наставники были требовательны, в классах царил порядок, а сейчас... Мне кажется, что Палладий Андреевич признавал себя национальным достоянием, исторической достопримечательностью, современником великих русских мастеров и непосредственным продолжателем их традиций, носителем высшей художественной и этической истины...

— Это что у тебя? Ноты? Новая песня? Хорошая? В магазине на Садовой купил? Изволь — покажи.

Примерно так начиналась в середине спевки передышка- интермедия, режиссерски поставленная и актерски выверенная Палладием Андреевичем. В тот раз в его руках оказался популярный шлягер «По берлинской мостовой кони шли на водопой, шли, потряхивая гривой, кони-дончаки...». Он сел к роялю.

— М-да... Блям, блям... Блям-блям-блям! Два притопа, три прихлопа. Так кто-же такой бойкий сочинитель? А-а...Он член Союза Композиторов... Эс Эс Эс Эр. — Палладий Андреевич торжественно поднимал руку с указательным пальцем — Союза Советских Социалистических Республик! Это надо же!

И молча безглаголиво рассматривал обложку:

— А слова? Цезаря Солодаря... Каково — в одном лице! Ну, батенька, тут уж надо выбирать — или ты Цезарь, или все-таки Солодарь... Или Золотарь... Тоже известный, видать, пиит. Цена? Рупь сорок. Редкостная, доложу вам, вещь, но для меня дороговато...

Весь детский хор с затаенным вниманием слушал этот импровизированный монолог.

Как бы случайно уронив ноты, Палладий Андреевич продолжал, преувеличенно тщательно вытирая пальцы белоснежным платком:

— Прежде такие частушки орали пьяные кучера. В трактире. На Сенной. Бесплатно. Иногда правда получали по морде — от купцов. Или городских. И не обижались — знали поделом.

И кивнув на пол, небрежно бросал ученику:

— Прибери!

Подобные «антре» в адрес модных в ту пору «деятелей советской культуры» Палладий Андреевич демонстрировал нередко и, по сути дела, формировал в сознании юных музыкантов серьезную ценностную установку, профессиональную, эстетическую и этическую.

Как-то во время урока сольфеджио в коридоре раздался страшный топот, сопровождаемый радостными воинственными кликами: это взрослый хор Капеллы мчался в бухгалтерию занимать очередь за зарплатой. Палладий Андреевич прервал занятия, приложил палец к губам: —Тсс!

Шум в коридоре затих.

— Именно так стадо голодных буйволов мчится к реке на водопой в летнюю засуху. Не уподобляйтесь. Вы — Артисты. А Артист — это Творец Божьей милостью. Он должен ценить себя, блюсти достоинство Художника. Поезжайте к Александринскому театру, посмотрите как после репетиции из служебного подъезда выходит Юрий Михайлович Юрьев. Сразу видно — артист Императорского театра!

Палладий Андреевич иногда приходил в интернат и тогда выглядел по домашнему, усаживался на большой диван в холле и пребывая в благодушном настроении, рассказывал о своем ученическом бытии:

— Нянечек у нас не было, сами за собой убирали. А за порядком следили большие такие усатые мужики, казачьего племени. С ними не поспоришь: в охапку и в угол. Но скучно не было. Помню, в школьном театре ставили «Ревизора», я играл Добчинского. Сорвал аплодисмент!

Как-то Палладий Андреевич зашел вечером, когда в интернате заканчивался пионерский концерт, посвященный Дню Советской армии. Под песню «Вышли мы все из народа» мальчики в спортивных шароварах и футболках принимали выразительные позы, образовывали причудливые воинственные композиции, символизирующие мощь и непобедимость социалистического отечества.

— И всё? Опоздал! Вот досада! — огорчился Палладий Андреевич. — А может быть, еще кто-нибудь выступит, станцует, расскажет занятную историю или прочтет стихотворение?

Мы стали выталкивать нашего бойкого балагура Толю, развлекавшего нас по ночам разными байками и зловещими страшилками.

— Давай про солдата, — подзадоривали друзья.

Толя понял — деваться некуда, с отчаянием вздохнул и начал:

— Есть в штанах у солдата заветное место. Это место солдату дороже всего...

Воспитательница тяжело охнула, подняла руку, но Палладий Андреевич остановил ее: — Продолжай, Анатолий.

— Это место — карман, а в нем фото невесты, что в далеком краю ожидает его!

— Дальше я забыл, — выдохнул Толя, взглянув на воспитательницу.

— Ну и хорошо, — отозвался Палладий Андреевич.

Все заплодировали.

— Он ещё про Мурку знает, — подначивал кто-то из ребят.

— Спасибо. Про Мурку не надо, — засмеялся Палладий Андреевич, — я, кажется, эту песню где-то слышал. Пойдемте-ка в столовую, говорят у вас сегодня праздничный ужин.

И все гурьбой бросились на первый этаж.

Днем в столовую учащимся полагалось ходить только строем и занимать закрепленные места. Преимуществом свободного перемещения пользовались только старшеклассники. На малышня они смотрели снисходительно, трепали по затылку, щелкали по носу. Малышня огрызалась, но терпела. Кому-то из старшеклассников было около двадцати, кто-то еще недавно ходил в «сыновьях полка» и только что демобилизовался. Одеты в гимнастерки, кителя, бушлаты, телогрейки-ватники, галифе — то ли собственные, то ли отцовские, то ли купленные по случаю и перешитые под рост.

Интернатский быт отличался от быта домашних детей парадоксальным сочетанием режимной регламентации и безнадзорности. Трудно было «слинять» с утреннего хора, с дневных классных уроков, легче смыться с индивидуальных занятий по фортепиано или скрипке. И тогда при наличии четырех-пяти рублей можно было сбежать в кино на «Двух бойцов» или «Антошу Рыбкина», на американские ленты «Джордж из Динки-джаза», «Серенаду солнечной долины», «Сестру его дворецкого», на трофейные боевики «Тарзан», Индийскую гробницу», «Приключения Марко Поло», «Знак Зорро», «В сетях шпионажа», «Девушку моей мечты» «Трех мушкетеров» «Леди Гамильтон», «Судьбу солдата в Америке» и другие киношлягеры проклятого буржуазного Запада.

Пять рублей добывали, продав спрятанную во время обеда пайку хлеба. Хлеб в те годы, как известно, продавался по карточкам, но перед входом в булочную многие торговали ломтиками с рук — «по коммерческой цене». Хотя время было голодное, но зрелища иногда ценились дороже хлеба...

Прокат трофейных фильмов приносил существенный доход государству и для их демонстрации арендовались огромные зрительные залы дворцов культуры и крупных театров — Ленинского комсомола, Оперной студии Консерватории и др. Каждые полтора часа Театральная площадь блокировалась возбужденной толпой, в пробке останавливались трамваи и автобусы — один поток зрителей выходил из зала, другой тут же заполнял его. В пору религиозных праздников, на Пасху и Рождество, сеансы давались по ночам с целью отвлечь население от религиозного дурмана.

Пропустить новую серию «Тарзана» или «Индийской гробницы» было недостойно порядочного человека. По утрам, когда школьники шли на занятия, воинственные вопли Тарзана будили добропорядочных обывателей, а томную песню «Приходи ко мне, мой грустный бэби» из «Судьбы солдата в Америке» знал каждый старшеклассник; записанная на рентгенопленку с поврежденными тазобедренными суставами, дырявыми легкими или сломанном ребром стояла бешеных денег: тот, кто приносил ее на танцевальный вечер, надолго становился «кумиром публики».

В Ленинграде конца сороковых годов экзотическим мероприятием считалось у нас и посещение последнего кинотеатра немых фильмов. Он помещался в конце Невского проспекта, рядом с улицей Восстания. Там шла мопассановская «Пышка» — первый фильм Михаила Ромма с шикарной дивой Галиной Сергеевой, комиком А. Горюновым и зловещим А. Файтом. Нужно было прошмыгнуть в толпе взрослой публики и умело затаиться. Зато потом было чем поделиться со сверстниками. На затемненной эстраде рядом с экраном сидел за разбитым пианино пожилой человек и равнодушно-уныло импровизировал. Рассказывали, что так начинал карьеру молодой Шостакович, но этому никто не верил.

Идеологическим воспитанием в Капелле занимались не менее серьезно, чем художественным образованием. В 1948 году — я тогда учился в шестом классе — историк Федор Осипович Логунов и учительница русского языка и литературы Зоя Дмитриевна Козырева обстоятельно информировали нас о зловещей речи Черчилля в Фултоне, с которой началась «холодная война», о «ленинградском деле» изменников Родины, руководителях города Попкове, Кузнецове, Вознесенском. Еще весной мы видели их на трибуне перед Зимним Дворцом, а они, оказывается, уже сговорились сдать Ленинград Финляндии и и обречь население на рабство и нищету. Рассказывали и о лжеученых-генетиках, затравивших народного академика-правдолюбца Лысенко, о критиках-космополитах, низкопоклонствующих перед Западом. Для пущей убедительности старшеклассников водили смотреть спектакль Большого Драматического театра «Чужая тень» К.Симонова. Всеобщий любимец публики Виталий Полицеймако темпераментно срывал елейные маски с затаившихся ученых-вредителей — наши побеждали! На общем профсоюзно-партийном собрании с участием старшеклассников пламенно обсуждались постановления партии о журналах «Звезда и «Ленинград», о фильме «Большая жизнь», о репертуаре театров и порочной опере Вано Мурадели «Великая дружба», клеймили Зошенко, Ахматову, Эйзенштейна, единогласно принимали резолюцию: вместе со всем советским народом мы говорим наше твердое «нет!» зловредным формалистам — Прокофьеву, Шостаковичу, Мясковскому, Хачатуряну и, конечно, самому Мурадели...

Политические карикатуры и плакаты вывешивались в качестве наглядной пропаганды в коридоре, рядом с училищной стенгазетой. На школьных вечерах наш одноклассник Евгений Барков вдохновенно читал новые басни Сергея Михалкова про зреющий на наших отечественных бахчах удивительных размеров арбуз, то есть атомную бомбу, способную разгромить любого агрессора, о разного рода гнусных семьях, «где наше хаот и бранят, где с умилением глядят на заграничные наклейки, а сало — русское едят!».

В интернате нас наставляла разным житейским премудростям молодая бойкая вдова —солдатка, прибывшая к нам из гиблого тверского колхоза со своим восьмилетним сыном — нянечка Фрося.. Как-то утром она влетела в спальню и выдохнула: — Война... По радио сказали... С Америкой!».

Воспитательница, набросив халат, вышла из-за ширмы:

— Тихо! Врагу нас не сломить! Помните: наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами. Одеваемся и ждем указаний.

Старшие ребята кинулись к Фросе: — Сталин выступал? Что говорил?

— Не говорил Сталин, — отвечала Фрося печально — Всё говорил Левитан. Война, сказал, будет долгой.—Фрося напряглась, вздохнула и добавила: — Война умов... Вумственная, значит, война началась...

На минуту все опешили.

— Вумственная война! — закричал кто-то восторженно и с размаху шваркнул Фросю подушкой. — Вумственная! Это головой понимать надо, Фрося!

Подушечную бойню быстро пресекли, но оружие на случай настоящей войны у нас имелось. На прогулке в Михайловском саду кто-то из ребят в кустарнике нашел револьвер. Его тайно притащили в интернат. По ночам узкий круг единомышленников собирался в пустом классе: револьвер чистили, смазывали, прокручивал барабан и снова прятали в надежное место — в ранец, под тетрадки и книги и запихивали глубоко под шкаф. Опыт военных фильмов не прошел даром. Револьвер переходил из рук в руки, хранение его — дело рискованное и почетное. Из подвалов Гостиного двора кто-то притащил гранаты-лимонки, бикфордов шнур, дымовые шашки и спрятал на время в печке, но потом о них забыл. Утром после растопки старую кафельную печь сильно покорежило. По счастью, все дети были на спевке.

Однако «в стане русских воинов» грянул раскол, один из претендентов на лидерство в отместку за непризнание донес о револьвере воспитателю. Администрация в шоке: полгода боевое оружие находилось в руках детей — как объяснить такое «органам»? Револьвер спешно сдали в милицию, но не указали, когда именно он был найден: вроде бы только вчера... К счастью, дополнительных запросов не последовало и потому обошлось без репрессий... Повезло!

Между тем за идеологическим климатом в училище следили внимательно. Как-то Леня Осипов притащил изданный в серии «Библиотека советского романа» новенький том—«Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. Отец Лени трудился в наборном цехе типографии «Печатный двор», и рабочие решили порадовать друг друга любимой книгой. Но именно в это время «наверху» романы были объявлены клеветническими, переиздание сочли политической ошибкой и стотысячный тираж пустили под нож. А нам достался один из немногих спасенных от казни экземпляров.

Так в нашей подростковой жизни наряду с понятиями о враждебной «формалистической» «музыке, разлагающемся буржуазном джазе — «музыке толстых» — появилось понятие запрещенная литература. Список ее постепенно расширялся. Кто-то принес в класс безобидные фельетоны Аркадия Аверченко, «эротически романы» Михаила Арцыбашева, романтические повести почему-то попавшего в немилость Александра Грина. Такая литература воспитателями категорически изымалась: настала пора переходить на конспиративно-подпольный режим.

Сказки «Тысяча и одна ночь» разрешалось читать только в адаптированном изложении «Детгиза». Том полного академического издания сказок дал мне приятель под честное слово — на неделю. Обернув переплет бумагой, я написал на обложке «История средних веков» и погружался в радостное читательское сопереживание, но однажды, сильно увлеченный чтением, не заметил появления за спиной учителя математики Алексея Алексеевича Соколова. Скандал! Отдадим должное редкостному благородству и мужской солидарности: в субботу Алексей Алексеевич вернул опасную книгу, взяв клятву ничего крамольного в интернат больше никогда не приносить.

Рассказы Аверченко попались на глаза бдительной Зое Дмитриевне Козыревой. Она помрачнела:

- Как попала к вам эта белоэмигрантская мерзость?
- Нашли на скамейке в Михайловском саду. Кто-то забыл.
- Такие книги случайно не забывают. Нам их специально подсовывают враги.

Но репризы Аверченко уже вошли в разговорный обиход. Первая фраза его шуточной автобиографии — «Еще за двадцать минут до рождения я не знал, что появлюсь на свет» — вызывала гомерический хохот. Кто-то, вступая в комсомол, именно с нее и начал рассказ о себе и тут же был обвинен «в политическом недомыслии».

...Темой сочинения стала строчка из популярного тогда стихотворения: «За детство счастливое наше, спасибо родная страна!». Готовились основательно, Зоя Дмитриевна читала отрывки из «Детей подземелья», «Очерков бурсы», горьковской трилогии, цитировала Чехова «В детстве у меня не было детства».

— А ваше детство? — пафосно вопрошала Зоя Дмитриевна, ликуя, оглядывая нас — Государство дало вам все, о чем дети в капиталистических странах могут только мечтать. Вы родились в самой прекрасной стране, где нет нищеты, безработицы, и человека человеком. Вот ты, интернатский, — обращалась она ко мне — живешь на всем готовом! А ты ценишь это?

«Куском государственного хлеба» попрекали часто. И дело было не в дурном характере наставников, а в самой агитационно-пропагандистской догме, заложенной в базовые основы советской идеологии воспитания. Но при всей очевидности разрыва лозунгов с реальной жизнью и у детей, и у взрослых сформировалась некая привычка к обстоятельствам. Пропагандистские ритуалы и лозунги сливались с радостью праздничных коллективных ликований и входили в быт краской повседневной жизни как прочно укоренившийся ритуал, обряд, приветствие с добрым утром и пожеланием спокойной ночи. К тяготам послевоенных лет привыкли, старались к ним приспособиться и потому даже

очевидная несовместимость пропагандистских заклинаний и жизненных реалий не травмировала психику, а воспринималась обыденно и подчас даже становилась поводом для озорных игровых импровизаций.

— Да, ответь нам, как ты ценишь неустанную заботу о тебе партии и государства?

Ребята живо включались в игровую ситуацию, демонстрировали глубокую озабоченность и невероятную заинтересованность диалогом. Зоя Дмитриевна продолжала, загибая пальцы:

— Одежду — дают, обувь — дают.

— Раз! Два! — дружно отвечал класс

— Бесплатное трехразовое питание...

— Три! Четыре! Пять! — неслось в ответ.

— Усиленное и дополнительное, — назидательно уточняла Зоя Дмитриевна.

(На наших продовольственных карточках стояла печать — УДП — аббревиатуру расшифровывали: «умрешь днем позже»).

— А сколько средств тратит государство на ваше обучение?

— Шесть!

— Сколько прекрасных дорогих музыкальных инструментов приобретает!

— Семь!

— Вам открыты все дороги! Вы можете стать музыкантами...

— Восемь!

— ...учеными...

— Девять!

— ...писателями...

— Десять!

— .. да кем хотите!

— Одиннадцать!

— И все это вам дала Родина, рабочий класс, партия и правительство, Ленин и Сталин. Помните об этом всегда!

Интонация Зои Дмитриевны ничего хорошего не предвещала, доводы становились столь весомыми, что подсчитывать государственные добродетели становилось рискованно: игру надо было заканчивать примирением сторон. К тому же теперь предстояло писать сочинение... За него я получил 5/2 — отлично за грамотность и двойку за неряшливый почерк, что было вполне справедливым. Зоя Дмитриевна вызвала меня к себе домой. Жила она рядом и вполне бескорыстно по вечерам натаскивала ленивых интернатских ребят. Дома она сбрасывала с себя крикливую маску «горлана-главаря», смягчалась, поила чаем с конфетами-подушечками. А утром снова преображалась в лихую комиссаршу, гремела на линейке:

— Как стоишь? Почему рука в кармане? Ботинки кто за тебя будет чистить? В советской стране лакеев нет. Где дневник? Забыл? А что товарищ Сталин сказал на XVIII съезде партии? Дуракам закон не писан! Не знаешь? А пора бы знать: скоро в комсомол вступать!

И в самом деле — мне исполнилось 14 лет, хотелось поскорее войти в корпорацию старших, получить солидный документ с фотографией и печатью, платить членские взносы — 20 копеек в месяц и решать важные вопросы текущей политики на закрытых от «несоюзной молодежи» собраниях, «избираться и быть избранным».

Бюро заседало под надзором завхоза-парторга:

— Ну, дорогой товарищ, ответь нам: что такое демократический централизм?

— Выборность руководящих органов сверху донизу.

— Так, верно... А с чем должен бороться комсомолец?

В голове замелькали параграфы Устава:

— С пьянством, хулиганством, с нетоварищеским отношением к женщине.

Послышался смешок, я решил уточнить:

— Так написано. — И добавил: — И к мужчине. Тоже. В общем — к людям.

Все развеселились.

— А что такое нетоварищеское отношение к женщине?

Я напрягся, но завхоз взвизгнул резким фальцетом:

— Прекратите балаган! Ты лучше ответь комсомолу, где ты отсиживался зимой сорок первого—сорок второго года?

Он держал в руках мою автобиографию. Я ответил заученной фразой: «С 9 августа 1942 года по 11 января 1943 года находился в городе Пятигорске, временно оккупированном немецко-фашистскими захватчиками».

— Советские люди добровольно не оставались у оккупантов, они уходили в партизаны, — отчеканил завхоз.

Ребята растерянно молчали. Кто-то спросил:

— А тебе сколько лет было?

— Восемь. С половиной.

— С половиной, — повторил комсорг. — Ты с кем туда приехал?

— С матерью. С тетей. Эвакуирован из блокадного Ленинграда с Педагогическим институтом имени Герцена — оттараторил я.

— Вот институт и виноват, что привез их в Пятигорск, — подхватили голоса. — Устав знает, учится хорошо, дисциплинирован. Принять, принять!

— Раз товарищи тебе верят — примем, — заключил завхоз, но ты, как никто другой, должен оправдать доверие коллектива. На тебе лежит особая ответственность! (Кто-то зловеще иронически прошипел: «Пятно!»)

Послевоенный Ленинград пестрел плакатами. Рабочий-строитель лихо кладет кирпичную стену дома и жестом призывает прохожих поучаствовать в деле. «А ну-ка взяли!» — девушка в комбинезоне и косынке наклонилась над груженными носилками в ожидании помощника. С заборов, строительных лесов призывно улыбались сварщики, механики, крановщики, шоферы, юные ремесленники..

Разумеется, на плакатах отсутствовали фигуры тех, кто с раннего утра штукатурил Зимний Дворец, Главный штаб, в Капелле разбирали разрушенный подъезд царской ложи, тянул по коридором училища трубы парового отопления—пленных немецких солдат. Общаться с ними категорически воспрещалось, хотя они были совсем не похожи на тех, воинственных и обозленных, которых я помнил по Пятигорску. Здесь они заискивающе улыбались, мастерили из бумаги какие-то фигурки и ставили их на подоконники. Впрочем отвлекаться

от дел у них практически не было возможности — за работой следил прораб, отдавая указания на немецко-русском матерном наречии. У пленных своя иерархия: кто-то распоряжался, кто-то трудился. У подъезда во дворе стоял конвойный, он сопровождал немцев, когда кто-либо из них выходил за строительным материалом, досками, цементным раствором.

Для традиционных юбилейно-представительных празднеств в Мариинском театре училищный хор часто объединяли с хором Дворца пионеров и оркестром театра. Присутствие на сцене массы детей, как тогда выражались, «самого привилегированного класса Советской страны», радовало и умиляло номенклатурную публику — сказано же еще Екатериной Великой — «народ, который поет и пляшет, зла не думает» Ну а уж детский народ — тем паче.

Правительственные мероприятия проходили торжественно и с размахом. Дети вымыты, пострижены, причесаны, обряжены в шелковые блузы, пионерские галстуки. После официального доклада и неизбежных здравниц трибуну со сцены уносили, поднимался занавес — звучала непременная «Кантата о Сталине». Далее — ораториальная, оперная, балетная классика, патриотические сцены из «Ивана Сусанина», «Князя Игоря», фрагменты из драматических историко-революционных спектаклей.

В ряду санкционированных официозных произведений конца 40-х годов — хор «Ликуй, Октябрь» профессора Консерватории А.Егорова, соученика, ровесника, коллеги и соперника Палладия Андреевича.

Могучий сводный хор гремел:

«Ликуй, ликуй , Октябрь, рождение нашей славы
Звучи, звени и пой над нашею страной
Победной песней, всенародным счастьем ,
Горячей человеческой весной!»

С этой самой весной вечно случались какие-то неувязки, ее почему-то объявляли то «героической», то «замечательной». В результате каждый пел по-своему и расслышать, что это за весна оказывалось совершенно безнадежным. Впрочем, номенклатурная публика не задавалась такими лексическими загадками, бурно аплодировала, вызывала автора. Убеленный академическими сединами профессор Егоров благодарно кланялся, а его старый коллега капельмейстер Богданов, стоя за кулисами, многозначительно-лукаво улыбался.

На летние каникулы домашних детей забирали родственники, а интернатских отправляли в пионерские лагеря. Своего лагеря у Хорового училища не было и нас присоединяли то к лагерю Дворца Пионеров в Вырице, то к лагерю военного завода имени Фрунзе в Приозерске, то к лагерю Профсоюза местной промышленности в Сиверской или к кому-либо еще. За песни лагерное начальство нас любило — мы здорово украшали разные показательные сборы, костры, линейки В памяти остались обрывки мелодий и слов: «Никто пути пройденного у нас не отберет» — звучало угрожающе и боевито. К первым послевоенным выборам в Верховный Совет А.Новиков сочинил песню на слова Л.Ошанина. Сохранилась листовка:

Ведь не даром, друг мой кровный, мы, ровесники побед,
Выбираем наш Верховный, самый мудрый наш Совет.
Мы в боях сильнее стали, стали крепче и умней,
Потому что с нами Сталин — лучший из людей.

В «лучших людях» числились и славились и другие приближенные к Вождю важные персоны — красный маршал Ворошилов, «всесоюзный староста» и друг детей Калинин, славный вождь ленинградских большевиков Жданов. Мы задорно пели: «Спасибо Жданову Андрею, что все дела у нас на редкость хороши!».

После Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Праге в 1947 году многие наши хоровики-преподаватели вернулись, сильно возбужденные заграничными впечатлениями. Наш концертный репертуар обогатился «Гимном демократической молодежи мира» А. Новикова: «Эту песню запекает молодёжь, молодёжь, молодёжь! Эту песню не задушишь не убьешь, не убьешь, не убьешь!». Александр Александрович Патрикеев, недавний фронтовик, рассказывал о триумфальном успехе советской делегации как о подлинном признании коммунистических идей во всем мире настолько убедительно, что даже нам, подросткам, передавалось гордое чувство патриотической причастности...

В последние годы учебы, в 1950–52 годах главной фигурой для нас стал Георгий Александрович Дмитриевский. Он возглавил Капеллу в 1944 году, когда Ленинград еще был в развалинах. Дмитриевскому не было и пятидесяти, но выглядел он гораздо старше. Высокий, грузный, с мрачным не улыбающимся лицом. При его появлении в классе, в коридоре, в репетиционном зале мгновенно устанавливалась тишина, и негромкий, но жесткий, властный голос был хорошо слышен всем. Дирижерский жест отчетлив, иногда резок, суховат, лицо непроницаемо, но умением извлечь из исполнителей сильную эмоцию, живое чувство он, безусловно, владел.

Руководить Капеллой Георгий Александрович был назначен Москвой. Возможно, он чувствовал себя высланным из столицы, а в Ленинграде — «пришлым», «чужаком». Он без особого интереса слушал наши рассуждения на заданные темы, но зажигался, когда был повод вернуться к московской музыкальной жизни, рассказывал о Синодальном училище, о Кастальском, Данилине, о 20-х годах, о музыкантах «Проколла», о композиторе А. Давиденко, к которому явно питал особые симпатии, садился к роялю, исполнял фрагменты его хоровых сочинений. .

В начале 1950-х Георгий Александрович серьезно заболел, и его поместили в «Свердловку» — привилегированную больницу для смольнинской элиты. Как-то, уже во второй половине дня, спешно собрали в интернате ансамблевую группу, во двор въехала лакированная «правительственная» машина «ЗИС-110», которую мы видели только на парадах и в кино. Туда втиснули едва ли не половину «артистов», за остальными «ЗИС» приехал вторым рейсом. У ворот больницы постовой всех построил, пересчитал и провел в клуб. Там уже собрался весь вельможный бомонд, в центре, в мягкой пижаме расположился Георгий Александрович, по стенке — врачи, сестры, санитарки... Программу приняли «на ура», в заключение Георгий Александрович сказал благодарственные слова, кто-то из персонала вручил артистам коробки со сладостями. На выходе нас снова пересчитали и к общему восторгу на «ЗИСе» доставили в капелльский двор...

...По прошествии многих лет понимаешь, как бескорыстно, щедро наши наставники делились с нами умом, знаниями, личным и профессиональным опытом, добротой, любовью, преданностью искусству. Понимаешь, сколь много вобрали мы в те непростые, трудные, но вместе с тем и замечательные, неповторимые отроческие годы. Но дело не только в умело и любовно разбуженным

нашими учителями стремлении постичь таинственное волшебство подлинного творчества, ощутить преемственность традиций музыкального вкуса. Капелла помогла мне определиться в системе жизненных ценностей, осознать себя профессионально, нравственно, этически, помогла почувствовать и осмыслить сложность и многоцветье жизни, научила понимать людей и самого себя. Капелла воспитала способность к сопереживанию — человеческому и творческому, научила оставаться верным себе в сложных житейских ситуациях, привила чувство оптимизма, юмора, самоиронии. Наконец именно Капелла научила жизнестойкости, моральной выносливости, упорству в достижении цели.

По-видимому, основная часть выпускников Капеллы выбирала себе профессию музыканта или певца. Каким путем Вы пошли?

...Лето 1952 года. Друзья-одноклассники почти все поступили в Консерваторию, я же не ощущал в себе выдающихся музыкальных способностей и с надеждой смотрел в сторону кино и театра, жизнь которого — публичную и закулисную, — я в общих чертах знал.. Со школьных лет я много фотографировал — «пейзажи», «портреты», «натуру», год ходил на лекции в Эрмитажный лекторий, штудировал трехтомную «Историю живописи» Муттера, доставшуюся в наследство от дяди Миши. В августе мать и тетя Миля собрали какие-то гроши, привели в порядок костюм, которым на прощанье одарили меня в интернате, и я отправился покорять Москву — в Институт кинематографии с намерением поступить на операторский факультет. Выяснилось, что для этого недостаточно иметь диплом о среднем музыкальном образовании, непрофильным для ВГИКа, требовался стандартный школьный аттестат зрелости. Фотоработы никто смотреть не стал, посоветовали окончить вечернюю школу и приехать через год. Мысль о школе меня совершенно не увлекала, надо было искать работу. В дипломе написано: дирижер хора, педагог пения. С ним я пришел в Дом пионеров Свердловского района, что на углу 17-й линии и Большого проспекта Васильевского острова.

Директор Сергей Сергеевич Воронцов встретил меня доброжелательно, но направил на собеседование в райком комсомола к секретарю Калинину, ответственному «за подбор кадров». Преисполненный ответственности начинающий функционер сразу схватился за привычный мне «пятигорский» сюжет, но поверил на слово, что я не сотрудничал с гестапо, с гитлерюгендом, готов идеологически безупречно воспитывать подрастающее поколение и дал санкцию на зачисление в штат. Сергей Сергеевич тут же продиктовал художнику табличку: «Хоровой класс. Руководитель В. Н. Дмитриевский». Добрый и энергичный человек, он собрал толковых и симпатичных педагогов, они любили детей, самозабвенно учили музыке, декламации, пению, танцам, живописи, скульптуре, фотоделу, туризму... Ко мне, восемнадцатилетнему, самому юному и неопытному, здесь отнеслись тепло и заботливо.

Однажды по совету одной из сотрудниц я отправился в Театральный Институт на Моховую, 34: ей стало известно, что в связи с не укомплектованностью театроведческого факультета там объявлен «срочный добор». На предварительном собеседовании я не проявил глубоких познаний, но два других претендента оказались еще слабее, а администрации было необходимо любой

ценой заполнить «количественный вакуум» — тут уж не до качества!. Поэтому мне объявили о зачислении, велели принести автобиографию, характеристику с места работы и заполнить многостраничный «Личный листок по учету кадров».

Документы принимал заведующий учебной частью Василий Трофимович Васильчук, молчаливый, маленький, похожий на деловитого ежа. Когда он дошел в анкете до проклятой графы и прочел: «в течение шести месяцев находился на оккупированной территории», он обомлел, поняв какую совершил политическую ошибку, не затребовав мои документы до конкурсного собеседования. Васильчук собрал бумаги отправился к ректору Николаю Евгеньевичу Серебрякову. Я простоял в коридоре больше часа. Наконец утомленный Васильчук вернулся с визой: «Зачислить на первый курс с условием ликвидации академической задолженности в течение года». Мне надлежало сдать двенадцать зачетов и столько же экзаменов. Сегодня я размышляю: что же произошло? Не потому ли Серебряков принял судьбоносное для меня решение, что знал ситуацию не понаслышке — он сам в августе сорок второго героически вывел из Пятигорска студентов и преподавателей института за день до оккупации.

... А спустя неделю радость нового студенческого бытия омрачилась: умер Сталин. Митинг открыл седовласый парторг Иван Васильевич Локтев, его сменяли по рангу — ректор, секретарь профкома, комсорг, заведующие кафедрами... Ритуал внезапно нарушил актер-первокурсник Сергей Дворецкий: он вырвался на трибуну с требованием немедленно принять его в ряды Коммунистической партии — «в этот тяжелый для планеты день». Все замерли, руководство замешкалось. После тягостной паузы Локтев безжалостно сбил высокую патетику обыденной фразой: партбюро рассмотрит вопрос в плановом порядке. Эффектное «антре» провалилось. Раздосадованный Сергей кинулся на вокзал и успел в переполненном поезде приехать в Москву на похороны Вождя.

Вечером студенты собрались в общежитии скорбно почтить память Отца народов, но по ходу поминок возникли разногласия в оценке его исторической роли. Игорь Озеров, впоследствии известный актер, отозвался о Вожде недостаточно патетично, дискуссия переросла в пошлый мордобой. Инцидент, к счастью для его участников да и для руководства удалось замять, но тревожный и неприятный осадок остался.

Как-то, желая привлечь внимание очаровательных студенток актерского факультета, я на поточной лекции историка Е. Д. Валивача вступил с ним в непринужденную полемику на тему — в чем все-таки масштабное различие всемирно-исторического значения партийных съездов — например XVII, XVIII и XIX, в чем нас так пламенно убеждал преподаватель? Доцент задумался, по аудитории прошел смехок. Мой успех у прекрасной половины аудитории оказался эфемерным, зато меня тут же вызвал на профилактическую беседу Локтев. Он предложил выбор — или прекратить наглые и двусмысленные политические провокации, или немедленно покинуть Институт...

Случилось мне близко видеть Локтева весной 1956 года, когда ему предписали ознакомить партийцев и комсомольцев с разоблачительным докладом Хрущева на XX съезде партии. От интеллектуального напряжения физиономия парторга приобрела багровость, на лбу выступил пот. Он строго предупредил: всякие обсуждения запрещены, детали доклада широкой огласке не подлежат, в беседах с беспартийными надлежит ориентироваться на программные статьи

«Правды». — «там всё сказано, что им надо знать!». Локтев напрасно беспокоился: новостные программы Би-би-си, «Голоса Америки», «Свободы», «Немецкой волны» уже сообщили о событиях всем слушателям, независимо от их партийной принадлежности.

...Первые деньги я стал зарабатывать еще учась в старших классах Хорового училища. Зачумленные работой и бытом родители нерадивых малолеток оплачивали мне «репетиторство», подготовку с ними домашних заданий. Когда мне исполнилось шестнадцать и я получил паспорт, меня стали брать в летние лагеря пионервожатым. На эти заработки я приобрел наручные часы «Победа» и фотоаппарат «Зоркий», он стоил 800 рублей. Уже работая в Доме Пионеров я скопил 600 рублей на радиоприемник «Рига-6» с коротковолновым диапазоном — редкость по тем временам.

Часы и фотоаппарат вызвали у тетушки одобрение — повседневная жизнь должна быть упорядочена (часы!), а аппарат предполагал возможность ремеслом фотографа заработать «кусочек хлеба». Зато появление радиоприемника тетушка встретила с тревогой. И не без оснований. В первую же ночь я стал искать в эфире «враждебные голоса». Сквозь вой глушилок нащупывалась, наконец, щель, в которую просачивался вкрадчивый голос Анатолия Максимовича Гольдберга, независимого комментатора Би-би-си, повествующего о кровавых судебных процессах в странах народной демократии, о судьбе так называемых репатриантов, насильно возвращаемых из Европы в советские концлагеря... Иногда проклевывались «Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна». Конечно, всему верить было трудно, но многое совпадало с циркулирующими слухами, да и собственный «эвакуационный» опыт и повседневные впечатления не проходили даром, оставляли свой след и давали повод для раздумий. По «Голосу Америки» я впервые услышал фрагменты «Теркина на том свете» Твардовского: «Уж кому-кому не знать, как не нам, солдатам // Что ходить случалось в бой чаще просто с матом...». А мы—то думали — «За Родину! За Сталина!».

В пору моего студенческого бытия между будущими режиссерами, актерами, театроведами существовали определенные возрастные и статусные барьеры. Самыми инфантильными и шумными были, конечно актеры—вчерашние школьники. Тогда еще существовало раздельное обучение мальчиков и девочек и потому уже сам приход в Институт пьянил раскрепощенностью поведения, романтической поэзией неожиданных прикосновений, совместными занятиями по пластике, танцам, сценическому движению, вокалу и актерскому мастерству. Сколько волнующих этюдных импровизаций, воображаемых драматических коллизий и сюжетов!

Театроведы серьезнее и солиднее, они «теоретики», историки, эксперты, критики, судьи — были лишены этих радостей волнующих отношений и потому смотрели на легкомысленную актерскую братию с некоторым превосходством, но на самом деле с затаенной завистью.

Самой элитарной когортой выступали режиссеры — творцы спектаклей. Они приходили в институт, как правило, более взрослыми, оснащенные профессиональным и житейским опытом, уже имея за плечами какое-либо образование — университетское, педагогическое, иногда и техническое. Первокурсникам актерам и театроведам подчас было трудно отличить студентов-режиссеров

от педагогов. Они с достойной неспешностью перемещались по коридорам и аудиториям, как бы не замечая мельтешной суеты, им уступали дорогу и в буфет пропускали без очереди.

Во главе кафедр стояли авторитетные фигуры. Появление в холле Леонида Сергеевича Вивьена внушало почтительный восторг. Один из основателей Института, профессор, народный артист, лауреат многих премий, руководитель старейшего императорского Александринского театра — ныне Академического Театра драмы имени Пушкина В собранной им труппе корифеи: Николай Черкасов, Николай Симонов, Александр Борисов, Екатерина Корчагина-Александровская, Юрий Толубеев, Василий Меркурьев.... Сам Вивьен величественно-масштабен, ярост, «фактурен» — полный, лысеющий барственный мужчина с крупными чертами лица, в роговых очках, с массивной тростью и темно-коричневой дымящейся трубкой. Примерно так, только со зловещим оскалом золотых зубов и толстой сигарой, изображали в журнале «Крокодил», на агитплакатах, в кино западных акул-капиталистов, «мистеров-твистеров — владельцев заводов, газет, пароходов».

Подчеркнуто артистичны, и даже изящно-изысканны коллеги Вивьена — Борис Вульфович Зон и Леонид Федорович Макарьев. Они с 1920-х годов работали в Ленинградском ТЮЗе у А. А. Брянцева. В середине 1930-х Зон вместе с молодыми студийцами «отпочковался» и образовал Новый театр юных зрителей. В годы войны труппа распалась, Зон целиком ушел в педагогику, а Макарьев продолжал играть и ставить спектакли в старом ТЮЗе и заведовать кафедрой актерского мастерства в Институте.

Событийным воспринималось торжественное появление в Институте Елизаветы Ивановны Тиме, грузной пожилой дамы, а некогда очаровательной примадонны Александринки; как гласила передаваемая из поколения в поколение легенда, особое внимание ей оказывал император Николай Второй. Теперь Тиме выходила на сцену редко, но успешно выступала с чтецкими концертами и вела актерский курс.

Театроведческий корпус с послевоенных лет возглавлял крупный элегантный мужчина с гладким, как бильярдный шар, черепом и бурной, но не всегда внятной экспрессивной речью профессор Сергей Сергеевич Данилов. Автор учебника по истории русского театра, в сороковые годы внезапно изъятый из обращения по каким-то неведомым идеологическим причинам — то ли в связи с «ленинградским делом», то ли с кампанией против «формалистов-космополитов», то ли просто «заодно». Профессор любил эпатировать аудиторию неожиданными экспромтами:

— В провинциальном городе вы посмотрели «Бесприданницу» и спешите в гостиницу. Полночь, пьесы под руками нет, но через час редактор газеты ждет от вас рецензию — она идет в утренний номер. Извольте сочинить. Время пошло!

Другой экспромт — на моментальную реакцию и профессиональную эрудицию:

— Здравствуй! Садитесь» Как звали дедушку Чацкого? Отвечайте!

В ответ — задумчивое мычание, робкие догадки, шепот. После сильно затянувшейся паузы кого-то осенило: «К вам Александр Андреевич Чацкий» Ага! Значит отец Андрей! А дед?

— Bravo! — саркастически восклицал профессор. — Стыд! Неучи! Напрягитесь умишком! «Как Фамусов представляет Чацкого Скалозубу? «Андрея Ильича покойного сынок». Значит дед —кто?

— Илья! Конечно Илья! — возбужденно гудит нестройный хор, надеясь на примирение с раздраженным мэтром.

.. Разные преподаватели, несхожие характеры, темпераменты, авторитеты... Всеволод Васильевич Успенский читал русскую литературу тихо и вкрадчиво, будто о прошедших вчера событиях, мягко улыбался: наша неосведомленность его больше умиляла, нежели огорчала: поистине невежеству нет предела, как и совершенству. Елена Львовна Финкельштейн, тонкий знаток европейского театра, вынуждена была читать еще и новый курс — театр стран народной демократии. И после эмоциональных дифирамбов французским примадоннам мадам Клерон и Дюмениль, мадемуазель Жорж, ей приходилось столь же восторженно — положение обязывало! — пересказывать «шедевр» современного чешского драматурга Вашека Кани «Бригада шлифовальщика Каргана»: бдительный рабочий сумел в борьбе с происками вредителей вывести своих товарищей в передовики. Лидия Аркадьевна Левбарг, своей изысканностью конкурирующая с британской королевой, рассказывала об удивительных преображениях английского актера Дэвида Гарика. Марианна Григорьевна Португалова повествовала о русском театре, не чураясь иногда игривых интонаций и пикантных подробностей: видимо, сказывалось сценическое прошлое: в 20-х годах она танцевала на опереточных подмостках: «Между прочим, зрители бельэтажа во время некоторых водевильных спектаклей незаметно скрывались в аванложах и, как свидетельствовали капельдинеры, не одно канapé поломали...» — с вкрадчивой невозмутимостью и даже показным равнодушием сообщала она аудитории.

Институтская жизнь кипела. На занятиях и в кулуарах обсуждали мемуарную повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», скандальный роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», пьесу Александра Володина «Фабричная девчонка» и спектакль Театра им. Ленинского Комсомола, где в главной роли строптивой Женьки Шульженко блистательно дебютировала юная Татьяна Доронина. Студентам разрешили поставить капустник: в кулуарах озвучили смелые эпиграммы: «Когда-то здесь ходил Сушкевич... Теперь здесь ходит Андрушкевич». Мастер курса А. Музиль, он же режиссер Александринского театра выпустил премьеру по бездарной конъюнктурной пьесе А.Якобсона «Шакалы». В холле появился плакат: «Поднимем «Шакалов» и сдвинем их разом! // Да здравствует Музиль, да скроется разум!» .

Преподаватели напряглись: очевидны признаки молодежного авангардизма, ревизионизма, скептицизма, нездорового критиканства — ох как далеко оно может завести! Но ректор Серебряков представление разрешил, на капустники все развеселились, размякли, наставники вспомнили молодость — тогда еще не такое случалось...

Во время производственной практики студентов прикрепляли к литературным частям театров и поручали «обрабатывать поток», читать пьесы разнообразных графоманов. (За серьезными драматургами театры сами охотились). Ссориться с авторами нельзя — они тут же жаловались в «инстанции» на злонамеренную недооценку театром актуальных жизненно-важных для советского общества проблем. Мы осваивали навыки канцелярской казуистики: отвечать

сочинителям следовало уважительно, достойно, но в то же время категорично: мы чрезвычайно ценим ваше внимание к театру, в пьесе много волнующего, интересного, но репертуар уже сверстан и утвержден на несколько сезонов вперед и театр с сожалением возвращает пьесу. Иногда особенно продуктивные и нетерпеливые графоманы пытались ускорить ход событий: не дожидаясь ответа, присылали новый вариант с припиской: «Вам будет интересно сравнить!».

Но самым заманчивым для практиканта было попасть на репетицию готовящейся премьеры. В Новом театре Николай Акимов ставил «Весну в Москве» В. Гусева и «Европейскую хронику» А. Арбузова. Смелая выдумка, неукротимая фантазия, артистизм, ирония, юмор, сарказм, высокая эрудиция, вкус Акимова, наконец, внутренний оптимизм и естественность в общении, самоощущение художественного таланта и личностного достоинства покоряли всех.

Бурное кипение сценической жизни происходило в ту пору на Петроградской стороне, в Театре имени Ленинского Комсомола, у молодого Георгия Товстоногова. За спектакли «Из искры...» — о революционной юности Сталина, и «Дорогой бессмертия» — о судьбе чешского писателя-антифашиста Юлиуса Фучика Товстоногов награжден Сталинскими премиями. Совсем скоро, в 1956 году, он возглавит Большой Драматический театр, а Акимову разрешат вернуться в его «Комедию». Так начнется взлетный виток поединка-соперничества двух выдающихся мастеров сцены.

В самом же Театральном институте мало что менялось. Засилье общественными дисциплинами, перекосы в учебной программе привели к тому, что даже изучение иностранных языков шло в формате добровольного факультатива. Зато декан факультета Виктор Иванович Горчаков с истинным большевистским рвением развешивал на занятиях по предмету «Организация творческого процесса» красочные таблицы, схемы, графики административных соподчинений и в правом углу крупным шрифтом оповещал: «Коммунистической партии и Советскому правительству посвящая». Горчаков ставил свою подпись и удостоверял её подлинность гербовой печатью Института. Впоследствии, выйдя на пенсию, Горчаков в качестве внештатного инструктора райкома партии приходил в ТЮЗа и требовал от меня как заведующего литературной частью, оценить идеологическую значимость текущего репертуара по пятибалльной системе. Естественно, я отказывался, убежденный в том, что в театре идут только идеологически безупречные спектакли. Горчаков объявил меня злостным демагогом и угрожал снять меня с работы за политическую близорукость...

После смерти Сталина время стремительно ускорилося и поражаало воображение все новыми сенсациями. Уже через две недели, 27 марта 1953 года принят Указ Верховного Совета СССР «Об амнистии». В апреле сообщено о прекращении дела «кремлевских врачей-вредителей» и реабилитации великого режиссера и актера С.М. Михоэлса. В июне М. М. Зощенко восстановлен в Союзе писателей. В июле Пленум ЦК КПСС разоблачил антипартийную и антигосударственную деятельность Л.П. Берии..

В киосках «Союзпечати» еще валялась брошюра «Речь Л. П. Берии на XIX съезде КПСС»: сформулированные им «тринадцать признаков социалистической нации» зубрили к экзаменам выпускники школ, техникумов и вузов.

Теперь в ходе были частушки: «Растет в Гурзуфе алыча не для Лаврентий Палыча, // А для Никит Сергеича и Вячеслав Михалыча. (Первый — Берия, второй — Хрущев, третий — Молотов).

Другой вариант — плясовой, вприсядку: «Берия, Берия, вышел из доверия // А товарищ Маленков надавал ему пинков, // И от министра Берия остались пух и перия».

Не забыли «народные песельники» о «Деле врачей» и его жертвах — профессорах Вовси, брате Михоэлса, врачах Когане и Фельдмане: «Дорогой товарищ Коган, кандидат наук // Виновата это погань, Лидка Тимашук. // Дорогой товарищ Фельдман — ухо-горло-нос, // Ты держал себя как Тельман, идя на допрос. // Дорогой товарищ Вовси, до тебе я рад! // Это значит, что ты вовсе и не виноват...». Блатной надрыв в исполнении студентов-актеров причудливо смешивался с патетикой правозащитного пафоса.

В 1954 году в Ленинград приехал из Париже театр «Комеди Франсез». После многих лет отсутствия труппа выступала на своей традиционной петербургской площадке — в бывшем императорском Михайловском театре.

Ажиотаж среди публики всех поколений огромен, билеты дороги и в дефиците. Студенты нашли оригинальный способ проникновения на спектакли: сдав пальто в гардеробе Русского музея, перебежали площадь и размахивая номерками уверенно проходили мимо озадаченных билетеров: якобы, вышли проветриться и теперь возвращаемся в зал...

Сенсационными стали гастроли американской «Эвримен-оперы» с «Порги и Бесс» Дж.Гершвина, французских артистов Ива Монтана, Жерара Филиппа, мима Марселя Марсо, театра Жана Вилара, театра «Берлинер-Ансамбль» с Эрнстом Бушем и Еленой Вайгель, Будапештской оперетты с примадонной Ханной Хонти и неповторимым комиком Калманом Латабаром. Англичанин Питер Брук привез «Гамлета», итальянский «Пикколо-театр» Эдуардо де Филиппо — «Слугу двух господ». Американский пианист Ван Клиберн получает первый приз на Московском международном фестивале имени Чайковского и в ответ на овации импровизирует на тему «Подмосковных вечеров». Покидая СССР, артисты оставляют о себе не только неизгладимые впечатления, но и грамзаписи, телерепортажи, радиопередачи, киноролики, открытки, буклеты. Пресса фиксирует события и закрепляет их в массовом сознании как художественные эталоны.

Прекрасное время! В круг чтения возвращаются произведения Э.-М. Ремарка, Э. Хемингуэя, Дос-Пассоса, У. Фолкнера, «открываются» новые имена — Грэма Грина, У. Сарояна, Д. Селинджера, Г. Белля... В Институте «продвинутая молодежь» фамильярно-восторженно называет Хемингуэя Хэмом, отращивает бороды, носит глухие грубые свитера, вставляет его портреты в стекла книжных стеллажей. Восторг свободного межличностного общения проявляется по-разному, в пылкой дружеской искренности, в распространенном обращении друг к другу — «Старик!», в иронии к политике, к идеологии, в культе мужской дружбы, в независимости хлестких эпатажных суждений.

Конечно, мы, начинающие театроведы, ошарашены «возвращением в когарту» еще недавно неупоминаемых деятелей кино и театра, определивших смыслы и стилистику театра XX венка — Вс. Мейерхольда, А. Курбаса, А. Таирова, А. Ахметели, М. Чехова. Открываются поистине новые художе-

ственные миры! Горизонты представлений о жизни и об искусстве стремительно расширяются, картина мира предстает в удивительном разнообразии красок и смыслов. Институтские преподаватели вдохновенно разрушают обет вынужденного и позорного молчания, спешат выплеснуть пережитое, невысказанное, недоговоренное...

И перед зрителями, и перед творцами отчетливо обозначилась проблема выбора — художественного, мировоззренческого, гражданского и просто вкусового — выбора новых тем, метафор, стиля. Пафос нравственных исканий, стремления человека освободиться от гипноза многолетней лжи и произвола власти предполагал рождение нового сценического героя. Современная драматургия его еще не создала; театры обращаются к классике и прежде всего в бессмертном Гамлете находят опору для своих постановочных идей, ищут актеров, которые смогли бы совместить искренность эмоциональных порывов молодого человека и духовное напряжение его поисков. В Ленинградском театре имени Пушкина «Гамлета» ставит Григорий Козинцев с опытным Б. Фрейндлихом. В Московском театре драмы Н. Охлопков поначалу занимает в роли известного сорокалетнего кинокрасавца Е. Самойлова, но вскоре отдает заглавную роль совсем молодым, двадцатилетним М. Козакову и Э. Марцевичу. Успех грандиозный!

Привычными становятся поездки в Москву на премьеры Олега Ефремова в «Современнике», на спектакли А. Эфроса в Центральном Детском театре и в Московском театре имени Ленинского Комсомола. На московских поездках у студентов знакомые друзья-проводники, которые за пятерку устраивали их на свободные полки или оставляли в служебном купе. Москвичи тем же способом добирались на премьеры Товстоногова и Акимова. В каникулярные дни шел интенсивный «культурный обмен» — институтские общежития в Питере и Москве гостеприимно открыты, кто-то едет «квартировать» к друзьям, с антресолей достают раскладушки, родителей на время уплотняют, выселяют к родственникам и знакомым..

1957— год знаменательный — сорок лет Великого Октября. Театральные и киноафиши полнятся историко-революционными названиями, проводятся разного рода тематические концерты и научные собрания.. Нас, студентов последнего курса, обязали придти во Дворец Искусств на юбилейную конференцию. Собрались представители общественности, ученые, критики и большим числом артисты столичных и провинциальных российских театров — создатели сценических образов Вождя. Сегодня — их праздник! «Ленин всегда живой!», «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» — оповещают транспаранты на парадной лестнице, в фойе и в зале. Докладчики формулируют «концепции» сценических прочтений, анализируют спектакли, исполнители делятся творческим опытом. В перерывах между заседаниями, в кулуарах возбужденное настроение, в ресторане у стойки толпятся чем-то удивительно похожие персоны — по внешней «фактуре», по манере поведения, по пластике, по удивительно знакомой и узнаваемой интонации, усмешкам, восклицаниям. Коренастые крепкие бойкие мужички с легкой картавостью и снисходительной усмешкой выбирают меню, пальцы привычно теребят борт пиджака или сукно жилета, рука непроизвольно выбрасывается в приветственный жест... Природа таланта, правда характера, инерция мышления, сценический опыт, привычный штамп, наконец, предлагаемые обстоятельства властно берут свое!

Весной 1957 года мне вручили диплом театроведа. Что дальше? Журналистика? С третьего курса «Смена», «Ленинградская правда», «Звезда», «Театральный Ленинград» брали у меня для публикации краткие заметки и рецензии. Аспирантура? Меня живо интересовали архивы, старые газеты, журналы, мемуары. Служба в театре? Краткий студенческий опыт работы в литературных частях театрах, общение с литераторами, присутствие при рождении спектакля, репетиционный процесс, реакции зрительного зала — разве это не увлекательно? Важно было сделать выбор!

Виталий, пожалуйста, не томите... и каким был Ваш выбор?

Я не могу сказать, что после окончания Института проблема выбора была для меня острой и мучительной. Жизнь не требовала от меня решительных и немедленных действий и поступков. Реальные обстоятельства сами выстраивались таким благополучным образом, что мои интересы — журналистские, научные, служебные развивались параллельно, по своим орбитам, не мешая друг другу, но наоборот, образовывали своеобразную целостность профессионального и духовного развития.

К концу институтского курса я стал — разумеется, в пределах скромных возможностей начинающего молодого специалиста — печататься не только в ленинградских газетах и журналах, но и в московских журналах «Театр», «Театральная жизнь». Начиналось всё с маленьких информационных заметок, потом появились рецензии на спектакли, затем интервью, фельетоны, обзорные статьи по итогам сезона и пр. Начальной школой журналистики был для меня еженедельный «Театральный Ленинград».

...В Постановлении ЦК ВКП(б) 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград» констатировалось: для издания двух журналов в городе нет условий. Журнал «Ленинград» закрыли, осталась сильно «подчищенная» «Звезда». В ту свирепую пору издание даже сугубо информационной программки «Ленинградские театры» было рискованным предприятием.

Но — зерно брошено, и уже в 1949 году «Ленинградские театры» удвоились в объёме, тираж поднялся до семи тысяч. А в «оттепельном» 1957 году издание приобрело новый формат и изменило название на «Театральный Ленинград» Цветная обложка, иллюстрации, титульный лист, рубрики — «История ленинградских театров», «Актерские портреты», «Говорит зритель», «Актеры и роли», «Мастера эстрады», «О тех, кого не видит зритель», «Навстречу Октябрю», «Дебюты», «Наши гости»... Под текстами появляются авторские инициалы, а потом и фамилии критиков, интервьюеров, репортеров: «пробующие перо» дебютанты соседствуют с мастерами критического цеха. Тираж еженедельника достигает 11 тысяч, в толстой тетрадке 80 страниц — 5 печатных листов. На журнал объявлена подписка.

«Программность» издания реализовывал энергичный Наум Захарович Фрейдович. Благодаря ему малоопытный театральный зритель-читатель ориентировался в хитросплетениях оперно-балетных сюжетов, а многоопытный театрал просто отдыхал душой. «Татьяна не отрицает, что и до сих пор любит его, но теперь поздно: она останется верна своему мужу». («Евгений Онегин»). «Приходит и Жорж Жермон — он оценил душевное благородство Виолетты и согласен на её брак с сыном. Но поздно...» («Травиата»). «Ленин раскры-

вает перспективы революционной борьбы. Неожиданно доносится мелодия волжской песни «Камушка»... Ленин, вспоминая свое детство, подхватывает песню». (Последний эпизод — из оперы В. Мурадели «Октябрь», поставленной в Мариинском театре)

Редакция «Театрального Ленинграда» размещалась в цокольном этаже Театра имени Ленсовета, на Владимирском проспекте, 12. Фрейдович занимал крохотную каморку, там — древтрестовский письменный стол и пара шатких стульев. Авторы ждали приема у двери, из щелей которой пробивались сизые клубы табачного дыма. Фрейдович демократичен, темпераментен, прям в оценках и скор на решения. В ожидании аудиенции ветеран журналистики Моисей Осипович Янковский красочно описывал редактора журнала 1920-х годов «Жизнь Искусства» Гайка Адонца: тот брал текст, не читая выбрасывал первую и последнюю страницу принесенной автором статьи и кивал метранпажу: «В набор!». Такие экстравагантные поступки не в стиле Фрейдовича. Он весьма ценил внимание к журналу авторитетов, разговаривал с ними «аккуратно», но с молодыми не церемонился.

— Что там у тебя ещё? «Говорит зритель»? И что же он у тебя говорит? Впрочем — «связь с народом» то, что нам нужно. Но через неделю жду от тебя «Дебют». Чей? Да чей хочешь! Доронина и Басилашвили появились в Ленкоме. В БДТ взяли Смоктуновского. Кино смотришь? «Солдаты» видел? Правильно в роли Фарбера. Больше жизни, юное дарование. Да, кстати, в нагрузку: пять интервью народных артистов: «Что принес в мою жизнь Великий Октябрь» — в ноябрьский номер. Полно — никаких «но». «Я — ассенизатор и водовоз». Маяковский — ассенизатор, а ты нет? Чистюля! Хорошо: я ассенизатор, а ты водовоз. Устраивает? И — до четверга!

Иногда Фрейдович читал материал в присутствии автора. Это было тяжким испытанием для обоих. Фрейдович вытаскивал отдельные фразы, хмыкал, сардонически ухмылялся, откидывался на спинку стула с многозначительным «м-дааа....И это ты называешь «портретом»?». Но помогать «юным дарованиям» Фрейдович любил. Он доставал трепаный толстый блокнот со списком фамилий, некоторые были вычеркнуты, другие ждали своего часа.

— Ты ведь Капеллу кончал! Нам такие специалисты нужны. Пишешь о певцах. Записывай — Кривуля, Лаптев, Ярошенко, Преображенская... По три страницы и ни на строчку больше — ясно. «Социализм — это учет!». Кто сказал? Не помнишь... Плохо стали учить в нашем любимом вузе...

В молодежной газете «Смена» темпоритмы замедленные. Сонный заведомом культуры Георгий Бальдыш, с ним команда — по видам искусства, солидные переростки-комсомольцы. О событийных, как и о спорных спектаклях «Смена» вправе выступать только после их оценки в партийных изданиях и в рамках уже высказанных ими суждений. На откуп и собственное усмотрение газете отданы кукольные театры, ТЮЗ, театр Ленинского Комсомола, утренники новогодние представления, творческие портреты молодых актеров, дебюты... Зато «Смена» дает больше места, да и редактируют здесь нестрого, снимает очевидные ляпы, добродушно-снисходительно журит за штампы и банальности.

Редакции ленинградских газет размещались в старом здании на Чернышевой площади, потом переехали в новый издательский дом, на Фонтанку, рядом с Большим Драматическим театром. Не примут материал в «Смене», идешь

в «Вечерний Ленинград», в «Ленинградскую правду», в «Строительный рабочий», в «Ленинские искры», на худой конец — в «Блокнот агитатора»: здесь особенно ценились ликующие репортажи о юбилейных премьерах, предпраздничных творческих соцсоревнованиях, о шефских концертах «в рабочий полдень», проводимых под модным лозунгом «Союз искусства и труда» в заводских цехах во время обеденного перерыва, и пр.

1957 — год юбилейный: 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Но не только революции, а всего что ни на есть советского. Когда на рекламных стендах появились красочные афиши «40 лет советского цирка», разразился скандал: не провокационная ли это насмешка? Ленинградский партийный вождь Григорий Романов распорядился немедленно заклеить цирковую рекламу анонсами текущего театрального репертуара.

На государственном уровне отмечалось в 1957 году и 250-летие Петербурга-Ленинграда. Фактическая дата, конечно, 1953 год, но тогда было не до празднования, умер Сталин, разоблачали Берию и антипартийную группу Кагановича, Молотова, Маленкова, примкнувшего к ним Шепилова и лукавого соучастника Булганина. Историю вершили большевики — сдвинуть круглую дату ничего не стоило и 250-летие отметили четырьмя годами позже. Под юбилей мечталось, если не о манне небесной, то, по крайней мере, о клоке шерсти. Деловая предприимчивость и творческая фантазия театральной общественности активизировалась в разных направлениях, что и было соответствующим образом вознаграждено. 28-й номер «Театрального Ленинграда» известил: Н. Дудинская, К. Сергеев, А. Лариков, Г. Товстоногов, К. Лаптев, В. Полицеймако стали народными артистами СССР, других отметили званиями республиканскими, орденами, медалями, грамотами, добрыми напутствиями.

Но юбилеи приходят и уходят, а жизнь продолжается... Зачехлили флаги, сняли транспаранты, ликование сменилось размеренной повседневностью, надежды на открытие серьезного театрального журнала рассеялись. Власти обложили «Театральный Ленинград» жесткими ограничениями: сократили рубрики, убрали подписи авторов под статьями, отменили подписку, а вскоре неожиданно оборвалась жизнь самого Наума Захаровича Фрейдовича: он погиб по нелепой случайности на взлетной полосе аэропорта...

Параллельно со «свободной журналистикой» я хотел как-то внедриться в академическое театроведение и для начала поступил служить лаборантом научной части Института театра и музыки, а через год был принят в аспирантуру. Темой диссертации стала современная драматургия для детей, и естественно, что завершив трехлетнюю аспирантскую подготовку, я стал искать себе применение в сфере детского театра.

Если жизнь ленинградских театров мне, естественно, была известна, прежде всего, «снаружи», то внутренний механизм существования труппы в его производственных, творческих, бытовых связях я детально познал, когда два года прослужил заведующим литературной частью Театра юных зрителей.

В 1961 году основатель и многолетний — с 1922 года — руководитель ТЮЗа Александр Александрович Брянцев умер. А через год театр переехал с Моховой улицы, из здания бывшего Тенишевского училища, в новые апартаменты, специально построенные для него на Пионерской площади. Новым руководителем ТЮЗа стал тридцатипятилетний Зиновий Яковлевич Корогодский. После

окончания Ленинградского Театрального института — там его преподавателями были «тюзовец» Б. В. Зон и Т. Г. Сойникова — Корогодский десять лет прослужил в провинциальных театрах, потом вернулся в Ленинград, поставил у Товстоногова в БДТ «Неравный бой» В. Розова, пьесу о современных подростках, что, видимо, также способствовало его назначению в ТЮЗ.

С приходом Корогодского возрастная шкала тюзовского репертуара резко сдвинулась в сторону молодежного и взрослого зрителя. Брянцевский театр, как известно, принципиально не выходил за пределы школьной аудитории, а уже первый программный спектакль Корогодского демонстративно нарушил традицию, он повествовал о насыщенной событиями жизни недавних студентов, выпускников медицинского вуза, получивших назначение в деревенскую глубинку, в корабельную медчасть и столкнувшихся с трудностями реальной, а не приукрашенной флером официозной комсомольской романтики действительности. Повесть сразу ставшего популярным Василия Аксенова, напечатанная в массовом молодежном журнале «Юность», широко тиражируемая телевидением и множеством театров, приобрела огромный резонанс, она отвечала «настроению момента» прежде всего как знаковое явление, как свидетельство грядущих социальных, психологических, моральных перемен, связанных с вхождением в жизнь новых поколений. Ходили даже слухи, что «Коллег» собираются ставить в Париже, в «Комеди Франсез».

Директорствовал в театре Натан Михайлович Штейнварг, человек некогда яркий, энергичный, редкостного организаторского таланта, художественного и педагогического чутья. В Ленинграде рассказывали легенды о том, как в предвоенные годы ему удалось «оттяпать» у властей Аничков Дворец и создать совершенно уникальное учреждение — Дворец Пионеров со множеством художественных, технических спортивных студий и кружков, с театрально-художественной площадкой. Дворец стал центром детского творчества и гражданского воспитания многих поколений ленинградских детей. Но в лихие послевоенные годы Штейнварг попал в жернова антисемитской кампании «борьбы с космополитизмом» и «ленинградского дела»: руководство города расстреляли, административно-управленческое окружение разных уровней подвергли репрессиям, разгромили уникальный Музей обороны Ленинграда. Не миновали суровой «зачистки» художественные и научные сообщества — издательства, вузы, редакции газет, радио и пр.

Штейнварг вернулся из заключения в середине 1950-х годов человеком сломленным, испуганным, осторожным, и это, безусловно, влияло на климат в труппе. Натан Михайлович пытался привлечь к сотрудничеству молодых драматургов и режиссеров, но те искали более благополучные и перспективные театры. Чтобы «оживить» театр, Штейнварг как-то отважно обратился к Товстоногову. Тот, как показалось Штейнваргу, в телефонном разговоре, даже загорелся перспективой что-то поставить на тюзовской сцене и даже назначил встречу, но когда мы — директор, замдиректора и я в качестве завлита — прибыли в БДТ для конструктивной беседы, его строгая секретарша невозмутимо сообщила. Георгий Александрович срочно выехал в Смольный и никаких распоряжений не оставил. Видимо, пока мы добирались с Моховой на Фонтанку, настроение Товстоногова переменилось не в нашу пользу.

Надо отдать должное Корогодскому: он точно угадал тенденции развития массовой культуры и существенно поколебал представления публики и педагогической общественности о месте и роли ТЮЗов в сложившейся к тому времени художественно-воспитательной системе. Тем не менее, концепция «универсального театра» для всех возрастов заворожала многих: взрослые театры получили от Корогодского своего рода эталон современного развлекательного спектакля для детей и взяли его за образец типового детского утренника.

«Лицо» обновляемого ТЮЗа увлекло широкую публику тематическим разнообразием, красочностью и пестротой афиши. Реконструировав с помощью старых тюзовцев брянцевский программный спектакль «Конек-Горбунук», Корогодский пытался продемонстрировать верность заветам основоположников. Одновременно другим репертуарным блоком — «Олеко Дундич», «После казни, прошу...», «Гибель эскадры» — Корогодский присягал на верность официальной идеологии. «Сказки Пушкина», «Дон Кихот», «Дон Карлос», «Гамлет», «Борис Годунов» — дань отечественной и зарубежной классике. Корогодский вернул в репертуар пьесы С. Михалкова, М. Шатрова, привлек к сотрудничеству талантливых молодых литераторов — Б. Окуджаву, В. Аксенова, Р. Погодина, М. Бременера, И. Ефимова... Однако творческие ориентации Корогодского отчетливее проявлялись прежде всего, не столько в названиях пьес, сколько в их стилевых, постановочных интерпретациях. Ведущей системообразующей эстетической тенденцией театра стала мюзикхоллизация репертуара, она во всей полноте раскрылась в цикле эстрадных шоу «Наш цирк», «Наш, только наш», «Наш Чуковский» и других. Этот программный китчевый триптих состоял из развернутых пародий на музыкально-сценические жанры — балет «Муха-цокотуха», опера «Краденое солнце», оперетта «Тараканище»

Сценическую практику Корогодский подкреплял выступлениями на разного рода конференциях и семинарах, теоретическими и публицистическими статьями и манифестами. «Сегодня можно с уверенностью говорить еще об одном ТЮЗе в многоступенчатой системе ТЮЗа. Это театр воспитателей, родителей и учителей», — авторитетно утверждал он на страницах «Ленинградской правды», подчеркивая, что именно «воспитание взрослых» стало теперь важнейшей задачей руководимого им театра и тюзовского движения в целом. С такой позицией планомерного разрушения контуров театра для детей мне было трудно согласиться, и это было одной из причин, по которым через два года я покинул театр.

В ТЮЗе я познакомился с Евгением Шифферсом, когда он пришел ставить свой дипломный спектакль «Сотворившая чудо» по пьесе У. Гибсона. Шифферс числился выпускником курса Товстоногова и уже поэтому Корогодский не противился его появлению в театре и не мешал ему в выборе актеров, не слишком вмешивался в репетиционный процесс. Шифферс обладал мощной магнетической силой воздействия на окружающих, психологическим напором: он целиком покорял, поглощал и подчинял воображение и волю актеров. И не только актеров. С первой же встречи ему удавалось вовлечь собеседника в число своих единомышленников, союзников, соучастников, почитателей, поклонников — в зависимости от складывающейся ситуации.

В пору работы в ТЮЗе над «Сотворившей чудо» мы были молоды, а занимаемый мною кабинет заведующего литературной частью нередко становился клубом. Именно здесь Шифферс излагал «видение» будущего спектакля, актеры — А. Шуранова, О. Волкова, Ю. Енокян, Н. Быкова, В. Тодоров — и просто свидетели и наблюдатели репетиционных бесед горели возбуждением, жаждой творчества.. Конечно, пьеса У.Гибсона настораживала «инстанции» «буржуазным абстрактным гуманизмом», только с третьего захода она получила разрешение — лишь после того когда, как было сказано в заключении, «театр снял налет патологии и подчеркнул социальную основу конфликта». В ту пору цензура была двухступенчатой: первым разрешением она позволяла начать репетиционную работу над текстом, вторым — на показ спектакля публике. Неприятным делом — подгонкой пьесы под цензурные требования по должности приходилось заниматься мне. Только что нам запретили к постановке «Дневник Анны Франк», острую школьную пьесу Н.Долининой «Они и мы»; отношения с «ведомством» были напряженные, теперь вот надо «подстригать» «Сотворившую чудо»... Шифферс с понимаем ситуации входил в мое незавидное положение, мы вместе думали, как аккуратно сократить текст, сохранив и уточнив смысловую и интонационную направленность монологов и реплик; ведь, в конечном счете, ему предстояло сценически интерпретировать «идеологически-сомнительную» пьесу. Тогда же Шифферс рассказал о том, как ему пришлось участвовать в подавлении венгерского мятежа 1956 года. С экипажем танка Т-34 он выполнял свой «интернациональный долг» и был настолько психологически подавлен и морально травмирован кровавыми событиями, что надолго попал в госпиталь... (Иосиф Бродский в автобиографическом эссе «Поклониться тени» вспоминал «о двух дальних знакомых, застрелившихся в 1956 году в Венгрии — оба были командирами танков»).

«Сотворившая чудо» стало событием в театральной жизни Ленинграда. Будоражили публику и другие постановки Евгения Шифферса — «Ромео и Джульетта» в Ленкоме, «Маклена Граса» М.Кулиша, «Кандидат партии» А. Крона, «Что тот солдат, что этот» Б. Брехта, поставленные в областных театрах. «Антигона» А.Ануйя ставилась Шифферсом с актерами разных театров на сцене Дворца искусств — как самостоятельная экспериментальная работа молодежной секции ВТО. Впрочем, и остальные спектакли создавались на каких-то организационно-неопределенных студийно-общественных началах, часто по ночам, на энтузиазме участников, которые следовали за Шифферсом толпой, не оглядываясь как за дудкой Крысолова.

После премьеры «Ромео и Джульетты» в Театре Ленинского комсомола, куда Шифферса направили «по распределению», в московской и ленинградской прессе появилась обойма погромных статей и Шифферса уволили. Как выяснилось, успех Шифферса болезненно воспринял главный режиссер Театра им.Ленсовета, который также выпустил «Ромео и Джульетту» с А. Фрейндлих и Д.Барковым и, не желая допускать каких-либо сопоставлений, организовал коварную интригу. Она удалась.

Тогда Шифферс с частью своих приверженцев ушел на «Ленфильм» и приступил к съёмкам фильма «Первороссияне» по поэме О. Бергольц. Но и тут ему перекрыли кислород. Идти в БДТ, к своему учителю Г. Товстоногову? Критик и драматург А.Свободин напрямую спросил Товстоногова: —«Почему бы вам

не позвать к себе Шифферса? Такой помощник был бы полезен. — Не убежден, — хмуро ответил мэтр. — Ему мешает склонность к вождизму» И в самом деле, это качество во многом определяло личность Евгения Шифферса. Но разве оно не часть профессионализма лидера всякого творческого коллектива?

Оставалась Москва: О.Ефремов пригласил Шифферса в «Современник» в сопостановщики спектакля «Народовольцы». Там на одной из репетиций его увидел драматург Леонид Зорин. В разговоре с ним Ефремов с некоторым раздражением обратил внимание на сходство Шифферса с Наполеоном. — стало ясно: уход из «Современника» предрешен. Неведомо по каким конкретным причинам, Ефремов снял имя Шифферса с премьерной афиши. «И тогда я решил — всё!, — признался Шифферс интервьюеру в декабре 1991 года. — Больше в театре работать не буду. Понял, что от подобного рода деятельности судьба меня отстраняет».

Шифферс ушел в сферу религиозных исканий, погрузился в размышления о возможностях синтеза культур опубликовал на эту тему несколько серьезных работ, предполагал снять фильм о гибели царской семьи. Уже после кончины — Евгений Львович умер в мае 1997 года — вышел двухтомник его сочинений.

Ленинградский ТЮЗ помог мне познать театральную жизнь изнутри, как сферу творчества, производства, административно-хозяйственного управления и повседневного быта. И уже вернувшись в Институт на сектор театра в качестве научного сотрудника я решил написать монографию о ТЮЗе. Здесь у меня были две точки опоры: теоретическая — уже почти законченная диссертация о детской драматургии, и практическая: опыт работы завлита. Весь творческий и производственный цикл — от первоначального проекта спектакля до его премьеры я наблюдал многократно и сам в определенной мере участвовал в процессе: в формировании репертуара, в работе с авторами, в обсуждении постановочных замыслов. Наконец, я наблюдал пеструю, шумную, разновозрастную, эмоционально подвижную аудиторию, с которой театр искал морального и творческого взаимопонимания. Книга «Театр юных поколений: Творческий путь Ленинградского государственного театра юных зрителей» вышла в 1975 году и имела позитивные отклики в прессе, у читателей и у коллег.

...Работа лаборантом научной части в Институте театра и музыки началась с разбора и систематизации архива Алексея Александровича Гвоздева, одного из основателей отечественного театроведения. Его ценнейшее наследие по совокупности политических и идеологических причин с 1930-х годов было изъято из научного оборота и только в пору «оттепели» постепенно возвращалось в круг внимания исследователей театра.

А. А. Гвоздев был последователем немецкого ученого Макса Германа (1870—1942), который видел предмет и содержание театроведения как науки в осмыслении сценической интерпретации драматургии, в контексте ее социального бытия. Отсюда его программный тезис — публика является творцом театрального искусства. В логике такой концепции эволюцию театральной публики рассматривал и Гвоздев. Зритель — один из базисных элементов театра, ибо именно ему предназначено представление, оно живет с его живом восприятии, отражая общественные настроения, картины мира, самосознание эпохи. Именно в этом и состоит феномен функционирования театра, здесь театр черпает энергетику своего художественного и социального развития. Отсюда понятна возросшая роль зрителя в осмыслении Гвоздевым места и театра 1920-х годов. Спектакль

становится объектом пристального научного наблюдения, а театральность принимается как форма эстетической деятельности, пронизывающая все сферы человеческого существования. Определяя предмет исследования, операциональные понятия, обосновывая фундаментальность законов, намечая контуры теории театра, Гвоздев расширил границы понимания множества систематизированных факторов и явлений художественной жизни, осмыслял их и в историческом развитии, и в логике и динамике современного состояния театра. В 1923 году по инициативе А. А. Гвоздева в Институте истории искусств создается Театральная лаборатория. Одна из её главных исследовательских задач — определение исторических, социально-психологических, эстетических отношений актеров и публики. Сцена и зал, режиссер и публика исследуются в целостном единстве. Режиссер рассматривался как создатель художественных ценностей, как носитель и генератор идей времени, зритель — как социально-организующая энергетика развития театра.

Эту позицию во многом разделял в 1920-х годах и Вс. Мейерхольд, деятельность которого Гвоздев всячески поддерживал как критик и как ученый. Театр Вс. Мейерхольда одним из первых начал обследование публики на своих спектаклях, осуществлял анкетные опросы и фиксацию зрительского поведения, тесно сотрудничал с Театральной лабораторией Института истории искусств.

В 1920-х годах сближение театроведения с социологией, с социальной психологией отвечало стремлению комплексно осмыслить искусство, театр в динамично развивающемся социокультурном контексте. Но одновременно крепла и другая концепция, направленная на извлечение из искусства прагматического идеологического смысла и распространения его на все творчество художника и ученого, на художественное и научное направление в целом. В столкновении этих по сути дела взаимоисключающих тенденций отчетливо обнажилась органическая несовместимость объективного научного анализа и конъюнктурно-произвольных идеологических манипуляций. В 1930-х годах в печали развернулась борьба с так называемыми «буржуазными течениями» в науке и искусстве. Учиненный гуманитарным наукам погром пресек плодотворное междисциплинарное сотрудничество. Театральная лаборатория прекратила свое существования. Гвоздев был уволен, перешел на педагогическую работу в Педагогический институт. В 1939 году Алексей Александрович умер, отроду ему было 52 года.

Судьба А. А. Гвоздева и круг его научных интересов обострили мой интерес к изучению публики. Мне удалось заразить им институтское руководство, оно помогло мне в 1966 сформировать группу молодых энтузиастов-театроведов, провести несколько анкетных опросов зрителей в восьми ленинградских театрах и на этой основе сформировать Театральную лабораторию при Секторе театра. В ее состав вошли Э. Капитайкин, Т. Ланина, О. Данскер, Л. Ежелева. В научных сборниках, в журнале «Театр» появилось несколько статей по итогам наших исследовательских опытов. Они привлекли внимание московского и ленинградского руководства Всероссийского театрального общества, в итоге мне поручили создать при ВТО научно-исследовательскую группу «Социология и театр». К тому времени судьба послала мне встречу с профессиональным социологом Андреем Николаевичем Алексеевым и вместе с ним нам удалось сформировать удивительное сообщество ученых и практиков театра — в него, кроме нас, вошли театроведы, социологи, экономисты, математики, фило-

софы — О. Б. Божков, Б. З. Докторов, Л. Е. Кесельман, Ц. С. Андреева, позднее А. Я. Альтшуллер, Ю. М. Барбой, Б. Н. Кудрявцев. А трудную миссию научного консультанта и одновременно «крышевателя» этого весьма неординарного сообщества согласился принять на себя Б. М. Фирсов. Но это уже другая весьма занимательная история.

Скорее всего, группа «Социология и театр» возникла не на «пустом месте», что предшествовало ее рождению?

В 1961 году XXII съезд КПСС огласил третью Программу партии, и советскому народу было объявлено: «нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме».

Такое «громадье планов» вызвало широкую и разнообразную реакцию в самых разных общественных срезях. Руководитель знаменитого Театра комедии Н. П. Акимов невозмутимо-лукаво отреагировал в «Литературной газете»: «В искусстве планы никогда не совпадают с итогами. Задача точно запланировать будущие достижения искусства также невыполнима, как попытки выступающих в жизнь сначала написать мемуары, а потом жить по ним». В тех же «Мыслях о прекрасном» он не менее хлестко обошелся и с марксистско-ленинской эстетикой: «Если бы наряду с “точными науками” у нас была бы узаконена область “неточных наук”, — первое место в ней по праву бы заняла эстетика».

Нетривиальные высказывания режиссера не прошли мимо внимания научной общественности: Акимова пригласили на симпозиум «Искусство и современный научный прогресс». Он состоялся в 1966 году в Ленинграде по инициативе Комиссии по взаимодействию литературы, искусства и науки Академии наук СССР. Доклад Акимова «Театр, техника, наука» вобрал в себя совокупность серьезных научных проблем, начиная от роли сценической техники и её стимулирующей роли в развитии театральной эстетики, образности, семантического аппарата критики и искусствоведения, меняющейся роли публики в современном театральном процессе. Намек на цензурно-идеологический произвол, от которого наука может защитить художника, прозвучал достаточно внятно: «“Зритель этого не примет!”, “Зрителю это не интересно!”, “Зритель это превратно истолкует!” — часто слышится на обсуждении спектакля... Но это совершенно ничего не говорит нам о рядовом зрителе, для которого ставится спектакль... Научная организация изучения поведения зрителей, фиксация дифференцированных реакций могли бы многое сказать и деятелям театра, и критикам, и драматургам, могли бы проложить пути к расцвету театрального искусства. Но пока наши социологи и психологи не организовали еще такой помощи искусству...».

В ноябре того же года, в Научно-исследовательском отделе Ленинградского Института театра, музыки и кинематографии проходил симпозиум «Социология и культура», тема которого также свидетельствовала о возвращении в исследовательский оборот научной проблематики, определившей целое направление дальнейшего развития гуманитарных дисциплин. Он дал смысловой и организационный толчок исследованиям культурных и художественных процессов на широкой междисциплинарной основе, возникновению научных структурных подразделений, исследующих социальное функционирование искусства. Именно в эти годы на Секторе театра НИО ЛГИТМиКа образуется Театральная лаборатория по изучению театрального зрителя и динамики репертуара.

Заметную роль в развитии науки о театре сыграл симпозиум «Проблемы художественного восприятия», состоявшегося в Ленинграде в декабре 1968 года. Тогда на секции «Спектакль и театральная аудитория» я выступил с сообщением «Методика изучения интересов и реакций театрального зрителя». В начале 1971 года по материалам этого симпозиума года была издана книга «Художественное восприятие».

В условиях, когда публикациям «не апробированных данных», не санкционированных признанными авторитетами концепций ставилось масса цензурных, идеологических, ведомственных, наконец, корпоративных препон, именно конференции, симпозиумы, разного рода семинары, «круглые столы» становились основной, а часто и единственной возможностью обмена опытом, расширения информационного поля. К тому же научные собрания конца 1960—70-х годов способствовали выявлению ярких индивидуальностей, творческих, энергичных натур, способных на смелую импровизацию. Такая атмосфера безусловно способствовала формированию структурных и особенно неформальных сообществ, «команд» на основе близких интересов ученых разных специализаций, на стыке научных дисциплин.

В 1971 году Научный совет по кибернетике АН СССР, Всероссийское театральное общество и НИИ культуры Министерства культуры РСФСР провели в Рузе трехдневный научный симпозиум «Точные методы в исследованиях культуры и искусства». Он собрал социологов, философов, искусствоведов, обществоведов, психологов, математиков, кибернетиков, экономистов, творческих работников. Как и ленинградские собрания 1966 и 1968 гг., симпозиум 1971 года осторожно, но в то же последовательно внедрял в искусствоведение новые нетрадиционные подходы, противопоставлял их косности и «общепринятости» официозных партийных установок и по существу выводил науку в целом и искусствоведение, в частности, за рамки жесткой идеологической монополии, он призывал к кардинальному пересмотру методологических установок в сфере гуманитарных наук: культура, искусство и научная строгость — этот «симбиоз» должен служить развитию и совершенствованию всей человеческой культуры. В конечном итоге, этот симпозиум утверждал неотъемлемое право ученого на поиск индивидуальных, личностных решений, на свободный эксперимент и тем самым в значительной мере игнорировал идеологические рамки. Это тоже давало мощный заряд для дальнейших междисциплинарных исследований.

Симпозиумы и конференции в 1970-е годы становятся едва ли не ежегодными по регулярности и многопрофильными по проблематике. На первый план все энергичнее выдвигаются методологические вопросы, модели и концепции, имеющие общенаучную значимость, они рассматриваются в тесной взаимосвязи с практикой художественной жизни. В сознании театральной общественности зреет идея органичного соединения системных, комплексных подходов с традиционными искусствоведческими методами, с психологией, семиотикой, структурной лингвистикой, математикой и пр. Теоретические и конкретно-социологические исследования в области искусства приобретают интенсивный характер, они направлены на выявление объективных данных о масштабах, характере и специфике воздействия сценического искусства на публику. В статистических,

количественных и качественных показателей, в экспертных оценках осмысливается реальное, а не заданное извне пропагандистское представление о функционировании театра в обществе.

13—15 ноября 1972 года Институт истории искусств и Всероссийское театральное общество провели в Москве симпозиум «Актуальные проблемы организации, экономики и социологии театра». В программном докладе «Театр как объект комплексных исследований» директор Института истории искусств Ю. С. Калашников констатировал заметный сдвиг в изучении важнейших составных частей театрального процесса — публики, репертуара, экономики и организации театрального дела — и одновременно призывал к расширению социологического изучения театральной жизни во всей совокупности ее проблем с целью выявления фактического, а не «отчетного» состояния театра, на основе которого можно было бы прогнозировать его развитие. Его поддерживали социологи, искусствоведы, экономисты: Л. Н. Коган, Г. Г. Дадамян, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Н. А. Хренов, К. О. Каск, Л. Е. Веллеранд, Я. В. Хион, М. Г. Оямаа, А. Н. Алексеев, В. Н. Дмитриевский, С. Д. Вульфсон, В. С. Жидков, Б. Я. Рубинштейн. Говорить о комплексности социологических исследований в сфере театра как о свершившемся факте было преждевременно, но признать состоявшимся образование корпуса специалистов, накопивших определенный теоретический и практический опыт и вышедших на подступы к междисциплинарному осмыслению театрального процесса оказалось вполне правомерным

Очень интересно, фактически Вам удалось дать краткое введение в историю становления в СССР социологии театра. Оно тем более заслуживает особого внимания, что Вы были не просто наблюдателем этого процесса, но его активным участником.

Выше Вы упомянули о встрече с Андреем Николаевичем Алексеевым, способствовавшей созданию группы «Социология и театр». В каком «Славянском базаре» и когда состоялась эта встреча? Когда и при содействии кого возникла группа «Социология и театр»? На каких организационных и финансовых принципах базировалась работа этого коллектива?

...Где-то осенью 1968 года в Институт на Исаакиевскую площадь пришел философ и социолог Андрей Николаевич Алексеев. В ту пору он начал энергично заниматься проблемами контент-анализа периодической печати, и в круг его внимания попали мои статьи в журнале «Театр». Ему захотелось высказать свои критические соображения по поводу методов статистического анализа, используемых в оценке реакций зрителя и динамики репертуара. Я был рад визиту «человека со стороны», так как сам чувствовал необходимость выйти за рамки театроведческого подхода. Встреча наша оказалась судьбоносной не только потому, что положила начало полувековой дружбе с уникальным, интересным и разносторонне одаренным человеком. Она была конструктивной, мы стали профессионально сотрудничать, написали и опубликовали несколько статей. И когда по инициативе Всероссийского театрального общества и персонально профессора Анатолия Зиновьевича Юфита — члена Правления ВТО, завкафедрой истории русского театра и театральной критики Института театра, музыки

и кинематографии — возникла идея организации исследовательской группы «Социология и театр», и мне предложили ее сформировать, то, конечно, первым, к кому я обратился за помощью, стал А. Н. Алексеев.

Не будет преувеличением считать, что А. З. Юфит был одним из авторитетных и деятельных фигур, кто твердо держал руку на пульсе театральной жизни 1960—70-х годов. Слухи о том, что перемещения значимых режиссерских и актерских персон на карте ленинградских театров не осуществлялись без прямых или косвенных консультаций с А. Юфитом и Г. Товстоноговым, не были беспочвенными. Да и научная жизнь в сфере театра тоже во многом регулировалась Юфитом. Как серьезный историк и теоретик он хорошо понимал значимость внедрения новых методов в науку о театре, способных расширить поле возможностей целостного осмысления театра в динамичном развивающемся социокультурном контексте.

Юфит поставил передо мной задачи — четко сформулировать проблематику конкретно-социологических исследований, их масштаб, представить штат группы и возможный объем финансовых затрат. Для составления сметы расходов Алексеев пригласил своего коллегу сотрудника Института социально-экономических АН СССР (ИСЭП) проблем Олега Борисовича Божкова. В основу анализа театральной жизни был положен анкетный опрос аудитории, экспертов-критиков, здесь же возникли методологические проблемы разработки анкеты, квалифицированной математической обработки. На эти участки работы А. Алексеев предложил сотрудников ИСЭП математика Бориса Зусмановича Докторова и Леонида Евсеевича Кесельмана. В качестве специалиста в области экономики и организации театрального дела я взял моего аспиранта Виталия Леонидовича Владимирова. От ВТО в состав коллектива вошла театровед Цецилия Семеновна Андреева. Научным консультантом группы Юфит пригласил стать Бориса Максимовича Фирсова, авторитетного социолога и философа, в ту пору заведующего сектором проблем массовой коммуникации ИСЭПа. Позднее в группу вошли театроведы А. Я. Альтшуллер и Ю. М. Барбой.

Запрошенные О. Божковым 24000 рублей показались руководству ВТО слишком большой суммой — типичный закон рыночных отношений. Пришлось удешевить проект за счет сокращения поставленных задач и объема выборки. «Заказчик» — ВТО, и «подрядчик» — научно-исследовательская группа «Социология и театр» — сторговались, «ударили по рукам», сошлись на семи тысячах рублей за первый цикл работ. И принялись за работу...

Это был 1973 год.. .

С самого начала было решено выйти за пределы изучения публики в зрительном зале к осмыслению ориентаций и вкусов населения города, к анализу совокупных репертуарных тенденций в контексте динамично развивающегося художественного спроса и предложения, и закономерностями производственно-экономической деятельности театров. В орбиту работы было решено вовлечь театроведов, работающих в ЛГИТМиКе, членов Секции критиков ВТО и Художественного совета Главного управления культуры. Эти специалисты выступали в качестве экспертов театральной жизни.

Ленинградское отделение ВТО и ЛГИТМиК стали в 1970-х годах центрами, в которых концентрировались социологические исследования в области театра. А Ленинград, наряду с Москвой, стал местом проведения серьезных научных конференций и симпозиумов.

В ноябре 1975 года Всероссийское театральное общество провело в Ленинграде научно-практическую конференцию «Театр в духовной жизни современного молодого человека». Группа «Социологи и театр» представила результаты своего исследования на суд искусствоведов, обществоведов, психологов, социологов Москвы, Ленинграда, Саратова, Свердловска и других городов, обсуждались стратегические проблемы прогнозирования в сфере культуры.

В мае 1977 года ВТО проводит научно-практическую конференцию в Ленинграде «Проблемы использования экспертных оценок в социологическом изучении театральной жизни». В программном выступлении Б. З. Докторова, в сообщениях коллег-сотрудников группы содержались важные теоретико-методологические послы и итоговые данные, вопрос применения экспертных оценок был поставлен в контекст решения проблемы о правомерности вхождения количественных и статистических методов в изучения явлений культуры.

Научно-практическая конференция «Проблема перспективного планирования в сфере художественной культуры» проводилась по инициативе сверху — Министерства культуры СССР и проходила 26–29 ноября 1979 года в Москве под эгидой ВТО, ВНИИ искусствознания и Координационного совета Министерства культуры СССР. Конференция обсуждала три блока проблем: художественная культура сегодня — пути и методы изучения актуальных проблем ее научного управления; деятельность театрально-зрелищных предприятий; деятельность концертных, культурно-просветительных учреждений, художественных музеев и выставок.

Деятельность группы «Социология и театр» постепенно вписывалась в складывавшуюся систему качественно-количественных исследований театра и других учреждений культуры.

Недавно Вы опубликовали две книги: «Основы социологии театра. История, теория, практика». — М.: ГИТИС, 2004 и «Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Советский театр 1917–1991». — М.: ГИИ 2014, в которых систематически осветили методологию и важнейшие результаты деятельности группы «Социология и театр» с 1973 по 198??? годы. Не могли бы Вы кратко воспроизвести основные выводы Вашего анализа.

К началу 1970-х социология театра, также, как и социология искусства, была ориентирована на необходимость основываться на целостном представлении о театре как социально-художественном организме. Предмет, на изучении которого сосредоточилась группа «Социология и театр», был определен А. Н. Алексеевым как «театральная жизнь». Им было предложено рассматривать театр как особый социальный институт, в рамках которого создается театральное искусство; в этом случае зрительская аудитория — это своего рода орган, посредством которого искусство становится фактом общественного сознания и опыта. Соответственно, само театральное искусство в этой схеме выступает как некоторое множество конкретных продуктов театрального производства (творчества) и объектом зрительского потребления (восприятия), а именно — спектаклей,

по поводу которых разворачивается взаимодействие театра и публики. Указанное взаимодействие и составляет основное содержание того, что обозначалось понятием «театральная жизнь».

Исследование функционирования театра предполагало выявление и определение его социальных задач и функций. Попытка определить и сгруппировать функции на основе сопряженности или рассогласованности предпочтений отдельных видов художественной культуры у представителей театральной аудитории предпринял О. Б. Божков. На базе интерпретации результатов проведенного им факторного анализа он выделил ряд блоков. Так совокупность предпочтений на танцевальные вечера, массовые гуляния, эстрадные концерты и кино исследователь рассматривал как проявление активно-развлекательной функции; ориентации на лекции-концерты, литературные концерты и филармонию интерпретируются как показатель познавательной-эстетической функции; сочетаемость ориентаций на художественные выставки, филармонию и драматический театр он расценивал как выражение интеллектуально-художественной функции; теснота связей предпочтительности драматического и музыкального театров свидетельствовала о совокупном воздействии этих видов художественной культуры.

Л. Е. Кесельман предложил различать реальную аудиторию театра, как совокупность людей, посещающих театры этого региона, и реальную аудиторию конкретного театра, как совокупность людей, посещающих данный конкретный театр. В свою очередь, в реальной аудитории конкретного театра он выделил реальную аудиторию отдельного спектакля, как совокупность людей, посещающих этот спектакль в постановке данного театра.

В 1970-х годах группа провела три исследования: «Социологическое изучение репертуара драматических театров СССР», «Театр в духовной жизни современного молодого человека» и «Зритель в театре».

В исследовании «Театр в духовной жизни молодого человека» (на материале театральной жизни Ленинграда: 9 театров, 189 спектаклей, 1100 рабочих и учащихся комсомольского возраста — 14—28 лет) потребность в театре, взаимоотношения театра и аудитории раскрывалась также путем сравнительного изучения процессов театрального «производства» и фактах зрительского «потребления». Строгое описание массовых процессов театральной жизни достигалось одновременным использованием трех методов (1) проведением экспертной театроведческой процедуры, (2) анализом статистических документов, характеризующих динамику и формирование репертуара, (3) массовым анкетным опросом населения.

В ходе исследования были получены социально-демографические параметры молодежной аудитории, определена направленность ее поведения в сфере культуры, охарактеризованы количественные и качественные оценки репертуара, полученные в ходе опроса. Деятельность экспертов-театроведов, критиков регламентировалась формализованной экспертной методикой: выбор «единиц измерения» эстетических характеристик спектаклей осуществлялся в операциональных понятиях современной театральной критики, в рамках которой театровед «видит» спектакль и описывает его.

К важным результатам обследования сводной театральной афиши Ленинграда 1974—1976 годов относится предпринятая попытка выявления реальных социально-эстетических функций театральной постановки и постро-

ения социологической типологии драматических спектаклей. Для решения этой научной задачи было важно определить, какого рода социальные ценности нашли специфическое, художественное выражение в произведении сценического искусства, а значит стали предметом зрительского восприятия и достоянием массового социально-художественного опыта.

Исследователи исходили из предположения, что во всяком продукте «художественного производства» отражается и выражается богатая совокупность социальных и эстетических ценностей, вне которой художественное произведение не может быть ни создано, ни воспринято, иными словами невозможно его «социальное бытие». Используемая в исследовании методика «Ваше мнение о спектакле» предоставляла такую возможность. Анкета эксперта включала в себя шестнадцать «контрольных» суждений, характеризующих различные стороны сценического произведения. Театральному критику предлагалось выбрать среди них те, которые, по его мнению, могут быть отнесены к данному спектаклю с той или иной степенью уверенности.

Каждое из этих суждений интерпретировалось как индикатор соответствующего комплекса (блока) социальных ценностей, носителем и проводником которых выступает конкретный спектакль. В основу анализа была положена исходная классификация социальных ценностей.

1) актуальные общественные ценности, составляющие «идеологический потенциал» сценического произведения. Индикаторами данного блока ценностей в нашей методике выступают следующие суждения. Про этот спектакль можно сказать: а) в нем раскрыта историческая правота коммунистических идеалов, б) в нем утверждаются нормы коммунистической морали, в) в нем показана победа нового; передового над старым, отживающим, г) в нем обличаются буржуазная мораль и частнобуржуазная психология

2) общезначимые человеческие ценности — «нравственный потенциал» сценического произведения. Про этот спектакль можно сказать: а) он несет в себе подлинно гуманистическое начало, б) в нем утверждается самоценность человеческой личности, в) он будит мысль, развивает гражданские чувства и самосознание, г) в нем поставлена серьезная и животрепещущая общественная проблема

3) ценности художественной культуры — «художественный потенциал» сценического произведения. Про этот спектакль можно сказать: а) он обогащает, способствует развитию художественного вкуса; б) в нем есть глубина и правда раскрытия характеров; в) это интересный эксперимент, смелый художественный поиск; г) это настоящее, большое Искусство.

4) ценности массового восприятия — «потенциал массовости» сценического произведения. Про этот спектакль можно сказать: а) это популярный жанр, театральное ревю или концертная программа; б) он дает возможность отдохнуть, развлечься, получить эмоциональную разрядку, в) он рассчитан на успех у самой широкой зрительской массы, г) этот спектакль открывает зрителю возможность для мелодраматического переживания.

Проведенный анализ экспертных суждений о различных спектаклях обнаружил статистически значимые тенденции сопряжения разного рода социальных ценностей в конкретных театральных постановках. Так, была выявлена

в спектакле тесная взаимосвязь между реализацией этих последних и актуальных общественных ценностей. Вместе с тем налицо своеобразный «конфликт» между всеми названными ценностями и ценностями массового восприятия.

В чисто статистическом смысле можно сказать: спектакль высокого художественного потенциала скорее всего является также носителем высокого нравственного потенциала. В разной мере, без высокого нравственного потенциала мало вероятен высокий идеологический потенциал. Напротив, низкий нравственный потенциал спектакля скорее всего сочетается с низким же художественным потенциалом. Трудно ожидать в этом случае и высокого идеологического потенциала. Что касается спектаклей с высоким потенциалом массовости, то они могут характеризоваться как высокими, так и низкими идеологическим, нравственным и художественным потенциалом (и даже чаще низкими, чем высокими).

123 спектакля из 154 (т.е. почти 80%) оказались распределены на шесть основных типов, которые будут описаны ниже. Полученная типология опирается на критерии, отличные от чисто эстетических. Она является социологической, использующей преимущественно социальные критерии оценки и направленной на выявление социально-эстетических функций сценического произведения. В реализации этих функций различными театральными коллективами характерно чрезвычайное разнообразие творческих почерков и индивидуальных художественных манер, однако в своей объективной роли очень разные театральные постановки могут оказаться близкими друг другу, и именно это неочевидное обстоятельство улавливается предлагаемой типологией.

Тип I: Спектакли, соединяющие в себе эффективную реализацию актуальных общественных ценностей, общезначимых человеческих ценностей и ценностей художественной культуры, при относительно слабой выраженности ценностей массового восприятия в изложенном смысле.

Тип II: Спектакли, в которых получили преимущественное выражение и реализацию ценности массового восприятия, при относительно слабой выраженности всех остальных ценностей.

Тип III: Спектакли, в которых ярко выражены и эффективно реализуются общезначимые человеческие ценности и ценности художественной культуры, при менее активной реализации актуальных общественных ценностей и ценностей массового восприятия. В них, как бы в чистом виде воплощена особенно тесная взаимосвязь нравственного и художественного потенциалов спектакля, причем тот и другой сами по себе достаточно высоки.

Тип IV: Спектакли, где эффективная реализация общезначимых человеческих ценностей и ценностей художественной культуры сочетаются с ярко выраженными ценностями массового восприятия, при относительно слабой выраженности актуальных общественных ценностей. Этот тип спектаклей, в прямом смысле является «полярным» Типу I: там высокий нравственный и художественный потенциалы тесно связаны с идеологическим, здесь — они сопряжены с потенциалом массовости.

Тип V: Спектакли, в которых совмещена реализация ценностей художественной культуры с ценностями массового восприятия, актуальные же общественные ценности, равно как и общезначимые человеческие ценности выражены относительно слабо.

Наконец, **тип VI** объединяет спектакли, в которых признаки всех четырех потенциалов не являются достаточно выраженными (т.е. спектакли не получившие достаточного — свыше половины — количества экспертных выборов “контрольных” суждений из соответствующих смысловых групп).

Следует заметить, что сами эти основные типы не являются однородными. Наряду с характерными, ярко выраженными представителями каждого социологического типа (отдельные примеры приводились), имеются и сценические произведения, оказывающиеся как бы на периферии своего типа или на его “пересечении” с другим.

Таким образом, грани между типами подвижны и полученная типология, вовсе не преследует цели жестко и однозначно классифицировать спектакли. Важно, что она выявляет тенденции дифференциации репертуара по характеру реализуемых в спектакле социальных ценностей и осуществляемых театром социально-эстетических функций.

Начиная с 1984 г. социолого-театроведческий анализ репертуара драматических театров Ленинграда проводился на основе усовершенствованной методики “Жизнь спектакля”. Каждый спектакль оценивался с точки зрения выраженности в нем 28 специально отобранных характеристик, причем 25 из них могут быть разбиты на три основные группы: 1). характеристики содержательного ряда спектаклей; 2). характеристики его художественных свойств и структуры и 3). характеристики социального функционирования (бытования) спектакля.

Кроме того, методика предусматривала измерение трех обобщающих характеристик спектакля: актуальности проблем, поднимаемых спектаклем; оценки отдельных составляющих спектакля и оценки некоторых общих художественных качеств; оценки таких свойств спектакля, как возможность сочувствия, сопереживания с героями, способность вызвать сильные эмоции, способность создать праздничное настроение, возможность отдохнуть, отвлечься от повседневности.

Исследования 1960—70-х гг. констатировали уровень приобщенности населения к художественной культуре, выявили ряд факторов, стимулирующих этот процесс, определяющих критерии социальной эффективности театра и художественной культуры в целом, способствующих совершенствованию механизмов воздействия на общее и художественное развитие личности, на отношение человека к творчеству, на его социальную активность. Одновременно эти исследования способствовали выработке методов комплексного системного подходов и позволили получить отчетливое представление о социальной эффективности театра, определить степень включенности в театральную жизнь людей разных социальных слоев, понять характер взаимоотношений определенных групп населения с различными видами театров, с видами искусства, сущность их предпочтений.

В ходе исследований было определено место театра как вида искусства и как социального института в системе искусств, в художественной культуре, в духовной жизни современного общества в сложном контексте всей сложности динамичных, постоянно меняющихся и развивающихся культурных общественных отношений.

В методическом плане исследования театра показали возможность использования нетрадиционных методов анализа, вполне согласующихся с традиционным театроведением и способных к обоюстороннему взаимодействию и обогащению.

Начав с поэлементного анализа, с обособленного рассмотрения отдельных явлений театральной жизни, исследователи предприняли шаги к комплексному анализу, к системному подходу, открывающему перспективные исследовательские возможности. Такой методический скачок позволил обобщить признаки отдельных спектаклей и блоков спектаклей до степени интегрированных оценок, характеризующих социологические виды сценического произведения и типологическую структуру репертуара в терминах: «Культура» (носители и проводники преимущественно ценностей массового восприятия); «Искусство-культура» (ценности массового восприятия в сочетании с иными ценностями); «Искусство» (ценности художественной культуры и общезначимые человеческие ценности без «посредничества» ценностей массового восприятия); «Без доминанты» (не выражена ни одна группа социальных ценностей).

Одним из принципиальных важных итогов проведенного анализа театральной жизни Ленинграда была фиксация “экспонент” в репертуаре 1970-х гг., ценностей массового восприятия и снижения уровня решения серьезных идейно-художественных задач.

Таким образом, можно утверждать, что в 1970-х годах определились основные границы и масштабы научного осмысления театральной жизни в рамках комплексного театроведческого, социологического, социально-психологического подходов. Тем самым социология театра как междисциплинарная область знания определила не только заняла существенное положение в научной иерархии: социология театра зафиксировала социальную сценического искусства в современном обществе, определила его значение в новой социокультурной ситуации, его важную роль в культурной политике.

Одна из целей моего историко-социологического проекта — понять, каково значение: теоретическое, инструментальное, содержательное результатов советского времени для исследователей начала второго десятилетия XXI века. В этой связи, как Вы думаете, результаты группы «Социология и театр» — это лишь славное прошлое или они интересны сейчас и будут «вечно живыми»?

Судя по тому, что сегодня социологи, культурологи, театроведы, менеджеры, специалисты по рекламно-информационному обеспечению нередко обращаются в своих историко-теоретических исследованиях и практической деятельности к опыту группы, а недавно выпущенные Институтом Искусствознания два тома — «Театр как социологический феномен» (СПб, 2009) и «Театр и публика: опыт социологического исследования 1960—70-х гг.» (М., 2013) — пользовались большим спросом, можно предположить, что заложенный в трудах группы «Социология и театр» ресурс еще не исчерпан.

В чем Вы видите базу такого интереса? Ведь нет той страны, той социально-экономической реальности и того общекультурного контекста, изменился театр, пришли новые драматурги, режиссеры и актеры, иной стала театральной аудитория.

Борис, Вы, безусловно, правы. Резко изменились парадигмы развития идеологической, политической, экономической, социально-психологической, духовной жизни. Отсюда — смещение культурных, эстетических представлений в сознании массовой публики и художников, совсем недавно ещё считавшихся фундаментальными, цементирующими устойчивость и надежность образа жизни.

Рождаются новые формы социального общения, меняются ценностные мотивации, направленность и структура культурных потребностей, художественного спроса и предложения. В массовом сознании растет установка на развлекательность, рынок идет ей навстречу, что обуславливает смену социального и культурного поведения, перераспределение досуговых ориентиров (растущая популярность ночных клубов, развитие шоу-бизнеса, корпоративных вечеров и пр.).

Но в театре осталась особая природа сценического исполнительства, рожденного в живом контакте актера и зрителя, фиксирующее и отражающее непосредственное «общественное настроение момента»: «сегодня, здесь, сейчас». Именно это и объясняет неповторимое «обаяние сцены», взаимное тяготение Художника и Публики — желание сопереживать, сочувствовать, дышать единым вздохом, объясняет жизнеспособность театра в веках и в непростых современных условиях. Подчас здесь возникают трудноразрешимые конфликты и противоречия. Так, репертуарный театр уже не в силах удерживать традиционное лидерство, его теснит «свободное предпринимательство»: антреприза, частные театры, разного рода сообщества «с ограниченной и неограниченной ответственностью» и пр. Многообразие творческих и организационных форм предпринимательских инициатив поистине безгранично; не все выживают в борьбе за существование, но все пытаются реализовать свои амбиции. Я живу в спальном микрорайоне Москвы. Небольшой зал заседаний районной управы время от времени на выходные дни сдается содружеству артистов. По субботам и воскресеньям утром показывают для детей «Три поросенка» С. Михалкова, вечером для взрослых — «Три сестры» А. П. Чехова. Труппа миниатюрная, так что исполнители заглавных ролей, предположительно, те же.

Сегодня практически в каждом микрорайоне арендованы помещения, которые осваивают бродячие антрепризы, студии, в округах столицы обосновались и новые стационарные театры. Это характерно и для крупных и средних провинциальных городов.

Огромное значение имеют сегодня многочисленные театральные фестивали самых разных форматов — от международных, которые проводятся в столицах и регионах, до местных фестивалей «театров малых городов».

Можно много говорить о многообразии культурной жизни России, сменились поколения лидеров искусства, поколения публики, вкусы, потребности... Но очевидно, что для деятелей театра, его исследователей и, может быть, в наибольшей степени — практиков, режиссеров, администраторов, управленцев-организаторов осмысление нынешнего социального бытования искусства оказалось задачей весьма актуальной. Овладеть усложнившимися механизмами управления в поле новых связей и закономерностей повседневной реальности, понять новую стратегию и тактику развития культурного процесса оказалось возможным через постижение современного характера социального функционирования театра и прежде всего — динамично складывающихся новых отношений театра и его аудитории. Отсюда и возрос интерес к исследовательским опытам прошлых лет, к анкетным опросам публики и деятелей театра разных рангов и положений, к статистическим источникам и способам их обобщений. Такова, например, как мне представляется, направленность фронтального исследования деятель-

ности Московского Художественного театра, которое проводится сотрудниками Государственного Института искусствознания под руководством А. Рубинштейна и А. Ушкарёва на протяжении многих лет.

В Российском Университете театрального искусства, бывшем ГИТИСе, я читаю будущим менеджерам курс «Социология театра». Аспиранты, столичные студенты и провинциалы-заочники в своих диссертациях, курсовых работах, дипломных проектах часто обращаются к анкетному опросу и обстоятельному анализу информационных источников — статистике посещаемости, формированию и эксплуатации репертуара и пр.. Кстати, Ваши книги, Борис — «О надёжности измерения в социологических исследованиях» (Л., 1979), и «Как провести социологическое исследование» (М., 1985), многие Ваши статьи в разного рода сборниках, пользуются постоянным спросом, в период экзаменационных сессий ксерокопируются, тиражируются, оседают в курсовых работах и даже в шпаргалках. Но я этому никак не препятствую.

Название Вашей докторской диссертации по искусствоведению звучит весьма социологично «Театр, зритель, критика: проблемы социального функционирования». Она была защищена в 1991 году; можно ли сказать, что Ваш ответ на мой предыдущий вопрос, это — краткое описание результатов динамики «театральной жизни» в последние четверть века?

Вероятно, Вы правы. Минувшие четверть века театральная жизнь развивалась стремительно и в самых разных, иногда неожиданных, направлениях. Её осмысление и анализ потребовали комплексных, междисциплинарных подходов. Опыт нашей группы «Социология и театр» я пытался обобщить в докторской диссертации 1991 года. Помнится, Вы выступали на защите с добрым и конструктивным отзывом. Конечно, интересно наблюдать, как наши методика и результаты наших исследований трансформировались в работах коллег, в конечном счете оказались восприняты научным сообществом и постепенно вошли в повседневную исследовательскую практику на самых разных уровнях.

Пока мы в нашей беседе не дошли до второго, возможно, первого, направления Ваших исследований. Мое обращение к каталогу Генеральному алфавитному каталогу книг на русском языке Российской национальной библиотеки показало, что Ваша первая книга о жизни и творчестве Ф. И. Шаляпина вышла в 1973 году к столетию со дня рождения этого выдающегося артиста. А мои поиски в Интернете вывели меня на Вашу совсем новую книгу «Шаляпин», изданную в серии ЖЗЛ в этом году. Похоже, Вы занимаетесь Шаляпиным свыше сорока лет. Прежде всего, при каких обстоятельствах, в силу чего Вы стали разрабатывать эту тему? Почему интерес к ней сохраняется столь долго?

О Шаляпине я узнал еще до войны, когда на семейных вечерах дядя Митя вдохновенно пел арию Сусанина «Чуют правду», арию Мельника из «Русалки», но особенно меня веселили куплеты Мефистофеля. Под припев «Сатана там правит бал!» хотелось прыгать и плясать! Бабушке, однако, «эта песня» не нравилась и она молча уходила на кухню.

В доме сохранилось несколько заигранных шаляпинских пластинок. Вспоминали, как мама с тетей Милей в свои молодые годы проникали в Народный дом на концерты Шаляпина.

Перед войной я с родителями видел фильм «Яков Свердлов» режиссера Марка Донского. Запомнились красочные эпизоды Нижегородской ярмарки: уличное веселье, ресторанный разгул, притемненный театральный зал, кулисы, гримерная... В толстовке, подпоясанной шнурком, стоит восторженный Горький — его играл тогда популярный актер П. Кадочников, рядом в кресле барственно развалился капризный раздраженный артист в сценическом костюме — то ли Дон Кихота, то ли Мефистофеля — его играл Н. Охлопков. Упомянуть имя Шаляпина — «невозвращенца», лишённого звания Народного артиста за помощь «белогвардейскому отребью» запрещено, в титрах фильма он обозначался глухо — как «известный певец». Мрачная фигура с лицом, искаженным брезгливостью и злобой, производила тяжелое впечатление.

В послевоенные годы отношение официоза к Шаляпину постепенно менялось. Его отказ вернуться в СССР интерпретировался как тяжкая ошибка, спровоцированная семейным окружением, и в которой певец, якобы, всю жизнь раскаивался.

Ещё учась в Капелле, я бывал в Доме искусств на вечерах воспоминаний, выставках, посвященных Шаляпину, и даже хотел писать дипломную работу о нём, но меня отговорили. Появились книги о Шаляпине, переиздали написанные им с Горьким «Страницы из моей жизни». Позднее в архиве Института театра и музыки я наткнулся на уникальные материалы — около двухсот рисунков, карикатур, графических набросков самого певца. В 1960-х годах уже широко отмечают «круглые даты» жизни Шаляпина, открываются мемориальные доски, выставочные экспозиции, выпускаются пластинки, предполагается открыть музеи-квартиры в Ленинграде и Москве, дети певца — Федор, Марина, Борис — присылают в семейные реликвии. Кинорежиссер М. Донской — постановщик «Якова Свердлова» — теперь думает о полнометражной дилогии о великом певце. Сценарий написан совместно с Александром Галичем, который вскоре был объявлен диссидентом и потому до съемок фильма дело так и не дошло.

...Близилось столетие со дня рождения Шаляпина. Мои друзья-музыковеды посоветовали подать в издательство «Музыка» заявку на историко-биографическую книгу о певце. Она была принята. Я погрузился в материал: возникали все новые факты и удивительные подробности, колоритные сюжеты и фигуры. Газетный зал на Фонтанке стал мне вторым домом. В 1973 году книга «Великий артист. Документальная повесть о жизни и творчестве Ф. И. Шаляпина» вышла в свет.

Выпуск книги закрепил за мной репутацию «шаляпиноведа» и Институт включил в мой индивидуальный план работу над монографией «Шаляпин и Горький». Мне же главным «подарком судьбы» стало знакомство с шаляпинской книгой «Маска и душа», она вышла в Париже в 1932 году, значительная ее часть была посвящена событиям в Советской России и жизни в эмиграции и потому в СССР объявлена клеветнической и не издавалась.

Известный театровед Моисей Осипович Янковский, автор статей и книг о Шаляпине, не без некоторой опаски — он был человек «битый» — конфиденциально сообщил мне: в Отделе специального хранения в Публичной библиотеке «Маска и душа» есть: «надо бы Вам ее прочесть...».

Заручившись ручательствами о гражданской благонадежности — положительной характеристикой, заверенной директором, секретарями профкома и партбюро — хотя я был беспартийным, оценка моего «идеологического лица» входила в компетенцию парторга — я оказался допущенным в небольшую комнату, где мне разрешалось в присутствии сотрудника читать крамольную книгу и даже делать выписки, которые у меня могли потребовать для просмотра. Через пятнадцать лет в двух номерах «Нового мира» (1988. №5 и 6: журнал тогда выходит тиражом в один миллион сто пятьдесят тысяч экземпляров!) мне с Екатериной Романовной Дмитриевской, ставшей позднее моим соавтором, удалось опубликовать сомнительные главы, а вскоре в издательстве «Союзтеатр» выпустить «Маску и душу» без сокращений и стотысячным тиражом.

«Шаляпинский дебют» 1973 года оказался для меня очень важным: он наметил направленность профессиональных интересов и был поддержан авторитетными «шаляпиноведами» — М. О. Янковский рекомендовал к изданию нашу совместную с Е. Дмитриевской книгу «Шаляпин в Петербурге-Ленинграде», а А. А. Гозенпуд одобрил книгу «Шаляпин и Горький» — она появилась на книжных прилавках в 1981 году. А далее, в 1986-м вышла наша книга «Шаляпин в Москве», в 1998-м монография «Федор Шаляпин». О множестве статей в периодике, выступлениях на музыкальных вечерах, в радио и телепередачах, посвященных Шаляпину, и говорить не приходится.

Вышедшая в 2014 году в серии «Жизнь замечательных людей» книга «Шаляпин» — своего рода итог моих раздумий о судьбе Художника, Артиста, Гражданина. Мне представляется, что жизнь Шаляпина — воплощение напряженного диалога, длящегося весь XX век, выплеснувшегося и в век XXI. Это диалог культур, диалог независимости, свободы — и принуждения, насилия. Диалог Личности и Общества, спор Гения, Таланта и посредственности, Артиста и толпы, диалог ценностных смыслов, этических, эстетических и духовных идеалов. Диалог, в котором Федор Иванович Шаляпин как Художник и Человек, в конечном счете оказался победителем.

Итак, Виталий, нас связывает не только проект 70-х — 80-х годов, но наши текущие исследовательские интересы. Речь идет о историко-биографическом анализе. С начала века я занимаюсь историей российской социологии, становлением американской рекламы и современной технологии опросов общественного мнения. Мною написаны десятки статей о советских/российских социологах, выдающихся американских копирайтеров первой половины прошлого века и отцах—основателях опросов общественного мнения, работавших в 1930—1980-е годы. Кроме того, изданы книги о Джордже Гэллапе и Борисе Грушине, которые в Америке и СССР, соответственно, внесли решающий вклад в изучение мнения населения. Таким образом, мне думается, в наших историко-биографических штудиях мы встречаемся со сходными проблемами прежде всего методологического характера.

Начну с вопросов: «Работу над биографией я рассматриваю как определенный тип общения с биографируемым. Возникает масса, скажем, переживаний: о чем его можно «расспрашивать» и на что следует наложить табу? Стараться ли как-либо «оправдывать» его слова и поступки, сказанные или совершенные когда-то? Прислушиваться ли к мнению людей, которые негативно относились к нашему герою, или априори считать их высказывания неправомерными?

Мой опыт интервьюера небольшой, замкнут театральной средой, относится к началу моей журналистской работы 1960-х годов и поре социологических анкетных опросов 1990-х.

Вы верно ставите во главу угла тип общения. Очень важно определить не только круг проблем, но «личностное» поле общения, его интонацию. Театр — сложнейший творческий и социально-психологический организм, пространство неоднозначных отношений, в которых личное и профессиональное трудноразделимы. Каждый премьера — новая расстановка фигур, каждый спектакль — своя система психологических, состояний, связей не только на сцене, но и за кулисами. Где тут «производство» и где «личная жизнь»? Очень трудно сохранить «независимость», «автономность» в театре, да иногда она идет во вред общему делу. Приобретенное молодыми людьми в институтах прекрасное курсовое студийное братство в театре стремительно разрушается. Авторитеты и ранги, симпатии и антипатии, взлеты и падения, успех и неудачи, интриги плотно вплетены в систему повседневных житейских отношений... «Против кого сегодня дружим?» — спрашивала Фаина Раневская своих коллег по Театру имени Моссовета, приходя утром на репетицию.

Мне крайне важно было найти исходную позицию в «системе рангов» собеседников — начинающий артист, признанный мастер среднего поколения или убежденный сединой и увешанный наградами безусловный авторитет. С другой стороны — индивидуальности очень разные! Успешный дебютант может вести себя высокомерно, переживая настигшую его «минуту славы», «настроение момента», а известный мэтр быть «демократичным», (или талантливо играть «демократичность»), простым и откровенным в общении.

Здесь крайне важно определиться в «соотношении величин» — своей и собеседника, найти «зону оптимального партнерства», привлекательного для обеих сторон. Если это не удастся — беседа не выходит за формально-служебные рамки и не всегда становится продуктивной. Я думаю, что у «биографируемого» должно родиться чувство доверия к интервьюеру, веры в его искреннее соучастие в судьбе — профессиональной, личной, в его «сопереживание».

В беседах с людьми театра я старался уходить от «личных тем», зная, насколько деликатны бывают сюжеты в творческом сообществе. Для многих собеседников эта тема «табуирована» ими самими. Но для некоторых эмоциональных натур она наоборот становилось очень желательной. Это чаще приходилось наблюдать в провинциальных театрах. Я видел здесь поиски сочувствия, понимания, призыв — «рассудите нас, люди, пусть вы даже заезжие столичные интервьюеры!». В таких случаях беседы выходили уже за рамки формализованной сетки в сферу эмоциональных выплесков — опасный путь для обеих сторон. Творческий и психологический климат в театре определяет в нем жизнь каждого его сотрудника. Даже один незанятый в текущем репертуаре артист, страстно ждущий новой роли, несет в себе опасный разрушительный потенциал. А если таких артистов несколько? Но в театре в силу специфики творческого процесса невозможно равное распределение трудовых затрат.

Собеседование в театре — это тоже игра партнеров в предлагаемых обстоятельствах. Выстроить эти обстоятельства, сохранив инициативу за собой, остаться устойчивым под напором обаяния, харизмы, актерского темперамента, сохранив себя — вот главная задача интервьюера.

Непременное условие — информационная оснащенность, собственные представления о «биографируемом» — тогда возникает возможность сопоставить ее с реальным персонажем. Конечно, не следует пренебрегать циркулирующей негативной информацией, сомнительными расхожими характеристиками. Но здесь совершенно необходимо определить источник, оценить его репутацию, его заинтересованность именно в таких оценках. Вообще мне кажется, что часто важен не только сам поступок, результат, но прежде всего мотивации поступка, совокупность его оценок, характеристик, предпосылок, конкретные обстоятельства, его породившие и резонанс поступка: разобраться в них, найти взаимозависимые факторы поведения крайне существенно. Если собеседник объективно оценивает глубину вашей осведомленности, он тогда рассчитывает на взаимопонимание и становится доступным для «неудобных» вопросов. Таким образом, путь постижения истины существенно сокращается.

Виталий, спасибо, но Вы ответили лишь на часть моего вопрос. Дело в том, что в моем понимании, работа над биографией Ф. И. Шаляпина — это общение с ним. Вы постоянно задаете себе вопросы, многие из которых требуют ответа от Вашего героя. Что Вы могли бы сказать об этом общении?

Действительно, «общение» с Шаляпиным, начавшееся 40 лет назад, год от года с каждой новой книгой никак не упрощалось, но скорее — усложнялось. Новые знания об артисте, зигзаги его творческой и личной судьбы заставляли вступить с ним в диалог, спор, и не сразу удавалось расслышать его внятный ответ.

Я не ставил себе задачу дать обстоятельный музыкальный анализ творчества Шаляпина. Это сделано специалистами, подробно описано современниками-критиками и исследователями-музыковедами. Меня прежде всего интересовала уникальная личность Шаляпина, в формировании которой отразилась сложная диалектика времени рубежа XIX—XX веков, логика социально-исторических обстоятельств. Хотелось понять и непредвзято осмыслить сложность и противоречивость жизни Художника, прорваться сквозь множество искаженных оценок, досужих суждений, произвольных домыслов, смещенных идеологических интерпретаций, преднамеренных наветов, приблизиться к «истине страстей и правдоподобию чувствований», осмыслить совокупность бытовых, биографических и художественных фактов жизни в реальном социально-психологическом и культурном контексте времени.

Школа жизни Шаляпина неотделима от школы театра. Его гений был велик, личность уникальна. С юных лет он был открыт для общения. Искренняя непосредственность, молодое любопытство к жизни, природный дар лицедея стремительно обогащались яркими социальными и художественными впечатлениями, преобразовывались в высокий артистизм неповторимой творческой личности. Федор легко вбирал в себя чувственный и жизненный опыт собеседника, кем бы тот ни был — случайным попутчиком, собратом по счастью или несчастью, чиновником в конторе, церковным певчим, поваром, гувернанткой в барском доме, выдающимся ученым, музыкантом, художником, актером, писателем, великим князем или особой царской фамилии. Шаляпин — человек диалога.

Конечно, с годами круг собеседников менялся, да и Шаляпин стал относиться к ним более выборочно, «ранжировано»; случалось, что уклонялся от навязанного диалога или резко и грубо обрывал его. Впрочем, и вступить с ним в общение в годы его известности было чрезмерно много желающих.

Шаляпин всегда настаивал на том, что художником и реформатором искусства он стал не только благодаря своему трудолюбию, творческой целеустремленности, стечению обстоятельств, но еще и потому, что его природный дар был чутко услышан, замечен, взлелеян, понят и возвращен окружающими его талантливыми людьми, остро ощутившими обновляющийся протестный дух времени в самом широком смысле. Творец сценических шедевров, Шаляпин сам становился персонажем литературных и музыкальных произведений, живописных полотен, зарисовок, скульптурных изваяний... Современники увидели в нем сложный и подчас противоречивый портрет времени, обобщенный символ эпохи, воплощение творческих и мировоззренческих исканий целых поколений.

Меня интересовал вопрос — соответствовал ли Шаляпин как реальная фигура представлениям о нем, нередко односторонним, восторженным, подчас демонстративно категоричным, а порой искаженным и искусственно навязанным публике? Однозначно ответить трудно. В Шаляпине боролось, уживалось, конфликтовало множество устремлений, противоречивых идей, рожденных полетом вдохновения, ищущей мысли, остротой пережитых чувств. В их борениях рождался гений созидания, в них прямо и косвенно проявилось то живое влияние, которое оказывали на Шаляпина современники и породившая их эпоха.

В российской общественной жизни начала XX века, в журналистике и публицистике «народность» становится модным торговым «брендом» и одновременно общепонятным агитационно-пропагандистским ярлыком. Пишущая братия настойчиво муссирует тему «неиссякаемых национальных истоков» отечественной культуры, воспекает «таланты из народа» принесших в искусство «подлинную глубинную правду». И Шаляпин в этом ряду почти всегда стоит первым.

Мир Шаляпина-художника выстраивается как цепь активных поступков, в которых подсознательно или намеренно складываются представления о жизни, ценностные ряды, поле духовной свободы, творческого мышления. В сознательном выборе решений преодолевается разрыв идеального и реального, в них разрешаются духовные противоречия, формируется мировоззрение.

Осознание предназначения, своего места в искусстве проходит у Шаляпина в постоянном диалоге с судьбой, с жизнью, в творческом и житейском общении с коллегами и партнерами — музыкантами, художниками, артистами, с учеными, мыслителями и общественными деятелями, с друзьями.. Да и с врагами тоже.

Поступок каждой неординарной личности — итог приобретенных знаний, опыта, убеждений. Шаляпин умел принимать серьезные рациональные решения, но нередко подчинялся и стихии нахлынувших эмоций, проснувшихся страстей, минутных настроений. Его самосознание было глубоко индивидуально, неповторимо и подчас как для него самого, так и для других — непредсказуемо. Хорошо знавший и любивший Шаляпина директор императорских театров В. А. Теляковский считал его человеком порыва и призывал снисходительно относиться к его неожиданным импровизациям, иногда грозившими серьезными последствиями.

Шаляпин и его художественная судьба, творчество реализовывались публично, и не только брызжащая страсть к игре в жизни и на сцене, но и трезвое чувство самосохранения подчас побуждали артиста скрываться за масками, беречь свою личностную суверенность. Став известным, Шаляпин выходил в ролях на сцену и в публику — и в тех, которые ему навязывала молва, и в тех, которые ему самому казались уместными, выигрышными, просто интересными. В общении с любым выбранным, навязанным или случайным собеседником Шаляпин брал инициативу на себя, вел свою стратегию и тактику, часто остроумную, дерзкую, озорную, и почти всегда с легкостью и азартом выигрывал поединок. Быть органичным в любой избранной роли ему не составляло труда, он сам наслаждался виртуозным ее исполнением. Он играл и великого артиста, и неуживчивого гения, и капризного барина, и смелого революционера-ниспровергателя, громкоголосого трибуна, и «выходца из народа», «самородка». К тому же как «самородок» и как «знаменитость» Шаляпин позволял себе и «в жизни» большее лицедейство, чем другие его собратья по профессии, и, что скрывать, пользовался своей исключительностью и безусловным превосходством с удовольствием и не всегда бескорыстно.

О «самородках» не слишком дружелюбно, но проницательно отозвалась Анна Ахматова: «Я поняла главный недостаток подобных людей: Есенин, Шаляпин, Русланова... Они самородки. И тут это «само» сыграло с ними скверную шутку. У них есть всё, кроме самообуздания. Относительно других они позволяют себе вести себя Бог знает как».

Меня интересовал вопрос — подвержен ли был Шаляпин этой «стихии разнужданности». Или «играл» ее? Конечно, бремя обрушившейся славы нести было непросто: казанский крестьянский церковный певчий через 20 лет стал артистом мирового уровня. В 1904 году Шаляпину 31 год. Горький с тревогой замечает в письмах: «Славная душа все же, хотя успехи его портят... Он толстеет и много говорит о деньгах». С Горьким соглашается и Леонид Андреев.

Да, к деньгам Шаляпин относился серьезно. Журналисты обожали подсчитывать его гонорары и сравнивать с копеечными вознаграждениями его первых выступлений. Шаляпин знал себе цену и не любил когда ее занижали — ни в плане материальном, ни в творческом, ни в этическом. Талант и труд были для него неделимы, а труд требовал вознаграждения. Некоторым заядлым поклонникам, не знавшим удержу в благотворительной деятельности за счет артиста, он лукаво, но твёрдо напоминал: «Бесплатно только птички поют!». Награды? Он считал их заслуженными — артистов награждать принято. При этом он зорко следил, чтобы и награды соответствовали его рангу. Здесь, конечно, играли роль и тщеславие, и «классовая спесь самородка», желание поставить «поклонника-благодетеля» на свое место в недоступной ему иерархии вечных художественных ценностей. Так он вернул императору Николаю Второму подаренные им золотые часы, посчитав, то «они не отражают широту натуры Российского государя... Через некоторое время я получил другие часы — на этот раз приличные». Стребовал он и удвоенный гонорар с князя Тенишева за выступление у него в доме — князь опрометчиво оценил его только в 1000 франков. По мужицки покуражиться Шаляпин позволял себе общаясь с царской семьей. Когда в антракте великий князь предложил певцу выпить бокал шампанского за здоровье его величества, Шаляпин выполнил просьбу, но драгоценный бокал положил себе в карман:

оставил на память. Спустя время великая княгиня посетовала певцу: он разрознил дюжину венецианских стаканов! Шаляпин ответил: Ваше высочество! Дюжина легко восстановится, если к исчезнувшему стакану присоединятся другие одиннадцать». Шаляпин досадовал, что княгиня не оценила его остроумия: «Стакан остался у меня горевать в одиночестве».

Шаляпин с удовольствием описывал подобные эпизоды, можно сказать, кокетливо гордился своей вызывающей провоцирующей бесцеремонностью, граничащей с хамством, но, видимо, он не чувствовал этической двусмысленности ситуации, в которую сам себя сознательно ставил. Ему было интереснее обострить диалог, поставить властителей в трудное положение. Он бравировал своим озорством, эпатировал великосветское окружение, получал удовольствие, кураж: не он зависел от власти, а власть приспособлялась к нему, принимала его условия игры. Что же касается жадности Шаляпина, которой попрекали его журналисты, то истиной было то, что артист всю жизнь ощущал зыбкость своего положения, панически боялся потерять голос и впасть в нищету. Правда и в том, что Шаляпин в дореволюционные и послереволюционные годы анонимно помогал многим самым разным людям, часто давал благотворительные концерты и в России, и за границей, участвовал в бесплатных спектаклях, в пору Первой мировой войны содержал в Москве и Петрограде лазареты для раненых солдат. И это тоже — поступки.

Во всяком случае в моем «диалоге» с Шаляпиным я искал ответы не только в его суждениях, наблюдениях, широковещательных декларациях — а таких было немало и значимость их безусловна — но прежде всего в действиях, в поступках. Именно их мотивации и результаты определяли мою оценку личности Шаляпина.

Наверное, более 30 лет назад Вы переехали из Ленинграда в Москву. В прошедшие годы Вы продолжали социолого-театроведческие исследования и изучение биографии Ф. И. Шаляпина. В каких еще направлениях развивались и развиваются Ваши исследования? Продолжаете ли Вы публиковаться как театральный критик? Если да, то какие аспекты текущей театральной жизни Москвы прежде всего привлекают Ваше внимание?

Мой перевод в Москву во Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания (ныне Государственный институт искусствознания) был инициирован заведующим Сектором научного управления и прогнозирования художественной культуры Юрием Ульриховичем Фохтом-Бабушкиным. Недавно возглавивший новое подразделение Института, а до этого руководивший сектором в Институте художественного воспитания РСФСР, Ю. У. Фохт-Бабушкин знал мои работы по детскому театру, был хорошо знаком с исследованиями группы «Социология и театр», многократно участвовал в научных конференциях, проходивших в Ленинграде.

Развернувшиеся в Институте искусствознания социологические исследования охватывали весьма широкий пласт культурной жизни 1970—80-х годов. Я был тесно связан с работами, посвященными прежде всего деятельности театра, и в этом плане весьма содержательным мне представляется предпринятый уже

на гребне «перестройки», в 1989–90 гг. фронтальный опрос актеров и режиссеров 56-ти драматических театров на территории тогдашнего Советского Союза — в РСФСР, Белоруссии, Литвы, Узбекистана и Грузии.

Исследованию предшествовал масштабный комплексный эксперимент, санкционированный Советом Министров СССР, в ходе которого 80 театров страны начали работать в новых организационно-экономических режимах. Министерство культуры поручило Институту оценить его результативность, выявить реальные социальные условия творческой деятельности, пути и характер адаптации к ним психологии и профессионального сознания творческих работников, оценить возникающие коллизии, природу конфликтов, наметить оптимальные пути их разрешения и пр. После проведенных пробных локальных опросов на основной эмпирической стадии методом стандартизованного интервью — оно длилось 2–2,5 часа с актером и 4–5 часов с режиссером — в 56 театрах были опрошены 641 артист и 92 режиссера. Результаты исследования обстоятельно обобщены в книге «Актер и режиссер: жизнь в театре. Социальные проблемы творческой деятельности». Она вышла в 1991 году, перед тем, как рухнул СССР, и далее развитие культурного процесса в стране развивалось уже в новом организационном, политическом, идеологическом и экономическом направлении. Хотя, как мне представляется, исследование дало весьма объективную информацию, точно охарактеризовало сложившуюся в эту пору культурную ситуацию, суммировало позитивный и негативный творческий и практический опыт, что позволяло четче увидеть контуры новых парадигм развития театрального процесса.

В 1990-е годы научную работу в Институте искусствознания я совмещал с руководством кафедрой культуры в Академии хорового искусства и чтением курса «Социологии искусства» на кафедре менеджмента ГИТИСа — ныне Российского Университета театрального искусства. В ходе преподавательской деятельности возникла острая потребность в учебной литературе. Академия Хорового искусства выпустила учебные пособия «Ф. И. Шаляпин — новый тип певца-актера», (М., 1998), «Театрально-художественная жизнь России 1890–1910-е годы», (М., 1999), редакционно-издательский отдел ГИТИСа — «Основы социологии театра: история, теория, практика» (М., 2004) и «Формирование отношений сцены и зала в отечественном театре в 1917–1930-х гг.» (М., 2010). В 2000 году Институт искусствознания издал мою книгу «Социальное функционирование театра и проблемы современной культурной политики», которая также использовалась в качестве учебника.

В Москве возможности изучения биографии Ф.И.Шаляпина существенно расширились. Стали доступны архивы ЦГАЛИ, фонды Центрального музея музыкальной культуры им. Глинки, Центрального театрального музея им. Бахрушина. В 1986 году в издательстве «Московский рабочий» вышла написанная с Е. Р. Дмитриевской книга «Шаляпин в Москве», а в 1989 году в издательстве «Союзтеатр» впервые в полном варианте вышла «Маска и душа» Ф. И. Шаляпина. Впоследствии с нашими комментариями и вступительной статье книга переиздавалась в Москве и в провинции.

В качестве критика я регулярно печатался в журналах «Театр», «Современная драматургия», «Театральная жизнь». Проблемы текущего репертуара и динамики формирования театральной аудитории были в центре моего вни-

мания. В начале 2000-х годов Институт дал мне возможность обстоятельно заняться историей отечественного театра в социокультурном контексте. Первый том исследования «Театр и зрители: от истоков до начала XX века» вышел в 2007 году, второй том — «Советский театр. 1917–1991» — в 2013. Сейчас я работаю над третьим томом, посвященном постсоветскому периоду. Дело это сложное и на текущую театральную критику времени практически уже не остается.

Виталий, большое спасибо за рассказ, пусть ненадолго, но в каком смысле мы смогли вернуться в наше доброе прошлое...

Интервью с Марией Абрамовной АЛЕСИНОЙ

«У КАЖДОГО БЫЛА СВОЯ ИСТОРИЯ ПРИХОДА В СОЦИОЛОГИЮ»

Алесина М. А. — окончила факультет психологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета (1974 г.). Последнее место работы: 1995-2009 гг. - Благотворительный фонд «Санкт-Петербургский институт общинных и социальных работников». С мая 2009 г. — на пенсии.

Основные области научного интереса: проблемы городского образа жизни, адаптации мигрантов в большом городе, уровень жизни и потребности социально незащищенных групп населения, в т. ч. семей, включающих пенсионеров и инвалидов; различные аспекты деятельности благотворительных организаций, в т. ч. волонтерство как форма социальной активности.

Интервью состоялось: апрель-июнь 2015 г.

Интервью с Марией Абрамовной Алесиной — документ, на редкость содержательный и для восстановления истории советской / российской социологии, и для ознакомления со многими страницами истории нашей страны в послевоенное время. Мы с ней относимся к одному поколению, только я родился за несколько дней до войны, а она — через год после её окончания. Оба жили в Ленинграде и помним огромные «коммуналки», керосинки, индивидуальные дровяные сараи и длиннющие очереди за продуктами. Оба учились в ЛГУ. Когда она была студенткой только что открывшегося психологического факультета, располагавшегося тогда в особняке графа Бобринского на Галерной (Красной) улице, я, уже будучи аспирантом матемеха, помогал ее профессорам Б. Г. Ананьеву и Е. С. Кузьмину в обработке информации. Мы по-разному, но почти одновременно вошли в социологические коллективы; это было то время, когда социологов в Ленинграде было мало, и все — так или иначе — знали друг друга. И, все запомнившееся мне, не просто оживает, благодаря воспоминаниям Маши (я не помню, чтобы ее кто-либо в те годы и позже называл Марией), но в какой-то мере валидизирует ее описание.

Рассказывая о начальных годах работы в социологии, Алесина замечает, что «у каждого была своя история прихода» в социологию. Это — верно, и все же при всей единичности, уникальности дороги, пройденной каждым, можно говорить о типологии таких путей. Схематично траектория движения Алесиной задается следующими «точками»: «раннее осознание неудовлетворенности рутинной школьной жизни» — «почти случайное вступление в коммуну старшеклассников» — «политизация сознания и приобретение лидерских качеств» — «окончание школы и поступление в традиционный для начала 1960-х технический ВУЗ» — «понимание того, что это нечто инородное» — «уход из технического ВУЗа и поступление на факультет психологии ЛГУ» — «знакомство с первыми социологами» — «начало работы в одном из первых в Ленинграде (и в СССР) социологических подразделений».

Тем же путем в социологию пришли Галина Васильевна Старовойтова и Михаил Вениаминович Борщевский. Галина была активным членом той же коммуны Кировского района Ленинграда, что и Маша, а Михаил — был их вожаком. Оба начинали учиться в технических вузах, оба оставили их и получили, соответственно, психологическое и философское образование.

Что касается элементов описанной траектории вхождения в социологию, то они обнаруживаются в воспоминаниях многих социологов разных поколений. К примеру: Б. М. Фирсов окончил электротехнический институт, стал радиофизиком и, проработав много лет в комсомоле и партии, пришел в социологию. В целом так же складывались пути в социологию Г. Г. Татаровой, Н. Е. Тихонова, Б. Г. Тукумцева. М. К. Горшков окончил медицинский вуз, но затем комсомольская работа привела его в социологию, Ж. Т. Тощенко стал социологом, окончив исторический факультет и отработав ряд лет на ответственных партийных должностях. А. В. Тихонов, получив диплом инженера по автоматике и телемеханике в Ленинградской лесотехнической академии, был избран секретарём по идеологии Выборгского райкома комсомола г. Ленинграда. Позже, когда его стали обвинять в создании антисоветской организации «из числа идейно незрелой молодёжи», его выручали и помогали прежде всего отсидевшие срок в сталинских лагерях ветераны комсомола. Кроме того, смело и решительно действовал О. И. Шкаратан, он уговорил ректора ЛФЭИ им. Вознесенского взять Тихонова в его Межинститутскую социологическую лабораторию. Д. П. Гавра, обучаясь в Политехническом институте, увлекся общественной работой и, получив высшее образование и «пройдя через Комсомол» и освобожденную партийную работу, стал сначала экономистом, а затем — социологом. Тот же институт закончил В. Я. Гельман, но ветры Перестройки «принесли» его в политологию. Примерно такой же путь прошел выпускник Куйбышевского авиационного института В. Б. Звоновский.

В пространстве нашего историко-социологического проекта рассказанное Машей Алесиной не просто подтверждает правомерность типологизации путей вхождения в социологию. Можно сказать, что советская социология в условиях отсутствия в стране социологического образования самостоятельно отыскивала возможности для своего развития и формирования кадров исследователей. Более того, в течение всего доперестроечного периода социология в значительной степени притягивала к себе людей, критически настроенных к наблюдаемой ими социальной реальности и желавших внести свой вклад в научное освоение

происходившего и нахождение путей разблокирования проблемных ситуаций. Напомню, В. А. Ядов был «сослан» на завод за сокрытие информации о том, что его отец был еще до войны исключен из партии; А. Г. Здравомылов еще студентом и после получения диплома философа занимался комсомольской работой и позже назвал ее «опытом включенного наблюдения»; А. Н. Алексеев уходил с ответственной позиции в молодежной (комсомольской) газете «Смена» на производство и затем стал социологом. Количество подобных историй может быть увеличено. Одно ясно, общественная, комсомольская, партийная работа расширяли поле видения молодых специалистов, заставляли их размышлять о человеке, обществе и «подталкивали» их в социологию.

Ленинград – Павловск, 1 мая 1963 (?) года.
Слева направо: М. Алесина, М. Борщевский, Г. Старовойтова

Хотел бы выделить еще один фрагмент данного интервью, показывающий, каким образом на первом этапе становления социологии в нашей стране происходил обмен методическим и организационным опытом между специалистами и различными научными коллективами.

В 1968 году по рекомендации Борщевского Машу Алесину, имевшую уже определенные представления о методологии социологии и навыки в обработке анкетной информации, принимают лаборантом в социологическую

лабораторию О. И. Шкаратана. Альберт Васильевич Баранов, фигурирующий в приводимом ниже тексте, — один из первых в СССР социальных психологов и социологов.

Вот как Маша вспоминает сейчас свой первый день работы:

В первый же день к Шкаратану зашел Альберт Васильевич Баранов и принес слух о том, что завтра в Москве, в ИКСИ будет проходить семинар по проблемам методологии и опыту проведения исследования общественного мнения (в Таганроге). Надо бы кого-то послать, чтобы законспектировали. К счастью, в тот момент под руку подвернулась я. Вопрос ко мне был только один: есть ли у меня в Москве место переночевать. Разумеется, место нашлось. Так я попала на семинар к Б. А. Грушину. Оказалось, что семинар — не однодневный, как мы предполагали. В течение 2-х недель по 5–6 часов в день Б. А. Грушин подробнейшим образом рассказывал о методологии комплексного исследования, делился опытом решения проблемы сопряжения огромного числа конкретных исследований, включая разработку самых разнообразных методик, подготовку кадров для полевых работ, а также методологию анализа данных. Всё это было безумно интересно. Тогда я еще была не готова понять всю сложность решаемой проблемы, но старалась хотя бы законспектировать (додиктофонная эра).

Вернувшись из командировки, я «попала с небес на землю».

Есть в воспоминаниях Алесиной и еще интересные описания того, как шел взаимообмен методическими достижениями между социологами. Можно сказать, что это и были *социологические университеты* того периода.

И еще: этот же фрагмент еще раз показывает, как интересен и кропотлив исторический поиск, сколько неожиданностей встречается в этом процессе. Я давно изучаю становление исследований общественного мнения в России и привык искать соответствующую информацию в беседах с теми, кто работал в этой аналитической нише. И вдруг, ценная информация о влиянии опыта Б. А. Грушина на ленинградских социологов, работавших в других предметных областях.

Картина прошлого не пишется маслом и широкой кистью, это — тончайшая мозаика.

Алесина М. А.: «У каждого была своя история прихода в социологию»

Маша, насколько я помню, Вы — ленинградка, кем были Ваши родители, что вообще Вы знаете, помните о своей семье?

Моя мама, Алесина Анна Моисеевна (урожденная — Каган) родилась в 1919 году в Твери, где семья оказалась беженцами из Минска во время I мировой войны. Вернувшись с фронта, дед через некоторое время перевез семью в Ленинград, так что всю сознательную жизнь мама провела в Ленинграде, за исключением эвакуации из блокадного Ленинграда в Горьковскую область, в мордовское село, где она работала учительницей.

Мамин отец работал слесарем по ремонту медицинского инструмента, а мать всю жизнь была домохозяйкой, великой труженицей. Она родилась в 1888 г. в г. Игумене (Белоруссия). Потом жила в Минске, вышла замуж. Недавно я нашла среди старых документов свидетельство минского раввина о регистрации их брака — то небольшое, что удалось взять с собой в эвакуацию. В 1914 г. деда забрали на войну, а бабушка с новорожденным сыном бежала в Тверь. Прожила 95 лет. Выростила меня. Пока могла, выстаивала многочасовые очереди за продуктами, готовила еду на керосинке, кормила всех. Только через много лет я поняла, что ей приходилось целые дни простаивать на коммунальной неотапливаемой кухне, где столик нашей семьи находился у холодного окна. Без отпуска и выходных. Она закончила всего 2 класса и всю жизнь жалела, что не довелось получить образование. Поэтому они с дедом делали всё, чтобы мама и ее старший брат учились. Дядя стал музыковедом, а мама — филологом, знала 5 языков.

У них была маленькая 2-комнатная квартира во втором дворе, но — на Невском! В центре традиционно были хорошие школы, хорошие учителя. Но, по словам мамы, не было не только хороших, но вообще стабильных программ по всем предметам. Методы обучения тоже постоянно менялись, включая «бригадное обучение». Поэтому результат практически зависел от квалификации педагогов старой закалки, преподававших в нескольких «образцовых» школах.

Традиции хранились очень долго. Однажды, когда я сама была классе во втором — третьем, мама взяла меня с собой на традиционный ежегодный вечер встречи выпускников своей 306-й школы. Я до сих пор помню, какие там были огромные рекреации с зеркалами, парты с резными спинками, старинные шкафы в кабинете физики. пожилые и даже откровенно старые выпускники ходили по школе, находили кого-то из знакомых. Но чаще не находили, рассказывали друг другу, что знали: кто когда и при каких обстоятельствах погиб — тогда пошел второй десяток лет после войны. По-моему, был даже кто-то из учителей. Тогда я заразилась традицией ежегодных встреч выпускников. Поскольку нашу школу закрыли, мы каждый год во вторую субботу февраля собираемся своим классом дома у кого-то из одноклассников. 50 лет, до прошлого года, чаще всего собирались у меня, в этом году первый раз я не пошла — уже не хватает сил на весь вечер.

Мама была очень общительным и активным человеком, возилась с младшеклассниками, была у них вожатой. Она с гордостью называла мне среди своих воспитанников несколько известных впоследствии горожан.

У мамы в школьные годы был широкий круг самых разных увлечений. Например, что-то вроде морского университета: учили сигнальную флажную азбуку и еще что-то, даже ходили на веслах до Кронштадта. Но самым главным увлечением была литература. Не помню, как это называлось, но там были лекции по истории и теории литературы, руководил этим С. Я. Маршак. Поэтому вполне естественно, что, окончив в 1937 г. школу, мама поступила на отделение романской филологии филфака университета.

И вот, когда, вроде бы, трудный период жизни семьи подходил к концу, началась война. Мама тогда перешла на 5-й курс. Им летом вычитали лекции за 5-й курс, зачли курсовые 4-го курса за дипломные работы и выдали дипломы. После этого мальчики пошли воевать, а девочки сначала рыли окопы на подступах к Ленинграду, а потом работали в госпитале — в здании истфака.

Мамин брат воевал, после тяжелого ранения стал инвалидом. Дед умер в блокаду. Позже маму с бабушкой отправили в эвакуацию. Их квартиру заняли люди, чей дом разбомбили. После войны вернуться в Ленинград можно было только по вызову родственников на их жилплощадь. Дядя послал вызов, а жить-то было негде, т. к. у него в это время уже были жена и трое детей. Мама устроилась на работу в школе и жила с бабушкой там же — в школе, в крохотной комнатухе.

В это время мама с папой познакомились, поженились и в 1946 г. родилась я.

Мой папа, Алесин Абрам Исаакович, родился в 1911 г. в Витебске. Его отец был рабочим на кожевенном производстве и рано умер из-за профессионального легочного заболевания. Мой отец был младшим ребенком в многодетной семье и с раннего детства помогал матери вести хозяйство, поэтому умел не только чинить всё в доме, включая обувь, электроприборы и др., но и готовить. Он этим гордился и считал буквально «вторичным половым признаком» (хоть слов таких и не знал). Мужчин, не владеющих хозяйственными навыками, отец презирал, впрочем, как и все гуманитарные занятия, считая их бесполезными, «для бездельников». При этом любил и уважал мою насквозь гуманитарную маму. Иногда, по ее просьбе, пытался обучить ее азам кулинарии. Мамина мама, наоборот, была категорически против этого: «после рабочего дня женщина устала и не должна заниматься хозяйством». Не желая детям повторения своего жизненного пути, она не давала им заниматься бытом: «пусть учатся!». Позже бабушка и меня так воспитывала.

По рассказам отца, он не был чужд культурной жизни Витебска того времени. Вспоминал, какие художники там работали, какие знаменитые деятели культуры и театры приезжали к ним на гастроли, был в какой-то мере в курсе проблем театральной жизни. Интересно, что на моей памяти этих интересов уже не было. Досуг он проводил исключительно в кресле у телевизора. Помню лишь один раз, когда он водил меня в Эрмитаж — в младшем школьном возрасте. Конечно, мешало плохое здоровье, но не настолько же! Сказалось глобальное разочарование в людях, в жизненных перспективах, вообще обида на весь белый свет. Мама буквально задыхалась в такой атмосфере, но добросовестно старалась обустроить семейный быт, лишь изредка бывала с подругами или родственницами в театрах, музеях, на каких-то встречах.

После окончания школы отец работал сначала в Витебске, потом еще где-то и, наконец, переехал в Ленинград. В те годы в армию забирали не один раз, как сейчас, а — по необходимости. Поэтому невозможно было нормально строить карьеру. Несколько раз отца призывали на службу, потом демобилизовали, он устраивался на работу, но через короткое время его опять призывали. Я не знаю точно, но не менее трех раз — до войны. В промежутках между службой он перевез в Ленинград свою маму, а также женился. Родились две дочки. Летом 1941 г. их отвезли на отдых в деревню, но началась война, девочки оказались на оккупированной территории. Папа был на фронте, потом два ранения и контузия, госпиталь. В это время брак распался. Только через несколько лет удалось вернуть дочек в Ленинград. Папина мама умерла в блокаду. Много лет от меня вообще скрывали, что папа был раньше женат и у меня есть старшие сестры.

После войны несколько лет отец оставался военным, но потом его демобилизовали, как и огромное число военнослужащих. С работой были проблемы, тем более, что настоящей гражданской профессии он так и не приобрел. В общем, он остался полувоенным на всю жизнь: работал сначала зам. начальника охраны электростанции, потом начальником охраны другой электростанции. На последнем месте работы за многолетний непрерывный труд получил для семьи 2х-комнатную квартиру. Это единственное, чего он достиг в жизни, поэтому очень гордился и периодически, когда ему казалось, что его недооценивают, кричал, что квартира — его, мы в ней — приживалы, он может всех выгнать. Вообще квартирный вопрос испортил ленинградцев не меньше, чем москвичей. Всю жизнь отец попрекал маму и бабушку тем, что прописал их после войны в свою комнату.

Петроградская Сторона, улица Большая Зеленина, второй двор, низкий первый этаж — солнце туда никогда не заглядывало. Я прожила в этой коммуналке до 13 лет: 4 комнаты — 4 семьи, 12 человек, в комнатах печное отопление, в коридоре, кухне и туалете — никакого. Единственный кран, с холодной водой, — на кухне, здесь и мылись, и готовили, и стирали. Сначала готовили на керосинках, потом провели газ: одна плита — четыре конфорки, по одной на каждую семью. Готовить обед бабушка должна была в несколько приемов, простаивая на холоде по многу часов. Холодильника не было. Каждый день бабушке приходилось обходить все окрестные магазины и выстаивать в очередях продукты. Меня она брала с собой, чтобы «дали на двоих». С тех пор меня тошнит даже от маленькой очереди. (В 80—90-е годы, когда вернулась эпоха очередей, у меня была отмазка: «я на работе», а бедной мамочке приходилось проводить по многу часов, «отоваривая талоны»).

Один раз в неделю ходили в баню — не как теперь — развлечься, а просто помыться. Кто-то приходил раньше и занимал очередь. Остальные присоединялись часа через полтора — очередь как раз подходила.

Бельё стирали в корыте с помощью стиральной доски, потом тащили сушить на чердак 6-этажного дома. Весь чердак был увешан веревками, крали почему-то редко. Постельное белье в таких условиях выстирать вообще было невозможно, его сдавали в государственную прачечную, зимой было легче — тюки возили на саночках.

Главная бытовая эпопея — дрова. За тремя корпусами нашего дома начинался мир дровяных сараев. Огромное пространство двора было застроено самодельными разнокалиберными сараями — отдельно для каждой семьи. Для детей лабиринт проходов между ними был основным местом для игр. Зимой насыпало столько снега, что до крыш могли добраться даже малыши. Иногда гнилые крыши проваливались, но не помню, чтобы кто-то поломал руки — ноги. Просто купить дрова было невозможно, их «доставали» с большими трудностями, привозили, сами пилили — кололи и хранили в сараях. Папа с мамой каждое лето пилили 2-ручной пилой раздобытые 4 кубометра бревен, потом папа их колол, убирал в сарай и каждую неделю приносил в комнату огромную вязанку, укладывая дрова за печку. Топили один раз в день — часа в 4, к вечеру дымоход закрывали, к утру печка остывала и вылезать из постели было холодно, как, впрочем, и умываться холодной водой в нетопленной кухне.

Однажды, лет в 9, мы с бабушкой жили на даче. В среду утром, я точно помню, бабушка рассказала, что ей приснилось, будто ночью у нас дома полыхал огромный пожар. Это было совсем не похоже на мою бабушку: она не верила ни в бога, ни в черта, ни в вещие сны, ни в какие забавы. Однако в субботу приехала мама и рассказала, что именно в ту ночь сгорело всё наше море сараев. Потом каждый, как мог, восстанавливал из обгорелых досок своё сокровище.

Когда мы в 1959 г. получили новую квартиру, в нашу комнату переехал кто-то из очередников — работников той же электростанции. И как ценнейшее приложение к комнате папа передал ему ключ от нашего сарая.

Через несколько лет после переезда я заглянула в свой старый дом. Там многое изменилось: главное — провели паровое отопление. Вместо сараев — окультуренный чистый двор.

Интересное совпадение: еще через много лет, перед выходом на пенсию я работала в организации, построившей именно здесь свое основное здание. Правда, судьба не до конца замкнула круг и не вернула к дому детства: подразделение, в котором работала я, размещалось в другом районе.

Наша семья жила небогато и по тогдашним масштабам, а по сегодняшним представлениям — просто бедно, даже в благополучные годы, т.е. когда и мама, и папа имели работу. Потом я узнала, что отец платил алименты на 2-х дочерей, да и вообще зарплата родителей была невысокой. Бабушка пенсию не получала, т. к. не имела трудового стажа, а пенсии за мужа добиться не смогла — документы пропали в блокаду.

Несмотря на материальные трудности, считалось необходимым вывозить ребенка, т.е., меня, каждое лето на дачу. Иногда удавалось расплатиться с хозяином «по бартеру»: отцу каждый год выдавали офицерское обмундирование, которое вполне устраивало сельчан того времени.

Дача — это, разумеется, не дом, а комнатка, в которой летом жили мы с бабушкой, а на выходные приезжал кто-то из родителей. И это был не воскресный отдых (тогда был один выходной день в неделю), а тяжелый труд по доставке нам продуктов. На месте их невозможно было купить в минимально достаточном ассортименте. Продукты покупали в течение недели, по возможности, готовили так, чтобы хранить без холодильника, и привозили. Заранее, зимой, доставали и запасали консервы. Дача снималась где-нибудь подальше, с плохой транспорт-

ной доступностью, зато дешевле. В те годы под Ленинградом хозяйки часто держали коров, мы с бабушкой каждый день ходили с бидоном за молоком, делали простоквашу, творог, сметану.

Кроме продуктов мама каждый выходной привозила мне сетку с книгами. Я ставила посреди луга раскладушку и целыми днями читала. Книжки были замечательные — мама знала, что мне нужно, и знакомила с мировой классикой, дополняя своими комментариями. Самое главное, что источник книг был неограниченный и всегда под рукой (мама тогда работала в Библиотеке Академии Наук, а сотрудникам разрешалось многое брать на домашний абонемент). Потом дошло до того, что я сама приезжала в БАН и брала на мамин абонемент, что хотела. Это меня очень избаловало, впоследствии я оказалась совершенно не готовой самостоятельно гоняться за беллетристикой, поэтому с современной художественной литературой знакома фрагментарно. При этом профессиональную — систематически покупала, стараясь ничего не пропустить — благо, тогда книжки были дешёвы.

Мама была сторонницей коллективного воспитания: в 4 года отдала меня в детский сад — с выездом на дачу. Никаких положительных эмоций в моей памяти с этим эпизодом не связано: зимой вставать «ни свет, ни заря», плестись в темноте, чтобы в 8 утра влиться в родной коллектив, вовремя съесть подгоревшую кашу и «кофе» с молочными пенками, проводить время в шумной комнате, в ней же ставить раскладушки и мучительно ждать окончания тихого часа ... Бррр!!! Летом вышло послабление: после моего первого бунта, как девочке упитанной, мне разрешили в тихий час не спать, а тихонько играть. Но всё равно — брррр!!! Меня спас коклюш, напавший на нескольких детей. Помню, как нас увозили с детсадовской дачи в телеге с лошастью. Я болела дома, долго кашляла, потом мне прописали прогулки на влажном воздухе и папа выгуливал меня на Крестовском, Каменном и других островах, по берегу Финского залива, на безлюдном пляже (был уже глубокий несезон). Больше в детсад меня не водили.

Один раз, когда с деньгами было совсем тяжело и дачу снять не смогли, меня устроили «на площадку»: в ЦПКиО (поблизости от нашего дома) был организован, как это позже стало называться, городской дневной детский лагерь. Мы гуляли по огромному парку, играли на аттракционах, несколько раз ездили на экскурсии по городу. В общем, я была довольна, но бабушке или папе приходилось каждый день привозить — увозить меня.

Чуть позже оказалось, что это была лишь тренировка перед 2,5-летним марафоном. 1 сентября 1953 г., все идут в школу, а меня в 1-й класс не принимают, т. к. не хватает 3-х месяцев до 7 лет. Однако я категорически не желаю сидеть дома с бабушкой, вернее, проводить с ней время в очередях. Я умею читать, считать, голова требует развития. И мама, «борец за правду», ведет меня в РОНО, в кабинет не кого-нибудь, а самого завРОНО. Уж не знаю, как удалось прорваться, но я стою посреди кабинета и реву: «хочу в школу». Это был уже второй из моих бунтов. Мне было объяснено, что все места в ближайших школах заняты. Если так уж невтерпеж, есть место на Крестовском острове, в школе-7-летке № 43. К удивлению завРОНО, я согласилась, а бедные родители и подумать не смели, чтобы погасить жажду ребенка к знаниям, и самоотверженно возили

меня 2,5 года каждое утро в школу на Крестовский остров, а через несколько часов — обратно. Иногда — папа, который работал тогда сутками, иногда — бабушка, реже — мама.

Моя первая учительница, Вера Ивановна Ермолаева, была глубоко пенсионного возраста, и после выпуска нашего класса из начальной школы она вышла на пенсию. У читателей, более требовательных, чем она, я за всю свою жизнь не встречала. Всегда строгая темная одежда, по праздникам оживляемая орденом Ленина и белым воротничком с вышивкой «ришелье». Очень высокие требования и к самому процессу обучения, и к стилю, и к участию родителей в делах класса. С родителями Вера Ивановна разговаривала так же строго, как и с первоклашками. При этом речь шла не о сборе денег или ремонте, как бывает сейчас. Вера Ивановна была уверена, что выполняет самое важное на свете поручение своего государства — воспитание нового поколения — и имеет все соответствующие полномочия. Очень быстро изучив потенциал каждого родителя, она придумала, как извлечь пользу для жизни класса: кому-то поручала сопровождать детей в театр, кому-то было строго — настрого велено «до завтра» сделать столько-то плакатов для урока русского языка и т.д. Достижения и неудачи каждого ученика практически ежедневно сообщались родителям для принятия оперативных мер. В таких условиях ученики просто были вынуждены осваивать всю учебную программу без пропусков, невзирая на болезни и другие обстоятельства.

Постоянно находиться под таким прессингом было очень тяжело. К тому же, требования к родительскому участию всё время росли, Вера Ивановна была искренно уверена, что нет ничего важнее того, что нужно именно её классу и именно к завтрашнему утру. Разумеется, я училась хорошо, но к середине 3-го класса у нас лопнуло терпение, и меня, наконец, перевели в 44-ю среднюю школу — недалеко от дома, на попечение молоденькой веселой учительницы Ирины Васильевны в цветной одежде, предъявлявшей к школьникам умеренные требования. Участие родителей вообще ограничивалось знакомством с дневником — один раз в неделю и посещением собраний — один раз в четверть. К тому же, наконец, отпал тяжкий груз — ежедневное сопровождение ребенка в школу. Сейчас я думаю, что таким образом зимой 1955–56 гг. свежий ветер перемен додул и до нашей семьи.

Пожалуй, последний раз участие родителей в моей школьной жизни проявилось, когда я переходила в 5 класс. Прощай, привычная жизнь под крылышком одной учительницы. Здравствуй, предметное обучение: алгебра, физика, биология, литература, русский... но, как оказалось гораздо позже, главная проблема — иностранный. Из 4-х параллельных пятых классов в 3-х преподавали английский, а в одном — немецкий. И моя филологическая мамочка рассудила, что ей знание 5 языков ничего, кроме неприятностей, в жизни не принесло, и мне оно тоже никогда не пригодится. Так пусть она хотя бы сможет помогать мне в учебе (немецкий она знала, а английский — нет), и меня отдали в немецкий класс. Но филолог — не политолог и не социолог. Мамин прогноз оказался неверным: я всю жизнь страдала из-за незнания английского, а немецкий никогда мне не понадобился, как, впрочем, и мамина помощь в его освоении.

Кстати, примером: «мама, я и усвоение иностранных языков» — можно иллюстрировать тему «сенситивные периоды» в курсе психологии. Маме языки давались легко. Даже слово «учила» не подходит, с таким удовольствием она это

делала. Сначала в дошкольной прогулочной группе с воспитательницей — немкой, потом — в школе, потом в университете и в общении с испанками — воспитательницами испанских детей, привезенных в Ленинград во время испанской войны. И в университете, что очень важно, старая строгая преподавательница, с дореволюционным опытом, учила их латыни. Это позволило маме легко усваивать языки и впоследствии иногда объяснять мне происхождение слов, прокладывая мостики между словами из разных языков, после чего забыть их было уже невозможно. Мне, совершенно очевидно, по наследству передались мамины языковые способности, чувство языка. В детстве, слушая радио, я легко, с 1 — 2-х фраз, определяла, на каком языке идет разговор, совершенно не зная сам язык. И в школе я никогда не учила свой немецкий, одного присутствия на уроке было достаточно для отличных оценок. Но тут-то и крылась ловушка: не было необходимости развивать навык, а без его использования сенситивный период для освоения языков закончился. После школы, увидев, что в работе необходим английский, я несколько раз бралась за его изучение, но волшебная дверка уже тихо закрылась: стало проблемой запоминать слова, но главное — «несъедобным» оказался интонационный строй, фонетика чужого языка. Прилагать усилие «с непривычки» я поленилась, английский так и не выучила, даже буквы латинского алфавита озвучиваю именно как латинские, а не английские, как сейчас принято, — иначе не могу себя заставить.

Незадолго до окончания 6-го класса, в 1959 г., состоялось самое главное событие в жизни семьи: мы получили квартиру!

В какой район города Вы переехали? Как там потекла жизнь Вашей семьи? Что за школа попала?

Мы переехали с Петроградской Стороны в пролетарский Кировский район, где папина электростанция построила дом для своих работников. Теперь папе больше не нужно было внезапно по ночам выезжать через весь город на работу, если что-то случалось, или на проверку. Зато маме приходилось каждый день тратить на дорогу до работы 3 часа (в оба конца). А мне надо было опять переходить в другую школу. Это событие значимо для меня тем, что я, шестиклассница, впервые не только подняла бунт, но и сама, без всякой помощи родителей, добилась нужного мне решения. И родители восприняли это как само собой разумеющееся!

Я съездила в старую школу, забрала документы и отправилась сдавать их в ближайшую, 388-ю школу — напротив нашего дома. Но не тут-то было: немецкий класс оказался переполнен — 46 учеников, и директриса, Наталья Ивановна Бычкова, категорически отказалась меня принимать. Тогда, вооруженная предыдущим опытом, я пробились к зав. РОНО, предъявила приличного вида табель и категорически заявила, что нелепо в школу куда-то ездить, если ближайшая — напротив дома. Зав. РОНО согласился, прямо при мне позвонил директрисе, похвалил мой табель и попросил взять меня 47-й ученицей в немецкий класс. С этого момента и до окончания школы я чувствовала себя врагом директрисы. Как продукт и, одновременно, инструмент тоталитаризма, она просто не могла допустить, что в «её школе» что-то происходит помимо её воли. Зато мне не нужно было по утрам никуда ездить. Я могла выходить из дома за 5 минут до начала занятий, перед уроком физкультуры — забегать домой за лыжами и лыж-

ным костюмом (тогда зимы были холодными и вся 3-я четверть на уроках физкультуры отдавалась лыжам). И вообще все дальнейшие школьные годы чувствовала себя победителем. Еще год, до выпускных экзаменов за школу — семилетку, наш класс в любом случае был бы переполнен, поэтому я не чувствовала за собой никакой вины.

Мне понравилось отстаивать свою точку зрения, и со мной ничего не могли сделать. А всего-то нужно было — прилично учиться, не отлично, а только прилично! При этом руководству очень повезло, что я не была заводилой, никогда не призывала одноклассников к бунту, мне они казались слишком послушными, как я сейчас бы сказала, с недостаточно развитым самосознанием. Я чувствовала потребность доказывать свою личную правоту, но не потребность быть лидером. А доказывать было что. Для примера: думаю, не только в нашей школе практиковались «линейки» — внезапно выстраивали учеников вдоль коридора и проверяли их внешний вид, смачно критикуя крамольные отступления, нет — не от официальных правил, а от личного представления директрисы о приличиях. Интересно, что никому — ни ученикам, ни учителям — не бросалась в глаза вся нелепость требования: не пускать в школу учеников, «забывших дома» пионерский галстук, а позже — девочек в капроновых (а не простых!) чулках. (Сейчас, если не третьеклассник, то уж точно — пятиклассник возмутился бы и не постеснялся спросить, какое дело администрации до атрибутов принадлежности подростков к общественной организации). Такая модель отношений поощрялась и доминировала на всех уровнях. солдафонский стиль директрисы разделялся большинством учителей.

Тем выше мы ценили немногих «иных» учителей, прежде всего, учительницу литературы, не просто допускавшую, но стимулировавшую дискуссии и на своих уроках, и после них. Предлагая остаться и обсудить острые вопросы, мы — эгоисты — не понимали, что ворует у нее досуг, удовлетворяя нашу потребность выговориться, Леонилла Петровна Сермягина тихо, без деклараций, формировала у нас одну систему ценностей, а большинство остальных учителей — другую. Весьма успешно, например, шло усвоение двойной морали. Тренировки происходили каждую неделю на политинформациях, причем каждый ученик, в порядке очереди, должен был подготовить материал и провести такое занятие. Сохранить свою точку зрения, но не высказать ее — прекрасная тренировка. Огромное воспитательное значение имела наглядная агитация. До сих пор помню стенд с докладом секретаря ЦК КПСС Ильичева на июньском (1963 г.) пленуме по идеологии и хором одобрямса. На этом же стенде вывешивалась всякая ругань вокруг деятелей культуры и искусства тех лет — кумиров молодежи. Как бы мы дальше жили без такой закалки!

По-прежнему основным и любимым моим занятием было чтение. Но не только. К этому времени мама перешла работать из БАН в один из филиалов — библиотеку Ботанического института АН. Я ездила гулять в Ботанический сад, много раз бывала в оранжереях, стала чувствовать растения, их состояние, потребности... А в БАНе с маминого абонеента стала брать не только беллетристику, но и книги по биологии, философии, истории. Однако в БАН ездить было далеко, я пробовала пользоваться районными библиотеками, но они меня не устроили. Зато прямо «под носом» оказалась школьная библиотека, в которой я паслась не только после уроков, но, зачастую, и вместо них, скрываясь

среди стеллажей. Чтобы числиться в библиотечном активе и быть допущенной к стеллажам, надо было отвечать за порядок в какой-то их части. Я выбрала иностранную беллетристику. Зав. библиотекой, Александра Ароновна, была очень образованным, эрудированным человеком, каждую неделю она ездила в отдел комплектования школьных библиотек, а потом мы радовались поступлению новых интересных книжек. Когда я училась в старших классах, толстые журналы публиковали мемуары Эренбурга, Паустовского. Такие номера журналов на дом не выдавались, я всё читала в зале. Там же знакомилась с новой поэзией.

Однажды мы с бабушкой случайно оказались на даче в очень странном доме: вроде бы, совсем близко от пос. Репино, рядом с магистральным шоссе, но в то же время — на отшибе. С дороги не видно, дом один, вокруг — лес, даже электричества нет, вечером жгли свечки. Воду брали из вкопанных в землю бочек, там же сберегали продукты. Хозяйки: две женщины — мать, лет 55–60, и дочь, лет 30–35. Поскольку других развлечений не было, я прочла все свои книжные запасы быстрее, чем планировалось, и попросила хозяйскую дочь дать что-нибудь почитать. Оказалось, что у них из книг есть только библия. Как раз ее-то мне и не хватало. Издание было не старинное, но старое, пропитанное каким-то церковным ароматом. И вообще какое-то особенное. Я прежде библию не видела, доказательств у меня не было никаких, но что-то в книге было «не так». Позже, вспоминая мелкие бытовые подробности, я подумала, что, наверно, наши хозяйки были сектантами, чем определялся и их замкнутый образ жизни. Вернувшись в город, я хотела заказать в БАНе библию и сравнить ее с той, что я видела на даче. Однако домой мне библию не дали — зачем школьнице дома библия!

Моя новая школа, как оказалось впоследствии, давала приличное образование для будущего технаря, позволившее практически всем выпускникам поступить в вузы. Но до лучших гуманитарных школ центра города нам было далеко — и территориально, и содержательно (я убедилась в этом позже, во время учебы в университете). Однако это вполне устраивало и ребят, и их родителей. в средних классах социальный состав семей был типичным для нашего района: рабочие и техническая интеллигенция — в сопоставимых пропорциях. После окончания семилетки, а потом — и восьмилетки, соотношение изменилось: несколько ребят из рабочих семей ушли в училище или прямо на производство, а в 9-й класс из других школ Кировского района, в которых ликвидировали старшие классы, пришли дети из семей технической интеллигенции.

На нас закончилось время школ — семилеток. После 7-го класса мы сдавали два выпускных экзамена, оба — письменные: русский и математика. Сейчас никто не поверит, но оценки по русскому оказались блестящими, даже у самых слабых учеников. Как жаль, что нет видеозаписи уроков нашей учительницы русского языка Евгении Игнатьевны. Мы были ее последним выпуском перед выходом на пенсию. Энергичная, подтянутая, даже сухонькая, седая стрижка по моде 20-х годов. Ее методика преподавания отличалась от всего, с чем я встречалась потом. Евгении Игнатьевне не мешала переполненность класса. Весь урок проходил в напряжении. Секрет успеха состоял в следующем: в течение всего урока — внимательно следить за каждым словом учителя и учеников, т. к. в любую секунду надо быть готовым включиться в разговор, быстро отбарабанив любое правило, независимо от того, как давно «мы это проходили». Поэтому,

не желая получить кол, перед каждым уроком русского каждый ученик без всякого напоминания был вынужден повторять все параграфы, пройденные за 5-й — 7-й классы. Каждый ученик на каждом занятии получал оценку, а чаще — несколько. Никакие общие заслуги в расчет не принимались, зато любой записной двоечник мог украсить свой дневник пятеркой по русскому. Тогда мне всё это казалось глупой муштрой, после прочитанного «моря» беллетристики я вообще не нуждалась ни в каких правилах и просто чувствовала, как надо написать данное выражение. Но мало ли, кто что чувствует! Методика заставляла любого становиться грамотным. Ученик мог ничего не смыслить в математике, не интересоваться ни литературой, ни географией, вообще ничем, но с каким удовольствием он получал честно заработанную пятерку по русскому! Вот так преподавателю старой школы удавалось навязать грамотность детям из рабочего района. Я это не ценила, пока через 20 лет не столкнулась с дикой и всё возрастающей неграмотностью студентов. Просто невозможно было понять смысл подаваемых работ, пока не исправишь в тексте миллион ошибок. Оставалось наивно удивляться: как же они поступили в вуз? Я понимаю, что сейчас у молодежи «глаз замылен» неграмотными текстами в интернете, но быть настолько зависимым?!

В 9-й класс поступали заново, по конкурсу документов. На весь огромный Кировский район оставили всего пять школ, имевших 9 — 11 классы. Ребята, не попавшие в них, должны были продолжать учебу в ПТУ, техникуме или вечерней школе (а значит, обязательно работать). То была эпоха трудового обучения: каждая школа, кроме общеобразовательных предметов, обучала школьников нескольким профессиям — на выбор, в основном, рабочим. В 3-х старших классах два дня в неделю уходило на теоретические и практические занятия по этой профессии. Из-за этого общее время обучения увеличилось с 10 до 11 лет. В нашей школе мальчики могли освоить профессии слесарей и станочников по металлу, а девочки — в зависимости от успеваемости — продавцов продовольственных товаров, швей или чертежниц. Другие «чертежницы», как и я, выбрали из возможных зол меньшее — все-таки потом могло пригодиться в техническом вузе. В соответствии с модой на трудовое обучение, занятия принципиально проходили на производстве. На заводе рядом с моим домом был оборудован класс, где мы слушали теоретический курс, а также выполняли практические задания. Мальчикам там же оборудовали учебные участки. В конце обучения мы одновременно с аттестатом зрелости получили свидетельство о том, что освоили, например, специальность «чертежник — детализовщик» или «слесарь такой-то специализации и такого-то разряда». Почему необходимо было загонять нас за проходную? То же самое мы могли делать и в школьном классе. Неужели — именно, чтобы привыкали к проходной, режиму, виду завода изнутри? Почти никто из моих одноклассников после школы не работал по этим специальностям. В общем, всем было очевидно, что затея с трудовым обучением — безумно дорогая, нелепая и никому не нужная. Мы окончили школу в 1964 г., а в 1966-м от школ — 11-леток вернулись к 10-леткам, изменив акценты, постарались придать трудовому обучению профориентационный, ознакомительный характер — уж не знаю, насколько успешно.

Изменение социального состава семей моих одноклассников заметно отразилось как на их внешнем виде, так и на сфере интересов. Например, школьная форма оставалась обязательной, но многие девочки шили ее на заказ,

а не покупали продукцию фабрики «Большевичка». Мальчики вообще редко появлялись в форме, сменив ее на приличный костюм и галстук. В общем, проявилось стремление к индивидуализации, каждому хотелось выглядеть отличным от других. То же — и в высказываниях на занятиях (кроме откровенно слабых учеников). А у меня случился третий бунт. В общем, ничего особенного, если бы не реакция мамы. Нам по литературе задали сочинение, тема которого показалась мне совершенно неприемлемой, и я, не смотря на уважение к любимой учительнице, сочинение не сдала. Это не было демонстрацией, я просто не могла, у меня мысли в эту сторону не поворачивались, рука не могла управлять авторучкой. И я, после всех своих пятерок, схлопотала кол. Ну и ничего особенного — дело житейское. Зато на душе стало спокойнее от согласия с самой собой. Но Леонилла Петровна, как добросовестный педагог, вынуждена была снизить мне оценку в четверти до четверки. Ну и подумаешь, не в аттестат же! Но когда моя филологическая мама на родительском собрании увидела эту четверку, она еле дошла до дома и буквально упала в обморок в прихожей. От меня никогда не требовали быть отличницей, но святая литература...! Интересно, что, как проговорила однажды сама мама, она тоже иногда бунтовала на работе, выступая «за правду», защищая коллег, — но не себя.

Вот так начиналась наша жизнь в старших классах. Я росла индивидуалисткой. Даже в комсомол не вступала, чтобы оставаться самой по себе, не брать на себя лишние обязательства, чтобы не приставали со всякими глупостями и формальностями. Так, подавая вступительное заявление в комсомол, каждый проходил тренировку в лицемерии: «хочу быть в передовых рядах строителей коммунизма». Дело шло к 15 годам — по всем канонам педагогики и психологии — возраст тусовочный. Но вокруг меня в этом плане на горизонте не было видно ничего интересного. А лишь бы влиться в какую-нибудь группу — это было не для меня. И вдруг!

Однажды, в конце 9-го класса, в 1962 г., заходит ко мне соседка, ученица параллельного класса, и предлагает поехать летом на месяц в палаточный трудовой лагерь старшеклассников Кировского района — на берегу реки Луги. (Сама соседка в лагерь не поехала. Формально она считалась активисткой и, выполняя комсомольское поручение, агитировала других, но на самом деле была еще большей индивидуалисткой, чем я).

До этого момента я летом дважды ездила на месяц в пионерлагерь Академии наук. Но тогда я была на 3—4 года младше, там был довольно серьезный режим, правда, не такой казарменный, как в других пионерлагерях, да и вожатые — только из университета. Но однажды я на зимних каникулах оказалась в пионерлагере Ленэнерго, вот это был «полный атас»! Тут-то я впервые столкнулась с чуждой социальной средой: агрессивность, хамство, неразвитость интересов — в сочетании с непробиваемой самоуверенностью. Когда папа приехал меня навестить, я категорически заявила, что не останусь здесь больше ни дня, и мы уехали вместе.

Однако новое предложение выгодно отличалось: обещали, что в лагере будет самообслуживание и самоуправление, каждый день четыре часа — работа на полях местного совхоза, а остальное время — наше. И я решила попробовать съездить. Мама, сторонница коллективного воспитания, была довольна.

Да, помню, было такое начинание... что Вы там встретили? Каким было то лето?

Как и абсолютное большинство ребят, отправляясь в лагерь, я не представляла себе, как там будет. Через несколько дней я уже знала, что молодежный трудовой лагерь формально организован и существует под крылом Кировского РК ВЛКСМ, но начисто лишен стандартного «комсомолизма». Было 6 отрядов: 5 — от каждой из школ — 11-леток Кировского района и 1 — от ПТУ. Во главе отряда стоял избранный командир. Как я узнала позже, в каждый отряд была включена «нагрузка» — парочка «трудных» подростков, но, главное, в каждом отряде был кто-то из «совета друзей» — «закоперщиков», истинного актива, членов «коллектива в коллективе», вдохнувших душу в краткосрочную совместную жизнь 150 подростков. В нашем отряде это была Рита Жамкочьян. Как и все ребята нашего отряда, она была на 1 класс старше меня. До приезда в лагерь я практически ни с кем не была знакома, а тут с первых дней почувствовала особую ауру вокруг неё. Всё, что она говорила и делала, и как она говорила и делала, было отмечено печатью творчества, таланта и того, что, как я узнала позже, называется харизматичностью. Окружающие это чувствовали и откликались.

Очень быстро из аморфной массы была сформирована сложная многослойная, как по вертикали, так и по горизонтали, структура и провозглашена коммуна. Почему коммуна? Да потому что молодежи надоели формализм, ложь, двойная мораль, обязателька. Привлекательной моделью становилась та, которую через несколько лет назвали «социализмом с человеческим лицом», а пока искали название такой модели, которая, в отличие от привычной, включала бы «путь к светлому будущему, но — без черных пятен недавнего прошлого и настоящего».

В то, первое коммунарское лето мне еще не была видна направляющая и формирующая деятельность «совета друзей». Что такое «метод параллельного педагогического действия», как и многое другое — в теории и на практике, я узнала позже. Мы, рядовое население палаточного лагеря, сначала просто познакомились друг с другом, с распорядком лагерной жизни, с окружающим пространством.

Взрослых людей на платных должностях было немного: начальник лагеря, (директор одной из школ района), замполит (В. М. Рендаков, лидер «совета друзей»), вожатые отрядов (студенты, тоже из «совета друзей»), водитель грузовой машины, может быть, еще кто-то — не помню.

Организацией и распределением работ занимался совет командиров. Работы были разные: хозяйственно-бытовые (дежурство по кухне, охрана лагеря и пр.), сельскохозяйственные — для совхоза, на чьем лугу стояли наши палатки, а также поездки по округе с концертами и др. В первую половину дня мы работали на полях, а после обеда отдыхали, благо, всегда к нашим услугам с одной стороны от лагеря — река Луга и лодки, с другой — лес и полянки. А вечером — костер, где — не только песни под гитару, но и «общий сбор» — «разбор полетов», обсуждение планов на завтра.

Сейчас, через 53 года, я уже не помню, кто в каком году был председателем совета командиров, но мне запомнился в этой роли Толик Загустин, воплощение надежности. Всё, что он делал, было продумано, взвешено и просчитано.

Жизнь в лагере была веселая и в меру дружная, т. е. — без принудительного единения, как обычно бывало в детских лагерях.

Не только мы ездили в гости с концертами. Однажды, например, до нас дошёл отряд пионеров. Этот поход организовал и возглавлял вожатый, инженер завода, от которого был их пионерлагерь. Так мы познакомились с Мишей Борщевским.

Я чувствовала, что в лагере действуют какие-то подводные течения, иногда переходившие в открытый конфликт между начальником лагеря и активом, но рядовых ребят это прямо не касалось, вплоть до завершения лагерной смены, которая длилась один месяц. И вдруг, когда оставалась пара дней до конца, начальник лагеря объявил, что автобусов для одновременного отъезда всех ребят не будет, надо разъезжаться частями, «как получится», т.е. достойного завершения лагерной жизни организовать не удастся. За месяц родился новый замечательный коллектив — и вот такая пощечина! Было очень обидно и несправедливо, особенно — по отношению к членам «совета друзей», вложившим в коммуну всю душу. И тут мой индивидуализм лопнул, прорвался и отвалился, исчез на годы. Я набралась смелости, подошла и спросила, чем могу помочь. Уж не помню, что мне в тот момент поручили, но потом, после возвращения в город, меня в первый раз позвали на собрание «совета друзей».

Я тогда перешла в 10 класс 11-летней школы. Осенью 1962 г. в «совет друзей» пришло новое пополнение. Среди них впоследствии самой известной стала Галя Старовойтова. Среди старших — Миша Борщевский и несколько студентов разных вузов.

Раньше самыми младшими в «совете друзей» были ребята, которым предстояло в будущем году окончить школу и летом поступать в вузы, поэтому они могли участвовать только в подготовке следующего летнего лагеря, но не в его проведении. Вновь пришедшие были на год младше. За зиму нам предстояло пройти обучение и подготовиться к организации деятельности коммуны летом 1963 г.

За зиму 1962—63 гг. у нас произошло ... нет, мы подготовили и провели несколько совместных мероприятий с нашими коммунарами. Больше других мне запомнился лыжный агитпоход во время зимних школьных каникул по различным населенным пунктам Тихвинского района Ленинградской области. Собственно, никакого «агит» не было, просто подготовили концерт художественной самодеятельности и поехали, взяв из прошлого традиционное название. Я не занималась организацией похода — была лишь рядовым участником, но сейчас пытаюсь и не могу вспомнить кого-нибудь из взрослых, отвечавших за транспорт, ночлег, питание, здоровье двадцати с лишним подростков, далеко не спортсменов — лыжников, которые отправились по незнакомому маршруту в 20-градусный мороз. Зато помню Аллу Торопову, 11-классницу, которая в ситуации ответственности, руководства быстро и уверенно, по-комиссарски, справлялась с какими-то, на мой тогдашний взгляд, совершенно не решаемыми задачами. Что касается меня, то не представляю, какая другая ситуация заставила бы меня съехать на лыжах с высокого довольно крутого берега реки, но все съехали, не могу же я всех задерживать!

Включая ребят всех школ района в совместную деятельность, мы не просто поддерживали связь с ними, но укрепляли и разнообразили их связь между собой, подготавливали жизнь будущего, второго лагеря. Если в первом лагере я была потребителем, то во втором — одним из рядовых, но активных соучастников.

А потом, как одно мгновение, пронеслись 2 года, определившие дальнейшую жизнь участников этого уникального коллектива, созданного В. М. Рендаковым. К моменту нашего знакомства «совет друзей» уже действовал не менее 2-х лет. В разное время в него входило от 7–8 до 14–15 человек, возраст: от 32 до 15 лет, студенты и школьники, двое старших — инженеры.

Как бы Вы осмыслили всю эту многоаспектную деятельность? Что же вас всех объединяло?

Что нас объединяло? Целый комплекс переплетенных между собой «внешних» и «внутренних» целей, которые мы разделяли, а также методов работы, адекватных нашему возрасту, стадии социализации, потребностям. При этом мы были и субъектом, и объектом деятельности.

Среди «внешних» целей:

- Осень 1962 г. Ветры перемен обдували и поддували с самых разных сторон. Такая атмосфера вызывала ожидание и желание перемен, ощущение невозможности жить дальше по-старому и желание перетряхнуть пыльную рухлядь одуряющего, устаревшего жизненного порядка, который связывал по рукам и ногам, мешал рождению любой свежей мысли, проявлению любой инициативы.

- Желание играть активную роль в формировании у наших сверстников группового поведения и сознания как инструмента воспитания у них системы ценностей «человека завтрашнего дня».

- «Внутренними» целями, конечно, были:

- Существование в комфортной среде, среди друзей, понимающих и ценящих тебя, ощущение поддержки и надежности.

- Постоянное повышение уровня нашей теоретической и практической психолого-педагогической компетенции.

- Самореализация каждого участника внутри своего коллектива в процессе совместной деятельности.

Как мы реально этого достигали? На основе принципа перспективных линий (по А. С. Макаренко) намечалась внешняя канва деятельности (с участием ребят, побывавших в лагере, и новичков), а также наш план подготовки каждого из этих мероприятий. Всё это происходило в ходе еженедельных собраний. Каждый участник, выполняя персональное поручение, каждый раз готовился — что-то придумывал, советовался, читал литературу и т. д. На собраниях каждого слушали, критиковали, поддерживали, помогали, определяли дальнейшие шаги.

По ходу дела углублялись то в психологию, то в педагогику, то в труды классиков. В те времена на русском языке не было никакой литературы по социальной психологии. По педагогике, кроме Макаренко, — сплошная вода, а о роли средств массовой информации следовало читать Ленина. Таким образом, наша деятельность буквально лбом ударяла нас в проблемы, не изученные теоретически (как нам тогда казалось) и трудно решаемые практически. А решать-то надо было! Брать на себя ответственность, набираться смелости и совместно решать. И делали. Удивительно, но делали без содержательной взрослой помощи, только

с минимальной организационной поддержкой. И, естественно, сами становились всё сплоченнее, крепло чувство уверенности во взаимной поддержке. Всё больше это распространялось и на другие сферы нашей жизни.

Когда я писал статью о Галине Старовойтовой, ее сестра Ольга Старовойтова достаточно обстоятельно рассказывала мне о коммуне. Вы один раз были в лагере или был и второй заход?

Выше я говорила о первом лагере, летом 1962 г. Теперь расскажу о нашем втором лагере, летом 1963 г. Ольга на 2 года моложе, она была только во втором лагере и — одной из самых младших. А мне повезло: если в первый раз я была потребителем того, что придумал и организовал «совет друзей», то во второй — одним из активных соучастников жизни коммуны. С тех пор прошло более 50 лет, забылись многие фактические подробности нашей жизни, помнится только основной смысл и эмоциональный фон.

Из фактической канвы. На удивление, совершенно не помню начальника лагеря. Только заглянув в воспоминания Р. Я. Старовойтовой, Галиной и Олиной мамы, которая приезжала в лагерь, я заново узнала, что начальником лагеря был директор школы со спортивным уклоном. Очевидно, он учел недостатки своего предшественника и выбрал самую безобидную тактику: ни во что не вмешивался и занимался рыбалкой. Вожатые отрядов были членами «совета друзей», что позволило использовать все зимние наработки и реализовать наши планы. Замполитом был Миша Борщевский.

Я помню, как перед отъездом росла гора будущего имущества лагеря, занимая всё пространство Кировского РК ВЛКСМ. Мы, освоив старинную пишущую машинку, составляли письма от имени РК на разные советские предприятия и в организации с просьбой выделить (передать во временное пользование или подарить — в порядке шефской помощи) палатки, спортивный инвентарь, оборудование радиоузла, и т.д. Потом мы созванивались с соответствующими организациями, сами ездили получать и свозили всё в райком. Год назад ни я, ни родители не поверили бы, что я могу самостоятельно, в результате взаимодействия с директором какой-то базы, организовать «добычу» и доставку кухонной посуды. Помню, с какой гордостью я стояла в кузове грузовика, везущего раздобытый в строительно-монтажном управлении рулон рубероида для столовой! А ведь до тех пор самой большой радостью для меня было знакомство с хорошей книжкой. Летом я даже решилась вступить в комсомол, но — по-своему: рекомендацию получала не от двух комсомольцев, а от общего сбора коммуны, очевидно, так обозначив свою будущую роль. Интересно, что это нарушение устава никого из комсомольского начальства не взволновало.

Вообще отношение ребят к коммуне определялось скорее не какими-то рациональными соображениями, а эмоциональным фоном, атмосферой. Конечно, некоторые ребята оставались на периферии, но чем интенсивнее коммунар вовлекался в общую деятельность, тем больше он погружался в эту атмосферу. Естественно, прежде всего, это касалось членов «совета друзей».

Миша Борщевский был душой, эмоциональным лидером, и в то же время — старшим товарищем (такое отношение у меня осталось к Мише до сих пор), но не таким, у которого есть рецепты выхода из любой ситуации. Иногда приходится жить в ситуации, не имеющей выхода, или — вырываться и начинать всё с нуля. Это мало кому под силу, Мише — удалось за всю жизнь даже несколько раз.

Коммуна была полигоном, заставившим каждого выйти из своего кокона и включиться в совместную деятельность для достижения общей цели. К примеру, в первую зиму нашего знакомства, до лагеря, Галя была очень закрытым человеком, но, когда её выбрали председателем совета коммуны, жизнь заставила общаться с большим количеством ребят. Выступать вечерами у костра на общем сборе, убеждая в своей правоте, призывать всех к чему-то — тут нужна не только аргументация и логика. Это она и раньше прекрасно умела. Тут нужна харизма, да и просто голос, способный без микрофона на открытом пространстве дойти до каждого из 150 слушателей — подростков. Пригодился опыт солистки хора в музыкальной школе, Галя не только перепевала, но и переубеждала всех. Через 25 лет вся страна услышала Галину Старовойтову, выступающую перед многотысячными аудиториями. А ещё через 10 лет, в огромной очереди перед институтом этнографии во время прощания с Галей я услышала рассказы простых людей, не знакомых с ней лично, но слышавших её выступления и поверивших ей.

Иногда возникала мысль: а не перегибает ли «совет друзей» палку, особенно когда распространяет свои высокие «внутренние» требования и критерии на более широкий круг ребят. Ведь в дальнейшей жизни каждый должен уметь отстоять себя, не надеясь исключительно на помощь друзей. С другой стороны, может быть, такой коллектив нужен лишь для слабых, а сильных он тормозит? И таких вопросов появлялось всё больше.

За время, оставшееся до окончания школы, у нас сформировался круг интересов, чётко проложивший путь к психологии и педагогике (понятия «социология» в обиходе еще не было). Но это в корне противоречило установкам поколения наших родителей, которых жизнь убедила, что «надежное» будущее может быть обеспечено только на основе высшего технического образования. С такими убеждениями они воспитывали нас. И мы, как приличные ученики и благодарные дети, поступили в технические вузы, решив, что к «человеческим наукам» можно будет вернуться потом. Конечно, обучение математике, статистике, физике, освоение общего подхода к процессу обучения в техническом вузе — всё это помогло в дальнейшем, но хотелось заниматься любимым делом уже сейчас.

Первым протоптал дорожку Миша, сменивший в том же, 1964 г., в возрасте 25 лет, технический вуз и инженерную должность на учебу в университете на философском факультете. От него мы узнавали расписание интересных лекций и сбегали со своих занятий в университет, где тогда В. А. Ядов читал «Методику и технику соц. исследований», И. С. Кон — «Социологию личности» и «Основные направления современной зарубежной социологии». Там же проходили интересные выступления, защиты диссертаций. Там я впервые увидела и услышала А. В. Баранова — о предмете социальной психологии, об уровнях общественного сознания.

Через пару лет мы всё-таки рискнули забрать документы из своих технических вузов и заново сдали вступительные экзамены — в университет.

Маша, пожалуйста, напишите о том, где Вы учились, что категорически не устраивало Вас?

Летом 1964 г. я поступила на дневное отделение Ленинградского электротехнического института связи им. Бонч-Бруевича и окончила там 2 курса, т. е. прошла общую подготовку, но не осталась на специализацию. Я поняла, что юношеские романтические планы были не верны, что тратить несколько лет на доучивание по специальности, которая мне не нужна, глупо. Это просто варварство по отношению к собственной судьбе. Впрочем, я благодарна Бончу за «технарскую хватку» в учебе, а также за полученный в течение этих 2-х лет навык количественного анализа материалов. Студент технического вуза иначе, чем гуманитарий, относится к учебе, к усвоению материала. Опыт учебы в Бонче очень помог мне и в университете, и во всей дальнейшей работе. И в эпоху БЭСМ, и, особенно, когда появилась возможность обрабатывать свои массивы на персональном компьютере. Вот бы такое, да раньше лет на 25!

Сложно было поступить на философский факультет?

В 1966 году на вступительных экзаменах в вузы был двойной конкурс из-за двойного выпуска из школ (при переходе от 11- к 10-леткам). К тому же, когда мы с Галей забирали документы из своих технических вузов (она — из Военмеха, я — из Бонча) и пришли на философский факультет ЛГУ, еще было неясно, откроют ли прием на новый факультет психологии или нет. А от этого зависел список вступительных экзаменов. Вопрос решился буквально за несколько дней до окончания приема документов. Вместо отделения психологии философского факультета открылся новый факультет психологии, вступительные экзамены — наполовину — гуманитарные, наполовину — естественнонаучные. Это, конечно, сильно увеличило наши конкурентные преимущества: сдавая школьную физику и математику после вузовского курса, была возможность отличиться. Вопросы экзаменаторов-физиков «на засыпку» нам казались просто заурядными. А вот на подготовку к экзамену по истории оставались всего сутки. Что же делать? У моего отца откуда-то заваялся дореволюционный учебник Платонова по истории — «для благородных девиц», со старой орфографией, «дозволенный цензурой», снабженный рисунком генеалогического древа царствующей династии. Галя решительной рукой порвала книжку пополам и мы провели ночь за этим увлекательным чтением, обмениваясь половинками. Моим слабым местом была история войн — ну не могу я помнить, какое войско куда пошло и что там случилось. Как же это всё запомнить, да ещё и срочно? Положение спас наш новый знакомый, Юрий Динабург, который знал всё про всё и замечательно об этом рассказывал. Я действительно запомнила и — о, счастье! — мне попался именно такой билет — с вопросом про военные действия зимой 1941/42 г., а «на засыпку» — про первого Романова.

Так я поступила на факультет психологии Ленинградского университета, на вечернее отделение. Почему на вечернее? Во-первых, меня больше всего интересовала «кухня», измерительный инструментарий, особенности применения разнообразных методик для изучения групп, а это можно было освоить только в процессе практической работы. Во-вторых, отец просто отказался меня содержать, раз я променяла «серьезный, перспективный Электротехнический институт связи на какую-то говорильню».

Пожалуйста, Маша, об учении... кто преподавал, кто из преподавателей вам больше нравился и т. д.

Так уж получилось, что первый курс лекций по психологии (еще до поступления на факультет) и последний — по методике преподавания психологии (на последнем курсе) я слушала у А. В. Ярмоленко. Она в те годы была уже весьма пожилым человеком, ей было физически нелегко читать двухчасовую лекцию, но она прекрасно справлялась и сама, как психолог, учила нас, как это делать: как проиллюстрировать психологические понятия, свойства, процессы; как работать над звучанием своей речи и т. п. Ее занятия были интересны и доступны. Когда позже мне пришлось самой преподавать, я залезла в конспекты лекций Августы Викторовны и была очень ей благодарна.

К сожалению, мне не довелось присутствовать на учебных лекциях основателя факультета, Б. Г. Ананьева, но я несколько раз слышала его выступления на общеуниверситетских и факультетских конференциях. Эти выступления всегда были (если не бояться громких слов) мудрыми и «основополагающими», всегда обращены в будущее. Он давал наставления своим ученикам — преподавателям, аспирантам, студентам. На Бориса Герасимовича на факультете буквально «молились», копировали, по возможности, элементы его методики преподавания, распространяя их по эстафете. Например, считалось неприличным мелочиться и бороться со списыванием на экзамене. Наоборот, студент мог принести с собой любые источники и использовать их, готовясь к ответу (но для этого при подготовке к экзамену необходимо было проработать эти материалы), зато беседа с экзаменатором не превращалась в проверку качества зубрежки, а была разговором коллег, где важна аргументация. Не каждый преподаватель чувствовал себя готовым к такой работе. Через много лет я с благодарностью вспомнила эту методику проведения экзамена. Она оказалась особенно актуальной в ситуации, когда мои слушатели были зачастую старше меня и очень неловко чувствовали себя на экзамене в роли школяров, боящихся что-то забыть. А в роли собеседников, диспутантов, да еще оснащенных источниками, — совершенно другое дело. Такая ситуация вызывает уважительное отношение и к собеседнику, и к предмету разговора.

Б. Г. Ананьев завел обычай тематических встреч с представителями разных психологических направлений, школ. Помню, приезжали грузины, рассказывали о продолжении исследований школы Узнадзе по установке. В другой раз приезжали киевляне. Проводились и ленинградские тематические встречи. И что было особенно важно для студентов: они чувствовали себя равноправными участниками всех факультетских событий — защит диссертаций, конференций. Первое, что бросалось в глаза при входе на факультет — большие объявления о предстоящих событиях, не только у нас, но и на родственных факультетах. В те доинтернетные времена, с учетом разбросанности факультетов по всему городу (психфак находился в особняке Бобринского), это было важно не только с информационной точки зрения, но и психологически — для поддержания чувства общности университетской жизни.

Из младших курсов мне запомнилось впечатление от биологического цикла. Надо представлять себе, что мы, выпускники школ 1964 г., в отличие от выпускников 1966 г., учились ещё во времена, когда в учебниках биологии царили Лысенко и Мичурин. Наше поколение оказалось последним до реабили-

тации генетики в школьной программе. Поэтому на первом курсе университета мы, прежде всего, осваивали новый школьный учебник по общей биологии, который был для нас откровением, т.к. включал общие представления о генетике, а уж потом — толстенный вузовский том. Это было очень интересно. После такого курса зубрежка латинских названий в предметах биологического цикла воспринимались как неизбежная, но не чрезмерная плата за вход в мир биологии. Занятия проходили в здании «Двенадцати коллегий», в старинных интерьерах, в окружении стеклянных шкафов с антикварным оборудованием и портретов ученых — классиков на стенах. Требования преподавателей — биологов были для меня, в отличие от некоторых студенток — гуманитарок, привычными — конкретными и серьезными, сведения — обоснованными, почти как в Бонче.

Совершенно иначе окрашены мои воспоминания о курсе сравнительной психологии, который вела Н. А. Тих. Она была к тому времени очень пожилым человеком. Ее лекции были скучны, от них отдавало советским консерватизмом и изоляционизмом — а ведь могло бы быть так интересно! Но я благодарна Нине Александровне вот за что. В основе ее лекций был трехтомник Вагнера, первые 2 тома были изданы маленьким тиражом перед революцией, а третий — отдельными выпусками — по-моему, в 1919 г., тоже минимальным тиражом. Но суровая Нина Александровна уважала свой предмет и сказала, что сдать экзамен без прочтения этих книг будет невозможно. Её не интересовало, что в Публичке был один экземпляр Вагнера, в БАНе — еще один. Не знаю, был ли в библиотеке университета. На факультете библиотека только формировалась. В Публичке записывались в очередь на Вагнера (тогда там еще не только не было микрофильмов, но и, почему-то, — ксерокопий). Тем не менее, не могу дать гарантию за всех студентов, но точно знаю, что абсолютное большинство действительно прочло Вагнера. Мне повезло: успела схватить в БАНе и сдавала экзамен в другое время.

Я вообще часто сдавала экзамены и зачеты не по расписанию, а когда чувствовала, что подготовилась. Это избавляло меня от лишних волнений. Разумеется, такое было возможно, поскольку на вечернем отделении нет главного подгонялы — стипендии.

У нас на вечернем отделении царила вольница: можно было не ходить на свои занятия, но, при желании, посещать другие. И я все годы пользовалась такой возможностью. Вместо того, что я и так знала (или считала, что лучше освою самостоятельно, по литературе), на младших курсах я прослушала многие спецкурсы своей специализации (социальной психологии), которые в учебном плане относились к старшим курсам. А на старших — ходила на интересовавшие меня занятия по другим специализациям, которые стояли по расписанию параллельно с нашими.

Так, я самостоятельно подготовилась и сдала курс статистики. Мне было невтерпех, т. к. это имело непосредственное отношение к работе.

Очень хороши были курс патопсихологии д-ра Либиха (для всех) и спецкурсы по соответствующей специализации, которые проходили в институте им. Бехтерева и сопровождались разбором конкретных случаев с показом больных. Я уже не помню фамилии этих преподавателей, но очень высоко ценю как содержание, так и методическую сторону их лекций и практикумов.

Следует признаться, что, поскольку, поступая на факультет психологии, я была настроена именно на социальную психологию, да еще на грани с социологией, цикл по общей психологии казался мне обременительным, слишком громоздким, растянутым. К тому же, мне мешал субъективизм многих авторов программ курсов. Я понимаю, конечно, что в университете преподаватель имеет на это право, но надо же думать и о студенте, у которого формируется «кривобокое» представление о науке. (Представляю, какое возмущение вызовет этот мой абзац у общих и дифференциальных психологов!).

К сожалению, не оправдались мои надежды на педагогический цикл. Эти занятия запомнились мне как бессмысленная игра в слова: на доске рисовалась очередная схема, давались определения понятий (часто одно через другое), а дальше — как мячиком, жонглировали этими понятиями, и ...всё! Ничего эвристического, нового, просто полезного я не узнала.

Опережая учебный план, я прослушала курс А. А. Русалиновой по промышленной социальной психологии. Он привлек меня своей конкретностью и методической оснащенностью, поскольку во многом был основан на личном опыте Аллы Александровны и работах лаборатории социальной психологии НИИ ИКСИ. Хорош и инструментально обустроен был спецкурс по социометрии, который читал И. П. Волков.

К сожалению, мне не удавалось применить эти знания у себя на работе, т.к. в нашей лаборатории был разрешен только один подход — никакой социальной психологии, только анализ социально-профессиональной структуры, даже, помню, не поощрялся интерес Тани Протасенко к анализу социально-потребительских групп. Однако в процессе выполнения курсовых работ мне всё-таки удалось освоить на практике несколько социально-психологических методик. Обычно работа проходила на одном из Ленинградских заводов, с которым у НИИ ИКСИ были заключены договоры на проведение прикладных исследований.

Вообще учебный план специализации по социальной психологии включал много небольших спецкурсов, которые по названиям были интересны и, по идее, очень нужны, а на самом деле оказались «натянутыми», да и читались скучно. К сожалению, два основных курса, которые я слушала у Е. С. Кузьмина, основателя отделения социальной психологии, — «историю психологии» и «социальную психологию» — тоже меня не вполне удовлетворили. Сначала я не понимала причины своей неудовлетворенности, но как-то всё читалось «через запятую», без увлеченности сутью, с каким-то организационным уклоном. Оставался вопрос: «А где же, собственно, наука социальная психология, где разбор сущности социально-психологических явлений?»

Вот тут-то аукнулось мое незнание английского: книги типа учебников по социальной психологии на русском только начинали появляться, а на английском были — в спецхране БАН и Публички.

Помощь пришла неожиданно. А. В. Баранов, который в это время перешел работать к нам в лабораторию (я тогда работала в Межинститутской социологической лаборатории под руководством О. И. Шкаратана, подробнее об этом — ниже), параллельно читал на факультете партхозактива в Университете марксизма — ленинизма при Горкоме КПСС курс лекций по социальной психологии. Он пригласил меня походить на эти лекции. Слушателями были люди с производства, которые в течение 2-х лет вечерами (не каждый день) посещали занятия,

сдавали экзамены. Наконец-то я услышала интересные — и по содержанию, и по форме — лекции, дающие представление о том, что такое социальная психология, как она развивалась, какие проблемы она рассматривает, какой вклад вносит в понимание личности в группе и группового взаимодействия и др. При подготовке к этим лекциям Альберт Васильевич, сидя в спецхране Публички, проработал массу учебников и первоисточников — на английском. Но на лекциях не было перечисления «через запятую» авторов и концепций. Материал был выстроен в соответствии с проблемным подходом, что сразу вовлекало слушателей в суть вопроса. В течение 1972—73 учебного года я слушала курс Баранова, а, начиная с 1973—74 учебного года, на протяжении довольно долгого времени сама читала там лекции и вела семинарские занятия по социальной психологии и методике соц. исследований.

Дипломную работу я делала практически самостоятельно. Научный руководитель лаборатории О. И. Шкаратан предложил мне покопаться в понятии «социальная активность». Поскольку моя работа в лаборатории тогда была связана с объединением «Татнефть» (г. Альметьевск), я решила сосредоточиться на проявлении социальной активности в различных сферах деятельности максимально однородной группы — конкретной бригады электромонтеров, обслуживавших нефтяные скважины. Это были молодые мужчины со средним образованием.

Получив в кои-то веки свободу действий, я подобрала несколько социально-психологических методик, во многом перекрывающих друг друга по изучаемым параметрам, плюс обычное социологическое формализованное интервью. Отработала методики, а потом, с помощью сотрудницы нашей лаборатории Нади Игнатьевой, собрала материал в Альметьевске, прямо на рабочем месте бригады — в поле, рядом с качалками.

Обычный социологический количественный анализ материала я включила в общий годовой отчет по исследованию, а для дипломной работы мне нужен был совместный анализ данных по всем использованным социально-психологическим методикам. Сейчас это бы не составило труда: загрузи данные в свой персональный компьютер и прокрути с помощью нескольких программ, корректируя шкалы несколькими итерациями — всё в твоих руках. А тогда мы могли пользоваться только стандартной программой, с помощью которой обрабатывали массивы анкет. Корректировать шкалы или как-то иначе усложнять алгоритм обработки — «и думать не могли» — кто же тебя пустит!

Кстати, через несколько лет, когда я участвовала в анализе материалов опроса А. В. Баранова, обработка проходила в вычислительном центре ИСЭПа. К машинам нас не допускали, мы подавали заявки на расчет конкретных таблиц, а грозная Клавдия Ивановна Гришмановская всех ругала за какие-то неточности в заданиях и железной рукой «заворачивала» их. Я, во-первых, не была сотрудником ИСЭПа и участвовала в этой работе на волонтерских началах, а во-вторых, не умела программировать (это, к сожалению, не входило в учебный план психфака), но ведь, когда припрет, напряжешь мозги и придумаешь выход из любой ситуации. Я вспомнила, чему нас учили в курсе символической логики, и стала как-то записывать задания — с корректировкой шкал, на подмассивах, матрицы интеркорреляции. И — о чудо! — Клавдия Ивановна меня полюбила.

Мне кажется, чем сложнее было задание, тем больше ей нравилось. Она не просто не заворачивала мои задания, а даже звонила мне домой, когда таблицы были готовы, что стало предметом моей гордости на всю жизнь.

Но вернемся назад — в то время, когда я утонула в необработанных материалах своего диплома. Заниматься «через запятую» описаловкой результатов по всем методикам я не видела смысла и отложила окончание этой эпопеи на неопределенное время — «надо мной не каплет», это же не дневное отделение.

А тут вмешались совсем другие обстоятельства. Во время очередной командировки в Альметьевск я свалилась сначала с дизентерией, а потом — еще и с аппендицитом. Это внесло разнообразие в мою жизнь. Я многое узнала о здравоохранении в провинции. Сначала ко мне в гостиницу отказывалась ехать скорая, т. к. «потом машину надо будет дезинфицировать». И приехала, только когда какой-то военный — постоялец гостиницы командирским голосом наорал по телефону на диспетчера скорой. Зато потом меня, как ленинградского гостя, которого «надо вылечить!», поместили не во взрослую, а в детскую инфекционную больницу — «там лучший врач, она недавно была в Ленинграде на стажировке». И меня лечили по последней методике: огромным количеством антибиотиков и сульфамидов, после чего я много лет не могла привести себя в норму, так мерзко себя чувствовала, что было не до диплома. А через неделю интенсивного лечения от дизентерии у меня разыгрался аппендицит, меня перевезли в другую больницу и сделали операцию. И опять я многое узнала о здравоохранении в провинции. Несмотря на мою просьбу дать общий наркоз, операцию начали под местным. Только после того, как я запретила продолжать, мне, наконец, дали общий наркоз. А потом, как питерского гостя, меня положили не в коридор, где лежащие больные находятся все вместе — и мужчины, и женщины, а в палату. А потом, когда я еще не могла встать с постели, по стене, сверху вниз, всё ближе к моей голове, полз таракан и я не могла от него убежать и не могла его прихлопнуть, а могла только орать и звать постовую сестру. Она пришла и, смеясь надо мной, добродушно сказала, что тараканов не выгнать: «их травишь, а они по вентиляционным ходам уходят на другой этаж, а потом возвращаются». Через несколько дней за мной прилетела мама и увезла, прямо с дренажем, домой. Позже я узнала, что в Альметьевске на молокозаводе в результате проверки 1/3 работников оказалась носителями бактерий дизентерии. И это был февраль — март, а не осень.

К диплому я вернулась года через полтора (поэтому закончила университет на два года позже своих сокурсников). Как-то на работе, в лаборатории, во время разговора с Андреем Вейхером я поделилась своей проблемой: собранный материал не выстраивается, и нет идеи, как его укротить. Андрей посоветовал: «А попробуйте посчитать матрицу интеркорреляции между проявлениями социальной активности в выделенных сферах деятельности и нарисовать граф связи». через полчаса граф был готов, такой красивый и осмысленный! Вообще всё стало осмысленным. Куча шелухи сразу отвалилась. Стала понятной логика будущего текста: проблема, идея, гипотезы, методики, а дальше — мой замечательный, прозрачный граф связи и несколько слов, пересказывающих его — для тех, кто не понимает графику и нуждается именно в тексте. Тогда я, наконец, встретилась с Н. В. Бахаревой, руководившей прежде моими курсовыми работами, показала материал и попросила «быть руководителем». Я очень благодарна ей за то, что

не прогнала и посоветовала, как лучше представить мои материалы. А потом я за сутки всё написала, отдала распечатать и отвезла на рецензию А. А. Русалиновой. Через пару дней — защита диплома. Алла Александровна оказалась суровым рецензентом. Она сочла недостатком работы отсутствие подробного, «стандартного», я бы сказала, описания полученных результатов. На счастье, я прихватила с собой мой рабочий отчет, содержащий требуемую описаловку. Я предъявила его комиссии, но пояснила, что к достижению цели и решению задач дипломной работы этот текст не приближает, поэтому я и не включила его в сам текст диплома. А достигается цель именно теми пятью страничками, которые, собственно, и являются дипломной работой. Плюс много приложений: методики, таблицы первичных данных, описание объекта, респондентов... В общем, действительно была защита, я осталась довольна. До сих пор испытываю чувство удовлетворенности, вспоминая, как было дело.

Вы учились на вечернем отделении, как смогли найти работу «по специальности»?

Это было чрезвычайно трудно. Во-первых, тогда еще мало где, кроме университета, занимались социологией и социальной психологией. Я, естественно, готова была на любую работу, самым младшим подметалой, но доброжелатели сразу сориентировали: пока кадрами в университете командует знаменитый Катькало, мне с моим «пятым пунктом» и пытаться не стоит.

Первый год я подрабатывала, позируя студентам Академии художеств. Занятия у них проходили не так, как у нас: преподаватель приходил, смотрел работы и уходил, а ребята продолжали работать самостоятельно. Было довольно интересно слушать преподавателей, когда они корректировали работу своих студентов. Кстати, многие из этих замечаний прямо иллюстрировали психологические закономерности, о которых нам рассказывали на факультете психологии. А я, в свою очередь, чтобы не скучно было сидеть, иногда пересказывала это студентам — художникам. Всё бы ничего, да был в этой работе огромный минус: всё время, пока длится «постановка», 3 недели, надо приходиться в одной и той же одежде. Даже крохотный кусочек блузки другого цвета, случайно выглянувший из жакета, вызывал панику. А поскольку «постановки» в разных учебных группах менялись не одновременно, практически приходилось весь семестр ходить в одном и том же. Так я проработала год.

Во второй половине 60-х годов А. В. Баранов, работая на кафедре философии Академии наук, занимался социологией города и сотрудничал с двумя ведущими градостроительными НИИ Ленинграда, занятыми проектированием новых городов в Сибири. Он познакомил с этими работами М. Борщевского и Миша включился в урбан-социологическую проблематику, несколько лет работая то в одном, то в другом из этих НИИ. И, естественно, познакомил Галю и меня с этими исследованиями и их участниками. Так Галя поступила на работу к архитекторам техником — социологом, а через год перешла лаборантом в группу А. В. Баранова на кафедру философии Академии наук. Я тоже сначала занималась у архитекторов обработкой социологических анкет, а еще через год, в 1968 г., меня, по рекомендации Миши, взяли лаборантом в Межинститутскую

социологическую лабораторию под руководством Овсея Ирмовича Шкаратана. Часть ставок там была от института Этнографии АН, а часть — от Финансово-экономического института. Я принадлежала ко второй части.

Несколько необычно начиналась моя жизнь в лаборатории. В первый же день к Шкаратану зашел Баранов и принес слух о том, что завтра в Москве, в ИКСИ будет проходить семинар по проблемам методологии и опыту проведения исследования общественного мнения (в Таганроге). Надо бы кого-то послать, чтобы законспектировали. К счастью, в тот момент под руку подвернулась я. Вопрос ко мне был только один: есть ли у меня в Москве место переночевать. Разумеется, место нашлось. Так я попала на семинар к Б. А. Грушину. Оказалось, что семинар — не однодневный, как мы предполагали. В течение двух недель по 5–6 часов в день Б. А. Грушин подробнейшим образом рассказывал о методологии комплексного исследования, делился опытом решения проблемы сопряжения огромного числа конкретных исследований, включая разработку самых разнообразных методик, подготовку кадров для полевых работ, а также методологию анализа данных. Всё это было безумно интересно. Тогда я еще была не готова понять всю сложность решаемой проблемы, но старалась хотя бы законспектировать (додиктофонная эра).

Вернувшись из командировки, я «попала с небес на землю». В те годы научная работа в вузах проводилась в рамках научно-исследовательского сектора, заказчиками выступали как предприятия, так и города. Первый договор, в выполнении которого я участвовала, был — по проблемам текучести рабочих кадров на ленинградском мясокомбинате. Начинал работу по теме А. В. Тихонов, а заканчивал А. А. Вейхер, тогда аспирант Финансово-экономического института. Целый год по два дня в неделю я в течение всего рабочего дня сидела в отделе кадров мясокомбината и опрашивала по социологической анкете поступающих и увольняющихся рабочих. Почему опрашивала? Потому что сами они не могли заполнить очень простую анкету — не понимали печатного текста. В учебнике это называется «функциональной безграмотностью», но реально представить такое можно, только увидев своими глазами. Потом был проведен анкетный опрос работающих в различных цехах. Тогда я познакомилась с особенностями производства на мясокомбинате, увидела проблемы глазами рабочих и поняла, что не все они могут быть отражены в наших анкетах, но зачастую имеют большое значение для решения проблем текучести.

О. И. Шкаратан, со всем своим научным коллективом, всегда «сидел на двух стульях». С одной стороны, он изучал социальную структуру общества на уровне предприятия. Отсюда панельные социологические исследования на предприятиях различных отраслей промышленности Ленинграда. С другой стороны, — на уровне города. Отсюда панельные социологические исследования городов (большой, средний и малый города Татарстана).

Я участвовала в полевых работах, а также обработке материала этого исследования, так частично исполнилось моё желание освоить инструментарий и технологию проведения работ. Теперь я хорошо представляла себе, как организовать обучение и полевую работу коллектива временных помощников, как найти общий язык с разными респондентами, как и почему «работают» или

«не работают» те или иные методики на респондентах различных категорий. научилась проводить статистическую обработку и анализ материала с помощью еще тех, старых, больших ЭВМ.

В те годы и от предприятий, и от городов требовалось составлять планы социально-экономического развития. На выполнение этих работ выделялись немалые деньги и заключались договоры с научными подразделениями вузов. В нескольких таких проектах по заказу предприятий участвовала и я. Но гораздо интереснее мне были исследования по городской тематике. Да так уж судьба сложилась, что лишь иногда удавалось в них поучаствовать, например, во время проведения одного из срезов панельного исследования — в 1974 г., в период массовых полевых работ в Татарии (города Казань, Альметьевск, Мензелинск). Поскольку это был не первый срез, да и вообще мы постоянно были связаны с исследованиями по Альметьевску, приступая к работе, мы не ожидали столь серьезных преград со стороны партийно-хозяйственного руководства. Но неожиданно массовый социологический опрос встретил препятствия на самых разных уровнях.

М. Борщевский в это время уже давно работал в нашей лаборатории, и Шкаратан назначил его руководителем полевых работ во всех трех городах. Кроме того, в каждом городе был свой руководитель. Я входила в альметьевскую группу, которой сам Миша и руководил. В Казани это был Олег Божков. Как дела в Казани, мы узнавали в Альметьевске каждый вечер по телефону. (Наверно, не все сегодня согласятся с моим рассказом. Неизбежно, каждый вспоминает эти события по-своему, что объясняется, с одной стороны, изначальной аберрацией сознания участников, а с другой — за 40 лет вообще многое забылось). В Казани очень долго не удавалось получить разрешение на проведение опроса, группа простаивала, что вызывало сильный психологический напряг. Что-то должно было случиться. И случилось: в результате несчастного случая Олег оказался в больнице с переломом обеих ног. Кому из рабочей группы — «подхватить знамя»? Кто из участников был способен взять на себя роль лидера в кризисной ситуации? Как говорится, «никогда не угадаете» — Галя Старовойтова.

Галя вообще не была сотрудником нашей лаборатории, а на опросе находилась по разрешению Шкаратана. В это время она была аспиранткой института этнографии и занималась этнографией современности — на примере татар, сравнивая жизнь татар в Татарии и в условиях «этно-дисперсной группы» (если не ошибаюсь, термин ввела Галя) — в Ленинграде. Для опроса респондентов — татар Галя составила вкладыш в нашу основную анкету. Потом, вернувшись в Ленинград, она сконструировала «зеркальную» выборку, подобрав «в пару» каждому респонденту — татарину из Татарии татарина — ленинградца с аналогичными параметрами (пол, возраст, семейное положение, образование...). Сравнительный анализ материалов этих двух массивов лёг в основу Галиной кандидатской диссертации.

Итак, Галя во многом взяла кризисную ситуацию на себя. Я сразу узнала коммунарскую хватку: способ достичь цели существует всегда, только надо не теряться, не впадать в ступор, а найти и применить метод, адекватный данной ситуации. Включение харизматического стиля желательно. Галя сдала экзамен

на пятерку! Она договорилась в обкоме, исполкоме и прочих инстанциях, поддерживала рабочую атмосферу в полевой бригаде и обеспечила успешное проведение опроса.

У нас в Альметьевске проблем такого масштаба не было — Миша справлялся с ними «в процессе поступления», к тому же, в организационных вопросах очень помог А. В. Тихонов, долго возглавлявший в Альметьевске социологическую службу. Но всё равно атмосфера опроса именно в тот раз оказалась небывало тяжелой. Помню, например, как мне пришлось вечером после проведения опроса буквально под руки провожать в общежитие членов своей рабочей группы анкетеров — 16-летних студенток техникума. Местные хулиганы не давали им прохода, а девочки только недавно приехали из своих сёл учиться «в большой город Альметьевск» и не знали, как вести себя в конфликтной ситуации. Они позвонили мне и пожаловались, что стоят на центральной площади и не могут попасть домой. В тот момент я так рассвирепела, что даже в голову не пришло, что это может быть опасно, что надо звонить в милицию и т.п. Я только помнила: девочки — из моей группы и я за них отвечаю. Добежав до площади, я схватила их под руки и отвела в общежитие, а по дороге «спустила пары»: так наорала на хулиганов, что они куда-то растворились. И подобные сложности были у всех. Мы очень уставали, вечерами Миша нас отпаивал «коровой мэри».

Не вспомните ли о методах сбора информации, которыми вы пользовались?

Прежде всего, это был сбор информации, содержащейся в официальных документах (картотека отдела кадров предприятия, жилконторы, ПТУ, школы и т.п.). Во-вторых, я освоила «кухню» анкетного опроса и формализованного интервью. И всё больше убеждалась в ограниченности их возможностей. Например, после упомянутого выше опроса жителей трех городов Татарии началась длительная многоэтапная обработка материала. Специально созданные группы сотрудников лаборатории «закрывали» «открытые» вопросы. И вот, когда, перелопатив весь массив, группы с этим практически справились, остался последний вопрос. Традиционно в конце анкеты оставляется место для ответа на «открытый» вопрос: «Каковы Ваши предложения по улучшению жизни в городе?». И вдруг среди привычных ответов мы видим: респондент из Альметьевска, города нефтедобытчиков, выросшего за 20 лет из села, пишет: «Построить памятники старины». А надо было видеть этот сотысячный город, состоявший из района пятиэтажек постройки 50-х и 60-х годов, с городскими улицами, и района частных домов, с деревенскими улицами, плюс элементарная инфраструктура — глазу отдохнуть не на чем! Я не знаю, каким шрифтом надо выделить эти слова! И какая нужна многослойная интерпретация — социологическая, психологическая, архитектурная, градостроительная — для обоснования рекомендаций заказчику!

В те годы о качественном анализе мы и не слыхивали. Гораздо позже, знакомясь с работами Центра независимых социологических исследований (В.Воронков с коллегами), я увидела, что они применяют качественный анализ, но как-то было непривычно, хотелось количественной фундированности. А потом моя дочь заинтересовалась именно качественным анализом. У них на социологическом факультете уже читались соответствующие спецкурсы. И нако-

нец, одно из моих последних исследований на последнем, перед выходом на пенсию, месте работы включало, наряду с другими методами, качественный анализ неформализованных интервью.

Однако в те годы, о которых я пишу, наша лаборатория пользовалась почти исключительно количественным анализом материалов анкетных опросов. Но в поиске латентных факторов поведения людей я старалась познакомиться с другими методиками. Так, о методике семантического дифференциала я впервые узнала в 1966 г. на семинаре В. В. Бойко, психолога с филологическим образованием, который пересказывал содержание статей авторов методики, Осгуда и др. Во время поездки в Москву в 1968 г. среди методик, использованных в проекте «Общественное мнение», от Тамары Моисеевны Дридзе я также услышала об использовании методики семантического дифференциала. Позже о применении этой методики в исследовании «Дом» рассказывали эстонские социологи из лаборатории Ю. Вооглайда (Тартуский университет) во время своего приезда в сектор В. А. Ядова. Наконец, во время подготовки своей дипломной работы я выбрала семантический дифференциал в качестве одной из методик. Но всё оказалось непросто. Хорошо, что было отобрано несколько методик и они по смыслу во многом дублировали друг друга: по крайней мере, половина моих респондентов, рабочих Альметьевского нефтедобывающего предприятия, не смогла понять, как надо выполнять задание.

Еще раньше через Галю я впервые познакомилась с методикой контент-анализа. Галя тогда работала у А. В. Баранова и под его руководством участвовала в контент-анализе материалов газеты «Известия» за разные годы. Исследование имело две цели: 1). Измерение «удельного веса», доли субъективного фактора в жизни общества, по сравнению с объективными (по мнению газеты). 2). Выявление динамики общественных оценок мотивов человеческого поведения¹.

Наконец, примерно в это же время все мы по мере возможности старались познакомиться с проектом В. А. Ядова, И. С. Кона и др. о ценностных ориентациях личности, где преимущественно применялись социально-психологические методики². Я, в своей дерзости, даже адаптировала одну из этих методик и попыталась включить ее в исследование по профориентации школьников и учащихся ПТУ. Материал был собран, но как обычно и бывало, мне объяснили, что его анализ выходит за рамки хоздоговорной работы.

Все эти годы я старалась познакомиться с различными подходами к многофакторному анализу социально-психологических явлений. В это время появились статьи по таксономии, в курсе статистики у нас были даже основы факторного анализа, но технически работа с этими методиками была мне не доступна. Только в последние 15 лет своей карьеры, получив в руки персональный компьютер и программу SPSS, а главное — право на самостоятельный анализ эмпирических материалов, я вволю «наигралась» возможностями многомерного анализа. Но это — уже совсем другая глава и в развитии науки, и в моей личной биографии.

¹ Баранов А.В. Опыт текстового анализа газеты. В сб.: Количественные методы в социальных исследованиях : материалы совещания, прошедшего в г.Сухуми 17–20 апреля 1967 г. / Ред. В.В. Колбановский. — Москва : Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, 1968. — (Материалы и сообщения) <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/a-v-baranov-pionernye-kontent-analiticheskie-issledovaniya-1960-e-gg>

² Личность и ее ценностные ориентации. М., 1969, вып. 1. (Информационный бюллетень ИКСИ АН СССР, № 4 (19)).

Вернемся к периоду работы в Межинститутской лаборатории (1968–75 гг.). О. И. Шкаратан постепенно собрал великолепный творческий коллектив. Тогда в России еще не было академического социологического образования. У каждого была своя история прихода в социологию. И на первом этапе каждый «рос над собой», достигая требуемого уровня. У каждого, конечно, были сильные и слабые стороны, но в целом они прекрасно дополняли друг друга, что содействовало успеху общей работы.

Постепенно сотрудники лаборатории «перерастали» гармоничную стадию и привычную тематику. В какой-то момент это вылилось в организацию постоянно действующего семинара по концепции социального воспроизводства. Причем семинар проходил принципиально вечерами, в нерабочее время. Присутствовать могли все желающие (но Шкаратан там ни разу не появился). Слушали доклады участников, обсуждали. Я привозила на трамвае свой тяжеленный магнитофон «Дайна», на котором можно было вести запись 8 часов, не думая о технических ограничениях.

К 1975 г. ситуация созрела к изменениям и со стороны отдельных членов коллектива, и со стороны организации. О. И. Шкаратан в это время уже переехал в Москву. На базе ленинградских секторов московского ИКСИ и некоторых собственно ленинградских академических подразделений был организован ИСЭП. Академическая часть лаборатории образовала там сектор, занимавшийся проблемами городов. А сотрудников лаборатории, которые работали на ставках Финансово-экономического института, распределили по кафедрам. Так закончилась жизнь межинститутской социологической лаборатории.

Я оказалась на кафедре статистики. Хоздоговорные темы, в которых мне пришлось участвовать в это время, меня не интересовали. Складывалось впечатление, что они вообще никого не интересовали и нас держали, чтобы мы присутствовали в арендуемом институтом помещении и «грели место». Некоторое разнообразие иногда вносила смена этого места на «полевые работы» в очередном отделе кадров. К анализу материала нас не привлекали, и это было хорошо, т.к. методы и стиль кафедры были мне совершенно чужды. Но что делать — уйти было некуда. Это были самые мрачные годы: перспективы никакой. Кто мог, постепенно уходил — кто переезжал в Москву, кто уходил в котельную. Я пять лет терпела, время от времени находя для себя отдушину в сотрудничестве с А. В. Барановым и его группой — Валерием Глуховым, Лизой Петровой и Аллой Серебренниковой. Они в это время (1978–80 гг.) проводили на материале опроса жителей Ленинграда очередной срез панельного исследования по проблемам городского образа жизни, адаптации мигрантов в Ленинграде и т. п. Я была знакома с предыдущим срезом, 10-летней давности. конечно, очень интересно было узнать, какова динамика. Но не только. В новой анкете были шире освещены различные аспекты адаптации мигрантов. Мне хотелось посмотреть, что общее, а в чём особенности процесса адаптации различных категорий мигрантов. Рассматривались различные социально-демографические и социально-экономические факторы, влияющие на скорость и «профиль» процесса адаптации — возраст в момент миграции (принадлежность к поколению и стадия социализации), место выезда (тип поселения), образование в момент приезда и т. п. Как всегда при исследовании сложных социальных процессов, нужен был совместный анализ влияния множества факторов на различные показатели уровня адаптации.

К этому периоду и относится «мой роман» с К. И. Гришмановской, о котором я упоминала выше. Я с наслаждением «купалась» в этом материале, пытаюсь его «расслоить» и «свернуть». Проявились многие закономерности. Но объем работы был огромен, одно тянуло за собой другое, а мои возможности ограничены — ведь я всем этим занималась помимо основной работы. Последней каплей оказался «заворот Горлитом» нашей с Лизой статьи с простейшими эмпирическими данными, характеризующими досуг разных категорий ленинградцев. Нас спросили: «А откуда у вас эти данные? Укажите печатные источники». Результат опроса как источник не подошел! Всё казалось бессмысленным и бесперспективным — если даже такое не опубликовать, то «два поколения как эмпирически подтвержденное время адаптации» — тем более. К чёрту!!!

Катилось лето 1980 г., приближался отпуск. Галя предложила мне присоединиться к их экспедиционному отряду, изучавшему долгожителей на Кавказе, и я с радостью согласилась.

Похоже, что эта экспедиция имела определяющее значение в жизни и политическом мировоззрении Галины Старовойтовой; ведь пройдет несколько лет, и она станет крупнейшим специалистом по национальным конфликтам на Кавказе и депутатом Верховного Совета СССР от Армении. Пожалуйста, расскажите о той экспедиции.

Комплексное международное исследование проблем долгожительства началось во времена предыдущей разрядки. В ежегодных экспедициях участвовали специалисты самых разных областей (биологи, этнографы, социологи, психологи, географы). Полевые работы проходили в течение нескольких летних месяцев, каждый год — в разных местах, известных повышенной долей долгожителей. У нас — на Северном Кавказе и в Закавказье, в т. ч. в Нагорном Карабахе, входившем тогда в состав Азербайджанской ССР. Помню, вернувшись тогда из экспедиции, Галя рассказывала об очень тяжелой ситуации, в которой находится армянское население автономии. Везде было «не ах!», но на общем фоне отличался именно Нагорный Карабах. А мы, в европейской части, об этом тогда еще и не подозревали.

Состав отряда не был постоянным: одни приезжали, другие уезжали. Галя много лет участвовала в этой работе, в т. ч. несколько раз возглавляла отряд. За эти годы она изучила «тонкие» моменты в истории, в сложной, трагической судьбе кавказских народов. Наряду с печатными изданиями и архивными материалами, Галя познакомилась со многими представителями самых разных социальных групп — от правительственных чиновников до научных работников, от городской интеллигенции до жителей отдаленных сел. И слышала из устных источников разные варианты интерпретации как далеких, так и недавних событий в жизни народа, увидела настроения в различных социальных слоях. Поэтому, через несколько лет, когда центр ослабел окончательно, мы не удивились, что взорвалось прежде всего на Кавказе.

Летом 1980 г. экспедиционный отряд работал в Гудаутском районе Абхазии. Я приехала в середине августа и проработала в отряде весь отпуск — до середины сентября, участвовала в проведении этнографических интервью и социально-психологических тестов. Мы жили в помещении сельской больницы и ради-

альными маршрутами ездили (или добирались пешком) к нашим информантам — долгожителям и их семьям, проживающим в различных селах Гудаутского района. С отрядом работали два переводчика — учителя местных школ.

Село находилось на расстоянии всего получаса езды до моря, но это уже совершенно другой мир. местные жители нам рассказывали, почему они ведут себя по-разному на побережье и «внутри». По пути к очередному информанту переводчик рассказывал мне про местные обычаи, которые необходимо учитывать при общении в сёлах. Другие члены отряда были в курсе, а я спешно их догоняла и быстро освоилась, конечно, не вполне — на это был бы нужен не один месяц — но достаточно, чтобы выполнять свою работу.

К сожалению, я не знакома с итогами всего многолетнего исследования, посвященного поискам факторов долгожительства. Но Галя делилась своими наблюдениями, сделанными по ходу работы. Старики живут в стабильном окружении: большая семья, соседи всегда поддержат, помогут. В семье они пользуются уважением, положенным человеку их возраста. Зафиксировано завышение стариками своего возраста — для большего уважения. Понятие социального возраста отражено в языке, например, в различных названиях возрастных категорий, отдельно для мужчин и женщин. У каждой возрастной категории свои права и обязанности, поэтому нет необходимости (и желания!) торопить и нарушать естественный ход событий. Отсюда нет причин для множества стрессов, обычных в жизни современного горожанина. Например, учитель так объяснял мне, почему не хочет раньше времени становиться директором школы: «всему своё время. Я еще не сполна воспользовался своей свободой ... Тогда уже многое будет нельзя, к примеру, ездить на побережье ...» (т.е. общаться с туристами в их стиле, а не так, как принято в народной традиции).

Среди социально-психологических методик применялся цветовой тест Люшера. В данном контексте он был ценен как прожективный и невербальный. По Галиному наблюдению, для некоторых стариков был характерен «ювенильный выбор цветов», а для других — «сенильный». Поскольку работа велась несколько лет, удалось проследить, что старики с «сенильным выбором цветов» по Люшеру в последующие несколько лет умирали чаще, чем те, кто делал «ювенильный выбор», т. е. характерный для молодежи. К сожалению, результат окончательной обработки этих материалов мне не известен.

Во время пребывания в Абхазии мы оказались свидетелями проявлений недовольства, протеста местного населения против решений грузинского республиканского руководства, которые непосредственно затрагивали жизнь людей. Причин недовольства было много, как социально-экономических, так и социально-психологических. Например, все доходы от туризма уходили в Тбилиси, а обратно на развитие Сухуми средств поступало совершенно недостаточно. В новой республиканской конституции государственными языками признавались русский и грузинский. Абхазы, кроме сельских стариков, хорошо говорят по-русски, но не по-грузински. Г. Смыр, этнограф, рассказывал мне, что, когда он учился в пятом классе сельской школы, им не разрешали в школе говорить на абхазском. Однажды к нему в школу пришел его дед и кто-то подслушал, что они на перемене в коридоре разговаривают по-абхазски (а на каком языке еще говорить с дедом, который других языков не знает!). Мальчика исключили из школы.

Восстановили после того, как он хорошо станцевал лезгинку на танцевальном конкурсе, от старания разбив коленки. Этот эпизод был в сталинские времена, но память о нём осталась на всю жизнь и передаётся детям и внукам.

Нам пояснили, что волнения здесь происходят далеко не впервые. Я не знаю, что послужило толчком в этот раз, но информация моментально распространилась по селам и мы видели, как весь транспорт развернулся и повёз людей к Лыхнинскому полю, которое традиционно в течение веков является местом сбора народа. Там происходит обсуждение, выступают народные ораторы и самые уважаемые люди, принимаются решения. Напоминаю, что это был 1980-й год, в стране глухой застой, диссиденты сидят или уехали — тишина. И вдруг за Кавказскими горами — другой мир, другая энергетика — прямо иллюстрация к лекции Л. Н. Гумилёва о пассионарности. А дальше, через несколько лет магма, бурлившая в недрах всё сильнее, вырвалась наружу и начались социальные процессы, аналогичные природным — извержению, землетрясению и, наконец, цунами.

Находясь в экспедиции, я познакомилась с очень интересными людьми — абхазскими учеными — историками, философами, этнографами — влюбленными в историю и культуру своего народа, немало пострадавшими за это. Позже они приезжали в Ленинград и я всё больше узнавала от них о системе ценностей, образе жизни абхазов, традициях, а также особенностях их бытования и адаптации к современным условиям. Это было для меня не только по-человечески понятно и близко, но и дало очень интересный сравнительный материал для преподавания социальной психологии.

... а как развивались дела в Ленинграде?

А тем временем, дома, в Ленинграде, продолжалась жизнь совершенно беспросветная. Надо было сменить доминанту. В 1981 г. у меня родилась дочка. Мама ушла на пенсию — растить внучку, а мне надо было работать. Сначала я предполагала всё-таки до года побыть с дочкой, но зав. кафедрой статистики, где я работала, Э. К. Васильева, поступила, как и положено советскому рачительному начальнику. Испугавшись, что я буду часто брать больничный по уходу за ребенком (не смотря на наличие бабушки), она через 5 месяцев специально уговорила меня выйти на работу, чтобы тут же уволить «по окончании темы», чем нарушила несколько законов. Позже мне рассказали, что другая девушка, работавшая на той же теме, что и я, с гораздо меньшим опытом работы в данной области, оказалась для Э.К.Васильевой предпочтительнее, якобы, потому что была дочкой её подруги. Но очень скоро это «вышло боком»: при работе с цифровым материалом девушка допустила то ли крупную ошибку, то ли даже подтасовку. Этого статистическая душа Эвелины Карловны не вынесла и девушка была уволена.

Ко мне попытались применить обычную тактику отдела кадров, всё было рассчитано на правовую неграмотность людей и обычно срабатывало. Но у меня было безвыходное положение, поэтому я победила в этой борьбе. А хитрость в том, что в 1968 г. меня приняли на постоянную работу. По окончании темы работник переходил на другую. Однако в какой-то момент всех сотрудников НИСа перевели на срочные договора — на время работы по конкретной теме. Помня, что приказа о переводе на другую форму договора я не подписывала,

а положение работника нельзя ухудшить без его согласия, я упорно продолжала в заявлениях писать: «принять на тему ...» или «уволить с темы ...», а не просто «принять» или «уволить». Никто, по небрежности, этого не замечал и вот теперь — пригодилось: меня, в отличие от тех, кто был принят на работу позже, нельзя было увольнять по окончании срока договора, т.к. я — на постоянной ставке м.н.с.! Это признали всякие конфликтные комиссии, приказ об увольнении отменили. Однако куда же меня девать? И меня стали перекидывать внутри института на временно свободные ставки, со снижением зарплаты. Так продолжалось несколько месяцев, но уходить мне было некуда.

Удалось ее сменить?

Я, конечно, искала. Заканчивалась доинтернетная эра, резюме еще заранее не рассылали. На телефонном этапе переговоров всё, вроде, было хорошо, мой опыт работы вполне устраивал, но потом, после знакомства с моими документами, оказывалось, что ставка уже занята. Я бросила клич по всем коллегам и, как всегда в те времена, именно это и сработало.

Моя соученица по университету, А. Шалыто, на волонтерских началах занималась трудоустройством выпускников — психологов и в её копилке нашлось место, куда меня взяли. Это была кафедра педагогики и психологии Высшей профсоюзной школы культуры.

На кафедре я проработала с 1982 по 1991 гг., сначала — на ставке ст. лаборанта, потом — зав. кабинетом. Параллельно там же на почасовке вела семинары по психологии и социологии, руководила курсовыми. В некотором смысле я была выгодным работником, т.к. всегда могла заменить не вышедшего на занятие преподавателя (отсутствие срывов занятий — важнейший показатель работы кафедры).

Работа на кафедре позволила мне окунуться в кухню учебного процесса в вузе. Я познакомилась с требованиями, предъявляемыми к составлению комплектов документов по учебным курсам, читаемым на кафедре. Все они проходили через мои руки при подготовке кафедрой материалов для аттестации, сертификации и т.п. Кстати, эти знаниягодились мне самым неожиданным образом. Когда дочка заканчивала школу и встал вопрос, куда поступать, уже существовал интернет и вузы на своих сайтах должны были выкладывать учебные планы по всем направлениям и специальностям. Я познакомила дочку с учебными планами, программами и перечнем знаний и умений, которые должен приобрести студент, в интересовавшем её диапазоне. Информации ей вполне хватило, чтобы выбрать и вуз, и специальность.

Находясь на кафедре, я многому научилась, например, с интересом и большой пользой для себя присутствовала при консультациях опытного педагога проф. Л. С. Высотиной с дипломниками, что мне впоследствии очень помогло. А. Н. Волкова не только знакомила меня с интересными методиками, переводами различных работ по психологии, но и, как замечательный практический психолог, оказала буквально бесценную поддержку в сложной семейной ситуации. Я могла бы назвать еще нескольких преподавателей кафедры, которых вспоминаю с теплым чувством благодарности и уважения.

Одним из основных минусов работы зав. кабинетом на кафедре, пожалуй, была железобетонная привязка по времени и месту: умри, но с 8:45 до 17:45 будь на рабочем месте. Однако это уравнивалось возможностью заниматься в это время чем угодно, если все текущие дела в порядке. Ах, какую кофту я связала! А какую книгу с рецептами латышской кухни проштудировала! — Последние прелести советского времени! Поэтому, когда «задул свежий ветер перемен», я с радостью ежедневно просматривала огромные пачки текущей прессы, выбирала интересные статьи и вешала их на кафедральную доску объявлений. А потом слушала мнения кафедрального народа по поводу прочитанного — самые разные были мнения.

Тем временем цены росли всё активнее, а зарплата замерла. Люди бросали привычные рабочие места, работу по специальности и пытались заработать — кто где и как мог.

Наконец, в начале 1991 г., освободилось и для меня местечко. Мужу моей подруги, врачу, который работал в НИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов (всем известная старая аббревиатура ЛИЭТИН), разрешили организовать группу по проблемам социальной реабилитации. Там изучали разные аспекты медицинской, социально-бытовой и социально-трудовой реабилитации, нужен был как раз специалист моего профиля. Институт был третьей зарплатной категории и раньше других почувствовал нехватку кадров. Поэтому руководство вполне удовлетворили мои документы, и весной 1991 г. я, наконец, вернулась к исследовательской работе.

Первое время я просто наслаждалась тишиной. После жуткого гвалта и постоянно переполненной кафедры я получила возможность работать в отдельном кабинете, спокойно анализировать материалы, проводить интервью, печатать на персональной пишущей машинке статьи и отчеты (в отделе был всего один персональный компьютер). Впервые я столкнулась с избытком помещений, впрочем, скоро они были сданы в аренду — институт тоже выживал, как мог.

Наша группа занималась различными аспектами образа и уровня жизни инвалидов и их семей. Специально рассматривали семьи с детьми — инвалидами. Результаты и рекомендации передавались в профильные министерства, по чьим заказам мы работали. В основном, конечно, мы основывались на количественном анализе данных анкетных опросов, но дополняли их углубленными интервью с инвалидами и родителями больных детей. В двух словах, наши материалы доказывали неэффективность существовавших тогда видов социальной защиты (по формальным категориям и, тем более, — по заслугам) и необходимость перехода на адресную социальную помощь. Сейчас это общее место, а в те годы предоставление льгот, пособий не за заслуги, а потому что иначе просто не выжить, — было новым и не всеми приветствовалось. Раньше считалось, что самое тяжелое положение было у пенсионеров (по возрасту или по здоровью), но данные наших опросов показали, что это не так. Беднее других категорий оказались семьи с детьми, даже со здоровыми, а уж тем более — с детьми — инвалидами. Нужны были обследования в реальных семьях и именно срочная адресная помощь, с учетом жуткой инфляции.

По нашим данным 1990—94 гг., картина складывалась ужасная. Я боялась, что в недрах министерств — заказчиков выводы наших исследований просто утонут, поэтому, когда однажды в метро увидела председателя Ленсовета

А. Щелканова, тихо и одиноко дожидавшегося поезда, набралась решимости, подошла и вкратце рассказала о наших результатах. Он направил меня к депутату Ленсовета Н. Евдокимовой, которая занималась проблемами социальной защиты. Она познакомилась с нашим отчетом. По ее словам, он дал ей в руки аргументы для воздействия со стороны Ленсовета на совершенствование защиты социально незащищенных групп населения города.

Директором нашего института был один из бывших секретарей горкома или обкома, естественно, явно не довольный переменами в стране. И вот 19 августа 1991 г., когда утром мы все услышали, что в стране объявлено чрезвычайное положение, я, как и многие другие пассажиры, поехала на работу с включенным приемником. В кабинете я его не выключила, чтобы хоть как-то быть в курсе (на даче у меня оставались мама и дочка, я волновалась, не отменят ли электрички и т.п.). Внезапно, обходя свои владения, в мой кабинет входит директор, который явно надеялся, что путч вот-вот покончит с «этим безобразием» и всё вернется в прежнее русло. Он увидел включенный приемник и попытался устроить разнос, на что я вполне законопослушно возразила, что, поскольку объявлено чрезвычайное положение, могут последовать важные правительственные сообщения, а кабинет, в нарушение правил по гражданской обороне, не оборудован радиоточкой. И директор исчез.

На следующий день был митинг на Дворцовой площади. Я договорилась на работе, что поеду на дачу, т. к. мама, наверно, очень волнуется (тогда еще не было ни пейджера, ни мобильного телефона). А сама пошла на митинг. Метро работало, как ни в чём не бывало. Я вышла на канал Грибоедова и пошла по Невскому. Народ шёл, как на Первомайской демонстрации, прямо посреди проспекта. Милиции было много, но я впервые в жизни видела улыбающихся, доброжелательных милиционеров, которые никого не осаживали, не разгоняли, а показывали дорогу, следили за порядком, не пускали транспорт на Невский. Я вошла на Дворцовую из-под арки Главного Штаба. Площадь была полна, буквально полна — от стены до стены. Слов ораторов было не слышно, не смотря на микрофоны и усилители. Но все видели: на трибуне Собчак и депутаты Ленсовета, лица участников митинга выражали не страх, а уверенность в победе и дружелюбие. Потом я поехала на дачу. Электрички ходили, работала городская телефонная связь, работало радио «Балтика». На третий день всё было кончено.

А в нашем богоспасаемом учреждении еще продолжали жить по-старому. Заботились о публикациях — не важно, кто их будет читать, зато это всегда был важнейший показатель твоей работы. Я всю жизнь была ленива и листаж для показухи не гнала — мне было ни к чему. Но в годы работы в ЛИЭТИНе наш зав. отделом, Анатолий Арнольдович Дыскин, воистину по-отечески заботился о публикациях своих сотрудников, и вообще заботился о нас, за что я ему очень благодарна.

Позже, ближе к концу работы в ЛИЭТИНе, мне поручили заняться «качеством жизни». Дело было так: вызывает меня как-то зам. директора по науке и говорит, что в последнее время в литературе часто стали писать не только об образе жизни и уровне жизни, но и о качестве жизни. Надо бы разобраться в соотношении этих понятий и на примере инвалидов с какой-либо конкретной патологией изучить факторы, влияющие на качество жизни этих больных.

В качестве примера предложила рассмотреть качество жизни инвалидов с такой распространенной патологией, как коксартроз бедренного сустава, который связан с постоянным, многолетним болевым синдромом и протезированием.

На основе проведенного литобзора и бесед с врачами я определилась с первоочередными задачами и составила гайд для интервью. На первом этапе нужно было определить спектр объективных и субъективных показателей состояния здоровья и качества жизни, значимых при этой патологии — в статике и динамике. На основе наблюдения за респондентами во время углубленного неформализованного интервью и контент-анализа его текста предполагалось выдвинуть гипотезу о возможных факторах, влияющих на качество жизни этих больных. В дальнейшем предполагалось с помощью различных методик проверить эту гипотезу, «взвесить» роль выявленных показателей и факторов качества жизни обследованных больных.

Институт располагал своей клиникой, поэтому я находила нужных мне больных и брала у них углубленные интервью разведочного характера, а также консультировалась с их врачами. Такую работу не проведешь быстро, т. к. в клинике одновременно находится от 1 до 3 больных, которых можно включить в выборку. Да это на первом этапе и хорошо: можно было искать и обдумывать. К сожалению, я успела обследовать слишком мало больных, чтобы сделать обоснованные выводы. Но, к моему удивлению, первые наблюдения показали, что качество жизни обследованных больных в большей мере определялось их личностными характеристиками, а не медицинскими параметрами, связанными с заболеванием (за исключением самых тяжелых случаев).

Продолжение работы могло быть очень интересным, но совершенно неожиданно в моей судьбе произошел крутой поворот.

Жизнь неимоверно подорожала. Я подсчитала, что, если платить за транспорт по всем правилам, то моей зарплаты не хватит, чтобы ездить на работу (она находилась на другом конце города и в один конец приходилось ехать 1,5 часа на четырех видах транспорта). До какого-то момента я пользовалась маминым проездным для блокадников, дававшим право на бесплатный проезд, пока его не отобрали. Однако даже если забыть о транспорте, моя зарплата позволяла или покупать какую-то еду, или оплачивать коммунальные услуги. Поскольку не есть мы не могли, то коммунальные услуги по 2—3 месяца не оплачивались — пока не приезжала Галя и не подбрасывала денежек.

И вдруг ...!!!

Мне всегда помогали друзья и коллеги. Вот и в этот раз один из бывших коллег по межинститутской лаборатории случайно услышал, что еврейской благотворительной организации требуется социолог, и тут же сообщил это мне, с оговоркой: «телефон найди сама и на меня не ссылайся». Я позвонила, меня тут же пригласили на собеседование и приняли на работу — прямо с завтрашнего дня (с октября 1995 г.). Даже заявление об увольнении в ЛИЭТИН я послала по факсу. Такая спешка объяснялась тем, что был проведен опрос, большой массив введен в компьютер и срочно нужен анализ и отчет.

Мне было страшно делать этот шаг — уволиться из государственного учреждения и поступить на работу в негосударственное, да ещё — существующее за счет иностранных благотворителей! Одолевали сомнения: «Кто знает, чем это

обернётся, подойдет ли моя подготовка и т.п.». Но поскольку работа в государственном учреждении просто больше не могла меня прокормить, другого выхода не было, и я решилась.

Действительно, неожиданный — явно перестроечный — поворот... что это была за еврейская благотворительная организация? Что показывали Ваши исследования?

В это время много иностранных международных неправительственных организаций в разных формах оказывали помощь гражданам новой России.

Прежняя служба государственного социального обеспечения совершенно не справлялась со своими задачами. Во-первых, катастрофически не хватало денег (в т. ч., из-за инфляции). Во-вторых, привычные формы оказались совершенно не адекватны новым условиям, но на их изменение, опять-таки, нужны время и деньги, а старики и инвалиды буквально каждый день страдали от недоедания, отсутствия адекватного ухода и лекарств. Понятие «социальная работа», а потом и соответствующая специальность в перечне специальностей, которые можно получить в вузе, появились в 90-е гг. Социально-бытового патронажа не существовало, был только медицинский. Если человек не мог себя обслуживать и не имел членов семьи, обязанных это делать, его полагалось забирать в интернат, с потерей жилья.

В этой ситуации выходом было развитие волонтерства, но такая форма социальной активности, как волонтерство, ещё не была распространена в нашем обществе. Надо было содействовать её развитию. У государства для этого не было ни материальных средств, ни квалифицированных кадров. Поэтому помощь международных неправительственных организаций была остро необходима и принята. В частности, в Россию, после многолетнего перерыва вернулся ДЖОЙНТ, американский еврейский распределительный комитет, который в своё время был выгнан из СССР. Как мне пояснили, ДЖОЙНТ аккумулирует благотворительные взносы евреев и распределяет их для помощи евреям разных стран. Непосредственно помощью в работе по созданию еврейских благотворительных центров в городах стран бывшего СССР занималось израильское отделение ДЖОЙНТа.

Помощь российским евреям заключалась не просто в распределении нуждающимся продовольственных посылок и одежды, а в создании организационной структуры, которая содействовала бы развитию волонтерства как инструмента благотворительной помощи. Территориально всё начиналось с Петербурга. Очень быстро был организован благотворительный центр «Хэсэд Авраам», в котором открыты отделы: «продовольственные посылки», «обеда на дом», «лекарства», «прокат реабилитационного оборудования» (противопролежневые матрасы, инвалидные кресла и т.п.), «патронаж» (социально-бытовой), «клуб» и др. Номенклатура отделов впоследствии изменялась в соответствии с требованиями времени. Основной объем работы по доведению услуг до подопечных хэсэда выполнялся волонтерами — после специального обучения. Вслед за Питером очень быстро открылись хэсэды в других городах — не только России, но и других стран бывшего СССР.

Коренной проблемой стала кадровая. Всё начиналось с деятельности нескольких энтузиастов — израильтян, по большей части, происхождением из СССР, вдохновленных возможностью не только помочь местным евреям, но содействовать возрождению еврейских общин в городах России и других стран бывшего СССР. Менее чем за год было куплено и отремонтировано помещение, где открылся институт общинных и социальных работников (позже Благотворительный фонд «ИСОР» был зарегистрирован в Петербурге и действовал в соответствии с российским законодательством). Целью деятельности института на первом этапе была первичная подготовка кадров руководителей региональных еврейских благотворительных центров, а также руководителей отделов в них. На втором этапе началась систематическая переподготовка и обучение вновь поступающего персонала. Параллельно проводились курсы для волонтеров. Учебные планы и программы курсов разрабатывались израильскими специалистами по различным направлениям социальной работы, менеджмента, еврейской истории. Они же приезжали проводить занятия. Постепенно подбирались и обучались местные (питерские) преподаватели.

Слушателями ИСОРа стали директора хэсэдов, руководители отделов и программ. В зависимости от учебного плана они приезжали в ИСОР на сессии из всех стран бывшего СССР, как студенты — заочники, чаще — не один, а несколько раз. Они не только слушали лекции, но и знакомились между собой, обменивались опытом. В конце курса слушатели — директора писали дипломную работу.

Со временем ИСОРа, аналогичные питерскому, появились еще в нескольких регионах, поскольку действовал принцип постепенной передачи процесса подготовки кадров на места, кроме того, просто дешевле привезти на занятия нескольких преподавателей, чем всех слушателей.

В начале своей работы в ИСОРе я была совершенно не в курсе ни еврейской, ни волонтерской проблематики. В нашей нерелигиозной семье не соблюдались никакие специфические еврейские традиции, я о них просто понятия не имела. Ни слова «кашрут», ни каких-либо его правил я не слышала. При приеме на работу никаких особых требований мне не ставили, не спрашивали ни об отношении к религии, ни о знакомстве с еврейскими традициями. Очевидно, ответ был заранее известен.

Одним из бонусов работы в ИСОРе были обеды (в те годы это было весьма существенно), которые готовила повариха, знавшая и соблюдавшая на своей кухне кашрут. Через несколько дней пребывания на новой работе я спросила: «Почему на обед нам всегда дают рыбу?». Мне объяснили, что можно и мясо, но тогда придется иметь для мясного отдельную посуду и отдельное оборудование на кухне. Между употреблением мяса и молочных продуктов должен быть перерыв: после мясной трапезы перед молочной — не менее 6 часов, после молочной до мясной — не менее одного часа. «Почему?» — спросила я. Религиозное объяснение было кратким: «Так написано в Торе. Таковы правила кашрута». Никакого естественнонаучного объяснения я не получила, оставалось только смириться с простым правилом: в помещение столовой не вносить ничего мясного, а как я узнала позже, во время Пасхи во всех помещениях не должно быть никаких злаков, круп, выпечки из муки — только из мацы.

Вернемся к моей работе в ИСОРе. К моменту моего приема на работу в 12 городах четырех стран бывшего СССР был проведен анкетный опрос пожилого еврейского населения, большой массив анкет был введен в компьютер. Надо было срочно заказать таблицы, провести их анализ и написать отчет. Обработка массива была заказана в другой организации. Тогда я впервые увидела, как проходит заказ и расчет таблиц на персональном ПК. Программист, в отличие от большинства его коллег, оказался вполне доступным к общению — не заумничал, а спокойно и доступно всё объяснил. Впоследствии мне оплатили посещение компьютерных курсов и предоставили хороший компьютер. Сначала я ничего не понимала в англоязычной версии программы, но, повозившись, разобралась — статистику-то знаю. Вот тогда началась «песня» — всё в моих руках!

А пока, получив таблицы, я должна была за 2–3 недели написать отчет. Я попросила пишущую машинку, ленту, копирку и помещение с дверью. И тут я увидела, как можно работать без бюрократизма: у одной из сотрудниц дома нашлась пишущая машинка «Эрика», завхоз сбегал в магазин за лентой для нее, а копирка не потребовалась, т. к. к КСЕРОКСу каждый не только допущен, а просто должен использовать его самостоятельно. Для меня всё это было удивительно — ведь я всю жизнь на работе перед праздниками прятала свою машинку под стол, а ксерить ходила даже не к секретарше, а в кабинет директора института. Мне выделили кабинетик — действительно с дверью, но без звукоизоляции, и следующие 3 недели весь офис жил под стук моей машинки. Отчет я сдала вовремя, написала его так, как делала это раньше. Однако потом, когда надо было изменить формат, превратив текст в книгу, я долго мучилась: в ДЖОЙНТе принят другой, совершенно непривычный нам формат, начиная с чисто внешнего оформления текста, стиля изложения и кончая аргументацией³.

Целью исследования было изучение доступности социальных и медицинских услуг пожилому еврейскому населению стран СНГ и выявление наиболее актуальных потребностей.

По репрезентативной выборке в июне — августе 1995 года было опрошено 3258 пожилых евреев (55 лет и старше) в 10 городах СНГ.

Сравнение полученных данных с результатами других обследований показало, что еврейское пожилое население отличалось от всего пожилого населения СНГ⁴ большей долей небольших семей и одиночек.

Половина опрошенных не могла полагаться на помощь детей в повседневной жизни. Более чем у половины не было родственников в городах, где они жили. Фактически, одна из самых важных проблем, упомянутых респондентами, — изоляция (одиночество).

Финансовое положение респондентов оказалось крайне затруднено. Во время исследования месячный доход большинства из них в России и Беларуси составлял 30 — 50 долларов США, а в Украине — 10-20 долларов США. Многие вынуждены были продавать вещи, чтобы удовлетворить основные потребности в пище, лекарствах и одежде до следующей выплаты пенсии. Питание

³ Amos Avgar, Nadia Singer, Maria Alesina. Accessibility to Social and Medical Services of the Jewish Elderly in the C.I.S. // Амос Авгар, Надя Зингер, Мария Алесина Доступность социальных и медицинских услуг пожилому еврейскому населению стран СНГ. СПб., 1997.

⁴ Оценка влияния новых законодательных актов в области пенсионного обеспечения на уровень жизни нетрудоспособного населения. Заключительный отчет по теме. СПбНИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов. Санкт-Петербург, 1994.

большинства включало преимущественно хлеб, кашу и самые дешевые овощи. Трети опрошенных не хватало денег для покупки основных продуктов питания, а 4% даже сказали, что голодают.

У большей части обследованных было плохое состояние здоровья: около половины имели более трех хронических заболеваний. Примерно половина ограничена в движениях; среди них 21% с трудом выходили из дома или передвигались только внутри дома, а 2% были прикованы к постели, 37% имели официально оформленную инвалидность. Четверть респондентов нуждалась в больничном лечении, однако госпитализация этих людей была особенно затруднена. примерно половина нетрудоспособных респондентов, имеющих слабое здоровье, испытывала недостаток в таком простом оборудовании, как костыли, кресла на колесах и слуховые аппараты. 40% респондентов сообщили о нехватке социальных работников. Возможности государственной системы социального обслуживания были существенно меньше потребностей и во многих случаях социальный работник нерегулярно посещал даже тех пожилых людей, кто жил один и не мог выходить из дома.

Книга содержала также предварительные данные о деятельности волонтеров еврейских благотворительных организаций: характеристики волонтеров, мотивы их участия в добровольной работе; мотивы отказа от нее.

К концу работы над нашим первым исследованием прояснились направления моей дальнейшей работы.

- Во-первых, плановые большие, трудоемкие эмпирические исследования. Они выполнялись по заказу ДЖОЙНТа. Теоретическую часть разрабатывал авторский коллектив из института Брукдейла (Израиль). я участвовала только в получении, обработке и анализе эмпирического материала, а также написании текста на его основе. Я работала не самостоятельно: мой руководитель по социологической части, Н. Зингер, постоянно находилась в Израиле, изредка приезжая в Питер. Она по-прежнему требовала жесткого соблюдения принятого формата, что периодически вызывало трудности, но воспринималось как неизбежность. На мой взгляд, такой подход ограничивал глубину и эвристичность анализа, но, м.б., создавал удобство для чтения «людям, принимающим решения», а также давал возможность вставлять наши тексты, как кирпичики, в другие, однотипные — но это только мои домыслы, мне никогда не приводили аргументацию.

- Во-вторых, небольшие исследования местного масштаба, не требующие привлечения дополнительных средств. Они проводились мною (иногда с помощником) по заданию местного руководства — первого директора ИСОРа Б. Халлера, первого директора хэсэда И. Сабага, или по моей инициативе. Тут я была свободна и в методе, и в формате — был бы результат.

- В-третьих, в качестве бонуса, я могла при желании провести любой анализ имеющегося в моём компьютере материала, выходящий за рамки требований, — просто для интереса, как я всегда раньше хотела, но только сейчас получила эту возможность. Так я получала массу интересных результатов — и в содержательном, и в методическом плане.

- И наконец, довольно скоро меня привлекли к организации и участию в учебном процессе (учебно-тематические планы, контакты с преподавателями, расписание и т. п.). Тут-то мне пригодились и знания, приобретенные на кафе-

дре педагогики и психологии ВПШК, и опыт преподавания. Только теперь мне нужно было рассказывать слушателям о результатах собственных исследований, а также руководить подготовкой некоторых дипломных работ.

Пока директором ИСОРа оставался Б. Халлер (6 лет), мне всегда было приятно делиться с ним своими «открытиями», т. к. он искренне интересовался результатами исследований и ждал их. Вообще он был прекрасным руководителем, с необыкновенно широким диапазоном внимания. Он одновременно держал в поле «мысленного зрения» необыкновенное количество разнородных и разноуровневых событий, людей, проблем. И ухитрялся их очень мудро, с учетом далёкой перспективы, разруливать. Он бережно выращивал команду сотрудников, воспитывал в них качества и манеру поведения, необходимые для успешной работы в не привычных прежде условиях и в не привычной прежде сфере. Он был умелым посредником между «внешними» инстанциями и своими сотрудниками, принимая на себя многие проблемы, связанные с взаимным непониманием. В России такой замечательный руководитель работал бы с созданным им коллективом долго или, к сожалению сотрудников, ушел бы на повышение. А в ДЖОЙНТе — иначе: закончился контракт — всё! Принцип систематической замены: периодически изменяется структура организаций, сотрудники передвигаются на другие рабочие позиции, состав работников обновляется и т.д.

Через три года с начала работы хэсэдов был проведен опрос их подопечных. цель — выявление эффективности предоставляемых услуг и удовлетворенности клиентов услугами, а также выявление «узких мест» в работе хэсэдов.

Опрос проведен в марте-апреле 1998 года по выборке 3945 человек. Полученная информация предназначалась руководителям проектов и сотрудникам ДЖОЙНТа, работающим в странах СНГ, директорам и работникам хэсэдов, лидерам местных еврейских общин и т. п.

Мое участие начиналось с пилотажа текста вопросника, полученного от Н. Зингер. Всю работу по организации опроса я проводила из Петербурга — по телефону и интернету. В каждом городе, включенном в выборку, подбирался руководитель полевых работ — социолог. В его функции входили: набор и обучение интервьюеров, руководство ходом опроса, включая соблюдение условий выборки, проверка качества заполнения вопросников. Работа интервьюеров в каждом городе проверялась независимым контролером. Было проверено около 15% интервью.

После получения всего массива, прежде чем передать его на ввод в компьютер, мы сами еще раз проверили качество заполнения каждого бланка. Специально для этой трудоемкой работы, требующей повышенного внимания и хорошей оперативной памяти, мне, в качестве исключения, разрешили привлечь дочь. Она отнеслась к делу со всей ответственностью, перелопатив более чем за месяц весь массив и найдя небольшой процент брака — везде, за исключением одного города, где железной рукой дочери было забраковано 12% бланков — из-за множества логических ошибок в их заполнении. Так началась карьера моей дочери.

Ввод информации в компьютер проводила сторонняя организация в июне 1998 г., закрытие открытых вопросов и компьютерную обработку (расчет таблиц и подготовку издания) — я с помощницей, Ксенией Притулой.

По материалам опроса издана книга ⁵, состоящая из трех глав. В главе I приводится краткая характеристика системы хэсэдов, их функции и перечень основных услуг. В главе II описывается методология исследования — цели и задачи, вопросник, выборка, особенности проведения опроса. В главу III (параграфы 3.1—3.5) помещены таблицы, содержащие распределение ответов респондентов на вопросы, сгруппированные по наиболее существенным, с точки зрения целей исследования, признакам: по странам, городам, возрасту, составу семьи, уровню подвижности респондентов.

По этим материалам были написаны три статьи с анализом эффективности работы основных программ хэсэдов^{6 7 8} и указанием направлений дальнейшей работы.

В 2001 г. по итогам девятилетнего опыта работы было проведено следующее большое исследование по оценке хэсэдов. Оно состоялось по заказу отдела благотворительных программ ДЖОЙНТа, для того чтобы лучше понять процессы, происходящие в хэсэдах, и определить политику их дальнейшего развития, Участвовали: институт Брукдейла (Израиль) и Санкт-Петербургский ИСОР. Работа «в поле» осуществлялась региональными ИСОРами под нашим руководством.

Оценка хэсэдов касалась следующих аспектов:

- Благотворительные услуги, предоставляемые хэсэдами.
- Волонтеры и их работа в хэсэдах.
- Обучение сотрудников и волонтеров хэсэдов.
- Связь хэсэдов с городскими муниципальными службами, а также — другими еврейскими организациями и ведущими представителями общин.
- Хэсэды как движущая сила возрождения еврейской общины.
- Общая оценка хэсэдов.

Сравнивались точки зрения различных категорий участников жизни хэсэдов. Осенью 2001 г. было опрошено 8 директоров и 445 штатных сотрудников хэсэдов, 1022 волонтеров, 1876 подопечных, 1116 работников служб ухода на дому, а также 74 представителей общин из восьми городов, включенных в исследование.

Как и в предыдущем случае, я получила от Н. Зингер вопросники, дистанционно организовала и координировала проведение полевых работ, а потом занималась расчетом таблиц и количественным анализом полученного материала.

По итогам опроса членами авторского коллектива было написано 7 отчетов, изданных на английском и частично — на русском. Мне был поручен отчет по результатам опроса волонтеров (в соавторстве с Мири Бараш, курировавшей тогда ИСОР от ДЖОЙНТа). От меня категорически требовали, чтобы сначала

⁵ Амос Авгар, Мария Алесина, Надя Зингер, Бенни Халлер. Хэсэды — система еврейских общинных благотворительных центров в бывшем СССР. Эффективность услуг хэсэдов. итоги социологического опроса клиентов еврейских благотворительных центров. Санкт-Петербург, 1999.

⁶ Продовольственные программы хэсэдов / А. Авгар, М. Бараш, Н. Зингер, О. Иванов, М. Алесина, К. Урюпина — СПб.: ИСОР, 2001.

⁷ Ч. II: Медицинские услуги хэсэдов и прокат реабилитационного оборудования / А. Авгар, М. Бараш, Н. Зингер, О. Иванов, М. Алесина, К. Урюпина — СПб.: ИСОР, 2001.

⁸ Патронажные услуги хэсэдов по уходу за престарелыми на дому / А. Авгар, М. Бараш, Н. Зингер, О. Иванов, М. Алесина, К. Урюпина — СПб.: ИСОР, 2001.

был подготовлен английский текст, а потом — русский перевод. Поэтому все таблицы д.б. рассчитаны по англоязычной матрице, а потом расписаны по стандарту, о котором я говорила выше.

Уж не знаю, какой в этом был смысл. М.б., кому-то казалось, что так будет быстрее, но для меня было очевидно, что всё запутается и затянется. Так и вышло. Можно соблюсти стандарт, но нельзя им ограничиваться, иначе, втискивая обнаруженные факты и закономерности в прокрустово ложе пресловутого стандарта института Брукдейла, перестаешь быть исследователем и практически становишься насильником над тобою же честно добытым эмпирическим материалом. На это я была не готова. М.б., предвидя это, Мири надеялась, что, работая с английскими таблицами, я не замечу тех проблем, которые я всё-таки заметила и отразила в тексте, стараясь, по возможности, оставаться в стандарте. Но в паре случаев это оказалось невозможно.

Во-первых, анализируя роль различных причин включения респондентов в волонтерство (из 20, приведенных в вопроснике), пришлось воспользоваться факторным анализом. Во-вторых, необходимо было сделать методическое замечание о влиянии шкал на достоверность результатов опроса, обратив внимание на разницу распределений ответов в зависимости от порядка их расположения в вопроснике. В общем, я представила английский текст в таком виде, как сочла нужным. Но Мири попросила сотрудницу ИСОРа Раю Бурштейн внести нужную правку в английский текст и такой вариант был издан⁹. Мне об этом не сообщили, а русский перевод так и не сделали.

Я уже занялась другими делами и не следила за этой историей, пока в 2009 г. в связи с размещением работ отдела исследований на сайте меня не попросили передать все работы отдела исследований. И тут я обнаружила отсутствие русской версии отчета о волонтерах и по рабочим текстам из своего компьютера восстановила мою версию отчета, снабдив ее пояснением.

За следующие годы я забыла все эти подробности, но сейчас, рассказывая о своей работе в ИСОРе и дойдя до волонтерского отчета, я не обнаружила его рядом с другими. Зато, покопавшись в других директориях, нашла «восстановленную русскую версию» с пояснением и всё вспомнила.

Маша, пожалуйста, поделитесь Вашей информацией.

Привожу «неформатный» фрагмент резюме отчета по волонтерам, посвященный мотивации волонтерской деятельности, который был выброшен из английской версии:

Мотивация волонтерской деятельности в хэсэде

Мотивация волонтерской деятельности — ключевой вопрос движения хэсэдов. Респондентам предложили выбрать из перечня 20-и возможных причин, побуждающих людей включаться в жизнь хэсэда, 3 самые основные, которые сыграли важную роль в решении стать волонтером. Чаще других выбирались такие причины: возможность избежать одиночества и скуки, познакомиться с новыми людьми и расширить круг

⁹ Hesed Evaluation Study: Jewish Identity, Community Orientation and Voluntarism. Report Number 3: Findings from a Survey of Volunteers. Maria Alesina and Miri Barasch. The William Rosenwald Institute for Communal and Welfare Workers, Jerusalem. 2003

общения, участвовать в культурных мероприятиях и мероприятиях для волонтеров. Это полностью соответствует 1 фактору — «общение» (см. ниже).

Факторы мотивации: с помощью процедуры факторного анализа выявлено 4 фактора (4 группы причин), которые играют важную роль в решении стать волонтером. По смыслу причин, вошедших в эти группы, факторы получили названия: 1 — общение; 2 — еврейская направленность; 3 — самореализация; 4 — материальный фактор.

Обнаружена разница в структуре мотивов волонтерской деятельности между возрастными группами. Для самых молодых волонтеров более значимы общение и особенно — самореализация, но менее значимы еврейская направленность деятельности и материальный фактор.

Интересна структура мотивов в возрасте 50–59 лет, т. е. при переходе в «третий возраст»: по сравнению с другими возрастными группами, все мотивы максимально значимы. Иерархия мотивов изменяется в направлении, характерном для пожилых. Более значимой становится еврейская направленность волонтерской деятельности и менее значимой — самореализация.

Стаж волонтерской работы не играет существенной роли в структуре мотивов включения в волонтерство, т.к. потребности, присущие людям определенного возраста, за годы существования хэсэдов не изменились. (Изменение структуры мотивов волонтера за время работы в хэсэде в рамках настоящего исследования не рассматривалось, но оно было обнаружено И. Сабагом и было подробно исследовано мною по его просьбе. В данном тексте я эти результаты не привожу, т. к. останавливаюсь только на «больших» исследованиях).

А вот другой фрагмент отчета по волонтерам, также выброшенный из английской версии. Он посвящен методическому вопросу — влиянию шкал на достоверность результатов:

Методическое замечание:

о влиянии шкал на достоверность результатов опроса

Поскольку общая оценка хэсэда — ключевой вопрос, очень важно было получить на него ответ без искажения, вызванного желанием некоторых респондентов приукрасить картину, никого не обидеть и т. п. В социологии давно известно, что в таких случаях ответ респондента может существенно зависеть от того, как расположены варианты ответа. Если на первое место поставить наиболее социально одобряемый вариант (в нашем случае: «удовлетворен в большой степени»), то его выберет большее число респондентов. К сожалению, я не имела права ни изменить расположение вариантов ответов, ни скорректировать перевод на русский, поскольку предполагалось сравнение с данными других исследований. Однако по неизвестной мне причине авторы продублировали самый важный вопрос в другом месте вопросника. При этом — с другим расположением вариантов ответа. Поэтому, предпо-

лагая возможность искажения, смещения результатов опроса и желая оценить масштаб этого смещения, я сравнила ответы на 2 практически одинаковых вопроса.

205. В целом удовлетворены ли Вы своей деятельностью в хэсэде? (оранжевые столбики на рис.)	373. В целом удовлетворены ли Вы своей деятельностью в хэсэде? (голубые столбики на рис.)
1. В большой степени	1. Не удовлетворен
2. В определенной степени	2. В некоторой степени
3. В малой степени	3. Удовлетворен
4. Совсем нет	4. Очень удовлетворен

Как мы видим, тексты обоих вопросов идентичны. Отличие — только в расположении вариантов ответов. В первом вопросе на первое место помещен наиболее одобряемый (желательный) из них, а во втором — наоборот. Это не могло не сказаться на распределении ответов респондентов (см. рис.).

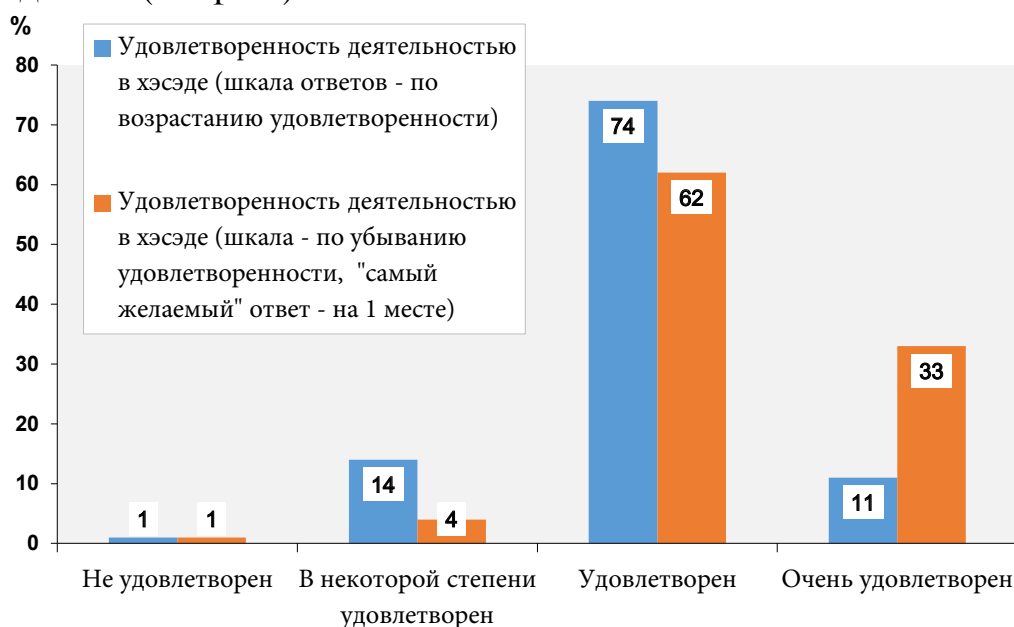

Рис. Зависимость ответа на вопрос об удовлетворенности своей деятельностью в хэсэде от расположения вариантов ответа

Голубые столбики — это распределение ответов респондентов на вопрос, когда ответ «очень удовлетворен» расположен на четвертом месте, в конце шкалы.

Оранжевые столбики — это распределение ответов на «перевернутой» шкале, когда ответ «очень удовлетворен», наиболее «социально одобряемый в данном окружении», расположен на первом месте.

Отчетливо видно смещение ответов вправо, т. е. в сторону большей удовлетворенности — в сторону социально одобряемого варианта ответа.

Подобных вопросов, с «перевернутыми шкалами ответов», было довольно много и, разумеется, совершенно случайно все они касались проблем национального самосознания, как будто автор, из уважения к предмету, не мог поставить на первое место негативный вариант. К сожалению, мы не могли проверить степень

смещения ответов на все эти вопросы, но при анализе полученных результатов следует иметь в виду, что здесь возможно смещение ответов в сторону «социально одобряемого». С учетом этого в тексте отчета мы поместили звездочкой (*) все случаи использования «перевернутых» шкал, снабдив их примечанием со ссылкой на это методическое замечание.

Кстати, здесь уместно сделать оговорку, что я не буду в дальнейшем касаться анализа ответов на вопросы по проблемам национального самосознания — как по методической причине, указанной выше, так и просто потому, что не считаю себя достаточно компетентной, чтобы спорить со специалистами института Брукдейла, хотя во многом я с ними была не согласна.

Вернемся к самому отчету, посвященному мнению волонтеров по оценке хэсэдов. Опрос проходил в октябре-декабре 2001 г. по случайной выборке.

Были опрошены 1022 волонтера восьми хэсэдов на территории России, Украины и Беларуси; 88% респондентов заполняли анкеты в группах в помещениях хэсэдов, а 12% — в ходе индивидуальных интервью на дому.

Мы зафиксировали многие характеристики волонтеров: демографические, социальный статус, экономическое положение, национальную самоидентификацию и ее понимание, социальную активность вне хэсэда.

Были подробно рассмотрены различные аспекты «жизни» волонтеров в хэсэде: привлечение волонтеров в хэсэд, методы привлечения и отбор волонтеров, мотивация включения в волонтерство, проблемы «воспитания» волонтеров (поощрения, удовлетворение потребностей волонтеров в услугах хэсэда, волонтеры — они же подопечные).

Проанализированы проблемы, связанные с самой волонтерской работой — ее видами, продолжительностью и переменой видов работ. Специально рассмотрена роль волонтеров в помощи подопечным на дому, соотношение с работой гос. службы патронажа и патронажными работниками хэсэда.

Были изучены отношения волонтеров со штатными работниками, другими волонтерами и подопечными, особенно — в связи с тем, что неудовлетворенность отношениями с подопечными чаще других называлась волонтерами причиной неудовлетворенности своей жизнью в хэсэде.

Проанализированы также вопросы, связанные с уходом волонтеров из хэсэда. Выявлено 4 фактора текучести. Обнаружены различия в мнениях волонтеров разных возрастных групп о причинах текучести. Например, волонтеры моложе 50 лет считали, что самые важные причины текучести связаны с сущностью работы волонтеров. Менее важной причиной текучести респонденты сочли дефицит поощрений.

Зафиксированы разные мнения респондентов по проблеме: «что делать с волонтерами-ветеранами, которые в связи с ухудшением состояния здоровья уже не могут справляться с той работой, которая прежде была им по силам».

Было установлено, что 85% респондентов в целом удовлетворены своей деятельностью в хэсэде, 2/3 считали ее интересной.

Сравнивая степень удовлетворенности волонтеров различными сторонами своей деятельности, мы обнаружили, что около 80% респондентов были удовлетворены различными аспектами своей работы, за исключением поведения подопечных. Более всего волонтеры удовлетворены уровнем своей ответствен-

ности и независимости в работе, уровне сложности и признанием важности их работы, отношениями со штатными работниками, общей атмосферой в хэсэде, условиями работы.

Основная причина неудовлетворенности (24%) — это грубость и неблагодарность некоторых подопечных, которые, в силу своих возрастных и психологических особенностей, подчас не в состоянии понять разницу между волонтерами и работниками государственной службы социального обеспечения, и поэтому требуют от волонтеров, говорят с ними грубым тоном. Эту привычку они приобрели в борьбе со служащими государственных учреждений и теперь не понимают, что хэсэд, в отличие от райсобеса, помогать не обязан, что они получают добровольную помощь со стороны доброжелательных людей.

Была также получена информация об обучении волонтеров, рассмотрена оценка волонтерами различных учебных курсов и рекомендации по совершенствованию организации и содержания обучения.

Через несколько лет после этого исследования начался новый этап жизни хэсэдов: с каждым годом снижалось финансирование со стороны ДЖОЙНТа. Хэсэды должны были найти способы выживать и жить дальше. По какому пути пошли большие и небольшие хэсэды? Как это отразилось на волонтерах?

В мае-ноябре 2007 г. по заказу «ДЖОЙНТа» было проведено комплексное исследование «Актуальные проблемы волонтерства в хэсэдах России».

Целью исследования было изучить роль волонтеров в деятельности хэсэдов России в условиях снижения финансирования ДЖОЙНТом.

Впервые мы столкнулись с необходимостью обойтись своими силами (М. Алесина, Е. Гусакова, Л. Наджафова), без найма временных исполнителей. С учетом этого обстоятельства были выбраны соответствующие план и методы исследования.

На первом этапе мы провели анализ достоверности и возможностей использования базы данных волонтеров как источника текущей информации о них, а также выборочный телефонный опрос волонтеров, включенных в базу. После этого мы сравнили информацию от этих двух источников.

Предварительный анализ состояния базы выявил неполноту, несвоевременность и искаженность вносимых сведений. Это обусловило необходимость эмпирической проверки достоверности базы по числу волонтеров (в т. ч. — в каждой организации), по структуре (пол, возраст и волонтерский стаж), по регионам России, по причинам повторного упоминания некоторых волонтеров в базе данных (участие волонтеров в работе нескольких организаций и дублирование списков некоторых организаций — под разными названиями).

Проверка показала, что лишь 65% респондентов на момент опроса оказались волонтерами. Обнаружена очень большая вариативность результатов проверки в разных организациях. В базе оказалась завышенной доля «молодых» волонтеров и заниженной — более пожилых. Обнаружено большее разнообразие и несколько другая структура занятости волонтеров, по сравнению с данными базы, а также — дублирование списков некоторых организаций — под разными названиями.

В связи с перспективой изменения структуры занятости волонтеров в ситуации снижения финансирования мы сочли актуальным продемонстрировать в отчете примеры использования базы данных волонтеров:

- Как изучение «параллельной» занятости волонтеров, участвующих сегодня в продуктивном сервисе, можно использовать для будущего изменения структуры их занятости в соответствии с перспективными потребностями хэсэда.

- Как, используя базу данных волонтеров, можно на уровне каждого региона провести более подробный ретроспективный анализ формирования возрастной структуры волонтеров. Это позволит строить количественные прогнозы и вырабатывать более обоснованную стратегию рекрутинга волонтеров и последующей работы с ними.

По итогам I этапа исследования у нас создалось впечатление, что люди, ответственные за полноту, качество и своевременность внесения изменений в базу, не вполне понимают, зачем нужны эти полнота, качество и своевременность, не представляют себе возможностей и значения мониторинга для управления ходом развития волонтерского движения как основы деятельности хэсэдов. Отсюда — обнаруженные недостатки.

На втором этапе мы провели анализ мнений руководителей программ, отделов и самих волонтеров о роли волонтеров в деятельности хэсэда — отдельно — большого и небольшого.

Методы сбора информации: неформализованное интервью с руководителями программ хэсэда, непосредственно связанными с волонтерами; анкетный опрос волонтеров большого хэсэда и неформализованное интервью с волонтерами небольшого хэсэда. Интервью записывались на диктофон и впоследствии транскрибировались.

Методы анализа информации:

Сравнительный качественный анализ интервью 2007 г. с руководителями программ (отделов) обоих хэсэдов и волонтерами небольшого хэсэда.

Сравнительный количественный анализ массивов анкет 2001 и 2007 гг. волонтеров большого хэсэда.

В результате сравнительного анализа полученных материалов были выделены общие и специфические тенденции изменений в обоих хэсэдах, проявившиеся при снижении финансирования.

Если до снижения финансирования постоянно шла речь об увеличении числа волонтеров, то теперь и руководители, и волонтеры считали, что волонтеров в хэсэде достаточно.

Среди трудностей работы с волонтерами в обоих хэсэдах отмечены следующие. Основная часть волонтеров — пенсионеры. У них сложно проходит адаптация к любым изменениям; есть трудности с осознанием задач, стоящих перед программами и хэсэдом в целом; нет ясного представления о типах и качествах волонтеров, перспективных для работы сегодня и завтра; есть трудности с проявлением инициативы (несмотря на то, что все отмечают ее важность и необходимость в работе).

Между работниками и волонтерами проявились барьеры в осознании задач и направлений развития хэсэдов.

Выявлены проблемы с привлечением и использованием молодых волонтеров и волонтеров из «среднего класса»: сотрудники и волонтеры обоих хэсэдов склонны были рассматривать волонтеров «из среднего класса» лишь как спонсоров, способных оказать финансовую помощь.

Текущность волонтерских кадров – низкая. Возможность продолжать работу – наивысшая ценность для волонтера, перевешивающая все недостатки.

В связи с сокращением финансирования респонденты отмечали вынужденное сокращение обучения и переход на обучение «своими силами». При этом они ощущали большую потребность в обучении силами привлеченных специалистов и в обмене опытом.

Оба хэсэда склонны были не только искать новые пути привлечения средств, но, прежде всего, сокращать текущий объем работ.

Специфические тенденции изменений в деятельности большого и небольшого хэсэдов при снижении финансирования я свела в таблицу, чтобы нагляднее можно было увидеть разницу в путях их выхода из проблемной ситуации.

	Большой хэсэд	Небольшой хэсэд
Изменения в хэсэде, связанные с сокращением финансирования	Сокращение бюджета и структуры программ. Сдача в аренду части помещений. Это вызвало ухудшение условий работы и общения волонтеров – одного из самых сильных мотивов их участия в работе. Но только в процессе общения внутри команды и действуют психологические закономерности сплочения, усвоения групповых норм	Сокращение количества штатных сотрудников.
Изменения в принципах работы волонтеров	Выработка более высоких требований к качеству и регулярности работы волонтеров. Разработка и внедрение договоров, испытательного срока.	Четких требований к волонтерам по частоте посещения и объему работ нет.
	Структура деловых отношений стала всё более напоминать производство, бизнес-структуру.	Структура деловых отношений напоминает общественную организацию. Проводится работа по созданию таких отношений.
Привлечение разных контингентов волонтеров, в т. ч., молодежи и «среднего класса»	Проблема субъективно не воспринимается как острая. Решение видят в создании программ, интересных для подобных волонтеров. Однако пока таких программ, по словам руководителей, нет.	Пока они участвуют только в культурных и семейных программах. Есть проблема приобщения их к социальным программам. Проблема замкнутости волонтерских групп: пенсионеры не готовы сотрудничать с более молодыми; о представителях «среднего класса»: «обеспеченные люди».
Чувство принадлежности к общине	Это чувство снизилось, в работе сократилась значимость национальной составляющей. В условиях расширения рынка труда в городе это означает снижение конкурентоспособности хэсэда, а как следствие – трудности с привлечением новых волонтеров, отвечающих повышенным требованиям	Работа направлена на развитие общинных ценностей. В этом видится один из путей адаптации к внешним изменениям.

У нас была возможность сравнить результаты опроса волонтеров большого хэсэда в 2001 и 2007 гг.

Оказалось, что хэсэд пока не испытывает недостатка в волонтерских кадрах, поскольку имеет большой запас прочности, накопленный на предыдущем этапе своей деятельности. Однако, предвидя скорое проявление этих трудностей вследствие естественного движения кадров, хэсэд готовится к ним, двигаясь по пути профессионализации, отношение к которому не однозначно. Здесь очень важно пройти между Сциллой и Харибдой — ужесточением требований к качеству работы волонтера и превращением его в бесплатного работника, игнорируя особенности его мотивационной структуры.

Негативные изменения, выявленные в ходе сравнительного анализа материалов опросов 2001 и 2007 гг., на наш взгляд, могут объясняться, например, так:

Опрос 2001 г. проводился на пике развития хэсэдовского движения, при максимальном его финансировании. В этот период хэсэдовское движение перешло от создания хэсэдов — к общине. Акцент в работе делался не только на социальных программах, особенно с пожилыми, но и на работе с другими целевыми социальными группами. Рядовые волонтеры вписывались в этот более широкий контекст.

Контингент волонтеров того времени был выращен, воспитан первым поколением лидеров, особенно велика роль психологического воздействия на этот процесс И. Сабага, каждое выступление которого, от публичного до вполне камерного, содержало и постановку цели, и пояснение связи «дальней цели» с ближайшими задачами деятельности именно этих людей, и всестороннюю аргументацию, включая историческую. И всё это — с достаточно сильной эмоциональной окраской.

Всегда подчеркивалась бесплатность, благотворительный характер деятельности. Ради этого запрещались переходы из волонтеров на платную работу, чтобы и мечты такой не могло возникнуть.

И вдруг — перелом! — финансирование уменьшается и будет уменьшаться дальше. Некоторые программы закрываются, помещений не хватает, но они — источник дохода, поэтому сдаются в аренду. Нам не известно, существовала ли стратегия выживания или только тактика, в какой момент она возникла и в какой — доведена до различных участников (от директора и руководителей программ до рядовых волонтеров и даже подопечных) — и доведена ли вообще.

Все силы были брошены на выживание, на сохранение социальных программ. Остальное отошло на задний план. произошла частичная замена целей: то, что раньше было методом достижения цели (социальные программы), стало восприниматься как самостоятельная цель, тогда прежняя цель, «развитие общины», отдаляется и становится субъективно менее осязаемой. Соответственно, изменяется и мотивация волонтеров.

Итак, в условиях снижения финансирования ДЖОЙНТом в деятельности хэсэдов России произошли изменения в роли и месте волонтеров.

1. Если понимать работу волонтера в социальной программе как метод приобщения его к жизни и ценностям общины, а команду волонтеров — как ценность, как среду, ради нахождения в которой волонтер делает многое, тогда

надо постоянно заботиться о развитии этой среды. Чтобы каждый член команды чувствовал, а не только знал, и цель, и методы, видел поддержку, команда должна, как минимум, где-то собираться.

Чтобы чувствовать себя единым целым, команда должна не только собираться, но и обсуждать важные для себя вопросы и вместе вырабатывать решения. Без этого процесса команда деградирует, распадается, остаются только отдельные волонтеры — помощники штатных работников.

Вообще исчезает цель, о которой говорилось выше, а остается сеть социального обслуживания и почти единственный стимул для волонтера — ощущение своей индивидуальной миссии (имеющей моральную основу — не важно, религиозную или нет) — помощи подопечным.

2. Обнаруженные негативные изменения могут быть в значительной мере нивелированы умело проводимым постоянно действующим тренингом. Но он должен быть не традиционно понимаемым «процессом обучения», а психологически тонко выстроенным, с учетом сути процессов, изложенных выше.

Раньше эту роль во многом играли семинары, которые проводил ИСОР, с привлечением специалистов, дифференцированно — для разных контингентов, с учетом актуальной проблематики, которую каждый раз указывал руководитель группы, для которой планировался семинар.

В связи с уменьшением финансирования, большая часть семинаров была перепоручена именно этим руководителям, но им, во-первых, некогда, во-вторых, они сами признавались, что, не являясь специалистами, не могут на достаточно высоком уровне провести эти семинары и добиться нужных целей.

Анализ материалов опроса руководителей и волонтеров убедительно показал необходимость и актуальность систематического тренинга для руководителей, работающих с волонтерами.

Напоминаю, что это исследование 2007 г. С тех пор ДЖОЙНТ последовательно снижал финансирование. В мае 2009 г. в связи с закрытием информационно-аналитического отдела я вышла на пенсию, а в конце 2014 г. закрылся СПБИСОР.

Вспоминая сейчас о своей работе в ИСОРе, я останавливалась только на больших исследованиях, выполненных по заказу ДЖОЙНТа. Однако параллельно было и много других, которые мы проводили своими силами. Они касались различных сторон деятельности хэсэдов, а также анализа процесса подготовки кадров.

Маша, какая у Вас долгая, интересная жизнь в социологии, многое сделано, многих знали... я рад, что мы поговорили, ценнейший материал... а Ваша дочь тоже работает в социологии?

Дочь закончила социологический факультет СПбГУ по специальности «социальная антропология», но работает, скорее, маркетологом в известной питерской фирме. Видит бог, я ее не агитировала. Наоборот, все трудности моей жизни могли ее направить совсем в другое русло, но она буквально со дня рождения варилась в социологическом котле. В моих трудностях она винит лично меня и уверена, что у нее всё сложится иначе. Пока получается! Тьфу-тьфу тьфу! — Другая эпоха.

Интервью с Владимиром Иосифовичем БАКШТАНОВСКИМ

«ЧТО УДАЛОСЬ СДЕЛАТЬ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ? ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ЗАРОДИТЬ, СОЗДАТЬ И РАЗВИТЬ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ШКОЛУ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ»

Бакштановский В. И. — окончил исторический факультет Томского государственного университета (1965 г.); доктор философских наук (1977 г.); профессор Тюменского государственного нефте-газового университета, директор НИИ прикладной этики ТюмГНГУ (с 1995 г. по настоящее время). Основные области научного интереса: прикладная этика; философская этика; гуманитарная экспертиза.

Интервью состоялось: январь - апрель 2015 г.

Интервью с профессором Тюменского государственного нефтегазового университета Владимиром Иосифовичем Бакштановским началось 19 января 2015 года и завершилось 6 апреля этого же года, но нашей работе предшествовал длительный подготовительный этап. Так, 16 февраля 2012 года я писал Владимиру: «...посмотри сайт <http://www.socioprognoz.ru/history.html>. Это 44 моих интервью с социологами разных поколений... давай поговорим «за твою жизнь»... я — вопросы, ты — ответы.. я знаю твой ответ: “Я — не социолог”». Через несколько дней я получил его ответ: «Извини, что не сразу ответил — взвешивал “за” и “против”. Решил: переложить ответственность на тебя. Надеюсь, ты понимаешь, что социологическая рефлексия — за пределами моей компетенции, но если настаиваешь — рискнем».

Я «взял ответственность на себя» и теперь вправе сказать, что моя настойчивость оказалась ненапрасной. Три года назад, в начале февраля 2012 года, было проведено лишь 44 беседы с советскими / российскими социологами, сейчас — их более ста, и при этом резко возросло значение каждого нового биографического рассказа. Он не просто дополняет уже имеющуюся информацию, но заставляет мысленно «пролистывать» все известные ранее факты и вновь задуматься о справедливости имеющихся выводов.

В рамках предложенной мной типологии поколений российских социологов Бакштановский относится к третьей когорте. К настоящему моменту мною опрошено 24 представителя этой профессионально-возрастной группы, так что созданы предпосылки и для анализа траектории вхождения Бакштановского в социологию, и для сравнения его пути с дорогами, которыми шли в социологическую науку исследователи его поколения. Всех их объединяет то, что никто не готовил себя к социологической деятельности, никто не имеет специального образования. Наибольшее своеобразие движения Бакштановского в социологию заключается в том, что он пришел не на культивировавшееся кем-то поле, а «присоединил» к огромной, разрабатывавшейся многими пашне, свой собственный участок. Он назвал его «прикладной этикой», и — как показали годы — его участок оказался весьма плодородным.

Еще одно позитивное следствие беседы с Владимиром Бакштановским заключается в пополнении коллекции интервью с социологами Тюмени. Первое интервью с социологами этого города состоялось в 2010—2011 году, и оно долго оставалось единственным; тогда моей собеседницей была Юлия Беспалова. Лишь летом 2014 года ситуация резко изменилась, и к концу года были завершены еще три беседы. В начале 2015 года к ним были добавлены четыре новых интервью. Таким образом, в настоящее время развитие тюменской социологии рассмотрено в девяти обстоятельных интервью, более «богато» отражена лишь социологическая жизнь Москвы и Ленинграда / Петербурга.

Отмечу и третий момент, порождаемый содержанием интервью с Владимиром Бакштановским. Сказанное им еще раз подчеркивает актуальность вечной проблемы о границах социологии как науки, показывает важность очерчивания реального поля предмета сегодняшней российской социологии.

Бакштановский В. И.: «Что удалось сделать в области теории? Прежде всего, зародить, создать и развивать отечественную школу прикладной этики»

Владимир, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. К примеру, мои интервью с петербургскими социологами Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Еленой Эмильевной Смирновой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры...

Ты знаешь истории своей фамилии, каково ее происхождение? Насколько вообще ты знаком с прошлым своей родительской семьи?

Историю своей фамилии знаю совершенно недостаточно, особенно за пределами истории своих родителей. По разным сведениям, предки моего отца из Белоруссии, видимо, из бывшей западной Польши. Семейная легенда заключалась в том, что один из предков эмигрировал в Красноярский край, а точнее, попал туда в кандалах: заступился за свою невесту перед помещиком. И после семи лет работ в Троицком сользаводе остался жить в этом крае. Хотя был ли он крепостным, я не могу сказать. Вряд ли евреи были крепостными, мне это неизвестно. Из родственников отца я только заочно, по телефону, общался с дедушкой Борисом. Один из родственников по линии Бакштановских был довольно известный юрист в Риге, а потом переехал в Москву. Контакт с ним прямых особых не было.

В Канске жила семья моей мамы — Златы Григорьевны Цейгер. Здесь они с моим отцом, Бакштановским Иосифом Борисовичем, познакомились, затем переехали в Новосибирск, где в 1932 году у них родилась моя сестра, Ирина Иосифовна. И в 1942 году появился на свет я.

Мне родственники по линии Бакштановских присылали варианты генеалогического древа фамилии, из которого я могу судить, что у Бакштановских была разветвленная семья. Во всяком случае на присланном мне «древе» есть шесть поколений Бакштановских — многие Бакштановские и сегодня живут в Красноярском крае и в Иркутской области.

А вот корней своей матери я до сих пор не обнаружил — у меня нет родословной Цейгеров. Когда я этим заинтересовался, было уже поздно, не у кого узнать, а в доступных источниках информации не нашел. Знаю, что в мои годы у моей мамы была ее мама и два брата и сестра. Все они жили в Новосибирске.

И отец, и мама были служащими. В 1942 году осенью отец ушел на фронт. И хотя я родился в июне 1942 года, конечно я его не помню. У меня есть письмо от отца с фронта, где он пишет и маме, и моей сестре Ире, спрашивает про мое здоровье, беспокоится о нем. Возможно, я был хилый. Других документов из фронтовой переписки у меня нет. Как мне рассказывала мать, отец погиб под Сталинградом, во всяком случае его часы маме переслали с таким адресом. Но недавно я нашел информацию о том, что отец похоронен в братской могиле Святогорского некрополя, у города Славянска. На сайте некрополя написано, что сержант Бакштановский Иосиф Борисович похоронен в братской могиле.

Фактически я вырос в окружении родственников мамы, Цейгеров, в том числе и дяди Ильи и дяди Иосифа. Они каким-то образом влияли на меня, и были моей большой семьей. Когда я чуть подрос, все Цейгеры дружно рекомендовали мне ехать учиться на юриста, и вроде бы я даже уже внутренне созрел, предварительно прочитав несколько томов Нюрнбергского процесса. С интересом прочитал. Но когда дело дошло до реального времени принятия решения, оказалось, что поступление в юридический вуз предполагает наличие рабочего стажа, которого у меня не было. И эти планы нашей большой семьи не реализовались.

Мама и сестра самоотверженно растили и воспитывали меня в скудных материальных условиях. Сестра после окончания школы пошла не в пединститут, а в педучилище, чтобы побыстрее получить возможность работать. И как они радовались, когда удавалось на три летних месяца отправить меня в пионерлагерь — маме как вдове погибшего на фронте давали бесплатные путевки и это было существенной поддержкой.

И так они привыкли жить ради меня, что уже когда я стал профессором, старались дать мне денег — от маминой пенсии и сестриной учительской зарплаты.

Спасибо, Владимир, за твой рассказ... какая долгая и интересная история... Ты как-то проскочил школу... я так понял, что родился ты в Новосибирске (я родился в июне 1941 года в Ленинграде и с осени того года до начала 1945 года был с мамой в эвакуации в Новосибирске... может мы в одном дворе гуляли?). Твои школьные годы прошли в Новосибирске? Как шла учеба? Что интересовало? В какой степени ты был вовлечен в комсомольскую жизнь?

Мои школьные годы прошли в Новосибирске, с четвертого по десятый класс — в школе № 95. Это был центральный район города. Рядом — кондитерская фабрика. Мы часто, идя в школу или из школы, просили через окно у работниц фабрики каких-нибудь конфет. В основном они нам давали карамель, еще не разрезанную на конфеты, а большими комками. Недалеко от школы был центральный парк имени Сталина, где мы гуляли, катались на катке. В школе мои успехи были не всесторонними.

Мне не нравилась математика, и мне помогал мой друг Миша Антипов. Зато я ему помогал по другим дисциплинам. А вот с физикой у меня отношения сложились, может быть потому, что мама купила мне фотоаппарат, и я всех фотографировал, заинтересовался фотоделом. И учитель физики поручил мне провести один урок по оптике. Меня пускали в физическую лабораторию в школе, где я составлял фотохимикаты — тогда готовых было мало в магазинах. И как-то я к этому делу пристрастился.

Более интересны мне были уроки литературы и истории. Учителя были разного уровня. Географию преподавал отставной офицер, со всеми понятными последствиями этой его квалификации. Трудные отношения у меня были с классным руководителем, которая преподавала биологию. Она меня невзлюбила, мои дневники были испещрены красными чернилами, в которых классный руководитель обращалась к моей маме с просьбой воспитывать меня лучше, потому что я вел себя не очень дисциплинированно. А как я мог вести себя дисциплинированно, если несколько лет подряд в классе за моей спиной сидел ученик, имени которого я не запомнил, который все время меня задевал, а я был вынужден давать ему отпор. Но наказание было только для меня.

В школе я был активно вовлечен в комсомольскую жизнь, мне комсомольская работа нравилась, и вообще я эту организацию уважал. И когда был один тяжелый случай в классе — ушел из дома один из моих товарищей, и все переживали, что с ним случилось, не пропал ли он, я пошел в Горком комсомола и добился у секретаря Горкома, чтобы он организовал массовый поиск моего товарища. Я верил в то, что комсомол в этом смысле поможет, всесилен. Но обошлось без этой помощи, он вернулся домой сам через некоторое время.

Мои активные отношения с комсомольскими организациями имели еще одну форму — много лет был вожатым в пионерском лагере. Я каждый год по три летних месяца был в лагере, сначала как октябренок, потом как пионер, а потом и как помощник вожатого и вожатый. Это было для меня очень интересно, никто меня не мог заставить этим заниматься, я был добровольно вовлечен и, я так думаю, имел определенные успехи, раз меня из года в год приглашали на эту работу.

Пионерский лагерь был за городом. По тем временам — это были конец сороковых, пятидесятые, шестидесятые годы — лагерь был не в современном, капитальном духе, а это было бывшее подсобное хозяйство от работы моей матери, просто участок в деревне. Мы жили в бывших амбарах. Вокруг был лес, лес первозданный, и уж обеспечение грибами, ягодой и рыбой брали на себя сами пионеры. Это было и полезно, и вполне интересно. Я с удовольствием водил ребят в походы и какие-то первые навыки походной жизни они получали. Правда, деревенские ребята с нами чаще всего конфликтовали. У них была для нас характеристика: нас называли «лагерными придурками». Правда, за нами «не засохло», и мы отвечали им тем же: они были для нас «деревенские придурки». И так было довольно долго, пока и те, и другие не подросли. А потом уже деревенские ребята стали ухаживать за нашими девочками, а наши — за деревенскими. Девочки тоже подросли и часто отдавали предпочтение деревенским ребятам. Название деревни я не помню, а речка была Иня, по тем временам, сейчас уже трудно себе это представить, она была очень чистая, холодная, потому что проходила через предгорье. Купаться в ней было одно удовольствие.

Когда у тебя появилось более или менее осознанное желание относительно того, чем заниматься, кем быть? Под воздействием каких обстоятельств или людей такие планы возникали и на чем ты остановился?

Возможно, первое представление о том, чем заниматься в будущем, возникло летом между четвертым и пятым классом. Мне купили учебник истории древнего Рима, и я прочитал его за каникулы. Как я сегодня понимаю, это был никакой не выдающийся, а вполне рядовой учебник, но уж очень он мне понравился. И, наверное, это как-то запало при размышлениях о будущей профессии. Хотя как таковых специальных размышлений, рассуждений «о выборе профессии» не было. Или я их успешно забыл.

Я уже говорил выше: родственники хотели, чтобы я стал юристом. И здесь, возможно, сработало то, что в старших классах я прочитал несколько томов о Нюрнбергском процессе. Но, думаю, что это была все-таки не столько ориентация на профессию юриста, сколько продолжение увлечения историей — от того

еще увлечения пятиклассника. Не было целенаправленного процесса поиска профессии, взвешивания «за» и «против», советов с какими-то значимыми людьми. Думаю, что это было скорее стихийное увлечение и стихийное вовлечение.

А на каком из планов я остановился? Юристом я даже при своем желании последовать надеждам моих родственников, не мог стать — из-за того, что на юридический факультет в Свердловске (про который я узнал) нельзя было поступить без двухлетнего стажа работы. Вот я и поехал в Томск на историко-филологический факультет. Не добрал в первый год одного балла, уехал домой, в Новосибирск.

Кстати, меня не остановило в желания стать историком даже то, что я не поступив с первого захода на историко-филологический факультет, пытался в Новосибирске устроиться на работу на только что открывшемся строительстве Академгородка. Эта работа могла дать бонус для поступления в будущий Новосибирский университет. И вот меня по блату — большая проблема была с трудоустройством в те годы — устроили в контору, которая обеспечивала строительство Академгородка. Но единственная должность, которую мне — тоже по блату — предложили, была должность архивариуса в конторе. Когда я появился, в самый первый день конторские дамы надо мной не очень мило посмеялись, спросив: «Ты, парень, хочешь быть архивариусом?». Это меня устыдило. И я отказался. Хотя, казалось бы, история, архивариус... — какие-то могут быть переклички. Но я ушел. И тогда мать, тоже по знакомству, найдя на одном из оборонных заводов сотрудников, работавших еще с моим отцом до войны, и они о нем хорошо отзывались, и в память о нем добыли мне дефицитную ставку ученика токаря в механический цех. И я год проработал — сначала учеником, а потом уже и токарем третьего (самого маленького) разряда. И уже через год поехал поступать на истфак в Томский университет второй раз.

И угрожавшая мне работа архивариусом не отпугнула меня от исторического факультета. В те годы в моих поступках было много спонтанного, неотрефлексированного, многие решения были скорее эмоциональными, и сегодня выстраивать их в строгую цепь продвижения к моей будущей профессии было бы нечестно.

Итак, через год я снова приехал в ТГУ, где мне, кстати, заявили в экзаменационной комиссии, что я зря уехал — мне как сыну погибшего фронтовика полагалась льгота, и я мог в первый же год поступить, даже не добрав один балл. Но, тем не менее поступил, до сих пор не жалею, хотя историком и не стал. Не стал потому что, где-то со второго курса заинтересовался философией, поддавшись обаянию преподавателя философии Федора Андреевича Селиванова. Стал специализироваться у него в виде курсовых работ по этике. И дипломную работу — тоже по этике.

Полагаю, что наряду с личностным обаянием лектора по диалектическому материализму меня увлекла и сама проблематизация этого курса, и возможность освоить диалектическую логику, и тяга к пониманию законов жизни: на все на это диалектический материализм, а потом, на следующем курсе, и исторический материализм претендовали. И это сильно затягивало.

А ведь увлечение философией — это еще и работа в научной библиотеке Томского университета, это возможность читать книги, не очень доступные в общем обиходе, в том числе книги в спецхране, существовавшем тогда при

научной библиотеке, доступ к которому можно было получить только по рекомендации руководителя со ссылкой, что это необходимо для написания курсовой и дипломной работы.

Ну и, наверное, появившийся особый интерес к такой отрасли философии, как этика. А я прочитал тогда не только вполне оригинальный первый учебник в нашей стране — той советской стране — по этике, который написал Ф. А. Селиванов. Это был не казенный учебник, он и назывался «Очерки по этике». Очерки были написаны таким стилем, а автор так проблематизировал этическую проблематику, что не попытаться самому разобраться в ней было просто нельзя. А чтобы разобраться ... тебя всегда ждала университетская библиотека.

Закончив в 1965 году истфак Томского университета с дипломом «преподаватель истории и обществоведения», фактически стал преподавателем философии, ибо распределился на кафедру философии Томского политехнического института. Вот я и остановился на философии. И живу в ней до сих пор.

Так это же прекрасное сочетание: история и философия. На философию истории или на историю философии не тянуло? Сколько времени продолжался томский период твоей жизни? Какие курсы тебе поручили читать? Поступали ли в аспирантуру?

Не могу сказать, что меня тянуло к философии истории или истории философии. Все-таки тянуло к философии, а точнее — к этике. Хотя в томский период моей жизни — это три года работы на кафедре философии Политехнического института — собственно курс этики я не читал.

Придя на кафедру философии Томского политехнического института, я сразу получил лекционные курсы. И читал лекции по диалектическому и историческому материализму. Мне это делать было не очень трудно, потому что другой профессор, который помогал мне и на этапе кандидатской диссертации, а потом и стал консультантом моей докторской, Валерий Николаевич Сагатовский, только что написал свой учебник «Философия как теория всеобщего», дал мне его в рукописи и разрешил использовать в моих лекциях. Учебник был прекрасно написан, он выходил далеко за рамки казенных по тем временам представлений о философии. И я чувствовал себя «на коне», и студенты слушали с удовольствием. Мне удалось даже получить первое место в рейтинге студентов при конкуренции с известными лекторами. И это меня вдохновляло. Со студентами по тем временам мне было работать очень интересно. Я был на три, в крайнем случае, на пять лет, старше их, — было и эмоциональное взаимопонимание и, может быть, мироощущение более или менее близкое. А когда я показал студентам, что ориентируюсь в научной фантастике, да рассказал, что лично знаком с братьями Стругацкими, то взаимопонимание со студентами было гарантировано.

В 1970 году ты в МГУ защитил кандидатскую диссертацию по теме «Критика метафизичности в разрешении проблемы цели и средств в этике». Понимаю, давно это было, но, пожалуйста, обозначь основные выводы работы.

Мой интерес к этике проявился в выборе темы диссертации. Писал диссертацию без поступления в аспирантуру. Научный руководитель — Ф. А. Селиванов. Тема диссертации — «Критика метафизичности в разрешении проблемы цели

и средств в этике». Защитил я ее в 70-ом году, хотя написана она была раньше. Переезжая из Томска в Тюменский индустриальный институт, я считал, что уже завершил диссертацию, и вопрос только в том, где ее защитить. Но случился неожиданный для меня инцидент: по совету Селиванова я обратился с просьбой о защите в совет при Уральском государственному университете. Там заведовал кафедрой профессор Архангельский Леонид Михайлович, и мне мой руководитель обещал, что никаких проблем с приемом диссертации к защите не будет. Я и поехал настроенный очень уверенно в себе. Считал, что уже вот-вот можно будет готовить защиту. Обломился. Неожиданно для меня — Архангельский по телефону говорил, что решение у кафедры положительное. Мне выкатили две претензии. Первая, почему в Вашей диссертации очень много материалов, взятых из научно-фантастической литературы, а братья Стругацкие доминируют? У Вас, что, в нашей родной советской действительности не хватает ситуаций выбора, которые надо было бы проанализировать и найти их решение? Почему научная фантастика, а не реалии? Вторая: почему у Вас целый параграф посвящен конфликту совести и разума в этике экзистенциализма? Что, обязательно было нужно изучать позицию экзистенциалистской этики? У нас, что, не хватает подходов в советской этике?

Надо сказать, что я растерялся от таких вопросов. Может быть, потому что был самоуверен. Может быть, потому что мне говорили: обсуждение пройдет без проблем. И я не нашелся, что сказать в ответ на обе претензии. А когда мне предложили диссертацию доработать, я промолчал, но, вернувшись в Тюмень, сказал, что ноги моей на этой кафедре больше не будет. Созвонился с московскими коллегами с кафедры этики МГУ. Получил предложение приехать на обсуждение к ним. Я отправил диссертацию и она была обсуждена на кафедре. Но опять мне задали вопрос: что это за тема параграфа «Конфликт совести и разума в этике экзистенциализма»? Вы без нее не в состоянии свою тему обсуждать?» Это заявил доцент в звании полковника, я и сейчас помню его фамилию — Казаринов. Он говорил очень зло, никто с ним особенно полемизировать не стал, чтобы меня защитить. И мне было предложено диссертацию доработать.

После этого в кабинете заведующего кафедрой профессора Анисимова Сергея Федоровича произошел очень конструктивный разговор, который я потом повторял уже своим аспирантам. Сергей Федорович сказал мне: «Владимир Иосифович, у Вас опубликован каждый параграф Вашей диссертации. Ну что Вы дорожите текстом, кто его будет читать кроме двух оппонентов и ведущей организации?! Вы просто уберите этот параграф, к которому такие претензии, как будто его и не было. На Ленинском проспекте Вы найдете магазин с канцелярскими товарами, там продают большие ножницы, пойдите. купите. (Это же было еще время докомпьютерное). То есть, сэкономьте на перепечатке, просто вырезайте этот текст». Ножницы я храню до сих пор, показываю его тем, с кем я выступаю в роли руководителя диссертаций. Я вырезал этот параграф и диссертация была принята к защите. Это было очень престижно — защититься на философском факультете Московского университета. Я уехал домой и стал больше думать о том, как банкет устроить, чем о том, какие еще могут быть трудности. Пришел вызов от декана: защита назначена на такое-то число. Купил билеты на самолет, сложил чемодан.

Но вечером перед вылетом получаю от декана телеграмму: «Ваша защита откладывается». Что случилось? Звоню, спрашиваю у своих знакомых с кафедры. Мне говорят: в теоретическом журнале ЦК КПСС «Коммунист» вышла рецензия на так называемый «Тбилисский сборник», в котором и я участвовал. Авторы рецензии, по тем временам известные наши этики, посчитали, что эта книга идеологически неверная. И хотя собственно мою статью не ругали, но декан философского факультета МГУ решил, что раз фамилия соискателя попала в такое крамольное издание, это основание для того, чтобы перенести защиту. Что делать? Заведующий кафедрой этики С.Ф.Анисимов советует мне: нужно принести еще один отзыв — от солидного ведущего учреждения; обратитесь в Институт философии Академии наук СССР, если они дадут положительный отзыв, мы снова выставим Вас на защиту.

Направился я к директору Института философии Павлу Васильевичу Копнину, рассказал ему, что произошло. Он выслушал вполне благожелательно, сочувственно и пригласил к себе в кабинет двух философов. Один из них — Олег Григорьевич Дробницкий, рано ушедший из жизни советский этик. Дробницкий знал меня, лучше сказать, что я его знал, но и он меня помнил, наши пути пересекались. А второй был сотрудник сектора диалектического материализма Николай Николаевич Трубников, который исследовал тему целей и средств уже не в этике, а шире — в философии. То есть был специалист непосредственно по моей теме. А у Дробницкого в недавно вышедшем тогда учебнике была большая глава о критике этики экзистенциализма. То есть, директор института заказал рецензию двум отделам и двум ведущим специалистам по тематике моей диссертации. Через какое-то время я получил позитивный отзыв, отдал его в совет МГУ философского факультета, защита состоялась. Она прошла успешно и я вернулся в Тюмень. Вроде как победителем, но надо учесть, что с момента, когда я считал, что должен был уже защититься, прошло лишних два года.

Теперь по поводу основных выводов моей диссертации. Речь шла о моей любимой на многие годы теме морального выбора личности в ситуациях нравственного конфликта, когда моральный субъект обнаруживает, что в его сознании сталкиваются нормы, противоречащие друг другу, когда выполнение одной нравственной нормы приводит к нарушению другой, то же нравственной нормы. Это не был конфликт добра со злом. Это был конфликт норм внутри одной моральной системы. В качестве примеров наиболее напряженной ситуации морального выбора я рассматривал проблему соотношения нравственной цели и средств. А критике я старался подвергнуть метафизические, односторонние решения проблемы цели и средств. И в качестве таких односторонних решений я рассматривал, с одной стороны, теории ненасилия Толстого и Ганди, а с другой стороны, известный принцип «цель оправдывает любые средства», который принято связывать, прежде всего с иезуитизмом. Основной вывод моего исследования звучал примерно так: нравственен и эффективен выбор таких средств, которые способствуют достижению цели, но при этом не изменяют ее нравственного характера.

Какие мотивы подтолкнули тебя перебраться из известного академического центра Томска лишь в стававший на ноги Тюменский индустриальный институт? Какие курсы ты там начал читать?

Мотивы моего переезда из университетского города Томска в неуниверситетский город Тюмень были двух типов. И я не могу сейчас сказать, какой из них был сильнее. Один мотив — вновь образованный Индустриальный институт при поддержке областных властей давал приглашенным преподавателям квартиры. В старом Томске об этом и мечты-то не было. Получить сразу при переезде современную по тем временам двухкомнатную квартиру — был для моей семьи соблазн очень сильный. Второй мотив был скорее творческий: в Тюмень переехал мой руководитель по кандидатской диссертации Ф. А. Селиванов и продолжить сотрудничество с ним, а он получил в Тюменском индустриальном институте кафедру философии, было не менее важно, чем получить квартиру. Случилось очень удачное сочетание двух мотивов. И я колебался не очень долго, хотя оставлял в Томске друзей, научную библиотеку университета, университетские традиции.

Приехав в Индустриальный институт на кафедру философии, я получил для чтения стандартные курсы — диалектический и исторический материализм. Разумеется, это были не только семинары, но и лекции, тем более, что мне дали ставку старшего преподавателя, но я уже освоился с лекционной деятельностью в Политехническом институте в Томске, и это не было для меня особым затруднением.

Конечно, можно задать вопрос: выиграл я или проиграл, получив вместо томских студентов — студентов тюменских? В Томске у меня были привилегированные факультеты: радио-физический и химический. Очень сильные студенты, поступившие по большому конкурсу, и надо было равняться на их потенциал, соответствовать ему. В Тюмени Индустриальный институт открылся за три года до моего приезда, особых традиций, конечно, не могло быть. Но, в общем-то, уже на первом этапе своей жизни Индустриальный институт имел определенную привлекательность, в городе был голод по инженерному образованию. И, соответственно, конкурс студентов был вполне эффективный, чтобы отобрать вполне достойный контингент студентов. И мне было непросто удовлетворить их интересы — ребята были современные, мотивированные на образование. У них был пафос жителей центра освоения Тюменского Севера. И все это надо было учитывать.

По-видимому, условия работы в Тюмени позволили тебе сосредоточенно заниматься наукой, если всего через пять лет после защиты кандидатской диссертации ты в 35 лет защитил докторскую?

Конечно, условия работы в Тюмени и мотивировали меня, и позволили сосредоточиться на научной работе. Я и ехал в Тюмень в статусе почти написавшего кандидатскую диссертацию, как я сказал выше. И мне предстояло ее оформить. Первые три года в Тюмени я был сосредоточен на кандидатской диссертации, а затем очень интенсивно занялся докторской. И я защитил ее относительно быстро — в 35 лет. По тем временам я был самый молодой доктор философских наук в СССР.

Условия были благоприятные, кроме сильного внутреннего стремления, развитой достижительной ориентации, я имел возможность участвовать практически в любых конференциях. Уже сложившиеся контакты с этическим сообще-

ством давали возможность публиковаться не только в тюменских сборниках, но и в приличных изданиях, например, в «Вопросах философии», «Философских науках», в популярных изданиях типа «Молодого коммуниста».

Немаловажным был фактор поддержки ректората — как только я заявил, что перехожу в докторантуру, ректор выделил моей семье трехкомнатную квартиру — что было и очень полезно, и очень ответственно. Предполагалось, что я оправдаю доверие.

Наверное, еще одним важным фактором было сотрудничество с трудовыми коллективами и партийными организациями города Тюмени и Тюменской области.

Уже тогда я мог инициировать этико-прикладные исследования, подразумевающие работу с заводами, работающими на топливно-энергетический комплекс Тюменской области. Это было важно и для того, чтобы проявить себя как публичного деятеля, и для того, чтобы испытать свои идеи на практике. Практике этического воспитания и нравственного просвещения.

Полагаю важным фактором и работы над докторской диссертацией, и успешной защиты ее явилось то, что под меня в Индустриальном институте была открыта кафедра этики. Она была открыта в 1975-м году. Кафедре выделили несколько ставок. Я пригласил молодых преподавателей. И тогда уже от эпизодических курсов по этике я смог поставить этическое образование в Индустриальном институте на более или менее системную основу. Вся кафедра читала курсы этики, эстетики и научного атеизма — такой был разброс по тем временам. Практически все сотрудники кафедры стали моими аспирантами и начали писать кандидатские диссертации еще до моей докторской защиты. Таким образом, защитившись я уже имел несколько своих аспирантов, готовых к защите кандидатской диссертации.

Создание кафедры, а это была единственная в СССР кафедра этики в техническом вузе, конечно дало мне и творческий тонус, и определенный вес в сообществе, и поддержку властей, которая была нелишней, ибо кафедра сразу получила возможность заявить себя в агитационно-пропагандистской работе в области, и в эмпирических исследованиях на территории Тюменского топливно-энергетического комплекса. Создав кафедру, мы получили возможность проводить ежегодные конференции в Тюмени — мы чередовались с кафедрой философии Владимирского политехнического института, которой руководил мой старший товарищ, а потом и соавтор многолетний — Юрий Ваганович Согомонов. Один год конференцию проводилась во Владимире, другой год в Тюмени. Это были всесоюзные конференции, мы имели всесоюзное участие, включая и иностранное участие, например, одна из конференций было советско-болгарской. Авторитет Тюмени для болгарских исследователей был высок уже хотя бы потому, что в Тюменской области работала большая группа болгарских строителей. И она пользовалась особым вниманием властей в Болгарии. Мы публиковались в Болгарии, и они к нам с удовольствием приезжали на конференции. Статус кафедры был высок и это существенно сказалось на успешности моей защиты, хотя она была не безоблачной...

Какие оказались проблемы, подводные камни?

Наверное, как и в большинстве случаев диссертационных защит, проблемы и подводные камни были двух типов. Первый тип — собственно научные проблемы. Поскольку концепция морального выбора личности, которую я развивал в этой диссертации, была сконцентрирована вокруг возможности — необходимости создавать и применять критерии эффективности морального выбора личности, я входил в рискованную зону включения в сферу морали, казалось бы, чуждых ей категорий — «целесообразности», «эффективности», «рациональности». Во всяком случае в сложившейся в те годы советской этике концепции природы морали это была проблематизация, не разделяемая многими коллегами. Моя задача заключалась в том, чтобы ответить на их скепсис, а то и прямые критические возражения, высказываемые и в литературе, и на конференциях, и ответить так, чтобы принять и включить в свою концепцию все разумные критические замечания, но не утратить специфики, инновационности своей позиции. Это было, кстати, и творчески интересно — не просто вынужденная необходимость. Это была нормальная творческая задача, степень успешности в ее решении должны были оценить оппоненты и ученый совет.

Вторая трудность была связана опять с тем, что инициированное мною направление прикладной этики имело оппонентов не только в рамках собственно науки, но и в сфере управления наукой. И как и в первой диссертации, я столкнулся с сопротивлением власти предрежащих в науке, которые не хотели давать мне ходу в этике. Полагаю, что и в связи с моей национальностью, и в связи с тем, что я нарушал сложившиеся традиции в этическом знании, да и просто был слишком молод по сравнению с наиболее распространенным возрастом в наших этических кругах. Поэтому мне пришлось обратиться за помощью к моим благожелателям среди ведущих этиков и мне рекомендовали обратиться с заявлением о защите диссертации не в Московский университет, а в Новосибирск — Институт философии Сибирского отделения Академии наук СССР, где как раз к моменту моей защиты был организован докторский совет по диалектическому и историческому материализму. Естественно, мне пришлось чуточку обновить название и содержание моей диссертации — она пошла уже не по специальности «этика», а по специальности «исторический материализм». Должен сказать, что пришлось позаботиться и о «правильных» фамилиях оппонентов — чтобы среди них не доминировала определенная нация, как это сначала получилось. В итоге процесс защиты прошел без особого напряжения. И голосование, если я не ошибаюсь, было единодушным.

Подводные камни такого типа были данью времени, их надо было просто принять и преодолеть. Это получилось. И я помню, как сразу после защиты я полетел в Москву, где проходила очередная Всесоюзная школа (напоминаю, что это было советское время — 1997 г.) молодых этиков в Звенигороде. Я приехал на нее как триумфатор. И одним из первых меня поздравил как раз мой недоброжелатель, который руководил этической наукой от имени отдела науки ЦК КПСС. Он пожал мне руку, но на его лице не было никакой искренности, он просто должен был это сделать публично. А когда он отошел, то стоящий рядом со мной профессор Титаренко Александр Иванович, который много сделал для организации моей защиты, сказал мне (может быть, он прочитал на моем лице некоторое напряжение при разговоре с этим товарищем): «Володя, теперь

ты можешь быть спокоен за свою судьбу в науке. Никто тебе горло не перегрызет. В крайнем случае, за пятки будут кусать. Твоя докторская будет работать на твою безопасность в этой сфере». И, как мне кажется, его прогноз оправдался.

Надо сказать, что в содержательном плане серьезную поддержку в развитии моей концепции морального выбора сыграл профессор Сагатовский Валерий Николаевич, который на автореферате указан как научный консультант. Его поддержка была серьезная, спокойная, фундаментальная. Он помог мне смягчить остроту моей позиции, придать ей большую строгость и, тем самым, может быть, большую лояльность в отношении традиционной этической позиции: задача заключалась в том чтобы доказать, что введение в проблематику морального выбора критерия целесообразности в выборе средств — это этическая проблема, а не чуждая этике позиция, которая пришла из некой праксиологии. Я пытался доказать и, как мне представляется, Сагатовский меня поддержал, что это внутриэтическая проблема. Другое дело, как, акцентируя ее значимость, не уйти от проблемы природы морали, не утратить понимание природы морали, не игнорировать давнюю традицию этической мысли различать категорический и условный императив, как это делал, например, И. Кант.

В то же время мы уже начали тесно сотрудничать с Юрием Вагановичем Согомоновым. Например, он был внутренним редактором моей главы в уже упоминавшемся выше учебнике «Марксистская этика», где мне А. И. Титаренко поручил главу «Моральный выбор». И, как я говорил, публикация этой главы в учебнике «Марксистская этика», который вышел в «Политиздате», то есть в издательстве ЦК КПСС, придала мне в моем стремлении завоевать место в этическом сообществе еще и определенный официальный статус. Издаваемый несколько раз этот учебник стал официальным учебником как для системы высшего образования, так и в системе партийного просвещения. Это придало легитимности и мне лично, и моей концепции. А Юрий Ваганович Согомонов, с которым мы тогда еще не написали ни одной книжки, тем не менее, понимая мою позицию, окультуривал ее, пытался найти при редактировании такие слова, которые бы смягчали свойственную моему подходу категоричность — наверное, инновационную позицию трудно было сделать нейтрально-полемичной.

Володя, когда ты работал над докторской диссертацией, ты обращался к теоретическим положениям социологии, использовал результаты прикладных исследований? Или истматовская «крыша» даже этого не позволяла? Когда ты обратился к социологическим теориям и эмпирическим методам социологии?

Теоретические положения социологии, тем более, результаты прикладных исследований оставались за рамками моей докторской диссертации и не потому что «истматовская крыша» этого не позволяла, просто мое исследование было скорее в рамках традиционной отечественной этической теории, которая была скорее философией морали, чем социологией морали.

Первые подходы к социологическим теориям заинтересовали меня благодаря тому, что социально-управленческий интерес к потенциалу морали и нравственного воспитания актуализировался, обнаружился, или появился — не знаю, какое более точное слово здесь употребить — когда слово «прикладная этика»

вышло за рамки традиционной классической метафоры, трактующей этику как практическую философию и стал формироваться интерес к более конструктивному воздействию этики на моральную практику.

Надо сразу сказать, и я стараюсь это постоянно подчеркивать, что зачатки социологического видения морали в моей позиции формировал Юрий Ваганович Согомонов. Он, на мой взгляд, один из тех этиков, которым исследовательская и педагогическая работа в духе исторического материализма не помешала разрабатывать социологическое видение морали. Прежде всего, это было связано с исследуемой им управленческой версией взаимосвязи этики и моральной практики. Я думаю, этики не только моего, но и последующих поколений помнят лекции Юрия Вагановича Согомонова на конференциях во Владимире и в Тюмени, на школах молодых этиков, где мы получали фактически первую прививку социологического видения современного общества и морали этого общества. На его лекциях мы слушали диагностические характеристики как глобального, так и нашего советского общества с точки зрения самых очевидных признаков Современности. Это Согомонов увязывал развитие морали с урбанизацией, с характеристиками потребительского общества, с динамикой семьи — от традиционной формы к современной. Ему не надо было «продавливать» в наше традиционное этическое сознание эти новации — они были настолько убедительны, настолько конструктивно объясняли практику нашего общества. Благодаря его лекциям и многие мои молодые коллеги сразу «стали фейербахианцами» — этиками, которые уже не могли пройти мимо социологических характеристик морали. Это еще не было обращением к эмпирическим методам в собственно этических исследованиях, но это были зачатки социологического видения, которое помогло нам стать чуточку более современными в понимании природы морали и ее актуальных проявлений.

Что это за социологическое видение Ю. В. Согомонова, которое я усваивал и присваивал и пытаюсь сейчас продолжать? Это и понимание социальной природы морали, но не то, к которому обращались и сторонники философского видения морали («социальная природа морали» — это была традиционная марксистская позиция), но это было именно социологическое понимание динамики морали, динамики ее в свете модернистского подхода, в сравнении морали традиционного общества и общества посттрадиционного, современного. Здесь формировалось видение морали в свете ее социокультурной динамики: очень важно было благодаря социологическому видению, которое развивал профессор Согомонов, понимать этапы конкретизации феномена морали на разных исторических этапах. При таком подходе уходила склонность многих философов к абсолютизации ее природы, ее норм и ценностей, при этом без впадения в другую крайность — в релятивизацию ценностей и норм морали. Настоящий социолог морали в противоречии с теми, кто абсолютизировал природу морали, совсем не обязательно релятивист.

Разумеется, мое обращение к социологии, если не прямое, то косвенное, было укреплено встречами с рядом ведущих социологов нашей страны. Это и Юрий Левада, и Борис Грушин, и Игорь Клямкин, и Игорь Кон, которого я знал и раньше, Геннадий Батыгин, с которым мы стали в ближайшем будущем тесно сотрудничать. Мне удалось побывать на одном из заседаний президиума Советской социологической ассоциации в г. Суздале Владимирской области.

Это был примерно 1989-й год. Попал я на это заседание, скорее, случайно. Оно проходило в Суздале, а в это время я гостил во Владимире у Юрия Вагановича Согомонова, и когда он получил приглашение поучаствовать в том заседании, то пригласил и меня. И вот я увидел весь цвет советской социологии, как на заседании Президиума, так и в приватной обстановке, что меня очень обрадовало, поскольку это была очень интересная атмосфера. Это было непередаваемое впечатление, которое повернуло меня и к личностям этих социологов, и, естественно, к тому знанию, которое за ними стояло. Кстати, на этом же заседании президиума я послушал и Галину Старовойтову, которая только что вернулась с Кавказа, где в эти годы начались известные события. А через несколько лет — в середине 90-х годов — когда я стал издавать журнал «Этика успеха», большинство из них стали участниками моих интервью для этого журнала. Это подняло и статус журнала, и расширило возможность контактов этического сообщества с социологическим. В будущем некоторые из этих социологов были участниками акций, которые проводили я и мои коллеги в сфере прикладной этики — когда в перестроечные годы мы организовывали важного общественного масштаба гуманитарные экспертизы, в них принимали участие некоторые персоны из этого круга.

Спасибо, Владимир, что вспомнил о выступлении Галины Старовойтовой в Суздале, где во второй половине марта 1988 года состоялся Пленум правления советской Социологической Ассоциации; это было очень важное, памятное событие, и я немного дополню твой рассказ. Вечером 23 марта, вне программы, после ужина желающие собрались в одной из комнат гостиницы, чтобы послушать Галину Старовойтову и армянского социолога Людмилу Арутюнян о событиях в Сумгаите. Было не менее полусотни человек, стульев не хватало, и опаздывавшие располагались на полу. Более двух часов люди сидели молча, потом задавали много вопросов, но по-моему, никто не выступал. Говорить было нечего. Надо было думать. Старовойтова рассказывала об истории Карабаха, о социально-демографических и культурных особенностях этого района. Все — просто. Но так мог говорить лишь человек, не только досконально знавший предмет анализа, но остро чувствующий боль людей, живших там, и пытавшийся искать выход из сложившейся трагической ситуации. Галина выглядела плохо, усталой, выступала сидя, после перелома ноги ходила опираясь на палку. Но по-моему, это, ее не волновало. Она обнаруживала нечто новое в мире и открывало не известное в себе.

Не мог бы ты рассказать о твоём проекте, в котором участвовал Геннадий Батыгин, и о нём самом. После смерти Батыгина прошло более десяти лет, но его жизнь и сделанное им продолжают интересовать многих...

Геннадий Семенович Батыгин сотрудничал с нашим направлением прикладной этики начиная с времен «Самотлорского практикума-2», то есть с 1987-го года. «Самотлорский практикум-2» — это была такая амбициозная попытка группы этиков, которую инициировала моя лаборатория прикладной этики Института проблем освоения Севера Сибирского отделения АН СССР. Мы стремились включить отечественное этическое сообщество, весьма настороженно относящееся к самой идее прикладной этики, как сказали бы сейчас, в активный дискурс об актуальных проблемах морали общества времен Перестройки. И, естественно, мы были заинтересованы включить в этот дискурс

не только чистых этиков, но и известных авторов из смежных профессий — философов, культурологов, психологов, и, конечно, социологов. Мне представлялось, что в числе экспертов, приглашенных отвечать на разработанную нами анкету, не мог не оказаться Геннадий Семенович.

Я сначала знал его заочно как автора докторской монографии, правда, не всей монографии, а послесловия, которое он написал к этой книге. Во время просмотра в книжном магазине монография меня мало заинтересовала — она была чисто социологическая, а меня эта тематика не заводила, а вот послесловие было написано Социологом с большой буквы. Это уже была и не голимая эмпирия, и даже не методология. В этом послесловии я увидел социального философа, публицистически пишущего интеллектуала, который мог критически отнестись к социальной ситуации времен Перестройки и к месту социолога в этой ситуации. Кстати, это был интеллигентский текст, вполне достойный любого популярного журнала времен перестройки.

Так имя Батыгина попало и запало в мою память. Я пригласил его поучаствовать в нашем экспертном опросе, основная задача которого была — дать коллективную диагностику моральной ситуации тех времен. И его текст украсил нашу экспертизу. Увидев, что это прекрасный автор, интересный и полезный разрабатываемой нами концепции прикладной этики и ее практическому применению в виде многообразных экспертиз того времени, например, экспертизы ситуации, которую мы называли «Этика Севера», потом смежный с этой экспертизой проект: этно-экологическая экспертиза ситуации, которая сложилась на Тюменском Севере в связи с массовым промышленным освоением этой территории и последовавшей за этим освоением сложной ситуации в судьбе малочисленных народов Тюменского Севера. Это экспертизу мы готовили экспертизу в режиме многодневной деловой игры. Участникам экспертизы предстояло прожить во время Самотлорского практикума несколько моделей решения трудной ситуации на Тюменском Севере. И предшествовавший самой деловой игре экспертный опрос снова не мог быть осуществлен без участия Геннадия Семеновича.

Он был членом редколлегии и постоянным автором первого из наших журналов — «Этика успеха». Начиная с 1995-го года и до самых последних своих дней он был на основах совместительства ведущим научным сотрудником НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета и постоянным автором выпусков издаваемого НИИ прикладной этики журнала «Ведомости прикладной этики».

Геннадий Семенович был не просто нашим деловым партнером; не берусь говорить, что мы с ним дружили, но как мне казалось, у нас сложились теплые личные отношения. Мы часто встречались в Москве. Я был частым гостем у него дома. И сейчас помню глубоко поцарапанные кошкой руки его сына Гены — Геннадия Геннадьевича Батыгина — залепленные медицинским клеем.

Мне кажется, что участие в этико-прикладных проектах социолога Батыгина сделало наше стремление развивать прикладную этику более привязанным к социально-политическим реалиям, «заземлило» наши проекты на отечественные обстоятельства.

Я помню Геннадия Семеновича и как редактора нескольких наших монографий, и как автора критических рецензий на эти монографии в разных журналах. Он рецензировал и наши с Юрием Вагановичем Согомоновым книги:

по этике российского бизнеса, про этос среднего класса. До сих пор в архиве НИИ ПЭ лежит машинописная рукопись одной из книг с его правкой, очень существенной правкой, правкой конструктивной, которая только улучшила наш текст.

И еще одна точка взаимодействия Г. С. Батыгина с нашими проектами. В 1993 — 1997 годах он был научным руководителем (вместе со мной) кандидатской диссертации по социологии сотрудницы НИИ ПЭ ТюмГНГУ Марины Богдановой. Это была вполне серьезная работа, посвященная исследованию этоса становящегося в современной России предпринимательства. Г. С. Батыгин уже ушел из жизни, но и в докторской диссертации М. В. Богданова социологическую методологию исследования этоса университета разрабатывала на основе работ Г. С. Батыгина.

Наверное, стоит сказать, как Геннадий Семенович повлиял и на становление журнала «Ведомости прикладной этики». Сам он создал, как мы все знаем, «Социологический журнал», и прямо или косвенно его опыт сказался на создании нашего журнала, где он был автором с 14 номера, на концепции журнала, на наши представления о роли журнала в становлении и развитии научной школы.

Может быть, я завершу этот краткий сюжет о Геннадии Семеновиче тем, как мы обменивались ироничными комплиментами: я говорил, что он — главный этик среди социологов, а он — что я главный социолог среди этиков.

Я хотел бы поговорить подробнее о твоих прикладных исследованиях, но сначала — о теоретических работах. После защиты докторской диссертации прошло без малого 40 лет. Что главное удалось сделать в области теории этики? Какие свои теоретико-методологические работы ты назвал бы в первую очередь?

За десятилетия под твоим руководством, скорее всего, подготовлены сотни дипломных проектов, защищены десятки кандидатских работ, несколько докторских. Пожалуйста, поделись статистикой... и еще, наверное, в определенном смысле уже можно говорить о «тюменской школе» исследователей этики, в чем ты видишь ее специфику?

После защиты докторской диссертации прошло без малого сорок лет. И когда они могли пройти — эти сорок лет?

Что же удалось сделать в области теории этики? Прежде всего, зародить, создать и развить отечественную школу прикладной этики, которая с определенного этапа стала называться «инновационная парадигма прикладной этики». Это потребовалось, чтобы различить то оригинальное направление, которое мы инициировали в начале восьмидесятых годов, и те этико-прикладные концепции, которые затем появились у нас в стране, во многом под влиянием западной этической мысли. В этом смысле я стараюсь подчеркивать, что инновационная парадигма — наше отечественное изобретение. На этапе своего возникновения и становления она фактически была независима от западных исследований в сфере прикладной этики, развивалась параллельно им.

Итак, во-первых, в области теории этики — это создание направления. Во-вторых, у нас получилось почти непрерывающееся за эти сорок лет оформление инновационной парадигмы в жизни нами же издаваемых журналов. Сначала это был журнал «Этика успеха», одиннадцать номеров этого журнала вышли в Москве-Тюмени. Еще один журнал был создан в связи с работой в сфере про-

фессиональной этики журналиста — мы называли его «Тетради гуманитарной экспертизы», выпустив шесть номеров. Наконец, с 1995 года и по сей день выходит в Тюменском нефтегазовом университете журнал «Ведомости прикладной этики». Сейчас мы готовим к печати сорок шестой выпуск. Как нас наставлял Геннадий Семенович Батыгин, журнал — это способ существования школы.

В-третьих, мы освоили не менее важный способ существования отечественного направления прикладной этики — выпуск ключевых монографий. Уже в их названиях можно увидеть тематизм наших исследований.

Среди первых после защиты докторской я бы назвал монографию, обобщающую результаты первого десятилетия жизни нашей парадигмы — «Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью Томский университет, 1986 год. (В соавторстве с Ю. В. Согомоновым).

Следующий этап жизни инновационной парадигмы может быть концентрированно представлен результатами, опубликованными в монографии «Этика политического успеха». Москва-Тюмень, 1997 (В соавторстве с Ю. В. Согомоновым). Это была первая в отечественной этической литературе работа по политической этике. Сфера для нашего этического знания — одна из неизведанных, и, конечно, обращение к этой теме было связано с общественными переменами в постсоветское время.

В этой монографии закрепились ставшая в дальнейшем традиционной структура наших последующих работ. Сначала — теоретико-методологическое описание темы, в данном случае, феномена политической этики. А затем — представление проектно-ориентированных исследований, реализованные в духе прикладной этики проекты, связанные с переменами в жизни партии, в жизни отечественного парламента, с политической этикой в этнонациональных конфликтах и особенный раздел — этика политической борьбы. Вообще, начало и середина девяностых годов, может быть, неожиданно для нас, стали временем появления целого ряда монографий. Одну я назвал, затем была первая в отечественной современной этической литературе монография по этике бизнеса: «Честная игра. Нравственная философия и этика предпринимательства». Она вышла в издательстве Томского университета, как и несколько последующих книг. Например, «Этика и этос воспитания», кстати, тоже первая отечественная публикация по этике в сфере воспитания. Стоит заметить, экспансия нашего направления была направлена либо в ранее неосвоенные сферы этики, либо освоенные, но в парадигмальном ключе, который нас не устраивал. Это относится, например, к такой «тюменской» теме, как «Этика Севера». Наши этико-социологические исследования, экспертизы, деловые игры — опыты приложения методологии этико-прикладного исследования к ситуации на Севере Тюменской области — ситуации «нового освоения». Например, ситуация этно-экологическая, связанная с судьбой малочисленных народов Севера под влиянием создания Тюменского топливно-энергетического комплекса.

Это была и экспансия в тематику, в которой мы вышли из регионального масштаба на масштаб общероссийский — серия гуманитарных экспертиз, представленных как в теоретических публикациях, так и в реальной практике этических деловых игр: трансформация партийной структуры КПСС, освоение непривычной для советской действительности ситуации политических выборов. Нельзя забыть еще такой проект, как экспертиза переходной ситуации от

советской власти к пост-советской — то, что связано было с попыткой нового правительства России подвергнуть осмыслению и экспертизе первоначальные реформы по строительству в стране гражданского общества (здесь «гражданское общество» — не «третий сектор», некоммерческие организации, а новый тип общества — рыночного, демократического и т. д.). И мы приложили к этим заботам скромные возможности своего направления.

Следующий всплеск монографических работ связан уже с началом нового тысячелетия.

Мы выполнили серию проектов, большая часть из них была связана с Тюменским государственным нефтегазовым университетом, с ситуацией, которая позволяла конструктивно влиять на трансформацию бывшего Индустриального института в нефтегазовый университет

Результаты были представлены в коллективных монографиях: «Становление духа университета» и «Самоопределение университета» — и здесь мы стремились добиться сплетения теоретико-методологических позиций с реальной практикой общественной экспертизы ситуации университета.

Одним из проектов 2000-х годов было теоретико-методологическое и экспертно-консультативное исследование массового появления некоммерческих организаций. Прикладное исследование — на тюменском опыте. Возникла коллективная монография «Будь лицом»: Рабочие тетради Гражданского форума Тюменской области».

Если не стесняться характеристики своих работ как фундаментальных, то я бы выделил в качестве таковых две монографии, которые мы написали совместно с Юрием Вагановичем Согомоновым: «Этика профессии» и «Введение в прикладную этику». Это было и обобщение предшествующих исследований и методологический задел на сегодняшние исследования в рамках инновационной парадигмы.

Особо можно выделить, заботящую нас в последние годы задачу создания учебного пособия по прикладной этике. Сегодня эта задача обернулась выходом трех частей моего учебного пособия «Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров». Сейчас идет работа над четвертым томом, и конца я пока не вижу.

К сожалению, за те десятилетия, о которых ты спрашиваешь, под моим руководством не подготовлены не только «сотни дипломных проектов и десятки кандидатских работ». Фактически ни одного дипломного проекта не было подготовлено — НИИ прикладной этики не вел учебной работы. В те времена, когда я преподавал философию и этику в Тюменском индустриальном институте, дипломы по этике не защищались, это была общеобразовательная специальность, и в лучшем случае ее изучение завершалось зачетом. А в рамках НИИ прикладной этики я не смог добиться, чтобы университет выделил мне учебные курсы, и моя деятельность была ограничена в рамках НИИ прикладной этики исследованиями и разработками.

В целом мне удалось поработать над кандидатскими диссертациями, и полтора десятка работ были защищены как в ЛГУ, так и в нашем собственном диссертационном совете. Их тематика была связана с прикладной этикой. Кроме этих кандидатских работ была защищена диссертация об этосе университета. Ее написала и успешно защитила Марина Владимировна Богданова.

Полагаю, что независимо от этой скромной статистической цифры, вполне можно говорить о Тюменской школе прикладной этики. Хотя слово «тюменская» здесь не должно истолковываться узко географически. Действительно, и административная единица в виде НИИ прикладной этики, и издательские проекты, например, журнал «Ведомости прикладной этики», и большинство публикаций привязаны к Тюмени. Да и в большинстве своем объекты эмпирических исследований тоже были тюменские. Но, тем не менее, нам удалось вовлечь в сферу своих исследований и разработок, не постесняюсь сказать этого, лучших исследователей страны, работавших и в Москве, и в Ленинграде, и в Сибири... География авторов включает и Украину, и Белоруссию. Их участие укрепило потенциал наших проектов.

В чем специфика Тюменской школы? Первый признак я уже назвал: это ее географическое многообразие. Да, мы Тюмень можем считать себя ядром этого направления прикладной этики, но оно впитало в себя хороший исследовательский потенциал многих регионов страны. Вторая черта особенности Тюменской школы заключается в том, что во многих наших проектах фактически на равных творческих правах участвовали и теоретики, и практики.

Третья особенность — это методология и методика проектов школы: например, метод этических деловых игр, работающих как в экспертной, так и в проектной деятельности.

Наверное не грех вспомнить, что Тюменская школа вот уже на протяжении двадцати лет выпускает свой журнал, который очевидно является определенным центром по собиранию сил нашего направления.

Наверное не грех вспомнить о том, что специфика Тюменской школы в конструктивных взаимоотношениях с властью, как на региональном, так и на федеральном уровнях. Нам весьма часто удавалось привлечь работников властных структур к своим исследованиям. Я назову, например, такие проекты, как «Городские профессионалы» или «Самотлорский практикум». А некоторые этические деловые игры мы проводили не только в Тюменской области, но и в столице, при поддержке властных структур Москвы и Российской Федерации. Сошлюсь на гуманитарные экспертизы, проведенные нами в перестроечные годы в Москве, и на экспертизу идеи и технологии либерализации цен, которую мы провели по заказу только что организованного правительства Российской Федерации в декабре 1991 года.

В перечне специфических черт Тюменской школы уместно упомянуть серию мастер-классов, проведенных в недавние годы на базе кафедр этики МГУ, ЛГУ, Киевского национального университета, в Уральском федеральном университете на базе кафедры философии Гуманитарного института. Это были акции, которые работали не просто на просвещение участников мастер-классов, но и на развитие теории и технологии этико-прикладных исследований. Я думаю, что они были взаимно полезны как аудитории, так и тем, кто с ней работал.

Володя, я понимаю, что ты мог бы и хотел бы большего, но рассказанное тобой — очень значимо... однако, количество вопросов к тебе не уменьшилось, даже появился такой: «Поддерживаешь ли ты контакты с зарубежными специалистами? Работают ли их выводы, предложения в России? И, наоборот, какие из твоих теоретических и прикладных результатов привлекают их внимание?

Во времена советские наиболее тесными были контакты с коллегами из Польши и Болгарии. С болгарскими коллегами они были очень интенсивными и долговременными. И это объяснимо просто — в Болгарии складывалось сильное направление этико-прикладных исследований, ориентированных на управление идеологической работой и воспитательной деятельностью. Например, совместно с известным болгарским этиком Василем Момовым мы с Ю. В. Согомоновым выпустили общую монографию «Прикладная этика». В Тюмени еще в 1982 году прошла советско-болгарская конференция по прикладной этике, с большим участием теоретиков и практиков с обеих сторон. Опыт болгарских коллег был нам очень интересен, потому что это было сотрудничество исследователей и практиков — в сфере идеологической работы и воспитательной деятельности.

С польскими коллегами я общался, прежде всего, в рамках контактов кафедры этики Московского университета и кафедры этики Варшавского университета. До сих пор рад, что в известном польском журнале «Этика» напечатал свою статью про этическую праксиологию — мою концепцию, которая была, я бы сказал, предпосылкой моей парадигмы прикладной этики.

В постсоветское время мы сотрудничали с американским коллегой профессором Вашингтонского университета Стивом Керром. Мы даже включили его в члены редколлегии нашего журнала «Этика успеха» и обменивались опытом культивирования этики успеха в Штатах и в России: он приезжал к нам, а я приезжал вместе со своими коллегами в Америку. Получил возможность посетить несколько центров этико-прикладных исследований в Соединенных Штатах. И даже выступил на большой всеамериканской конференции в Новом Орлеане.

Обращаясь к более близким к сегодняшнему дню годам, должен отметить складывающиеся отношения с коллегами-этиками из университета в Вильнюсе. Я участвовал в изданной в Литве коллективной монографии по экологической этике — продвигал приложение инновационной парадигмы к давно известным этико-экологическим исследованиям. Мы обсудили эффективность развиваемых в Тюмени и в Вильнюсе этико-прикладных исследований. Подходы имеют и точки согласия и точки разногласия. Обменялись дискуссионными статьями. Литовские коллеги, естественно, печатались в нашем журнале «Ведомости прикладной этики». Мы сотрудничали на конференциях как в Литве, так и в России.

Членами редколлегии журнала «Ведомости прикладной этики» являются коллеги из центральных университетов Киева и Минска. Они же и постоянные авторы нашего журнала. Коллеги из Киева опубликовали меня в своем журнале «Практическая философия». Ценю полученную возможность проведения мастер-класса об опыте проектирования профессионально-этического кодекса университета в процессе мастер-класса на кафедре этики университета имени Т. Шевченко.

Я полагаю, что это плодотворное сотрудничество для той и другой стороны..

Что привлекает из наших результатов зарубежных коллег? Об этом, конечно, лучше бы спросить их, но, во всяком случае, судя по участию в нашем журнале, идет позитивное освоение нашей инновационной парадигмы прикладной этики, нашего опыта исследований, приложимых, прежде всего, к университетской этике, к инженерной этике. Думаю, что у нас есть хорошие перспективы для сотрудничества.

Распространяются ли твои исследования в сфере прикладной этики на такие актуальные для России темы, как межнациональные, гендерные, межконфессиональные отношения, в том числе — отношения между верующими и неверующими? С кем из тюменских социологов ты в наибольшей степени сотрудничаешь?

За несколько десятков лет разработки и продвижения инновационной парадигмы прикладной этики мы занимались разными темами, к которым пытались применить наши представления. Здесь были и тема этноэкологическая, когда мы проводили экспертизу освоения гуманитарных последствий освоения Тюменского Севера в связи с развитием топливно-энергетического комплекса. Было и приложение к сфере политики. Политическая этика была предметом наших исследований теоретических и эмпирических. Прежде всего, в эпоху Перестройки, когда мы пытались и в рамках Тюменской области, и в Москве моделировать новые для тех времен ситуации политического выбора, связанные с демократизацией жизни страны и партии. Межнациональными, гендерными отношениями мы не занимались, как и отношениями межконфессиональными.

С тюменскими социологами я сотрудничаю весьма редко. Профессиональные взаимоотношения скорее эпизодические в силу разного предмета исследования. Но, как мне кажется, сложились добрые личные отношения с К. Г. Барбаковой, Ю. М. Беспаловой, Л. В. Лебедевой и другими коллегами. В прежние годы сотрудничество было более основательным — мы хорошо сотрудничали с Юрием Михайловичем Федоровым, известным не только в Тюмени социологом. Например в проектах «Этика Севера», «Самотлорский практикум».

Ну и наверное, может быть, я должен начинать ответ на этот ваш вопрос с того, что в составе НИИ прикладной этики с момента его образования работает социолог Богданова Марина Владимировна, которая за время этой работы защитила и кандидатскую, и докторскую диссертацию. Разумеется, это были диссертации, написанные на материалах социологических исследований, тесно связанных с этической проблематикой. Основная тема ее исследований была «этнос университета». Это исследования последних лет, а исследования первых лет были связаны с проблематикой этоса предпринимательства, точнее. В этой проблематике, как и в проектах по университетской этике, Марина Владимировна сотрудничала с Геннадием Семеновичем Батыгиным.

В целом в опыте нашего направления прикладной этики сотрудничество с социологами скорее было за пределами Тюмени. Если посмотреть, например, наш журнал, который мы издавали до Ведомостей прикладной этики, — журнал «Этика успеха», то его авторами, участниками наших проектов были и Левада, и Грушин, и Дубин, Валентина Чеснокова (К. Касьянова), и Батыгин — постоянный наш автор и в журнале «Этика успеха», а потом и журнале «Ведомости прикладной этики».. Нашим автором долголетним является Александр Юрьевич Согомонов, социолог-культуролог, его эвристические тексты продвигают наши проекты.

Интервью с Кларой Григорьевной БАРБАКОВОЙ

«С того момента я начала идентифицировать себя как социолог»

Барбакова К. Г. — окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета (1957 г.), кандидат философских наук (1970 г.); доктор философских наук по специальности «Прикладная социология» (1985 г.). Профессор.

Основные области научного интереса: социальная структура советского общества, интеллигенция, социология образования, социальные проблемы Севера.

Интервью состоялось: 2009-2010 гг.

Сначала занятость преподавательской, исследовательской и научно-организационной работой не позволили Кларе Григорьевне Барбаковой активно включиться в интервью, а потом наступила тяжелая болезнь. Но будет непростительным не использовать имеющуюся в моем распоряжении информацию о ее жизни и сделанном ею, и не представить все это в данной книге. Ниже приводятся письменные ответы К. Г. Барбаковой на мои вопросы и несколько воспоминаний о ней в интервью с ее коллегами и учениками. Но прежде всего я сам расскажу о Кларе Григорьевне, немного просуммирую мои знания и впечатления о ней, накопленные за годы знакомства с ней. Было множество встреч и разговоров в формальной обстановке и в дружеских беседах в ее доме.

Барбакова К. Г. : «С того момента я начала идентифицировать себя как социолога»

Сначала занятость преподавательской, исследовательской и научно-организационной работой не позволили Кларе Григорьевне Барбаковой активно включиться в интервью, а потом наступила тяжелая болезнь. Но будет непорочным не использовать имеющуюся в моем распоряжении информацию о ее жизни и сделанном ею, и не представить все это в данной книге. Ниже приводятся письменные ответы К. Г. Барбаковой на мои вопросы и несколько воспоминаний о ней в интервью с ее коллегами и учениками. Но прежде всего я сам расскажу о Кларе Григорьевне, немного просуммирую мои знания и впечатления о ней, накопленные за годы знакомства с ней. Было множество встреч и разговоров в формальной обстановке и в дружеских беседах в ее доме.

Клара Григорьевна Барбакова — какой я ее знаю

Познакомился я с Кларой Григорьевной и ее мужем Михаилом Михайловичем Барбаковым в начале апреля 1985 года, вскоре после избрания М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Тогда в Институте социологии АН СССР состоялась защита моей докторской диссертации, и по окончании Совета Барбакова подошла ко мне, поздравила с успешным завершением процедуры и сказала, что пришла посмотреть, как все происходит, ибо она должна была защищать свою работу на следующем заседании Совета. Таким образом, нашему знакомству чуть более 30 лет.

Относительно скоро, в конце июня 1987 года мы снова встретились в Тбилиси, там на начальной волне перестройки проходила 1-ая Всесоюзная конференции по изучению общественного мнения. Тогда еще не было разделения на социологов, политологов и полстеров, так что та конференция фактически была местом встречи ведущих социологов страны и представителей директивных органов самого высокого уровня. Насколько мне помнится, обстоятельного общения у нас в тех условиях не было, но мы договорились о сотрудничестве.

И действительно, вот где я впервые увидел деловую хватку и обязательность Барбаковой, в начале октября я получил письмо-приглашение участвовать в научно-практической конференции «Социально-экономические проблемы молодежи районов нового промышленного освоения» в Тюмени. То была моя первая поездка в Сибирь, в районы промышленного освоения, так что поделиться своим опытом изучения соответствующей проблематики я не мог, но мне было предложено провести серию занятий в областной школе социологов по методологии и методам проведения опросов и прогнозирования социальных процессов. В ту памятную мне неделю мы много говорили с Кларой Григорьевной о науке и, что называется, «за жизнь». У нас обнаружилось много общего в понимании профессиональных тем и во взглядах на более общие вопросы.

В конце марта — начале апреля 1989 года я прочел в Тюмени небольшой цикл лекций по изучению общественного мнения и провел мастер-классы (тогда это так не называлось) в Ханты-Мансийске, где собрали руководителей идео-

логических отделов райкомов КПСС Тюменской области. И всюду, где я был, я замечал уважение Барбаковой, видел, насколько ценят люди ее «горение» в делах.

Но мое настоящее погружение в Тюменскую социологию произошло в июне 1991 года, когда по рекомендации Барбаковой руководство Тюменского государственного университета пригласило меня возглавить Государственную экзаменационную комиссию, которая должна была принять госэкзамен по социологии и оценить дипломные исследования. В ходе совместной работы я познакомился с рядом преподавателей, с которыми поддерживаю добрые отношения уже четверть века.

В годы, о которых я рассказывал, я жил в Ленинграде и работал Институте социально-экономических проблем АН СССР, а также во Всесоюзном центре изучения общественного мнения, которым тогда руководили Т. И. Заславская и Б. А. Грушин. Сложно сказать, как после столь мощного старта развивалось бы мое сотрудничество с Кларой Григорьевной, но в начале 1994 года по семейным обстоятельствам я уехал на постоянное жительство в США. Пять первых лет американской жизни были очень сложными, я вынужден был совсем отойти от науки и не мог поддерживать контакты со своими коллегами, друзьями. Но летом 1999 года ситуация постепенно стала проясняться, я впервые после долгого перерыва был в Санкт-Петербурге и Москве, встретился с давними знакомыми, начал потихоньку публиковаться.

Наверное понятно, что все вышеизложенное невозможно было написать «по памяти», слишком все это было давно. Помогает то, что с середины 1985 года я веду дневник событий, своего рода «вахтенный журнал», в котором стараюсь, ежедневно записывать основные события и встречи. Кроме того, в моем компьютере хранится несколько тысяч писем и электронных посланий, которые я получал или отправлял моим корреспондентам в течение более 15 лет. К сожалению, у меня не сохранился мэйл, посланный мне кем-то от имени Клары Григорьевны в конце октября или в начале ноября 2000 года. Я так датирую это важное в моей жизни событие, ибо сохранилось мое ответное письмо от 9 ноября, и я знаю, что обычно я отвечаю на полученные письма сразу, тем более, что я никак не мог в данном случае задержаться с ответом. Мое письмо начиналось словами: «Дорогая Клара Григорьевна, очень многое нас связывает, и потому Ваша записочка очень мне дорога. Это, знаете, как если бы Вы разбирали Ваш архив или кладовку и вдруг обнаружили что-то, что, как Вам казалось, существовало только в Вашей памяти. Хочется о многом Вам рассказать, хотя сделать это нелегко. Описывать шесть пробежавших после отъезда лет — дело очень трудное: множество событий, но это не самое главное затруднение».

И далее, на шести страницах я достаточно подробно описал пережитое и то, как лишь недавно начал «обратный путь» в социологию. Оглядываясь назад, главным в описании моих исследовательских проектов, намерений было упоминание о том, что в начале 2000 года под влиянием внешних обстоятельств я начал заниматься биографией Джорджа Гэллапа и анализом его работ в области изучения общественного мнения. Я писал: «После возвращения из России в январе-2000 меня здесь все спрашивали о президентском прогнозе, но не верили в то, что это возможно сделать социологическими методами. Написал для местной русскоязычной прессы статью о Гэллапе. Оказалось, что в ноябре 2001 года ему испол-

нилось бы 100 лет. Занялся изучением его биографии и творчества. Отчасти это продолжение моих штудий методов социологии, отчасти - продолжение изучения общественного мнения».

Меня и сейчас удивляет, как это Клара Григорьевна, которая сама не занималась специально вопросами методологии и технологии измерения установок, имея лишь весьма общие представления о жизни и деятельности Гэллапа, разглядела в этом исследовательском направлении нечто ценное. Возможно — интуиция, чутье аналитика и преподавателя; она сразу увидела, что это может оказаться полезным для практики и в преподавании.

Через месяц, 7 декабря, после обмена мнениями по электронной почте и телефонного разговора, я писал Барбаковой о том, что согласен с ее предложением прочесть несколько лекций по истории изучения общественного мнения в США, и рассказать о деятельности Гэллапа. Кроме того я написал, что готов подготовить брошюру о жизни Гэллапа и предложил провести в Тюмени «Гэллаповские чтения». Многим показалось бы все это красивым, но не реализуемым предложением, но не Кларе Григорьевне.

Всего через два с небольшим месяца, 14–16 февраля 2001 года, Тюменским государственным институтом мировой экономики, управления и права (ТГИМЭУиП), создателем и первым ректором которого была Барбакова, при содействии Тюменского государственным нефтегазового университета (ТГНУ) в Тюмени прошли «Гэллаповские чтения». Кроме того выездная сессия чтений состоялась в Тобольском государственном педагогическом институте им. Д. И. Менделеева. В мероприятиях участвовало свыше 500 преподавателей, аспирантов и студентов трех университетов и группа известных московских социологов: З. Голенкова, В. Кулыгин, В. Мансуров, Г. Татарова и Ж. Тощенко. Финалом официальной программы гэллаповских чтений стал «круглый стол» по теме «Общественное мнение — фактор становления гражданского общества в современной России», привлекий внимание всех ведущих СМИ города.

Открывая дискуссию, К. Барбакова отметила, что история опросов общественного мнения в СССР берет свое начало в 60-е годы, и выразила надежду на то, что накопленный теоретический и методический опыт будет востребован новой Россией. Профессор Н. Карнаухов — возглавлявший тогда Совет Ректоров тюменских университетов, подчеркнул значимость гэллаповских чтений в развитии социологии в регионе и назвал форум одним из факторов усиления доверия разных групп населения к результатам массовых опросов. Профессор Г. Куцев, бывший в то время ректором Тюменского государственного университета, назвал Гэллапа знаковой фигурой социологии и высоко оценил факт проведения гэллаповского форума именно в Тюмени, а не в Москве или Петербурге. И добавил: «Честь и хвала тем, кто дерзкую и немного неожиданную идею сумел раскрутить и поставить на практические рельсы»¹. Безусловно, это прежде всего относилось к Кларе Григорьевне. Я лишь слегка обозначил видимую часть организации Гэллаповских чтений, но ведь была и огромная невидимая. И за всем этим стояла именно Барбакова.

В последующие годы я неоднократно приезжал в Тюмень, читал лекции по различным аспектам изучения общественного мнения в США и России, участвовал в некоторых полевых исследованиях. И уже не удивлялся ни широте

¹ Докторов Б., Барбакова К. Гэллаповские чтения в Тюмени http://www.pseudology.org/Gallup/Gallup_Tumen.htm

профессиональных интересов Барбаковой, ни ее организационным возможностям, ни гостеприимству. Я встречал у нее многих известных и не известных мне раннее социологов из Москвы, Новосибирска, других городов России. Вот уж, действительно, было «место встречи».

Не было забыто и мое предложение о подготовке брошюры о Гэллапе, небольшая книжка под названием «Джордж Гэллап — наш современник»² вышла накануне чтений и была распространена среди участников форума. Обсуждение в Тюмени истории становления опросной технологии оказало на меня огромное влияния и в значительной степени определило на годы, до настоящего времени, направленность моих исследований. Напомню, в то время я после долгого отхода от научной работы был на перепутье, размышлял, разработкой каких проблем социологии заняться. После возвращения из Тюмени сомнений уже не было, было стремление углубиться в разработку методологии историко-социологических проблем и пытаться восстановить путь Гэллапа к его опросной технологии и пониманию роли изучения общественного мнения в демократическом обществе. Накапливалась информация, возникали новые методологические обобщения, и это дало материал для ряда книг о развитии рекламы в США и том, как Гэллап (и другие американские пионеры изучения общественного мнения) перешел от анализа аудитории рекламы к исследованиям установок электората и населения. А в 2011 году была опубликована биографическая книга о Гэллапе³.

Более того, работа по американской тематике, лекции, которые я начал читать в Тюмени, развернули меня в сторону «дома», к изучению биографий тех, кто начинал изучение общественного мнения в СССР. Так, в конце 2004 года была написана большая биографическая статья о Б. А. Грушине, а затем, в 2005 году, появились биографические интервью с советскими исследователями общественного мнения. Вскоре программа проведения интервью разрослась и дала начало самостоятельному проекту — изучение современной истории советской / российской социологии.

К.Г. Барбакова о себе

Мои дневниковые записи показывают, что уже в 2006 и 2007 гг. я просил Клару Григорьевну дать мне биографическое интервью. Но ее огромная занятость делами ТГИМЭУиП и то, что она сама не пользовалась электронной почтой, а именно так проведены почти все мои интервью с советскими / российскими социологами, не позволили нам это осуществить. Пару раз дома, за чашкой чая она начинала рассказывать мне о прожитом, но как-то дальше войны и послевоенного периода мы не продвинулись.

И все же в моем архиве сохранились два документа биографического характера, присланных мне кем-то из помощников Клары Григорьевны примерно в 2009—2010 годах. Конечно, сегодня, поскольку в силу тяжелой болезни интервью с нею провести невозможно, эти документы представляются крайне ценными.

Сначала приведу полностью текст, озаглавленный ею «Ответы на первые вопросы».

² Докторов Б.З. Джордж Гэллап — наш современник. Тюмень: ТИМИЭП, 2001.

³ Докторов Б. Джордж Гэллап. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО «Полиграф — Информ», 2011 <http://www.romir.ru/GGallup_ru.pdf>.

Мои родители: отец — Берхин Григорий Годович работал на кожевенной фабрике им. Леккерта рабочим в г. Клинцы и мама — Елизавета Марковна — работала на этой же фабрике.

В 1941 году сотрудники фабрики были эвакуированы в г. Казань. В Казани после окончания школы с серебряной медалью я поступила в 1952 году в Казанский государственный университет на историко-филологический факультет. Выбор был обусловлен тем, что в школе я всегда интересовалась историей. Университет я закончила в 1957 году, получив диплом с отличием, и была направлена на работу в школу учителем истории и литературы.

Обучаясь в университете, я познакомилась со своим будущим мужем Хаиным Владимиром Сергеевичем и вышла за него замуж в 1957 году. Хаин В.С. после окончания химического факультета университета поступил в аспирантуру, защитив кандидатскую в 1960 году.

В 1965 году мы были приглашены в новый, созданный в 1963 году, вуз в г. Тюмени — Тюменский индустриальный институт — работать: мой муж — на заведование кафедры химии, я — ассистентом на кафедру философии. И до защиты кандидатской диссертации, и после я занималась философией.

Поступила в аспирантуру я в 1967 году при МГУ на направление философии и проучилась там три года под руководством Е.В. Боголюбовой. Кандидатскую диссертацию по философии я защитила в 1970 году в г. Москве по теме: «Неокантианская традиция и проблема общественной закономерности в западногерманском обществоведении /Критический анализ/».

В 1974 году я поехала в г. Москву и встретила с Галиной Михайловной Андреевой и представила ее вниманию проблемы, которые меня интересовали как исследователя — социологические проблемы. Г. М. Андреева согласилась быть моим консультантом по докторской диссертации и предложила направление, близкое мне по моим интересам — прикладная социология 09.00.09. С того момента я начала идентифицировать себя как социолога.

В 1981 году я успешно защитила докторскую диссертацию в МГУ, но ВАК РФ ее не утвердил. Впоследствии я выходила на защиту еще 4 раза и в 1985 году я защитила диссертацию по специальности 09.00.09 «Прикладная социология» на тему «Методологические проблемы социологического исследования интеллигенции».

В дальнейшем я участвовала в проведении социологических исследований в г. Тюмени, по всему северу Тюменской области, по всему Тюменскому региону, по России, в целом.

Конечно, не густо, но постараюсь немного прокомментировать этот текст.

Креина (такое имя было дано Кларе Григорьевне при рождении) Григорьевна Берхина родилась в 1934 году в городе Клинцы Брянской области. Этот город, расположенный на юго-западе области, ведет свою историю с 1707 года и в разное время входил в состав России, Украины и Белоруссии. В начале 1930-х годов население города составляло 27000 человек, а перед войной —

немногим более 40000. Географически выгодное место расположения Клинцов, взаимопроникновение различных культур, создали особый тип клинчанина-провинциала: грамотного, предприимчивого, с высокими культурными запросами. К началу XX столетия пятую часть населения города составляли евреи. По моим воспоминаниям, отец Клары Григорьевны работал сапожником или модельщиком обуви, мать тоже работала на обувной фабрике.

Начало войны, Креине — семь лет, дорога из Западных регионов СССР на восток и то, как люди обживались на новых местах, описаны в художественной литературе и представлены во многих интервью с социологами старших поколений. Все это известно, все пришлось пережить и ей. По-моему, еще обучаясь в школе Креине нравилось работать пионервожатой, не тогда ли сформировались и окрепли ее коммуникативные способности? Допускаю, что внимание Клары Григорьевны к моим историко-социологическим разработкам могло стать продолжением ее еще раннего интереса к истории и выбора истории в качестве профессии. Трудно понять, в силу каких обстоятельств в аспирантуре она занималась анализом неокантианской традиции, возможно это был «заказ» кафедры философии Тюменского индустриального института, которая направляла ее в МГУ, возможно, она видела в этой теме возможность применить свои знания в области истории. Ведь традиции — классический объект и предмет исторических исследований. Так или иначе, но в 1970 году кандидатская диссертация была завершена и защищена⁴.

Конечно, хорошо бы проследить тот путь, который привел Барбакову к Галине Михайловне Андреевой, одной из первых в СССР работавшей на стыке социальной психологии и социологии. Может быть, это «Казанский след»? Хотя в годы войны Андреева находилась в действующей армии, она — родом из Казани, и ее родители входили в интеллектуальную элиту города. А может быть тот факт, что первые работы Андреевой были историко-социологическими? Но скорее всего, Барбакова понимала, как важно для нее освоение методологии и методики теоретико-прикладных социологических исследований и решила обратиться за помощью к Андреевой, защитившей в 1965 году докторскую диссертацию по теме «Методологические проблемы эмпирического социального исследования».

В электронном каталоге Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранятся два автореферата докторской диссертации Барбаковой — 1981 и 1985 годов: неизменное название, одно и то же количество страниц и опубликованных работ, один и тот же гриф — «ДСП» (Для служебного пользования). По-видимому, время изменилось. То, что раньше не «проходило», в 1985 году не вызывало отторжения.

Второй из текстов, из присланных мне Кларой Григорьевной, очень ценен, ибо освещает, на мой взгляд, одну из самых ярких страниц ее жизни — создание Тюменского государственного института мировой экономики, управления и права. В постперестроечные годы в разных университетах страны было открыто большое число факультетов и кафедр социологии. Но создание «с нуля» крупного многопрофильного университета — редкость и всегда научный подвиг конкретного ученого. Не знаю, публиковался ли этот текст, но мне кажется, он носит несколько неформальный характер.

⁴ Ханина К. Г. Неокантианская традиция и проблема общественной закономерности в западногерманском обществоведении. Автореферат дисс. — М., 1970.

Краткая история создания и развития ТГИМЭУП

В середине 80-х г.г. XX столетия существовал советско-канадский семинар по системе один год — в Москве, один год — в Канаде. Валерий Андреевич Мансуров пригласил меня в качестве участника семинара. В то время я уже была председателем Тюменского отделения советской социологической ассоциации (которая мною была создана) и директором Тюменского Центра ИСИ АН СССР (тоже созданного мною). В 1992 году в Канаде я познакомилась с Анной Марией Буало, которая была профессором Триестского университета и заместителем директора Школы международного бакалавриата в городе Винченце (Италия). Она рассказала о целевой направленности школ бакалавриата, существующих во всем мире для подготовки выпускников школ к поступлению в ведущие мировые англоязычные университеты. Мы с Валерием заинтересовались предложением Анны Марии Буало вступить в эту систему.

Приехав в Союз, мы узнали, что ни одной такой школы в Советском Союзе не было, в странах социалистического содружества такие школы были в Венгрии (1 школа) и Польше (1 школа). Программа школы включала в себя продвинутые курсы, обеспечивающие поступление в университеты, занятия проходили на английском языке. Сделали попытку создать такие школы — Валерий в Москве, а я в Тюмени. Подали заявку в европейское отделение (Швейцария) этой системы и нам предложили пройти своеобразное обучение в летних центрах подготовки преподавателей. Пройдя такое обучение в Будапеште и Варшаве (я пригласила пять человек, в том числе преподавателей английского языка), мы получили право открыть такие школы в Тюмени и Москве. Я пошла к главе администрации Тюменской области Ю. К. Шафраннику и стала ему рассказывать о такой системе, обосновывать необходимость для наших учащихся создания международного колледжа бакалавриата. Ю. К. Шафранник выслушал меня не до конца, сказал: «Клара Григорьевна, Вы меня уже давно убедили на своих лекциях в Индустриальном институте. Я Ваш бывший студент и меня больше убеждать не надо. Дело хорошее. Что нужно?» Я сказала — нужны деньги для открытия колледжа. Мы объявим конкурс через городские отделы образования в Тюмени, Ханты-Мансийске и Салехарде. Будем брать учащихся 10 классов (выпускных) по 10 человек с каждого города. Для этого нам надо на год по 300 000 рублей с города. Ю. К. Шафранник дал добро, и я с моими коллегами стала подыскивать здание для обучения и место для проживания. Это был июль 1992 г. Все руководители городов согласились прислать по 10 человек, выигравших конкурс, и по 300 000 рублей. К середине августа были известны фамилии победивших учащихся, но денег не прислал никто. Тогда я пошла по знакомым: начальник ГазУРСа — Ткач А. С. предоставил нам бесплатно территорию бывшей школы — магазина, один этаж, большой спортивный зал и столовую. А директор гостиницы «Нефтяник» предоставил нам в кредит на месяц этаж для проживания наших студентов и питание в его кафе. Так началась работа, где преподаватели и мы все работали бесплатно. Через месяц мы получили деньги.

Попытка Валерия в Москве не увенчалась успехом. В. А. Мансуров, также как и Ткач А. С. стали нашими попечителями. Сложность работы по этой системе у нас заключалась в том, что мы одновременно проходили программу международной школы бакалавриата (первого года обучения, школа бакалавриата — два года) и программу 10 класса российского обучения. Проработав в таком режиме

один год, я поняла, что методика работы очень интересная, но не для всех перспективная: зарубежные вузы принимали выпускников этих школ не на бесплатной основе, а за деньги, что было почти всем нашим студентам недоступно. И тогда, воспользовавшись тем, что в Тюменский государственный университет, где я тогда работала на созданной мною кафедре экономики труда и социологии (зав.кафедрой), приехал зав.отделом Министерства образования Кордюков А. Н., я обратилась к нему с просьбой помочь преобразовать наш колледж в колледж российской системы образования (в то время колледжи были в системе высшего образования). Итак, 1 сентября 1993 года официально мы получили статус Тюменского международного колледжа в системе высшего образования РФ (негосударственный). Изменив статус, мы сохранили методику обучения международной системы бакалавриата, введя два языка обучения — русский и английский (плюс немецкий и французский по выбору) с итоговыми документами через четыре года: дипломом по специальности (экономист и юрист, с 2001 г. менеджер, налоговики и регионоведы) и дипломом переводчика в сфере профессиональных коммуникаций. Для этого приглашались иностранные профессора из Италии, Германии, Англии, США, Канады, Франции, которые работали у нас от нескольких месяцев до трех лет, не только проводя занятия по разным предметам, но и организовывая различные мероприятия на английском языке. Естественно, что был подобран соответствующий состав российских преподавателей, обучающих иностранному языку студентов, а также читая лекции по различным предметам на английском языке (например, В. А. Мансуров читал социологию на английском языке). Учитывая, что негосударственные вузы в тот период не предоставляли определенные льготы студентам, я заключила договора о параллельном обучении наших студентов в Тюменском государственном нефтегазовом университете (экономическое образование) и в Уральской государственной юридической академии. Преподаватели этих вузов, наряду с преподавателями колледжа, проводили занятия в колледже по своей программе, руководили курсовыми, а потом и дипломными работами. Так, выпускник Тюменского международного колледжа получал три диплома, но не только. В 1993 году мы с Мансуровым В. А. заключили договора с университетами Глазго и Эдинбурга, а затем я заключила договора с университетами США, Канады, Австралии, Франции, Финляндии и Бельгии. В 1997 году колледж получил новый статус и стал Тюменским международным институтом экономики и права. До 1999 года наш вуз был негосударственным, но 90% студентов обучалось бесплатно за счет бюджета Тюменской области, ХМАО и ЯНАО, которые посылали определенное количество абитуриентов, выигравших конкурс, и оплачивали их обучение. 10% обучалось на платной основе. Материально-техническое обеспечение колледжа-вуза было получено в результате принятого областной Думой Закона о том, что попечители международных высших учебных заведений имеют право отдавать определенные средства этим вузам, и на эту сумму сокращаются их налоги в областной бюджет. Особую роль в строительстве зданий института и общежития выполнил В.Н. Чепурский, будучи президентом ОАО «Сибнефтепровод».

Несмотря на самодостаточность института и на тот факт, что учились дети из самых различных слоев населения (от руководства областью и округами, руководителей вузов до самых бедных городских и сельских слоев населения), общественное мнение без особого уважения относилось к негосударственным

вузам. Поэтому по моей просьбе администрация области приняла решение дать статус государственного вуза нашему институту, который с сентября 1999 года стал государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования Тюменской области «Тюменский государственный институт мировой экономики, управления и права». Все эти годы сохранялась методика и организационные основы преподавания в вузе: также различные курсы читались на русском и английском языках, диплом защищался на русском и английском языках.

До 2005 года (с декабря 2004 я не являюсь ректором, так как по закону ректор работает до 65 лет, затем учредитель может ему на пять лет продлить, но с 70-ти лет на должности ректора он быть не может) сохранялась программа отправки студентов на обучение в другие страны. Система нашего взаимного обучения была следующая: мы стыковали программу первых двух курсов с программой первых двух курсов зарубежных вузов, и поэтому наших студентов брали на третий курс вузов-партнеров. Следующие два года наши студенты за рубежом учились очно, а в нашем вузе — частично присылая работы по виртуальной связи и досдавая летом оставшиеся предметы. Таким образом, после 4 лет обучения студенты получали два диплома бакалавров: зарубежный, адекватный дипломам, выдаваемым гражданам своей страны. С 1999 года Министерство образования приняло закон о возможности предоставления студентам, имеющим степень бакалавров, в течение последующего одного года получить степень специалистов, что улучшило ситуацию для студентов двойного обучения (нашего и зарубежного), которые могли в течение следующего года сдать имеющиеся долги за прошлые. Наши вузы-партнеры: Франклин университет (США), Тейлор университет (США), Эдинбургский университет и Глазго университет (Великобритания), Кингстон университет (Австралия), Международный институт маркетинга (Финляндия, Бельгия), университет Париж-12 (Франция), Хьюстон университет (Канада).

Коллеги о Кларе Григорьевне Барбаковой

Завершу статью рассказами коллег, друзей, учеников Клары Григорьевны о встречах с ней, совместной работе и дружеских беседах. Это — фрагменты из включенных в эту книгу биографических воспоминаний тюменских социологов. Но там они составляют часть их жизни, профессиональной деятельности. Здесь, собранные вместе, эти материалы позволят лучше, объемнее понять и оценить сделанное Барбаковой для развития тюменской социологии.

Профессор Анатолий Силин

Докторская диссертация стала своеобразным водоразделом моей жизни. Шел 1990 год, наука, в том числе отраслевая, велела долго жить, править начал господин Рубль, желательно не «деревянный». Мои научные коллеги активно торговали сахаром, вином и т. д. Присоединяться к их стану я не захотел, хотя, признаться, пару коммерческих сделок все же провел. Высшая школа еще держалась, и я решил уйти на преподавательскую работу, доцентом на кафедру социологии в Тюменский госуниверситет, которой руководила Клара Григорьевна Барбакова. Мы были знакомы с ней уже давно, еще с 70-х годов, когда Клара Григорьевна создала при областном Совете НТО социологическую секцию и стала активно организовывать регулярные научно-технические конферен-

ции. Вокруг нее объединились вузовские, заводские и отраслевые социологи, среди которых был и я, возглавивший социологическую службу геологов. Вскоре после перехода на кафедру в декабре 1990 года я поехал в Новосибирск на защиту диссертации и Клара Григорьевна, решив поддержать меня, приехала тоже, вместе с Михаилом Михайловичем. С присущей ей эмоциональностью и умением зреть в корень, она выступил в дискуссии, а после защиты ко мне подходили члены Совета и очень удивлялись такой поддержке, говоря, что привыкли к обратной ситуации, когда с кафедр пишут анонимки.

Вскоре после защиты ректор предложил мне возглавить кафедру управления производством, позднее я стал и деканом экономического факультета ТГУ, который через некоторое время по моему предложению был переименован в факультет экономического и социального управления. С Кларой Григорьевной у нас сохранились прекрасные отношения и впоследствии мы вместе со своими учениками дружно перешли из ТГУ в Тюменский государственный нефтегазовый университет (ТюмГНГУ), бывший ТИИ, который я когда-то окончил, а Клара Григорьевна много лет работала

Профессор Вера Гаврилюк

С Кларой Григорьевной Барбаковой я познакомилась на кафедре философии Тюменского индустриального института. В то время, в 70 —е годы, это была мощная, интересная кафедра с самобытными, талантливыми людьми, большая часть которых потом разошлась в самостоятельное плавание по вузам города и региона, защитив докторские диссертации. К этому времени В. И. Бакштановский уже сформировал свою кафедру этики и эстетики, защитив докторскую диссертацию в 37 лет, что было необычно для советской философии, он был одним из самых молодых докторов философии в СССР. Он и его молодая команда не боялись острых проблем, главной из которых стала проблема морального выбора, личной ответственности человека в реальных социальных условиях. Это было не просто смело в эпоху стагнирующего социализма, тотального социального контроля, безусловного коллективизма и повсеместного «двоемыслия», но и ново. Конечно, это не могло меня не привлекать.

Клара Григорьевна в это время занималась своей докторской диссертацией, поэтому какое-то время мы были вне зоны взаимного внимания. И только после защиты диссертаций, когда Клара Григорьевна стала проводить социологические исследования в регионе, она привлекла меня в свою тогда еще немногочисленную группу. Это было время, когда складывались основные принципы тюменской социологической школы, и основной тон задавала здесь именно Клара Григорьевна. К началу 80-х в Тюмени уже существовали несколько социологических групп и лабораторий, даже был первый опыт систематического социологического образования в вечернем университете марксизма. Преподавал там приезжий философ Юрий Михайлович Федоров (позже ставший первым председателем регионального отделения российского общества социологов) и Клара Григорьевна. Я посещала эти лекции и мне они очень помогли в дальнейшей моей судьбе. То, что у меня не было профильного образования, в разные периоды моей жизни по-разному мешало мне, но это давало и определенный стимул для освоения все новых смежных с философией областей, может быть определило и мое непреодолимое стремление узнать как можно больше.

Клара Григорьевна сумела объединить вокруг себя практически всех молодых исследователей из университетских и промышленных лабораторий, заинтересованных в изучении важных для региона социальных проблем. Для этого она не жалела ни времени ни сил, проводя бесчисленные проблемные семинары, конференции, школы молодых ученых. Изначально ее работы были нацелены на поиск и решение таких социальных проблем, которые важны для нашего тюменского Севера, региона нового промышленного освоения. При этом, любой проект непременно должен был завершаться предложениями для региональных властей о преодолении рисков, разрешении сложных проблемных ситуаций. Это стало отличительной чертой тюменской социологической школы — тесное сотрудничество с властями, исследование реальных социальных проблем территории с выработкой рекомендаций. Наверное, мы все тогда были романтиками, уверенными, что задача науки не только познать мир, но и изменить его. Клара Григорьевна понимала, что новое социологическое направление исследований, вряд ли сможет долго существовать в рамках кафедры философии, поэтому огромное внимание уделяла творческому, профессиональному росту своих учеников и последователей. У нее сложился широкий круг профессиональных контактов, и она приглашала известных ученых из Москвы, Ленинграда, Минска, Екатеринбурга, Перми и других центров, где были социологические лаборатории и проводились социологические исследования.

Конференции, школы которые проводила Клара Григорьевна, сыграли, на мой взгляд, решающую роль в формировании слоя социологов-исследователей в нашем регионе. Круг вопросов, которые изучались тогда нами был чрезвычайно широк. Только тематики проведенных по инициативе Клары Григорьевны Барбаковой конференций говорит о проблематике первых серьезных исследований в регионе. В восьмидесятые — девяностые годы в Тюмени проводится целый ряд областных, Всероссийских и международных конференций: «Территория — ведомства — человек: социально — демографические и социально-политические аспекты» (Всероссийская, 1981); «The role circum — polar universitiec in normern de vtler ment» (международная, 1981); «Производство — быт — семья» (областная, 1981); «Взаимодействие отраслевых и региональных проблем в социальном развитии нефтегазового комплекса» (областная, 1985); «Проблемы совершенствования социальной и поселенческой структуры районов нового промышленного освоения в условиях ускорения социально — экономического развития» (областная, 1987); «Социально-экономические проблемы молодежи районов нового промышленного освоения» (областная, 1987); «Социологическое обеспечение стабилизации трудовых коллективов в условиях хозрасчета» (областная, 1989); «Социально-экономические и социокультурные детерминанты развития личности в условиях интенсивного развития северного региона» (международная, 1990); «Молодежь и рынок» (международная, 1992); «Социально-экономические проблемы региона в переходный период» (областная, 1998).

К сожалению, период социально-экономических реформ, экономический кризис, привели к разрушению структур промышленной социологии в регионе — к началу девяностых годов не осталось ни одной социологической лаборатории на предприятии. Вузовская же социология продолжала развиваться, в 1988 году в Тюменском государственном университете была создана кафедра экономики и социологии труда. Неудивительно, что приехавший в качестве ректора тюмен-

ского государственного университета уже известный к тому времени социолог — Геннадий Филиппович Куцев, не сомневался в выборе заведующего при открытии первой в Тюмени кафедры социологии. Так мы оказались в ТГУ.

Сквозной, базовой проблемой была и остается для нашего региона проблема человека на Севере.

По своим человеческим качествам Клара Григорьевна остается для меня непревзойденным образцом жизнестойкости, оптимизма, неподдельного интереса к людям. Она вырастила не одно поколение тюменских социологов, была председателем диссертационных советов по социологии в ТГУ, потом в ТГНГУ.

Клара Григорьевна, при своем государственном, стратегическом мышлении, никогда не забывала об отдельном, каждом человеке. Я много раз убеждалась в том, что ее заботит и судьба молодого аспиранта и проблемы состарившегося доцента, который должен уйти на пенсию и при этом не знает, как ему на нее прожить. И еще одно качество, которое является редким во все времена, а не только в наши прагматичные дни, я не могу не отметить в характере Клары Григорьевны: она самый верный друг. Те люди, которые попали в ее ближний круг, могли быть уверены, что она не предаст, всегда поможет и никогда не побояется, что это ей может принести какие-то неприятности.

Профессор Владислав Засыпкин

Не встречался с Кларой Григорьевной очень давно. В 2013 году мне довелось быть в Москве. Я приехал в Институт социологии РАН для того, чтобы принять участие в работе круглого стола по проблемам образования, организованном исследовательским комитетом по социологии образования РОС, а также решить ряд вопросов в самом РОС. Именно там в РОС среди различных фотографий, прикрепленных на стене, я случайно обнаружил себя на общей фотографии, сделанной на одной социологической конференции в 2007 году. Это была одна из многих, подчеркну, многих научных социологических конференций в г. Тюмени, которые регулярно организовывались Кларой Григорьевной Барбаковой и её коллегами.

С Кларой Григорьевной мы проработали совместно более четырех лет с 2005 по 2009 гг. Именно благодаря Кларе Григорьевне мое постижение социологии стало систематическим. Первое, что я хочу сказать, — она очень добрый и мудрый человек. Клара Григорьевна меня поправляла, направляла, сдержанно отчитывала за мои ляпы, но так как-то всегда тонко и интеллигентно. Это, кстати, не случайно. Её самый основной, как мне известно, да и не только, научный, но и жизненный интерес — это исследование такой сложной темы о том, что такое интеллигенция и интеллигент. Мне хорошо знакома её книга, написанная совместно с Валерием Андреевичем Мансуровым «Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия».

Консультации с Кларой Григорьевной были очень содержательными и полезными. Естественно, многое было для меня новым, пожалуй, почти все! Признаю это, не стыдясь. Причем, самые запоминающиеся — это её повествования о многих интересных и странных, хотя каких странных, вполне понятных, событиях становления социологии как науки в нашей стране, её учителях. Так, я узнал, например, о Галине Михайловне Андреевой. Точнее, что значит узнал? Ведь, ещё до встречи имя Г. М. Андреевой было известно мне как имя крупного

отечественного психолога. Я знал её работы по социальной психологии, в частности, по теории каузальной атрибуции. Ещё до того, как я стал заниматься социологией, это были тогда мои междисциплинарные интересы (в лингвистике — это теории о «человеке-говорящем» и «человеке-слушающем», их коммуникативном взаимодействии, приписывании смыслов и пр.). Это очень яркое воспоминание о неожиданной для меня актуализации такого знания. Потом, благодаря советам Клары Григорьевны, познакомился с трудами Тамары Моисеевны Дридзе. Узнал, что она в свое время кончила «ин-яз». Передо мной открывался, простите за пафос, мир социологии, такой разной, сложной, но очень, как оказалось, близкой мне. И это благодаря теоретическим урокам Клары Григорьевны.

Я приезжал к Кларе Григорьевне домой, консультации она проводила в основном у себя. Это всегда были незабываемые для меня поездки. Прямо с поезда «Сургут — Тюмень», преодолев более 800 километров за 14–15 часов, утром я приезжал к ней. Уже дома всегда была небольшая экскурсия, организованная Кларой Григорьевной по её домашней очень богатой научной библиотеке. Она всегда обезоруживающе говорила: «Владислав Павлович! Вы — с дороги, сейчас буду Вас кормить, а Вы будьте здесь (прим.: в кабинете) и изучайте!». Я оставался в кабинете и все мои попытки помочь ей по кухне разлетались в клочья на стадии плохо озвученной мной идеи, даже мысли или предложения. Все было очень вкусно: и книги, и супы, и салаты, и пирог, второе, торт, мороженное. Мы шутили: я говорил спасибо и что ухожу, так как собственно все — сыт! Но это было только началом. Потом мы разговаривали ..., удивительно, сколько она тратила сил и времени на создание такой атмосферы. Она всегда была и остается восхитительной женщиной и профессиональным педагогом. Потом у нас была работа: беседа о том, как все идет, о том, что я сам сделал, что прочитал, что думаю о прочитанном, с кем и с чем сравнивал точки зрения и т.д. В общем, шла работа, нормальная такая работа.

Заключение. Официальное признание сделанного К.Г. Барбаковой

Приведу несколько фактов высокого официального признания научной, педагогической и организационной деятельности Клары Григорьевны Барбаковой. Вот уж где точно подходят слова: «Комментариев не требуется».

За многолетний добросовестный труд по подготовке квалифицированных специалистов, значительный вклад в воспитание молодежи и развитие системы образования К.Г. Барбакова неоднократно удостоивалась различных премий и наград, а в 2001 году она была внесена в энциклопедию «Сибирь в лицах», в 2002 году — в Золотую книгу России «Знаменитые женщины России», в 2002 году — в справочное периодическое издание «Большой Урал. Кто есть кто» в том 2, в 2002 году — в энциклопедию «Ректоры России», в 2003 году — в издание «Тюменская область от А до Я», в 2003 году — в Золотую книгу России «Великая Россия: личности», в 2006 году в биографическую энциклопедию «Выдающиеся деятели России», в том 1 «Выдающиеся ректоры и ученые», в 2006 году — в энциклопедию «Лучшие люди России».

К. Г. Барбакова — действительный член Международной академии наук высшей школы (1993), действительный член Международной академии информатизации (1994), действительный член Международной академии исследований будущего (прогнозирования) (2004).

Назову некоторые из наград К. Г. Барбаковой.

- Почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (1997)
- Звание «Почетный работник науки и образования Тюменской области» (2004)
- Нагрудный знак «За отличные успехи в работе» (1982)
- Медаль «Ветеран труда» (1983)
- Медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» (1990)
- Звание «Почетный профессор университета Глазго» (1996, Великобритания)
- Звание «Почетный профессор Фёникс-университета» (2003, США)
- Орден Золотых Пирий IV степени (2003, Италия)

Интервью с Юрием Григорьевичем ВЕШНИНСКИМ

«... ЗВАЛОСЬ СУДЬБОЙ И НИКОГДА НЕ ПОВТОРИТСЯ...»

Вешнинский Ю. Г. — окончил Московское высшее художественно-промышленное училище (МВХПУ, бывшее Строгановское; ныне - МГХПА имени С. Г. Строганова), в 1970 году. Кандидат культурологии (2010 г.); фрилансер.

Основные области научного интереса: перцептивная урбанология, социокультурные аспекты урбанизации, аксиологическая география (аксиогеография), аксиологическая топология (аксиотопология), городское краеведение, типология ценностей, семиотика города (урбосемиотика), история российской урбанологии, социология научных и интеллигентских мафий и тоталитарных сект.

Интервью состоялось: февраль 2013-апрель 2015 г.

Завершается первая половина июня 2015 года, в портретной галерее моих собеседников — 118 фотографий. Последнее новое интервью было начато в конце мая. Если будут доведены до конца все продолжающиеся беседы, то общее количество проведенных интервью достигнет 140; реально их будет несколько меньше — около 135. И думается, процесс интервьюирования, в целом закончится к сентябрю. Это означает, что фаза сбора информации для изучения истории российской социологии займет точно 11 лет. Именно в конце лета 2014 года началось мое первое интервью, и моим первым собеседником был Б.М. Фирсов. Сейчас, при написании вводных текстов каждое законченное интервью рассматривается с двух точек зрения. Первая: какие новые сюжеты историко-социологического и методологического плана обнаружились в ходе работы над ним. И вторая: не принесла ли новая информация необходимости в принципиальном уточнении ранее полученных выводов, обобщений. Во многом необычное интервью с Юрием Григорьевичем Вешнинским тоже будет анализироваться с этих двух позиций, но пока постараюсь лишь кратко обозначить те наблюдения, которые возникали в процессе нашей беседы, и обсудить соображения, которые я вынес из прочтения текста при его подготовке к веб-публикации, что, что сделать это весьма непросто.

Интервью началось 7 февраля 2013 года и закончилось в апреле 2015 года, т.е. продолжалось более двух лет. Существует множество причин столь продолжительной беседы. Но главная — стремление Вешнинского обстоятельно рассказать о многих событиях его жизни и о людях, которые заметным образом повлияли на его жизнь. Вместе с тем, я старался не торопить Юрия, мне были интересны его воспоминания: мы — ровесники, и многое из того, о чем он рассказывал, я тоже видел и переживал, хотя иначе, чем он. Да и немало людей, которых он встречал и с которыми общался, я знал лично или по их работам и делам.

В результате родился текст, несколько необычный в моей практике интервьюирования. Во-первых, он — весьма объемный, 6 печатных листов, во-вторых, он — «полумягкий» (или «полужесткий») по своей форме, а значит, — по стилю. Каким будет его размер, заранее невозможно было оценить, но было сразу видно, что его стиль не будет традиционным. Однако обе эти сингулярности для меня не стали абсолютной новинкой.

Объем большинства проведенных биографических бесед находится в интервале 40000-80000 знаков, есть несколько коротких — порядка 35000 знаков. Однако, уже одно из первых интервью проекта — с В.А. Ядовым, проведенное зимой-весной 2005 года, было 3 а.л. Интервью с Л.И. Григорьевой, состоявшееся в 2013 году, оказалось еще объемнее — почти 4 а.л. Летнее интервью 2014 года с Д.Г. Подвойским стало еще более крупным, 200000 знаков, т.е. 5 авторских листов; замечу, вскоре на сайте будет размещено вдвое больший текст. Таким образом, в количественном отношении текст Вешнинского вписывается в континуум объемов ранее проведенных интервью.

Теперь — о форме интервью. В моем понимании, «жесткое» интервью — это совокупность вопросов и ответов на них. При этом содержание и формат интервью прежде всего определяется интервьюером. Однако «жесткое» интервью не тождественно «формализованному», в применяемой мною схеме практически каждый новый вопрос — есть реакция на последний(ие) ответ(ы) опрашиваемого, и нет никакой формализованной, априори подготовленной системы вопросов. Если респонденту задается лишь направление беседы, и он рассказывает то и так, что и как он сам определяет, то это «мягкое» интервью.

Почти все мои интервью — «жесткие», но несколько — те или иные разновидности «мягких». Приведу фрагмент вводного текста к мягкому интервью с Е.А. Здравомысловой, завершеного и опубликованного в 2009 году:

Согласие на автобиографическое интервью я «выбил» у Елены Андреевны Здравомысловой в августе 2007 года. Тогда же и началась наша работа; к октябрю того года уже было многое написано. Потом возникла серия обстоятельств, не позволявших мне просить Лену завершить текст. Но в сентябре 2009 года мы поняли, что пора... откладывать нельзя.

Исходно этот текст начинался как и все мои электронные интервью: были конкретные вопросы, было стремление Лены ответить на них. Но, прочитав летом 2009 года все написанное ею, я понял — по стилю и логике ее изложения, — что мои вопросы не помогают ей раскрыться, а, наоборот, сдерживают развитие этого процесса. Наше очень давнее знакомство и дружеские отношения позволили мне отклониться от

моей традиционной методики интервью и перейти к тому, что можно назвать интервью-эссе. Я обозначил лишь несколько тем, по которым хотел бы получить ее суждения, оставив все остальное на ее усмотрение. Возможно, кто-то найдет эту форму интервью слишком «мягкой», не позволяющей интервьюеру получить ответы на многое интересующее его. Соглашусь с этим. Но использование интервью-эссе открывает и новые горизонты для изучения всего комплекса вопросов, связанных с исследованием прошлого-настоящего российской социологии. И потому я не отказываюсь от этого метода.

В интервью с Вешнинским представлены обе формы интервью, потому оно условно может быть названо «полумягким», или «полужестким».

Время рождения, общественная атмосфера, в которой формировались личность и интересы, позже обусловившие его профессию и гражданскую позицию, позволяют рассматривать Юрия как принадлежащего к третьему поколению советских / российских. Это те исследователи, которые родились во временном промежутке — 1935—1946 гг.. В моей коллекции интервью беседа с Вешнинским — 25-я, проведенная с социологами этой страны. Сравнение ранее имевшейся информации и сообщенное Вешнинским о себе, дает мне основание, во-первых, рассматривать его как представителя социологов III поколения, и, во-вторых, говорить о его не «типичности». В основе последнего утверждения лежит наблюдение за тем, как он входил в социологию, кто были его учителя, к каким областям социологии относятся его работы.

«Типичный» путь в социологию — понятие, в высшей степени условное, ибо этих путей крайне много. И все же, если иметь в виду III поколение, то элементами типического будут: философское, экономическое, математическое или филологическое образование; аспирантура под руководством социологов, как правило, первого поколения, кандидатские исследования, выполненные по программе секторов академических (реже — факультетских) научных подразделений, и затем — поиски новых тем для самостоятельных разработок. Ничего подобного в жизненном пути Вешнинского не было. В школе и Вузе он «разрывался между искусством и наукой» и стал специалистом по интерьеру, выставкам и рекламе. Его научные и гражданские интересы были всегда сфокусированы на эстетике города, социологических проблемах урбаноэстетики. В разные периоды его жизни на его общесоциологические и урбоэстетические воззрения заметным образом влияли: В. Л. Глазычев, Л. А. Гордон, Т. М. Дридзе, Г. З. Каганов, Л. Б. Коган. Ю. А. Левада, Ю. М. Лотман, Г. С. Померанц, О. Н. Яницкий и другие известные философы, методологи, культурологи.

Вообще говоря, такое движение в социологию более характерно для социологов II поколения, которые приходили в социологию с опытом работы в других сферах деятельности (не обязательно — в науке), однако оказывается, что подобное встречается и в судьбах их коллег из III когорты.

В силу значительности объема текста интервью, замечу — иллюстрированного рисунками Юрия и большим числом фотографий людей, с которыми судьба сводила его, — в нем выделены три раздела. Раздел I. «Я чувствую свою ответственность перед своими предками и перед нашими потомками» начинается

с краткой автобиографии Вешнинского (своего рода «Справки обьективки»), а затем следуют его развернутые ответы на вопросы о родительской семье, обучении в Строгановском училище и начале работы. Это – «жесткая» часть интервью.

В Разделе II. «В пространстве воспоминаний» – даны портреты ряда людей, не просто ключевых в жизни Вешнинского, но оставивших яркий след в истории нашего общества. Рассказчик «не редактировал», не «ретушировал» свое повествование (я тоже свел до минимума мое вмешательство в текст Вешнинского), потому приводимые им образы – жизненны, все читается с большим интересом.

Центральной фигурой Раздела III. «Мой первый учитель в науке» является один из крупнейших отечественных социологов города Леонид Борисович Коган (1931-2014). Это – не зарисовка, не беглый набросок, а серьезно выписанный портрет мыслителя с граждански обостренным чувством времени.

Мы знакомы с Юрием только заочно. Потому, думаю, лишь уловленные мною в самом начале интервью система его мышления и стиль его письма обеспечили плодотворность нашего общения. Его видение событий принципиально нелинейно, скорее – спиралевидно. Мягкое интервью позволило ему возвращаться к ранее обозначенным сюжетам или введенным в повествование людям. Естественно, возникают некие повторы, но это цементирует изложение и помогает освоить содержание текста человеку, читающему его не подряд, а отдельные, заинтересовавшие его страницы.

По-видимому, почувствовавший в определенный момент нашего общения тот факт, что я не стремлюсь к жесткому «предзаданию» содержания и характера его письма», Вешнинский смог спокойно «отдаться воспоминаниям» и – в действительности – сделал свой текст двухфокусным. Не доминирующее «я», но «я» в очень широком социокультурном контексте, не просто описание своих наблюдений, но с явным присутствием себя. Приведу один пример из нашего интервью, где микроисторическое естественным образом вплетается в большую историю и где общеисторическое входит в человека через личностное:

«Хочется вспомнить один из услышанных мной в школьные годы маминых рассказов о том, что ей когда-то рассказывала бабушка. Моя бабушка видела коронационную процессию Николая II. В тот день бабушка с сестрой тётёй Соней вышли на Тверскую. Народ стоял вдоль Тверской шпалерами в три ряда. Бабушка с тётёй Соней состроили глазки офицеру, который там распоряжался, и он помог им встать в первый ряд. Мимо них проследовала вся коронационная кавалькада. А вечером стало известно о трагедии на Ходынке. И уже в тот вечер бабушка слышала от кого-то пророческие слова: «Кровью это царствование началось, кровью и кончится». Ведь именно тогда и появилось это выражение: «Николай Кровавый». А меня в мамином рассказе, кажется, больше всего поразило то, что моя суровая, властная бабушка, которая железной рукой руководила и своим мужем (он умер, кажется, ещё в 20-е годы), и всеми своими детьми (и мной тоже), была, оказывается, когда-то молоденькой барышней и могла строить глазки офицерам.

Ходынкой мама называла обычно и то, что творилось во время похорон Сталина. В тот день мама позвонила бабушке и сказала, чтобы бабушка не выпускала меня из дома, когла я приду из школы. Мы ведь жили тогда

в Ермолаевском переулке, т. е. в самом центре. И ещё один эпизод из семейных преданий хочется вспомнить. Бабушка мне рассказывала, что в годы Гражданской войны, когда семья жила в Камышине, однажды (после ухода из города деникинцев) она пошла на рынок и увидела стоящую посреди рыночной площади виселицу с повешенными. Бабушка в ужасе ушла так ничего и не купив. И много лет спустя (годах в 70-х), когда я служил в ЦНИИЭП жилища, один из моих сослуживцев Сергей Юрьевич Каменев (внук известного военачальника Сергея Сергеевича Каменева) принёс на службу книгу об истории РКПб, если не ошибаюсь, от 1922 года. И там я увидел фотографию виселицы с повешенными и с подписью «Камышин после ухода деникинцев». И я вдруг понял, что это та самая виселица, о которой мне рассказывала бабушка. Помню как меня поразило это соединение семейного предания и фотографии».

В целом, характер установки Вешнинского на автобиографическое повествование, естественный ему стиль письма, методика интервью, способная учитывать личностные особенности опрашиваемого позволили получить текст, в полной мере отвечающий двукратной цели настоящего историко-социологического исследования: «История в биографиях и биографии в истории».

«... ЗВАЛОСЬ СУДЬБОЙ И НИКОГДА НЕ ПОВТОРИТСЯ...»

Интервью с Юрием Вешнинским

[Раздел 1.](#)

[Я чувствую свою ответственность перед своими предками
и перед нашими потомками](#)

[Раздел 2.](#)

[В пространстве воспоминаний](#)

[Раздел 3.](#)

[Мой первый учитель в науке](#)

[Заключение](#)

Раздел 1. Я чувствую свою ответственность перед своими предками и перед нашими потомками

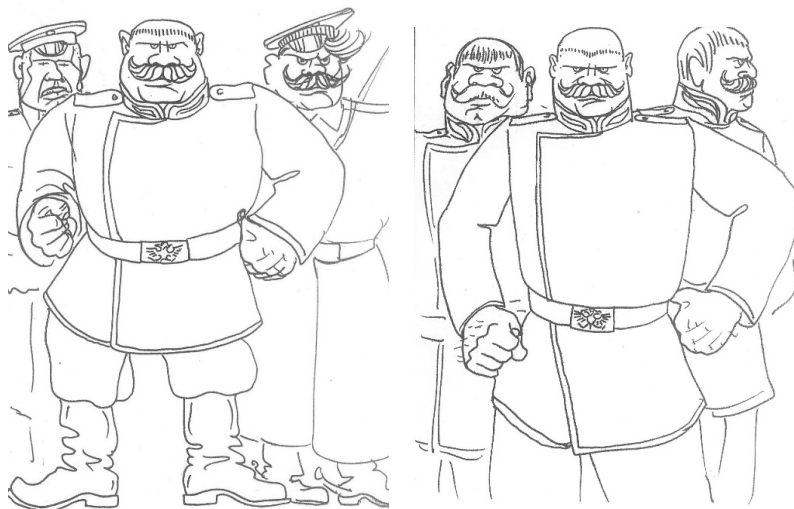
Краткая автобиография

Я, Юрий Григорьевич Вешнинский, родился 17 апреля 1943 г. в Челябинске в эвакуации. А вообще-то я — москвич в четвёртом поколении. Мой общий с И. Л. Волгиным прадед И. Л. Сардатский был николаевским солдатом из кантонистов. Он имел право жительства в Москве даже тогда, когда московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович («Сергей Ходинский») выселял евреев из Москвы.

Мой другой троюродный брат М. Г. Штейн, живший в Питере, сын «врага народа» и блокадник, был главным в мире специалистом по родословным Ульяновых и Лениных (настоящих). А мой дядя по матери Г. И. Якуб работал в 1920-х гг. (при директорстве Д. Б. Рязанова) в Институте Маркса и Энгельса. Он был дружен с работавшим там тогда М. А. Лифшицем, а значит, был знаком и с его другом Дьёрдем Лукачем, работавшим тогда там же, и, возможно, с Рихардом Зорге, который тоже там и примерно тогда же работал и был там вначале учёным секретарём.

Моя бабушка Д. И. Сардатская (в замужестве — Блех) как солдатская дочь имела право бесплатно учиться в Строгановском училище, у неё были художественные способности, но её отец и мой прадед, будучи, как сейчас модно говорить, «сторонником консервативных ценностей», решил, что ей учиться не надо и не дал ей туда поступить. Зато, впоследствии, все её дети получили высшее образование. А моя мама Р. Л. Блех даже стала кандидатом медицинских наук. Она была одним из двух первых в СССР специалистов по лучевой болезни. А я поступил в 1962 г. в ту самую «Строгановку», в которую не дал поступить бабушке её отец. Когда моя бабушка вышла замуж за непривилегированного

ремесленника-жестянщика (а впоследствии и рабочего), ей пришлось уехать в Ярославль, где родились все её трое детей. В Ярославле бабушкина семья пережила и погром 1905 г., и антибольшевистское восстание 6 июля 1918 г.

**Черносотенные громилы (Предшественники нынешнего Антимайдана)
(мой рисунок 1964 года)**

Иногда семья переезжала в Нижний Новгород, где жили их родственники Якубы, жившие, как мне помнится по их рассказам, в одном дворе со Свердловыми. В Москву семья вернулась из Поволжья уже после Гражданской войны.

Мой отец Гирш Юльевич (Григорий Юрьевич) Вешнинский был родом из Рогачёва (в Белоруссии), приехав в Москву, он окончил строительный факультет МВТУ (Бауманского) и стал инженером-строителем. Его не стало, когда мне было всего четыре года.

Моя мама Раиса Леонидовна (Раша Лейбовна) Блех

Я в 1954 г., по следам «дела врачей» (во время которого маму уволили «по сокращению штатов», но потом восстановили) подвергся первой в моей жизни антисемитской травле со стороны своих одноклассников, с которыми незадолго до этого был торжественно принят в пионеры в Музее В. И. Ленина, и «товарищей» по пионерскому лагерю, а в 1955 г. поступил в МСХШ (Суриковскую художественную школу), которая тогда находилась в Лаврушинском переулке; её ещё называли «школа для детей одарённых родителей». В 1962 г. я поступил в МВХПУ (б. Строгановское) на вечернее отделение, которое по факультету интерьера, выставок и рекламы окончил в 1970 г. И в школе, и в Вузе я разрывался между искусством и наукой.

Именно в «Строгановке» я получил первое «боевое крещение», когда её ректор, ярый сталинист и антисемит Г. А. Захаров, едва не вышвырнул меня оттуда «с волчьим билетом» за предназначавшийся для помещения в «Учёных записках» реферат по истории искусств «Эстетическое преобразование материальной среды в СССР в 1917–1937 гг.», в котором он усмотрел «идеологические извращения». Для того, чтобы избежать исключения из «Строгановки» и из комсомола и увольнения с работы мне пришлось обращаться в ЦК ВЛКСМ, и мой «вопрос» докладывался лично первому секретарю ЦК ВЛКСМ и члену ЦК КПСС С. П. Павлову, который одобрил его положительное для меня решение незадолго до ввода наших танков в Чехословакию.

Поступив в 1970 г. второй раз в ЦНИИЭП жилища, я, начиная с 1976 г., начал публиковаться. Моя первая публикация была посвящена адаптации семиотических идей Ю. М. Лотмана к архитектурно-градостроительной проблематике. Мне посчастливилось быть лично знакомым со многими интереснейшими людьми (перечисляю только тех, кого уже нет): Ю. М. Лотманом, Л. А. Гордоном, Ю. А. Левадой, Г. С. Кнабе, Т. М. Дридзе, Т. М. Говоренковой, А. С. Ахиезером, Л. А. Гольцем, С. О. Хан-Магомедовым, В. Л. Глазычевым и т. д. В урбанофизику, которая стала моей основной областью научных интересов, меня в 1970-е гг. вовлёк Л. Б. Коган. Оказали на меня большое влияние, также, И. Е. Данилова (ещё в студенческие годы), О. Н. Яницкий, Г. З. Каганов, Л. А. Китаев-Смык, Г. С. Померанц, А. И. Комеч, Э. А. Орлова, Б. Б. Родоман и т. д. Ну и, конечно, большое «заочное» влияние на меня оказало чтение произведений тех авторов-урбанофизиков, которых я не мог знать лично: Кевина Линча, Н. П. Анциферова и т. д.

В 1980 г. мне пришлось выдержать второе в моей жизни «боевое крещение», когда директор ЦНИИЭП жилища Б. Р. Рубаненко, который был академиком Академии архитектуры до её расформирования, доктором архитектуры, членом Госстроя, лауреатом бесчисленных премий и т. д., и т. п., решил сделать свою бывшую аспирантку автором основанного мной нового научного направления «аксиологическая география», и мне пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы отстоять признание моего единоличного авторства в разделе коллективной институтской монографии, уже отосланной в Стройиздат, что не помешало уже после этого три раза менять её авторский состав. 1980 г. был для меня необычным. Я подвергся травле и неоднократному нарушению моих авторских прав со стороны начальства, но, вместе с тем, получил письмо от Ю. М. Лотмана и весьма лестные отзывы о своих работах от Л. А. Гордона, Ю. А. Левады (знакомством

с которыми я обязан единственному за всю мою жизнь моему соавтору — сыну «врагов народа» и «подписанту» С. Е. Генкину, умершему в США) и будущего научного руководителя моей кандидатской диссертации А. С. Ахiezера.

В 1981 и 1983 гг. принимал участие в двух всесоюзных конференциях по психологии пространства и архитектуры в Лохусалу (под Таллином), организованных эстонскими социологами: Т. Нийтом, М. Хейдметсом и Ю. Круусваллом, на которых происходило формирование «средового подхода». Его «отцами-основателями» у нас сегодня считаются, порой, люди, которых я там не встречал и фамилий которых в этой связи я тоже не слышал. В начале 1980-х гг. я, можно сказать, «вошёл в рынок», начав выполнять хоздоговорные работы для НИИПИ Генплана г. Москвы (в основном, для А. Э. Гутнова). Тогда же я стал с большим интересом посещать «вторые» семинары Ю. А. Левады, в связи с чем у меня, по словам двух не знакомых друг с другом людей стал прослушиваться телефон, и о моей работе стало складываться положительное мнение у В. Л. Глазычева и ещё ряда специалистов, чьим мнением я дорожил. В эти же годы судьба свела меня с Т. М. Дридзе и, чуть позже, с Т. М. Говоренковой, пригласившей меня преподавать на факультете переподготовки в МАРХИ.

В 1986 г. (ещё работая в ЦНИИЭП жилища) я впервые официально «застолбил» название того направления, которое я чуть раньше основал: аксиологическая география (аксиогеография), которое я сейчас стараюсь всё чаще дополнять и даже заменять более общим и точным названием: аксиологическая топология (аксиотопология). Это — новая научная дисциплина, лежащая на стыке географии, социологии, «культурологии, семиотики, экономики, психологии и искусствознания. Суть этого научного направления заключается в ранжировании на рейтинговых таблицах-шкалах и картографировании результатов социологических опросов, посвящённых изучению распределения в культурном пространстве сравнительных оценок респондентами различных качеств городской среды разных частей городов, регионов и стран. А годом ранее, в 1985 г., я был принят в Географическое общество СССР (ныне — Русское географическое общество), из которого выбыл примерно в 1998 г., перестав платить членские взносы. В 1986 г. я выступал в клубе «Москва» в Некрасовской библиотеке с докладом «Москва глазами москвичей» и впервые слушал аплодисменты незнакомых мне людей.

В 1987 г. (после того как меня уволили из ЦНИИЭП жилища за якобы имевший место прогул и я восстановился через суд) мне пришлось уходить из ЦНИИЭП жилища уже по собственному желанию. Я какое-то время перебивался на временных работах и два месяца работал, в частности в ЦНИИП градостроительства с будущим членом президентского совета при Б. Н. Ельцине Э. А. Паиным. Хотя В. Л. Глазычев и просил тогдашнего директора ЦНИИП градостроительства В. В. Владимирова меня оставить, мне пришлось уходить практически на улицу. И я полгода проработал в почтовом отделении на Поварской (тогда — улице Воровского) разносчиком телеграмм.

В это же самое время я выступил на Президиуме ЭКОС при главном архитекторе г. Москвы с изложением результатов моих исследований восприятия и оценки москвичами различных частей территории Москвы и получил весьма лестный отзыв, подписанный председателем ЭКОС и ректором МАРХИ (а впоследствии Президентом МАРХИ и Президентом Российской Академии

Архитектуры и Строительства) А. П. Кудрявцевым, в кабинете которого это моё выступление происходило. Но написан отзыв был ставшим вскоре директором НИИ искусствознания А. И. Комечем.

И тогда же я принимал существенное участие в инициировавшемся учёным секретарём Президиума ССА Л. Г. Бызовым создании Хозрасчётного научно-исследовательского центра (ХНИЦ) при Президиуме Советской Социологической Ассоциации (ССА), президентом которой (а затем и первым директором ВЦИОМ) была «богоматерь перестройки» академик АН СССР Т. И. Заславская. Она сначала поддержала идею Л. Г. Бызова, ставшего первым директором ХНИЦ. Но потом, охладев к нему и к нам, Т. И. Заславская (при поддержке всех трёх вице-президентов ССА: О. И. Шкаратана, написавшего мне за два года до этого положительный отзыв о моих исследованиях, Ж. Т. Тощенко и В. А. Ядова) и вовсе разогнала нас. Кстати, именно я (в качестве сначала заместителя председателя, потом и. о. председателя, затем председателя СТК) был главным организатором сопротивления этому безобразию и беззаконию, оттянувшего разгон ХНИЦ месяца на два и давшего возможность создать условия для максимально безболезненной эвакуации казавшейся мне наиболее приличной части членов трудового коллектива в другие места.

Осенью 1989 г. был, пожалуй, главным инициатором создания в Москве независимых опросных команд, проводивших, в частности, опросы по тематике, по которой «солидные» и «официальные» социологические структуры проводить опросы ещё не решались, а также, — системы урбанологических лекций для подготовки будущих муниципальных политиков, которая, возможно, хоть что-то дала для повышения их профессионализма. Лекции там читали, кроме меня и по моему приглашению, два последних продолжателя традиции почти забытой у нас профессии гражданских инженеров: Т. М. Говоренкова и А. И. Стрельников.

В 1993 г. был, в очередной раз в своей жизни, обворован фирмой БАНСО, фактически присвоившей моё научно-коммерческое исследование «Изучение восприятия и сравнительной оценки представителями разных социальных групп привлекательности различных частей территории Москвы» и опубликовавшей оценочную карту и рейтинговую шкалу районов Москвы в «Коммерсанте» без указания моей фамилии. В 1990-х гг. преподавал в лицее при РГГУ и других средних учебных учреждениях авторский курс для старшеклассников «Введение в историю мировой культуры» и в самом РГГУ авторский курс «Социокультурные проблемы городов», программу которого опубликовал в 2002 г.

В конце 1996 г. поступил на службу в нынешнее Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» при Министерстве культуры Российской Федерации (Институт Наследия), где и служил до конца июля 2013 года в должности старшего научного сотрудника. Вообще, с 1970 г., когда я был принят в ЦНИИЭП жилища на должность старшего архитектора, я прослужил, фактически, в одной и той же должности (с перерывами) сорок два года. За всё время этой службы в изданиях Института Наследия был опубликован всего два раза (из общего числа только печатных публикаций за это время равного шестидесяти трём).

В 2001 г. был включён в состав комиссии по теоретическим проблемам изучения истории культуры Научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», фактически ликвидированного в начале 2000-х гг.

В 2003 г. был избран членом-корреспондентом Академии имиджологии (АИМ), организовав в её составе секцию имиджа территорий и мест и участвуя в работе исследовательской группы «Имидж Москвы и Московской области», Многократно принимал участие в симпозиумах и изданиях АИМ. В рамках её деятельности, в частности, в 2009 г. было снято моё видеоинтервью «Москва. Имидж города, психология города», «висевшее» в интернете ещё в начале 2015 года.

С 2009 г. член ядра Исследовательского комитета Российского общества социологов (ИК РОС) «Социология городского и регионального развития» (впрочем, в последнее время наличие этого «ядра» и моя принадлежность к нему вызывают у меня всё большие сомнения).

В 2010 г. защитил в Государственной академии славянской культуры (ГАСК) диссертацию на степень кандидата культурологии «Аксиологическая география постсоветского культурного пространства на рубеже тысячелетий». Тогда же, в рамках разработки непопулярной в нашем Институте Наследия проблематики негативного наследия, заложил основы формирования ещё одного нового научного направления «Социология научных мафий» (более точное и полное его название «Социология научных и интеллигентских мафий и тоталитарных сект»).

В 2011 г. завершил плановую монографию «Аксиологическая география (аксиологическая топология) культурного пространства на рубеже тысячелетий», которую уже довольно долго пытаюсь издать хотя бы за свой счёт. В 2012 г. подготовил первую редакцию новой монографии «Аксиология культурного пространства», после чего мне предложили уволиться по собственному желанию. Я ответил, что у меня такого желания нет.

В конце 2012 г. принят в группу «Развитие Московской области» Академии имиджологии (АИМ).

31 июля 2013 года уволен из Института Наследия под предлогом его «реорганизации».

В конце марта 2014 года вступил в Конгресс интеллигенции против войны, самоизоляции России, реставрации тоталитаризма.

В 2014 году вышел из состава Академии имиджологии (АИМ) в связи с поддержкой ей «Крымнаша».

В настоящее время круг своих научных интересов я определяю так: перцептивная урбанонология, социокультурные аспекты урбанизации, социокультурная топография городов, история городской культуры, аксиологическая география (аксиогеография), или аксиологическая топология (аксиотопология), городское краеведение, городской фольклор, городской пейзаж, культурный ландшафт, топология искусства, культурная топология, эстетическая топология, типология ценностей, семиотика города (урбосемиотика), нематериальное наследие, негативное наследие, городская, региональная и страноведческая имиджология, россияведение, украиноведение, науковедение, этология науки, социология научных и интеллигентских мафий и тоталитарных сект.

Моя фотография на Марше правды 13 апреля 2014 года.
Фото Владимира Заблочного

Юрий, уникальный случай... я никогда не вел биографических интервью, имея так много информации об интервьюируемом, как о Вас... в методологическом плане это интересно потому, что есть базис для расширения биографического повествования, но это и — чувствую — может создать какие-то когнитивные проблемы. И так, начнем не спеша... повторяю, не тороплю... и не ограничиваю в пространстве...

... мало кто так богат в этом плане как Вы.... Почему Вы решили даже в столь коротком биографическом повествовании начать с прадеда? Вы ощущаете свою ответственность перед ним? Стремитесь к материализации прошлого? У Вас сохранились какие-либо дневники, записи предков?

На первый вопрос я могу ответить, что я чувствую свою ответственность, не только перед своими предками, но перед нашими потомками. А вот насчёт материализации прошлого, то мне очень хотелось бы чего-то подобного хоть в какой-то степени добиться.

В отношении моего интереса к своей родословной я хочу сказать, что с годами, будучи человеком бездетным, я всё отчётливее чувствую, что вместе со мной может уйти в небытие целый пласт информации о моём времени, которая может представлять ценность не только для меня, а также и весь мой жизненный мир, память о котором я очень хочу сохранить. Как хорошо писал один рано умерший и не очень известный поэт (С. Дрофенко), которого цитировала в своих знаменитых в своё время «Беседах об архивах» Мариэтта Омаровна Чудакова:

А всё, что унесу с собой
под твой, кладбищенская птица,
зелёный куст, звалось судьбой
и никогда не повторится

С дневниками и записями всё довольно плохо, в основном надо полагаться на свою память. Хотя кое-что из писем и документов я сохраняю. Сохранились почти только одни семейные и родовые фотографии. И уже не всех тех, кто на них изображён, можно назвать по именам и фамилиям. Недавно я начал фотопроект: «Моя Москва». Хожу по местам, связанным с моим детством, и фотографирую их. Боже мой. Почти ничего уже не осталось. Надо было всё начать гораздо раньше. «Моя Москва» это, как оказалось, — «Москва, которой нет».

Куда деться? В последнее время, в переписке с социологами, при их интервьюировании все время «натываюсь» на Ф.М. Достоевского. Вот и Вы отмечаете своего родственника по прадеду И.Л. Волгина. К чему бы это?

Я не знал лично М. Г. Штейна, но постоянно видел его в Зале общественно-политической литературы. Уже в годы перестройки узнал, что он — главный по родословной В.И. Ленина. Юрий, а вы не могли бы сказать, чем эта тема привлекала Штейна? Он знал про риски, наверное общался с Мариэттой Шагинян?

О Давиде Борисовиче Рязанове есть воспоминания. Много написано о М.А. Лифшице и Дьёрде Лукаче. Кем был Г. И. Якуб, что вам о нем известно?

Я решил продолжить ответы на Ваши вопросы и написать о моём дяде по маминой линии Генрихе Иосифовиче Якубе (дяде Гене). Он был родом из Нижнего Новгорода. Якубы жили, как мне помнится по рассказам, в одном дворе со Свердловыми. И младшие Якубы были неплохо знакомы с младшими Свердловыми (в частности, — с Германом Михайловичем Свердловым, популярным в своё время и памятным людям бывшего старшего, а ныне уже ушедшего поколения докладчиком о международном положении). Старшие братья дяди Гены были врачами и они были людьми аполитичными. А вот дядя Гена рано вовлёкся в революционный водоворот и в довольно молодом возрасте вступил в коммунистическую партию. По его примеру в партию вступила и его младшая сестра, тётя Ида. Дядя Гена оказывал на меня в годы моего детства (да и позже) очень большое влияние. Дядя Гена работал в конце 20-х годов (при директорстве бывшего долгое время меньшевиком и ставшего академиком Академии Наук СССР в 1929 году перед самым «великим переломом» Давида Борисовича Рязанова) в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса (будущем Институте марксизма-ленинизма), который Д. Б. Рязанов и основал. Как выражался дядя Гена, «тогда там ещё работали порядочные люди». Он был дружен с известным философом и, особенно, эстетиком-марксистом (и «борцом с модернизмом») Михаилом Лившицем (это я помню очень хорошо), а также, несомненно, был, как минимум, знаком и с другом М. Лифшица, ещё более известным в мире философом и эстетиком-марксистом Дьёрдем Лукачем. Кроме того, как я не сразу сообразил, он, возможно, был знаком и со всемирно легендарным ныне Рихардом Зорге, который примерно тогда же там работал и был там вначале учёным секретарём. Именно оттуда Ян Берзин и завербовал Рихарда Зорге в советскую разведку. Так что, при жизни дяди Гены я, возможно, был «в двух рукопожатиях» от самого Рихарда Зорге. И я тогда даже не догадывался расспросить дядю Гену об этом.

Они тогда все вместе готовили к печати «Немецкую идеологию», которую К. Маркс и Ф. Энгельс написали в молодости вместе, но не опубликовали, а «предоставили грызущей критике мышей». Одна из главных идей этого произведения

(очень актуальная сегодня), заключалась в том, что идеология это — превратное, искажённое отражение реальности, а вовсе не наука. Сколько проблем создало это произведение классиков марксизма последующим советским идеологам.

Как жаль, что мне при жизни дяди Гены не приходило в голову расспросить его о тех, с кем он работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса кроме Михаила Лифшица. В юности дядя Гена работал «избачём» в избе-читальне, кажется, в Татарии. После работы в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса дядю Гену распределили в Минск, где он много десятилетий преподавал историю партии (до «великого перелома»). Однажды я спросил дядю Гену, знал ли он Машерова. «Что значит — знал.», — ответил дядя Гена, — «Я у него зачёты принимал.». Когда началась Отечественная война, дядя Гена в первый же день пришёл в военкомат записываться добровольцем. Но, как вспоминала по его рассказам его дочь Оля, ему попался умный военком. Взглянув на дядю Гену он сказал: «Семья есть? Спасай семью. Успеешь навоеваться.». Дядя Гена понял, что ему подали разумный совет и побежал домой. Они выехали (или даже вышли?) из Минска только с тем, что было на них и в руках и едва не попали в котёл. Разместив где-то семью, дядя Гена, уже с чистой совестью, снова пошёл в военкомат и прошёл всю войну политруком. Кстати, на фронте он встретил мужика из той деревни, где в юности работал в избе-читальне. Они узнали друг друга, разговорились и стали вспоминать общих знакомых. Естественно, дядя Гена лучше помнил тех, кто чаще приходил к нему и брал что-нибудь почитать. И почти после каждого упомянутого дядей Геной имени его собеседник говорил одно и то же: «Раскулачили, выслали, раскулачили, выслали, раскулачили, выслали...». То есть, наиболее культурная, наиболее приобщённая к книге часть крестьянства была срезана как ножом.

Когда я однажды спросил дядю Гену, как он, пройдя всю войну, обошёлся без серьёзных ранений, он мне ответил: «Я быстро бегать умел». Он, и правда, до старости был очень активным и подвижным человеком. Когда он, был уже совсем пожилым человеком, и гостил у нас на Тверском бульваре, я провожал его к остановке троллейбуса. Троллейбус мог вот-вот отойти и мы побежали. Дядя Гена меня перегнал. После войны дядю Гену долго не демобилизовывали (в отличие от пьяниц и разгильдяев) и соблазняли военной карьерой. Но он хотел заниматься наукой, как он её понимал, добился демобилизации и, если не ошибаюсь, в 1952 году (в самый разгар антисемитской кампании) с большим трудом защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую борьбе В. И. Ленина с либеральными народниками. У меня даже есть автореферат его диссертации¹.

Как я уже писал выше, дядя Гена в детстве и в юности имел на меня очень большое влияние. Когда он приезжал из Минска в Москву, я, росший без отца в окружении одних женщин, буквально смотрел ему (фронтовику и вообще «мужчине с большой буквы») в рот и ловил каждое его слово. Тем более, что он был единственным моим родственником с социально-гуманитарным кругом интересов. Он был, пожалуй, первым, кто начал учить меня самостоятельно думать. Когда по телевизору показали сериал «Операция Трест», я, при очередной встрече, стал делиться с дядей Геной впечатлениями об этой «гениальной»,

¹ Якуб Г. И. Борьба В. И. Ленина против либерального народничества: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Г. И. Якуб ; Ин-т повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при Моск. ордена Ленина гос. ун-те им. М. В. Ломоносова. — Москва : [б. и.], 1950. — 14 с.; 21 см.

как я выразился операции. Но он, неожиданно для меня, развернул разговор в другую сторону. «Ты подумай лучше о морально-этической стороне этой операции», сказал он мне. «Вот, например, Дзержинский писал в «Правде», что ГПУ не пользуется услугами провокаторов и провокационных организаций. А ведь это была неправда. Чем, в ЭТОМ отношении, был «Трест»? Ты подумай». Он очень хорошо знал подлинную, неофициальную историю партии, в которой состоял, и это вряд ли прибавляло ему радости жизни. Тем более, что делиться со слушателями своих лекций многим из того, что он знал, он не мог. Он и со мной должен был говорить о некоторых вещах с известной осторожностью, опасаясь моей болтливости. Он, как я понимаю, ненавидел Сталина (как и моя покойная мама, ненавидевшая Сталина лютой ненавистью), но к Ленину относился с большим пиететом (тоже как моя мама, считавшая его гениальным практически до конца жизни). Кстати, женат (но до самого конца официально не расписан) дядя Гена был на бельгийской коммунистке, преподававшей французский язык и до конца жизни говорившей по-русски с французским акцентом. Одной из любимых тем наших бесед с дядей Геней была проблема соотношения политики и морали. Позже я уже как бы «перерос своего учителя» и после ввода нашего «ограниченного контингента» в Афганистан, дяде Гене стало совсем трудно со мной спорить. Последний раз мы беседовали с дядей Геней в 1990-м году в Минске, куда приезжали с женой по профсоюзной путёвке в составе туристической группы. В том году перед Домом Правительства в Минске люди жгли партбилеты. Что думал и чувствовал дядя Гена в глубине души, узнавая об этом (хотя внешне он бодрился и улыбался)? Дядя Гена умер в 1993-м году. Он дожил до роспуска КПСС и до распада СССР. На его глазах рушилось всё то, чему он (при критическом отношении ко многому) служил всю жизнь. После его смерти его дочь Оля с мужем и его внуками Леной и Сашей уехала в США и, после нашего переезда с Тверского бульвара (куда Оля пару раз из США звонила) в Щукино, все концы, к сожалению, потерялись.

Юрий, я давно не получал от Вас ничего нового... Буду рад увидеть продолжение Ваших воспоминаний...

Я, наконец, собрался продолжить свой рассказ о себе и о своих родственниках. С матерью Игоря Волгина тётей Ророй моя мама когда-то (очень давно) поссорилась, и мы с ним практически полвека не общались. Возобновил с ним знакомство я где-то «на рубеже тысячелетий», после прочтения его книги «Последний год жизни Достоевского», которая мне очень понравилась. Но, хотя мы изредка перезваниваемся, переписываемся и встречаемся, назвать наши отношения близкими я и сейчас не могу. Мы с ним, всё-таки, — очень разные люди во многих отношениях. Миша Штейн² — мой троюродный брат по матери (как и Игорь Волгин³, но по другой линии). С ним, пока он был жив, мы общались, пожалуй, реже, чем следовало, но были ближе. И с его вдовой Ритой мы тоже довольно часто общаемся. Летом 2013 года она гостила у нас в Москве (а потом гостил недолго и его старший сын Игорь) и Рита всё время приглашает нас в Питер, но мы всё как-то никак не соберёмся к ней.

² Михаил Григорьевич (Гишевич) Штейн (1933 — 2009) — российский историк.

³ Игорь Леонидович Волгин (1942) — советский и российский писатель и историк, достоевист, поэт.

**Мой троюродный брат по матери Михаил Гиршевич Штейн
(мой рисунок начала 1970-х годов)**

Его отец, дядя Гриша отсидел двадцать лет (включая поселение в Кемеровской области). И это была его вторая отсидка. А Миша всё это время (включая блокаду) должен был сохранять комнату в коммуналке на Подъяческой, чтобы отцу (а во время его поселения в Кемеровской области к нему приехали жена с младшим Мишиным братом Мариком) было куда вернуться. Марик сейчас живёт в Саарбрюккене. Миша был по образованию экономистом и преподавал в техникуме. Историком он был любителем. Родословными Ульяновых, а затем и Лениных (настоящих) он занялся довольно давно. И неприятностей у него было много. В 1960-х годах его даже вызывали в Смольный к заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского обкома КПСС Ю. Н. Сапожникову. Далее цитирую по тексту первого издания его книги «Ульяновы и Ленины. Тайна родословной и псевдонима». Санкт-Петербург, ВИРД, 1997. (стр. 23–24). «В разговоре со мной он порекомендовал перестать интересоваться А. Д. Бланком. «Мы вам не позволим позорить Ленина.» — заявил он мне, не моргнув глазом. От подобной фразы я опешил. Но тут же сообразил, что мой собеседник великолепно понимает не только оскорбительный для меня смысл сказанных слов, но и то, что жаловаться мне некуда. В вышестоящих партийных инстанциях скажут, что я клевету на ответственного работника, а заодно — являюсь сионистом. Тогда это словечко было в большой моде. Правда, те, кто его произносили, понятия не имели о подлинном смысле этого слова. В лучшем случае меня упекут в психушку, а может и ещё дальше. Сила была на стороне моего собеседника. Но я всё-таки решил спросить: «А что, быть евреем — это позор?» — «Вам этого не понять», — последовал незамедлительный ответ. — «А как же быть тогда с Марксом, он ведь тоже еврей?» — вновь задал я вопрос. — «К сожалению».

И тут, наконец, спохватившись, что сказал лишнего, Ю. Н. Сапожников добавил: Я вам рекомендую лучше заняться поисками героев войны. а мы со своей стороны посоветуем руководству архивов документы, касающиеся предков Ленина, вам не давать».

Продолжаю цитирование первого издания Мишиной книги (второе издание этой книги довольно долго было у Игоря Волгина, а третье, изданное «пиратским» образом без фотографий, я совсем недавно тоже купил. Так что сегодня есть ещё два издания Мишиной книги: «Ульяновы и Ленины. Семейные тайны». Спб. Издательский Дом «Нева», 2004, и «Ульяновы и Ленины: Тайны родословной вождя, М., Алгоритм, 2013».

«На этом мы и простились. Работу пришлось прервать. И я на целый год перестал ходить в архивы. А когда вновь пришёл в ЦГИА СССР, то оказалось, что анкета исследователя, которую я заполнял при первом посещении архива и где в графе «Тема исследования» было указано «Жизнь и деятельность деда В. И. Ленина врача А. И. Бланка», отсутствует. Я снова заполнил анкету с новой темой «Ленин и деятельность большевистского издательства «Вперёд»». Через несколько лет моя первая якобы потерянная анкета была прикреплена ко второй.

Разговором в обкоме дело не закончилось. Был звонок на работу. По-видимому, звонили из обкома и дали директору техникума Н. Г. Сенских соответствующие рекомендации. Об этом я случайно узнал впоследствии от одного из сотрудников техникума. Однажды в разговоре, который не касался ни прямо, ни косвенно предков В. И., он шутя спросил меня, что я могу рассказать о докторе А. Д. Бланке. Я ответил: «Потомственный дворянин». Коллега рассмеялся и сказал: «Меня предупредили, что с вами нужно держать ухо востро по этому вопросу». Более мы данной проблемы не касались.

Прошло 25 лет. Я упомянул о Сапожникове в разговоре с одним моим знакомым, оказавшимся его однокурсником. Собеседник хитровато посмотрел на меня и спросил: «А вы знаете, кто по национальности бабушка Юрия Николаевича?» — «Нет, разумеется», — ответил я. «Еврейка.» И мы оба весело рассмеялись.

Но в 1965 г. мне было не до смеха. Не до смеха было и М. С. Шагинян. Разрешения на использование при переиздании «Семьи Ульяновых» она не получила. Очевидно, что это решение принимал не П. Н. Пospelов. Вряд ли рискнул взять на себя такую ответственность и сменивший П. Н. Пospelова на посту секретаря ЦК КПСС по идеологии академик Л. Ф. Ильичёв. Подобное решение мог принять только член Президиума ЦК КПСС М. А. Суслов. Возможно даже, что вопрос рассматривался на заседании Президиума ЦК КПСС. М. С. Шагинян вызвали в ЦК КПСС и довели до её сведения запрет на печатание документов». (стр. 24–25).

Вдова Миши Рита рассказывала мне что Мариэтта Шагинян однажды звонила Мише и говорила ему: «Миша. Бросьте вы это опасное занятие.» Но когда наступили «перестройка» и «гласность» и архивы стали понемногу раскрываться, оказалось, что всё то, что должны были сделать, но боялись (а, может быть, и не хотели?) в освещении родословной В. И. Ульянова-Ленина сотрудники Института марксизма-ленинизма, Миша с большим риском для себя уже сделал до них и вместо них. Впервые о еврейских корнях В. И. было публично сказано в одном из «перестроечных» фильмов Станислава Говорухина (кажется это был фильм «Россия, которую мы потеряли»), но без упоминания имени Миши

Штейна. Но Рита мне рассказывала, что в период работы над этим фильмом Говорухин гостил и даже ночевал у них во время пребывания в Питере. Помнит ли ставший позже врагом Б. Н. Ельцина и ещё позже одним из пропагандистов путинской «стабильности» Станислав Говорухин (точнее, хочет ли он вспоминать об этом) сейчас?

А потом на Невском молодчики из «Памяти» продавали заимствованные из публикаций Миши Штейна изображения родословного древа Ульяновых с очевидными антисемитскими комментариями. Ведь теперь речь шла уже не о том, чем правящая и родная наша КПСС, ставшая «умом, честью и совестью нашей эпохи», руководство которой купалось в привилегиях, была когда-то обязана евреям, но не хотела этого признавать, чтобы не делиться славой и материальными благами. Теперь в нашем переменчивом «общественном мнении» возобладал новый лозунг: «Это вы нам устроили эту проклятую революцию.» Ведь, как известно, сам «народ-богоносец» никогда ни в чём не виноват. Я в то время спрашивал у Миши, как он относится к антисемитским спекуляциям на его исследованиях. Он мне отвечал в том духе, что его дело как исследователя — установить истину, а политические спекуляции на установленных им фактах находятся не в его компетенции, да и повлиять на них он не может. А уже сравнительно недавно появились на Западе самозванцы, которые с большой пользой для себя выдают себя за первооткрывателей того, что первыми обнаружили М. С. Шагинян, А. Г. Петров и Миша Штейн и из-за чего у них была куча неприятностей.

Но, по-моему, были и настоящие Ленины, чью фамилию Владимир Ильич взял в качестве псевдонима...

Да, напишу немного и об изучении Мишей родословной настоящих Лениных, старинного дворянского (а в XVII веке — казачьего) рода. Первого его представителя, известного историкам, звали Иван Посник, или Посник Иванов по прозвищу Губарь. Он был енисейским казаком и участвовал в освоении Сибири (в частности по реке Лена). Отсюда произошла и фамилия Ленин. От одного из представителей этого рода (крепостника и реакционера Николая Егоровича Ленина, чей паспорт перед смертью уговорила выкрасть своего брата Сергея и предала Надежде Константиновне Крупской его дочь Ольга Николаевна Ленина, работавшая в Смоленской вечерней школе для рабочих) В. И. Ульянов и взял свой знаменитый впоследствии псевдоним. А на гражданской панихиде по Мише Штейну присутствовала представительница этого рода. Она говорила о том, что она и её родственники очень благодарны Михаилу Гиршевичу Штейну за изучение их родословной, что они теперь не только Ленины, но и Достоевские (кто-то из них породнился с кем-то из Достоевских), и что на протяжении всего советского времени на представителей этого рода оказывалось постоянное давление, чтобы они сменили родовую фамилию.

Между прочим, из изысканий Миши Штейна стало известно, что среди родственников разных степеней родства В. И. Ульянова-Ленина в России были: Пётр Ильич Чайковский, Иоанн Кронштадтский (И. И. Сергиев), премьер министр при Николае II граф Витте и последний царский морской министр И. К. Григорович. А в Германии в разной степени родства с В. И. были уроженцы Любека: художник Рейнгольд Лепсиус, крупнейший историк, археолог и фило-

лог-античник Эрнст Курциус, писатели Генрих и Томас Манны, а также генерал-фельдмаршал Вермахта Вальтер Модель и самый уважаемый президент ФРГ, а также первый президент объединённой Германии Рихард Карл фон Вайцзеккер.

Юрий, если можно, продолжите рассказ о себе...

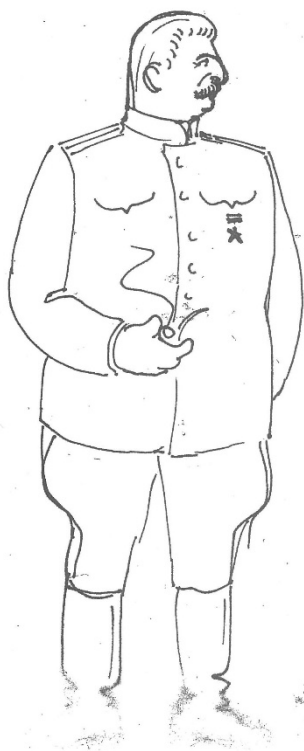
Я решил действительно перейти к себе. Я родился 17 апреля 1943 года в эвакуации в Челябинске. Вскоре моя мама Раиса Лейбовна Блех с бабушкой и, кажется, с семьёй маминого младшего брата дяди Миши повезла меня в узелке на подушечке в Москву. Поезд шёл очень долго (приходилось пропускать военные эшелоны). И мама очень боялась, что узелок украдут, решив, что в нём находится что-то материально ценное. Между тем, содержимое узелка представляло исключительную ценность только для неё, а также для бабушки и маминых братьев. Рисовать я начал в 4 года. Кажется, меня начал учить рисовать ещё папа, о котором я помню очень мало. Сначала мы с мамой и бабушкой жили в Ермолаевском переулке, а потом, после смерти отца, года два мы с бабушкой жили в оставшейся после его смерти комнате в коммуналке в “Доме Гинзбурга” в Малом Лёвшинском переулке, в котором жило немало инженеров-строителей. Мама, вынужденная разрываться между нами и работой, нас с бабушкой регулярно навещала. Потом мы снова вернулись в тот же дом в Ермолаевском переулке, но уже в другую коммунальную квартиру. Межу прочим, как я узнал гораздо позже, в доме напротив (кажется, там, где сейчас музей и выставочный зал) жила тогда Тамара Моисеевна Дридзе. И там до самого конца жила её мать.

Папина сестра тётя Лиза водила меня в песочницу на Патриаршие (тогда — Пионерские) пруды с того самого угла, где в романе у М. Булгакова комсомолка отрезала трамваем голову Берлиозу. Кстати, я где-то прочитал, что, вопреки мнению многих, утверждающих, что по Малой Бронной никогда не ходил трамвай, одновагонный (не пассажирский, а технический) трамвай по Малой Бронной действительно очень недолгое время ходил. И было это именно тогда, когда происходили соответствующие события в “Мастере и Маргарите”. Вообще, как уже не раз отмечалось, городская топография в обоих романах М. Булгакова очень точная. Стоит, пожалуй, отметить, что в своё время в журнале «Знание-сила» была опубликована статья «М. Булгаков как социолог». Там были собраны основные соображения М. Булгакова о деформирующем воздействии «квартирного вопроса» на души людей и на их поведение.

В 1950-м году я поступил в образцово-показательную школу № 114, в которой проучился первые три года. Она располагалась за Садовым кольцом, неподалёку от Планетария и Новой территории Зоопарка. Из окон школы были видны даже звери в клетках, и это порой отвлекало нас от учёбы. Там мы узнали в марте 1950-го года о смерти Сталина. У всех, кажется, была одна и та же мысль: “Как же мы теперь жить будем?” Думаю, что у моей мамы (одного из двух первых в СССР специалистов по лучевой болезни), которую во время “Дела врачей” уволили с работы в больнице (сейчас она носит имя А. И. Бурназяна и я живу в Шукино неподалёку от неё) “по сокращению штатов”, могли быть на эту тему и другие мысли. Кстати, сравнительно недавно я узнал от живущей сейчас в Мюнхене редактора недавно вышедшего сборника памяти Георгия Степановича Кнабе, куда я тоже написал свои воспоминания, Нинель Израилевны Немцовой, что моя мама упоминается в книге живущего

сейчас в Израиле Фёдора Мироновича Лясса “Последний политический процесс Сталина, или Несостоявшийся юдоцид” и в снятом по его исследованиям фильме “Большой концерт народов, или дыхание Чейн-Стокса”. Сам Фёдор Миронович Лясс был в то время у мамы ординатором и считает себя её учеником. А его мать Евгению Фёдоровну Лившиц хотели сделать новой Верой Чибиряк и оговорить коллег. Но, несмотря на попытки, её не удалось сломать, и тогда её вообще изъяли из процесса, а её место заняла Лидия Тимашук.

Моя мама после увольнения долго обивала пороги разных учреждений (дошла, кажется, даже до Шверника) и везде слышала примерно одно и то же: «А почему вам надо работать именно в Москве? Ведь на периферии так не хватает врачей.». Врачей, кстати, не хватало и в Москве, а мама должна была тянуть на себе меня и пенсионерку мою бабушку Двойру Иосифовну (Веру Осиповну) Сардатскую, но её собеседников это не волновало. Кстати, если мамыны братья знали о том, что она не работала, то мы с бабушкой этого не знали. Мама уходила по утрам как на работу и снимала деньги с книжки, как будто получала зарплату. Однажды, как она потом (много позже) мне рассказывала, она шла по улице и у неё вдруг хлынули слёзы: «За что?». В конечном счёте она нашла работу в поликлинике в качестве участкового терапевта. А её подруга и сослуживица, изучавшая лучевую болезнь как физик, Раиса Давыдовна Друтман, с сыном которой Лёней Дубовским (сыном дружившего домами с Курчатовыми известного физика Дубовского) мы и сейчас дружим (тем более, что теперь мы и живём по соседству), работала в средней школе учительницей физики.

**Образ Сталина в моём детском восприятии
(и, к сожалению, в восприятии многих из тех, кто при нём не жил)**

Потом, после смерти Сталина, их восстановили на работе (двух евреек из 15-ти уволенных). Кстати, уже в то время у нас дома проходили своего рода «советы клана», в которых принимали участие бабушка, мама и ей братья. Жён

маминых братьев (хотя они и были еврейками) на эти советы не приглашали, что их сильно обижало. Собирались только кровные родственники. Считалось, что я сплю в соседней комнате, но я обычно не спал и старался уловить основное содержание разговоров, хотя говорили очень тихо. На семейно-бытовые темы говорили обычно на идише (которому меня нарочно не учили, чтобы я не понимал разговоров взрослых на эти темы), а о политике — по-русски. И вот в то время обсуждалась возможность выселения евреев из европейской части СССР. Это я помню хорошо.

Вскоре после смерти Сталина мы с мамой и бабушкой и во многом благодаря хлопотам старшего брата мамы дяди Соли переехали на новый адрес. Дядя Соля (Сергей Леонидович Блех) в юности мечтал стать артистом, играл в Ярославском театре характерные роли, а в Москве даже посещал частные уроки Михаила Чехова, но, в конечном счёте, стал юристом и до самой пенсии работал юрисконсультom в Минвнешторге и, кроме того, имел неофициальную частную практику. Кстати, в конце 1940-х годов дядя Соля работал в советском торгпредстве при Чан Кайши до самого его отплытия на Тайвань и был, таким образом, свидетелем конца гоминьдановского Китая. Жаль, что я не догадался его об этом расспросить при его жизни. Мы переехали на Улицу Горького (Тверскую), где жили в тогда ещё жилом доме рядом с Моссоветом, в котором потом располагался Госкомитет СССР по науке и технике. Я видел из окна, как на Советской площади краном ставили на постамент конную статую Юрия Долгорукого. О том, что потом к лошади, на которой первоначально сидел Юрий Долгорукий, ночью приваривали отлитую позже деталь, отличавшую коня от лошади, я узнал гораздо позже.

В это время я учился один год в ныне уже не существующей школе на Улице Станиславского (в Леонтьевском переулке). Именно там мне пришлось пережить первую антисемитскую травлю со стороны своих одноклассников. Она продолжалась и в пионерлагере, куда я ездил совсем по другой линии. В это время арестованных врачей уже выпустили, уже был арестован Берия, но в детской среде маховик антисемитизма, запущенный во время «дела врачей», продолжал крутиться. Дети ведь не умеют так легко перестраиваться как взрослые. Всё то, чего они наслушались от родителей и близких в предыдущее время продолжало из них хлестать. И это происходило вскоре после того, как нас в актовом зале Музея В. И. Ленина торжественно приняли в пионеры. Не тогда ли я впервые задумался о том, что в нашем обществе «что-то не так», если между официально провозглашавшимся интернационализмом и реальным антисемитизмом зияет такая пропасть? Не эти ли ещё детские переживания и размышления много лет спустя привели меня в конечном счёте в социологию? Не зря Юрий Нагибин писал в своём дневнике, что русскому человеку легче жить в России, чем еврею, т. к. русский человек живёт в природе и истории, а еврей, — в социальной реальности. Кстати, в том классе с нами учился сын народного артиста и сам впоследствии ставший хорошим артистом театра на Таганке и кино и другом Владимира Высоцкого Всеволод Абдулов. Он в этих гадостях участия не принимал.

**Мои ранние интуитивные прозрения
о подлинной природе «советского простого человека»**

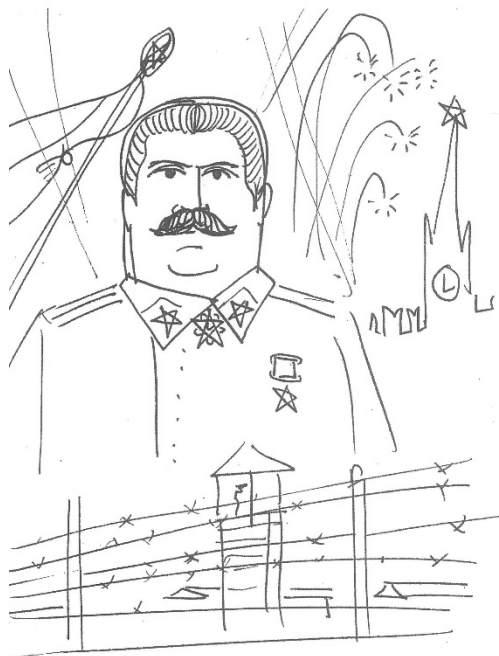
В 1955 году, если не ошибаюсь, я после экзаменов поступил в находившуюся тогда в Лаврушинском переулке напротив Третьяковки Суриковскую художественную «школу для детей одарённых родителей» (МСХШ), куда меня впервые привела мама сначала в подготовительный класс. Я очень тяготел к сюжетным композициям исторического содержания (вообще история была у меня любимым общеобразовательным предметом). Между прочим, преподавали историю у нас две очень хорошие учительницы: Ванда Исааковна Бейлина (которая, как я гораздо позже узнал, была женой очень крупного философа и культуролога Владимира Соломоновича Библера) и Рахиль Самуиловна Горелик (которая, как я тоже гораздо позже узнал, была женой очень крупного историка Михаила Яковлевича Гефтера).

Стоит ещё, пожалуй, отметить, что я тогда (и много позже тоже) очень любил искусство Виктора Васнецова. Да и «васнецовский» фасад Третьяковки был виден прямо из окон нашей школы. Кажется это называется «импринтинг»? И лишь сравнительно недавно я узнал из интернета, что когда в 1905 году образовался «Союз Русского Народа», то в него вступили (из самых известных русских художников): Виктор Васнецов, Константин Маковский, Михаил Нестеров и Николай Рерих. Неслабо, да? И ведь это всё были представители вполне определённого «национально-романтического» направления в искусстве. Всё-таки, совсем небезобидная это штука — национал-романтизм с его страстным интересом к мифам, «истокам» и «корням». «Кровь и почва» одним словом. Ведь и в Германии истоки нацистской идеологии можно найти ещё у братьев Гримм.

Как изменилась жизнь Вашей семьи после смерти Сталина?

Расскажу о том, как для меня началась эпоха после XX съезда КПСС. На одном из «советов клана», о которых я уже писал, что-то опять довольно тихо обсуждалось. Мне в комнате, где я вроде-бы спал, слышно было почти только: «бу, бу, бу». Несколько раз я расслышал слово «Сталин». И вдруг я услышал,

как мама громче обычного и «с большим чувством» произнесла слова: «шагал по трупам». И до меня вдруг дошло, что мама это говорила именно о Сталине. Это было для меня таким потрясением. Оказывается «великий вождь и учитель», «отец народов», «лучший друг пионеров и физкультурников» шагал по трупам. Оказалось, что моя мама буквально ненавидит товарища Сталина. Это надо было как-то осмыслить самостоятельно. Я ведь не мог ни о чём расспросить маму, она бы догадалась о том, что я во время этих «советов» совсем не сплю.

Образ Сталина в моём студенческом (и нынешнем) восприятии

Хочется вспомнить один из услышанных мной в школьные годы маминых рассказов о том, что ей когда-то рассказывала бабушка. Моя бабушка видела коронационную процессию Николая II. В тот день бабушка с сестрой тётей Соней вышли на Тверскую. Народ стоял вдоль Тверской шпалерами в три ряда. Бабушка с тётей Соней состроили глазки офицеру, который там распоряжался, и он помог им встать в первый ряд. Мимо них проследовала вся коронационная кавалькада. А вечером стало известно о трагедии на Ходынке. И уже в тот вечер бабушка услышала от кого-то пророческие слова: «Кровью это царствование началось, кровью и кончится». Ведь именно тогда и появилось это выражение: «Николай Кровавый». А меня в маминем рассказе, кажется, больше всего поразило то, что моя суровая, властная бабушка, которая железной рукой руководила и своим мужем (он умер, кажется, ещё в 20-е годы), и всеми своими детьми (и мной тоже), была, оказывается, когда-то молоденькой барышней и могла строить глазки офицерам.

**Моя бабушка Двойра Иосифовна (Вера Осиповна) Блех (в девичестве Сардатская)
(мой рисунок конца 1950-х годов)**

Ходышкой мама называла обычно и то, что творилось во время похорон Сталина. В тот день мама позвонила бабушке и сказала, чтобы бабушка не выпускала меня из дома, когда я приду из школы. Мы ведь жили тогда в Ермолаевском переулке, т. е. в самом центре. И ещё один эпизод из семейных преданий хочется вспомнить. Бабушка мне рассказывала, что в годы Гражданской войны, когда семья жила в Камышине, однажды (после ухода из города деникинцев) она пошла на рынок и увидела стоящую посреди рыночной площади виселицу с повешенными. Бабушка в ужасе ушла так ничего и не купив. И много лет спустя (годах в 70-х), когда я служил в ЦНИИЭП жилища, один из моих сослуживцев Сергей Юрьевич Каменев (внук известного военачальника Сергея Сергеевича Каменева) принёс на службу книгу об истории РКПб, если не ошибаюсь, от 1922 года. И там я увидел фотографию виселицы с повешенными и с подписью «Камышин после ухода деникинцев». И я вдруг понял, что это та самая виселица, о которой мне рассказывала бабушка. Помню как меня поразило это соединение семейного предания и фотографии.

Во время учёбы в Суриковской школе (МСХШ) я уже начал разрываться между искусством (то-есть профилирующими предметами: рисунком и живописью) и наукой. Кроме собственно истории, которую я очень любил, я довольно много читал книг по истории искусства. Особенно следует отметить моё тогдашнее увлечение трёхтомной Всеобщей историей искусств Михаила Владимировича Алпатова, изданной в 1948–1955 годах. Жаль, что иллюстрации там были не цветные, а чёрно-белые. И как было бы хорошо переиздать этот классический труд сейчас с цветными иллюстрациями. Ведь переиздали же у нас недавно с цветными иллюстрациями памятный старшему поколению двухтомник Лионелло Вентури «Художники нового времени» и «От Моне до Лотрека». А вот третий том Лионелло Вентури «Современная живопись» тогда не перевели и не издали (уж очень «крамольным» был по-тогдашнему набор художников: Матисс, Пикассо, Шагал, Руо и т. д.). Не перевели и не издали его и теперь. А жаль. Но ведь трёхтомник М. В. Алпатова даже переводить не надо. Но разве нынешней власти и нынешнему минкульту это интересно?

Михаил Владимирович Алпатов

Стоит отметить ещё одну книгу, которая оказала на меня ещё тогда очень большое и длительное влияние своей общей историко-культурной концепцией. Это было прекрасно иллюстрированное детгизовское издание второй книги «Как человек стал великаном» от 1946 года. Её авторы М. Ильин и С. Сегал, писали о том, что идея книги была подсказана им Максимом Горьким. Но уже гораздо позже я понял, что сам Горький позаимствовал эту идею у выдающегося немецкого просветителя, основоположника историзма Иоганна Готфрида Гердера. Эта идея изложена в его капитальном но оставшемся незавершённым труде с немного странно звучащем для русского восприятия характерно немецким длинным названием: «Идеи к философии истории человечества». Там популярно излагается история Вселенной плавно переходящая в историю человечества (примерно то, что сейчас называется Биг Хистори). Между прочим, наш глав-

ный «гердеровед» Арсений Гулыга заметил, что не зря в «Войне и мире», когда Пьер Безухов в 1812 году остаётся в занимаемой французами Москве, то на столе у него лежит эта книга Гердера. И вот М. Ильин и С. Сегал, в развитие идей Гердера, в книге «Как человек стал великаном» в живой, популярной форме излагали для подростков фактически история мировой культуры и философии от Древнего Египта и Древней Греции до Джордано Бруно.

Я не знал тогда и не припомню сейчас другой книги для молодёжи с таким дерзким и плодотворным замыслом. Помню, что ещё в студенческие годы в Строгановке я вполне успешно отвечал на экзаменационные вопросы по античной философии, опираясь в основном на то, что почерпнул в этой книге. Всё-таки в советской научно-популярной традиции было немало хорошего, что, к великому сожалению, утрачено у нас сейчас при торжестве нового издания «православия, самодержавия и народности». Кстати, начав ещё в школьные годы собирать открытки-репродукции по искусству, я выстраивал эти открытки и альбомы с ними по хронологии как бы повторяя заимствованную из этой детгизовской книги концепцию истории искусства как историю человеческого саморазвития (если угодно как историю развития «мирового духа». Эту идею Гегель во многом позаимствовал у Гердера. Помню, кстати, как меня поразило в своё время исполненное суровой и даже мрачной силы лицо Гегеля на его последнем прижизненном портрете. Поистине — «сумрачный германский гений».

Гегель

Стоит, кстати, сказать, что в те годы я увлекался созданием на основе контурных карт и исторических карт из учебных пособий исторических карт мира на разные эпохи начиная с древнейшей истории и до позднего средневековья. Эти раскрашенные цветными карандашами исторические карты мира сохранились у меня до сих пор. Я тогда не знал слова «глобалистика», но мне кажется, что то, чем я тогда занимался, имело к глобалистике определённое отношение. Вообще, я и тогда, и позже порой интуитивно начинал делать что-либо, из чего со временем могло бы выйти нечто полезное и конструктивное, если бы нашёлся кто-нибудь, кто подсказал бы мне, что с этим делать дальше. Но, чаще всего, подсказать мне это было некому и я прекращал одно такое увлечение за другим без определённого практического результата. А вот моё давнее увлечение «глобально-историческим» картографированием не пропало даром и превратилось, со временем, в основанную мной аксиологическую географию, т. е.

в картографирование социальных оценок респондентами проводившихся мной социологических опросов сравнительной эстетической привлекательности (или непривлекательности) различных территорий и объектов на них расположенных.

Вспоминая мои школьные годы, хочу рассказать ещё вот что. Во время учёбы в Суриковской школе я часто (особенно — летом) шёл домой на Тверской бульвар из Лаврушинского переулка через Каменный мост по улице Герцена (Большой Никитской). А в то время примерно напротив Консерватории находился знаменитый на всю Москву магазин иностранной книги, в который я часто заходил. И там надо мной взяла «культурное шефство» одна из продавщиц. Её звали Екатерина Павловна. Это была полная брюнетка с большими серьгами, и на плечах у неё была неизменная цветастая шаль, похожая на Павлово-Посадскую. Она была немного похожа на цыганку. Как я узнал гораздо позже (уже после её смерти) от более молодых продавщиц, у неё было «неправильное» социальное происхождение. Отец её был француз, а мать — русская дворянка. Когда в этом магазине изредка появлялись покупатели-французы, она буквально «разливалась соловьём» на родном языке своего отца. И вот она решила заняться моим культурным развитием. Когда я подходил к прилавку, она, прежде всего, проверяла, чистые ли у меня руки (и перед уходом из школы я их тщательно мыл). После этого я вставал с краю прилавка и мог часами смотреть любые (самые дорогие и роскошные) книги по искусству. При этом Екатерина Павловна требовала, чтобы я не только указал на книгу, которую хочу посмотреть, но и по репродукции на обложке назвал художника. Она понимала, что я ни одну из этих книг не могу купить, но у неё была потребность «сеять разумное, доброе, вечное». А ведь картины многих из тех художников, с творчеством которых я знакомился за этим прилавком, во второй половине 1950-х годов (да и позже) ещё не вывешивались в наших музеях. Думаю, что те знания по истории искусства (особенно о творчестве художников-модернистов), которые я почерпнул за прилавком у Екатерины Павловны, не уступали тем, которые я почерпнул на лекциях.

Было, кстати, в книге «Как человек стал великаном» ещё одно место, оказавшее на моё самосознание существенное влияние. Это глава под названием: «Как маленькая Иудея воевала с могучим Римом», повествовавшая о воинской доблести моих далёких предков. Кажется в последующих изданиях книги этой главы уже не было. Она успела попасть в печать, кажется, уже тогда, когда начиналась инспирированная Сталиным антисемитская кампания «борьбы с безродными космополитами», продолжившаяся убийством Михоэлса, а затем и расстрелом почти всех членов Еврейского антифашистского комитета и завершившаяся «Делом врачей». Впрочем, в полном объёме и «по всем азимутам» антисемитизм в политике СССР оформился, всё-таки, не сразу, что выразилось в быстром признании СССР независимости государства Израиль и даже в поставках через Чехословакию оружия туда в самые первые и самые трудные месяцы существования Израиля. Правда уже в 1956 году во время Суэцкого кризиса товарищ Булганин грозился сбросить на Израиль атомную бомбу.

Между прочим, когда мне в МСХШ было рекомендовано перейти в другую школу в связи с тем, что я слишком много читал книг в ущерб занятиям рисунком и живописью (а перед этим я был ещё и оставлен на второй год, потому что много болел), то мы с мамой готовы были верить этой мотивировке, т. к. я действительно читал очень много и порой действительно в ущерб профилирующим

дисциплинам. Но уже гораздо позже я вспомнил эпизод, о котором даже не рассказал маме, да и сам практически почти не вспоминал. На одном из уроков у меня преподаватель, кажется, черчения забрал книжку в мягкой обложке, которую я по своему простодушию преспокойно читал под партой. Это была изданная у нас в академическом издательстве книжка о государстве Израиль. Можно не сомневаться в том, что это «ужасное событие» обсуждалось на педсовете и что из этого были сделаны самые суровые для меня выводы. Только познакомившись гораздо позже с песнями Галича (и то ещё не сразу), я понял какое значение у нас в стране и тогда, и много позже придавалось таким вещам. Я же был для членов педсовета «скрытым сионистом» и потенциальным эмигрантом. А ведь я был и тогда, и много позже убеждённым марксистом-ленинцем и ни тогда, ни гораздо позже совсем не помышлял об эмиграции. Видимо у меня уже тогда был, как выражается моя жена, «атрофирован инстинкт самосохранения». Не зря я в гораздо более зрелом возрасте читал «Самиздат» и «Тамиздат» даже в общественном транспорте лишь обернув книжки в газету, в миллиметровку, или в другую бумагу и встав в метро или в трамвае в своего рода «тамбурки» так, чтобы мне нельзя было заглядывать через плечо.

А тогда я перешёл в художественно-декоративную школу (вообще-то «художественно-декоративными» там были только несколько классов), находившуюся на Садово-Самотёчной возле кинотеатра «Форум», которую я и закончил в 1962 году и в том же году поступил на вечернее отделение в МВХПУ (б. Строгановское) сначала на факультет обработки металла, а потом на факультет отделки зданий (ОЗ), на котором и учился до самого конца.

Пожалуйста, расскажите о годах обучения в Строгановке.

Говоря о времени моей учёбы в школьный и в «строгановский» периоды следует, по-моему, упомянуть о том, что я в те годы выписывал и с интересом читал журнал «Декоративное Искусство», в котором печаталось немало материалов далеко выходящих по своему содержанию за пределы обозначенной в названии журнала тематики. Там (особенно в более поздние годы) печатали Г. С. Померанца, Л. Н. Гумилёва, и П. А. Флоренского, Ю. М. Лотмана, С. С. Аверинцева и т. д. Кроме того, я уже тогда любил читать журнал «Знание-Сила», который выписываю до сих пор, хотя сам начал в нём публиковаться сравнительно недавно и выходит это совсем нечасто. Я очень долго был почти ортодоксальным марксистом-ленинцем. У нас дома было разрозненное первое (ещё рязановское) собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, которое я начал понемногу читать ещё школьником. Кроме того, я ещё в школьные годы начал читать появлявшиеся у нас в переводах произведения ставшего на долгие годы моим кумиром Антонио Грамши. Уже в студенческие годы я начал собирать всё, что было опубликовано из его произведений (и о нём самом) на русском языке. Жаль, что при переезде с Тверского бульвара в Щукино я не сберёг его книги с моими пометками и закладками. Как я стал со временем понимать, в произведениях Грамши, особенно в его «Тюремных тетрадах», я — подобно многим шестидесятникам — искал гуманистическую альтернативу советско-сталинской версии марксизма. Я до сих пор помню многие его идеи и высказывания о гегемонии, об интеллигенции, о массовой культуре, об элитарности и народности в культуре. Помню я и его фрагмент «Народное происхождение идеи сверхче-

ловека», в котором говорилось о том, что Ницше позаимствовал идею сверх-человека не у Заратустры, а у Александра Дюма-отца (Эдмон Дантес в «Графе Монте Кристо, Атос в «Трёх мушкетёрах» и т. д.». Вспомнил он, в этой связи, и бальзаковского Вотрена. И ведь это он, сидя в одиночной камере, предсказал рождение неореализма за десять лет до того, как он появился. И это — ещё не всё. Жаль, что сегодня, когда на Западе многие снова перечитывают и переосмысливают Маркса и Грамши, мы (в очередной раз оказавшись «в противофазе» с Западом) всё глубже вязнем в «православии, самодержавии и народности».

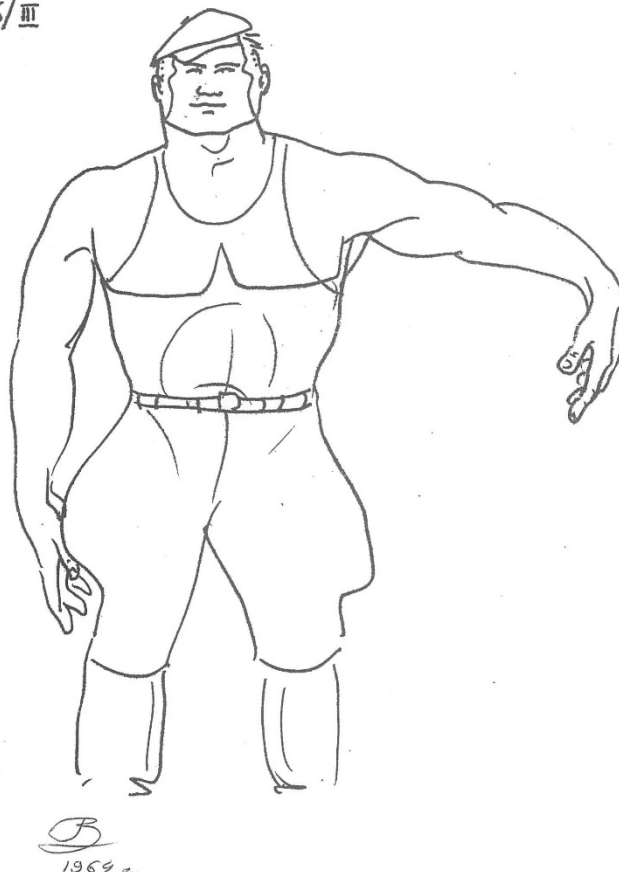
Антонио Грамши

Одним из запомнившихся мне моментов этой учёбы было моё, связанное с так и не реализованной мечтой о работе в анимации, увлечение графикой, пик которого пришёлся на 1963—1964 годы. Помню, что у меня тогда буквально не останавливалась рука. Я рисовал постоянно, на лекциях, на работе и т. д. и изрисовал больше двадцати блокнотов и общих тетрадей, которые сохранились у меня до сих пор. Сейчас, после продолжавшегося почти полвека полужабвения, я начал эту графику немного рекламировать и обнаружил, что она и сейчас многим нравится.

Если мы с Вами когда-нибудь встретимся, то я могу дать Вам ксерокопии образцов моей студенческой графики, которые уже раздал немалому числу моих знакомых. Кстати, графика моя была в значительной своей части остросоциальной и я в своей манере ориентировался на такие образцы, как политическая графика Георга Гросса, рисунки Сергея Эйзенштейна и гораздо менее известного сегодня замечательного чешского графика Адольфа Гофмейстера. А из литературных образцов на мою студенческую графику немало повлияло, в частности, чтение М. Е. Салтыкова-Щедрина, которого не зря порой называют лучшим русским социологом. И сегодня, глядя на мою студенческую графику, можно сказать, что в ней был замечен интерес именно к социальности и, видимо, не зря я позже пришёл в социологию. Особенно интересной (и наиболее оригинальной) мне представляется сегодня серия моих студенческих рисунков на тему «советский простой человек». Вероятно, я был одним из первых, кто воплотил в отечественном искусстве образ ВАТНИКА. А ведь тогда этого термина (или прозвища)

в его нынешнем значении ещё не существовало. Но само явление, конечно, уже было. В этой связи мне вспомнилось высказывание Ольги Седаковой о том, что главным врагом её поэзии был советский простой человек. И сколько ещё талантливых и интеллигентных людей могло бы сказать то же самое. А некоторым моим знакомым (в том числе и некоторым одноклассникам по Суриковской школе) именно эти мои рисунки кажутся русофобскими. Увы.

5/III

**Моя, пожалуй, самая удачная вариация
на тему «советский простой человек»**

Особенно много я рисовал в том году во время работы архитектурным техником; то был мой первый приход в ЦНИИЭП жилища в мастерскую Алексея Сергеевича Образцова. У знаменитого Сергея Образцова и отец был архитектором, и сын пошёл по стопам деда. В этой связи мне вспоминается один связанный с моим тогдашним шефом случай. Ещё до моего прихода в его мастерскую у него тоже техником работал некий Фонечкин, которого сегодня, возможно, уже нет в живых. Он был человеком независимым, языкастым, хотя и хамоватым. И когда этот Фонечкин уходил от Образцова на другую работу, то Алексей Сергеевич на прощание покровительственным тоном сказал ему: «Ну, желаю Вам на новом месте найти себя. А что Вы мне на прощание скажете?» На что Фонечкин ему ответил: «Что я могу Вам сказать, Алексей Сергеевич? Вы — самая неудачная кукла своего папы.» И с этим ушёл. И к Алексею Сергеевичу это прилипло на всю оставшуюся жизнь. И ведь получилось, что напросился на это он сам. Но кое-что, связанное с веяниями «наверху», он знал и чувствовал лучше нас. Когда кто-то из сотрудниц (а в его мастерской работали почти одни

женщины, иногда грозившие ему, что, если он и дальше будет на них кричать и усиленно бороться за дисциплину, то они все одновременно уйдут в декрет, и он останется один) спросила его, зачем в самом центре Москвы пробивают Новый Арбат.

Ещё образы «советских простых людей»

Мой автошарж 1963—1964 годов.

Таким совершенно безобидным «пушиком» я запомнился многим моим одноклассникам (и, особенно, — одноклассницам).

Таким я был ещё и в ранние студенческие годы.

Ничто, казалось, не предвещало того, что «недодравшись» в детстве, я позже стану порой «тяжёлым на руку» и опасным для своих врагов «борцом» (и, самое удивительное, — я таким остался до сих пор).

Я и сам этому удивляюсь.

(его, кажется, уже тогда начинали называть и «Вдруг Стрит», и «Вставная челюсть Москвы»), то он ответил: «Вы ничего не понимаете. Надо создать архитектуру эпохи. А то эпоха кончается, а архитектуры нет». И через несколько месяцев мы узнали, что Никита Сергеевич Хрущёв ушёл на пенсию. Но ещё до этого кто-то из авторского коллектива его мастерской (и он сам, наверное) успел получить какую-то премию за проект общественно-торгового центра на родине Хрущёва в селе Калиновка.

Именно во время учёбы в Строгановке я впервые соприкоснулся с социологией как таковой. Году в 1966, или в 1967 (это можно уточнить) я ходил на лекции в Политехническом музее, на которых выступали все будущие звёзды нашей «второй социологии». Мне не всех удалось послушать, но четыре лекции я слушал точно. Это были лекции А. Г. Харчева, Б. Ц. Урланиса, И. С. Кона и Ольшанского. А. Г. Харчев рассказывал о социологии семьи, Б. Ц. Урланис, — о демографии, И. С. Кон, — о социологии личности, а Б. В. Ольшанский, — о социальной психологии. Помню, что в лекции А. Г. Харчева вызвали оживление в зале его слова о том, что наши санатории и дома отдыха — настоящие школы супружеской неверности. Б. Ц. Урланис, кажется, уже тогда поделился своими соображениями, вошедшими в его нашумевшую статью «Берегите мужчин.». И.С. Кон, насколько я помню, рассказывал примерно то, о чём он писал в своих популярных книжках «Социология личности» и «Открытие Я».

**Мой рисунок 1964 года, по которому можно было предсказать,
что его автор не сделает карьеры**

И уж точно в его тогдашней лекции не было ничего про сексологию. Особенно запомнился мне в лекции И. С. Кона его совет: «Если вы почувствуете, что возникает некое новое научное направление, придумайте ему название. Вы сразу попадёте в основоположники». И когда (много лет спустя) я почувствовал, что в моих исследованиях намечается что-то новое, я придумал этому новому название «аксиологическая география». И, если верить Википедии, я действительно попал в основоположники нового научного направления, которое, к сожалению, до сих пор только из меня одного и состоит. А Б. В. Ольшанский рассказывал нам о том, как сильны социальные стереотипы массового сознания и какое огромное влияние на мысли и чувства людей оказывают СМИ. В частности, он рассказал нам том, что ещё в 1940-х годах в США проводился опрос, в соответствии с результатами которого, по мнению большинства респондентов, в случае войны Смит пойдёт служить в действующую армию, а Рабинович постарается служить в интендантстве. Как это было знакомо мне и многим моим соплеменникам, которым (в том числе и фронтовикам), во время войны и после неё глаза кололи Ташкентом. Ольшанский ещё тогда говорил нам о том, что теперь для того, чтобы убедить людей практически в чём угодно, надо только побольше потратить средств на пропаганду. Это всего лишь вопрос цены. Как это актуально сегодня...

Довольно интересно Вы входили в социологию. И вот Строгановское училище закончено, что дальше?

В 1970 году, по окончании Строгановки, я снова пришёл в ЦНИИЭП жилища, но уже не в мастерскую А. С. Образцова, а в отдел интерьера, которым руководил сначала Н. А. Луппов, а потом — Борис Миронович Мержанов

(сын Мирона Ивановича. Мержанова, придворного архитектора Сталина) и не техником, а старшим архитектором. Году в 1972-м уже упоминавшийся выше С. Ю. Каменев познакомил меня со своим однокурсником по МАРХИ работавшим в ЦНИИП градостроительства моим первым научным учителем Леонидом Борисовичем Коганом, главным, пожалуй, основоположником нашей теории урбанизации. Ему тогда нужен был сотрудник и он, пообщавшись со мной и, если не ошибаюсь, прочитав мой многострадальный реферат, хотел взять меня к себе в сектор, но тогдашний директор ЦНИИП градостроительства (это был В. Н. Белоусов) не захотел брать в свой институт человека с дипломом художника декоративного искусства. Мне и в ЦНИИЭП жилища не раз кололи глаза тем, что я не архитектор по диплому. Тогда Л. Б. Коган сказал мне, что ему не хочется, чтобы отношения между нами определяли другие и что он готов общаться со мной на неформальной основе. Л. Б. Коган был тогда ещё не очень известен и заинтересован в собеседниках, учениках и последователях в этой, ещё далеко не признанной области знаний. Мне тогда повезло, что я мог приобщаться к теории урбанизации непосредственно в личном общении с её главным нашим представителем. Кстати, как вскоре выяснилось, моя мама была хорошо знакома и с отцом Л. Б. Когана проходившим по «делу врачей» Борисом Борисовичем Коганом, и с его дядей Михаилом Борисовичем Коганом, который был у неё, кажется, даже научным руководителем. Он, в отличие от младшего брата, не дожил до «дела врачей» и не был арестован, а был оклеветан посмертно. Между прочим, как рассказывала мне когда-то покойная сестра Л. Б. Когана Владилена Борисовна, когда его отец был арестован по «делу врачей», Л. Б. Коган был даже исключён из комсомола за отказ осудить отца и лишь после смерти Сталина его восстановили в комсомоле. Потом он даже вступил в партию, хотя и признавался мне, что это — сделка с совестью. А отец его (в отличие от аполитичного дяди) был убеждённым старым большевиком и даже устанавливал советскую власть в Житомире на Украине. Более подробно я хочу написать о нём ниже.

Леонид Борисович Коган

1973 год ознаменовался для меня ещё одним интересным событием. Я, вместе с еще двумя своими знакомыми, был нанят создателем дендрохронологии Борисом Александровичем Колчиным летом того года на работу в Новгородскую археологическую экспедицию, благодаря чему прожил в Великом Новгороде целый месяц и исходил его вдоль и поперёк. В мою задачу входило делать планы раскопов и зарисовывать на них места находок. Мы (в отличие от студентов-историков) представляли собой нечто вроде «рабочей аристократии», жили прямо на территории экспедиции и питались за одним столом с начальством (включая Валентина Лаврентьевича Янина, который, хочется особо отметить, держался с младшими по статусу очень демократично). А однажды я даже видел приехавшего на раскопки живого А. В. Арциховского (открывателя и первого исследователя берестяных грамот). Раз в неделю для студентов-историков, к которым и мы присоединялись, устраивали экскурсии по городу, где гидом был сам В. Л. Янин. Слегка кокетничая, он говорил нам всем: «как вы знаете...» или «как вы помните...». Это было, конечно, большим авансом.

Валентин Лаврентьевич Янин

Кроме того, раз в неделю проводилось ознакомление с находками за неделю, на которых председательствовал тоже В. Л. Янин. Можно было подержать в руках вещи XII или XIII века, которые пускали по рукам. Начиналось всё с берестяных грамот (если они были на прошедшей неделе найдены). Сначала текст берестяной грамоты читался на языке оригинала, затем — в переводе на современный русский язык, затем — делалась интерпретация текста. Кстати, в то лето на усадьбе церковного иерарха была найдена берестяная грамота, начинавшаяся словами: «К Олисевию, ко гречину...», на основании которой (и последующих, найденных в этом комплексе) В. Л. Янин начал формулировать свою гипотезу об этом «Олисевии» (Елисее), как об авторе знаменитых нередицких фресок. В. Л. Янин, кстати, не раз говорил студентам о том, что для понимания смысла находок и реконструкции событий нужен междисциплинарный подход: надо проводить сопоставление и перекрёстную проверку данных, полученных из как можно большего числа разных источников: летописей, берестяных грамот, выводов дендрохронологии, изучения стилистики и других свойств материальных объектов и т. д.

Уже гораздо позже (где-то «на рубеже тысячелетий») я на какой-то конференции в Институте археологии РАН встретил В. Л. Янина. Я спросил его, помнит ли он меня, и он мне ответил, что помнит. А когда я рассказал об этом своему (теперь уже бывшему) сослуживцу по Институту Наследия (археологу по специальности), знававшему В. Л. Янина в более поздние времена, и выразил сомнение в том, что В. Л. действительно помнит меня (мне показалось, что В. Л. сказал мне это просто, чтобы мне было это приятно слышать), то тот мне ответил, что, скорее всего, В. Л. действительно помнит меня. «У Валентина Лаврентьевича хорошая память» — сказал он мне. Да и то сказать, я ведь тогда постоянно мелькал у В. Л. перед глазами и, к тому же, рисовал дружеские шаржи на некоторых участников экспедиции. При этой последней встрече я сказал В. Л., что занимаюсь урбанологией и предложил ему, бывшему в своё время редактором неплохой серии ежегодников «Русский город», что-то моё почитать. «Так ведь я уже не могу быть вам полезен», — сказал он, — «Эта серия уже не выходит». Я сказал, что мне от В. Л., строго говоря, ничего «практического» не нужно (я просто надеялся заинтересовать В. Л. своими писаниями) и поинтересовался причинами закрытия серии. И В. Л. рассказал мне довольно типичную для тех (впрочем, — и нынешних тоже) времён историю прекращения издания серии «Русский город». Оказывается, серию закрыли потому, что понадобились средства для издания совсем другой серии изданий, посвящённой, ни больше, ни меньше, — **СОВЕТСКОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ**. И вот, ради этой в научном отношении, в общем-то, ФИГНИ закрыли вполне приличную и полезную серию. Она была, на мой взгляд, очень полезна для изучения такого своеобразного (и, в отличие от западных городов, ещё до сих пор сравнительно мало изученного и во многих отношениях не вполне понятного) явления, как русский город.

Иконописный ангел
(по мотивам исследований М. В. Алпатова и лекций И. Е. Даниловой).
Я мог вспомнить это в Новгороде в 1973 году

Раздел 2. В пространстве воспоминаний

Воспоминания о И. Е. Даниловой, Г. А. Захарове, С. О. Хан-Магомедове и др.

Как я теперь понимаю, интерес к анализу архитектуры (и искусства вообще) как языка, а произведений архитектуры и искусства как текстов (а также города как языка и совокупности текстов) стал проявляться у меня задолго до знакомства с произведениями Ю. М. Лотмана и даже с его фамилией, и задолго до знакомства со словом «семиотика». Поэтому воспоминания о встречах с Ю. М. Лотманом, а ещё раньше с Ириной Евгеньевной Даниловой, Селимом Омаровичем Хан-Магомедовым и с другими замечательными людьми, с которыми мне посчастливилось быть знакомым, мне, по-моему, следует начать с их предыстории.

В 1966 году, когда я учился на вечернем отделении факультета интерьера, выставок и рекламы МВХПУ (б. Строгановское), я написал реферат по истории искусств «Эстетика и демократия», который очень понравился тогдашней преподавательнице истории искусств в «Строгановке», большому специалисту по искусству Ренессанса (особенно Кватроченто) в Италии (да и вообще, — по истории искусств) Ирине Евгеньевне Даниловой. Её лекции было очень интересно слушать и они дали мне немало. Кстати, в педагогической системе И. Е. Даниловой важную роль играло требование к студентам — не только конспектировать сами её лекции, но и зарисовывать в конспектах всё то, что она нам показывала в виде чёрно-белых диапозитивов. У меня до сих пор сохраняется общая тетрадь с конспектами её лекций и с зарисовками их иллюстраций. И. Е. Данилова была самым крупным искусствоведом, с которым мне довелось общаться лично. Позже она, уйдя из «Строгановки», много лет работала заместителем директора по науке в ГМИИ им. А. С. Пушкина. И. Е. Данилова даже говорила мне, что готова в будущем стать моим научным руководителем, если я, по окончании «Строгановки» и, конечно, успешной защиты диплома, поступлю в аспирантуру МВХПУ.

Ирина Евгеньевна Данилова

Интересно, что в одном из разговоров с И. Е. Даниловой я сказал ей, что ещё в Суриковской школе зачитывался упомянутым выше трёхтомником М. В. Алпатова (я тогда ещё не знал, что это был её учитель). При этом я сказал что-то в том духе, что там много сугубо личных и субъективных суждений и оценок. И с некоторым удивлением я услышал от неё, что именно ЛИЧНЫЙ взгляд и ЛИЧНЫЕ суждения автора — это и есть очень (или даже — самая) ценная вещь. Мы же все были воспитаны на «советском коллективизме» и «заточены» на его оценку в качестве безусловного достоинства. И вполне ли мы изжили это сейчас (хотя бы в сфере оценок произведений искусства)? Увы.

Мой реферат, в окончательной редакции которого я, кстати, ссылаясь на статью С. О. Хан-Магомедова «Клубы сегодня и вчера» в журнале «Декоративное искусство» в № 9 за 1966 год, был рекомендован к публикации в качестве статьи в Учёных записках МВХПУ и в 1967 году прошёл редактирование, получив название: «Эстетическое преобразование материальной среды в СССР в 1917–1937 гг. Это реферат был вдохновлён той атмосферой, которая на очень недолгий срок возобладала в промежутке (его иногда ещё называли «периодом культпросвета», т. е. просвета между двумя культами.), между снятием Н. С. Хрущёва, которому я, как и многие, не мог простить «вальпургиевых встреч» с творческой интеллигенцией в Манеже и т. д., хотя его снятие и вызвало у меня, как и у многих, известную тревогу, и началом культа Л. И. Брежнева и всего того, что позже было названо «застоем». Вскоре после снятия Н. С. Хрущёва в журнале «Декоративное Искусство», который я тогда выписывал и с интересом читал, появилась статья о том, что для того, чтобы судить об искусстве, надо в нём разбираться. Мне казалось, что уж теперь-то «расцветут сто цветов». Ну и я тоже решил «расцвести». Того, что вскоре последуют ещё более крутые «заморозки» и ещё более крутое «завинчивание гаек», чем при «позднем» Н. С. Хрущёве, я лично, пожалуй, не предвидел. Во всяком случае, я не предвидел масштабов «отката назад». Ведь, если встречи Н. С. Хрущёва с творческой интеллигенцией в Манеже и т. д. были первой на моей сознательной памяти реакцией, когда как в «Страшной мести» у Н. В. Гоголя мертвецы вставали из гробов, то в середине 1960-х годов начиналась вторая. А сколько их ещё было потом.

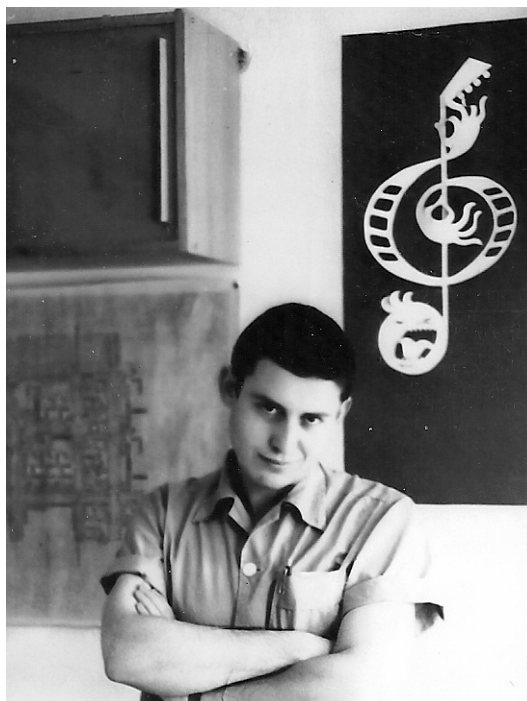
хрущёв

**Президент Академии художеств СССР Владимир Серов
(именно он особенно активно натравливал Хрущёва
на выставке в Манеже на «формалистов»)
и поэт-соцреалист Николай Грибачёв
(автор одиозно-кондового стихотворения «Нет, мальчики»)**

В ходе работы над рефератом я начал читать находившиеся в библиотеке МВХПУ подшивки журнала «Новый Леф» и, по совету кого-то из преподавателей, познакомился с искусствоведом Алиной (отчества не помню) Абрамовой, которая была тогда, пожалуй, главным специалистом по творчеству Владимира Евграфовича Татлина и его пропагандистом. У неё в гостях я читал произведения ЛЕФовских теоретиков и теоретиков «производственного искусства»: Б. И. Арватова, Н. М. Тарабукина, Б. А. Кушнера, Н. Ф. Чужака (автора термина «героический сервилизм») и т. д. Что-то, если память мне не изменяет, мне даже разрешалось брать и домой. Тогда, как мне рассказывали, в СССР приезжал известный западный теоретик дизайна Томас Мальдонадо, который очень интересовался и восхищался творчеством наших «производственников», особенно Б. И. Арватова. Там же я встретился однажды с известным популяризатором науки Даниилом Семёновичем Даниным, который читал вслух чью-то «самиздатовскую» статью, разоблачавшую «гнусную сущность» философа-марксиста, составителя двухтомника «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве» и весьма одиозного в моей «референтной группе» «борца с модернизмом» Михаила Александровича Лифшица, с которым, как я потом узнал, был дружен мой покойный дядя Гена (Генрих Иосифович Якуб). Интересно, что одним из главных обвинений автора зачитывавшейся Д. С. Даниным статьи в адрес М. А. Лифшица была его дружба с Дьёрдем Лукачем, одним из крупнейших, как теперь признают авторитетные исследователи, теоретиков-марксистов XX века (особенно — в области эстетики), заместителем и и. о. наркома по культурным делам Венгерской советской республики и комиссаром венгерской Красной армии в 1919 году. Позже он был венгерским академиком и министром культуры в правительстве Имре Надя.

Вместе с А. Абрамовой и какими-то иностранцами я был однажды на квартире у наследников Александра Михайловича Родченко в бывшем здании «Строгановки» и ВХУТЕМАСа на Мясницкой (тогда — улице Кирова), и мы смотрели хранившиеся у них рисунки и картины А. М. Родченко, которых в наших музеях и на наших выставках тогда увидеть было нельзя. А. Абрамова поощряла мои занятия, связанные с изучением наследия советского авангарда, предостерегая, правда, от излишней идеализации его деятелей и теоретиков, особенно Бриков. Но мои комментарии к произведениям моего тогдашнего кумира (и, несомненно, одного из крупнейших мыслителей XX века.) Антонио Грамши, которые я тогда ей зачитывал, её раздражали. Она считала, что меня с моим увлечением трудами А. Грамши, она произносила его фамилию с ударением на последнем слоге, заносит куда-то не туда и только отвлекает от изучения творчества советских авангардистов. Это был, пожалуй, первый в моей творческой биографии (но не последний) случай, когда я столкнулся с обвинениями в эклектическом смешении того, что мои наставники считали несовместимым.

Моё фото начала 1970-х годов с «бумажной скульптурой» как частью оставшегося не востребовавшим объявлением об устных журналах в ЦНИИЭП жилища, вдохновлённой, по-видимому, «Самозверями» А. М. Родченко.

На мой реферат были получены положительные отзывы преподавателя эстетики Иосифа Ароновича Масеева и, кажется, ещё кого-то из преподавателей. В марте 1967 года я прочитал развивавший идеи этого реферата доклад «О некоторых эстетических аспектах демократизации внешней культуры в СССР» на научной конференции МВХПУ, который, по предложению одного из студентов МАрХИ, присутствовавшего на этой конференции (Александра Косицкого), повторил в апреле того же года на научной конференции в МАрХИ. Оставалось только получить подпись ректора «Строгановки» для того, чтобы моя статья пошла в печать.

Но незадолго до этого у нас в МВХПУ сменился ректор. На смену ВХУТЕМАСовцу и, как я узнал недавно, любимому ученику А. М. Родченко В. З. Быкову, которому мой реферат мог импонировать, ректором стал один из главных «украшателей», член-корреспондент Академии архитектуры и Академии художеств, ярый сталинист Григорий Александрович Захаров. Он был персонально упомянут в известном постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 ноября 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Там было написано следующее: «Большая ответственность за отрыв архитектуры от насущных задач строительства ложится на Союз архитекторов СССР, бывшие руководители которого (т. т. Чернышёв, Рзянин, Захаров) не поняли необходимости устранения излишеств в строительстве и под флагом борьбы с конструктивизмом содействовали распространению этих излишеств». А в окончательной редакции моей статьи была ссылка на это постановление.

Григорий Александрович Захаров

Для того, чтобы лучше представить художественный вкус и политические симпатии Г. А. Захарова, надо назвать его самые известные большинству москвичей произведения. Он был автором двух станций московского метро: «Смоленская» («белая») и «Курская-кольцевая». Правда, о них мне говорили (кажется, это был И. А. Масеев), что в их проектировании большую роль играла жена и неоднократно соавтор Г. А. Захарова З. С. Чернышёва, которую некоторые считали более талантливым архитектором, чем её муж. А вот аляповатая колонна (а, точнее, — огромная капитель) на переходе с одной Курской на другую, у которой многие москвичи назначали свидания, уж точно являлась выражением его личного вкуса. А ещё он был автором постамента ныне убранного с бывшей площади Дзержинского памятника «железному Феликсу» (его ещё в московском городском фольклоре называли «флаконом», т. к. захаровский постамент напоминал флакон духов, а статуя Ф. Э. Дзержинского, изваянная

идейным единомышленником Г. А. Захарова Е. В. Вучетичем, — его пробочку). И уже гораздо позже он спроектировал довольно несуразный памятник защитникам Москвы на развилке Кутузовского проспекта и Дорогомиловского шоссе.

После постановления Г. А. Захаров был уволен с поста ректора МАрХИ и, по выражению И. Е. Даниловой, «приполз» преподавателем в «Строгановку». Потом он «вырос» до кафедрала и как раз в 1967 году стал ректором. Он (как и многие ему подобные после снятия Н. С. Хрущёва) жаждал реванша за все унижения прошлых лет. И тут ему на стол положили макет сборника с моей статьёй, написанной на основе реферата. Он расценил мою статью как пощёчину себе лично (и не без оснований.). Но я, будучи «вечерником» и, вообще, будучи мало знаком с архитектурной средой по своим родственным, учебным и служебным связям, ничего обо всём этом не знал. Я и в годы моей учёбы в МСХШ имени В. И. Сурикова не принадлежал к числу «детей одарённых родителей». И мне это там довольно часто давали понять.

К числу «детей одарённых родителей» в моём классе принадлежали, в частности, Женя Вахтангов, Вася Бубнов и Люба Решетникова. Вообще, в каждом классе примерно половину составляли «дети одарённых родителей», а половину — «плотва» вроде меня. Но, самый, пожалуй, известный сегодня мой одноклассник (и соученик по Строгановке) Франциско Инфанте-Арана (в школе и какое-то время в «Строгановке» он был просто Колей) к числу «детей одарённых родителей» не принадлежал. А когда несколько лет тому назад в Институте Сервантеса ему вручали звание академика Королевской Академии Кадиса, то представитель Академии обращался к нему (сыну комиссара по аграрной реформе в Испанской Республике): Дон Франсиско Инфанте-Арана. Красиво, да? И, кроме того, выходит, что «национальное примирение» в Испании действительно состоялось.

Франциско Инфанте-Арана

Помню, кстати, что мне «с большим чувством» рассказывала моя покойная мама про одно из тогдашних родительских собраний. Сам Фёдор Павлович Решетников на родительские собрания не ходил, но, когда на одном из таких собраний встал вопрос о том, что Люба Решетникова плохо учится и надо бы её оставить на второй год, то её мать, Лидия Исааковна Бродская, пейзажистка и дочь известного «вождейписца», сказала: «А папа — против». И вопрос был снят. Впрочем, недавно я услышал от моей тоже бывшей одноклассницы Ольги Петрочук, что в следующий класс Люба Решетникова была тогда переведена условно, а потом об этой «условности» как-то «забыли».

Впрочем, «несистемность», непринадлежность к какому-либо влиятельному клану, сословию или касте (одним словом, к какой-либо замкнутой привилегированной корпорации) всегда сильно влияли (как в негативном, так и в позитивном плане) на мою судьбу и на мою профессиональную и даже, более широко — на мою жизненную позицию. Думаю, что они продолжают сильно влиять на мою судьбу (на мою профессиональную и жизненную позицию) до сих пор. Видимо, это сыграло свою роль в том, что в круге моих научных интересов одно из важных мест сегодня занимает социология научных мафий (и так это было названо на нашем институтском сайте, пока я не был оттуда уволен), или, как я уточнил это недавно, социология научных и интеллигентских мафий и тоталитарных сект. Уже совсем недавно я получил наглядное подтверждение этой своей «невключённости» в ту систему корпоративно-клановых отношений, о которой я говорю и пишу в связи с этой проблематикой. Сказав своему бывшему сослуживцу по ЦНИИЭП жилища Александру Васильевичу Сикачёву, о том, что я не был знаком с женой Селима Омаровича Хан-Магомедова, я в ответ услышал, что довольно долго и с ним, и с ней работал именно там в одном отделе интерьера. Её, как я с удивлением узнал, звали Гема Николаевна Любимова. Думаю, что я был единственным сотрудником отдела, который этого не знал. И я не сразу даже вспомнил её внешность.

И вот, когда я был простужен и сидел дома, мне позвонила секретарша нового ректора и сказала, что он хочет со мной побеседовать. Я понятия не имел о том, какой характер может приобрести эта беседа и, помня о том, как мой реферат всем нравился, вполне мог предположить, что новый ректор хочет прочувствованно пожать мне руку. Но, приехав и войдя в кабинет ректора, я быстро избавился от иллюзий и заблуждений. Стоит, кстати, описать, используя «язык пространства» (то, что в науке называют проксимией, или проксемикой, как не совсем точно писали очень интересные, известные мне, как минимум, с 1979 года, но пока не известные, похоже, некоторым сотрудникам нынешнего Лотмановского фонда, выпускники тартуского университета, эстонские психологи и социологи: Мати Хейдметс (последний, кстати, насколько я помню, защищался в Москве под руководством Тамары Моисеевны Дридзе, а потом был ещё совсем недавно ректором Таллиннского университета, Тоомас Нийт и Юри Круусвалл), изменения в интерьере кабинета при новом ректоре, наглядно характеризовавшие тип его личности. При В. З. Быкове стол ректора стоял справа от входной двери и спиной к «входной» стене. При Г. А. Захарове стол уже стоял по оси кабинета прямо напротив входной двери как в тронном зале. Не хватало только ступеней, ведущих к трону. На столе у Г. А. Захарова лежали мой реферат и моё личное дело.

Я сел по эту сторону стола в стоявшее справа кресло боком к Г. А. Захарову. «Я прочитал Ваш реферат», — сказал Г. А. Захаров. «Это что, Ваша позиция?». «Ну, в общем, да», — ответил я. И тут началось. Он (не дав мне даже времени испугаться) начал говорить, а порой просто орать, так, что до меня через стол долетали брызги его слюны. Он заявил, что мой реферат направлен против советского искусства, одним из самых ярких представителей которого он, несомненно, считал себя самого. Он, в частности, говорил: «А Вы знаете, что было бы, если бы Ваш реферат был напечатан в наших «Учёных записках»? Он мог бы попасть в ЦКаа» (я пытаюсь передать в письменном виде его иезуитские

интонации). Говоря эти слова, Г. А. Захаров многозначительно указал пальцем на люстру. «Его бы стали там очень внимательно читать. И спросили бы: «А что это за Вуз такой, в котором могут публиковаться такие рефераты, и не пора ли его прикрыть?». («Прикрыть» Вуз из-за студенческого реферата после смерти Сталина и ухода на пенсию Хрущёва, — это был явный перебор. Даже я тогда, при всей своей неопытности, это понял). При этом он всячески давал мне понять, что все преподаватели, которые ранее положительно оценивали мой реферат, давно уже от меня отмежевались, можно сказать предали и продали меня (это, как потом выяснилось, было сильным преувеличением, о чём я уже тогда тоже сразу догадался). Он, кстати, прямо спросил меня: «Вас этому что, Ваши преподаватели учат?» (надо было, видимо, назвать фамилии). «Да нет» — простодушно ответил я — «Я сам так думаю». Кажется, я ещё (довольно нахально с точки зрения Г. А. Захарова) добавил, что это, по-моему, общепринятая точка зрения.

У меня, как я позже, рационализируя задним числом ситуацию, понял, было три варианта поведения. Первый — упасть на колени и покаяться. Это, всё равно, ничего бы не дало: вышвырнули бы с позором. Второй — прямо в глаза сказать ему всё, что я о нём думал. Но его мог хватить удар (он, судя по цвету лица и шеи, был склонен к апоплексии), а меня потом могли бы обвинить в том, что я его убил. И, наконец, третий вариант подсказала мне обстановка нашего разговора. Мы сидели с Г. А. Захаровым по обе стороны стола в мягких креслах, и я интуитивно стал переводить весь разговор в плоскость беседы двух коллег об искусстве и науке. То есть, слегка утрируя ситуацию, можно сказать, что он почти кричал мне: «Я тебя съем.», а я ему отвечал: «Простите, коллега, но я не совсем согласен с Вашей трактовкой некоторых аспектов и положений моего реферата». А Г. А. Захаров, по самой своей сущности, был поклонником, привычной ему ещё по сталинским временам и снова ставшей у нас в «нулевые» годы модной, «властной вертикали», и совершенно не понимал и не допускал даже возможности «горизонтально-партнёрских» (сейчас я сказал бы: «реципрокных») отношений между ректором и студентом (да ещё вечерником). Упорно переводя разговор из вертикальной плоскости в горизонтальную, я принуждал его как бы «играть на чужом поле».

Был в нашей беседе ещё один забавный (сегодня) момент. Я тогда, не прочитав ни одной строчки Л. Д. Троцкого, был, как я уже потом (много позже) понял, «стихийным троцкистом». Это было заметно и в моём реферате, в моих рассуждениях о мелкобуржуазной стихии, как социальной предпосылке эстетики сталинизма (представляю, в какую ярость это «объяснение» должно было привести Г. А. Захарова), в моём противопоставлении «хороших» 20-х и «плохих» 30-х годов. Это умонастроение, проявившееся, например, в фильме Марлена Хуциева «Застава Ильича», кто-то ещё в годы перестройки назвал «романтическим троцкизмом». Кстати, И. Е. Данилова, при всей положительной в целом оценке моего реферата, в беседах с глазу на глаз не без оснований упрекала меня в вульгарном социологизме, который, правда, и привёл меня, в конечном счёте, в социологию и семиотику города. Как я уже писал выше, я именно в то время начал ходить в Политехнический музей на лекции А. Г. Харчева, Б. Ц. Урланиса, И. С. Кона, Б. В. Ольшанского, и т. д., был этой проблематикой очень увлечён, и отличать социологический подход к искусству от вульгарного социологизма научился не сразу. Но ведь Г. А. Захаров-то, который был постарше меня и сам

беспощадно боролся со всякими «оппозициями», мог узнать в сидевшем перед ним нахальном студенте-еврейчике (да ещё вечернике) буквально «воскресшего Троцкого».

И, при этом, что было особенно пикантно, он в ходе разговора ставил мне в пример «правильной», т. е. не «левацкой», архитектуры своего, как я много позже узнал, учителя, известного в своё время ленинградского архитектора академика-неоклассика (у него, впрочем, были и вполне конструктивистские здания, которые Г. А. Захарову, видимо, не нравились) Ноя Абрамовича Троцкого, у которого, кстати, (и в отличие от Льва Давидовича), эта фамилия не была псевдонимом. В этой связи стоит вспомнить историю, которую я слышал, когда работал в ЦНИИЭП жилища. В 1937 году был проведён конкурс на проект памятника С. М. Кирову для Ленинграда. И, когда вскрыли конверт, чтобы огласить список участников победившего на конкурсе авторского коллектива, то на весь зал прозвучал просто замечательный для 1937 года набор фамилий: скульптор Томский, архитектор Троцкий, инженер Бронштейн. Некоторое время в зале стояла гробовая тишина, а потом, всё-таки, раздались аплодисменты.

После часа взаимно утомившей нас беседы, Г. А. Захаров, наконец, сказал: «Вот я с Вами уже целый час беседую, а Вы мне всё ещё ничего не сказали». На что я ему удивленно ответил: «А что я должен был Вам сказать»? А ведь я, по его мнению, должен был назвать сообщников по «антисоветскому заговору», явки, пароли и т. д. А уж он бы, «разоблачив заговор», смог бы «на белом коне» вернуться в МАРХИ и, наконец, взять реванш за все унижения. Но — нашла коса на камень. Я думаю, что за всю свою жизнь Г. А. Захаров не встречал более непонятливого собеседника. В конце концов он сказал: «Ладно. Идите, занимайтесь». И я ушёл. И только, когда я сел на трамвай и поехал к «Соколу», до меня стало доходить, насколько плохо моё положение. Мне грозили: исключение из «Строгановки» с «волчьим билетом», исключение из комсомола, и, несомненно, увольнение с работы. А я работал тогда художником-оформителем в «закрытом» Институте биофизики Минздрава СССР. То есть, полная катастрофа в самом начале жизненного пути. И ведь я не мог поделиться всем этим с мамой: её бы хватил удар.

Уже после возвращения домой я стал звонить знакомым преподавателям, чтобы сориентироваться в ситуации. Из разговоров с ними я ещё более ясно понял, что мне грозит. Между прочим, когда я спросил у И. А. Масеева, почему он меня не предупредил, он мне ответил: «Я боялся, что Г. А. Захаров заметит, что ты был предупреждён». Это меня просто изумило. Я не удержался и спросил его: «А если бы я от неожиданности не выдержал и сломался? Что было бы с Вами? Даже не со мной, а с Вами и со всеми теми, кто мой реферат хвалил?» Уж не помню, что он мне ответил.

Кстати, позже, придя в 1970-м году вторично (после одного года работы в мастерской Алексея Сергеевича Образцова в 1964-м году) в ЦНИИЭП жилища, я познакомился с работавшей там женой Иосифа Ароновича Масеева Анной Иосифовной Масеевой (её недавно не стало), которая сказала мне, что она была в курсе всей этой истории, но не обижается на меня за то, что из-за всей этой «заварухи» вокруг моего реферата (а, значит, отчасти, и из-за меня самого) её муж должен был уйти из «Строгановки». Впрочем, И. Е. Данилова меня ещё тогда предупреждала, чтобы я особенно не корил себя за то, что создал проблемы

И. А. Масееву. Она говорила, что Г. А. Захаров И. А. Масеева всё равно выгонит просто потому, что он — страшный антисемит. В каком же подлом мире мы жили (и живём), если обладателя огромных знаний в области философии, эстетики и искусствознания, ветерана войны, парашютиста-десантника и участника лыжных рейдов по фашистским тылам в самом юном возрасте (их сбрасывали на парашютах вместе с лыжами), фотография которого висела в «Строгановке» на доске ветеранов Великой Отечественной Войны, можно было «всё равно выгнать». Вообще, я уже гораздо позже услышал о том, что «Строгановка» имела «социальную репутацию» чуть ли не самого антисемитского Вуза в Москве. И угораздило же меня поступить в своё время именно в неё.

Но И. Е. Данилова, будучи сама человеком в очень большой степени сосредоточенно-замкнутым и кабинетным, говорила мне и о том, что И. А. Масеев по натуре, как она выразилась, «бедокур», а мне она советовала, всё-таки, ориентироваться на более «серьёзную», углублённую и «академическую» деятельность в науке, если я хочу в будущем в ней работать и чего-то существенного добиться. Соответствовал ли я в своей дальнейшей научной деятельности этой её (и многих других в высшей степени достойных людей, не раз советовавших мне, примерно, то же самое) ориентации на строгий академизм? Вряд ли. Боюсь, что «человек действия» (моя жена обязательно поправила бы меня и сказала бы: дурак) ещё не раз брал во мне верх над кабинетным исследователем.

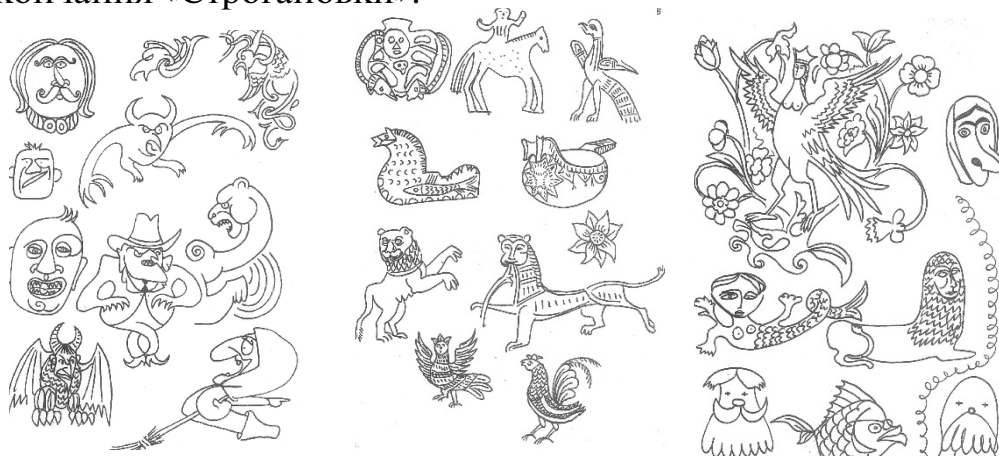
Позже, уже окончив «Строгановку», я, по приглашению, кажется, А. Б. Матвеевой, бывал раза три в Пушкинском музее на организованных И. Е. Даниловой семинарах, на которых выступали: будущий известный автор «Категорий средневековой культуры» (и многого другого), главный, пожалуй, популяризатор у нас французской школы «Анналов» Арон Яковлевич Гуревич, читавший её, видимо, первую редакцию, и не менее (если не более) известная переводчица совсем ещё не известного мне тогда Гилберта Кийта Честертона и многих других «неправильных» иностранных авторов Наталья Леонидовна Трауберг, анализировавшая поэтику его произведений. Кстати, я уже совсем недавно узнал из Google о том, что она была хорошо знакома с другом Иосифа Бродского и учеником Ю. М. Лотмана Томасом Венцловой (с которым я познакомился в июне 2011 года в Таллинне на Третьих Лотмановских чтениях) и его окружением. До чего же, всё-таки, тесен мир и тонок слой. Кроме того, как я узнал недавно от заместителя директора по науке НИИ искусствознания Николая Андреевича Хренова, он через жену находится в родстве с Н. Л. Трауберг и двумя кинорежиссёрами из этого рода. Выступал там и искусствовед Борис Ионович (Боб) Бродский с докладом об Эль Лисицком, о котором я писал в своём многострадальном реферате. На семинарах этих было очень интересно, хотя и не всё мне тогда было понятно (это не значит, конечно, что я теперь так уж хорошо всё понимаю). Жаль, что потом обстоятельства не позволили мне ходить на эти семинары ещё.

Вы уже несколько раз в нескольких контекстах упомянули работы Ю. М. Лотмана, не помните, кто первым обратил Ваше внимание на них?

Стоит, ещё отметить, что именно И. А. Масеев был первым, кто в начале 1970-х годов привлёк моё внимание к семиотике и к творчеству Ю. М. Лотмана. Он буквально заставил меня купить его книгу «Анализ поэтического текста»,

когда мы с ним случайно встретились в Доме книги на Калининском проспекте. Я сначала не мог понять, зачем мне, человеку, интересующемуся архитектурой и дизайном, читать про анализ поэтического текста (о существовании универсальных законов построения художественных текстов я тогда ещё не задумывался). «Ну, купи» — наседал И. А. Масеев — «Тебе что, денег жалко?» И потом, когда я купил и прочитал эту книгу, а потом и другие произведения Ю. М. Лотмана, я был очень благодарен И. А. Масееву за то, что он помог мне выйти на ту стезю, по которой, отчасти, я иду и до сих пор. Стоит, кстати, отметить, что после этой «истории» практически все мои сторонники среди преподавателей ушли. Институт стал вполне «захаровским», каким он, скорее всего, в той, или иной степени, остаётся и сейчас.

На кафедре истории искусств на моей стороне была Ирина Евгеньевна Данилова. На одном из двух педсоветов, на которых Г. А. Захаров пытался добиться моего осуждения, она говорила, что её подкупил революционный пафос в моём реферате, (а ведь его там и вправду было навалом). Моей сторонницей была и ещё одна преподавательница истории искусства Анна Борисовна Матвеева. Был ещё один хороший преподаватель Александр Калимович Чекалов (он у нас преподавал русское народное и прикладное искусство), который, был человеком несомненно талантливым и интеллигентным. Но он был уж очень хрупок и нежен для нашей жестокой жизни. В этой ситуации он не выдержал давления сверху и сломался, о чём я очень жалел не столько из-за себя, сколько из-за него самого: ему это не принесло ничего хорошего. Для Г. А. Захарова и его собутыльников и шестёрок он своим всё равно не стал, а те преподаватели, которые мне сочувствовали, перестали его уважать. Те, кто поддерживал с ним отношения после этой истории (а прожил он после неё недолго и умер, в общем-то, совсем молодым), говорили мне, что он в последние годы жизни находился в глубоком психологическом кризисе. Кстати, мне говорили, что после его смерти в «Строгановке» были даже «Чекаловские чтения». Между прочим, А. К. Чекалов говорил нам на лекциях, что, вопреки романтическим воззрениям, очаги народных промыслов противостоят преобладающему вокруг них морю (или потоку) энтропии. То есть он был близок к тому информационно-семиотическому взгляду на искусство и подходу к его изучению, который я стал усваивать уже после окончания «Строгановки».

**Вариации на тему русского народного искусства
(по мотивам лекций А. К. Чекалова)**

Стоит, я думаю, в этой связи привести самое «семиотическое» место из моего реферата.

Ведь, не зная тогда ещё ни слова «семиотика», ни фамилии Ю. М. Лотмана, я в этом своём реферате пытался анализировать язык архитектуры. Вот этот замечательный пассаж со слегка исправленной орфографией: «В 20-е годы архитектура эмоционально воспитывала нового человека. Сдержанная цветовая гамма, чёткие прямые линии и гладкие плоскости как бы дисциплинировали, подтягивали человека, и, в то же время, асимметричность плана и цветовой разделки стен, отсутствие предвзятой «классической» схемы как бы показывали, что это разумная, осмысленная дисциплина, не сковывающая и подавляющая человека, а наоборот, создающая ему все удобства для выполнения тех или иных функций. В 30-е годы направление «воспитания» изменилось. Абстрактная, холодная, функционально не оправданная симметрия и тяжеловесная помпезность вызывали у человека ощущение чьей-то силы, диктующей свою высшую непонятную волю, и, как бы в виде компенсации за подчинение этой воле, человека угощали вычурной роскошью. И, хотя эти перемены мотивировались требованиями народа, подлинные мнения и потребности трудящихся равнодушно обходились».

Позже, когда я дал прочитать свой реферат преподавательнице истории искусства в «Строгановке» А. Б. Матвеевой, то, дойдя до этого места, она не удержалась: «Слушайте, это Вы сами придумали?» «Да» — простодушно ответил я — «А что?». Стоит, ещё сказать, что в этом абзаце машинисткой была допущена опечатка, и, вместо слова «воле» было напечатано слово «волк». «Это надо исправить, а то скажут, что Вы советских людей волками обзываете», сказала А. Б. Матвеева.

Любопытно (и очень важно было для решения моей судьбы), что на моей стороне оказался зав. кафедрой марксизма-ленинизма, д-р филос. наук Грант Левонович Епископосов, который вовсе не был заинтересован в том, чтобы его обвиняли в недостатке идеологической бдительности на его кафедре, да и, кроме того, он терпеть не мог Г. А. Захарова, который и кандидатом-то не был, хотя членом-корреспондентом упразднённой в 1950-х годах Академии архитектуры был. Кроме того, на моей стороне была ещё одна преподавательница с этой кафедры, имени и отчества которой я не помню, но помню, что её фамилия была Козлова. Она уже после начала всей этой заварухи, написала по просьбе Г. Л. Епископосова на мою статью положительный отзыв, признав, правда, односторонний характер трактовки и оценки разных архитектурных эпох и течений. Это и стало, как бы, консолидированной позицией кафедры марксизма-ленинизма. Но ведь от «односторонней трактовки и оценки», продиктованных, по версии Г. Л. Епископосова, молодостью и студенческой горячностью автора, до «контры» и «идеологической диверсии», которые усмотрел в моём творчестве Г. А. Захаров, была ещё «дистанция огромного размера». Но были на этой кафедре и мои противники, например преподавательница политэкономии Харитоновна (имени и отчества её я уже не помню). Надо отметить, что А. Абрамова, сначала обещавшая мне поддержку в этом конфликте, потом, всё-таки, чего-то испугалась и «отдрейфовала» в сторону. После этого мы с ней уже не встречались.

Вообще-то, я тогда ещё плохо представлял себе, что время уже, что называется, «покатилось назад». Хотя вся эта история происходила на фоне прошедшего в 1966 году процесса над Юлием Даниэлем и Андреем Синявским, исключения

из КПСС Бориса Шрагина и ещё кое-чего очень плохого (о многом я тогда просто не знал), я связи между всем этим и моей «историей» тогда ещё по наивности и невежеству не понимал. Между прочим, И. Е. Данилова мне говорила, что, может быть, в знак протеста против всего этого безобразия, из «Строгановки» уйдет знаменитый искусствовед, культуролог, историк и теоретик искусства Михаил Владимирович Алпатов, который тоже у нас был совместителем. Это, как я недавно выяснил, на самом деле произошло, и если к моей судьбе ещё в студенческие годы приложил руку сам великий М. В. Алпатов, чьей, изданной в 1948–1955 годах, трёхтомной «Всеобщей историей искусств» я зачитывался ещё в Суриковской школе, то я, пожалуй, могу одним этим гордиться всю оставшуюся жизнь. Кстати, я прочитал сравнительно недавно, к сожалению, что М. А. Алпатов внёс самобытный вклад в теорию т. н. «структурного анализа» искусства, или «структурного метода». Его известнейшим представителем был Ганс Зедльмайр. Этот «структурный метод», правда, не следует путать с собственно структурализмом и с семиотическим подходом к искусству и культуре, привлёкшими моё внимание в 1970-х годах, побудившими меня читать произведения Ю. М. Лотмана и других его представителей, познакомиться с самим Ю. М. Лотманом и вызывающими у меня глубокий интерес до сих пор. Я полагаю, что и в своих исследованиях мне удаётся применять эти методы и подходы.

Пропуская промежуточные подробности, перейду к самому главному для изложения этой истории. Стало ясно, что выиграет в этом конфликте тот, кто «подбросит» его выше. А тот, кто опоздает, будет потом доказывать, что он «не верблюд». А Г. А. Захаров уже связался с райкомом КПСС. Сочувствовавшие мне преподаватели (кажется, это была А. Б. Матвеева) дали мне телефон студенческого отдела ЦК ВЛКСМ. Я позвонил туда. Трубку сняла секретарша. Я сказал, что хочу попасть на приём к заведующему студенческим отделом. Первый вопрос: «Вас что, выгоняют?». Я ответил, что если и не буквально так, то что-то в этом роде. Она мне назначила день и час, и по комсомольскому билету я прошёл на приём к заведующему студенческим отделом, фамилию которого я не помню. Помню только, что он был уже явно не комсомольского возраста. Когда я вошёл к нему в кабинет, у него уже сидел молодой человек атлетического телосложения в сером костюме. Хозяин кабинета спросил меня: «У Вас конфиденциальный разговор?». Я ответил: «Мне всё равно». Молодой человек в сером костюме остался сидеть. Я сказал, что я написал реферат по истории искусства, который был рекомендован к публикации в Учёных записках МВХПУ, но он не понравился новому ректору, который не только не хочет его публиковать, но и обвиняет меня в том, что мой реферат содержит «идеологические извращения». И теперь, сказал я, из-за моего реферата преследуют всех преподавателей, которые положительно его оценивают.

Я сказал, что, по моему глубокому убеждению, ни идеологических, ни каких-либо иных «извращений» в моём реферате нет, и что обвинения Г. А. Захарова для меня, как для комсомольца, глубоко оскорбительны. Решив идти на максимальное обострение ситуации, я сказал, что сейчас я уже и сам не пойму, какой характер носит этот конфликт: научный, политический или уголовный. У парня в сером костюме отвалилась челюсть. Я сказал, что принёс свой реферат и попросил взять его на экспертизу и дать заключение о его идеологической направленности. Заведующий, в некотором замешательстве, сказал, что

вряд ли они могут дать заключение такого рода о моём реферате. Но потом он вспомнил: «Вот скоро придёт наш инструктор Володя Абуладзе, он у нас курирует творческие вузы. Поговорите с ним. Может быть, он займётся Вашим вопросом». Я стал ждать, понимая: «Или пан, или пропал», и опасаясь встретиться с бездушным функционером, которому будет на меня наплевать.

Когда, наконец, этот Володя (отчества его я так никогда и не узнал) Абуладзе пришёл, у меня на душе отлегло. Это был нормальный человек вполне интеллигентного, хотя тоже уже не совсем комсомольского, вида. Он сразу заговорил с кем-то о том, что только что был в ГИТИСе на дипломном спектакле, что ребята и девчата так хорошо играли, что даже преподаватели этого не ожидали. В общем, это был не просто комсомольский функционер, каких там и тогда и, тем более, потом, конечно, было большинство. Он согласился взять мой реферат на экспертизу и потом принял благоприятное для меня решение по нему, согласованное, как я узнал позже, лично с тогдашним первым секретарём ЦК ВЛКСМ и членом ЦК КПСС С. П. Павловым. Забавно, что этот конфликт, как у нас это часто бывает, начавшийся как идеологический, приобрёл некоторые черты конфликта межнационального. Все мои противники были русскими, а среди моих сторонников были: еврей И. А. Масеев, армянин Г. Л. Епископосов и грузин В. Абуладзе. Так что на моей стороне был, можно сказать, почти «весь многонациональный советский народ».

И в этой связи я и хочу вспомнить первое, если угодно, «практическое» соприкосновение с творчеством Селима Омаровича Хан-Магомедова. Когда я давал Володе Абуладзе мой реферат, я сказал ему, что у нас наиболее авторитетным специалистом по архитектуре и дизайну 20-х годов является Селим Омарович Хан-Магомедов и что он может с ним проконсультироваться. Но Володя Абуладзе не зря работал в аппарате ЦК ВЛКСМ. Он почувствовал, что удельный вес инородцев среди моих сторонников, включая его самого, и так зашкаливает, и сказал, что он и без этого моего «Шаха» разберётся. И потом, когда я, не вполне понимая специфику межнациональных отношений в «стране всеобщего братства народов», снова предлагал ему, всё-таки, проконсультироваться с С. О. Хан-Магомедовым, он не раз называл Селима Омаровича вместо Хана «Шахом». Я думаю, что он делал это нарочно. Чувство юмора у него было развито неплохо. Гораздо позже, когда я увидел фильмы Тенгиза Абуладзе, я не раз думал, что он мог быть родственником знаменитого кинорежиссёра. Но поднять против Г. А. Захарова весь Кавказ мне тогда не удалось. Вслед за мной в ЦК ВЛКСМ потянулись и другие преподаватели из «Строгановки». Однажды я там застал и Г. Л. Епископосова. Он говорил этим ребятам: «Надо действовать. В какое время мы живём?». Я думаю, что после ввода наших танков в Чехословакию он бы этих слов уже не сказал. Его могли бы неправильно понять.

И вот, когда Г. А. Захаров готовился собрать уже третий педсовет для того, чтобы осудить, наконец, большинством голосов мой реферат (а раньше ему это сделать не удавалось: голоса дважды разделялись пополам), ему позвонил Володя Абуладзе и попросился на приём. Они, как говорил мне потом по телефону Володя Абуладзе, проговорили ТРИ ЧАСА. Как я потом реконструировал эту беседу по рассказам преподавателей, со мной Володя Абуладзе считал делиться подробностями непедagogичным, в ходе беседы Володя предложил Г. А. Захарову заглянуть в мой реферат, чтобы уточнить какое-то место. «У меня нет реферата»,

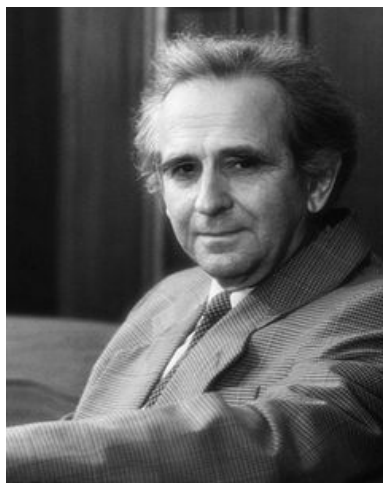
ответил Г. А. Захаров. «А где он?» спросил Володя. «Он в райкоме КПСС» ответил Г. А. Захаров. «А как он туда попал?» спросил Володя. И тут Г. А. Захаров понял, что переборщил и, что называется, «выпустил пар». Это, кстати, было интересно ещё и потому, что наглядно показало: ЦК ВЛКСМ «весил», всё-таки, больше, чем райком КПСС. Тут было бы интересно сопоставить мои наблюдения с содержанием известной книги Симона Гдальевича Кордонского «Рынки власти», в которой приводились даже таблицы «весовых соответствий» разных структур и уровней отечественной власти в советский и постсоветский период.

А спустя несколько месяцев наши танки вошли в Чехословакию, после чего сложилась совсем другая ситуация и в идеологии, и во многом другом. Надо честно признаться и в том, что я тогда тоже далеко не сразу понял подлинный зловещий смысл этого события и его неизбежные роковые последствия. Уж слишком основательно у меня (как и у многих) были «промыты мозги» нагнетавшейся в наших СМИ истерией в связи с «угрозой завоеваниям социализма». Для осознания всего этого мне понадобились годы. Я, как и многие, воспринимал нашу политико-идеологическую реальность, если так можно выразиться, фрагментарно: что-то видел более, или менее, ясно, а чего-то другого (вроде бы рядом находившегося) как бы и не видел вовсе, или видел в каком-то тумане. Но, на моё счастье, мой «вопрос» был уже решён, а в таких структурах, как ЦК ВЛКСМ к одному вопросу, как правило, дважды не возвращались. Но кто сейчас в МАрхИ знает, что я тогда как Александр Матросов своим телом заслонил и МАрхИ, и, в каком-то смысле, всю советскую архитектуру от второго пришествия Г. А. Захарова? И кому это сейчас там интересно?

В конечном счёте, уже после того, как мой вопрос был решён в ЦК ВЛКСМ в мою пользу и вышвырнуть меня из «Строгановки» с «волчьим билетом» Г. А. Захарову не удалось, я решил уже сам познакомиться с Селимом Омаровичем Хан-Магомедовым, которого действительно считал самым авторитетным специалистом в изучении русского архитектурного авангарда 20-х годов. Мне было интересно его мнение о моём реферате. Я познакомился с ним и дал ему прочитать, по-моему, не сам реферат (читать большой текст он, как мне помнится, не захотел, во всяком случае на нём его пометок нет), а текст доклада в МВХПУ и в МАрхИ, на котором он оставил свои пометки. Он сразу, прочитав название реферата, сказал, что сопоставление через тире двух таких дат, как 1917 и 1937 год, вообще-то, «бестактно». Его пометки на тексте моего доклада можно прочитать. Главный вывод в конце: «Есть мысли, а в общем **схема**, что пугает в начинающем исследователе». Каким же «безбашенным» я тогда был, если своим радикализмом «напугал» даже Селима Омаровича? Он мне тогда сказал, что Г. А. Захаров — один из самых талантливых «украшателей» (тут я с таким специалистом, как он, спорить не мог), и что именно 1937 год не был в архитектуре особенно важным. По его словам, те процессы, о которых я писал в своём реферате, начались раньше его и продолжались позже. Он ещё сказал мне, что он не любит, когда автору всё ясно, и что с годами человек всё чаще начинает употреблять слова: «по-видимому», что, как я уже тогда начал понимать и теперь ещё лучше понимаю, совершенно верно. Впрочем, сегодня я, в своё оправдание, могу процитировать (приблизительно и по памяти) слова Г. К. Честертона о том,

что, хотя человек увлечённый может неправильно осветить какую-либо проблему, расставить не те акценты, но человек холодный и равнодушный может не заметить и самой проблемы.

Второй раз мы соприкоснулись с Селимом Омаровичем в 1976 году, после того, как в Институте теории и истории архитектуры обсуждался сборник «Архитектура и проблемы среды» с моей первой опубликованной статьёй «О простоте и индивидуализации облика массовой жилой застройки (информационно-семиотический аспект)», где у меня был, как сказал мне редактор сборника А. В. Рябушин, «сплошной Лотман». Я тогда был сильно увлечён семиотикой вообще и Ю. М. Лотманом в частности. В этой статье я писал о том, что сегодня простота архитектуры 20-х годов, поставленная «на поток» в ходе массового жилищного строительства, уже приводит к однообразию и информационному голоду.

Селим Омарович Хан-Магомедов

Я не был на обсуждении этого сборника в ЦНИИТИА, но говорил с Селимом Омаровичем после него. Он мне сказал, что сейчас многие молодые люди (он имел в виду и другого автора этого сборника Владимира Паперного), увлекаясь новыми методами и подходами, объективно невольно смыкаются с консерваторами-академистами в критике авангардной архитектуры 20-х годов. Его тогда это смущало. Теперь, как я тогда его понял, я в его глазах, объективно сместился уже на правый, консервативно-академический, фланг.

В третий раз наши пути с Селимом Омаровичем пересеклись в 1980-х годах. Он тогда работал во ВНИИТЭ, и я посещал его семинары в филиале ВНИИТЭ в Хилковом переулке. Их так и называли: «хановские семинары», и они были очень популярны среди самых разных специалистов: архитекторов, дизайнеров, искусствоведов, гуманитариев, социологов, психологов и т. д. Там выступали в разное время А. В. Иконников, И. Г. Лежава, А. В. Боков, Г. Л. Демосфенова, В. М. Розин, И. А. Добрицына, Г. Л. Лебедева, Л. В. Переверзев, Г. С. Раппапорт, О. И. Генисаретский, А. Б. Гофман, А. Г. Левинсон, А. Г. Вишневский, Л. А. Гордон, И. В. Бестужев-Лада, Т. М. Дридзе, Э. А. Орлова, М. И. Бобнева, Н. М. Римашевская, В. Л. Райков, В. Л. Глазычев, В. И. Переведенцев, А. С. Ципко, Г. С. Померанц, и многие другие известные люди. Как я совсем недавно узнал от своего одноклассника по Суриковской «школе для детей одарённых родителей» и однокурсника по «Строгановке» уже упоминавшегося выше Франсиско

Инфанте-Арана, он тоже там дважды выступал. Посещение этих семинаров многим давало представление о том, что происходит в смежных дисциплинах. Жаль, что этот «жанр» уже никто не продолжает сейчас.

Я выступал на этих семинарах дважды и именно там 10 апреля 1986 года я «застолбил» в качестве названия основанного мной нового научного направления термин «аксиологическая география» или «аксиогеография». Несколько распечаток планов работы этих семинаров у меня сохранилось, и я передал их ксерокопии в музей Московской архитектурной школы Ларисе Ивановне Ивановой-Веэн. Кстати, именно Селим Омарович в ходе обсуждения моего доклада подсказал мне не раз повторявшиеся в моих публикациях слова о том, что на юго-западе Москвы расположен самый дорогой после Центрального Черёмушкинский рынок, который является таковым ещё и потому, что рыночные торговцы давно заметили: «интеллигенция не торгуется». В моей статье в «Известиях» «География престижа: диалектика неравенства. Расслоение столицы по классовому признаку началось ещё в СССР. Сегодня этот процесс идёт быстрее», опубликованной 6 мая 2003 года, её редактор Виктория Леонидовна Волошина даже вынесла эти слова в заголовок одной из главок. Кроме того, комментируя мои рассуждения о визуальной и социальной привлекательности юго-западного сектора Москвы и о непривлекательности её юго-востока, он говорил, что въезжая в Москву на своей машине, он старается ехать не по Варшавскому шоссе, хотя это и ближе, а по Ленинскому проспекту, потому что по «Варшавке» ехать неприятно (по сторонам всё очень некрасиво), а по Ленинскому проспекту ехать гораздо приятнее (там застройка более привлекательная).

Я вообще, когда выслушивал после своих выступлений суждения о своей работе, собирал всё, что могло как-то дополнить, оживить и «расцветить» живыми подробностями моё несколько суховатое изложение. Так, например, слова о том, что западная ось развития центра Москвы: «Кутузовский проспект — Фили — Кунцево — Крылатское» именуется в московском городском фольклоре «филейной частью Москвы» были мне подсказаны главой знаменитой Сенежской студии, одним из отцов-основателей журнала «Декоративное искусство» и одним из самых наших главных дизайнеров (и организаторов процесса становления отечественного дизайна) Евгением Абрамовичем Розенблумом. В одном из найденных мной в интернете текстов он охарактеризован как «самый неординарный музейный дизайнер-профессор Международной академии архитектуры» и лауреат Государственной премии РФ, который именно из МАрхИ уходил на фронт. О чём, кстати, в самом МАрхИ, как я убедился, многие уже не помнят.

Евгений Абрамович Розенблум

И уже совсем недавно (около года тому назад) я узнал от Алексея Алексеевича Клименко о том, что ещё в 1960-х годах С. О. Хан-Магомедов сделал открытие, о котором он молчал лет двадцать. Он обнаружил, что автором проекта Мавзолея В. И. Ленина был вовсе не Алексей Викторович Щусев, а, как я первоначально неправильно понял, какой-то французский еврей. А. В. Щусев в то время вёл по несколько проектов и, построив до революции около десятка церквей, не имел особых причин симпатизировать В. И. Ленину. Но Сталину уже тогда то, что автором победившего на конкурсе проекта оказался еврей, совсем не понравилось. Он распорядился, чтобы фамилию подлинного победителя убрали и заменили фамилией А. В. Щусева. И те, кому это было поручено, бритвочками выскабливали фамилию подлинного автора и вписывали фамилию А. В. Щусева. А С. О. Хан-Магомедову пришлось о своём открытии помалкивать лет двадцать, потому, что, если бы он что-то «выкнул», то его бы исключили из КПСС и выгнали с работы в Центральном НИИ теории и истории архитектуры (ЦНИИТИА), где он руководил одним из подразделений. И уже позже Григорий Исаакович Ревзин мне разъяснил, что я понял А. А. Клименко неправильно. Как он мне сообщил, автором Мавзолея был француз не по подданству, а по фамилии. Это был сотрудник мастерской А. В. Щусева Исидор Аронович Француз, который ещё в 1991 году приходил в ЦНИИТИА жаловаться на свою судьбу.

Начало знакомства с трудами Юрия Михайловича Лотмана

Именно в 1970-х годах я попал под «перекрёстное опыление» (частично опосредованное, а частично — прямое) по-настоящему крупных учёных в тех областях, в которых чуть позже и сам стал профессионализироваться. Второй (после урбанологии) областью моих тогдашних интересов стали структурализм и семиотика. Купив в 1972 году, по совету И. А. Масеева, «Анализ поэтического текста» Ю. М. Лотмана, я начал заказывать в третьем зале «Ленинки» и читать его же «Структуру художественного текста» и другие его и других авторов работы по семиотике. В том числе читал я и тартуские семиотические сборники), отдавая, всё-таки, предпочтение более популярно написанным текстам. От тех времён у меня сохранился довольно забавный своего рода раритет: телефонная книга с надписью «Алфавит», в которой в алфавитном порядке мной были выписаны из разных изданий урбанологические и (по большей части) структуралистско-семиотические термины. Ещё одним из «источников вдохновения» того времени были для меня книги М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», с заимствованной из которой идеей «гротескного тела» нас ещё в Строгановке знакомила на лекциях по истории искусства Ирина Евгеньевна Данилова, и, особенно, «Проблемы поэтики Достоевского», заимствованную из которой идею диалогичности и полифонии я попытался использовать «прикладным» образом в статье «Монолог или диалог?», которую я в 1973 году хотел поместить в журнале «Декоративное Искусство», но Л. Б. Коган отсоветовал мне её туда предлагать как «сыроватую» и был, вероятно, в этом прав.

В 1976 году я опубликовал в сборнике «Проблемы теории советской архитектуры», подготовленной в ЦНИИТИА, но изданной под маркой ЦНИИП градостроительства, свою первую напечатанную статью «О простоте и индивидуализации облика массовой жилой застройки (информационно-семиотический аспект)», в которой я попытался применить семиотическую методологию

к восприятию людьми массовой жилой застройки. Учитывая то обстоятельство, что это была не только моя первая попытка использования информационно-семиотических методов к анализу восприятия архитектуры, но и вообще моя первая публикация, с которой у меня связаны некоторые сентиментальные воспоминания, перескажу основные мысли этой статьи поподробнее.

Я писал в этой статье: «Информационно-семиотические методы анализа структуры художественных произведений раскрывают внутренний смысл трансформации, которую претерпели характерные... аспекты так называемого «современного стиля» в архитектуре. Речь идёт о стирании эффекта новизны простых, лаконичных форм, о превращении их в скучные, не вызывающие живого отклика общие места». И далее, ссылаясь на опубликованную в 1970-м году книгу Ю. М. Лотмана «Структура художественного текста», я писал, о том, что механизм этого процесса «в общем виде» был сформулирован Ю. М. Лотманом. Указывая на подвижность и взаимосвязь двух начал художественного творчества: художественного языка, под которым подразумевается принятая в данном искусстве «коммуникационная система, пользующаяся знаками, упорядоченными определённым образом», и художественного сообщения, под которым понимается данное конкретное художественное произведение, называемое иначе «художественным текстом», Ю. М. Лотман писал: «Проследивая процесс функционирования художественного произведения, мы не можем не отметить одну особенность: в момент восприятия текста мы склонны ощущать и многие аспекты его языка в качестве сообщения, формальные аспекты семантизируются, то, что присуще общекоммуникационной системе, войдя в специфическую структурную целостность текста, воспринимается как индивидуальное. В талантливом произведении всё воспринимается как сделанное *Ad hoc*. Однако в дальнейшем, войдя в художественный опыт человечества, произведение, для будущих эстетических коммуникаций, всё становится языком, и то, что было случайностью содержания для данного текста, становится кодом для последующих».

«Именно такая судьба, — писал я тогда, — постигла такие аспекты революционной и особенно прогрессивной на первых этапах своего развития «современной архитектуры» как простота, лаконичность, конструктивность, функциональность и т. д., которые сформировались в процессе протекавшего в 20-х годах нашего века в советской и мировой архитектуре обновления архитектурного языка».

Иная ситуация, на мой взгляд, сложилась к концу 60-х — началу 70-х годов в процессе превращения этих явлений в условиях распространения массовой, индустриальной жилой застройки в обычную практику. В связи с этим приобрело особую актуальность исследование природы простоты в художественном произведении. Ключом может послужить понятие художественного «минус-приёма», определяемого как неупотребление, изъятие ожидаемого элемента, его **значимое отсутствие** в структурном положении, подразумевающим его присутствие. Эту ситуацию недопустимо сводить к такой, где отсутствующий элемент невозможен и не ожидается.

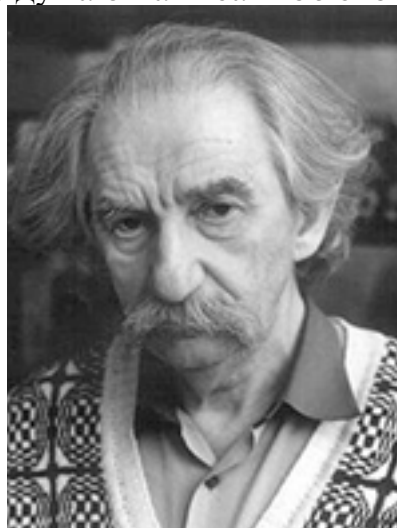
«Соотнесённость неупотреблённого элемента — минус-приёма — со структурой читательского ожидания, а его, в свою очередь, с величиной вероятности употребления в данном конструктивном положении текстуально зафиксированного элемента делает и информационную нагрузку несёт минус-приём, величиной

вполне реальной и измеримой» — цитировал я Ю. М. Лотмана, предлагая мысленно заменить слово «читательское» каким-нибудь иным, более подходящим для восприятия архитектуры. И далее я писал о трактовке проблемы минус-приёма как часть более общей проблемы — конструктивной роли значимого нуля, семантического значения паузы, измерение той информации, которую несёт художественное молчание.

В свете этих положений мне представлялось весьма важным понять роль исторически меняющегося контекста, в котором живёт произведение архитектуры, роль того, что Ю. М. Лотман называл внетекстовыми связями на уровне художественного сообщения и что в архитектурном лексиконе обобщается понятием «среды». В этом отношении я обращал внимание на позаимствованную из книги Ю. М. Лотмана «Анализ поэтического текста», мысль, что подлинная художественная простота представляет собой в структурном отношении «явление значительно более сложное, чем «украшенность». И, в качестве теоретического вывода, я писал о том, что «простота» в советской авангардной архитектуре 20-х годов воспринималась как «сообщение», а не как «язык». А в архитектуре массовой жилой застройки 1960-х и последующих годов эта поставленная на поток «простота» уже утратила свойство сообщения и сама превращалась в сплошной «минус-приём», в «минус-архитектуру».

Знакомство с Юрием Михайловичем Лотманом

Я решил выслать сборник с этой статьёй Ю. М. Лотману в Тарту и в дальнейшем старался держать Ю. М. Лотмана в курсе моей работы. А летом 1977 года я впервые побывал в Тарту и познакомился с Ю. М. Лотманом лично. Это личное знакомство продолжалось 11 лет (последний раз я побывал у Ю. М. Лотмана в декабре 1988 года). Начиная с 1977 года, и на протяжении довольно длительного времени, я взял за обыкновение отдыхать летом в Пярну, куда ездил через Таллинн, который тогда тоже неплохо знал. И, когда погода портилась, я ехал в Тарту и там заставал (или не заставал) Ю. М. Лотмана дома, или (реже) в университете. Предупреждать Ю. М. Лотмана о своём приезде я не мог, т. к. телефона у него в квартире долгое время не было. Несмотря на свою занятость, Ю. М. Лотман обычно уделял мне около 15-ти минут и это общение много мне давало. Я уже давно думаю написать об этом поподробнее.

Юрий Михайлович Лотман

Надо сказать, что во время посещений Тарту я обязательно заходил в университетскую книжную лавку. Там можно было посмотреть и купить издания ТГУ. Это были не только труды по русской и славянской филологии. Кстати, «Труды по знаковым системам» в Тарту вообще нельзя было купить, их можно было только заказывать по почте. Покупал я там иногда и сборники трудов по востоковедению, включавшие, в частности, статьи уже не печатавшегося в других советских изданиях Григория Соломоновича Померанца. Особенно мне понравилась его статья «Теория субэкумен и проблема своеобразия восточных культур» (в сб.: Труды по востоковедению, III, Тарту, ТГУ, 1976). Теорию субэкумен, позаимствованную из этой статьи, я пытаюсь развивать в своей так и не напечатанной до сих пор монографии «Аксиологическая география (аксиологическая топология) культурного пространства на рубеже тысячелетий». В этих трудах по востоковедению можно было найти не только статьи Г. С. Померанца. Там напечатали, например, статью о Чингисхане ещё далёкого от нынешнего (на мой взгляд, уже сильно преувеличенного) признания Льва Николаевича Гумилёва. Более того, там печатали даже статьи фигуранта известного показательного антибуддийского процесса (последнего, насколько мне известно, антирелигиозного процесса советской эпохи), неоднократно судимого и умершего в лагере Бидия Дандаровича Дандарона. Дандарон был, как я узнал позже, сыном ламы-философа Доржи Бадмаева. Мальчик был признан перерождением хамбо-ламы Джаягсы-гагана настоятеля комплекса Кумбум в Тибете, посетившего Бурятию в 1894-м и 1910 годах. В июле 1921 года духовный лидер бурятских буддистов Лубсан-Сандан Цыденов, провозгласивший на землях хоринских бурят теократическое государство, передал Дандарону титул Царя Учения — Дхармараджи. Можно себе представить, какие несчастья это навлекло на него в советские времена. В лагерях Дандарон познакомился с европейской философией, так его старшим товарищем стал профессор философии В. Э. Сеземан. В своих книгах Дандарон синтезировал буддизм с достижениями современной ему науки и представлениями европейских философов. Один из сборников Трудов по востоковедению (Т. 2, ч. 2, Тарту, 1973) со статьёй Дандарона «Содержание мантры ОМ—МАНИ—ПАД—МЭ—ХУМ» я даже купил, но практически ничего в этой статье не понял. Кстати, во время раскручивания «дела Дандарона», был допрошен известный индолог и один из соратников Ю. М. Лотмана по семиотическим исследованиям Александр Моисеевич Пятигорский. А основоположник научной ориенталистики в Эстонии Линнарт Эдуардович Мялль, в связи с процессом над Дандароном, был даже уволен в 1974 году из Тартуского университета.

Можно было в книжной лавке ТГУ приобретать и довольно интересные тогда для меня университетские сборники трудов по психологии. В частности, меня заинтересовали работы тех молодых эстонских психологов и социологов, которые занимались близкими мне проблемами восприятия пространства и городской среды. С некоторыми из них я примерно в это время познакомился лично (Мати Хейдметс и т. д.). Жаль, что я тогда (и позже) не воспользовался случаем и не познакомился с Марью Лауристин, что мне советовала сделать неплохо знавшая её Тамара Моисеевна Дридзе. Уже позже (в 1981 году) я познакомился с ещё одной довольно интересной исследовательницей из ТГУ, экономгеографом

Тийной (Вальдековной если по русскому обычаю добавлять отчество) Райтвийр. Но о моих довольно длительных отношениях с эстонскими психологами, социологами и географами стоит, я думаю, позже написать отдельно.

Надо сказать, что продавщица в университетской лавке (уже немолодая женщина) явно видела во мне «оккупанта». Она упорно «не желала понимать» русскую речь, которую она, торгуя книжками и на русском языке, конечно, понимала. Мои попытки, здороваясь с ней на эстонском языке, «утеплить» отношения, по-моему, ничего не давали. Но сам Тарту в его старой части (небольшой, зелёный университетский городок немецкого типа с черепичными крышами) мне тогда очень нравился. Ещё в первый свой приезд в Тарту я размышлял о том, что, поселившись под одной из этих черепичных крыш, можно было бы написать что-нибудь «нетленное», вроде «Критики чистого разума». Что касается национальных проблем, то, как я слышал, и самому Ю. М. Лотману приходилось сталкиваться с их спецификой в Эстонии.

Если в Ленинграде он после университета не смог трудоустроиться как еврей, то в Тарту он для некоторых своих эстонских коллег был прежде всего русским и, в каком то смысле, — «оккупантом». Мне рассказывали (за достоверность рассказа я не ручаюсь), что однажды, на каком-то чествовании Юрия Михайловича, ректор ТГУ, возможно думая поставить Ю. М. в сложное положение, обратился к нему с речью на эстонском языке, которым, по его мнению, Ю. М. не владел. И каково же было его удивление, когда Ю. М. произнёс ответное слово на хорошем эстонском языке. Надо сказать, что Ю. М. с пониманием и сочувствием относился к стремлению эстонцев к восстановлению национальной независимости, что особенно ярко проявилось в годы перестройки и после неё.

Между прочим, ещё при первой встрече в 1977 году я спросил Ю. М. Лотмана, что он посоветовал бы мне почитать о семиотике архитектуры и о семиотике города. Первым его вопросом было: «На каких языках вы читаете?» Я смутился и промямлил, что вообще-то я учил французский, но и им владею неважно. «Жаль» — сказал Ю. М. Лотман. «Есть немало интересного на эти темы на польском и на чешском языках». Я не помню точно, но не исключено, что он уже тогда упомянул Яна Мукаржовского, тексты которого он, возможно, уже тогда переводил и позже издал сначала в одном из своих семиотических сборников, а ещё позже, — в серии «История эстетики в памятниках и документах». Во время этого первого нашего разговора я спросил мнение Ю. М. об одной своей культурологической концепции, в которой и сегодня мне видится нечто рациональное, но не лишённой некоторого вульгарного социологизма. Суть этой концепции заключалась в том, что восходящие социальные группы (не помню, употребил ли я слово «классы») склонны к экстраверсии, находящие своё наилучшее выражение в рассчитанных на зрительное восприятие изобразительно-пластических искусствах (живописи и т. д.). А нисходящие социальные группы тяготеют к интроверсии находящей своё наилучшее выражение в видах искусства, рассчитанных на слуховое восприятие, и, прежде всего, — в музыке. Иллюстрировал я свою концепцию переходом от Ренессанса к искусству более позднего времени в Италии и, кажется, в Германии. «А куда вы тогда денете Данте?» — спросил меня Ю. М. И он стал мне говорить о том, что (вопреки Гегелю, сравнившему искусство с клапаном, но который давит пар), создание

художественных текстов подчинено гораздо более сложным законам. И вообще, как я потом не раз замечал, Ю. М. обычно не упускал случая покритиковать Гегеля и похвалить Канта. А одному моему тогдашнему знакомому он прямо сказал: «Читайте Канта. В нём истоки всей семиотики». Правда, он сделал это в разговоре с моим знакомым с глазу на глаз. Публично предпочитать Канта Гегелю, стоявшему ближе к Марксу, было тогда нежелательно. Кстати, я тогда связи между идеями Канта и семиотикой какое-то время не понимал. И только позже, прочитав написанную Арсением Гулыгой биографию Канта в серии ЖЗЛ (это, наряду с написанной Натаном Эйдельманом биографией Лунина, была одна из лучших книг этой серии) и поняв именно из этого популярного издания какое значение в теории познания Канта играли «схемы» как «синтез чувственности и рассудка», я понял эту связь.

Был во время одной из наших встреч ещё один эпизод, непосредственно относившийся к урбанологии. Я как-то сказал Ю. М. что моим первым научным учителем в урбанологии был Л. Б. Коган, который, если не ошибаюсь, году в 1971-м (совместно с А. С. Ахиезером и О. Н. Яницким) опубликовал программную статью о проблемах урбанизации, научно-технической революции (и рабочего класса, конечно.) в «Вопросах философии», о чём я Ю. М. тоже сообщил, полагая, наверное, что ему это не известно. «Я её читал» — ответил Ю. М. Так что резонанс у этой статьи был действительно очень широким и междисциплинарным. Но был в нашем общении как-то и один забавный эпизод, свидетельствовавший о том, что разнообразие и междисциплинарность моих интересов Ю. М. явно недооценивал. Как-то, когда я был у Ю. М. дома, покончив со своими основными в беседах с Ю. М. архитектурно-урбанистическими сюжетами и видя, что весь стол у Ю. М. завален книгами и бумагами, я спросил у него, над чем он сейчас работает. «Это вам не интересно. Это — комментарии к «Евгению Онегину» — ответил Ю. М. Я тогда промолчал, но, кажется, слегка обиделся. Ведь когда эти комментарии были уже изданы и поступили в продажу, я не только сам их купил, но и пропагандировал их среди своих знакомых и сослуживцев.

Во время одной из моих первых встреч с Ю.М. я спросил его о том, как он оценивает вышедшую в издательстве «Мысль» в 1974 году посмертно (и весьма резонансную тогда) книгу одного из основоположников советской социальной психологии Бориса Фёдоровича Поршнева «О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)». Эта книга и меня тогда очень заинтересовала и увлекла своей необычной (особенно по тогдашнему времени) концепцией. Мой интерес к ней был подогрет ещё и тем, что Л. Б. Коган рассказал мне о драматической предыстории её выхода в свет. По словам Л. Б. Когана, эта книга ещё при жизни автора была подготовлена к печати и набрана, но потом её набор был рассыпан главным образом по вине одного из членов редколлегии доктора философских наук Х. Н. Момджяна, усмотревшего в ней уклонение от ортодоксального марксизма-ленинизма. После этого, по словам Л. Б. Когана, Б. Ф. Поршнев умер от инфаркта, а книгу снова набрали и издали уже после смерти автора. И в кратком предисловии от издательства было написано: «По ряду вопросов в книге излагаются взгляды, не являющиеся общепризнанными в науке». Эта формулировка Л. Б. Когана просто возмутила. «Какой смысл публиковать книгу, если в ней излагаются уже общепризнанные в науке взгляды?» — возмущался он. Правда, когда я уже значительно позже беседовал

на эту тему с Тамарой Моисеевной Дридзе, она сказала, что она присутствовала, по крайней мере, на одном из выступлений Б. Ф. Поршнева, и на неё он произвёл не самое благоприятное впечатление своей некоторой прямолинейностью и почти фанатизмом. Его манера говорить напоминала ей человека из военной среды. И вот, когда я спросил мнение Ю. М. об этой книге Б. Ф. Поршнева, то он сказал, что, хотя в ней чувствуется хорошее знание англосаксонской литературы по проблематике палеопсихологии, но, по его словам, Б. Ф. Поршнев был специалистом, всё-таки, в совсем другой области. Его, сказал Ю. М., настоящей специальностью, в которой он вполне владел материалом, была история Франции XVII века, особенно времён Фронды. Надо сказать, что именно по этой тематике Б. Ф. Поршнев написал первую прочитанную мной (и очень понравившуюся мне тогда) свою книгу. Это была изданная в серии ЖЗЛ очень ярко и темпераментно написанная биография Мелье, в которой Б. Ф. Поршнев довольно убедительно доказывал, что именно Мелье был первым, кто (на самой заре Просвещения) соединил в одной системе взглядов атеизм, революционность и коммунизм. Вот бы ему у нас сейчас от наших охранителей не поздоровилось.

Между прочим, я тогда осторожно заметил Ю. М., что сейчас нередко исследователи выходят за рамки своей основной специальности, и это порой бывает интересно. Я не сказал прямо о выходе самого Ю. М. за пределы филологии к семиотике и культурологии, но он угадал эту мою мысль сам. «Да, я вот тоже часто пишу о том, что выходит за пределы моей базовой специальности, а о том, что входит в её пределы, что-то давно не пишу» — тут же признал он. Для Ю. М. вообще были свойственны очень быстрые реакции и вообще очень стремительный «полёт мысли», за которым нелегко было поспевать. Он в своих рассуждениях часто как бы «перепрыгивал через три ступеньки». Он и физически был очень стремителен, порывист и подвижен. И почерк его тоже отражал эти черты его характера.

Надо сказать, что позже (на рубеже 1970-х и 1980-х годов), когда я уже познакомился с Тамарой Моисеевной Дридзе и стал с ней регулярно общаться, я понял, что в семиотике существуют разные школы, представители которых, скажем так, «не совсем признают» друг друга. В частности, сама Тамара Моисеевна в качестве семиотика принадлежала совсем не к «лотмановской» (тартуско-московской, или московско-тартуской) школе. Сама она называла область своих основных научных интересов, вращавшихся вокруг социально-коммуникационных проблем того, что она называла «донесением коммуникативного намерения», сначала лингвопсихосоциологией (или лингвосоциопсихологией), а затем — семиосоциопсихологией. Ей, насколько я помню и понимаю, было гораздо ближе то понимание семиотики, которое, в частности, излагалось в вышедшей ещё до перестройки и уже тогда прочитанной мной популярной книжке Ю. С. Степанова «Семиотика». Кроме того, она первой у нас стала переводить семиотические труды Чарльза Морриса.

Так вот Тамара Моисеевна вообще не считала то, что делал Ю. М. Лотман, семиотикой. Она мне в этой связи рассказывала, что и Ю. А. Левада ещё тогда, когда она у него работала в ИКСИ, доверительно говорил ей, что то, что делает Ю. М. Лотман, это, вообще-то, — не семиотика, а некая социальная философия, скорее замаскированная под семиотику. И, даже если это хотя бы отчасти и было так (я сам об этом судить не берусь), то Ю. М. Лотмана можно было понять.

Ведь разрабатывать какую-либо иную философию, кроме марксистско-ленинской, у нас тогда было практически нельзя. А на философском факультете МГУ (и не только там) Ю. М. Лотмана и так обвиняли в том, что он «протаскивает» в нашу науку и, в частности, в нашу теорию познания, созданную Гельмгольцем и осуждённую В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» «теорию иероглифов». Между прочим, эта «теория иероглифов» сегодня может считаться экспериментально подтверждённой на нейрофизиологическом уровне.

Тамара Моисеевна Дридзе

Вспомнил, в этой связи, несколько позитивистский анекдот советских времён: Что такое наука? Это когда люди в тёмной комнате с завязанными глазами ищут чёрную кошку. Что такое философия? Это когда люди в тёмной комнате с завязанными глазами ищут чёрную кошку, которой там нет (причём, они знают, что её там нет). Что такое марксистско-ленинская философия? Это когда люди с завязанными глазами делают то же, что и во втором случае, но время от времени кричат: «Вот она! Вот она!».

А, например, крепко памятный старшему поколению гуманитариев Юрий Яковлевич Барабаш, информацию о котором можно найти в «Википедии»⁴ годами создавал себе имя в научно-партийных кругах, «принципиально критикуя» Ю. М. Лотмана. Помню название одного из его творений в этом жанре (единственного, кстати, которое я из любознательности прочитал): «Алгебра и гармония: о методологии литературоведческого анализа». Я тогда и не знал, обладателем какого числа официальных чинов и регалий был автор этой небольшой книжки. Но каково же было тогда хотя бы и всемирно известному профессору из Тарту Ю. М. Лотману противостоять в нашем официальном информационном пространстве этому, можно сказать, «партийно-научному генералу».

Надо сказать, что критика Ю. М. Лотмана с разных сторон и позиций была тогда вообще в большой моде. Так, например, покойный Вячеслав Леонидович Глазычев, с которым у меня с давних пор складывались вполне приличные отношения, в своё время не удержался и поместил в журнале «Декоративное искусство» уж очень сильно проработочно-идеологизированный критический разбор вышедшего в 1972 году в издательстве «Мир» сборника переводов «Семиотика и искусствометрия», составленный и отредактированный Ю. М. Лотманом и В. М. Петровым, в котором, в частности, была помещена имевшая широкий

⁴ Барабаш Юрий Яковлевич (р. 1931), с

и российский литературовед и публицист.

научный резонанс и очень пригодившаяся мне впоследствии статья Ч. Осгуда, Дж. Суси и П. Танненбаума «Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам». Надо сказать, что, как я узнал впоследствии, Т. М. Дридзе широко использовала в своих исследованиях эту методику. В. Л. Глазычев был вообще довольно противоречивой личностью. Он и внешне часто и на многих производил впечатление человека холодного и высокомерного, и я лично был очень растроган той неожиданной для меня теплотой, с которой он в 2002 году написал мне отзыв о моих работах. Будучи человеком умным и (возможно, именно поэтому) часто просто циничным, он неоднократно колебался между соблазнами «встраивания в систему» со всеми преимуществами этого «встраивания» (членство в Общественной палате и т. д.) и презрением умного человека к тем конкретным персонажам, из которых эта система реально состояла.

Вячеслав Леонидович Глазычев

Впрочем, В. Л. Глазычев, судя по его рассказам, порой был способен и на весьма «несистемные» и смелые поступки. Он, например, рассказывал, что его в своё время вызывали в «компетентные органы» и просили что-нибудь рассказать об очень талантливом искусствоведе Игоре Наумовиче Голомштоке, находившемся у них «в разработке». И. Н. Голомшток (с которым я, к сожалению, лично знаком не был и многие сведения о нём почерпнул недавно из Википедии) был автором (совместно с А. Д. Синявским) вышедшей в 1960 году и первой после революции книги о Пикассо, получившей положительную рецензию И. Г. Эренбурга. Как я узнал гораздо позже, большая часть её тиража впоследствии была арестована. Я эту книжку, к счастью, успел тогда купить. И ещё, я очень доволен тем, что у меня до сих пор сохранился изданный в 1962 году, в связи с памятной многим моим ровесникам выставкой в ГМИИ имени А. С. Пушкина, прекрасный альбом «Искусство древней Мексики», составителем и автором предисловия к которому тоже был И. Н. Голомшток. Летом 1964 года И. Н. Голомшток по приглашению такого крупного искусствоведа, как Виктор Никитович Лазарев читал курс лекций по современному западному искусству на искусствоведческом отделении МГУ. Из-за идеологических санкций советское искусствознание лишилось многих работ Голомштока. Во всех советских органах печати его имя попало под запрет. Это относилось как к будущим публикациям, так и к прошлым. Договор по книге об Иерониме

Босхе с издательством «Искусство» был расторгнут издательством. Та же участь постигла и договор о печати альбома картин Сезанна в «Авроре». Готовая книга «Эстетическая природа течений в современном зарубежном искусстве». — М., Искусство, 1964 год — была уничтожена и набор рассыпан. Большая статья об исторических взаимосвязях ремесла, искусства и дизайна, вошедшая в сборник научных трудов ВНИИТЭ «Техническая эстетика» № 2, была удалена (весь тираж пошёл под нож и потом был напечатан без статьи). И. Н. Голомшток был также вероятно первым переводчиком на русский язык знаменитого романа Артура Кёстлера «Мрак в полдень» (в издании перестроечных времён и в другом переводе — «Слепящая тьма») и его перевод циркулировал в самиздате. Он был также автором широко известной и изданной у нас уже через много лет после его эмиграции (в 1994 году) книги «Тоталитарное искусство».

Одной из причин санкций против И. Н. Голомштока было то, что он дружил с М. В. Розановой и А. Д. Синявским. В 1965 году он привлекался к суду по делу Даниэля-Синявского, «за отказ от дачи показаний» был приговорён к 6 месяцам принудительных работ (фактически — к крупному денежному штрафу), а в 1972 году эмигрировал в Великобританию, где сотрудничал с Русской службой Би-Би-Си. Он был также ответственным редактором журнала «Континент» и публиковался как в этом журнале, так и в журнале «Синтаксис». Я сейчас потратил довольно много времени на «реконструкцию» биографии известного мне только по публикациям и рассказам И. М. Голомштока ещё и потому, что это не только даёт, по-моему, более объёмную картину того времени. Это помогает мне сейчас, уже задним числом, лучше осознать (а, возможно, поможет понять и тем, кто этих времён лично уже не помнит), на каком конкретном фоне произошли (и как, в сущности, счастливо для меня закончились) и эпопея с моим многострадальным студенческим рефератом, и связанный с ним мой конфликт с И. Г. Захаровым. Кстати, особенно впечатляет, на мой взгляд, биография И. Н. Голомштока в сопоставлении с биографией Ю. Я. Барабаша.

Игорь Наумович Голомшток

Но возвращаюсь к рассказу В. Л. Глазычева. Он, по его словам, ответил «товарищам» из КГБ на их расспросы: «Видите ли, Голомшток — мой друг. И я не считаю возможным обсуждать своего друга с практически незнакомыми мне людьми». По словам В. Л. Глазычева, на этом разговор закончился без существенных последствий. А, вообще-то, как мне рассказывали сведущие люди, такой ответ мог иметь следующее типовое продолжение: «У вас мораль неправильная. Это — лже-мораль. Вы ставите личное выше общественного». На что можно было

дать столь же типовой ответ: «Пускай у меня мораль и «неправильная», зато — своя». Ну а уж последствия такого «обмена любезностями» зависели от общей ситуации, от характеров и даже от настроения тех, кто вызывал человека для такого разговора. Надо сказать, что и позже В. Л. Глазычев сделал немало полезного. Например, он, в качестве члена Общественной палаты, вместе с авторами опубликованного 22 июля 2007 года письма десяти академиков РАН Президенту России В. В. Путину «Позиция РПЦ МП: консолидация или развал страны?» выступил против очень беспокоящей и меня лично клерикализации российского общества (особенно системы образования) и нажил себе этим немало врагов. Впрочем, я думаю, что о В. Л. Глазычеве и о наших контактах с ним стоит написать позже и отдельно.

Но, возвращаясь к тому, о чём я писал выше, непросто мне было (и тогда, и потом) лавировать между не признававшими друг друга научными классиками, стараясь, по-возможности, и, конечно, несколько эклектически, аккумулировать всё ценное для меня у каждого из них и брать у всех что-либо полезное для себя и своей работы. Между прочим, во время одной из встреч с Ю. М. Лотманом, он, почувствовав, вероятно, мой тогдашний, уже несколько запоздалый, юношеский «революционаризм» (хотя мне было уже за 30), в довольно тактичной форме, обратил моё внимание на «корреляцию», как я сейчас бы сказал, революции и хулиганства. Это было для меня тогда довольно ново. О взглядах Ю. М. Лотмана на проблемы революции я (помимо чтения его научных трудов) довольно много узнал, попав однажды на его лекцию в ТГУ. Это было однажды зимой во время учебного года, когда я, приехав в Тарту в очередной раз без предупреждения и не застав его дома, пошёл на его лекцию в Университет. Интересным было начало лекции. Ю. М. вошёл в аудиторию с пачкой сочинений по предыдущей тематике. Перед тем, как оглашать оценки за сочинения, Ю. М. сообщил студентам критерии оценок: Хорошее знание материала + собственные мысли — «отлично», просто хорошее знание материала — «хорошо», удовлетворительное знание материала — «удовлетворительно» и, соответственно, неудовлетворительное знание материала — «неудовлетворительно». Затем он стал оглашать оценки. Больше тройки не получил НИКТО. Были такие оценки, как два с минусом и, кажется, даже КОЛЫ. И, судя по лицам студентов, для них в этом не было ничего нового. Но как же недовольно было, насколько я знаю, руководство ТГУ тем, что Ю. М. постоянно снижал им так важный тогда процент успеваемости. Вряд ли сейчас возможно в наших вузах что-либо подобное. А жаль.

Затем Ю. М. стал читать лекцию, посвящённую зарождению идеологии декабристов. Это было безумно интересно. Он рассказывал о том, как в России воспринимались идеи Просвещения, как потом, в ходе Революции, на смену ожиданиям просветителей и их русских и европейских последователей, пришло царство подозрительности, шпиономании и террора, а затем — наполеоновский деспотизм. Рассказывал он о перипетиях наполеоновских войн, событий Отечественной войны 1812 года и их восприятия российским обществом. Я мог бы и сейчас довольно подробно пересказать содержание этой лекции, но это займёт много времени и места. Хочу всё-таки упомянуть замечательный этюд о психологической эволюции личности императора Александра I, в отношении которого сначала (и особенно, — после Аустерлица.) никто не верил в наличие у него полководческих дарований (и он сам в это не верил). В начале Отечественной

войны 1812 года уверенность в том, что Александр I только мешает успешно командовать войсками была так велика, что его даже почти заставили удалиться из Ставки. Беннигсен сказал Аракчееву, что интересы Отечества требуют, чтобы Александр I покинул Ставку. На что последовал типично «аракчевский» ответ: «Чёрта ли мне в Отечестве. Скажите, Государь в безопасности?» Беннигсен ответил, что в действующей армии никто не может быть в безопасности. Аракчеев убедил Александра I удалиться и тот всю Отечественную войну 1812 года провёл в удалении от командования боевыми действиями. Это было для него очень унижительно. Но, во время Заграничного похода, уже после смерти Кутузова, он начал постепенно брать в свои руки руководство военными операциями, у него начало это постепенно получаться, стала появляться уверенность в себе и, **ВМЕСТЕ С УВЕРЕННОСТЬЮ В СЕБЕ**, неожиданно обнаружился полководческий талант. И в самом конце Заграничного похода именно Александр I настоял на том, чтобы обойти преграждавшие дорогу на Париж войска Наполеона и стремительно идти прямо на Париж. Сначала члены военного совета его отговаривали, указывая на большой риск. Но Александр I настоял на своём. Наполеон, поняв суть манёвра, бросился вдогонку, но опоздал: Париж капитулировал. Штурмовать собственную столицу Наполеон не стал и вскоре отрёкся от престола. И все признали, что практически бескровный финал кровопролитной войны — личная заслуга Александра I. Очень поучительная история.

Когда в 1978 году я составил свою первую анкету, посвящённую восприятию жителями массовой жилой застройки (в которой, в частности, использовал и методику искусствоведения), я и Ю. М. Лотману её показал. И он, посмотрев «паспортичку» моей анкеты, посоветовал мне ввести ещё один вариант ответа: «Я — потомственный москвич». И этот вариант ответа оказался полезным. А когда он смотрел вопросы, связанные со сравнительной лёгкостью поиска гостями дома по адресу (я сравнивал лёгкость поиска дома по адресу в разных новых жилых районах с точки зрения сравнения ориентирующей способности традиционной квартальной и вошедшей у нас в моду в 1960-х годах «свободной» планировки), то он мне рассказал, что в старину в Петербурге и в Москве адрес на конвертах писали по-разному. В Петербурге на конвертах писали формальный и «безличный» почтовый адрес, а в Москве — скорее описание маршрута: от кого к кому (с перечислением фамилий собственников домов и соседей) передавать письмо. Дело было в том, что почти однородно православная Москва территориально делилась, по средневековой традиции, на церковные приходы, где люди довольно хорошо знали друг друга, а Петербург, с его этнически пёстрым и многоконфессиональным населением и, в соответствии с петровской концепцией «регулярного государства», — на полицейские участки. Так что в Петербурге полицейский участок в некотором смысле, играл роль храма Божия. Кстати, через некоторое время, познакомившись с моими работами и, видимо, заинтересовавшись, Ю. М. предложил мне написать статью о моих исследованиях городской среды Москвы для предполагавшегося в редактировавшейся им серии «Труды по знаковым системам» сборника «Семиотика города и городской культуры. Москва». Но этот сборник, в отличие от самого моего любимого сборника из этой серии «Семиотика города и городской культуры. Петербург», вышедшего в 1984 году, почему-то, к сожалению, так и не вышел.

Кстати, когда я в 1980 году поместил в № 6 журнала «Жилищное строительство» свою статью «Массовая жилая застройка в оценках жителей» по материалам проведённого мной опроса, то при её редактировании произошёл любопытный эпизод. В этой статье говорилось, в частности, о том, что, по словам одного из моих респондентов, в новом (тогда.) московском жилом районе «Орехово-Борисово» (с ярко выраженной «свободной планировкой») машина скорой помощи целый час (в анкете было написано даже больше) не может найти дом по адресу, то редактор мне сказал: «Это надо убрать». «Почему?» — не понял я сначала. «Да вы что? — удивился редактор моему непониманию — За час человек десять раз может умереть. Получается, что там просто опасно жить, и этот жилой район вообще нельзя было заселять. А там уже живут тысячи людей. Если даже я и пропущу это место, его главный редактор не пропустит.». И, поскольку мне хотелось эту статью всё-таки опубликовать, пришлось согласиться на удаление этого места из статьи. И только в 1983 году в отчёте по хоздоговору для НИиПИ Генплана г. Москвы я написал об этом. Этот отчёт имел довольно длинное казённое название: «Обобщить теоретические разработки и эмпирические данные об оценке населения архитектурно-композиционных качеств жилой среды новых жилых районов Москвы с выводами и предложениями». И там, в отчёте, напечатанном в пяти машинописных экземплярах, из которых заказчик получил два, я (единственный раз.) всё-таки написал об этом. Позже у меня существенно изменилась тематика исследований, и, к большому сожалению, в открытой печати я нигде об этом жутковатом, в общем-то, (и социально значимом.) факте так и не написал.

Между прочим, в 1979 году в изданном ЦНИИП градостроительства сборнике «Проблемы формирования архитектурно-пространственной среды жилой застройки в различных градостроительных условиях» у меня вышла статья «Некоторые аспекты формирования индивидуального облика жилой застройки крупнейших городов». В этой статье я пытался аккумулировать урбанологические идеи Леонида Борисовича Когана (его статьи Культура и города в журнале «Архитектура СССР», 1973, № 1), Георгия Михайловича Лаппо (его книги «Рассказы о городах», Изд. 2-е, М., «Мысль», 1976) и Юрия Александровича Левады и его ближайших учеников В. М. Долгого и А. Г. Левинсона из их статьи «Урбанизация как социокультурный процесс» в «Вопросах географии», сб. 96 «Урбанизация мира», М., «Мысль», 1974) о природе урбанизации как генератора разнообразия, о накоплении индивидуальных черт в облике жилой застройки городов в ходе их исторического развития и напластования различных стилистических особенностей. Особенно мне нравились слова Г. М. Лаппо о том, что все без исключения крупнейшие города накапливают такое множество индивидуальных черт, что «воспринимаются как личности с чётко выраженным характером». И эти идеи я стремился соединить с семиотическими идеями Ю. М. Лотмана. Интересно, что, в данной внизу ссылке фамилия Ю. М. Лотмана была напечатана машинисткой с ошибкой и выглядела как «Лориан». А когда я пожаловался на это редактору сборника Н. М. Трубниковой, то выяснилось, что и она не знала даже фамилии Ю. М. Лотмана. В те годы известность Ю. М. Лотмана «в моих кругах» была ещё очень небольшой.

Я послал этот сборник Ю. М. Лотману. Уверенности в безукоризненности работы нашей почты (да, честно говоря, и в том, что Ю. М. нашёл время для чтения мой статьи.) у меня не было, а узнать его мнение мне очень хотелось. И, спустя какое-то время, я послал Ю. М. ещё одно письмо с вопросом дошёл ли до него моё предыдущее письмо со сборником и с моей статьёй. В 1980 году я получил от Ю. М. ответ. Это небольшое письмецо, написанное, к тому же, на очень красивой, цветной почтовой бумаге с изображением старинных башен Таллинна (Эстония вообще славилась изысканным дизайном.) — единственное письмо Ю. М. Лотмана в моём архиве и (при всём его небольшом объёме), по нынешним временам, по-моему, — раритет. Вот его текст:

Глубокоуважаемый коллега.

Большое спасибо за «Проблемы...», которые я своевременно получил. Вашу статью прочитал с интересом. Хотелось бы, однако, увидеть более подробный анализ факторов, работающих против индивидуализации, а также соотношение механизмов, действующих **за** и **против** индивидуализации.

Простите, что не сообщил Вам о своевременном получении в декабре 1979 Вашей работы – был очень занят.

Будьте здоровы

Ваш

Ю. Лотман

6/III80

Стоит, пожалуй, ещё отметить, что один из моих тогдашних приятелей, которому я показал это письмо, прочитав первые два слова, сразу начал смеяться. Слова: «Глубокоуважаемый коллега», обращённые таким знаменитым учёным, как Ю. М. Лотман, к 27-летнему автору лишь нескольких публикаций, выглядели как ОЧЕНЬ большой аванс. Мне тогда даже показалась в этом некоторая ирония. И только позже люди, лучше знавшие стиль общения Ю. М. Лотмана, мне объяснили, что никакой иронии тут не было. Просто Ю. М. Лотман был настолько хорошо воспитан, что мог так обратиться и к совсем молодому исследователю, и даже к студенту. Увы. Теперь, к сожалению, «хорошее старое воспитание» становится всё большей редкостью.

Что касается других членов семьи Ю. М. Лотмана, то я знал их очень мало. Лишь один раз я мельком виделся у него дома с его женой, Зарой Григорьевной Минц и с его младшим сыном-биологом Алексеем Юрьевичем. А вот со средним его сыном-художником Григорием Михайловичем (я говорил ему просто — Гриша) я однажды (приехав в очередной раз без предупреждения и не застав Ю. М.) проговорил довольно долго. Кстати, у него я видел написанный им маслом и очень похожий портрет Юрия Михайловича. Позже я от кого-то узнал, что Гриша во время реставрационных работ упал с лесов и разбился. Я тогда подумал, что — насмерть, но потом я узнал, что это было не так. Перед поездкой на состоявшиеся 3—5 июня 2011 года Третьи Лотмановские дни в Таллинн (их тема была мне очень близкая: «Семиотика города как культурно-исторического феномена» и мне до сих пор жаль, что мой доклад «Значение теории проводников социального взаимодействия П. А. Сорокина для семиотики города и развитие его концепции в российской урбанологии» не включили в программу), я узнал от модератора конференции Татьяны Дмитриевны Кузовкиной,

что Гриша, хотя тогда и сильно разбился, но остался жив и сейчас продолжает рисовать в Тарту. С его старшим сыном Михаилом Юрьевичем (филологом и главой Лотмановского фонда) я впервые встретился уже в 2011 году на упомянутых выше Третьих Лотмановских днях в Таллинне, но общего языка с ним мы как-то не нашли. Со старшей сестрой Ю. М. (филологом) Лидией Михайловной Лотман, которая, как я слышал, и вовлекла его в филологию, я не был знаком совсем, хотя один общий знакомый с ней у меня когда-то и был. Но, в своё время, я с большим интересом прочитал её книгу «Реализм русской литературы 60-х годов XIX века» (Истоки и эстетическое своеобразие), Л., Наука, 1974. Из этого чтения я сделал вывод о том, что Лидия Михайловна Лотман тоже не была чужда структуралистских подходов к литературе. Особенно мне понравилось структурно-типологическое сопоставление образов Пьера Безухова в «Войне и мире» Л. Н. Толстого и князя Мышкина в «Идиоте» Ф. М. Достоевского. Между ними ведь, действительно, — много общего. Оба они, поначалу, — незаконные и бедные сыновья своих «высокостатусных» отцов, оба — воспитывались в Швейцарии, ассоциировавшейся тогда в России (и не только) с особо гуманной и несколько идеалистической швейцарской педагогикой, оба — внезапно разбогатели, оба — весьма непрактичны и плохо знают русскую жизнь. Похоже, что Ф. М. Достоевский, работая над образом князя Мышкина, кое-что существенное «слямзил» у Л. Н. Толстого. Впрочем, сам Л. Н. Толстой, насколько я понимаю, работая над «Анной Карениной» тоже немало позаимствовал из «Мадам Бовари» Г. Флобера. Не зря же Гёте, кажется, говорил, что талант изобретает, придумывает, а гений — крадёт.

Где-то в начале 1980-х годов я слушал Ю. М. Лотмана в Москве в Доме учёных. У меня даже где-то сохранился конспект. Насколько я помню, Ю. М., в частности, коснулся и некоторых проблем зоопсихологии, которая вызывала тогда большой интерес своими аналогиями с поведением людей. Помню, что тогда среди научной интеллигенции было очень распространено увлечение так называемой «крысологией». Для меня лично это увлечение началось с чтения опубликованной, если не ошибаюсь, в 1974 году в журнале «Знание-Сила» статьи кандидата биологических наук Натальи Леонидовны Крушинской «Жили-были крысы», основанной во многом на исследованиях её отца члена-корреспондента АН СССР Леонида Викторовича Крушинского. Эта статья была посвящена вызывавшей самые крамольные аналогии проблеме соотношения интеллекта и власти в животных сообществах. В частности, в той статье было написано, что, в соответствии с результатами экспериментов, в крысиных сообществах доминантами неизменно оказываются АГРЕССИВНЫЕ ТУПИЦЫ. Ю. М. в своём докладе, развивавшем эти же идеи, упомянул о такой форме самоорганизации полевых грызунов, как «куча». В этой «куче» доминируемые, в знак своего подчинённого положения, чистят усики доминирующим. Один из слушателей спросил Ю. М., давно ли он читал «Историю русской культуры» П. Н. Милюкова и что он думает о его АНТИИСТОРИЧЕСКИХ концепциях. И Ю. М. с явным вызовом ответил, что он читал (надо было, видимо, понимать, — перечитывал) эту книгу НЕДАВНО, и что там немало ценного и интересного. Это было, по-моему, довольно смело для того времени. Кстати, по-моему, во

внешности самого Ю. М. Лотмана было что-то напоминавшее П. Н. Милюкова. Впрочем, некоторые из моих знакомых находили у Ю. М. сходство и с Альбертом Эйнштейном, и с Марком Твенем.

Помню ещё один любопытный эпизод. В первой половине 1988 года я, несколько поторопившись с реализацией принципов гласности и демократизации, оказался на несколько месяцев почтальоном, разносившим телеграммы из почтового отделения на ул. Воровского (Поварской). Мой участок находился между Суворовским бульваром, Калининским проспектом, Садовым кольцом и Гранатным переулком. Я несколько стеснялся этого занятия, не носил формы, ходил по своему участку неторопливым, фланирующим шагом и телеграммы носил вложенными в виде закладок в один из толстых журналов, которые читал в перерывах между «ходками». И вот однажды, едва выйдя из почтового отделения, я почти лоб в лоб столкнулся с Ю. М. Лотманом, который шёл в сторону центра в «Ленинку». Я от неожиданности ужасно смутился и моя рука с толстым журналом, в котором были заложены телеграммы, как бы сама собой «ушла» за спину. Мы поздоровались, и Ю. М. завёл разговор о моей предполагаемой статье для сборника «Семиотика города и городской культуры. Москва», упирая при этом на то, что содержанием этой статьи должна быть, всё-таки, не социология, а именно семиотика города. Он мне говорил о высоких, творческих материях, а я на протяжении всего разговора держал за спиной журнал с телеграммами. И только простившись с ним, я сообразил, что именно такой человек, как Ю. М., прекрасно бы всё понял, и что смутился я напрасно. Но, когда я в конце 1988 года был в Тарту последний раз и в последний раз посетил Ю. М. Лотмана, я рассказал ему о том, что в прошлый раз он встретил меня в роли почтальона. «Ну а сейчас у вас с работой всё в порядке?» — спросил Ю. М. «Да» — без колебаний ответил я. Я тогда поступил на работу в Хозрасчётный научно-исследовательский центр (ХНИЦ) при Президиуме Советской социологической ассоциации, где собирался работать чуть ли не до пенсии, и был преисполнен оптимизма. Если бы я предвидел, что «богоматерь перестройки» и Президент ССА Татьяна Ивановна Заславская и её присные вскоре всех нас разгонят «поганой метлой», как ярко выразился наш первый директор Леонтий Георгиевич Бызов.

Не могу удержаться от рассказа о самом, пожалуй, ярком эпизоде из этой своей «почтальонской карьеры» (вообще-то, мне даже советовали написать «Записки почтальона»). В числе других интересных объектов (Правления Союза писателей СССР и т. д.) на моём почтовом участке находился Верховный суд СССР. Я даже помнил тогда, на каком этаже находилась Военная коллегия Верховного суда. Кстати, когда я рассказал одному из своих уже недавних сослуживцев о своих тогдашних посещениях здания Верховного суда, он меня спросил: «А вы там, случайно, Ульриха не встречали?». Давно умершего В. В. Ульриха (фигуры не менее страшной, чем А. Я. Вышинский) я, конечно, в этом здании не встречал, но я думаю, что сами сталинские интерьеры этого здания могли бы, при напряжении воображения, вызвать в моём воображении в конце коридора злобный призрак Ульриха. На 1 мая 1988 года я получил для доставки телеграмму от главы советской власти города Коканда на имя председателя Верховного суда СССР (и, как я узнал позже, члена ЦК КПСС) Владимира Ивановича Теребилова. В этой телеграмме отправитель поздравлял тов. В. И. Теребилова с праздником и желал ему успехов в труде и счастья в личной жизни. А в это время

уже полным ходом раскручивалось так называемое «хлопковое дело» и, насколько я помню, незадолго до этого в «ЛГ» появилась статья «Зона молчания» о всяких беззакониях, творившихся одним из главных фигурантов этого дела, главой Папского агропромышленного комплекса в Ферганской области (совсем рядом с Кокандом.) и многократным орденоносцем Ахмаджоном Адыловым (Одиловым). И вот, прихожу я с этой телеграммой в экспедицию Верховного суда (рот у меня — до ушей.) и говорю: «Я вам смешную телеграмму принёс. Может быть, отправителю этой телеграммы товарищ Теребилов скоро понадобится? Может быть, он и товарищу Рекункову тоже аналогичную телеграмму послал?» Александр Иванович Рекунков был тогда Генеральным прокурором СССР и тоже, разумеется, членом ЦК КПСС. «Ничего смешного — ответила мне заведующая экспедицией — Товарищ Теребилов — депутат от Коканда». «А давно он депутат от Коканда?» — поинтересовался я. «Не знаю» — холодно и сухо ответила заведующая. «А при Рашидове он тоже был депутатом от Коканда?» — не удержался я от второго вопроса. «Не знаю» — снова (и ещё более холодно и сухо.) ответила заведующая. Я понял, что больше ничего спрашивать не надо, и надо быстрее уходить. Когда я выкатился на улицу, думаю, что Достоевский написал бы, что у меня было «опрокинутое лицо». Мне стало не по себе. У меня было ощущение, что я попал в какой-нибудь итальянский фильм из сицилийской жизни (типа «Признания комиссара полиции прокурору республики» Дамиано Дамиани). Ведь это был, на мой взгляд, тот самый единичный ФАКТ, который вырастал буквально до СИМВОЛА ВСЕЙ СИСТЕМЫ. Ощущение было такое, как будто я прикоснулся к проводу высокого напряжения, и хотелось быстрее отдернуть руку, пока током не ударило. У меня возникло ощущение, что я стал обладателем некой тайны, опасной для меня самого. Я даже через дорогу стал переходить осторожнее. Мою тревогу слегка усугубил разговор с одним из моих тогдашних приятелей. Я рассказал ему по телефону этот случай и добавил: «Знаешь, если со мной что-то случится, ты сохрани, пожалуйста, мой рассказ для Истории». «Знаешь, если с тобой что-то случится, то и со мной что-то случится — ответил мне приятель — в Коканде шутить не любят». Это был, конечно, юмор, но уж очень чёрный. Между прочим, я ему сказал: «А может быть товарищ А. И. Рекунков — депутат от Самарканда или, допустим, от Бухары? Почему бы нет?» Я, как выяснилось, ошибся, но тогда, по-моему, можно было ожидать всего. А разве сейчас стало лучше?

В конечном счёте, я решил сделать так, чтобы эта опасная, на мой взгляд, тайна перестала быть тайной. Я стал рассказывать этот эпизод на своём почтовом участке везде, куда я приносил телеграммы. Все начинали хохотать. Я стал обзванивать своих знакомых с этим рассказом. Рассказывать я старался как можно смешнее и художественнее, чтобы каждый рассказал ещё десяти. И через некоторое время этот рассказ эхом ко мне вернулся. Это было месяца через полтора, когда я был на семинаре Овсея Ирмовича Шкаратана в Институте этнографии АН СССР, в котором участвовала и работавшая там тогда Галина Васильевна Старовойтова. С докладом о поездке в Монголию выступал будущий член президентского совета при Б. Н. Ельцине Эмиль Абрамович Паин. Когда кончился доклад и Э. А. Паин ответил на вопросы, был кофе-брейк, на котором я в очередной раз рассказал свою байку. «Я это уже слышала» — неожиданно для меня сказала Галина Васильевна. А ведь я читал, что ещё в Третьем Рейхе

по поручению Геббельса специально изучались скорость распространения слухов и коэффициент их искажения. Правда, я, в очередной раз в своей жизни, поставил эксперимент на самом себе. А уже в мае 1988 года был снят с должности Генерального прокурора СССР тов. А. И. Рекунков, а ещё через несколько месяцев (уже в 1989-м году) проводили на пенсию и тов. В. И. Теребилова. Я не преувеличиваю свою роль во всём этом (решения о снятии обоих наверняка готовилось давно и долго), но я полагаю, что, разнося телеграммы на почте, я, всё-таки, попутно, недели на две «ускорил ход истории». Только стало ли нам всем после этого лучше?

Стоит, наверное, упомянуть и о том, что, когда я в 1992 году приобрёл изданную в Москве в издательской группе «Прогресс» издательства «Гнозис» последнюю книгу Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв», то я обнаружил, что художником, оформлявшим эту книгу, был мой одноклассник по Суриковской художественной «школе для детей одарённых родителей» Александр Юликов. Между прочим, в 1993 году, когда я узнал, что Ю. М. Лотмана не стало, я был неприятно поражён тем, что искал и не нашёл некролога о его смерти в «ЛГ». Тогда, как я понял, смерть Ю. М. Лотмана была как бы «заслонена» почти одновременной смертью Федерико Феллини. Это напоминает случай с почти одновременной смертью Сталина и Прокофьева. Я очень люблю фильмы Феллини, но к русской литературе Ю. М. Лотман имел, всё-таки, большее отношение, чем он. Могли бы и не забыть.

Стоит, по-моему, упомянуть и о том, что в 2010 году, в своей защищённой уже в пенсионном возрасте кандидатской диссертации «Аксиология постсоветского культурного пространства на рубеже тысячелетий», я цитировал ещё одну мысль Ю. М. Лотмана, которая была и остаётся для меня очень важной. Там у меня говорилось, в частности, о том, что рядом представителей отечественной семиотики, культурологии, социологии и урбанографии (Ю. М. Лотманом, Ю. А. Левадой, Д. С. Лихачёвым, А. С. Ахиезером, П. М. Ильиным и т. д.) ещё в 1970-е г. г. были сформулированы общетеоретические положения-гипотезы об аксиологической дифференцированности и поляризованности культурного пространства и о неравномерности распределения эстетических переживаний внутри культурного пространства. И далее я писал, что наибольшее воздействие на меня оказали высказывания А. С. Ахиезера и П. М. Ильина о том, что «вся территория видится людьми как своеобразное поляризованное культурное поле с фокусами притяжения и отталкивания», что «дальнейшее изучение системы показателей социальных оценок территории позволит перейти к составлению специальных оценочных карт» (Ахиезер А. С., Ильин П. М. Задачи разработки социальных оценок территории в условиях научно-технической революции. — Известия АН СССР, серия географическая, М., 1975, № 1, с. 87 и 91).

А дальше, стремясь дать общетеоретические обоснования своих аксиогеографических исследований, я приводил также мысль Ю. М. Лотмана о том, что «иерархия культурной значимости различных пространств дополняется иерархией степеней их ценности, (зависящей от внутренней структуры данного типа культуры); так выделяются пространства, предназначенные для государственно-политической деятельности, частной жизни и проч. Эстетические переживания также отнюдь не равномерно распределяются внутри культурного пространства» (Лотман Ю. Художественный ансамбль как бытовое простран-

ство. — Декоративное искусство СССР, 1974, № 4, с. 49). Вот эти, вычитанные ещё в 1970-х годах (и, видимо, крепко засевшие у меня в памяти.), аксиологические и культурологические идеи Ю. М. Лотмана об иерархии степеней ценности различных пространств и о неравномерности распределения эстетических переживаний внутри культурного пространства стали, возможно, одним из главных истоков основанной мной уже в 1980-х годах аксиологической географии (аксиогеографии).

Раздел 3. Мой первый учитель в науке

26 сентября 2014 года в возрасте 83-х лет скончался мой первый учитель в науке вообще (и в урбанологии, — в частности), — крупнейший отечественный теоретик урбанизации Леонид Борисович Коган. В этой связи стоит вспомнить о нём поподробнее. Как я уже писал, в 1970 году, по окончании Строгановки, я снова пришёл в ЦНИИЭП жилища, но уже не в мастерскую Алексея Сергеевича Образцова, как в 1964-м году, а в отдел интерьера. Этим отделом руководил сначала Николай Арсеньевич Луппов, а потом Борис Миронович Мержанов (сын Мирона Ивановича Мержанова, придворного архитектора Сталина, какое-то время, в конце «сталинской эпохи», сидевший, как и его отец, но потом с большим азартом делавший «партийно-научную» карьеру). И пришёл я уже не техником, а старшим архитектором. Году в 1972-м работавший со мной в одном отделе и уже упоминавшийся выше Сергей Юрьевич Каменев (внук одного из строителей Красной армии Сергея Сергеевича Каменева, чей прах был захоронен в кремлёвской стене) познакомил меня со своим, если не ошибаюсь, однокурсником по МАРХИ и работавшим в ЦНИИП градостроительства Леонидом Борисовичем Коганом. Тому тогда нужен был сотрудник и он, пообщавшись со мной и прочитав мой многострадальный студенческий реферат, хотел взять меня к себе в сектор. Но тогдашний директор ЦНИИП градостроительства (кажется, это был Владимир Николаевич Белоусов) не захотел брать в свой институт человека с дипломом не архитектора, а художника декоративного искусства. Мне и в ЦНИИЭП жилища не раз кололи глаза тем, что я не архитектор по диплому. Тогда Л. Б. Коган сказал мне, что ему не хочется, чтобы отношения между нами определяли другие люди и что он готов общаться со мной на неформальной основе. Впрочем, надо сказать, что когда я, спустя несколько лет, пересказал этот разговор Александру Самойловичу Ахиезеру, то он иронически улыбнулся такой возвышенной мотивировке. Л. Б. Коган был тогда ещё не очень известен и заинтересован в собеседниках, учениках и последователях в этой, ещё далеко не признанной (а сейчас, похоже, снова ставшей непопулярной) области знаний. Мне тогда повезло, что я мог приобщаться к теории урбанизации непосредственно в личном общении с её главным, по моему убеждению, нашим представителем. А вот то, что я тогда не смог перейти в ЦНИИП градостроительства, где настоящая наука, в моём понимании, всё-таки, была, а остался в ЦНИИЭП жилища, где её, на мой взгляд, просто не было (если не считать чисто инженерно-строительной науки), сыграло в моей жизни самую трагическую роль. С годами я это всё лучше понимаю. Кстати, Л. Б. К. мне (и многим своим коллегам из архитектурно-проектного цеха) уже

тогда любил говорить, что «не всякая хорошая вещь есть наука». Главным критерием научности любого исследования он считал наличие не только предмета и объекта описания, но именно научной ПРОБЛЕМЫ, которую автор стремится решить (или, хотя бы, поставить). Как жаль, что у нас даже сейчас многие этого не понимают, да и не стремятся понимать. Я лично часто сталкивался с этим непониманием (и нежеланием понимать) ещё недавно в Институте Наследия. Теорию там почти все не любили и многие даже гордились этим. Как пели когда-то в Доме архитектора участницы ансамбля самодеятельности «Рейсшинка»:

Нам не нужно блеску жизни той,
Мы гордимся нашей темнотой!

Кстати, как вскоре выяснилось, моя мама была когда-то хорошо знакома и с отцом Л. Б. Когана проходившим по «делу врачей» Борисом Борисовичем Коганом, и с его дядей Михаилом Борисовичем Коганом, который был у неё, кажется, даже научным руководителем. Он, в отличие от младшего брата, не дожил до «дела врачей» и не был арестован, а был оклеветан посмертно. Между прочим, как рассказывала мне когда-то покойная сестра Л. Б. Когана Владилена Борисовна, когда его отец был арестован по «делу врачей», Л. Б. Коган был даже исключён из комсомола и из МАрХИ за отказ осудить отца и лишь после смерти Сталина его восстановили и в комсомоле, и в МАрХИ. Мне это было очень близко, т. к. моя мама (один из ДВУХ первых в СССР специалистов по лучевой болезни) тоже была тогда уволена «по сокращению штатов» из «закрытой» больницы. По-моему, это была та самая больница, которая сейчас носит имя Бурназяна. Потом Л. Б. К. даже вступил в партию, хотя в разговоре «с глазу на глаз» и признавался мне в своё время, что это — сделка с совестью. Я недавно убедился в том, что сейчас для некоторых молодых учеников Л. Б. К. это является неожиданностью и даже воспринимается с некоторым недоверием. Поэтому хочу пересказать анекдот, который мне рассказал в середине 1970-х годов Л. Б. К. Он, по-моему, очень хорошо характеризовал подлинное отношение Л. Б. К. и к партии, в которой он тогда состоял, и к советской власти: «Почему члены и кандидаты в члены Политбюро ходят в каракулевых шапках? Потому, что каракуль похож на мозги».

И вообще, в те годы Л. Б. Коган относился критически не только к В. И. Ленину, но и к Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу. Особенно критически он относился к «Коммунистическому манифесту». Но, в то же время, формулировку Карла Маркса «естественно-исторический процесс», применительно к урбанизации, он употреблял охотно и мне советовал глубже осознать её важность. Кроме того, он поощрял мой интерес к трудам и идеям Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, Ю. Н. Тынянова и Ю. М. Лотмана. Особенно рекомендовал он мне проработать книгу А. Р. Лурия «Об историческом развитии познавательных процессов», М., Наука, 1974. Он мне говорил, что её чтение будет полезно мне как социологу при составлении анкет и интерпретации ответов респондентов.

Моё тогдашнее увлечение идеями Антонио Грамши он (относясь к его наследию и личности с уважением) тоже воспринимал несколько критически. И мне он советовал читать не столько произведения теоретиков-марксистов (и вообще, — политиков), сколько, например, Макса Вебера, (а также и его американского однофамильца Адна Фортис Вебера), Кевина Линча (его книга «Образ

города» тогда уже выборочно цитировалась в статьях и в 1982 году была, наконец, издана в Стройиздате в прекрасном, по отзывам знавших английский язык моих коллег, переводе Вячеслава Леонидовича Глазычева) и других, как тогда принято было говорить и писать, «буржуазных» авторов. Только вот ссылаться в публикациях на них (и, в особенности, на попавшего в то время в сильную опалу Юрия Александровича Леваду) он мне тогда, всё-таки, не советовал. Но я, кстати, всё равно порой ссылался на Ю. А. Леваду. Правда, в довольно «идеологически дремучей» архитектурной среде, в которой я тогда служил и публиковался, я не очень сильно рисковал. И именно потому, что Л. Б. К. всегда отдавал предпочтение западной науке перед нашей, для меня, и других моих коллег, оказался большой неожиданностью его поворот в конце жизни к резкой критике США, их культуры и науки. Он всё чаще употреблял выражение «агрессивный провинциализм американской массовой культуры». Кстати, я вовсе не считаю эту формулировку саму по себе неправильной. А затем он стал всё более критически относиться и к современной культуре Западной Европы и ко всей современной западной культуре, науке и общественной жизни. Это, конечно, тоже имеет свои резонные основания. И Георгий Степанович Кнабе, с которым я познакомился позже, не раз писал (особенно в конце жизни) и об антигуманном движении современной цивилизации, и об утрате, как он писал, *esprit européen* (европейского духа) современными европейцами. Но это, всё-таки, (я в этом убеждён) не основание для идеализации науки, культуры и порядков советских времён. У Л. Б. К., как и у многих людей его поколения (и, что не менее важно, — его круга), усиливалась ностальгия и по СССР, и по советской науке. Он в конце жизни всё больше склонялся, если так можно выразиться, к идейному, и даже политическому, «советизму». Как я узнал совсем недавно, он в последние годы жизни часто говорил: «Я такой же большевик как мой отец».

А отец Л. Б. К. (в отличие от аполитичного дяди) был убеждённым старым большевиком и даже устанавливал советскую власть в Житомире на Украине. Между прочим, мама мне рассказывала, что Борис Борисович Коган когда-то «сманивал» её к себе на работу в Комгоспиталь, но она к нему не пошла. По рассказам Л. Б. Когана, у его отца наблюдались многие руководители Коминтерна, в том числе Ван Мин. Сталин хотел, чтобы Ван Мин поехал в Яньян (в «Особый район» Китая), что называется, «съел» там Мао Цзедуна и занял его место. А Ван Мин, лучше ориентировавшийся в ситуации изнутри, подозревал, что не он «съест» Мао Цзедуна, а Мао Цзедун «съест» его, что, в конечном счёте, как известно, и произошло. Хотя надо отметить, что Мао Цзедун «съел» Ван Мина всё-таки не до конца, хотя тот и подвергался в «Особом районе» в ходе так называемого «чженьфына» «проработкам» как «уклонист». Он, по его (и не только его) версии, даже стал жертвой попытки отравления, но ещё долго прожил и в послевоенные годы даже занимал в КНР партийные и государственные посты. Хотя с 1956-го по 1974 год он уже не занимал в КНР партийных и государственных постов и, много болея, доживал свой век уже в СССР. В годы «культурной революции» Ван Мин, уже будучи на постельном режиме, продолжал публиковать статьи и книги, в которых резко критиковал политику Мао Цзедуна. Он был похоронен на Новодевичьем кладбище. Там же был похоронен и Борис Борисович Коган, а теперь, рядом с отцом, — захоронен и прах самого Л. Б. Когана. И вот, Л. Б. К. рассказывал мне, что Ван Мин постоянно приходил

к Борису Борисовичу Когану на приёмы и жаловался то на одни, то на другие недомогания (которые при обследованиях, как правило, не подтверждались). Наконец Б. Б. Коган понял, что Ван Мин просто не хочет ехать в этот злополучный «Особый район» и хочет, насколько возможно, оттянуть это в высшей степени рискованное предприятие.

Между прочим, однажды из моего разговора с Л. Б. К. выяснилось, что мы с ним, хотя и в разные годы, учились в одной и той же Суриковской художественной школе. И «в моё время» у нас там преподавал рисунок одноклассник Л. Б. К., фамилию и отчество которого я не помню. Помню, только, что его звали Всеволодом, и мы с одноклассниками, пройдя недавно по литературе «Слово о полку Игореве», его прозвали «Буй тур Всеволод». Как я узнал уже значительно позже, Л. Б. К. и в последующие годы занимался живописью и даже выставлялся в ЦНИИП градостроительства. Живопись у него, по отзывам тех, кто её видел, была, как тогда выражались, «левой» и очень неплохой. Кстати, как я узнал уже совсем недавно, от ещё одного зачинателя отечественной теории урбанизации, Олега Николаевича Яницкого, он тоже поступал в Суриковскую художественную школу, но не был принят. Впрочем, это ещё ничего не значит. Тоже совсем недавно на одной из книжных ярмарок я увидел нашего знаменитого аниматора (и, кстати, — почти моего ровесника) Юрия Борисовича Норштейна, надписывавшего всем желающим свои издания. Я, в порядке «аллаверды», подарил ему ксерокопию с одного из своих студенческих рисунков и сказал, что учился в Суриковской художественной «школе для детей одарённых родителей», потом — в Строгановке, мечтал стать аниматором, но так и не стал им. А он мне ответил: «А меня в эту школу не приняли, но я аниматором стал». Вот что значит — «судьба-злодейка».

Были у Л. Б. Когана и несомненные актёрские способности. Он неплохо играл в студенческом театре и даже хотел поступить в какое-то театральное учебное заведение. Но его туда не приняли. При этом, как он мне рассказывал, ему там было сказано открытым текстом: «Вам будет некого играть. У Вас интеллигентная внешность. Кого Вы будете играть: сталеваров, трактористов?». И он больше таких попыток не предпринимал. Ведь в те годы люди с интеллигентной внешностью, вроде Массальского в фильме «Цирк» или, скажем, Михаила Казакова во многих фильмах и спектаклях, чаще всего играли негодяев! Стоит ещё сказать, что Л. Б. Коган хорошо знал и любил французский язык и французскую культуру. Это, как я слышал, в ещё большей степени унаследовала и его рано умершая дочь. Даже его давно мной замеченное пристрастие к каламбурам было характерно именно для французского остроумия. Не зря «на рубеже тысячелетий» он преподавал в Сорбонне в Париже в качестве приглашённого профессора.

Л. Б. К. взял меня под своё «идейное шефство», советовал (или не советовал) мне читать те, или иные книги или статьи (и тех, или иных авторов.) по урбанологической проблематике. Кстати, хорошо помню, что Л. Б. К. на протяжении многих лет (и в 1970-х, и в 1980-х годах) предпочитал модному ныне и заполонившему научную литературу и устные выступления о проблемах городов термину «урбанистика» употреблявшийся ещё Юрием Александровичем Левадой термин «урбанология». Преимущество этого термина, на мой взгляд, заключается, в частности, в том, что он позволяет чётко разграничивать изучение города от его проектирования. У нас ведь и сейчас принято «ставить телегу

впереди лошади» и превращать науку о городе в «служанку проектирования». Л. Б. К. любил повторять любимую поговорку своего отца: «лечили от желтухи, а оказался китаец». Впрочем, я и от своей матери тоже мог хорошо усвоить важнейший врачебный принцип: «сначала диагноз, а потом рецепт». И ни в коем случае — не наоборот. Именно от Л. Б. К. первого я почерпнул понимание того, что процесс урбанизации заключается не просто в физическом росте городов и городского населения, а в приобщении людей к высшим образцам городской культуры, и что основная драма урбанизации протекает не в физическом пространстве, а в душах людей. Как писал в своё время в статье «Почему дороги ведут в Рим» Ю. А. Левада: «Сначала человек входит в город. Позже, значительно медленнее, город входит в человека». Эта статья была опубликована в журнале «Знание-сила» дважды: в № 4 за 1976 год и в № 2 за 1992 год.

И ещё Л. Б. К. любил повторять, что слова «горожанин» и «гражданин» — производные от одного корня и что, как мы знаем ещё из школьных учебников по истории Средних веков, «воздух города делает человека свободным». Любил он и напоминать о том, что слова «цивитас» (город по-латыни) и «цивилизация» — тоже от одного корня. Можно тут и вспомнить о том, что производными от слова «полис» являются слова: «политика», «полиция» и «политес». Но мне больше всего нравится не очень широко известный перечень значений слова «Urbanitas» («Урбанитас») из латинско-русского словаря. Эти значения, не устаревшие и до сих пор, относились обычно не просто к городу, но преимущественно к Риму. Так что это слово соответствовало бы русскому слову «Столичность», (это тоже могло бы быть указано как одно из его значений).

Urbanitas — 1) городская жизнь; 2) утончённость, культурность, вежливость, образованность; 3) безупречная речь; 4) изящный юмор, шутка; 5) хитрость, плутоватость, склонность к мошенничеству. И ещё мне нравится найденная в интернете без указания автора формулировка: «Город — это закон, село — это адат».

Я, по совету Л. Б. К., прочитал (и потом неоднократно перечитывал и даже переписал для себя в словарик с выделением ключевых слов) его, написанную совместно с В. В. Покшишевским, статью «Урбанизация» в БСЭ. Особенно важны (и в первое время довольно новы) были для меня в этой статье слова: «Показательно, что именно в крупнейших городах наиболее высока производительность труда. Преимущества этих центров в разнообразии социальной информации, возможности выбора социальных контактов, культуры, досуга в эпоху научно-технической революции как бы «побивают» такие достоинства гор. поселений меньшего размера, как близость природы, сокращение расходов времени на транспортные передвижения, чистота воздушного бассейна и т. д. Возрастет роль сферы нематериального производства как градообразующего фактора и условия миграции населения в большие города.

В процессе У. кристаллизуется «городской образ жизни» с особой структурой общения, спецификой развития личности, семейных отношений и т. д. Важнейшим признаком поведения является мобильность, к-рая в городе проявляется как потребность в обновлении социальной (в т. ч. и общекультурной) информации, как готовность к смене социальной среды и пространств. Локализации, выражающаяся в повышении подвижности, миграциях и т. д. Повышается роль социально-проф. разнообразия общения, взаимного культур-

ного обогащения индивидов и групп, что вызывает тенденцию к дифференциации последних по типу интереса, виду деятельности, повышает значение сферы досуга».

Следует ещё отметить, что Л. Б. К. неоднократно повторял, что урбанизация началась вовсе не с промышленного переворота, как не раз утверждали у нас и до сих пор утверждают некоторые известные авторы. Так, например, «на заре перестройки» я слышал такое утверждение от Овсея Ирмовича Шкаратана на одном из руководимых им тогда семинаров. Л. Б. К. считал и не раз повторял, что урбанизация началась с появления в древности самых первых городов. Под этим углом зрения он, в своё время, рекомендовал мне внимательно прочитать изданный под редакцией И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой и И. С. Свенцицкой трёхтомник «История древнего мира» (М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982). В этом издании последовательно проводилась мысль о важнейшей роли городов и городской культуры в древности. Так же, как и Л. Б. К., считал, кстати, и Александр Самойлович Ахиезер. Да и вообще, это сегодня, практически, — общепринятое мнение в подлинно серьёзной отечественной и зарубежной урбаноэкологической науке.

Ещё в эти первые годы моего знакомства с Л. Б. Коганом я прочитал очень резонансную в те годы статью А. С. Ахиезера, Л. Б. Когана и О. Н. Яницкого «Урбанизация, общество и научно-техническая революция» в № 2 журнала «Вопросы философии» за 1969 год. Читал я также наиболее интересные мне статьи в редактировавшихся Олегом Николаевичем Яницким сборниках: «Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции». Издано Советским фондом мира, М., 1970, «Географические аспекты урбанизации». М., 1971 и «Проблемы урбанизации в СССР». М., 1971. Стоит отметить, что когда во время одной из встреч с Юрием Михайловичем Лотманом я рассказал ему об области моих основных научных интересов и назвал, в частности, упомянутую выше статью в «Вопросах философии», то Ю. М. Лотман сказал, что он эту статью читал.

И ещё я с большим интересом и пользой для себя прочитал статью Л. Б. К. «Культура и города» в № 1 журнала «Архитектура СССР» за 1973-й год. Там мне особенно запомнилось одно место, связанное с тематикой моих собственных исследований, которое я не раз потом цитировал и письменно, и, ещё чаще, устно по памяти: «В процессе становления городской культуры формируются определённые социально-психологические стереотипы, определённые потребности, привычки, вкусы, непосредственные связанные с психофизиологическими механизмами восприятия человеком архитектурно-пространственной среды и прямо воздействующие на формирование эстетических взглядов. Именно здесь в огромной мере рождаются те представления о масштабе, ритме, разнообразии, которые в дальнейшем проявляются в оценках городского пространства, его композиций, целостности отдельных комплексов и т. д.» (стр. 53).

Прочитал я тогда и статью Л. Б. Когана и Ф. М. Листенгурта «Урбанизация и природа», опубликованную в № 3 журнала «Природа» за 1975 год. Очень большое впечатление произвела на меня (и не только на меня), также, статья В. М. Долгого, Ю. А. Левады и А. Г. Левинсона «Урбанизация как социокультурный процесс», опубликованная в сборнике 96 «Вопросы географии» за 1974 год.

Хочу поделиться давним рассказом Л. Б. К. о том, как ещё в доперестроечные времена (где-то в начале 1980-х годов) редактор не дал ему процитировать письмо Ф. Энгельса Г. В. Плеханову. Предыстория этого письма такова. Если я не ошибаюсь, в своё время Г. В. Плеханов переслал Ф. Энгельсу книгу В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (1869 г.), написанную по материалам его собственных исследований и сибирских впечатлений, понравившуюся ранее и Карлу Марксу и, как принято считать, на самом деле ставшую вехой в истории российской социологии. Ф. Энгельсу эта книга тоже понравилась, тем более, что в молодости он сам написал исследование «Положение рабочего класса в Англии», которое сегодня не без оснований считается первым в мировой науке эмпирическим урбанологическим исследованием вообще. Но В. В. Берви-Флеровский был человеком не без странностей и чудачеств. Он до конца жизни верил в то, что всё вещество (даже неодушевлённое) мыслит. Как я где-то прочитал, он даже создал объединение сторонников своей «философии мыслящего вещества». И он ухитрился «воткнуть» эту свою философию «мыслящего вещества» даже в свою книгу «Положение рабочего класса в России», хотя это и было, на мой взгляд, совсем не по теме.

И вот, в тексте, посвящённом проблемам городов, Л. Б. К. решил процитировать слова Ф. Энгельса из его письма Г. В. Плеханову от 26 февраля 1895 года. Это был последний год жизни Ф. Энгельса. И в этом письме были такие слова: «... в такой стране, как ваша, где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же в интеллектуальном отношении окружённой более или менее эффективной китайской стеной, которая возведена деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей. Возьмите хотя бы беднягу Флеровского, который воображает, что столы и кровати мыслят, но не имеют памяти. Это стадия, через которую страна должна пройти. Постепенно, с ростом городов изолированность талантливых людей исчезнет, а с ней исчезнут и эти идейные заблуждения, вызванные одиночеством, бессистемностью случайных знаний этих чудаков-мыслителей...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 39, с. 344).

И Л. Б. Коган, от которого я узнал об этом замечательном тексте, до сих пор остающемся малоизвестным даже в научной среде, рассказывал мне, что, где-то в начале 1980-х годов (если не раньше) он принёс в редакцию свой текст, посвящённый проблемам городов, с этой цитатой. Кстати, я недавно узнал, что это была вообще его любимая цитата. И, дойдя до этого места, редактор (а редакторы тогда, так же, как и сейчас, впрочем, были по совместительству и цензорами) сказал ему: «Не надо!» — Почему «не надо?», — спросил Л. Б. Коган, это же из письма Энгельса Плеханову? «Я понимаю, что это из письма Энгельса Плеханову» — сказал редактор — И ещё раз повторил: «Не надо! Это вызывает нежелательные ассоциации!» Уж очень то, что Ф. Энгельс писал о России рубежа царствований Александра III и Николая II, было похоже на Советский Союз спустя почти сто лет. Да и сейчас это, к сожалению, не устарело. Причём, если Ф. Энгельс более ста лет тому назад считал, что эти особенности российской ментальности будут со временем изживаться, то сейчас можно видеть, что они у нас воспроизводятся

вновь и вновь. Цитату пришлось выбросить, и, как я недавно убедился, её ещё недавно не знали даже многие наши авторитетнейшие специалисты по градостроительской проблематике.

А ведь этот текст был опубликован Г. В. Плехановым на немецком языке ещё в 90-х годах XIX века, на русском языке он был опубликован уже в СССР в 1920-х годах и вошёл в оба собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (в довоенное, «рязановское», и в послевоенное, 1960-х годов, которое давным-давно стоит в «Ленинке» (ныне — РГБ) в открытом доступе). Публиковалось это письмо и в сборниках переписки классиков марксизма. Но его почти никто не знает до сих пор. И этот текст и до самых недавних пор был почти неизвестен большинству известных мне российских экономгеографов и урбанистов. А те немногие из них, которые его знают, в своём большинстве узнали его недавно от меня. И получается, что, произнесенное ещё в доперестроечные годы редакционное «не надо» до сих пор эхом отзывается в нашей общественной мысли, и эта «более или менее эффективная китайская стена» в значительной степени окружает нашу интеллектуальную жизнь и до сих пор. И по прочности, похоже, она не уступает материальной Великой китайской стене. Впрочем, как совершенно верно сказал один из моих коллег, духовные стены — самые прочные и долговечные. И (судя по тому, что у нас всё чаще падают спутники) эту духовную Великую китайскую стену, так же, как и материальную, несомненно, хорошо видно из Космоса. И ведь наше общество и до сих пор (уже и «в новом тысячелетии».) остаётся всё ещё в очень значительной степени «недоурбанизированным», а значит и «недоцивилизованным».

Кстати, совсем недавно один мой знакомый, учившийся, кстати, на поколение позже меня в той же Суриковской «школе для детей одарённых родителей», что и я, «на полном серьёзе» убеждал меня в том, что «нам» не нужна «их» логика и «их» диалектика. Ведь у «нас», по его мнению, есть своя, самобытная логика и своя ТРИАЛЕКТИКА! Вот так. И я, услышав про ТРИАЛЕКТИКУ, сразу вспомнил про «мыслящие столы и кровати» В. В. Берви-Флеровского. А ведь эти «странные и причудливые сочетания идей» были, в той или иной степени, свойственны и Н. Ф. Фёдорову, и К. Э. Циолковскому, и ещё очень и очень многим российским славянофилам, почвенникам, неославянофилам, народникам, символистам, космистам, богостроителям (кстати, практически все они были большевиками.), имяславцам, пролеткультовцам, евразийцам и сменовеховцам (среди которых, как стало известно позже, оказалось немало агентов ГПУ), многим нынешним неолибералам, и другим отечественным мыслителям разных эпох. Кстати, очень много интересного на эту тему можно прочитать в произведениях А. П. Платонова, который сам в молодости прошёл через утопические увлечения и очень хорошо чувствовал специфику русского народного утопического сознания.

И когда, совсем недавно, я этому своему знакомому, сказав: «кстати, о триалектике», пересказал по памяти приведённый выше отрывок из письма Энгельса Плеханову, то, как выяснилось, я его не переубедил. Он сказал, что Маркс и Энгельс не любили Россию (что, в общем-то, не было такой уж неправдой, но для него именно это было, пожалуй, единственно важным), но, что самое главное, он так и остался при этой своей ТРИАЛЕКТИКЕ. А в ходе дальнейшего разговора выяснилось, что он считает глобализацию идущей по некоему плану

и являющейся результатом чуть ли не мирового еврейского заговора. Так я лишний раз убедился в том, что ТРИАЛЕКТИКА (а я предлагаю называть этим обобщающим именем целый класс социокультурных явлений) — вещь совсем не такая уж безобидная, как многим поклонникам нашей «духовности» (удивительным образом постоянно соединяющейся у нас с «державностью») и неиссякаемой «самобытности», может быть, кажется.

Можно, конечно, ещё много сказать о том, что в искусстве (допустим в нашей замечательной анимации) эти «самые невероятные и причудливые сочетания идей» могут быть даже очень плодотворными. Римский Папа Иоанн XXIII, которого ещё при жизни называли святым, а через какое-то время после смерти причислили к лику святых официально, даже советовал добрым католикам смотреть советские мультфильмы, потому, что они учат добру. Но это уже — особый и долгий разговор.

О том, что моделью русского национального характера является психология подростка, что русские доживают до старости так и не повзрослев, писал и Зигмунд Фрейд. Эти соображения развивали и некоторые отечественные авторы.

Кроме того, как я узнал совсем недавно, очень ярко и убедительно о специфике русской ментальности даже в Серебряном веке, сказано в дневниковой записи французского посла в России Мориса Палеолога от 28 декабря 1915 года (сто лет тому назад): «За те почти два года, что я живу в Петрограде, одна черта поражала меня чаще всего при разговоре с политическими деятелями, с военными, со светскими людьми, с должностными лицами, журналистами, промышленниками, финансистами, профессорами: это неопределённый, подвижной, бессодержательный характер их воззрений и проектов. В них всегда какой-нибудь недостаток равновесия или цельности; расчёты приблизительны, построения смутны и неопределённые. Сколько несчастий и ошибочных расчётов в этой войне объясняется тем, что русские видят действительность только сквозь дымку мечтательности и не имеют точного представления ни о пространстве, ни о времени». (цит. по: Виктор Мальков «Россия и мир, 1914—1918 (Пространство времени в воспоминаниях, дневниках и письмах)». «Знание-сила», № 1, 2015, с. 77).

Позже об отсутствии у большинства русских чувства реальности говорил выдающийся физиолог и первый русский Нобелевский лауреат Иван Петрович Павлов в своих прочитанных весной 1918 года лекциях «Об уме вообще и о русском уме в частности» (текст этих лекций неоднократно публиковался и его нетрудно найти в интернете).

Позже Григорий Абрамович Гольц писал: «...слово «правда» в российском обиходе не воспринимается как антоним слову «ложь». В мифологическом сознании народа правда — это некая смысловая структура, которой следует придерживаться. Поэтому печатный листок петровского времени, названный «Правда воли монаршей», воспринимался вполне адекватно, как, впрочем, через много лет и газета «Правда», которую по аналогии можно было бы назвать «Правда воли большевиков».

В обществе возникает и устойчиво передаётся своеобразный страх перед реальностью, ибо сознанию нужна постоянная сказка, приятная жвачка, к которой с детства и до старости привыкли все». (цит. по: «Гипертрофированный страх

перед реальностью в российском обществе: Запись круглого стола «Специфика России как научная проблема» (Окончание), организованного в рамках независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» // Рубежи, 1997, № 3, с. 131–132 и) и по: Ю. Г. Вешнинский «Социокультурная топография Москва: от 1970-х к 1990-м». — В кн. «Москва и «московский текст» русской культуры». Сборник статей. Под ред. Г. С. Кнабе. М, РГГУ, 1998, с. 198–125)».

Где-то в середине 1970-х годов Л. Б. Коган написал довольно сочувственный отзыв на рабочую программу моей так тогда и не написанной диссертации. Она была посвящена проблеме индивидуализации облика жилой застройки крупнейших городов. Точного её названия я уже не помню. И это был, к сожалению, единственный отзыв Л. Б. К. о моих работах. Но быть моим научным руководителем Л. Б. К. и тогда не хотел. Кстати, он (в отличие от Т. М. Дридзе) с большими сомнениями относился к моему замыслу изучать эстетические оценки населением городской застройки при помощи анкетных опросов. А ведь именно в применении принятых в социологии количественных методов в изучении эстетических оценок (при всей непривычности этого в нашей тогдашней науке) городской среды была, пожалуй, главная новизна моих исследований.

Л. Б. Коган посоветовал мне взять научным руководителем тогдашнего заместителя директора по науке ЦНИИТИА Александра Васильевича Рябушина, что мне большого успеха не принесло. Правда, именно он в 1976 году поместил в редактировавшуюся им сборнике ЦНИИТИА «Архитектура и проблемы среды» мою первую опубликованную статью «О простоте и индивидуализации облика массовой жилой застройки (информационно-семиотический аспект)». Но вскоре на секции учёного совета в ЦНИИЭП жилища, где обсуждалась моя рабочая программа, мне накидали множество достаточно вздорных замечаний, с которыми я согласиться не мог, я отказался большинство из них принять и даже слегка надерзил совету. Но, неожиданно для меня, А. В. Рябушин испугался и все эти замечания «за меня» принял! Дело было в том, что обсуждение моей рабочей программы происходило незадолго до защиты в МАРХИ его докторской диссертации и он (будучи вообще не очень смелым человеком) всего боялся. Вскоре мы с А. В. Рябушиным расстались. Между прочим, когда многие (и А. В. Рябушин, — в особенности) убеждали меня в том, что надо принимать все замечания учёного совета своего института, кланяться и благодарить за каждое из них, я с этим не соглашался. А несколько позже я узнал, что Вячеслав Леонидович Глазычев, с которым я уже тогда был немного знаком, побывав на секции учёного совета ЦНИИЭП жилища всего один раз в качестве рецензента одного из моих сослуживцев, назвал в беседе с ним с глазу на глаз членов этой секции учёного совета «краснозадными макаками»! И это окончательно убедило меня в моей (если не тактической, то — стратегической) правоте. Моя попытка убедить бывшего директора ЦНИИТИА, а тогда работавшего, если не ошибаюсь, деканом архитектурного факультета в Институте землеустройства Андрея Владимировича Иконникова стать моим новым научным руководителем не увенчалась успехом. Сначала он быть моим научным руководителем согласился, а потом, подумав, как он выразился, «на холодке», передумал и отказался. Он мотивировал это тем, что в моей рабочей программе главным элементом новизны было её методологическое содержание (использование анкетных опросов), а ему были гораздо более

близки, как он выразился, онтологические проблемы и аспекты формирования городской среды. Когда я пересказал эту мотивировку иконниковского отказа В. Л. Глазычеву, тот, со свойственным ему несколько циничным остроумием, констатировал: «Это даже — правда». Он посоветовал мне предложить научное руководство моей работой, о которой он был уже тогда высокого мнения, директору ЦНИИЭП жилища, доктору архитектуры, члену Госстроя СССР и лауреату многочисленных премий Борису Рафаиловичу Рубаненко. В. Л. Глазычеву казалось, что Б. Р. Рубаненко, как общепризнано умный человек (а тот был, действительно совсем не глуп, но, скорее, хитёр и искушён в аппаратно-карьерных играх, нежели умён в высшем, научно-творческом, смысле слова), тоже оценит новизну моей работы и захочет меня поддержать. И я действительно последовал его совету, но, как я мог бы предвидеть, если бы лучше знал и понимал нашу жизнь вообще, и корпоративно-мафиозные нравы архитектурной среды, в которой я всегда был чужаком, — в частности, согласия не получил. И, вообще, это принесло мне только многочисленные несчастья. Как выяснилось позже, Б. Р. Рубаненко оценил новизну моей работы весьма неожиданным для меня образом, но вполне в духе нашей (да, видимо, и не только нашей) системы. Он, как позже стало ясно, решил сделать автором моей методики анкетных опросов населения свою бывшую аспирантку В. А. Чистову. Изложение последующих событий относится, на первый взгляд, уже не столько к науке как таковой, сколько к описанию и характеристике наших научных нравов. Но я уже тогда начал подходить к идее «безотходного производства» в своих исследованиях. И это натолкнуло меня впоследствии на изучение и разработку уже не урбанографии или аксиологической географии, а социологии научных мафий как самостоятельной области социологической науки.

Для этого была реализована, я бы сказал, многоходовая интрига. В ходе этой интриги мне сначала на конкурсе на должность старшего научного сотрудника (а я занимал должность старшего архитектора, не дававшую научного стажа) заведующий сектором эстетики отдела типологии жилища, в котором я тогда работал, Л. Н. Киселевич втайне от меня подменил положительную характеристику отрицательной. Эта, даже не зачитанная на совете, «секретная» характеристика и предопределила то, что вместо меня на эту должность была избрана другая сотрудница. Она об этом решении не в мою пользу, конечно, знала заранее. И об этом знало почти всё начальство в научном отделении ЦНИИЭП жилища (в первую, разумеется, очередь заместитель директора по науке Евгений Павлович Фёдоров), по прямому указанию которого была переписана моя характеристика. Уже после его смерти мне рассказали, что он был «по совместительству» полковником КГБ. Гораздо хуже для меня было то, что он был однокурсником Л. Б. Когана в МАРХИ и между ними сохранялись неформальные (хотя и неблизкие) отношения. Они даже играли когда-то вместе в студенческом театре. Посвящён в эту интригу был, несомненно, и «сам» наш титулованный директор Б. Р. Рубаненко, который, конечно, и был инициатором и, как это сейчас любят называть, «кукловодом» этой интриги. Я тогда, по простоте душевной, довольно подробно делился с Л. Б. К. своими злоключениями и не очень задумывался над тем, что уже тогда начинал постепенно внушать ему опасения как «неудобный» в его собственных служебных взаимоотношениях человек.

В то время я как раз нашёл ценителя и покровителя моих исследований в лице заместителя заведующего Глав АПУ г. Москвы, члена правления Союза архитекторов СССР, и т. д., и т. п. Валерия Владимировича Степанова, который с первой встречи и знакомства с моими оценочными картами Москвы проявил искренний и живой интерес к моему исследованию. Особенно его заинтересовало несоответствие представления москвичей о центре Москвы (того, что я тогда назвал социально-психологическим центром или СПЦ) Москвы с её геометрическим центром. Он нашёл (или, точнее, думал, что нашёл) для меня заказчика в системе Глав АПУ г. Москвы в виде родственного нашему институту МНИИТЭП и начал, что называется «выдёргивать» оттуда финансирование для моего исследования. Тамошний начальник отдела типологии жилища, родственного нашему, (это был Н. Я. Кордо), которому делиться со мной «своими» плановыми деньгами совсем не хотелось, позвонил начальнику моего отдела Б. Ю. Бранденбургу (а они, разумеется, были приятелями) с просьбой, что называется, «надеть на меня намордник». Руководством моего отдела в самой грубой форме было предложено мне в течение нескольких дней подготовиться и доложить на отделе мою методику анкетных опросов. Об этой моей методике считавшийся в ЦНИИЭП жилища образцом интеллигентности «патриарх» отдела Дмитрий Соломонович Меерсон, (кстати, как я недавно узнал из Википедии, — ученик моего лютого врага Г. А. Захарова) и отец гораздо более известного архитектора Андрея Дмитриевича Меерсона, много и совсем неплохо строившего на северо-западе Москвы, (его, конечно, перед этим умело науськали) мне буквально кричал: «Я не знаю, что у Вас там за методика, но уверен, что это — бред». Он употребил именно такую речевую конструкцию: «Я не знаю, но уверен»! Кстати, в те годы и позже я не раз слышал (в частности, — на учёных советах) ещё одну замечательную речевую конструкцию: «Я не читал, но скажу»! Уже не в первый (и не в последний) раз я увидел, как считающиеся интеллигентными люди, по сигналу: «Фас!» превращаются в волчью стаю, если вообще не в стадо свиней.

Но справедливости ради, хочу сказать, что были и, если так можно выразиться, «гносеологические» основания неприятия моей методики в архитектурной среде. Сама мысль о том, что «обыватели» могут оценивать облик застройки, казалась многим в этой чрезвычайно снобистской среде, в которой парадоксально сочетались, (и сочетаются до сих пор), богемный нарциссизм и бюрократическое высокомерие, почти «потрясением основ». Уже на обсуждении моей методики на отделе её наиболее выпукло выразил руководивший в ЦНИИЭП жилища мастерской действительно очень крупный архитектор Евгений Львович Иохелес (автор известного «Дома полярников» на Суворовском (Никитском) бульваре). Его, кстати, я сам и пригласил, понадеявшись на то, что, будучи другом Л. Б. Когана, убеждённым «горожанином» по культурной позиции и, как я наивно полагал, хоть что-то понимая в социологии города, он меня поймёт и поддержит. Цитирую его слова по стенограмме обсуждения: «На моих объектах это не нужно. Все знают, что в старом городе уютнее. Это не тот метод, который нужен нам. Мы и так знаем всё, что нам нужно. Обыватели не доросли до оценки современной архитектуры. Их дети будут жить в городе, который я строю «на вырост» и они оценят качество архитектуры». «Мы и так знаем всё, что нам нужно» и «обыватели не доросли...». В этом и заключалась «платформа» моих

оппонентов. А ведь в ходе опроса руководителей мастерских ЦНИИЭП жилища, который я незадолго до этого проводил, многие из них признавали необходимость «обратной связи» от жителей городов к архитекторам и градостроителям.

Я дал согласие на обсуждение моей методики на отделе. И тут сказалось то, что я, всё-таки, не совсем зря работал в ЦНИИЭП жилища. Я там познакомился с математиком Серёжей (Сергеем Ефимовичем) Генкиным. Раньше он работал в Институте международного движения (ИМРД) АН СССР у Леонида Абрамовича Гордона. Но, когда Серёжа (сын «врага народа» и убеждённый диссидент) стал «подписантом», Л. А. Гордон оставить его в «идеологическом» институте не мог и устроил в математический отдел ЦНИИЭП жилища, подальше от идеологии. Это было ему, видимо, тем легче, что он сам работал одно время по совместительству в нашем отделе типологии в секторе считавшейся в архитектурных кругах социологом Киры Константиновны Карташовой. Она и её подчинённые занимались (на мой взгляд, — не слишком успешно) взаимоотношениями между жизнедеятельностью семьи и квартирой («жилой ячейкой»). Меня она знала ещё с 1964 года (по мастерской А. С. Образцова, где сама тогда работала), и, почему-то, невзлюбила. Для меня заниматься социологией вне её сектора (и создавая ей конкуренцию) было, видимо, очень опасно. А к себе в сектор она меня не брала. Но Серёжа Генкин познакомил меня с Л. А. Гордоном, а тот, в свою очередь, познакомил меня с Ю. А. Левадой. А уж Ю. А. Левада порекомендовал мне познакомиться с работавшей тогда у очень крупного географа, Юрия Владимировича Медведкова в Лаборатории экологии человека Института Географии АН СССР (ЛЭЧ ИГАН) Натальей Борисовной Барбаш. Ю. В. Медведков был энтузиастом применения в географии сложных математических методов. Но, хочу честно признаться, что я сам, с моим художественным базовым образованием и гуманитарными интересами, а также, возможно, и восходящей к школьной нелюбви к точным наукам, привычкой в математической части своих исследований не выходить за пределы 4-х действий арифметики, в этом разбирался слабо. Даже когда Ю. В. Медведков выступал устно, то его довольно формализованная речь, хотя и производила впечатление «физической силы ума», была мне не очень понятна. Кстати, там же тогда работал и мой будущий 17-летний директор и почти столь же многолетний «истребитель» в Институте Наследия Юрий Александрович Веденин. Впоследствии и Ю. В. Медведков с женой, а затем и Н. Б. Барбаш с мужем эмигрировали в США. Но, как я слышал, к тому времени в США сложные математические методы и модели в изучении городов уже несколько вышли из моды. И Ю. В. Медведкову там пришлось нелегко.

И вот, когда мне понадобилось отстоять свою методику на отделе, то я за несколько дней обеспечил себе личное присутствие на нашем довольно убогом отделе Л. А. Гордона и Н. Б. Барбаш и получил письменные отзывы на свою работу Ю. А. Левады и А. С. Ахиезера. Сейчас трудно поверить, какой быстрой, активной и действенной была тогда бескорыстная солидарность в научно-творческой среде. Причём, если Л. А. Гордон попросил меня что-нибудь напомнить (а может быть даже и дать ему что-нибудь моё почитать), чтобы освежить в памяти мои сюжеты, то Ю. А. Левада написал всё по памяти об устном разговоре, состоявшемся несколько месяцев тому назад! Мы с ним встретились на

одной из станций метро и он, как дед-мороз, вынул и дал мне, на мой (особенно тогдашний) взгляд, совершенно замечательный текст отзыва. Не могу удержаться от тщеславного желания привести полностью этот отзыв:

ОТЗЫВ О РАБОТАХ Ю. Г. ВЕШНИНСКОГО

В последнее время Ю. Г. Вешнинский опубликовал и подготовил ряд материалов по социально-эстетическим проблемам градостроительства. Им было проведено интересное по замыслу и результатам исследование восприятия и оценки жилой застройки различных районов Москвы их жителями. В исследовании использовались методы социологического опроса.

Несмотря на сравнительно скромный объём названного исследования (оно должно рассматриваться как пилотажное), оно позволяет судить о плодотворности разработанной автором методики и обнаруживает некоторые существенные стороны оценки различных типов городской застройки, которые было бы полезно учитывать в теории и практике градостроительства. Эта проблематика представляет также очевидный интерес в плане социологии и социальной психологии города.

Прежде всего, хотелось бы отметить значение самого анализа той весьма важной стороны городской структуры, которую можно было бы назвать «массово-субъективной» – это система оценок и сравнительных предпочтений определённых эстетических сторон застройки, которая складывается и действует в массовом сознании различных групп населения. О системе оценок здесь правомерно говорить, поскольку при всём разбросе склонностей отдельных лиц как раз изучение массовых оценок должно дать сравнительно устойчивые и взаимокоррелированные показатели. Очевидно, что действие таких оценок не ограничивается только сознанием: они играют существенную роль в ориентации соответствующих форм массового поведения (выбор места жительства и типа застройки и т. д.). Учёт массовых оценок мог бы, вероятно, дополнять или даже корректировать воззрения и проекты специалистов-архитекторов (при этом следует учитывать, что в массовых оценках и вкусах в той или иной мере бывают отражены и «специализированные» точки зрения, получающие популярность через каналы массовой коммуникации).

Проделанная Ю. Г. Вешнинским работа позволяет судить о существовании довольно устойчивых предпочтений жителей в сравнительной оценке различных районов застройки Москвы. Правомерны, хотя и требуют более тщательной проверки, гипотезы о корреляционной связи таких предпочтений с определёнными типологическими характеристиками отдельных групп населения.

Как уже отмечалось, проделанную работу пока следует рассматривать как пилотажную (пробную), т. е. направленную на обнаружение самой проблемы, подлежащей исследованию, и опробование соответствующих методов исследования. Основным результатом этой работы можно считать подтверждение важности более широкого и систематического изучения того круга проблем, которые выявлены в исследовании Ю. Г. Вешнинского.

При дальнейшей работе в этом направлении было бы возможно и нужно рассмотреть более широкий круг характеристик и, естественно, ставить задачу строгой доказательности обнаруживаемых связей. В частности, было бы важно проследить соотношение чисто «эстетических» оценок градостроительной среды в массовом сознании с оценками более «утилитарного» характера (транспортная доступность и пр.).

Полагаю, что начатая Ю. Г. Вешнинским работа заслуживает внимания и поддержки.

Старший научный сотрудник ЦЭМИ АН СССР
доктор философских наук

(Левада Ю. А.)

21 сентября 1980 г.

И ведь этот прекрасный отзыв, которым я горжусь до сих пор, при обсуждении моей методики на отделе даже не был зачитан. Не был зачитан и более краткий отзыв А. С. Ахиезера. Такова была сила ненависти ко мне. Правда, позже я приложил их к стенограмме обсуждения моей методики на отделе и не раз показывал коллегам. А то место, где в отзыве говорилось о «массово-субъективной» стороне городской структуры, я потом неоднократно цитировал. Надо сказать, что я, докладывая свою методику и чувствуя «ток ненависти», исходивший как от начальства, так и от значительной части сослуживцев, сильно волновался и говорил несколько сбивчиво. Но Л. А. Гордон, в каком-то смысле, изложил её суть за меня. Он живо и популярно обрисовал и её новизну, и её практическую полезность. Именно он своим присутствием и исключительным талантом полемиста добился того, что, хотя бы, стереть меня в порошок нашим «краснозадым макакам» тогда не удалось. Н. Б. Барбаш тоже внесла свой вклад в это дело. Надо сказать, что, хотя я и волновался за свою судьбу и за судьбу своей работы, но я не мог не любоваться как бы со стороны блеском интеллекта и красноречия Л. А. Гордона. Но, когда после почти двухчасового побоища Л. А. Гордон уходил, то, в ответ на мои благодарности, он мне сказал: «Имейте в виду, мы пришли и ушли, а Вы здесь остаётесь. До чего же Вас не любят. Как Вы будете здесь дальше работать, ума не приложу». Л. А. Гордон, надо отдать ему должное, был (в отличие от меня и наряду с другими своими талантами), ещё и незаурядным дипломатом. Правда, заключил он этот разговор, по-моему, несколько наивным для такого умного человека советом: «Добейтесь, чтобы Вас полюбили». Помню, что когда я пересказал этот совет А. С. Ахиезеру, тот засмеялся. Такие отношения (увы!) необратимы! Стоит ещё отметить, что именно Тамара Моисеевна Дридзе, которой отзыв Ю. А. Левады понравился, убедила меня идти в этом вопросе до конца и, несмотря на сопротивление начальства, оформить стенограмму этого обсуждения в качестве официального документа. Эта стенограмма, вкупе с письменными отзывами, объективно укрепила мои позиции как в моей конторе, так (и в особенности) за её пределами, хотя, разумеется, и не прибавил ко мне любви начальников и многих сослуживцев. Интересно, что все мои начальники и почти все сослуживцы не знали, в какой глубокой опале был тогда Ю. А. Левада. У нас же почти все занимались больше бетонными панелями, чем идеями. И тех из них, кто видел его отзыв, слава богу, не насторожило, что доктор философских наук Ю. А. Левада занимал в ЦЭМИ, куда его сослали после погрома социологии в Институте конкретных социологических исследований АН СССР (теперь — Институт социологии РАН), почти ту же должность, что и я сам.

Надо ещё сказать, что разрешения на продолжение официальных переговоров с В. В. Степановым от лица ЦНИИЭП жилища о заключении хозяйственного договора я тогда так и не получил. Это нашло своё отражение и в резолютивной части стенограммы обсуждения моей методики на отделе. А ведь именно это было для меня тогда самым главным. И сам В. В. Степанов, в некотором недоумении, сказал мне, что должен переварить эту информацию. Интересно (и поучительно для меня как для социолога) было видеть как высокопоставленного, титулованного и властного начальника парализовали его собственные подчинённые. Тогда пришлось взять тайм-аут. Да и с научным руководством моей диссертацией был полный туман. Проблема отсутствия научного руководителя наглухо заблокировала тогда мою дальнейшую работу над диссертацией. И я надолго (более, чем на

тридцать лет) перестал сколько-нибудь серьёзно думать о защите диссертации. Защитился я только в 2010 году (уже в пенсионном возрасте). Отношение ко мне Л. Б. Когана, связанного с моими врагами в архитектурной среде множеством неформальных (и формальных) связей, тоже совсем не улучшалось от этих конфликтов и от моих рассказов ему о них. И ведь я совсем не пытался «втравить» его в эти конфликты! Мне просто надо было выговориться. Была тут, как я понял позже, и ещё одна причина. Начав изучать эстетические оценки городской среды принятыми в социологии количественными методами, я в чём-то опередил своего учителя в научном отношении. А этого Л. Б. К. категорически не любил. В его характере (и в его отношении к ученикам) было что-то от того деспотизма и ревливости, с которыми, судя по воспоминаниям современников, относился к ним Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Не зря, ведь В. Э. Мейерхольда многие считали главным прототипом Карабаса Барабаса в «Золотом ключике» А. Н. Толстого. Да и в образ Ивана Грозного, по мнению некоторых исследователей, Сергей Михайлович Эйзенштейн внёс кое-что не только от И. В. Сталина, но и от В. Э. Мейерхольда. Особенно это относилось к гриму.

Впрочем, следует отметить, что именно Л. Б. К. посоветовал мне не пользоваться в своих анкетах семибалльной шкалой семантического дифференциала (СД), которой уже тогда любили пользоваться психологи и социологи. Он мне сказал, что, чем тоньше и сложнее объект исследования, тем жёстче и, если угодно, грубее должен быть инструмент его измерения. И я в дальнейшем всегда применял в своих анкетах трёхбалльную шкалу. И ещё Л. Б. К. говорил мне (и не только мне), что должен постоянно действовать «лифт» от теории к эмпирическим исследованиям и обратно. Он тогда часто критиковал высказывания наших общих коллег из мира архитектуры и градостроительства о том, что они занимаются прикладными исследованиями. «А что прикладывается? — любил он говорить, — Прикладные исследования — это же приложение теории к практике!». А теорию у нас в ЦНИИЭП жилища (да и в ЦНИИП градостроительства, отчасти, тоже) откровенно не любили. И, в этой связи, он часто повторял, что «не всё, что хорошая вещь есть наука». Это в особенности относилось к преобладавшим в наших учёных советах проектировщикам, убеждённым (как было мной показано выше) в том, что они не только в проектировании, но и в науке тоже всё понимают. Была у меня с Л. Б. К. и ещё одна полезная для меня беседа. Когда в 1984 году я получил по почте самый мой любимый из лотмановских тартуских сборников: «Семиотика города и городской культуры. Петербург», то я с увлечением начал пересказывать Л. Б. К. по телефону основное содержание помещённой там статьи Д. С. Лихачёва «Заметки по интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века (по воспоминаниям)». Видимо, именно тогда я «положил глаз» на слово «топография» применительно к явлениям культуры. Кстати, я тогда ещё не подозревал, что значительно позже прослужу в достаточно серой конторе его имени 17 лет. Особенно мне понравились два заключительных абзаца этой статьи:

«Итак, в городах и пригородах существуют районы наибольшей творческой активности. Это не просто «места жительства» «представителей творческой интеллигенции», а нечто совсем другое. Адреса художников различных направлений, писателей, поэтов, актёров вовсе не группируются в некие кусты. В определённые кусты собираются «места деятельности», куда тянет собираться,

обсуждать работы, беседовать, где обстановка располагает к творческой открытости (прошу извинения за это новое вводимое мной понятие), где можно быть «без галстука», быть во всех отношениях расторможенным и в своей среде.

Примечательно, что тяга к творческому новаторству возникает там, где появляется группа людей потенциальных или действительных единомышленников. Как это ни парадоксально на первый взгляд может показаться, но новаторство требует коллективности, сближения и даже признания, хотя бы в небольшом кружке людей близкого интеллектуального уровня. Хотя и принято считать, что новаторы по большей части люди, сумевшие подняться над общим мнением и традициями, это не совсем так. К этому стоит приглядеться.» (цит. по: Д. С. Лихачёв «Заметки по интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века (по воспоминаниям)». — В кн.: «Семиотика города и городской культуры. Петербург». (Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, ТГУ, 1984, с. 77).

Л. Б. К. терпеливо выслушал мой рассказ об этом моём «открытии», а потом с торжеством прочитал мне с листа слова из книги Адна Форин Вебера, напечатанные в русском переводе в 1903 году (почти за восемьдесят лет до процитированных выше слов Д. С. Лихачёва), которые я привожу чуть более полно и в современной орфографии: «Городская жизнь может и не производить гениев, но она приводит мыслителей в соприкосновение между собою, она вызывает в них священный импульс к оригинальности путём симпатии или антагонизма». И чуть дальше: «Гений часто рождается в деревне, но он проявляется и развивается в городе». (цит. по: А. Вебер. «Рост городов в 19-м столетии». Перевод с английского А. И. Котельникова, Издание Е. Д. Кусковой, С.—Петербург, 1903, с. 431 и 435). Л. Б. К. привёл мне это ещё и как пример того, что уже тогда знаменитый академик Д. С. Лихачёв, когда он выходил за пределы своей основной специальности (древнерусской литературы и культуры), был вовсе не так оригинален, как многие до сих пор думают.

Включив в текст воспоминаний первый отзыв Ю. А. Левады о моих работах (второй был написан в 2002 году), я задумался вот о чём. В разное время о моих работах положительно отзывались и писали положительные отзывы достаточно известные и авторитетные люди. Это были: И. Е. Данилова, Ю. М. Лотман, Ю. А. Левада, А. С. Ахиезер, О. Н. Яницкий, Л. А. Гордон, В. Л. Глазычев, Т. М. Дридзе, Т. М. Говоренкова, Л. А. Гольц, Ю. В. Медведков, А. Э. Гутнов, О. С. Пчелинцев, В. Ю. Переведенцев, О. И. Шкаратан, Г. И. Комеч, С. О. Шмидт, Г. С. Кнабе, А. Г. Левинсон, Б. Б. Родоман, Э. А. Орлова, И. В. Кондаков и ещё немало других. Не думаю, что среди тех, кто работает в моей области и сегодня ещё жив, найдётся много авторов, на работы которых есть положительные отзывы стольких (и таких) авторитетных людей. А сюда можно ещё добавить и больших начальников типа того же В. В. Степанова, нынешнего Президента МАрхИ и РААСН А. П. Кудрявцева, Главного архитектора Москвы в 1987—1996 гг. Л. В. Вавакина, в кабинете которого в 1987 году целый месяц стоял планшет с моей оценочной картой Москвы, нынешнего заместителя министра культуры РФ Г. П. Ивлиева, поздравившего меня с 70-летним юбилеем, что долго скрывали от меня два сменявших друг друга директора Российского НИИ куль-

турного и природного наследия (имени Д. С. Лихачёва!), и т. д. И как же устроен наш мир, если при всём этом у меня не напечатано ни одной книги, я сегодня безработный и почти никак и нигде не востребован.

Но мои отношения с Л. Б. Коганом ждали ещё более суровые испытания. В это время завершалась подготовка к передаче в Стройиздат для печати коллективной монографии «Эстетика массового индустриального жилища» (под общей редакцией Б. Р. Рубаненко, разумеется). Она была напечатана в 1984 году. У меня в этой монографии был единолично написанный мной раздел «Социально-психологические аспекты восприятия и оценки городской жилой застройки». Это был, пожалуй, единственный раздел в этой монографии, в котором содержалась реальная научная новизна. И вот, когда рукопись уже завершённой монографии передавали в Стройиздат, я совершенно случайно обнаружил, что выброшен из авторского состава и автором единолично написанного мной раздела оказалась бывшая директорская аспирантка В. А. Чистова. Уже накопив заряд недовольства и возмущения предыдущей «эскалацией сволочизма» по отношению к себе, я предпринял самые жёсткие меры в защиту своих авторских прав. Поехал в Стройиздат и передал секретарше главного редактора издательства (под расписку) свой письменный протест. В конечном счёте, я оказался обладателем фотокопий четырёх вариантов титульного листа уже завершённой коллективной монографии. В каждом из них объём моего авторства был указан по-разному. И каждый раз я предпринимал всё более жёсткие меры по отношению к высокопоставленным и привыкшим к полной безнаказанности вора. Скандал выплеснулся в самые разные и довольно высокие инстанции (включая Стройиздат, партбюро ЦНИИЭП жилища, Тимирязевский РК КПСС и, что оказалось особенно результативным, — ВААП). А это уже было, как не мог не понять Б. Р. Рубаненко, преддверие суда! Такого в истории ЦНИИЭП жилища (и его титулованного директора) ещё не было. В результате этого я полностью восстановил своё авторство, но и полностью восстановил против себя всю администрацию института. И Л. Б. К. прямо сказал мне, что «в его глазах я противопоставил себя всему институту». Вот так. Я не раз потом выслушивал критику моего тогдашнего поведения как чрезмерно жёсткого и чреватого многими конфликтами. Но если я сейчас считаюсь основоположником аксиологической географии, то именно потому, что тогда, не пожалев усилий, здоровья и служебно-карьерных издержек, не позволил Б. Р. Рубаненко и его бывшей аспирантке В. А. Чистовой присвоить мою работу и ещё на старте «оседлать» это новое (и не только в нашей науке) научное направление. Развить его (и даже придумать ему это название) они бы не смогли. И оно было бы, несомненно, изгажено и загублено. Кстати, примерно в это же время я присутствовал на защите докторской диссертации Л. Б. Когана в ЦНИИП градостроительства, которая неожиданно была снята с весьма успешно проходившей защиты. Я почти сразу позвонил Л. Б. К. и высказал ему и своё неизменное уважение к нему, и всё своё возмущение нравами в ЦНИИП градостроительства, который Л. Б. К. и раньше не советовал мне идеализировать.

Стоит ещё отметить, что, в ходе моей затяжной борьбы за своё авторство, до начальства постепенно стало доходить, что единственный способ «отвязаться» от меня — дать мне, наконец, заниматься своим любимым делом. Это напомнило мне решение руководства «Геркулеса» по отношению к иностранному инженеру

Генриху Мария Заузе в «Золотом телёнке» Ильфа и Петрова. А ведь я и на самом деле был уже тогда, в каком-то смысле, «иностранцем» в нашем научном сообществе. И мне разрешили снова вступить в переговоры с В. В. Степановым, который был очень доволен тем, что известная ему (очень незначительная) часть конфликта разрешилась без его участия. На этот раз В. В. Степанов передал вопрос о финансировании моей работы на решение Алексею Эльбрусовичу Гутнову. Он был, пожалуй, самым интеллигентным и творческим человеком в НИиПИ Генплана Москвы и руководил там тогда научным отделом (самым культурным подразделением в этом институте). Как я узнал недавно из Википедии, он вырос в семье известных российских революционеров. Он был не только сыном осетинского революционера, а впоследствии (с 1922 года) — секретного агента Коминтерна (и лично Сталина) в Германии Эльбруса Гутнова и известного историка-медиевиста Евгении Владимировны Гутновой (Левицкой-Цедербаум). Она была дочерью узника Гулага Владимира Левицкого-Цедербаума. А он, в свою очередь, был младшим родным братом Юлия Осиповича Мартова (Цедербаума). Таким образом, А. Э. Гутнов был внучатым племянником основателя русского меньшевизма (и друга молодости Владимира Ильича Ульянова-Ленина) Юлия Осиповича Мартова (Цедербаума). И конечно, А. Э. Гутнов, как член КПСС, совсем не афишировал эту часть своей родословной.

Начав (вместе с Георгием Георгиевичем Дюментоном, Ильёй Георгиевичем Лежавой и др.) с довольно утопических идей НЭР («Новый элемент расселения»), А. Э. Гутнов постепенно продвигался к более глубокому и подлинно научному подходу к городу. Впоследствии я не раз ссылался на автореферат защищённой в 1980 году докторской диссертации А. Э. Гутнова «Структурно-функциональная организация и развитие градостроительных систем». Моя работа (а я с перерывами сотрудничал с НИиПИ Генплана до 1990 года), как я постепенно понял, интересовала А. Э. Гутнова и близких ему людей в качестве социологической подосновы для уже тогда вырисовывавшегося в его мечтах альтернативного Генплана Москвы, который, к сожалению, так и не был реализован. Этот альтернативный Генплан, в идеале, должен был быть ориентирован не на планы отраслей и ведомств (как это всегда было раньше), а на изучение запросов самих москвичей. Можно сказать, что это должен был быть, если так можно выразиться, «Генплан с человеческим лицом». Думаю, что именно для этого «на заре перестройки» А. Э. Гутнов принимал активное участие в проходивших в ИС АН СССР семинарах Тамары Моисеевны Дридзе. В них принимал участие и Олег Артёмович Баевский, тогда — «правая рука» А. Э. Гутнова. Сейчас он — заместитель директора НИиПИ Генплана Москвы. Но, как я уже не раз слышал и читал, интерес к связанным с изучением общественного мнения научным сюжетам О. А. Баевский (как и почти все нынешние градостроительные начальники) давно утратил. Из нынешних исследователей-градоведов, среди участников тех семинаров мне вспоминается только Александр Михайлович Лола. Как жаль, что А. Э. Гутнов умер уже в 1986 году в возрасте всего лишь 49-ти лет, едва успев стать заместителем директора НИиПИ Генплана Москвы по науке. Он явно не успел вполне реализовать свой незаурядный творческий и организаторский потенциал.

В результате переговоров с А. Э. Гутновым, я от лица ЦНИИЭП жилища заключил свой первый хозяйственный договор с НИиПИ Генплана Москвы. Результатом его стал мой отчёт о НИР по теме «Обобщить теоретические разра-

ботки и эмпирические данные об оценке населением архитектурно-композиционных качеств жилой среды новых жилых районов Москвы с выводами и предложениями». В нём были обобщены результаты проводившихся мной в 1978 году моих опросов жителей тогдашних новых жилых районов Москвы Ивановского, Орехова-Борисова и Ясенева со сравнительными эстетическими оценками их жилой застройки. Так я уже в 1983 году, что называется, «вступил в рынок». Это давало мне значительные преимущества. Прежде всего, оценку моей работе давали уже не начальники, а заказчики. А им было, в общем-то, всё равно, есть ли у меня учёная степень, или её нет, и каковы мои отношения с моим институтским начальством. Конечно, я и сам не афишировал там свои служебные конфликты. Я уже тогда начал понемногу осмысливать то, что сейчас, в рамках основанной мной социологии научных мафий (или, точнее, — социологии научных и интеллигентских мафий и тоталитарных сект), я называю законом сообщающихся гадюшников. Этот сформулированный мной закон гласит: «Уровень подлости в отдельно взятом гадюшнике не может быть существенно ниже уровня подлости во всей системе сообщающихся гадюшников». Кроме того, человек, приносивший в институт хоздоговорные деньги из «моссоветовской» системы, был удобен всем тем, кто, используя все формальные и неформальные связи, с азартом делил спущенные сверху «госстроевские», плановые деньги, т. к. не участвовал в этой делёжке сам и не мешал делить деньги другим.

В 1984 году я написал для НИиПИ Генплана Москвы по новому хозяйственному договору ещё один отчёт о НИР по теме «Образ жизни и запросы населения к организации жилой среды в новых районах Москвы с выводами и предложениями». Там я постарался, в частности, собрать почти полный обзор тогдашней литературы на русском языке по городскому образу жизни и по перцептивной социологии города.

В 19885 году я провёл ещё одну серию анкетных опросов жителей Ивановского, Орехова-Борисова и Ясенева (добавив ещё жителей Строгина). Это дало мне возможность в 1986 году по новому хоздоговору написать для НИиПИ Генплана Москвы ещё один отчёт о НИР «Изучение восприятия и сравнительной оценки населением эстетической привлекательности городской среды различных частей территории Москвы с выводами и предложениями». Особенностью этого отчёта было то, что там упор впервые был сделан мной на распределение положительных и отрицательных эстетических оценок жителями окраинных жилых районов различных частей территории Москвы, включая её центр. Я даже выполнил на большом подрамнике путём аппликации довольно эффектную (и шокировавшую некоторых архитекторов) оценочную карту Москвы с плакатно яркими цветными плоскостями, символизировавшими разные типы оценок москвичами разных частей территории Москвы. На этой же карте были нанесены границы того, что я уже тогда называл социально-психологическим центром (СПЦ) Москвы.

В том же году я демонстрировал эту карту на своём первом «вневедомственном» публичном выступлении в возникшем на волне «перестроечных вольностей» при Некрасовской библиотеке клубе «Москва». Эта библиотека была, как бы, моей «домашней». Она находилась тогда ещё в самом эпицентре тогдашней (да и — нынешней) общественной активности в Москве, на Большой Бронной возле Пушкинской площади и Новопушкинского сквера. Это было

очень удобно не только для меня (я жил тогда на Тверском бульваре), но и для всех её читателей и посетителей. Не то, что сейчас, когда её «забросили» в район станции метро «Бауманская». Клубом руководили Алексей Алексеевич Клименко от Экспертно-консультативного общественного совета при главном архитекторе Москвы (ЭКОС) и Эсфирь Семёновна Красовская от самой библиотеки. Моё выступление называлось «Москва глазами москвичей» и по его окончании я впервые слышал аплодисменты незнакомых мне людей. Потом я демонстрировал эту карту ещё не раз во время своих публичных выступлений. В том же году я выступал на семинаре у Селима Омаровича Хан-Магомедова и именно там 10 апреля 1986 года я впервые «застолбил» в качестве названия основанного мной нового научного направления термин «аксиологическая география» или «аксио-география». А позже, в 1987 году, планшет с моей оценочной картой Москвы примерно месяц стоял в кабинете нового, «перестроечного» Главного архитектора Москвы Леонида Васильевича Вавакина. Тогда, «на заре перестройки», модно было «играть в демократию». Но как же быстро это закончилось.

Впрочем, мудрая Т. М. Дридзе ещё тогда, когда я однажды повторил в беседе с ней модную в то время фразу о перестройке как о революции, ответила мне: «РЕВОЛЮЦИЯ В РИТОРИКЕ!». Как же она была права. А теперь, когда вся власть в нашей многострадальной стране принадлежит агентам тайной политической полиции разных рангов, у нас вообще слово «революция» воспринимается как во времена Николая Палкина, А. Х. Бенкендорфа и Л. В. Дубельта. Но есть и одна, на мой взгляд, важная разница. Наши нынешние жандармы-чекисты (поднятые на вершины власти из советских подворотен) полностью лишены даже тех «предрасудков» дворянской чести, которые, всё-таки, были свойственны прежним. Тот же Л. В. Дубельт, храбро сражался с Наполеоном, дружил в молодости с декабристами (его фамилия как однажды упомянутая на следствии даже фигурировала в составленном по указанию Николая I алфавите декабристов), не брал взяток и всегда выдавал своим агентам в награду суммы, кратные трём. Он никогда не сказал бы публично, что «все приличные люди начинали в разведке». И А. Х. Бенкендорф тоже был не только отважным воякой и умелым, деятельным военачальником. Ю. М. Лотман писал о нём, что он (будучи шефом жандармов), «не измышлял ложных обвинений» и «не преследовал личных врагов!» (выделено мной и цит. по: Ю. М. Лотман. «Александр Сергеевич Пушкин». Биография писателя. Пособие для учащихся. Издание второе, Ленинград, «Просвещение», Ленинградское отделение, 1983, с. 141). Мыслимое ли это дело у нас сейчас, если и в советские времена это было практически невероятно? В моей весьма богатой служебной биографии (а в моей трудовой книжке ещё задолго до конца «прошлого тысячелетия» был вкладыш) начальников, способных в благородстве сравняться с шефом жандармов А. Х. Бенкендорфом, просто не было.

В 1986 году, почти сразу после вынужденного ухода на пенсию и последовавшей вскоре смерти Б. Р. Рубаненко и началом директорства умело «подсидевшего» его Станислава Васильевича Николаева (личности гораздо более отрицательной), моё положение в ЦНИИЭП жилища неожиданно резко ухудшилось. Как только С. В. Николаев стал директором, в ЦНИИЭП жилища появилась стишок: «Среди мелких подлецов, — всех крупнее Острцов, а среди крупных негодяев, — очень мелок Николаев». Валерий Митрофанович Острцов ещё при

Б. Р. Рубаненко стал главным инженером ЦНИИЭП жилища и был жутким антисемитом (и, кстати, — давним личным другом тогдашнего первого секретаря МГК КПСС, а потом и первого президента России, Бориса Николаевича Ельцина). При всей обоснованности моих претензий к Б. Р. Рубаненко, о нём таких стишков, всё-таки, не складывали. Недавно мне рассказали, что уже сын В. М. Острцова сейчас стал директором ЦНИИЭП жилища, а С. В. Николаев — его генеральным директором!

В 1987 году меня уволили за якобы совершённый мной прогул. И хотя я, после долгих мытарств, доказал на суде, что прогула не было, и был восстановлен судом на работе с выплатой мне трёхмесячного оклада за вынужденный прогул (из кармана директора), дальнейшее моё пребывание в ЦНИИЭП жилища стало невыносимым и невозможным. Я вынужден был уйти, уже по собственному желанию, фактически — на улицу. Я какое-то время кантовался по временным работам, сначала — два месяца в НИИ строительной физики, а потом (после месячного перерыва) — ещё два месяца в ЦНИИП градостроительства. Там я работал с Эмилем Абрамовичем Паиным, который позже (в годы президентства Б. Н. Ельцина) был членом президентского совета Российской Федерации. Вячеслав Леонидович Глазычев звонил тогдашнему директору ЦНИИП градостроительства Виктору Владимировичу Владимирову (однокурснику того же Б. Н. Ельцина) и советовал ему сохранить меня для ЦНИИП градостроительства как полезного сотрудника. Но тогда там намечалось какое-то сокращение штатов. Речь шла о том, чтобы проситься (или не проситься) «на живое место». Мне ничего не оставалось, кроме того, чтобы снова уходить на улицу (на этот раз уже — в прямом смысле слова). И я полгода проработал разносчиком телеграмм в почтовом отделении на улице Воровского (Поварской).

Но ещё в самом начале этого «перехода через пустыню», когда я позвонил Л. Б. К. с просьбой взять меня к нему в группу (а он перешёл в это время в НИИПИ Генплана Москвы, где мои работы ценили) выяснилось, что Л. Б. К. категорически не желает видеть меня в своём коллективе. На мой вопрос, почему он не хочет меня брать к себе, Л. Б. К. ответил, что «считает это нецелесообразным»! Я и сам мог бы догадаться заранее, с какой именно целью считал Л. Б. К. несообразным работу у себя неугодного начальству одного из первых (и, не только по моему убеждению, — лучшего) из своих учеников. Это был для меня очень сильный удар. Тем более, что с этого момента начался многолетний бойкот всего, что со мной связано со стороны Л. Б. Когана. Знал ли он, что я полгода проработал почтальоном? Скорее всего — нет. Но, если бы даже он это и знал, — я думаю, что он тогда, скорее всего, остался бы к этому, в лучшем случае, равнодушен. Тогда я особенно глубоко осознал совсем не новую истину: «У каждого достанет мужества перенести несчастье ближнего». Между прочим, ещё раньше этого полного разрыва Л. Б. К. со мной, я пожаловался на ухудшающееся отношение ко мне Л. Б. К. Михаилу Вениаминовичу Борщевскому (первому мужу Галины Васильевны Старовойтовой). Он тогда руководил небольшой социологической группой в ЦНИИТИА и редактировал мою статью. Она называлась «Социально-эстетические предпочтения москвичей (оценка городской среды различных частей территории Москвы)» и была опубликована под грифом ЦНИИП градостроительства в сборнике «Социальные проблемы архитектурно-градостроительного развития Москвы». Этот сборник вышел в 1988 году.

Я во время того разговора сказал М. В. Борщевскому, фразу, которую в то время не раз повторял: «Леонид Борисович Коган, как Крон, пожирает своих детей». И он мне дал понять, что всё это можно охарактеризовать по-русски и без антично-дантоновских красот.

Но даже в тот период, когда я разносил телеграммы на почте, я вёл, как бы, «двойную жизнь» и, в частности, 28 июля 1988 года с успехом выступил с докладом о своих исследованиях на заседании Президиума Экспертно-консультативного общественного совета при Главном архитекторе города Москвы (ЭКОС). Это заседание проходило прямо в кабинете тогдашнего ректора (ныне — президента) МАрХИ Александра Петровича Кудрявцева. В 1999 году он был избран ещё и президентом Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН). Он и подписал решение Президиума ЭКОС. Это решение носило длинноватое название «О социологических исследованиях восприятия и качественной оценки населением городской среды, проводимых в гор. Москве Ю. Г. Вешнинским». Оно опиралось на положительные отзывы о моих исследованиях Тамары Моисеевны Дридзе, руководителя мастерской № 7 Центральной планировочной зоны г. Москвы Б. В. Бодя и упоминавшегося выше С. А. Баевского и давало весьма положительную оценку моим работам. Подготовлено оно было, насколько мне известно, игравшим роль модератора на этом заседании замечательным искусствоведом и москвоведом (и, как показала жизнь, мужественным, благородным человеком и подлинным гражданином) Алексеем Ильичём Комечем.

Да и в создании Хозрасчётного научно-исследовательского центра (ХНИЦ) при Президиуме Советской социологической ассоциации (ССА) я принимал тогда же посильное участие. Но наши отношения с Л. Б. К. тогда уже не поддерживались совсем, хотя я продолжал ссылаться на известные мне его научные труды. Был тут, правда, и один положительный момент. Будучи предоставленным моим первым научным учителем нелёгкой, но своей собственной судьбе, я стал постепенно избавляться от, возможно, излишней психологической зависимости от мнений и советов Л. Б. К. и учился думать и принимать решения всё более самостоятельно.

И, хотя в начале нового тысячелетия наши отношения стали, вроде бы, налаживаться, но прежние доверительные (по крайней мере — таковы они были с моей стороны) отношения стали уже невозможны. Тем более, что, никаких сожалений (и уж, тем более, — угрызений совести) в отношении сделанного по отношению ко мне в предыдущий период Л. Б. К. явно не испытывал. Удивительна, всё-таки, способность многих людей этого круга, смолodu скованных корпоративно-кастовой солидарностью, чувствовать себя всегда правыми. И, кроме того, как отмечали многие, Л. Б. К. на склоне лет становился всё более нетерпимым и неадекватным. Под влиянием распада и деградации отечественной (и не только отечественной) науки он стал всё больше идеализировать и советскую науку, и советскую систему, в подлинной (чудовищно бесчеловечной) природе которой у меня уже не оставалось сомнений. И то, что мы наблюдаем сейчас, — лучшее доказательство глубокой извращённости и бесчеловечности большей части советского наследия. Его сейчас снова стало модно восхвалять, «консервировать» и самым диким образом «скрещивать» с православием, самодержавием и народностью. Ведь в качестве «объединяющей» «национальной

идеи» мы сегодня получили, фактически, национал-социализм. Впрочем, не следует забывать, что первые шаги в этом направлении делались уже при Сталине. В каком-то смысле, — круг замкнулся.

В последний раз мы встретились с Л. Б. Коганом в день похорон В. Л. Глазычева. Я по ошибке поехал не в клиническую больницу, где проходило прощание с В. Л. Глазычевым, а в бывшую «Кремлёвскую» поликлинику в Сивцевом Вражке. И по дороге встретил Л. Б. К., который шёл оттуда с процедур. Кажется, впервые за много лет мы поздоровались за руку. Я спросил Л. Б. К., почему он не поехал проститься с В. Л. Глазычевым. Из его ответа я понял, что, по мнению Л. Б. К., и В. Л. Глазычев, и Т. М. Говоренкова — это не то. То, что я тоже — не то, подразумевалось, видимо, само-собой. Вообще, по давнему убеждению Л. Б. К., которого он почти не скрывал, настоящей наукой занимался он один, а все остальные занимались, в общем-то, фигнёй. Над этим «в наших кругах» подшучивали всегда, уже почти не обижаясь. А потом он стал говорить все эти его любимые в последние годы жизни, но новые тогда для меня, слова о том, какой чудесной была наша советская наука и вся наша советская жизнь «Леонид Борисович, — не удержался я, — у Вас же отец сидел!». «У меня и мать сидела, — уточнил Л. Б. К. (а я тогда ещё этого не знал). И поэтому я имею право сказать и советую Вам прислушаться к моим словам: у нас было великое государство... и т. д.». Спорить я не стал, но остался при своём. Больше при жизни Л. Б. К. мы с ним не встречались. Я увидел его в последний раз только в гробу на его гражданской панихиде.

Между прочим, спустя какое-то время, я решил пойти на Новодевичье кладбище, чтобы положить цветы на место последнего упокоения праха и Л. Б. Когана, и его отца, и где я до этого не бывал лет двадцать. Я довольно долго бродил по этому кладбищу, разглядывая монументы и читая надписи. Это, несомненно, — музей под открытым небом. И там похоронено немало действительно выдающихся людей. Но меня не оставляло чувство глубокого отчуждения от того духа номенклатурной привилегированности, которым пронизана и стилистика большинства монументов (особенно — партийно-военных деятелей), и само это место в целом. У меня в памяти не раз всплывали горькие строки из песни Александра Городницкого «Новодевичий Монастырь», которые, по-моему, лучше всего отражают этот его дух:

У нарядных могил обихоженный вид, —
Здесь и тот, кто убил, рядом с тем, кто убит.
Им легко в этом месте — ведь тот и другой
Жизни отдали вместе идее одной.

А ведь у Л. Б. К. это место, скорее всего, вызывало иные чувства. Л. Б. К. был, всё-таки, очень «системным» человеком. И, как мне кажется, он всю жизнь (и, особенно, — в конце её) идентифицировал себя именно с этим смолоду привычным для себя миром. Что же касается моих личных и профессиональных отношений с Л. Б. К., то тут всё гораздо сложнее. Для их характеристики я придумал со временем такую горько-ироническую формулу: пусть Л. Б. К. меня и не признаёт своим учеником, но в меня ещё в начале 1980-х годов переселилось астральное тело Л. Б. Когана, а над своим астральным телом Л. Б. К. уже не властен.

Теперь, на склоне лет, я нередко возвращаюсь в своих воспоминаниях и размышлениях к той ключевой роли, которую сыграло в моей жизни знакомство с Л. Б. Коганом. Я полагаю, что именно благодаря Л. Б. К. я обрёл главное дело своей жизни и главную область своих профессиональных интересов — урбанологию. Многолетняя работа в этой области науки не принесла мне официально-карьерных успехов, любви начальников, сослуживцев и многих других лиц, находившихся и до сих пор находящихся от то же весьма многочисленных моих (слава богу, уже бывших) начальников «в служебной и иной зависимости», или материальных благ. Скорее — наоборот. Я ещё несколько лет тому назад осознал, что с 1970 по 2013 год (сорок три года) прослужил практически в одной должности (не считая тех периодов, когда меня ещё и «понижали» или просто вышвыривали на улицу). Но именно работа в урбанологии несколько десятилетий придавала моей жизни её главный смысл. А разве осмысленная жизнь в профессии совсем ничего не стоит? Ведь кто-то же читал и читает то, что я писал и пишу. И сейчас это для меня гораздо важнее всего того, что пролегло между мной и Л. Б. Коганом в конце 1980-х — начале 2000-х годов. А значит, и главный итог и «баланс» этих отношений мне следует оценивать безусловно положительно.

Заключение

Юрий, вы мне рассказали массу интересного и нового. Не могли бы Вы как-то заключить нашу беседу?

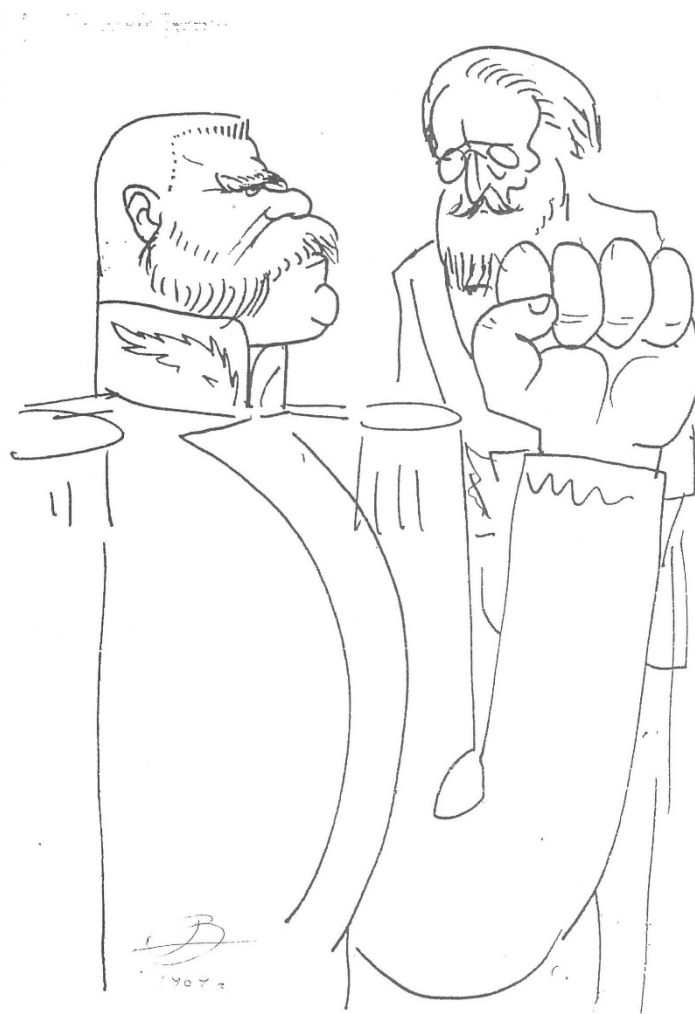
Возвращаясь в последнее время к памяти Ю. М. Лотмана, я всё чаще думаю о том трагическом, на мой взгляд, обстоятельстве, что его наследие именно в России, литературу, культуру и историю которой он так хорошо знал и любил, для понимания и ознакомления с которыми на родине и за её пределами он так много сделал, далеко ещё не понято и не оценено по достоинству. И дело не только в косности и том, что я ещё в 1980-х годах называл «антисемиотизмом». Не только в том, лежащем на поверхности факте, что, став членом-корреспондентом Британской академии наук (1977), членом Норвежской академии наук (1987), академиком Шведской королевской академии наук (1989) и членом Эстонской академии наук, он так и не стал академиком АН СССР или РАН. Причины сначала недооценки, а сейчас уже, на мой взгляд, и всё большего забвения самого главного содержания наследия Ю. М. Лотмана в России коренятся, по-моему, очень глубоко. Ю. М. Лотман был исследователем и пропагандистом достижений литературы и культуры именно петербургского (наиболее «европейского») периода истории России. В научных трудах и лекциях Ю. М. Лотмана, в созданных им в конце 1980-х годов серии познавательных телевизионных передач «Беседы о русской культуре» чувствовалось его твёрдая убеждённость в благотворности для России всесторонней европеизации её культуры. В этом он был и истинным питерцем, и истинным шестидесятником.

Практически все соратники Ю. М. Лотмана по Тартуско-московской семиотической школе, как и он сам, были убеждены в том, что, наряду с бытовавшими в русской литературе и культуре негативными коннотациями, Петербург — «и то место, где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за

которым открываются новые горизонты жизни, где русская культура справляла лучшие из своих триумфов, так же необратимо изменившие русского человека». (В. Н. Топоров. Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему). — В кн.: Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII, Тарту, ТГУ, 1984, с. 6).

В «Беседах о русской культуре» Ю. М. Лотман последовательно прослеживал этапы и пути постепенного проникновения в русскую культуру и укоренения в ней европейских (сейчас бы сказали — западных) начал и ценностей. Это были: благородство и чувство собственного достоинства, личная свобода и независимость, универсализм, правосознание, толерантность и открытость к мировой культуре («всемирная отзывчивость», пользуясь формулировкой Ф. М. Достоевского). В его концепции интеллигентности этому придавалось важнейшее значение. Он, будучи сам потомственным питерским интеллигентом, почерпнул от отца (профессионального юриста «старой школы») представления о роли права в жизни общества. Он решительно отвергал царившие в нашем обществе и неразрывно связанные с тоталитаризмом правовой нигилизм, и «культуру хамства», тот, не всегда осознававшийся нами, культ насилия и подавления чужой свободы, который пронизывал советскую ментальность. Ю. М. Лотман, как мне кажется, верил в возможность перехода русской культуры от бинарной к тернарной модели мира (они с Борисом Андреевичем Успенским очень интересно об этих двух моделях мира писали), что открывало бы путь к постепенному мирному реформированию культуры России. Впрочем, в годы его жизни (так, по крайней мере, мне и многим другим казалось) для этих надежд действительно существовали предпосылки.

Если посмотреть, в связи с тем, о чём я писал выше на то, к чему мы (как общество в целом) пришли сейчас, то становится понятной не востребованность (и даже отторжение) нашим сегодняшним социумом самых главных и любимых идей Ю. М. Лотмана. Сейчас на место всего того, о чём говорилось выше, пришли воинствующий антиинтеллектуализм, разгул религиозно-государственного обскурантизма и самого разнузданного мракобесия (всё то, что ещё Владимир Соловьёв называл «военно-полевым православием»). Демонстративные милитаризм и шовинизм, охватили у нас не только СМИ, но и умы и души большинства населения (не исключая и тех, кого принято было называть интеллигенцией). Паранойяльная антизападная истерия и «бегство от свободы» стали мейнстримом нашей жизни. Кажется, что большинство населения нашей страны, подобно героями фильма «Вокзал для двоих», из последних сил наперегонки бежит в лагерь, боясь опоздать на перекличку. Это помогает многим не замечать шарханья от декларативной «стабильности» к самым безумным авантюрам. Культ «традиционных ценностей» и «скреп», удивительным образом совмещаются у нас сегодня с грубостью, насилием и пошлейшей «развлекухой» по всем телеканалам, с открытым аморализмом в реальной жизни и бизнесе, с чудовищной коррупцией в политике и с блатным жаргоном в публичных речах первых лиц государства. Всё перемешалось у нас со всем самым, казалось бы, невероятным образом. Порой мне кажется, что вот-вот всю страну охватит что-нибудь вроде «движения православных стахановцев».

**Этот мой рисунок полувековой давности.
На мой (и не только на мой) взгляд,
он до сих пор наглядно характеризует отношения власти и культуры в России.
Он пользовался большим успехом в тот год, когда началось «реформирование» РАН.**

В связи с окончанием «Года Культуры в России», который было бы гораздо правильнее назвать «Годом борьбы с Культурой в России», я постарался вспомнить преступления против Культуры, совершённые в уходящем году нашей «патриотической» государственной властью. Стоит особо отметить, что большая часть того, что я перечислю ниже, осталось почти не замеченным даже образованной частью нашего населения, которую (скорее, — по инерции) принято было называть интеллигенцией. Вот что у меня получилось (пока.):

Уничтожен существовавший (хотя и под другими названиями) с 1932 года Институт культурологии;

Почти уничтожен Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Закрит выставочный зал «Дом Нащокина»;

Обезглавлен и практически уничтожен выселенный ранее из здания «Киноцентра» Музей кино;

Закрит проект «Академия» на телеканале «Культура»;

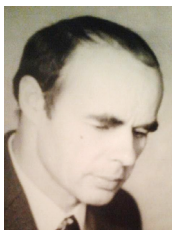
Выселяется едва ли не на улицу Институт философии РАН;

Почти уничтожена сама Российская Академия Наук;

«Расстрельный дом» (Никольская улица, 23), в котором в годы «Большого террора» Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла МНОГИЕ ТЫСЯЧИ смертных приговоров, вместо музеефикации передаётся для переоборудования под коммерческое использование. Там могут открыть кафе, бутики или гостиницу.

Что ещё можно добавить?

Так что не приходится удивляться непопулярности и даже забвению у нас сейчас идей Ю. М. Лотмана, всего того, что он считал культурой и интеллигентностью. Но очень хочется верить, что это — не навсегда.

Интервью с Павлом Николаевичем ЛЕБЕДЕВЫМ

**«Кто на мир смотрит разумно –
на того и мир смотрит разумно»**

Лебедев П. Н. (1937-1994) — окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета, доктор юридических наук. Основное направление исследований: проблемы социологии права и государственного управления.

Интервью с Р. С. Могилевским о П.Н. Лебедеве было проведено в 2015 году.

Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ) Санкт-Петербургского Государственного университета (раньше — ЛГУ), созданный в 1965 г., — старейший в Петербурге научный центр, в котором социология всегда была одним из ведущих исследовательских направлений. Многие страницы истории НИИКСИ представлены в биографических интервью, которые были проведены мною с теми, кто в разные годы работал в этом уникальном научном центре: с [Я. И. Гилинским](#), [В. Я. Ельмеевым](#), [О. К. Крокинской](#), [Р. С. Могилевским](#), [Л. В. Пановой](#), [А. А. Русалиновой](#), [Е. Э. Смирновой](#), [В. А. Ядовым](#). Я просил их рассказать не только о себе, но о своих умерших коллегах, оставивших заметный след в отечественной социологии. В частности, в собранной коллекции интервью есть воспоминания о: П. Н. Лебедеве, В. Т. Лисовском, В. Р. Полозове, Л. И. Спиридонове, Ю. А. Сулове, Э. А. Фомине.

Большинство этих интервью публиковались в «Телескопе». Все это представляется особенно ценным в связи с тем, что в 2015 году НИИКСИ был закрыт, завершилась его полувековая история. Теперь стало много сложнее найти информацию о работе института и о его людях. Сложнее закрашивать многочисленные «белые пятна» в истории нашей науки.

В конце 2015 года ко мне пришел по электронной почте вопрос о ленинградском социологе П. Н. Лебедеве, о котором спрашивающий ничего не мог найти в Интернете. Конечно, я сразу ответил, что первичную информацию о Павле Николаевиче можно найти в интервью с его друзьями Яковом

Ильичем Гилинским и Романом Семеновичем Могилевским. И одновременно я обратился к Роману Могилевскому с просьбой подробнее рассказать о Павле Лебедеве.

Приятно, что Могилевский легко отозвался на эту просьбу и обстоятельно рассказал о жизни и исследованиях своего друга, успешно разрабатывавшего сложные проблемы социологии права и государственного управления.

Настоящее интервью опубликовано, см.: «// Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2016. №1. С. 2-8.

Павел Лебедев: «Кто на мир смотрит разумно — на того и мир смотрит разумно»

Роман Могилевский рассказывает Борису Докторову

Роман, одна наша коллега спросила меня, не знаю ли я такого социолога — Лебедева. Она искала и ничего не могла найти... это — ужасно... человек жил, работал, сделал немало, мы его помним, но наши коллеги и строчки о нем не могут найти...

Борис, я рад представившейся мне возможности рассказать о моём покойном друге, выдающемся российском ученом, кандидате философских и докторе юридических наук, авторе большого числа публикаций по проблемам социального управления и права, предложившим множество новых, оригинальных идей в этих областях. Увы, ему была отведена судьбой короткая жизнь: Павел родился в 1937 г. и умер в 1994 г.; ему было лишь 56 лет. Он не успел реализовать множества замечательных творческих планов. Его смерть стала большой потерей для науки, близких людей и коллег.

Ваша дружба, вероятно, позволяет тебе открыть для читателей важные сведения о различных этапах жизненного и творческого пути Павла Николаевича Лебедева, как формировался его интерес к науке, что и кто способствовали развитию научных интересов и выбору конкретных направлений его научного творчества?

Я познакомился с Павлом во время учебы на юридическом факультете ЛГУ, кажется, в 1959 году. Он поступил на факультет годом позже меня после службы в армии. Обращали на себя внимание замечательные ум, хорошие манеры, образованность, чувство юмора. У Павла был сильный характер, он был человеком дружелюбным, всегда готовым прийти товарищу на помощь. Отличался нетривиальной внешностью: сократовский лоб, острые скулы, крупные черты лица, иронический, но теплый взгляд, был очень стройным, выше среднего роста. Внешностью выделялся из толпы. Его друзья, вспоминая Павла, говорят «он был замечательным человеком». Пожалуй, этим сказано если не всё, то главное. Но при всей своей мягкости Паша был принципиален и непоколебим, когда дело касалось его научной позиции, символов его веры. Надо заметить, что атмосфера шестидесятых имела существенные отличия. На факультете, в известной мере, поощрялись свободомыслие, творческие инициативы, развивались таланты студенческой молодежи. Дело не только в специфике политической атмосферы того времени, поощряющей в известной степени развитие и творчество, но также в существовании внутри факультета целого ряда «институтов поддержки» развития сохранявших или реанимировавших на время свою силу. Речь, с моей точки зрения, идет о лидерстве по многим направлениям ряда выдающихся ученых — преподавателей факультета, транслирующих должные знания и распространяющих лучшие практики в области преподавания, в том или ином виде противостоящие вульгарным аспектам правовой теории, сделанной исключи-

тельно по истматовским лекалам. Общение с этими людьми оказывало значительное влияние на выбор профессиональных карьер, научные интересы, стиль жизни и систему жизненных ценностей, способствовало пониманию связи права с реальностями «естественной жизни»

Существенную роль в формировании социально-ориентированного мышления у студентов играли лекции декана факультета А. И. Королева, умевшего органично связывать изменения в системе права с социально-историческими изменениями. Мы знакомились с книгами, формировавшими у нас общий интерес к тому, что составляло предмет на тот момент запрещенной науки — социологии. Именно факультет оказал решающее влияние на формирование научных интересов, как Павла, так и его друзей и единомышленников. И они, как позднее случилось, вышли за пределы «базовой компетенции» факультета, готовящего в большинстве случаев практических работников правовой системы. Также обратил бы внимание на то, что факультет реализовывал универсальный подход к преподаванию права, знакомил с широким спектром полезных знаний: от общей теории и истории права до специальных областей психологии (психиатрии), статистики, экономики, логики, государственного управления. Наряду с этим студенты, работавшие в научных кружках, знакомились с новыми направлениями науки и возможностями использования потенциала этих направлений в исследованиях права. Следуя этим интересам, многие выпускники факультета впоследствии преуспели в различных областях науки, у них сформировались навыки, необходимые для многостороннего комплексного системного подхода к изучению социальных объектов. Основы, которые были заложены на юридическом факультете ЛГУ в те годы, полученное образование и знания определяли успешность профессиональных карьер. Также важную роль играли студенческие научные объединения, работа в которых развивала, подчас, нетривиальные идеи и направления исследований, а также деятельность факультетской библиотеки, где хранились книги, знакомство с которыми позволяло развивать забытые, но важные направления науки и правовых практик. Заинтересованные студенты попадали не только в атмосферу интересной студенческой жизни, но и получали возможность знакомиться с достижениями науки, с которыми трудно или вообще не возможно было познакомиться в процессе формального обучения.

Павел воспользовался этой возможностью?

В полной мере! Особенную роль в его жизни и жизни его друзей сыграл студенческий научный кружок: «Кибернетика и право», руководимый Л. И. Каском, уникальным ученым, креативнейшей личностью, разрабатывавшим новые направления в теории права. Именно он формировал у нас вкус к различного рода инновационным исследованиям, к «взаимодополнениям и пересечениям» в процессах теоретического анализа, к междисциплинарным подходам к объяснению правовых реалий. Он рекомендовал и знакомил нас с работами классиков кибернетики Н. Винером и У. Р. Эшби и др.. Дискуссии в кружке касались возможности приложения методов кибернетики, теории систем и других математических теорий к развитию права. Именно при изучении этих возможностей у Павла возник интерес к исследованию процессов управления и возможностям приложения результатов этих исследований к объяснению процессов социального и государственного управления. Этот интерес он про-

нес сквозь всю свою творческую жизнь, он был ядром его научных изысканий независимо от того какой контекст или предмет он рассматривал. Наряду с этим, работа в кружке и дискуссии на кафедре теории права, где также позволялись разного рода «вольности», формировали у студентов общий интерес к проблемам социологии права, который подогревался не только актуальной в то время практикой, но также изучением традиций социологии права, заложенной еще до революции русскими и иностранными учеными и общественными деятелями Е. Эрлихом, Л. И. Петражицким, С.А. Муромцевым, Н. С. Коркуновым, Н. С. Тимашевым и рядом других. Здесь большую роль сыграли сохранившиеся библиотечные архивы. Именно библиотека факультета позволила познакомиться с фундаментальной работой Л. И. Петражицкого: «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», надолго ставшей предметом интереса студентов, определивших впоследствии свои научные интересы областью социологии и психологии права и, в принципе, теоретической социологии. В профессиональном самоопределении Павла Лебедева важную роль сыграла знаменитая работа А. А. Богданова «Всеобщая организационная наука», сыгравшая важную роль в становлении теории систем. Павел, несомненно, был лидером и наиболее преуспевающим участником дискуссий вокруг новых направлений изучения взаимодействия общества и права, наиболее осведомленным членом студенческого научного сообщества. Он активно интересовался и хорошо знал литературу, позволявшую развивать предмет научного интереса, умел пользоваться навыками работы с этой литературы. При изучении литературного наследия, как я уже сказал, мы могли пользоваться публикациями фундаментальных работ многих старых авторов, которые вопреки цензуре сохранились и находились в свободном доступе в факультетской библиотеке и которые сохраняли свою актуальность. Павел не только знал эту литературу, но для многих из нас стал проводником по её «пространствам».

Роман, означает ли это, что интерес Павла Николаевича Лебедева и его коллег к социологии, их выход на пространство социологической науки, в первую очередь, сформировался в результате знакомства с классическими работами в области социологии права и с рядом новых направлений в области «точных наук»?

Именно так. В первую очередь интерес к социологии права стал фундаментальной основой развития общего интереса к социологической науке, её отраслевым подразделениям и прикладным аспектам. Группа выпускников юридического факультета, среди которых наиболее яркой звездой был Павел Лебедев, свою профессиональную карьеру связала с работой в различных направлениях и предметных областях социологической науки, в которой и преуспели. Рекрутами того периода, о котором я говорю, вспоминая факультет, можно в первую очередь назвать таких будущих неординарных ученых социологов, друзей и коллег Павла как Ю. Сулов, Э. Фомин, А. Шаров, В. Бочкарева и некоторые др. С моей точки зрения, реабилитация социологии после долгого периода запрета исследований в этой области была определена не только политическими моментами и творчеством известного круга лиц, которым социология своим восстановлением обязана, прежде всего (если говорить о петербургских ученых, то речь, в первую очередь, идет о В. Ядове и круге его друзей и единомышленников, о А. Здравомыслов, Б. Фирсове, Б. Докторове, С. Кугеле и др.), но также рабо-

той тех, кто реанимировал интерес и проводил исследования в области социологии права, адаптировал новые направления науки к изучению общества. Павел Лебедев среди них играл выдающуюся роль.

Наряду с обучением у выдающихся ученых правоведов, работой в студенческих научных кружках, использованием уникальных библиотечных ресурсов факультета, какие еще источники знаний играли важную роль в профессиональном становлении Лебедева и его коллег

К ним стоило бы отнести появление в тот период ряда переводов выдающихся работ, позволявших развивать формирующийся интерес к «новому общественному знанию». Они публиковались во многих случаях как литература, рекомендуемая специалистам в области фундаментальной и прикладной математики, математической статистики, однако не составляло труда оценить и раскрыть методическую и методологическую роль этих книг в формировании специалиста, занятого постижением сущности быстро меняющегося общества, как тогда называли — обществоведа. Вот один пример активного интереса Павла к новой для того времени литературе. Один из тех людей, кто принимал активное участие в работе студенческого научного общества, рассказывал мне, как однажды, проходя по коридору факультета с томом «Капитала» К. Маркса, он встретил Павла, который, поинтересовавшись, что за книгу несет его приятель, забрал её у него со словами «почитай вот это» передал ему взамен столь же убогий том Г. Беккера и А. Боскова: «Современная социологическая теория в её преемственности и изменениях», популярную в то время книгу, знакомящую с основами современной социологической науки. Замечу, что это в тот период вовсе не означало недоверие Павла ко всем выводам марксистской теории относительно развития общества, просто он лучше многих других представлял дорогу, по которой пойдет общественная наука в постижении социального мира.

Сохранились ли какие — нибудь публикации Павла того периода?

Боюсь, что ранних публикаций не сохранилось. Скорее всего, это тексты из сборников студенческих научных работ, но мне не удалось найти что — нибудь из этой истории. Вообще публикации тех лет существенно цензурировались, и не всякая публикация появлялась в печати. Процветал «устный жанр»: выступления на семинарах, студенческих научных конференциях, выступления в студенческих научных кружках, дискуссии в неофициальной обстановке. И, конечно, написание дипломных и курсовых работ позволяло студенту обнаружить свои способности и научные интересы. Павел с отличием защитил диплом, его курсовые работы были отмечены кафедрами как чрезвычайно удачные. Но вообще, мне кажется, что он не гнался за количеством публикаций, публикации появлялись не раньше, чем формировались новые идеи и критические оценки. И это относится ко всему периоду его работы в науке, а не только к ранним периодам. Вообще для его научной деятельности, что в молодости, что в зрелом возрасте, характерно, прежде всего, стремление обнаружить и следовать смыслу и научному интересу к какому — либо предмету, идеи или событию. Когда он обнаруживал в каком — то предмете смысл и логику, он с удовольствием подвергал его анализу, вступал в полемику с оппонентами, определял дальнейший образ действий. Его не увлекали исключительно политические или прагматические резоны, они не являлись

доминирующими при выборе целей дальнейшей «работы» с предметом профессиональной заинтересованности, способов достижения целей, при поиске оснований для профессиональной карьеры или определении стратегии исследования.

Как я понял, его таланты были довольно скоро обнаружены и оценены преподавателями и учеными факультета, они поддерживали и поощряли его работу в науке. Как случилось, что после окончания факультета, он не продолжил обучение в аспирантуре или работу на какой-либо кафедре?

Случилось так, что курс, на котором я учился, «проявил инициативу». Силами студентов мы сделали и вывесили стенную газету с большим числом материалов, посвященных жизни курса, но также с некоторыми оценками актуальных явлений общественной жизни. В работе над газетой приняло большое число студентов, занятых оформлением газеты, написанием текстов и другим. Газета заняла целый коридор помещения факультета, вызвала большой интерес студентов, да и явный или скрытый интерес преподавателей. По тем временам это был своего рода подвиг. Без разрешения парткома, комсомольской организации и прочих официальных инстанций появилось самодеятельное печатное издание, материалы которого могли содержать точки зрения, отличные от тех, которые могли быть разрешены. Я, в частности, опубликовал редакционную статью, в которой попытался нарисовать портрет молодого человека послевоенного поколения, с новой, с моей точки зрения, системой интересов и ценностей. Статья вызвала большой интерес у студентов. В следующем номере газеты на неё откликнулся Павел, который не просто принял участие в дискуссии, но не согласился с некоторыми из моих утверждений, углубил и сделал более острыми идеи, связанные с содержанием статьи. Статья Павла было очень интересной и глубокой, но она вызвала критику и негативную оценку парткома. Его стали «разбирать», критиковать, накладывать взыскания. Именно в этот период произошло моё знакомство с Павлом, ни для него, ни для меня полемика не стала препятствием к знакомству и дружбе, а нападки лишь объединили нас. Впрочем, ему, конечно, досталось в этот период больше, чем мне, и кончилось для него хуже, чем для меня. При распределении ему не предоставили возможность распределиться в Ленинград или область. Его распределили в Сибирь, в город Карасук, где он проработал в течение двух лет следователем прокуратуры. Условия жизни и загруженность работой, конечно, существенно препятствовали дальнейшему обучению и самостоятельной научной работе, хотя не остановили её полностью. Не тот был человек и не тот характер, чтобы сдаваться. После возвращения из «ссылки» в Ленинград Павел продолжил научную работу, и с помощью университетских деятелей, продолжавших ему симпатизировать, был принят на работу в НИИКСИ ЛГУ.

Многие друзья Лебедева относят период работы в НИИКСИ к самому плодотворному периоду его жизни. Согласен ли ты с такой оценкой?

Пожалуй! В этот период произошли наиболее значимые события его творческой и личной жизни, профессиональной карьеры. К нему относятся защита кандидатской (1969 г) и докторской диссертации (1982 г), были опубликованы основные научные работы, к которым я бы отнес авторские монографии «Очерки теории социального управления» изданную в 1975 году, и более позднюю работу:

«Социальное управление» (1982 года). Она составила основу диссертации Павла на звание доктора юридических наук, которую он успешно защитил в том же 1982 году. Параллельно им был опубликован целый ряд научных работ как по темам, связанным с основным научным интересом, так и по плановым темам Института. Большая часть работ была опубликована в ежегодных сборниках работ Института: «Человек и общество». В них мы обнаружим публикации по проблемам природы социальности, социализации, преступности, управления развитием крупных городов и многое другое. Павел был один из наиболее активных авторов статей в сборнике, участвовал в обсуждениях разнообразных тем. Часто разносторонность и талант Павла с легкостью позволял ему инкорпорировать вроде бы отдаленную от основного интереса тематику социального управления к контексту актуальных тем, придать исследованиям по «навязанной» тематики новый смысл. С ростом научной квалификации менялся должностной статус. За период работы в НИИКСИ Павел прошел целый ряд этапов должностного роста: от «рядового» научного сотрудника до руководителя одной из ведущих лабораторий Института — лаборатории управления. Замечу также, что в Институте Павел встретил женщину, которая стала его женой и матерью его сына. Так что действительно институт стал для Павла целым миром, объединившим события жизни, достижения, победы и поражения в творчестве, которых было много меньше, чем побед.

Как сам Павел Николаевич воспринимал всё сделанное им, что относил к достижениям, что с годами отрицал и подвергал критике?

Павел при всей своей внешней мягкости был принципиален и непоколебим, когда дело касалось его научной позиции, но в то же время в работе, в подходах к исследованиям он часто был разумно гибким. Он был очень требователен к себе, очень критичен, внимательно следил за научными дискуссиями и часто признавал необходимость согласиться с мнением оппонента или менял подходы к исследованию той или иной проблемы под влиянием собственной рефлексии.

Наиболее характерным примером его способности меняться под давлением новых фактов и развития идей является изменение его отношения к сущности социального управления. В первых работах он раскрывал природу этого феномена скорее со структурно — функциональной, «технологической» точки зрения, уделяя первостепенное внимание организационному строению процессов управления, тогда как в более поздних работах он фактически признал такой подход к теории социального управления недостаточным и обратил особое внимание на общественную природу процессов управления, их связь с историческим, политическим, идеологическим контекстом. Сам Павел полагал, что, анализируя процессы управления, следует преодолеть «технологический» контекст и основываться на преимущественно социальной природе процессов управления, однако с позиций сегодняшнего дня следует признать, что оба подхода оказались востребованными при анализе различных объектов социальной реальности. Так структурно функциональный анализ позволяет должным образом решать проблемы корпоративного управления, такие, например, как эффективность деятельности бизнес — корпораций, надежность систем управления ими. Подход с позиции социальной сущности процессов управления, позволяет лучше понять природу государственного управления, электоральные

и иные политические процессы, гражданские инициативы и другое. Заметим, что многие суждения Павла в отношении природы социального управления до настоящего времени оказываются справедливым, но, к сожалению, не всегда востребованными практикой. К этому я бы добавил способность Павла находить решения самых сложных, а иногда просто неожиданных задач. Вот пример. Павлу не удавалось получить данные о профессиональной и демографической структуре государственных служащих высшего эшелона, занятых управлением, ни первичных, ни производных. Они необходимы были ему для анализа процессов, но в тот период эти данные относились к категории государственной тайны и не находились в свободном доступе. Павел нашел решение. Он сообразил, что эти данные можно найти в некрологах, собирал, кропотливо и талантливо анализировал некрологи, публикуемые в открытой печати, в связи со смертью того или иного должностного лица. Анализ позволил получить должную информацию в отношении целевой группы. Идея оказалась правильной и надежной, позволяющей решить задачи, стоящие перед исследователем.

Из твоих ответов видно, что большую роль в творческом и человеческом становлении Лебедева сыграл Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ) при ЛГУ. Что, с твоей точки зрения, делала этот институт привлекательной средой для творческих людей?

Безусловно, НИИКСИ займет важное место в послевоенной истории становления социальной науки в стране. Он был образован по инициативе академика Б.Г.Ананьева в 1965 г. как межфакультетская структура Ленинградского государственного университета в результате слияния нескольких существовавших при факультетах лабораторий, а также открытия новых. Это были различные по профилю деятельности структуры, занимающиеся психологическими, экономическими, юридическими, социологическими и культурологическими исследованиями. Такой принцип объединения научных дисциплин в рамках одного научного плана получил название комплексность. Предпринимались попытки научного обоснования принципа комплексности, впрочем, не всегда удачные. Тем не менее, комплексность, даже в форме эклектического объединения разных предметов и методов, стала органической чертой организации работы в институте и нашла отражение в его названии. В те годы в стране во всю давали о себе знать проблема снижения «эффективности общественного производства», низкая эффективность труда, дефицит товаров народного потребления, низкий уровень жизни. Политическое руководство того времени предложило обществу свое объяснение происходящему. Оно склонно было считать, что все дело в низкой дисциплине труда, высокой текучести кадров и других негативных проявлениях «человеческого фактора». Несмотря на стремление изменить ситуацию административными, организационными и пропагандистскими методами, проблемы не решались. Тогда-то и появилась идея комплексной детерминации поведения работников и комплексного воздействия на поведение для повышения эффективности труда. Эта идея нашла воплощение в практиках разработок планов социального развития коллективов и сопутствующих этому научных исследованиях. Несмотря на утопичность этих практик, они дали серьезный толчок развитию ряда научных направлений.

Идея социального планирования стала ключевой в работе НИИКСИ, а исследования и разработка комплексных планов — главным направлением его научной деятельности. Социальное планирование являлось визитной карточкой НИИКСИ и хорошим аргументом в отстаивании необходимости его самостоятельного существования. Комплексный институт, работавший в области социальных наук, сам по себе был инновационной идеей. Её реализация означала поиск принципиально новых приемов исследования, подготовку и использование специалистов нового профиля, нахождения новых форм организации научной деятельности. Очевидным был синергетический эффект взаимодействия участников комплексных исследований, позволявший ожидать успешное решение поставленных задач. Инновационный характер института, выдвижение новых задач послужило стимулом того, что он явился привлекательным местом для многих талантливых исследователей. В частности, те, кого я упомянул, указывая на особую роль юридического факультета, в формировании специалистов в области социологии права, фактически полным составом перешли (пришли) на работу в институт. Одним из первых в НИИКСИ стал работать Павел Лебедев. Внешне работа института ничем не отличалась от работы других советских научных учреждений.

Задачи, стоявшие перед институтом в те годы, формировались таким образом, чтобы наука должна была укладываться в прокрустово ложе официальной идеологии, благодаря «заботам» партийной организации и кадровых служб должно было обеспечиваться следование официальным установкам в сфере проведения исследований и в оценке их результатов, в «подборе и расстановке» кадров. Административное руководство, прежде всего, должно было считаться с идеологическими и политическими ограничениями того времени. Отсюда застойные явления в ряде направлений развития. Тем не менее, с уверенностью можно утверждать, что коллектив института внес значительный вклад в развитие исследовательских практик в ряде областей общественных наук, дал толчок формированию новых направлений исследования и подготовки специалистов. Замечу, что институт, как правило, не только воспроизводил форматы и принципы, сформулированные «партией и правительством», но во многих случаях действовал и вопреки этим форматам. Речь идет не только о выдвижении принципиально новых идей и о развитии инновационных для того времени методов научного анализа, но и о формировании специалистов нового профиля, способных выдвигать и решать принципиально новый круг задач. Так, были выдвинуты идеи комплексных социальных исследований и определены области её приложения, определились научные лидеры, успешно продвигавшие эти идеи и подходы к решению актуальных проблем.

К числу выдающихся достижений того периода следует отнести идею комплексного социального планирования крупных городов, противопоставившую преимущественно технократическому подходу к планированию развития подход, учитывающий различные аспекты «человеческого» развития, «человеческого измерения социальных процессов». Этот подход потребовал органичного объединения специалистов различного профиля — социологов, психологов, юристов, экономистов и др., для поиска решений сложных комплексных социальных задач. Он потребовал также подготовку специалистов с универсальными навыками и широким профилем. Процедура нахождения общего подхода и спо-

собов решения сложных межотраслевых и многофакторных задач, само по себе являлась инновационной задачей, предполагала разработку общетеоретической основы, поиск модели общей работы, требовала проведения специальных исследований и привлечение соответствующих специалистов. Специалисты, прошедшие все этапы этой работы, получали материал для научного обобщения новых знаний и навыки научной и преподавательской работы в новых областях. Не случайно из числа работников института вышло значительное количество преподавателей высокой квалификации, кандидатов и докторов наук. Универсальные умения и навыки, приобретенные в процессе работы в институте, обеспечивали высокие профессиональные достижения, успешные преподавательские карьеры, создание широко цитируемых публикаций, но также, во многих случаях, жизнеспособность человека перед лицом принципиально нового круга задач, которые ставила жизнь в тех случаях, когда он менял профессию и место работы. Можно отметить успешное позиционирование людей, прошедших школу НИИКСИ, в смежных областях — на ниве образования, в бизнесе, в юридической практике, в административной работе и в других сферах. Качества, которые приобретались специалистами в институте, определяли возможности их универсального использования в принципиально новых сферах научной, административной и гражданской работы.

Достижения института в инновационных направлениях исследований и в разработке социальных технологий (например, комплексных программ развития), в обосновании новых подходов к подготовке кадров заставляют сомневаться в суждениях некоторых о преимущественно консервативной природе деловых и научных установок, которыми якобы руководствовался институт в своей работе. Вряд ли этим термином можно охарактеризовать научную и организационную философию, исповедуемую институтом. Коллектив Институт не во всем и не всегда следовал сложившимся в тот период традициям ведения научной работы, принятым стандартам проведения научных дискуссий, нормам профессионального общения, правилам научного обмена, во многом не разделял «советскую версию» консерватизма. Будет справедливым утверждать, что в неформальном пространстве научных и человеческих коммуникаций сотрудников можно было обнаружить проявления свободомыслия, стремление к выдвижению новых идей, критику догматизма, обсуждение и заимствования полезного иностранного опыта. При этом ряд руководителей фактически поощрял или не препятствовал свободным дискуссиям и критическим оценкам принятых догм. Упомяну в этой связи самого П. Н. Лебедева, а также В. В. Орехова, Ю. А. Суслова, Е. Э. Смирнову, В. Т. Лисовского, Л. И. Спиридонова, Е. С. Кузьмина, В. Е. еменова и др. Конечно, не только существование «скрытых функций» и альтернативных практик научной деятельности придавали институту роль драйвера нового организационного строительства и научного роста специалистов. Прежде всего, следует обратить внимание на работу коллектива института над рядом оригинальных идей и направлений исследований, до сих пор не потерявших своей актуальности. Речь, в первую очередь, идет о работе над идеями социального развития, комплексного социального планирования, социальной эффективности действия правовых норм и, связанных с разработкой этих идей, исследованиями в ряде смежных областей, в экономике, социологии, психологии, праве, в теории управления, и других. Эти идеи развивались в рамках тематических планов

отдельных лабораторий, возглавляемых известными специалистами, а также в инициативном порядке отдельными выдающимися исследователями. К ним я отнес бы П. Н. Лебедева, выдающегося исследователя процессов социального управления, автора монографий, радикально менявших сложившиеся в тот период представления о природе социального управления.

Таким образом, наряду с работой над плановой тематикой, багаж достижений института пополнялся исследованиями, носящими инициативный характер. В большинстве случаев они также носили инновационный для тех лет характер. Успехи в работе над этими направлениями, во многом, были связаны с неформальной творческой атмосферой работы, выдвижением неординарных идей, свободными дискуссиями специалистов, с распространением вопреки административным барьерам лучших зарубежных практик изучения и решения соответствующих проблем. Конечно, кроме острых дискуссий, имевших, в большинстве случаев, преимущественно вербальное выражение, творчество специалистов НИИКСИ отражалось во многих неординарных публикациях. Кроме того, производству нового знания и выдвижению нетривиальных идей способствовало проведение методических семинаров и научных конференций, посвященных проблемам природы социальности и социального развития. Научные обмены в рамках этих мероприятий привлекали внимание и способствовали участию многих известных специалистов и практиков. Деятельность Ученого совета института и особенно методических семинаров отмечалась известной мерой свободомыслия, дозволялись различные подходы к обсуждаемым проблемам, к дискуссиям приглашались специалисты из других подразделений университета, которых трудно было заподозрить в догматизме. Многие из тех идей, обсуждение которых явилось проявлением инициатив отдельных ученых или входили в творческие планы института, оказались востребованными наукой позднее, но в тот период не получили должного развития. Поэтому далеко не во всех случаях можно говорить о том, что работа над теми или иными инновационными идеями и теориями привела к значительным достижениям, однако, во многих случаях, она породила реальные исследовательские практики, а также дискуссии специалистов и экспертов, способствовали развитию определенных направлений общественной науки.

Нельзя не согласиться с тем, что в те годы особую роль в эффективном развитии и полезном функционировании научных организаций играли не столько организационные факторы, сколько подбор сотрудников, их отношения и человеческие качества. Похоже, что Павлу Николаевичу повезло, его в большинстве случаев окружали хорошие и творческие люди, не так ли?

Достижения в исследованиях были бы невозможны, если бы институт не стал местом коммуникаций большого числа незаурядных, неординарных, талантливых людей, интеллектуалов, «литературных червей», хороших профессионалов и просто доброжелательных и остроумных людей. В определенном смысле — свободных людей. Именно их коммуникации формировали общую атмосферу труда, свободный и не предубежденный характер «делового и межличностного общения», способствовали появлению нетривиальных идей. Впрочем, в большинстве случаев, речь шла о коммуникациях внутри узкого пространства неформального повседневного делового общения, где действовали законы

свободного творчества и не цензурируемых идейных обменов. Если же речь шла о профессиональных карьерах, защите диссертаций, занятие руководящей должности, о получении каких-либо «бонусов», то нужно было следовать установившимся правилам, учитывать различного рода административные и политические ограничения, считаться с бюрократическими требованиями и официозным климатом профессионального общения. Преимущества относительно свободного существования проявлялись в большей мере в качестве и стиле трудовой жизни, чем в содержании научной работы, в выборе тем и методов исследования, когда специалист был скован необходимостью следовать официальным догматам и идеологическим ограничениям. Но косвенно атмосфера межличностной свободы и творческих коммуникации приводила к рождению нетривиальных инновационных идей и полезных практик. Эта атмосфера во многом обеспечивала творческую работоспособность института, делала возможной, неформальное лидерство или особую роль отдельных выдающихся специалистов, чей авторитет и знания играли подчас большую роль в «производственной деятельности» института, чем указания прямого начальства.. В создании творческой атмосферы важную роль играли разного рода неформальные группы, задающие нормы творческого общения и правила, которым следовало значительное большинство специалистов при выборе способов достижения профессиональных целей. Речь, прежде всего, о группах объединенных профессиональными интересами, общими системами ценностей, личностными историями, культурными предпочтениями.

Как и в любом творческом коллективе, в институте выделялись группы «по интересам», привносящие в общую жизнь коллектива специфические черты, обогащавшие общение и способствующие поиску новых идей. Эти группы идентифицировались, прежде всего, по профессиональному признаку, в повседневном общении их чаще всего обозначали как «экономисты», «юристы», «психологи», «социологи», «молодежники», «вычислители» и др., чем подчеркивалась профессиональная и культурная принадлежность, которая позволяла идентифицировать группы в большей степени, чем формальный статус. Я надеюсь, что мои коллеги расскажут о людях, входивших в эти «микроколлективы», среди которых были поразительно неординарные персоны. Мне же хотелось отметить тех, кого называли «юристы» и кого я считал единомышленниками и товарищами. Эта группа оказала значительное влияние на уровень профессиональных достижений и становление организационного статуса института, профессиональный климат и выбор направлений исследований. Опять- таки отмечу выдающуюся роль таких представителей коллектива института из числа «юристов» как П. Н. Лебедев, Л. И. Спиридонов, Я. И. Гилинский, Э. А. Фомин, Ю. А. Суслов, А. Н. Шаров, К. А. Моралёва и др. Говоря об этой группе («юристов»), я бы особо выделил выпускников юридического факультета ЛГУ 1963–1965 гг. П. Лебедева, Ю. Суслова, Э. Фомина, А. Шарова, А. Экимова и др., о которых уже шла речь в этом интервью.

Создается впечатление, что жизненный путь и творческий рост Павла в этот период был безоблачным и исключительно комфортным. Что, проблем не было?

Проблемы были. Во-первых, действовали идеологические и политические ограничения, которые сказывались на жизненных планах, на самоощущении и мировосприятии творческих людей, снижало удовлетворенность жизнью. Как я говорил, Павел не был активным противником власти, диссидентом, однако, многие решения и действия властей он не мог не понять, не простить. Очень критической и острой была его реакция на ввод советских войск в Чехословакию и другие политические экспромты власти тех лет. Во-вторых, у Павла, как у всякого успешного и талантливое человека, было немало завистников, недоброжелателей. И, прежде всего, в среде менеджмента Института. Ему создавались препятствия в отношении творческого и должностного роста. Но дело не только в недоброжелателях. Любая бюрократическая система обладает долгой памятью, а Университет и был в тот период большой бюрократической системой. В её памяти еще хранилась информация об идеологических «шалостях» Павла в период обучения на юрфаке. В воспоминаниях Я. И. Гишинского есть подробные описания того, какие трудности ему создавались в период подготовки и защиты диссертаций, с каким трудом они преодолевались Павлом. Вот как описывает Я. И. Гишинский истории, связанные с защитой Павлом диссертаций: «Долго не давали защитить кандидатскую диссертацию. Накануне защиты выяснилось, что у Паши не сдан кандидатский экзамен по специальности. Пошел срочно сдавать и... получил двойку за вопрос по диссертации, уже полностью написанной и назначенной к защите. Кажется, Л. И. Спиридонов сумел организовать пересдачу. У меня дома хранятся три различных автореферата его докторских диссертаций. К тому времени Паша — автор фундаментальных работ (по достаточно модной тогда теме — управление и право), включая пару монографий. Дважды в последний момент ему срывали защиту: тема не та, не по тому совету, не по той специальности и т. п. Он решил докторскую не защищать. Мы уломали, уговорили его. Наконец, назначен день защиты его третьей докторской диссертации. Подходим к зданию на Менделеевской линии, где находился философский, в тот период решающий, факультет ЛГУ. Нас не пускает вахтер: все отменено, электричество отключено, никого в здании нет. Пробились на факультет, идем по совершенно темному коридору, дело было вечером зимой, где-то тускло маячит свет. Это собирается диссертационный совет, всю защиту работавший... при свечах. “Паша, это только с тобой такое может быть” — не сговариваясь, говорили мы». Очевидно, что он сталкивался не только с действиями завистников, но, прежде всего, с эхом тех событий, которые произошли существенно раньше и которые были оценены отдельными партийными и государственными руководителями как «идеологическая диверсия», требующая «мести». Слава Богу, в тот период времена уже менялись, позиции людей, симпатизирующих Павлу, усилились, они помогли ему преодолевать трудности.

Как бы ты охарактеризовал движение П. Н. Лебедева по «должностной лестнице» в период работы в НИИКСИ, как мне кажется, в тот период от успехов на этом пути решающим образом зависели возможности творческого роста и качество жизни специалиста?

Павел освоил за время работы в НИИКСИ максимальное число «должностных позиций». Он прошел путь от младшего научного сотрудника до руководителя одной из ведущих лабораторий Института, приглашался на работу

в различные лаборатории и на различные проекты. В творческом отношении, возможно, наиболее полезной и интересной для Павла была работа в социологической лаборатории на должности старшего научного сотрудника. Здесь ему пришлось выполнять совместную работу с целым рядом высокоталантливых и образованных коллег, с либеральным, творческим руководителем лаборатории Л. И. Спиридоновым, с крупнейшим ныне специалистом в области девиантологии Я. И. Гилинским, с известными исследователями М. Н. Межевичем, А. Н. Шаровым, Л. А. Барановой и некоторыми другими. Ядром научных исследований лаборатории стала тематика социализации индивида и воспроизводства общества, проблем социального развития, эффективности социальных норм, роли государства и права в функционировании институтов общества и планировании его развития. Исследования сопровождали интереснейшие дискуссии, выдвижение креативных идей, развитие теорий и методов. Желая познакомиться с некоторыми результатами работы коллектива, в составе которого важнейшую роль играли исследования Павла Лебедева, я бы порекомендовал ознакомиться с девятым выпуском сборника «Человек и общество»: «Проблемы социализации индивида». В этот период были опубликованы важные в методологическом отношении статьи Л. И. Спиридонова, П. Н. Лебедева, Я. И. Гилинского, Л. А. Барановой по проблемам социализации индивида. Несколько позже были опубликованы важные статьи сотрудников лаборатории по проблемам социально-экономического планирования. Замечу, что существенно позже в 1989 некоторые из этой неординарной группы специалистов, например Я. Гилинский и П. Лебедев, «воссоединились» в Социологическом институте АН СССР, продолжив изучение профильных социальных проблем. С точки зрения развития творческого потенциала и научных достижений период работы Павла в социологической лаборатории НИИКСИ был наиболее успешным. Еще одним важным периодом работы стало руководство лабораторией социального управления. В нем раскрылся талант Павла как научного руководителя и высококвалифицированного консультанта. Лаборатория не только успешно выполняла планы научных работ, но и консультировала властные учреждения города, такие как Мэрию, Ленсовет, и другие, помогая совершенствовать процессы принятия и реализации решений. Лаборатория при этом расширяла прикладные направления своей деятельности, принимая активное участие в межлабораторных проектах, связанных с планированием социального развития предприятий и крупных городов.

Возвращаясь к оценке роли НИИКСИ в профессиональных карьерах и творческих достижениях отдельных специалистов, хотелось бы заметить то, что в разное время многие талантливые ученые перешли из НИИКСИ на работу в другие научные учреждения. Это справедливо и в отношении Павла Лебедева. Что мешало этим людям продолжить работу в университете?

Замечу, что средняя продолжительность трудового стажа большинства уволившихся сотрудников НИИКСИ достаточно велика, думаю в пределах двух десятков лет. Естественное движение кадров объясняется не только накопившимися проблемами работы на одном месте, например тревогами в отношении судьбы института, для которых, как показало время, были основания, но также конкуренцией со стороны других научных учреждений в отношении качества

трудовой жизни. Надо признать, что движение это определялось способностью менеджмента Университета и Института создать условия жизни и работы своим сотрудникам с учетом изменений в их квалификации и профессиональных ожиданиях. Как показывает картина движения кадров, это не всегда получалось. Уход целого ряда сотрудников, включая П. Лебедева, конечно, стал существенной потерей для Института и качества его работы.

После ухода из НИИКСИ Павел Николаевич сблизился с командой, которая в тот период играла важную роль в преодолении разного рода препятствий к становлению достойной роли социологической науки в обществе и среди обществоведческих наук, хотя и на определенных этапах активно оппонировала власти; её можно именовать «Ядовской командой». Что привело Лебедева к сотрудничеству с этими исследователями?

Действительно после увольнения из НИИКСИ, Павел был принят на работу в ИСЭП АН СССР, а затем после образования Ленинградского филиала Института Социологии РАН, вместе с упомянутой группой специалистов перешел на работу в новый Институт. Переход, кроме тех причин, о которых я говорил, был связан с его уверенностью в том, что уровень специалистов и творческие возможности работы в новой команде были более привлекательными и полезными с точки зрения дальнейшего научного роста. Кроме того, сказывались давние научные симпатии к работе и людям, двигавшим социологию в «правильном направлении». Так что выбор Павла не был случайным и исключительно практическим. В 1985 году в новом институте он возглавил сектор социального планирования, впоследствии социальной политики. Он продолжал свою научную и управленческую деятельность, много публиковался.

Какие результаты П. Н. Лебедева ты бы отнес к числу наиболее важных научных достижений возглавляемого им сектора?

В первую очередь я бы выделил результаты исследований так называемого «человеческого фактора» в системе государственного управления. Уникальное исследование, существенно обогатившее понимание того, как формируется и развивается система государственного управления, под влиянием кадровой политики и кадровых практик, как эти процессы влияют на эффективность управления и воспроизводство государственной системы. Основные результаты этой работы подробно изложены в принципиально важной статье «На вершине управленческой пирамиды», опубликованной Л. В. Бозриковой, Л. Д. Докторовой, и П. Н. Лебедевым в 1990 году. В ней анализируются вопросы эффективности государственного управления в зависимости от того учитывается ли при проведении кадровой политики тот факт, что функционирование системы государственного управления осуществляется живыми людьми с противоречивыми интересами, то есть зависит не только от организационного фактора, но и от качеств самого персонала органов управления. Авторы утверждали, что такой подход означает коренной переворот в понимании возможностей и ресурсов государственного управления. В этой связи авторами исследования были проанализированы характеристики (возрастные, образовательные, род занятий и другие) лиц из высшего эшелона персонала органов управления и связь этих

характеристик с эффективностью и качеством принимаемых решений. Лично я считаю это исследование замечательным, но до сих пор недооцененным и полезным для использования в будущем.

Был ли проявлен интерес к работе Лебедева в области совершенствования системы государственного управления со стороны практиков управления, чиновников?

Был отмечен значительный интерес. Всё чаще он оказывался востребованным как специалист в области управленческого консалтинга. Он продолжил работу, связанную с изучением функционирования исполнительных органов власти и депутатского корпуса и консультированием управленческого персонала. Не случайно в некрологе в связи со смертью Лебедева Мэрия Санкт-Петербурга следующим образом охарактеризовала деятельность Павла Николаевича: «Обладая большими знаниями в своей области, твердыми гражданскими убеждениями, Павел Николаевич Лебедев живо откликался на актуальные общественные проблемы современности и плодотворно работал экспертом Петербургского Совета народных депутатов и Мэрии по вопросам социальной политики и социально — экономического развития Ленинграда — Санкт-Петербурга»

Подводя итоги нашего интервью, я бы хотел, Роман, спросить тебя, каким с твоей точки зрения было жизненное кредо Павла Николаевича, какой главной идеей он руководствовался в жизни?

Павел не раз цитировал высказывание Гегеля: «Кто на мир смотрит разумно, на того и мир смотрит разумно». Мне кажется, это суждение в том значении, которое ему придавал Гегель, в полной мере относится к жизни и творчеству Павла Николаевича Лебедева. Он разумно смотрел на мир и в его поступках и действиях находил ответ «мирового разума». Отсюда — уважение, признание и память людей, знавших его и любивших. Но кто знает, какова мера разумности мира? Характеризуя потерю Павла, Я. И. Гилинский дал такую характеристику, с которой нельзя не согласиться всем его друзьям: «... смерть его была глупая, ранняя, бессмысленная. Положили в больницу готовить к операции на сердце, а это была язва желудка, началось бурное кровотечение, сделали удачную операцию и... угробили в реанимации, не обеспечив требуемый послеоперационный уход». Попробуй, найди в этой смерти хоть каплю смысла.

В общем, Павел Лебедев был необыкновенно светлым и чистым человеком и креативным, талантливым ученым. И таким он живет в памяти всех, кто его знал.

Спасибо тебе большое Роман. Пока мы помним человека, он жив...

Интервью с Чеславом Эрастовичем СЫМОНОВИЧЕМ

«ХВОСТ ШАЙТАНА ПОДСЁК МЕНЯ НА ДРУГОМ»

Сымонович Ч. Э. — окончил исторический факультет ЛГУ (1972 г.), кандидат исторических наук (1975 г.). Рабочий по ремонту и обслуживанию зданий, Городская больница № 33 (СПб). Основные области исследования: история советской деревни второй половины XX — начала XXI вв., история поколения ровесников Второй мировой войны, история России через анализ её поколений. Интервью состоялось: апрель-сентябрь 2014 г.

Автобиографические повествования вообще невозможно читать быстро, ведь в них — реальная жизнь конкретного человека. После прочтения первых страниц интервью с Чеславом Эрастовичем Сымоновичем освоение текста идет совсем медленно. Во-первых, содержание каждого нового фрагмента его рассказа требует остановки, соотнесения с тем, что уже им было сказано, а также со своим собственным опытом и/или собственным понимаем жизни. Во-вторых, местами поражает искренность его описания собственного детства, юности и зрелых лет. В третьих, особость стиля письма Сымоновича, в котором (стиль) проступают и история его родительской семьи, и его литературные пристрастия, и неровности его жизненной траектории.

В истории советской/российской социологии есть примеры ухода социологов в рабочие, иногда — с исследовательской целью, иногда — скорее по социально-личностным причинам. Были возвращения в научные учреждения, были полные отходы от науки. У Сымоновича — все иначе, с 1958 года, а родился он в 1945 году, и до настоящего времени он работал заводах, стройках и в экспедициях. Пожалуй, это и определяет главную специфичность его жизни, и на таком фоне он стал историком и социологом, в 30 лет защитил кандидатскую диссертацию, преподавал, занимался академической наукой. Но либо его взгляды на предмет познания не совпадали со взглядами его руководителей, либо их отношение к миру не устраивало его. Тогда Чеслав уходил в близкий и понятный ему мир рабочих.

В последние годы Сымонович самозабвенно изучает жизнь, сознание «ровесников войны», т.е. того поколения, к которому он сам принадлежит. Я — тоже из этой когорты (на четыре года старше его), тоже — ленинградец, тоже житель центра города, тоже из семьи, в которой, чтобы прожить, надо было сдавать часть жилья. Поэтому читал написанное Чеславом с особым интересом и могу свидетельствовать верность представленной им картины 1950-х — 1970-х.

Прочитав по моей просьбе один из заключительных вариантов текста этого интервью, Анри Кетегат, по собственному опыту знающий многое из рассказанного Чеславом Сымоновичем, написал: «Жизнь не то чтоб исключительная, но и не серийного производства, к тому же нестандартно описанная». Добавлю к словам Кетегата, что анализ жизненного пути Сымоновича, характер его включенности в науку, стремление понять мотивацию его исследовательской деятельности дает много нового для понимания становления отечественной социологии.

Сымонович Ч. Э.: «Хвост шайтана подсёк меня на другом»

Чеслав, Ваше имя и фамилия имеют польское (чешское или югославское) происхождение? Ваши предки давно жили в России или все начинается с Ваших родителей?

От старших родственников слышал в среднем детстве, что мой прадед **Чеслав Аполлинарий (?) Каэтан (?) Сымонович** был родом из шляхты Ковенской губернии. Отец гордился: «Наша фамилия “нобилитирована” в 1768 г.», о чём он-де видел запись в книге дворянских родов этой губернии. Бабушка упоминала, правда не гордясь, ибо гордиться к моменту её рождения в 1889 г., видимо, было уже нечем, что сей прадед оказался железнодорожным служащим во Владикавказе (?). Но она-то, и её брат — мой родной дед Алёша, и её сестра росли на юге Украины, в Александрии Херсонской губернии.

Самое же забавное из наших семейных преданий вот какое. Кто-то, наверно, бабушка, несколько раз упоминала к случаю о неких наших предках, двух (?) братьях (?) — фальшивомонетчиках во времена Алексея Михайловича. Будучи совсем маленьким, я всё же пытался представить себе их ощущения, когда им палач заливал в глотки расплавленный металл... Теперь, через 60 лет, думаю, что действительно, могли быть иноземные мастера на Московском монетном дворе, коих правительству выгодно было обвинить в порче монеты, в выпуске медных денег с номиналом серебряных, из-за чего ведь и вспыхнул Медный бунт в начале царствования «Тишайшего», при котором Русь вела не меньше тяжёлых войн, чем при его отце Михаиле и сыне Петре. И половина страны была охвачена крупнейшим восстанием под руководством Степана Разина.

Прадед Чеслав, видимо, рано умер, и трое его детей жили при матери и бабушке в названной Александрии. И учились бесплатно как потомки Севастопольского героя — капитана по фамилии Богданенко-Товстолес. Фото его, пожилого, сохранилось.

Так что от Польши осталась только фамилия да имя. И по языку, и по культуре получаюсь я природный русак. По-настоящему узнал и запомнил, как меня зовут, в первых классах школы — так красиво и важно выводила бабушка моё имя-фамилию на обложках тетрадей, пока сам не научился. Интересом к Польше переболел лет в 17–18, когда сосед выписывал польские журналы «Экран» и «Фильм» — своего рода окошечки в иную землю.

Фамилия дважды прозвучала нелестно для меня: один раз не приняли как-то в кампанию игравших в фантики классе во втором («Жидов не берём»). А я не понял, думал, так называют мятые фантики от карамели в отличие от тех, в кои завёртывались шоколадные. Второй раз году в 1984, когда директор ЛО Института истории АН СССР ходил с моей кандидатурой на утверждение в Смольный и там ему якобы сказали: «Не слишком ли много у вас “симановичей?» Но разрешили взять в штат, ибо я считался специалистом по истории СССР на этапе развитого социализма. И, кстати, тогда же и из тех же соображений в ЛОИИ взяли профессора А. З. Ваксера.

Мы с отцом, естественно, были людьми разных поколений, И в частности — в отношении к фамилии, корням. Он, **Эраст Алексеевич Сымонович** (1919 — 1983), составил необъятную, на сотни имён генеалогическую таблицу и нестигаемо пронёс своё дворянство как «тайную свободу». И науку выбирал, удаляясь от чуждой ему современности — археологию. И друзья у него были многие «из бывших».

Для меня же, родившегося в 1945-м и формировавшегося в 1950-е — середине 1960-х гг., это всё не играло роли. Советская действительность этому не способствовала. И когда **тётя отца**, вырастившая и воспитавшая меня (**Анна Чеславовна Сымонович, в замужествах Воскресенская**, потом Зеленко, 1889 — 1978), пыталась в среднем детстве вразумлять меня, вселять гордость («Ты должен быть БАРИН, не брат, а давать должен...»), я тихо про себя удивлялся: «Что давать, кому, если у нас самих иной раз только хлеб жареный на постном масле?». Так что барина из меня не вышло...

Где же Ваш отец приобрел свою нечастую профессию и каким периодом прошлого он интересовался?

Сын прадеда Чеслава, мой дед по отцу—**Алексей Чеславич Сымонович (ок. 1890 — 1920?)**¹, как и его сёстры (?), воспитывался богатыми родственниками в Ставрополе. По преданию, он закончил Восточный факультет СПб Императорского Университета. Не знаю — служил ли переводчиком, но слышал, что привозил китайского дипломата Лю Тая в Рыбинск знакомить с провинциальной Россией и с семьёй своей невесты — дочери рыбинского чиновника (служащего Виндаво-Рыбинской железной дороги ?), то есть моей будущей родной бабушки Антонины Константиновны Соболевой (конец 1890-х — 1942). К тому времени сей чиновник умер, а вдова его получила в кормление казённую винную лавку. Видимо, при большевиках в Наркоминделе дед Алёша не служил, а пошёл на железную дорогу. Согласно преданию же, был расстрелян ЧК в Харькове в 1920 г. (?) — не то по ошибке, не то как заступник за товарища (вариант предания — как взяточник или вор). На запрос мой в ФСБ о судьбе А. Ч. Сымоновича последовал ответ о том, что по документам ничего подобного не прослеживается.

Отец, рождённый в 1919 г. и живший сначала благодаря отцу Алексею в довольстве, ненавидел Советскую власть и всю жизнь мечтал, чтобы «эта гнилушка развалилась». Не дождался... Он был блистательный высокий универсальный гуманитарий, и выбрал археологию, чтобы быть подальше от современности. Закончил исторический факультет ЛГУ в эвакуации в 1942 г., пройдя санитаром эвакогоспиталя свою часть блокады Ленинграда, потеряв в нём бабушку и мать. Осталась в Ленинграде тётка по отцу (упомянутая Анна Чеславовна), к которой он и привёз меня из эвакуации в октябре 1945 г. и у коей и оставил меня, женившись вторично в Москве. По рассказам друзей-коллег о нём можно понять, что он был одной из правых рук академика Б. А. Рыбакова, 30 лет проработав в Москве (1953—83) и пройдя экспедициями вдоль и поперёк Поднепровье. И патриотично доказывая праславянскость черняховской культуры (IV — V вв. н.э), ненавидя научных противников всеми силами своей взрывной души. Оставил одну книгу

¹ Сыма(о)нович Алексей Чеславич, китаевед. В 1912—13 изучал кит. язык и лит-ру в СПбУ; ученик акад. В. М. Алексеева. Затем на практ. работе в Китае. Расстрелян в 1921 (уст. сообщ.) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 <<http://memory.pvost.org/pages/index2.htm>

о населении Неаполя Скифского. На Украине его привечали и охотно печатали. В некрологах друзья-коллеги подчёркивали вклад моего отца в представления археологов относительно появления символики христианской в Поднепровье за 500 лет до массового Крещения Руси Владимиром. Мне, неархеологу, трудно судить о реальном вкладе отца в науку. Знаю, что после ухода академика Рыбакова противники его (а значит, и отца) усилились, и тезис о праславянскости черняховской культуры поколеблен весьма.

Столь же обстоятельно Вы знаете и историю Вашей материнской линии?

По материнской линии я — правнук Председателя Духовного управления мусульман СССР (в 1924 — 36 гг.) Ризаэтдина Фахретдинова. Сей муж был администратором поневоле, сожалея об отвлечении его от дела его жизни — просвещения масс мусульман, прежде всего Поволжья и Приуралья. Мне, не знающему его языков, приходится принимать на веру утверждения его внуков о сотнях публикаций Ризаэтдина, о мудром исполнении им обязанностей судьи, о десятках томов богословских и востоковедческих рукописей, забранных сразу после его смерти в Центр, где их след затерян. Его сын, а мой дед, Габдулахат закончил Химический ф-т СПб Императорского университета, а в советское время служил в Москве «бухгалтером в наркомате»(?), был репрессирован в 1930-е гг. Его жена, т.е. моя бабка, Фирдоус вернулась в Татарию и сумела дать дочкам — моей матери Эльмире и тётке Деляре, образование. Первая стала врачом, вторая — искусствоведом.

С первой — познакомился и слюбился папа Эрик по приезду в эвакуацию в Татарию в 1942 г. На фронт идти он или побоялся, или, ненавидя власть, не хотел за неё воевать. Выбрал работу в Союзнефтегазосъёмке и три года войны искал нефть в будущем Втором Баку.

Ребёнка, т. е. меня, мать решила завести, судя по письмам, чтобы не мобилизовали на фронт как врача. Родила в феврале 1945 г. в Чистополе — райцентре татарском, полу-русском. С отцом они почти сразу разошлись, и он увёз меня к вышеназванной тётке Ане в Ленинград, поступив в аспирантуру Государственного Эрмитажа, в ОИПК — отдел истории первобытной культуры. Но, защитив кандидатскую, не сдерживал насмешливости по отношению к начальству и при заведующем отделом по фамилии Иессын и директоре ГЭ Артамонове был изгнан. 5 лет сидел в нумизматическом отделе ГМИИ им. Пушкина в Москве, пока не внедрился на 25 лет в Институт археологии АН СССР под крыло академика Рыбакова.

Мать Эльмира с сестрой и своей мамой уехали в Среднюю Азию, где был родственник — покровитель. Но лёгкого хлеба и там не было. Мать обслуживала, ездя на лошади по горным дорогам, Бостондыкский р-н, и только через 10–15 лет дослужилась до терапевта и невропатолога высшей категории — врача санчасти Ташсельмаша и Областной больницы в Ташкенте. Я первый и последний раз виделся с ней в 1966 — 67 гг., работая на восстановлении узбекской столицы, то есть — познакомился с мамой в 21-летнем возрасте. Большая часть её жизни, когда она потеряла надежду забрать меня от отца и его тёти Ани, прошла в заботах о карьере её сестры Деляры. Последняя, с монографией о народном искусстве Узбекистана, стала доцентом Ташкентского института искусств.

Ваши родственники по отцу, включая его самого и Вашу бабушку, были

католиками или когда-то перешли в православие?

С детства бабушка Аня росла в православной семье, при маме и бабушке. Потом — прогимназия, с преподаванием Закона Божьего. С 14 лет, т. е. с 1903 г. (?) стала отвечать на вопросы о партийных предпочтениях: «Я — убежденный разочарованных...». Я начал бабушку понимать лет с шести-семи, когда ей было 62—63 года. На пенсии она могла не бояться воцерковиться. Но она почти никогда не творила при мне крестное знамение. Молитве научила только одной: «Огради мя Господи, силою Честного Животворящего Креста и тем сохрани от всякого зла». В церковь мы заходили, бывая на кладбище, но — без молитв, свечек, записок... Зато добро она рассеивала вокруг, причём крепкое, волевое, для попавших в беду — даже пронзительно-сверхестественное, как опытный психотерапевт. Карты Таро подчас раскидывала, гадая, и несколько книг по оккультизму, оставшихся от второго мужа (Н.П. Зеленко), хранила, но не читала.

После смерти отца его московская жена и дочь подчёркивали, что он был православным. Но у меня с ним о религии речь никогда не заходила. Однако, именно он, а не мать-мусульманка, отнёс крестить меня в Чистопольскую православную церковь. Каким именем? Бог весть. Там книги не сохранились.

Я же, после неуверенных пьяноватых юношеских поисков веры в 16—17 лет, после взрослого обнадёженного побуждения к церкви в 1990-е годы, в последнее 10—12-летие от обрядов отошёл за недостатком веры и из-за понимания, что недостоин (по совокупности содеянного, а пуще — закопанного в землю) быть и числиться воцерковлённым. Но в церковных службах пою, в церковных концертах читаю стихи, благо попускают.

Думаю, что священство и воцерковлённые миряне жалеют меня как в чём-то обойдённого. Но таких ведь много. Так что на вопрос: «Како веруеши?» определённо могу сказать лишь одно:

— В России нет общественной силы, которая творила бы столько добра, сколько делает его словом и делом Русская Православная церковь Московского Патриархата. Особенно после принятия ею социальной концепции и в заботах о просвещении народа, его детей и юношества. Говорю об этом вполне уверенно, поработав в отпуске в православном детско-подростковом лагере труда и отдыха «Александрия», что от воскресной школы колпинской церкви Вознесения Господня. Короче: верую в лучших людей нашей Церкви, и примученных, и творивших Добро, и в тех, кем жива Церковь сегодня, и будет жива до конца веков. Им стараюсь помогать.

Похоже, что в Ленинграде Вы живете очень давно. Если это так, то в каком районе города Вы жили в детстве, пошли в школу?

Рождённый в эвакуации, в Чистополе, я с осени 1945 г., то есть — с года рождения, живу в Ленинграде. Бабушка Аня выкормила меня, спасла от дистрофии, в коей я пребывал брошенный на время в Чистополе обоими родителями в детском саду, где не было питания младенческого.

С бабушкой и прошла моя жизнь до моих 33-х, а её 87 лет. И почти половина моей жизни, до 1976 года — в комнате бабушки на ул. Марата д. 22/24, кв. 52, оставшейся ей от второго мужа — бывшего домовладельца, кадета и одного из лидеров обновленцев в СПб Городской Думе — Николая Петровича Зеленко (1869 — 1941). Но с ним она сошлась, когда он уже был после революции «лишенцем»,

управдомом, потом — больным стариком без пенсии. В школу я пошёл в 1951 г., шести лет от роду, и принят был благодаря приятелю отца, Кириллу Васильевичу Шкурко, преподававшему тогда в 299-й школе на Разъезжей.

Это старый петербургский район, в нем всегда была какая-то тайна; прекрасно знаю его, вторую половину 60-х — начало 70-х я жил рядом, за углом, на Поварском переулке, третий дом от Колокольной. Что за школа была? Учителя? Ребята?

Да, в центре Ленинграда, в доме рядом с бывшей Единоверческой церковью (Музеем Арктики), прошло детство и все следующие возрасты жизни, до 31 года. Потом пришлось переехать, из-за первой женитьбы (1973 — 1984), в Колпино. Возможно, Вам, Борис, теперь издалека наш город овеян ореолом красоты и величия. Я заметил его красоту лет с 16-ти, начав ездить в Университет. И — быстро привык к ней. Предмета «История и культура СПб» в школах тогда не было. Имена главных архитекторов и скульпторов, сформировавших стиль города в досоветское время, не заучивал, ибо относился к Ленинграду как к домашней среде обитания. Мы ведь свободно обходимся без добропамятных раздумий об авторах домашней мебели, лепнины на потолке и т.д. Тем более, что основа личности закладывается не на стогнах града, а в родном доме.

Рассказать об открытии ребёнком ближайшей среды обитания — тут надо быть Аксаковым, Короленко и т.д. Ведь помню не только выщерблины на ступенях крутой чёрной лестнице, облупленную краску огромного резного стола, но и... страшно даже начинать перечисление. Отчасти это сделано в «Телескопе», в моей статье о ровесниках Войны — дошкольниках (кафельная печь в углу, медная ванна, балкон с литыми узорами ограждения, покрытый свинцовым — вечным — листом, замок на двери в квартиру с ключом такой сложности, что современные дошли до неё лишь недавно; стенной шкаф — большой, куда помещалась вся одежда и лишние постели...).

Наверно, только ближе к школе я понял, что обстановка у нас не та, что у большинства: огромное трюмо, венецианское зеркало, большой французский шпалер с изящной галантной сценой и вышитой подписью автора (Alonso Perez), изумительной чистоты линий и облика итальянские мраморы — бюсты Спасителя и Богородицы, прижизненный большой парадный портрет Петра Третьего кисти Гроота... /см. <http://russian7.ru/wp-content/uploads/2013/01/PeterIII.jpg/>

Перечисление заняло бы несколько страниц. Всё это были остатки нажитого вторым мужем бабушки (Н.П. Зеленко) в бытность его сначала, в 1890-е гг., косметологом — массажистом-волшебником, затем — в 1900-е годы — домовладельцем. Но большая часть этой, на мой взгляд, роскоши, а на взгляд нуворишей 1900-х гг. — просто приличной обстановки, была обменена бабушкой в блокаду, на еду, что и спасло её. Немало оставшихся чудных вещей было отнесено в комиссионный магазин возле «Колизея» до 1960-х гг., когда я начал зарабатывать. Довольно рано я, вслед за бабушкой, стал делить людей, впервые к нам приходивших, на «простых» и тем неинтересных, — кто, оглядывая обстановку и украшения, говорил: «Ого, да у вас — как в музее...» и — на немногих остальных, кои всегда оказывались интереснее...

Не знаю, удастся ли здесь описать накопление первых не знаний, но впечатлений, образов большого мира и России от её начала. Главных источников было немного: подобие современных детских энциклопедий, два учебника для гимназий (географии и истории), альбом огромный изображений животных к книге Брэма, и подаренный друзьями отца альбом к 100-летию Пушкина да сборничек скромнейший шедевров «Русские поэты» 1948 года издания.

Сохранившиеся из них положу ли перед собой и попытаюсь вспомнить, складывались ли в стройность, в мозаику без высыпанных пятен, эти десятки и сотни картинок? Подписи под ними, наверно, читала бабушка, потом я их запоминал и рассматривал день за днём, месяц за месяцем, год за годом — лет с двух-трех и до шести-семи, то есть до школы.

Нет, нельзя класть их перед собой сегодня. Утону. Да и зубы придётся сжать, ибо возвращаясь к началу, остро чувствуешь, что бесславный конец недалёк, тот самый, о коем тогда и не грезилось... Зову память. Отрывочно являются воспоминания о картинках:

Кружка царская (17 век); тёмный мощный индус со связкой бананов на голове; кудрявый Саша Пушкин, подпёршийся кулачком; и через десятки страниц — жуткий утопленник, стучащий в окно; первые карты полушарий — цветные, неполные, с огромными белыми пятнами; гордый, суровый князь Святослав в ладье перед басилевсом; страшные глаза Лесного царя, прожигающие горячее дитя...

Но и словесно — не первое ли представление о прошлом, не сегодняшнем, давали слова бабушки:

— *Это было ещё до революции ...*

— *... до войны..*

— *...в блокаду...*

О своей первой (299-й мужской) школе на Разъезжей, недалеко от Пяти углов, помню только страх ожидания перед первым вхождением в класс... Рыдал в раздевалке бабушке: «Буква «Ша» не получается!». Мучой было переодевание к физкультуре, ибо носили тогда лифчики, к коим пристёгивались резинками с пряжками чулки...

Наклонные крышки парт были полезны для глаз, но тетрадь по ним съезжала. Тетради покупали подешевле /«Изготовлено из отходов»/, и перо выцарапывало из страницы костру, и получалась грязь. Вставочки и карандаши мы обгрызали — краска вкусно хрустела...

Через муки переписывания из-за помарок бабушка заставила быть отличником, и был — до 5-го класса, но уже в другой — 297-й школе, в высоченном доме на ул. Социалистической, во вторую смену, на 5-м этаже. До 3-го класса включительно (?) — без девочек. По-моему, их влили к нам с 4-го. Возможно, с 4-го же ввели форму.

Первая учительница, Домна Ануфриевна Бобарыкина, была простая, добрая, видимо, из деревни или малого города, женщина, тоже, как и мы многие, ютившаяся в 8-метровой комнате с сыном-студентом...

В 5-м классе необъятная и, кажется, добрая учительница географии Клавдия Ивановна впервые назвала нас на «Вы». Это было невероятно, но было.

Классная руководительница, недалёкая Надежда Степановна — словесник — запомнилась замечанием, кое мне сделала за то, что в ответе я назвал Крылова Иваном Андреевичем («Что, Сымонович, он дядя тебе, что ли? Говори «Крылов»...»). Она же, или уже другая словесница, дряхлая, в 205-й школе, пыталась объяснить упоминание бога нашими классиками: «Они-де вынуждены были, им приходилось делать вид, что верят...». И смех, и грех...

История Древнего мира впервые начала упорядочивать представления об обществах в историческом времени. Живыми подробностями населили его легенды и мифы, популярные книги «Древний Восток», «Древняя Греция», «Листы каменной книги» Линевского, «В древнем Киеве» Прилежаевой-Барской... Учебники же были суховаты, но необходимы.

...Недоедало, судя по лицам, худобе, не больше 5 человек из нас, 35-ти. Но теснота в комнатах, где жили семьи одноклассников, была жуткая. Витя Спиридонов готовил уроки на кухне, под чад и шум. Вова Маркелов жил в подвале, где стелили доски на залитый водой пол. Витя Пелевин жил с не то пьяным, не то с не вполне нормальным отцом-инвалидом в абсолютно пустой комнате, без мебели...

Особо для Вас, Борис, — о Поварском переулке. Недалеко от угла Колокольной жил Валера Чирков, и с ним связано то моё, что, повторяясь потом в жизни раз в несколько лет, сделало из меня «облако в штанах» вместо пацана, потом — настоящего мужчины. Собирались мы с ним дружить и шли из школы. Подходят его недруги и начинают приставать. Я почуял приближение драки и позорно бежал, оставив его. Потом стеснялся даже смотреть в его сторону, а он — воспринял моё предательство как само собой разумеющееся, чем в тот момент утешил, но на будущее — усугубил мою жизненную трусость, которую в доброй половине критических ситуаций я так до сих пор не преодолел. Да-с.

В какой-то степени обходные решения применяла и Бабушка, но по-другому. Поняв, что на «отлично» я уже всё не вытяну в 297-й, перевела в 205-ю, семилетку на Кузнечном. Горда была, не хотелось ей — непременно члену родительского комитета — слышать на собраниях о моих четвёрках.

Так что часть 6-го и весь 7-й класс провёл я в изящном особняке, в небольшом по численности классе во главе с железной — не леди, а товарищем — Зоей Петровной, математичкой. Кстати, математику преподавали великолепно во всех моих школах, и она укладывалась в голове ёмко и прочно... В отличие от нашей истории, она была правильной областью знания. История же вообще, а российская особенно, удручала не только своей хаотичностью, но прежде всего противоречиями, трагично тяжкой ценой каждого шага «вперёд».

Кавычки ставлю теперь, в школьные же и отчасти в студенческие годы не смел сомневаться в прогрессивности развития человека и обществ... И всё же нечто вроде обиды испытывал (или теперь придумываю — вот чем опасны воспоминания в отличие от дневников и писем), встречаясь с закатами и гибелью превосходно организованных обществ от их гнилости и под ударами примитивных сил извне... Детское восхищение Святославом, Александром Ярославичем, Петром Великим, Суворовым, ..., сменялось или дополнялось озлобленностью по отношению к «старому кроту истории», который рыл вслепую и выводил очередной ход прямо под ноги и колёса варварства. 5-формационная модель в студенчестве и даже в 1970-е годы утешала, обнадёживала, подтверждалась,

но — только в учебном варианте. В конце 1970-х, когда попались на глаза рассуждения о большой феодальной формации, снова и снова прорастающей сквозь подвальные этажи капитализма, и — чур нас — социализма, вот тогда впервые марксистская конструкция покачнулась. В этом же направлении действовали нескончаемые споры о многовековых стадиях, степенях перехода к феодализму на Руси. Внимая им со стороны, не имея времени на просмотр источников как аргументов, приходилось подчас признавать правоту «взирая на лица», доверяя автору более логичной и всесторонней модели.

И после того, как мириады страниц истрачены на обоснование путей человечества, в том числе нашей его части, слушать деловитые подсчёты об исчерпании энергоресурсов, о необратимом загрязнении планеты, после этого снова встать за кафедру и талдычить детям и студентам о том, что человечество (и «дорогие россияне») всегда находило средства избежать Апокалипсиса, и так будет впредь — нет уж, слуга покорный. Гибель неминуема! И чем скорее, и чем более массовая (и безболезненно быстрая) — тем лучше...

Я пишу это в глухом заповедном углу Новгородчины, на берегах тихого чистого лесного озера. Природа настолько естественнее, нормальнее, прекраснее губящего её общества, что величайшим, абсолютным карой-проклятием выглядит наделение человека сознанием, без коего Ното не способен был бы на расширенное и столь агрессивное воспроизводство.

(Тут от Вас, уважаемый Борис, должен последовать ядовитый вопрос: «Уж не зависть ли к нам, не уклонявшимся с пути обществоведам, говорит в Вас? Неужто Вы так зло бы мечтали о всеобщем конце, будь доктором, профессором, окружённым учениками, имея не 70 статей за душой, а ещё и несколько монографий, да ещё зная языки, фигурируя на международных конференциях, а не ремонтируя стулья, электропроводку и смесители в больнице? Ась?

Отвечаю: «Может быть. Но это был бы уже не я...»)

Я понимаю, что теоретики социологии, особенно рассуждатели о цивилизациях, презрительно отведут глаза от сих и вправду не защищённых учёными авторитетами слов. Но — так я понимаю и чувствую сегодня, возможно — глядя из выгребной ямы, в которую история завела страну. Мою? Да, ибо я не только в ней жил и работал, но и, в заботе о куске с маслом, поддавался заставлявшим плохо строить трубопроводы и хорошо лгать о всемирно-историческом закономерном характере Великого Октября в России...

С другой стороны — кому она нужна, эта природа, если нет человека, наделённого чувством прекрасного и естественного. Животному внечеловеческому миру? А он — зачем, кому?

Но я отвлёкся.

Это — начало школьных лет. Что было позже? Какие были интересы? Про комсомол...

Дальше было, естественно, прохождение через вторую половину средней школы. 6 и 7 классы в «детской» школе, той самой, 205-й, а 8—10-е — в 153-й школе рабочей молодёжи на 5-м вибрирующем этаже прядильного корпуса ф-ки им. Анисимова... Очень трудное время для рассказа о нём, ибо детали памятливы, а общее представление трудноопределимо. Опять скажу о самом трудном из запомнившегося.

Больше всего неприятностей доставляла физика. С теорией всё было просто — выучил и ответил. Но задачи постоянно требовали держать в активной памяти несколько освоенных формул-ключей, последовательно открывавших промежуточные двери в ходе решения. И не раз, а десятки раз, пробившись часами, приходилось идти «к Нальдику». Он был «отличнее» меня — будущий научный сотрудник ФТИ им. Иоффе д-р ф.-м.н. Регинальд Николаевич Кютт. Простой, но не понимавший, что именно мне (и другим одноклассникам с нашего двора) мешает щёлкать злополучные задачи. Давал списывать, спасибо...

Неприятности доставляло соседство с Анной Васильевной Старов-й — жуткой карлицей-кошатницей, жившей в нашей квартире в комнате бывшей прислуги при кухне. Своим пяти кошкам она готовила такое варево из такой рыбы, а они потом так гадили на антресолях, недоступных для уборки, что через кухню идти было противно. Иногда на неё «находило», и разражался дикий скандал. Тогда бабушка то не выходила на кухню, то как-то её /соседку/ успокаивала, или простыми спокойными словами, или угощая (та готовить не умела). Как она всю жизнь проработала учительницей начальных классов не только в Тихвине, но даже в Ленинграде — непонятно. Впрочем, в 1920-е—30-е годы школы были не столь прихотливы? От племянников её, ремесленников, веяло казармой, мужским духом; грубая чёрная шинель с буквами на петлицах РУ № говорила о более взрослой жизни, чем моя школьная. Жадно вслушивался я в объявления о приёме в училища системы ТР (Трудовых резервов), где учащиеся — на полном обеспечении, плюс получают треть заработанного. Но уж очень я был домашний, вроде «гогочки», да и физически слабоват вплоть до 16 — 18-летнего возраста.

Жилось на бабушкину пенсию и небольшие присылаемые отцом деньги так трудно, что ходили даже к знакомому бабушкиной подруги — тёти Доси — капитану 1-го ранга Константину Филипповичу Прыткову, не поможет ли устроить в Нахимовское. Но отец мой не воевал, да ещё и живой был, так что это не вышло. А то бы не писать мне эти отрывки. В журнале «Телескоп» я писал, что мы сдавали угол комнаты, с двуспальным диваном и письменным столом двум студенткам Инженерно-экономического института им. Молотова, что на углу Марата и Кузнечного.

Ватное одеяло, а может быть и пальто зимнее для меня, бобриковое, носимое потом до и после лицовки несколько лет, — прямые выгоды от сдачи того угла. Наверняка, и налог бабушка платила, не надеясь на молчание соседки при возможном визите фининспектора.

Единственно, в чём не было недостатка — в книгах. Их отец постоянно присылал из экспедиций, и потому для меня дорогими друзьями и проклятыми врагами были соответственно друзья и враги Алёши Пешкова и Николеньки Иртеньева,

загадочными монстрами — градоначальники города Глупова. А коллизии «Руслана и Людмилы» затмевали детективность недоступного тогда Шерлока Холмса. Но были и вещи легендарные, о коих только слышать доводилось — сказки Гофмана. В школьной библиотеке милая, хоть и с чёрными волосками на подбородке, Наталья Васильевна допустила меня класса с 3-го ходить меж полок и «рыться в книгах». Но всё чаще небо отечественной классики прорезали кометы с хвостами, искрившимися сиянием витрин Западного мира. Причём — даже

если автор того не хотел, осуждал «искусство толстых», мишуру реклам, заслонявших скудные будни простых тружеников. Так было с книжкой «No pasarán» Э. Синклера.

Больше того, не из книжек, а из кинодокументалистики явившиеся образы гигантских масс нацистских штурмовиков восхищали своей монолитностью, красотами строя, формой...

И раз уж мы заговорили о книгах, то вот несколько объяснений моего будущего выбора занятия. Мне — лет 5—7, живём с бабушкой на даче, в Кронштадтской колонии, за Ораниенбаумом. Проходящая цыганка-провидица нараспев говорит: «...Получили вы письмо от кровной... А внук твой будет большой книжный человек...». Бабушка что-то платит ей, ибо и вправду только что пришло письмо от моей матери, запоминает предсказание и потом не раз вспоминает и — не даёт и мне забыть. Что ж, большим и вправду я вырос. А книжным — тоже, хотя во многом потому, что лет с семи же побаивался ходить во двор, ибо был слабоват и робок.

«Наука начинается с докторской, говаривал отец, в кандидатской покажи умение систематизировать материал». Так ему — археологу, составителю сотен таблиц со статистикой захоронений и древней керамики — это виделось, глядя на мои аспирантские муки... Или намеренно упрощал? Вспоминаю об этом, и вижу мысленно свои первые опыты бескорыстной систематизации — выстраивания по порядку римских пап и французских королей, классе в 5-м, вечерами, после приготовления уроков. Были расчерчены таблицы, и в них вносил имена, даты правления или возглавления Римской курии. А началось, кажется, с книги Стендаля «Прогулки по Риму», кою неумеренно хвалил отец, и пришлось её штудировать. Так вот, из примечаний и добывались искомые даты. Альбом сохранился.

На то же будущее дело наводило за годы до него таинство и самолюбование при писании текстов. Сначала — изложений, затем и сочинений по литературе. Не было текста. И вдруг он являлся из-под МОЕГО пера, пусть ограниченный рамками концепции преподавания литературы в советской школе, пусть наполовину списанный (без ссылок) из брошюр популяризаторов-литературоведов, причём компоновка их кусков и собственных связок была мучительна, постыдна, как непотребство. И всё же частое бессилие и пустота снова вели меня в детско-юношеский зал Публичной библиотеки.

С классными сочинениями была другая беда. Замысел часто был невыполним в отведённое время. Зато всё писалось из головы и редко, но чуть-чуть, — из души. Одна тетрадь сохранилась. Страшно перечесть.

Учёба учёбой, но жить становилось труднее, и мы с бабушкой решили, что пора мне работать. Первая экспедиция, с отцом в Черкасскую область 1958 года — не в счёт, т.к. что я там заработал, то и проедено было. 205-я семилетка была окончена, и соседкина знакомая — Мария Николаевна, учительница биологии в школе рабочей молодёжи, похлопотала, чтобы меня взяли туда. Взяли с условием найти работу.

Стали с осени ходить по знакомым. Муж крестницы покойного Никола Петровича Зеленко водил к Борису Ивановичу Зубареву на «Большевик». Не взял.

Старая большевичка — бабушкина знакомая на Разъезжей (Карпухина? Ольга Ивановна??) посоветовала: иди в Райком комсомола. Там, во дворце Белосельских-Белозерских, сказали:

— Не комсомолец? Почему?

Молчал.

— Куда хочешь?

— На ГОМЗ.

— Иди в ПТУ, там научат. А если сразу работать — направим в Утильсырьё. Выскочил обозлённый.

Наконец, Георгий Фердинандович Андерегг — главный инженер Управления кинофикации, в уважение бабушкиной просьбы как старого работника проката, направил в кинотеатр «Сатурн» учеником киномеханика. Месяц без оформления, а с 1 ноября (декабря?) 1958 года я стал рабочим человеком! И первую зарплату 175 дореформенных рублей принёс домой! Через недели три уже поставили в смену, крутил, хоть и с замечаниями микшера, «Марионетки», «Мистера Икс» с Георгом Отсом, «Добровольцев». Реплики целых сцен помню. Если буду писать воспоминания, эти три месяца вырастут в главу. Ибо это было начало открытия будущего, взрослого мира:

обтянутой синим тонким трикотажем ненаглядной большой груди Сони — старшего киномеханика;

грубоватого, но приличного парня, возившего цилиндры с лентами с базы за отдельную плату;

другой женщины-коллеги, худощавой молодожёнки, не беременной ли; хромого Володи с руками геркулеса, не равнодушного к вышеназванной

Учила работа вниманию, незадумыванию о постороннем под стрёкот аппарата, — ведь можно было упустить момент, когда сгорал один из угольных электродов дуги, и экран гас.

Освоение учебников по кинопроекторам, по электротехнике и по усилительным устройствам и электроакустике начал, но укладывалось трудно.

Учился и не засиживаться за едой, чтобы напарнику не обслуживать бегом оба кинопроектора — его и мой.

Учился общению — что можно говорить коллегам, что — не надо бы. Не научился. Не успел.

Ибо последовал донос профорга во Дворец труда, и начальство заплатило штраф за допуск несовершеннолетнего к работе с огнеопасной киноплёнкой. Уволили с 1 февраля 1959 г. Опять надо было искать работу. Только летом удалось устроиться в Экспедицию XII р-на 5-го Геологического Управления рабочим поисковой партии. Но там прошёл такой университет, что об этом — отдельно.

Заинтриговали... и какие науки Вы там освоили?

В этом возрасте каждый год стоит многих лет из тех, что после 50-ти. В архангельской экспедиции, теперь как обществовед, вижу почти полный срез многослойного нашего общества конца 1950-х: начальник партии (Ю. В. Русс) и его жена — главный геолог, геолог, 4 техника, повар и 5 человек нас, рабочих.

Рекомендовал туда меня Георгий Осипович М—в, седой, изящный господин — знакомый бабушкиной подруги. Он был всего-навсего техником в геологии, но ореол ветерана миманса Александринского театра присутствовал тут же. Самое поразительное, чудовищное для моих примитивных представлений

о взрослой жизни приличных людей было то, что его жена была таких столь размеров, что ей подставляли два стула... Как он мог не только оставаться её супругом, но ходить с ней на люди, непонятно (было)...

Оформление в отделе кадров на Пестеля, сборы, проводы, поезд. Разгрузка, навал грузов наших на ручную тележку и — толкаем по пустой ж. д. ветке несколько часов, до посёлка лесорубов Пивкозеро, полумёртвого. Несколько бараков и домов, да магазин.

Настоящей бедой было то, что поселили меня — рабочего — с рабочими. Один из них, приبلатнёный, Анатолий Удальцов, и внешности-то жуткой, а в обращении просто мерзь — угораздило меня сказать ему о своих разнорациональных предках. И с тех пор иначе, чем «польско-еврейская харя» он меня, вполне миловидного юнца тогда, не называл, без начальства, разумеется. Один раз-таки чуть не искалечил. Но больше грозил, пугал. Как мог, и я язвил его, но — слабо. И хорошо, что слабо... Подучили разок хлебнуть одеколону, закусив стущёнкой, начальник отругал. В карты, к счастью, я с ними не садился, пытаюсь уснуть под их пьяную ругань. Урок был серьёзен: не болтать лишнего о себе абы кому.

И деловые уроки были весьма полезны: не жалеть себя, браться за всё, не расслабляться, искать помощи где только можно. Последний урок — «о порвании в первом же маршруте правого резинового сапога и о неумении его крепко заклеить или найти шофёра, чтобы завулканизировать». Так и проходил с мокрой ногой три месяца...

О природных красотах Онежского района не говорю — мошка заедала. Довелось поспать в спальнике на лапнике, стрельнуть из ракетницы, летать на МИ-4.

Искали якобы анилиновые краски, но почему-то — с радиометрами РП-1, делая шурфы и закопушки, скважины же — ручным буром.

Урок из главных: не давать в долг. До сих пор его не усвоил вполне. Потом пришлось в городе ездить к Коле-рабочему за долгом (300 дореформенных рублей), потом плюнуть за бесполезностью. Хватило ума большую часть заработка отправить почтой домой.

Заработанного за лето хватило на второй в жизни взрослый костюм. И ведь не закурил там, молодец... Письма сохранились, как и из экспедиции на Украину 1958 г., но и некогда, и страшно вато их поднимать, ибо сразу всплывёт в памяти та полу- или четверть-правда, которая могла быть написана бабушке в её успокоение относительно моих приключений вдали.

Чеслав, зная по Вашим публикация сложный характер траектории Вашей жизни, хочу попросить Вас представить в табличной форме схему Ваших профессиональных перемещений. Думаю, это упрощит организацию нашего разговора и прочтение Вашего рассказа.

Спасибо, пожалуй, это сделать целесообразно. В общих чертах траектория моей профессиональной миграции отражается следующей матрицей:

Работа на заводах, стройках, в экспедициях	Студенчество	Учительство	Работа в «науке» и вузовское преподавание	Работа в коммерции
1958–1961				
	1961–1963			
1963–1971	1967–1972 (вечернее обучение)			
		1971/72 уч. год		
			1972–1987	
1987–1989				
			1989/1990 уч. год	
				1990–1992
1992–1998				
		1998/99 уч. год		
			1999–2001	
2002–2004				
			2004–2006	
2007 – настоящее время				

В целом ясно, теперь продолжим нашу беседу. Кончались 1950 -е, начинались 60 -е. Если кратко, то как они Вам вспоминаются?

С горькими и бесполезными сожалениями приступаю к первой половине 1960-х годов. Ибо началась она /половина/ юношеским пьянством от скуки, а закончилась столь же уродливым, сумасбродным, но искренним первым результативным романом пополам с уже настоящими запоями. Оправдывает ли меня то, что я был тогда постоянным и рьяным спутником приятеля моего отца, человека, который называл себя потомком владетельных князей фон Дидрихштейн? Это льстило моему самолюбию — юнца, уверявшего себя, что он живёт в нескольких измерениях:

в формальном, как советский рабочий и студент:

1959–1961 гг. — ученик, потом фрезеровщик механических мастерских фабрики им. Петра Анисимова на углу Боровой ул. и Обводного кан.; сент. 1961 — янв. 1964 — студент кафедры арабской филологии Восточного факультета ЛГУ; март 1964 — осень 1971 — трубоукладчик 2,3,4-го разряда УНР 309 треста Севзаптрансспецстрой Главленинградстроя; одновременно в 1967–1972 гг. — студент вечернего отделения Исторического факультета ЛГУ; 1971/1972 учебный год — учитель истории Сварочно-машиностроительного техникума, вступление в КПСС (как оказалось — на 20 лет, до 1991 г.); с сентября 1972 — аспирант исторического факультета.

Тут, кстати, можно бы упомянуть и неиспользованные, но реальные обходные дорожки. Так, лет в 14—15, приходило в голову — не пойти ли в продавцы, в официанты. Но постоянно звучало в голове бабушкино пренебрежение к «лакейству». Останавливал и страх: испачкаться в махинациях, сесть в тюрьму. Году в 1960-м, работая фрезеровщиком на фабрике, отказался от предложения случайного знакомого идти к нему младшим продавцом в мебельный магазин, т.к. он сразу сказал, что надо будет извещать избранных покупателей о поступлении дефицита — за «благодарность», разумеется, и неприятности возможны.

Но в первой половине 1960-х червоточило **и второе измерение — претенциозно-иллюзорное.**

В этом идеальном измерении я представлялся себе как страдатель — оплакиватель России ушедшей, в коей красивой и благородной жизнью жили всяческие «бывшие» люди. Наверно, сказывалось то, что всё дошкольное детство прошло во впитывании сотни раз просмотренных журналов 1910-х годов («Солнце России», «Огонёк», «Синий журнал», «Новый сатирик» и «Детского мира», и учебников истории тех же лет, для начальных училищ. Сознание было сдвинуто в эту сторону... Но не советской школой. ... Из сего дня вижу, что от класса к классу то ли история учебная становилась всё более пристрастной, то ли учителя — слабее, но единственным результатом старшие классы оставили как непереносимую гипотезу прогрессивное движение человечества от формации к формации, коему суждено завершиться вступлением в коммунизм в описании Третьей Программы КПСС. Её приняли в год моего окончания школы.

Пытаюсь — и не могу разложить по полкам:

- Бедность и — осторожные упоминания дома о том, что мы — из благородных.
- Ранняя работа рабочим с некоторым пренебрежением к рабочим, грубым и малообразованным, но и с уважением и завистью к их умелости и прочности на ногах.
- Бабушкины слова о неприемлемости для неё в 1919 году предложения эмигрировать (в Канаду) с ЛЮБИМЫМ человеком из голодной страшной смертельно России.
- И прорвавшаяся только раз в словах отца ненависть его к этой власти, погубившей его отца.
- Постоянное сознание своей средности, заурядности по деловым, объективным меркам,
- Но и абсолютная, всепронизывающая уверенность в своих гигантских внутренних силах, способных ЕСЛИ БЫ ДАЛИ ТОЧКУ ОПРОРЫ, ПЕРЕВЕРНУТЬ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР... Не продолжаю. И так ясно, что с такой кашей в голове жилось беспокойно. Шла реальная жизнь рабочего юнца, потом ленивого студента. Но в нём шла и другая, неосуществимая жизнь. — С Любовью, в том числе — физической, о коей мечталось так яростно, до скрежета зубов, что отсутствие её обесценивало всё и вся в действительности.

Усилению иллюзорности сильно способствовало и увлечение театром. Никогда больше не бывал так часто в театрах (чаще — в драме) как в 1960-е. И всё казалось, что пусти меня на сцену — я буду достойным партнёром корифеев,

а они тогда были! Не в мечтах — в действительности я ожидал выхода после концерта Н.К. Печковского из клуба МВД, Н.К. Симонова из Пушкинского (быв. Александринского) театра драмы, и решился, наконец, поступать, (уйдя, убоявшись зубрёжки, с Востфака) в Школу-студию МХАТа. И чуть было не поступил, но, как почти всегда, недоработал, недотянул, надеясь на «нутро», как великий Павел Орленев. Ан-нет, так в эту самую трудную профессию и жизнь не входят.

В университете, благодаря кружению вокруг Вити Кривулина, были попытки писать стихи, желательно абстрактные, знать фамилию КАФКА, ходить на Полтавскую ул. в кафе поэтов... и выпивать так же с этой богемкой, как начинал на фабрике и продолжил на стройке. Обыкновенное чудо заключалось в том, что другие одноклассники, тот же Миша Пиотровский, и пили, и дело делали, а Ваш покорный слуга вылетел с Востфака, по пьяной лени и безволию. Тут аукнулось неумение грызть науки, ибо в вечерней школе было что-то (хватка) потеряно. Получается, что ранняя работа и связанная с ней иллюзия взрослости — не всегда, не для всех благо. Придя в студенты не из школы, а от станка, я скучал, что ли, по рабочей вольности после урочной работы. А Университет требовал долгих вечерних сидений над переводами. Только однажды, летом 1962 г. он добавил уверенности в себе как в набирающем силу теле. После 1-го курса Востфака желающие работали месяц на Кингисеппской лесобирже. Грузили лес в вагоны — без надежд на хороший заработок, без изнеможения, радовались перемене занятия, экзотике быта в бараке. Это было ещё начало движения ССО (студенческие строительные отряды), через которое прошли потом 13 миллионов будущих специалистов.

... Девушек на Востфак почти не принимали, к немногим сокурсницам мы относились бережно. Никаких романов, даже в полевых условиях. В городе же абстрактные возможности «чувиху, шкуру заклеить, притащить и отжарить» ограничивались отсутствием отдельной комнаты. И только прочитав И.С. Кона, серию статей «В постели с Советской властью», в 1997–99 гг., понял, что и этот счёт можно бы предъявить ей, т.е. власти. Это она, проклятая, загнала меня и другие тонкие натуры в одну комнату с родственниками старшими и не дала нормального выхода голосу пола. Пришлось его заглушать дешёвым портвейном. Но и я ей, власти, отомстил, прикинувшись негодным к военной службе, да так успешно, что отмылся от этого клейма только через 15 лет, в 1979-м, когда проснулась патриотическая совесть и хотел было отдать долг Родине... Ан — поздно спохватился. Полковник из Управления кадров Министерства обороны СССР в ответ на моё покаянное письмо с просьбой наказать и дать возможность как-то загладить вину ответил чётко: «Служить надо тогда, когда нужно Родине, а не тогда, когда вам приспичило.»

Вот так и получилось, что единственным сквозным делом жизни оказалась стройка, а в последние годы — её родная, хоть и менее уважаемая сестра — эксплуатация зданий и всего, что в них. С каждым годом баланс между стажем строительным и научно-педагогическим склоняется в пользу первого. Примерно теперь как 30 лет к 20-ти годам. Хотя кое-что тут условно, ибо сейчас, будучи ремонтником, пишу и печатаюсь в научной прессе, а работая, скажем в Музее истории религии, половину времени халтурил на эксплуатации Спорткомплекса «Ижорец».

А начались мои строительные пристрастия летом 1963 года, в Коломьягах, на прокладке наружного чугунного водопровода. Первый асфальт положил на Дибуновской улице, и тепло его, и запах, только что укатанного, не забыть...

Романтика строительного пьянства была не столь привлекательна и более разрушительна, чем студенческого. Но выплыл из этого позорного периода, благодаря годичной командировке (1966—67 гг.) в Ташкент на восстановление (в такую жару, что выбор был простой: или пить, или работать). И благодаря тому, что бабушка начала дряхлеть, и надо было заботиться о еде, стирке, всех домашних делах. И всё это — после работы на стройке и трёх вечерних часов в Университете, — на историческом, который не в пример легче Востфака, и оказался мне по зубам.

Наверно, самая большая потеря из-за пьяных 1960—1966 гг., это потеря для меня самой прекрасной девочки на свете, Наташеньки Ризнич, которой отец и братья запретили со мной видаться и были правы. Теперь иногда переписываемся, но время не вернётся.

«Следует подчеркнуть» (как пишут в научных статьях), что разрушительные коллизии в сознании юном этой качающейся эпохи — 1960-х — немо таились в совершенно реальных материальных условиях жизни. А именно, не по важности, а из потока памяти:

- В начале 1959 г., как ученик киномеханика, я имел оклад 175 рублей в месяц. Летом 1959 г. в экспедиции, в качестве рабочего поисковой партии, 600—700 рублей в месяц. И это уже приближалось к нижней грани средних зарплат. В 1960 г., имея неполный, по малолетству, 6-часовой рабочий день, я зарабатывал на станке во вспомогательном (ремонтно-механическом) цехе прядильно-ткацкой фабрики, кажется, рублей 500-600 (в масштабе цен и доходов до 01.01.1961). В 1965 г., на стройке, по 3-му разряду трубоукладчика и дорожника, мой месячный заработок составлял: летом, благодаря сверхурочным, до 140—150 рублей, а зимой, когда грунт мёрзлый и выработка снижалась, рублей 100—110. Особенно трудно пришлось зимой 1964 г. из-за больших простоев и соответственно — с зарплатой в 80—85 рублей. В 1970 году, на пригородных объектах, дело шло веселее, и заработки, помнится, (уже по 4-му разряду) доходили до 180 рублей. А уходил я со стройки осенью 1972 года со средним заработком чуть ли не в 200 рублей, чтобы, получив высшее образование, «сесть» на оклад преподавателя техникума (80 р./мес. за 24 часа в неделю), потом — на 85 рублей аспирантской стипендии. Уже, с 1973 г., была первая семья и приходилось работать грузчиком в магазине.

- На ходовые товары записывались за несколько месяцев, а в ночь перед днём продажи мы дежурили у магазинов, например, за импортными мебельными гарнитурами (1964), за холодильниками (1969).

- В дополнение к купленному мной году в 1964-м плащу-болонье, в 1967-м году нам, восстанавливавшим Ташкент, привезли в строительный городок дефицит, и я смог купить: нейлоновую белую рубашку(!), заварной чайник и пилы! Рубашечка стоила 27 рублей. Хорошее было время! А путёвки в дом отдыха, обходившиеся нам в 10 % цены (7 р. 20 к. за две недели)! Где это всё? Получая

иногда явно незаработанные, «нарисованные» прорабом деньги, я понимал, что имя нам — легион и что это когда-нибудь приведёт к экономическому краху СССР, но надеялся, что на мой век хватит. Не хватило...

- После той же годичной командировки на восстановление Ташкента, сразу удалось купить долгожданную радиолу «Ригонда», магнитофон «Аидас». Теперь, благодаря статистике, вижу, в какую избранную категорию магнитофоновладельцев я попал. На 100 семей РСФСР в 1965 г. приходилось 2 магнитофона, а в 1970 г. — 8, в том числе, мой, так, в общем, и не пригодившийся, т.к. коллекционером звуков я не стал. Но грело чувство, что У МЕНЯ ЕСТЬ ЭТО.

- В это время мы «обезгалошели», ибо появилась уличная обувь на микропористой подошве. На восточный манер стали надевать, войдя в квартиру, тапки со сплюсненными задниками и дырявыми подошвами. В уборных же появились щетки на ручках, чтобы следы в унитазе от одного не оскорбили все более «цивилизуемый» взор другого, а тем более — другой!

... теперь, если можно, пожалуйста, об учебе историческом факультете ЛГУ.

Исторический факультет — это долгий период: 1967 — 1983 гг.

Второе поступление в Университет (спасибо Виктору Кривулину — подготовил по русскому к экзамену) восстановило дипломатические отношения с отцом, прерванные им на время моей «только стройки». Но он жил в Москве и на выбор специализации не влиял.

Первые курсовые показали, что надо внимательно читать источники и препарировать мнения историков. Но для проверки дважды попробовал работать только по источникам и сравнивать потом свои выводы с публикациями коллег-профессионалов. Оказалось, что со средними, очевидными, мнениями старших коллег мои результаты сопоставимы. И я поверил в то, что этим можно будет заниматься и после диплома.

Тем более, что кафедру выбрал самую лёгкую — истории советского общества. Из-за четверых доцентов, видимо и правда попавших в преподавательско-учёные университета скорее по причине фронтовых заслуг, злопыхатели называли её «филиалом пехотного училища». Заведующий — профессор Владимир Александрович Овсянкин, из вологодских крестьян — был вдумчивым, талантливым преподавателем курсов по национальному-государственному строительству, известным в Москве организатором изучения рабочего класса 1960-70-х гг., но пил. И не мог забыть, как янычары Берии чуть-чуть не загребли и его частым бреднем по «ленинградскому делу». Сменивший его профессор Николай Яковлевич И—в, из питерских рабочих (?) был человеком одной темы — Корниловского мятежа 1917 г. и его разгрома, человеком, говорившим сегодня лишь то, к чему сегодня призывал центральный орган КПСС — газета «Правда», и то — с оговорками и внутренним протестом по поводу якобы обновления советского общества на этапе десталинизации. При каждом удобном случае он напоминал о личном знакомстве с академиком Исааком Израилевичем Минцем — главным в СССР историком Великого Октября. Профессор И. Я. Тронов, вероятно (я его не читал), имел заслуги в изучении классовой борьбы в ходе коллективизации, но к моему приходу был так болен нервно, что слушать его было мучением. Так что нормальными преподавателями были только две женщины-доцента — Зоя Михайловна Андреевна Андреевна (историческая библио-

графия) и настоящий специалист, известный на Западе историк индустриализации, Ирина Николаевна Олегина. Третья дама-доцент, автор брошюры о национализации промышленности в РСФСР, ближе по апломбу и ехидству прилегалась к группе мужчин — доцентов-фронтовиков.

И здесь мы подошли к следующей, одной из важнейших развилок моей биографии — вступать ли в группу профессора Александра Львовича Шапиро и тогда сидеть годы над подсчётами по писцовым книгам XV—XVII вв., выявляя состояние, даже строй, Северо-Западной деревни Руси, или пускаться в более беспокойное плавание по водам истории более современной России — СССР.

По лени и в надежде на выгодные конъюнктуры я на третьем курсе выбрал второе. А то бы не уродовался по подвалам и чердакам, не прочищал бы сейчас больничные сифоны и унитазы, а мирно докторствовал всё в том же ЛГУ-СПбГУ или другом почтенном месте.

Михаил Пиотровский, директор Эрмитажа, в представлении не нуждается, а вот о Викторе Кривулине, хотя его значение как поэта и его роль в неофициальной культуре Ленинграда оценено весьма высоко, просил бы Вас рассказать. Вы считаете себя одним из «сайгонавтов», знали ли Вы Константина Кузьминского?

Востфак ЛГУ — в одном здании с Филологическим факультетом, и конечно, Кривулина я заметил сразу по внешнему признаку — тяжелейшей дёрганной походке инвалида. Оказалось, что он бывает на ЛИТО, куда и золотая молодёжь нашего восточного факультета приёма 1961 г. заглядывала, например — на встречу с Коржавиным. Стихов тогда звучало и публиковалось много, и не сразу ощутил масштаб кривулинский. Пожалуй — через два-три года, послушав его у него дома, там в его чтении было что-то бесконечное, обволакивающее, об осенних пляжах северного берега Финского залива. И — позавидовал, и понял в очередной раз, что лучше не писать, если ТАК не смогу. В кафе же на Полтавской ничего не запомнилось, кроме бесконечного ожидания у дверей, переполненности внутри, безденежья и всё же глотков вина... Только раз попал на чтение Михаилом Юппом знаменитой «Яичницы». Из спутников Кривулина помню Георгия Антощенкова и Лёву Смирнова, да двух девушек — чью-то Бэllu и N, безымянную уже. Как не пишущий, я не был им интересен. Их же бравирование эпатажем (в стиле вплоть до Кирилла Петровича В-ка) мне претило, и естественно, уйдя из Университета, потерял их из вида. Хвалиться мне тогда было нечем, но как-то раз зазвал всю кампанию, в том числе 16-летнюю Лену Шварц в наш дом, радовался их восхищению антиквариатом. На спор предложил показать, кто более терпелив к боли, и они все, кроме благоразумно-трусливого меня, прижигали руки горящими сигаретами, ...

Кузьминского не знал, только благодаря Вам, познакомившись с работами, вижу его масштаб.

- «Зато» обменялся двумя очень важными для меня — уклониста от военной службы — фразами в декабре 1964 на углу у «Сайгона» с Борисом Понизовским, незнакомым до этого.

- «Зато», вернувшись летом 1967 после восстановления Ташкента, реже бывая в пивных и чаще — в «Сайгоне», прибил на несколько дней к кампании Константина Хазановича из Ин-та Декабря, помню его Аню и смутно — сы-

новой, на Дмитровском пер. В Новый 1968 мы вступили с этим Костей вместе и — разошлись. Это был уже первый курс Истфака, вечернего, и не оставляющего времени и сил на выпивку и светскую жизнь.

- «Зато» в начале 1970-х несколько вечеров был и пил в обществе Виктора Сосноры, раннего поклонника моей первой жены...

- «Зато» вижу через годы голову Довлатова, шествующего над Невским в окружении лиц среднего роста и калибра...

Короче говоря, этих и многих других (чету Бетаки, П. Карпа, М. Азадовского, Е.Г. Эткинда...) встречал, как правило, эпизодически в секции переводчиков ЛО СП РСФСР, не предвидя перемены ситуации в стране через 20–25 лет, позволившей им стать оценёнными открыто и широко.

В 1997–98 годах я уже жил в Америке и не знаю статей И.С. Кона «В постели с Советской властью», по контексту и названию я понимаю, о чем они. И все же, почему они дают (дали) Вам повод предъявить советской власти счёт? Замечу, в выражении «предъявить счёт Советам» я слышу нечто «Сайгонское». Может, это одна из тем тех тусовок?

Кон писал в конце 1990-х в «Часе Пик» о задавленности темы и практики секса в СССР, о сломанных этим судьбах людей, кои иначе могли быть счастливы, в частности — в юности, в молодости и главное — в браке.

В этой связи — жизнь была мне не мила, обузой, с 15 до 19 лет, пока не добился, фантастическими усилиями нервов и времени, первой женщины — младшего эксперта-лейтенанта из больницы МВД. Роман был тяжелейший, нравственно и физически. На Новый 1966-й у нас было три литра спирта на три дня и три ночи... Как выдерживало сердце — не пойму.

Поступление на вечерний истфак и болезнь бабушки оборвало все завихрения юности. Надо было не пить-гулять, а работать, учиться, кормить, стирать и т.д.

Так прошли 1967 — 1972-й.

Итак, Чеслав, продолжим рассмотрение траектории Вашей жизни... когда же Вы закончили исторический факультет и где начали работать уже как историк?

Памятуя горький опыт Востфака, вцепился в учёбу, не упуская ничего. Посещение, подготовки к семинарам и по языку. Летом — сбор материалов для следующей курсовой. Главным вопросом был: сумею ли что-то добавить новое в оценке исторических событий. Спасибо, первым учителем стал Игорь Яковлевич Фроянов, невнятный лектор, но заботливый руководитель курсовой о торговле Руси с Византией в X в. Просмотрев полтора десятка книг и статей, в основном историков 19 в., я нашёл одну-две зацепки, несущественные, но убедившие во вьедливости в источник и в литературу. Полегчало на душе. Тогда же решил сохранять курс на историю, связанную с не городом, не индустрией, не культурой.

Сектор сузился до сельской экономики и до политики по поводу последней. Поэтому на втором курсе описал столкновение мнений либералов и крепостников перед реформой 1861 г. Здесь никаких положительных утверждений не допускал, лишь следуя логике представителей обоих лагерей и похваливая на полях революционных демократов со всеми политическими оговорками и облыганиями.

Но самое интересное и решающее, повторю, случилось на 3-м курсе — выбор кафедры истории СССР Советского периода и пристраивание в кильватер за проф. Н. Я. Ив—м, писавшим всю жизнь об августе — сентябре 1917 года.

Как будущий историк-аграрник, избрал споры между социал-демократами и эсерами по аграрному вопросу. К тому времени (1970) накопилось бескрайнее болото литературы, освоить кою не было у студента-вечерника времени. Но так велика была надежда найти свежий взгляд, и так плотно были закрыты эсеровские материалы, что список литературы довёл до нескольких десятков, и нашёл-таки язву на теле советской историко-революционной аграрной историографии, — пропущенные в 1950-е годы по недосмотру цензуры оценки Евгением Алексеевичем Луцким советского Декрета «О Земле» ... По Луцкому, выходило, кажется, что коалиция с эсерами могла быть честной и перспективной. Но тогда ни ленинского, ни сталинско-троцкистского социализма было бы не построить... За давностью, может быть, я что-то излагаю не так, но явным было более честное рассуждение этого маститого автора о ключевых вопросах истории Октября в деревне. Что я «осторожно до неприличия», зная ортодоксальность Н. Я. Иванова, и выразил в письменных работах 4 — 5 курсов и вложил в диплом весной 1972 года.

На третьем же курсе — Вы услышите, Борис, мой горький смех сквозь немые рыдания над самомнительным невежеством и держанием пальцев, готовых к сложению в кукиш в кармане, — я собрал коллекцию высказываний западных фальсификаторов революционной теории и практики большевиков по аграрному вопросу, препарировал их и хлёстко, по-ленински, показал скудную заданность и прямые передержки советских борцов против этих самых буржуазных фальсификаторов. С последними соглашаться не мог по определению, но и нашим доморощенным борцам досталось. Слабое место моё было в незнании языков и воспроизведении враждебных взглядов по цитатам и по изложению их в трудах наших авторов. На что и было мне указано рецензенткой из Монастыря истории партии, как злые языки называли Институт истории партии при Лен. ОК КПСС, располагавшийся в бывшем Смольном монастыре... А туда я ходил исправно, имея тeneвым научным руководителем В. М. Иванова, впоследствии — Консультанта Отдела науки ЦК КПСС. Черновое же прочтение брал на себя добрейший Григорий Ильич Копанев. Нам с ним было по пути, ибо его полжизни били за честную попытку разобраться в рациональных зёрнах своеобразия социалистического преобразования с/х в социалистических странах.

Беда всей моей жизни в исторической науке — в торопливости, в освоении верхушек коралловых островов. Классиков многотомность — Карамзина, Соловьёва, Ключевского — оказалась неприступной. Отсюда — упрощённо-учебнические представления, обвешанные случайными фактами, именами, названиями книг и статей. В полной мере это и сказалось в годы собственных «научных» построений, и — в меньшей степени — в моём преподавании. Но попадался я на невежестве всего несколько раз, незабываемых.

В 1971 г. пришлось оставить стройку ради работы по специальности диплома. Устроили в Сварочно-машиностроительный техникум, где понял, что увлечь историей не умею, напитанный историко-теоретическими сюжетами, а не событийными, не биографическими, не анекдотами в хорошем смысле слова. Да и «тайн и сенсаций» не знал, а если б и знал, открывать их было не положено.

К счастью, через полгода ушёл в дипломный отпуск, потом — на стройку, потом, как рабочий и коммунист, был введён в аспирантуру для последующей работы на кафедре.

Декан Виктор Анатольевич Ежов напутствовал: писать только о развитии социализма.

Я отвечал: хорошо, но тогда — о деревне.

... и все же мы добрались до аспирантуры...

После 5 лет учёбы по учебникам, а не по монографиям, надо было избрать тему, таинственную для коллег, кои на кафедре все занимались историей рабочего класса, большей частью — современного.

Покровитель из Истпарта сказал: не заноситесь, опишите им историю с/х Ленинградской области за 8-ю пятилетку.

Но гордость не позволяла. Казалось, там не было проблем. Последние нащупал в споре писавших о социальной структуре села: «Классы или основные социальные слои в условиях развитого социализма». И опять, хотелось решительно встать на сторону избиваемых Р. Г. Вартанова, Г. М. Каца и Ю. В. Арутюняна. Но, окуджавское:

...И золотую шпагу нервно
готовлюсь выхватить, грозя...

Да мне ж нельзя

Я — Павел Первый.

Мне бунтовать никак нельзя.

(1962)

— это мы усвоили крепко. Ради свободы высказываний и результатов «исследований» не хотелось прерывать открывшуюся дорогу к чистой внешне и не низкооплачиваемой работе. Девиз был все эти 1972 — 1987 гг. один: Лучше я буду хоть пытаться сказать и написать то, что допустимо, чем это будет делать ещё большая и ещё более невежественная сволочь.

Нечто похожее витало и вокруг оправдания вступления в партию. Но — не только. Многие тексты Маркса и Энгельса завораживали, открывали глубины истории, намечали сияющие перспективы. 3-е издание сочинений Ленина с великолепным научным аппаратом я ПРОЧИТАЛ, все 30 томов. И он меня убедил. Хотя бы в том, что взявши власть и веря в особый путь для России, нельзя было её выпускать из рук, и пришлось драться, сначала с врагами, потом — с наследием прошлого внутри страны, и наконец — с «ветхим» человеком, его природой, даже — в беззаветных старых большевиках, не говоря уже о массе...

С таким мелкобуржуазным шатанием и написал я диссертацию «Социально-классовые изменения в современной деревне и их изучение в советской литературе 1966—1975 гг.». С тех пор считаю себя обществоведом скорее, чем историком. Одобрели, несмотря на скользкость нескольких формулировок: В. М. Иванов, В. М. Селунская, З. В. Степанов и в декабре 1975, уже принятый в штат Истфака, стал я кандидатом исторических наук, ясно понимая слабость, пустотность всего пройденного к этому акту пути.

Монографию издать не предложили. Пришлось выбирать новую тему. Начал собирать материал об истории деревни Северо-Запада РСФСР в те же 1950-е — 1970-е годы. Не пропускал почти ни одного Всесоюзного аграрного симпозиума историков и социологов (!), не говоря о региональных и городских

конференциях. За излишний критицизм в оценках аграрной политики КПСС доставалось, но без оргвыводов. Единственное, что удалось сказать внятно на конференциях в 1978—80 гг.: «Советские колхозы — не кооперативы, а их подоби́е, изобретённое советской властью для более удобного изъятия прибавочного и части необходимого продукта села и перемещения его на нужды всего государства, прежде всего — индустрии, города».

Напечатать это, конечно, тогда не дали, хотя доказательств, по отчётам колхозов, и по результатам их перевода в совхозы, было достаточно.

Но хвост шайтана подсёк меня на другом.

«Хвост шайтана» — дань любви к Востоку... ёмко. Тогда мой вопрос: «Когда и как он Вас подсёк?»

Отвечу. Но сначала — вспомнилось самое горькое в преподавании. Не имея глубоких знаний литературы и источников, я «срывал немые аплодисменты» части тогдашнего студенчества во многом за счёт определённого, на грани допустимого, иносказания и фрондирования. Обильный материал давали аграрные конференции, на коих коллеги высказывали много больше, чем потом печаталось. Замечания начальства были не злыми, и только раз на лекцию пришла комиссия партбюро, заключившая, что

«ни троцкизма, ни люксембургизма» в тексте лекции не прозвучало, и что сигнал о том, что на кафедре советской истории «свил гнездо махровый ревизионист Сымонович», не подтвердился.

Чувствуя мой настрой, не только рядовой студент тянулся ко мне на практические занятия и за темами курсовых, но и два настоящих инакомыслящих поверили. Один принёс курсовую, доказывающую, по советским опубликованным источникам(!), что ни одна советская пятилетка не была выполнена. Она (курсовая) была с возмущением отвергнута коллегой, «бывшим» работником известных органов. Я не мог её принять и оценить положительно по понятным причинам, опасаясь провокации. С трудом выдавливая слова, объяснял ему, что сам бы рискнул, но семью кормить-то надо, и лишаться работы не могу... Студент заявил, что я был его последней надеждой, и ушёл с факультета.

Второй случай был тяжелее психологически. На семинаре разбирали декрет о роспуске Учредительного собрания. И мои доводы, повторяющие мотивировку большевиков, не убедили одну защитницу формального демократизма. Убедить её не удалось, и часть группы была явно на её стороне. Пришлось «давить» властью преподавателя как старшего по положению, но на душе было гадко... Натурально, она потом со мной не здоровалась.

В остальном занятия шли гладко, особенно со взрослыми на заочном: офицерами, работниками музеев, архивов, библиотек, учителями, знавшими правила игры. Любимой моей темой, коньком, было рассуждение о неполном ещё совершенстве достигнутой тогда стадии развитого социализма. Доводов было хоть отбавляй, особенно из близкой мне статистики сельхозпроизводства и социального развития села. Об этих рассуждениях и о попытках протащить в печать термин «начальная стадия» зрелого социализма, начальство, а пуще того коллеги, знали и негодовали: «Вы, Ч.Э., кто, — помощник Генерального секретаря ЦК, чтобы рассуждать и вводить новые определения?». Утешали тексты единственного из больших москвичей, который доподлинно знал пределы

новаций, Ричарда Ивановича Косолапова. Редакционные статьи в «Коммунисте» читались взахлёб. И не только мной. Долгие часы проводили мы с аспирантом Андреем Клемешевым, обсуждая накопанный им материал о предвидениях развитого социализма в марксистской литературе 1930-х гг. и мои «открытия» на основе дискуссий экономистов рубежа 1970/80-х гг. всё о том же. Высказывания некоторых авторов тогда доходили до абсурда и анекдота. Основным производственным отношением социализма называли «отношения товарищеской дружбы и взаимопомощи» между гражданами как сособственниками средств производства. Истматчики и научные коммунисты договаривались до отрицания при социализме противоречий как источника, движущей силы развития. И называли себя при этом марксистами...

Но самое забавное в моей истфаковской преподавательской службе — момент, когда в 1983 г. Ю. В. Андропов сказал ясно о ещё начальном этапе несовершенного развитого социализма, что повергло моих коллег в замешательство и ярость. Один прокричал с кафедры: «Да, это начальная стадия, но это не та начальная стадия, о которой говорил Сымонович!». Смех, да и только...

Так что шайтан зашёл с иной стороны. Попав в партбюро и узнав о назревшем бунте нескольких молодых коллег, близких к парткому ЛГУ и отделу науки и вузов ЛГК КПСС, против декана — среднего, но не вредного историка КПСС, — в пользу И. Я. Ф-ва, — большого учёного, но слабого преподавателя, окружённого непотребными союзниками, я, и весьма известный, заслуженно, профессор «собрали арифметическое большинство» в бюро и не рекомендовали домогавшегося в деканы. На нас нажали, и двое сдались. Закусив удила, я телеграфировал в Обком Г. В. Романову о ситуации и, быв приглашён туда, услышал от мелкой (тогда) дряни из Отдела науки и вузов Ю. А. Ден-ва: «Ваше мнение субъективно... У нас тоже есть на Вас «материал», но сидите тихо, и будете работать на факультете дальше».

Смена власти на факультете состоялась, и шайтан торжествовал. Надоумил сдать на границе при поездке в соцстрану партбилет, а главное — не взять его при возвращении, в расчёте на пересылку почтой пограничным политотделом. Я получил за это строгий выговор с занесением и понял, что в следующий раз не удержусь на работе.

Но повезло, благодаря нехватке в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР спецов по современной истории. Перешёл туда. Шёл с радостным трепетом как в храм науки, выше коего только Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Надо было начинать работать всерьёз, несколько лет не вылезая из архивов.

Но, не во время расслабился, загулял, ибо ситуация совпала с разводом. Прослыл женолюбом. И это бы ничего. Но женщины требовали внимания и времени, как некогда на Востфаке арабский и древнееврейский язык. Так что рукописи монографий («Проблемы историографии современной советской деревни (1950-х — 1970-х гг.)» и о деревне Северо-Запада РСФСР тех же лет) оказались ниже требований, предъявляемых академической школой историков, признававших только введение в научный оборот архивных источников. Можно было попросить отсрочки и взяться всерьёз, но шёл 1987-й год. Отдел науки горкома

продолжал дёргать другой мой текст — в 7 томе «Очерков истории Ленинграда», то разрешая, то требуя снять негатив в главе о «благососе» ленинградцев в 1966—80 гг.

Короче, махнул я на историю рукой и вернулся на стройку, но не рабочим, а и.о. бригадира военных строителей, в стройбат. Рад был встрече снова с любимой мужской работой, бесхитростной средой. С солдатами, большей частью узбеками, помогали справляться прапорщики, с гражданскими рабочими делить было нечего. Офицеры, узнав постепенно о моём «историческом прошлом» реже стали материть и кричать.

Так прошли два года.

В 1989/90 удалось на год вернуться к преподаванию, но уже не в ЛГУ, а в Институт культуры. И тоже не в добрый час. Увлекла Демплатформа в КПСС, создал группу, был изгнан ректором — бывшим секретарём сельского ОК партии Е.Я. Зазерским под предлогом приёма на работу якобы не в штат, а на место сотрудницы, бывшей в декретном отпуске.

Работа в ВУЗе уже не искала меня, да и кафедры истории зашатались, не говоря об историко-партийных. И занесло почти на два самых качающихся года перемен — с середины 1990 по весну 1992 — в коммерческий туризм (ЗАО «СИТИ—Совинтур»), в надежде на большую зарплату за механическую счетоводную работёнку. Но и тут гордыня и жадность сыграли на руку уже упомянутому шайтану, и ваш покорный слуга воссел в кресло организатора зарубежных маршрутов — и это в разгар челночной торговли с заграницей. Мы гнали группы в Турцию и Китай, не имея поддержки ОВИРа!... Последовал вызов туда, угроза судом, и пришлось оторваться от кормушки (буквальной), ибо мы делили этаж с факультетом Социологии ЛГУ и кормились в столовой Смольного.

Впереди оказалось Третье возвращение на стройку, опять военную, и уже не на два, а на шесть лет (1992 — 98).

А как же наука, она стояла на месте всё это время?

В общем, да, моя — стояла. Начал уже забывать коллег, обсуждения, публикации. А весь аграрный архив своих выписок, статистических таблиц, мешков пять, просто вынес на помойку... К тому времени (к началу 1990-х) было опубликовано в научных изданиях разного калибра десятка 2 — 3 статей, две главы в монографиях. Большая часть их была не столько исследованиями, сколько собраниями и обобщением фактов аграрной истории и историографии. По-настоящему позорными были «только» две статьи — о союзе рабочих, крестьян и интеллигенции, его преобразованиях по этапам сов. истории. И — об уже упомянутых спорах большевиков с эсерами по аграрному вопросу. В последней, не читая, не зная подлинных огромных заслуг трёх авторов 1910-х — 1920-х гг., имел подлость обругать Чаянова, Кондратьева, Челинцева, — репрессированных Советской властью учёных-аграрников...

Перестройка и начало грабительского первоначального накопления, мириады слов о кризисе советской системы, о грозящей всему миру катастрофе обществ потребления перечеркнули для меня во многом ценность занятий историей, да и других общественных наук. Они, пусть не по своей вине, не уберегли человечество от нравственного и физического вырождения. Так что только инерция с тех пор усаживает за письменный стол. Как гоголевскому герою

хотелось, чтобы вельможи и сам государь знали, что в некоем его городке живёт Пётр Иванович Бобчинский, так и мне всё же хочется, чтобы Историк будущего знал, что был в своё время некий Чеслав, пытавшийся написать историю своего поколения

Возвращение к продолжению происходило по разным причинам. Не знаю, какая была важнее. Всё же 20-летняя (1973—92 гг.) привычка к рассуждению о прочитанном и виденном никуда не делась. Обида за свои ошибки, за выбор советской тематики тоже жгла изнутри. На последнем месте была надежда что-то заработать в дополнение к немалому, но НЕВЫПЛАЧИВАЕМОМУ заработку «рабочего Российской армии». В самой слабой степени действовали и сожаления родных об обрыве научно-педагогической карьеры. Спасибо старшей дочери, мнение коей одно имело для меня значение. Она сказала тогда, что никаких психологических трудностей у неё не будет из-за моего опущения с кафедры в траншею.

Не имея времени и сил для работы в библиотеке, не говоря уж об архивах, обратился к домашним материалам. И благодаря собранию газет и журналов 1900—10-х гг., удалось восстановить несколько ярких страниц биографии второго мужа бабушки — Н. П. Зеленко — кадета, обновленца в предпоследнем и последнем созыве СПб Городской думы. Оказалось, что и в «Родине», и в тогдашнем «Огоньке», и в нашей «Вечёрке», материал о «новом русском» 1910-х гг. идёт.

Прочитал впервые тогда же переписку между бабушкой, остававшейся в блокадном Ленинграде, и отцом, искавшим нефть в Татарии, и матерью, которая там же работала врачом. Не дай Бог никому такого «домашнего чтения» — о страданиях и убогом быте неповинных в Войне близких, пусть и через 50 лет после описанного. Заметил как историк, что военная цензура не очень вглядывалась в тыловую переписку...

Несколько месяцев ушло на знакомство с той частью домашнего архива рода Пиотровских, которая хранится у двоюродной сестры Михаила Борисовича — Людмилы Юрьевны. Получился очерк истории этой славной семьи военных и учёных за полтора века, с середины XIX-го.

Задумал и провёл несколько передач «Домашний архив» в авторском радиоканале «Невский проспект». После его закрытия кропал и читал минутные заметки для календаря памятных дат на областном радио «Гардарики». Увы, задержки оплаты там были не меньшими, чем на основной работе. Правда, кормили в долг в кафе Дома культуры связистов, и даже подносили рюмку—другую—третью... После перемены власти в области и на этом милом радио пустил в ход свои чтецкие возможности на христианском Радио Мария (СПб), записав там несколько часов русской стихотворной классики, воспоминания о Павла Флоренского, выдержки из книги А.Дидона о Христе и т.д. Бесплатно, как правило, но любуясь собственным голосом и вспоминая добром учительниц, дававших читать вслух классу, и собственное ежевечернее чтение дочкам.

В 1998 году, не выдержав трудностей проклятых 1990-х годов, без борьбы сдалась болезни и умерла вторая жена. Чтобы видеть дочь подольше, ушёл со стройки учителем в 454-ю школу. И снова убедился в своём слишком коротком, спринтерском дыхании. И — неизбытом эгоистичном самомнении. Школа требовала всего человека, без остатка. Я же продолжал оглядываться если уже

не на науку, то на радио, на популярные статьи, стремясь «*фигурировать*» (как это называл отец) хоть на каком-нибудь, наряду со школой, горизонте. К тому времени, занимаясь всерьёз в классах Домов культуры, подготовил и спел несколько концертных программ, в основном классических; иногда публика принимала тепло не только из вежливости...

Наконец пришёл 1999-й, с коего началось предпоследнее возвращение к научной писанине. Бывший коллега по истфаку и ЛОИИ АН СССР, А. В. Г—й, пригласил на свою кафедру в Республиканский гуманитарный институт при СПбГУ, в докторантуру. Это был уже не прежний ИПК преподавателей-обществоведов Северо-Запада РСФСР, а скорее конвейер защит диссертаций, подчас всплывавших незнамо откуда и без очевидной подготовки... Если в 1970-е говорили о Великом переломе /»*Середняк-де пошёл в науку*»/, то к концу 1990-х гг. этот кадровый ресурс был исчерпан, и учёные степени, в том числе докторские, сыпались как из рога изобилия не столько на подлинных новаторов, но и на богатых или чиновных, вхожих в научные учреждения. И это как-то помогало укреплению материальной базы как учреждений, так и сохранению привычного жизненного уровня руководства учёных советов ...(далее — непечатный комментарий).

В мои к тому времени 54 года было ясно, что тему надо выбирать не столько ради защиты (не верилось, что из бывшего советского кандидата за три года можно стать без блата и взяток доктором наук), сколько на годы вперёд, ибо следующего возвращения к науке могло и не быть. Велик был соблазн пойти по проторенной дорожке, расписав социально-классовые сдвиги в деревне за следующие по сравнению с кандидатской 20 лет, то есть — с середины 1970-х гг. до середины 1990-х. Но — подумав, отказался. Ибо завершённым, и то не вполне, было лишь разрушение старой, советской социальной структуры села. Фермеры лишь начинали свой крестный путь... Об агрохолдингах или гастарбайтерах в деревне и речи не могло быть.

В то же время, небольшой опыт историко-биографических штудий второй половины 1990-х гг. подсказывал иное направление. И, несмотря на необычность для традиционных историков, кафедра одобрила тему «*Проблемы истории поколения российских ровесников Великой Отечественной войны*». Долго ли, коротко ли /скорее коротко/, а за три года удалось собрать опубликованную статистику, коснуться архивных материалов о детстве и школьных годах моих /и Войны/ ровесников, и, ожидая упрёков коллег по поводу субъективизма как метода, включить ПАМЯТЬ. О виденном, пережитом, передуманном. О прочитанном, формировавшем мою (да ведь и вашу, Борис) возрастную когорту. О том, как и почему расходились жизненные пути когорты по мере взросления. Главной методической трудностью было извлечение материала именно о 5-летней по годам рождения когорте из общих работ по истории классов, слоёв, профессиональных групп. К сожалению, не успел тогда маломальски использовать колоссальный социологический материал, отчасти также из-за не всегда подрабатывать ремонтником в спортивном комплексе «Ижорец» в Колпино.

Главной «методологической» трудностью было неумение понять и сформулировать ПРОБЛЕМЫ истории когорты-поколения. Относилось ли к этому высоконучному понятию *выживание* ровесников Войны /РВ/ в Войну

и первые послевоенные годы? Было ли поддающейся постановке и разрешению проблемой общее, особенное и единичное-личностное в физическом и: нравственном, политическом, (социально?—) культурном... формировании РВ в зависимости от особенностей регионов, от происхождения, от того, были ли репрессированы родители и т.д. Ясно было лишь, что, как и у каждого поколения, относительно общей является несамостоятельность детско-подростковая, затем сходные переживания на этапе юношеской социализации (при громадных расстояниях между горизонтами сынков преуспевших горожан и перебивавшихся с хлеба на квас сельчан Нечерноземья). Предполагалось, что срочная служба в Вооружённых Силах подравнивала мужскую часть когорты. Явной, чётко поставленной новосибирскими социологами, проблемой выбора жизненного пути для РВ были возможности и стремление продолжать учёбу после школы, приобрести престижную и высокооплачиваемую работу. Об этом заставляли задуматься труды и эстонских социологов, проследивших судьбы одной из следующих возрастных когорт на протяжении нескольких лет. Среди работ социологов рад был встретить имя Е. Здравомысловой, но увы, не попались во время публикации В. В. Семёновой. Узнал о них только из вашего, Борис, интервью с нею. Так что последним словом социолога о поколениях для меня до тех пор так и оставалась книга Ф. Р. Филиппова 1989 г. издания.

Неразворотливость, лень, стройка, провинциальная робость, долго, да и до сих пор мешали мне прозвучать с данной темой во весь голос. Так что могу предъявить из статей в центральных журналах только две — в «Отечественной истории» и в «Социологическом журнале» с разрывом меж ними по времени публикации в 10 лет. Спасибо Ассоциации исторической психологии (проф. С. Н. Полторак) за возможность напечатать в её сборниках 5—7 заметок о разных аспектах истории и нынешнего облика РВ. Но наиболее подробно, в полновесных статьях, тему раскрываю благодаря публикациям в трёх сборниках конференций памяти В. Б. Голофаства, а также, как Вы знаете, в одобренных Вами и М. Е. Илле статьях в «Телескопе»

В них удалось передать пока основное содержание Введения к рукописи об РВ и часть материала о них — дошкольниках и младших школьниках. Поверьте, мне и стыдно обременять социологический журнал историческим материалом, и радостно, что часть его выходит из-под спуда...

И точно так же, как бредивший театром 16-летний Чеслав начал ходить в массовку «Ленфильма» в надежде на случайный взгляд режиссёра, угадающего во мне будущего героя картины, так и теперь, со столь же малой надеждой поджидаю богатого социолога и издателя в одном лице, который двинет рукопись в печать и после меня останется след не только в виде двух дочек, но и карточкой в каталогах крупнейших библиотек страны. И больше тогда будет незачем жить. Понятно, что публикации в журналах и сборниках — не выход в большой свет. Надо дожать материал до предмакетного состояния и двигать в издательства. Говорю себе об этом не первый год и уже устал от редактирования. Отдельные куски рукописи, сделанные годы назад увлечённо, полемично, уже вызывают скуку и неловкость...

И тут являетесь Вы, уважаемый Борис с вовсе мной не заслуженным предложением рассказать о мятущейся судьбе рядового советского историка, прибывшегося во время благоприятное к социологам и пригретого ими.

Вот, собственно, и всё.

Чеслав, Вы пытались общаться с ленинградскими/питерскими социологами из Академии Наук, ЛГУ? Пытались устроиться на социологическую работу?

В статье в «Телескопе» о моих встречах с социологией я писал об опросе вечерников истфака ЛГУ «О качестве преподавания», задуманном мной и проведённом Зинаидой Сикевич с согласия В. Т. Лисовского в 1971 г. осенью. С тех пор помню Лиду Сугакову, чету Пелевиных... Потом от социологов я надолго отошёл.

Но не от чтения их и максимального использования их данных в большинстве своих статей о деревне 1960-х — 1970-х гг.

После большого перерыва кое-что брал у социологов для рукописи о нас, ровесниках Войны в начале 2000-х.

На работу пытался устроиться: в ИСЭП, быв на приёме у И. И. Сигова в 1980-е, но кажется, как чистый историк ему не подошёл; помню там Марата Межевича, мельком.

Участвовал в 1-м Социологическом конгрессе, тогда же просился к Лисовскому старшему на работу, но он ускользнул, обласкав.

Года два с половиной, однако довелось быть социологом о должности — в Музее истории религии в 2004 — 2006 гг. Провёл там два опроса — об отношении горожан к Исламу и «Посетитель ГМИР — 2006». Последний вскрыл не лучшее состояние работы с посетителями, и пришлось мне уносить ноги и оттуда...

Несколько раз заводил обиняком речь о работе с Олегом Божковым, но к директору СИ РАН в СПб идти не решался, ибо слышал о частых преобразованиях, за коими там было явно не до меня. Дальше участия в экспедиции Олега в Вологодскую область дело не пошло.

А теперь, в 69 лет — о чём говорить...

Как видите, рассказ получился довольно откровенным, ибо перед кем же каяться, как не перед современной и будущей научной общественностью. Простите меня, уважаемые коллеги, за то, что мог, но не сделал гораздо больше — и в истории деревни после 1950-х гг., и в истории собственной когорты-поколения, к коей принадлежат многие славные имена социологов, уже опрошенных Вами, Борис, и выбранных не случайно, а по признаку «Вклад в науку». Если не разрываться между разными сферами жизни и труда, наверно и я мог сделать больше. Не вышло. Простите. Зато прожита довольно интересная жизнь, и по меньшей мере две среды — обществоведов и рабочих, знаю изнутри. Ну, и что?..

Конечно, свет не перевернулся бы и без меня. И без десятков, сотен, тысяч среднестатистических ровесников Войны и в целом 1940-х годов. Но вот без десятков, сотен тысяч нас он не то чтобы перевернулся, но стал бы чуть иным. А уж без миллионов — и подавно.

Интервью с Александром Васильевичем ТИХОНОВЫМ

**«Мне самому интересно понять, как получилось,
что я стал заниматься социологией»**

Тихонов А. В. — окончил Ленинградскую Лесотехническую академию (1962 г.), доктор социологических наук (2001 г.). Профессор (с 2002 г.). Руководитель Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН (с 2005 г.)

Основные области научного интереса:

Социология труда, социология управления социальными процессами, методология и методы социологических исследований социальных процессов.

Интервью состоялось: 2015-2016 гг.

Перечитывая интервью с Александром Васильевичем Тихоновым, а мы с ним принадлежим к одному — третьему — социологическому поколению, одной социологической школе — ленинградской, или ядовской, знакомы долгие годы, я поймал себя на мысли о том, как же далеки от нас, сегодняшних, те события, которые он описывает. И дело не только в количестве лет, пробежавших с тех пор, а в том, что происходило это все в другой стране, в совершенно иной политической и социальной обстановке. Возможно, пройдет еще 5-10 лет, а, может быть, отчасти это время уже и наступило, и будущим читателям придется обращаться к много старшим их коллегам или направленно читать книги и статьи 60-х — 80-х годов, чтобы понять то время. Действительно, как объяснить, почему человека обвиняли в антисоветской деятельности за создание лектория под названием «Институт молодого марксиста»? Почему работы Н.И. Бухарина можно было читать лишь в спецхране (что это такое)? Почему в своих воспоминаниях человек соотносит исключение из рядов КПСС с заключением в тюрьму? И так далее. То, что нам было тогда понятно без слов, по умолчанию, пришлось бы долго объяснять. Но поймут ли? Как дальтонику объяснишь, что красная ягода очень заметна на фоне зеленых листьев?

Говоря о 70-х, Тихонов вспоминает об очень сильном молодом коллективе социологов, который объединил вокруг себя Овсей Ирмович Шкаратан. Цитирую: «В лаборатории тогда он собрал много замечательных людей. Не могу не перечислить. Это: А. Алексеев, А. Баранов, Ю. Щёголев, М. Борщевский, А. Вейхер, В. Петров, Г. Старовойт, Алесина, С. Розет».

Как в дальнейшем сложилась жизнь этих десяти человек?

Шкаратан вскоре вынужден был уехать из Ленинграда в Москву. Рано умерший Сергей Розет, физик, философ, социолог, поэт — первым в этой команде ушел работать на завод и лишь тогда ощутил чувство внутренней свободы. За ним ушли Юрий Щеголев и Андрей Алексеев. Щеголев — физик с очень интересными идеями о связи физических и социальных законов, многие годы до пенсии проработал в котельной и в науку не вернулся. Алексеев отработал семь лет на заводе станочником, прошел через исключение из КПСС и восстановление в ее рядах, испытывал давление со стороны КГБ, был «прорабом перестройки», смог вернуться в социологию с многотомником «Драматическая социология...», содержащим новые методологические идеи и яркие описания наблюдавшихся им социальных коллизий. Михаил Борщевский, лидер, генератор интересных идей по социологии города, эмигрировал в Англию. О трагической судьбе Галины Старовойтовой не надо рассказывать. Недавно скончавшийся социальный психолог и социолог-урбанист Альберт Баранов был членом первого состава Ленинградского Законодательного собрания и сыграл заметную роль в процессе возвращения городу его исторического имени; долгие годы писал заветную книгу макросоциологического содержания; но так и не смог ее завершить... Валерий Петров, защитив в 26 лет кандидатскую диссертацию, вскоре погиб в автомобильной катастрофе. Через очень непростые жизненные обстоятельства пришлось пройти Марии Алесиной и Андрею Вейхеру...

Читая дальше о том, как сложилась жизненная траектория самого Александра Тихонова, наверное, подумаете, а справедливо ли сводить историю нашей науки лишь к анализу теоретических конструкций, созданных российскими социологами и собранным ими эмпирическим материалам?

Тихонов А. В.: «Мне самому интересно понять, как получилось, что я стал заниматься социологией»

Сколько лет, десятилетий мы знакомы ещё по ленинградской жизни? Но из книги «Социологи России» я с удивлением узнал, что родился ты в городке со странным названием «Сатанов» на Украине. Это твоих родителей туда забросила судьба или в тех краях Украины давно жили твои предки? Вообще, насколько глубоко ты знаешь историю своей родительской семьи и как проходили твои детские годы?

Спасибо за вопрос. Действительно, я появился на свет в городе Сатанов Хмельницкой области УССР в октябре 1939 года. Астролог Исида Дан, например, считает, что Весы — самый общественно-политический знак. Знать бы это раньше, я бы скорее поступил на философский факультет Ленинградского университета, чем на механико-технологический Лесотехнической академии, но о последнем я ничуть и не жалею. К. М. Тахтарев (1871 — 1925), например, автор первого в России полного учебника по социологии, считал, что настоящим социологом может быть только учёный с естественно — научным образованием. Насчёт настоящего я ничего не могу сказать, потому что всегда себя чувствую в этой области дилетантом, но вот то, что лесотехническое образование мне всегда помогало и помогает, могу подтвердить. О месте своего рождения я узнал кое-что интересное относительно недавно, от известного телеведущего НТВ Л. Парфёнова по одной из его передач из истории России. Оказалось, что по происхождению я — “западник”, поскольку ещё с XVIII-го века Сатанов был самым западным городом тогдашней российской Империи. Он располагался на самой границе с Польшей, на реке Сбруч. Т. о. в истории это место как-то отмечено, но что я мог бы вспомнить, если меня увезли оттуда в возрасте семи месяцев? Правда, из разговоров в семье я кое-что важное знаю. В Голодомор в этом городе умерли от голода родители моей мамы Загурской Анны Тимофеевны (её отец, мой дед, был краснодеревщиком, а её мать, по фамилии Лисиньская, швей). Мой отец, Тихонов Василий Фёдорович (из донецких казаков, что под Луганском), был призван в 1938 г. в качестве резервиста в армию для участия в присоединении Западной Украины к СССР по пакту Молотова-Риббентропа. Воинская часть и расположилась в этом самом Сатанове. Его отец, мой дед, Фёдор Макарович, до февраля 1917 г. служил в офицерском звании врачом-ветеринаром в Царских конюшнях (что на Конюшенной площади в С-Петербурге). Может поэтому меня всегда тянуло в Питер. Не знаю. После февральской революции он ушёл на Запад, но недалеко. Осел в Болгарии. В советское время семье это обстоятельство стоило немалых неприятностей. Похоронен в Софии. Во время войны отец командовал подразделениями «Катюш» и закончил её под Кенигсбергом. Мы с мамой переживали войну у родственников под Луганском. Там были на волоске от гибели. Нас в 1943 г. прикладами выгоняли немцы на снег, на расстрел. Спас разведчик штаба наступающей дивизии, который позднее погиб в Венгрии. Это я описал в своём романе «Развилка» (2010 г). Поэтому все сегодняшние сводки о боях на Юго- Востоке Украины я переживаю по-особому. На Донбассе, в г. Алчевске, я пошёл в 1945 году в 1-й класс. Как сейчас помню,

тетрадей не было. Первые буквы писали на газетах. После войны у родителей были попытки обосноваться на Западной Украине, но по причинам бандеровской активности, это не получилась, и мы переехали в Керчь, где я и закончил среднюю школу № 11. В эти годы, наряду с интересом к древней Греции (Керчь — Корчев когда-то была столицей Пантикапейского царства), у меня впервые появился интерес и к жизни общества. Дело в том, что у нас дома временами собирались бывшие фронтовики. Помимо разговоров об окопной правде, они толковали о несправедливости, скептически высказывались и о строительстве коммунизма, поскольку лозунги расходились с реальностью. Тогда я (семиклассник) впервые взял в руки «Капитал», чтобы самому разобраться, почему так получается. Конечно, я ничего не понял, но интерес к справедливому обществу остался. В романе, о котором я упомянул, это романтическое состояние поиска “правды жизни” описано как собственное наивно-детское открытие формулы “предустановленной гармонии”. Так было на самом деле. Этот эпизод не придуман.

Рано же ты прикоснулся к «Капиталу»... итак, школа закончена, что далее ?

Рано не рано, но у меня с этого началось философско-социологическое самообразование: сначала Экономическо-философские рукописи 1844 года К. Маркса, это было интереснее и понятнее, чем “Капитал”, потом франкфуртские неомарксисты Лукач, Хоркхаймер, Маркузе, Адорно, Хабермас и тот же В. Фрике, который в 60-е годы занимался в индустриальной социологии проблемой социального участия. Со всего этого в совокупности я и начинал вхождение в социологию. Чем я тогда руководствовался в идейном плане? Это видно из факта. В 1978 г. Андрей Алексеев проводил секретный опрос друзей-единомышленников “Ожидаете ли Вы перемен?” (опубликован в 1992 г.). За этот опрос его преследовали органы безопасности, но он никого из респондентов не выдал. Мои ответы там были зашифрованы под псевдонимом «Октябрь». Я тогда уповал на верхушечные изменения в СССР под влиянием идеологии неомарксизма. Были надежды на косыгинскую реформу. Само возрождение отечественной социологии выросло из этих надежд. Позднее я считал, что перемены реализуются через горбачёвскую перестройку и социал-демократию. После провала перестройки я стал одним из организаторов РОСДП (Российской объединённой социал-демократической партии), руководителем её Санкт-Петербургского отделения. Был у меня в этом прогнозном тексте и худший вариант, который, к сожалению и реализовался. Я и сейчас считаю, что какая-либо гибридная форма традиционного для России соборно-авторитарного идеала с идеалом либеральной социал-демократии могла бы вылечить страну от традиционного социокультурного (по А. Ахиезеру) раскола, но это уже проблема не нашего поколения. Извини за отвлечение.

А теперь отвечаю в рамках заданного тобой вопроса: школа и т. д. После окончания школы (1956), год работал станочником на деревообрабатывающем предприятии, а в 1957 г., за компанию со своими друзьями детства, поступил в Ленинградскую лесотехническую академию. Закончил её в 1962 г. с дипломом инженера по автоматике и телемеханике. С первого курса занимался научно-исследовательской работой по профильной кафедре, а с 3-го курса стал

членом комитета комсомола по печати, выпускал огромную (2 на 8 метров) стенгазету, первым редактором которой был Олег Попцов, многим известный как перестроечный деятель и писатель.

Лесотехнической академии я всегда благодарен и за естественно-научную подготовку, и за дружную и тёплую студенческую жизнь (до сих пор собираемся раз в 5 лет) и, особенно, о чём мало кто знал, за фундаментальную библиотеку, директором которой, была незабвенная Зоя Александровна. Она заметила по формуляру мой интерес к общественно-политической литературе и дала возможность сидеть в книгохранилище, в том числе и в спецхране. Я мог читать всё, что угодно, в том числе и закрытые стенографические отчёты партийных съездов, даже труды “врагов народа” (Бухарина, например), которые она, с риском для жизни, сумела сохранить. Нужно сказать, что свойство революций, пожирать своих детей, прочно засело в мою голову как коварство истории. Я поверил в возможность исправления несправедливости по отношению к жертвам красного террора с приходом к власти Хрущёва. Подтверждением этих надежд была развернувшаяся в стране компания осуждения культа личности и сталинских репрессий. В обстановке «оттепели» я дал согласие на избрание меня секретарём Выборгского райкома комсомола, хотя меня и отговаривали умудрённые в политике люди от этого шага. Это был Выборгский район Ленинграда, известный по фильму “Выборгская сторона”, поверил в торжество справедливости. Ко мне стали приходить, вышедшие из лагерей, потрепанные, но несломленные духом молодёжные лидеры 20-х годов. Особую роль в моей политической социализации сыграла дружба с удивительно стойкими и убеждёнными в правоте своего дела людьми, бывшими лагерниками А. И. Мильчаковым, З. Н. Немцовой и Р. Я. Юровской. Я стал выступать с позиций защиты интересов молодёжи и повышения её роли в общественной жизни, как того, собственно, и требовали партийные декларации. Какое-то время меня терпели, но после снятия Хрущёва всё изменилось. Я продолжал верить в восстановление т.н. ленинских норм общественной жизни, а мне говорили, что я технарь и не разбираюсь в законах общества. Лукаво намекали на то, что сидевшие в лагерях были освобождены только как граждане, но они не были реабилитированы политически. Следы тех разборок со мной остались в журнале «Юность» №11 за 1966 г., в моей статье под названием «Спор ещё не окончен», за которую редактор Б. Полевой получил партийный нагоняй. Спор действительно был и ни много ни мало с первым секретарём райкома партии. Я выступал за повышение роли молодёжи в управлении общественными делами, а он обвинял меня в троцкизме. Что касается слабости моей теоретической подготовки, то я и не возражал. Открыл для таких неучей, как сам, лекторий во Дворце труда под названием “Институт молодого марксиста”, на котором, в качестве лекторов, стали выступать лучшие умы того времени, как я полагал, из ЛГУ и не только: В. И. Свидерский, В. А. Штофф, В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон, О. И. Шкаратан. Конечно, долго такое свободомыслие продолжаться не могло. В период вторжения наших танков в Прагу мне уже на полном серьёзе стали шить дело о создании антисоветской организации “из числа идейно незрелой молодёжи”. Выручали и помогали и отсидевшие срок ветераны комсомола. Возможно, поэтому меня тогда только исключили из рядов, но не посадили. Хотя, как потом выяснилось, такой план был. Самый решительный и смелый шаг в критической ситуации сделал О. И. Шкаратан. Он уговорил

ректора ЛФЭИ им. Вознесенского Ю. А. Лаврикова (самого из семьи репрессированных) взять меня в его Межинститутскую социологическую лабораторию, где я и сделал первые самостоятельные шаги в социологии.

Конечно, ниже я попрошу тебя продолжить линию твоего собственно биографического повествования, но я (и будущие читатели нашего интервью), заинтригован твоим упоминанием романа «Развилка» и уже давнего материала в «Юности». Не могу сказать, что ты — единственный среди советских/российских социологов, которые активны и в литературной деятельности. И все же — это нечастое явление. Пожалуйста, расскажи подробнее о том, когда ты втянулся в писательство, назови свои основные произведения и введи в содержание романа «Развилки».

Поясню, почему для меня это интересно... В моих биографических исследованиях есть такое понятие, как «область свободы» личности; конечно, понятие — условное, и все же... скажем, для Бориса Грушина это были баня и пиво... без них нет Грушина... замечу, живя в Праге он написал книгу «Истина в пиве». Для некоторых моих респондентов область свободы — джаз, театр... Для покойного Бориса Дубина — переводы; для Андрея Алексеева (и покойного Розета, да, Сергей писал очень приличные стихи) — уход в рабочие, или вспомним А.А. Зиновьева, попробуй оторви его книги от его философско-социологических работ... уверен, твое литературное дело — часть тебя, часть, тебя как личности и социолога... потому, пожалуйста, опиши этот опыт ..

Что я могу на это ответить? С «Юностью» получилось так. Я организовал встречу редакции журнала, с молодёжью в Выборгском ДК, в период, когда на журнал начались очередные гонения, и рассказал о своей оценке положения дел в комсомоле. Сказали: «пиши». От редакции был, кстати, и Булат Окуджава. Я дописался до того, что на меня завели партийное дело. В натуре моей, наверное, есть художественная жилка, она и сработала. Научную статью, например, порой, долго не могу написать, пока не найду сюжетную линию и нужную интонацию. Посмотри, кстати, моё эссе о В.А. Ядове в книге к его юбилею «Vivat, Ядов»; в ней это особенно заметно. Писал три месяца. Есть, конечно, и всякие литературные поделки. Напечатан, например, сборничек стихов под названием «День благодарения», есть даже черновики двух пьес, но жизнь была такой, что не было возможности погрузиться в литературное творчество. Может быть, на пенсии наверстаю, но тоже вряд ли. Уже мне 77, а она, пенсия, всё никак не наступает. Дел много. Но Бог с ней, с пенсией. Пусть и не наступает. А область «свободы личности», о которой ты пишешь, действительно существует и для нашего с тобой социологического, считай писательского труда, она очень даже необходима.

Теперь о романе. Моя жена, большой художник во всех смыслах этого слова (будешь в Москве, заходи, увидишь её уникальные фарфоровые скульптуры из области балета и не только) и совершенно не публичный человек. Она опубликовала два сборника прекрасных повестей и рассказов «Ночное солнце» и «Время московское» под псевдонимом Элина Нечаева. До этого у неё была повесть под названием «Экспресс». Читателю понравилось, и он потребовал продолжения. Подбила на это дело и меня. В результате появился роман общий «Два в одном»,

где соединилось два творчества: её роман «Экспресс» и мой «Развилка» под псевдонимом Элина и Александр Нечаевы. Его можно узреть и даже заказать по «Озон. ру».

Хотя тебе это делать не обязательно, подарю при встрече. Мы описываем поворотные события в нашей стране второй половины XX-го века вплоть до начала нового столетия. Это живое свидетельство того, как мы жили перед революцией 1991 года и после неё. Никто из нашего поколения, да и из последующих, не смогут отнестись к этому времени равнодушно. Во Франции до сих пор (больше 200 лет прошло) пытаются разобраться, что представляет собой их великая революция. Так будет и с нашей. Но основное внимание уделено, конечно, вечной теме — драме отношений между мужчиной и женщиной. Жизнь героев, похожая вначале на экспресс, попадает в зону бифуркации (отсюда последующая за ней развилка). Но настоящая драма в том, что они живут в старом времени и не отдают себе отчёта в том, что с романтической идеей железно “предустановленной гармонии” им, как и всему человечеству, с идеей неизбежного линейного прогресса придётся распрощаться навсегда. Такова цена современной развилки. Тебя может, удивит, что основной герой не социолог. Но то, что он не простой технарь, читатель почувствует сразу. Склонность к литературе, как ты правильно отметил, не мешает науке: ведь то, что нельзя сказать рациональным языком, то можно выразить в художественной форме.

Теперь вернёмся к хронологии твоей жизни; в каком году и как ты полностью вступил на социологическую тропу? Какие основные проблемы ты тогда изучал?

Мне тоже интересно понять: как получилось так, что я, в конце концов, стал заниматься социологией. Ведь за эти годы я дважды или трижды возвращался к своей инженерной специальности, а в конце комсомольской карьеры поступил даже в аспирантуру на родную кафедру автоматики и телемеханики ЛТА. И тем не менее снова соскользнул на “опасную военную тропу”. Я думаю, что причиной этого было предчувствие крутых перемен в обществе, а социологи были для меня теми людьми, с которыми можно было честно и откровенно всё это обсуждать. Отсюда и произошло моё невольное участие в возрожденческом этапе отечественной социологии. Теперь остаётся дилемма: как об этом кратко и доходчиво рассказать читателю, чтобы мой нарратив не оказался плоской автобиографией.

Попытаюсь просто обозначить некоторые темы, которыми я занимался в различное время вперемешку со значимыми событиями 70-х годов. Итак, мне нет и 30-ти. В стране идёт профилактика инакомыслящих в связи с вторжением в Чехословакию. Спасали меня, как я уже говорил, многие, но конкретно предложил заняться социологией О. И. Шкаратан. Он хорошо знал, что в это время меня уже исключают из КПСС на уровне райкома и горкома партии, запрещают работать в вузе “за поддержку антисоветских элементов из числа идейно незрелой молодёжи”. И тем не менее взял к себе. В лаборатории тогда он собрал много замечательных людей. Не могу не перечислить. Это: А. Алексеев, А. Баранов, Ю. Щёголев, М. Борщевский, А. Вейхер, В. Петров, Г. Старовойтова, М. Алесина, С. Розет. Но и сам Овсей Ирмович, был знаковой фигурой.. Безо всяких скидок, он — один из выдающихся отцов-основателей возрожден-

ческого этапа отечественной социологии. Над входной дверью его лаборатории некоторое время, пока партком не заставил снять, висел актуальный и сегодня плакат: “XXI век будет веком социологии или его вообще не будет”.

Когда обсуждался проект хоздоговора между ЛФЭИ и производственным объединением ТАТНЕФТЬ о проведении комплекса исследований проблем социально-экономического развития территории Ромашкинского месторождения, я вызвался переехать туда на постоянную работу, чтобы координировать исследования на месте. Это было воспринято с пониманием, поскольку “волчий билет” у меня уже был на руках. Поддержал меня и ректор ЛФЭИ Ю.А. Лавриков. Как потом оказалось, добровольно-принудительная ссылка продлилась пять лет. Нужно отдать должное тогдашнему руководству объединения ТАТНЕФТЬ и лично Герою социалистического труда Р. Т. Булгакову, который не только не испугался принять исключённого из партийных рядов ленинградского социолога, но и создал условия для его жизни и работы. Вскоре к нам на полевом этапе присоединились москвичи Н. И. Лапин и А. И. Пригожин с проектом исследования проблем социальной организации. Без лишнего пафоса можно сказать, что эти годы стали для меня самыми настоящими социологическими университетами. Они нашли отражение в публикациях участников, а у многих и в диссертациях (Борщевский, Старовойтова, Петров, Вейхер и др.). Там я нашёл и фронтовика, профессионального философа, выпускника ИФЛИ Л. М. Адлера, долгие вечерние прогулки по городу с которым, повысили мою социологическую квалификацию. Во всяком случае кандидатский экзамен по истории философии сдал на отлично.

В конце пятилетнего срока “ссылки” я защитил кандидатскую диссертацию в Казанском университете по теме: «Содержание и организация труда как факторы формирования отношения к труду». Здесь мне удалось затронуть весьма актуальную проблему промышленной социологии того времени. Я взял показатели отношения к труду из исследования Ядова и Здравомыслова «Человек и его работа», методику построения социально-профессиональных группировок из исследований Шкаратана и проверил гипотезу о влиянии на отношение к труду отношений управления, привязав их к рабочим местам. Мне представляется, что эта проблема сегодня является ещё более актуальной, чем тогда. Нелишне напомнить, что само понятие “социальная организация” было ещё под идеологическим запретом, с чем и столкнулся при защите докторской Аркадий Пригожин. Получилось, что действие социальных отношений в организациях сопоставимо с действием творческого характера труда, связанного со степенью его механизации. Результатом стало моё довольно неуклюжее понятие “производственная самостоятельность”, трактуемое как “свобода на рабочем месте”, которое я позднее ввёл в теоретико-прикладной толковый словарь по социологии труда В. А. Ядова (см. М., Наука, 2006), но которое не оказало серьёзного влияния на развитие отечественной промышленной социологии, кроме разве что использования в исследованиях Б. Тукумцева в Куйбышевском университете. Тогда я неявно ответил на острую полемику между В. А. Ядовым и В. Я. Ельмеевым относительно различий между техническим и социальным содержанием труда, но сам ещё представления не имел о той полемической буре, которая в эти же годы раздирала изнутри франкфуртскую школу. Речь у них шла о различии стратегий технизации и гуманизации на производстве

(о т. н. социальном участии), а также о различии методологий целерациональности по Веберу и коммуникативной рациональности по Хабермасу. Только сейчас эти проблемы начинают обсуждаться в нашей специальной литературе. В итоге первым оппонентом у меня на защите был сам В. А. Ядов, а А. Г. Харчев вскоре специально встретился со мной в Ленинграде, долго расспрашивая об этом исследовании, а потом быстро опубликовал его результаты в «Социсе» за 1975 г. Видно и тот, и другой что-то знали о глубинной стороне проблемы отношения к труду, но со мной не поделились. Можно сказать, что с этого момента я мог бы считать себя социологом. Подробности об этом периоде можно прочесть в коллективной монографии «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов» под ред. Н. И. Лапина (М., 2005), где я выступил с обобщающей статьёй: «Основополагающий факт истории отечественной социологии организации и управления». Кроме того в этой книге представлены методики исследований моего Отдела промышленной социологии объединения ТАТНЕФТЬ, бережно сохраненные Н. И. Лапиным. Там, кстати, представлен и разработанный нами инструментарий исследования такого феномена, как идентификационное ядро социальной организации. В этой связи расскажу еще об одном казусе вхождения в “большую социологию”, связанным со слабым знанием мною западной литературы. Она приходила ко мне с опозданием и из вторых рук. Так, ещё в 1970 г. я высказал идею ограниченности структурного социально-профессионального анализа любых организаций и выступил за необходимость дополнения его социально-функциональным анализом типа: ядро- полупериферия – периферия. Старшие и очень уважаемые мною товарищи (Ядов, Шкаратан, Лапин) обсмеяли меня за попытку создания “ядерной социологии” и отбили охоту дальше заниматься этой темой. Сейчас, после работ И. Валлерстайна с его анализом миросистемы по “ядерной” схеме, эта идея кажется само собой разумеющейся. Я всё же приспособил её в 90-е годы к обоснованию проблемного поля новой в России отраслевой дисциплины под названием “социология управления”. Это всё же не то, что социология менеджмента, как это считалось и до сих пор считается у нас в литературе.

В итоге можно сказать, что уже в 60–70 гг. прошлого века в СССР сложились собственная теоретико-методологическая основа и эмпирическая база отечественных исследований проблем организации труда, производства и управления, в создании которой, вместе с Н. И. Лапиным, Н. Ф. Наумовой и А. И. Пригожиным принял участие и я, наряду с группой таких заводских социологов как В. Герчиков, В. Щербина, Ю. Неймер, А. Зайцев, Б. Тукумцев и целым рядом других. Тогда косыгинские реформы действительно давали надежду на переход к этапу интенсивного развития производства и страны. Однако многие наши разработки так и не нашли применения. Причина одна: страна тогда, как, во многом и сейчас, не может сойти с экстенсивной колее. Все последующие политические кувыркания и сегодняшние трудности я связываю с несистемными и одновременно неумными попытками преодоления исторически заданной инерции, которая на самом деле носит социетальный характер.

Сегодня, в связи с опытом перехода к рыночной экономике и постигшими нас деиндустриализацией с олигархизацией, наши наработки по социологии организаций и управления всё ещё остаются не востребованными. Но думаю, что они не потеряны навсегда. По крайней мере, рождённое нами в те годы

социологическое подразделение в объединении ТАТНЕФТЬ работает и сейчас. Да и созданный с моим участием в Институте социологии РАН Центр социологии управления и социальных технологий работает в этом же направлении.

Будем считать, что с выходом на социологическую тропу мы справились. Теперь хотелось бы узнать, как сложилась твоя карьера, если уместно это слово, в дальнейшем?

Дальше, если продолжать разговор не просто о карьере, а о профессиональной жизни, могу выделить три периода: 1) с 1975 до 1990 г. — руководство научно-исследовательской лабораторией в системе профсоюзов и инженерная работа в ПО ЭЛЕКТРОНМАШ; 2) приобретение опыта и деятельности в рыночной экономике в качестве организатора петербургского и общероссийского союза страховщиков, разработка учебного курса в области социологии управления с отвлечением в 1990—1991 г. на работу в составе Правительства Ленинграда-С.Петербурга в качестве зампреда по социальной политике демократического Ленгорисполкома (кстати, по рекомендации питерской Ассоциации социологов и непосредственно А. Алексеева) и 3) современный, академический этап. Последний можно отсчитывать с 2000 г., когда я издал монографию под названием «Социология управления» и защитил в С-Петербургском университете докторскую диссертацию на тему «Теоретико-методологические основания социологии управления как отраслевой научной дисциплины». Имелось ввиду прежде всего её отличие от учебной дисциплины и от менеджмента. На самом деле это амбициозный проект программы институциональной реформы исторически изжившей себя отечественной системы управления. Над этим, с согласия и при поддержке Учёного Совета нашего института, мы работаем уже более 10 последних лет.

По-моему, один важный этап в твоей научной и научно-организационной деятельности требует особого рассмотрения. Я имею в виду время твоего руководства Социологическим институтом РАН (он тогда иначе назывался) в Санкт-Петербурге. Пожалуйста, напости, когда это было и с какими проблемами на посту Директора ты встретился. Что удалось сделать?

Похвастаться мне здесь особенно не чем. Это было два года (2003—2005) попыток поддержать на плаву падающую организацию, которая в своё время внесла заметный вклад в возрождение отечественной социологии. Здесь я впервые столкнулся с изнанкой расколотого социологического коллектива: между сторонниками действующего руководства (а его олицетворяли тогда С. Голод, А. Дука, О. Цепилова и ряд других менее известных фамилий) и оппозицией (А. Аллексеев, И. Травин, О. Божков, Б. Максимов, В. Костюшев, Т. Протасенко и др. — всего человек 20). Этот раскол усугублялся групповыми интересами малочисленных секторов, где каждый поливал и удобрял свою грядку... После ухода с поста директора Б.М. а в Институте так и не сложился центр, который был бы способен обеспечивать перспективу и координацию его работы... Была необходимость в общей научно-исследовательской программе Института, содержание которой мы довольно часто обсуждали с В. Голофастом. С ним был подготовлен и доклад о перспективах Института, с которым я выступал и в самом Институте, и на общем собрании РАН. Он был даже опубликован в “Телескопе”. С. Голод,

при всём уважении к его незаурядной личности, на роль организатора и разработчика такой программы не подходил. Сверху меня поддерживало руководство отделения общественных наук РАН (Учёный секретарь А. В. Дмитриев в частности), поскольку в Москве бродила идея присоединения СИ РАН к ИСЭП, то есть фактически подчинения социологии ядовского типа другой научной традиции. Этого не хотели допустить ни в ИС РАН в Москве (Ядов, Дробижева), ни Северо-западный академический Центр (академик Ж. И. Алфёров). За короткое время, мне, конечно, не удалось убедить весь коллектив в необходимости перемен в нужном направлении, но к концу моего периода мы уже работали в условиях консенсуса. В принципе ничего особенного в этой коллизии не было. Достаточно вспомнить, как трудно сходились и расходились П. Сорокин и Т. Парсонс при организации социологического факультета, как изгоняли социологов из ИСЭПа, как пришлось Ядову и Здравомыслову уезжать из Петербурга в Москву и многое другое. Примеров много. Социологи порой прозорливо говорят о существенных тенденциях и трендах общественного развития и совсем мало или ничего о развитии своего сообщества и своего труда. В частности, трудно объяснить тот странный факт, что в питерском Институте работало значительное число талантов без соответствующих учёных и даже кандидатских степеней, а руководство не готовило себе достойную смену. То же я наблюдаю и в московском ИС РАН. Чего ждут, на что надеются беспечные социологи, не понимаю. Каждая смена руководства в наших организациях, в том числе и в результате последних событий в Академии с так называемой реформой РАН, сопровождаются подковёрными играми с непредсказуемым последствием. После двух лет попыток изменить работу Института мне пришлось оставить это дело и перебраться в Москву по семейным обстоятельствам (супруге-москвичке не подходил питерский климат). Но нельзя не сознаться, что ускорила переезд и внезапная смерть В. Голофаства. Без его личного участия проводить перестройку в Институте мне было бы сложнее. У нас с ним были и планы относительно коллективной монографии по методологии социологического исследования, что укрепило бы и сам институт и отношения в нём. Но этому не суждено было сбыться. Главным своим достижением считаю всё то, что удалось сохранить Институт, разработать новые направления работы, укрепить отношения с отделением РАН по Северо-Западу. Мне обещали даже передать часть здания бывшей лаборатории И. Павлова, что рядом со зданием Библиотеки АН. Когда я понял, что придётся уезжать из Петербурга, я убедил вице-президента РАН ак. В. Л. Макарова, поддержать кандидатуру чл.-кор. РАН проф. И. И. Елисеевой на должность директора нашего Института в надежде, что наконец-то Институт получит квалифицированное и перспективное руководство. Мне казалось, что тем самым моя миссия выполнена. В Москве, кстати, появилась редкая возможность осуществить и собственные научные планы. Тогдашний директор ИС РАН Л. М. Дробижева предложила мне создать и возглавить в 2005 г. Центр по профилю моих интересов — по социологии управления. Здесь мне удалось реализовать и многое из того, что было задумано ещё в период короткого директорства в С-Петербурге. Последнее на эту тему: питерский СИ РАН на днях, когда я заканчивал это интервью, официально вошёл в состав нашего ИС РАН в качестве самостоятельного юридического лица. Я считаю, что это хорошая новость для отечественной социологии, кто, конечно, понимает, что это значит практически.

Ты с оптимизмом смотришь в будущее и говоришь о востребованности в будущем отечественного опыта промышленной социологии. На чем базируется твой оптимизм?

Не просто смотрю в будущее, а в меру сил создаю спрос на него. Мы, например, готовим документы вместе с двумя академическими институтами (экономики и прогнозирования) и министерством промышленности на создание центра, специализирующегося на разработках и внедрении технологий социального управления. Это аналог тех отраслевых институтов, которые поддерживали в наше время социолого-инженерные проекты и которые мы разрабатывали с Лапиным и Шкаратаном в 80-е годы. Ты будешь смеяться над нашей наивностью, но посмотрим, может что-то и удастся сделать. Западные санкции как раз в жилу.

Теперь, пожалуйста, по порядку...

Я вернулся в Ленинград в 1974 году, где меня никто не ждал. В Татарии я был восстановлен в партийных рядах через ЦК (это отдельная история не для истории социологии), но никто в Питере не решался взять меня на работу. Как ни парадоксально, но попасть на кафедру педагогики и социологии ВПШК (Высшей профсоюзной школы культуры ВЦСПС) в качестве простого преподавателя можно было только с разрешения Обкома партии. В итоге я проработал в этой системе почти до самой перестройки, постоянно находясь под "колпаком у Мюллера". Я не сразу, но догадался, что трое из моего ближайшего окружения находятся на службе в КГБ. Один потом сам сознался и сейчас живёт в Москве. Другой не так давно умер, не раскаявшись, а третий до сих пор вращается в питерских социологических кругах и слывёт уважаемым человеком. Ему однажды я набил морду, когда разоблачил, и с тех пор не общаюсь. Но уже можно и простить. Он это делал, как я думаю, из страха.

И не только я, но и вся ленинградская социология тогда была под колпаком. Когда на короткое время в 1990–1991 г. я стал одним из отцов города (зампредом демократического Ленгорисполкома по социальной политике), я обратился в органы КГБ, чтобы мне показали моё досье. Они сильно трухнули, сказали, что "дела" на меня не было, а все действия проводились по звонку из Смольного в целях профилактики. Хотя это было, конечно, враньём. Сейчас жалею, что тогда не проявил настойчивость. Мог бы и дожать. Просто времени не было, но если кому-нибудь когда-нибудь удастся забраться в архивы этой непотопляемой организации, то они узнают много интересного из истории отечественной социологии советского периода. В роли руководителя социологической лаборатории ВПШК, подчинявшейся фактически культотделу ВЦСПС, я проработал более 12 лет. Особыми научными достижениями эти годы отмечены не были. Много эмпирических исследований клубной аудитории и поездок по регионам, попытки провести честные исследования по проблемам грядущих перемен в стране пресеклись самым жёстким образом. Были изъяты и уничтожены массивы двух опросов, а мне пришлось уйти на работу по инженерной специальности в производственное объединение "ЭЛЕКТРОНМАШ" только за вопрос "Ожидаете ли Вы перемен" в анкете "Дела и заботы профсоюзные". Весь тираж, в количестве 10 тыс. экз., был арестован.

Здесь, нужно отдать должное, оперативно сработали те самые, окружавшие меня под видом соратников, осведомители. Замаячило новое персональное дело. Пришёл к В. А. Ядову, спрашивает: что надо? Отвечаю: «Написать, что тест на ожидание перемен не антисоветский, а научный». Он сел за пишущую машинку и тут же написал положительный отзыв. К этому времени мы заканчивали панельное исследование по старой теме «Человек и его работа». В нём я использовал некоторые идеи и подходы, которые приобрёл в «ТАТНЕФТИ». Мои общественно-политические взгляды того времени отражены в материалах полуформализованного интервью, проводившегося секретно А.Н. Алексеевым среди ограниченного круга социологов (об этом я уже упоминал). Но тем не менее и ему пришлось худо: кто-то его заложил. Скорее всего кто-то из тех, кто печатал обобщённые данные. Андрей об этом лучше может рассказать.

Пошли дальше...

Второй этап — демократический: примерно с начала перестройки и почти до конца века. Я в прекрасном 50-летнем возрасте. У меня, особенно на начальном этапе, когда я ещё не разочаровался в освободительной миссии рынка «по-русски», было невероятное ощущение свободы слова и творчества. Казалось, что всё возможно, надо только захотеть и организовать. В чём я только не участвовал в это время! Даже трудно перечислить: Клуб «Перестройка» в ДК Ленсовета, Народный фронт, Дягилев-клуб, социальная и культурная политика в городе, страховое дело в городе, а потом и в стране (член Президиума Всероссийского союза страховщиков), Санкт-Петербургская ассоциация социологов, Международная школа молодых учёных С. А. Кугеля, кафедра социологии управления в Таврическом Дворце, где сначала располагалась Высшая партшкола, а потом Северо-Западная академия госслужбы, Санкт-Петербургский социал- демократический Союз, который стал важным звеном в создании РОСДП — Российской объединённой социал-демократической партии во главе с М. С. Горбачёвым. Здесь я был членом Политбюро.

Наконец, академический этап. Подготовка и защита докторской диссертации окончательно определили мой профиль в социологии: объект — управление как социальное явление, а предмет — управляемость социальных процессов. Казалось бы, что всё это сугубо прикладные вещи. В словаре «Современная западная социология» (М., Политиздат, 1990; Отв.ред. Ю. Н. Давыдов) социология управления рассматривалась как прикладная отрасль, изучающая социологическую надстройку над менеджментом. Менеджмент же, по словам автора этого определения А. И. Кравченко, охватывает также экономические, технико-организационные, юридические и психологические вопросы делового предпринимательства. Тогда эту позицию разделяли все, в т. ч. Ядов, Лапин, питерские коллеги. Я, конечно, согласиться с этим не мог. Не буду занудствовать, но скажу коротко, что я выдвинул четыре дихотомии в обоснование подходов, на которых может строиться современная социология управления: 1) социогуманитарный или естественнонаучный (кибернетика, синергетика, например), 2) социологический или социальный (типа социальной инженерии), 3) институциональный (управление как социальный институт) или менеджериальный (в духе П. Друкера), 4) теоретико-прикладной или сугубо прикладной. Моя позиция, которую я защищаю и развиваю все эти годы, складывается из совокупности первых частей этих

дихотомий. Подробнее об этом можно узнать из моей монографии «Социология управления» (2009 г.) и др., хотя, конечно, это очень специальная тема и не очень интересная для социологов других направлений.

Главное в том, что за последнее 10-летие проблема управляемости социальных процессов на фоне войн и кризисов превратилась в макросоциологическую, а Ядов, в одной из своих последних работ, даже отнёс управление к одной из четырех социальных универсалий, наряду с территорией, населением и ценностями. Я это к тому, что направление, которое я выбрал в социологии, становится всё более актуальным. Если открыть 5-ти томник по истории теоретической социологии (отв.ред. Ю. Н. Давыдов, 2010 г.), то увидим, что социальные теории и сама философия начались с проблем управления («Государство» Платона, например). Для России это сегодня коренной вопрос выживания в мире бушующем. Многие думают, что это вопрос власти. Нет, это вопрос социокультурной эволюции управления; у нас до сих пор, какая бы власть не пришла, получается как в анекдоте, автомат Калашникова. Мир признал теорию и практику менеджмента. В энциклопедическом справочнике американской ассоциации управления 1997 г. говорится, что самой крупной статьёй экспорта и самым ценным вкладом Америки в мировую культуру в XX веке является менеджмент. Нам нужно знать и использовать этот опыт, но при этом, учитывая своеобразие нашей цивилизационной трансформации, нам нужна своя методология и теория управления. Над этим мы сейчас и работаем. Для меня последние 15 лет — это самые плодотворные и, можно сказать, счастливые годы в жизни: с утра до вечера занимаюсь как раз теми проблемами, которые меня больше всего волнуют. Никто мне не указывает, что и как нужно делать. Академическая обстановка — это как раз то, чего мне не хватало все предшествующие годы. За это я очень благодарен судьбе, своему институту, руководству персонально и небольшому, но динамичному и творческому коллективу Центра социологии управления.

Идущая сейчас реформа РАН, мягко говоря, настораживает. Тем не менее, работа ведётся по нескольким направлениям: 1) дальнейшая проработка социально-философских и эпистемологических оснований социологии, чтобы она могла корреспондироваться с проблемами управления. Центральным вопросом здесь я считаю понятие постнеклассической рациональности. 2) Затем связь социогуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Ведь параллельно с нами ведутся разработки так называемых НБИКС-технологий (институт им. Курчатова), т.е. нано-био-инфо-когни-социо-. У нас есть лаборатория, которая переключилась на исследование социоинформационных технологий в управлении. 3) Уже несколько лет идёт инициативное исследование трансформации властно-управленческой вертикали в стране в территориальных и отраслевых аспектах. Сейчас на эту проблему мы получили грант РНФ. Редкий и почти невероятный случай. 4) Большое внимание уделяется управлению в бизнес-организациях и на местном уровне. Монография по проблемам реформирования отечественной системы управления запланирована на 2017 год. 5) Вышел коллективный труд под названием «Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь». Здесь, как говорится, лиха беда начало. Он (словарь) сейчас очень нужен для консолидации научного сообщества и для подготовки нового этапа исследований с перспективой начала глобального интенсивного этапа развития страны. Всё к этому идёт, если не помешают злые силы.

Всё это хорошо, но кто выступает заказчиком на вашу героическую работу? Какие шансы на реализацию ваших наработок?

Настоящего заказчика пока нет. Единственный, кто из властных структур заинтересовался этим, был ушедший в отставку министр финансов А. Кудрин, с которым я работал в правительстве Санкт-Петербурга. В итоге прихожу к выводу, что заказчика надо готовить самим, чем мы сейчас и занимаемся. Суть проблемы в том, что сегодняшняя российская элита (вернее, политический класс) не заинтересована в организации эффективного управления в стране, в отличие от американцев в период великой депрессии. Её пока устраивает имитация под Запад. Но на телеге прошлого, как известно, далеко не уедешь. Думаю, что сегодняшний кризис принудит их или тех, кто их сменит, этим заняться серьёзно. России некуда больше деваться, кроме как отбросить имперские амбиции и взяться, наконец, за программу интенсивного цивилизационного развития. А это будет означать востребованность и социологии в целом, и социологии управления, в частности.

Вижу, что ты думаешь о будущем. Не мог бы ты обозначить некоторые планы на ближайшие годы?

Понедельник, как известно, начинается в субботу. Сейчас, например, готовлюсь к выступлению на учёном совете нашего института в связи с обсуждением последней монографии Ж. Т. Тощенко под названием «фантомы российского общества». Она только что вышла из печати. Это оригинальное обобщение исследований российской жизни за последние 25 лет. Почитай сам. Начнёшь — не оторвёшься. Параллельно с этим стал читать тоже толстенную книгу «Государство. Общество. Управление» под ред. С. Никольского из ИФ РАН и М. Ходорковского. И тоже интересно, хотя это уже другое чтиво — про либеральную идеологию госстроительства, на реализацию которой кое-кто у нас питает надежды. Две эти книги вместе являются свидетельством цивилизационного раскола в нашем обществе почти по А. Ахиезеру, что напоминает обстановку в начале XX-го века. Чтобы разобраться стал перечитывать А. Тойнби «Постижение истории», которого у нас пролистали в 90-е и забыли. И я тоже. Не до этого было. Сейчас я думаю, что матерью социологии являются не философия или экономика, а всё же история. Она и концептуальная, и эмпирическая наука. Особенно впечатлил Р. Коллинз своей «Макроисторией» (М., 2015). Заодно перечитываю историю социологии и мировую (по Ю. Н. Давыдову) и отечественную (по А. А. Бороноеву) Временами приходит мысль, что социология ещё не совсем наука. Ну, конечно, не бледная тень настоящей науки, как это сказано у М. Фуко, а преднаука. На эту тему у меня есть статья в «Социсе» и в сборнике «Новые идеи в социологии» (М., 2013). Это значит, что у нас и у нашего объекта исследований всё ещё впереди. Если совсем конкретно, то на ближайшие пять лет вместе с Н. И. Лапиным готовится исследование влияния социокультурных различий между российскими регионами на расхождение реальных и латентных механизмов функционирования властно-управленческой вертикали. Это движение по пути к новому федерализму. Готовится и Форум под эгидой ЮНЕСКО по проблеме диалога культур и цивилизаций, механизмы

инверсии и медиации в управлении многополярным миром. У нас уже прошло два “Круглых стола” на эту тему. Готовится и коллективная монография: “Новые идеи в социологии управления”. Всего не перечислить.

Хочу закончить, как, наверное, и все, с кем ты работаешь, словами благодарности за твоё подвижничество. Я бы до конца дней не сел за эти мемуары, если бы ты так душевно и авторитетно меня не организовал. Сначала хотел было отделаться, а потом увлёкся: а действительно, что и зачем я делаю, и что из этого получается? Стало немного яснее, по крайней мере, для себя самого. К тому же через тебя я посылаю привет всем тем, с кем прямо или косвенно связан общей социологической судьбой. Общество неисчерпаемо, как человек и как природа. Работаем дальше! Может быть кого-то твои интервью подтолкнут к новым идеям относительно законов, которыми пытается овладеть человечество, и у него это получится.

Интервью с Ларисой Николаевной ФЕДОТОВОЙ

«УЖЕ ХОЧЕТСЯ СВОЮ ДЕЛЯНКУ ОБРАБОТАТЬ»

Федотова Л. Н. — окончила факультет журналистики МГУ (1966 г.), доктор социологических наук (1999), профессор кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики МГУ. Основные области научного интереса: массовые информационные процессы, реклама, связи с общественностью, общественное мнение.

Интервью состоялось: май 2015 г.

Середина июня 2015 года, в моей коллекции интервью с советскими / российскими социологами уже 119 законченных интервью. Беседа с Ларисой Николаевной Федотовой, похоже, - последняя из начатых в этом цикле исследований. Во всяком случае, в течение ближайших нескольких месяцев не предполагается начинать новых интервью. Сейчас главное — завершение давно продолжающихся интервью и самый общий анализ, точнее — обзор собранной за одиннадцать лет информации.

В каждом новом законченном интервью я стараюсь увидеть либо подтверждение ранее полученных наблюдений, обобщений, либо сильные аргументы против сделанных ранее выводов. И я заметил, подобный обзор следует делать постоянно, по «горячим следам», ибо важные для понимания логики и организации настоящего историко-социологического проекта детали, «мелочи» быстро теряются в потоке постоянно растущего объема различного рода данных. Пока количество проведенных интервью оставалось небольшим (несколько десятков) и даже приближалось к полусотни, мне казалось, что начинать обработку и исследование собранной информации преждевременно. Я, долгие годы работавший с большими выборками, допускал, что изучать собранные данные имеет смысл лишь тогда, когда количество проведенных бесед будет большим, скажем, приближаться к сотне. Но когда этот момент стал совсем близким, оказалось, что установка на проведение анализа «потом» неверна, ибо она генетически не ориентирована на выявление и фиксацию отдельных, уникальных случаев. При макроанализе цена подобных случаев невелика.

Приведу лишь два сюжета из интервью с Ларисой Федотовой, показывающих, насколько существенно рассказанное ею для восстановления истории отечественной социологии. Предпосылки такого рассказа — очевидны; она слушала известные лекции Ю.А. Левады, участвовала в легендарном Грушинском «Таганрогском проекте».

Уверен, будущие историки становления опросов общественного мнения в СССР / России не пройдут мимо того факта, что именно за подписью Федотовой в январе 1971 года в «Комсомолке» вышла заметка о начале проведения первого Всесоюзного опроса общественного мнения Центром исследования общественного мнения (ЦИОМ) под руководством Б. А. Грушина. Но Л. Федотова своим шутливым рассказом несколько снижает пафос факта. И это вообще ее стиль.

Вот как это было:

Все было готово к январю 1971 г. И вот вспоминаю — на летучке было принято решение опубликовать в «Комсомольской правде» заметку о начале Всесоюзного опроса (не в последнюю очередь, чтобы вместе с командировкой и удостоверением предъявить это сообщение центральной прессы). Текст писал сам Грушин. Встал вопрос, чьей фамилией подписывать. Помню, Грушин сказал: «Нужно, чтобы это был наш человек, но малоизвестный». Вот сейчас я только подумала, как он сказал: просто малоизвестный, или еще малоизвестный? (ну нет предела человеческому честолюбию!).

НА ВЕСАХ СОЦИОЛОГОВ — МИР МНЕНИЙ // Комсомольская правда, № 22 (14004), 1971, 27 января.

Существуют проблемы, которые вызывают в обществе особый интерес, а порой и особое беспокойство. В последнее время на страницах газет, в рабочих коллективах, в специальной литературе широко обсуждаются пути борьбы с пьянством. Высказываются различные предположения о причинах, следствиях, мерах пресечения этого зла. Разрабатываются рекомендации по борьбе с злоупотреблением спиртными напитками. А если обратиться к населению страны — что оно думает по этому поводу? Проведение подобных опросов — такова задача недавно созданного Центра изучения общественного мнения Института конкретных социальных исследований АН СССР. Сейчас Центр начинает свой первый всесоюзный зондаж по ряду актуальных социальных и экономических проблем.

Конечно, никто не может задаться целью опросить хотя бы по одной проблеме, задать хотя бы один вопрос всему взрослому многомиллионному населению страны. Да это и не нужно. Современные методы математики и статистики позволяют с достаточной точностью судить об общественном мнении по высказываниям соответствующим образом отобранных нескольких тысяч человек.

Диапазон включенных в первый опрос проблем достаточно широк: начиная от отношения населения к физкультуре и спорту и кончая спросом на грампластинки.

В разные точки Советского Союза разъезжаются интервьюеры Центра, чтобы после опроса различных групп населения страны получить данные, которые помогут заинтересованным ведомствам и организациям полнее учитывать мнения, запросы широких слоев трудящихся.

И подпись — Федотова Л.

Прошли годы, в стране происходили значительные перемены, в экономике развивались рыночные отношения, появилась реклама, возникла потребность в ее социологическом изучении. Лариса Федотова одной из первых среди российских университетских социологов занялась этой новой исследовательской проблематикой, задумалась о том, как преподавать соответствующий курс. А как это было — зарисовка Федотовой, из малого родилось многое:

«Одним словом, я как раз эти факторы и изложила и понесла этот материал (я сделала нарезки — три статьи) В. Чурбанову. Он все это дело отверг, как я и думала, ему как раз нужна была критика, но поступил по-джентльменски, даже гонорар заплатил (как же, материал-то был написан...). И вот я иду с этим текстом, а мне нужно было по каким-то делам в Левада-центр зайти (тогда он еще ВЦИОМом назывался), а это буквально в пятистах метрах — журнал на Варварке, а ВЦИОМ на Никольской. Иду я по второму этажу, а там комната за комнатой, отдел Ослона, кабинет Левады, и в конце комната — на дверях табличка «Издательский Дом Гребенникова». По-моему, уже тогда так и называлось... Стучу: «Здравствуйте, вам не нужен текст про рекламу?». А это был сам Александр Николаевич Гребенников. Они как раз специализировались на литературе по маркетингу, рекламе, впоследствии издавали профессиональные журналы, много переводной литературы... Как-то всерьез взялись за образование в этой области. С тех пор это эталон качества литературы по этим темам.

И буквально через пару дней работа пошла в типографию под названием «Реклама в социальном пространстве: социологические эссе».

В настоящее время в российских социально-исторических исследованиях все большее значение приобретают концепции и методы микроанализа, логически и эмпирически поддерживающего «большую историю». Дискуссии о соотношении двух этих подходов к восстановлению прошлого продолжаются и не закончатся в обозримом будущем. Но я думаю, что рассказанное Ларисой Федотовой — это *подарок*, примиряющий сторонников *микро* и приверженцев *макро*. Это сильная иллюстрация справедливости известного утверждения Джованни Леви: «Микроистория — это “не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях”».

Федотова Л. Н. «Уже хочется свою делянку обработать»

Лариса, есть очень много общего в наших научных интересах... изучение СМИ, анализ общественного мнения, реклама. Посмотрим, как это произошло... а сейчас мы обратимся к твоему прошлому, тому, что я называю предбиографией. Хотя это не всегда получается... что ты знаешь о своих родителях и более дальних предках?

Историческая память — и не моя, а моих родных, которые об этом рассказывали — упирается в 1861 год. Дед Константин Егорович (1879—1969) рассказывал, что они были крепостными и были освобождены по манифесту 1861 г.; в семье хранятся копии благодарственных писем за благотворительные взносы в Афонский монастырь (1892—1904 гг.) в адрес его отца, Егора Герасимовича, и дяди Федота Герасимовича Федотовых. Письма из монастыря — это отдельная история! Необыкновенной красоты почерки — за это время от разных людей. Пыталась опубликовать в журнале «Отечественные записки», но их это не заинтересовало... Хотела отдать в подворье Афонского монастыря в Москве, но они тоже не проявили интереса, послала в сам монастырь в Грецию, но они не ответили, может, где-то затерялось — там какой-то «кружной» адрес был....

А там идет такой текст: «Боговозлюбленнейшие Благотворители Соотечественники наши... Вот краткое и чистосердечное приветствие наше без сомнения...». Или: «Глубокопризнательная наша обитель за приятный долг поставляет себе поздравить Вас, как своих присных и достойнейших благодетелей с Новым годом». И так около двадцати страниц; в ответе описывают монастырскую жизнь... Да, не жалели тогда люди благодарственных слов за добро... Меня что-то даже в слезливый тон потянуло...

Перебирала все эти письма, и нашла упоминание, уже с дединых слов, что с 1916 по 1917 гг. он был в армии на фронте в Первую мировую войну.

Семья деда жила на хуторе (или, другими словами, на отрубях) и когда началась коллективизация, их подвергли «раскулачиванию» и выслали из с. Пятины Мордовской АССР в Сибирь в мае 1930 г. Это был дед, его жена и четверо их детей (в возрасте 16 лет, 8 лет, 5 лет и 2-х лет, трое более старших сестер были уже замужем и их это не коснулось). Отец деда, тот самый Егор Герасимович, которому были адресованы письма из монастыря, тоже поначалу был арестован и уже вывезен со всеми в райцентр к железной дороге, чтобы везти дальше, но был отпущен, по-видимому, по древности: он был уже очень старый и вскоре умер.

Старший сын Алексей (1912 — 2002) избежал высылки — в 1929 г. он уехал в Москву. Тем не менее, КГБ не оставляло его в покое — он рассказывал, что его несколько раз вызвали на Лубянку. По иронии судьбы, в Москве он жил в нескольких метрах от старого здания КГБ на Лубянке (бывш. проезд Серова, ныне Лубянский проезд). При этом он никогда не говорил о подробностях, только говорил, что это было слишком страшно, чтобы вспоминать (по воспоминаниям его сестры Анны).

Сначала семью деда отправили в Забайкалье, потом перевезли в Красноярск, где они размещались в лагере за колючей проволокой, под охраной. Лагерь размещался на правом берегу Енисея до моста (по которому и сейчас идут поезда). Из воспоминаний сестры отца восьмилетней Анны, — за проволокой было зеленая трава, а внутри уже все вытоптано, они тянулись к ней и пытались сорвать.

Когда отец возвращался с фронта за семьей, он видел, как высокие заборы этого лагеря разбирала техника.

Примерно через год они всем лагерем пешком (от Красноярска до Новой Еруды километров 250 по современной карте, по прямой до Пита 300 и до прииска 120, по гипотенузе, наверное, километров 250) отправились в Удере́йский район, по пути останавливались, мыли золото, медленно продвигаясь к Питу. Там все стали строить себе жилье — сначала землянки на 4–5 семей, потом избы. На Питу умер самый младший брат отца. Ему было два года.

Работоспособных стали распределять партиями на прииски. Бригада формировалась по 8–10 человек, бригадира выбирали сами. Отец в 17 лет стал бригадиром пятинской группы (бригада называлась «Заря»). Бригаде выдавали деньги за работу и по 8 кг. муки на человека, что потом вычиталось из зарплаты. Бригадир выдавал зарплату и отвозил намытое золото в банк (который был на Еруде). Мама, когда рассказывала об этом, всегда подчеркивала, чтобы мы прониклись: бригадир везет — золото — на лошади верхом — по тайге!!!! Это тебе не вестерн, а жизнь. Были времена, когда бригады разрастались до нескольких десятков... Причем это были не мальчики. А мальчик был один — бригадир.

Мама рассказывала, когда мы ее вопросами мучили, про детали. Вот память! А разговор был уже в начале нынешнего века. Может, и это кому будет интересно... Зарплата, исходя из выработки, составляла приблизительно 20 руб (золотом) для мужчины и 10 для женщины (в зависимости от времени года, от «удачи», от места добычи). Ее выдавали советскими деньгами (они назывались «совзнаки») или «бонами» — такие бумажные «портянки» (выражение мамы), где были напечатаны названия продуктов, вещей, все это на сумму зарплаты в рублях «золотом» (золотой рубль стоил 9.60 руб совзнаками — расчет производился один к десяти: булка хлеба стоила 1 руб. 80 коп., на золото — 18 коп.; сахар стоил 3 руб. 60 коп., на золото — 36 коп., шоколад — 18 руб., на золото 1 руб. 80 коп., масло сливочное — 18 руб., на золото 1 руб. 80 коп., швейная машина — 70 руб. золотом, одеяло шерстяное — 80 руб.). Продавец отрезал от «боны» кусок и наклеивал его на отчетную бумагу. Некоторые продукты отпускались только на «золото». После войны было много американских товаров: тушенка, кукурузное масло, кожаные пальто... В войну появились карточки — 800 грамм хлеба на рабочего, на детей и неработающих по 400 грамм. На тех, кто работал на добыче золота, карточки не распространялись. Иногда на праздники уговаривали идти работать и платили по 5 руб «золотом».

На Еруде дед с одним мужчиной построили дом на две семьи. Зимой 1934 г. умерла бабушка, ей было 53 года.

Молодые мужчины, и отец в том числе, мыли золото в шурфах, постепенно туда завозили технику, строили жилье и здание администрации.

В 1936–37 гг. туда уже из России, из Пятины, поехали все на заработки. В это время там всю осуществлялась коллективизация. Родственники и односельчане решили податься в Сибирь. Туда же со своей семьей приехала и мама

(у ее отца и матери было всего семеро дочерей). Добирались из Пятины до Еруды месяц. Потом отец и мама поженились. Там мы с сестрой и родились. У меня и у нее в паспорте — место рождения — прииск Н-Еруда.

Когда началась война, всех мужчин стали партиями отправлять на фронт. Отца сначала оставили по брони, отправили в трудовой лагерь пилить дрова, в августе 1942 г. отправили в Омск, где шло обучение, затем он был направлен в лейтенантскую школу на 6 месяцев и затем — на фронт. В августе 1946 г. он был демобилизован из Венгрии (Будапешт).

Когда в начале 2005 г. в прессе прошла информация, что в Красноярске собираются ставить памятник Сталину, я послала в адрес администрации края такое письмо:

«Уважаемый губернатор г-н Хлопонин!

Прошу изыскать возможность присоединить мое письмо к числу протестующих против установления в г. Красноярске памятника Сталину. Мои данные: Федотова Лариса Николаевна (паспорт).

Думаю, что могу также сказать то же самое от имени моего отца (умершего в 1993 г. в Джамбуле), поскольку помню о его отношении к Сталину. Отец (в 14 лет) был одним из членов семьи моего деда Федотова Константина Егоровича, сосланного в Ваш край на Новую Еруду.

Прошу также включить в этот список Федотова Ивана Константиновича, который был сослан с той же семьей в 2-летнем возрасте и умер на Питу через год.

Господин Хлопонин! Ваш край сейчас занимает, по-видимому, третье место по числу репрессированных и сосланных туда (после Колымы и Магаданского края). Если Вы разрешите поставить памятник Сталину, Ваш край займет первое место в этом ряду, желающие сделать такое еще есть. Ведь точно так же, как живы еще родственники репрессированных, живы еще и родственники охранников».

Через некоторое время мне ответили из Комитета администрации Красноярского края по делам национальностей, религий и общественных объединений: «На Ваше обращение к губернатору Красноярского края А. Г. Хлопонину сообщаем следующее. Принимая во внимание неоднозначную оценку населением края деятельности И. В. Сталина, принято решение памятник ему не устанавливать. Ваше письмо направлено для информации руководителям Красноярского общества «Мемориал» (ответ от 24.05.2005).

В этом году все внуки и правнуки восстанавливали даты фронтовой биографии отца — в школах просили эти сведения для стенгазет, для празднования 70-летия Дня Победы, привожу то, что у меня в архиве, в военном билете Николая Константиновича Федотова:

08.1942 г. по 03.1943 — красноармеец, Сибирский военный округ г. Омск
03. 1943 по 07. 1943 — красноармеец, 776 стр. полк 62 гв. дивизия
07. 1943 по 08. 1943 — на излечении по ранению — госпиталь г. Золочево
08. 1943 по 12. 1943 — курсант 214 стр. дивизии 53 армии
12. 1943 по 01. 1944 — командир взвода 214 стр. дивизии 53 армии
01.1944 по 03. 1944 — на излечении по ранению, госпиталь г. Кировограда

03. 1944 по 05.1944 — на излечении по ранению, госпиталь г. Балта
05.1944 по 12. 1944 — командир роты 25 гв. стр. дивизии 767 стр. полк
12.1944 по 03.1945 — на излечении по ранению, госпиталь г. Сальнок
03.1945 по 06.1946 — ком.отд. взв. ПТР 67 отд. батальона охраны
10. 1946 — уволен в запас в звании гвардии лейтенант

Награды:

Орден Красная Звезда 6.06 1944 г.

Медаль За победу над Германией в ВОВ 1941–1945 — 9.05.1945 г.

Не могу не привести два папиных рассказа. Вообще он практически ничего о войне кроме этого не рассказывал. Но видно было, что это впечаталось в мозг. Очень коротко — самое страшное: бомбежки ... Вот это все сейчас не опишешь, визг бомб; самое лучшее было укрыться в уже образовавшуюся воронку и вжаться в нее всем телом... Это, конечно, уже мои слова, но я просто хочу сказать, что он неоднократно к этому сюжету возвращался.... А второй рассказ — они атаковали, чтобы завоевать плацдарм у реки. Это, наверное, было где-то на Украине... И когда атака закончилась, они сбросили шинели и стали умываться. И вот тут наступает апогей в папином рассказе — он говорит, что шинель шевелилась от... вшей. Мама всегда (!!!) в этом месте недоверчиво хмыкала, а папа сердился... Я помню этот рассказ — он рассказывал его неоднократно. Где-то я читала, что эти существа размножаются с невиданной скоростью именно в стрессовой ситуации носителя... Но поди проверь! Но это ощущение ужаса атаки!!!

После фронта мы переехали в г. Джамбул (тогда областной центр Казахской ССР). Папин командир туда уехал...

В Джамбуле отец работал служащим (такая раньше графа была во всех анкетах) в управлении коммунального хозяйства, а потом в ДОСААФ. Знаешь такую организацию? Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту. Я туда в последние годы школы в стрелковую секцию ходила...

Мама — домохозяйка, 4 класса образования. Дочь моя вспоминает, как она лихо складывала и умножала цифры. А сама мама, смеясь, рассказывала, что дед (он жил в нашей семье) и отец ни одного гвоздя не забивали, не посоветовавшись с ней...А ведь дед, как он сам неоднократно рассказывал с гордостью, за свою жизнь три дома построил: на отрубках, на приiske и в Джамбуле... И тут, что называется, и «мы пахали». Вот ты не знаешь, как делаются саманные кирпичи? Ты думаешь, на дом кто-нибудь покупал кирпичи? Тогда у каждого дома было свое производство. Привозят глину и песок и немного соломы. Делают замес, очень тяжелая работа, только для взрослых. Потом берут формовочный станок, это сколоченная форма — цельная доска внизу, две плашки в длину двух кирпичей (по длине, а не по ширине) по бокам, и плашки по краям и в середине. С боков две ручки, чтобы форму поднимать.. Я так понимаю, что мы с сестрой были на подхвате: надо было намочить форму внутри, чтобы смесь не пристала, потом набить форму смесью, оттащить на свободное место — тут уже без нас, или мы вдвоем за эти ручки — перевернуть, смесь в форме двух кирпичей ложится рядками... Через пару дней — стоит жара — кирпичи переворачивают, и так несколько раз...

Не могу не сказать (может, не совсем подходящее место), какие красивые это были люди. Сейчас смотрю на фото — старший, Алексей... Какое там Кларк Гейбл? А папины фото, лейтенантские... Дед на фото стоит у меня на книжной полке — тип Льва Толстого с окладистой бородой, но только в скулах чуть пошире... Мамины сестры... Одна из них, Александра, которая на лесозаготовках на Еруде надорвала себе все, что только можно было, — тип Орловой, но гораздо тоньше и одухотвореннее...

В Джамбуле я и школу закончила — школу имени А. С. Пушкина. Сейчас она другое имя носит...

В школе учили и учились представители разных национальностей (узбечка, казах, кореец, ингуш — красивый мальчик, в которого были влюблены, кажется, все девочки из двух параллельных классов, — интересно, как он там появился?), не помню, чтобы кто-то акцентировал на этом внимание... Почему осталось именно такое ощущение? Помнится, что когда я уже поступила на факультет, меня резануло, что кто-то на ушко как главную определяющую суть сокурсника шепнул: «А она еврейка».

Но позднее, уже в 90-ые, многое изменилось. И никто лучше не объяснил причинно-следственную связь между событиями, как моя соседка (она жила через два дома от нас, а я продолжала приезжать туда к родителям — моя дочь вообще все свое детство каждое лето там проводила). До этого мы всю жизнь парой слов обменивались, на бегу. Ей к тому времени уже под девяносто было. И вот она один раз мне рассказала историю, которая сейчас во мне, как рассказы отца о бомбежках. Как-то я пыталась пересказать это коллегам — закончить не могла, так перехватило горло... А у нее это было все лишь несколько слов: «Разве они могут простить нам? В тридцатые людей привозили из аулов сотнями, они лежали вповалку на Мучном базаре (я еще помню — в самом центре Джамбула был такой большой пригород, где размещался базар, потом его срыли и оборудовали площадь с большими домами, сквером и фонтанами —ЛФ). Время от времени в колоды рядом с конной привязью (знаешь, такие деревянные, выдолбленные внутри, куда воду для коней и верблюдов наливали —ЛФ) наливали какое-то варево и эти люди ползли туда».

Найдется ли сейчас кинематографист, который воспроизведет все это?

Я и сейчас редко, но все же бываю в своем родном городе. Жива наша учительница английского языка, наша классная руководительница Диляра Измайловна Мусина, там живет много моих одноклассников...

Школу закончила с золотой медалью. И так как собиралась поступать на факультет журналистики МГУ (а туда нужен был 2-летний стаж работы по профессии) пошла работать в Джамбулский радиокомитет. Это была настоящая журналистская работа — корреспондентом, репортером, редактором, курьером, который каждый день перед эфиром (он был вечером) возил папку с материалами для эфира в лито — так назывался цензурный комитет. Такие мы были многостаночники... До сих пор где-то лежат странички с репортажем в день, когда Гагарин полетел в космос. И еще сохранила репортаж с прибытием первого прямого поезда из Москвы: уж очень гордилась заголовком — «Пять минут по московскому времени».

Ты могла бы рассказать, как, почему девушка в Джамбуле — казахском городе с давней историей, но тогда — провинциальном (извини — областном центре — ЛФ)

— загорелась желанием стать журналисткой? Увлеклась историей и литературой, писала в школьную газету, встретила с кем-либо из профессиональных журналистов..?

Скорее первое и второе. У нас были очень хорошие учителя. Историю и литературу (ты правильно их выделил) у нас вела супружеская пара из Ленинграда — Циммерманы (можно только догадываться, как они там очутились). Я уже задним числом отдаю должное их потрясающей русской речи — а по содержанию просто классика жанра, глубина, обстоятельность. А наша Дилера Измайловна, «англичанка», будучи одновременно и классным руководителем, давала нам общее культурологическое образование. Мы вспоминаем какие-то репродукции из «Огонька», которые она приносила и показывала, рассказы о музеях, биографии художников, композиторов (и все это вне обязательных уроков). И вообще не забывай — золотая медаль тогда что-то значила... Их было одна-две на школу... Сестра закончила школу с серебряной медалью двумя годами раньше и сразу поступила в медицинский.

А когда я уже стала работать, меня обязали ходить на курсы политпросвета при горкоме партии (я так понимаю сейчас, что была разнарядка — сколько послать от организации, а тут молодой кадр...). Ни секунды не жалею об этом. Во-первых, пришлось многое прочитать, и как говорят семиотики, специфический язык был уже освоен. На первом-втором курсах в университете у нас же были политэкономия, истмат...

Ну и гены... Родители были, а ты должен был это почувствовать по моему рассказу, очень способными, с задатками лидерства. И хотя я сейчас понимаю, что вся семья несла на себе определенную «социальную отметину», мы-то по своим ощущениям ее не имели (хотя, может быть, позднее, почти на подсознательном уровне)... И по другим источникам известно, что в семьях никогда детям не рассказывали всего, оберегая их... Уже ближе к окончанию школы такие разговоры возникали, но только как фактология...

Похоже, ты очень высоко оценивала свои знания, если задумала поступать на факультет журналистики МГУ...

Так и есть. Расскажу тебе одну историю, которая имеет какой-то фрейдовский подтекст. Жили же очень бедно. И я отчетливо помню, что в первый-второй класс я ходила с матерчатой сумкой, сшитой мамой, не с портфелем (а сестра, значит, года четыре). Не то, чтобы меня это заботило, тогда практически все так ходили, но где-то в подсознании, наверное, что-то отложилось... И вот уже, когда я работала, ближе к окончанию стажа, я увидела в магазине потрясающий гэдэровский белый портфель. Я так понимаю сейчас, недешевый. Я его купила — на свои кровные, заработанные (а тогда помимо зарплаты платили гонорар — а у меня, цитируя классика, «ни дня без строчки»; в общем, это было подспорье для семейного бюджета; папа со своей «служащей» зарплатой тянул еще четырех едоков — дед жил с нами). И вот я поехала поступать уже с этим портфелем, даже не подумала оставить его дома...

Потом я лет двадцать с ним ходила, уже после аспирантуры, уже работая...

Конечно, самонадеянность тут присутствовала... Помнится, на одном занятии по репортажу, кажется, (об университетских учителях, наверное, у нас будет особый разговор) сделала какую-то работу... А преподаватель (В. Н. Ярошенко)

жестко раскритиковал ее.. Я что-то такое пробормотала, дескать, мы на своем облрадио всегда так делали... А он говорит, «вот-вот, типичный провинциальный уровень»...

Золотая медаль тогда давала право на поступление без экзаменов или собеседование по профессии было? До поездки для поступления в МГУ ты бывала в Москве? Как, чем тебя встретил город? Ведь там все иное, чем в Дамбуре...

Права такого не было, но какой-то вес — несомненно. Главное было хорошо сдать экзамены и представить характеристику с места работы. А у меня еще столько опубликованного было, то, что сейчас называется портфолио.

Бывала, после 8-го класса... Много ходила по городу, снимала, мне тогда после 8-го класса «ФЭД-2» купили... Фото были черно-белые и практически ничего не сохранилось, они через пару десятилетий выцвели...

Пожалуйста, напиши, как ты вживалась в студенческую жизнь....

Мы жили в общежитии, перед поступлением на Стромынке, потом на Ленгорах в основном здании...Стромынка — старое здание, такой клоповник. Тараканы ходили пешком... Готовились, сдавали экзамены, ничего больше не запомнилось. Но когда поступили, жили по-царски. Правда, сначала, на полгода, нас подселили к пятикурсникам на раскладушку, а потом жили по двое, а на пятом курсе и в аспирантуре уже по одиночке... Общежитийское существование нас как-то объединяло. Вот это — с одной стороны москвичи, а с другой — общежитийские, было некоторым разделением, а так тусовались по группам (только тогда этого слова не было)...

В каком году ты поступила в МГУ? Что за время было на дворе? «Современник», «Таганка»?

В 1961 г.

Наверное, сейчас можно сказать, что это было самое начало оттепели. Но самое интересное, что повесть И. Эренбурга, который подарил нам это понятие, написан в 1954 г. — такое впечатление, что он его как из сейфа вынул — знаешь, как в сейфах хранятся некрологи на самых известных — раз, и вынул... Я пробежала его сейчас, взяв с полки — скромная по размерам повесть, но там все заявки на предстоящие изменения (кроме гласности): и намек на усталость от соцреализма в литературе, в живописи (но борьба Хрущева с абстракционизмом еще впереди), и необходимость социальных программ (строительства жилья, а не только промышленных цехов) и намек на «врагов народа», родственники которых живут за границей (попытались «съесть» на этом основании человека — ан, уже другое время на дворе, и даже уже письма от этих родственников приходят), и намек на еврейское происхождение врача-женщины, но и она личное счастье по сюжету находит, и как о войне надо писать, и многое другое... Для каждой из этих тем было отмерено свое время.

Клапан никто не собирался сразу открывать; сталинщина лишь была названа (и уж точно идея необходимости Воркутинского — или Магаданского? — трибунала не артикулировалась), а пострадавшим хотелось выговориться...

И пошел самиздат...И чтение его уже было социальной акцией. Хочешь, расскажу, как это было? Наша преподавательница — мы с ней были одной группы крови — звонит вечером: «П...те». Я к часам восьми утра приезжаю

(она жила в центре) в ее коммунальную квартиру: комната большая, где они вчетвером жили (еще мать и сын). Точно было около восьми — муж собирался на работу, сына одевали к садику. Я сажусь в большое кресло спиной к эркеру — источнику света... Уже не помню, что это было — «Раковый корпус», скорее всего — и буквально не вставая, прочитываю его часам к семи вечера (я всегда очень быстро читала). Уже сына привели из сада, муж пришел с работы. По ходу дела, ее мама мне какой-то суп наливала... В общежитие это брать нельзя было... Даже в конце 70-ых одного нашего однокурсника выгнали из «Медицинской газеты», найдя у него в столе «Мастера и Маргариту».

Я долго искала слово — вот слово *выговориться* годится.

Возьми театр, мы тогда туда ходили чаще, наверное, чем в кино: «Современник»: представляешь реакцию зала на «Голого короля» Шварца? Смотрю по своему дневнику: конечно, почти весь репертуар посмотрела («Четвертый» Симонова, «Пятая колонна» Хемингуэя — надо же, совершенно не помню, о чем, надо бы сейчас разыскать...); «Дракон», «Двое на качелях», «Карьера Артура Уи» — это уже в Студенческом театре МГУ; на 4-ом курсе уже пошла Таганка, начиная с «Доброго человека из Сезуана»...

Наверное, и тут вот эта идея «не-так-как-раньше», происходит что-то неразрешаемое (театральная студенческая масса гудела от этих рассказов, с каким трудом спектакли пробивались на сцену), отчасти даже анти — превалировала...

Поэзия — сейчас уже все описали этот бум, который переживала поэзия в то время. Но я хотела бы подчеркнуть, что не просто поэзия, а авторская поэтическая презентация в публичном пространстве. У нас на факультете тогда побывали, кажется, все, известные сегодня по их книгам: Вознесенский — неоднократно (я долгое время не могла заставить себя покупать его книги — настолько автор сливался в сознании только с его голосом); Окуджава, Евтушенко, Мориц, Межелайтис, Матвеева... (иногда еще удавалось попасть в ЦДЛ — Дом литераторов, и один раз — в Политехнический). А что это было по существу? Конечно, личностное, иногда интимное, то, что раньше не допускалось проговаривать вслух, описывать (недаром Эренбург эту линию ввел в свою повесть), тогда это знаменитое «любовь не вздохи на скамейке» цитировалось не меньше, чем «У нас секса нет!», прозвучавшее на весь мир уже в 1986 г. Плюс то, почему Хрущев обрушился на Вознесенского уже с высокой партийной трибуны, не так просто это обозначить — право на голос? на индивидуальное мнение?

Анекдоты — ты знаешь и, наверное, писал об этом, что Борис Андреевич Грушин собирал их. И делал это как специалист по массовому сознанию. Еще один шаг и мы выйдем на исследования общественного мнения. Идея уже витала в воздухе. Но об этом у нас, я так понимаю, разговор впереди... На одной из конференций прошла информация, что есть такая книга «Анекдоты 20-ых годов в СССР», но никак руки не дойдут....

Кино. Во-первых, я киноманка, это объясняет отчасти, как много я смотрела в то время кино. Но и было, что смотреть. Тогда, в мое студенческо-аспирантское время в Москве существовали киноклубы, где помимо лекции всегда были просмотры зарубежных фильмов. Каждый раз это было два фильма и лекция. Я ходила в три киноклуба. Один был при кинотеатре «Ударник», другой — позднее — при «Иллюзионе» и в нашем клубе на Горах, в главном здании МГУ... А каждые два года летом был Международный Московский кинофестиваль.

Привозили массу фильмов. Сколько же было просмотрено! Просмотр — это два фильма. Абсолютный рекорд у меня: утром в 7 в «Ударнике» два фильма, потом два фильма в «Художественном», и вечером, если удавалось попасть — два фильма в ЦДЛ. Ну тогда уже держись за стеночку...

Но речь, конечно, не о количестве... На экране была другая реальность, она расходилась с тем клише, которое насаждалась нашей пропагандой... Я сегодня как раз сдала тезисы на конференцию, не знаю, примут ли их, я там использую данные слишком уж давнишних исследований, но они мне дороги. Приведу эти два абзаца, которые, что называется, как рояль в кустах:

«Мы в свое время много анализировали Центральное советское телевидение с точки зрения того, как освещаются эти страны с точки зрения тематики информации о них (см.: Федотова Л. Н. Массовая информация: стратегия производства и тактика потребления. М.: Издательство Московского университета. 1996). ЦТ интересовалось другими странами, прежде всего как политическими, государственными структурами, и лишь в последнюю очередь как структурами экономическими и социальными. Это были развитые страны, развивающиеся, и, как тогда говорили, слаборазвитые; или еще одно деление — страны НАТО, страны соцлагеря, страны с социалистической ориентацией в своем развитии. Уже само деление предопределяло и отбор информации об этих странах, и объем информации, и знак освещения событий».

Такая тенденция была зафиксирована советскими социологами много лет назад. Есть возможность сослаться на самые ранние эмпирические исследования по этой проблематике, относящиеся к 1967—1969 гг., в рамках социологического проекта «Общественное мнение» (руководитель Б. А. Грушин).

Так, контент-анализ прессы, радио и телевидения, доступных населению в среднем городе СССР, зафиксировал, что при общем объеме внимания к капиталистическим странам, составляющем от 1 до 6% в разных каналах, они подавались в основном как политические организмы. Редкие случаи социальной информации касались преимущественно различных социальных аномалий. Характеристика системы хозяйства капиталистических стран, благосостояния народа, системы демократии, системы идеологии, условий для развития личности в 95% случаев была негативной. Не случайно проведенный в рамках этого же проекта опрос общественного мнения среднего советского города (Грушин и др., 1967) зафиксировал неудовлетворенный интерес жителей города именно к социальной информации (ответы на вопрос «Какие стороны жизни страны вызывают желание получить более полную информацию?»). Когда речь заходила о США, на первом месте было желание больше узнать о быте и нравах населения (указано 67% опрошенных), промышленности (64%), жизни молодежи (55%)».

Конечно, время, зафиксированное в вышеприведенных исследованиях, чуть более позднее, но парой десятилетий назад все было в этом смысле еще более прямолинейным, еще более выструганным...

И зарубежные фильмы, не массовые, а фестивальные, киноклубные, были в буквальном смысле окном в большой мир.

Позднее, уже в Таганрогском проекте в одном из опросов населения этого города задавался вопрос «Из каких источников информации вы черпаете сведения о жизни зарубежных стран?» (репрезентативный опрос населения г. Таганрога, 1967 г.). Из двадцати семи возможных источников первые четыре позиции занимали такие:

Газеты/журналы, издающиеся в СССР — 91

Радио СССР — 88

Телевидение СССР — 85

Зарубежные художественные фильмы — 72

Они давали возможность сравнивать, и это еще одна характеристика ситуации. Можно отдельно упомянуть их фильмы о войне; мы начинали понимать, что мир так же, как и мы, воевал с фашистской Германией. Но может быть, самое существенное — они воссоздавали новый тип человека, он и для мира был новым, а уж для нас тем более — сложного, рефлексизирующего...

Если говорить о советском кинематографе, то, конечно, и для него началась новая эпоха. Один фильм начинается с кадров, как дети сажают деревья, и кто-то забивает табличку в землю — на ней одна дата «1953 г.». Здесь все многозначно (нам сейчас кажется, что уж слишком прямолинейно, но тогда это было как музыка для сердца): да, дети, им расти после этого 1953 года, они будут выращивать этот сад, за ними будущее... После 1953 г. начинается новая жизнь...

Приведу два примера. На встрече со студентами Михаил Ромм представлял свой новый фильм «Девять дней одного года» (к нам очень часто приходили кинематографисты, Сергей Герасимов читал вслух свой сценарий «Сад и весна» к фильму «Журналист», приезжал Алексей Баталов, Григорий Чухрай, А. Митта). И он сказал (точно, сразу записала): «Давайте обсуждать не картину, а людей в ней». Странно для художника, правда? Но это был Ромм, который сделал фильм «Обыкновенный фашизм». Для него сейчас важнее важного были социальные проблемы, я так думаю. Уже надо было думать о природе фашизма, о природе авторитаризма. Недавно его показали у нас по телевидению, звучал очень актуально... А здесь тоже — новые герои для нового времени...

1964. г. Вышел на экран фильм Г. Козинцева «Гамлет». Понятно, «распалась связь времен». Проблема на века. Обсуждение на киноклубе. Право человека на месть — есть? Каждая эпоха выражает через Гамлета свой идеал... Я пишу дома в дневнике: «Прошло наивное время, когда вершит суд далекий Олимп. Самому приходится соединять «распавшуюся связь времен». Имеет ли он право бороться против порядка, насильно внедренного? Он утверждает себя как личность, эти проблемы — вечны, это проблемы, которые вечно будут нужны всем... Но главное — это человек Сомневающийся».

Похоже, учиться тебе было некогда. И все же, Лариса, поговорим и об этом... определенный журналистский опыт ты имела, какие предметы тебя заинтересовали в первую очередь? Когда у вас начиналась журналистская практика?

Однако, ты меня подколол... Ошибаешься... День начинался именно с этого. И это была учеба, всему и вся... Предметы вели преподаватели, первые в своем деле. Русская литература — А. В. Западов, у него много книг, в т.ч. по русской литературе и журналистике 18 века. Зарубежная литература — Е. П. Кучборская,

легенда журфака; Ю. Ф. Шведов, один из немногих шекспироведов в нашей стране, читал время Шекспира... В. А. Архипов, П. Николаев — литература XIX века.. Русский преподавала Л. И. Рахманова, автор многих учебников...

Конечно, были сюжеты, о которых можно было бы говорить со злым сарказмом, но это уже другая история, и другие участники.

Чтобы сразу все расставить по своим местам: я закончила факультет с красным дипломом... Когда Б. А. Грушин ругал что-то в документах, в текстах (а он иногда возвращал на переделку текст до пяти раз и оставлял очень язвительные замечания на полях), а я обижалась, он иронично высказывался: «Ааааа, комплекс отличницы!». Но иногда он так ругал, что было приятно... Долго хранила листок с текстом, где на полях было написано им: «Очень плохо! Особенно для ЛФ!».

Специализация — я же была в группе радио — началась с первого курса. Занятия у нас проводили очень известные в то время журналисты: информационные жанры вел Г. И. Зубков, который долгое время перед этим был собкором во Франции (он потом руководил моим дипломом); аналитические/публицистические вел Б. М. Хессин (руководитель отдела драматургических передач Гостелерадио, может, помнишь, выпускался тогда аудиожурнал со сброшюрованными виниловыми пластинками — это его детище: очень новаторское журналистское творчество). У нас преподавали А. Я. Юровский, В. Н. Ружников, позднее мэтры отечественной истории и теории телевидения и радио.

Мы готовили для разборов всякие передачи... Вспоминаю, ну и наглые же мы были: никаких комплексов! Я помню, разыскала телефон Н. Карацупы, был такой известный герой-пограничник, и попросила об интервью... И что интересно, он очень мило, запросто общался... На днях в «Независимой газете» был размещен его снимок со знаменитой собакой-ищейкой...

Один только раз случился облом — узнала я адрес писателя-фантаста Ивана Ефремова и заявила без звонка. Открывшая дверь женщина сказала, что он болен, и отчитала меня, что я не позвонила заранее... Вот так мы и учились — на ошибках.

Но у нас за время учебы были и практики, т.е. реальная работа в редакциях. Часть наших разъезжалась летом по городам и весям... А некоторые участвовали в так называемых выездных редакциях: дважды на целине и один раз — в Новокузнецке, на комсомольской стройке, в период пуска домны на металлургическом комбинате. Оттуда наша группа пересылала материалы в адрес всесоюзной передачи «Юность». Много проходило в эфир: комсомольская стройка — это была тогда знаковая ситуация. А на целине мы работали в Целинограде на областном радио. Там у нас были «наставники» высшей пробы: Полячек М., позднее он работал в «Собеседнике» в Москве, и В. В. Дроздов. Он казался нам аксакалом, хотя, наверное, было ему тогда, наверное, не больше 60-ти... По отрывочным словам можно было понять, что он в начале 30-ых жил, если я не ошибаюсь, в Харбине и рассказывал, что был отмечен Пулитцеровской премией за то, что первым написал о каком-то передвижении войск...

Уже по возвращении в Москву я получила «заказ» от них — для целинного радио сделать интервью с последней секретаршей Ленина — Еленой Дмитриевной Стасовой. Она жила в том самом «Доме на набережной», где «Ударник». Я предварительно созвонилась с ней и в один прекрасный день приехала. Она была наряд-

ная, приодетая, на шее бусы, седые уложенные букли, очень высокая, и очень удивилась, так как думала, что ее будут снимать для телевидения. И опять — целина тогда была магическим словом — очень любезно проговорила какие-то дежурные поздравительные слова... И я даже не подумала воспользоваться случаем, чтобы спросить что-то, выбивающееся из этого трафаретного жанра: наверное, все-таки не было во мне этакое журналистского куража. Да я и сейчас не знаю, что бы такое мне хотелось узнать у нее... Я потом отослала эту пленку в Целиноград и даже себе копии не оставила...

Не могу не сказать вот еще о чем. Тогда была практика ходить на лекции к ведущим ученым, интересным лекторам на другие факультеты и даже в другие вузы.

Вспоминаю, что вся гуманитарная студенческая Москва рвалась на лекции С.Аверинцева. Молодой ученый, только что получивший премию Ленинского комсомола за вклад в науку... Я побывала у него на лекции только раз — просто толпа, не прорешься, это было на старой площадке РГГУ, на Никольской. С ним связана забавная история, я ее даже студентам потом воспроизводила. Молодая журналистка Центрального телевидения берет у него интервью, спрашивает что-то про его работу, а затем: «А какие телевизионные передачи вам нравятся?». А он отвечает: «Я не смотрю телевизор». Надо было видеть ее лицо, изумленное до крайности! А вот лекции А. Н. Леонтьева-старшего, основоположника династии Леонтьевых-психологов, по общей психологии я прослушала в течение семестра. Психфак тогда размещался на задах нынешней новой гостиницы «Националь», в трехстах метрах от нашего факультета. Это была уже новая тематика и потрясающая аура порождения научного текста на твоих глазах. Ты ощущал этот процесс почти физически.

Скажу еще о лекциях Турбина В. Н. Желающие могут найти его статьи в журнале «Молодая гвардия» тех лет (60-ые годы). Но статьи дают представление лишь о фрагменте того, о чем он говорил на лекциях, очень популярных. Мы тогда еще располагались в левом крыле старого здания МГУ (где стоят Герцен и Огарев — кстати, никогда не задумывалась: ближе к Герцену или Огареву?), а под лекции Турбина отдавалась большая аудитория на третьем этаже в здании за спиной сидящего Ломоносова. Набивалась битком. Это было абсолютно новое прочтение литературной классики, и если бы в этом не было налета вульгарности, я бы сказала, что это было в духе некоторой социологизации литературного процесса. Но статьи дают представление (даже в большей степени, чем лекции) о каком-то задиристом характере автора. Он-то понимал, что он из ниспровергателей...

Безусловно, тебе есть, что вспоминать, очень интересно, я зачитывался Турбиным... может, теперь о лекциях Ю. А. Левады? А потом вернемся к собственно хронологии жизни...

Дай только «проститься» с моим курсом — потому что мои «социологические» университеты начались в аспирантуре.

Курс удивительный, с него началась новая практика — на факультет стали принимать после двух лет стажа по специальности... Народ с очень сильной профессиональной мотивацией. Многие потом связали свою судьбу с журналистикой (Л.Бекина — Швецова всю жизнь проработала на радио, вошла в его

отечественную историю). Некоторые стали политиками, общественными деятелями, депутатами (Борщев В., Иваненко В., Костиков В.); некоторые ушли в образование (Березин В., Фомичева И. — сейчас доктора наук, профессора, Горчева А., Пшеничый Г. — кандидаты наук, и др.).

На пятом курсе (5 декабря 1965 г. — тоже юбилей грядет) несколько сокурсников приняли участие в манифестации на Пушкинской площади, которая содержала требование гласности суда над Синявским и Даниэлем, а также освобождению из психбольниц нескольких молодых людей, помещённых туда в связи с участием в подготовке этой манифестации (см. сборник о тех событиях «5 декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, мемориалах самиздата, публикациях зарубежной прессы и в документах партийных и комсомольских организаций и записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС». М.: Общество «Мемориал» — Издательство «Звенья». 2005). Сегодня некоторые правозащитники считают это событие началом правозащитного движения в России.

До сих пор продолжаем общаться, раза два-три в год обязательно встречаемся (обычно человек 12–15 приходит). Мало становится уже тех, кто тебя на «ты» может назвать. Это сильное цементирующее чувство. В 2016 г. будет ровно 50, как мы закончили... Талантливые, умные, состоявшиеся люди; пишут книги и публикуют стихи, многие по-прежнему в журналистике... Постоянные мои «выручалочки» — Вика Сагалова и Люся Щемелева. В любое время дня и ночи могу позвонить им, и спросить, удачно ли то или другое выражение, кто автор таких-то стихов, правильный ли перевод английского слова... Блестящие редакторы с тонким языковым чутьем...

По проблематике рекламы сейчас уже с дочерью советуюсь. Она в этой сфере работает. Подрастает молодая умненькая поросль. Свою старшую внучку я впервые процитировала, когда ей было 9 лет (можешь проверить, в 4-ом издании «Социологии массовой коммуникации» (М.: 2009. С. 123) я пишу о характеристиках содержания массовой коммуникации и даю сноску: «Моя внучка, делая рукописную газету, назвала ее «Все про все»). Как-то советуюсь с ней, не следует ли мне перейти на другую работу — было предложение. И она отвечает: «Главное, чтобы тебе там нравилось, и чтобы ты нравилась людям, которые там работают». Ну хоть в мраморе высекай! А ей было в то время не более одиннадцати... Младшего внука тоже постараюсь процитировать в следующем издании учебника по рекламе. Мы вот говорим об особом восприятии рекламы детьми. А это реальный случай — идет по телевидению массированная реклама, как жираф откусывает от радуги, и получаются разноцветные драже. И пятилетний внук спрашивает: «А радуга вкусная?». Что было ему ответить? Придется напрячься и вставить в учебник соответствующий пассаж...

Когда мы были на третьем курсе, зам. декана, а вскоре деканом, стал Ясен Николаевич Засурский. С тех пор все Дни встречи выпускников — с ним.

С первого года мы окунулись в социологию. Группа наших аспирантов (И. Д. Фомичева, И. Н. Тхагушев, А. А. Ширяева, чуть позднее студенты-вечерники Е. Я. Таршис и А. В. Жаворонков) стали членами Таганрогского проекта, который возглавлял Борис Андреевич Грушин. Его ближайшими сподвижниками были, когда мы присоединились к коллективу, В. Я. Нейгольдберг (историк по образованию, в 1971 г. Виктор Яковлевич издал тонюсенькую книжечку про

начало Отечественной войны, а кажется, все там сказал, по крайней мере, многие из тех проблем, по поводу которых мы сейчас рефлекслируем, обозначены уже там: см. В. Горов. *Перед грозой*. М.: Политиздат, 1971), Я. С. Капелюш, В. В. Сазонов. Это был огромный коллектив, который собирался на методические семинары по пятницам, поэтому, когда наступила пора опубликовать наработанное — родилась идея назвать сборники «47 пятниц». Идея Грушина состояла в том, чтобы проанализировать информационную политику в нашей стране, как в плане деятельности по производству этой информации (контент информационных источников, каналов политпросвета, анализ собраний трудящихся, опросы журналистов), так и в плане характеристик массового сознания, как приемника этой информации (письма населения в СМИ, депутатам, исследования аудитории прессы, анализ приемов населения депутатами, опросы населения по разной проблематике, психолингвистические семиотических языков разных групп населения и т. п.). Всего было осуществлено около 70 таких исследований или процедур, по терминологии проекта. Программы и методы каждого из исследований обсуждались на семинарах. Это был не ликбез для нас, а вполне себе Высшие курсы по социологии.

Каждый из нас, факультетских, брал на себя такую процедуру, которая была бы «диссертательной» в рамках специализации факультета. С этими темами мы позднее и защитились.

Года на полтора нас опережала Алла Верховская, она работала с письмами в газету на эмпирической базе Института общественного мнения при «Комсомольской правде». Она и защищалась раньше нас всех. Это была первая диссертация по социологической проблематике на нашем факультете. На защите произошел забавный казус. Защита проходила в полукруглой аудитории (кажется, это была аудитория №1). В углублении стоит стол президиума и на очень близком расстоянии начинаются ряды столов и стульев с присутствующими. На первом сидим мы, главные болельщики и коллеги. Пока автор говорит о содержании, у меня родилась идея, я говорю, давайте пустим по рядам список присутствующих, пусть для Аллы это будет такой сувенир. И вот я (ну не могла же я выбросить этот листок!) вижу на страничке руку Иры Фомичевой: «Товарищи! Просим написать на этом листке свою фамилию и название организации, которую вы представляете (если это не секрет). Оргкомиссия». Ира записывает Тхагушева, себя, передает листок мне, я себя записываю, и передаю листок соседу справа — человек незнакомый... Я к нему наклоняюсь и шепотом говорю: «Мы готовим сюрприз для автора, хотим потом подарить наши автографы...». Он что-то пишет и передает листок Алле Ширяевой. И вот она, думая, что то, что она прочитала, как бы мы сейчас сказали, фейк, пишет: «Ширяева. Домоуправление № 81». А то, что она прочитала, было: «Шабад, Т. Я. американская газета Нью Йорк Таймс».

Листок вернулся ко мне и я шепотом спрашиваю у своих, что делать, может, предупредить Ясена Николаевича? Дело в том, что рядом с ЯН сидел наш профессор М., который был известен тем, что каждому защищающемуся он задавал пять-семь вопросов, всякий раз ну ооочень интересных, и сейчас он очень внимательно читал автореферат. Думаю: теперь наш Совет станет известным всему миру... Пишу записку ЯН: «Ясен Николаевич, у нас гость — напротив Вас Шабад из Нью Йорк Таймс... Может, предупредить профессора М.?». ЯН смотрит в нашу сторону, наверное, узнает его и понимает, что это не розыгрыш, наклоняется

к профессору и что-то говорит ему. В общем, мы спасли Аллу от его пяти-семи вопросов. После защиты мы стали свидетелями такой мизансцены: ЯН подошел к Шабаду — они, естественно, были знакомы (ЯН, известный американист, читал на факультете международную журналистику) — и тот стал просить автореферат... Но ЯН был тверд как скала, сказал, что автореферат нужен для оформления документов после защиты и автореферата так и не дал. Так что мир не узнал об этой защите (шутка).

Алла Исааковна Верховская и до защиты работала на факультете, и сейчас на кафедре массовых коммуникаций работает вместе с Аллой Александровной Ширяевой (обе кандидаты наук) и Ириной Дмитриевной Фомичевой, преподает. Широко известны социологические проекты кафедры массовых коммуникаций: «Районная газета», «Литературная газета», исследования журналистов, Интернета (См.: Районная газета в системе журналистики / Ответ ред. А. И. Верховская, Е. П. Прохоров. М.: изд-во МГУ, 1977; «Литературная газета» и ее аудитория / Ответ. ред. Фомичева И. Д. М.: изд-во МГУ, 1978; Социология журналистики: теория, методология, практика // Под ред. проф. Е. П. Прохорова. М.: изд-во МГУ, 1981; Верховская А. И. СМИ и новые медиа: взаимодействие с гражданским обществом в новых социально-политических условиях // Теория и социология СМИ. Ежегодник. Отв. ред. А. И. Верховская, Д. В. Платонова. Факультет журналистики МГУ. 2012; Фомичева И. Д. Пресса, телевидение и радио в жизни советского человека. М.: изд-во МГУ, 1987; Фомичева И. Д. Индустрия рейтингов. Введение в медиаметрию. М.: Аспект Пресс, 2004; Фомичева И. Д. Социология СМИ. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2012; Ширяева А. А. Журналист: российско-американские социологические исследования. М.: 1998; Ширяева А. А. Исследование журналистских кадров // Журналистика и социология. Россия. 90-ые годы. СПб., 2001; Ширяева А. А. Российский журналист и журналистское образование. М.: 2006, и др.).

Я в рамках проекта занималась контент-анализом местной прессы, радио и телевидения. Было проработано огромное количество литературы, я говорю о зарубежных источниках, потому что своей по этой проблематике не было совсем.

Параллельно Борис Андреевич и ряд коллег выходили на фундаментальную теорию: массовой коммуникации, массового сознания, массового поведения, общественного мнения. В 1967 г. у Грушина вышла уже книга по методологии изучения общественного мнения («Мнения о мире и мир мнений»), но размышления продолжались, эмпирическая информация накапливалась, будущие публикации были впереди...

Тем более что к моменту, когда Таганрогский проект входил в пик своей реализации, он организационно влился в структуру только что созданного Института конкретных социальных исследований АН СССР (социология все еще отдавала чем-то чуждым, только позднее название — Институт социологических исследований — легитимизировалось) на правах сектора/отдела общественного мнения. Параллельно, в конце 1969 г. реализовалась давняя мечта Б. Грушина о профессиональном изучении общественного мнения, которая тоже имеет долгую историю, начиная с Института общественного мнения при «Комсомольской правде». Ну ты все это описал в биографии Б. А. Грушина.

И вот когда мы были на втором году обучения в аспирантуре — осенью 1967 г. — Юрий Александрович Левада читал свои лекции по социологии. Это были лекции для 5 курса, но мы, уже включенные в эмпирическую социологию, естественно, не могли их пропустить. Как объяснял сам автор в предисловии к вышедшей позднее книге «Лекции по социологии» (1969 г.), «задача лекций была в том, чтобы ознакомить студентов-журналистов с кругом социологических проблем и методов, причем в слушателях предполагалось знание комплекса философских и общественных дисциплин, входящих в университетскую программу. Этим объясняются как отбор материала, так и в значительной мере способ его изложения, иллюстрации и т. д.».

Это был, конечно, новый мир, новые имена. Как бы мы сейчас сказали, новая парадигма описания общественного устройства. Именно это не могла пропустить и оставить безнаказанным официальная наука и функционеры от истмата. Но еще не стронулся с места репрессивный маховик. Текста еще не было, а слова к делу не пришьешь.

А пока, во втором полугодии, во втором семестре, у Юрия Александровича был семинар по теории общественного мнения. Ходило туда совсем немного народу, такое было общение, явно не массовое. Помнится, Юрий Александрович принес собственную книгу — оригинал У. Липманна «Общественное мнение», перевода еще не было — и мы глава за главой читали и обсуждали...

А когда вышел сам сборник с лекциями (в двух частях, как информационный бюллетень ИКСИ) — летом 1969 г. — была дана команда: были организованы обсуждения в духе вроде бы давно ушедших лет, в т. ч. в Академии общественных наук (где Б. Грушин произнес фразу, которая ушла в социологический фольклор — наверняка ты ее тоже приводил — что те, кто это организовал, лежат как бревно поперек магистрали науки. К тому времени Ученый совет факультета журналистики присвоил Ю. А. Леваде звание профессора, а сейчас под давлением парткома МГУ отозвал это звание, что было совершенно беспрецедентным событием... На Ученом совете, где проходило обсуждение «Лекций», от 16 января 1970 г. Ю. А. Леваде инкриминировалось «игнорирование значения исторического материализма как общесоциологической теории. Некоторые буржуазные социологические концепции излагаются без необходимого критического анализа. Внеисторический подход к явлениям общественной жизни ведет к серьезным ошибкам в оценке важных исторических явлений» (см. отчет об этом заседании в «Вестнике Московского университета», 1970, № 6. Рубрика «Научная жизнь. В Ученом совете факультета журналистики МГУ»).

Мне кажется, Я. Н. Засурский, как декан и как председатель Ученого Совета, где это происходило, ощущал и свою вину в происходящем, по крайней мере, на гражданской панихиде по Ю. А. Леваде, он произнес очень прочувственную покаянную речь, что, мне кажется, потребовало от него немалого нравственного мужества.

Почему я так подробно говорю об этом? Дело в том, что в декабре 1969 г., когда дело было в самом разгаре, у меня была защита кандидатской. А, как известно, в конце защиты человек произносит благодарственные слова. Так и я — первым, кого я поблагодарила, был Б. А. Грушин, мой руководитель; потом я поблагодарила моих официальных оппонентов: Ю. А. Замошкина и Е. П. Прохорова; далее шли лица, приславшие внешний отзыв: зав. кафедрой

логики и психологии Тартуского университета А. А. Пярль, заведующий лабораторией социологии ТГУ Юло Вооглайд и руководитель группы контент-анализа этой лаборатории Марью Лауристин.

И затем я произношу такие слова: «Искренне благодарю доктора философских наук Юрия Александровича Леваду за его постоянную готовность прийти на помощь ценным научным советом нам, аспирантам, за щедрость его научной мысли. Многочисленные консультации и научные семинары Юрия Александровича помогли, я думаю, многим аспирантам воспитать в себе социологическое мышление, культуру и этику научного познания». Вот и все мое фрондерство. И стоило это мне всего лишь некоторой задержки с оформлением результата защиты в ВАКе — обычно с факультета материалы уходили максимум дней через десять, а здесь была уже трехмесячная задержка. Мне даже мои коллеги говорили: «Убери из стенограммы эту свою благодарность, быстрее будет...».

Всю мою научную жизнь я ощущала поддержку Юрия Александровича. Мне кажется, теплота его отношения к нашей группе аспирантов объяснялась тем, что он видел в нас своих учеников, тех, кого он пестовал несколько лет... По себе знаю теперь, уже будучи сама преподавателем — это сильное чувство.

Юрий Александрович был первым официальным оппонентом на моей докторской (1997 г.); рецензентом моего учебника «Социология массовой коммуникации»; принял к опубликованию в журнале ВЦИОМа мою статью (Альтернативные мнения и роль СМК // Инф.бюлл. «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». ВЦИОМ, 1995, № 4. С. 33—35) и двух брошюр (см. Приложение); когда я плотно занималась гипотезой Э. Ноэль-Нойманн о спирали умолчания — гипотезой, связанной с механизмом порождения индивидуального мнения и трансляцией его в публичной пространстве — я предложила вставить в один из опросов ВЦИОМа несколько вопросов по этой проблематике. Не сказать, чтобы я хорошо и глубоко распорядилась результатами того опроса, но на одну научную статью хватило (см. Приложение).

С того момента, как старый ВЦИОМ, а потом Левада-центр стал проводить свои ежегодные научные конференции (по итогам года прошедшего) группа сотрудников нашего факультета — неизменные слушатели. Как мы шутим между собой, надо подзарядиться этой энергией мысли и нетривиальных выводов из анализа текущей социальной жизни нашей страны на ближайший год...

А сейчас остается только навещать Юрия Александровича на Троекуровском кладбище и класть цветы на его могилу, низко поклонившись.

Лариса, спасибо за ценнейший рассказ... как говорит наш друг давний Владимир Шляпентох: «Такое ни за какие деньги не купишь». Поехали дальше...

Ты сейчас осторожнее со своими шуточками...

Прежде чем перейти к рассказу о ЦИОМе, я должна отдать должное еще трем группам, параллельно занимавшимся социологической проблематикой массовых коммуникаций. Это лаборатория Ю. Вооглайда в Тарту, которую я уже упоминала, коллектив которой осуществил комплексный проект «Исследование городской газеты “Эдази”» с эмпирическими исследованиями коммуникатора, контента и аудитории (1963—68 гг.); лаборатория социологических исследований Ленинградского университета, которая в 1964 г. начала изучение эффективности телевидения, одновременно при организационном выделении в университете

научно-исследовательского института конкретных социальных исследований здесь стала функционировать группа изучения массовой коммуникации (Г. И. Хмара, Б. М. Фирсов); и группа В. Э. Шляпентоха, базирующаяся при Сибирском отделении АН СССР (Новосибирск, с 1966 г.). Работавший тогда там А. Н. Алексеев одним из первых опубликовал статьи, где отстаивалась новая терминология и подходы к проблематике массовой коммуникации, а тогда это тоже было сродни научному подвигу. С коллегами из этих коллективов мы пересекались на научных конференциях, и в частности, на площадке социологической Мекки тех лет — на конференциях «Кяэрику I — III», которые организовывал Тартуский университет.

Да, Лариса, совсем немного тех, кто все это помнит... (я пришел в социологию несколько позже),... я просил Юло, Марью поговорить со мною, но не получилось... немного попытал о «Кяэрику» Ядова, Фирсова, недавно умершего профессора Леонида Столовича...

Мне известно о четырех таких конференциях с темами: «Методологические проблемы исследования массовых коммуникаций» (1— 1966 г.); «Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация» (2 — 1967 г.); «Личность в системе массовых коммуникаций» (3 — 25-27 октября 1968 г.); не могла найти тему, хотя на свои доклады там ссылается Ю. Вооглайд в своем автореферате на защите кандидатской (4—1970 г.). Я была на второй, третьей и четвертой конференции, а сборник материалов у меня есть только с третьей конференции.

Если ориентироваться на этот сборник как на документ, то там содержится список участников — 103 человека. Не полениюсь подсчитать — хозяев 66 чел.: студентов, аспирантов, преподавателей, представителей радио, ряда институтов; неск. человек из Литвы и Латвии; из Москвы, в т.ч. из МГУ; из Ленинградского университета; из Новосибирска, из Свердловска. Выступали: А. Н. Алексеев, Л. А. Архангельский, В. В. Бойко, Ю. Вооглайд, Л. Н. Коган, В. А. Мансуров, Л. Н. Столович, А. Г. Харчев, Г. И. Хмара, Ю. А. Шерковин, В. А. Шляпентох, В. А. Ядов и др.

Была сауна, про которую организаторы написали в сборнике, что до нас ее посетили Президент Финляндии и Президент Советской Социологической Ассоциации (ССА). Вообще была очень непринужденная обстановка...как бы все на равных ... Выступали и аспиранты, и уже маститые.

Но не про всех мы еще знали, что они маститые.

История этих встреч в Кяэрику закончилась, пошли уже заморозки. Мы это и в ИКСИ почувствовали...

Следующая встреча в Тарту, на территории университета — это уже 1985 год. Кстати, ты ведь там был? Наверняка. Я почему в этом уверена — напомним мизансцену — народу было много и все не поместились в длинный зал, тогда они открыли настежь дверь в такой предбанник, где уже сели оставшиеся, в т. ч. и я... И вот что-то напало какое-то хулиганское настроение — а было это на выступлении одного участника (фамилию не помню), который говорил про французский телеканал «Блю». А тогда только-только эта тема обозначилась....И у меня возникло в уме что-то частушечное на эту тему... А там сновали организаторы, студенты. Я им говорю, наверняка, на кафедре валяются какие-нибудь ненужные журналы с картинками, несите сюда кусок ватмана,

журналы, клей и карандаши цветные... Они это быстро принесли... и я стала ваять стенгазету (а выступления тем временем продолжают). Я написала эту самую частушку, картинка с телеэкраном точно нашлась; а потом нашлось что-то изобразительное типа трех суриковских богатырей — и я сопровождала это подписью «ТРИ БО...», а снизу расшифровка — Грушин, Фирсов, Докторов... Жалко, что больше ничего не осталось в памяти... А когда в перерыве хлынул народ из зала, все столпились у стенгазеты... Хохоту было!!!! Марью Лауристин унесла это на свою кафедру и обещала сохранить...

Итак, в октябре-ноябре 1969 г. в ИКСИ открылся Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ), первый профессиональный в СССР, куда я 1 ноября 1969 г. была принята на работу. Наш аспирантский коллектив разделился на три части: одни остались на факультете научными сотрудниками и преподавателями, другие ушли в отдел общественного мнения, я была оформлена на работу в ЦИОМ.

Чуть более года шла в Центре работа по подготовке первого Всесоюзного опроса. Сначала мы разослали в множество организаций, ведомств, министерств, комитетов анонс о своем существовании, где содержалась просьба сообщить о тематике опросов, которая может заинтересовать ведомство, и возможностях софинансирования (в узком смысле, например, тиражировании анкет). Ответов было множество, портфель заказов оказался солидным.

Параллельно шла работа по методической составляющей. Я, например, вела США и составляла картотеку вопросов Института Гэллапа, (помнишь о спецхране в библиотеке им. Ленина, наверное, и в Ленинграде было что-то подобное: такой кабинет, где можно было заниматься только по предъявлении справки с места работы? Для меня это было насиженное место — при работе над диссертацией я туда как на работу ходила года два: у меня в работе солидную часть составляла история контента как социологической методики и теория коммуникации как теоретическая основа этой методики): сам Б. Грушин побывал в командировке в Институте общественного мнения во Франции и привез оттуда массу документов; еще одна сотрудница со знанием французского языка обрабатывала эти документы и вела картотеку по французским источникам...

Как только определились с тематикой (заместителем Грушина по ЦИОМу был В. Я. Нейгольдберг и выбор тем был прерогативой в основном руководства), авторы стали работать над своей проблематикой. Мне досталось пьянство и грампластинки, Гера (Георгий Давидович) Токаровский тоже занимался грампластинками и физкультурой со спортом; экономический блок вел Том Борисович Петров. Я все тогда знала про пьянство; кстати, МВД сразу попросил провести опрос и в вытрезвителях (читала социальных психологов на эту тему, какие-то австралийские опросы по пьянству)... В общем, это была еще та тема...

Параллельно физик-математик Сергей Чесноков разрабатывал выборку по стране.

К концу 1970 г. у меня накопилось много информации по исследованиям общественного мнения в США, я написала статью и послала ее в «Вопросы философии». Она была опубликована... в 1980 г. «Социологических исследованиях» — журнале, который тогда появился только что. История этого «хождения по мукам» — отдельный сюжет.

Все было готово к январю 1971 г. И вот вспоминаю — на летучке было принято решение опубликовать в «Комсомольской правде» заметку о начале Всесоюзного опроса (не в последнюю очередь, чтобы вместе с командировкой и удостоверением предъявить это сообщение центральной прессы). Текст писал сам Грушин. Встал вопрос, чьей фамилией подписывать. Помню, Грушин сказал: «Нужно, чтобы это был наш человек, но малоизвестный». Вот сейчас я только подумала, как он сказал: просто *малоизвестный*, или еще *малоизвестный*? (ну нет предела человеческому честолюбию!).

Вот эта заметка (тут уж я однозначно ученица Грушина — все в сусеках):

НА ВЕСАХ СОЦИОЛОГОВ — МИР МНЕНИЙ // Комсомольская правда, № 22 (14004), 1971, 27 января.

Существуют проблемы, которые вызывают в обществе особый интерес, а порой и особое беспокойство. В последнее время на страницах газет, в рабочих коллективах, в специальной литературе широко обсуждаются пути борьбы с пьянством. Высказываются различные предположения о причинах, следствиях, мерах пресечения этого зла. Разрабатываются рекомендации по борьбе с злоупотреблением спиртными напитками. А если обратиться к населению страны — что оно думает по этому поводу? Проведение подобных опросов — такова задача недавно созданного Центра изучения общественного мнения Института конкретных социальных исследований АН СССР. Сейчас Центр начинает свой первый всесоюзный зондаж по ряду актуальных социальных и экономических проблем.

Конечно, никто не может задаться целью опросить хотя бы по одной проблеме, задать хотя бы один вопрос всему взрослому многомиллионному населению страны. Да это и не нужно. Современные методы математики и статистики позволяют с достаточной точностью судить об общественном мнении по высказываниям соответствующим образом отобранных нескольких тысяч человек.

Диапазон включенных в первый опрос проблем достаточно широк: начиная от отношения населения к физкультуре и спорту и кончая спросом на грампластинки.

В разные точки Советского Союза разъезжаются интервьюеры Центра, чтобы после опроса различных групп населения страны получить данные, которые помогут заинтересованным ведомствам и организациям полнее учитывать мнения, запросы широких слоев трудящихся.

И подпись — Федотова Л.

Сам опрос с конца января 1971 года и начался. Разъехались по точкам выборки все цимовские и часть из отдела. Мы с Герой Токаровским поехали в Азербайджан (Баку и Шемаха). Потом уже на лекциях перед студентами, говоря о готовности социологического поля к опросам, я иногда вспоминаю это наше поле.

И так параллельно шла работа:

— первый цимовский зондаж, сбор, обработка, написание отчетов для заказчика. Институт проявлял необыкновенное внимание к текстам. Не поверишь, но мы (Грушин, Нейгольдберг и я) заслушивались дирекцией Института

в кабинете Руткевича — он уже был директором — со своим докладом для МВД о пьянстве. Кое-что потом было упомянуто в научных статьях, но в минимальной степени...

— и еще интенсивно шла работа в рамках «Таганрогского проекта». Кое-какие процедуры еще были в поле и мы ездили в Таганрог и Ростов на опросы журналистов. Как-то идем с Сашей Жаворонковым по набережной в Таганроге, и я — а не он! — замечаю вслух: «Ты обратил внимание, какие здесь красивые женщины, какие у них румяные лица?». А он так искоса: «Да, они провели молодость на этом морском берегу, а ты в спецхране в Ленинке!». Смеялись!!!!

Когда все процедуры закончились, стали обрабатывать материал для представления количественных результатов. По мысли Бориса Андреевича, проект на этом этапе должен был приобрести вид брошюр с одинаково макетированными количественными результатами. Параллельно шла подготовка к завершающему отчету для Генерального заказчика, под чьей эгидой проходил проект — отдела пропаганды ЦК КПСС (попробовали бы вы что-то аналогичное предпринять без этой санкции). Такой отчет состоялся....15 мая 1975 г. Юбилей!

У меня сохранилась верхушечная часть одного листка с программой отчетной конференции «Основные итоги изучения эффективности деятельности средств массовой информации в условиях среднего промышленного города (по материалам исследования, проведенного в г. Таганроге)» 15 мая 1975 г.

10.10–11.00 Доклад «Основные характеристики и результаты комплексного социологического исследования, проведенного в г. Таганроге», Отдел пропаганды ЦК КПСС — Оников Л. А.

11.00–12.00 Доклад «Эффективность деятельности средств массовой информации и пропаганды: понятие, проблема измерения, пути повышения». Б. А. Грушин, д.ф.н.

Научные сообщения:

12.20–12.40 В. Н. Казанцев, к.ф.н. «Об одном случае измерения эффективности пропагандистской кампании».

12.40–13.00 Л. Н. Федотова, к.ф.н. «Проблема координации деятельности средств массовой информации и пропаганды и возможные пути ее решения».

....

Больше всего мне жалко, что не вошел сюда мой теоретический доклад про изучение общественного мнения. Сейчас, когда я размышляю об этих проблемах (пишу в статьях, учебниках, рассказываю студентам на лекциях), — это все оттуда...

По мере течения времени проект осмыслялся защищающимися аспирантами (Борис Андреевич говорит в книге «Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования» о 17 диссертациях). Сама эта книга стала первым научным отчетом о проекте. Но Борис Андреевич продолжал работу над ним уже в 21 веке, опубликовав три книги о «Четырех жизнях России». А. В. Жаворонков посвятил несколько десятилетий, приводя в систему количественные результаты проекта, публикуя их; обогащая их более поздними исследованиями, он защитил докторскую (см. его

книгу «Российское общество: потребление, коммуникация и принятие решений — 1967–2004» / М.: Вершина, 2007). Продолжает трудиться в ИСИ Ефим Яковлевич Таршис. Недавно подарил свою очередную книгу по контент-анализу.

Проект, конечно, вошел в историю отечественной социологии...

Но сама история оказалась безжалостной к отечественной социологии. Вскоре начался отток из Института ведущих социологов. Б. А. Грушин уехал в Прагу в журнал «Проблемы мира и социализма», какое-то время еще существовал ЦИОМ, но первый его зондаж оказался и последним. Отдел «Общественное мнение» просуществовал дольше, но в результате реструктуризации Института и он исчез....

Есть два сюжета, которые ложатся на этот период... Возвращаясь к истории с моей статьей «К истории исследований общественного мнения» — в 1970 г. я послала ее в «Вопросы философии», так как социологического журнала еще не было. До этого проблематика истории изучения ОМ в США, а естественно, и моя статья, в основном, базировалась на этой эмпирии, стала предметом описания лишь один раз в статье М. Петровской из журнала Института США и Канады. Была еще пара статей в нашей периодике, на что я тоже сослалась в своей статье. Статья прошла редакционную обработку, обсуждалась на редсовете 30 июля 1973 г. (у меня есть эта стенограмма — машинный вариант от 19 августа — там член редколлегии Т. И. Ойзерман называет ее «хорошей», а в другом месте «действительно приятной статьей», предлагает специально ввести новую рубрику «Философия и социология за рубежом»... С этим соглашается и главный редактор И. Т. Фролов: «Пожалуй, с 9 номера мы обозначим «Философия и социология».

И статья анонсируется в №11 за 1973 г.: Философия и социология за рубежом — «Из истории исследования общественного мнения в США».

Но социология переживает не лучшие времена: статью продолжают рецензировать. 22 октября 1976 г. дает свое заключение член редколлегии М-н (надо убрать пример из Англии, или менять заголовок, дать его более расширительным; в концовке можно было бы указать, что в связи с задачей глубокого и всестороннего изучения общественного мнения в СССР критически проанализированный опыт американских организаций и, в частности, института Гэллапа, бесспорно, заслуживает внимания). Но — «учитывая, что я никогда не занимался вопросом изучения общественного мнения, было бы целесообразно показать статью О-ву».

26 октября 1976 г. рукою О-ва делается приписка: «В целом я согласен с выводом и замечаниями М-а. Но еще следует добавить, что опросы используются в качестве средства в предвыборной борьбе в США. И привести цитату В. И. Ленина о двухпартийной системе...». И еще несколько предложений на эту же тему... И вывод — «автору нетрудно будет сделать эти поправки и статья может быть опубликована в 1 номере следующего года».

Но вскоре открылся журнал «Социологические исследования» и «философы», по-моему, с большим облегчением (сами!) отдали туда мою статью, где она и была опубликована в 1980 г.

Второй сюжет — мы с Ириной Фомичевой задумали объединить наши диссертации — моя касалась контента местных СМИ, а ее — их аудитории, на основании опроса... Материал уникальный, «замешан» на эмпирии... наверное, будет востребован издательством политической литературы, которое специализировалось на социо-политической проблематике.. Посоветовались с Борисом

Андреевичем, он одобрил идею, и мы отнесли рукопись в издательство (октябрь 1975 г.). Дней через двадцать мне от ученого секретаря передают рецензию (она им вместе с рецензентом — коллегой по сектору «Общественное мнение» К., была подписана, значит, был официальный запрос от издательства). Вот она, первые две страницы:

РЕЦЕНЗИЯ

на рукопись И .Д. Фомичевой и Л. Н. Федотовой «Местные печать, радио, телевидение как источники информации»

1. Рукопись не проникнута духом партийности:

а) отсутствует опора на труды классиков марксизма-ленинизма (замечено 2 упоминания имени К.Маркса на стр. 87—88 и 103 в связи с цитированием пяти слов);

б) отсутствуют какие-либо упоминания о Решениях съездов КПСС (хотя бы XXIII или XXIУ); нет ссылок на Постановления партии и правительства, в которых затрагивается деятельность СМИ (хотя бы последнее Постановление по Белоруссии);

г) нет опоры на партийные документы о печати;

д) в тексте рукописи нет упоминаний о трудах ученых АОН при ЦК КПСС в области изучения функционирования СМИ и их аудитории (не считая 1—2 сборников, попавших в сноски: стр. 109);

е) основным партийным документом, на который авторы ссылаются, довольно часто (если принять во внимание факт отсутствия ссылок на многие другие документы) 3—4 раза, оказалась передовая «Правды» от 14 марта с.г. «Кадры нашей прессы».

Первое упоминание о партийном циркуляре «О программе местной газеты» ЦК РКП(б) от 1921 г. появилось на стр. 45. Появляется упоминание о Постановлении ЦК ВКП(б) от 25 июля 194У г. «О штатах областных, краевых и республиканских газет» (стр. 77). Проскользнуло три строчки о значении, придаваемом партией письму трудящихся в газету в тексте на стр. 149» а продолжение мысли стыдливо убрано в сноску; еще три строчки на стр. 158, 172 и 175»

Эти 6 упоминаний партийных документов является как бы иллюстрацией (правда, весьма хилой) некоторых положений авторов. Нигде не говорится прямо о партийности журналистов, о партийном руководстве СМИ на всех уровнях, что СМИ — органы партийные, органы КПСС. Постоянно оперируя термином «коммуникатор», «коммуникаторы» и часто уходя от называния вещей своими именами (стр.142). авторы способствуют тому, что рукопись производит впечатление АПОЛИТИЧНОСТИ (здесь и далее везде выделено рецензентом —ЛФ). Слова «партийная», «комсомольская» встречаются только в названиях исследуемых газет. Нигде не говорится о том, что авторы в своем исследовании исходили из идейных принципов марксистско-ленинской социологической теории — диалектического материализма. Не чувствуется классовой позиции авторов. Эту аполитичность, классовую беззубость, политическую аморфность мы рассматриваем основным и **ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНЫМ** недостатком рукописи, после которого об остальных промахах можн — — — — — практически не говорить.

2. Рукопись не расширяет кругозора читателя (как специалиста, так и неспециалиста):

а) мало того, что кое-какие ссылки на труды в этой области начинают появляться в III—IV главах, но они малочисленны и незначительны;

б) указания на «исследования», «процедуры» мало кому интересны и практически ни о чем не говорят (кроме Грушина, Нейгольдберга, Таршиса, Жаворонкова), которые могут «скромно» упоминаться по 3 раза (напр. Нейгольдберг на стр. 86.) рядом с нескромно много упоминающимся К. Марксом (1 раз на сл., стр. 87).

8 упоминаний фамилии Жаворонкова; 9 упоминаний фамилии Нейгольдберга; 5 упоминаний фамилии Фомичевой; 3 упоминаний фамилии Федотовой, видимо, призваны компенсировать жажду читателей расширить свой диапазон ранее известных авторов (так в рецензии —ЛФ).

в) нет и намека на диссертации и исследования В. Казанцева, Князевой Л. Н., А. А. Возмителя, Е. Г. Андрющенко — обоих последних к стр. 93 в связи с устной пропагандой и интересами аудитории...

Вряд ли представленную рукопись можно считать доступной массовому читателю в настоящем виде в силу излагаемых ниже причин.

3. Одна из причин связана с языковыми особенностями изложения материала, т.е. с выбором слов, понятий, терминов, стилем (далее я убрала номера страниц, но все они указаны —ЛФ):

а) стиль рукописи оставляет желать много лучшего, рукопись читается с трудом даже специалистом. Она явно не рассчитана на массового читателя;

б) очень много слов «заковычено»

в) перегруженность специфическими терминами, порой даже засоренность изложения ненужными заведомо непонятными аудитории терминами типа «рекреативная», «носитель профессии», «пропаганда на молодежь», «коммуникативный мир человека», «коммуникативное поведение», «источники, каналы, средства», «атрибуты информации», «массовая доступность», «качественная и количественная массовость средств массовой информации», «утилитарная информация», «категории содержания», «модальность, признак модальности», «информационное поле», «телепарк, радиопарк», «подразделения города», «снятие информации с населения», «информационное поведение», «аудиторное и потребительское поведение», «сеть устной пропаганды», и, конечно, «КОММУНИКАТОР», КОММУНИКАТОРЫ» везде».

Есть и замечания по делу: на одной странице вместо «таблица» ошибочно указан «график» и еще что-то для нормального процесса редактирования, в чем нам и было отказано. Я была беспартийной и ходу рецензии в партком не дали, а надо бы, чтобы неповадно было...

А с Грушиным ты больше не работала?

Было три интересных исследования. Уже когда Борис Андреевич возглавлял «Vox Populi», он предложил мне прокомментировать «сырые» данные опроса читательской аудитории «Огос...». Тогда журнал был очень популярным.

И в каком-то из своих опросов БА ввел несколько вопросов по журналу. Это было любопытно. Практически весь мой отчет стал основой моей статьи «Аудитория демократического журнала: подписчики «Огонька» (см. Приложение).

Чуть позднее его службе было заказано исследование — я не знаю, кем, и БА меня в это не посвящал — как в ведущих российских газетах подавались три политические фигуры: А. Лебедь, В. Черномырдин и Г. Зюганов. Мы использовали контент-анализ газет, оперируя характеристиками человека как политика, как государственного деятеля, хозяйственника, и просто как личности (закрывтия были, естественно, более разнообразными, но они укладывались в эти три позиции). Конечно, результаты могли быть использованы при разработке имиджа каждой публичной персоны и быть неким подспорьем при желании что-то поправить в нем...

И третий случай — коллектив Б. Фирсова осуществлял большой исследовательский проект по экологическому сознанию масс и мы под руководством БА делали анализ прессы на этот счет. Все этапы нашего исследования тоже опубликованы (см. Приложение).

Еще специально отмечу, что следующая генерация факультетских социологов, с которыми Б. А. Грушин позднее вел семинар по массовому сознанию, сейчас каждый год в рамках ежегодной научной конференции организует Круглый стол «Открывая Грушина». К нам приходят его коллеги, друзья, ученики, а также те, кто сегодня занимается проблематикой общественного мнения. По итогам издаются сборники с таким же названием. На сегодняшний день вышло уже три таких сборника, за что низкий поклон руководителям факультета: Президенту факультета Я. Н. Засурскому и декану факультета профессору Е. Л. Вартановой. В сборниках и воспоминания, и теоретические статьи — проблематика общественного мнения сейчас как поле битвы...

Так что имя Б. А. Грушина продолжает звучать в стенах нашего факультета.

Итак, грушинская команда в Институте социологии распалась... где ты оказалась? Вернулась на журфак?

Нет, кое-кто в Институте остался и до сих пор там работает; у меня одиссея оказалась довольно продолжительной. Борис Андреевич читал как-то курс лекций в Главинтуристе (конкретнее — в Институте повышения квалификации сотрудников в Проблемной научно-исследовательской лаборатории), и он посоветовал обратиться туда — там открылась ставка старшего научного сотрудника (в ИСИ я была младшим научным сотрудником), и я была оформлена туда на работу в конце 1977 г. Три с половиной года я работала там. У руководства была сильная мотивация проводить опросы иностранных туристов — надо было анализировать «слабые» места в продвижении турпродукта. Кроме того, мы провели опросы гидов-переводчиков. Издали несколько отчетов для служебного пользования, но некоторые данные, работающие на теорию коммуникации (роль различных информационных источников при принятии решения; важность межличностной коммуникации при оценке социальных явлений и проч.), я использую до сих пор, оперирую ими как примерами и т.п. Кроме того, это была новая предметная область, изучение которой дало богатейшие знания — еще

до поры, когда у нас в стране стала изучаться реклама, стали говорить о маркетинговых исследованиях, это все было востребовано при анализе деятельности в области иностранного туризма.

К этому времени Яков Самуилович Капелюш стал собирать «под свои знамена» бывших своих соратников по Таганрогскому проекту в структуру под длинным названием — Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры РСФСР, отдел общесистемных вопросов и экономико-математического моделирования. К этому времени ГИВЦ возглавлял В. Б. Чурбанов, человек с журналистским прошлым, с сильным социальным темпераментом, с большой верой в потенции социологии и с большим уважением лично к Б. А. Грушину.

И в один день с Вадимом Сазоновым мы перешли в ГИВЦ на должности зав. группами (громкая должность влияла только на зарплату, хотя позднее, при оформлении на работу на факультет журналистики, декан Я. Н. Засурский, фигурально выражаясь, «присвистнул», отдавая дань этой должности... — здесь-то я опять вернулась в статус старшего научного).

Почти три года Я. С. Капелюш, В. В. Сазонов и я работали в этом отделе. Яков, верный грушенец, не давал сотрудникам расслабляться, соки он умел выживать, на него из-за этого многие сердились еще в Таганрогском проекте: мы анализировали министерскую статистику (консультантом у нас был оформлен Леонид Абрамович Гордон, научный сотрудник из ИМРД, экономист: он ужасно сердился, когда я делала ошибки при вычислениях и говорил: «Лариса, ну для вас все равно — один ноль или два! Неужели вы этого не чувствуете?» Ну это он, конечно, обобщааал!). Ранжировали территории РСФСР по выставочной деятельности (у меня там была напечатана такая тонкая брошюрка по этой теме), по театральным гастролям, по концертам... Я так думаю, что для руководства это была ценная прагматическая информация... Но Капелюш не был бы Капелюшем, если бы он не замыслил ПРОЕКТ — учреждения культуры в малых городах. Статистики было много — ГИВЦ мог предоставить ее в больших количествах; дело было за малым: провести социологический опрос населения в этих городах — включенность в потребление, в том числе и массовых информационных источников, оценки, предпочтения... А городов по выборке было отобрано — 8!

Опыт у нас был, Яков и Вадим в свое время возглавляли выездные лаборатории в Таганроге и Ростове, Яков сделал выборку с использованием надежной статистической информации ГИВЦ, сделали анкеты, в качестве анкетеров использовались работники отделов культуры на местах... Наладили экспедиции работников отдела в каждый город; мы вдвоем поехали в Пермский край, город Вятские Поляны. Там кругом зоны. Сошли с поезда, а по перрону ходят солдаты с овчарками... Кто-то где-то сбежал... Целый день — инструкции анкетерам, контроль, обработка поступающих анкет, чтобы приехать и сразу сдать на дальнейшую обработку (обобщение, двойные связи)... Командировка была еще та по нагрузке!

Вспоминаю смешной случай. Мы приехали в самые последние дни мая. И вот 1 июня выпал снег. Холодище! А мы решили выбраться на местный рынок... Мы почему-то в разных местах жили, мужчины в гостинице, а я в каком-то общежитии. Утром встречаемся... смотрю — Вадим небрежно намотал на шею вместо

шарфа махровое полотенце! И никто из горожан не смеялся... А Вадим такой импозантный, с гордо посаженной головой. Так мы и прошлись по базару, но недолго. Уж очень было холодно.

Итогом проекта стала тоненькая книжечка: Учреждения культуры в небольшом городе и население. (см. Приложение). Ну и конечно в списке использованной литературы — «Массовая информация в советском промышленном городе» под редакцией Б. Грушина (М., 1980) и «Массовая коммуникация в условиях научно-технической революции» под редакцией Б. Фирсова (Л., 1981). Ну и конечно, каждую проблему отдельно мы обыграли в статьях, выступлениях на конференциях... Я сейчас посмотрела — 8 статей нами — мы менялись местами как авторы — было опубликовано по следам этого проекта... Ты знаешь, это уже в крови: любая цифра, полученная в ходе опроса, должна жить проанализированной в публичном пространстве. Ты знаешь ей цену, ты гарантируешь ее точность, если бы ты ее не зафиксировал, никто бы этого не знал... Только тогда все это имеет смысл: и ругательные рецензии, и полотенце вместо шарфа.

К концу 1983 года как-то все сложилось: Чурбанов В. Б. ушел в журнал «Российская провинция» главным редактором, Капелюш и Сазонов — в Институт искусствознания, а затем, как только открылся ВЦИОМ — ушли туда. Это было их последнее место работы...

На факультете журналистики МГУ стала организовываться исследовательская структура при кафедре телевидения и радиовещания (я, как ты помнишь, по этой кафедре защищалась, и уже после защиты несколько лет, время от времени, вела занятия на вечернем отделении), и Энвер Гусейнович Багиров, тогдашний заведующий, пригласил меня туда. И вот я, с 13 (!!!!) декабря 1983 г., здесь...

Действительно, десятилетие было очень плодотворным. Почему десятилетие? Потому что в 1984 г. на факультете было организована новая кафедра (сейчас она называется кафедра рекламы и связей с общественностью) и меня пригласили туда разработать и читать курс «Социологии рекламы». Потом — и до сих пор — курсы «Социология массовой коммуникации», «Теория массовой коммуникации», «Реклама и связи с общественностью», «Общественное мнение» — коротко вся проблематика массовых информационных процессов.

Но к тому десятилетию я все-таки вернусь. Сначала мы (с моей бессменной помощницей Ириной Анатольевной Красавченко) методом контент-анализа анализировали программу «Время», отчитались несколькими публикациями. Потом история преподнесла нам подарок — в буквальном смысле история и в буквальном смысле подарок. 80-ые года в числе прочего ознаменовались тем, что состоялась серия телемостов «СССР—США», начиная телемоста 1982 г. «Москва—Калифорния» в формате музыкального концерта. Сначала это была, так сказать, проба пера. Они были телемостами только для участников. Потом были телемосты между учеными... Прорыв состоялся в 1986 г. телемостами «Ленинград—Сиэтл» и «Ленинград—Бостон». Они уже были общением «простых граждан» двух стран и затем в записи транслировались на более широкую аудиторию: все население. Довольно большие группы людей (в пределах 200 человек) ориентировались на спонтанную дискуссию, базирующуюся на взаимном интересе двух групп друг к другу. Ведущими в этих случаях были Владимир Познер и Фил Донахью. В общем эта история уже хорошо описана. Мы получили добро от руководства факультета осуществить социологическое исследо-

вание этих двух телемостов. В совокупности это был контент-анализ телемоста «Ленинград—Сиетл» (по стенограмме видеозаписи эфирного варианта); анкетный опрос студентов факультета журналистики до эфира с темой «Телевидение и некоторые проблемы международной информации»; и анкетный опрос студентов факультета журналистики после эфира (тогда не было человека, который не смотрел бы этот телемост) уже с включением вопросов непосредственно по телемосту (оценки, отношения и проч.); а так как я сама была на этом телемосте, я попросила организаторов дать мне список участников с адресами и мы вскоре послали им анкету, где интересовались уже их оценками, отношением, желанием участвовать в таких передачах впредь и проч. Кроме того, чтобы иметь базу для сравнения, мы обратились в сектор общественного мнения Института социально-экономических проблем АН СССР в Ленинграде, которые давно проводили опросы ленинградцев, с просьбой подобрать нам контрольную группу женщин (в этом телемосте участвовали только женщины, это отсюда эта реплика «У нас секса нет!») приблизительно с тем же уровнем образования — мы и им послали нашу анкету.

В общем, материал был собран уникальный. Он стал основой моей брошюры «Телемосты СССР—США: комплексное социологическое исследование» (там приложены все исходные анкеты) и ряда статей (см. Приложение). ...

А второй опыт — совместное советско-американское исследование телевидения. Метод — контент-анализ. Сравнительное исследование осуществлялось нами совместно с американскими специалистами из Анненбергской школы коммуникаций Пенсильванского Университета и отдела по исследованию телевидения Картеровского центра социальных исследований Университета Эмори, ими руководили соответственно Джордж Гербнер и Элен Мицкевич. Начиналась перестройка и исследователи двух стран получили уникальную возможность работать в одном исследовательском проекте, по одной методике анализируя каждый свою часть: американцы должны были закодировать информационный поток, который содержался в недельном объеме вещания основных телесетей США (Эй-Би-Си, Эн-Би-Си, Си-Би-Эс), а мы — в неделе вещания Центрального телевидения. Первичная задача — получить количественное распределение внимания коммуникатора к ряду характеристик текста. Проблемы создания этого перечня характеристик заново не стояло, американцы давно занимались такими исследованиями и мы как социологи понимали важность получения динамических рядов. Грубо говоря, любое изменение методики лишало результаты сравнительной потенции.

Следующая ступень состояла в том, чтобы каждая выбранная характеристика была описана, соотнесена с возможными ее социальными ипостасями, лексическими формами — обычная процедура составления методики контента: это необходимо, чтобы каждая такая характеристика была описана так подробно, чтобы могла быть идентифицирована кодировщиками при просмотре конкретных реальных телепередач.

Какие характеристики содержания эфирной информации следовало фиксировать, чтобы решить поставленные задачи? Получить функциональный разрез содержания: информирование, развлечение и утилитарную прагматику. Далее было предусмотрено 102 темы, по которым анализировалась вся информационная и публицистическая часть телевизионного вещания. Важная задача —

социополитологическая — изучение телевидения двух стран по созданию образа «другой» страны, а также выяснение того, о каких вообще странах говорит то или иное телевидение, какую «политическую» карту мира воссоздает для аудитории. социокультурная задача — сравнение телевидения двух стран в плане их усилий по созданию приоритетов в социальных ценностях, моральных ценностях своего и «другого» общества.

Помимо объема чисто количественного внимания к каждой из упомянутых стран фиксировалось, какое отношение к этой стране высказывает, демонстрирует как «человек телевидения», так и его собеседник: выступающий, герой; какова структура всех выступающих как источников информации: из каких слоев общества попадают герои на телеэкран, в какой мере сопоставимы эти структуры, когда речь идет о телевидении разных стран; в какой ипостаси появляется на экране сам Коммуникатор (как диктор, ведущий, корреспондент, комментатор или как профессионал — не человек телевидения). Исследование фиксировало также на экране такие привычки, имеющие хождение в обществе, как употребление наркотиков, курение, преступность, насилие. Это давняя тема исследований Джорджа Гербнера.

К сожалению, в итоге мы не смогли обменяться результатами с американскими коллегами, то не было финансирования, то мы не могли найти хорошего программиста, чтобы он обработал данные, которые прислали коллеги... Сроки прошли... В общем, сравнения не получилось. Только уже позже руководство факультета выделило нам деньги из научно-исследовательской программы, и мы обработали нашу часть: свое родное телевидение. Часть этих сведений я использовала при написании монографии «Массовая информация: стратегия производства и тактика потребления» (см. Приложение).

И что потом? Жду продолжение....

А потом началась обычная преподавательская работа... Но тут надо ввести еще одну тему — необходимость написания учебников. Дело в том, что в эти годы только ленивый не писал работ по рекламе и чуть позднее, по проблематике связей с общественностью. Но ты знаешь, многое из этого не устраивало. А спасение, как ты понимаешь, всегда в твоих собственных руках. Но это все слова и можно было бы долго раскачиваться.

Опять помог случай. Помнишь, я писала, что В. Б. Чурбанов ушел в журнал «Российская провинция». Где-то мы пересеклись, кажется, на какой-то конференции... и он предложил написать несколько статей про рекламу. А тогда все ее ругали почем зря, и поделом! Для критики она — первая российская волна рекламы — давала повод... Ну как ты думаешь, социолог тут должен работать критиком, который с пеной у рта ее ругает и стоит в этой очереди ругателей? Нет, подумала я, надо издалека начать, тем более, что на занятиях я издалека начинала — с социологических факторов появления ее как массового явления. Мне не нравилось, что ее чуть ли не из наскальных рисунков выводят. На мой взгляд, нет ничего вульгарнее, как не учитывать тут комплекс факторов: и экономических, и политических, и технологических и др.

Одним словом, я как раз эти факторы и изложила и понесла этот материал (я сделала нарезки — три статьи) В. Чурбанову. Он все это дело отверг, как я и думала, ему как раз нужна была критика, но поступил по-джентльменски,

даже гонорар заплатил (как же, материал-то был написан...). И вот я иду с этим текстом, а мне нужно было по каким-то делам в Левада-центр зайти (тогда он еще ВЦИОМом назывался), а это было тогда буквально в пятистах метрах — журнал на Варварке, а ВЦИОМ на Никольской. И вот я иду по второму этажу, а там комната за комнатой, отдел Ослона, кабинет Левады, и в конце комната — на дверях табличка «Издательский Дом Гребенникова». По-моему, уже тогда так и называлось... Стучу: «Здравствуйте, вам не нужен текст про рекламу?». А это был сам Александр Николаевич Гребенников. Они как раз специализировались на литературе по маркетингу, рекламе, впоследствии издавали профессиональные журналы, много переводной литературы... Как-то всерьез взялись за образование в этой области. С тех пор это эталон качества литературы по этим темам.

И буквально через пару дней работа пошла в типографию под названием «Реклама в социальном пространстве: социологические эссе» (см. Приложение). Я вставила туда данные опросов общественного мнения ВЦИОМа и дописала введение «От автора», а редактор Гребенников — очень парадоксальное, не без критических стрел, но и позитивное слово от редактора. Мне дороги оба этих текста.

От автора

Читатель сразу увидит, что поначалу разговор обещал быть неспешным, а стиль даже академичным... Действительно, реклама имеет уже свою историю, да и некоторая теория отстоялась в научных и прикладных баталиях. Но мы заново проходим этот путь и многое в накопленном багаже начинает казаться не столь уж неизбежным. Все же здесь удастся сохранить позицию внешнего наблюдателя, устанавливающего порядок на книжных полках.

Иное дело — сегодняшняя ситуация с рекламой, причем буквально ситуация сегодняшнего дня. Так и хотелось использовать тут заголовок «Реклама в быстро меняющемся мире». Рассматривая действительность как бы изнутри, подчас трудно удержаться от публицистической тональности, тем более что само состояние дел в области рекламы в России иногда дает основание для очень резких оценок. Но это уже как свидетельство очевидца, согласия сторон на него не требуется. Но заголовок этот был бы неверен по существу. Меняется ли что-то в нашем мире на самом деле? Хотя внешняя атрибутика таких изменений присутствует — и реклама своим наличием подтверждает это — сомнения остаются. Не углубляясь в эту тему, приведу свежий пример: по радио рекламируется рабочая одежда. И какой бы вы думали слоган имеет эта реклама? «В ней не только работать, но и спать можно!!!». Неужели это не злая пародия на нас, а действительно характеристика нашего менталитета конца XX века?

И все же оставляю этот заголовок про запас. Мир вокруг нас наверняка будет меняться. И реклама вместе с ним.

Октябрь, 1996 г. Л. Н. Федотова

От редактора

Определенность не вечна

Лао Цзы

Взгляд на лес

Пусть синологи не поймут, а даосы не осудят столь вольного толкования первого стиха «Дао дэ дзин», но именно эта фраза, по-моему, наиболее точно определяет дух всего повествования о месте рекламы в современном российском обществе старшего научного сотрудника МГУ Ларисы Николаевны Федотовой.

Это цикл лекций, который нельзя назвать учебником именно потому, что в нем отсутствуют понятия, методы и технологии т. е. все то, что задает вполне определенную направленность действия. В этом смысле книга Федотовой не только не догма, но и не руководство к действию. Это скорее приглашение к размышлению.

Подобное изложение не только позволяет читателю избежать «колейности» мысли, но и говорить о книге как об оригинальной работе: в ней отсутствуют традиционные для подобной литературы пересказы западных учебников по рекламе и маркетингу, многократно изданных на русском языке, что часто и иногда справедливо критикуется нашими рецензентами.

Некоторая неосведомленность автора об отдельных внутренних сторонах рекламного процесса, хотя и приводит к незначительным неточностям, но эти недостатки подобны лишь погрешностям размышляющего о причинах мировых войн и не задумывающегося при этом о нормах сборки АКМ (Автомат Калашникова Модернизированный).

Размышления о ценностных ориентациях общества, культуре и искусстве, морали и этике и других полу- или полностью забытых понятиях, составляющих основу (хотим мы того или нет) любого цивилизованного общества, представляются чрезвычайно своевременными в наше смутное время. Здесь традиционно для предисловий советского периода, было бы, вероятно, к месту отнести слова низложенного классика к книге Л. Н. Федотовой, о том, что «многие рекламисты участвовали в рекламном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочтут книгу «Реклама в социальном пространстве» с большой пользой для себя».

Опыт работы в рекламе не имеет значения для восприятия текста читателем. Для начинающего рекламиста или студента переход от размышлений о месте рекламы в мире к действиям в рекламном мире представляется весьма естественным, а профессионалам будет не бесполезно взглянуть на рекламный мир не изнутри, а со стороны и увидеть лес за деревьями текущих рекламных дел.

Александр Гребенников

Текст «Реклама в социальном пространстве: социологические эссе» стал основой моего учебника «Социология рекламы», в 2014 г. вышло уже пятое издание под заголовком «Социология рекламной деятельности» (названия меняются в зависимости от того, как называется курс в разных Стандартах высшего образования) (см. Приложение). За 3-е издание я была награждена дипломом Ассоциации коммуникативных агентств России и Всероссийской конференции заведующих кафедрами рекламы, связей с общественностью и смежных

дисциплин как автор лучшего учебника по рекламе, связям с общественностью и смежным дисциплинам в 2007 г.; в конкурсе Российского общества социологов 2007 г. книга заняла 2-ое место в номинации «Учебники и учебные пособия».

С тех пор я старалась каждый свой курс для студентов обеспечить учебником (см. приложение).

Приходилось ли тебе работать консультантом по рекламе в политических кампаниях или маркетинговых фирмах?

Нет.

Ты знаешь, я уже много лет занимаюсь историей американской рекламы и потому переписывался с рядом заметных копирайтеров и профессоров рекламных курсов. Немного знаю о деятельности различных профессиональных обществ в области рекламного бизнеса. Есть в России ассоциации копирайтеров, преподавателей рекламы?

Это вопрос личных биографий. Вот я уже упоминала Ассоциацию коммуникативных агентств России — АКАР (ранее — Рекламная Ассоциация российских агентств — РАРА). Там работают разные комиссии, в том числе и те, которые интересуют тебя. Но я хотела бы рассказать об одной странице деятельности АКАР, с которой связана по жизни.

Каждый год последние 19 лет в рамках этой ассоциации гуру рекламы в нашей стране Владимир Александрович Евстафьев организует Всероссийскую конференцию заведующих кафедрами рекламы, связей с общественностью и смежных дисциплин (поскольку я представляла туда на конкурс свои учебники, меня традиционно приглашают на эту конференцию). Туда приезжают преподаватели этих областей со всей России — до недавнего времени в стране было более сотни структур, занимающихся образованием в этой сфере (сейчас несколько меньше в связи с общим процессом «оптимизации» образования, в результате чего произошли процессы слияния учебных заведений, кафедр, дисциплин — переход на систему бакалавриат-магистратура тоже сказался). Пару-тройку дней идет обмен информацией, мнениями, читаются доклады; к каждой конференции издается сборник выступлений... такая мощная подпитка повседневной преподавательской практики. Судя по этим выступлениям, бывают разные связки «преподаватель-практик». Правда, статистики на этот счет нет. Но на вскидку — все же сочетание «двух этих ремесел» встречается не так часто...

Чисто эмоциональный вывод из практики этих конференций — участники очень ценят такие встречи. Ощущение какого-то братства тут присутствует...

Кроме того, существует еще одна площадка, где преподаватели этих видов деятельности общаются — сегодня практически любой университет, а иногда институт, организует научные конференции как по широкой проблематике массовых информационных процессов, так и отдельно — проблемам рекламы, связей с общественностью...

Лариса, на мой взгляд, ты прошла очень естественный, цельный, но редкий для российской действительности путь: интерес к журналистике, социологическое изучение прессы, исследование общественного мнения, прикладные разработки в области культуры и, наконец, обращение к пионерной теме — рекламе. Можно ли сказать, что здесь тебе удалось найти исследовательское поле, при вспахивании

которого можно использовать весь твой исследовательский опыт? Не в этом ли успех твоих книг?

Зря ты хочешь сузить меня до рекламы. Наоборот, для меня это лишь частный случай массовых информационных потоков. Ты можешь судить об этом по названиям моих публикаций. И весь мой опыт этому помогает. Дело не в том, что мало написано другими, а в том, что, наоборот, много написано. И уже хочется свою делянку обработать.

Лариса, обычно я строю заголовок текста на базе одной из фраз интервью... Как тебе — Федотова Л. Н.: «Уже хочется свою делянку обработать»?

Твое предложение по-журналистски красиво: последняя фраза в интервью и она же — заголовок. Блеск!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Наиболее дорогие автору публикации

Книги

1. Капелюш Я. С., Сазонов В. В., Федотова Л. Н. Учреждения культуры в небольшом городе и население. М.: Мысль, 1985. — 157 с. Рецензенты Грушин Б. А., Римашевская Н. М.
2. Федотова Л. Н. Контент-аналитические исследования средств массовой информации и пропаганды. М., 1988. — 77 с.
3. Федотова Л. Н. Телемосты СССР—США: комплексное социологическое исследование. М.: издательство Московского университета, 1990. — 79 с.
4. Федотова Л. Н. Рабочие заметки практикующего социолога: к вопросу прогнозирования результатов выборов. М.: изд. ВЦИОМ, 1994. — 21 с.
5. Федотова Л. Н. «Реклама в опросах общественного мнения. М.: изд. ВЦИОМ, 1994. — 31 с.
6. Федотова Л. Н. Реклама в социальном пространстве: социологические эссе. М.: 1996. — 106 с.
7. Федотова Л. Н. Массовая информация: стратегия производства и тактика потребления. М.: издательство Московского университета, 1996. — 231 с.
8. Федотова Л. Н. Анализ содержания — социологический метод изучения средств массовой коммуникации. М.: Институт социологии РАН, 2001. — 185 с.
9. Федотова Л. Н. Паблик рилейшнз и общественное мнение. Серия «Учебник для вузов». Допущено Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальности 350400 Связи с общественностью. М.: Питер, 2003. — 352 с.
10. Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2004. — 397 с.

11. Федотова Л. Н. Реклама в коммуникационном процессе. М.: Камерон, 2005. — 463 с. (награждена дипломом АКАР и Всероссийской конференции заведующих кафедрами рекламы, связей с общественностью и смежных дисциплин как победившая в конкурсе на звание лучшего учебного издания по рекламе 2005 г.)

12. Федотова Л. Н. Общественное мнение как плацдарм для связей с общественностью. М.: Вест-консалтинг, 2010. — 476 с.

13. Федотова Л. Н. Общественное мнение и журналистика. М., 2011. — 373 с.

14. Федотова Л. Н. Общественное мнение в рекламе и связях с общественностью. М.: издательство Московского университета, 2012. — 422 с.

15. Федотова Л. Н. Социология рекламной деятельности. Учебник для вузов. 5-ое издание. М.: издательство Московского университета, 2014. — 456 с.

16. Федотова Л. Н. Социология массовых коммуникаций. 5-ое издание. М.: ЮРАЙТ, 2014. — 603 с.

17. Федотова Л. Н. Реклама: теория и практика. М.: ЮРАЙТ, 2015. — 391 с.

Статьи

18. Федотова Л. Н. Становление репортажа на радио // Вестн. Моск. ун-та. Сер.11, Журналистика. 1967. № 6. С. 16—28. — первая научная публикация: глава из диплома, защищенного по окончании факультета журналистики.

19. Федотова Л. Н. Анализ содержания — социологический способ изучения печати, радио и телевидения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1969. № 4. С. 57—65.

20. Федотова Л. Н. Ноэль Э. Спираль умолчания. К теории общественного мнения // Реферативный журнал ИНИОН АН СССР, серия 3. 1975, №2. С. 205—207.

21. Федотова Л. Н. К истории исследований общественного мнения // Социологические исследования, 1980, № 4. С.161—69.

22. Федотова Л. Н. Параграф в книге: Массовая информация в советском промышленном городе. Под редакцией Б.Грушина. М.: Издательство политической литературы, 1980.

23. Федотова Л. Н. Телевидение в небольшом городе // Сб. Телевидение вчера, сегодня, завтра. Выпуск 5. М., Искусство. 1985. С. 146—160. (соавт. Капелюш Я. С., Сазонов В. В.)

24. Федотова Л. Н. Социология и журналистика: взаимные долги // Телевидение и радиовещание. 1987. № 11. С.20.

25. Федотова Л. Н. Телемосты СССР—США: социологические заметки // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10, Журналистика.1988. № 3. С.32—38.

26. Федотова Л. Н. Информация на телеэкране: факторы отбора // Сб. Телевидение вчера, сегодня, завтра. М.: Искусство, 1988. С. 175—184.

27. Fedotova L. N. Telemosty ZSSR – USA (sociologicke poznamky) // Kontakt, Teoriticky mesachnik Ceshoslovenskej televisie v Bratislave. 1989, N 4. S. 63–72.

28. Федотова Л. Н. Программа контент-анализа прессы по современным проблемам экологии // Сб. Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны. Инф. мат-лы ИС АН СССР, вып. 9, часть 1. М., 1990. С. 63–73. (соавт. Б. А. Грушин).

29. Федотова Л. Н. Экология и пресса // Сб. Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны. Инф. мат-лы ИС АН СССР, вып. 9, часть 2. М., 1990. С. 28–35. (соавт. Б. А. Грушин).

30. Федотова Л. Н. Методика анализа содержания по проблемам экологии // Там же. С. 56–68. (соавт. Б. А. Грушин).

31. Федотова Л. Н. Пресса об экологических проблемах // Сб. Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны. Инф. мат-лы ИС АН СССР, ч. 2. М., 1991. С. 64–90.

32. Федотова Л. Н. Images of the United States in the Soviet Mass Media: The Results of Sociological Surveys. In: Beyond the Cold War: Soviet and American Media Images, Newbury Park: SAGE. 1991. P. 60–64.

33. Федотова Л. Н. К вопросу о рейтинге телепередач // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10, Журналистика. 1991. № 6. С. 80–84.

34. Федотова Л. Н. Аудитория демократического журнала: подписчики «Огонька» // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10, Журналистика. 1993. №3. С. 26–40.

35. Федотова Л. Н. Два взгляда на два мира информации // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10, Журналистика. 1993. № 1. С. 22–33 (соавт. Э.Мицкевич).

36. Федотова Л. Н. История на халяву (заметки о рекламе) // Газета «Известия». 1994. 11 февр.

37. Федотова Л. Н. Принудительна и агрессивна... Заметки о телерекламе // Журналист, 1994, № 7. С. 27–29.

38. Федотова Л. Н. Методы социологического изучения телевизионного вещания // глава в учебнике «Телевизионная журналистика», 1-ое изд. М., 1994. С. 226–232.

39. Федотова Л. Н. Реформистские» настроения и «спираль умолчания» // Инф. бюллетень «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения», ВЦИОМ, 1994, № 6. С.17–18.

40. Федотова Л. Н. К вопросу о прогнозах исхода президентских выборов: заметки социолога // Вестн. МГУ. Журналистика, 1995, №1, С.59–71.

41. Федотова Л. Н. Веришь – не веришь (опросы общественного мнения в российской прессе) // Газета «Сегодня». 1996. 5 июня.

42. Федотова Л. Н. Сеанс магии с последующим разоблачением (Зачем на самом деле приезжал к нам из Франции знаменитый «продавец президентов») // Независимая газета. 1999. 21 окт. С. 9.

43. Федотова Л. Н. Социология и реклама // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». 27–30 сентября 2000 г. СПб.: 2000. С. 362–363.
44. Федотова Л. Н. Репутация социолога – репутация социологии // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. Социология и маркетинг. 2005, № 2. С. 19–21.
45. Федотова Л. Н. От Гэллапа к Грушину: приглашение к размышлениям // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. Социология и маркетинг. 2005, № 6. С. 54–56.
46. Федотова Л. Н. «Девушка без головы» как визуальный образ российской рекламы // Сб. статей: Информационная и психологическая безопасность в СМИ. В 2-х томах. Т. П. / Под ред. Засурского Я.Н. М.: Аспект-пресс, 2008.
47. Федотова Л. Н. Социальная реклама: пограничные случаи // Вестник МГУ. Сер. Журналистика. 2009. № 3. С. 92–108.
48. Fedotova L. N. Messages of Advertising: Stages of Perception and Influence on Decision-making // World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies 2010. Edited by Elena L. Vartanova. Moscow: Faculty of Journalism Lomonosov Moscow State University. 2009. С. 201–217.
49. Федотова Л. Н. Один давний спор с Б. Грушиным // Сб. памяти Б. Грушина «Открывая Грушина». М.: Издательство Московского университета, 2010. С. 177–193.
50. Федотова Л. Н. Результаты выборов в Госдуму – 2011: социологический анализ // Интернет- издание «Капитал страны». 2012.
51. Федотова Л. Н. Двадцатилетие рекламы в современной России: первые итоги // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 129–136.
52. Fedotova L. N. Global and regional aspects of information process // The 5th International Media Readings in Moscow Mass Media and Communications – 2013 «National media systems between national and global: models and trends of the 2010s» (14–15 ноября 2013 г.). Abstracts. М.: факультет журналистики МГУ. 2013. Р.49–51.
53. Федотова Л. Н. Социальная миссия и социальная ответственность – понятия и эмпирическое наполнение // Интернет- издание «Капитал страны». 2013. <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/225273/>
54. Fedotova L. N. Social Transformation and Citizen Participation: the Culture Institutes and Advertising in Russia // Russia in Transition: Regional Integration, Media Censorship and Culture Institutes. Newcastle upon Tyne: Cambrigde Scholars Publishing, 2013. P. 163–194.
55. Федотова Л. Н. Факторы брендинга территории // Вестник РУДН. Серия литературоведение, журналистика. 2014. № 2. С. 104–115.
56. Федотова Л. Н. Реклама: взгляд социолога // Коммуникология. 2014. Том 3. №1. С.54–63.

57. Федотова Л. Н. Опросы общественного мнения и СМК // Сб. Выборы в новом медийном пространстве. Изд-во Медиамир, 2014 г., С. 341 – 359.

58. Федотова Л. Н. Модернизационные тенденции развития и информационное пространство стран БРИКС // Сб. Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы (Материалы V Всерос. научно-практической конференции, 5 ноября 2014 г., РУДН), М., 2014. С.100–106.

59. Fedotova L. N. Media and the Polls. Abstracts // 7th International Central and East European Communication and Media Conference “Changing Media and Democracy: 25 Years of Media Freedom and Public Sphere in Central and East Europe” (CEECON2014, June 12–14, Wrocław, Poland). Электронный ресурс http://ceecom2014wroclaw.pl/wp-content/uploads/Abstracts_CEECON2014.pdf (дата обращения – 30.04.14)

60. Федотова Л. Н. «Мы» и «другие страны» – их акции и наши реакции // Вестник ВГИК. №1 (23). Март. 2015. С. 135–145.

61. Fedotova L. N. Television – the window into the wide world // Вестник РУДН. Серия литературоведение, журналистика. 2015. № 1. С. 89–98.

62. Федотова Л. Н. Механизмы регуляции информационных потоков – метаморфозы понятий // Журнал МГИМО «Сравнительная политика». 2015. №1.

Интервью с Валентиной Николаевной ЯРСКОЙ-СМИРНОВОЙ

«МОЙ ПУТЬ В СОЦИОЛОГИЮ БЫЛ НЕ ПРОСТЫМ, КАК У МНОГИХ В ТЕ ГОДЫ: ОТПРАВНОЙ ТОЧКОЙ БЫЛА ФИЛОСОФИЯ»

Ярская В. Н. — окончила физический факультет Саратовского государственного педагогического института (1959). Доктор философских наук (1984 г.), профессор кафедры философии (СГУ), кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы (СГТУ). Основные области исследования: методология науки, социальные изменения, социальная политика и социальная работа, расизм, социология образования, социология времени. Интервью состоялось: апрель-август 2014 г.

Рассказанное Валентиной Николаевной Ярской-Смирновой интересно четкой, яр-кой пропиской траектории ее жизни в социально-культурном контексте значительного отрезка истории СССР 20 века и постперестроечной России. Интерес к искусству и наукам, языкам и физике, стремление понять природу времени и поведение человека постепенно привели ее в социологию. Большой научный и преподавательский опыт, знание многих сторон жизни общества, желание и умение узнавать новое позволили ей перешагнуть ступеньки ученичества и сразу занять заметное место в нескольких нишах социологии. Особо подчеркну ее внимание в 90-х к изучению теории и практики социальной работы как нового института российской реальности.

Валентина Николаевна не только — один из создателей Саратовской социологической школы, не только активно ведет подготовку новых социологических кадров, но она дала рост и семейной династии социологов. В развиваемой мною поколенческой стратификации советских/российских социологов она относится к третьему поколению. Её дочь — Елена Ярская-Смирнова представляет пятую профессио-нально-возрастную когорту. К этой же плеяде относится и зять, недавно ушедший от нас известный социолог Павел Романов. По пути старших пошли и внуки Валентины Николаевны, Дуня (23 года, учится в магистратуре университета Техаса) и Слава (28 лет, кандидат социологических наук, старший преподаватель НИУ ВШЭ). Они принадлежат к становящейся седьмой генерации современных российских социологов. Есть вариант, что кто-либо будет делегирован этой семьей в девятое поколение... Сколько уже сейчас проведено этой семьей исследований, опубликовано книг и статей, произнесено научных докладов, подготовлено социологов? Думаю, что они сами не знают...

Ярская-Смирнова В. Н.: «Мой путь в социологию был не простым, как у многих в те годы: отправной точкой была философия»

Валентина, около десяти лет назад ты рассказала достаточно подробно о своей жизни (Социологический журнал. 2005. № 2), но — как специалист по времени — обошла (почти) все временные точки в биографии. Я нашел лишь такое событие, привязанное ко времени: «Работала профессором на кафедре философии СГУ, а в 1985-м перешла в технический вуз...». Цель моих бесед — обогащение истории становления и развития советской/российской социологии. Не могла бы ты вернуться к тексту того интервью и дать хронологию своей жизни?

Начнем с твоей семьи, с детства...

Моя биография имеет городское происхождение¹. Я родилась как горожанка, в несколько обособленном от центра города Свердловска (Екатеринбург) военном городке. Но становление моего гражданского самосознания происходило в Саратове, и его я считаю родным городом. Хотя всю сознательную жизнь я жила, училась, дружила, любила, выходила замуж, болела и выздоравливала, воспитывала своих (и не только своих) детей и внуков не только в Саратове, но и других городах Советского Союза, повидала и посетила их много.

Родители моих родителей имели сельские корни, хотя в зрелом возрасте в силу разных причин переехали в город и там остались навсегда, вместе со своим разветвленным потомством. Таким образом, мои отец и мать с самой ранней юности уже были горожанами. Моя мама Антонина Емельяновна по тем временам имела неплохое образование — педагогический техникум в Саратове, рассказывала мне о бригадном методе, когда предметы за группу сдавал кто-то один, например, математику — тот, кто был в ней силен, то же самое на экзамене по истории, русскому, литературе. Это была типично городская девушка, в 16 лет студентка техникума тридцатых годов, — круглолицая, с зелеными, большими, широко, как у стрекозы расставленными глазами, прямым носом, красиво очерченным ртом, пухлыми губами. Остроумная, в меру строгая, быстро схватывающая необходимую информацию, она была лидером в своей компании.

Диплом педагогического среднего специального учебного заведения позволил ей в довоенные, военные и послевоенные годы работать в школе, учительницей начальных классов, преподавателем школы глухонемых, воспитателем в детском доме, детском саду, не только в Саратове, но и других городах, куда семья переезжала вслед за служебными назначениями отца. Позже, в период затруднений, которые испытывала семья после демобилизации отца, мама ушла работать на галантерейную фабрику местной промышленности, вначале ученицей, а затем быстро стала мастером, сама обучала молодых работниц. В цеху на Большой Горной был жуткий шум, ничего не слышно, не разговаривали, а ста-

¹ Здесь использован заголовок моей статьи: Ярская В. Инверсия времени жизни: детская биография городского происхождения // Социальные ориентиры современного города: здоровье, спорт, активный туризм. Саратов: СГТУ, 2007. С. 10

рались перекричать жужжание станков. Лишь десятилетия спустя руководители фабрики догадались или просто смогли, наконец, приобрести противoshумные наушники для своих работников.

Характер мамы был общительный, жизнерадостный, она сочетала в себе новые привычки с полученной от родителей искренностью общения, пересыпала речь сравнениями, эпитетами, поговорками и гиперболами. Тогда в домах у многих были коллекции пластинок, у нас в семье — от Шаляпина до Руслановой, добавились уже в мои школьные годы Дунаевский, Утесов, Цфасман, затем Армстронг и Фицджеральд. От природы мама и две ее сестры были щедро наделены музыкальным слухом, голосом приятного тембра, врожденным эстетическим вкусом, отчетливой избирательностью в одежде.

Все три сестры были хорошо воспитаны, умели шить, вышивать гладью и крестом, вязать на спицах и крючком, хорошо готовили и делали заготовки на зиму, вообще прекрасно вели домашнее хозяйство, следили за порядком в квартире, любили детей, были добрыми, готовыми прибежать на помощь по первому зову, делились последним. Живя в городе, они были верны гемайншафтскому коллективизму, унаследованному от сельских предков. Было удивительно, как мама все успевала, ведь работала и дома не сидела, сложа руки. Мать была нашим кумиром, семейным центром, без нее не принимались важные решения, к ней обращалась я не раз в трудных жизненных ситуациях, она самоотверженно помогала, не только нам, близким, но и любому, кто ждал ее совета и помощи. Лидерские качества делали ее авторитетом и дома, и на работе. Помню, в Саратовской коммуналке на Ленина 5 типа «Московский муравейник», шесть семей на кухне, из всех квартир громко кричали на ее чихание: «Тося, будь здорова!».

Я хорошо помню бабушек и дедушек. Мамины родители — дед Емельян и бабушка Степанида — происходили из Петровского уезда, который был пограничным между двумя губерниями, их родное село Козловка — очень красивое, окруженное лесами. В начале XX века село было огромным — насчитывало шесть тысяч жителей, улицы вытянулись на семь километров, было две церкви. Дважды это село переходило из Саратовской губернии в Пензенскую губернию, и обратно. Дед с бабушкой рано уехали из села, дед служил в Кронштадте, на Балтийском флоте, моряком дальнего плавания. В Кронштадте родилась старшая мамина сестра Катя в 1905 году, «когда кругом стреляли». Перебрались в Саратов после того, как дед отслужил. Он был человеком пытливого и критичного ума, разносторонних способностей, после флота на гражданке проявил талант умельца, мастера золотые руки, столяра-краснодеревщика. Делал все для дома и выполнял заказы. Он критически относился к реальности, вспоминал своих зажиточных и сгинувших предков, к сожалению, мы мало с ним пообщались: дед не обращался к врачам и внезапно ушел из жизни — в пятьдесят лет умер от сердечного приступа.

Бабушка по маме Степанида прожила дольше деда, воспитывала нас в чистоте и опрятности, была ко мне требовательнее и строже, чем мама. Я её уважала и даже побаивалась, речь не идет о каком-то аргументированном влиянии на поведение, выбор был за мной. Когда родители уезжали (отца перебрасывали работать в Кемерово), я была уже старшеклассницей, мы жили с бабушкой

вдвоем. Ежедневно я должна была делать влажную уборку дома, тщательно скоблить деревянные полы, протопить печь-голландку, могла получить внушение о благородном (и не очень) поведении подруг.

Отец Николай Тихонович родился в многодетной сельской семье, его отец — дед Тихон Лазаревич — работал пастухом, бабушка Матрена тихо вела хозяйство, смотрела за детьми. Выросло шестеро — три брата и три сестры, отец был старшим. По мере взросления дети уезжали в города — Петровск, Саратов и дальше — на Урал, в Свердловск. Это был известный период исхода сельских жителей — они бежали из деревни в город в поисках заработка, от нищеты, голода, бескультурья, грязи, безнадёги. Кто смог, получил профессию в городе, остался там работать, растить семью, желания вернуться в деревню ни у кого не было. Отец ходил в школу, легко и хорошо учился, он рано ушел из дома, пошел служить в армию, попал в Свердловскую школу красных командиров, привез из Саратова маму, они поженились, жили в военном городке. Там, в 1935 году, в Свердловске, я родилась. Мама работала учительницей, вместе с другими женами военнослужащих принимала активное участие в спортивной и культурной жизни городка, пела в клубном хоре, занималась лыжами, коньками, участвовала в соревнованиях, помогала в организации праздников, работе библиотеки.

После окончания школы красных командиров отца направили в город Березняки, где мы поселились в доме рядом с заводом. Там было вредное производство, на улице было нечем дышать, а дома, к великому огорчению мамы, графин на столе покрывался сажей и копотью меньше, чем за сутки. Моей няней была папина сестра Шура, она удивлялась плохому городскому воздуху и выводила меня на прогулку в огромный дровяной сарай, где воздух был чище, пахло дровами. Через некоторое время, наверное, с целью системного советского воспитания, да и Шуре надо было учиться, меня все-таки отдали в местный детский сад. Между тем, детский сад, категория и организация — чисто городские, в деревне и понятия не имели, что до школьного возраста ребенок может находиться вне дома.

Если помнишь, пожалуйста, расскажи о детском саде той поры...

Конечно, весьма подробно и точно я помню детский сад в Березняках, где нас занимали увлекательными играми, плясками и чтением стихов и сказок, подготовкой к веселым праздникам, знаменательные советские даты отмечались красочно, менялись декорации, костюмы и наши роли. Мое военно-патриотическое воспитание началось именно там, в детском саду, есть фотографии, сохранившиеся с тех пор. В день памяти вождя младшая группа детского сада сидит вокруг искусственного костра с замаскированными лампочками, натуральными еловыми ветками, от них вкусно пахнет. Дети трех-четырёх лет внимательно, открыв рот, слушают рассказ воспитательницы, они уверены, это рассказ о каком-то волшебнике или сказочнике — дедушка Ленин в детском сознании укреплялся в архетипе Деда Мороза.

На другой фотографии — дети в шлемах-буденновках на игрушечных конях (к палочке прикреплена голова лошади) — конница Буденного. Дети средней группы — это более взрослые ребята, им четыре и пять, таков возраст этих конников, одетых, кто во что горазд, но зато скачущих на одинаковых рысаках, в одинаковых петлицах, буденновках с красной звездой. А рядом, на стене — плакат соответствующей патриотической тематики.

Наконец, третья фотография — группа детей в белых бескозырках с ленточками, на мощном корабле «Клим Ворошилов». Этот крейсер или, может быть, эсминец, украшен флажками, якорем и спасательным кругом, все понастоящему. Краснофлотцы выглядят солидно и убедительно, готовые к сражениям, враги сразу испугаются.

Фактически мы, дети, выступали здесь слушателями биографии вождя, краснофлотцами, конницей Буденного. Конечно, в это же время, параллельно с военным патриотизмом мы осваивали и безобидную гражданскую тематику — танцы снежинок, поварят и (американских) клоунят, разучивали детскую классику про козлика, елочку, каравай и множество других, разнообразных и безобидных аполитичных стишков и песенок. Позже, когда воспитатели старших групп переходили к классикам детской воспитательной поэзии, нас знакомили с произведениями Михалкова, Чуковского и Маршака.

Мама освоила язык и работала в городской школе глухонемых, участвовала в клубной самодеятельности. Перед самой войной отца направили служить в погранвойска, в Кишинев — в детском возрасте пришлось увидеть, кроме уральских, еще немало городов Советского Союза и даже сравнить их, насколько это было возможно в моем сознании.

Похоже, мы подошли к времени начала войны, что у тебя осталось в воспоминаниях о том периоде?

В общем массиве прошлых событий на жизненном пути бывают воспоминания, которые занимают такую биографическую нишу, где они не стареют, не исчезают, становятся вечными, выпуклыми, как будто это было только вчера. Приехав к отцу в июне 1941 года, мы удивились, что, в отличие от уральских городов — холодного Свердловска и страшных по своей экологии Березняков — здесь, в юго-западном приграничном городе Кишиневе было солнце, много ягод, фруктов, яркой зелени, вкусных булок и хлебов. Тогда мало кто сознавал, что центральные российские города и села жили намного беднее окраинных республик. Нарядные люди гуляли на улице, чем-то торговали и — дешево, тепло, весело. Мама восторгалась непривычному изобилию, тому, что можно ходить в светлом, покупать в кулечках разные ягоды, ее восторг передавался мне, новая жизнь казалась бесконечной, с ощущением беззаботности и счастья.

Но однажды ночью начались разрывы снарядов, папу вызвали якобы по учебной тревоге, после этого мы его не видели года два, конечно, в ту ночь началась война, немцы бомбили Кишинев — он ведь находился прямо на границе. А утром за нами пришел боец, сообщив, что мы должны идти в часть для эвакуации. Соседи, местные жители, к этому времени завели патефон, накрыли стол и открыто радовались началу войны.

По пути к месту эвакуации нам пришлось прижиматься к дому, так как в это время над нами низко летал самолет, и сопровождавший боец пытался попасть в него из винтовки. Потом, во время бомбежки мы прятались в подвале, где нас засыпало обломками разрушенного бомбой дома, некоторые дети плакали, а я — нет. Мама сказала, что у меня не было испуга, а было любопытство, я интересовалась, что происходит, сочувствовала, но детские нервы были крепкими. Когда нас откопали, вытащили из-под обломков, то сразу отвели на вокзал, где было много народу — шла эвакуация. Мама меня все время держала за руку, чтобы не потерять. Потом мы погрузились в вагон, теплушку, и очень долго ехали до пересадки в Харькове, этот город мне не удалось рассмотреть даже бегло. Во время налетов все выскакивали из вагонов и разбегались по обе стороны от насыпи, в поле, кусты, лесные опушки, там пережидали тревогу, бог дал — наш поезд доехал целым и невредимым.

И вот мы приехали в Саратов. У мамы в Саратове оставались родители и две старшие сестры, мои тетки. У старшей — тети Кати — было два сына, в детстве были веселые проказники, выросли однолюбам, не только по отношению к любимым девушкам, которые стали их женами, но и своей профессии. Оба воплотили в реальность свои юношеские мечты, стали авиаторами, для этого в Саратове были все возможности. Старший кузен Петр после окончания Саратовского авиационного техникума, учился в МАИ, получил профессию инженера-авиаконструктора. Стал первоклассным специалистом, преданным своему делу, долгое время жил и работал в Комсомольске—на—Амуре, участвовал в создании знаменитых теперь, а тогда засекреченных СУ. Вернувшись в Саратов, с головой уйдя в работу начальника цеха Саратовского авиазавода, виделся с нами только по большим праздникам. Был бы жив сейчас, умер бы от огорчения, что сделали с его любимым авиазаводом.

Младший брат Владимир окончил Саратовскую спецшколу ВВС, а затем Энгельсское летное училище, стал летчиком-асом, командиром эскадрильи реактивных бомбардировщиков. В дальнейшем с женой Тамарой вырастил в Пскове двух сыновей. С младшим — Виталием, по традиции предков покинувшим Псков ради Саратова, университета, математики, а затем социологии, мы стали особенно близки.

Вторая мамина сестра тетя Клава постоянно жила в Саратове, ее первый муж умер от голода прямо на улице в 30-е годы, второй раз она вышла замуж перед самой войной, и мы из Кишинёва приехали к ним. Нас с мамой приютили в уютной квартире старого дома на улице Мичурина, где мы жили какое-то время одной дружной семьей, до возвращения отца с фронта.

В чем-то наш огромный двор со старыми постройками и повидавшими виды небольшими одноэтажными домами напоминал сельскую общину. Все было у всех на виду, обсуждали новости на фронте, помогали друг другу, кто и чем может: тот же Гемайншафт, хотя и в городе.

Мама устроилась работать воспитательницей в детский дом «Красный городок» на Покровской улице, сейчас — улица Лермонтова. Там были когда-то кельи женского монастыря, а после войны речное училище, теперь все давно снесли. В детский дом направляли сирот, у кого погибли или пропали родители. Мне нравилось помогать ей, заниматься с детьми, а когда она сутки дежурила, я там и ночевала, моя кровать стояла в комнате детей, рядом с выключателем. Ребят укладывали спать, я рассказывала им сказки, которые знала огромное количество, иногда фантазировала, придумывала собственный конец. Дети меня хорошо слушали, когда я останавливалась, говорили: «еще!», а если не просили продолжать, значит, уже уснули. Так я стала помощницей мамы, ощущая себя даже самостоятельным воспитателем в те военные детские годы, с тех пор это занятие так и не бросила.

По ночам на крышах домов дежурили, ожидали нападения с неба, во время ночных налетов немцы бомбили Заводской район, хотя линия фронта все же была от Саратова дальше по сравнению с соседним Сталинградом. Во время войны, когда повсюду был голод, мы жили скромно, хлеба было мало, в моем детском сознании лучшее угощение — это пончики на большом эмалированном блюде. Другим лакомством была морковь, мы делили ее с сестрами: младшей доставалось больше, старшим — поменьше. Конечно, не было особо хороших продуктов, но мы этого как-то не ощущали. Наше детство, даже в те страшные военные годы, не было обездоленным, благодаря крепкой дружной семье. Благодаря воспоминаниям мы знаем, что Саратов был другим. Изменения происходили постепенно, и вот уже ушел еле уловимый, но несомненный шарм истинного интеллекта, провинциальной духовности, хотя и наука, и театры, и художники все еще живут здесь, но уже в другой среде. И к этому наше поколение привыкло, хотя и не притерпелось.

Отец продолжал воевать, был ранен, оказался в госпитале, после чего попал опять в погранвойска. Был направлен сначала в Казань, мы с мамой приехали к нему, там я была в старшей группе детского сада, естественно, мое военно-патриотическое воспитание было продолжено. Моим воспитателем оказалась замечательная Сара Григорьевна, с которой мы сфотографированы в военизированных костюмах — гимнастерках — в День Красной Армии, 23 февраля. Позже отца перевели в часть под Горьким, в Дзержинск, охранять военный завод, мы с мамой приехали к нему, нас, как и другие семьи военных, поселили в гостинице.

Помню, что в кинозале гостиницы постоянно показывали фильмы, в основном, не военной тематики, с участием Любови Орловой, Валентины Серовой, Людмилы Целиковской, Николая Крюкова, музыка Дунаевского и других советских композиторов вошла в мою плоть и кровь. Я смотрела по нескольку раз одни и те же фильмы — «Свинарка и пастух», «Веселые ребята», «Три танкиста», а чуть позже, когда разрешили к показу — «Сердца четырех». Фильмы очень нам, детям, нравились, мы разыгрывали из них сцены, воспроизводили песни, это были наши любимые развлечения. В Дзержинске я пошла в первый класс, мне было легко учиться, так как я умела хорошо считать, читать, писать, казалось мое дошкольное воспитание, родительское влияние. Помню, как ходила в клуб на занятия музыкой через замерший пруд, где было хорошо кататься, в том числе на коньках, которые привязывали к валенкам веревочкой.

В день Победы мы ликовали, и взрослые, и дети, было весело, салют, радостные лица взрослых и детей, все сообщество семей военных собралось на площади перед гостиницей, обнимались, плакали, тут же вынесли столы и накрыли их, угощали друг друга всем, что нашли у себя. После окончания войны вместе с папой мы еще не раз переезжали из города в город, например, оказались на станции Игумново Горьковской железной дороги, где была неплохая школа, и там, уже в десятилетнем возрасте, я закончила третий класс. Жители на станции придерживались городского образа жизни, но пользовались общинными традициями поддержки и взаимопомощи и в радости, и в горе.

Война закончилась, что изменилось в жизни?

После демобилизации отца наша семья вернулась в Саратов, тогда для демобилизованных военнослужащих не было никаких ваучеров на жилье, его можно было получить в городе только как ведомственное. Моя дорогая тетя Клава опять взяла нас к себе, так что мы жили там же, на улице Мичурина, угол Соляной. Я стала учиться в четвертом классе, наступал период взросления. Муж тети Клавы в это время работал участковым милиционером, это был человек впечатляющей широты души, голубоглазый, белокурый атлет, настоящий великан, добродушный и смешливый, готовый протянуть руку помощи любому, всегда готовый ответить на шутку замечательным, искренним смехом, поддержать разные хохмы и любые розыгрыши.

Однажды, во время праздника Победы, когда собрались многочисленные родственники, мы заключили пари с моими тетками, что принесем цветы с большой клумбы из сквера на улице Соляной, хотя рвать цветы, разумеется, запрещалось. Дядя Коля был на моей стороне заключенного пари, мы с ним составили команду добытчиков цветов, его одели в шляпу с большими полями, длинный плащ, накинули шарф на шею на западный манер, я надела чьи-то каблуки, накрашилась и взъерошила волосы. И в таком «иностранном виде», под ручку, мы двинулись на улицу, в скверике была женщина, ухаживающая за клумбой. Когда мы приблизились, я громко продемонстрировала школьный уровень немецкого, произнесла строки стихотворения

Im Park sind viele Blumen:
weiß, rot und blau und bunt.
Wir lachen, spielen, springen,
und lustig bellt der Hund.

Обращаясь к дяде «иностранцу», потребовала — Блюмен!! Дядя Коля выдал следующую тираду, подразумевая, видимо, некое иностранное наречие: баба-женщина, битте, баба-женщина, один, два, три цветка — быстро, битте, пожалуйста! Данке, данке!!! Надо было видеть эту трогательную картину — джентльмен средних лет, явно иностранец — редкость в то время и в тех краях — под руку с совсем молоденькой девушкой, которая просит цветы. Работница сквера мгновенно расцветает в улыбке, радушно, согласно и гостеприимно кивает, выбирает лучшие цветы, с радостью протягивает нам готовый букет. Дома нас ждали поздравления и призы.

Пожалуйста, поделись воспоминаниями о школьной жизни, чем детальнее, тем лучше...

Приезд в послевоенный Саратов оказался прелюдией к бурной и полной самых разных интересов школьной жизни, которая вскоре и последовала. Память превращает текст в ряд не имеющих внешней связи отрывков, лоскутные формы. Мы опять жили у родственников, школа вначале была прямо на Мичурина, совсем рядом через дорогу, в четвертом классе восьмой школы мы знакомимся с будущими подругами, я только что пришла в этот класс, ничего особенного там не происходило. Зато дома, из дворовой ребятни я сколотила команду — вернее, актерскую труппу, у меня оказалось достаточно времени для реализации театральных планов, без которых уже не могла существовать моя экзистенциальная темпоральность. Начала с того, что поставила «Аленький цветочек», еще что-то сказочное, подражая постановкам ТЮЗа, придумывала свой, гораздо более удачный, как мне казалось, финал. Во время представлений ставились скамейки, табуретки и лавочки в центре большого двора, актеры появлялись из дверей веранды теткиной квартиры, там шло переодевание, артисты усердно гримировались. Зрителями становились жильцы нашего двора

От деда оставался вместительный сарай с огромным комфортабельным погребом, в этом помещении работал театр теней. Под руководством старшей сестры Шуры и ее подруги Вали вырезали фигурки из черной бумаги и натягивали простыню, ставили керосиновую лампу — разыгрывали сцены, диалоги, сказочные превращения, ужасы. Оказалось, что в тринадцатилетнем возрасте я могу влиять на судьбы людей — одна из моих актрис, сыгравшая Аленушку в «Аленьком цветочке» — Рая Пронина из полуподвальной квартиры тети Клавиного дома — заразилась театром, поступила в актерскую студию где-то в Воронеже, связала жизнь с театром навсегда. Позже, уже в студенческие годы, ученик английской школы Толик Гусев, оказавшийся в драмкружке, которым я руководила попутно с преподаванием физики в качестве практиканта, и гениально сыгравший роль Бабы-Яги в моей Новогодней фантасмагории, тоже увлекся театром и после школы поступил в драматическую студию, работает где-то в одном из сибирских театров. Исполнительница роли Зайчика много лет спустя предстала передо мной уже как замечательный педагог в английском стиле и мама красавицы Виктории, защитившей в моем совете докторскую по социологии, а в Британии PhD (сейчас профессор Вышки Вика Антонова).

И пространство, и время изменились, когда по каким-то причинам мой класс и школу перевели на улицу Коммунарную (Соборная), восьмая женская школа осуществляла удивительную для того времени экспериментальную гимназическую программу: латынь, логика, психология в старших классах. Директриса Вера Даниловна следила за соблюдением этикета — отутюженная форма, приличное поведение, запрещала приглашать штатских мальчиков на школьные вечера (это легко обходили), по традиции женская школа дружила с суворовским училищем, находившимся за углом. В хорошем расположении духа наша начальница звала нас по имени и на «ты», а когда гневалась — переходила на «вы» и фамилии.

Ближайшее дружеское окружение признавало и уважало псевдонимы, прозвища, таинственные сокращения. Ядро класса сверкало, бурлило, увлекалось, взрывалось, кипело, и прекраснее этого уже ничего в жизни не было. Это была совершенно необычная школа, пробуждавшая в нас неподдельный интерес и к занятиям, и досугу, я училась легко, как будто играючи, давалось как-то всё на лету, закончила с золотой медалью. Кроме неординарной учебной программы

здесь было все для общекультурного, эстетического и физического развития, мы вместе с одноклассницей Светланой Богословской (сейчас профессор медицины), серьезно занимались спортивной гимнастикой в спортзале Динамо на Некрасова, даже получали какие-то разряды. Все тогда много плавали, ходили на лыжах, катались на коньках.

В школе работали драматические студии, ставили спектакли актеры из ТЮЗа Ефим Нейман и Лидия Колесникова, функционировал мощный хор, в нем было много прекрасных солистов.

Я участвовала еще и в постановках в суворовском училище. Среди моих друзей-суворовцев был Юрий Власов, позднее известный спортсмен, чемпион по штанге, писатель, политический деятель, и Рубен Варшамов, замечательный художник, известный яхтсмен, с его женой француженкой Галей мы подружались навсегда. Юрий, наряду с блестящей учебой в суворовском училище, занимался метанием копья, диска, был развит интеллектуально и физически — высокого роста, хорошего сложения, широк в плечах, голубые глаза с черными бровями и ресницами (аристократическая порода — гордился он).

Папу в это время взяли на работу в правоохранительное ведомство, эта организация примерно через год решила для нас жилищный вопрос, и мы переехали в свою квартиру на улице Ленина 5 — теперь этой улице вернули старое название — Московская. Мы поселились на втором этаже небольшого дома, практически на берегу Волги, тогда не было бетонированной и асфальтовой набережной. Это была типичная коммуналка типа московский муравейник, все удобства во дворе, но главное, у нас было две комнаты с видом на Волгу, мы были счастливы. Папа с гордостью говорил, что здесь должны жить композитор, поэт и художник. Если за мной заходили подруги, чтобы позвать гулять, они просто пели под окном! Когда мы возвращались с прогулки по набережной, папа с удовольствием высывался из окна и слушал наши незатейливые и такие лирические песни — Ивушка, Пряха, По Дону гуляет, многочисленные и трогательные песни о Волге.

До сих пор живы воспоминания об этом доме, в нём я жила с небольшим перерывом на отъезд в Волгоград вплоть до защиты кандидатской диссертации. Отец не ограничивал мою свободу, был демократ, всему потакал (мама была строже — педагог), он после войны работал, учился в юридическом, приносил следственные упражнения, мы с ним шушукались, «раскрывали» преступления. Шахматы тоже стали нашим общим увлечением, хотя папа играл на порядок лучше, и позже, уже в пожилом возрасте, активно посещал клуб шахматистов на Набережной Космонавтов.

Почему возможно представить воспоминания на всеобщее обозрение? Потому, что я — очевидец, у меня было место «в первом ряду», и сей непреложный факт выделяет меня из остальных хроникеров. Под влиянием отца, многочисленных книг и кинофильмов я собиралась стать следователем или разведчицей, но ближе к окончанию школы вновь увлекалась театром, страстно хотела стать актрисой, с самого детства обожала Валентину Серову, Любовь Орлову, Дину Дурбин, мне нравились их роли в фильмах, хотя позднее все чаще увлекали драматургические образы театра. Жанр мюзикла узнала позднее в несравненной «Моей прекрасной леди». Спустя годы прошла собеседование в студию Саратовского ТЮЗа, сам Мастер — Ю. Киселев (сейчас мы живем на улице, названной в память о нем) — похвалил меня за мои способности, но посоветовал

не бросать науку, не уходить в театр на нищенскую зарплату. Тогда казалось, что на фоне семидесяти рублей актерских окладов аспиранты и ассистенты вуза получают большие деньги.

При этом не только театр, но еще физика, математика, история, языки были моей страстью одновременно, то есть меня сопровождала неопределенность будущего, хотелось объять необъятное. Мама, настроенная более определенно, считала, если есть успехи в учёбе, то не стоит идти в несерьёзную профессию (театр, кино), надо идти в науку. Возможно, она лишь подчеркнула то, что не было явным, так или иначе, дальнейшее мое развитие еще не раз шарахнет от одного увлечения к другому, и в этом видится вред отличной учебы в школе по всем предметам.

В школе у меня была чрезвычайно активная жизнь, я была типичным жаворонком, вставала очень рано и утром, перед школой (занятия начинались в восемь часов), за час делала все уроки. После школьных занятий у меня была бездна времени, пела в хоре, играла в спектаклях драмкружка, занималась в физическом кружке, ходила на спортивную гимнастику, а по вечерам — радостный, сверкающий и наполненный музыкой каток Динамо — в центре Саратова. Там встречались друзья и подруги, это был веселый клуб общения, там знакомились, симпатизировали, играли в догонялки, поезда, испорченный телефончик. Может быть, тогда для школьников этой породы была характерна исходная социальная ангажированность, страстный интерес к сути дела.

В нашем случае потеря доступности Волги для жителей Саратова — это урбанизированная месть жизни большого города, изнанка технического прогресса. Урбанизация и экология продиктовали свою темпоральность, инверсию, движение вспять, регресс. Саратов в те годы был действительно волжским городом, Волга была доступна горожанам, мы вырастали волгарями, казалось — весь город стоит на берегу. Любила плавание, тогда на нашем саратовском берегу великой Волги было много бассейнов — водных станций, где можно было плавать в любое время суток, лодку можно было взять напрокат, сложилась замечательная компания, мы вместе проводили время, переплывали Волгу до пляжа: пока не сделали водохранилище, уровень воды оставался небольшим. Суворовцы брали увольнительные, и мы с Юрой Власовым катались на лодке при луне.

Помню эпизод с подготовкой экзамена по истории, когда у меня дома собрались мои подруги вместе готовиться по билетам, но пришел Власов, командовал «Все на пляж!». А на пляже рассказывал интересные, не известные нам факты, исторические случаи, анекдоты и парадоксы, демонстрируя совершенно иную, живую парадигму преподавания истории в суворовском училище.

Нельзя сказать, что кто-то специально подбирал мне книги для чтения в школьные годы, хотя так сложилось, что в книжном царстве я была не одинока. Папа был книголюб, дома у нас всегда было много книг, как-то на день рождения он купил мне академическое издание Шекспира, два огромных иллюстрированных тома, трагедии и комедии. Среди прочих у нас было собрание сочинений Диккенса, огромное число томов, уже став пенсионером, отец перечитывал их несколько раз, он вообще любил классику — русскую, зарубежную. Мама хорошо знала детскую, школьную литературу, классику, советских авторов. В школе были замечательная библиотека и учителя особой, уже уходящей породы. Например, Анна Петровна Некрасова — не просто учитель литературы,

а — словесница, я не встречала такого мощного преподавателя литературы, не привязанного к какому-то учебнику. В классе разгорались дискуссии и вне учебных уроков и учительского влияния, например, Чарская или Маяковский? Помню, были рьяные сторонники обеих сторон. Это не были политические дискуссии, наша школьная жизнь протекала по эту сторону колючей проволоки, о советском Зазеркалье многие тогда не знали. Мои подруги и друзья школьной поры много читали, обменивались впечатлениями, многие сами пробовали себя в поэзии и прозе, а с Еленой Горской (Панасян) мы сочинили мюзикл — я писала либретто, она — музыку.

Мы не пропускали ни одной премьеры в Оперном театре, куда традиционно брали самые дешевые билеты на галерку, в ТЮЗе и драме смотрели всё, а потом изображали оперы, концерты, романсы, драмы. Необыкновенной учительницей музыки в нашей школе была Анна Васильевна Чайковская, которая вполне оправдывала свою музыкальную фамилию, обладала совершенным вкусом, расписывала партии, хоры из опер, дуэты, трио, мы пели Лизу и Полину, Прилепу и Миловзора, Улетай, на крыльях ветра, тщательно отобранные советские песни. Мне было странно слушать, как в эпизоде по «Эху Москвы» Мария Гайдар сказала, что им на уроках музыки включали Моцарта, а они дружно смеялись. Видимо, мы — последнее поколение, учившееся у людей старой закалки и получившее еще традиционное музыкальное воспитание и вкус.

Много лет спустя мы собрались на пятидесятилетие окончания школы почти всем классом в 8 школе, а потом самые близкие подруги пошли ко мне. Организатор всех наших традиционных встреч, умница и создательница замечательной семьи, никогда не унывающая и дающая поддержку в трудную минуту друзьям Аля Кузнецова-Лопатинская, без нее вряд ли удалось нам встречаться так регулярно. Жизнерадостная улыбка и вдохновение — это Рая Фельдман-Кнушевицкая, преподаватель и ведущий методист английского языка университета, все юные годы моя партнерша по вокалу, в наших трио и дуэтах она пела верхнее сопрано. Я знала с детства и часто общалась с ее мамой Бэбой Мироновной, активным деятелем, руководителем Саратовского речного порта и чудным, отзывчивым человеком. Мудрая и верная в дружбе Ирина Белова-Васильева, с седьмого класса дружила со Славой Васильевым, впоследствии известным футболистом, к сожалению, он рано ее оставил, ушел из жизни, Ира сосредоточилась на воспитании детей и внуков, в чем она всегда образец. Людмила Авдошина-Плетнева, с детства блестящие актерские способности, инициатор многих классных затей, свое стремление к творчеству передала сыну, впоследствии известный театральный режиссер. Ирина Потапова-Смерека, мы с ней бегали лет с 13—14 слушать томные романсы ее мамы Нины Николаевны под гитару, пластинки замечательных певцов — Лещенко, Лемешева, мелодии гавайской гитары. Оттуда у меня осталась Гуд бай, Гавайя.

В центре моей памяти — две Светланы, Богословская — подруга, с которой мы посещали спортивную гимнастику, балетную студию, каток. Теперь доктор медицины, профессор, заведует кафедрой фармакологии. И никогда не унывающая и замечательная художница Света Оспацева-Белоглазова, бесконечно преданная в дружбе, искренняя и бескорыстная, готовая на край света, легкая на подъем. Дина Мишнева-Попова, из гениев класса, медалистка и серьезная во всех отношениях, теперь — деятель кино и телевидения, режиссер и продюсер

лучших документальных фильмов Нижневолжской киностудии. Рядом не менее гениальная Аля Сорокина-Яровинская, нежная и застенчивая блондинка, способная к кропотливой редакционной и воспитательной работе, лучший редактор научного издательства университета, отзывчивый и готовый прийти на помощь настоящий друг.

Никто из них никогда не был замечен в каких-либо реакционных или замшелых, устаревших взглядах и установках. Как ни удивительно, но разнесенные судьбой в разные пространства, мы сохранили наше общее время юности и перенесли его идеологию справедливости и нравственности в такие различные, нами сконструированные времена наших жизней.

Более позднее, любимое музыкальное увлечение — это был джаз, мы были уже старшеклассниками. Поначалу это были, конечно, простые формы — репертуар Дунаевского в исполнении Утесова, мы всё это пели, разыгрывали джаз на партах, изображали трубу, ударные. На большой перемене организовывали концерты, задраивали стульями дверь, никого не пускали, только «избранных» из соседнего класса, кто мог бы участвовать в классном джемсэшн. Естественно, пластинки коллекционировали: джаз, романсы — русские и цыганские, популярные оперные арии и дуэты. Мы всё это записывали, заучивали, в том числе, английские песни, хотя в нашем классе учили немецкий и латынь, поэтому английский поначалу стал нашим хобби через песни.

С двумя школьными подругами (Рая Кнушевицкая и Таня Школьниковы²) мы в студенческие годы организовали вокальное трио, ездили на пароходе в Волгоград выступать на фестивалях и конкурсах вузовской самодеятельности. Нашим концертмейстером был сын известного оперного певца Володя Серебровский, который стал впоследствии великолепным театральным художником и мужем моей подруги Елены Горской. В команде был также знаменитый и рано ушедший из жизни, знаменитый саратовский бард Слава Радин.

Домашняя коллекция пластинок содержала классику, джаз, романсы — это Джапаридзе, Изабелла Юрьева, Петр Лещенко, Михаил Цфасман. Но самое любимое музыкальное увлечение — это джаз в старших классах: репертуар Дунаевского в исполнении Утесова, мы всё это пели, разыгрывали джаз на партах, кто — изображал трубу, кто — ударные. Появились «Голос Америки» (приемник объявлял с чувством, толком, расстановкой: *This is the Voice of America!*), Дюк Эллингтон, пластинки с Луи Армстронгом, бесподобной Э. Фицджеральд.

И вот завершается школа, что дальше?

Школьный латинист, бывший белоэмигрант из Китая Г. М. Усов, превосходно знал не только латынь, но и живые европейские языки, а из восточных — китайский, в нашу жизнь ворвался Восток. Он преподавал лингву латину, но прекрасно владел китайским, рассказывал о культуре, традициях, истории Китая. От него я получила первые книги с иероглифами, узнала о языковых диалектах, стала собирать книги по истории Востока.

На выбор института востоковедения серьезно повлиял мой друг Юра Власов. В то время его отец работал в Китае в дипломатическом представительстве, в последние годы его перевели в Бирму, где он тяжело заболел. Позже мы вместе навещали Юриного отца в кремлёвской больнице. Книгу «Особый район

² Татьяна Школьниковы стала известным музыковедом, ее выступления радовали не только саратовцев, но и ленинградцев, горьковчан, москв

Китая» уже после смерти отца издал Юра, подарил мне экземпляр. Я испытывала большое влияние этой сильной личности, он обладал особой харизмой и огромным самолюбием — привозил мне китайские веера, книги, внушал: «надо идти в институт востоковедения». Мы симпатизировали друг другу, очень дружили, но годы спустя расстались, по моей вине.

На мой выбор отчасти повлияла и школьная учительница — хороший историк И. И. Маслова, которая рассказывала нам историю востока. А когда мы изучали марксистскую часть истории, она предлагала читать тексты, подлинники. Кроме ленинских статей мы и Энгельса читали, «Анти-Дюринг», «Диалектику природы». Поэтому в вузе на первых курсах мне было легко, я была уже знакома с основами марксизма-ленинизма.

С медалью в 1953г. я свободно сдала собеседование в Московский институт востоковедения, Дальневосточный факультет, китайское отделение. Институт был в Сокольниках, а я жила у Варшамовых на Чистых прудах, прямая красная ветка, удобно.

Хорошо помню — аспирант Зия Буниятов, красавец с чёрными усами, вел собеседование: вот у вас в аттестате латынь, проспрягайте глагол *«ато»* — я проспрягала. *А какой известный химик был еще и композитором?* — разумеется, я знала, что Бородин. *А кто написал Конек-Горбунок?* — на это я ответила, что знаю даже, кто написал Доктор Айболит, комиссия рассмеялась, и я прошла собеседование.

Подружилась я тогда со своей одноклассницей Галей Ян, дочерью Ян Хиншуна, советского философа китайского происхождения, представляла, что поеду в Китай, буду корреспондентом, дипломатом, переводчиком, эта романтика была популярной. Институт через год расформировали, несколько лет позже Микоян назвал это ошибкой, и решили, что с Востоком связи необходимы, открылся институт Азии и Африки, но я к тому времени уже заканчивала физический факультет пединститута в Саратове и увлекалась философией.

По распределению преподавала физику в Узбекистане, корейской школе, затем в волгоградском инженерном вузе, но вскоре на каком-то городского масштаба философском семинаре в Волгограде познакомилась с Еленой Мамчур, и после моего доклада о китайской философии услышала ее вопрос: «Что вы делаете в физике? Вам надо в философию», а я в своих сомнениях словно ждала такого толчка, поступила в философскую аспирантуру Саратовского госуниверситета на кафедру О.С. Зелькиной, руководителем диссертации «Философское значение понятия инверсии времени в физике» стал Я.Ф. Аскин.

В аспирантские 60-е и позже — докторантские 70-е годы активно участвовала в симпозиумах, посещала философские семинары и школы, ездила в командировки в Грузию, Прибалтику, Украину, в Ленинградский, Московский, Свердловский и Тартусский университеты, Институт философии, ВКШ. А в Саратове ждали моих впечатлений и результатов друзья, коллеги и многочисленные ученики, студенты и аспиранты. Многоформатность темпоральностей оказалась не аллегорией, а реальностью.

Нам несказанно повезло в жизни: мы имели счастье встречаться и долго беседовать с интересными людьми, время определяло интеллектуальное пространство эпохи, научные тусовки, общение с блестящими собеседниками, некоторые оказали на нас огромное влияние, навсегда остались друзьями. Только ученый способен вместить в себе мечтательность и конкретность, в конце

70-х грянуло Постановление ЦК КПСС о Саратовском университете и МВТУ имени Баумана, задул ветер перемен. Везде были свои научные направления, впечатляло общение с блестящими собеседниками, учеными, некоторые из них оказали на меня огромное влияние, некоторые навсегда остались моими друзьями: В. Бранский, П. Гайденок, Э. Гирусов, Ю. Давыдов, Э. Ильенков, М. Каган, А. Кармин, В. Лекторский, И. Лисеев, Е. Мамчур, Л. Микешина, И. Мочалов, В. Швырёв, Ю. Сачков, Н. Трубников. Критикуя позитивизм, советская философия сама была его определенной версией, это спасало ученых от ограниченного и политизированного варианта философствования — кафедра философии СГУ, например, издавала регулярные сборники по методологическим проблемам познания.

С другой стороны, позитивистская установка в таком варианте иногда граничила с физикализмом. Так, академические авторитеты в проблеме времени полагали, что понятие времени — это всего лишь параметр физики, некоторые учёные высказывались, что инверсия времени — простой математический формализм, описания в формах гамильтониана и лагранжиана. Интерес к теме возрастал не благодаря авторитетному мнению официальных отечественных темпоралистов, а, скорее, вопреки.

Но появились переводы Ричарда Фейнмана, был издан четырёхтомник Эйнштейна, стали доступны революционеры в физике — копенгагенцы Бор, Гейзенберг, Шредингер. Стало откровением очевидное — науки основаны на инверсии времени — антропология, биология, геология, история, социология, психология, физика. Социокультурная темпоральность самой эпохи и социального времени уже была многообразна и выражалась самыми различными и конкретными формами временности каждого отдельного социального субъекта.

Хрущевская оттепель сменилась эпохой стагнации, атмосфера была затхлая, в регионах не было продуктов. В столичные командировки ездили со списком от коллег, кому что привезти, москвичи шутили: «Пока продукты не будут перевозить в товарных вагонах, их будут везти в пассажирских». Но одновременно исчез страх репрессий, можно было легко улететь на самолете или уехать на поезде в любую точку Союза, был дешевый бензин, мы проводили досуг на Волге, катались на водных лыжах, совершали путешествия. Сейчас это было бы невозможно осуществить — из-за дороговизны, криминальной обстановки на волжских берегах и островах.

Лишь позже мы узнали, что все это дотировалось — наши дешевые поездки, билеты, конференции. Ни в развитие дорог, ни транспорта, ни самолеты, автобусы и поезда не было никаких вливаний, все постепенно ветшало, увеличивало риск аварий и катастроф. Накапливался долг и перед границей, и перед собственными гражданами, темпоральности становились все более обедненными.

Учёный секретарь Института философии АН СССР на Волхонке, бывший моряк, сказал мне тогда: «А что, у вас в Саратове, в Сибири, разве нет докторского совета?» В ответ я подарила ему монографию «Научное предвидение и время», с надписью: «От автора из Саратова — на Волге». Мои друзья искренне смеялись, а муж, профессиональный геолог, интерпретировал: «Видимо, он специалист по морям, а не по рекам».

Валентина, а может о времени как социальном феномене следует поговорить специально? Ведь это твое, наряду с _____ тией...

Поколение как форма времени было представлено еще Гераклитом из Эфеса, развалины которого показывают туристам в Турции, а сегодня обращаются к понятию поколенческого контракта для характеристики моделей благосостояния. Поколение вызывает интерес не только с позиций исторической перспективы от прошлого к будущему, различий в потребительских ориентациях и практиках, но и с позиций усиления времени социальности и гражданственности общества, сокращения времени тотальной власти. В социально-демократической модели время жизненного пути защищено, протекает без потрясений и конфликтов в стабильно высоком уровне экономики, по масштабам времени социальных гарантий выделяются обеспеченное время старости, декоммодификация как освобождение времени от давления.

Либеральный режим подразумевает право на минимальную защиту времени болезни, старости и по другой причине, формирующей время с сокращенными ресурсами. Государство идет на помощь бедным, чтобы наполнить их пустое время, продолжить его. Посредством сочетания демографических переходов, экономической транснационализации, паттернов рабочей и семейной карьер, поколенческий контракт слабеет. Это влияет на жизненные шансы поколений, неясно, как этот контракт будет осуществляться в государстве благоденствия, эволюционирующем в направлении государства активации или государства конкуренции. А был внедрен поколенческий контракт государствами всеобщего благоденствия для поддержки и защиты зависимых периодов жизненного цикла, детства, юности, пожилого возраста, посредством труда и вклада активного населения. В контексте дебатов о социальной Европе, особенностях темпоральностей интерпретировалось, насколько одинаково ощущаются давления в разных странах и могут вызвать демонтаж времен социальных и экономических отношений.

Исследование человеческой истории, личностных биографий, социальных проблем человека оказывается возможным в методологии концептов времени, классические образы общества как социального организма, функциональной системы не в состоянии объяснить динамику социальной реальности. Многое не укладывалось в схемы, не поддавалось классификации уже в 70-е, домашние коллекции пополнились записями на магнитофонных катушках, появились Вертинский, Высоцкий, Окуджава, возник ансамбль Дмитрия Покровского, изменивший наши представления о фольклоре со времен Руслановой, поиск аутентичного фольклора стал антиподом хору Пятницкого. А в конце 80-х стал заметным разрыв между экономическим объяснением хозяйственных реформ и отсутствием новых теоретических представлений о социальной реальности, нужна была научная интерпретация культурной эволюции советского общества, отхода от репрессивного режима.

Вхождение в постмодерн означало новые темпоральности и темпорализмы, свободу, выбор и толерантность задолго до их политической рефлексии. Важные события для многих в Саратове: сольные концерты фортепианной классики замечательных пианистов Альберта Тараканова и Анатолия Каца, собиновские фестивали, фестивали Нейгауза; джазовые события, например, Николай Левиновский, ставший знаменитостью американец из Саратова, а также племянник нашего саратовского социолога-экономиста Левы Фиглина, победивший на джазовом

фестивале в Штатах. Второе дыхание после великого мастера — Киселева — получил знаменитый ТЮЗ во главе с Юрием Ошеровым, но это не мешало культу гитарного шансона, музыкальным встречам, домашним джемсешн.

Вместе с тем признание диалога и толерантности — это в том числе и открывающиеся возможности терапии ксенофобии и дискриминаций, ведь говорить об антропологии насилия, его культурных корнях, фундаментализме и экстремизме можно в различных дискурсах, но сразу вызывает сомнение бытующая иерархия культур. Мы одинаково ценим Бетховена и Шостаковича, Шекспира и Акунина, но главное — сказать нет нетерпимости, а ее мы знаем всякую: начиная от гендерной и, кончая всем, где мы видим какой-то экстремум, исключение, — существует в любой области деятельности. Это и технократический расизм, — когда не уважают гуманитарные проблемы. Например, физики считают, что только физики важны, или некие белые считают, что только белая раса важна, или говорят, что одна конфессия — главная и единственно верная, тогда и возникают эксклюзия и фундаментализм.

Стало актуальным понимание временности как состояние целостности, наблюдались фрагментарность, неопределенность, отрывки, индивидуализации, идентификации с позициями разнообразных групп. А сейчас русофобия в международных организациях, странах Европы и англоязычном культурном ареале — якобы из-за аннексии Крыма, а на самом деле назрел дремлющий конфликт между католицизмом, протестантством, идеальной демократией Запада (по представлениям самого же Запада) и православием, мусульманством и тоталитаризмом Востока, хотя дело, разумеется, не ограничивается частями света. Ключевой категорией становится темпоральное различие: стабильность, равномерность времени уходят в прошлое, открывается путь к пониманию времени в социальном, нелинейном формате. В новой картине все меньше времени всеобщности, все больше социальности и биографичности, важнейшими формами темпоральности оказываются, культурная гибридизация, поколение и ускорение.

Любая наука определяет собственный предмет, концептуальный аппарат, тезаурус категорий, возможные пересечения с предметами других наук. Так, физическими явлениями занимается физика, и она определяет, какой круг явлений считать физическим. Социальное знание конституирует социальное время как постоянное *social becoming* (Sztompka P.) подобно тому, как медицинское знание конструирует своего пациента. С XIX в. психиатрия не просто изучала психические болезни, но и сформулировала, создала их. Тезис Фуко в Истории безумия о реализации принципа знания-власти в человеческой жизни оказался неожиданным и поразительным.

Наступление постмодерна сопровождается отказом от былой абсолютной объективации, универсальности, охвата бесконечной реальности общими идеями, исчерпывающей философской концепцией. Утратили значимость суперпроекты, вовлекавшие людей в единое поле их осуществления, титанические начинания, коллективизация, великие стройки и образ жизни строителей коммунизма, поворот рек, освоение целины, всемирные революции, общие гигантские марши. Перестройка 90-х была глобально устремлена к демократии, но не знала технологий перехода, к тому же, оказался живучим этакратизм, возникало много ошибок из-за некомпетентности и стремления все завершить мгновенно, одним махом. Технократическое наследие представлено в интолерантности и коррели-

рует с идеологией высокого модернизма — мощной верой в научно-технический прогресс, одним из элементов, по Дж. Скотту, развертывания социального бедствия. Другие элементы — это административное рвение, авторитарное государство, слабое гражданское общество. Именно в высоком модернизме и формируются враждебные человеку формы временности.

Нужна отмена карцерного стиля, пенитенциарной организации пространства и времени, идеологии надзирать и наказывать. Этими принципами ведь руководствуется и сейчас большинство институций, деструктивные пространства и потоки времени, от семьи до армии, образовательных учреждений, где наказание применяется в грубой форме. Властные и военные структуры, корпорации, медики, родители, педагоги до сей поры допускают незаконные практики в отношении бедных, женщин, детей, различного рода меньшинств, диссидентов, бездомных, безработных, стариков. Это означает, что российское сообщество, в том числе, медленно идет по пути к статусу гражданского общества, в нем — проблемы, описанные Мишелем Фуко во всех сферах и опасность ухода в псевдопатриотическую изоляцию.

В прошлые годы было трудно защитить диссертацию исключительно для галочки, сейчас же встречаются ученые, для которых защита кандидатской или докторской диссертации — это финиш, они отказываются подтверждать свой статус, разве что пользуются им для получения права иметь аспирантов и выращивания из них себе подобных. Появляется когорта ученых провинциального склада (отнюдь не только в провинции), самодостаточных, с ограниченным кругозором, не желающих никого и ничего знать, кроме собственного Я и собственной доморощенной концепции. Встречаются претензии подобных псевдоученых, некоторых институтов на право подвергать цензуре деятельность научных коллективов, при этом проявляется нетерпимость к иной точке зрения, иным ценностям и принципам.

Такой случай был на защите в моем совете, когда от имени епархии (наш бывший ученик, выпускник мехмата, доктор философских наук) призвал совет не голосовать за диссертацию по социальному конструированию гендерной нормы, на том основании, что это, по его мнению, пропаганда известного модного греха. Когда же члены диссертационного совета единогласно проголосовали в поддержку диссертации, данный защитник православия прибегнул к публикациям в желтой прессе и занялся сбором подписей за закрытие совета. Как оказалось позже, он же выступал и за запрещение абортотворства и строительства крематория. Вот такое вторжение агрессивного времени возникло неожиданно для нас в нашу, казалось бы, безмятежную и сравнительно спокойно и равномерно протекающую научную темпоральность.

Однако временность не генерируется в качестве автономной деятельности субъекта, человеческое участие в конструировании доброго или злого времени реально лишь в социальном проекте, экзистенция и временность не имеют тотальной отграниченности от внешнего мира. А теперь, напротив, проявились новые требования — приоритет индивидуализации, выбора, постмодернистская текстуальность. Время становится полноправной категорией этико-гносеологической реальности, инверсия времени не только возможна, но и реально существует. Эта операция совершается с математической координатой, временем перцепций, экзистенциалом времени. Еще в 70–80е явилась мне философская

интерпретация инверсии времени как уход от физики в гносеологию, парадигмальные множества и постулаты науки. Стала очевидной постмодернистская междисциплинарная суть проблемы, нашлось ее подтверждение в работах Томаса Куна, трудах Международного общества изучения времени, которым долгое время руководил Джеймс Фрэзер.

Благодаря экзистенциальному будущему наше прошлое превращается из нагромождения свершившихся событий во внутреннюю историчность личности. Будущее втягивает в себя содержание прошлого и оживляет его. Человек постоянно обращается в прошлое, инверсия времени — гносеологический механизм, хотя и зависит от культурного момента: как именно мы интерпретируем ушедшее событие. Социально конструируемая темпоральная система координат любого вида социальных процессов, несомненно, относится к социологии времени не только как проблемному полю исследований социологов, но и достаточно солидному заделу для учебных курсов. Социология времени вполне может претендовать на статус научной и учебной дисциплины, не говоря уже о спецсеминарах для будущих социологов, культурологов и философов. При этом мы все же констатируем робкое вхождение категорий времени и пространства в учебную литературу, социологические и философские блоки образовательных программ. Анализ жизненного пути в качестве метода исследования применяется в преподавании социальных дисциплин пока лишь как эксклюзив, а не обязательный принцип.

Несмотря на длительный период скованности исследований темпоральности уничтожающей критикой махизма вождем пролетариата, сегодня мы привлекаем методологии, междисциплинарность, проблемность (а не предметоцентризм), признаём субъективную темпоральность как важнейшую характеристику экзистирования. Недостатком теории социального времени (социального темпорализма) является ее слабая инструментальная связь с социальными практиками. Ведь мир не организован линейно, когда нельзя сменить парадигму, версию будущего, и однополярному миру противопоставлен многополярный, линейной стреле времени — дивергенция, пучки и инверсии темпоральностей. Кроме того, научные теории времени (темпорализмы) оказались неоднородными даже в своей специальнаучной формулировке. Тем более это характерно для культурной, социальной и бытовой повседневности. Центральным принципом изучения жизненного пути оказывается понимание взаимозависимости жизненных пространств, в форматах социальных сетей семьи, дружеских и профессиональных сообществ.

Теперь — самое время рассказать о твоём вхождении в социологию...

Под влиянием работы в общесоюзных Программах сформировались профессиональные межвузовские связи. Началась инновация, которая осуществлялась раньше, нежели официально объявленная кампания по гуманитаризации образования в 90-е годы. Эти нововведения в вузе искренне поддержал проректор по НИР, а затем ректор — Владилен Петров, доктор технических наук, блиставший эрудицией, которой мог позавидовать иной обществовед или гуманитарий. Нововведения обеспечивали чтение новых дисциплин на всех потоках огромного вуза, это и была реальная гуманитаризация (технического) образования. Мне удалось расширить спектр дисциплин по социальным и гуманитар-

ным наукам, ввести в образовательные программы историю философии, этику, эстетику, курс «Познай самого себя» (психологию личности), теорию и историю культуры. Чтобы читать эти курсы, я пригласила одарённых людей, ко мне потянулась плеяда молодых философов, психологов, искусствоведов — дипломированных социологов тогда еще не было. Один из технарей-проректоров удивлялся: Валентина Николаевна, а зачем в технический вуз приглашаете искусствоведа из консерватории? Последующие годы приходили студенты, переведенные с физического факультета СГУ на факультет электронной техники и приборостроения нашего СГТУ: Валентина Николаевна, почему при переводе из университета в инженерный вуз мы должны сдать пять гуманитарных дисциплин? — Потому что здесь они читаются ВСЕМ студентам, независимо от факультета и специальности. Расписание в техническом вузе предельно формализовано — и специальности, и названия курсов обозначались аббревиатурами. Курс «Познай самого себя» обозначался как ПСС, шутили — в пик КПСС!

В конце 80-х годов для разработки стандарта новой западной специальности по социальной работе был организован Временный научно-исследовательский комитет под руководством С. А. Беличевой, с которой я тесно сотрудничала вместе с командой молодых ученых и преподавателей.

Тщательно проработав всю необходимую документацию и комплекс учебно-методических материалов, которые требовались для подготовки открытия специальности, я выступила с докладом на конференции комитета о предложениях по макету стандарта новой специальности, апробации нововведённых предметов как основы образовательной программы. В 1991 году, пройдя отбор, мы начали среди первой пятерки вузовских коллективов России подготовку по специальности и одноименному направлению, определяя необходимые специализации.

Открыв новую специальность, технический университет попал в первую пятерку российских вузов, начавших подготовку по социальной работе: теперь многие удивляются, почему в техническом вузе такая специальность? Более того, рассуждают о профильности. Отделили выпускающую кафедру, открыли направление — бакалавриат и магистратуру, а через несколько лет социальная работа как специальность открывается во многих вузах страны, университетах, педагогических институтах. Позже были открыты специальности социокультурный сервис и туризм, социальная антропология, разработаны базовые курсы по социологии образования и занятости, теории и методам социальной работы.

Ряд лет я избиралась Председателем Саратовской ассоциации работников социальных служб, контактировала с Президентом РАРСС — А. Пановым, оказывала методическую помощь работникам социальной сферы, социальной защиты населения, активно проводила мероприятия по разработке социально-политических прогнозов, практических рекомендаций. Позднее познакомилась с организацией в Москве Института социальной работы и РГСУ. Кафедра стала предметом профессиональной гордости, форумом для общения начинающих социологов. Благодаря подросшим сподвижникам (Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова вернулась из Швеции Гетеборгским магистром социальной работы) была инициирована разработка программ бакалавриата и магистратуры,

получено разрешение Министерства на открытие магистратуры — при условии наличия положительных экспертиз зарубежных университетов и включения в соавторы представителя УМО (!).

При разработке образовательной программы по социальной работе стало абсолютно ясно, что необходимо совмещение нескольких фундаментальных блоков дисциплин. Истоки теории и практики социальной работы уводили в Чикагскую школу, те исторически знаменательные годы, когда практически одновременно разрабатывались принципы первых социологических школ и школ социальной работы. Понятно, что в образовательной программе по новой специальности кроме существенного блока психологических и социально-медицинских дисциплин центральное место отдавалось огромному блоку социологии. Мы проанализировала старые и новые файлы наших расписаний по семестрам, за несколько лет, конечно, сами стандарты изменились, не говоря уже об учебных планах. Получился внушительный перечень социологических дисциплин, хотя, конечно же, они вводились не в одночасье: социальные институты, социальное проектирование, моделирование и прогнозирование; социальная демография и социальная статистика; социология управления и организаций; социология молодежи и молодежные субкультуры; социальная геронтология; гендерная социология; социология семьи, социология образования, занятости, социология культуры, социология повседневности ...

Появилась необходимость готовить квалифицированные кадры по социологии, мы открыли аспирантуру, затем докторантуру по научным социологическим специальностям. В 90-х с открытием новых специальностей и участием в международных программах преподаватели прошли стажировки в университетах США и Европы. Я солидарна с утверждением Вебера о том, что наука — одновременно и профессия, и призвание. Без призвания — нет инновации в профессии, это уже ремесло, грубый слепок с профессиональной, животрепещущей деятельности. Наверное, узкая специализация деятеля науки, так же, как предметоцентризм в обучении, — смерть для творческого понимания проблем.

Путь в социологию был не простым, как у многих в те годы, отправная точка у моего поколения была философия, переход от социальных проблем в философии к социологии казался вполне логичным, хотя в каком-то смысле и маргинальным. Занималась проблемами времени, предвидения в эволюции культуры — теперь молодые дарования называют термин эволюция позитивистским. Если подумать, как следует, то ведь только предельно формализованные институты могут всерьез быть уверенными в кардинальных, сильных отличиях социальной философии от социологии. И кто из крупных научных деятелей имеет дело исключительно с наукой узкой направленности, или исключительно с философией, социологией, политологией, экономикой? Бор, Бурдье, Вебер, Маркс, Мертон, Фуко, Эйнштейн? Скорее, мы должны иметь профессиональную склонность к проблемам, а не разграничиваться жестко по отдельным научным дисциплинам, как в традиционном учебном процессе. Ведь любая проблема — это сама жизнь, она имеет, подобно священной Фудзи, множество пространственных граней, сторон, форм и оттенков времени. Недаром мы толкуем принцип Бора как дополительность не только языков науки, но и дополительность культур.

По молодости мне нравились разные варианты развития, учебы, карьеры — театр, режиссерское и актерское искусство, джаз, физика, изучение Востока и китаеведение, философия, и мне объективно везло, у меня кое-что получалось. Позднее стали понятны две истины — нельзя объять баобаба, как нельзя и замыкаться в скорлупе. Постепенно я оказалась не только в постоянно интригующей преподавательской сфере деятельности, но и синтезе разных научных подходов и методологий, требующем вечного совершенствования, широкого взгляда на содержание и методы исследования как сути университетского образования. Происходила конверсия ресурсов образования, социальных коммуникаций, групп, компаний, тусовок, семьи — в решение жизненных проблем, индивидуального достижения.

Во взрослой возрастной стадии мы больше путешествуем, меняем конфигурацию мест, пространств, насыщаем время. Темпоральность пути в различных путешествиях каждый раз конструируется конкретно. По грантам и программам работала в Штатах, Великобритании, Швеции, Ирландии, симпозиумы, конгрессы и конференции помогли увидеть Германию, Испанию, Португалию. ЮАР. Интерес к востоковедению, Китаю никуда не пропал, остался мечтой поехать в Китай, которая осуществилась, когда представился случай командировки сразу в несколько китайских университетов.

Хорошо, пожалуйста, расскажи о Саратовской социологии. Нельзя ли здесь раскрыть имена и отчества? Может, кто заинтересуется, покопается... что мы знаем об этих ученых?

В истории нашего региона первые кафедры социологии и истории социально-политических учений, уголовной социологии, гражданского права и социализма были открыты в Саратовском университете в 1920 г., о чем свидетельствуют публикации, подготовленные учеными СГУ имени Н. Г. Чернышевского³.

Я занялась поиском персоналий того времени по просьбе Бориса Докторова. И кое-что узнала. Так, действительный член Института советского права РАНИОН, профессор Института народного хозяйства и Института Красной профессуры и в то же время ректор Саратовского университета Разумовский Исаак Петрович в 20-х гг. выступал по проблемам социальной философии и социологии, преподавал исторический материализм на педагогическом факультете и факультете общественных наук. Интересно, что, рассматривая соотношение теории и метода, приоритет Разумовский отдавал методу. Научная теория каждой отдельной науки есть, по его мнению, вместе с тем, ее методология. Позже он подвергся критике ортодоксальных марксистов за недооценку учения об общественно-экономической формации и трактовку идеологии как классового сознания, искажающего социальную действительность⁴. Он исходил из того, что любая идеология вредна, мешает видеть действительность, мышление, которое заражено идеологизмом, не может быть научным.

³ Социология в Саратове: Хрестоматия / Под ред. Аникина Л.С., Дыльнова Г.В. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006; Социология в Саратовском университете. 2-е изд. / Под ред. Дыльнова Г.В. Саратов: Научная книга, 2005

⁴ Сущность идеологического воззрения // Вестник Социалистической академии. 1923. Кн.4; Курс теории исторического материализма. М.—Л., 1924 (3-е изд. 1928); Разумовский Исаак Петрович [08.12.1893] http://enc-dic.com/enc_biography/ki-isaak-petrovich-5454.html

Второй интересный в истории саратовской социологии персонаж — **Каценбоген, Соломон Захарович** (1889—1946). Это — советский государственный и партийный деятель, философ и социолог, организатор социологической науки в Беларуси и России в 1920-х гг, выдающаяся личность, оставивший яркий след в науке. За критику экономической политики советской власти был понижен в должности, разжалован из профессора в преподаватели. Читал курсы лекций по генетической социологии, общей и марксистской социологии, истории первобытной культуры. В Саратовском государственном университете (СГУ), способствовал организации и развитию университетской социологической науки, а с 1925 г. был деканом факультета права и хозяйства, заведующим кафедрой исторического материализма. С 1928 по 1932 — ректор университета⁵.

И еще она интересная персона в этом проблемном поле. **Герберт Юлианович Маннс**⁶ (1884 — 1938) — ученый-юрист, криминалист, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Саратовского юридического института им. Д. И. Курского, с 1927 — профессор, директор Фундаментальной библиотеки Саратовского университета. Осуществлял научное консультирование при раскрытии тяжких преступлений, был блестящим лектором и популяризатором науки, принимал участие в работе правления Саратовского дома ученых. В 1937 расстрелян, реабилитирован посмертно. Оставил исследования по беспризорности, хулиганству, определению способов совершения преступлений, профессиональные особенности и быт преступников, расследования преступлений, включая идентификацию преступников.

В 1930-х процесс развития социологии был прерван, как известно, не только в Саратове, длительный перерыв в преподавании социологии закончился почти через 50 лет. Сегодня в оценке ведущих тенденций развития региональной социологии важнейшими факторами выступают не только индивидуальные успехи, но и результаты усилий социологического сообщества.

Возрождение саратовской социологии началось в 1970-х с промышленной тематики в Лаборатории комплексных социально-экономических исследований (ЛКСЭИ) Политехнического института (теперь СГТУ имени Гагарина Ю. А.), где работали трудовики, накапливая бесценный опыт полевых работ. Здесь трудились тогда молодой стажер, а сегодня известный исследователь крестьянской повседневности Шанинской школы и член моего докторского диссертационного совета профессор В. Виноградский, И. Зиньков, Р. Пашян, А. Трубицын, будущие сотрудницы моего Соццентра Б. Луговцева, И. Кемпайнен, Г. Саунина, И. Федорова. Разрабатывались проекты комплексного развития и планирования промышленных предприятий и районов, существовала отлаженная система хозяйственных договоров, которая стала разваливаться лишь к середине 80-х. Прикладные исследования социологии аграрного сектора стали активно проводиться в Институте социально-экономических проблем АПК, сегодня социоло-

⁵ Данилов А. Н., Елсуков А. Н. Каценбоген Соломон Захарович // Социологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.Н. Данилова. — Мн., 2003.

⁶ Иванов А. Н., Михальчук А. Е. Незаслуженно забытое имя // Вестник криминалистики. — 2010. — № 4. — С. 107—115

гическое направление Института аграрных проблем РАН возглавляет П. Великий. Близка к этой тематике кафедра экономической социологии Саратовского социально-экономического университета, филиала РЭУ имени В. Плеханова.

Быть пространством в качестве инвайронмента — значит быть в качестве несамостоятельного, несубъектного и вневременного начала. Проект определения, что есть природное воздействие, становится социальным и культурным проектом в той же мере, как и чисто научным. К примеру, угрозы глобального изменения климата, центральные в спектре международных политических реакций, опираются на предположения о человеческом, институциональном и рыночном поведении. Социоприродный конфликт как любой конфликт между ресурсами и притязаниями и комплекс данных проблем с моей точки зрения весьма остроумно обозначен Урри и Макнотеном социологией природы. Происходит то, что не мог предвидеть модерн: взаимодействиям с природой придается ментальный характер, природа приобретает культурное и темпоральное осмысление. Нельзя точно определить, отграничить социальные форматы отдельно от природных форматов времени, железный занавес здесь отсутствует. Время Мичурина, который требовал не ждать милостей от природы (взять их — наша задача!) ушло безвозвратно.

После защиты докторской в Институте философии АН СССР на Волхонке в 1981 году я еще несколько лет работала профессором родной кафедры философии в Саратовском государственном университете, руководила аспирантами и Теоретическим философским семинаром (ТФС), на его заседания сбегались аспиранты и молодые преподаватели из разных вузов Саратова, который называли городом студентов из-за обилия высших учебных заведений на душу населения. Помню, как заведующий кафедрой устроил мне и назначенной докладчице Т. Фокиной разнос за объявление о заседании по теме «Противоречия при социализме»: — Какие еще такие противоречия при социализме? (Пауза, глубокие раздумья). Ну, ладно... пусть доклад, но зачем же объявление вешать?!

В мой университетский философский семинар ТФС (по сути это был неформальная философская школа) приходили со всего города, из вузов, мы пестовали будущих философов из среды физиков и лириков. Философские кадры тогда формировались из разных наук, в аспирантуре, во многих университетах не было философских факультетов, недавно мы имели то же самое в социологии — вначале она была реанимирована как наука, а социологическое образование еще не существовало, социологи рекрутировались из математиков, философов, экономистов.

Активисты ТФС и мои первые аспиранты из физиков стали известными учеными, творческими и политическими деятелями, показали в своем дальнейшем жизненном пути, что талантливы во многом. Виктор Хасин достиг высот в философии и политике, работал в перестроечное время Поволжском кадровом центре (ныне Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина) первым проректором, сейчас читает курсы в Юридической академии. Владимир Гасилин — ведущий философ этого же учебного заведения, автор глубоких книг по истории философии. Николая Кононова в чине студента, моего дипломника мы отправляли посланцем к опальному Л. Гумилеву, которому долгое время не

давали защищаться, чтобы устроить чтения на заседании ТФС в ореоле таинственности. Теперь Николай стал известным петербургским писателем, поэтом, деятелем культуры.

В 1985 г. ректор Политехнического института, академик А. И. Андрющенко предложил мне перейти в технический вуз на заведование кафедрой. Обстановка была застывшей, в российских вузах действовали застарелые программы по известному джентльменскому набору общественных наук. Этот переход сыграл большую роль в повороте моих научных и педагогических интересов, на новом месте уже ждали нововведений. В отличие от общей серой и затхлой атмосферы тех лет на кафедрах общественных наук так называемых классических университетов — технический вуз был готов к инновациям.

ЛКСЭИ по объективным причинам начинала чахнуть, когда я пришла в институт, и почти одновременно с реализацией первых программ прикладных социологических исследований в Поволжье я в 1986 году на базе СГТУ открыла по сути дела первый в Саратове Социологический центр, в котором стали разрабатываться и осуществляться исследования по запросам и заявкам ректората и сторонних организаций. Были заказы, маркетинговые исследования — от разработки инструментария до подготовки отчета. Спустя 20 лет наши усилия высоко оценил наш Владимир Александрович Ядов, гуру российской социологии, ведь в середине 80-х мы фактически начали осуществлять формирование научной школы социологии, помогая становлению будущих исследователей⁷.

Назову некоторые начальные исследования Соццентра. В ноябре 1988 года в г. Марксе и Марксовском районе опрошено 250 респондентов по проблеме воссоздания республики немцев Поволжья. Позднее с участием ПКЦ мы проводили проблемно-деловую игру по той же тематике на заводе «Радон», оба исследования показали четкую дифференциацию общественного мнения населения.

В 1991 году по заказу «Автомоста» мы провели опрос двух тысяч респондентов. Изучалось отношение водителей автотранспорта, пользователей железнодорожных переездов к строительству платных путепроводов в Саратовском промышленном узле, в районе станции Зоринской в Саратове и районе станции Хрипань Московской области. Проводили опрос молодые тогда социологи Б. Луговцева, Г. Саунина, Е. Косыгина.

Тогда прикладная социология призвала в свои ряды меня и мое окружение, команда центра исследовала стратификационный характер, противоречия интересов контингента вуза, городские и региональные проблемы. В 1992 году уже под влиянием кафедры и новой специальности мы провели исследования: «Социологический анализ проблем семьи в Саратовском регионе» и «Позиции и взгляды депутатов областного и городских советов на деятельность местных органов власти».

В мае 1993 мы приняли участие в совместном исследовании с МГУ (С. Туманов, Российско-американский проект) «Предвыборная ситуация в России»: 1000 респондентов в Саратове, малых городах и селах. Это был пример чисто исполнительского полевого участия, по готовой методологии и инструментарию. Не обошлось и без курьёзов, один из них описывает Галина Саунина:

⁷ Зайцев Д., Ловцова Н., Щепланова В. Становление научной школы: десять шагов в социологию. Саратов: СГТУ, 2005

«Это был тысячник. Лена Смирнова⁸ ездила на инструктаж в Москву, мы шустро приступили к опросу. И вдруг приезжает проверяющий из Москвы и требует у нас спиральную выборку. А мы о ней почему-то ничего не знали, я в ужасе всю ночь накладывала спираль на карту Саратова и подгоняла нашу выборку под спираль. Вроде удовлетворен был утром. И уехал с проверкой в Ртищево. Мы опять дрожать. А он там пошел в ресторан покушать, и его побили. И вся проверка на этом закончилась — с таким лицом уже нельзя было ходить».

В 80-х появились такие имена, авторитеты и приоритеты, которые невозможно было не заметить, они сразу же и достаточно сильно повлияли на мое более конкретное обращение к социальным наукам, причем уже не только в их теоретической части, но и инструментам. Это были, естественно, ленинградские создатели социологии труда О. Шкаратан, В. Ядов, осуществившие переворот в социологической картине мира, благодаря их масштабным исследованиям отечественная социология снова стала наукой.

Появились работы Ю. Давыдова, Ю. Левады, В. Шляпентоха. Дорогая нашим сердцам Т. Заславская осуществила научное оформление уже витавших в околonaучной сфере идей о трансформации советского общества, его социальной структуры и экономики. Мы почувствовали необходимость приблизиться к социологии, найти соответствующие центры, подобрать кадры, которые смогут овладеть новым инструментом анализа. Чуть позже уже полагали себя социологами, маргинальность статуса не пугала, появилось убеждение, что это направление уводит от схоластического теоретизирования в русло активной социальной жизни.

Геннадий Батыгин — абсолютно светлая личность и какое-то тонкое олицетворение искренней молодости, мы пересекались через диссертационные дела и учеников. Он был научным руководителем кандидатской Паши Романова в Институте социологии и магистерской работы нашей выпускницы и подруги Милы Горюновой в Шанинке, а затем они защитили в моем совете, он — докторскую, она — кандидатскую. По различным каналам — диссертациям, защитах, оппонированию, конференциям — мы были знакомы и долгие годы всей семейной династией взаимодействовали с обаятельным Г. Батыгиным, очаровательной Л. Дробижевой, гениальным В. Ядовым.

⁸ Е.Р. Ярская-Смирнова

Короткое время Батыгин заседал в экспертной комиссии по социологии в ВАКе, и однажды докторская диссертация одной соискательницы по тематике из социологии детства застряла надолго, мне это показалось странным (у нас жесткая и требовательная предварительная экспертиза работ, существует специальный Экспертный совет, о чем знали ваковские мэтры). На одной из конференций ко мне подошел и представился профессор одного уральского педуниверситета и сообщил, что их совет выслал в ВАК положительный отзыв на диссертацию нашей соискательницы по социологии детства, которую Батыгин прислал к ним на внешнюю рецензию (полагая педагогический вуз исключительно профильным по этому направлению). Позже при встрече с Геннадием я пошутила, что считала его Фаустом, а он оказался Мефистофелем, и он, бедняга, от моей дурацкой шутки стал пунцовым.

Пожалуйста, вспомни, как происходило становление отделения ВЦИОМ в Саратове?

Под влиянием знакомства с Татьяной Ивановной Заславской, а также у

влекшей на долгое время перспективы принять участие в масштабных исследованиях и тем самым стать ближе к событиям, означавшим глубокие перемены в российском обществе, мной было организовано в 1988 году Региональное отделение ВЦИОМ в Саратове. Сотруднице Социологического центра Ирине Федоровой я поручила руководство чисто исполнительской полевой работой, которая велась на протяжении многих лет при все более заметной организованности и целенаправленности центра в Москве.

От регионов ничего программного не требовалось, кроме того, правила того времени и бухгалтерия СГТУ не разрешали иметь второе совместительство, поэтому, несмотря на предложение Татьяны Ивановны, я решила отпустить сотрудников новой группы на вольные хлеба. Базируясь вначале в расположении моего Социологического центра, саратовская ветвь этой огромной сети позже стала самостоятельной и территориально. Но еще какое-то время оба де-юре разделенных коллектива, работали де-факто вместе, рука об руку.

Вместе реагировали на разделение ВЦИОМ, переживали, ужаснулись тре

бованию создания новой сети. Старую сеть признавали только «федоровцы», но наши социологи над этим подразделением подтрунивали, а к Леваде прикипели душой. Когда созванивались с коллегами из Ставрополя и других территорий, те посмеивались: они сохранили обе сети, имея заказы от тех и других. Саратовцы их удивляли своей принципиальностью. Однако, последующие годы заказов на территориальные исследования становилось все меньше. Окончательно Поволжское отделение ВЦИОМ (Левада-центр) было закрыто в 2012 году.

В каких еще исследовательских программах вы участвовали?

Я возглавила участие саратовских социологов в союзных программах. Глубокий след с точки зрения развития академических сетей оставила общесоюзная программа «Общественное мнение (социология вуза)», созданная в 1987 году. В головной совет программы кроме чиновников от образования вошли и знакомые мне представители социологической науки: Овсянников А. А. — главный социолог Гособразования СССР и руководитель программы, Ядов В. А. — директор ИС АН СССР, Грушин Б. А. — руководитель Службы изучения общественного мнения «ВР», Иудин А. А. (Н. Новгород), Ротман Д. Г. (Минск), Туманов С. Е. (МГУ). Ежегодно составлялся план исследований, определялись вузы (заявки которых прошли), на базе которых проводились выездные заседания, обсуждения, составлялись записки.

Социологи СГТУ проходили огневую подготовку в этой команде, сюда попали выпускники ВСК, молодая диаспора прикладников расширялась по городам и вузам. В 1990 году по приглашению А. Овсянникова я вошла в состав Ученого совета Программы. Под влиянием работы в этой Программе сформировались академические межвузовские связи, профессиональные и дружеские сети. Особенно запомнились Саша Иудин из Нижнего Новгорода, Мария Лискаускене из Иркутска, Валя Немировский из Красноярска, Давид Ротман из Минска, социологи из Барнаула, Волгограда, Казани, Москвы, Самары. Анатолий Овсянников заражал энергией, искренностью замыслов, преданностью социологическому инструменту, порядочностью, умением дружить.

Саратовцы ценили участие в этой программе, жалели о том, что ее расформировали с развалом Союза, практически саратовские участники, несмотря на самые различные в научном отношении корни, неодинаковое академическое происхождение, выйдя из программы, с социологией больше не расставались. Это кандидаты и доктора философии и социологии — Олег Ежов, Марина Елютина (ныне профессор, зав. кафедрой СГУ), Лариса и Сергей Константиновы (проректор и профессор Социально-экономического университета, филиала Плехановки), Алексей Понукалин (профессор СГТУ), Елена Ярская-Смирнова (профессор Вышки, научный редактор Журнала исследований социальной политики).

Вторая союзная программа — «Народы России — возрождение и развитие», в отличие от «Общественного мнения», предполагала большую свободу выбора тематики и разработки инструментария и программы исследования. В 90-м мы вошли в число разработчиков и исполнителей этой программы (рук. В. Пуляев, Ленинград), успешно пройдя конкурс заявок и получив весьма миниатюрное даже для того времени финансирование на подтвержденные темы. В том числе, например, это были проблемы поволжских немцев, молодежных субкультур, этнических взаимодействий в регионе, образования и других направлений, подчиненных этой программе.

Работа в программе дала толчок дальнейшей эволюции вузовской социологии, данная программа, несмотря на очень небольшие денежные средства, приходящие региональным социологам, не являлась чисто исполнительской, в каждой теме надо было сформировать творческую группу, разработать программу, инструментарий, обработать данные, дать интерпретацию, написать отчет. Появились системность в каждодневной, рутинной работе, регулярные

научные отчеты, сборники публикаций, монографии, наметились защиты по проблемам этничности, образования, социальной типологии личности, традиционным культурам, молодежной проблематике.

Наши кадры оказались востребованы и отечественному Гэллапу — Грушину и его первой в России независимой службе изучения общественного мнения «Vox Populi». Участие в работе этой службы было кратким и поучительным, хотя поначалу некоторые наши сотрудницы (самые опытные полевики) воспринимали грушинскую инновацию как отход от этических норм социологического исследования. Вспоминают случай, когда уже прямо на вокзале Галина Саунина и Бэлла Луговцева однажды разрешили свои сомнения, изъяли картотеку с адресами респондентов и отправили Грушину анкеты по старинке, «голыми». В ответ Грушин был жестким и не прощал ошибок.

На первых порах новые кадры, приглашенные работать на программы в Соццентр, кроме нескольких практиков, в основном были теоретиками, практического опыта не хватало, но вскоре многие из них получили возможность обучения. Начались образовательные программы по социологии — Высшие социологические курсы (ВСК) на базе Высшей комсомольской школы (позже Институт молодежи, а сейчас МосГУ), а затем — курсы, налаживаются контакты с Институтом социологии РАН. В Саратове оказалось сразу несколько выпускников ВСК — Александр Завгороднев, Лариса и Сергей Константиновы (она — из Томска, он — из Саратова, на этих курсах познакомились и больше не расставались), Елена Ярская-Смирнова. В это время осуществляется исследование по культурам молодежи, выходит коллективная монография, аспиранты начинают анализ молодежных субкультур.

Научный парк ФСЗ как развитие Социологического центра

Одновременно появляются сразу несколько дополнительных направлений роста научной школы, осуществляется проект Научного парка⁹ в Межрегиональном учебном центре Федеральной службы занятости. В начале 90-х создавалась Федеральная система занятости, и в учебном центре, ставшем с моей помощью подразделением только что организованной системы, я сформировала Научный парк: отделы социологических и психологических исследований, кафедры социологии занятости, социальной работы, профессионального консультирования, педагогики и психологии. В 1992 году вышел Указ Ельцина «О Федеральной службе занятости России», назначен руководитель, прогрессивно мыслящий и чрезвычайно образованный чиновник из перестроечной когорты Федор Тимофеевич Прокопов. Меня познакомили с ректором межрегионального ведомственного учебного центра В. Т. Кривошеевым, который понял суть вопроса, заинтересовался идеей создания Научного парка новой службы на базе центра.

Я написала подробное письмо-предложение, мы вместе обратились к Прокопову, и он поддержал, утвердил структуру и штатное расписание. Это была, пожалуй, достаточно крупная научно-практическая инновация, ведь разрабатывался и осуществлялся проект новой структуры, исследовательские отделы фокусировались на социологии занятости, социальной адаптации, профессио-

⁹ Тогда появилось, казалось бы, это просто модное, западное понятие, но буквально накануне мы с Еленой участвовали в исследовании научно-технических парков типа томского ТИАСУР, изучали источники знаменитых технопарков США.

нальной консультации и подготовке персонала для новой системы. Я прекрасно понимала необходимость подготовки специалистов для развивающейся в России социальной сферы, и с целью обеспечения учебного процесса организовала здесь филиал кафедры социальной работы, а на самой кафедре в СГТУ стали читать спецкурсы по социальной работе в службе занятости.

Название Парк пришло из ознакомления с американскими научными технологическими парками (началось все в далеком Стэнфорде) и первыми российскими технопарками типа ТИАСУР (в Томске), несколькими Петербургскими парками¹⁰. И в этот наш Научный парк мы отобрали наиболее талантливых молодых людей из четырех Саратовских университетов. В недрах парка подрастали новые специалисты, преодолевая в густом вареве открывшихся социальных проблем свою узкую специализацию по психологии, философии, истории. Может быть, социальная ответственность уже подталкивала наш молодой научный коллектив на поиск живой связи занятости и образования, которая отсутствовала в те годы и кое-где не обнаруживается и поныне.

Оказалось абсолютно необходимым понимание того, что самый глубокий теоретико-методологический анализ должен сопровождаться разработкой прагматических технологий подготовки, реального соотношения персонала и клиента службы занятости. Мы стали авторами целого ряда методик по работе с персоналом, организации переобучения безработных, осмыслению занятости не только как экономического понятия, но и в широком контексте — наполненного новым социальным содержанием. Я была убеждена, что занятость не является сугубо экономической проблемой, как тогда было принято считать, — семантика этой категории значительно шире, богаче, социальнее.

В Научном парке исследовательские отделы фокусировались на социологии занятости и подготовке специалистов новой системы, социологических теоретических и полевых исследованиях, переподготовке персонала, многоформатных курсах для безработных, парковались образовательные курсы. В регионы рассылались и с помощью ФСЗ внедрялись методики работы этих служб. Здесь под моим руководством (я тогда работала проректором по науке, директором Научного парка) почти четверть века назад создавались образовательные курсы, велись научные исследования, осуществлялась переподготовка персонала, разрабатывались методики и технологии работы службы занятости, курсы для безработных. И это было, по правде сказать, гораздо привлекательнее чисто исполнительской работы во ВЦИОМе, хотя и служившей глобальной прогрессивной идее. Были заказы из Москвы — научно-исследовательские, методические, ни разу не прислали готовый для исполнения сценарий или инструмент.

И на этот раз нашлись соратники, помощники, проявляя свои способности и не раскрытые ранее таланты, необходимы были кадры для исследования социальных проблем занятости и безработицы, разработки научно-методического обеспечения социальной работы в сфере труда и занятости, методологических основ подготовки персонала службы занятости. К управлению Научным парком я привлекла Виктора Чепляева, который оправдал мои надежды, быстро войдя в достаточно сложное проблемное и практическое поле. Наши темпоральности удачно пересеклись, через несколько лет он уже замечательно справлялся с проектами, которые защищал в Москве, получал финансирование на дальней-

¹⁰ Мы с Еленой Ярской-Смирновой участвовали исследованию по технопаркам и даже издали небольшую книжку.

шую деятельность Научного парка. Вскоре защищает под руководством Елены кандидатскую диссертацию по социологии занятости в моем совете, уходит на руководящую работу в Минтруда, затем назначается министром образования, вице-губернатором Саратовской области. Сегодня он возглавляет Институт управления имени П. А. Столыпина. Программами по социально-психологическому обеспечению занятости и адаптации руководил Олег Ежов, базовый психолог с философской диссертацией по социальному времени человека, который много лет занимается прикладными социологическими исследованиями. Позже он закончил социологическую докторантуру СПбГУ, издал монографию по социологии жизненного пути, намеревался защитить вторую диссертацию, но не спешит.

Именно здесь формировались специалисты нового типа, которые пришли с базовым образованием по философии, психологии, экономике и даже филологии. Еще до открытия аспирантуры и докторантуры по социологии эти молодые люди проходили своеобразную ординатуру в самом пекле новых подходов, методологий, междисциплинарности и институциональности самих проблем, которые надо было разработать, превратить в методики, стандарты обучения безработных, переобучения и повышения квалификации персонала создаваемой службы занятости. Именно отсюда мои молодые ученики и соратники затем вырастали как известные в регионе и за его пределами деятели, соискатели на степень доктора или кандидата по социологии.

Социальные смыслы времени, идентичности, знания могут утратить ценность — не в планетарном времени, измеряемом сутками, годами, веками, а социальном времени, измеряемом скоростью модернизаций. Социальное время интуитивно ощущается, переживается как течение социальной жизни, интенсивность изменений, осуществление жизненного пути. Современный социальный и биографический темпорализм характеризуется обилием парадигм, дефиниций — под влиянием постмодернизма и понимания темпоральностей как состояний нелинейного мира моделирование времени находит обоснование в эволюции практик, обострении социального неравенства, политических и расовых конфликтах.

Назову, кем сейчас стали некоторые деятели того Научного парка. Светлана Жукова — кандидат соц. наук, директор издательства журнала Человеческие ресурсы. Ирина Иванова доктор соц. наук, член докторского совета, проректор Института П. А. Столыпина. Дмитрий Ивахнов — петербургский писатель и издатель, мастер фотохудожник. Павел Кузнецов — доктор соц. наук, зам. генерального директора транспортного предприятия. Наталия Ловцова — доктор соц. наук, зав. кафедрой СГТУ им. Гагарина Ю. А. Сергей Константинов — доктор соц. наук, профессор Социально-экономического университета. Юлия Овинова — кандидат соц. наук, начальник отдела Министерства занятости, труда и миграции, Галина Саунина — член научной социологической группы Саратовского отделения РАН. Эти молодые люди затем надолго связали свой научный интерес с социологией, проблемами занятости, рынка труда и рынка профессий.

Лишь позже в Москве организуется Российский учебный центр (РУЦ) при Федеральной службе занятости, его руководители приезжают к нам в Научный парк на консультации, мы передаем им наши методические наработки и публи-

кации, готовим общие конференции и круглые столы, а затем они милостиво разрешают нашему центру стать Поволжским филиалом РУЦ. Таковы традиции пренебрежительно-высокомерного отношения столичных деятелей к региону.

Экспертная деятельность в НФПК

Это теперь я хорошо знакома с экспертной работой — участвую в работе фондов и центров, обозначена в реестре экспертов Минобрнауки РФ. А тогда пришлось осваивать эту деятельность в скоростном режиме, причем в новой и серьезной структуре National Training Foundation, или просто НФПК, некоммерческой организации, созданной в 1994 г. по решению Правительства РФ.

Стратегическая цель Национального фонда подготовки кадров — содействовать созданию эффективной системы образования, подготовки и переподготовки кадров для экономики России. Здесь осуществлялись Программы «высшее образование», и первая из них — совершенствование социально-экономического образования в вузах — ориентирована на поддержку проектов вузов, способных обеспечить результаты реформ в преподавании и международного сотрудничества как минимум с одним из зарубежных вузов своего профиля по модернизации социально-экономического образования, способность оказывать влияние на развитие системы образования в стране.

В. Ядов возглавил экспертный совет по социологии и пригласил меня в качестве эксперта, члена этого совета. Без малого десятилетие я с огромным удовольствием проработала на Смоленском бульваре 5/5 в компании подлинных интеллектуалов — Н. Покровского, В. Радаева, О. Шкаратана, В. Ядова, а позднее туда пришел В. Козловский, который отличался от компании москвичей чрезвычайной скромностью и даже некоторой застенчивостью. Влияния обаятельного и яркого Никиты Покровского избежать было просто невозможно.

Образ времени включен в дискурс природных и социальных предпочтений. Нет природы самой по себе, следует говорить о природах, которые формируются исторически, географически и социально. Природные красоты и ландшафты имеют свои темпоральные формы, а жизнь человека — другие, темпоральный язык заимствован из естественных наук — биологии, квантовой механики, аэродинамики. В традиции классической парадигмы социальное время определяется историей и политикой, включает прогресс и упадок, тогда как природные формы времени — вне человека и общества. Хотя Бергсон и Эйнштейн начали с субъективного времени, далее они двинулись к объективированной физикой темпоральности. Экзистенциальное время, по И. Пригожину, утратило в переходе к объективации отличительные свойства — конструирование общества, исследования этничности, погружение в биографии.

Вспоминаю неформальное общение, в том числе отеческие советы Овсея Ирмовича: провожая меня к остановке Букашки, он удивлялся, что я каждый раз направляюсь к родовому гнезду Варшамовых на Садовом кольце. Шкаратан советовал обрести большую свободу и самостоятельность, приводил себя в пример: приезжая к дочери в Штаты, он пользуется исключительно услугами отелей. А в Вышке приглашал меня в профессорскую столовую, демонстрируя ее доступность, изысканные и вкусные обеды.

Аспирантура и докторантура по социологии

Появилась необходимость готовить квалифицированные кадры по социологии. Я уже осознавала невозможность быть впереди планеты всей. Например, в ситуации открытия непосредственно социологических специальностей в техническом вузе обстановка изменилась, начались нововведения и в так называемых классических университетах, а им и карты в руки. Они, естественно, вслед за Москвой, начинали открывать социологию и как специальности, и в виде кафедр, и как факультеты. Вместе с тем, понимая ответственный характер необходимой квалификации кадров, я открываю в СГТУ аспирантуру, а затем и докторантуру по трем научным социологическим специальностям.

Конечно, помимо саратовской сети общения давно существует большая сеть учеников и коллег в регионах России. Сотрудники кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы регулярно участвуют в конференциях и симпозиумах, повышают квалификацию в научных и образовательных центрах России и за рубежом, при помощи организации зарубежных проектов и грантов. На кафедре и в Научном парке оказались не только выпускники Высших социологических курсов, но и выпускники кафедры, теперь уже и специалисты по социальной антропологии. Они-то и продолжили обучение в аспирантуре по социологии, зарубежных магистратурах, большинство преподавателей кафедры прошли стажировки в университетах Великобритании, Германии, Ирландии, США, Швеции. Некоторые после учебы или стажировок остались работать в Москве, С-Петербурге, США, Великобритании, но есть и те, кто так и не покинул родной коллектив, считая себя частью одной научной школы.

Большую роль в переподготовке наших социологов играли в это время открытые курсы по социологии в ИС РАН при поддержке программы ТЕМПУС, а затем — фонда Форда, магистратура и аспирантура по социологии в Шанинке, контакты с Открытым университетом в Санкт-Петербурге, с ГУ ВШЭ. Сколько наших аспирантов и преподавателей прошли эти курсы — можно сбиться со счета, легче назвать тех, кто там не стажировался, часть из них так и остались в Москве, иные подались за рубеж. Я способствовала открытию в 1995 г. факультета повышения квалификации преподавателей социальной работы на базе СГТУ, затем такие курсы периодически организовывали Елена и Наталия Ловцова.

Воспитывая магистрантов и аспирантов, я часто отсылаю их к чтению художественной литературы, *невозможно глубоко изучить общество без помощи литературных гениев — обратите внимание на русскую и зарубежную классику, а затем — Андрея Платонова, Владимира Войновича, Умберто Эко, на современные переводы японцев — Харуки Мураками, Юкио Мисима. Даже Акунин-Чхарташвили — далеко не только развлекательный детектив.*

Сегодня выпускники социальной антропологии и социальной работы трудоустраиваются в муниципальных администрациях, комиссиях по надзору за беспризорностью, службах и учебных центрах занятости, социальных службах Саратова и области. Ежегодно проводятся региональные, общероссийские и международные конференции по актуальным направлениям социологии, реализуются исследовательские программы по грантам отечественных и зарубежных фондов, за пределами России известны международные летние школы по тематике социального неравенства, социальной политики, социальной работы,

гендерных исследований, социологии образования, проводимые в пансионате Волжские Дали под Саратовом, при участии ученых Великобритании, Швеции, США.

Широкие сети сотрудничества ведущих социологов города придают дополнительный импульс развитию научной школы, расширение профессионального сообщества способствует созданию единого научного пространства, обмену новыми идеями, позволяет социологам оперативно и профессионально конструировать новое время: аспиранты и магистранты разрабатывают социологические проекты и повышают квалификацию по грантам зарубежных и российских фондов.

Диссертационный совет по социологии

Время индивида выступает как гражданская темпоральность налогоплательщика, потребителя. Но не только. Более двадцати лет назад, еще в 90-е, я организовала и возглавила Диссертационный докторский совет по социологии при Саратовском государственном техническом университете. С огромной отдачей работают в нем мои ученики и единомышленники, а лично я подготовила более 40 магистров, кандидатов и докторов наук. Открывая совет, предполагала, что он будет по социальной философии и социологии, сначала в совет вошло много философов, постепенно он обогащался новыми специалистами, социологами. Мы стремились, чтобы стало больше докторов наук, правда, не все члены совета осознавали корпоративную честь научного сообщества, не все одинаково ответственно подходили к своей миссии. Удивляли, честно говоря, непонятные амбиции вместо научной принципиальности, а также вульгарное следование отдельных мужчин «русским традициям застолья». Постепенно провела феминизацию совета.

Время — культурный код политики памяти, а не только затрачиваемый ресурс. Возникает категория свидетельства как следа прошлого в настоящем, хотя воспоминания являются реконструкцией, а не репродукцией опыта, время инверсирует в прошлое, накапливает, интегрирует, закрепощает и освобождает, и здесь я симпатизирую работам Ф. Йейтса, М. Хальбвакса, С. Ушакина. Память подчиняется времени и его модусам, мыслительные образы порождаются восприятием ушедших в прошлое вещей. Обращение социальной науки к времени биографии позволило использовать политику памяти в эпистолярном жанре, более свободном по отношению к чистому академизму. Память — переживаемая связь с настоящим, чувственная природа уживается с деталями, питается многоплановыми, глобальными или символическими воспоминаниями, это абсолют, хотя именно история превратилась в науку, а память осталась феноменом индивидуальным.

Конечно, научная школа невозможна без защит, существует определенная статистика защит кандидатских в ДС, научные специальности 04, 06, 08 достаточно популярны в вузах, на социологических кафедрах и факультетах не только Саратова, но и других регионов, работы в совете хватает до сих пор. Кстати, в первые годы приходилось побуждать свое окружение к электронной переписке, ставить это условие при приеме на работу и зачислении в члены ДС. Мы придумали, как сделать глубокой предварительную экспертизу диссертаций. За двадцатилетнюю историю успешной деятельности совета сложилась много-

летняя практика расширенной экспертизы диссертаций. Согласно решениям совета, экспертиза диссертации соискателя проводится в три этапа: на заседании Методологического семинара по социологии (МСС), на заседании профильной, выпускающей кафедры Социологии, социальной антропологии и социальной работы (САС), на заседании Экспертного совета по социологии.

Многофункциональный методологический семинар по социологии, работающий в университете с 2008 года, объединяет магистрантов, аспирантов, докторантов и молодых ученых. Его задачами являются: систематическое обучение процедуре и формированию навыков экспертизы диссертаций, обмен методологическим опытом, расширение научного кругозора и академического общения. В режиме ролевой игры осуществляется апробация исследовательских проектов аспирантов, докторантов, молодых преподавателей кафедр социально-гуманитарного профиля ИСПМ, других кафедр, вузов, городов; заслушиваются сообщения участников международных социологических школ, форумов, конгрессов. Организационно и процедурно работа МСС строится по образцу деятельности диссертационного совета, аспиранты, молодые ученые, докторанты исполняют роли председателя, ученого секретаря и членов ДС.

Второй этап экспертизы научно-квалификационной работы проходит на официальном заседании профильной кафедры, аспирант (или докторант) представляет членам кафедры и назначенным рецензентам текст автореферата, а также устный доклад в сопровождении электронной презентации. Для экспертизы кандидатской диссертации назначаются не менее двух рецензентов, один из них обязательно — доктор, а второй — кандидат наук.

Для дальнейшего фильтра уровня работ по моей инициативе сформировали в 2005 году Экспертный совет (ЭСС), который проводит предварительную, расширенную экспертизу диссертаций, поступающих в наш совет, по определению степени актуальности, новизны, завершенности, соответствия научной специальности совета по социологии. Эта инициатива была представлена мною экспертам ВАК и получила одобрение. В состав ЭСС входят члены ДС, доктора наук и докторанты кафедр социальных направлений вузов города, специалисты, имеющие высокую квалификацию, научную известность и публикации по социологии. На открытые заседания ЭСС могут приглашаться представители предприятий, органов власти и управления, сторонние эксперты. С учетом специфики рассматриваемой диссертации приветствуется привлечение экспертов — ведущих специалистов в конкретной области знания из различных вузов, научных центров России для работы в дистанционном режиме.

В итоге многослойная апробация и экспертная процедура, реализуемая социологической школой, способствует повышению качества подготовки научных кадров. В диссертационном совете за почти два десятка лет его работы защищено более тридцати докторских и двухсот кандидатских диссертаций по социологии. Процедура доказала свою эффективность, во многом благодаря ей в 2014 году диссертационный совет по социологии получил высокую оценку экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии.

С моей точки зрения любой эксперт может и должен высказывать свое мнение по работе, основываясь на доскональном знакомстве с рукописью диссертации, опубликованными текстами автора, а научный руководитель (особенно,

если это авторитарный руководитель кафедры, факультета или другого подразделения) не вправе оказывать давление на экспертов с целью более быстрого прохождения работы, несмотря на очевидные недостатки.

Научная школа, плеяда новых ученых, ЦСПГИ

Открытый еще Пифагором эффект ускорения времени проявляется не только с возрастом цивилизации, но и в разные периоды жизни, может оказать дезориентирующее влияние на жизнь индивида. Люди и сами сжимают время до катастрофического предела, революционного взрыва, разрушений, социальных бед, в противоположность мерному ходу времени эволюции и стабильного развития. Понятие турбулентного времени и концепция ускорения становятся инструментом социального и политического анализа его последствий для индивидуальной и коллективной жизни. В числе факторов сжатия называют путешествия, электронные СМИ, капиталистическую интеграцию. Существуют конструкты: пространственно-временное сжатие Д. Харви, конец географии Р. О'Брайана. Современные коммуникации интенсифицируют общение, сети, а средства интернет открыли возможности установления и поддержания деловых и дружеских контактов.

Организация нашей научной школы¹¹ — бесспорная социальная инновация в техническом университете. Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова организовали Центр социальной политики и гендерных исследований, их научный и методический багаж был весьма солиден, в их проектах я принимала участие и как консультант, и как руководитель. Одним из важнейших проектов Центра является выпуск с 2002 г. Журнала исследований социальной политики, соучредителями которого являются РОС, НИУ ВШЭ и СГТУ, я работаю здесь в редакционной коллегии. Журнал ориентирован на академическую аудиторию, заинтересованную в обсуждении теории и практики социальной политики, анализе процессов трансформации социально-политических режимов постсоветских и постсоциалистических обществ и причин этих изменений. Публикуются результаты исследования таких проблем, как неравенство, доступ к социальным ресурсам, их распределение. Журнал публикует статьи, основанные на оригинальных эмпирических исследованиях, теоретические рефлексии, работы обзорного характера, привлекающие внимание читателей к тому или иному направлению в исследованиях социальной политики, сложившемуся в России или за рубежом. Тем самым журнал вносит вклад в становление социальной политики как самостоятельной академической дисциплины и области междисциплинарного анализа¹².

А вот выборочный список самых первых проектов, осуществленных сотрудниками Центра, в том числе молодыми талантливыми кандидатами, а теперь уже докторами наук: Дмитрий Зайцев, Эльмира Наберушкина, Ирина Суркова, Вероника Щепланова: Гендерная политика в Саратовской области на рубеже веков 1999—2000; Постсоветское социальное обеспечение и профессионализация социальной работы в России 2000—2002; Перспективы инклюзивного образования детей-инвалидов в России 2001—2002; Трудоустройство выпускников вузов

¹¹ Ее организаторы и руководители, зафиксированные в научной части СГТУ имени Гагарина Ю.А. — В. Ярская и Е. Ярская-Смирнова

¹² Это не помешало годы спустя объявить ЦСПГИ по причине использования в проведении летних научных школ и грантовых изданий зарубежн } — иностранным агентом.

2002; Социальная политика на селе 2002; Модель гендерного анализа социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне 2002–2003; Доступность высшего образования для инвалидов 2002–2003; Интегрированное образование детей с ограниченными возможностями здоровья: проблемы становления и перспективы развития 2003; Легитимизация и профессионализация социальной работы в сравнительной перспективе 2002–2004; Ислам в российском городе: отношение к мусульманам в г. Саратове 2002–2003; Влияние качества жизни на демографию: репродуктивное поведение населения 2003; Социальные последствия террористических действий: этноконфессиональный вектор напряженности в гражданском и армейском социуме 2003; Качество жизни инвалидов Саратовской области 2004; Социальные проблемы информационного насилия 2002–2004. Всего не перечесть!

Все описанные шаги, включая открытую докторантуру по социологии, дали плоды, начались докторские защиты по социологии. Одним из новых докторов был Павел Романов, первую диссертацию по социологии он защитил в ИС РАН, после чего несколько лет работал в организованном при его участии ИСИТО – российско-британском сообществе исследователей трудовых отношений. Он поступил в нашу докторантуру и блестяще защитил докторскую по социологии менеджмента, стал профессором кафедры, читал большое число интереснейших курсов и спецкурсов по качественным методам социологических исследований, методологии обработки данных (SPSS), антропологии организаций, экономической социологии, социальной антропологии, у него защищались магистранты и аспиранты. У нас тогда появился свой трудовик¹³.

На кафедре работает после защиты докторской по социологии информационных коммуникаций в социальной сфере Виталий Печенкин (зам. по науке Директора Института социального и производственного менеджмента), читающий курсы по социальной статистике и демографии, информационным и компьютерным технологиям и методам социологических исследований. Моя ученица еще по кафедре философии Марина Елютина после защиты докторской по социальной геронтологии стала заведовать кафедрой общей и политической социологии СГТУ, а сейчас – кафедрой социологии социальной работы СГУ.

Три докторанта, пришедших из экономики, после защиты докторской по социологии продолжили свою научную деятельность на других кафедрах и других вузах Саратова, других городов России. Это – Павел Кузнецов, он выпустил несколько монографий по социологии адаптации и занятости, Юрий Быченко – издал статьи и книги по человеческому и социальному капиталу. Лев Фиглин, защитивший докторскую по социологии качества, как-то сказал – и в преподавании, и в экспертной работе по диссертациям, и в исследованиях – я чувствую, что представляю школу Валентины Николаевны, уровень нашей школы социологии, это наш брэнд. Кроме того, Лева – фанат джаза, а его племянник – победитель конкурсов джаза в США. Защитил докторскую по взаимодействиям этнических культур Владимир Кочетков, сейчас профессор МГУ, его монографии и статьи есть в университетских библиотеках. В Поволжском институте управления имени П. А. Столыпина работают выпускники нашего диссертационного совета. Лев Яковлев, который защитил диссертацию по структуризации жизненных про-

¹³ Светлая память Павлу Романову – чудному и родному человеку и серьезному ученому.

странств, Юрий Усынин, специалист по ценностным ориентациям военных курсантов, оба работают на кафедре социологии и социальной политики, заведует которой Юрий Тарский, который также защитил докторскую по социологии в нашем совете.

За время существования Совета защищено не менее двух сотен кандидатских и более полутора десятка докторских диссертаций, совет работает не только на вузы Саратова, но и смежных регионов. Прошли блестящие защиты Татьяны Черняевой по архитектонике социального пространства, Ларисы Константиновой по социальной политике, Димы Зайцева по социальной интеграции инвалидов. Все эти темы совершенно логично развивают направление научной школы, связанное с пространством и временем социальных изменений, пространством социальной политики в ее системном, широком диапазоне, управлением социальными системами, институционализацией социального образования. Среди учеников школы много известных, заслуженных людей, работающих в сфере науки, образования, бизнеса, правительственных учреждениях. Наши ученые тесно сотрудничают с учёными ведущих российских университетов — РГГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, академических институтов ИС РАН, ИСПИ РАН, университетов Великобритании, Германии, Норвегии, Швеции, США.

Сотрудники, аспиранты и магистранты кафедры разрабатывают социологические проекты по грантам зарубежных и российских фондов, как РГНФ, РФФИ, Институт Открытое общество, TEMPUS/Tacis, фонды Спенсера, Дж. Бёлля, Дж. и К. Макартуров, Фулбрайт, НФПК, Проект гражданского образования (СЕР). Одна из ключевых особенностей саратовской социологической школы — активный прикладной характер научных разработок. Постоянным направлением деятельности социологов СГТУ является участие в разработке и реализации направлений социальной политики во взаимодействии с министерствами здравоохранения и социального развития, образования, занятости, труда и миграции Саратовской области, социальными службами и образовательными учреждениями области. Осуществляется проведение совместных семинаров и консультаций, социологических исследований, мониторингов по социальной проблематике, разработка концепций направлений социальной политики в Саратовской области.

Мы делаем акцент на существующем расизме, насилии во всех проявлениях. Нетерпимость там, где экстремизм, фундаментализм, пока не исчезнет ксенофобия, не будет нормальной жизни. Ведь мы постоянно ищем врага, не можем встать НАД различиями — конфессиональными, этническими, возрастными, социальными, экономическими, гендерными, географическими, экономическими. Эти проблемы не могут быть только философскими, социологическими или политическими, подходы должны быть междисциплинарными, институциональными. Хорошо, когда существует профессиональная склонность к проблемам, а не к дисциплинам.

Следствием социального модерна выступает тотальное использование, извлечение максимума полезности из каждого часа и каждого момента, ускорение и необходимость отмены карцерного стиля, пенитенциарной организации времени многие игнорируют. Эта тенденция усиливает власть администрации, поддерживает механизмы контроля, детального изучения поведения, социальных характеристик людей.

Можно ли сказать, что занятия физикой, философией, при всем том, что твоя деятельность в этих направлениях науки была успешной, стали площадкой, с которой ты стартовала в социологию, где смогла более полно раскрыться как исследователь, преподаватель и организатор науки.

Кажется, именно об этом как раз я подробно и рассказала. Физика, как никакая другая наука, организует ум и умственную деятельность, приучает удивляться и одновременно подчиняться природе как замечательному свободолюбивому субъекту разнообразной реальности с сетями и бифуркациями, нелинейностью и темпоральностью. Физика сама настраивает на философствование — от Канта и Гегеля до Урри и Фуко. В советские годы преподаватели философии делились на тех, кто читал диалектический материализм (диамат) и тех, кто вел курсы по историческому материализму (истмат). Диамат проще давался тем преподавателям, у которых был за спиной опыт обучения на естественнонаучных специальностях, так как сердцем этой теории была работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», где давался критический анализ «махизма», в том числе его понимания пространства и времени. Хотя сложности с пониманием кризиса и революции в физике легко снимаются в переведенной у нас книге американского историка науки Томаса Куна. Мне и без этого перевода это давалось легко и просто, но можно себе представить, каково это было для чистых обществоведов и гуманитариев! С другой стороны, освоить исторический материализм было легче для всех, если подтянуться по экономическим и историко-политическим направлениям.

Кризисы и революции в физике обобщает философия, и в этом ее соответствие когда-то придуманной миссии — наука наук. Три крупных исторических периода развития науки, каждую из которых конструирует глобальная научная революция, характеризуются как три исторических типа научной рациональности. Классическая рациональность соответствует классической науке Ньютона, неклассическая рациональность — неклассической науке Эйнштейна и Бора, постнеклассическая рациональность присуща постнеклассической науке И. Пригожина. Интерес к происхождению и трансформирующей роли культуры — в этом отличие позиции Вебера от функционалистского типа объяснения: ведь методологическими концептами здесь выступают социальное действие, идеальные типы, понимание. Вебера не занимают проблемы конфликта или солидарности, он исследует процессы культурных изменений в соотношении с другими сферами социальной жизни посредством верований, ценностей или убеждений. Это — импульс, который стимулировал знаменательный интерпретативный поворот, изменивший методологические основания науки. С другой стороны, современная научная теория социальных процессов была бы принципиально невозможна без перехода к третьему типу рациональности, без пестрой постмодернистской плюралистической картины мира.

Между тем, в советской общественной науке доминировала ждановская линейная интерпретация истории философии как непримиримой борьбы двух партий — материализма и идеализма. Эта схема обедняла многообразие и сложность развития философских школ, к тому же академический язык классической философии хорошо сочетался с закрытой картиной мира, в которой все разложено по полочкам, записано в таблицы и выстроено в ясную схему. Так называемый основной вопрос философии до сих пор любим некоторыми пре-

подавателями, предпочитающими простые линейные схемы объяснения сложных философских проблем. На самом же деле и современный западный, и даже античный философский дискурс далеко не всегда укладываются в прокрустово ложе измов, в рамки даже привычных стереотипов классического европейского понимания, не говоря уже о принципиально нелинейных типах философствования. Сегодня вульгарная схема основного вопроса философии становится непригодной для интеллектуальной рефлексии: грубое полярное разведение материализма и идеализма не позволяет вытащить на суд философии образ человека маргинального, незащищенного, находящегося в зоне риска. Гораздо лучше выразил основной вопрос философии Шекспир устами Гамлета: «To be, or not to be: that is the question».

Лишь на рубеже XIX–XX столетий, который взорвал традиционную науку новыми открытиями, инновационными теориями и методологией, была разорвана связь социальной и жизненной представленности времени. Жёсткий авторитет ленинской критики эмпириокритицизма на многие десятилетия убрал из поля зрения советских обществоведов экзистенциальные форматы времени, темпоральность жизненного пути и возможность ее конструирования. И мы благодарны М. Хайдеггеру за реабилитацию субъективного времени и понятие темпоральности как важнейшей характеристики личного существования, экзистирования.

Разумеется, различие методологии влечет за собой дифференциацию концепций, объясняющих один и тот же феномен. Например, теоретическое обсуждение аспектов социального неравенства в капиталистическом обществе оказалось связано, прежде всего, с различием методологических подходов К. Маркса и М. Вебера. Методология как ядро теории анализируемой проблемы содержит универсальные образы, схематизмы, целостные представления о социальном мире. То есть одновременно — и универсалии культуры, и их субъективация, и схемы переживания. Социальные теории, рационализированные программы латентно представлены в методологии науки и отдельных научных методологиях, хотя они не всегда видны.

Именно поэтому занятия физикой и философией не прошли бесследно, но стали неким трамплином для прыжка в социологию. Однако лишь в соединении с практикой можно было сочинить организацию социологического центра, научного парка, открытие западной специальности, диссертационного и экспертного совета, аспирантуры и докторантуры, подготовку магистров, кандидатов и докторов наук.

И до сих пор мы до конца не поняли, что социальные теории и теории социологии — на самом деле не одно и то же.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц Кучково поле, 2001.
2. *Бабаян И. В., Ярская В. Н.* Современный социологический темпорализм. Рецензия на кн.: Семенова В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность / М: РОССПЭН, 2009 // Журнал исследований социальной политики. 2011, №2. С. 21–28

3. Батыгин Г. С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. Тюмень—Москва. 1994. С.9—18.
4. Бурдьё П. Оппозиция современной социологии // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 36—49.
5. Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX — начала XX веков. М. 1996. — С. 455—491 / <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Sociolog/Weber/osnsoc.php>.
6. Визуальная антропология. Режимы видимости при социализме / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009.
7. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
8. Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд. Новосиб. ун-та, 1995. 120 с.
9. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы. Интерактивное учеб. пособие. 2011. <http://www.isras.ru/files/el/textbook/htm/mainmenu.htm>.
10. Кузнецов Б. Г. Беседы о теории относительности. М.: Наука, 1965
11. Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ. И.З. Налетова. Общая ред. и послесловие С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. М.: Прогресс, 1977. — 292с.
12. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
13. Майлз Р., Браун М. Расизм / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
14. Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки. <http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/parst.htm>.
15. Пэйи М. Социальная работа: Современная теория. М.: Академия 2007
16. Расизм, ксенофобия, дискриминация. Сб. статей. Составитель и отв. ред. Екатерина Деминцева.: М. Новое литературное обозрение, 2013. —384с. ISBN 978-5-4448-0053-9 С. 115—132
17. Ритцер Дж. Современные социологические теории. Серия Мастера психологии. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — 688с. / ISBN 5-318-00687-6.
18. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская В. Н. Профессиональная подготовка по социальной антропологии // Высшее образование в России. № 4. 2012. С. 33—41.
19. Теннис Ф. Общность и общество. Перев. Малинкин А. Н. М.: Директ-Медиа, 2007 — 65 с. ISBN: 978-5-94865-903-9.
20. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. — 544с. ISBN 5-02-008820-X.
21. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
22. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1994
23. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: КАМІ, Издательский центр ACADEMIA, 1996.
24. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В. В. Бибихина / М.: Ad Marginem, 1997. — С. 387.

25. Хатчинсон Г. С., Олтедал С. Модели в социальной работе: из разных источников — к одному полю деятельности / под ред. Р.И.Даниловой / пер. с норвеж. Л. В. Левит / Архангельск: АГМА, 1999.— 206 с. ISBN 5-86279-114-0

26. Штомпка П. Социология: анализ современного общества / Пер. с польского С. М. Червонной. — М.: Логос, 2005. — 655 с.

27. Blum D. Current Trends in Russian Youth Policy // PONARS Policy Memo No. 384. December 2005. Suny R. G., Kennedy M. D. Introduction // R. Suny, M. D. Kennedy (eds.) Intellectuals and the Articulation of the Nation. University of Michigan Press, 1999.

28. High-Speed Society Social Acceleration, Power, and Modernity / Edited by Author: Hartmut Rosa and William E. Scheuerman / Publisher: Pennsylvania State University Press, 2008. ISBN 9780271034164.

29. Rosa H. A New Key to Understanding Modernity? The Theory of Social Acceleration in Contemporary German Sociology / Abstract / Paper to be presented at the Higher School of Economics, Moscow, Sept. 23rd, 2008.

И выборочно мои работы:

1. Ярская В. Н. Антропологический язык описания культурных идентификаций природы // Психолингвистические аспекты языкового анализа текста. Саратов: Наука, 2009. ISBN 978-5-9999-0130-9. С. 242—246

2. Ярская В. Н. Время в эволюции культуры: Философские очерки / Под ред. А. Г. Спиркина. Саратов: СГУ, 1989. — 152с.

3. Ярская В. Инверсия времени в физическом темпорализме // Материалы все-союзной конференции по логике и методологии науки.— Минск, 1990

4. Ярская В. Инверсия времени жизни: детская биография городского происхождения // Социальные ориентиры современного города: здоровье, спорт, активный туризм. Саратов: СГТУ, 2007. С. 10—26

5. Ярская Валентина. Инверсия времени как механизм памяти в контексте культуры // Память. Время. Культура. Кол. мон. под ред В. Ярской и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО Вариант, 2011. 213 с. С. 5—18

6. В. Ярская. Меня можно назвать агентом социального образования. Интервью В. Щеплановой // Социологический журнал. 2005, № 2. С. 157—174

7. Ярская В. Н. Методология науки: время как метод // Поволжский торгово-экономический журнал. 2011, № 1. С. 12—17

8. Ярская В. Н. Методология социальной работы: дискурс времени // Отечественный журнал социальной работы. 2013. № 1. С. 74—80

9. Ярская В. Н. Моделирование немецкой автономии: политический аспект // Советские немцы: история и современность, М., 1990

10. Ярская В. Н. Научное предвидение. Монография. Саратов: СГУ, 1980. — 268 с.

11. Ярская В. Национальная идентичность: формула гражданской нации // Национальная идентичность России и демографический кризис. М.: Научный эксперт, 2007.

12. Ярская-Смирнова В. Н. Противостоит ли нация насилию? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2(N1.

13. Ярская В., Печенкин В., Ежов О. и др. Пространство и время социальных изменений // Кол. монография. М. — Саратов: НФПК, Научная книга, 2004. Рук. проекта, редактор, автор. 18 / 10 пл
14. Ярская В. Социальный проект времени // Диагноз времени как проблема социальной теории и практики. М. — Ставрополь: ИНИОН РАН — СГУ, 2006. С. 173— 181
15. Ярская В. Н. Методология диссертационного исследования: как защитить диссертацию. Полезно молодому ученому, соискателю ученой степени. Научно-методическое пособие. М.: ООО Вариант, ЦСПГИ, 2011. — 172 с.
16. Ярская В. Н. Темпорализм в политике социального государства // Вестник СГТУ имени Гагарина Ю. А. 2011, № 4(60), Вып. 2. С.312—320
17. Ярская В. Н. Язык мой — враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. 2012. № . С. 46 — 54
18. Ярская В. Н., Русакович Е. Ф. Время социальной работы: история одного документального фильма // Поволжский торгово-экономический журнал. 2013, №2 (30). С. 89—96
19. Iarskaia V. N. My Tongue Is My Enemy. Racist Discourse in Russian Society // Sociological Research. Editor: Anthony Jones, Northeastern University November-December, 2012. Vol. 51 No. 06
20. Dr Valentina Yarskaya-Smirnova. Sociology of Post-Modern time: conflict or dialogue // ESA conference 8 / The 8th Conference of the European Sociological Association / Conflict, Citizenship and Civil Society, September 2007/ Glasgo: Caledonian University, University of Strathclyde, 2007. P. 523—524
21. Yarskaya-Smirnova Valentina. Temporalizm of Biography // Conference Abstract Book. RS27 Russian Sociology in Time, Social Space and Transition / ESA10th Conference Social Relations in Turbulent Times, Geneva, September 2011. P. 688
22. Yarskaya V., Iarskaia E. Youth policy in Russia: pluralism or unification // Conference Abstract Book. RN30 Youth and Generation / ESA10th Conference Social Relations in Turbulent Times Geneva, September 2011. P. 606

Поколение IV

Интервью с Дмитрием Петровичем ГАВРА

«ФИЛОСОФИЯ, ПОЛИТЭКОНОМИЯ – ЗДЕСЬ Я ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ В СВОЕЙ СТИХИИ»

Гавра Д. П. — кончил физико-механический факультет Ленинградского политехнического института (1978 г.), специальный факультет социологии Ленинградского университета (1990 г.), доктор социологических наук (1995 г.); профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета.

Основные области научного интереса: социология общественного мнения, социальная политика и социальная, имиджмейкинг крупных корпораций, политический и государственный PR, теория коммуникации.

Интервью состоялось: август-октябрь 2014 г.

Завершается первая декада июня 2015 года, в галерее участников настоящего историко-социологического проекта — 117 портретов. Новых камней не разбрасываю, наступило время собирать старые; т.е. новые интервью не начинаю, лишь завершаю начатые. Одно из них — с профессором Санкт-Петербургского университета Дмитрием Петровичем Гаврой. Правда, здесь не совсем подходит слова «завершаю». Интервью началось в первых числах августа 2014 года, развивалось весьма успешно, но оборвалось 30 ноября... Тем не менее, и сделанное интересно, поэтому я решил разместить имеющийся материал на этом сайте.

Дмитрий Гавра — представитель младшей части IV поколения советских / —российских социологов, тех, кто родился в интервале 1947–1958 годов. Самым младшим из представителей этой группы в конце 2015 года исполнится 57 лет, самым старшим — 68. Так что в целом — это поколение 60-ти летних. Данное интервью — 31-е в коллекции бесед с социологами четвертой профессионально-возрастной когорты, поэтому есть основания не только для изучения фрагмента биографической траектории Дмитрия, но и для сопоставления его пути в социологию с тем, как становились социологами аналитики его поколения.

Никто из прежних моих собеседников IV поколения не имеет базового социологического образования, и в этом отношении Гавра — «как все». Однако то, что он — из младшей страты рассматриваемой когорты, позволило ему позже закончить социологический факультет СПбГУ и стать дипломированным социологом. Подавляющее большинство опрошенных исходно имеют социальное — в широком смысле — образование: философское, экономическое, историческое, юридическое и военно-морское политическое. Гавра окончил физико-механический факультет Ленинградского политехнического института, но он не один в рассматриваемой групп; еще двое имеют университетское физическое образование; кроме того, один — медик.

Многие среди социологов старших возрастных групп пришли в науку через активную — в том числе, и освобожденную — комсомольскую и партийную работу. Для четвертого поколения подобное наблюдается значительно реже, но Гавра — не единственный социолог IV поколения, имеющий подобный опыт. Да и по ряду других аспектов его вхождения в социологию и его текущей деятельности Гавра вписывается в сложившуюся картину IV поколения.

В частности, Гавра принадлежит к большинству и по главному предметному направлению своих разработок — теоретические и прикладные исследования общественного мнения, изучение рынка, политическое консультирование. Назову тех, для кого эти сферы деятельности — важнейшие или кто обладает заметным опытом подобных изысканий: Горшков М. К., Давыдов А. А., Демидов А. М., Дука А. В., Илле М. Е., Ильин В. И., Локосов В. В., Мягков А. Ю., Тарусин М. А., Цыплёнков С. Ю., Штейнберг И. Е., Ядов Н. В.; 12 человек, или 40% всех моих собеседников.

Теперь отойдем от поколенческого уровня обсуждения интервью с Дмитрием Гаврой и перейдем к индивидуально-личностному анализу. Можно допустить, что здесь в будущем обозначатся, всплывут, заявят о себе большее количество заслуживающих интереса исследовательских сюжетов, чем при рассмотрении профессиональных поколений. Личностный анализ — производная от многообразия индивидуальных жизненных путей, количество которых фактически равно числу опрошенных социологов, т.е уже перевалило за 100. И мне кажется, что именно в пространстве личностного анализа будут прощупываться дороги, прокладываться мосты от истории социологии к «большой истории» и к изучению влияния макроконтекста на развитие российской социологии. Пока проведенных интервью было немного, настоящий проект имел лишь одну, априори заданную мною направленность — историко-социологическую, но постепенно в нем «самостоятельно» раскрылось еще одно качество, оно стало историко-культурологическим.

На начальном этапе процесса интервьюирования вопросы о родительских семьях играли вспомогательную роль, они были своеобразным введением в разговор с респондентом, и я не задумывался о том, какого рода информацию приносят ответы на них. Позже обнаружилось подлинное значение рассказов моих собеседников о своих родителях, бабушках и дедушках, более далеких родственниках, о том, где они жили, как перемещались по стране, что им пришлось испытать в годы Революции и Гражданской войны, в период коллективизации, индустриализации и в предвоенные годы. Отдельные страницы — война: фронт, тыл, эвакуация; борьба с космополитизмом, смерть Сталина. Более ста интервью

с социологами — это рассказы о многих сотнях людей, среди которых были представители знати и научной элиты, крупные офицеры и крестьяне, выпускники лучших российских и зарубежных университетов и безграмотные крестьяне. Были жители столиц и небольших провинциальных городов, северных деревень и еврейских местечек. Неожиданно для меня изучение предбиографий моих коллег дало информацию о добровольной и принудительной географической миграции населения и о социальных перемещениях.

Почти каждый новый рассказ о семье вызывает удивление и своим содержанием, и тем, как все же многое о прошлом России хранится в коллективной памяти населения. Но начало воспоминаний Дмитрия Гавры вообще не может оставить равнодушным человека, интересующегося прошлым и семейными хрониками. Его ответ на мой вопрос: «Не знаете ли Вы историю Вашей фамилии — Гавра? И вообще, насколько глубоко Вам известна история Вашей семьи?» начинается так:

«Достоверно история моей семьи известна мне по отцовской и материнской линии, начиная с конца 18 века».

Уже интригует, и затем следует совсем необычное:

«Но есть в семье и передающееся из поколения в поколения предание о нашей родовой фамилии — Гавра. Начнем с него. Гавра — фамилия греческая, точнее византийская. Гавры (позже Гаврасы) — византийский аристократический род, известный своими антиимперскими проявлениями. Династия Гавра правила в Трапезунде¹ и известна своим противостоянием Византийским Комнинам в VIII веке н.э. <...> Вот, что написано о Гаврах в «Истории Византии»: «Третье греческое государство (Трапезундская империя) возникло на черноморском побережье Малой Азии, на территории бывшей фемы Халдии, одновременно с осадой Константинополя крестоносцами. Связи этой провинции с центром уже давно были слабыми. Еще в правление Мануила I Комнина особую роль в округе Трапезунда стала играть местная семья Гавра. Официально признавая суверенитет империи, правители Трапезунда из рода Гавра были фактически независимыми.»²

Семейное предание гласит, что в нашей фамилии есть и свой православный святой — Федор Гавра — святой мученик, воин и военачальник XI в., патрикий, представитель трапезундского аристократического рода Гавра (родился около 1050 г.)³. На фрагменте Синайской рукописи, хранящейся в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга, имеется изображение Феодора Гавры — миниатюра XII в. с надписью «Феодор Гавра, патрикий, раб Христов», где на голову святого воина возложил руку Иисус Христос».

Далее — переход к обозримому прошлому:

¹ См. *Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв.* МГУ 1981

<http://www.ellada-russia.ru/magazine/45/article/328>

² <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000075/st003.shtml>

³ http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/feodorgavr.pl

«Род современный происходит из Греции, из тех рассеянных по бывшей империи осколков Гавров, которые осели в Афинах и на островах. Наша ветвь — из тех островных греков, которые далее двинулись на берега Черного моря. Они зовутся понтийскими греками. Часть фамилии в XVIII—XIX веках была расселена в греческих селениях в Крыму и на берегах Азовского моря. Контакты с ними поддерживали и дед и прадед, когда родня приезжала в Питер, останавливались у деда. Еще одна близкая часть родни — греческие Гавры. В моем семейном архиве хранится дедова переписка с афинскими родственниками, датированная началом XX века. В сталинские годы связь по понятным причинам, увы, прервалась».

И, наконец, одно предложение, соединяющее многое:

«Назвали меня в честь деда — Дмитрия Лазаревича Гавра. Точнее, он по паспорту был, как и положено греку, Димитрием. Он был математиком, закончил старейший в Российской империи Юрьевский (Дерптский) университет. Профессор, заведовал кафедрой высшей математики в Ленинградском политехническом университете. Так что я в семье не первый профессор и не первый заведующий кафедрой. На двери огромной дедовой квартиры в Политехе вместо номера была бронзовая табличка «Профессор Д. Л. Гавра». Теперь я храню ее как реликвию».

Не приходится сомневаться, что писатель сможет воспользоваться приведенной информацией, положить ее в основу захватывающего литературного произведения. Но я пока не знаю, как подобные истории могут использоваться в исторических и историко-научных исследованиях. Надо думать...

В ходе интервью с Дмитрием Гаврой я писал ему, что решая каждодневные вопросы историко-социологических исследований, я не оставляю надежды целенаправленно заняться поиском влияния предбиографии человека на его биографию и спросил, что он, человек из семьи с очень продолжительной предбиографией, думает по этому поводу. Его полный ответ можно прочесть в тексте интервью, но его суть можно сформулировать кратко. Длинная предбиография, если она интернализована членами клана (или рода), видимо, начинает двигаться в сторону выполнения функций, сходных с функциями элементов коллективного бессознательного. Предбиография в этом случае — объективный феномен, выполняющий социализационные функции. Однако в стране, где неправильная родословная часто означала приговор без суда, и где люди в эпоху Большого террора просто сжигали семейные архивы, изучение этой темы осложняется проблемами информационного и этического плана.

Гавра Д. П.: «Философия, политэкономия — здесь я чувствовал себя в своей стихии»

Я спрашивал Ж. Т. Тощенко об истории его имени Жан, Б. Г. Тукумцева — о происхождении его имени и отчества — Будимир Гвидонович, оказалось, что и история его фамилии не проста. А. Г. Здравомыслов вспоминал, как появилась его фамилия, а А. Ф. Филиппов — имя его отца, Фридрих. Не знаете ли Вы историю Вашей фамилии — Гавра? И вообще, насколько глубоко Вам известна история Вашей семьи?

Достоверно история моей семьи известна мне по отцовской и материнской линии, начиная с конца 18 века. Но есть в семье и передающееся из поколения в поколения предание о нашей родовой фамилии — Гавра. Начнем с него. Гавра — фамилия греческая, точнее византийская. Гавры (позже Гаврасы) — византийский аристократический род, известный своими антиимперскими проявлениями. Династия Гавра правила в Трапезунде¹ и известна своим противостоянием Византийским Комнинам в VIII веке н.э. В одном из источников говорится: «Трапезундская империя возникла как самостоятельное государство в 1204 году одновременно с трагическим для всего византийского мира событием — захватом Константинополя крестоносцами. Фактически уже с конца XI — первой половины XII века на Понте существовало полунезависимое феодальное княжество, управляемое династией Гавров-Таронитов». ² Вот, что написано о Гаврах в «Истории Византии»: «Третье греческое государство (Трапезундская империя) возникло на черноморском побережье Малой Азии, на территории бывшей фемы Халдии, одновременно с осадой Константинополя крестоносцами. Связи этой провинции с центром уже давно были слабыми. Еще в правление Мануила I Комнина особую роль в округе Трапезунда стала играть местная семья Гавра. Официально признавая суверенитет империи, правители Трапезунда из рода Гавра были фактически независимыми.» ³

Семейное предание гласит, что в нашей фамилии есть и свой православный святой — Федор Гавра — святой мученик, воин и военачальник XI в., патрикий, представитель трапезундского аристократического рода Гавра (родился около 1050 г.) ⁴. На фрагменте Синайской рукописи, хранящейся в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга, имеется изображение Феодора Гавры — миниатюра XII в. с надписью «Феодор Гавра, патрикий, раб Христов», где на голову святого воина возложил руку Иисус Христос.

Вот такая у нас семейная мифология. Византийская, православная. Передающаяся от поколения к поколению.

¹ См. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. МГУ 1981 <http://www.ellada-russia.ru/magazine/45/article/328>

² См. Трапезундская империя: последний оплот византийского православия <http://forum.polismi.org/index.php?/topic/391-%d1%82%d1%80%d0%b0%d0%bf%d0%b5%d0%b7%d1%83%d0%bd%d0%b4%d1%81%d0%ba%d0%b0%d1%8f-%d0%b8%d0%bc%d0%bf%d0%b5%d1%80%d0%b8%d1%8f-%d0%bf%d0%be%d1%81%d0%bb%d0%b5%d0%b4%d0%bd%d0%b8%d0%b9-%d0%be%d0%bf%d0%bb%d0%be%d1%82-%d0%b2%d0%b8%d0%b7%d0%b0%d0%bd%d1%82/>

³ <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000075/st003.shtml>

⁴ http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/feod

Род современный происходит из Греции, из тех рассеянных по бывшей империи осколков Гавров, которые осели в Афинах и на островах. Наша ветвь — из тех островных греков, которые далее двинулись на берега Черного моря. Они зовутся понтийскими греками. Часть фамилии в XVIII—XIX веках была расселена в греческих селениях в Крыму и на берегах Азовского моря. Контакты с ними поддерживали и дед и прадед, когда родня приезжала в Питер, останавливались у деда. Еще одна близкая часть родни — греческие Гавры. В моем семейном архиве хранится дедова переписка с афинскими родственниками, датируемая началом XX века. В сталинские годы связь по понятным причинам, увы, прервалась.

Бабушкина фамилия — Шикановы. Георгий Акимович Шиканов — мой прадед — Почетный гражданин Санкт-Петербурга. Грамота, пожалованная Государем Императором еще в XIX веке, хранится в семье. На карте Санкт-Петербурга конца позапрошлого века есть Шикановская улица, названная именем прадеда, который всю ее и построил. Стоял там и храм. Дети шутят, что если бы у нас, как в Прибалтике, случилась реституция, в семью бы вернулось прилично земли и недвижимости.

Назвали меня в честь деда — Дмитрия Лазаревича Гавра. Точнее, он по паспорту был, как и положено греку, Димитрием. Он был математиком, закончил старейший в Российской империи Юрьевский (Дерптский) университет. Профессор, заведовал кафедрой высшей математики в Ленинградском политехническом университете. Так что я в семье не первый профессор и не первый заведующий кафедрой. На двери огромной дедовой квартиры в Политехе вместо номера была бронзовая табличка «Профессор Д.Л.Гавра». Теперь я храню ее как реликвию.

Своим отцом, Петром Дмитриевичем Гавра я горжусь не меньше. Он участник войны, прошел сталинские лагеря, не сломался. На первый курс поступил в 18 лет, а на второй — в 32 — после лагеря. А уже к 45 — зам Главного конструктора, потом Главный конструктор. На его счету — двигатели к баллистическим ракетам и истребителям, ордена, Государственные премии. Петром я назвал своего сына.

Захватывающе интересная, редкая история. Посмотрел я в Гугле книгу С. Глезерова «Северные окраины Петербурга. Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная...», нашел в ней материалы о Вашем прадеде Г.А. Шиканове, фотографии. Об отце — глухо, да это и понятно. И все же, пожалуйста, расскажите о нем побольше, теперь, наверное, можно. И о матери, а кого из бабушек-дедушек Вы застали живыми?

Отец родился в 1923. Из ста советских мальчиков этого года рождения, как известно, до 30 лет дожили меньше двенадцати. А из ленинградских, наверное, меньше десяти. Кого не забрали фронты двух войн — незначительной — Финской, и Великой отечественной, того добрали волны большого террора, блокада и Ленинградское дело. Отец вырос в Лесном, в большом парке Политехнического института, в той среде, которую можно назвать довоенным коктейлем из технической профессуры и инженерной интеллигенции. Об этих элементах социальной структуры раннего советского общества, об их повседневности, ценностях, поведенческих стратегиях и тактиках выживания, к сожалению, нет серьезных исследований. Или я о них не знаю. Русский инженерный корпус, особая часть социальной вселенной старой России, конечно, был повыбит революцией

и гражданской войной, но репрессии, по имеющейся информации, затронули его несколько меньше, чем остальных. Были, конечно, дело Промпартии, процесс Рамзина, но в целом инженеры работали на оборону и гребенка, их выметавшая, была в ряде случаев пореже. Поэтому и сохраняли они некоторые осколки своей старой идентичности. Мои ранние, прежде всего визуальные, воспоминания о деде и его друзьях — профессорах математики уже начала 60-х тоже говорят об этом. Они отличались от обычного прохожего ленинградской улицы. Дед носил белый костюм, шляпу, пользовал трость красного дерева с серебряным набалдашником. У него была невиданная роскошь того времени — «Победа». Потом «Волга». Они покупали картины, коллекционировали предметы старины. В доме всегда, и в 20-е и в 30-е, и позже была, как ее называли, «домработница». Была она, как я помню, и в ранние 60-е, а у меня была няня.

Рядом с Политехом, через дорогу был знаменитый «детский сад дедушки Иоффе» — Физтех. Из этой, среды 30-х годов вышли почти все отцы советского атомного проекта — Курчатов, Харитон, Кикоин, Александров. В этом воздухе рос отец — Петр Гавра. Теннис, гимнастика, любимый доберман Блэк, учителя немецкого и французского, рояль, этот огромный старый императорский с орлами Шредер стоял у нас в гостиной до 2000-х, пока не пришлось продавать квартиру. Отцовская сестра — моя тетя Татьяна Дмитриевна, рассказывала, как, вернувшись в 1954 из лагерей, отец сел к роялю и без перерыва несколько часов играл Бетховена и Шопена. Потом встал, закрыл крышку и более не играл никогда. Я не помню, чтобы отец когда-либо садился за инструмент.

Золотая медаль в школе, потом один из лучших на главном атомном факультете — физико-механическом. А затем — 1941. У него всегда было слабое зрение — -8, поэтому в армию его не взяли, мобилизовали на строительство укрепрайонов, а потом — уже в блокаду он таки стал солдатом. О войне и блокаде отец не рассказывал, только темнел лицом и на все расспросы говорил, что это знание не для послевоенных людей. Награды одевать не любил. В 1942 попал в госпиталь и был вместе с госпиталем по Дороге жизни эвакуирован на большую землю. Оттуда, прямо из госпиталя его взяли и дали 10 лет лагерей плюс 5 лет поражения в правах. Статья 58—10 — «контрреволюционная агитация». Имел неосторожность в эвакогоспитале таким же раненым но с других фронтов рассказать о том, что и как было в блокадном Ленинграде. Среди слушателей нашелся доносчик. О том, как жили политические отец не рассказывал никогда. Иногда, это я помню, к нему приезжали, как я уже теперь понимаю, друзья по лагерю. Они усаживались за стол и пили спирт. С черным хлебом и салом. И никого не должно было быть рядом с ними. Как выжил в лагере профессорский сынок, отличник, любитель тенниса и фортепьяно, я не знаю. Но знаю, что не сломался. Знаю, что кличка было «Гавра — боксер», что заканчивал срок «бугром на лесоповале». Что еще помню, отец после лагеря и дальше был физически очень сильным, мало чего и кого боялся. Однажды, помню еще в начале 60-х привязались к нам вечером какие-то люди и отец сказал им что-то такое очень выразительное на лагерном, видимо, языке, что они просто тихо растворились. Срок отбыл «от звонка до звонка», ему еще добавили. В Ленинград вернулся в 1954 и более, чем тридцатилетним, снова сел за студенческую парту. Еще студентом пришел на Завод им. Климова конструктором, далее — быстрый конструкторский рост. До Главного конструктора. Через 10 лет после окончания Политехнического института —

лауреат Государственной премии СССР за изделие, которое до сих пор стоит на вооружении и способно преодолевать ПРО вероятного противника. Потом были другие изделия. И еще Госпремия. Отец много времени проводил на ракетных полигонах. Лично работал со всеми Главными конструкторами, занимавшимися ракетной тематикой. Я еще мальчишкой слышал фамилии, которые теперь знает страна – Королев, Глушко, Неделин, Челомей, Люлька, Пилюгин. Попробуйте набрать эти фамилии в Фейсбуке, много чего узнаете про советский ВПК.

С мамой – Галиной Гавриловной Гоголюк отец познакомился в институте. Ей было 20, а ему на 11 лет больше. И в эти 11 лет поместилось очень многое. Мама – из комсомольской семьи. Мои бабушка и дедушка – комсомольцы 30-х годов познакомились в далеком Туркестане, куда их послала партия. Там, в городе Байрам-Али и родилась мама. Дед – Гавриил Дмитриевич Гоголюк – из Галиции, той пограничной полосы между Австро-Венгрией и Россией, по которой 100 лет назад многократно прокатился каток Первой мировой. Она лишила деда дома и семьи. Осталась только фамилия. Война застала его восьмилетним мальчишкой. В одиннадцать – сирота, в пятнадцать – беспризорник, потом детдомовец, комсомолец, комсомольский активист. В Туркестане 30-х годов – уже ответственный комсомольский работник. Там он и встретил бабушку – Валентину Тимофеевну Толстикову. Она – из ставропольских казаков, помню ее маму – мою прабабушку Евдокию Васильевну, и ее приемного отца – Василия Моисеевича Лактионова, которого считаю своим прадедом, поскольку он растил бабушку после ранней отца. Василий Моисеевич Лактионов – казак, офицер Добровольческой армии после Гражданской войны прятался от советской власти, переезжал с места на место, занимался крестьянским трудом, работал на земле. Я его помню в середине 60-х. У него был дом с хозяйством, собаками, большим садом в городе Адлер, на Черном море. Сколько ему было лет тогда – я не знаю, но помню его постоянно работающим.

Мамина семья переехала в Ленинград перед войной – дед был назначен директором торфопредприятия в области. Эта должность стала очень важной во время блокады – топлива не было. Из добываемого торфа делали брикеты, сушили их – и далее топили блокадные буржуйки. Был план, и его нужно было выполнять. По рассказам бабушки добыча торфа на дедовом предприятии велась под обстрелами немецкой артиллерии. Дед попал под обстрел. Контузия и далее – тяжелый инсульт. Так в 1943 году дед Гавриил Дмитриевич из директоров превратился в инвалида. Восстанавливался долго. Бабушка выходила. Паралич прошел. Но речь так и не вернулась. Так он дальше жил на маленькую инвалидную пенсию – ведь он не считался инвалидом войны. Семью – мужа и дочь тянула бабушка. Я его хорошо помню – он не говорил, много чего делал по дому, работал на огороде и очень заботился о нас – внуках. Умер в 1975.

Бабушка закончила исторический факультет ЛГУ, работала преподавателем истории в ЛПИ им. Калинина, потом перешла на партийную работу в Куйбышевский райком КПСС. Затем до самой пенсии – директор школы рабочей молодежи – было в СССР такое учебное заведение для тех, кто недоучился в школе и сразу пошел работать. Непростое, нужно сказать, место работы. Выйдя на пенсию, продолжила работать научным сотрудником в Музее революции.

Моя мама Галина Гавриловна вышла замуж студенткой — в 1955. В 1956 родился я, еще через 4 года — мой младший брат Георгий. Мама работала на заводе, вместе с отцом. Потом поступила в аспирантуру, защитила диссертацию. Кандидат технических наук. Начиная с 1971 года — преподавала на кафедре Теоретических основ теплотехники энергомашиностроительного факультета Политехнического института. Многие поколения энергомашевцев прекрасно помнят ее. Преподавала она, пока позволяло здоровье — года, наверное, до 2008. В 2011 ее не стало.

Скорее всего, дома была большая, хорошая библиотека, что читали?

Библиотека дома действительно была редкая. Ее собирала прежде всего бабушка, Клавдия Георгиевна. Она до революции закончила знаменитый Санкт-Петербургский женский педагогический институт. Была учителем словесности, позже преподавала в вузах русскую литературу. Недавно, при подготовке квартиры к продаже мы обнаружили спрятанный в тайнике ее дневник. Вернее, книжечку — продолжение дневника, который она вела постоянно. Сначала даже не верилось, он был начат в феврале 1917 в Петрограде, за неделю до начала Февральской революции. А заканчивается в 1919. Вся история революционного Питера и красного террора глазами курсистки и преподавателя словесности. Чтение завораживающее. Почему спрятан — понятно. Симпатий к большевикам не обнаруживается. Размышляю, может быть, издать. Как документ эпохи.

Библиотека была громадная, с массой раритетных теперь изданий. Очень много изданий XIX века. Вся русская классика и с ятями и без. Первые выпуски поэтов «серебряного века». Безумно интересная, если смотреть на нее теперь, подборка ранних советских книг — от обэриутов до РАППовцев. И памятники эпохи — роскошно изданные тома мэтра тогдашней внешнеполитической пропаганды Николая Шпанова. Книги покупались постоянно, и все их можно было брать с полки — в школьные годы прочитаны Декамерон, Данте, почти весь Шекспир — и комедии, и трагедии, и исторические хроники, Хемингуэй, Джек Лондон, Мопассан, Конан-Дойль, кое-что из Бальзака, Гюго, Войнич — это только то, что приходит на память. Пытался взяться за Пруста, Золя и де Мюссе — не получилось, не пошло. «Мастер и Маргарита», «Один день Ивана Денисовича» тоже прочитаны еще в школе. Зато дома не было джентльменского набора мальчишки 60-х — Дюма, Купера, Майн Рида, Жюль Верна. За этими всеми сокровищами я ходил в детскую библиотеку Дома Ученых в Лесном. Она была в двух шагах — в парке Политехнического института. Библиотека и библиотекари были чудесные — до сих пор вспоминаю их с благодарностью и трепетом. И разумеется — журналы. Дома выписывали «Новый Мир», еще периода Твардовского и Симонова, «Иностранную литературу», «Роман-газету» и, конечно, же, «Литературную газету». Для тех, кто помнит советские 60-е — 70-е, этот набор говорит о многом. Родители, конечно, это делали для себя. Но получалось так, что этим богатством получалось пользоваться мне. К сожалению, приходится признать, что в части чтения литературы, книжных новинок я сегодняшний далеко уступаю себе 15-летнему. И, наверное, уже никогда не догоню.

Завершая разговор о библиотеке, скажу, что она теперь почти вся у меня.

Прочитав о Вашей находке бабушкиного дневника, я отправил Вам электронный вариант книги Тюменского соотечественника Юлии Беспаловой и мою краткую

рецензию на эту книгу. Одним из содержательных центров работы Беспаловой стал дневник ее деда, который в период Гражданской войны был помощником будущего маршала В.Блюхера, и другие страницы этой книги построены на документах домашнего архива. В моем представлении подобные «камерные» социолого-исторические исследования крайне полезны, не предполагаете ли и Вы – пусть не завтра – поработать в этом направлении?

Спасибо за книгу Беспаловой. Она, как ни парадоксально звучит, одновременно очень личная, и очень социологичная. Сам метод для меня новый. Как исследователь, много времени посвятивший, в том числе и методам, правда, все больше – количественным, не могу не признать перспективности такого взгляда на социальную историю. Ваше предложение заставило меня задуматься. Проще всего было бы сказать: «Да, конечно». Но перечитав дневник и другие материалы из немалых семейных архивов, полагаю, что честнее будет ответить, что такой путь, наверное, будет возможен, когда темп жизни, очень плотный в последние пятилетия, немного спадет. Да и начинать нужно с полноценного разбора и осмысления архивов. Это само по себе серьезная работа.

Есть и еще один, возможно, более сложный вопрос. Впервые с длинными генеалогическими рядами простых людей, не королевских фамилий, я встретился при изучении биографии Джорджа Гэллапа, род которого уходит своими корнями в очень далекое прошлое, а сам он был американцем (!) десятого поколения. Когда я наткнулся на это факт, я разыскал на сайте The Gallup Family Association (<http://www.gallupfamilyassociation.com/>), обратился к ним и получил «царский» подарок – крупноформатную книгу о клане Гэллапов, в которой есть краткие данные о каждом из нескольких тысяч Гэллапов 14-и американских поколений. Изучение всей этой информации, во-первых, как я думаю, помогло мне лучше понять гэллаповскую философию изучения общественного мнения и во-вторых, ввести такое понятие как предбиография. Решая каждодневные вопросы историко-социологических исследований, я не оставляю надежды (и частично реализую эту задачу) целенаправленно заняться поиском влияния предбиографии человека на его биографию, начинающуюся с момента его рождения. Вы принадлежите к семье с очень продолжительной предбиографией, что Вы думаете по поводу сказанного?

Интересно крайне. Уже наверное, лет 20 в рамках разных своих курсов читаю лекции о Гэллапе, а этой части его семейной истории не знал. Не сомневаюсь в том, что Вы правы прежде всего в том, что ввели сам этот термин «философия изучения общественного мнения». Он представляется мне очень богатым эвристически. Действительно, собственно методологии диагностики массового сознания не может не предшествовать некая метаметодология, имеющая одним своим основанием макромодель социума, неважно какую – операционализированную или интуитивную, а другим – этику особого рода – полстерскую. Видимо интерференция этих оснований и способна породить, если для этого есть предпосылки и личность того стоит, ту самую философию изучения общественного мнения, о которой Вы пишете. Не у всякого она есть. Несомненно, своя особая философия, отличная от других была у Юрия Левады. Своя – у Бориса Грушина. Своя – у Татьяны Заславской. Как своя, скажем, у Харриса или Ноэль-Нойман.

Концепт предбиографии мне симпатичен. Он как-то перекликается с моим пониманием социологических проекций психоаналитических построений любимого мною Карла-Густава Юнга и его последователей. Длинная предбиография, если она интернализована членами клана (или рода), видимо, начинает двигаться в сторону выполнения функций, сходных с функциями элементов коллективного бессознательного. Повторюсь, если интернализована, т.е. в той или иной освоена когнитивно. Предбиография в этом случае — объективный феномен, выполняющий социализационные функции. При этом, для меня вопрос — какое значение имеет рефлексия предбиографии.

Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что легко рассуждать о концепте предбиографии в позитивном ключе, если таковая у твоей семьи (твоего рода) есть. Поддерживая этот концепт, ты как-бы делаешь себе комплимент, возвышая свою фамилию над теми, кто не сохранил памяти рода. Для нашей страны, где неправильная родословная часто означала приговор без суда, и где люди в эпоху Большого террора просто сжигали семейные архивы такого рода самокомплименты вызывают вопросы этического плана.

Наверное, Вы ходили в школу, в которой учились дети сотрудников «Политеха»? Какие воспоминания остались о школе? Какие предметы больше нравились?

О школе хочется сказать особо. Мне повезло, что родители отдали меня в английскую школу. Номер 105. Теперь это знаменитая 105-я Гимназия. Первые два года я один по 40 минут ездил на трамвае № 32 от Политехнического института до улицы Смолячкова, где была школа. В пятом классе школа переехала поближе, на улицу Орбели, в новое здание, где по сей день и находится. На Орбели ездить было уже ближе — всего 7 остановок на трамвае. По тем временам это была в меру привилегированная школа с гуманитарным уклоном. У нас училась дочка секретаря горкома партии, дети директора Ленинградского ТВ, одно время я сидел за одной партой с сыном директора крупного завода. Время от времени у нас на какой-то период появлялись дети зарубежных коммунистов, приезжавших в СССР. Именно в школе я получил свой английский язык. Там и только там. Ни университет, ни что-либо еще к моему английскому серьезно не добавили. Мой английский из школы позволил мне публиковать статьи и книги, работать профессором в США, Германии, Швеции, Дании.

У нас было 6 часов английского в неделю. Плюс английская литература, плюс география на английском. Тогда мы познакомились с Мильтоном, Чосером, Марло, Дефо, Свифтом, Теккереем, Бернсом. Разумеется Шекспиром. С тех времен помню и Гамлетовский монолог и мой любимый 66 сонет “Tired of all this ...” Список можно продолжать американцами от Эдгара По до Сэлинджера, Капоте или Доктороу. Любимые предметы в школе — все английские, литература, история, обществоведение. Разумеется — физкультура. По истории и обществоведению всегда был лучшим. С удовольствием писал сочинения. Грамотность — природная, или от чтения. Причем ошибку и в русском, и в английском вижу глазами, еще до осознания. Слово выглядит как-то не так. Это качество очень мучает сейчас при чтении курсовых, дипломных или диссертаций моих аспирантов. Орфографию правлю рефлексивно. Отличником никогда не был. Четверки были по математике, физике и химии.

Направленность движения дальше была понятна — в общественные науки. Но семейная традиция диктовала движение в сторону Политеха. Подразумевалось ее продолжение. Тем более, что в МГИМО, куда самонадеянно съездил, быстро, еще при заполнении изощренных анкет дали понять, что с такой семейной историей шансов поступить нет. Хотелось в инженеры не особенно, но традиция и авторитет фамилии сделали свое. Семья сказала: «Попробуй, не сложится, всегда сможешь сменить». В итоге выбрал самый сложный факультет, физико-механический. Поступил легко. Стал старостой группы. Учили нас действительно жестко. Из двадцати восьми человек в группе до диплома добралось 11.

Знаете, говорят, стерпится — слюбится... не слюбилось? Но был ли интерес к общественным дисциплинам? К общественной работе? Не пробовали ли себя в журналистике?

Не слюбилось. Хотя получил красный диплом. И защитил его раньше всего своего курса почти на полгода. Из предметов нравились математическая и статистическая физика, теория вероятностей, теория функций комплексного переменного, квантовая механика. Но было и понимание того, что это не мое. На курсе были ребята, которые схватывали все, как говорят, с лету, могли на лекции поправить профессора, не так решавшего дифференциальное уравнение в частных производных. Трудные задачки по аналитической механике щелкали, орехи. Они были одарены явно больше меня, созданы для физики — и это чувствовалось сразу. Сейчас они выдающиеся ученые, известные в мире, лауреаты премий. Звезды. Получалось и у меня, но требовало большого труда, а главное, не приносило удовольствия. Мне было понятно, что здесь я — не звезда. И никогда не стану. На третьем курсе был кризис, собирался уходить, чтобы попробовать поступить на философский. Семья отговорила. Зато с общественными науками все всегда было лучше всех. Философия, политэкономия — здесь чувствовал себя в своей стихии. До сих пор дружен с одним своим преподавателем, который сильно рекомендовал мне переходить в университет. Сейчас вместе заседаем в ГАК — спустя 30 лет вернулся в свой вуз Председателем государственной комиссии по защите дипломов.

Много занимался тем, что тогда называли общественной работой. Теперь назвали бы студенческим самоуправлением. Член комсомольского бюро курса, секретарь бюро кафедры, член комитета факультета и института, зам. секретаря комитета комсомола факультета. Я занимался конкретным делом — организацией стройотрядов. Начиная с четвертого курса — командир. Эту школу не забыть. Ты набираешь 40–50 человек и везешь их за тысячи километров, чтобы там работать на стройке. И отвечаешь за них головой. И за производство, и за быт, и за безопасность. И за то, чтобы бойцы заработали. Мы ездили в разные места — Ленинградскую область, в Коми. Мой командирский опыт начинался в Красноярском крае. Мы строили Саяно-Шушенскую ГЭС, тогда крупнейшую в мире. Так что в теле плотины, в нижнем бьефе по левому берегу Енисея, есть кубы бетона, уложенные моими ребятами. Отряд я назвал «Правда». Не знаю, почему. Казалось, коротко и емко. Через год, там же на Саянах мой отряд признан лучшим. Стали приезжать журналисты, превратился в героя комсомольских газет. До сих пор храню статьи из «Смены», «Комсомолки». Одна из них так и называлась «Детская коляска для командира Гавры». Об отряде, о том, как мы

работаем и как весело отдыхаем. К 1980 году я уже комиссар районного штаба студенческих отрядов на строительстве СШГЭС. Назывался отряд «Ленинград». Как теперь группа у Сергея Шнурова. Численность нашего сводного отряда была около 1300 человек. Велика была и ответственность.

К концу четвертого курса вступаю в партию. В КПСС. Тогда это было достаточно редкое, в партию студенты вступали нечасто. Видимо, знак доверия за стройотряды.

Диплом писал по очень модной и тогда и теперь теме – термояду. До сих пор помню его тему «Компьютерное моделирование взаимодействия мощного лазерного излучения с жидким металлом». Революции не совершил, но поставленную задачу решить сумел. Еще при написании получил предложение остаться в институте – на родной кафедре. По тем временам это считалось признанием заслуг и пределом мечтаний выпускников. Еще бы – прямая дорога к написанию диссертации, научной и преподавательской карьере.

Так я остался в Политехе, на кафедре. Впрягся в лямку. И задумался о дальнейшей судьбе. Шел 1979 год. До конца жизни заниматься физикой хотелось не очень. Ни в вузе, ни в НИИ. Обязательства перед семьей были выполнены. Значит можно было думать о выборе нового пути. Своего. Связанного с тем, к чему тянулась душа. С науками не о природе, а об обществе. Но чтобы уйти, нужно было проработать по распределению минимум два года. И тогда я подумал о комсомоле. Это был хороший способ уйти от физики и сменить социальную траекторию. Моя комсомольская и стройотрядовская биография была такова, что задача оказалась решаемой. Через полгода после выпуска я – освобожденный комсомольский работник. Секретарь комитета комсомола факультета. Место работы – Калининский райком ВЛКСМ. Год – с октября 1979 по октябрь 1980 я на этой работе. Этот год вместил многое – ввод войск в Афганистан, бойкот Московской олимпиады, знакомство со многими интересными людьми, еще раз – стройотряд. Я руководил организацией почти в две тысячи человек, проводил заседания, разбирал персональные дела, отправлял людей в колхоз и на овощебазу, принимал и исключал... И постоянно искал возможность уйти. Туда, куда хотелось, к чему лежала душа.

И получилось. С ноября 1980 года Дмитрий Гавра – лаборант сектора социально-экономических проблем научно-технического прогресса ИСЭП АН СССР. Привел меня друг нашей семьи профессор Леонид Соломович Бляхман. Он услышал меня, поверил и стал моим Учителем. А сектором заведовал Иосиф Иосифович Лейман. Еще один мой Учитель. Лейман провел со мной собеседование. И взял. На свой страх и риск, без базового образования. В группу Бляхмана. Я пришел в ИСЭП в 1980 лаборантом, на временную ставку, не требовавшую высшего образования, с окладом 85 рублей в месяц. Ушел я из института в 1996 доктором социологических наук на профессорскую позицию факультета социологии СПбГУ. Леонид Соломонович, уже из Америки в 1995 прислал отзыв на мой докторский автореферат. Так что, как социолога сформировал меня ИСЭП, его люди, его дух. Самостоятельно прочитанные книги. И мои учителя. Хочется верить, что я их не подвел.

Что-то я не помню, чтобы Бляхман работал в ИСЭП, может – на полставки...

Дима, ниже я попрошу Вас рассказать о Ваших исследованиях, но прежде,

если можно, вспомните И.И. Леймана. Я обычно прошу моих собеседников, вспоминать ушедших коллег... Лейман, как мне помнится, был очень взвешенным человеком, застенчивым, скромным... и занимался он перспективными темами... но вот рано умер...

Бляхман работал в ИСЭП недолго. На полставки, года, наверное, два. Его основным местом работы всегда был экономический факультет ЛГУ. Именно там он стал известен, как один из авторов ленинградской версии косыгинской реформы экономики конца 60-х — начала 70-х. Эта реформа дала заметный толчок ленинградским научно-производственным объединениям. Бляхман руководил группой социально-экономической эффективности научно-технического прогресса в отделе И.И.Леймана. В эту группу я и пришел работать.

Что же касается Вашего вопроса о Леймане, я очень рад возможности написать об этом человеке. Светлый, тонкий, остроумный и очень знающий, он сумел настроить у нас в секторе такую академическую атмосферу, о которой скучаю до сих пор. За несколько лет работы он стал мне не столько начальником, сколько старшим товарищем. Я бывал у него дома, знал его семью, когда было нужно, помогал с переездом. Когда разыгралась моя язва, именно Иосиф Иосифович через свои связи устроил меня в больницу к лучшему врачу. И потом еще приехал и привез книги из личной библиотеки, чтобы я не скучал. Через много лет, когда я в Ленинградском горкоме КПСС курировал, как тогда говорили, социологию в городе, мне довелось помогать Иосифу Иосифовичу, которого «ушли» из ИСЭПа.

Приехавший из Латвии и закончивший философский факультет ЛГУ, он с аспирантских лет занимался социологией науки. Этому была посвящена его кандидатская диссертация. Монография «Наука как социальный институт», с моей точки зрения до сего дня не утратила методологической значимости. Институциональный анализ социальных феноменов с тех пор стал для меня одним из любимых методологических приемов. Да и одна из моих довольно часто цитируемых статей называется «Понятие социального института в социологии».

И.И.Лейман сумел собрать очень хороший, интересный сектор. Одной группой, занимавшейся социальной сущностью НТП, руководил он сам, другой — социально-экономической эффективности НТП — Л.С.Бляхман, третьей — социально-экономических проблем кадрового обеспечения НТП — А.А.Вейхер. До сих пор помню по именам-отчествам всех сотрудников моего первого сектора — Т.С.Бодню, Е.И.Алексееву, О.М.Волосевича, С.С.Труевцеву, Б.Д.Беликова. И тех кто моложе — лаборантов, м.н.с.-ов, аспирантов. Жизнь была интересной. Монографии, которые выпускались, пользовались авторитетом. Много ездили по конференциям, публиковались. Авторитетом был и сам Иосиф Иосифович. Тогда он заведовал отделом. По ИСЭПовским меркам того времени зав. отделом — это величина. Определяет направления НИР, ведет ученый совет, принимает отчеты, решает кадровые вопросы. Во всем этом Лейман был подчеркнуто корректен, деликатен и безусловно вежлив. С чувством юмора. Помню, на пятидесятилетие я посвятил ему и его предмету — науковедению — стихотворный мадригал, весьма, надо сказать, фривольный. И он его оценил, хотя и пожурил потом. Он умел создавать то, что теперь, через много лет я помню как академическую атмосферу — атмосферу равенства, товарищества, авторитета знания и качества текста, а не степени или должности. Всегда ездил с нами на овощебазу

и в колхоз. Был тактичен, но при этом умел настоять на своем. К сожалению, он пришлось не по вкусу вновь назначенному директору института – профессору И.И.Сигову. Я не знаю подробностей, но сначала из ИСЭП пришлось уйти Л.С.Бляхману, потом Лейман перестал заведовать отделом – на его место пришел А.Е.Когут – будущий директор института. А потом пришел черед уходить и самому Иосифу Иосифовичу.

Дима, спасибо, что написали так основательно и тактично...

...и вот началась Ваша академическая жизнь... что в те годы было хорошо в АН, так это то, что должность не определяла на 100% характер и содержание работы. Иногда сотрудники на научных должностях выполняли вспомогательную работу, с другой стороны, лаборанты имели возможность для достаточно самостоятельных научных поисков. Как Ваша деятельность начала складываться, с анализа какой проблематики?

Группа Л.С.Бляхмана, в которую я попал, занималась анализом проблем научно-технического развития крупных городов для включения наиболее значимых из них в программы и планы социально-экономического развития. Передо мной сразу по приходе в институт была поставлена задача выявления критериев и показателей, на основании которых научно-технические проблемы города могли бы ранжироваться по степени значимости. Я обратился к концепциям оценки технологий (Technology assessment), которые в то время были наиболее продвинутыми у американских экономистов, попробовал срастить их с методом статистической обработки результатов многоуровневых экспертных оценок и через три месяца предложил методику. Методику сопровождал компьютерной программой автоматизированного получения ранжированного списка научно-технических проблем. Программа была написана для БЭСМ-6, вершины советской вычислительной мысли того времени. В решении этой задачи мне, разумеется, помогли мой английский язык и базовая подготовка инженера-физика. Бляхману предложенное решение понравилось, мне было поручено подготовить развернутый раздел научного отчета сектора и тезисы для конференций. Тезисы написал сразу, они были приняты. Так я, спустя полгода после начала работы, сумел принять участие и выступить на двух Всесоюзных конференциях, одна была наша – ИСЭПовская, другую проводил ИСИ АН СССР. Тезисы были опубликованы. Это мои первые научные работы. Названия их помню и сейчас. Для московской конференции – «Методологические проблемы оценки технологии», для ленинградской – «Выявление и ранжирование научно-технических проблем крупного города».

В ИСЭП я почувствовал себя очень комфортно. Все, что нужно – это читать книги и журналы, собирать эмпирическую информацию, обрабатывать, думать и писать тексты. У меня получалось, и коллеги достаточно быстро приняли меня за своего. Осенью планировал поступление в заочную аспирантуру. Однако судьба распорядилась по-своему. Где-то на партхозактиве Л.С.Бляхман покритиковал научную политику ИСЭП, его директору И.И.Сигову это, разумеется, не понравилось. В результате Леониду Соломоновичу пришлось покинуть институт. Я остался без научного руководителя и покровителя. С лета 1981 перевели в группу И.И.Леймана, дали новую тематику – социальную эффективность НТП. Пришлось разбираться. Новый раздел отчета, помимо того, что уже

был написан, назывался «Принципы исследования социально-экономического эффекта внедрения промышленных роботов и роботизированных технологических комплексов».

В ноябре того же года — новый поворот. Меня перевели в группу социально-экономических проблем подготовки кадров и образования. Руководил ей Андрей Алексеевич Вейхер, выпускник Финэка, политэконом, кандидат экономических наук. Так на почти на 9 лет я оказался связан с экономикой и социологией образования.

Осенью 1981 года я впервые столкнулся с эмпирической социологией. Группа Вейхера участвовала в большом исследовании работников ленинградской промышленности «Вы и Ваш труд». Схема исследования была сложной. Работник заполнял анкету, а затем на каждого работника его непосредственный руководитель — мастер или начальник участка заполнял карточку работника. Таким образом, на каждого респондента полагалось два документа. Методически и технологически очень трудозатратная схема. Особенно в условиях советской промышленности начала 80-х. За мной, как за членом КПСС, да еще с действующим допуском, закрепили два научно-производственных объединения, нужно сказать очень непростых. Во-первых — ЛОМО, тогдашнего флагмана ленинградской оборонки, во-вторых — «Станкостроительное объединение им. Свердлова». Объем выборки сейчас уже не помню, но на каждом предприятии он измерялся в несколько сотен респондентов. Дали мне в подчинение двух аспирантов и одного старшего лаборанта — отправили в поле. К тому времени в ИСЭП я работал меньше года. Эти три месяца заполнил на всю жизнь — нужно было соблюсти выборку по четырем квотным параметрам, обеспечить заполнение анкет на рабочих местах, провести инструктаж, проверить заполнение анкет и вернуть на новое заполнение выполненные неправильно или неполные, опросить руководителей. Работа была трудная, но очень живая. И, главное, побуждала читать, чтобы получить представление о методе. Именно тогда были проштудированы «Человек и его работа», «Рабочая книга социолога», тогда узнал имена В.А.Ядова, О.И.Шкаратана, Г.В.Осипова. Потом были другие исследования, и немало, но это — первое сразу дало представление о том, что качество закладывается на подготовительном этапе — разработки программы, размещения выборки, контроля работы интервьюера на всех уровнях.

Итак, с осени 1981 работаю в группе Вейхера. У нас были две группы задач — академическая и прикладная. Академическая — исследование социально-экономической динамики системы образования, детерминированной научно-техническим прогрессом. Прикладная связана с той задачей, которую в те годы по поручению органов управления решал ИСЭП АН СССР — разработка и сопровождение Региональной комплексной программы научно-технического прогресса на 20 лет. Это был один из инструментов стратегического управления и долгосрочного планирования. До сих пор считаю, не худший. В рамках этого направления наша группа отвечала за раздел «Подготовка кадров и образование», включающий прогноз потребности, оценку ресурсов и разработку программы действий. В группу вписался неплохо, за мной закрепили все, что связано с рабочими кадрами и профессиональным образованием. Научный же интерес сформировался достаточно определенно — система непрерывного образования, необходимая для человека и экономики в условиях постоянной инфляции знаний

и навыков. Появились публикации по новой теме. Попутно активно включился в жизнь отдела. Сначала — собачья должность — ответственный за овощебазу и колхоз. Потом — член партбюро. Позже председатель профбюро отдела. В 1983 избран по конкурсу младшим научным сотрудником.

В 1982 сумел поступить в заочную аспирантуру. Моим руководителем стал директор института профессор И.И.Сигов. Планировал я поступать к Лейману, но отдел аспирантуры решил по-своему. У директора не было аспирантов, а должны были быть. Он посмотрел мою анкету, встретился со мной — и вопрос был решен. Такая вот ирония судьбы — планировал к Бляхману, потом к Лейману. В итоге — оказался у Сигова. Тема была связана с моей плановой темой в секторе — «Планирование и организация переподготовки и повышения квалификации рабочих кадров». По экономике промышленности. Аспирант я был не особенно надоедливый. За все время с руководителем встречался два раза. Диссертацию написал за год до окончания срока аспирантуры. В представленной рукописи, она хранится у меня до сих пор, руководитель сделал только одну правку. Во фразе «органам власти и управления СССР следует...» он дописал одно слово после слова «следует». Это было слово «рекомендовать». Так что защищал диссертацию в том виде, в каком написал.

И все в целом в моей мэнээсовской жизни складывалось неплохо, пока в конце 1984 года А.А.Вейхер не решил уйти из института. А его уход совпал с одним очень важным заданием, которое поручил ИСЭПу обком КПСС. Для планирования развития вузов Ленинграда нужно было рассчитать потребность в специалистах с высшим образованием в регионе на 10 лет вперед. В разрезе специальностей подготовки. Гигантская работа. И выполнять его должна была группа Вейхера. А тот — взял и ушел. Наша группа — 6 человек осталась без руководителя. Громом среди ясного неба было для меня решение дирекции поручить Гавре руководство группой и выполнение важного задания. К тому времени я был в группе самым молодым, неостепененным, работал в институте меньше трех лет. И я стал руководителем, моя вольная жизнь закончилась. С тех пор я постоянно чем-то и кем-то руковожу. В моей группе были кандидаты наук, люди старше и опытнее меня, с базовым образованием. Но, спасибо им и академическому духу — у нас получилось.

Передо мной каталожная карточка, в 1986 году Вы защитили (или представили к защите) кандидатскую диссертацию, так что эта «слабость» Вашего положения как руководителя группы была снята... уже — начало перестройки, разрушаются все представления о планировании и прочее. Что происходит в Вашей жизни?

Диссертацию по экономическим наукам я защитил в июне 1986 в Ленинградском финансово-экономическом институте. Тема «Планирование и организация переподготовки и повышения квалификации рабочих кадров». Защита далась непросто. Когда я обратился к научному руководителю с просьбой помочь с организацией защиты, он дал мне понять, что у него сложные отношения с диссертационными советами по нужной специальности. И что искать совет мне придется самому. Я нашел его в ЛФЭИ, спасибо, помог А.А.Вейхер. Диссертацию приняли, прошел предзащиту на финэковской кафедре, разослал автореферат. И тут вдруг выяснилось, что я выбрал именно тот совет, где у моего руководителя есть проблемы. За неделю до защиты мне позвонил доброжелатель,

фамилию его называть не буду, и предложил встретиться по поводу моей диссертации. На встрече он сообщил мне, что у него есть информация, что из-за отношения к руководителю меня на защите «завалят» и передал «пожелание» снять диссертацию с защиты. Стресс был сильнейший, принимать решение нужно было сразу. Я собрался и ответил: «Работу не сниму. Буду защищать». На защите все было, как обещали. Защита длилась три с половиной часа. Из них более полутора я отвечал на вопросы. Первый же профессор – один – задал мне двенадцать вопросов. Потом – другие. Я отбивался. Как мог. В результате – отбился, хотя голосование было 11:4. Еще один голос против – и аут. Потом один из членов совета написал на меня в ВАК, диссертация попала к «черному оппоненту». И, как я узнал много позже, получила высокую оценку. Вся эта история научила меня двум вещам. Во-первых, защищать свои идеи, если ты в них уверен. Во-вторых, тому, каким должен быть научный руководитель. И каким не должен быть. У меня на сегодняшний день 22 защищенных аспиранта. По социологическим, политическим, филологическим наукам. И с каждым мы не только писали и переписывали работу, но и готовили защиту. Подготовка защиты и обеспечение психологической безопасности аспиранта, на мой взгляд, дело руководителя.

Перестройку добавила нам всем свежего воздуха. Оказалось возможным отойти от вульгарноэкономических подходов и сосредоточиться на тематике непрерывного образования, на которую вышел при написании кандидатской. Теперь очевидная, эта концепция в то время только пробивала себе дорогу. Тогда появилась наша со Светланой Труевцевой работа «Система непрерывного образования в регионе: проблемы и пути формирования». Еще одно направление, которым занималась тогда наша, довольно многочисленная (7 научных сотрудников) группа – кадровое обеспечение наукоемких производств. В рамках этого направления приходилось обращаться как к анализу проблемной сферы системы образования, так и к характеристикам использования трудового потенциала на производстве. Это отчасти пересекающиеся предметные поля социологии труда и социологии образования. В годы после защиты довольно много пишу – в 1986–1988 опубликовал свыше 20 работ.

В 1988 на волне роста интереса к социологии после известного постановления ЦК КПСС в ИСЭП был создан Ленинградский научный центр изучения общественного мнения. Руководил им Олег Иванович Иванов, ученик Анатолия Васильевича Дмитриева.

Этот центр начал выполнять социологические исследования и опросы общественного мнения по заданию партийных и государственных органов. Так случилось, что первый блок исследований был посвящен нашей проблематике – реформе школы, профтехобразования. Мы включились в проведение массовых опросов, и я стал шаг за шагом осваивать этот инструментарий. С О.И.Ивановым у нас сложился хороший контакт, моя группа все больше стала погружаться в организацию и проведение массовых опросов. Уже не только по профильной проблематике, но и по становившейся все более востребованной социально-политической. Страна медленно, но верно разворачивалась в сторону перемен. И на первом этапе мотором этих перемен выступала та часть КПСС, которая понимала необходимость реформ. Из нее потом и вышли многие из тех, кто создавал новую Россию. Участвуя в этих опросах как ответственный исполнитель, я попал в орбиту коммуникаций с партийными работниками, выступавшими

нашими основными заказчиками. Приходилось согласовывать технические задания, готовить аналитические записки, выступать на совещаниях. Видимо, меня заметили. И в начале 1989 я получил предложение, ставшее для меня полной неожиданностью – перейти на работу в Ленинградский горком КПСС инструктором идеологического отдела. С функциями «консультанта по социологическим аспектам перестройки» и курирования социологических исследований.

Предложение я принял. Оглядываясь назад, могу назвать в качестве основных три фактора – желание самому принять участие в переменах, любопытство и авантюризм. В горком обычно попадали через два – три этапа партийной карьеры – партком завода – райком – горком. И приходили, хорошо понимая правила игры. Я пришел со стороны, без понимания правил и с иллюзиями, которые быстро развеялись. В горкоме я проработал всего год – и ушел по собственному желанию. Нужно понимать, что это был за год – с марта 1989 по март 1990. Год резкой поляризации советского общества, выборов народных депутатов СССР и РСФСР, возвращения Ельцина и появления Собчака, народных фронтов в Прибалтике, Тбилиси и Вильнюса. И резкой поляризации внутри КПСС. Мое время в горкоме я четко разделяю на два периода – до осени 1989 и после нее. В первый период еще работала парадигматика демократизации КПСС и ее участия в реформах как полноправного участника и общественного лидера. Но для этого должна была быть проведена глубокая реформа самой партии, возможно разделение ее на фракции, отказ от пресловутой 5-й статьи Конституции и т.п. Я как консультант и в известной мере спичрайтер включился в работу группы, которая нарабатывала решения именно в этом направлении. У нас была узкая группа – все кандидаты наук, которая анализировала зарубежный опыт, мониторил ситуацию, писала концептуальные тексты о демократизации и пыталась эти идеи доносить до руководства и до партийных организаций на местах. Мы подготовили некоторые тезисы, и я проехал немало организаций, где, встречаясь с людьми, пробовал проверить наши идеи и предложения. К концу осени 1989 это направление было закрыто, на уровне Москвы был выбран консервативно-охранительный вариант. Пришлось вернуться к рутинным обязанностям инструктора идеологического отдела горкома.

Весь свой год в горкоме я также курировал социологические исследования, принимал определенное участие в судьбе формирующегося факультета социологии ЛГУ, хотя моя роль в этом была далеко не решающей. Курировал и кадровые вопросы в части преподавателей кафедр общественных наук. Удавалось помогать людям.

Были и задачи, о которых рассказывать еще не время.

Этот год дал мне многое. Видение практической политики и механизмов ее формирования. Знакомство со многими людьми в Ленинграде и Москве, сыгравшими большую роль в социально-политической динамике СССР и далее России. Понимание того, что «не боги горшки обжигают» и что я вполне способен заниматься политическими технологиями, организаторской работой и писать документы, которые далее выходят на высокие орбиты. С моими коллегами мы создали одно из первых в тогдашней КПСС подразделение политического анализа и прогнозирования. Именно в этот период я сформировался как политтехнолог и политический социолог. И политический консультант. Политическими и технологиями политическим консалтингом занимаюсь до сих пор. С 1989,

таким образом, не было ни одной федеральной или региональной (в том или ином субъекте РФ) избирательной кампании, где бы не приходилось участвовать. Так что в этом бизнесе уже 25 лет.

К началу нового 1990 года мне стало понятно, что из партийных работников нужно уходить. Перспектив роста я не видел. Становилось меньше политической работы и больше исполнительской. Реальная политика ближе к выборам 1990 года перемещалась из партийных комитетов в другие структуры. Не хватало мне и исследовательских практик. Охранительно-консервативная линия, избранная тогдашним руководством Ленинградского обкома и горкома КПСС не была мне близка.

Я вернулся в ИСЭП. На ту же должность, с которой ушел. В марте 1990 года я избран старшим научным сотрудником Ленинградского научного центра изучения общественного мнения. О.И.Иванов сделал меня своим заместителем.

Помню, что создание Центра изучения общественного мнения под руководством О.И. Иванова вызвало у Б.М. Фирсова, у меня и у ряда других социологов ИСЭП недоумение. Ведь ранее Иванов не занимался изучением общественного мнения и вообще был далек от опросной методологии. Вместе с тем, команда под руководством Фирсова именно по заданию Обкома КПСС зондировала общественное мнение ленинградцев с начала 1970-х. Все это было давно, но, может быть, Вы знаете, как происходило создание Центра? Как долго он просуществовал?

Я хорошо знаю о том, что именно группа Б.М.Фирсова немало лет занималась изучением общественного мнения. В моем личном архиве хранятся некоторые материалы опросов фирсовской команды. Одни попали мне в руки, когда я работал в горкоме КПСС и даже в известной мере выступили в роли учебных пособий. Другие, связанные с изучением телевизионных аудиторий и функций советского телевидения, я получил, когда некоторое время в конце 80-х занимался постановкой социологической службы для тогдашнего руководства Ленинградского телевидения.

Теперь о ЛНЦИОМ. Он был создан на волне роста институционального и общественного интереса к социологии периода начала перестройки — середины 80-х. Нашумевшее в то время в профессиональных кругах постановление ЦК КПСС об Институте социологии АН СССР дало толчок институциональному росту социологии как таковой и сфере массовых опросов в особенности. В Москве заработал ВЦИОМ Татьяны Заславской. Партийные комитеты в регионах начали создавать свои центры. Ленинградский решили создавать на базе ИСЭП. Б.М.Фирсов, как известно, в это период оказался в опале. Выбор пал на О.И.Иванова. Он подходил по большинству параметров. Имел опыт секретаря партийной организации ИСЭП, а на эту позицию в академических институтах согласовывали только проверенных людей. Хороший организатор, член команды директора, заканчивал докторскую диссертацию. Да, О.И.Иванов был далек от эмпирической социологии. Но коллектив он подобрал работоспособный, с эмпирическим опытом, но молодой и амбициозный. Назову некоторых. Олег Суханов, теперь известный политехнолог. Евгений Слуцкий, ныне покойный, очень активный исследователь молодежных проблем, доктор наук.. Наталья Евдокимова, теперь уже американский исследователь, защитившая Ph.D по мате-

риалам опросов работников промышленности Питтсбурге. Приведенный мною несколько позже Сергей Иванов, сейчас доктор экономических наук, известный международный эксперт в области образования.

В июне 1990, уже снова работая в ИСЭП, я в ЛГУ им. Жданова защитил диплом по социологии. Таким образом, в дополнение к своему инженерному образованию и кандидатской степени по экономике, я стал дипломированным социологом.

Работы было много. Методы осваивали на ходу. Учились по книгам, у западных преподавателей, у москвичей. Уличным опросам – у Леонида Кесельмана. Я однажды, почти как спецгент, часа два ходил за Леней, смотрел, как он работает. Я даже подходил к уже опрошенным ими людям и делал «интервью об интервью». В 1990 – 1991 мне довелось руководить и прессовыми и телефонными опросами, и анкетированием по месту работы, и проведением интервью на предприятиях и по месту жительства. Немало провел и экспертных опросов представителей элитного сообщества. Особенно запомнили опросы, проводимые совместно с главной городской газетой «Ленинградская правда». Теперь это «Санкт-Петербургские ведомости». Сейчас в это трудно поверить, но интерес к политике, желание перемен и нужда к диалогу была у людей такой сильной, что десятки тысяч людей – представьте – заполняли анкету, вырезали ее из газеты, клали в конверт, надписывали его, наклеивали марку. И потом несли в почтовый ящик. Шесть (!) осмысленных сложных социальных действий, детерминированным интересом к политике и общественной жизни. Это вам не реплаем электронную анкету отправить. Сейчас задумался – вот и эмпирический референт включенности в актуальную политическую коммуникацию – количество социальных действий в ответ на одну транзакцию. Об этом подумаю потом.

Помню, ответы на анкету почта носила к нам в центр десятками мешков.

У меня в те годы было известное преимущество. На партийной работе я освоил компьютер, тогда еще 286. И еще одно. Я добыл дискеты с программой SPSS и освоил ее. Одной из первых моих покупок стали компьютер и принтер. Методами я владел. В результате к 1990 я оказался способен самостоятельно проводить опросы. Нужно было только найти интервьюеров, но при наличии организаторских навыков это не составляло труда. Так начались мои индивидуальные практики проведения опросов общественного мнения и прикладных исследований.

1990 – 1991 годы были годами непрерывной опросной работы. И в ИСЭПе и вне его я участвовал в качестве руководителя или ответственного исполнителя в десятках опросов. Обсчитывал. И непрерывно писал отчеты. Тематика – прежде всего политическая, хотя были и отраслевые заказчики – образовательные учреждения, предприятия. Именно тогда я познакомился и подружился с рядом депутатов демократически избранного Ленсовета. Немало опросов было сделано для них.

С 1990 я стал шеф-экспертом Ассоциации промышленных предприятий Санкт-Петербурга. И далее почти семь лет каждый квартал моя команда проводила репрезентативные опросы работников питерской промышленности. Программа называлась «Политика, рынок и мы». Вопросник был большой – около 60 вопросов, выборка – 1200 респондентов. И так 4 раза в год. После каждого опроса я писал отчет и выступал с ним на президиуме Ассоциации.

Накопился интереснейший материал – ведь это были переходные годы с 1990 по 1996. К сожалению, руки так и не дошли до того, чтобы обобщить и написать книгу. В целом иногда испытываю сожаление, что наработанные огромные эмпирические массивы так и пропали втуне. Заказов было много, по сути конвейер.

Еще одна область моих интересов на излете перестройки и в начале новой России оказалась связана с экономическим консалтингом. Вот, где пригодился опыт ИСЭПа. Плановая экономика рушилась, начинался рынок. Предприятия и регионы нуждались в разработках новых механизмов хозяйствования. Мы с некоторыми моими коллегами организовали группу экспертов, теперь бы это назвали консалтинговой компанией, и стали разрабатывать по заказам предприятий и территорий концепции перехода на новые экономические принципы. Только за 1990–1991 мы сделали полтора десятка проектов для крупных предприятий в Ленинграде, Архангельске, Ростове, Таганроге, Днепропетровске. Этот список можно продолжать. Очень интересным стал опыт работы по комплексному реформированию концепций территориального развития. Наша команда сделала такие концепции для двух российских регионов и двух областей Украины.

Таким образом, к 1992 году, к тому времени, как началась новая Россия, я чувствовал себя вполне востребованным в профессии, не только академическим социологом, но и практическим организатором массовых опросов и консалтинговых проектов, которые приносят заметный доход.

Интервью с Верой Владимировной ГАВРИЛЮК

«МОЛОДЕЖНАЯ ТЕМАТИКА – САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ДЛЯ МЕНЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ»

Гаврилюк В. В. — окончила физический факультет Тюменского Государственного университета (1974 г.), доктор социологических наук (1998 г.), профессор (2000 г.), действительный член Российской Академии социальных наук (2003 год). заведующий кафедрой социологии Тюменского государственного нефтегазового университета.

Основные области исследования: социология образования, молодежи, интеллигенции.

Интервью состоялось: октябрь-декабрь 2014 г.

Вводка к интервью — это моя «зона свободы», здесь я разрешаю себе писать те или иные размышления, которые связаны с завершенным интервью. Сегодняшняя тема — новая, мне не приходилось ее обсуждать, и я не встречал ее в нашей специальной литературе. Интервью с тюменским профессором социологии Верой Владимировной Гаврилюк дает повод обсудить тему преемственности профессии «социолог». Первые слова, которые прочитала ее дочь — были «Рабочая книга социолога». Она начала учиться в Тюмени, окончила факультет социологии в Российском государственном гуманитарном университете и в 2010 году защитила там же кандидатскую диссертацию по социологии.

Несколько лет назад я написал статью «Генеалогия четырех первых поколений советских/российских социологов» [1], то была попытка дать схематизированный портрет родительских семей социологов, родившихся в период с первой половины 1920-х до конца 1950-х. Эмпирической базой этого микроисследования были рассказы 45 социологов о своих родителях и более далеких прямых родственниках. Проведенный анализ может трактоваться как культурологический поиск, направленный на понимание особенностей макросреды, в которой формировалась значительная часть представителей современного российского социологического сообщества.

Открывшийся мне мир оказался очень богатым, включающим в себя множество социально-структурных и социокультурных образований, характерных для дореволюционной России и всех периодов СССР. Генеалогические линии советских / российских социологов выходят из двух столиц, из крупных, средних и малых городов, из русских деревень и еврейских местечек. Из Западной части страны, Центральной, Южной, Северо-Западной, Уральской, из Дальнего Востока. Есть среди социологов «посланцы» семей, корни которых уходят в 16-17 века, есть — с небогатым прошлым.

Среди предков социологов — представители большого числа сословий дореволюционного российского общества (дворяне, мещане, купцы и мастеровые, учителя, врачи, крестьяне, священники, военные, казачество) и всех социальных слоев советского общества. Люди с прекрасным образованием, в том числе, полученном в лучших европейских университетах, но были малограмотные и совсем неграмотные. Многие участвовали в войнах, проходивших в царское время, в Гражданской войне: на сторонах «красных» и «белых», во Второй мировой. Практически по всем семьям прокатились волны постреволюционных репрессий.

Теперь, когда количество проведенных интервью достигает сотни и в анализ могут быть включены биографии социологов семи поколений, подобный генеалогический подход обещает получить еще более интересную, многоцветную картину нашего коллективного прошлого.

Одновременно, богатейшая коллекция биографических данных позволяет подойти к изучению еще одной линии в формировании нашего профессионального сообщества — появлению социологических династий, или преемственности профессии «социолог» внутри семьи. Посмотрим на фото-галерею моих собеседников http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207; с ними со всеми уже проведены интервью

В. А. Ядов и его сын Н. В. Ядов, к тому же рассказ Владимира Александровича о его покойной жене Л. Н. Лесохиной; портреты А. Г. Здравомыслова и Е. А. Здравомысловой, здесь же — интервью с ее мужем В. М. Воронковым; весьма интересен случай: В. Н. Ярцева-Смирнова, рядом фото ее дочери — Е. Р. Ярцевой-Смирновой, в другой части галереи портрет ее покойного мужа П. В. Романова и на следующей фотографии его дочь — Е. П. Романова. Добавлю, что сейчас я провожу интервью с сыном Е. Р. Ярцевой-Смирновой, он — тоже социолог, кандидат наук.

Мне также известно, что по стопам значительной части социологов, портреты которых представлены в галерее, пошли их дети. Среди них: Е. И. Башкирова, Ю. Р. Вишневский, Р. С. Могилевский, Г. В. Осипов, Г. И. Саганенко, Б. Г. Тукумцев, Ф. Э. Шереги. Есть здесь и фотография Ф. Р. Филиппова, о его жизни и работе рассказал сын — А. Ф. Филиппов. У внуках моих собеседников я знаю меньше, но, к примеру, социологическое образование имеет внучка Я. И. Гилинского.

Что обещает изучение преемственности профессии «социолог» внутри семьи? Прежде всего, эта тема относится к анализу механизмов формирования российского социологического сообщества. Вторая очевидная задача — выявление каналов сохранения накопленных в науке исследовательских традиций и нравственных императивов. И третье обстоятельство — преемственность профессии можно рассматривать в рамках концепции биографичности творчества социологов, которая представляется мне весьма продуктивной при решении ряда проблем историко-научоведческой природы.

1. Докторов Б. Генеалогия четырех первых поколений советских/российских социологов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 5. С. 2-17 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content1381307087129266file.pdf

Гаврилюк В. В.: «Молодежная тематика — самая интересная для меня в социологической науке»

Вера, мы с тобой знакомы очень давно и не помню, были ли когда-либо на «вы», так что будем как в жизни. Отвечая на мое предложение рассказать о себе, ты заметила: «... в моей жизни не было ни выдающихся предков, ни учителей-декабристов». А кто был? Как, когда твои предки перебрались в Тюменские края? Сами избрали или какая-то сила их туда переместила?

Как и многие мои ровесники, я мало знаю о своих корнях. История фамилии связана с фактом (или семейной легендой) о переселении пращуров по отцовской линии с окраины Российской империи после отмены крепостного права. Известно, что родом они были с Западной Украины и все поколения занимались не крестьянским трудом, а ремесленным. Мой дед — Илья Степанович и отец — Владимир Ильич, тоже имели «золотые руки», не было механизма, который не смог бы починить мой отец, будь то часы или трактор. Я выросла в доме, который был построен моими дедом и отцом, вся мебель была сделана ими же. У отца была два брата и три сестры, все они уехали со своей малой родины и расселились в разных городах страны — в Ленинграде, Тамбове, Алма-Ате. Поэтому с юности я могла путешествовать и знакомиться с культурой разных городов. После первой поездки в Ленинград, в пятнадцатилетнем возрасте, я окончательно и навсегда влюбилась в этот призрачный город поэтов, ученых, художников.

Со стороны мамы — Евдокии Марковны, сведения еще более скудные. Я совсем не помню своей бабушки, она умерла, когда мне было три года. А про деда знаю только, что он исчез в период сталинских репрессий и семья ничего о нем так и не узнала. Как и во многих советских семьях, в нашей оказался человек, служивший в НКВД и человек, пострадавший от этой организации.

Детство и юность мои прошли в маленьком райцентре под Тюменью, городе Заводоуковске. Из школьных лет мне запомнилась неподдельная, полная энтузиазма и зримых результатов общественная деятельность и восхитительные уроки, факультативы по математике. Математикой с нами занимался директор школы — Яков Карлович Темпель, причем без всяких скидок на возраст, нагрузки, первую любовь. В итоге, к старшим классам у него осталось на углубленной подготовке только два ученика, зато первые два года в университете, учась на физ-мате, я узнала не слишком много нового и легко решала задачи, трудные для других студентов. Что касается социальной организации, то много позже я узнала, что школа наша была экспериментальной, основной задачей эксперимента был поиск форм организации общественно-полезной работы и мотивации школьников на занятие этой работой. Возглавляла эту работу завуч школы — Нина Илларионовна Смирнова, жена первого секретаря горкома КПСС. Благодаря поддержке райкома партии, наше школьное общество «Прометей» беспрепятственно проникло во все сферы социальной жизни, мы участвовали во всем, что происходило в городе: от выборов до творческих фестивалей. Особое направление работы было связано с реальной помощью и заботой об одиноких стариках, инвалидах.

В нарушение правил, по специальному разрешению райкома комсомола, меня приняли в комсомол не в 14 лет, как всех, а в 13, и сразу выбрали секретарем комсомольской организации школы. Все это оказало на мое мировоззрение огромное влияние, я искренне верила в те идеалы, считала нашу жизнь правильной и счастливой. Будущее свое я видела в служении этим идеалам и не сомневалась, что стану математиком и «не расстанусь с комсомолом» никогда.

Первое сильное разочарование наступило в вузе, когда формализм, показушничество, бюрократизм комсомольской жизни, откровенный карьеризм ее лидеров поразили меня и навсегда уничтожили стремление к общественному активизму. Это отторжение было настолько сильным, что в более зрелом возрасте я отказалась вступать в КПСС, но это уже другая история.

Ты уже упомянула, что поступила на физический факультет, это был Тюменский университет? В каком году ты поступила? Отметила, что первые два года учиться было легко, а позже? Тебе нравилось учиться, какие курсы наиболее привлекали тебя? Что кроме учебы: общественная деятельность, спорт, самодеятельность...?

Поступление в тюменский университет в 1970 году было первым большим в моей жизни поражением. В течение последнего школьного года я довольно успешно выступала на разного уровня математических олимпиадах и обучалась на заочных подготовительных курсах механико-математического факультета ЛГУ. Выбор уже был сделан, моя задача была только хорошо подготовиться к экзаменам, но именно здесь меня и подстерегла та самая случайность. На выпускном экзамене по математике мне вдруг попала задача, которую я не смогла решить, до этого я жила в уверенности, что не бывает нерешаемых задач, бывает, что не хватает времени для быстрого их решения. Даже не то, что я не получила золотую медаль по окончании школы, а сам факт невозможности решить задачу заставил меня всерьез задуматься о своем выборе. Мне легко давались все гуманитарные предметы, не стоит даже говорить о моем пристрастии к чтению, к литературе. Но нам в школе говорили, что нужно преодолевать трудности, что счастье — в борьбе, что мы не должны искать легких путей. Труднее всего мне давалась физика, может быть, поэтому я и оказалась на этом факультете. После выпускного вечера, буквально на следующее утро, в школе работала выездная приемная комиссия из ТГУ, и я довольно легко сдала экзамены на математический факультет. К моменту зачисления, к концу августа из Москвы вернулась моя ближайшая школьная подруга, уезжавшая покорять столичные театральные вузы, последовательно провалившись в несколько из них. На всякий случай, она тоже со мной из солидарности, подавала на математический факультет тюменского университета. На зачислении у нее не хватило баллов для поступления на мат-фак, и ей предложили факультет физики. Тут я, из солидарности, пошла вместе с ней на физику — мне было уже все равно.

Студенческая жизнь увлекала меня сразу, уже первые недели избавили меня от летнего страха поражения. Был и спорт, и КВН, и студенческая самодеятельность (благодаря моей подруге — «артистке») и, конечно комсомол. На первом курсе меня избрали секретарем комсомольской организации, видимо учли школьный опыт, и я с тем же энтузиазмом взялась за ту работу. Правда, мой энтузиазм быстро рассеялся при столкновении с реалиями вузовского комсомола, уже к концу первого семестра я разочаровалась, а к летней сессии

твердо решила, что с комсомолом покончено. Зато мне очень везло на учителей. На факультете, особенно на начальных курсах было очень много математических предметов, большинство из них вела у нас молодой преподаватель Нина Оськина, приехавшая в Тюмень из какого-то города в центральной России. Здесь у нее не было ни родственников, ни семьи, может быть поэтому она не жалела времени на своих учеников. Наверное, фактор времени и одиночества в чужом городе сыграл свою роль в нашем сближении, но меня привлекала ее фанатичная преданность своей науке. В университетских аудиториях, часто у нее дома мы с ней, в четыре руки расправлялись с интереснейшими задачами. Иногда, увлекшись поисками совершенного метода решения, мы замечали, что уже далеко за полночь и мне приходилось ночевать у Нины. Не думаю, что такое возможно между современными преподавателями и студентами. Когда я закончила второй курс Н. Оськина вернулась в свой родной город и больше мы не встречались.

Мне посчастливилось встретить и других, преданных своей профессии преподавателей. Это был наш психолог Юлий Павлович Строков, который уже на третьей неделе знал каждого студента по имени и фамилии и не путал их до самого выпуска (а у нас на потоке было 120 человек). Это была наш преподаватель педагогических дисциплин Лариса Ивановна Гриценко, многое из ее курсов потом пригодилось мне в овладении ремеслом преподавателя высшей школы.

Но особую роль в моей судьбе сыграла профессор, доктор философских наук Мария Гавриловна Шадрина. На втором курсе она читала у нас курс философии. Именно тогда я отчетливо поняла свое призвание, поняла, что все мои предыдущие поиски и метания между естественными и гуманитарными науками сошлись в одной точке. Сейчас я думаю, что профессиональный выбор, который делает школьник в 16–17 лет очень редко может оказаться единственно верным. Нынешние абитуриенты только укрепляют меня в этом мнении, часто сегодняшние школьники говорят: хочу быть менеджером или парихмахером. Так вот, на втором курсе, осознав свое настоящее призвание, я пыталась бросить физический факультет, даже съездила на философский факультет в МГУ. Отговорила меня от такого решения Мария Гавриловна, взявшая над мной шефство в философском кружке. Она объяснила мне, что естественно-научное образование для философа не недостаток, скорее наоборот, что многие ученые-философы пришли в эту науку из конкретных областей знания и это помогает им. Что для поступления в аспирантуру по философии базовое образование не требуется, а на кафедрах философии в провинции практически нет выпускников философских факультетов. Единственное условие, которое она мне поставила, это было условие хорошей учебы на факультете, хорошие оценки в дипломе. Это условие я выполнила, мне по-прежнему довольно легко давались разделы теоретической физики, т.к. они основаны на математических закономерностях, и блок гуманитарных дисциплин. Сложно было с практическими и лабораторными занятиями, они иногда длились по целой неделе и не всегда заканчивались положительным результатом. Неделя, с утра до вечера среди проводов и механизмов действовали на меня угнетающе, как оказалось, не только на меня. После третьего курса на нашем потоке из 120 человек осталось 66, остальные не прошли через экспериментальные лаборатории. Я выдержала требование Марии

Гавриловны и к выпуску имела не только диплом с отличием, но и самое большое количество баллов. т.е. буквально, была первой ученицей, первой в списке на распределение выпускников.

Ты отметила: «... не стоит даже говорить о моем пристрастии к чтению, к литературе». Почему не стоит? Во-первых, активное чтение — явно не универсальная черта тинэйджеров, во вторых, а что ты читала? Заводоуковск — городок небольшой, в 1970 г. там жило менее 20 000 человек, в нем была хорошая библиотека?

Ничего удивительного в этом нет, мое детство прошло в дотелевизионную эпоху. Первый телевизор на нашей улице появился в середине 60-х (он стоил две месячные зарплаты отца), вечерами все соседи собирались «на просмотр», живо интересовались телепрограммой, вещания в городе хватало часа на 2–3. Вероятно, это было связано с мощностью городских ретрансляторов и какой-то другой техники. К этому времени я уже была активной читательницей. Хорошая ли была библиотека, мне судить трудно, я тогда не знала других, а оценивать с сегодняшней точки зрения — бессмысленно. Помню, что крупных городских библиотек было две: детская и взрослая, кроме того, были мелкие библиотеки в клубах и школах. Мне было удобно ходить в городские библиотеки. Мои детские книжки, как у всех — приключения, подвиги, чужие миры. Жюль Верн, Майн Рид, Джек Лондон, А.Дюма, А.Беляев, братья Стругацкие, С. Лем, Р. Брэдбери... Это была эпоха первых космических полетов, романтика поиска искусственного интеллекта, безусловная вера в могущество науки и прогресс. В подростковом возрасте я читала европейскую классику, особое влияние на меня оказал О. Бальзак. Сейчас, с высоты жизненного опыта, я понимаю свое отношение к этому писателю. Жизнь в маленьком городке, в российской провинции и сегодня кажется молодому человеку ненастоящей, скучной и однообразной. Кажется, что подлинное значение имеет только то, что происходит в центре, в столице. Именно там кипит жизнь, там возможен успех, там ждет тебя слава и признание. Только в столице можно «кем-нибудь» стать. Бальзак для меня был учителем в поиске путей и методов проникновения в столичную жизнь. Правда, уже тогда я интуитивно догадывалась, что не все способы, описанные в его романах так уж нравственны.

Русская классика пришла ко мне лет с 15, я и сегодня считаю, что она более сложна, чем европейская литература того же периода. Моим самым любимым писателем юности стал А.П.Чехов, и потом я не раз возвращалась к его гениальным работам, а в первый раз прочитала все, что было им написано, даже письма и варианты, исправленные писателем позже, благо в библиотеке были представлены полные собрания сочинений. Странно, но наиболее социализированный писатель из русской классики — Островский, совершенно не затронул моей души. Его пьесы, после романов О.Бальзака, казались мне упрощенной копией нравов эпохи. Очень постепенно я доросла до Ф.М.Достоевского, пожалуй, после «Бесов» мне стало казаться, что классическая литература закончилась.

Это верно, прочитанное нами в юности многими способами детерминирует наше развитие, наши планы... На А. Эйнштейна Достоевский оказал большее влияние, чем работы Римана и Лобачевского, а тебя, похоже, Достоевский «двигал» в философию... Итак, с отличием закончил физфак, что дальше: «физика или лирика»?

Дальше – все просто. Когда я училась на 4 курсе, моя статья, в числе трех студенческих докладов была принята на региональную конференцию молодых ученых. Секцию философии вел уже известный тогда ученый – профессор Селиванов Федор Андреевич. По окончании конференции он подошел ко мне и сказал: «Я бы взял тебя на свою кафедру, но сейчас у меня нет мест». Это было время, когда в науку стремились многие молодые люди, был избыток способных и желающих заниматься ею. Вероятно, это наилучшая ситуация для развития любой отрасли знания. В ТГУ мне тоже сразу не могли предложить преподавательскую должность, и я согласилась на место лаборанта. Правда, мне сразу дали возможность вести семинары по философии в двух учебных группах. А через два года, когда я, наконец дождалась место в целевую аспирантуру (по иронии судьбы снова в Ленинграде), позвонил Ф.А.Селиванов и сказал, что появилась вакансия ассистента, и он ждет меня завтра с документами. На кафедре философии в Тюменском индустриальном институте я проработала 11 лет, сначала ассистентом, а потом доцентом.

В конце 80-х я вернулась в ТГУ на вновь открытую кафедру Социологии, а последние десять лет работаю в нефтегазовом университете. Вся моя творческая биография уместилась в две записи в трудовой книжке: Тюменский государственный университет и Тюменский индустриальный институт, переименованный сейчас в Тюменский нефтегазовый университет.

Ты поступила в университет в 1970 году, таким образом, из сказанного тобой получается, что на кафедру социологии ты пришла в 1979 или 1980 году. Скорее всего, кафедра не была выпускающей, кому вы преподавали социологию? Какие курсы ты начала вести?

На кафедру философии меня приняли в 1976 г., где я и работала до 1989 г., читая диалектический и исторический материализм. А в классический университет я перешла на вновь открытую выпускающую кафедру Экономики и социологии труда, которая готовила экономистов-социологов. Такая была специальность. Кафедра была открыта новым ректором университета, уже известным тогда социологом Геннадием Филипповичем Куцевым. Он пригласил Клару Григорьевну Барбакову из ТИИ на заведование кафедрой, и она вместе со своей уже сложившейся командой молодежи (я в их числе) создавала эту кафедру.

А что с аспирантурой, точнее работай над кандидатской диссертацией?

Диссертацию я защитила в возрасте 27 лет, в Казани и по педагогике. Когда Ф. А. Селиванов пригласил меня ассистентом на свою кафедру философии, я рассказала ему ситуацию с аспирантурой. Он мне сразу, по –взрослому, объяснил, что его эта проблема не касается, что я должна защитить диссертацию, а где и даже по каким наукам – ему безразлично. Мой научный руководитель, М. Г. Шадрина, к тому времени уже уехала из Тюмени, и выбор у меня был небольшой. Меня пригласил к себе в аспирантуру профессор Владимир Ильич Загвязинский, зав. каф. педагогики ТГУ. Он занимался методологией педагогики, и мне эта тематика оказалась близка, т.к. познание, формирование субъекта познавательной деятельности в обучении (такова была тема моей кандидатской) были на стыке философских подходов и практической педагогической работы. Из практической части мне было интересно изучить новый опыт «задачного» как

тогда называли подхода в обучении гуманитарным и социальным наукам. В индустриальном институте в это время, на кафедре этики активно развивалось новое направление – направление прикладной этики, где решению задач из сферы этики, морали было стратегическим в процессе обучения. Очень интересная была команда во главе с молодым ученым Владимиром Иосифовичем Бакштановским. Он сумел вызвать жесткую полемику в среде ученых, занимающихся проблемами этики и морали своими нетрадиционными подходами. В общем, мы были в гуще событий, разработали и провели несколько успешных деловых игр для высшего партийного и производственного менеджмента, выпустили несколько сборников задач по этике для студентов вузов. Мне в этих сборниках отводилась роль педагогической, методической «инструментовки», т.е. преподаватели этики собирали тексты, а я должна была придумывать к ним задания. Так выросла моя кандидатская диссертация.

Вера, ты понимаешь, из-за продолжительной и тяжелой болезни Клары Григорьевны Барбаковой я не могу провести с нею интервью. Ты многие годы работала с ней, пожалуйста, напиши о ней, она многое сделала для развития социологии в Тюмени...

С Klarой Григорьевной Барбаковой я познакомилась на кафедре философии Тюменского индустриального института. В то время, в 70 –е годы, это была мощная, интересная кафедра с самобытными, талантливыми людьми, большая часть которых потом разошлась в самостоятельное плавание по вузам города и региона, защитив докторские диссертации. К этому времени В. И. Бакштановский уже сформировал свою кафедру этики и эстетики, защитив докторскую диссертацию в 37 лет, что было необычно для советской философии, он был одним из самых молодых докторов философии в СССР. Он и его молодая команда не боялись острых проблем, главной из которых стала проблема морального выбора, личной ответственности человека в реальных социальных условиях. Это было не просто смело в эпоху стагнирующего социализма, тотального социального контроля, безусловного коллективизма и повсеместного «двоемыслия», но и ново. Конечно, это не могло меня не привлекать.

Клара Григорьевна в это время занималась своей докторской диссертацией, поэтому какое-то время мы были вне зоны взаимного внимания. И только после защиты диссертаций, когда Клара Григорьевна стала проводить социологические исследования в регионе, она привлекла меня в свою тогда еще немногочисленную группу. Это было время, когда складывались основные принципы тюменской социологической школы, и основной тон задавала здесь именно Клара Григорьевна. К началу 80-х в Тюмени уже существовали несколько социологических групп и лабораторий, даже был первый опыт систематического социологического образования в вечернем университете марксизма. Преподавал там приезжий философ Юрий Михайлович Федоров (позже ставший первым председателем регионального отделения российского общества социологов) и Клара Григорьевна. Я посещала эти лекции и мне они очень помогли в дальнейшей моей судьбе. То, что у меня не было профильного образования, в разные периоды моей жизни по-разному мешало мне, но это давало и определенный стимул для освоения все новых смежных с философией областей, может быть определило и мое непреодолимое стремление узнать как можно больше.

Клара Григорьевна сумела объединить вокруг себя практически всех молодых исследователей из университетских и промышленных лабораторий, заинтересованных в изучении важных для региона социальных проблем. Для этого она не жалела ни времени ни сил, проводя бесчисленные проблемные семинары, конференции, школы молодых ученых. Изначально ее работы были нацелены на поиск и решение таких социальных проблем, которые важны для нашего тюменского Севера, региона нового промышленного освоения. При этом, любой проект непременно должен был завершаться предложениями для региональных властей о преодолении рисков, разрешении сложных проблемных ситуаций.

Это стало отличительной чертой тюменской социологической школы – тесное сотрудничество с властями, исследование реальных социальных проблем территории с выработкой рекомендаций. Наверное, мы все тогда были романтиками, уверенными, что задача науки не только познать мир, но и изменить его.

Клара Григорьевна понимала, что новое социологическое направление исследований, вряд ли сможет долго существовать в рамках кафедры философии, поэтому огромное внимание уделяла творческому, профессиональному росту своих учеников и последователей. У нее сложился широкий круг профессиональных контактов, и она приглашала известных ученых из Москвы, Ленинграда, Минска, Екатеринбурга, Перми и других центров, где были социологические лаборатории и проводились социологические исследования. Конференции, школы которые проводила Клара Григорьевна, сыграли, на мой взгляд, решающую роль в формировании слоя социологов-исследователей в нашем регионе. Круг вопросов, которые изучались тогда нами был чрезвычайно широк. Только тематики проведенных по инициативе Клары Григорьевны Барбаковой конференций говорит о проблематике первых серьезных исследований в регионе. В восьмидесятые – девяностые годы в Тюмени проводится целый ряд областных, Всероссийских и международных конференций: «Территория ведомства – человек: социально – демографические и социально-политические аспекты» (всероссийская, 1981); «The role circum – polar universitiec in normern de vtler ment» (международная, 1981); «Производство – быт – семья» (областная, 1981); « Взаимодействие отраслевых и региональных проблем в социальном развитии нефтегазового комплекса» (областная, 1985); «Проблемы совершенствования социальной и поселенческой структуры районов нового промышленного освоения в условиях ускорения социально – экономического развития» (областная, 1987); « Социально-экономические проблемы молодежи районов нового промышленного освоения» (областная, 1987); «Социологическое обеспечение стабилизации трудовых коллективов в условиях хозрасчета» (областная, 1989); «Социально-экономические и социокультурные детерминанты развития личности в условиях интенсивного развития северного региона» (международная, 1990); « Молодежь и рынок» (международная. 1992; «Социально-экономические проблемы региона в переходный период» (областная, 1998). К сожалению, период социально-экономических реформ, экономический кризис, привели к разрушению структур промышленной социологии в регионе – к началу девяностых годов не осталось ни одной социологической лаборатории на предприятии. Вузовская же социология продолжала развиваться, в 1988 году в Тюменском государственном университете была создана кафедра экономики и социологии труда.

Неудивительно, что приехавший в качестве ректора тюменского государственного университета уже известный к тому времени социолог – Геннадий Филиппович Куцев, не сомневался в выборе заведующего при открытии первой в Тюмени кафедры Социологии. Так мы оказались в ТГУ.

Сквозной, базовой проблемой была и остается для нашего региона проблема человека на Севере.

По своим человеческим качествам Клара Григорьевна остается для меня непревзойденным образцом жизнестойкости, оптимизма, неподдельного интереса к людям. Она вырастила не одно поколение тюменских социологов, была председателем диссертационных советов по социологии в ТГУ, потом в ТГНГУ.

Клара Григорьевна, при своем государственном, стратегическом мышлении, никогда не забывала об отдельном, каждом человеке. Я много раз убеждалась в том, что ее заботит и судьба молодого аспиранта и проблемы состарившегося доцента, который должен уйти на пенсию и при этом не знает, как ему на нее прожить. И еще одно качество, которое является редким во все времена, а не только в наши прагматичные дни, я не могу не отметить в характере Клары Григорьевны: она самый верный друг. Те люди, которые попали в ее ближний круг, могли быть уверены, что она не предаст, всегда поможет и никогда не побояется, что это ей может принести какие-то неприятности.

Вера, полностью согласен с твоим рассказом о Кларе Григорьевне, я ей буду всегда благодарен за ее добро.

Вернемся к моменту твоего завершения кандидатской диссертации. Что последовало за этим? Как и почему ты приблизилась к социологии, какие темы показались тебе интересными, перспективными?

Как многие молодые люди, я в юности интересовалась собой, решала вечные вопросы о смыслах, о том, что есть «Я» и в чем мое жизненное предназначение. Моя самая первая статья (1975 год) называлась «Самопознание как фактор нравственного самовоспитания» и была опубликована в сборнике материалов конференции по этике. Именно на этой конференции я познакомилась с моим тогдашним кумиром, крупным советским философом Валерием Николаевичем Сагатовским. Его «Систематизация всеобщих категорий» поразила меня тогда не меньше, чем гегелевские работы, а его научно-популярная книжка «Вселенная философа» постоянно лежала на моем рабочем столе. (Кстати, потом, много позже, я попросила уже потрепанную эту книжку моей юности подписать, что он и сделал с большим, по его словам удовольствием). На этой же первой серьезной в моей жизни конференции я познакомилась и с Юрием Михайловичем Федоровым, который тоже сыграл немалую роль в моей научной биографии, и еще со многими известными философами, этиками. Тогда я еще не работала на кафедре философии.

Неудивительно, что команда В.И.Бакштановского была мне интересна, тем более, что в ней я могла искать ответы на второй, главный в то время для меня вопрос – как человек познает этот мир, почему один достигает успеха, а другой там и остается в неведении и плену заблуждений. Тогда мне казалась, что главные причины кроются в образовании, в системе обучения и если правильно выстроить образовательный процесс, то человек дальше сам будет искать истину,

причем всегда. «Познавательные задачи как средство формирования субъекта познания в обучении» — так называлась моя первая диссертация, я уже рассказывала, как она рождалась.

Потом, после защиты диссертации, постепенно собственно внутренние (педагогические) условия обучения стали интересовать меня меньше, чем влияние социума на познавательную активность человека. Дальше и процесс познания отошел от первых ролей в связи с интересом к социальной активности. Именно в это время Клара Григорьевна с группой молодых и не очень молодых преподавателей начинала проводить исследования на нашем тюменском Севере, куда приезжало огромное количество молодежи из разных регионов Советского Союза. Они, эти молодые люди, приезжали в новые северные города осваивать нефтяные и газовые промыслы и несли с собой опыт своих национальных и территориальных культур, надежды на быструю карьеру в новых городах, мечты о последующем обеспеченном северными заработками, будущем в своих родных городах и республиках. А часто оставались в этих городах навсегда, и сегодня не только их дети получили образование в тюменских вузах, но и подросли внуки. Тюменский Север в 70–80-е годы развивался бурно, был конгломератом культур и непростых социальных процессов. В новых городах социальная инфраструктура значительно отставала от роста населения, бытовые условия, практика семейных отношений, отношение к северной природе и прочее, выстраивались с позиции временного проживания, доминировала психология «временщика». Все это заботило региональные власти. Именно поэтому все первые социологические исследования были крайне востребованы, сразу обсуждались во властных структурах и немедленно использовались в управленческой практике. Так же относились к социологическим исследованиям и руководители крупных предприятий, промыслов. Какой исследователь не мечтает, чтобы результаты его трудов были нужны и востребованы практикой!? Конечно, все это не могло не привлекать молодежь в команду Клары Григорьевны. Исследования на тюменском Севере были сопряжены и с большими трудностями: удаленность (часто, после перелета до какого-то северного города, для проведения опросов до респондентов надо было ехать на вахтовых машинах или лететь на вертолете), температурные перепады, северные ветра, полярная ночь... Этот опыт оказал решающее влияние на мой дальнейший выбор — я решила, что именно социология — мое будущее, и с этого времени я не изменяла своей судьбе.

Мне кажется удачным «портрет» К. Г. Барбаковой, а не могу ли я попросить тебя написать о Юрии Михайловиче Федорове?

Юрий Михайлович Федоров появился в Тюмени в середине 70-х годов, он был назначен начальником Первой кафедры в военном училище (ТВИКУ). Это была кафедра общественных наук, где читались все предметы социального и гуманитарного цикла. Его появление в городе не могло остаться незамеченным: он приехал из Москвы, дружил с известными философами, этиками, социологами — привнес свежий столичный ветер в нефтяную провинцию. Кроме того, он был очень красивым мужчиной, что в гуманитарной тюменской среде вызвало легкое смятение, к сожалению тюменских дам — его поведение было безупречным. Неудивительно, что здесь, в Тюмени он быстро сошелся с самой творческой частью интеллигенции. Именно по инициативе Юрия Михайловича

Федорова в Тюмени состоялся первый опыт социологического образования. В вечернем университете марксизма-ленинизма при Доме политпросвета был открыт 2-х годичный факультет социологии. На этом факультете читали лекции сам Юрий Михайлович и Клара Григорьевна Барбакова. Я посещала эти занятия, это был мой первый опыт систематического изучения социологии.

Юрий Михайлович стал инициатором объединения энтузиастов новой науки и зарождающихся социологических групп. В это время они активно формировались на промысловых предприятиях нефтегазовой отрасли, зарождалась «заводская» социология, появлялись отдельные исследования в многочисленных НИИ. Тюменское филиал Сибирского отделения Советской Социологической Ассоциации возглавил именно Юрий Михайлович, он был первым его председателем достаточно долго, позже его возглавила Клара Григорьевна Барбакова.

Широта научных интересов Юрия Михайловича была какой-то несовременной, скорее средневековой – он не вводил границ между отраслями знания, его привлекали проблемы этики, социологии, конфликтологии, социальной философии, методологии познания. Он свободно говорил на нескольких языках, писал стихи на русском и азербайджанском (его родиной был город Баку). Он очень любил Баку, считал его самым интернациональным городом, гордился своей причастностью к восточной культуре. Будучи человеком военным, он не мог свободно выбирать, где жить и работать. Меня всегда удивляло несоответствие его абсолютно свободного духа и принадлежность к закрытому военному сословию, где беспрекословное подчинение – неотъемлемый атрибут профессии.

Когда начались радикальные перемены в стране, Юрий Михайлович сразу уволился из армии, и уехал в свой Баку. Правда, перестройка принесла нам не только желанную свободу. Будучи человеком активным, Юрий Михайлович не мог не участвовать в реальных социальных процессах. Он смог рассмотреть в нарастающем напряжении в Карабахе угрозы серьезного конфликта, разработал сценарный прогноз событий в этом регионе, предложил несколько реальных выходов из надвигающегося катаклизма и подал свою записку в тогдашнее ЦК КПСС Азербайджана. Этот шаг гражданина и ученого вызвал серьезное раздражение в среде партийного руководства. Я не знаю подробностей, событий, которые сопровождали этот период его жизни – он не любил рассказывать об этом. Знаю только, что через некоторое время он вернулся в Тюмень и остался здесь навсегда. В Тюмени он не стал повторять свой опыт с партийными чиновниками, но очень четко спрогнозировал развал Тюменской области на три субъекта федерации, когда произошло отделение нефтяной и газовой провинций от Юга области. Этот сценарий воплотился в деталях, и долгие годы, до сего дня, мы преодолеваем последствия этих политических решений.

Второй приезд Юрия Михайловича был связан с резкой переменой его научных интересов, он полностью углубился в философию. Самыми значительными трудами его жизни стали «Универсум морали» и трехтомник «Сумма антропологии». Эти его работы были сразу закуплены библиотекой Конгресса США. Мы, тюменские коллеги не сразу и не все сумели оценить смыслы его теории, она и в изложении была очень непростой. «Начало человеческого существования трансцендентно, конец – рационален. Человек рождается в Символе и умирает в Термине, рождается в свободе Духа и умирает в необходимости Тела,

рождается Субъектом и умирает Объектом». Его стремление к свободе, погружение в необходимость, поиск трансцендентного начала увели его от социологических изысканий, но сделали настоящим глубоким современным философом.

Юрий Михайлович, к сожалению, рано ушел из этой жизни, ему было немного за 60, «Сумма антропологии» была последним его трудом.

Итак, участие в «живом» социологическом исследовании увлекло тебя, и ты поняла, что социология более тебе по душе, чем философия. С чего собственно началось освоение новой, понятно, что не совсем, для тебя науки? Какие области, направления социологии тебе показались наиболее интересными?

Сказать, что «по душе», ни в то время, ни сегодня, я не рискну. До сего дня я считаю философию самой прекрасной из наук. Мир чистого разума, бескорыстного поиска истины, высоты чистой логики – так я вижу эту науку. В преподавании же марксистско-ленинской философии меня немного угнетал догматизм и идеологизация науки. Я не собиралась «бороться с режимом», выступать за свободу научного творчества и т. п. – мне для этого не хватило бы ни профессионализма, ни гражданской активности. В философии я так и осталась любителем мудрости. Социологические исследования давали возможность посмотреть на реальную жизнь, настоящие социальные процессы не с позиции идеологии, а объективно, где обобщения рождались из повторяющихся фактов, а не идеологических схем.

Первые проекты, в которых мне довелось участвовать, и были направлены на выяснение этих устойчивых связей и, конечно были связаны с молодежной тематикой. Тюменский Север тогда был абсолютно молодежным регионом, например, в одном из самых северных городов области – Новом Уренгое, где проживало уже более 100 тысяч населения, средний возраст жителей был 24 года. Освоение нефтяных и газовых месторождений для них было испытанием их жизненных сил, способом заработать для себя на жизнь «на земле», реализовать романтические мотивы покорения новых просторов. Это было время и место быстрых карьер, большой дружбы, солидарности, пробных браков, этнической толерантности. Большинство приехавшей молодежи не связывало свои отдаленные жизненные перспективы с тюменским Севером, рассматривали свою жизнь там как временную работу, соответственно и отношение к условиям жизни, природе, инфраструктуре было отношение «временщика». Кроме того, в регионе, особенно в районах добычи, широко был распространен вахтовый метод работы. Нельзя забывать и о том, что тюменская область всегда была местом ссылок, тюрем и лагерей. Кроме того, освоение тюменского Севера для социолога было еще и полем исследования отношений между пришлым и автохтонным населением. Коренные народы Севера, со своим традиционным укладом жизни, культурой, отношением к природе, способами хозяйствования никак не вписывались в практику нового промышленного освоения.

Молодежная тематика навсегда осталась самой интересной для меня в социологической науке.

Ты обозначила очень широкое проблемное и одновременно – исследовательское поле. Какие участки этого поля ты начала сама обрабатывать? Какими были первые урожаи (результаты исследований)? Насколько я помню твоя докторская диссертация тоже касалась молодежной тематики. Так ли это?

Начинала я с того, чем сейчас запрещаю заниматься студентам, с ценностных ориентаций молодежи. Тогда было очень важно для региона выявить с чем, с каким багажом прибывают на тюменский Север все новые и новые комсомольские отряды. Конечно, кроме собственно ценностных ориентаций, мы изучали мотивацию труда, а также влияние на эту мотивацию форм его организации, включая вахтовые формы. Потом, значительно позже наших первых исследований мы познакомились с настоящей социологической методологией по этим проблемам, а вначале, как неопиты, начинали с анкеты. Инструментарий придумывали сами, обрабатывали сначала вручную (та еще была работа !). Клара Григорьевна прикладывала все силы, чтобы мы, молодежь, быстро росли, старалась знакомить нас с состоявшимися социологами. Так среди нас появился Георгий Петрович Давидюк, известный белорусский социолог, автор первых справочников по прикладным методам социологического исследования. С этого времени мы наши анкеты обрабатывали на ЭВМ в Минске, приходилось их туда отвозить, а обратно нам возвращали предлинные рулоны лент, которые мы учились читать и анализировать.

Научные мои интересы были по-прежнему связаны и с системой образования. В северных командировках я сталкивалась с необычными для крупного города проблемами в этой сфере: малокомплектные школы, школы-интернаты для детей коренных народов Севера, новаторское движение в школах молодых северных городов. Особенно меня поражало сверхбережное отношение школьных учителей Севера к сохранению и укреплению здоровья детей, целый ряд программ были направлены на это. В период перестройки и, особенно в 90-е годы начались радикальные перемены, особенно это заметно в сфере профессионального образования. А докторская моя диссертация была связана со становлением и развитием системы образования региона, это был уже 1998 год.

Уточни пожалуйста, 1998 год – это начало или завершение работы над докторской диссертацией. Как она называлась, что удалось в ней показать?

1998 год – это год защиты. Работа назвалась «Становление и функционирование института образования: региональные аспекты». Несмотря на довольно скучное название, диссертация была на достаточно живом, актуальном материале. Это было некое обобщение моих многолетних исследований по региону, но и не только, там была и свежая (по тем временам) теоретическая составляющая. Это касалось, прежде всего, теоретического анализа системного и институционального подходов к образованию. Напомню, что 90-е годы проходили под знаком кризиса образования, и тому имелась масса подтверждающих фактов. Вместе с тем, именно эти годы были связаны с появлением принципиально новых, инновационных педагогических парадигм, широким экспериментированием с содержанием образования, методами и технологиями обучения. Именно в эти годы начался бурный, неконтролируемый рост сети филиалов высших учебных заведений в регионах, появлением платных форм высшего образования. Особенно заметно это было в тюменской области, регионе вполне платежеспособном. В 90-е годы на территории региона было около 150 филиалов различных вузов, от столичных, до тюменских. Практически все они готовили менеджеров, экономистов, юристов – независимо от профиля базового вуза. Это – реальная социальная ситуация 90-х.

Мои теоретические изыскания были связаны с выявлением различий между институциональным и системным подходами к исследованию образования. Мне удалось выявить и сформулировать пять базовых институциональных признаков, и применить их к описанию становления системы образования региона. Анализ я проводила с первых примеров опыта систематического обучения, как для коренных народов Севера (XVIII век), так и населения пришлого, укорененного, жителей Сибири. В развитии института образования я использовала методологию Янова А. Л., которая стала известна в нашем профессиональном сообществе в период перестройки. В 1988 г. была издана его книга «Русская идея и 2000 год», где он в методологии «реформа – контрреформа – стагнация» проанализировал историю русских-советских социальных реформ от Ивана Грозного до Михаила Горбачева.

Использование выделенных институциональных признаков для изучения развития региональной системы образования привело меня к двум важнейшим выводам: во-первых, в настоящее время (то время, когда была написана диссертация) ситуация в образовании характеризуется институциональным кризисом и системным обновлением; и во-вторых, методология «реформа – контрреформа – стагнация», прекрасно работает в условиях эволюционного развития, но непригодна для исследования социальных трансформаций. Именно поэтому, анализ развития послеперестроечного образования, т. е. в 90-е годы нужно проводить в методологии постнеклассического системного подхода, т.е. с использованием теории Пригожина, Стенгерс. Здесь снова пригодилось мое естественно-научное образование, т. к. теория диссипативных структур, точки бифуркации, становление порядка из хаоса интерпретировать человеку с гуманитарным мышлением достаточно затруднительно.

Еще один теоретический аспект моей работы был связан с поиском оснований для мониторинга развития образовательных систем на региональном уровне. Я проштудировала огромное количество материалов по образовательной статистике, особенно по земской, дореволюционной школьной статистике. Оказалось, что в последующие годы школьная статистика все время обеднялась, по сравнению с земской, и все более разобщалась. Так, целостную картину о сфере образования в поздний советский период можно было получить, только соединив статистику трех различных ведомств: образования, финансов и здравоохранения. В результате мне удалось предложить обоснование системы мониторинга для развития системы образования в регионе, разработать систему показателей. Кстати, эта часть моей работы особенно понравилась тогдашнему руководителю областного управления образования – Виктору Гавриловичу Новикову и он смог частично внедрить ее в практику. Позднее сам Виктор Гаврилович защитил докторскую диссертацию, в которой влияние моей работы прослеживалось вполне отчетливо, я была оппонентом на его защите.

Многое из того, что было отражено в диссертации, позже было использовано при разработке Программ развития образования в тюменской области. Я участвовала в разработке практически всех программ – от областной, региональной, до отдельных окружных и даже городов области.

Консультантом моей докторской диссертации был Владимир Тимофеевич Лисовский, которого я до сих пор чту как своего учителя. А первым оппонентом – в то время зам. директора ИС РАН – Зинаида Тихоновна Голенкова.

Зинаида Тихоновна вообще очень много сделала для тюменской социологии, многим она в буквальном смысле открыла дорогу, поддерживала огромное количество наших проектов, консультируя их, участвуя в исследованиях.

Твое воспоминание об обработке материалов вручную, а потом — в Минске, может сегодня показаться большинству читателей чем-то исключительным. Но так было. Моя первая в социологии — процентные таблицы для чисел от 1 до 100. Я сделал их на ЭВМ для себя, приходилось небольшие массивы обрабатывать вручную, и когда В.А.Ядов увидел их у меня на столе, попросил их у меня и издал в Институте социологии РАН в виде брошюры. По-моему, это было в 1965 году. В Институте их расхватывали как горячие пирожки в непогоду. Что касается ЭВМ, то ядовский коллектив обрабатывал материалы в Тарту, правда, расстояние между этим эстонским городом и Ленинградом много меньше, чем между Тюменью и Минском. В какие годы вы обрабатывали материалы вручную, какого объема были выборки?

Ты мог для себя написать программу в 1965 году, потому что сам был математиком. Это еще раз подтверждает исторический путь нашей социологии — в ней смогли найти себя представители самых разных наук, а естественно-научное образование никому вообще никогда не повредило. Мне, в более поздний период, когда я уже работала на кафедре социологии в ТГУ, приходилось обращаться на математические кафедры с просьбой разработать программы для обработки социологической информации. Правда, я так и не получила никакого продукта из-за позиции декана мат.фака — он считал, что социологи сами должны для себя создавать такие программы, иначе они никакие не ученые, если не владеют математическим знанием.

Вручную мы обрабатывали анкеты недолго, год-два. При этом выборки были довольно значительные, до 1000 анкет. А в Минск анкеты мы возили в 80-годы. Потом, позднее, когда была открыта кафедра социологии в ТГУ, и мы все перешли в этот университет, мы, наконец, стали обрабатывать информацию на компьютере. Первое профессиональное программное обеспечение мы покупали с Володей Мельником в Вильнюсе у знакомого программиста. Это было сразу после развала СССР, мы поехали на конференцию «за границу». Встречали нас в этом городе тогда весьма недружелюбно, никто не хотел говорить с нами по-русски, на таможне, только что не раздели — такой был досмотр. А мы везли доллары для покупки программы, спрятав их, не буду говорить куда, и очень боялись. Понятно, что в такой ситуации роль контрабандиста досталась мне. Этой программой мы пользовались довольно долго. Потом, через несколько лет, я купила программное обеспечение в свердловском центре социологических исследований. Это был уже профессиональный продукт — Vortex, им пользовались все социологи региона, мы смогли получать сопоставимые файлы, считать коэффициенты, строить графики и проч. Этим продуктом мы пользовались вплоть до приобретения SPSS. Сейчас все наши студенты подробно изучают SPSS, все свои курсовые и дипломные работы должны выполнять с использованием этого пакета.

Почему сейчас ты запрещаешь заниматься студентам ценностными ориентациями молодежи? Мне кажется очень интересно проследить динамику ценностных ориентаций молодежи. Раньше эта тема активно разрабатывалась советскими социологами.

Может быть, я слишком резко выразилась – запрещаю. К сожалению, эта тема у студентов и даже аспирантов не только вторая после «влияние Интернет на молодежь», но и в разряде «легких» тем. Каждый второй неграмотный соискатель, приходя на первое собеседование, на вопрос о том, что его интересует в нашей науке, сообщает о готовности исследовать ценностные ориентации молодежи.

На самом деле, эта тема исследовалась и в советской социологии и в западной и особую актуальность приобретает в моменты социальных трансформаций, в турбулентные периоды. Теоретических конструкторов для таких периодов – немного, гораздо меньше, чем для мониторинга ориентаций поколений в условиях стабильного развития. Во второй половине 90-х мы, с моей аспиранткой Н.Трикоз, проводили такие исследования по региону. В основу подхода был положен тогда поколенческий подход и представление об интегрирующих и дифференцирующих поколения ценностях. Тогда, к концу 90-х, мы пришли к выводу, что нет разрыва поколений «отцы – дети», но есть конфликт между поколениями «деды» и поколениями «отцы – дети». Эти результаты были представлены в 2002 году в нашем ведущем журнале «Социологические исследования», №1. Статья называлась «Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход)» и сегодня она относится к числу самых цитируемых по этой проблематике. При этом часто аспиранты ссылаются на нее в своих авторефератах, используя ссылки из других аспирантских авторефератов. Через десять лет другой тюменский аспирант, по этой же методике провел свои исследования в регионе и защитился. Хочется, чтобы понимание сложности этой проблематики сопровождалось не только накоплением эмпирической информации, но и каким-то новым теоретическим подходом.

Я помню, ты возглавляла Центр изучения общественного мнения, он и сейчас существует? Какие темы вы изучаете, кто ваши основные заказчики, сотрудничаете ли вы со средствами массовой информации?

Да, такой центр был, хотя в разные годы назывался по-разному. В ТГУ, после создания кафедры Социологии, я участвовала в проекте центра общественного мнения при Министерстве образования, который возглавлял А. А. Овсянников. Там проводились исследования проблем молодежи и образования на общероссийской выборке, мы проводили исследования не только у себя в регионе, но, в рамках проекта, выезжали «в поля» и в другие регионы. Особенно мне запомнилась одна поездка, не на наши севера, а в Молдавию, в Кишинеv. Это было уже достаточно беспокойное время, когда пробуждалось национальное, этническое самосознание в республиках СССР, росло недовольство политикой Центра. Наша командировка продолжалась неделю, мы, с моей аспиранткой, должны были опросить студентов нескольких кишиневских вузов. Помню, те кто нас курировал в городе от проекта, настоятельно рекомендовали нам не гулять вечерами по городу и, по возможности, не говорить по-русски в местах скопления молодежи. Представляли нас студентам, как интервьюеров, на молдавском языке.

Лаборатория была создана сразу, как только мы пришли в ТГНГУ, в 2005 году. Первоначально я сама ее и возглавляла, потом, в связи с большой административной нагрузкой, я отошла от руководства, но не от исследований в этой лаборатории. Сейчас лабораторию изучения общественного мнения в нефтегазо-

вом университете возглавляет мой ученик — Фарахутдинов Шамиль Фаритович, талантливый молодой ученый, кандидат социологических наук. Прежде всего, эта лаборатория работает на университет. Мы очень быстро, практически в первый год, разработали и внедрили полноценную систему мониторинга качества учебно-воспитательного процесса в вузе, базовый инструментарий исследования применяется и сегодня. Кроме того, ведется мониторинг образовательных запросов абитуриентов — тюменских школьников, их родителей. И еще одно направление мониторинга связано с опросами работодателей и выпускников вуза, молодых специалистов. Заказчиками для лаборатории чаще всего сегодня выступают региональные и муниципальные властные структуры (если мы выигрываем в открытых конкурсах, котировках участие в которых — условие заказа). Если заказчики не возражают, то материалы мы, конечно, публикуем. Чаще в научной печати, реже — в СМИ.

Ты всегда хотела преподавать... тебе и сейчас это нравится? Сначала о том, какие курсы ты читаешь сейчас? Как бы ты оценила интерес к социологии, вовлеченность в учебу сегодняшних студентов и тех, кто учился в начале века? Мне приходится слышать разные точки зрения.

«Родилась с указкой в руке» — так отозвалась обо мне руководитель моей первой педагогической практики в школе. Именно так многие годы я себя и ощущаю. Не случайно, моя первая диссертация была связана именно с процессом обучения. А в таком богатом предмете преподавания как философия, трудно не найти способов увлечь ею студентов. За годы работы я читала разные курсы, сегодня у меня их четыре: социология молодежи; социология образования; социология науки и научно-исследовательский семинар с магистрантами. Конечно, есть курсовые и дипломные работы, аспиранты и соискатели.

Что касается сегодняшней системы образования в высшей школе — это болезненная тема для многих вузовских преподавателей. И это не относится к позиции студентов. И в прошлом веке и сегодня большинство абитуриентов не знают, чему они пришли учиться — школьная подготовка по-прежнему стороной обходит сущность нашего предмета. Некоторую, меньшую часть, привлекают действительно потребности узнать что-то об обществе, а большинство просто приходят методом исключения: я не хочу быть инженером, историком, филологом — пойду в социологи. Привлекает абитуриентов сегодня и легкие вступительные испытания, кроме обязательных ЕГЭ по математике и русскому языку, от абитуриентов требуется сдать обществознание. Ругать молодежь — последнее дело, я и раньше, и сейчас считаю студентов — лучшей частью человечества. Конечно, современные студенты очень сильно отличаются даже от молодежи десятилетней давности. Это полностью поколение видеокультуры, Интернет. Они легко и свободно ориентируются в поиске информации, легко могут ее спрятать. А что еще с ней можно делать — понимают с трудом. К сожалению, навыки систематизации, анализа, обобщения с каждым новым поколением слабеют, исчезают. Даже простейшие операции сравнения — трудны для большей части современных студентов. Большой проблемой для сегодняшних студентов становится устная речь, добиться связного, логичного, аргументированного рассказа о чем-либо — практически невозможно. Я считаю это прямым следствием десятилетнего внедрения в нашу школу ЕГЭ. К сожалению, мы взяли из

неплохой идеи самое худшее, самую примитивную технологию — тестирование как единственный способ контроля результатов обучения. Сегодня студенты — это выпускники школы тестов. Они готовы угадывать из четырех предложенных вариантов, но боятся и не хотят формулировать даже неправильный ответ и, что самое опасное для социолога — совершенно не умеют задавать вопросы. Думаю, никакой вины молодежи в этом нет, ведь им не с чем сравнивать, они учились в той школе, которую создали для них мы.

Вера, ты знаешь, наша беседа — элемент историко-социологического проекта, в значительной мере обращенного не к сегодняшним нашим коллегам, они сами многое наблюдают и знают, а к тем, кто будет работать после нас, и к историкам социологии. Не могла бы ты, пусть кратко, описать деятельность различных категорий преподавателей в часах и отношении общества к их труду в рублях.

Тема эта непроста для современников и вряд ли будет понятна потомкам. Если сейчас спросить, сколько стоил билет на самолет от Тюмени до Ленинграда в 1975 году, то цифра 16 рублей ничего современному человеку не скажет. Мое поколение может что-то с чем-то сравнить, исходя из оценки качества жизни, профессионального опыта. Провести сравнение по этому показателю с советским периодом корректно можно с некоторой погрешностью. Во времена моей юности шкала престижности и шкала качества жизни совпадали: ассистент начинал свою карьеру с аудиторной нагрузкой 550 в год и заработной платой 120 руб. в месяц. Такую же зар/плату — 120 руб. получал рядовой инженер на промышленном предприятии. С годами число «горловых» часов уменьшалось, а зар/плата росла. Так, доцент уже мог рассчитывать на твердые 320 руб. (а если еще 0,5 ставки по хоздоговорной теме, то — 500 руб. Больше этого получал только сварщик на трубопроводе). У профессора было не более 250 аудиторных часов в год. Конечно, аспиранты, дипломники, научная работа. Различия между вузами — не было, ставки были общими для всех преподавателей.

Сегодня различия в объеме учебной нагрузки и уровне заработной платы есть не только между столичными и провинциальными вузами, но даже внутри одного вуза. Министерство образования и науки устанавливает (рекомендательно) объем учебной нагрузки для категорий научно-педагогических работников, дальше каждый вуз принимает собственные нормы ее расчета. По этим нормам сегодня профессор должен читать не менее 120 часов лекций в год. Остальная часть нагрузки складывается из других видов (семинаров, студенческих практик, дипломников, руководство аспирантами, зачетов, и проч.). Здесь есть принципиальные различия между профессорами, работающими на выпускающей и невыпускающей, сервисной кафедре. На кафедрах, где нет «своих» студентов, нет ни дипломных работ, ни практик. Таким образом, преподаватель такой кафедры все свои часы выполняет в аудитории. Общий объем годовой нагрузки для профессора — 700 часов в год. На 1 ставку устанавливается должностной оклад. В нашем университете это 30 тыс. руб в месяц. Это, так называемая, базовая часть зар/платы. К ней возможны персональные надбавки.

Вообще опрос об оплате труда и его интенсивности — больной для современной профессуры. Но он, к счастью, не главный для состоявшихся профессионалов. Старшее поколение понимает, что ценность профессии не определяется объемом дохода, тем более и в других странах преподаватели вузов — не

самая состоятельная часть населения. Труднее с молодыми преподавателями. Критическая точка 5–7 лет работы в вузе, после этого подросшая профессионально молодежь начинает массово уходить из высшей школы, в бизнес, в политику и т.п. При этом, престижность профессии преподавателя вуза по-прежнему достаточно высока.

Спасибо, Вера, коротко, но выпукло. Буду тебе благодарен, если ты охарактеризуешь ситуацию с публикациями, особенно книжными и учебниками, а также скажешь о возможности преподавателей участвовать в конференциях в стране.

К счастью, возможностей для публикации собственных результатов исследования сегодня вполне достаточно, это доступно и профессору и молодому аспиранту. Практически в каждом вузе есть собственное научное издательство, ведущие университеты, в том числе и в регионах, имеют свои периодические издания – журналы. Некоторые из этих журналов, так называемые «рецензируемые», входят в особые списки, утверждаемые ВАК Министерства образования и науки РФ. В тюменском государственном нефтегазовом университете есть такой журнал – «Социология. Экономика. Политика.» Статьи, опубликованные в этих журналах, учитываются при защите кандидатских и докторских диссертаций. Очень помогают и профессиональные сетевые журналы, новые исследования там появляются более оперативно, материалы этих журналов доступны и востребованы. Кроме того, многие исследователи сегодня могут публиковать свои статьи и в журналах зарубежных, все зависит только от качества материала. К сожалению, в нашей стране только один социологический журнал – «Социологические исследования» включен с перечень Skopus, но его читают все российские социологи. Опубликовать свою статью в СоцИС – мечта любого социолога. Учебников и учебных пособий, на мой взгляд, сегодня даже переизбыток. Начиная с 90-х годов, когда не было никаких образовательных стандартов в вузе и с началом формирования новых образовательных стандартов, мода на написание авторских учебных пособий и разнообразных учебников охватила всю страну. Не было вуза, кафедры, где бы социологи ни пытались выдать свой курс лекций за учебник. К сожалению, это привело не столько к появлению нового поколения учебной и методической литературы, а к массовой дезориентации студентов и преподавателей в теоретических основаниях науки, трактовке базовых понятий, размыванию категориального поля науки. Я уже не говорю о громких скандалах этого времени, когда за «новыми» учебниками был просто сканер, или распечатки из бездонных глубин Интернета.

Что касается конференций, то здесь сегодня также все доступно. К сожалению, есть проблема, ограничивающая доступность живого участия в них. Это проблема финансовая. Практически все материалы конференций сегодня издаются за счет авторов, а выше я уже говорила о доходах вузовских социологов. Поехать же на конференцию в другой город, не говоря уже о другой стране – для провинциального социолога крайне сложно. Например, любая зарубежная командировка возможна только с разрешения ректора вуза. Многие конференции сегодня проводятся либо в заочной форме, либо в сетевом режиме. Последняя форма активно продвигается в сообществе, мы тоже проводили такие. Помню один такой круглый стол, в котором приняли участие ведущие московские

социологи, даже В.Я.Ядов, и ученые из вуза центральной России. К сожалению, пока больше трех точек охватить невозможно, из-за технических условий. Тем не менее, удастся в наиболее крупных и значимых событиях участвовать, прежде всего – социологические Конгрессы, Уральские социологические чтения и т.п.

И еще вопрос: об участии, скажем, тюменских социологов в зарубежных проектах, о поездках на конференции, стажировках для студентов, аспирантов...

По поводу зарубежных контактов – да, это в зоне внимания вузов и социологи здесь не среди отстающих. Достаточно устойчивые контакты у нас сложились с университетом из маленького города Люнебург, в Германии. Мы, при поддержке западных грантов, реализовали несколько совместных проектов – исследовательских, методических, связанных с повышением квалификации и обменом опытом. Кроме того, наши преподаватели участвовали в такой же работе с одним из университетов Канады. К сожалению, сегодня эти связи прерваны, в силу политических и экономических причин. Для студентов и аспирантов – это просто нереально, т.к. зарубежные стажировки и академическая мобильность слишком затратны для нашей молодежи. Семьи наших студентов, а это, в основном, работники бюджетной сферы, не в состоянии финансировать обучение своих детей за рубежом.

Помнишь, Вера, вопрос на удовлетворенность профессией, работой: «Хотели бы Вы, чтобы кто-либо из Ваших детей работал по Вашей профессии?». Твоя дочь, Татьяна, стала социологом. Это ее собственное решение или ты ее активно агитировала? Не согласилась бы ты рассказать, когда она сделала свой профессиональный выбор, где получила профессию социолога? Если я не ошибаюсь, она либо учится в аспирантуре, либо уже защитила кандидатскую диссертацию. Это так? Каковы ее научные интересы?

Трудно писать о собственном ребенке не употребляя превосходные степени, постараюсь избежать этого. Татьяна росла домашним ребенком, очень рано узнала буквы, простейшие арифметические действия, географическую карту. Это было такое шоу, когда к нам приходили гости, она, трехлетний ребенок, с удовольствием демонстрировала на большой карте мира, где находится Китай, Венгрия и т. п. Читать я ее специально не учила, играя в кубики, мы запоминали буквы, а когда я читала ей книжки, она все время просила – «води пальчиком по строчке ..». Что происходило у нее в это время в голове, мне до сих пор не ясно. Только позже я поняла, что таким варварским способом я научила ее читать, вопреки всем методикам, минуя сложения слова из слога. Ей было четыре года, когда она впервые прочитала сама название книги, и я думаю, что это была судьба. Я сидела с книгой, когда она подошла и спросила – «что ты читаешь, мама?». Я ей серьезно так отвечаю – ты же знаешь буквы, посмотри сама, как называется книга. Тогда она, медленно ведя пальчиком, прочла «Рабочая книга социолога». Я была поражена, а ей сказала, что пора, Таня, тебе записываться в библиотеку. И мы действительно пошли в библиотеку, записались. Она с большим удовольствием ходила выбирать книги, библиотекари с неменьшим удовольствием обсуждали с ней прочитанное, советовали, что еще почитать.

Профессиональный выбор она сделала сама, я старалась не давить на нее. Как у всех детей, ее взгляды сильно менялись в этом отношении. Где-то в классе 5–6, Татьяна говорила, что будет ветеринаром или кинологом, знала все породы собак и кошек, завела себе тетрадки с записями, вырезками, собственными мыслями о животных и вела их довольно долго. У нас дома были хомячки, кошки и даже (очень недолго) собака. В подростковом возрасте появились стихи, музыка, театр. Кстати, по поводу театра. В какой-то период, еще до школы, она мне заявила, что кукольный театр ей уже неинтересен, пора ходить во «взрослый» театр. В школе ее все время привлекали к проведению всевозможным опросов (знали, что мама – социолог), я старалась, чтобы она сама осваивала все процедуры, только подсказывая и корректируя ее инструментарий. К страшим классам Татьяна определилась с профессиональным выбором, решила поступать на журналистику. Я приняла этот ее выбор, хотя понимала, что ее способности, направленность связаны с наукой. Изменила она решение тоже сама, под влиянием ее одноклассника, очень умного, но сильно пьющего парня. Мальчик всерьез интересовался философией, очень много читал, имел вполне взрослый взгляд на жизнь. Он сказал Татьяне: «с твоим прямолинейным характером тебе в журналистике делать нечего, там надо уметь прогнуться, правду писать – не дадут, тебя либо сразу выгонят, либо убьют». Это было начало 2000-х годов...

К окончанию школы, Татьяна определилась окончательно с выбором, поступила в тюменский государственный университет, на социологию. Первые три курса она закончила в ТГУ, а потом продолжила образование в РГГУ, в Москве. Социологический факультет российского государственного гуманитарного университета в то время (да и сейчас, я считаю), одним из лучших факультетов в стране. Среди ее учителей были крупные ученые, исследователи с именами и просто очень крепкие профессионалы. Возглавлял факультет член-корреспондент РАН Тощенко Жан Терентьевич. Научная среда, уровень требований к студентам сильно отличались от тюменского. Среди преподавателей были Н. Е. Покровский, Е. А. Гришина, Вдовиченко Л. Н., Татарова Г. Г., Романовский Н. В., Буланова М. Б., Великая Н. М., С. Н. Майорова – Щеглова, Левичева В. Ф., Адилова Л. Ф., Щербина В. В. Да и сама московская жизнь для молодого человека из провинции – бесценный опыт.

После защиты диплома с отличием, Татьяна поступила в аспирантуру РГГУ. Ее руководителем была Галина Галеевна Татарова – крупнейший методолог, методист, тогда – главный редактор журнала «Социология 4М». Галина Галеевна уже после защиты сказала, что не хотела брать аспиранта из семьи профессора-социолога. Мне же она сразу, когда Татьяна поступала в аспирантуру, сказала, чтобы я не вмешивалась в их совместную работу, и я правда не вмешивалась. Защитила диссертацию Татьяна в октябре 2010 года, через две недели после своего 25 дня рождения в Совете РГГУ. Диссертация ее называлась «Молодежные субкультуры: основания типологизации». Эмпирические материалы для своей работы Татьяна собирала в Москве, Тюмени, Берлине. Позднее работу опубликовали в виде монографии, сейчас на нее уже ссылаются. Сегодня Татьяна Гаврилюк – доцент кафедры социологии Тюменского государственного нефтегазового университета, читает базовые учебные курсы у социологов (бакалавров и магистров): социологические теории, историю социологии, качественные методы, социологию культуры, социологию искусства и др. Сейчас ее научные

интересы связаны с социологией искусства. Она утверждает, что старые, советские подходы в этой отраслевой социологии сегодня не работают, а новые — не сложились. В плане теории и методологии исследования этой сферы нашей действительности сегодня у нас большое белое пятно. Надеюсь, что это поколение социологов, не скованное рамками идеологических шор, сможет, наконец, сказать свое собственное слово в науке.

Ну что же, Вера, будем думать, складывается социологическая династия... успехов тебе и Татьяне. Спасибо.

Интервью с Ириной Андреевной ГРИГОРЬЕВОЙ

«В 1994 ГОДУ СЛУЧИЛСЯ “ПЕРВОТОЛЧОК”, ОПРЕДЕЛИВШИЙ ВСЮ МОЮ ПОСЛЕДУЮЩУЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ»

Григорьева И. А. — окончила философский факультет Ленинградского государственного университета (1973 г.), доктор социологических наук (2005 г.); профессор кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии СПбГУ. Основные области научного интереса: теория социальной работы, социальная политика, управление социальным обслуживанием, социальная работа в муниципальном образовании, социальная защита пожилых в ситуации глобального старения. Интервью состоялось: сентябрь 2014 — февраль 2015 г.

Начало марта 2015 года, завершено 108 интервью, но процесс бесед с российскими социологами продолжается, хотя в центр данного историко-социологического проекта постепенно перемещаются вопросы анализа уже собранной биографической информации. Еще не пришло время для разработки целостной методологии, даже основных блоков будущей аналитической процедуры, но различные фрагменты изучения и описания сделанного за десятилетие просматриваются. Найдена и «площадка» для изложения предпрограммных положений исследования — это традиционные вкладки к интервью, которые я пишу при их публикации в журналах и размещении в Интернете. В моем понимании, в каждой вкладке есть point для будущего развития, размазывания. А сам толчок к появлению такой «фокусной» точки дает интервью: его содержание или собственно коммуникационный процесс.

Так произошло и в интервью с профессором социологии СПбГУ Ириной Андреевной Григорьевой, но прежде, чем сказать, о самом импульсе, остановлюсь на ряде общих моментов.

Обращаясь к электронному вахтенному журналу, в котором я стараюсь ежедневно фиксировать сделанное, я обратил внимание на запись от 18 марта 2007 года. Отмечалось, что была закончена заметка о Валерии Голофасте для «Чтений» его памяти в Петербурге. Как обычно, это текст был разослан друзьям-коллегам, и там же был процитирован отклик Андрея Алексеева на него:

Во-первых, Ты, наконец, решился впервые (повод достойный!) употребить свое заветное название — «История в биографиях и биографии в истории». И кратко изложил смысл всех четырех твоих взаимопересекающихся проектов (любого из которых хватило бы на годы жизни одного человека. <...> Во-вторых, эксклюзивный материал о Валерии — и фрагменты вашей переписки, и замечательное воспоминание К. Кузьминского, и уцелевшие стихи Валерия (действительно прекрасные!). <...>

И, наконец, в-третьих: особая интонация этого и некоторых других твоих текстов последнего времени, которая, похоже, дает начало небывалому жанру — лирической социологии. То, что именно Тебе суждено его создавать — не случайно, ввиду твоих занятий «биографиями в истории и историей в биографиях». Радуюсь.

Не удивительно, что за восемь лет, минувших после того мейла Алексеева, я забыл об этой оценке материала о Голофасте и о предложенном Алексеевым названии жанра заметки — «лирическая социология». Своей архивной находкой я поделился с Алексеевым. И он был удивлен: «Признаться, не помню, в связи с чем я впервые употребил выражение «лирическая социология» в твой адрес. Напомни, пожалуйста». Прочитав приведенный выше текст, он вспомнил: «Кажется я употреблял также термин «лирическая социология» или что-то подобное в преамбуле к твоим американским заметкам в «Телескопе»».

Действительно, несколько лет назад я опубликовал серию эссе о моей американской жизни, пытаясь совместить в них факты и ощущение [1]. Комментируя эту коллекцию заметок, Алексеев писал: «...И опять новый жанр на страницах «Телескопа»! Жанр-кентавр, я бы определил его как лирико-социологический. Борис Докторов — математик «по происхождению», социолог по призванию, на этот раз окончательно разрушает границу между «физикой» и «лирикой». Примечательно, однако, как он это делает. Прежде всего, это проза «настроения», а не описания, переживания, а не анализа, причастности, а не деяния».

Отвлекаясь от частных, скажу следующее: Алексеев обнаружил «лиричность» в двух видах моих социологических «продуктов»: в биографиях социологов и в анализе среды моей жизни. При этом он обозначил признаки, или природу, этой «лиричности»: свободный полет памяти и чувств на базе строгой фиксации обстоятельств места и времени событий. Биографическое эссе о Валерии Голофасте было одним из первых опытов работы в этом жанре, позже было сделано около десятка портретов социологов и, как мне кажется, концентрация лиричности в некоторых из них даже «гуще», чем в тексте о Голофасте. В начале 2014 года, через десять лет после публикации биографической статьи о Борисе Грушине, он еще был жив и в целом ее одобрил, я написал небольшую книгу о нем, в которой попытался интегрировать опыт изучения истории отечественной социологии и представления о том, как следует рассказывать не просто о профессионале, но о человеке, посвятившем свою жизнь своей работе [2].

Безусловно, мне приятно привести здесь два отзыва об этой работе друзей Грушина, знавших его многие годы. В предисловие к книге В. Ядов заметил: «Предлагаемая книга — это свидетельство гражданского мужества и следования профессиональному долгу Социолога». Теперь, из письма, написанного мне Б. Фирсовым: «Можно сказать, что в данном случае ты предлагаешь некий эталон жизнеописания социолога, ограниченный возможностями твоей информационной базы». Свое мнение о книге сформулировал и редактор-асс А. Черняков, не склонный к комплиментам: «Большое впечатление производят мощный социокультурный контекст, в который вписана эта фигура, и тщательно проработанное личностное измерение героя книги. В результате начинаешь Грушина не только «понимать», но и — что не менее важно — «чувствовать». Портрет явно получился».

Но, конечно же, особое значение в этом случае имеют слова Натальи Карцевой — вдовы и музы Грушина, присланные мне по завершению книги: «Дорогой Боря! Твою книгу можно посылать Церетели как заказ на памятник твоему тезке. Стоял бы он рядом с Петрушей и смотрел бы на окна своего бывшего дома. А если серьезно, то ничего из сказанного раньше добавить не могу. Замечательная книга, написанная с глубоким пониманием и времени, и героя, а главное того, чем он всю жизнь занимался и что в этой жизни сделал».

Так получилось, что в последние годы мне не удалось продолжить серию заметок о моей американской повседневности, но и эта линия лирико-социологических текстов не оборвалась. Изменился лишь жанр, размышления о жизни и окружающей меня среде стали частью активной личной переписки и автобиографических размышлений. Прежде всего имеется виду эссе «6000 дней другой жизни»; это повествование о первых 16 с лишним годах моего американского жизни» [3]. Я не думаю, что социологизм во всех этих материалах исчез, ведь и мои корреспонденты, и я сам — социологи, но понятно, что усилился их личностный аспект, а значит — и лиричность.

Но все же главный продукт декады изучения истории современной советской / российской социологии — это коллекция из более сотни интервью с моими коллегами разных поколений. Образовался огромный информационный массив, представляющий возможности для анализа жизненных траекторий, судеб создателей отечественной социологии и их последователей, а также — для трактовки истории нашей науки как процесса смены поколений. После всего сказанного выше резонно задуматься, а есть ли в них следы, присущие «лирической», в данном случае, это почти синоним слова «личностной», социологии? И если они есть, то как эти флюиды проникают в интервью и не противоречит ли это установке на научность исторического поиска.

В моем понимании, в проведенных интервью по определению не может не присутствовать «личностность», и проникает она в интервью в процессе моего общения с респондентами. Отказ от использования метода формализованного интервью (или анкетирования) автоматически сделал возможным лишь использование принципов, технологий неформализованного интервью, а значит — и поиска схемы общения, учитывающей мое понимание характера отношений с интервьюируемыми. Подчеркну, со временем я все более последовательно отказывался от использования слов «интервью» и «респондент» и переходил к — «беседа» и «собеседник». Соответственно, и себя я вижу в роли собеседника,

определяющего содержание разговора и стремящегося максимально учитывать интересы, возможности, особенности человека, согласившегося говорить со мною на весьма личную, интимную, часто очень трудную для него тему. То обстоятельство, что количество проведенных интервью весьма велико и состав группы моих собеседников разнороден, свидетельствует о том, что сложившийся метод опроса — достаточно эффективен и релевантен целям, ради которых он создан.

Еще предстоит начертить общую схему факторов, которые необходимо учитывать при выстраивании беседы, но в качестве, очевидных, обязательных можно сразу назвать: характер знакомства с респондентами до начала интервью (от многолетних дружественных до полного незнания), возраст (старшие, ровесники, более молодые), пол (как правило, беседы с мужчинами, которых ранее не знал, завязываются легче, чем с женщинами, с которыми не был знаком), близость исследовательских областей (проще общаться с коллегами, работающими в знакомых мне областях социологии, по-видимому, им — тоже), наличие общих знакомых, география жизни и работы моих собеседников, регулярность их ответов на мои вопросы и множество других объективных и субъективных моментов.

Я думаю, что если сгруппировать тексты всех интервью на несколько групп по степени априорной (до начала беседы) близости с респондентами, то можно будет постараться выявить различия в характере диалога с ними. Одно из таких различий — «на виду»; мое обращение к собеседнику на «ты» или «вы». Правда, и здесь не все однозначно. Известно, что процесс беседы нередко сближает ее участников, аналогичное происходит и в ходе нашего общения; бывает, оно начиналось с обращения на «вы», но затем эта форма сохраняется лишь в тексте интервью, в переписке за «пределами» интервью используется обращение «ты». Но я никогда не позволяю себе обращаться к молодым на «ты» с позиции старшего и более опытного в исследовательской практике.

Теперь о том, почему круг обозначенных выше вопросов составил тему вкладки к интервью с Ириной Григорьевой. Лично мы не знакомы, более того, до начала беседы я — скорее всего — вообще не читал работ Григорьевой. 20 сентября 2014 года мне представила ее в электронном письме Елена Ярская-Смирнова, рекомендация которой для меня — весьма весома. Кроме того она написала, что Григорьева — мама Саши Дмитриевой, в то время — Председателя Санкт-Петербургской ассоциации социологов; с нею я к тому моменту уже несколько лет переписывался и был лично знаком. Конечно же, оба этих обстоятельства настроили меня на интервью с Ириной Григорьевой, и я был весьма благодарен ей за ее согласие. Вскоре интервью оказалось лишь частью — конечно, доминирующей — нашего общения; но при этом подчеркну, сквозной темой переписки оставалась наша профессиональная деятельность.

Именно «наша», а не только Ирины Григорьевой. Я давно обратил внимание на то, что респондент, с которым мы не были знакомы до начала интервью, проявляет определенный интерес к моей биографии и к моим исследованиям. Я вижу в этом естественное стремление любого человека лучше знать собеседника, которого посвящаешь не только в свою текущую жизнь, но в собственное прошлое и в историю своей семьи. Человек, «раскрывающийся» передо мною, в моем представлении, вправе рассчитывать на взаимность, т.е. на мою открытость.

Так рождается еще одна линия «лиричности» моего метода интервьюирования. Очевидно, подобного не может быть не только в массовых интервью, проводимых при изучении общественного мнения, но и во многих собственно-биографических обследованиях. В опросах общественного мнения, поведение интервьюера обычно жестко регламентируется инструкциями, элиминирующими или минимизирующими проявление его индивидуальных и личностных свойств.

В биографических исследованиях представляется оправданным говорить о двух важнейших типах. Один — когда в функцию интервьюера входит лишь зачитывание вопросов и фиксация ответов на них, обычно это весьма формализованные вопросы, и интервьюер не обладает полномочиями изменить план беседы, даже если реакции опрашиваемого на них в высшей степени уникальны. Второй — когда в качестве интервьюера выступает сам исследователь, но он позиционирует себя (и обычно является таковым) в качестве «человека со стороны», не являющегося коллегой опрашиваемого. Примеры: политологи изучают жизнь и карьеру политиков высокого уровня или науковеды исследуют путь к своим высшим достижениям лауреатов Нобелевских и других престижных премий.

Базовой особенностью проводимых мною интервью является то, что это — разновидность общения между коллегами, и данное обстоятельство во многом предопределяет их личностность, или «лиричность». Что к этому добавляет информация, сообщаемая Ириной Григорьевой и резко персонифицирующая наш разговор? Она — на десять лет моложе меня, и это во многом сближает социальную среду нашего бытия. Хотя она родилась и до окончания школы жила в небольшом городке на Северном Кавказе, она рано стало знакомиться и полюбила Ленинград, его центр, который она воспринимала как «совершенно инопланетную жизнь», профессорская квартира ее дяди на Большой Конюшенной с мебелью и потолками как в Эрмитаже. И я все это в своей жизни видел и прекрасно помню. Еще ближе мне те люди, с которыми Ирина общалась в годы своего вхождения в ленинградскую социологию и с которыми она работает в последние годы. Один из моих вопросов начинается со слов: «Ирина, многое и многих, о чем и о ком Вы здесь сказали, я знал».

Наша беседа началась в конце сентября 2014 года и завершилась в начале марта 2015 года, т.е. продолжалась пять месяцев. Из-за командировок Ирины работа над интервью прерывалась, но обмен профессионально-житейской информацией продолжался. К примеру, в конце января этого года она писала: «...как поживаете, как погода зимой в Калифорнии? В Англии дождь, как всегда. Я немного подправила 1-ю часть, предбиографию, и дописала свои «хождения по работам» до 1979 г. Боюсь, получается не биография, а социальная этнография, слишком подробная. Ну что делать, если та же Конституция 1977 г. помнится мне через отражение, т.е. несколько лекций в обществе «Знание», про одну я написала».

Поскольку я всегда веду одновременно несколько интервью, а летом-осенью 2014 года их количество достигало полутора десятков, я стараюсь не торопить моих собеседников с ответами. Но при этом крайне редко задаю сразу более одного вопроса; в отдельных случаях это может ускорить работу, но такая прак-

тика нарушает логику, дух общения «лицом к лицу». Можно ли вообразить живую беседу, в которой один из собеседников говорит другому: «Сначала я спрошу тебя: “...?” а когда ты ответишь на этот вопрос, задам тебе другой вопрос: “...?”».

Мне представляется, что такая методология и технология биографического интервью в данном историко-социологическом проекте обеспечивает поддержку контакта между собеседниками и получение необходимой для исследования информации. Методология заключается в трактовке интервью как общения, а технология — обеспечивает комфортность беседы.

Заметка о Голофасте, упоминаемая в начале данного текста, была доработана и в начале 2008 года опубликована в «Телескопе» под названием «Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”» [4]. Несколько месяцев ранее в том же журнале увидела свет моя статья «Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”» [5]. Таким образом, получается, что установка на создание истории советской / российской социологии, в которой центральная роль принадлежала бы ее создателям, которая писалась бы многими и была многолюдной (это и означает «человеческое лицо» истории) в практике исследования реализуется в рамках так называемой личностной, или лирической, социологии.

1. Докторов Б.З. Правый поворот на красный свет светофора // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 6. С. 27–34. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1328194841245820file.pdf

2. Докторов Б. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370>

3. Докторов Б. Шесть тысяч дней другой жизни // Социологический журнал. 2011. №2. С. 76–95. <http://www.jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/1207/1165>.

4. Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 25–33. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530346289952file.pdf

5. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230371054493134file.pdf

Григорьева И. А.: «В 1994 году случился “первотолчок”, определивший всю мою последующую профессиональную жизнь»

Ирина, в последние годы меня все более интересуют предбиографии моих собеседников, оказывается, в них заложено многое, что потом самым неожиданным образом раскрывается. Что Вы знаете о своей родительской семье?

Родители жили в г. Прохладном, Кабардино-Балкарской АССР, т.е. на Северном Кавказе, «куда их судьба занесла» с 1945 г. и там же похоронены. Попали на Сев. Кавказ, потому что отца, Григорьева Андрея Александровича, туда направили как инженера-путейца, восстанавливать мост на магистрали Ростов на Дону — Баку. Не домой, в Ленинград — он по рождению из питерской разночинной интеллигенции (его самообозначение), а на Кавказ, потому что болел хроническим плевритом, на фронт попал летом 1942 г. со строительства Северо-Печорской железной дороги, а также потому, что женился на моей маме, Эмилии Исааковне Ротенберг, которую потом, при въезде в СССР выдали за репатриантку. Произошло это в Будапештской комендатуре, где отец служил помощником военного коменданта, а мама — кем-то вроде машинистки-переводчицы. Она была по матери мадьярка, по отцу — польская еврейка. В 1939 г. она случайно спаслась, едва ли не пешком добралась из Польши в Будапешт, к своей бабушке по матери и всю войну жила с чужим паспортом. Именно русский язык она тогда знала плохо, но зато польский и венгерский были родными, и немецкий в порядке. Потом в России она долго не работала из-за плохого русского письменного языка.

Думаю, в Ленинград родителей бы не пустили, а на 101 км ехать не было резона. Но это мои домыслы, отец этого не говорил. Вот с таким прекрасным трофеем и более ни с чем, отец демобилизовался и родители начали жизнь в Прохладном, сначала в бараках, потом построили саманный домик. Жизнь была очень скудной практически у всех, обязательно выращивали овощи и потом консервировали на зиму, держали кур и кроликов, в общем, вели почти натуральное хозяйство. Мама очень страдала от всего этого и кляла «дикую Россию», но быстро восстановила контакты с родственниками отца в Ленинграде и отводила душу в поездках туда. Родственники же удивлялись этому браку, тем более, что отец был на 12 лет старше мамы. Ездил мама и в Венгрию к своим родственникам, в 1956 г., незадолго до восстания, в 1958 и со мной в 1961 г. Хотя мне было 9 лет, остро помню необычность всего, что происходило тогда. Больше маму в Венгрию не пускали, под предлогом, что может остаться.

Родители не очень хорошо ладили, хотя оба были начитанными и вполне образованными людьми. Мама выросла в достатке и справляться с очень примитивно устроенной жизнью ей было трудно. Вода из колодца, уборная на дворе, еду готовить на плите или летом на керогазе — переносить все это у нее не хватало сил. Но и уехать тоже не решалась, ей казалось, что некуда. Потом, в 1958 г., она окончила курсы медсестер и стала работать в городской больнице, уже до пенсии. В больницу мама ездила на автобусе, помню наше детское ликование, когда автобус пустили и застроили двух этажными домами «железнодорожный

городок», примерно в 1957–58 г.г. А дальше город стал быстро застраиваться, появились художественная и музыкальная школы и в 60-е это уже был промышленный центр с несколькими предприятиями, второй в Кабардино-Балкарии после Нальчика. Возвращаясь к маме — в 1964 мы гостили в Ужгороде у ее дальней родственницы. К ней приехала еще родственница из Чехословакии в разговорах выяснилось, что в Чикаго жива-здорова мамина родная тетя (по матери, т.е. по моей бабушке), которая уехала туда с семьей после войны. Все считали, что мама потерялась в России. В общем, это была бомба! Мама стала писать туда, тетя отвечала и даже посылала посылки с одеждой. Вот это было просто невероятно, поскольку любая одежда была на вес золота. Возможность одеться получше как-то очень приободрила, вернула ощущение того, что мы сейчас называем «качеством жизни». Потихоньку сначала провели водопровод на улицу и в дом, потом газовую магистраль. Жизнь стала намного удобнее, тогда ощущение хороших перемен было очень живым.

А я тем временем выросла, и после 8-го класса стала учиться в Нальчике в музыкальном училище и параллельно, в заочной средней школе. За жизнь встретила только одного человека, окончившего тоже даже не вечернюю, а заочную школу — Андрея Вейхера, вы его наверняка знаете. Располагалась школа (т.е. консультационный пункт) в здании общежития рабочих-строителей, в основном кабардинцев. Нужно отметить обязательно, что никогда и ничем они меня не задели и не обидели. Да и в целом Нальчик был тогда очень спокойным и каким-то благодушным городом. Был курорт Долинск, была филармония с концертами, куда мы ходили на второе отделение — после антракта без билетов, строился большой музыкальный театр, жизнь опять же становилась лучше.

Наверное, тут надо вернуться к моему отцу, но что-то я расспоминалась, наверное, много лишних, ненужных подробностей у меня получается. Вернуться, потому что родители всегда чувствовали себя чужаками в Прохладном и меня этим же заразили. И после двух прекрасных лет в Нальчике я получила аттестат школы, бросила музучилище и с разбегу поступила на философский факультет ЛГУ. У родителей, естественно, стала бывать только на каникулах.

Очень интересная, необычная история. Пожалуйста, вернитесь к рассказу об отце, меня заинтересовало то, что он был «из питерской разночинной интеллигенции». Как это понимать?

В предбиографии много пробелов...Однако осенью 2005 г. мы, оставшиеся родственники, уже и формально очень дальние, хоронили последнюю тетюшку, двоюродную сестру отца Тамару А.Зернову, выяснилось, что я помню больше других. Видимо, потому что одна я родилась так далеко от Питера, и ценила осколки воспоминаний...

Дед Александр Григорьев (не знаю отчества и некого спросить) и бабушка, Анна Гавриловна, родом были из Романова-Борисоглебска, под Ярославлем. Там огромный старый храм на высоком берегу Волги, всегда оставался действующим, с невероятной чудотворной иконой Спасителя 15 в. Староверские традиционные места...

В начале 1890-х дедушка с бабушкой, поженившись, перебрались в Питер и все их восемь детей родились уже там. Дед был энергичным человеком, работал в Картографической мастерской Генштаба литографом и еще имел собственное

фотоателье, где помогали сначала старшие и двое «нахлебников» (родственники из Борисоглебска — ровесники старшего сына Леонида). Сохранилось их фото втроем, 1915—16 гг., причем Леонид в мундире выпускника Лесотехнической академии. Знаю лишь, что он был гордостью семьи, и дед ему купил личное дворянство, так как имел награды от Государя императора и великих князей. Весной 1917 г., уже на службе, простудился и умер от воспаления легких.

Мой отец, Андрей Александрович, был седьмым ребенком, 1910 г.р., оказался младшим, восьмой, тоже сын, рано умер. Из раннего детства отца — вспоминал, что пел в хоре Козьмодемьяновской церкви, на ее месте станция метро Чернышевская, вокруг которой много лет жили и работали оставшиеся Григорьевы и Зерновы. Родился отец, когда еще жили на 11-й линии ВО, д.26 (?), а в 1912—13 г. переехали на Знаменскую, 47, угол Гродненского, где была большая квартира и фотомастерская деда. Адрес помню по старым фотографиям, хранившимся дома. Когда началась Первая мировая, народ пошел делать фото перед фронтом, дед процветал. Все старшие дети учились. Серафима и Лидия стали врачами, Александр играл в Александринском театре, потом был главрежем Пятигорской студии телевидения. Юрий — профессором Академии художеств. Лично знала только Лидию, она умерла в 1973, когда я заканчивала университет.

Возвращаясь в середину 1920-х. Бизнес деда накрылся (уже вторая волна) вместе с НЭПом, из квартиры выселили в одну, правда, большую, комнату на Миллионной, мастерскую отобрали. Отцу пришлось учиться в военно-строительном училище на Мойке, у Поцелуева моста, «на казенных харчах». Потом он работал на Балтфлоте и уже в 1938 г. уехал на строительство Северо-Печорской железной дороги. В его военном билете написано, что вольнонаемным инженером, а тетушки говорили, что это какая-то романтическая история. Боюсь, история очень обыкновенная, поскольку выбрался с Севера он летом 1942 г., прошел короткую военную подготовку в Туркестанском округе и был отправлен на фронт, в пехоту, старшим лейтенантом. Им и окончил войну в Будапеште, с тремя ранениями и контузиями. Но без наград. Рассказывать об этом совсем не любил, только когда собирались мужчины, пили, громко спорили, что-то доказывали друг другу, но я тогда была маленькая... Но помню, что материалы 20-го партсъезда хранились бережно вместе с изрядной стопкой фото Ленинграда начала 1920-х. Проспект 25-го Октября, площадь Урицкого и т.д. К моему ужасу, уже после смерти отца, мама все вместе выгребла и сожгла. Не понимала, почему я жалею это старье, для нее это все и было «дикой Россией».

С того времени, когда стала что-то понимать и помнить, знаю, что у отца были какие-то сложности с работой, был неуживчив, хотя все отмечали его образованность, не раз менял места работы, мама сердилась и т.д. Отец пережил всех (родных) братьев и сестер, умер в 1980 г., но так же, как все Григорьевы по мужской линии — за одно утро, от сердечного приступа.

А в первый раз в Ленинград я попала с отцом летом 1959 г., скоропостижно умер его брат Юрий и мы прилетели на похороны. Летели всю ночь на самолете Ил-14. Впечатление было совершенно инопланетной жизни, жалко было тетушку, но огромная «академическая» квартира дяди на Большой Конюшенной (тогда Желябова), с мебелью, как в Эрмитаже и такими же потолками, и Эрмитаж тоже, — все осталось каким-то общим аккордом. Жила я у двоюродной тети Тамары Зерновой, к которой с тех пор очень привязалась. Там было все попроще,

тетушек было аж три и многое, что я знаю, — из их рассказов... Вдову дяди переселили в однокомнатную квартиру на Б.Московской, дядины раритеты она постепенно распродала, поскольку никогда не работала, и жила на это. Умерла в 1986 г.

Как произошло, что девушка из городка Прохладное в Кабардино-Болгарии, окончившая лишь заочную школу, решила поступать на философский факультет? Откуда такое желание? Как Вам удалось с разбегу поступить? Чем Вы удивили экзаменаторов?

Ну, если сразу отказаться от, в общем-то, естественных, но слишком социологических, снижений, и перейти на личности, то не странно... Дело в уверенности родителей, что Прохладный — это случайность, вынужденность, а мне здесь не место. Они буквально выталкивали меня, хотя была поздним и единственным ребенком (поженились в 1945 г., я родилась осенью 1951, мама вспоминала, что «уже хотели корейчонка усыновить...»). В первый раз я побывала в Ленинграде летом 1959, скоропостижно умер старший брат отца Юрий, который в молодости для него был очень близким, и мы вдвоем полетели из Минеральных вод на похороны. Для меня, в семь лет, все смешалось, но ясно стало, что бывает совершенно другая жизнь. Профессорская квартира умершего дяди (он преподавал в Академии художеств) на ул. Желябова/Б. Конюшенной, с кучей всяких необыкновенных и красивых вещей, книг, в первую очередь, Эрмитаж, Невский, вообще весь центр, где тогда жили сестры отца — на ул. Восстания, на С-Щедрина. Не буду вдаваться в детали, потом повторились впечатления в Будапеште, где тетушка мамы была депутатом Парламента и жила рядом. Понятно было, что книги и учение — это мостик... Потом в Ленинграде была много раз, была в Ужгороде с мамой в 1964, случайно Рихтер ехал в Европу и дал концерт в местной филармонии — в общем, сияющий мир настоящей жизни. Я настолько заякорилась на этом, что и сейчас искренне не понимаю, как можно жить вне исторического центра, в каком-то новоделе, без культурного слоя.

Дома у родителей тоже были книги, причем частично старые. Сейчас я не понимаю, каким чудом они, возвращаясь в Союз, на Северный Кавказ, из Будапешта, не только выдали маму за репатриантку, но и прихватили с собой кое-какие книги. Был Петефи на венгерском и Мицкевич на польском, еще что-то экзотическое, особенно в условиях Прохладного. Сейчас, когда было много публикаций о том, что советские солдаты вели себя так же, как любые солдаты-победители, могу сказать точно, что не все так поступали. В доме не было буквально ничего не то, что лишнего, но и необходимого. Впервые я столкнулась с этим вопросом, когда было решено отдать меня в музыкальную школу. Сначала я ходила по очереди к знакомым девочкам поиграть. И вдруг оказалось, что у кого-то есть не просто пианино, а немецкое пианино. Родители на мой вопрос, а где такие продаются (все знали, что продаются только пианино «Кубань» и «Ростов-на-Дону», и обсуждали их сравнительные достоинства), как-то вдруг замялись и ничего внятного не сказали. Мне потом купили «Кубань» в кредит, а мама через много лет сказала, что, конечно, это были трофейные инструменты из Германии. Германия и немцы были «точкой препинания». Родители меня редко ругали и, тем более, наказывали, но вот был такой эпизод. После какой-то уличной беготни, типа игры в «казака-разбойника», я что-то рас-

сказывала, про «наших» и «немцев». До сих пор помню, как мне попало, причем дуэтом, что редко бывало. Существенную разницу между немцами и фашистами растолковали подробно. Военные рассказы родителей были очень контрастны к официозу, что очень смущало и беспокоило. Мама иногда иронизировала по поводу общекультурного уровня моих школьных учительниц, хотя мне полагалось учиться отлично, что получалось «через пень колоду» из-за полного отсутствия старательности. Читать было интереснее. У отца было несколько книг по садоводству, и сад был неплохой. Еще помню большой лимон в кадке и людей, которые приходили попросить лимон, если кто-то болел, лимоны считались целебными, а у отца всегда были плоды. Видимо, с лекарствами было тогда совсем плохо...

После 8-го класса не получилось уехать в Ленинград, я пыталась поступить в Школу при Консерватории, но был 1966 г., и девочка из Ташкента была первой. Ну, и не больно-то я музыкальная. Вернулась в Нальчик в музучилище, не в школу домой. Но мама настояла на школе параллельно, не подумав, что дает мне шанс. Музыку люблю, но учительницей фортепьяно мне не хотелось быть. А ей казалось, что хорошо, споры были серьезные. Ну, и получив в руки аттестат с серебряной медалью, которая нужна была только, чтобы сдавать один экзамен, т.е. историю, унеслась в Питер.

Собиралась поступать на искусствоведение на истфак, хотя понимала, что не хватает общекультурной эрудиции. Но там сразу заметили, что аттестат из заочной школы, а что девушка делала два года, почему заочная? Из училища я не отчислилась из-за мамы, но оправданий для приемной комиссии не нашла. После тяжелых размышлений и раскопок в справочнике «Вузы Ленинграда», обнаружился философский факультет, да еще в том же здании, что истфак и там историю, опять же, сдавать. Что же соврать, я не придумала, но документы принимал студент со второго курса (потом он стал генерал-лейтенантом и ректором Академии ФСБ), ведь мальчики на философском всегда были постарше. Наверное, зазевался или в тот момент еще не был профессионально готов. Документы приняли, экзамен был скоро, и было понимание, что или сдам, или пропаду после распределения где-то в ауле. И вот, отвечаю первый вопрос, подходит проф. Вяч. Иванов (не помню отчество, с диамата, как потом оказалось), и говорит: «Какие сильные в этом году абитуриенты, хорошо девушка отвечает!» А второй вопрос я совсем плохо знала, но умный экзаменатор решил не портить впечатление или был опытный человек, и сразу меня выпроводил с пятеркой.

Представляете, как я летала?! Счастью моему не было предела, а многочисленные тогда еще родственники отца были просто в возмущении и навсегда решили, что я выскочка. Тогда, в конце 1960-х был страшный лом на гуманитарные факультеты, конкурс на философский был из года в год 19–20 человек на место, люди ничуть меня не хуже поступали по 3–4 раза. Конечно, в тот момент я думала, что пойду на 3-м курсе на этику и эстетику. Но потом Костя Сергеев (увы, уже покойный, м.б., Вы были знакомы с ним?), который был нами весьма уважаем и уже аспирант, сказал, что «слишком умная, надо идти на логику». Сейчас мало что помню непосредственно из предикатов, силлогизмов и аксиом, в жизни понадобилось только дисциплина мышления, — это прививали, — но учиться было просто удивительно интересно, учитывая более, чем сухие, материи...

Но до этого, на первом курсе, была политекономия капитализма в исполнении Виктора Леонидовича Шейниса, а потом история русской философии — Борис Михайлович Парамонов. Представляете, какая я везучая?!

И все же, какое направление философии Вы выбрали? По какой кафедре специализировались и по какой теме делали дипломное исследование?

Выбрала логику, тогда кафедра называлась «Логика и методология науки». Хотя заведовал кафедрой почтенный профессор Чупахин, но нам казалось, что, безусловно, главными были И. Н. Бродский и О.Ф.Серебряников. Думаю, мы не ошибались, но они оба рано ушли... Конечно, было много «модуса БАРБАРА» и т.п., но все равно было интересно все, даже теория множеств и абстрактная алгебра, которую читал препод с матмеха. Помню, что «алгебра — это кольцо над кольцом», но что это значит?... В целом картезианский стиль мышления преобладал, было принято точно формулировать и не утопать в квазимарксистском тумане. Естественно, нас учили аргументировать не отсылкой к классикам, а собственными, насколько были, мыслями. Блестящее знание текстов, вплоть до того, что и на какой странице «Материализма и эмпириокритицизма» написано, удивляло, но не восхищало. Но это и было прерогативой других кафедр, нас бог миловал, полгода Маркса и Энгельса на 4-м курсе (их-то можно было и попристальнее) и полгода Ленина на 5-м, уже названное сочинение. В параллель М. А. Киссель читал современную буржуазную философию, так что «Мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил» было нам не чуждо и в библиотеках его не прятали. А вот про А. А. Богданова я узнала более подробно только после универа, от М.И. Сетрова.

Возвращаясь к логике. На 4-м курсе нашла в библиотеке книжку М. Бунге «Myth of Simplicity: Problems in Scientific Philosophy», 1963 г. У Бунге тогда была репутация едва ли не марксиста, поэтому его сравнительно новую (какие времена были!) книжку мне даже выдали на руки. Идея книжки мне очень понравилась, простота и красота, да еще и Occam's Razor в придачу. Начав разбираться с этим, я и диплом написала по идее простоты, опираясь на Бунге. Но возникло досадное обстоятельство, И. Н. Бродский как-то не поверил в то, что я сама в этом копаюсь, и после 4-го курса «передал» меня гораздо менее харизматичному Б. И. Федорову. Это очень огорчило, но все же я начитала каких-то статей на английском, на русском тема просто не была представлена, и защитилась «отлично».

Мне кажется, искренняя вовлеченность во что-то интересное помогла быстро проскочить всякие истматы, научные коммунизмы, сочинения Генсека и прочее. Каждый раз перед экзаменом я молилась, чтобы не вытащить билет с чем-то подобным и, представляете, везло! Забавно, но общественные науки мне тогда казались совсем неинтересными, даже психология. При этом «Социологию личности» читал И. С. Кон, а В. А. Ядов — курс по методике социологических исследований. Т.е. с точки зрения личностей, которые преподавали, которым давали преподавать, никакого застоя не было, вовсе даже наоборот, но это было недолго... Про социологию «на логике» подробно объясняли, что такая приверженность квази естественным методам — это позитивизм, методическая узость, заведомое приписывание схемы, которая в голове социолога, объекту

исследования. Получилось, что это не зацепило, а потом, конечно, жалела. Но еще не очень привлекало в опросных методах, что нужно с кем-то договариваться, общаться, казалось, что самое интересное — читать, сидеть в библиотеке.

Как буду преподавать с такими установками, не думала. Да еще получила «свободный диплом», т. е. диплом без распределения, который выдавали уже замужним девушкам, хот девушке был 21 год. И полгода потом не могла найти работу, ведь и членом КПСС не была и так и не стала. Идти куда-то на кафедру «кофеваркой», т.е. методистом, совсем не хотелось, а понимания, как адаптироваться в этой ситуации, не было никакого. В конце 1973 г. устроилась на работу младшим научным сотрудником в НТПО «Ленсистемотехника», разрабатывать теоретическую модель города. Но это уже другой этап жизни.

Довольно скоро оказалось, что успехи в самостоятельном мышлении, которое поощрялось такими преподами, как Шейнис, Парамонов или Бродский, мало что значат в повседневной жизни. А отличным знанием необходимых текстов я точно не блистала. Зато эти преподаватели сформировали культурный образец, определенное представление о символическом месте в социальной иерархии, очень высокое, как «Учитель» у Бергера и Лукмана. Собственно, в средневековой католической иерархии университеты и профессора тоже были высоко, и Виктор Леонидович и Борис Михайлович точно были оттуда. И не только из-за энциклопедичности знаний. Тематику Шейниса про современный капитализм не одобряли на экономфаке, у нас он был в «ссылке», и мы знали, что он поддержал публикацию «Одного дня Ивана Денисовича». Нас он держал строго в марксистском русле, меня обругал за попытку обосновать правоту Бем-Баверка и наличие такой проблемы, как меняющаяся полезность, что очень огорчило, я была довольно робкой, мало выступавшей студенткой на первых курсах. Но как-то очень убедительно это сделал, не обидно. А Парамонова сильно пригибали двое других специалистов по русской философии/социологии, вытесняли, по сути, с факультета, это было видно по содержательному уровню, лекции читал один из них, а семинары вел Парамонов. Мы их звали «Двуликий Янус». К своему ужасу, когда пришла в 1999 г. на факультет социологии, увидела, что историю русской социологии преподает один из них. И это после 20 лет, так сказать, Нового российского времени. Парамонов еще в 1970-е уехал в Голландию, потом еще куда-то, я его по «голосам» слушала, это теперь золотой обрез на его книжках.

Возвращаясь к месту профессора в мире, мне кажется, сам его определяешь, больше, чем в советское время, уж точно. Нынешняя зарплата никак меня в этом не колеблет, конечно, приходится отвлекаться на дополнительные либо лекции (давно с этим завязала), либо заявки на гранты. Это изматывающее занятие, отказы деморализуют, но в процессе подачи нарабатываются важные вещи, нужно только смотреть в позитиве, что не всегда легко. Ну, и потом, трудно, значит интересно. Правда, это работает, если есть желание жить интересно, а не преобладает желание стабильности.

В чем же заключалась Ваша деятельность? В те годы проблемами урбанизации в Ленинграде занимались весьма интересные люди: социологи, архитекторы, теоретики культуры...

Меня приняли на работу в научно-исследовательское отделение, которое резко выделялось на фоне большого проектного НТПО, занимавшегося разработкой не проблем урбанизации, а гораздо уже — АСУ «городское хозяйство» Ленинграда с разными подсистемами: АСУ «Транспорт», АСУ «Водоснабжение и канализация», АСУ «Планирование социально-экономического развития» и т.п. «асунизация». Все это были технари, каждый со своим главком-заказчиком. Только в АСУ «Планирование...» были экономисты, они с Плановой комиссией Ленгорисполкома работали. А в Ленинграде тогда, действительно, были крупные проектные организации, Ленниипроект, ЛенЗНИЭП, ЛенНИИПроект и т.д. В последнем работали архитекторы, проектировавшие города и систему расселения, например, в Западной Сибири, был и отдел исторической городской среды, которым заведовала известная в городе архитектор А. В. Махровская. Потом, в конце 1980-х, они заказывали мне социальное обоснование проекта пешеходной студенческой улицы, которую предполагалось разместить на ул. Егорова (для студентов трех вузов, расположенных рядом — ЛИСИ, Военмеха и «Тряпочки», т.е. Текстильного (Уни технологии и дизайна сейчас). Но из-за быстрых перемен проект ушел в стол. Все потеряла за эти годы, конечно...

Вот там, в ЛенНИИПе, концентрировались люди, посещавшие семинары в Союзе архитекторов, интересующиеся социологией, эстетикой среды и т.п. Отлично помню М. Борщевского, рассказывавшего о развитии Ленинграда на заседании молодежной секции Союза архитекторов. Они тогда втроем с О.И.Шкаратаном и проф. С.В.Успенским из ЛФЭИ написали первую социологическую книжку про планирование города. Но это было попозже.

А в конце 1973 — 1974 г.г. в НИО Ленсистемотехники работали самые разные специалисты. Кому-то пришла в голову светлая идея, что АСУ — это хорошо, но надо бы разобраться с системным видением городского хозяйства (ГХ) и даже города в целом. Город тогда сильно отличался от ГХ, поскольку его рост был обусловлен отраслевыми предприятиями, у них был лимит на приезжих и собственные производственные задания из министерств, и все вместе было совершенно разбалансировано. Т.е. сфера влияния 1-го секретаря горкома КПСС была существенно шире, чем Председателя горисполкома. Сама идея АСУ и была связана с тем, чтобы собрать и координировать управление.

Поэтому в НИО было много бывших военных, кандидатов военных наук, они считались главными управленцами. Но был и будущий профессор ЛФЭИ Л. Базилевич, и юристы, и экономкибернетики, выращенные И. М. Сыроежиным, вернувшимся из США, и даже социологи и психологи. Кого именно они опрашивали и о чем, не помню, как и не помню название отдела, где непосредственно работала. Как-то он был связан с теоретическим обоснованием городских исследований. Где-то на горизонте маячила «Городская динамика» Форрестера, а мне нужно было сочинить «теорию среднего уровня», как это назвал появившийся позже меня в НИО «гороδοшник» М. Н. Межевич (про Мертона я тогда и не слышала). Но у него был другой калибр, он работал в связке с Л. Базилевичем, мы же за ежедневным чаем заслушивались его речами.

Как правильная выпускница философского факультета, я умела только читать книжки, что и делала. Нужно отметить, что всем было не до меня, и никто не торопил. К началу осени я сочинила несколько страниц текста про язык науки, который включает четыре типа высказываний. Этот текст, по наущению

коллеги В. А. Ступина, филолога, в будущем профессора ЛФЭИ, послала на конференцию по машинному переводу в Челябинск. Это был не только первый раз в жизни, но и единственный, когда мою рукопись отрецензировали. Мне написал тоже какой-то профессор, что мои тезисы совсем не по профилю конференции, однако, несмотря на краткость, являются законченной научной разработкой оригинальной идеи, их надо непременно опубликовать. Я очень-очень возрадовалась и в течение нескольких лет эта страничка поддерживала веру в свои силы. Но тогда оставалось совсем немного времени до рождения сына Сережи.

Потом, через несколько лет, забыв полностью, что я была логиком, просматривала в Доме книги книжку известного методолога А. Ракитова, наверное «Философские проблемы науки», и наткнулась на очень похожие на мои, рассуждения о структуре языка и типах высказываний. Может быть, и вправду, в 1974 г. я сочинила нечто лучшее в своей жизни...

Еще весна-лето 1974 г. были отмечены семинарами М. И. Сетрова. Он только что защитил докторскую (утверждали ее несправедливо долго в ВАКе) и провел два или три (???) семинара по системному подходу, теории организации и т.д. Из людей, участвовавших в них, помню академика А. Л. Тахтаджана и контр-адмирала В. П. Боголепова из Москвы. Виктор Платонович, несмотря на солидные годы, сохранивший образцовую выправку, говорил, что приехал, только чтобы увидеть меня (!!!). Удивительно, что с этими замечательными людьми я могла разговаривать об управлении городом или еще о чем-то, и они еще вежливо слушали. Тогда же в кругу Сетрова появился Р. М. Айдинян, тогда совсем молодой, впоследствии — известный философ.

Когда в начале лета 1975 г. я вернулась на работу, то застала разные перемены. Исчез Герман Ушаков, экономист, штудировавший Маркса и писавший диссертацию. Впрочем, коллектив был молодой, о необходимости защищаться многие рассуждали. Однако Ушаков, оказывается, организовал кружок по изучению Маркса, но что-то пошло не так и его арестовали. Вменили не только неправильную трактовку Маркса, но и разглядывание порнооткрыток вместе с коллегами, которые потом на суде это подтвердили. Это было совершенно недостойным балаганом, а человека осудили на изрядный срок. Я с Ушаковым знакома была мало, но эти исторические повторения ужасали. В начале 1990-х видела его по ТВ.

Вскоре наш прекрасный, высокомотивированный коллектив разогнали, т. е. сократили. Абсурдность ситуации заключалась в том, что не сократили нескольких молодых женщин, беременных или с детьми до года (в их числе — меня), и пару пенсионеров-военных. Конечно, М. Н. Межевич ушел в только что открывшийся ИСЭП АН СССР, многие — в ЛФЭИ и т. д. Я скучно досидела до следующего лета и на год ушла работать в отдел НОТ «Электросилы».

Свои методологические штудии и теорию среднего уровня я быстро забыла, они оказались не очень нужными в новой профессиональной среде. Однако проектное структурирование задач, всякие вещи, типа «технического задания», «аван-проекта» и т.п. удачно легли на некогда читанных Пойа и Лакатоса. Восприятие жизненных ситуаций и задач с точки зрения «how to solve it» оказалось очень функциональным, прямо по Сетрову: «всякое свойство стремится стать функцией».

С лета 1976 по лето 1977 я работала в отделе НОТ НПО «Электросила». Одно из памятных впечатлений — запуск нового здания инженерно-бытового корпуса (ИБК), построенного сразу за метро «Электросила», мы ходили пару раз помогать в уборке, а потом туда переехали из старого здания «у моста». Это был настоящий памятник «социальным пакетам» «Электросилы». В цокольном этаже — поликлиника, дневной стационар, продуктовый магазин, стол заказов, столовая и т.п. Что-то было только для рабочих, но не для инженеров, но не помню, что именно. Сейчас это новое здание разобрано (на моей памяти это единственный случай, когда срок амортизации панельного строения соблюден!), а старое у моста реновировано и продолжает жить.

Другое впечатление — каскадный график начала работы цехов на основном производстве. Понятно, что станция метро «Электросила» была интенсивно загружена, но цеха начинали работать с 06:40 до 07:40, а ИБК — с 08:00. Поэтому особой давки в метро не было, что очень вспоминалось гораздо позже, в 1990–2000-е, когда город стал задыхаться в пробках, поскольку интервал начала работы/учебы сильно сузился.

В отделе НОТ ко мне необыкновенно тепло относились, особенно после случайного эпизода с политинформацией. Раз в месяц политинформаторов собирали в райкоме КПСС и образовывали, а я как беспартийная, была «дублером». Политинформатор заболел, я «образовалась» и сообщила публике об услышанном. То ли удачно говорила своими словами, то ли уклонилась от комментариев (тогда обсуждалась история акад. Сахарова и Боннер, а я сказала, что не понимаю, в чем дело), но после этого оказалось, что человек с сугубо гуманитарным образованием может быть на месте в коллективе инженеров.

Занималась я проектированием системы контроля управленческих решений, а потом системой хранения документов инженерных разработок. Оказывается, они, т.е. «кальки», быстро терялись и приходили в негодность, оцифровки же не было, а копировальный аппарат «Эра» их портил, т.е. пересушивал, они ломались, шкафов для вертикального хранения тоже не было и т.д. Число копий учитывалось, копирование было только с разрешения 1-го отдела. Абсурдность этой ситуации была особенно очевидна на фоне того, что «Электросила» была флагманом мирового энергомашиностроения, экспортировала продукцию в 78 или 87 стран.

Кстати, там было социологическое бюро, которое изучало условия труда рабочих и текучесть кадров. Помню, что у рабочих текучесть была чрезмерная, а у инженеров и в цехах, и в отделах, наоборот, недостаточная. Что-то, т.е. какие-то льготы, были связаны с возможностью стать «Ветераном Электросилы» через 15 лет работы, но что, не помню, кроме 10% прибавки к пенсии (общегосударственное требование для надбавки в 10% было 20 лет на одном рабочем месте. Ну, прямо крепостное право, но все удивлялись, когда я так говорила...). Текучестью, как мне казалось, тогда занимались все социологи на предприятиях. Хотя было уже понятно, что для большинства трудящихся условия труда играют первостепенную роль, определяющую трудовое поведение, а вовсе не содержание труда или монетарные стимулы. Желание получать (скорее, чем зарабатывать) связывалось с постепенными прибавками к зарплате, выскочек не любили. Из этой «нелиберальной» особенности мотивации потом, в конце 1980-х, возник недоуменный вопрос «Кто подлил воды в бензин перестройки?»

Проработав год, я вернулась в «Системотехнику», тоже в отдел НОТ (НИО уже не было в помине), решив, что организация труда в управленческих структурах города (в Ленгорисполкоме, а другие отделы работали с Плановой комиссией и другими главками) все же интереснее, чем на предприятии, хотя было жаль прощаться и с условиями труда, и с людьми. Следующие два года были довольно сложными в этом отношении, именно из-за людей, с которыми не очень хорошо удалось ладить. Но пойти в ИСЭП, хотя бы попробовать устроиться туда на работу, почему-то не хватало духу. Академия наук вызывала священный трепет.

Но в новом коллективе отношения не заладились. «Системотехника» стала нормальным НИИ, где было нужно до 8:30 пробежать через турникет, а потом можно было чай пить. В колхоз ездили с конца мая по октябрь, начинали с пикирования брюквы или кормовой свеклы, и заканчивая уборкой. А после начиналась овощебаза, бесконечная переборка овощей, которые гнили, сваленные в кучу, в сырых холодных помещениях с бетонным полом, от которого моментально застывали ноги. Это было ежегодное, бессмысленное повторение ритуала уничтожения собранного урожая, но считалось совершенно неприличным пытаться от него уклониться, как и от колхоза. Однажды в октябре, в изрядный дождь, я вместо колхоза поехала на работу. Оказалась в пустом отделе, а на следующий день была подвергнута остракизму. Были еще какие-то эпизоды непараллельных отношений, которым я не придавала значения, пока весной 1999 г. наш «климат в трудовом коллективе» не был пристально рассмотрен профессиональным психологом. Обнаружилось, что если работать со мной еще кто-то хочет, то уж отдыхать — точно нет. При этом формальный интеллект и независимость (по Кэттелу) оказались достаточно высоки. Начальство озадачилось и готово было сказать мне «до свидания», однако еще один психолог, уже «остепененный», сказал, что лучше повысить и перевести куда-то на более сложную работу. Удивительно, но так и произошло, меня перевели в только что открытый сектор Информационно-методической работы непосредственно в Ленгорисполком, где было, конечно, поживее. А с консультантом, который меня тогда спас от увольнения, вскоре познакомилась, им оказался Г. Е. Леевик, с которым сохранились добрые отношения, он в 1990-е открыл Центр дополнительного образования, вполне стабильно до сих пор работающий.

Системотехника того периода осталась в памяти еще из-за нескольких эпизодов. Из-за работы в обществе «Знание». Осенью 1977 г. я, наконец, осознала, что без членства в КПСС мне будет трудно вырваться куда-то еще. С вопросом, а можно ли вступить, обратилась неофициально к одному из членов парткома, он навел справки. Оказалось, что я еще идейно не созрела, но для созревания нужно подхватить Молодежную комиссию районного общества «Знание» и в городской еще что-то делать. Это вовсе не было противно моей натуре, тем более, что давало дополнительный заработок. Темы были разные, довольно часто — про новую Конституцию, только что принятую. Вот про нее в декабре 1977 г. я рассказывали рабочим-путейцам в пересменок ночной и утренней смен, а появиться на участке пути нужно было в 7 ч. утра. Тьма, сырость, грязь и непонятно куда идти в такую рань, но каким-то чудом все же оказалась в нужном месте на задворках Балтийско-Варшавского вокзалов. Мрачные рабочие «держали марку» и полчаса меня вежливо слушали, за что я была очень признательна и, поэтому, немногословна.

Еще была «площадка», где нужно было что-то рассказать, на фабрике механического счета, которая была частью «Системотехники», но располагалась в здании церкви Иконы Владимирской божьей матери у метро Владимирская. Причем помещение, где стояли счетные машины и сидели люди, было очень-очень высоко, с земли сейчас не верится, что оно весьма просторное. Когда я сейчас об этом упоминаю, никто не верит, но ведь большинство церковных зданий использовалось под склады и проч., действовало на весь город только пять храмов.

Следующий эпизод — поездка в городок Светогорск, в часе езды от Выборга, все его теперь знают по выпускаемой бумаге. Государственная граница — сразу за пятиэтажками. А в местном клубе сначала лекция полковника-пограничника, потом — моя, «о семье, браке, любви». Пограничник рассказывал о бдительности, но еще и о том, что у советских женщин есть оригинальный способ поездок в Финляндию на заработки, в багаже автомобиля, будучи закатанными в ковер. В перерыве трое уполномоченных слушательницами дам пришли ко мне с просьбой не говорить ничего «про это». Сказать, что я была изумлена, мало, ведь тема была социологическая, а все только что, не дрогнув, выслушали рассказ о способах продажи тела. О том, что в Ленинграде есть как торговля валютой, так и проституция, я знала, конечно, но рассказ пограничника тогда восприняла, скорее, как оригинальную практику, «уловку» для адаптации к повседневности «общества дефицита». «Мы — советский народ» как-то плохо складывалось из всего этого...

Думаю, что изучение таких адаптационных уловок было бы отличным предметом и поводом для того, чтобы социальная работа, которой я занимаюсь уже более двадцати лет, стала законной и интересной частью современной социологии, ведь именно в социальной работе виднее всего противостояние и переплетение стратегий государства и практик социальных служб, а также множества разных людей, очень искусных в этих «объездах». Об этом давно писал В.Воронков, что не надо оплакивать бедных, а надо изучать, как они выстраивают жизнь, часто весьма виртуозно. Но как социология застряла в абстрактном структурировании, так и социальная работа все больше заражает людей «выученной беспомощностью» и способствует разрастанию социального дна. Причем это уже осознается некоторыми рефлектирующими персонажами. Ведь и Т. Парсонс с «ролью больного», и медицина, как помогающая профессия, которая необходима в 10–20% случаев, позволяют осознать, что поддерживать здоровье в разных отношениях и выгоднее государству, и полезнее каждому человеку. Однако социальная работа уже стала веберовским институтом, который, стремясь к расширению, сам не может сменить парадигму деятельности. А сейчас уже поздно людям, развращенным социальной помощью, пусть и небольшой, но предоставляемой без всяких условий, предлагать микрокредиты, семейный бизнес и т.д. Теперь это «вода в бензине» социально-экономического развития еще через 25 лет.

Еще важный эпизод был связан с обучением на факультете переподготовки в ЛФЭИ (Сейчас Экономический университет), в 1978–79 гг. по направлению «Социально-экономическое планирование городов», где тогда был блестящий состав профессоров, экономисты Муравьев и С. В. Успенский, и, конечно, особенно для меня важный, О. И. Шкаратан. Там было очень много всего интересного по территориальному планированию и необходимости уходить от отрасле-

вого развития. И это были те самые Успенский и Шкаратан, которые написали первую социологическую книжку по городу. Моя выпускная работа была о вариантах распределения обязанностей между городскими властями (зампредами Ленгорисполкома), т.е. по оргпроектированию, исходя из идеализированной модели их взаимосвязей. Методическое обоснование вызвало просто изумление, защита была «на ура», а четыре профессора кафедры Управления народным хозяйством написали прошение в Ленсистемотехнику с просьбой направить меня в аспирантуру (тогда без направления или целевого места было нельзя, а сейчас конкурс падает, желающих все меньше). Кончилось это грандиозным скандалом из-за моих, якобы неумеренных, амбиций. Никакого направления, естественно, не дали.

Вот это все и привело, к счастью, к моему перебазированию непосредственно в сектор информационно-методической работы при оргинструкторском отделе Ленгорисполкома.

Ирина, многое и многих, о чем и о ком Вы здесь сказали, я знал. А на фабрике механического счета, которая располагалась в здании церкви у метро Владимирская, на той допотопной счетно-перфорационной технике мы в начале 70-х обрабатывали «страшно секретные» материалы первых опросов общественного мнения в Ленинграде.

Теперь, пожалуйста, расскажите о Вашей аспирантуре, работе над диссертацией и о ее защите.

Было очень обидно, что с возможностью аспирантуры под руководством О. И. Шкаратана приходится расстаться. Утешало немного, что это была бы экономическая степень, как-то не мое. Да и вскоре Овсей Ирмович, чрезвычайно хваливший меня, уехал навсегда в Москву.

К осени 1981 г. возникла возможность дополнительного места в заочную аспирантуру философского факультета. Я в то время активно участвовала в работе городской молодежной комиссии общества «Знание», поэтому была хорошо знакома с ее председателем, Владимиром Тимофеевичем Лисовским. И проблемы молодежи были вполне знакомы. Все вместе сложилось в решение поступать на кафедру истмата, чтобы писать о молодежи в городе. Сразу возникло ощущение, что факультет совсем другой, чем в начале 70-х, очень острое. Достаточно отметить, что на студентов на 1-й курс принимали с рекомендацией райкома КПСС. Когда дело дошло до утверждения темы, начались сложности. На кафедре в это время каждый второй аспирант писал о соотношении производительных сил и производственных отношений. Если о молодежи, то о политической культуре. А моя тема была «Социализация молодежи в условиях современного города», что казалось почти несурезицей. Тогда социализацию относили к социально-психологическим понятиям, а «Конструирование» Бергера и Лукмана еще не было переведено и опереться было не на что. «Город» вместо производительных сил был вообще ниоткуда. Но я упиралась и тему утвердили. Тогда в первый раз слышала, что «тема должна быть по нашему департаменту». Вот удивительно, наука растет «на границах» или между, говорили все, а писать надо внутри департамента, и это сохранилось и даже умножилось к сегодняшнему дню.

Работать было очень интересно, часто общалась с Константином Семеновичем Пигровым, теперешним заведующим кафедрой социальной философии. Он неизменно подшучивал над моим понятийным языком, испорченным управленческими занятиями, и мы совместно пытались прояснить, какую же роль в процессе социализации играет или может играть городская среда. Не помню, откуда пришла моя идея непрерывной социализации, возникающей в городе, наверное, сразу и Зиммель, и Ленин с «перманентной революцией» так трансформировались. Но это не понравилось В.Т.Лисовскому, он считал, что наступает взрослость и социализация заканчивается с приобретением социальных статусов. Еще каким-то чудом мне в руки попали «ротапринтные» книжки авторов из Таллинского педуниверситета, которые первые в СССР стали заниматься «человеком в среде».

Из этого получился весной 1984 г. первый вариант диссертации, хотелось защититься поскорее. Ведь никакого хождения в библиотеку работа в Исполкоме не предполагала, только вечером или в выходные, поэтому мой сын учился в Пушкине с понедельника по субботу, а на выходные я его забирала.

У меня в 1984 г. вышла брошюра в издательстве общества «Знание», на которую обратили внимание многие. С ней тоже была проблема, поскольку тогда в большой официальной моде были авторы-«деревенщики», а я «воспевала» городскую культуру. Процесс водворения автора «в оглобли», как выразилась редактор, занял практически год, но что делать, цензура существовала. Зато к защите было семь публикаций, и не тезисов или депонированных в ИНИОН, а более солидных.

Но в тот момент текст диссертации жестко разругал Лисовский, назвал заумным, придуманным и т. д. На фоне наших хороших личных отношений было очень обидно, поскольку мне, наоборот, казалось, что многие работы о молодежи слишком «одномерные», объектные. Не понимая, куда плыть, я надолго исчезла из общения. Очнулась после телефонного звонка К. С. Пигрова, без обиняков обвинившего в малодушии, и села переписывать работу. Осенью 1984 г. вдруг подвернулась конференция в Новосибирске, где к тому же жила и работала в филиале ВИПК Энерго моя старая, еще по ЛФЭИ, подруга. Она меня познакомила со своим завкафом, Виктором Андреевичем Заргаровым, тогда известным методологом, тоже философской выделки, который прочел мой автореферат. Заргаров потратил два часа времени на то, чтобы объяснить, из-за чего меня плохо понимают философы и что нужно изложить материал в логике субъект-объектного взаимодействия, структурирования и структуриации, если использовать язык известного теперь Гидденса. Эта наводка оказалась для меня принципиальной, стало понятно, как все связано и должно быть развернуто. Весной 1985 г. я прошла предзащиту и как плановая аспирантка (4-й год срока еще не закончился) сразу была поставлена на защиту в июне. Я понимала, что текст не нравится В. Т., но уже была уверенность и в своей идее, и в законченности текста. На кафедре тоже сказали, что работа скорее социологическая по стилю и степени конкретности, но «это не снижает...», используя стандартную формулировку заключений. Оппонентами были назначены С. Н. Иконникова и А. В. Баранов, как специалист по социально-экономическим проблемам города, толстую

книжку которого¹ я тоже, конечно, читала. Еще по просьбе Альберта Васильевича я в начале 80-х сделала или вырастила «дерево целей» социально-экономического развития Ленинграда для какой-то большой выставки по перспективам развития города, которой он методически руководил. Кто меня рекомендовал, уже не помню, а я «тряхнула стариной», так сказать. Получился очень большой плакат, но в одном экземпляре. Когда выставку закрыли, он куда-то делся, что было ужасно обидно. Ну, подарить всегда приятнее, чем стащить, ведь можно придумать что-нибудь еще...

Был июнь 1985 и последний Диссовет в учебном году, я оказалась третьей... В 1-й половине дня случился трагикомический эпизод с получением отзыва ведущей организации в Корабелке на Ленинском проспекте (в Морском университете). Правда, все знали, что проф. Майзель отдает отзыв в последний день, но дает деньги на такси. Это было не лишним, поскольку еще печать надо было поставить на Лощманской, где был ректорат, а шел проливной дождь. Но все успели, даже посидеть под дверью до начала «моей очереди».

До сих пор помню, как Баранов хвалил за использование малотиражных изданий, а Иконникова сказала такую фразу «Никогда не думала, что о молодежи можно написать нечто такое, где никогда не ступала нога Лисовского, и не отметились рука Иконниковой». Ну, поскольку они оба были, несомненно, ведущими авторами по теме, то это прозвучало! После голосования с «сухим» счетом до меня дошло, что Лисовский искренне волновался, все же мы были очень разные.

Казалось, вот-вот начнется новая жизнь, ведь и в стране она тоже начиналась... Но пока пришлось вернуться в Ленгорисполком к старым занятиям. Вдруг возникло предложение перейти туда в штат, и начальство было удивлено отказом. А в мае 1986 родилась дочь Саша, и новая жизнь действительно, началась.

Если иметь в виду Вашу научную работу, то в чем эта новая жизнь проявилась?

Новая жизнь началась ранней весной 1988 г., когда, после долгих колебаний директора, меня все же взяли «штатным почасовиком» в Ленфилиал того самого ВИПК Энерго, и посодействовал этому В. А. Заргаров из Новосибирска. Заргаров готовил кадровый резерв министра энергетики и чаще бывал в Москве, а не Новосибирске. И через директора ВИПК Энерго Х. И. Бекова произошло давление на директора Ленфилиала (это был отчетливо гендерный эпизод, до меня в этой институции женщины были только методистами). Вскоре возникла новая кафедра социально-экономических дисциплин, меня взяли в штат, а затем пришли А. В. Вейхер и Г. Е. Леевик, стало интересно. Однако моя беспартийность опять вызвала вопросы у райкома, как выразился завкаф. В сентябре 1989 меня отправили учиться на две недели социально-психологическому тренингу в Гуманитарном центре на канале Грибоедова, у Нины Хрящевой с психфака

¹ Баранов А. В. Социально-демографические проблемы крупного города. Статистика и финансы. М. 1981.

Так совпало, что А. В. Баранов умер в январе 2015 г., за несколько дней до того, как я написала этот фрагмент интервью. В память о нем добавлю несколько слов. Он был весьма независимый человек и ученый, что было крайне редко в советское время, когда корпоративность носила принудительный характер. Даже в последние годы это было заметно. Например, он написал небольшую статью «О некоторых факторах популяционного кризиса» в СОЦИС, 2000, №7, где доказывал, что «дети — богатство бедных» и увеличение денежных выплат на детей ведет к расширению социального дна. Тогда это была совсем непопулярная мысль, хотя она хорошо согласуется с результатами существующих практик всех социальных государств, с одной стороны и вынужденной рождаемостью в бедных странах, с другой.

СПбГУ. И после этот я почти три года вела тренинговые группы в институте, от секретарей до директоров региональных диспетчерских управлений, которые считались «белой косточкой», поскольку «нас меньше, чем союзных министров», как они мне сообщили...

А в начале лета 1992 нашу кафедру целиком сократили, но очень быстро меня подхватили в Сев.—Зап. кадровом центре (СЗКЦ) при Правительстве РФ, поскольку директором его стал Беков, перешел из ВИПК Энерго. Тут был некоторый выбор, на какую кафедру идти, «Управление персоналом» или на «Социальную работу». Последней должен был заведовать П.Б.Шелищ, с которым была «шапочно» знакома, а управление городскими социальными программами казалось интересной возможностью профессионального развития. Сначала было очевидно, что все складывается «с нуля», учебные программы для обучения социальному управлению нужно было написать, а специальность только что открыли. К тому же не у всех был опыт преподавания в вузе. Когда все более-менее утряслось, оказалось, что СЗКЦ является конкурентом аналогичному городскому вузу, открытому А. А. Собчаком. СЗКЦ переселили из Таврического дворца в здание рядом, аудиторий не хватало. Потом был октябрь 1993 г., казалось, с демократизацией покончено, но многие посчитали, что у Б. Н. Ельцина не было другого выбора. Зато у нас появились студенты — бывшие депутаты Петросовета, которым после разгона дали возможность получить 2-е высшее образование. Помню свою дискуссию с А. А. Щелкановым, бывшим председателем Легорисполкома, депутатом и очень известным своей абсолютной честностью, человеком и политиком. Речь шла о том, как определить российское общество, Щелканову казалось, что оно посттоталитарное, а я настаивала на неототалитарном.

После выборов в 1-ю Госдуму П. Б. Шелищ стал депутатом, а я, несколько неожиданно, зав. кафедрой. С наукой, т.е. социологическим обоснованием социальной работы, было совсем плохо. Кафедра была пестрая по профессиональной принадлежности, а время не способствовало сосредоточенным научным занятиям. Довольно долго я пыталась понять, в какие теоретические рамки социальную работу можно поместить. Помог Петр Борисович, забежал проездом на кафедру по возвращению из Дании, там ему дали ксерокопию статьи П. Абрахамсона о «треугольнике Welfare State (благосостояния)», а он отдал ее мне. Так в 1994 г. случился «первотолчок», определивший всю мою последующую профессиональную жизнь.

В статье Абрахамсона вместо «треугольника» предлагалась модель «ромба» и была основательная критика тогда еще относительно новой, а сейчас громко известной книги Г. Эспин-Андерсена «Три мира Welfare economics» (1990). Конечно, чтобы понять все это, мне понадобилось довольно много времени, ведь никакой теоретической базы, серьезных работ по социальной политике у нас в России практически не было, доступа к англоязычным публикациям еще тоже. Что-то появилось в ходе дискуссии в 1991 г. о выборе оптимальной для России модели, оттенков было мало, либо «шведский социализм», либо «американский либерализм». Никто не задумывался о бэкграунде каждой из моделей, обсуждали, сколько это будет стоить для государства. Не помню ни слова, чтобы дискуссия была привязана к строению налоговой системы или возможностям для самозанятости и семейного бизнеса, для населения.

Много абсурда было и на практике, уже зимой 1991–1992 гг. стало очевидно, что население стремительно беднеет. К лету была организована «адресная помощь» населению и в некоторых регионах она охватила до 60% населения. Потом началось «отрезвление», не столько из-за очевидно безадресной и дорогой системы, сколько потому, что региональные бюджеты стали таять, предприятия закрываться, а задержки заработной платы росли. Обсуждение принципов адресования помощи было серьезной первой задачей и для законодателей, и для теоретиков, тогда все регионы действовали самостоятельно, но никто не додумался до контрактных отношений или каких-то действий, обязывающих получателя. Не было и необходимых связей между социальной защитой и службами занятости, видимо, сказывался «жалостливый православный гуманизм», но критическое отношение к нему появилось позже.

На всю эту переменяющуюся реальность было довольно трудно наложить теоретическую рамку, а между тем, Россия вовсе не была каким-то уж ни с чем не сравнимым казусом. Конечно, политические резоны и необходимость какой-то последовательной социальной политики очевидным образом не совпадали. Разумных объяснений, как можно действовать населению, ни СМИ, ни социальные службы не предлагали, а бесконечное обсуждение ошибок правительства переключало внимание людей с необходимости собственной адаптации на макропроблемы. Помню изумление аудитории госслужащих в Твери, получавших второе высшее образование, когда я попыталась объяснить, что населению нужно развивать взаимопомощь и самопомощь, а чиновники это должны поддерживать организационно. Из многочисленных дискуссий с теми, кто получал второе высшее, уже на госслужбе, конечно, становилось многое понятно. В конце-концов, получилась книжка «Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах», где было изложено довольно тщательно проработанное на англоязычных источниках представление о социальной политике, одно из первых в уже российской социологии, вышедшая в 1998 г.

Еще в самом конце 1995 г. случилось неприятное событие, которое, однако, переосмыслилось в позитиве... Мы с уже упоминавшимся Г. Е. Леевиком ехали в его Образовательный центр и наехали на столб, ясным днем и в твердом уме... Пострадали его «Москвич» и моя голова. Под расписку с ЧМТ и клятвами строго соблюдать постельный режим, не двигаться, не читать и не смотреть ТВ, меня отпустили домой, ждать три недели, в рубашке я родилась или нет. Трудно описать ужас от мысли, что я ничего не умею, вполне книжная барышня, а что же буду делать... Помню, что слушала музыку мрачно-лирического Н. Кейва, поскольку музыку «доктор прописал», а потом стала читать понемногу две книжки, ждавшие своего часа. Это были П. Монсон и «Новые направления социологической теории». Стало понятно, что я сильно отстала в современной социологической теории, но было здорово читать, думать, догонять.

Процесс возвращения к нормальной жизни занял три месяца, в больнице пришлось все же полежать, но уже в конце января-феврале, в дневном стационаре. Это был новый формат лечения, когда лежали, в полном смысле слова, только обездвиженные больные. Но лечение было интенсивным, а чаевые — очень скромными! Лекарства для инъекций, конечно, уже нужно было приносить с собой. Когда я, наконец, вернулась на работу, вместо кафедры, которую уже объединили с психологией, мне предложили управление по работе с регионами,

что было очень кстати и для заработка, и для понимания того, как течет жизнь вдали от столиц, поскольку в филиалы СЗАГС нужно было регулярно ездить. Как преподаватель я продолжала работать в русле теории социальной работы и социальной политики.

Ира, это был «крутой» период нашей истории, начало 90-х. Куда потом пошла траектория Вашей жизни?

Итак, как я уже отметила выше, в 1998 г. получилась книжка «Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах», где, кроме всего прочего, было предложение вместо «треугольника благосостояния» собственного «ромба» (потом такую конструкцию называли «brilliant of Welfare», т.е. к государству, экономике и гражданскому обществу я прибавила человека, как мне казалось, способного быть и субъектом, и объектом социальной политики. Это тот «угол», который, очевидно, очень разный и имеет разные мотивы и ресурсы адаптации в разных культурах. Книжка была издана на средства образовательного гранта для обучения специалистов по работе с детьми-инвалидами, который я получила из Министерства соцзащиты, а сдавать отчетные документы надо было в Институт соцработы в Москве. Директором этого института была дама, весьма известная не столько в науке, сколько в образовании по социальной работе.

Из этого вышла серьезная коллизия в моей жизни, когда я уже стала докторантом факультета социологии СПбГУ (1999) и работала в СЗАГС по совместительству, для заработка, поскольку стипендия докторанта была смешной. Зимой 2000–2001 г. мне показали книжку «Социальная политика», написанную тем самым директором Института соцработы, где несколько раз цитировалась моя книжка. Но кроме цитирования, там был кусок на 40 страниц, позаимствованный «без комментариев». Я была в полной растерянности... Было понятно, что в диссертации нужно поменять курс или отстаивать авторские права, юридически на это были основания, я проконсультировалась у юриста. Довольно долго я шла к мысли, что, если известный автор у меня стащил ключевой кусок текста, я не должна сильно огорчаться, видимо, текст неплох. Но вместе с появившимися требованиями о публикациях в журналах из списка ВАК, это тормознуло надолго. Сейчас удивляюсь своей нерешительности и наивности... Тем более, что было несколько выступлений на зарубежных конференциях хорошего уровня, где мои выступления, несмотря на плохой разговорный английский, вызывали интерес и вопросы, из которых следовало, что материал не банальный.

Позитивные толчки на этот раз были как со стороны моего консультанта, завкафа профессора В. Н. Келасьева, так и со стороны Елены Ярославской-Смирновой, с которой мы познакомились еще в 1990-е на УМО по соцработе. Сначала, в конце зимы 2005 г. Елена появилась у нас на факультете как оппонент докторской И.Албеговой и «попутно» укорила меня за медлительность. Приободрившись, я весной прошла предзащиту. Потом Елена позвала прочитать какие-то лекции летом, они вместе с, увы, рано ушедшим от нас Павлом Романовым, проводили замечательные Летние школы под Саратовом, на Волге. Научно-методический уровень этих школ был выше всяких похвал².

² Последний проект Центра социальной политики и гендерных исследований (ЦСПиГИ) «Критический анализ социальной политики на постсоветском пространстве: идеологии, акторы и культуры», 2010–2013, охватил множество молодых исследователей и преподавателей и был самым масштабным из подобных в России. Власти решили в 2013 году пригласить ЦСПиГИ иностранным агентом, что есть очевидная и полная чушь, очень вредная в науке и в общественном смысле.

Павлу я тоже обязана осознанием социологической идентичности, которое случилось задолго до 2005 г. На какой-то конференции я сказала, что никак не могу понять, чем я занимаюсь, существует ли такое направление социологии (видимо, это было и до начала издания «Журнала исследований социальной политики», поскольку у меня была в №1 статья, до сих пор наиболее цитируемая). Зная, что Павел не раз стажировался в Англии и США, я, естественно, ценила его мнение. Это называется «сравнительная социальная политика», Social Policy Study, сказал он, отлично, что Вы этим занимаетесь, для нас это новая область. Такая поддержка была очень важна, поскольку в основном мне говорили, что в социальной политике нет никаких интересных проблем, все понятно и нечем заниматься.

Летом 2005 г. Елена порекомендовала мою статью о политике в отношении пожилых в журнал «Мир России». Статью сначала жестко раскритиковала Т. Ю. Сидорина за «жалостливое отношение», преобладавшее над социологическим анализом. Это тоже было существенно в моем окончательном превращении из «теоретизирующего Айболита» в заинтересованного исследователя. В результате в 2006 г. в «Мире России» появилось даже две мои статьи! Вообще лето 2005 г., между предзащитой и защитой в ноябре 2005 г., оказалось очень плодотворным. Я написала пять статей в очень рейтинговые, как сейчас говорят, ВАК-журналы, все они были приняты, но вышли в 2006 г., уже после защиты. Тогда еще текст диссертации не вывешивался на сайте Диссертационного совета задолго до защиты, и можно было поработать с замечаниями и вообще, с инсайтом, который обязательно возникает «на волне позитива» после принятия работы к защите. Мой опыт подготовки докторской очень богат всякой конструктивной критикой со стороны коллег, которые рецензировали и оппонировали диссертацию. Так, на Методологическом семинаре факультета В. Я. Ельмеев обратил внимание, что в теории социальной политики, акцентируя необходимость межсекторных взаимодействий, совсем не обращают внимание на «цену взаимодействий», на неоинституциональный подход к взаимодействиям. Я очень признательна своим коллегам В. Н. Ярской, В. Н. Мининой, Л. Т. Волчковой, И. Л. Первовой, П. П. Дерюгину, опять же, Е. Р. Ярской-Смирновой и, конечно, председателю Диссовета Н. Г. Скворцову и секретарю Н. В. Соколову.

Грустно, что сейчас, вместо этой творческой радости университетская среда настойчиво культивирует «модель для сборки» — цитирование в определенных базах, планирование публикаций и т. д. Это дисциплинирует, но похоже на конвейер вроде бы ушедшей индустриальной эпохи, который еще год от года набирает обороты...

С момента защиты докторской прошло уже 10 лет, мгновенно и очень долго. Мои аспиранты писали диссертации на самые разные темы, но, как правило, успешно и незаурядно, мне везло и везет с интересными аспирантами! Это и реформирование пенсионной системы, и риски для здоровья, и социализация молодых инвалидов, и активизация пожилых и дети в городской среде. Кратко или подробно, но каждая из этих тем или проблем когда-то меня занимала. Очевидно потому, что социальная политика — область исследований сама по себе необъятная, особенно если исходить из того, что ее актором является не только государство.

Жаль только, что сравнительные исследования социальной политики/ социального государства у нас так и не стали социологическим трендом, занимаются ими, на мой взгляд, мало исследователей. Сужу по тому, что из огромного количества западной литературы цитируется до сих пор только старая книжка Эспин-Андерсена про «Три мира капитализма благосостояния», даже в монографиях, на титуле которых стоят слова «социальная политика». Между тем, с 1990 года мир сильно изменился и подход к теоретизированию необходимо должен меняться. Ну, и доступность западных публикаций почти мгновенная, читать — не перечитать...

Параллельно или внутри социальной политики я с 2003 г. стала заниматься проблемами пожилых. Это были два небольших гранта, один — коммуны Копенгагена, другой — пилотный проект в рамках Федеральной программы «Старшее поколение». Меня поразило, что пожилые женщины, которых мы опрашивали, жаловались не на низкую пенсию («мы привыкли», ответили они на мой прямой вопрос!), а на социальную заброшенность, на невнимание окружающих и потерю статуса после ухода на пенсию. Это сразу навело на мысль о том, что низкий пенсионный возраст может быть благом только в обществе, где преобладает тяжелый физический труд, а сейчас он становится проблемой и для экономики, где не хватает квалифицированных работников, и для людей, которые остро чувствуют стигму «старости». Продолжая сотрудничать с НГО «Дом проектов» и его руководителем Светланой Чернышевой, я потихоньку собирала материал о пожилых. В 2009 г. Светлана получила проект от Совета министров северных стран (СМСС) на совсем свежую тогда тему обучения пожилых работе на компьютере или, более широко, информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Фишкой было то, что нужно было сравнить пожилых пяти стран — участников проекта, снова поехать в Копенгаген и, в первый раз за постсоветское время, в Каунас и Вильнюс. На этом проекте я познакомилась с А. В. Чугуновым и Ф. А. Казиным, которые ушли из «большого» университета в СПб УИТМО и как-то так получилось, что возник тренд в сторону УИТМО.

В УИТМО был большой проект «Интернет-Университет 3-го возраста» и желание заниматься проблемами взаимодействия пожилых и ИКТ и дальше. Так возникла заявка весной 2014 в РНФ и, о чудо, мы получили грант на три года на изучение эффектов инклюзии, связанных с взаимодействиями пожилых и ИКТ. Так я стала «новым социологом», руководителем группы, которая изучает спонтанные материалы социальных сетей, форумов, блогов и других ресурсов, где пользователи могут оставлять свои комментарии о старении, пенсионной реформе, здоровье пожилых, отношениях с детьми и т.д. Плюс к этому у нас есть блок традиционного опроса и интервью с экспертами и пожилыми. В общем, масштабная работа, в которой постоянно присутствует поддержка Центра э-правительства, молодых социологов Л. Видясовой и А. Б. Иккулова и, конечно, А. Чугунова. Тема пожилых и старения становится почти такой же неисчерпаемой, как социальная политика и ее современные трансформации.

Заканчивая рассказ о своих «витках», добавлю, что, как ни странно, наверное, я состоялась как социолог и как профессионал. Именно потому, что границы современной социологии расширяются, и есть шанс «не умереть от перегорода», как сказал когда-то Валлерстайн. Конечно, хотелось бы, чтобы столь интересное для изучения российское общество все же стало чуть менее «взба-

ламученным», более устойчивым и менее опасным для публичных политиков и социологов, чем сегодня. Ну, и для наших детей тоже, я ими не похвасталась, но и сын, и дочь — замечательные, умные и порядочные люди. И я надеюсь, что жизнь в России образуется...

Спасибо большое, Ирина.

Интервью с Александром Михайловичем ДЕМИДОВЫМ

«В 1991 ГОДУ GFK-РУСЬ СОСТОЯЛА ИЗ ТРЕХ ЧЕЛОВЕК, А СЕЙЧАС НАС – 380»

Демидов А. М. — образование юридическое, кандидат философских наук (1987 г.), Генеральный директор Международного института маркетинговых и социальных исследований «ГфК-Русь». Основные области исследования: стили жизни, стили потребления, общественное мнение, многоаспектный анализ российского потребительского рынка. Интервью состоялось: май — август 2014 г.

Мне бы очень хотелось, чтобы мое интервью с Александром Михайловичем Демидовым прочитало как можно большее число «чистых» социологов, исследователей рынка, полстеров и в частности — историков трех этих аналитических направлений. Возможно, я слишком увлекся изучением прошлого советских/российских социологов и не заметил, как буквально на «пустом» месте в стране сложилось сильное профессиональное сообщество исследователей рынка. Но — мне кажется — я не одинок в незнании этого процесса.

Возможно, что в России в настоящее время подобно тому, как в США в начале прошлого века, еще сохраняется известное поверхностное отношение академической науки к изучению рынка и общественного мнения. Так, в начале XX столетия один из далеко смотревших в будущее менеджеров рекламных изданий обращался в ведущие американские университеты в поисках специалистов, готовых изучать воздействие рекламы. Все асы отказывались — не хотели иметь дело с «купцами», «торгашами». Согласился молодой психолог Уолтер Дилл Скотт, признанный в наше время пионером научного познания рекламы. В начале 30-х годов, тогдашний президент Гарварда, считая, что близость к политике нанесет урон авторитету университета, отказал одному из отцов-основателей изучения общественного мнения Элмо Роуперу в научном сопровождении опросов.

Уверен, придет время, и в российских учебниках по изучению рынка будут разделы о том, как это происходило в стране. Скорее всего, сначала будет рассматриваться дореволюционный опыт, а затем будет сказано, что в постреволюционные десятилетия в СССР анализ рынка не осуществлялся, и все стало оживать лишь после перестройки. Согласно моей концепции становления современной (послевоенной) российской социологии, это было не возрождение, но «второе рождение». Тем более идея «второго рождения» распространяется на маркетинговые исследования. И поэтому следует честно признать, что Александр Демидов и несколько его коллег по цеху — первооткрыватели нового направления в российской прикладной социологии — изучение рынка.

Демидов А. М.: «В 1991 году GFK-РУСЬ состояла из трех человек, а сейчас нас — 380»

Александр, я подумал, сколько лет мы знакомы. Последние 20 лет я живу в США, но мы познакомились раньше, похоже, в начале или середине 1980-х. Это я к тому, что нам есть о чем общем поговорить. Но я практически ничего не знаю, как из социологов ты перешел в исследователи рынка и как развивается твоя работа в этом направлении. Постараюсь по этой тематике поспрашивать тебя поплотнее.

Однако начну с личного. Фамилия Демидов — нередкая. Каково ее происхождение? Из какого региона (каких регионов) твои предки? Ты сам по рождению москвич?

Борис, спасибо. Фамилия моя действительно нередкая и известная. Поскольку я родился на Урале в 1951 году в городе Перми, меня часто спрашивают, не потомок ли я знаменитых заводчиков Демидовых. Более того, в интернете я прохожу в числе их потомков. Думаю, что туда попадает каждый засветившийся в интернете Демидов.

На самом деле, никакого отношения к тем Демидовым я не имею. Мой прапрадед по отцовской линии жил в Пермской губернии в селе Слудка, в месте впадения большой уральской реки Обва в Каму, в середине XIX века. Он был крепостным графов Строгановых, которым принадлежало много земель на Урале. Прадед был охотником и лесосплавщиком, а дед — капитаном речных судов на Каме и Волге. Прилагаю скан статьи о нём в районной газете.

Дед по материнской линии — из Сибири. В Гражданскую войну служил у Блюхера, якобы даже был у него комиссаром. В 1937 году, конечно, был арестован. Проявил стойкость и не признал себя виновным, чем сохранил себе жизнь. В 1938 году, во время послаблений, был отпущен и восстановлен во всех правах. До конца жизни оставался твёрдым коммунистом, хотя и не любил Сталина. Ещё при его жизни предрекал, что история его осудит.

Мой отец работал инженером на Пермском машиностроительном заводе - теперь, кажется, «Пермские моторы». Потом учился в Москве и работал в торгпредстве СССР в ГДР в Лейпциге. В начале 1960-ых семья переехала в Ленинград. Мама - кандидат философских наук, преподавала научный коммунизм в Ленинградском институте культуры.

Я, после окончания средней школы в Ленинграде, учился в военном учебном заведении в Москве, но по окончании демобилизовался и поступил на работу Торгово-промышленную палату СССР. В 1983 году Анатолий Георгиевич Харчев, с которым я был знаком через своих родителей, предложил мне перейти на научную работу в его сектор в Институте социологических исследований АН СССР. Там мы в это время и познакомились.

Все очень интересно. Недавно я написал рецензию на книгу тюменского социолога, профессора Юлии Беспаловой «Обращение к себе», ее дед был адъютантом Блюхера. «Ленинградская линия»: мама-философ — А. Г. Харчев — твой переход в ИСИ — весьма естественная. Мир тесен... Попрошу тебя немного развить сказанное.

Из сказанного тобой даже о прапрадеде, из присланной копии заметки в Пермской газете о твоём деде — кавалере Ордена Ленина, многие годы проработавшего штурманом и капитаном на Каме, следует, что твоя семья сохранила память о прошлом. Нечастый случай. Как это вам удалось? Кто «мотор» этого дела?

О своих предках я знаю, в основном, от отца и мамы. Хотя я застал бабушек и дедушек, почему-то они очень мало рассказывали мне о себе, о своем прошлом, хотя рассказать, наверное, было о чем. Ведь оба моих деда воевали в Первую Мировую Войну. Я для себя записал то, что рассказывали мне родители, и даже пытался составить родословную. С дедушками и бабушками я общался в 50-е годы, тогда, наверное, люди старались как можно меньше рассказывать о себе.

Ты родился в Перми, ты там и в школу пошел? Или в Лейпциге? Или в Ленинграде?

В школу в первый класс я пошел в Лейпциге. Это была обычная русская школа. Почему-то все считают, что немецкий язык, который я хорошо знаю, я выучил, проживая в ГДР. Но это не так. Школа была обычная, с немецкими детьми мы не общались. В 3-м, 4-м и 5-м классе я учился в Перми, перемещаясь из Европы в российскую провинцию и обратно.

С 6-го класса я учился в Ленинграде, в немецкой школе. Здесь я по-настоящему и выучил немецкий язык. Я пришел в 6-й класс, а ребята учили немецкий со 2-го. Учительница была против, но родители настояли. За первые две четверти меня по немецкому языку не аттестовали, за 3-ю я получил «четверку», а за 4-ю - «пятерку».

Мама — философ, возможно, в своих интересах была близка к зарождавшимся в Ленинграде, во многом благодаря А.Г. Харчеву, социологическим исследованиям. Еще учась в школе, ты не думал о поступлении на философский факультет?

Действительно, во время учебы в старших классах я начал интересоваться философией и историей. Первое прочитанное мной философское произведение было «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина. Из истории меня больше всего интересовали Древний Мир и Средневековая Европа. Я действительно думал о поступлении на философский факультет, но, меня смущала чисто научно-теоретическая работа. Мне всегда хотелось еще какой-то практической деятельности. Видимо, так потом и получилось, когда в конце 80-х я начал заниматься прикладными исследованиями общественного мнения, а потом, рынка.

Собственно с социологией я столкнулся в секторе А. Г. Харчева, и когда, в том же году, поступил в аспирантуру. Я считаю, что мне очень повезло с учителями. Кроме самого Анатолия Георгиевича Харчева, в моем становлении как социолога мне очень помогли М. Мацковский и Г. Батыгин, оба, к сожалению, рано ушедшие от нас. В аспирантуре мне преподавали такие выдающиеся ученые как: С. Эфиров, Ф. Филиппов, И. Бестужев-Лада, Ю. Давыдов, Л. Ионин, В. Андреенков и многие, многие другие. Вот так начиналась моя социологическая деятельность.

Таким образом твоя кандидатская диссертация была связана с семейной проблематикой? Когда ты завершил ее и защитил?

В секторе А. Г. Харчева я занимался темой неполных семей, правда, я отстаивал точку зрения, что «неполная семья» – это не очень точное и расплывчатое определение. Тема моей кандидатской диссертации звучит как «Семья с одним родителем». В ходе работы я выяснил, что фактор неполноты семьи отрицательно работает только в сочетании с другими факторами, как например: низкий уровень образования, низкий профессиональный статус, асоциальное поведение родителей и т.п. В благополучных неполных семьях, со средним и высшим образованием родителя, этот фактор не сильно влиял на учебу, воспитание и социализацию ребенка.

Кандидатскую диссертацию я защитил в 1987 году в Институте социологических исследований, т.е. через 4 года после начала работы у Анатолия Георгиевича. Большой утратой для меня была неожиданная смерть А. Г. Харчева в 1987 году. Я был его последним аспирантом. В это же время мне предложили перейти на работу инструктором в Севастопольский Райком КПСС «курировать» науку в Севастопольском районе, где находился (и находится) Институт социологических исследований в рамках горбачевской кампании по призыву на партийную работу научных сотрудников. Долго поразмыслив, я принял это предложение.

Вообще мне казалось, что ты работал в секторе В. А. Коробейникова и занимался изучением общественного мнения. Или это уже после защиты?

Ты помнишь, что 1987 год был разгаром перестройки. Время было интересным. Назревали перемены. Роль партийных органов ослабевала. Я осознал, что мало что могу сделать для науки, поэтому, в основном, старался не мешать, а если что-то мог, то – помогать. В результате у меня сложились хорошие отношения с Институтами Академии наук, которых, как ты знаешь, много в Севастопольском районе. В этот период я познакомился с такими интересными людьми, как Академики Е. Примаков, О. Богомолов, Л. Абалкин, Г. Попов и другими.

Первый Секретарь Севастопольского РК КПСС А.Брячихин был интересным и прогрессивным человеком, коммунистом-реформатором. При Райкоме был создан клуб «Коммунисты за перестройку», который возглавлял Игорь Чубайс, философ, брат А.Чубайса. В общем, было достаточно интересно, но, проработав я в Райкоме чуть меньше года. Обратившись в Институт Социологии меня вернул В. А. Ядов, который был назначен в 1988 году директором.

Произошло это так: когда Владимир Александрович приехал в Москву, он начал искать себе секретаря парткома, который мог его поддержать. Гена Батыгин посоветовал ему меня. Представляешь, каково было мое удивление, когда в мой кабинет в Райкоме вошел сам Ядов. До этого мы были знакомы, но немного. Мы поговорили, и Владимир Александрович сразу предложил мне вернуться в Институт секретарем парткома. Я тоже сразу согласился. Должность секретаря парткома была не освобожденная, а я знал, что в Центре изучения общественного мнения, возглавляемого В.Бритвиным, Академией Наук выделены вакансии для создания сектора изучения общественного мнения москвичей. Ядов тут же предложил мне занять должность заведующего этим сектором. Так я пришел в «общественное мнение».

Самое интересное, что на общем собрании меня выбрали в партбюро, но в его составе оказалось больше сторонников Г. В. Осипова, которые «прокатали» мою кандидатуру на секретаря. Так я смог выйти на новый этап моей жизни и полностью посвятить себя изучению общественного мнения. Кстати, сектор В. С. Коробейникова, по моему, тогда назывался международных сравнительных исследований и не входил в Центр изучения общественного мнения В. Бритвина, хотя я знаю, что Коробейников был родоначальником изучения общественного мнения в Институте социологии.

Для начала внесу уточнение. Родоначальником изучения общественного мнения в СССР и в Институте социологии РАН (за годы существования он сменил множество названий) был Б. А. Грушин. В частности в 1967-1974 гг., именно в этом институте под его руководством был осуществлен известный «Таганрогский проект», и одним из его участников был В. С. Коробейников. На материалах этого мегаисследования им была защищена кандидатская диссертация «Анализ содержания массовой коммуникации». Приход в Институт М. Н. Руткевича вынудил Грушина покинуть Институт социологии, вот тогда Коробейников и возглавил в Институте изучение общественного мнения.

Наше интервью имеет множество целей, одна из них – воссоздание истории изучения общественного мнения в СССР/России. Уже сейчас состоялись (или проводятся) интервью с: Е. Башкировой, М. Горшковым, А. Давыдовым, Т. Заславской, М. Илле, Р. Могилевским, Л. Кесельманом, А. Ослоном, Л. Паутовой, Е. Петренко, Т. Протасенко, Н. Романович, М. Тарусиным, Ж. Тощенко, В. Федоровым, Б. Фирсовым, Ф. Шереги, В. Шляпентохом и Н. Ядовым. Не мог бы ты рассказать о Центре В. Г. Бритвина, о нем самом и твоих исследованиях?

Центр В. Г. Бритвина состоял из двух секторов. Один возглавлял Гера Токаровский, второй – с 1988 года – я. Центр проводил исследования общественного мнения путем опроса сотрудников предприятий с помощью партийных органов и социологов на местах. В. Г. Бритвин был идеологом этих исследований и договаривался с местными органами об их проведении. Основным организатором этих опросов был Г. Токаровский. Конечно, Центр не имел своих интервьюеров и возможности их оплаты. В то же время в 1987 году был создан ВЦИОМ, который начал массовые опросы населения на профессиональной основе. Эпоха проведения опросов на предприятиях с помощью партийных органов, закончилась.

У меня в секторе изучения общественного мнения москвичей тоже не было финансовых возможностей для проведения профессиональных опросов, поэтому я начал с телефонных опросов, которые проводили 10 моих сотрудников и другие сотрудники Центра Бритвина. Пенетрация домашних телефонов в Москве была достаточно высокая, что позволяло нам говорить о некой репрезентативности. Правда, Борис Андреевич Грушин в те времена достаточно скептически относился к телефонным опросам, и не столько из-за низкой пенетрации, сколько потому, что он считал, что в России телефон не является привычным средством коммуникации.

Выборку телефонных номеров мы приобретали в Московском телефонном узле. Основной темой моих опросов в то время была перестройка и, в меньшей степени, экономическое положение населения. Например, мы изучали отношение к 6-й Статье Конституции СССР, Новому Верховному Совету, к высказываниям отдельных депутатов и т.п.

В 1989 году во время выборов в Верховный Совет СССР я провел одно из первых в стране электоральных исследований, хотя и на очень локальном уровне – в Севастопольском районе Москвы. Там сложилась очень типичная для того времени расстановка сил: в депутаты от Севастопольского района выдвигался Первый Секретарь Райкома – А.Брячихин, академик О.Богомоллов и рабочий А.Середенин. Чтобы пройти в первом туре, надо было набрать больше 50-ти % голосов. Результаты моего телефонного опроса показали, что О. Богомоллов набирает 50% голосов. В. А. Ядов знал о моем опросе, видимо, поделился им с академиком-секретарем В. Кудрявцевым и спросил меня, каков мой прогноз – пройдет ли О. Богомоллов в первом туре. Что я мог сказать? В. А. Ядов прекрасно знал, что такое ошибка выборки, но он должен был ответить в Академии Наук – пройдет или не пройдет. Я напряг свою интуицию и сказал «пройдет». В итоге О. Богомоллов набрал 50,3 % и прошел. Это был большой успех для Института, хотя, конечно, в нем была большая доля везения. Результаты этого исследования подробно описаны в журнале «Социологические исследования», №5, 1989.

Саша, спасибо, что вспомнил Геру Токаровского, эта наш долг вспоминать ушедших друзей, коллег, Грушин весьма ценил его. Но, похоже, ты не очень долго работал в нише анализа общественного мнения. Как и когда началось твое движение в сторону изучения рынка. Похоже, ты оказался в небольшой группе пионеров в СССР, осваивавших это – по тогдашней формулировке – направление прикладных социологических исследований.

В чистом виде в области изучения общественного мнения я работал относительно недолго, приблизительно до 1993 года, с 1991-го года – параллельно с исследованиями рынка. Но это было очень интенсивное и плодотворное время. Наряду с массовыми опросами в Москве, мы проводили, например, опросы делегатов первого Съезда Народных депутатов в 1989 году. На московском телеканале у нашего сектора была еженедельная передача «Общественное мнение москвичей» с популярным в то время телеведущим Борисом Ноткиным. Вообще, конец 80-х был временем огромного интереса к результатам исследований общественного мнения. Результаты наших исследований публиковались в московских газетах и журналах, в том числе «Социсе». В юбилейной статье, посвященной 20-летию «Социса» в 1994 году, его главный редактор Ж. Т. Тощенко написал: «Но пионерным исследованием – поисковым, глубоким и проблемным – стала статья А. М. Демидова «Секреты избирателей» (1989, №5), в которой на опыте Севастопольского района Москвы проанализировано социологическое сопровождений избирательной кампании по выборам депутатов в Верховный Совет СССР. Автор – организатор этого исследования – выдержал испытание с честью: жизнь подтвердила многие его выводы и рекомендации («Социс» №6, 1994, с.19).

Мы поддерживали и международные контакты в сфере изучения общественного мнения. В 1990 году сектор изучения общественного мнения москвичей организовал и провел международную конференцию полстеров с участием Т.И.Заславской, представителей Алленсбахского института демоскопии Ноэль-Нойманн, финского института «Талоустуткимус».

В октябре 1989 года в Софии была проведена Международная конференция Академий наук социалистических стран по вопросам «изучения, формирования и использования общественного мнения в политической системе социализма». По итогам конференции был издан сборник, который я храню, так как это была последняя конференция Академий наук социалистических стран. От СССР на конференции были В. Бритвин, В. Войнова, М. Горшков, Я. Капелюш, В. Коробейников, Н. Мерзликин, Е. Мешкова, Г. Токаровский, Н. Чурилов.

На этой конференции я познакомился с директором Всепольского Института общественного мнения Станиславом Квятковским. Через год, уже из новой Польши, он прислал мне письмо, в котором сообщил, что перешел на работу в крупный международный концерн ГфК по проведению маркетинговых исследований и создал в Польше Институт GfK Polonia. Если меня интересует это направление, он готов рекомендовать меня своим учредителями из ГфК, которые планировали создавать ГфК в России. Я согласился, и в конце 1990-го года получил приглашение посетить в Вене ГфК-Австрию, которая внутри концерна ГфК отвечала за выход в Восточную Европу. Так я впервые посетил крупный институт маркетинговых исследований и познакомился с новым для меня направлением деятельности, связанным с социологией.

Директора ГфК-Австрии Р. Бретшнайдер и Г. Габриель три дня показывали мне свой институт, рассказывали о проведении маркетинговых исследований и, в итоге, сделали мне предложение создать и возглавить институт ГфК в России. Я обещал подумать и вернуться к ним с ответом.

А подумать было над чем. Во-первых, у меня хорошо шли дела в области изучения общественного мнения и политической социологии. Во-вторых, я очень комфортно чувствовал себя в Институте социологии под руководством В. А. Ядова. В-третьих, просто было страшновато переходить на работу в иностранную компанию, поскольку еще было время Советского Союза.

Я пошёл советоваться с Владимиром Александровичем. Он выслушал и сказал, что ему, конечно, жалко меня отпускать, но он видит большие перспективы развития маркетинговых исследований в нашей стране. К тому же эта сфера очень близка социологии и я, если и ухожу, то не очень далеко.

Подумав еще какое-то время, в феврале 1991 года я дал согласие коллегами из ГфК-Австрии. С этого момента началось создание компании ГфК в России.

GfK - “Gesellschaft f r Konsumforschung,” родившаяся в 1934 году, - организация глобальная и в представлении не нуждается, и все же, расскажи немного о GfK и месте в ней ГфК в России.

В Европе, в частности, в Германии, первые практические исследования потребления появились в начале 20-х годов прошлого века. Экономические предпосылки исследований сбыта и потребления в Германии были, возможно, даже более весомы, чем в других странах. После поражения в Первой Мировой

Войне Германия лишилась многих традиционных зарубежных рынков сбыта. С другой стороны, конкуренция на внутреннем рынке со стороны иностранных предприятий была очень сильна. При этом платежеспособный спрос населения в результате гиперинфляции 1923 года был весьма низок.

Одновременно с этим в этот период возникли и теоретические предпосылки проведения исследований потребителя. Еще до войны в немецкой экономической литературе появились труды, посвященные рынкам потребителя. В 1919 году в Нюрнберге была создана Высшая школа торговли, в рамках которой проводились теоретические исследования потребления, основанные на данных статистики и других вторичных материалов. В 1925 году в структуре школы был создан «Институт экономических наблюдений за немецкими готовыми товарами», который ставил задачу практического изучения потребителей. С созданием института впервые началось институционализированное систематическое изучение поведения потребителей. В том же году Институт выпустил работу «Основы маркетинговых исследований».

Создателем Института был профессор экономики Вильгельм Версхофен, который начал практические исследования потребителя в 1919 году в рамках Союза немецкой фарфоровой промышленности.

Другим известным деятелем, который присоединился к Институту готовых немецких товаров в 1929 году, был Людвиг Эрхарт, будущий министр экономики и канцлер послевоенной Германии, «отец немецкого экономического чуда».

В 20-е годы Институт выполнял исследования по заказу производителей, связанные с анализом цен, поведения потребителей, сбыта и производства. В то время, в основном, использовались качественные методы и вторичный анализ. Однако уже в начале 30-х годов Институт столкнулся с необходимостью проведения массовых опросов населения для проведения исследований рынка, сбыта и потребления.

Для этого в 1934 году совместно с представителями крупной немецкой индустрии В.Версхофен создает Ассоциацию ГфК - общество по изучению потребителя. Этот год является датой рождения компании ГфК, которая сегодня является одним из мировых лидеров маркетинговых исследований.

Первым шагом ГфК было создание сети корреспондентов по всей Германии, которые были аналогией наших современных интервьюеров. С помощью этой сети в стране стали проводиться массовые репрезентативные опросы потребителей.

Уже в те годы проводились такие не потерявшие и сегодня актуальность исследования, как оценка логотипов, средств по уходу за телом и другие.

В списке исследований ГфК того времени такие как:

- потребитель и марки текстильных изделий
- отношение торговли к маркам текстильных изделий
- потребление мыла и средств ухода за телом
- наручные и настенные часы
- структура потребления напитков

И многие другие, которые проводятся и сегодня.

Однако институционализация и развитие прикладных исследований потребления были прерваны Второй Мировой Войной. Возрождение и бурное развитие маркетинговых исследований началось в конце 1940-х годов.

Действительный расцвет практических исследований потребительского поведения пришелся на послевоенные годы. Формирование рынка маркетинговых исследований началось уже в конце 40-х годов. Прежде всего, это было связано с экономическими изменениями. Мощная военная индустрия в результате конверсии перешла на выпуск потребительских товаров. Индустрия маркетинговых исследований в США во время войны не прекращала своего существования, а наоборот, развивалась. Оккупационные власти США и Великобритании принесли в Европу практику проведения опросов населения. Институты Гэллапа и А.Нильсена начали работать в Европе. В 1947 году возобновила свою работу ГфК.

На рубеже 40-50-х годов в Европе уже активно проводились исследования рекламы, потребления товаров повседневного спроса, покупательской способности. Например, ГфК в 1953 году запустила исследование структуры основных потребностей населения, которое продолжалось до 1962 года, а также в 1955 году карту покупательской способности населения, которая производится по настоящее время. Компания ГфК создала первую в Европе панель домашних хозяйств в 1954, которая работает по настоящее время. В 80-е годы была создана телевизионная панель, которая по сегодняшний день измеряет телеаудиторию в Германии.

Сегодня ГфК один из мировых лидеров в области маркетинговых исследований, работающий более чем в 100 странах мира. В России компания ГфК Русь, являющаяся дочерним предприятием ГфК Австрии, работает, как уже говорилось, с 1991 года.

Очень интересно, и история, и современность. Прежде всего, как надо понимать «дочернее предприятие»? Что они вам, что вы им?

Дочернее предприятие означает, что ГфК-Австрия является 100% учредителем или собственником ГфК-Руси. (В свою очередь ГфК Нюрнберг является 100% собственником ГфК-Австрия). Собственник инвестирует в первоначальный капитал, определяет стратегию развития предприятия, назначает директора, и, конечно, помогает в развитии. Мы, в свою очередь, оплачиваем эту помощь, выплачиваем дивиденды в конце года, если, конечно, они есть, и действуем в русле общей стратегии, оставаясь при этом свободными в тактике.

Я несколько лет занимался изучением истории исследований рынка, в частности — рекламы в США. Известно, что первые американские психологи обучались в Германии. Так, Уолтер Скотт, один из создателей индустриальной психологии и психологии рекламы в 1900 году получил степень доктора по психологии в Университете Лейпцига. Но американцы раньше немцев приступили к изучению рынка на базе тестов и опросов. Чем бы ты мог объяснить это?

Относительно развития маркетинговых исследований у меня есть несколько принципиальных соображений: во-первых, я считаю появление маркетинговых исследований выдающимся примером взаимодействия практики и науки. Потребности в маркетинговых данных возникли у бизнеса и торговли для пра-

вильной организации производства и сбыта товара. В свою очередь социология дала теоретические, методологические и методические основы для решения этих задач. Второй основой, на которой стоят маркетинговые исследования, является конкуренция. Не случайно в Советские время маркетинговые исследования были никому не нужными.

В этой связи к твоему вопросу о первенстве американцев в области исследований рынка. Потребности в маркетинговой информации там были артикулированы раньше, в связи с более быстрым развитием промышленности в конце 19 века. Теоретические основы они могли позаимствовать и в Европе. Кроме того, американский рынок был изначально более конкурентным. Первый автомобиль придуман в Европе, но именно в Америке было налажено его производство. Дальше развитию рыночных исследований способствовала эмиграция выдающихся ученых из Европы, например П.Лазерсфельда. Американцы до сих пор считают, что они лидеры в области исследований рынка. Это и так, и не так. Американцы по-прежнему быстрее внедряют технологии, которые могли возникнуть в других местах.

До конца 90-х годов ГфК не присутствовал в США, когда мы начали создавать и приобретать там предприятия, американцы смотрели на нас сверху вниз. Сейчас мы уже занимаем достаточно большую долю рынка в США.

Я в полной мере согласен с тобой, конечно, сам рынок — его масштабы, формы, вариативность и т.д. — многое определил в особенностях развития маркетинговых исследований в США. Но я бы добавил и еще один принципиальный момент, американцы всегда были более свободными, чем европейцы, в частности — немцы. В США государство было (и есть) много слабее, чем в Европе, никогда не было сословий, патернализма... все люди решали сами... как ты думаешь, мое дополнение оправданно?

Конечно, я согласен, тем более что свобода способствует более быстрому развитию производительных сил и конкуренции.

Итак, ГфК-Русь — на пороге своего 25-летия. Что тебе удалось сделать? Какова численность организации, есть ли в России филиалы, или региональные центры? Каковы основные направления исследований? Каким методам сбора информации вы отдаете предпочтение?

Действительно, в этом году исполнилось 23 года с момента создания ГфК-Руси. Думаю, что за это время удалось сделать немало, хотя бы потому, что компания в 1991 году состояла из трех человек, а сейчас нас – 380.

Но, хочу начать немножко с истории. Когда в феврале 1991 года мы приняли решение о создании ГфК в России перед нами встал вопрос, как назвать компанию. Обычно, локальные компании ГфК назывались по стране пребывания, например, GfK Polonia, GfK Hungary. По этой логике мы должны были назвать компанию ГфК СССР, но, что-то нас от этого сдерживало. Назвать ГфК Россия вроде бы тоже было нельзя, поскольку России как самостоятельного государства тогда не существовало. Мы нашли выход и назвали компанию ГфК Москва. Тем более что первые исследования планировали проводить именно в столице. Название ГфК Русь мы дали в 1993 году, когда начали проводить Всероссийские исследования.

Я всегда говорю, что начал проводить исследования рынка, когда рынка, собственно, еще и не было. Первым моим проектом было кабинетное исследование по заказу Sony Германия по рынку видеоманитофонов в Москве. Заказчик, по-моему, так мне и не поверил, что в десятиmillionном городе был только один магазин «Электроника» на Ленинском Проспекте, где продавались видеоманитофоны.

Другим курьезным случаем было исследование «Орбит» без сахара. Ты помнишь, что в 1991 году был страшный дефицит сахара, как впрочем, и всего другого тоже, и мои респонденты были весьма удивлены, что серьезные западные фирмы тоже предлагают нам продукт, лишенный сахара. Из той же серии было исследование по заказу одной уважаемой фармацевтической фирмы по поводу гиперхолестеринемии. В основном, все вопросы анкеты сводились к тому, не слишком ли «жирно» вы едите?

Но, постепенно все стало вставать на свои места. Первыми исследованиями, которые заказывали западные компании, были Usage&Attitude Studies. Понятно, что первой информацией, которая требовалась на новых рынках, была информация о привычках потребления, знаниях продукта и отношения к нему.

Если говорить о методах, то первыми из них были репрезентативные количественные исследования, Desk research и фокус группы. Не знаю почему, но, в Советские времена мы практически не использовали фокус группы. Я помню только, что Владимир Александрович Ядов, когда приехал в Москву, много внимания уделял так называемым «гибким» методам исследований, которые включали и качественные. С приходом в Россию маркетинговых исследований качественные исследования получили бурное развитие. Я хорошо помню, как в 1992 году я проводил свои первые фокус группы на табачном рынке. Со своей материнской компании ГфК Австрия я привез пять видео кассет с записанными фокус группами и тщательно их изучил. После проведения первой группы мой заказчик, представитель большой табачной компании, сел со мной и сказал: «В целом, Александр, хорошо, но надо бы учесть следующие моменты....» и полтора часа проводил со мной полноценный тренинг. Таким образом, мы во многом учились во время работы.

Следующим важным шагом было создание торговой панели электробытовых товаров в 1995 году. Помощь в этом мне оказывала ГфК Великобритания. В создании торговой панели было два самых трудных момента: первый, это собрать данные о структуре торговли (в данном случае: электробытовыми товарами); вторая трудность состояла в рекрутировании магазинов, которые давали бы данные о своих продажах. Мы начали с Москвы и Петербурга, разделили города на квадраты и провели полный цензус электробытовых магазинов. Сложнее было с рекрутированием. По большей части этот бизнес находился в «серой зоне» и мало кто был готов давать данные о своих продажах. Тем не менее, через полгода у нас было 60 магазинов в Москве и 40 в Санкт-Петербурге, с чего и началась торговая панель электробытовых товаров, которая насчитывает сейчас 33000 магазинов, включая всех лидеров: «Эльдорадо», «М-Видео», «Медиа-Маркт» и т.д.

В 1996 году мы начали создавать панель домашних хозяйств, используя дневники, в которые домохозяйки записывали все свои покупки товаров повседневного спроса. Эта панель тоже начиналась с 700 домохозяйств в Москве

и 300 в Санкт-Петербурге. Сегодня она состоит из 10000 домашних хозяйств, включая сельские регионы и вместо дневников, домохозяйки используют сканеры, автоматически снимая информацию со штрих-кодов, которая передается в центр.

В конце 90-х годов закончилась эпоха простых Usage&Attitudes Studies. Потребности клиентов становились все более рафинированными. Внутри маркетинговых исследований стали выделяться отдельные направления и инструменты. Например, ценовые исследования, исследования бренда и коммуникаций, исследования удовлетворенности и лояльности, трекинги рекламы и некоторые другие. Все большее развитие получали брендовые методы исследований крупных исследовательских компаний. Мы, например, принесли на рынок такие инструменты, как GfK Target Positioning (позиционирование продукта), GfK Navigator (сегментация рынка), GfK ATS (трекинг рекламы), GfK Price Challenger (ценовые исследования). Сегодня эти методы продолжают свое развитие и совершенствуются.

В начале 2000-х годов на новой основе возродились телефонные опросы. Крупные компании, включая и нашу, создали свои CATI студии. Сейчас CATI опросы по количеству интервью уже значительно опережают Face-to-Face, правда, их со своей стороны подпирают онлайн исследования. Сейчас, например, ГфК-Русь имеет стотысячную панель онлайн респондентов, которые подтвердили свою готовность участвовать в онлайн опросах.

В начале 2000-х годов началось распределение маркетинговых исследований по отдельным индустриям: автомобильной, продовольственной, телекоммуникационной, финансовой, фармацевтической и других. В каждой индустрии исследования имеют свои особенности. Например, в Health Care, в основном, надо работать не с конечными потребителями, а с врачами.

Сегодня рынок маркетинговых исследований переживает революционные изменения, связанные с цифровыми технологиями и так называемыми «большими данными». По этому поводу у меня есть недавнее выступление, которое я прилагаю, а ты решишь, как с ним поступить.

Безусловно, рассказанное тобою – крайне интересно и как характеристика сегодняшнего дня маркетинговых и прикладных социологических исследований в России, и как информация будущих историков этих научных направлений. Спасибо за присланный доклад, я все прочел внимательно, и некоторые вопросы по нему хотел бы тебе задать.

Ты представил этот доклад на III Съезде региональных исследовательских компаний, состоявшемся в Москве 24-26 апреля этого года. Ты не мог бы мне сказать, что это за форум, кто в нем участвовал, в принципе, какие вопросы вы обсуждали?

Этот Съезд организовывается региональными российскими компаниями, инициатором является компания «Делфи» из Омска. Проведение этих съездов поддерживает региональная организация «Группа 7/89» и мы – московские компании. На Съезде обсуждаются вопросы взаимодействия московских и региональных компаний, развитие и проблемы региональных компаний, а также

новые тенденции маркетинговых исследований и исследований общественного мнения. Кроме теоретической части это — площадка для прямого общения московских и региональных компаний.

Прежде всего, какие ведущие тенденции в маркетинговых исследованиях ты бы выделил?

Главная современная тенденция маркетинговых исследований это интернетизация и дигитализация, т.е. появление и активное использование Интернета и различных электронных технологий в сборе и анализе данных различной природы. С этой тенденцией связано появление так называемых больших данных (big data). Большие данные - это огромные массивы, которые накапливаются маркетинговыми агентствами, например, в ходе панельных исследований, а также массивы данных о потребителе, которыми располагает интернет-, мобильные и другие цифровые провайдеры. На повестке дня — как организовать работу с этими большими данными для получения информации о потребителе и его поведении. Поэтому растет спрос на специалистов, владеющих цифровыми технологиями, кроме того, потоки, реки информации требуют новых подходов к их обработке и анализу. С одной стороны, необходим синтез, интеграция и объединение разрозненных данных, т.н. “data fusion”. С другой стороны, большой интерес вызывают данные из одного источника, т.н. “single source”, когда мы получаем разные потоки информации от одного респондента. Меняются и требования клиентов, с одной стороны, им необходимы все большие объемы информации, с другой — симплификации, т.е. более простые и наглядные формы ее представления.

Что еще можно сказать о новых запросах клиентов?

Требования клиентов ужесточаются. Они хотят больше, быстрее и за меньшие деньги. Прежде всего, клиенты хотят видеть в агентстве партнера по бизнесу, консультанта, а не просто поставщика данных. В этой связи современные market research институты развивают т. н. “fact based consulting”, т. е., в определенной степени вступают на поле бизнес-консультантов. Для этого нужно лучше знать индустрию и рынок клиента. В этом смысле роль маркетинговых исследований для клиентов растет. Кроме того, клиенты хотят получать от нас не просто результаты отдельных методов исследований, а комплексное решение их задач. Но и это не все, клиенты все больше запрашивают наши прогнозы: как будут изменяться продажи? будет ли запуск нового продукта успешным? И что еще интересно, - все более стремятся к непосредственному общению с респондентами.

Отсюда — и переда нами новые задачи быть ближе к потребителю и лучше его слышать. Мы все больше переходим от изучения мнений потребителя к исследованию его опыта. Все новое — хорошо забытое старое. Еще в начале 50-х годов прошлого века известный германский исследователь Элизабет Ноэль-Нойманн говорила, для того, чтобы понять поведение потребителей, надо опрашивать не тех, кто собирается купить, а тех, кто уже совершил покупку.

Клиенты сегодня меньше внимания обращают на репрезентативность опросов, в то же время все более затрудняется достижение целевых групп. Респонденты становятся все более мобильными и ценят свое время; увеличение продолжительности и сложности интервью приводит к усталости респондентов.

Эта проблема также решается с помощью развития цифровых технологий. Кроме того, опросы все чаще проводятся в местах совершения конкретных действий, торговых точках, кафе, автостоянках.

Эти тенденции ты обозначил. Что еще ты считаешь нужным отметить?

Еще одна тенденция развития маркетинговых исследований — это глокализация и развитие новых рынков. Эта тенденция противоречива. С одной стороны, все больше решений по поводу проведения маркетинговых исследований принимается глобально в штаб-квартирах наших клиентов. Дигитализация маркетинговых исследований усиливает эту тенденцию. On-line опросы, например, проводятся, минуя локальную исследовательскую компанию. Но, с другой стороны, консалтинг, о чем мы говорили, не может не проводиться на локальном уровне, а скорее, может проводиться только на локальном уровне. Таким образом, несмотря на глобальное развитие цифровых технологий, всегда будут существовать ниши для традиционных методов исследований, таких как face-to-face, телефонные опросы, глубинные интервью и фокус-группы.

Последняя тенденция, о которую я назову, это «гипертрофированная» забота о сохранении персональных данных. Сегодня мы уже не начинаем ни одного крупного проекта без детальной проработки вопроса о сохранении персональных данных. Эта тенденция также вызвана дигитализацией нашей жизни и будет сильно влиять на наш рынок.

Ясное дело, все эти тенденции в маркетинговых исследованиях требуют новых технологий. Что ты скажешь по этому поводу?

Действительно, в соответствии с главной тенденцией основные методы маркетинговых исследований сейчас развиваются в области цифровых технологий. Прежде всего, это on-line опросы, которые, правда, уже превратились из инновационных в повседневные. Сегодня доля on-line опросов в мире, по данным ЭСОМАР, более чем в два раза превышает долю личных интервью. В России пока личных интервью больше, но тенденция та же. Так или иначе, наступает конец большой эпохи личных интервью.

Теперь каждая большая компания имеет свою on-line панель, состоящую из респондентов, давших согласие на участие в on-line опросах. В ГфК эта панель насчитывает 100 тысяч респондентов, но это далеко не предел. Специализированные компании, оперирующие on-line панелями, как, например, OMI, имеют, насколько мне известно, панели объемом в 600 тысяч респондентов. И мы обращаемся к ним, когда нам надо опросить сложные, редкие целевые группы. Вообще, on-line исследования идеально подходят для опросов целевых групп при тестах рекламы, рекламных трекингов, продукт тестов, исследованиях лояльности и ценовых исследований.

Известно, что главным недостатком on-line опросов, является недостаточная репрезентативность. Соответственно, актуализировался вопрос о создании репрезентативных on-line панелей с off-line рекрутом в соответствии со структурой населения. Если у попавшего в выборку нет компьютерного оборудования, оно ему ставится. Такие панели есть уже в США и Голландии. Мне кажется, для России это пока рано, поскольку у нас еще недостаточная распространенность интернета, и нет критической массы активных пользователей.

Говоря о цифровых технологиях, нельзя не сказать о таком методе сбора данных, как computer-assisted personal interviewing (CAPI). Сегодня для этого используются, в основном, планшеты. Они не только позволяют проводить опросы, которые невозможно провести без компьютера, но и дают возможность собирать данные в момент совершения респондентом определённых действий, важных для исследования, например, в момент покупки, общения с персоналом, выбора продукта и т.д.

Относительно новым направлением в области цифровых технологий являются качественные on-line исследования в блогах и форумах. Наша платформа для качественных исследований называется просто “Sociolog.” Она позволяет нам находить более глубокие инсайты по сравнению с традиционными формами организации качественных исследований, поскольку общение с респондентами в рамках платформы более продолжительное и интерактивное.

Ряд новых методов исследований связан с изучением поведения потребителей в интернете, как на стационарных, так и мобильных устройствах. Уже довольно долгое время компьютеры респондентов оборудуются специальными программами, т.н. кукисами, которые позволяют отслеживать все контакты с рекламой.

Есть в ГфК и более сложные программы, например, “Leo trace”; она позволяет отслеживать все поведение респондента в интернете. Одним из примеров может служить наше исследование “Purchases Journey”, т.е. путешествие за покупкой, когда мы отслеживаем весь путь поиска информации по покупке в интернете, а потом в off-line опросом фиксируем момент совершения покупки. Клиент получает полную картину, как возникло и созрело решение о покупке его бренда.

Выше ты упомянул два подхода: “data fusion”, или объединение разрозненных данных, и “single source” - данные из одного источника. Нельзя ли чуть подробнее?

Приведу пример “data fusion” из практики нашей компании. Клиент поставил задачу, связанную с прогнозированием объема продаж в связи с изменением формы продукта. Метод на наше усмотрение. Мы использовали данные трех панелей: панели врачей, потребительской панели и торговой панели. Это исследование — пример “data fusion” и “fact based consulting”.

Теперь о “single source”. К примеру, данные о теле-рекламо просмотрении, поведении в интернете и покупках одного и того же респондента. Single source — это огромный шаг вперед, который существенно увеличивает аналитические возможности. В этом году мы начинаем проект GXL на базе потребительской панели ГфК. Кстати, наши респонденты работают на цифровых технологиях, регистрируют свои покупки с помощью электронных сканеров. Теперь нашим панелистам будут установлены программы для мониторинга их поведения в интернете, а затем и «пиппметры» для регистрации телесмотрения. Это будет классическим способом получения данных из одного источника.

Вот мы подошли и к теме «больших данных», она даже для США — новая. Я тебе отправил мой текст о том, как с учетом этой концепции и технологии была достигнута победа Барака Обамы на президентских выборах 2012 года. Итак...?

Big data, или большие данные. Прежде всего, это объединение данных панелей. Во-вторых, это анализ социальных медиа, в которых сосредоточено огромное количество интересной маркетинговой информации. Такой анализ дополняет, углубляет традиционные исследования бренда. В-третьих, это огромные возможности, которые мог бы дать анализ массива данных мобильных операторов. Наконец, это анализ так называемых “return path data”, или возвратных данных кабельных операторов, содержащие гигантские массивы данных о телесмотрении.

Еще одним новым направлением в области цифровых технологий является исследование опыта пользователя, т.н. “User Experience”. Сегодня потребитель сталкивается с многочисленными гаджетами, начиная от компьютера и мобильного телефона и заканчивая стиральной машиной. Главным требованием потребителя становится функциональность и удобство пользования прибором. Это надо изучать. User Experience — это качественное исследование, в ходе которого респондент пользуется тем или иным гаджетом, а мы технически фиксируем его поведение, наблюдаем за его действиями и опрашиваем его.

Как я уже говорил, сегодня во главу угла исследований ставится опыт потребителя. Если раньше в фокусе исследования был продукт, то теперь — потребитель.

В брендовых исследованиях все больше внимания уделяется выявлению своего бренда респондента, т.н. me brand. Для этого, например, используются ассоциативные методы изучения отношений потребителя с брендом, так называемая метафора отношения с брендом.

Изменяются и исследования коммуникаций с потребителем. Появилось, например, пассивное измерение просмотра, когда данные наших измерений накладываются на медиа-план клиента. В результате мы получаем вероятность просмотра рекламы или opportunity to see.

Кроме традиционных исследований средств коммуникаций и их воздействия, мы все активнее изучаем т.н. “touch points” — точки взаимодействия потребителя с продуктом и их характеристики. Взаимодействие с маркой всегда является комплексным и многомерным. Это не только промоакции и реклама, но, например, очереди, музыка, освещение, чистота и т.д. В каждом исследовании свой набор точек взаимодействия с продуктом или услугой.

К числу новых технологий наряду с изучением опыта потребителя относятся и т.н. сотворчество с ним. Исследователи не только получают информацию от респондентов, но и привлекают их к созданию новых концепций. Мы делаем это на фокус-группах с использованием собственной методики “Smart Creative”.

Еще одно ключевое слово сегодняшнего дня — инновации. Я уже говорил, что у наших клиентов появляется новая позиция — менеджер по инновациям. Инновациями надо управлять, а для этого необходима информация. Потому инновации становятся самостоятельным объектом наших исследований с комплексным применением различных методов, которые частично названы выше. Примером могут служить исследования развития нового продукта. Когда наряду с изучением потребительских установок мы исследуем массу внешних факторов: динамику продуктовой категории, коммуникации, экономические факторы. Сам продукт может понравиться потребителю. Но он вряд ли будет иметь успех, если категория падает, например, маргарин, а для разработки нового

крема для кожи может понадобиться изучение нанесения лака на предметы мебели. В нашей компании такой подход применяется в рамках инструмента “GfK Innovation Roadmap”.

Достаточно активно сегодня применяются и методы исследования непосредственной реакции респондента на те или иные события, в том числе и на так называемые «ответы тела». С помощью «айтрекеров» отслеживается зрительная реакция респондента на продукт или его расположение в магазине. В рекламных исследованиях отслеживается кожно-гальваническая реакция. Все больше на практике применяются исследования эмоций. В ГфК этот метод называется Emoscan.

Последнее, о чем я хотел бы сказать — это вопрос представления данных клиенту. Сегодня все мы в большинстве случаев передаём клиенту результаты исследований в электронном виде. Но электронное представление данных — это не только отправка отчета клиенту по электронной почте. Клиенты требуют автоматизированной отчетности с постоянным доступом к ней через интернет порталы. В нашей компании существуют различные формы порталов, которые постоянно совершенствуются. Доступ к ним должен быть 24 часа 7 дней в неделю.

Большое значение клиенты придают визуализации данных. Это и дизайн презентации, и инфографика, и рисунки, и видео. Как и все потребители, наши клиенты хотят иметь “user friendly” продукт.

Какие выводы можно сделать на основе современных тенденций технологий маркетинговых исследований?

Многие аналитики считают, что сегодня происходит не эволюция, а революция в маркетинговых исследованиях. Прежде всего, она связана с бурным развитием цифровых технологий, но не только. Изменяется отношение к пониманию потребителей. От отдельных исследований мы все больше переходим к комплексному решению задач. Маркетинговый исследователь становится для клиента не просто поставщиком информации, но партнёром - консультантом. Революционно меняются методы сбора и анализа данных. Изменяются взаимодействия с респондентами. Из просто респондентов они все больше становятся участниками исследования.

Александр, мне почти все это известно, поскольку уже более десяти лет я слежу за развитием новых технологий в изучении общественного мнения в США. Конечно, изменения — революционные. Так, руководитель избирательных кампаний Обамы в 2008 и 2012 годах, сравнивая их информационно-технологическое обеспечение, назвал кампанию 2008 года «доисторической». А ведь всего прошло четыре года.

Но скажи мне, в какой мере описанные тобою методы и приемы ГфК, распространены в других российских фирмах по изучению рынка?

Сегодня в России работают все мировые лидеры маркетинговых исследований: AC Nielsen, Kantar под брендами TNS and Millward Brown, Ipsos (включая Synovate) и ГфК. Конечно, все эти компании в России располагают большим потенциалом и в той или иной степени внедряют аналогичные методы и технологии, о которых мы говорили. Понятно, что только крупные компании

в состоянии поддерживать Всероссийские торговые, потребительские, онлайн и другие панели. Наверное, каждая из этих четырех компаний в России считает себя лидером внедрения новых технологий.

Что касается российских компаний, то, конечно, технологических возможностей у них меньше. Даже такие относительно крупные, как ВЦИОМ, ФОМ и Левада-Центр больше работают, используя традиционные методы личных интервью. Возможно, это также связано со спецификой тематики. В то же время российские компании все больше специализируются на отдельных видах исследований, таких как коммуникационные исследования, ценовые исследования, развитие нового продукта (NPD), продукт-тесты и т.п. Достаточно активно развиваются, например, такие направления, как Mystery Shopping, две-три компании специализируются на User Experience, о чем мы говорили.

Вот такова, на мой взгляд, общая картина рынка с этой точки зрения.

В целом, какова методология Ваших крупных проектов: Вы ограничиваетесь изучением собственно установок потенциальных потребителей на те или иные продукты или услуги или изучаете отношение людей к экономике, политике, пытаетесь замерить качество жизни?

Главным образом мы занимаемся изучением потребления конкретных товаров и услуг для производителей и торговли. В основном этим мы зарабатываем деньги. В то же время мы исходим из того, что нельзя правильно понять отношение потребителей к конкретным товарам без общего понимания тенденций потребления, изучения качества жизни и отношение людей к экономике. В этой связи мы ведем собственные проекты по социальным и экономическим вопросам. Например, это проект «Портрет потребителя», который мы ведем с 2001 года, включающий в себя доходы, расходы, социальные и потребительские настроения, потребительские привычки и т.д. Другой собственный проект — это «Социо-стили», в нем мы изучаем социо-ментальные характеристики россиян. Этот проект мы ведем с 1996 года. Еще один пример — многолетний проект исследования экономических настроений и перспектив развития иностранного бизнеса в России, который мы делаем совместно с «Ассоциацией Европейского Бизнеса».

Какие рыночные ниши сейчас представляются наиболее интересными для исследований?

С точки зрения методов, это все что связано с цифровыми исследованиями, о чем мы говорили выше. С точки зрения индустрий — это опять же исследования цифровых бизнес технологий. С точки зрения целевых групп — это исследования покупателей, так называемые Shopper Insight. Перспективной нишей являются этнографические исследования, клиент хочет быть ближе к потребителям. Весьма перспективными, на мой взгляд, являются также нейро-исследовательские методы, особенно исследования эмоций.

Как, на твой взгляд, отразятся санкции на продукты и товары, поставляемые в Россию рядом европейских стран и США, если эти санкции продержатся достаточно долго?

Санкции — это плохо. Они идут в разрез с мировыми экономическими тенденциями, препятствуют мировому разделению труда, и в итоге — снижают экономическое развитие в соответствующих странах. Представители западного и российского бизнеса, с которыми я общаюсь, сейчас в замешательстве — никто не может планировать свою инвестиционную деятельность. У меня в этом смысле тоже проблема с бюджетом будущего года. Стратегическое развитие компании предполагает инвестиции в новые технологии в будущем году. Но уверенности в завтрашнем дне нет.

Второй момент, о котором мне говорят западные предприниматели — это изменение их личных отношений с российскими партнерами. Раньше эти отношения были открытыми, доверительными, а теперь стали более сдержанными.

Если говорить о продуктах и товарах в России — то санкции, безусловно, ухудшат положение потребителей, потому что, в любом случае, невозможно быстро изменить структуру экономических связей или организовать собственное производство. Конечно, со временем, это может дать импульс развитию отечественной продукции.

По-моему, ты — профессор базовой кафедры исследования рынка в одном из московских университетов? Если это так (или просто где-либо преподаешь), какие курсы ты ведешь? Что в целом ты можешь сказать о подготовке исследователей рынка в России?

Действительно, я — заведующий базовой кафедрой ГфК на социологическом факультете НИУ-ВШЭ, профессор. Кафедра была создана в 2005 году по нашей инициативе с Сашей Крыштановским, который был тогда первым деканом социологического факультета ВШЭ.

На кафедре я и мои коллеги из ГфК преподаем полный курс маркетинговых исследований для студентов социологического факультета. У меня, в частности, два курса — обзорный и исследования поведения потребителей. Мы также достаточно активно участвуем в делах факультета, я член Ученого Совета, каждый год отправляем четырех студентов на практику в компании ГфК Германии и Австрии.

В целом систематического образования исследователей рынка в России нет. Что-то преподают на факультетах маркетинга, что-то на факультетах социологии. Чаще всего мы берем на работу выпускников НИУ-ВШЭ, РГГУ, ГУУ, Академии имени Плеханова. В этой связи мы и наши коллеги проводим много тренингов для молодых сотрудников.

Я все более серьезно задумываюсь о том, чтобы на базе проводимых мною интервью сделать учебное пособие для студентов социологических факультетов об истории становления и развития исследований общественного мнения и рынка в СССР/России. Уже сейчас сделано немало количество интервью с представителями этого направления (или этих направлений), и все — люди известные в нашем цехе: Е. Башкирова, М. Горшков, Т. Заславская, Л. Кесельман, Р. Могилевский, А. Ослон, Л. Паутова, Е. Петренко, Т. Протасенко, М. Тарусин, Ж. Тощенко, В. Федоров, Б. Фирсов, Ф. Шереги, В. Шляпентох, Н. Ядов. Теперь в моей копилке есть наше интервью, веду еще несколько бесед с нашими коллегами. Если иметь в виду, что в этом году вышла моя небольшая книга о Б. Грушине, что писал о Я. Капелюше, Ю. Левинском — может сложиться нечто интересное и представительное. Спасибо тебе за о своей жизни и работе. Успехов.

Интервью с Александром Владимировичем ДУКОЙ

«У МЕНЯ БЫЛО НАСТОЯЩЕЕ “КОММУНИСТИЧЕСКО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ” ВОСПРИЯТИЕ МИРА»

Дука А. В. — окончил философский факультет Ленинградского государственного университета (1981 г.); кандидат политических наук (1995 г.); Социологический институт РАН (2001 г.), заведующий сектором социологии власти и гражданского общества (2004 г.), доцент кафедры теории и философии политики, СПб Университет. Основные области научного интереса: властные элиты, политическая культура, политический дискурс, гражданское общество.
Интервью состоялось: октябрь 2014-февраль 2015 г.

Последняя треть марта 2015, прошло полтора месяца после того, как на сайте проекта было размещено сотое интервью. Беседы на закончились, но все равно у меня есть ощущение конечности этого процесса и все чаще и концентрированнее приходится размышлять о будущем, когда я постепенно буду входить в анализ собранной информации. Сейчас — переходный период, я осознал его начало в конце января этого года, но сложно сказать, когда он завершится. Скорее всего, можно лишь говорить о признаках окончания этого этапа: полностью прекратятся интервью, в общих чертах сложится концепция исследования истории российской / советской социологии на базе воспоминаний ее создателей, будет опубликована серия статей (блогов) и станет возможным написание книги.

Вводки в интервью, которыми они сопровождаются при публикации, это — традиция, возникшая при публикации самого первого интервью с Б. М. Фирсовым, которое было проведено в 2004 году и опубликовано в начале 2005 года:

С одной стороны, беседа с Борисом Максимовичем Фирсовым — это фрагмент нашего многолетнего разговора обо всем, с другой, — начало всей серии интервью по электронной почте с российскими социологами.

Почти двадцать лет мы работали вместе, и мне всегда это было интересно. Мы встречались утром, зная, что предстоит сделать в течение дня, нередко работали вместе много часов, надолго задерживались на работе, продолжали наши дискуссии по дороге на метро и уже из дома обменивались телефонными звонками, чтобы уточнить детали грядущего дня. Фирсов всегда был моим руководителем. Когда мы познакомились, мне было немногим более тридцати лет, и по опыту жизни я во всем ему уступал. Но никогда он не давал мне повода, даже легкого намека воспринимать себя как подчиненного, а его — как начальника. Мой отъезд в Америку в 1994 году лишь увеличил физическое расстояние между нами и сделал еще более приятными и памятными каждую из наших встреч. Их было уже несколько в России и пока одна — в Америке [1].

Но в начале текущего года произошло новое понимание-назначение этих служебных текстов, они стали восприниматься мною как «зона свободы». Они увеличились в объеме, и возникло желание рассматривать в них темы, во-первых, соотносимые с биографией и творчеством моих коллег, и, во-вторых, вытекающие из моего видения возможных направлений будущего анализа собранной информации.

Первая тема прорабатывается давно, более того, она и породила данное историко-социологическое исследование. Я уже писал, что оно стало продолжением, развитием, перенесением на «российскую почву» опыта, приобретенного при изучении становления и развития американской технологии опросов общественного мнения и творчества первых полстеров и классиков американской рекламы. Кроме того, импульсом, запустившим изучение истории отечественной социологии, стала работа над биографией Б.А. Грушина, в которой соединялся мой интерес к советской социологии и к методологии (технологии) изучения общественного мнения [2].

Пока количество проведенных интервью было небольшим, невозможно было на их базе начинать историко-биографические исследования, к тому же обнаруживались явные сложности «портретирования» живых, продолжающих активно работать ученых. Вместе с тем было стремление не замыкаться на сборе интервью, чтобы лишь потом, когда-нибудь использовать эту информацию, но по-возможности скорее прорабатывать концепцию, технологию и стиль историко-биографического анализа. Так, в «Телескопе» №2 за 2005 год, в котором публиковалось второе проведенное интервью, моим собеседником был Я. И. Гилинский, был размещен и историко-социологический материал о Я. С. Капелюше (1937–1990), ближайшем сотруднике Грушина [3]. Здесь я опирался не только на собственные воспоминания, но просил написать о Капелюше Б. А. Грушина и профессоров Л. Н. Федотову и А. И. Пригожина.

Персонализированной была и первая собственно историко-социологическая публикация, в которой я обозначил мою исследовательскую установку как создание истории с «человеческим лицом». В ней суммировались некоторые итоги первых двух лет работы, когда уже было проведено несколько интервью, но героем статьи снова был не действующий социолог. В фокусе внимания были жизнь и ряд аспектов вхождения в социологию Г. В. Старовойтовой (1946–1998) [4]. Там же я нашел уместным кратко рассмотреть и биографию В. Б. Голофа

(1941–2004). Через год его жизнь и отдельные грани его профессиональной деятельности были обсуждены полнее в рамках той же концепции, что и биография Старовойтовой [5].

Постепенно сформировался мой взгляд на интервью, более широко — на работу с биографиями как на реальное или мысленное общение с моими героями; в конце 2007 года этот подход обсуждался в диалоге с В. А. Ядовым [6]. Прошло много лет, но я ни разу не рассматривал в своих публикациях факторы, обстоятельства, которые сближают меня с респондентом и делают наше общение не «механическим», а «человеческим».

Но одна, с первого взгляда кажущаяся незначительной деталь беседы с Александром Владимировичем Дукой подтолкнула меня к попытке анализа этой темы. Об этой «мелочи» — позже, а сейчас — о более общих обстоятельствах.

Прежде всего (2005–2006 гг.) мною были проведены и опубликованы интервью с ленинградскими социологами: А. Г. Здравомысловым, Я. И. Гилинским, Л. Е. Кесельманом, Р. С. Могилевским, Е. Э. Смирновой, Б. М. Фирсовым и В. А. Ядовым. Здесь бессмысленно говорить об отдельных факторах, определявших атмосферу, характер моего общения с ними. Для меня это была радость новой встречи с людьми, которых я знал десятилетиями до отъезда в Америку; задавая им вопросы и получая их ответы, я на какой-то миг возвращался даже не в Петербург, а в Ленинград. На момент интервью Здравомыслов и Ядов были москвичами, но, конечно, не для меня.

В 2006 году я робко вышел за пределы знакомого мне ленинградского сообщества. Моим первым не ленинградским собеседником был Д. Л. Константиновский, с которым ранее я виделся не более двух раз в Москве. Возможно, в то время я и не начал бы интервью с ним, но так сложилось.

4 июля 2001 года интервью с ним провел Геннадий Семенович Батыгин. В силу каких-то причин текст не был сразу опубликован в издававшемся им «Социологическом журнале», а в начале июня 2003 года Батыгина не стало. Журнал возглавил Константиновский, который по понятным причинам воздерживался от публикации своего интервью. В конце лета 2005 года мне стало известно о существовании беседы Батыгина и Константиновского, и я предложил Давиду Львовичу «нарастить» старый текст его ответами на мои вопросы. Но не только желание доделать и опубликовать интервью, начатое Батыгиным, побуждали меня к разговору с Константиновским. Во-первых, как и я, он пришел в социологию из математики; во-вторых, мне хотелось поговорить с ним о Владимире Николаевиче Шубкине. В то время он уже был тяжело болен, и у меня не было ни возможности, ни перспектив пообщаться с ним лично.

Вторым не ленинградцем стал Владимир Эммануилович Шляпентох. В преамбуле к интервью было сказано, что оно — далеко не случайно, что нас многое объединяло:

С Владимиром Шляпентохом я знаком очень давно, и нас связывает многое, что в жизни важно ему и мне. Мы оба работали в Институте социологических исследований АН СССР, только он — в Москве, а я — в ленинградском отделении. В те годы его и меня интересовали методические проблемы изучения общественного мнения. В 53 года он уехал из СССР в Америку; пусть в силу иных причин, но в том же возрасте в ту же страну уехал из России я. У нас много общих друзей-коллег, живу-

щих в России и продолжающих активную работу в различных областях социологии. Наши взгляды на развитие российской социологии, на исследование общественного мнения, на политические реалии страны, нередко различны, но нас объединяет интерес ко всему, что происходит в России. Потому и беседа наша, хотя носила биографический характер, охватила множество вопросов развития советской/российской социологии с начала ее возникновения и до сегодняшних дней...» [7].

Первым моим собеседником, которого в начале беседы я не знал лично, был Александр Бенцианович Гофман. Но уже к тому моменту меня с ним связывало многое. Еще в 1999 году я познакомился с Гофманом как автором небольшой, но емкой книги «Семь лекций по истории социологии». Я купил ее в Петербурге и не отрываясь прочел за время перелета в Сан-Франциско. В начале лета 2005 года В. А. Ядов познакомил меня заочно с Александром Гофманом, указав его среди наиболее успешно работающих «шестидесятилетних» социологов: «Он блестящий ученый, который сейчас несколько отошел от занятий историей социологии и тонко исследует особенности миросистемных, но прежде всего российских трансформаций под углом зрения социокультурных процессов. Его «Семь лекций» по истории теоретической социологии студенты считают наилучшим пособием». Лишь в конце того же года, будучи в Институте социологии, я попросил С.В. Чеснокова представить меня Гофману. Он воскликнул: «Как, ты не знаешь Сашу Гофмана?». Так состоялась наша личная встреча. В ходе интервью выяснилось, что мы почти ровесники, что его студенческие годы прошли в Ленинграде, что его наставником был И. С. Кон и открылось множество других обстоятельств, облегчавших наше общение.

Новые по своей природе сложности в организации общения появились в 2013–2014 гг., когда я начал интервью с представителями шестого и — особенно — седьмого поколений. Возраст младших — от 20 до 30 лет; т.е. между нами — значительное возрастное различие и, соответственно, мало историко-социальных событий, обычно связывающих людей одного или близких поколений. К тому же, представители седьмого поколения социализировались в годы, когда я уже жил в США, так что я недостаточно знаком с контекстом их жизни. Но и здесь находятся какие-то «зацепки». Приведу один пример.

В опоре на мнения специалистов и узнав из веб-сети, что Айгуль Мавлетова, социолог седьмого поколения, защитила кандидатскую диссертацию по онлайновым опросам, 7 января этого года я написал ей письмо. Сообщил, что давно интересуюсь развитием онлайн-опросных технологий и свыше десяти лет занимаюсь историей советской/российской социологии на базе глубинных интервью, проводимых по электронной почте. И закончил мое письмо словами: «Буду рад, если Вы согласитесь рассказать мне о себе и своей работе». На следующий день я получил ее ответ:

Уважаемый Борис Зусманович, Очень радостно и волнительно получить от Вас письмо! Спасибо! Да, конечно знаю Ваши работы. Вы мне даже книжку на Всероссийском социологическом конгрессе подарили (точнее я выпросила) «Реклама и опросы общественного мнения в США». По-моему, это был 2008 год. Я рассказала, что интересуюсь онлайн-опросами, попросила Вас подписать книгу, и Вы написали под своей фотографией «Айгуль,

онлайн-опрос — есть!». Так-то вот. Буду очень рада принять участие в проекте. Пожалуйста, напишите, что от меня необходимо. С уважением, Айгуль

Так что оказалось, что мы давно знакомы с Айгуль.

Можно и дальше рассказывать о факторах «смягчения» характера интервью, но я возвращаюсь к тому, что высветила, обнаружила беседа с Александром Дукой. В общем случае я пока назвал бы этот фактор «географическим», имея в виду пространство, в котором расположены те или иные фрагменты траектории жизни моих собеседников и моей собственной. Если выше, когда я говорил о «близости», то подразумевал — общесоциальную, поколенческую, профессиональную, то здесь — пространственную, или социально-экологическую.

Рассказывая историю своей семьи, Дука отметил: «... бабушка всю блокаду проработала в Ленинграде, жила на Тверской улице, рядом со Смольным». Эти его слова не оставили меня равнодушным. Вот мой следующий вопрос: «... Тверская, Кировская, та часть Суворовского — мой родной район. Я жил в большом доме по Мариинскому проезду (замечу, он так всегда назывался), который соединяет Кировскую, почти сходясь там с Таврической, и Кавалергардскую (раньше — ул. Красной конницы). Вы и в школу ходили в том же районе?...». Вскоре пришел ответ: «Калужский переулок, Мариинский проезд — места детских гуляний и игр с друзьями. Наряду с Таврическим и Смольным садами, окрестными дворами. Жили мы (мама, бабушка и я) в доме 23 по Тверской. В 1908 году в этом доме жил Петр Бернгардович Струве. Но об этом я узнал гораздо позже, позже того, как он стал одним из почитаемых мною авторов. Я ходил в 154-ю школу, что на углу Тверской и Красной конницы с 1 по 8 и 10 класс».

“Bingo!”, возглас американца, часто означающий, что все сходится, и я начинал учиться в этой школе. И это ничего не значит, что я на 14 лет старше и мы не могли встретиться в школе; здесь — безусловный примат пространства над временем. После этого «открытия» я беседовал с человеком, который приобрел в детстве, юности близкий к моему пространственно-экологический опыт. Я не говорю и даже не подразумеваю, что это опыт детерминировал близость траекторий нашего дальнейшего развития, но он нечто изменил во мне как в интервьюере, по-новому связал меня с моим собеседником.

Так получилось, что несколькими днями раньше или позже, чем я получил приведенную информацию от Дуки, начинало завязываться интервью со Светланой Владимировной Лурье, она сообщила мне: «... родилась я и жила первые пять лет в доме на углу Таврической и Тверской, в том самом доме, где башня Вячеслава Иванова. Правда, в другой парадной. А в той самой парадной с башней находился мой детский сад. Так что раннее детство мое прошло в Таврическом саду». Для не знающих город замечу, что это именно тот же небольшой уголок старого Петербурга (заметьте, там жили Струве и Вяч. Иванов), который назвал Дука.

Вот моя реакция на сообщение Светы: «Очень приятно здесь, за океаном, в крошечном калифорнийском городе, 30 000 человек, Foster City встретить не просто ленинградку, но буквально соседку, я жил в Мариинском проезде и ходил в магазин в «дом с Башней». И далее, обмен репликами:

Лурье: «Я хорошо помню этот магазин, помню и кондитерскую в соседнем доме».

Докторов: «...да, верно, булочная-кондитерская...».

Хотя мы со Светой давно друг друга знали, и я не предвидел сложностей в беседе с ней, этот короткий диалог, в моем понимании природы общения и, в частности, общения интервьюера с респондентом, сблизил нас. Пусть на «каплю», с моей точки зрения, наши отношения стали более доверительными.

Приведу и третий пример, он из интервью с Чеславом Эрастовичем Сымоновичем, которое состоялось весной-летом 2014 года. Мы с ним — ровесники (я на четыре года старше), ленинградцы, выпускники Ленинградского государственного университета и работаем в одной социологической нише — истории советских поколений, так что можно было ожидать, что наше общение будет достаточно доверительным, хотя лично мы не знакомы. Отвечая на один из первых вопросов интервью, он сообщил мне, что почти половину жизни прожил на ул. Марата д. 22/24 и ходил в школу на Разъезжей. Вообще говоря, каждый петербуржец / ленинградец знает этот район города. Прекрасно знал его и я, вот мой ответ: «Это старый петербургский район, в нем всегда была какая-то тайна; прекрасно знаю его, вторую половину 60-х — начало 70-х я жил рядом, за углом, на Поварском переулке, третий дом от Колокольной».

Потом, несколько ниже Чеслав пишет:

Особо для Вас, Борис, — о Поварском переулке. Недалеко от угла Колокольной жил Валера Чирков, и с ним связано то моё, что, повторяясь потом в жизни раз в несколько лет, сделало из меня «облако в штанах» вместо пацана, потом — настоящего мужчины. Собирались мы с ним дружить и шли из школы. Подходят его недруги и начинают приставать. Я почуял приближение драки и позорно бежал, оставив его. Потом стеснялся даже смотреть в его сторону, а он — воспринял моё предательство как само собой разумеющееся, чем в тот момент утешил, но на будущее — усугубил мою жизненную трусость, которую в доброй половине критических ситуаций я так до сих пор не преодолел.

Мне представляется, что эти примеры показывают, что мои интервью, замечу, не face-to-face, а проводимые по электронной почте, действительно можно трактовать как определенную форму доверительного общения. Это далеко не бихевиористский пинг-понг, «стимул-реакция».

Названные выше статьи о Голофасте и Старовойтовой содержат еще одну разновидность влияния социально-пространственных отношений на характер общения, но уже в мысленном диалоге. Статьи написаны через несколько лет после гибели Галины и смерти Валерия, и многое в их содержании, стиле обусловлено моим представлением о роли в культурной жизни Ленинграда одной из точек на карте города — кафе «Сайгон». Хотя мое пребывание в «Сайгоне» никак не было сопряжено с участием в поэтических или диссидентских образованиях, я регулярно бывал в нем, и воспоминания о этом, особая атмосфера кофе, мифологизировавшаяся со временем, присутствовала во мне, когда я вел мысленный диалог с Голофастом и Старовойтовой.

Тема «географии» как фактора, сокращающего расстояние между собеседниками, кажется мне заслуживающей внимания, и хотелось бы в будущем развернуть ее.

Сейчас — о другом аспекте интервью с Александром Дукой, о его движении в сторону изучения политики: генезис его интереса к этой тематике, когда и как она попала в поле его зрения и как интерес в ходе макро и микро обстоятельств определил направленность его профессиональной деятельности. Исследование маршрутов социологов разных поколений в социологию (политологию, изучение рынка, опросы общественного мнения) — стержневая тема данного проекта; они очень много говорят и о человеке, и о времени, в котором он живет, в котором складывается, образуется траектория его жизни. К настоящему времени накоплена значительная информация, показывающая, что знание этого маршрута — ключ к пониманию многих сторон творчества социолога.

Одно время у меня было представление о том, что анализ путей прихода в науку социологов первых четырех поколений — пусть с известными оговорками — дает картину вхождения в социологию и последующих поколений. Теперь, когда проведены интервью с более, чем сорока учеными из 5–7 когорт, я отчетливо вижу, что это не совсем так. Время, его социальное наполнение, и само состояние науки, скажем уровень ее институционализации, модифицируют траектории, известные из ранее проведенного анализа биографий социологов первых поколений и порождают появление качественно новых типов дорог в социологию и «пребывания» в ней.

Весьма условно всех социологов, с которыми мне удалось побеседовать, можно разделить на два больших кластера. К первому — относятся те, кто в детстве, юности, к моменту выбора профессии в силу стечения разных обстоятельств осознали в себе интерес к истории, философии, экономическим реалиям, международным отношениям. В одних случаях это было следствием влияния семьи, в других — школы, в третьих — различные спонтанные внешние сигналы. Соответственно, все они пришли в социологию из наук социального комплекса, а самые молодые — уже учились «на социолога». Ко второму кластеру принадлежат те ученые, кто на момент выбора профессии не видел себя обществоведом или — несмотря на ощущение интереса к этой «материи» — предпочел, вынужден был готовить себя к работе в иных нишах. Это: математика и физика, технические дисциплины, русский и иностранные языки, медицина и биология и т.д.

И первый, и второй кластер — неоднородны, каждый из них расщепляется на множество более однородных типов и подтипов. Но все же трансформацию представителей первого кластера в социологов можно считать «естественной», в том смысле, что при освоении ими социологии они имели возможность опереться на знания, приобретенные в институтах, университетах, или на опыт работы в близкой к социологии нише. Переход представителей второго класса в социологию, был стимулирован, спровоцирован неожиданными для человека обстоятельствами, и в этом плане «перемещение» в социологию носило случайный характер.

Но и здесь нет однозначности. Скажем, Г. И. Саганенко в бытность ее студентом математико-механического факультета ЛГУ нужен был приработок; она работала почтальоном, на хлебофабрике, потом случайно попала в первую в СССР социологическую лабораторию В. А. Ядова на кодировку результатов опроса для последующей компьютерной обработки. И «задержалась» там, со временем стала профессором социологии. Когда у меня после завершения аспирантуры математико-механического факультета ЛГУ были проблемы с трудоу-

стройством, я случайно, в коридоре факультета встретил Саганенко, сказал, что ищу работу, она дала мне телефон А. Г. Здравомыслова. Так я стал социологом, даже не зная, что это за наука. Другой путь у выпускницы мехмата Саратовского университета Е. Р. Ярской-Смирновой. Имея хорошее музыкальное образование, еще будучи студенткой-математиком, она увлеклась этномузыкологией, этнографией и фольклористикой. Публичная фольклористика настолько захватила ее, что к моменту окончания мехмата она уже точно знала, что математика — это не ее. Свое второе образование она получила в философской аспирантуре, и тема ее кандидатской диссертации была «Философский анализ народной культуры».

Путь в науку Дуки — явно, из первого кластера, причем, читая его рассказ, можно подумать, что некто запрограммировал этот путь, предусмотрев *hard end*, но одновременно расставив на нем барьеры, которые в принципе были преодолимы, но постоянно проверяли «путника» на силу его желания дойти до конца. Схематически траектория этого движения может быть описана следующим образом.

Ранее (пятый класс) увлечение историей, чтение художественной и серьезной научной (восьмой класс) литературы. Первые шаги в политической деятельности (девятый класс): активное участие в комсомоле и создание нелегальной организации. Попадание в поле зрения КГБ. Поступление на философский факультет ЛГУ, армия, создание организации «Союз военнослужащих» — фактический филиал питерской «партии» (1975—76 гг.). Рабочий, осознанное вступление в КПСС, понимал, что без этого он не сможет работать после завершения философского образования. Возвращение на философский факультет, обучение на кафедре исторического материализма. Завершение университета (1981 г.). Поиски работы, удача — ассистент кафедры философии и научного коммунизма в Горном институте. 1984—1987 гг. — дневная аспирантура на кафедре исторического материализма в ЛГУ, начало перестройки, которое сначала не осознавалось как нечто принципиально изменяющее жизнь. Возвращение в «Горный», работа на кафедре научного коммунизма. Начало 90-х, в стране выходят пособия по социологии и политологии. Включение в новые формы общественной, политической активности. Еще действовала подписка 1976 года о «неучастии», но было посещение первых митингов, различных форумов: июль 1989 г. — ездил в Таллин на съезд Социал-демократической конфедерации; январь 1990 г. — там же, учредительный съезд Социал-демократической ассоциации; май 1990 г., Москва, присутствовал на учредительном съезде СДПР. Сопредседатель Ленинградской Социал-демократической ассоциации. В 1990 участвовал в выборах в депутаты Съезда народных депутатов РСФСР, был выдвинут Горным институтом, проиграл выборы одному из сильнейших советских политиков того периода — Марине Евгеньевне Салье. На собрание представителей народных фронтов в Таллин в 1989 г. встретился с молодыми ленинградскими социологами Е. Здравомысловой, и В. Костюшевым, знакомство с В. Воронковым, А. Тёмкиной и другими, начал профессионально изучать общественные движения и осенью 1990 года пришел работать в Ленинградский филиал Института социологии. Вхождение в социологию состоялось...

В пути, пройденном Александром Дукой, много поколенческого, наблюдаемого и в биографиях представителей четвертой профессионально-возрастной когорты советских / российских социологов, но много и личностного, индивидуального.

Фирсов Б. М.: «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №1. С. 2–12 http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=200&id=39

Докторов Б. Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №4. С. 2–13.

Докторов Б. Рассказ о книге, которой нет. (Я.С. Капелюш «Общественное мнение о выборности на производстве») // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 15–19 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893665366675file.pdf

Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230371054493134file.pdf

Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 25–33 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530346289952file.pdf

Докторов Б. «Работа над биографиями – это общение с моими героями» (интервью В.А.Ядову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 40 – 50

В. Э. Шляпентох: «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 1– 13. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1211644804185600file.pdf

Дука А. В.: «У меня было настоящее “коммунистическо-социалистическое” восприятие мира»

Саша, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Не будем далеко ходить. Мои интервью с известными Вам нашими коллегами Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Еленой Эмильевной Смирновой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры... воспоминания о своих родительских семьях Андрея Николаевича Алексеева, Якова Ильича Гилянского — богатейший материал для истории нашего общества... что Вы знаете о своей фамилии — Дука и насколько Вы знакомы с прошлым Вашей родительской семьи?

Фамилия и семья — разные вещи. Фамилия известна во многих странах. Первоначально, скорее всего, встречается в Византии. Было несколько императоров с этой фамилией. Есть известные ученые (генуэзский ученый XV в., описавший падение Константинополя, президент Молдавской Академии наук и т.п.), святой, замученный турками 24 апреля 1564 г., воители, простые люди.

Что касается семьи, то здесь я больше осведомлен о материнской линии, поскольку мои родители развелись довольно рано, и своего отца по детским воспоминаниям не знаю. Лишь коротко увиделся с ним, когда мне было уже за 30. Но разговора не получилось. Знаю, что он из украинского села в Винницкой области, по специальности то ли геолог, то ли топограф или геодезист.

Моя мать была топографом, закончила Энергетический техникум. Ездила в экспедиции, но с 1967 г. устроилась на работу без разъездов. Последние годы работала инженером в тресте Геодезических работ и инженерных изысканий (ГРИИ), где я до службы в армии тоже поработал. Моя бабушка, Исаева (в девичестве) Фёкла Сергеевна имела всего лишь два класса образования. Вместе со своим отцом, бабушкой (Агафьей Молчановой, матерью ее умершей матери), сестрой Марией и братом Семёном в возрасте 7 лет приехала в Петроград в 1914 году из рязанского села. Жили они в городе до конца 1917 г. на углу Кирочной ул. и Суворовского проспекта. Работал отец бабушки легковым извозчиком, держал свой экипаж. В 1918 году все вернулись в деревню, поскольку прожить в Петрограде стало сложно.

В деревне жизнь тоже не сложилась, было голодно, мачеха оказалась настоящей мачехой. Бабушка отправилась «в люди» служила нянькой, хотя самой было не много лет. Была в услужении в разных губерниях, в Москве. В конце концов, вернулась в Петроград, подделала документы, увеличив возраст, и устроилась работать на Синявинских торфяных разработках. Вскоре в Петроград подтянулись и другие родственники — ее бабушка, старшая сестра, младший брат.

В Ленинграде встретила моего деда (Шабельникова Григория Ефимовича), который служил здесь и остался потом работать в городе. Родом он был из курского села. До войны у бабушки родилось две дочери и сын. Выжила только моя мать (Валентина).

Дед прошел Финскую войну, но пропал без вести в Отечественную под Ленинградом. Один из его братьев также погиб на войне, другой побывал в немецком лагере, откуда бежал. Старший же брат не воевал по возрасту и здоровью (но он участвовал в Первой мировой), был в оккупации в Днепропетровской области. Брат бабушки закончил танковое училище, погиб под Москвой. Вся семья бабушкиной сестры погибла в блокаду. Сама бабушка всю блокаду проработала в Ленинграде, жила на Тверской улице, рядом со Смольным. Мама в 1942 г. была эвакуирована, вернулась после войны. Рассказы о блокаде я слышал много раз с самого детства. Поэтому эта история — часть меня.

Вот такая простая семья.

Спасибо, Саша, все так обнажено... сгусток всей истории 20 века... для меня особую зримость приобретает Ваш рассказ, так как Тверская, Кирочная, та часть Суворовского — мой родной район. Я жил в большом доме по Мариинскому проезду (замечу, он так всегда назывался), который соединяет Кирочную, почти сходясь там с Таврической, и Кавалергардскую (раньше — ул. Красной конницы). Вы и в школу ходили в том же районе? Чем запомнились Вам школьные годы?

Калужский переулок, Мариинский проезд — места детских гуляний и игр с друзьями. Наряду с Таврическим и Смольным садами, окрестными дворами. Жили мы (мама, бабушка и я) в доме 23 по Тверской. В 1908 году в этом доме жил Петр Бернгардович Струве. Но об этом я узнал гораздо позже, позже того, как он стал одним из почитаемых мною авторов. Я ходил в 154-ю школу, что на углу Тверской и Красной конницы с 1 по 8 и 10 класс. 9-й класс я учился в Старом Петергофе в санатории. Класс первоначально набирали как экспериментальный: учили в начальной школе по особым программам и частично по не стандартным учебникам. Но затем обучение пошло обычным путем. Школу я, скорее, не любил, хотя учился, в основном, на 4 и 5 (средний балл по окончании был 4,5). Не любил, поскольку для меня это всё было душно. Поэтому светлых книго-кино-песенных воспоминаний нет. Слава Богу, что это прошло. Учительница начальных классов (Софья Эммануиловна) была, наверное, хорошим методистом, с устремлениями (на столе иногда у нее видел открытый немецко-русский словарь), но, как мне казалось, проявляла несправедливость. Ее несправедливость была связана с разным отношением к ученикам разной национальности, что, подчас, вызывало детскую обиду. Хорошие воспоминания остались о классном руководителе с 5-го класса — Кроль Янине Михайловне, преподававшей биологию. Потом, уже в конце моего университетского обучения, я узнал, что она родственница Владимира Александровича Ядова, и она посодействовала моей встрече с ним, когда я учился на последнем курсе. Тогда я чуть не попал работать в ИСЭП.

В школьные годы я любил историю. В пятом классе, естественно, увлекался античностью, прочитал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Войну с Ганнибалом» Тита Ливия, много других книг. Очень любил ходить в Эрмитаж в античные залы. Много читал исторических романов. Какое-то время моим любимым писателем был В.Ян. В восьмом мне мама купила восьмитомную «Историю XIX века» Лависса и Рамбо. И для меня было всегда загадкой и разочарованием — почему же наши историки-учителя всего этого не знают, не читают.

В санатории, в 9-м классе ситуация была несколько иная. Замкнутое учреждение, целые сутки в коллективе, определенный распорядок дня. Казарма, одним словом. Однако, здесь оказалось много времени для размышлений, самостоятельности. Я был довольно застенчивым. И я решил вытаскивать себя в общественность. Мне не нравилась общественная работа, но я стал секретарем комсомольской организации санатория. У нас даже были некоторые маленькие «противостояния» с партийной организацией. Там же у меня появились новые друзья. А с одним из них — Андреем Чугуновым, мы дружны до сих пор.

Это время сильно повлияло на меня. У меня было настоящее «коммунистическо-социалистическое» восприятие мира. Я остро ощущал социальную несправедливость, ложь и неправильность того, что было в стране. Это подтолкнуло к «неформальной» активности. В санатории мы создали нелегальную организацию. Нас было четверо. Потом она немного увеличилась. Активность сохранилась и после школы. Были члены организации в некоторых вузах города. Но потом это было прекращено КГБ. Конечно, кто-то из нас воспринимал эту нашу маленькую деятельность как какую-то игру. Но для меня это было вполне серьезно. Кстати, в десятом классе роман Горького «Мать» мне очень нравился, также как и многие революционные произведения.

Как приятно, школа № 154 — моя родная, с первого до пятого класса включительно, она была мужской, потом многих перевели в соседнюю, на углу Красной конницы и Очаковской улицы...

Итак, школа закончена? Интересы — предметные и общественно-политические — определились, что дальше?

В 1973 году закончил школу и, естественно, решил учиться дальше. Хотел поступать на исторический факультет в Университет. Но мучили сомнения: а что после диплома? В школу идти работать очень не хотелось, а это была самая вероятная перспектива. Кроме того, интересно было и изучать общественное устройство. Но где? Поэтому был выбран философский факультет.

Поступить на дневной не удалось. Причем, я получил тройку по истории. После экзамена посмотрел в учебнике, по которому готовился (а это был учебник для ВУЗов). Всё вроде верно отвечал. Но, видно, не проходил по квотам. Сдал документы на вечернее отделение. Сразу же надо было устраиваться на работу и нести справку, что где-то трудишься. Мать помогла быстро оформиться к ней в трест ГРИИ. Так я стал «рабочим топографических работ». Работал и сдавал экзамены.

Год я проучился на вечернем. В мае досрочно сдал сессию и пошел в армию. Служил рядовым два года, но пришлось прервать учебу на три. Дело в том, что в армии я создал организацию «Союз военнослужащих». Это был филиал питерской «партии». Нас было всего несколько человек. Естественно, мы были разоблачены. Одновременно в Ленинграде несколько наших ребят были исключены из вузов и из комсомола. В университете это были Андрей Чугунов и Ирина Шишкина, в Техноложке — Дима Пестов и Гриша Койфман. Но не всех так «репрессировали», кого-то поугадили, взяли подписки и оставили учиться и работать, кто-то не попался в сети. Это было в 1975–76. Поэтому вернувшись из

армии, я быстро забрал документы из университета. По закону я мог в таком случае восстанавливаться в любое время. А если бы меня исключили, то это было бы проблематично.

Армия меня вылечила и от «любви» к ней. Я с детства хотел быть военным. Во втором классе я упросил бабушку пойти со мной в военкомат — хотел быть суворовцем. Но в это время в суворовское училище брали только после восьмого класса. Мама выписывала мне военный журнал «Старшина, сержант», который я с увлечением читал. Хотел быть танкистом. Но уже после девятого класса переориентировался. После службы добром ее я уже не вспоминал. Помимо этого, я стал весьма скептически относиться к мужскому населению нашей страны. Дедовщина мне была не симпатична. Меня даже «старики» из моего призыва судили «судом стариковской чести» за то, что я водил дружбу с некоторыми ребятами из младшего призыва.

Вы не знаете, предпринимались ли еще в те годы попытки создавать в армии политические структуры? Что было написано на знаменах «Союза военнослужащих»: против чего и за что?

Ничего особенного и экстраординарного не было. Точно сейчас уже не вспомню: все-таки сорок лет прошло. Но основные идеи — «правильный», «истинный» социализм, как мы его тогда понимали (справедливость, народность, равенство, законность). И специфически «военное», что нас очень волновало — уничтожение стариковщины и других «негативных явлений». Как позже сказал один из моих «кураторов» из КГБ: «У нас с вами одни цели». Нам было 18–20 лет, мы были воспитаны советской школой. Что касается других организаций в армии, то мне они не известны.

Итак, Вы вернулись из армии с новым жизненным опытом, понимали, что лучше «тормознуть» обучение в университете. И что же Вы предприняли?

Надо было немного отдохнуть от армии, но и зарабатывать деньги на жизнь. Поэтому я сразу устроился работать в отдел вневедомственной охраны. «Охранял» я Ленхлагокомбинат. Посты были на проходной, на автомобильном въезде и на железнодорожном. В смене я был единственный молодой, жизни не знал и рассуждал про мораль. Предложения начальника караула взять какое-то количество яиц, мяса и прочее, чем был богат комбинат, я отвергал, не соглашаясь с принципом «Кто что охраняет, тот то и имеет». Поэтому меня по большей части отправляли на дальний пост, где очень редко выезжали и въезжали железнодорожные составы. Я сидел в будке, никого не беспокоил и читал книги, восполняя пропущенное время в армии. Так продолжалось с мая по конец августа 1976 года.

Потом я решил, что надо бы заняться чем-то более серьезным и рабочим. Во-первых, я предполагал, что «пролетарские» страницы в биографии будут полезны. Во-вторых, зарплата предполагалась приличной. В-третьих, если бы меня полностью «реабилитировали», то найти работу по специальности после университета, как я знал, не имея партбилета, было очень сложно. А стать партийцем, будучи рабочим, было легче. Я пошел работать слесарем по ремонту строительной техники в Управление механизации треста «Ленгазтеплострой». Там я проработал три года, ремонтировал дизельные двигатели. Но уже

в 1977 году я поинтересовался у своего «куратора» из КГБ, а не будет ли каких-либо препятствий или подвохов при моем восстановлении в Университете. Мне сказали, что нет, и я вернулся на вечернее отделение. Также мне ответили и по поводу партийности. В КПСС мне предложили вступить уже через год после моей работы слесарем. Как Вы знаете, была определенная норма на вступление в партию инженеров: один на четыре рабочих. Поэтому партоганизация и администрация были только рады. Информировать же их о моем непартийном прошлом ни я, ни КГБ не стали — зачем зря будоражить людей? А в 1979 году я перешел на дневное отделение, которое и закончил в 1981 году.

Саша, а вам читали курс социологии? Теорию? Эмпирические методы?

Общего курса социологии не было, но был ряд теоретических курсов и спецкурсов, большая часть которых имела критическую направленность: «История социологических учений» (В. И. Синютин), «Философия и социология в развивающихся странах» (М. Я. Корнеев), «Критика методологии современной буржуазной социологии» (Р. П. Шпакова), «Критика современной буржуазной политической социологии» (А. А. Федосеев). Близкими к социологии были спецкурсы В. Т. Лисовского «Социальные проблемы молодежи» и Л. В. Петрова (из Института культуры) «Основы теории массовой коммуникации». Эмпирические же методы исследования не преподавались. Однако был курс «Основы демографии» с некоторыми элементами статистики.

По какой кафедре Вы заканчивали философский факультет? Какую тему выбрали для дипломного проекта?

Я учился на кафедре исторического материализма. Тему для диплома я не выбирал. Я хотел писать по политической культуре или по политической идеологии. К «профильному» Анатолию Александровичу Федосееву я подойти не решался ввиду моих политических «прегрешений». Владимир Тимофеевич Лисовский казался проще и доступней. Кроме того, я предварительно через Эмилию Сергеевну Чугунову (мать Андрея Чугунова) узнал, не будет ли мне отказа в руководстве курсовыми работами и дипломом. Владимир Тимофеевич согласился руководить, но начисто отверг мои поползновения в политику и идеологию и предложил тему первого курсовика «Массовая культура». Диплом же уже был «Молодежь и музыка». Пришлось читать тексты по теории и социологии музыки. Помимо теоретических и общих рассуждений в дипломе была и эмпирическая часть. В двух школах Смольнинского района Ленинграда я раздал анкеты в восьмых-десятых классах, а потом уже на калькуляторе их обсчитывал. Опыт хороший, но в научном руководстве я был разочарован. Вот один пример. Когда я принес последний вариант диплома, Владимир Тимофеевич меня спросил: «Ну что, уже защитил диплом?». Уже гораздо позже, когда я прочитал книгу В. Ядова «Человек и его работа», я недоумевал, почему мне ее не посоветовал прочитать в студенческое время мой научный руководитель.

И все же, на 1981 год Вы знали о социологии и умели много больше, чем многие другие. В те годы существовала практика распределения выпускников, Вас куда-либо распределили или была возможность самому искать и найти работу? Короче, как началась Ваша профессиональная жизнь после завершения образования?

Распределение было, но можно было и найти самому место работы, из которого после договоренности высылался запрос на конкретного человека, и он распределялся именно туда, где нашел себе устраивавшее его место. Ехать куда-то далеко мне не хотелось. Кроме того, я был уже в то время женат. Мы вместе учились на вечернем, вместе перешли на дневной на одну кафедру. Жена Света нашла себе целевое место в аспирантуру от одного из львовских вузов (она была уроженкой Львова). Поэтому я на неделю поехал во Львов, где обошел все институты, университет и местный академический институт в поисках такого же места с клятвенным обещанием после аспирантуры приехать во Львов и проработать там несколько лет. Я действительно готов был на время уехать из Ленинграда. Но мои поиски и переговоры не были успешными. Но в дальнейшем у Светы тоже ничего не получилось с аспирантурой. Тогда кроме «своего» места надо было еще получить рекомендацию комсомольской организации курса. А поскольку мы на дневном учились только два года (четвертый и пятый курс), то включиться в общественную жизнь не совсем получалось. Помимо этого, была и конкуренция. Поэтому большинством голосов моей жене было отказано на собрании в такой рекомендации.

В Ленинграде найти работу было сложно, я пытался расспрашивать знакомых. Янина Михайловна, моя бывшая классная руководительница созвонилась с В. А. Ядовым. У меня состоялась встреча с Владимиром Александровичем, тогда работавшим в ИСЭПе. После недолгого разговора и узнав, что я член КПСС, он представил меня Б. М. Фирсову. Борис Максимович меня выслушал, задал разные вопросы и сказал, что он меня с удовольствием возьмет в аспирантуру, если я смогу «отыскать», «заполучить», где-то «пробить» в оную место, а просто работы на данное время нет.

Следующая попытка была связана с Консерваторией. Я уже сейчас не помню, кто меня направил к заведующему кафедрой философии В. В. Селиванову (сейчас он зав. сектором социологии Государственного Эрмитажа). Состоялась беседа с ним, с проректором. Меня охотно туда брали на должность помощника проректора по работе с иностранными студентами и обещали еще почасовку на кафедре философии. Это меня не вполне устраивало.

И вот однажды, разговаривая в коридоре факультета со своим товарищем, молодым ассистентом, описываю свои горести. И вдруг он хватает за рукав проходящего нового факультетского преподавателя и спрашивает его, есть ли места в Горном институте, откуда он только что перевелся в Университет. И он отвечает, что есть и он переговорит с заведующей Марией Семеновной Козловой. Через неделю я уже с ней разговаривал, и в результате меня взяли ассистентом на кафедру философии и научного коммунизма. Это была удача.

Вся эта долгая рассказка важна для понимания контекста и роли случая для начала профессиональной жизни.

Подобное было и у меня, только тем «факультетским товарищем» была Галина Саганенко, с которой я учился на одном факультете, «Марией Семеновной Козловой» был Андрей Григорьевич Здравомыслов, а «Горным» — Ленинградская Высшая партийная школа. Правда, у меня не было философского образования, я на тот момент не был членом КПСС и не знал такого слова — «социология». По-моему, Вы оказались в идеальной ситуации... Что Вы начали преподавать, были ли возможности для научной работы?

Преподавать я начал научный коммунизм. Возможности для научной работы были маленькие: учебная нагрузка, домашние хлопоты (в феврале 1983-го родился сын). Помимо этого, я, наверное, еще не вполне был готов к научной работе: маленький жизненный и интеллектуальный опыт.

Кроме работы и подготовки к занятиям по научному коммунизму я еще посещал домашние философские кружки. Был такой неофициальный институт. Я знал тогда четыре кружка, один из которых организовался среди друзей и товарищей, часть которых закончила философский факультет, кто-то имел техническое образование, хозяин дома, где мы встречались еженедельно, был врачом, его жена — дизайнер одежды. На каждом семинаре мы «проходили» какой-нибудь текст, например, диалог Платона такой-то, или что-то из Лейбница и т.п. Все участники очень ответственно подходили к семинарам, читали, конспектировали, очень горячо обсуждали. Это дало мне больше, чем студенческие штудии. Конечно, в большинстве своем эти тексты мне были уже знакомы, я их «проходил». Здесь же было иное — попытка в дискуссии понять для себя, что ты прочитал, и что это для тебя значит.

В 1983 году Вы начали преподавать научный коммунизм, а в апреле 1985 года пришла перестройка. Как происходившие в стране события влияли на Вашу жизнь, на преподавательскую деятельность?

Закончил я университет в 1981 году. С 1984 по 1987 был в дневной аспирантуре на кафедре исторического материализма. Начало перестройки не осознавалось как нечто принципиально изменяющее жизнь. Первоначально действия Горбачева воспринимались как внутриноменклатурная межклановая борьба. Тем более, что уже при Андропове были попытки некоторых изменений и, в том числе, политического плана — некоторое декларативное повышение роли Советов и т. п., прошла дискуссия о противоречиях при социализме. И сначала речь в официальных документах, выступлениях Горбачева шла об «ускорении». Обсуждались «механизмы торможения» (после пленума ЦК в январе 1987 г.), «нарушение ленинских принципов». Постепенно шаг за шагом приоткрывалась возможность говорить и писать что-то новое, критическое. Да и сами идеи, анализ ситуации изменялись (во всяком случае, у меня в голове) не вдруг. Помню у меня вышла статья 1987 году про политическую культуру в издании горкома партии. Мои знакомые говорили: как здорово, ново, свежо. А посмотреть сейчас — ничего там особенного и нет.

После аспирантуры я вернулся в Горный институт. Прежняя кафедра разделилась на кафедру марксистско-ленинской философии и кафедру научного коммунизма. Меня звали на обе. Я выбрал ту, где мне казалось, был лучше психологический климат — научный коммунизм. Вскоре, она переименовалась в кафедру научного социализма. А уже в 1990 году выходит пособие по социологии и политологии. Вел я семинарские занятия по научному коммунизму/социализму и читал лекции по этике. Но еще в 1988 году меня парторг кафедры обвинила в провокации: я дал студентам задание написать на полстранички, что они думают о том, почему крымские татары сотрудничали с немецкими оккупантами (тема была «Национальные отношения при социализме»). Был маленький скандал, пришлось достаточно шумно защищаться. Но постепенно «вольнодум-

ство» становилось естественным и приемлемым. Но, надо сказать, что наиболее консервативными в институте были не обществоведы, а часть преподавателей горных специальностей.

Конечно, нарастающая общественная активность захватила и меня. Но поскольку у меня была подписка о неучастии, которую я дал в 1976 году, то первое время я был больше созерцателем. Тем не менее, на митинги ходил, посещал всякие сборища. В июле 1989 ездил в Таллин на съезд Социал-демократической конфедерации, в январе следующего года туда же на учредительный съезд Социал-демократической ассоциации. В мае 1990 года в Москве присутствовал на учредительном съезде СДПР. Мои симпатии были на стороне социал-демократии. Одно время я был сопредседателем вместе с Дмитрием Даугаветом Ленинградской Социал-демократической ассоциации. Ходил также на собрания других организаций, в том числе и правых. В 1990 участвовал в выборах в депутаты Съезда народных депутатов РСФСР.

Я был выдвинут кандидатом в депутаты общим собранием трудового коллектива Горного института. Моим основным оппонентом был секретарь парткома института, за него отдали голоса 46 человек. Большинство проголосовало за меня (98 голосов). Третий кандидат получил 17 голосов. Был еще четвертый выдвиженец, призвавший голосовать за меня. Я баллотировался по Васильевскому острову. По этому же округу избиралась Марина Евгеньевна Салье, которая победила. Участвовал в «забеге» и социолог Петр Шелищ. Я же с другим кандидатом, в последующем известным человеком — Андреем Илларионовым, оказался в конце списка. Напомню, что Илларионов впоследствии был советником президента Путина.

В связи с моей активностью я не смог стать преподавателем первой в Советском Союзе кафедры политологии, которая организовывалась на философском факультете Университета. Мы с моим приятелем отправились на митинг на Дворцовой площади, посвященный 50-летию пакта Риббентропа-Молотова. Нас задержали вместе с другими гражданами и посадили в кутузку, а ночью быстро осудили на штраф (который был больше моей тогдашней месячной зарплаты) за сопротивление и непристойную ругань в адрес милиции (всего этого не было, но нашлись «свидетели», и выездной суд был достаточно скорым). Но в этот вечер я должен был встречаться с организатором кафедры Анатолием Александровичем Федосеевым. Естественно, что моя карьера ассистента не состоялась.

Но одна из поездок в Таллин в 1989 году — на собрание представителей народных фронтов — оказалась поворотной в моей профессиональной жизни. Я там встретил Е.Здравомыслову, В.Костюшева и стал с ними сотрудничать, познакомился с В.Воронковым, А.Тёмкиной и другими членами сообщества, начал профессионально изучать общественные движения и, в конце концов, осенью 1990 года пришел работать в Ленинградский филиал Института социологии. Хотя, первый год был достаточно трудным. Я даже хотел уходить: никак не мог настроиться на «социологическое» думанье и трудно было понять, как надо социологически исследовать. Тогда меня успокоила и подбодрила Аня Тёмкина, с которой я поделился своими сомнениями. Потом всё как-то стало получаться.

Выше Вы отметили, что с 1984 по 1987 гг. учились в дневной аспирантуре; по какой теме Вы тогда готовили диссертацию? Ее удалось защитить? (Если нет,

то сразу же здесь расскажите, когда Вы вернулись к подготовке кандидатской диссертации, по какой теме, когда защитили..)

Тема диссертации была «Политическая культура: проблемы генезиса и принципы типологии». Причин незащиты было несколько: отвлекался, разбрасывался (читал много и всего) за полгода до защиты понял, что надо всё переделывать (это случилось вечером в автобусе, когда возвращался домой). Идея научного руководителя и также первоначально моя связывала типологию политической культуры с общественно-экономическими формациями. Это было в русле тогдашнего догматического марксизма. Политическая культура оказывалась «при» формации, как одна из многих ее характеристик. Однако при таком рассмотрении не было внутренней динамики. Кроме того, политика и культура оказывались непосредственным выражением социально-экономических отношений. Таких текстов было много. Оставаясь марксистом с изрядной гегелевской прививкой, я хотел найти внутренние противоречия, обеспечивающие саморазвитие, или такие, которые давали импульс на основе базовых для политики и культуры противоречий.

А после аспирантуры была большая преподавательская нагрузка в институте, дом, общественная жизнь... Но тему не бросал. Очень мне помогла месячная поездка в Вену (Институт наук о человеке) в январе 1995 г. и трехмесячная в Берлин (Институт Макса Планка) в марте-мае. Работа в библиотеках — великое дело. Ведь мы в значительной мере жили в отрыве от интеллектуальных движений в мире. Можно не соглашаться, но нельзя не знать, чему ты оппонируешь. Кроме того, я привез много ксерокопий. Было время почитать, подумать. В октябре того же года я защитил диссертацию по политологии в университете. Но в ней было много, скорее, философского. Поэтому тогдашний завкафедрой философии истории и социальной философии К. С. Пигров предложил мне одновременно защищать ее и по философии истории. Но это отложило бы защиту на два-три месяца, что меня тогда не устраивало.

Вкратце основные идеи сводились к следующему. Политическая культура рассматривалась как процесс освоения реальности, связанный с объективацией политического субъекта и субъективацией объекта освоения. Непосредственно же это освоение предстает как придание и извлечение политических смыслов политическим субъектом. Политическое осмысление действительности связано с социальной определенностью субъекта политической культуры, и эта определенность характеризуется типом социальности, определяющим ту или иную историческую эпоху, а также социально-классовой принадлежностью. Переход от одного типа культуры к другому связан с разрешением основного противоречия политической культуры — противоречия между объективной значимостью политической деятельности (практической и духовной) и субъективным смыслом этой деятельности. Противоречие же значения и смысла может представлять как борьба противоположных принципов политической организации, которые могут быть связаны с особыми социальными группами. С генезисом несколько сложнее. Дополитическое, но уже публично-иерархическое потестарное, должно было стать политическим. Я рассматривал основное противоречие потестарной культуры, характерной для ранних обществ, между принципами эгалитаризма и солидаризма с одной стороны и принципом иерархичности с другой, что было связано со специфической социальной структурой и соответствующими

социально-экономическими отношениями. Появление политической культуры связывалось с его разрешением и трансформацией социальных отношений. Внутренняя динамика политической культуры объяснялась через взаимодействие ее составляющих (видов культуры), выступающих как самостоятельные превращенные формы реальной, нормативной и идеальной политических культур.

Ленинградский филиал Института социологии полтора десятилетия назад был преобразован в Социологический институт РАН, так что Вы работаете в одной организации четверть века. По какому направлению или каким направлениям Вы работали, что главное удалось сделать?

Самостоятельным институт стал в 2001 году. Большая заслуга в этом принадлежит Сергею Исаевичу Голоду, бывшим директором филиала и института с 1996 по 2002 год. Все эти годы я был его заместителем. Превращение филиала в институт было делом непростым. Без помощи В. А. Ядова (директора Института социологии), Б. М. Фирсова (основателя и первого директора филиала), В. Н. Кудрявцева (вице-президента РАН) этот проект, по всей видимости, не состоялся бы. Но усилия институтской администрации (сам С. И. Голод, ученый секретарь А. С. Быстрова и я) были весьма велики. Несколько лет, несмотря на поддержку «в верхах», приходилось в прямом смысле «пробивать» новый статус института.

Параллельно делались попытки изменить внутреннюю ситуацию в институте, который потерял свою первоначальную динамичность и явно пребывал в застойности. Начали проводиться внутриинститутские конкурсы научных работ. За лучшие статьи и книги сотрудники получали премии. Была введена конкурсность и открытость заявок на академические проекты в 1997 и 2002 гг. Автоматическое прохождение Ученого Совета и утверждение заявок, характерное для академии, сменилось внешним рецензированием и защитой проектов. Не все руководители научных подразделений могли сразу пройти эту процедуру. Появилась возможность сотрудникам переходить в другие подразделения и проекты, а также создавать новые исследовательские группы. Так, кстати, возникла научно-исследовательская группа под моим началом, занимавшаяся изучением элит. Причем, это было результатом использования не административного ресурса, а предложения проекта, к которому присоединились сотрудники. Голодовский период характеризовался и более требовательным, жестким прохождением защит диссертаций через диссертационный совет в институте. Именно поэтому, в городе сложился определенный образ института как места, где «за просто так» или за подарки не защитишься. С 1998 года совместно с факультетом социологии СПбГУ стал издаваться «Журнал социологии и социальной антропологии». И этот журнал стал одним из лучших профессиональных изданий.

Что же касается научной деятельности, то я первоначально занимался исследованием общественных движений: социал-демократического, национал-патриотического. Меня интересовали и общие проблемы социальных движений, и частные вопросы, такие как их дискурс, механизмы мобилизации, институционализации. Было сделано несколько неплохих текстов. Одно время параллельно занимался исследованием региональных элит (был грант от Фонда Berghof). Потом это стало моим основным «увлечением». Здесь удалось кое-что понять и изучить, написать, а также организовать.

Часто в учебниках и в изучении властных групп исходят из определенного монизма: «элита она и есть элита». Между тем, в эмпирических и теоретических исследованиях властных элит прослеживается как минимум три возможных типа исследований. Каждый из них соотносится с определенными представлениями об элитах как образованиях в обществе. Во-первых, элиты могут быть представлены и исследованы как функциональные группы. Во-вторых, элиты могут быть проанализированы как определенный социальный слой. В-третьих, элиты могут быть рассмотрены как институты. Каждый из указанных вариантов исследований тяготеет к определенным теоретическим основаниям и обладает собственными объяснительными возможностями и ограничениями. Кроме того, внутри данных базовых вариантов анализа могут существенные различия, связанные с теоретико-методологическими представлениями ученого. За этими вроде бы абстрактными и скучными рассуждениями кроется очень простая вещь. Смещение ракурса рассмотрения, методологическая неряшливость приводят зачастую к неточности результатов. К сожалению, в отечественной социологии и политологии это достаточно распространенное явление.

Помимо этого, надо иметь в виду, что одновременно сосуществуют в различных сферах деятельности (общественных секторах), как минимум, две вертикали, на вершине которых находятся элиты. Каждая представляет собой особый институциональный субпорядок. Первый тип элиты интегрирует и структурно стабилизирует активность в рамках данной сферы деятельности. Условно ее можно назвать «институциональной элитой». Второй тип элиты задает образцы поведения, деланья, мысли, стиля, образа жизни — то, что связано с производством и воспроизводством культуры группы, слоя, общества. Отсюда ее возможное определение как «культурной элиты». В политико-административной сфере эти две вертикали стремятся к совмещению. В иных сферах наличие различных вертикалей более или менее очевидно. Например, в максимальном выражении министр культуры и, допустим, режиссер; директор знаменитого театра и выдающийся скрипач.

Одной из важнейших проблем российской трансформации является институционализация властных групп. Об этом много размышляю, пишу. Здесь для меня важными идейными ориентирами стали Самюэл Хантингтон, Роберт Робинс. В более общем социологическом теоретическом плане — Питер Бергер и Томас Лукман. Что же касается современной элитологической классики, то авторитетами для меня являются Джон Хигли, Майкл Бёртон, Хайнрих Бест, Уильям Домхофф и ряд других исследователей. Очень существенным автором мне представляется Дигби Балтзелл, несмотря на то, что он писал вроде бы на локальные темы, касающиеся элит Филадельфии, Бостона.

В организационном отношении, мне кажется, что самое важное, это то, что наш институтский сектор социологии власти и гражданского общества стал одним из ведущих российских центров исследования властных элит и тем самым, одним из факторов, и субъектов институционализации отечественной элитологии. Во-первых, мы как коллектив и как совокупность исследователей систематизировано изучаем элиты (в основном российские региональные). И наши результаты известны, тексты цитируются и высоко оцениваются. Приведу лишь один пример. Наша книга «Региональные элиты Северо-Запада России: политические

и экономические ориентации» завоевала первое место в конкурсе Российского общества социологов за лучшую презентацию результатов социологического исследования в 2001 году.

Во-вторых, мы активно участвуем в формировании устойчивых исследовательских сетей. С 2001 года мы организуем всероссийский семинар по проблемам социологии власти. Уже провели тринадцать семинаров. Приезжают российские и иностранные исследователи элит. Хотя, последних немного. Было четверо ученых из Германии и по одному из Польши, Украины и Приднестровья. Как правило, семинар длится три дня по 7–8 часов. Удастся обсудить от 20 до 24 докладов. За четырнадцать лет было сделано 279 докладов. Семинар не открытый. Участники приглашаются. Есть более или менее постоянные участники (около дюжины) и те, кто бывает 1–2–3 раза. Всего «прошло» через наш семинар около 90 человек. Российская география — Петербург, Москва, Пермь, Ростов-на-Дону, Ульяновск, Уфа, Омск, Ижевск, Владимир, Саратов, Курск. Дискуссия может быть достаточно жесткая. Но на этой площадке постепенно вырабатываются внутрикорпоративные стандарты. По результатам наших посиделок выпустили восемь сборников.

В-третьих, говоря современным языком, мы выступаем центром компетенции. Очень важной стала инвентаризация исследований элит в России. Нашим сектором была сделана и опубликована аннотированная библиография российских изданий по проблеме элит и номенклатуры за 1990–2000 гг. (468 позиций). Примыкает к этому изданию аннотированная библиография отечественной литературы по коррупции. Она охватывает период с 1869 года по 2002 год (779 позиций).

Несколько слов о том, как и что мы изучаем. В виду малых ресурсов (в основном, мы можем рассчитывать только на академический бюджет) мы сосредоточили свое внимание на российских региональных элитах. Хотя, есть тексты сотрудников и по федеральным элитам, зарубежным. Исследуем ценностные ориентации (опросы 1998 и 2006 гг.). Здесь у нас были гранты. В первом случае от Фонда имени Фридриха Эберта, во втором — РГНФ и РФФИ. Также изучаем дискурс элит, их властные практики, профессиональные карьеры, биографии. Конечно, надо назвать институтских элитологов. Для одних элитология — основная исследовательская деятельность, для других — это, скорее, периферия научных поисков. С разной интенсивностью проблемой властных групп в секторе занимаются А. С. Быстрова, А. Б. Даугавет, А. В. Корниенко, П. И. Лешукова, А. В. Невский, В. В. Сафронов, Д. Б. Тев, Н. В. Хосуева (Колесник). И у них есть очень замечательные тексты.

Сейчас в России достаточно широко и многоаспектно проводятся исследования элиты. Существует ли какая-либо ассоциация элитологов, есть ли специализированный журнал?

К сожалению, качественных исследований не так много. Ассоциации нет, хотя в октябре 2013 года на первом всероссийском съезде элитологов в Ростове-на-Дону такая инициатива прозвучала. Но здесь есть проблема. Есть разные сообщества элитологов. Есть очень мощная «тяготеющая масса» (во всех смыслах) «Ростовская школа» с центром в Южно-Российском институте-филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при

Президенте РФ. Там проходит много всероссийских и региональных конференций, в которых участвует масса политологов, социологов, управленцев и всякого другого люда, защищается огромное количество диссертаций по элитам, проводятся исследования. Многие ученые и остепененные чиновники писали и защищали в Ростове-на-Дону свои опусы. Но не все элитологи разделяют подходы и стиль исследований ростовчан. Не всегда известные элитологи встречаются в одном академическом дискуссионном пространстве. Например, на уже упоминавшемся первом элитологическом конгрессе не было таких известных и значимых исследователей, как О. В. Гаман-Голутвина, Н. Ю. Лапина, В. Г. Ледяев, А. Е. Чирикова (Москва), В. П. Мохов, П. В. Панов, О. Б. Подвинцев (Пермь), А. К. Магомедов из Ульяновска, Р. Р. Галлямов из Уфы и других. Своеобразие есть у исследователей из Астрахани. Есть особенности у пермяков. В Москве очень неоднородное и неинтегрированное сообщество элитологов. У нас есть своя специфика. Пока не очень получается объединяться. Хотя конференции и книги постепенно спланируют исследователей. Есть важные интегрирующие издания. Например, выпущенный в 2013 году Энциклопедический словарь «Элитология», в котором участвовали ученые из разных регионов. Мотором и главным редактором этого тома был астраханский элитолог П. Л. Карабущенко. Кстати, в Астрахани с 1998 года выходит журнал «Элитологические исследования». Но не во всякой библиотеке и не все номера можно найти. Мы начинаем выпускать ежегодный альманах «Власть и элиты». Первый выпуск (за прошлый год) вот-вот выйдет. В этом году мы выпустим и второй. Альманах будет и бумажным, и электронным.

Давно это было, но все же не могу Вас не спросить... что же это за процедура оценки деятельности сотрудников Института, если два таких трудоголика и в высшей степени успешных специалиста, как А. Н. Алексеев и В. А. Бачинин не смогли положительно аттестоваться?

Меня, слава Богу, в момент аттестации и увольнения Алексеева и Бачинина не было в стране (с марта по сентябрь 2008 г. я находился в Вашингтоне, в Институте Кеннана). Поэтому, может быть, всего я не знаю. Мои представления и ощущения субъективны и односторонние. Кроме того, прошло семь лет. А как показал Энтони Гринвальд, мы в большей степени проецируем наше настоящее (включая наши мысли в настоящем) на прошлое, чем его воспроизводим. Скажу, как я вижу ситуацию и события, то есть «свою правду». Андрей Николаевич Алексеев очень активный человек. Его жизненная позиция, переживаемая им как гражданская и научная, непосредственно проявляется в публичном пространстве (что сильно связано с его социологическим методом). Более того, состояние этого «проявления» в определенной мере захватывает Андрея Николаевича, поглощая его силы и время. И снижает саморефлексию. Это привело к активной включенности А. Н. Алексеева во внутриинститутское противостояние во время директорства А. И. Голода. При следующем руководителе (А. В. Тихонове) не критическое восприятие складывающихся административных практик привело к снижению в институте морального авторитета Андрея Николаевича — стала очевидной его пристрастность. Продолжение в дальнейшем «наблюдающего участия» в институте вызывало у значительной части сотрудников психологическое отторжение. Людям не всегда нравится, когда за ними

наблюдают и над ними экспериментируют. Другими словами, А. Н. Алексеев терял «человеческую» поддержку в коллективе и, тем самым, подрывал легитимность своей активности. И здесь надо понимать, что если ты принял на себя роль Сократа (овода, жалящего афинских граждан), то нужно быть готовым, что тебе граждане могут предложить испить цикуту. Конечно, это не имеет непосредственного отношения к аттестации. Однако, если иметь в виду фон события, «вхождение в положение» и понимание нюансов это оказывается важным. Здесь я бы, как мне представляется, к месту (но в несколько ином аспекте) процитировал бы Вас, Борис: «Суть моего видения роли аттестации научных сотрудников сводится к признанию того, что на определенном этапе жизненного пути и карьеры ученых само профессиональное сообщество вырабатывает отношение к ним, которое многократно важнее итогов любых квалитетических процедур».

С другой стороны, ужесточающиеся требования к научной деятельности и института, и сотрудников предполагали выполнение формальных обязательств, связанных с научной деятельностью — направление деятельности, увязанное с институтской программой исследований, результаты деятельности, опубликованные в научных издательствах и прошедшие научное рецензирование, наличие грантов, участие в подготовке кадров и проч. Эти требования прописаны в нормативных документах, утвержденных Президиумом РАН. И оказалось, что с этой формальной, но объективной, точки зрения Андрей Николаевич не выполняет свои функциональные (как ведущий научный сотрудник) обязанности.

У В. А. Бачинина ситуация была несколько иная. Владислав Аркадьевич Бачинин не смог стать «своим» в институте. Институт у нас маленький, и процесс «вживания и приживания» не скоротечен. Помню, когда я занял должность замдиректора, мне Лена Здравомыслова говорит: «Ты узурпатор: недавно пришел, и вдруг — замдиректора». А я уже проработал к тому времени в институте семь лет. «Свой» это в основном имеющий то или иное право. В том числе, основанное на признании профессиональном. Как-то на заседании ученого совета института Владислав Аркадьевич заявил, что, в основном, Знание уже есть: оно изложено в Священных текстах. Назначение же социологии — в подтверждении и детализации этого знания. Некоторые исследования в этом отношении являются излишними. В качестве примера он привел социологию семьи. Недоумение было полным. Большое творчество Владислава Аркадьевича связано не с социологией. В этом были основные претензии. Детальное рассмотрение работ В. А. Бачинина было сделано Куанышем Муздыбаевым и Владимиром Козловским на одном из заседаний ученого совета. Вера и активность В. А. Бачинина, а отсюда определенная предубежденность и «опережающее знание» оказались фатальными. Мне лично симпатичны некоторые работы Владислава Аркадьевича. С большим удовольствием прочел его «Византизм и евангелизм». Я неоднократно полемизировал с ним на методологических семинарах института. Но вынужден признать, что его «предзнание» стало большим препятствием в его работе в Социологическом институте. Кроме того, многочисленные книги, написанные и изданные Владиславом Аркадьевичем, никак не были связаны с институтом. Не было ни грифа института, ни указания на аффилиацию автора с институтом, что делало их с точки зрения учета как результата работы в институте невозможным. Помимо этого, формальные критерии, о которых я упоминал ранее, оказались и здесь камнем преткновения.

Входит ли в Ваши ближайшие планы работа над докторской диссертацией? Ведь многое сделано, масса публикаций, Вас знают специалисты...

В планы входит, и хотелось бы их реализации. Основная проблема, волнующая меня — институционализация российских властных элит после краха социализма. Как это происходит, какие факторы и каким образом влияют на этот процесс, как изменяется бассейн рекрутирования, какие существуют фундаментальные основания существования и функционирования властных элит — далеко не полный набор вопросов, на которые хотелось бы ответить. О теоретических ориентирах я уже ранее говорил. Более подробно сейчас говорить преждевременно. Надо сделать, а уж потом обсуждать и рассуждать.

В чем Вы видите прикладное, управленческое значение исследований политической элиты в России?

Приведу пример. В 1998 г. мы провели опрос элит Петербурга и Ленинградской области на предмет выявления их ценностных ориентаций в экономике, политике, социальных отношениях. Результаты исследования отдали немецкому заказчику, который, скорее всего, как-то данные использовал, тем более, что Фонд Эберта — не научный. Потом, поскольку материалы не были закрытыми, я передал отчет в Смольный, в администрацию города с целью заинтересовать их в сотрудничестве, в исследованиях. Там сказали, что это замечательно, очень интересно, но заказывать такую работу и платить деньги они не могут. Действительно, зачем тратиться на то, что чиновникам разного уровня и так понятно. У нас весьма некомпетентное политико-административное руководство, которое, тем не менее, обладает большим самомнением, самодостаточностью и высокомерием. Оно не готово взаимодействовать с научным и экспертным сообществом, если деятельность последних не направлена на повышение манипулятивной результативности и стабилизацию неэффективного режима.

Наши исследования, к тому же, могут представлять и известную опасность: вдруг публика увидит голого короля. В 2008 г. мы (авторы — пять сотрудников сектора) опубликовали достаточно большой текст (7 печатных листов) об инновационном потенциале российских региональных элит. Выводы у нас получились не обнадеживающие. В 2010 г. в институте вышла книга «Условия и возможности консолидации российского общества». Наш сектор написал больше половины текстов. Вкратце — вероятность авторитарной консолидации больше, чем демократической. Немаловажное значение имеет качество элит — их структурные характеристики, ценностные ориентации. Принять эти выводы можно, если есть желание изменить ситуацию и использовать полученные результаты. Но это не очень просматривается «в верхах».

Понятно, что «приложить» эти данные, знания может открытая элита и гражданское общество, которое, говоря словами Карла Маркса, перешагнуло стадию «в себе» и достигло состояния «для себя». Но до этого еще далеко.

Как конкретно можно «приложить». Результаты исследований структуры элитных групп, их внутренних норм и ценностных ориентаций могут, например, помочь в прогнозировании и корректировке политики властных групп и возможных ее результатов, в выявлении латентных внутриэлитных конфликтов, что важно как для акторов, стремящихся к стабилизации иерархических структур и существующего политического курса, так и для контр-элит и общественных

движений. Напомню, что в концепции структур политических возможностей одним из существеннейших факторов является внутриэлитный раскол. Но еще раз повторю, для приложения необходимо желание потенциальных прилагателей.

Интервью с Игорем Вениаминовичем ЗАДОРИНЫМ

**«В отношении к работе моя профессиональная позиция
всегда была сильнее гражданской»**

Задорин И. В. — окончил факультет управления и прикладной математики МФТИ (1982 г.), аспирантура Института социологических исследований АН СССР (1991 г.); Генеральный директор ООО «Фирма «АДАПТ», Председатель Правления АНО «Социологическая мастерская Задорина», Исполнительный директор Международного исследовательского агентства «Евразийский монитор», с.н.с. Института социологии РАН. Основные области научного интереса: социология политики, социология гражданского общества, социальное прогнозирование.

Интервью состоялось: май 2014 — декабрь 2015 г.

Сейчас — середина февраля 2016 года, а началось интервью с Игорем Вениаминовичем Задориным 16 мая 2014 года, без малого два года назад. Правда, это не означает, что все это время мы вели беседу: во-первых, у нас были значительные перерывы в общении, это даже отмечено в тексте интервью; и, во-вторых, нашу работу мы закончили 6 декабря 2015 года.

Начало нашей беседы отмечено упоминанием того, что 16 мая — «Международный день биографа», в этот день рекомендуется вспоминать детали своей жизни и начинать составлять автобиографию. То, что я написал сейчас, вряд ли известно Игорю Задорину, я и сам об этом узнал лишь недавно, но именно в духе этого совета он и завершил наше интервью словами, обращенными ко мне: «Я очень благодарен Вам за предоставленную возможность иногда подумать про себя и свою жизнь. Конечно, разумный и образованный человек обязательно должен периодически останавливаться и рефлексировать, оценивать сделанное и прожитое, но на практике это же далеко не всегда получается, все бежим, спешим, суетимся... Такие процедуры, как Ваши интервью, заставляют взглянуть на себя как бы со стороны, оценить, что сделал, чего добился, что не получилось. Сделать выводы и обобщения. Причем честно для себя и понятно для стороннего наблюдателя. Ведь очень много интересного было в жизни, рассказывать можно долго, но наверное надо сказать что-то главное, про самое важное и поучи : для других».

Кому-то наш разговор может показаться долгим, он, действительно, не был спешным, но время — функция обсуждаемой темы и всего того контекста, в котором протекала беседа. Быстрее было невозможно, а значит — и не надо было. Главный результат нашей беседы я вижу в том, что к уже имеющимся 135 интервью российских социологов добавилось еще одно и что история становления и развития нашей науки стала еще полнее. Одновременно полнее, красочнее стал и сводный портрет нашего сообщества.

Более десяти лет назад я поместил в центр моего историко-социологического проекта социолога, его жизнь и деятельность. И постулировал, что история должна быть многолюдной и писаться многими авторами. Одно могу сказать, без воспоминаний Игоря Задорина наша история была бы беднее, менее полной...

Задорин И. В.: «В отношении к работе моя профессиональная позиция всегда была сильнее гражданской»

Игорь, мы начинаем наш биографический разговор в особый момент, сегодня — 16 мая 2014 г. — «Международный день биографа». Поэтому прежде всего спрошу, не знаете ли Вы историю вашей фамилии. Она — не редкость, но и не относится к распространенным. Кто у Вас в роду был «Задорой»? И, пожалуйста, расскажите о родителях, может быть, если знаете, о более давнем прошлом Вашей семьи.

Конечно, я интересовался своим происхождением и историей своей семьи, это очень естественно для любого человека, в котором есть хоть немного любопытства, тем более для человека, который сделал своей профессией «исследования». Судя по тому, что пишут в разных ономастических книжках, «фамилия Задорин образована от прозвища Задора, которое восходит к нарицательному «задор» со значением «горячность, пыл, страстность, пафос, иногда с оттенком запальчивости, вызывающего тона или поведения вообще» (цит.). Вообще, раньше это на меня было весьма похоже.

Фамилия на самом деле довольно распространенная на Урале, откуда мои предки по отцу — уральские казаки (интернет дает много ссылок на книги памяти уральских населенных пунктов и упоминает репрессированных священников с фамилией Задорин). Прапрадеды — типичные «пахари», зажиточные крестьяне, по советской классификации — кулаки, по семейным преданиям даже поставлявшие до революции хлеб за границу. Помню еще рассказы своего прадеда Луки Прокопича [Игнатова], как он молодым парнем призывался на «германскую» и должен был явиться на призывной пункт со своим конем и шашкой. Судьба такой семьи очевидна: в 29-м раскулачивание, часть родни переехала «с земли» в Челябинск (где родился отец), часть сгинула в ссылке в Тобольске, часть успела бежать на Алтай, потом в Новосибирск, где остановился в конце концов прадед, и куда перебралась из Челябинска семья отца. Жизнь отца тоже типична для того времени: безотцовщина (дед погиб в 41-м на фронте, бабушка воспитывала троих детей одна), поступление в летное училище, потом окончательное профессиональное распределение — офицер войск ПВО.

По маминой линии я знаю родословную даже чуть глубже — с прапрапрадеда Андрея, «сосланного барином на поселение» (цитирую бабушку) в село Васильево Тамбовской губернии. По этой линии все предки — свободные ремесленники — скорняки, сапожники... Все из деревни или уездных городков (Моршанск, Шацк, Сасово). И все старообрядцы. Собственно и я крещен в младенчестве, как полагается для маминой родни, в Древлеправославной Поморской церкви, и детские воспоминания от дома дедушки и бабушки во многом связаны с его религиозным духом. Семья мамы, естественно, тоже испытала всё, что полагалось испытать единоличникам, да еще и верующим. И «забирали», и наказывали «за сбор колосков», двое старших маминых братьев погибли на фронте, один умер от малярии, дед закончил войну в Германии (когда его призвали в 42-м, ему

было уже 45 лет), вместе с бабушкой они вырастили шестерых детей. Мама окончила фельдшерско-акушерский техникум в Моршанске и большую часть жизни проработала в различных здравпунктах и поликлиниках.

Так что формально происхождение у меня, как писалось ранее в анкетах, «из семьи служащих», но корни, конечно, скорее «крестьянские» и «ремесленные». Если мой сегодняшний статус и можно (с натяжкой, наверное) назвать интеллигенцией, то интеллигент я в первом поколении, и остро чувствую в себе простого мастерового человека — свободного единоличника и самоучку. Кстати, хотя сам я в деревне никогда не жил (если не считать детских приездов на лето к бабушке в сельский райцентр Рязанской области), но почему-то очень люблю лошадей и просто млею от вида зрелых пшеничных полей. Наверное, это генетическая память...

Просто дух захватывает, как это все сохранилось в памяти Вашей семьи... удивительно... Вы москвич по рождению? Где заканчивали школу?

Да, ну что Вы, какой москвич... Я же говорю — «из семьи военнослужащего», значит, в раннем детстве естественно поездил по городкам и весям. Родился в Ельце Липецкой области 6 ноября 1958, потом в самом начале 60-х семья 3,5 года жила в Афганистане (в Баграме), куда направили отца работать военным советником, потом переехали в Ярославль, где и прошли мои уже осознанные детство и юность с 7 до 17 лет. В 1976 году окончил математическую школу (у нас очень хороший класс был, до сих пор регулярно встречаемся) и поступил в МФТИ. Надо сказать, что до 8-го класса включительно я совершенно однозначно видел себя где-то в области естественных наук — то география увлекала, то биология, то совершенно точно собирался стать астрономом (даже в специальном кружке занимался, на звезды в телескоп смотрел). И только в старших классах что-то изменилось... Уже почти окончательно решил поступать на экономический факультет в ЯГУ. Но товарищи уговорили попробовать в июле съездить на физтех (нам пришли оттуда приглашения после математической олимпиады): «там есть факультет, на котором тоже изучается экономика и управление, не поступишь там, в августе спокойно вернешься на экономфак в Ярославль». Поехал, попробовал, получилось. И это наверное самый звездный билет, который я вытянул за свою жизнь. Моей alma mater стал Факультет управления и прикладной математики МФТИ. И, пожалуй, ничто так не сказалось на моей личности и судьбе как учеба в физтехе. Это во мне навсегда. Конечно, ни на какую экономику я тогда не попал, а «управление» — оказалось «системами автоматического управления» (САУ) вполне определенных «изделий» (моей базовой кафедрой стало ЦКБ «Алмаз», а это всем известные сейчас С-300 и С-400), но я ни в коем случае об этом не жалею.

Бывало, что военнослужащих судьба забрасывала в Москву. Похоже, Вас хорошо учили, а Вы хорошо учились, если без особой задумки с первого раза поступили в МФТИ. Но меня сейчас интересует, почему, чем Вас интересовала экономика.

Если честно, то я уже не помню, как произошел этот поворот от звезд к терниям — от астрономии к обществоведению, как это тогда называлось (и, кстати, от круглого отличника к шалопаю-хорошисту). Но поворот был устойчивым.

У меня по жизни были знакомые, окончившие МФТИ, да и я сам закончил мат-мех ЛГУ, так что могу представить вольный дух обучения, прямые контакты с профессорами, посещение семинаров, которые вели светила физики. Чем Вам запомнились студенческие годы?

О, это в двух словах не рассказать! Если совсем кратко — то это удивительная атмосфера, в которой царил дух открытий и творчества, причем не только в физике и математике, но и в мире социальном. Школа жизни в общежитии, стройотряды на Дальнем Востоке и в Казахстане, московские театры, дворничьи квартиры (на 3-м курсе частично и 6-м курсе полностью я подрабатывал дворником и жил не в Долгопрудном, а в Москве в служебных коммуналках), собственный диско клуб (лучшая дискотека в институте!), вечера КСП, встречи с Высоцким и Тарковским. Наконец, это битвы с факультетским партбюро за свободу комсомольского самоуправления (замечу, это все в основном 1979—81 гг., финал-апофеоз застоя), закончившиеся совсем уж революционным общефакультетским собранием со знаменитым «письмом к съезду». Это вообще отдельная история, достойная занять свое маленькое место в общей истории советского диссидентства, ее помнят все участники событий с обеих сторон. В общем по основным физ-мат. предметам учился я неважно, меня все равно тянуло куда-то в сторону, благо возможностей «отклониться от курса» на физтехе было предостаточно. Все очень много читали разного рода «прорывных» книг — Булгаков, Гессе, Кортасар, Борхес, Р. Бах, всяких восточных мистиков типа Кришнамурти, повальное увлечение дзэн-буддизмом было — Уотс, Судзуки... Ходили на лекции Никиты Николаевича Моисеева и Юрия Павловича Иванилова (это наши деканы были и преподавали системный анализ) и факультативы Г. П. Щедровицкого и Г. С. Батищева (последние просто переворачивали головы). В общем вот это социальное и философское и осталось в памяти прежде всего. А из физмат дисциплин более или менее нравилось только то, что было связано с вычислительной математикой и программированием. И диплом по автоматизированному проектированию САУ у меня был написан настоящий, стыдно не было, «отлично» было заслуженным, так все говорили. В общем физическое образование, как бы это не было сегодня досадным, я на физтехе пропустил. А вот в целом мозги там «ставили» хорошо, спасибо большое всем учителям и товарищам.

Допускаю, что Г.С. Батищев мог. Не думали заняться какими-либо аспектами философии физики? Скорее всего после МФТИ, да еще при наличии специализации по САУ, Вас направили работать в «ящик». Не так ли?

Так, так... Про философию физики Вы точно подметили. Сразу после института мои основные авторы — это П. Фейерабенд, Т. Кун, Д. Белл и еще разный народ из «философии техники» (Дж. Мартин, Т. Стоуньер, О. Тоффлер...), что тогда переводился на русский язык. И, конечно, работал я в «ящике». Только для физтехов слово «направили» не совсем подходит, все-таки последние месяцы перед защитой диплома все уже ездили по разным НИИ и КБ и беседовали с потенциальными работодателями, которые изо всех сил старались завлечь нас к себе (на меня пришло три запроса, а я, повторюсь, далеко не лучший студент был), поэтому мы могли выбирать. И по большому счету критерий выбора был один — жилье в Москве, точнее в Подмоскovie. Так я и выбрал НИИ «Полюс»

Министерства электронной промышленности, который имел в тот год возможность взять на работу сразу около 20 выпускников МФТИ только потому, что у него как раз готовился к сдаче многоквартирный дом в одном из поселков сразу за МКАД. В общем, как и положено нормальному физтеху, 6 лет оборонке я отдал честно, получив сначала комнату в малосемейке, а потом поменяв ее на однокомнатную квартиру.

Вместе с тем, несмотря на довольно интенсивную загрузку на работе (одно время у нас был т.н. «аккордный» проект, пахали без учета дня и ночи), начиная с 1983 года, профессиональная жизнь у меня уже разделилась на две части. И причиной тому стало одно довольно случайное событие в конце физтеховской жизни.

Получилось так, что после защиты дипломной работы и до официального выпуска у меня оказался месяц свободного времени. Половину мая и июня 1982 года я таскался по всяким интересным для меня мероприятиям. И как-то увидел объявление в Лектории Политехнического музея об открытой встрече с ведущими социологами СССР. Естественно «записался». Как сейчас помню, перед общественностью с популярными рассказами о том, что такое социология, и чем она может быть полезна советскому народному хозяйству, выступали А. Харчев, Х. Момджян, Ф. Бурлацкий, И. Бестужев-Лада и другие ведущие обществоведы СССР (всего, на память, человек десять, по-моему, были еще Ф. Филиппов и Г. Осипов, но не уверен), которых я почти никого не знал до этого (кроме И. В. Бестужева-Лады, публикации которого в «Литгазете» мне очень нравились). Каждый рассказывал про свою область социологии, было довольно интересно, и, конечно, больше всего публику очаровал Игорь Васильевич Бестужев-Лада с рассказом про футурологию и социальное прогнозирование (а рассказчик он — знатный). И вот, отвечая на многочисленные записочки с вопросами из зала, он зачитывает — «а есть ли у Вас, И.В., ученики?» — и отвечает, что мол есть ученики-сыновья, но нет учеников-дочерей. То есть много тех, кто выучился, защитился и дальше ушел уже свое дело развивать («сыновья»), а вот тех, кто продолжил бы род, то есть остался бы развивать науку прогностику («дочери»), таких нет. Ну, я, естественно, пишу ему записку, что готов обсудить вопрос про дочерей, договариваюсь о встрече, и уже через неделю приезжаю к нему домой разговаривать про футурологию и исследования будущего. Я ему сразу тогда предложил организовать постоянный семинар по социальному прогнозированию в МФТИ, сказав, что более подходящих слушателей и продолжателей дела ему нигде не найти. Игорь Васильевич, считавший в то время элитой лишь таких же, как он, выпускников МГИМО, поначалу со скепсисом отнесся к этой затее, но уже с сентября начал ездить в Долгопрудный и проводить факультативные семинары. А потом с рядом наиболее заинтересованных участников этот неформальный (общественный) семинар перебрался в Институт социологических исследований АН СССР, где уже в сборном коллективе гуманитариев и технарей (через несколько лет еще ряд выпускников МИФИ и МГУ подтянулись) работал регулярно (раз в две недели народ собирался) более 4-х лет. А я был при этом как бы «старостой кружка». И чего мы там только в 1983—86 гг. не обсуждали! Это действительно был очень свободный полет идей, концепций, проектов и даже небольших любительских исследований. Игорь Васильевич позволял дилетантам

в социологии вдохновенно фантазировать и пробовать свои силы во future studies под его внимательным и доброжелательным руководством. До сих пор некоторые идеи того времени вполне актуальны.

В общем до 1987 года включительно я в рабочем плане жил на два дома: профессиональное техническое творчество в «ящике» и любительская социология в ИСИ АН СССР. А когда в разгар Перестройки оборонка стала совсем рушиться, и нашу последнюю разработку (2-е место в конкурсе молодых специалистов) просто положили на полку, я решил для себя, что дальше сидеть на двух стульях нельзя, надо, в конце концов, определяться в профессии, и подался в аспирантуру Института социологии. Тем более, что «социальное» к тому времени стало настолько интересным и горячим, что вряд ли какая другая наука могла составить конкуренцию социологии в притягательности для любознательных и ищущих голов.

Игорь, пожалуйста, посмотрите мою беседу с Ларисой Козловой «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..» <http://marie-olshansky.ru/ct/bdoktorov.shtml> и Вы поймете, что философские аспекты физики меня тоже интересовали и в годы юности, и позже. И мне кажется, что когда мы обращаемся к методологии социологических исследований, мы — осознанно или спонтанно — учитываем постигнутое тогда в наших сегодняшних теоретико-методологических построениях. Что Вы думаете по этому поводу?

Естественно-научное образование, связанные с ним «картина мира» и способы его познания, безусловно, до сих пор определяют мои методологические пристрастия и исследовательскую позицию. Я — недобитый позитивист, махровый эмпирик, всегда пытаюсь держать дистанцию с объектом исследования и не допускать субъект-объектных мезальянсов. Наконец, я последовательный прикладник, стремящийся к практической полезности полученного в результате исследования знания и информации. Это если кратко. Плюс я большой сторонник «количественных» методов и максимального применения математики в социологии (помните, «наука только тогда достигает совершенства...» (с)). В общем, конечно, во всей моей социологии по-прежнему сидит физтех, с увлечением решающий интересные задачки из сборника задач по «социальной физике».

Ваша аспирантская тема была связана с прогностическими моделями?

Да, конечно, я же у Бестужева-Лады был аспирантом. Диссертационная тематика была выбрана задолго до поступления в аспирантуру — «Возможные и вероятные социальные последствия компьютерной революции», то есть на пересечении моего прежнего «технарского» профессионального генезиса и нового социологического. Но аспирантская жизнь началась, когда на дворе стоял уже 88-й год, вокруг и внутри меня происходили тектонические изменения, открывались фантастические перспективы, сопровождающиеся не менее потрясающими рисками, каждый день надо было принимать судьбоносные решения, а на следующий их отменять и заменять другими, в общем революционное время, когда один день стоил года в застойный период. Короче, диссертационную ком-

поненту своей жизни я тогда вполне сознательно похерил. И хотя аспирантура была честно закончена с прилично сданными кандидатскими экзаменами, моей фактической диссертацией стал ЦИРКОН.

*Первый большой перерыв в беседе; новый тур беседы начался
29 сентября 2014 года.*

ЦИРКОН давно и заслуженно стал одним из лидеров среди российских независимых организаций по изучению общественного мнения и рынка, так что — мое мнение — эта Ваша диссертация успешно защищена. А когда и как все начиналось? Что стало базовым импульсом для создания ЦИРКОН?

Тут надо разделять базовую идею-концепцию и импульс к созданию. Идея (и название!) ЦИРКОН родились несколько раньше создания самой группы на волне начавшейся в середине 80-х моды на советские «Rand Corporation» и прочие «мозговые тресты» и «думающие танки». С друзьями из «методологического сообщества» («щедровитяне») я сочинил концепцию Центра Интеллектуальных Ресурсов и кооперации в Общественных Науках (ЦИРКОН), как сложного организационного комплекса по производству интеллектуальной продукции, состоящего из 4-х секторов. Прежде всего, сектор производства некоего знания («институт»), далее сектор тиражирования и распространения этого знания («издательство») и сектор, воспроизводящий полученное знание уже в людях — в навыках работы, традициях, нормах («университет»), и, наконец, сектор материально-технического обеспечения производства («фонд»). Такая структура как раз в логотипе ЦИРКОН и выведена: четыре стрелочки — это поддерживающие и дополняющие друг друга сектора. Реализовать эту концепцию полностью не удалось, хотя отдельные элементы в той или иной степени присутствовали в деятельности группы всегда.

А вот импульс для реального появления ЦИРКОН был типичным для поколения молодых ученых того времени: стремление к самостоятельности и капитализации своего профессионального и творческого потенциала, проще говоря переводу академических исследований в прикладной коммерческий формат, выводу их на рынок («рынок» — это звучало магически!). Вокруг как грибы после дождя появлялись различные научные кооперативы, центры НТТМ, т.н. «внедренческие предприятия» и т.п. И вот дружеский коллектив молодых сотрудников и аспирантов Института социологии АН СССР тоже решил, что вполне может выйти за пределы института на свободный рынок и там реализоваться с тремя принципами: 1) мы будем делать то, что нам интересно профессионально (творческий интерес), 2) мы будем делать то, что стоит дорого и хорошо обеспечивается материально, 3) мы будем делать то, что будет еще полезно и обществу, и что сделает вклад в развитие не только нас как социологов, но и кого-нибудь еще (даст социальный эффект). Такой вот добрый молодой «наив», полагающий, что можно легко совместить все три указанных интереса. Это только потом мы поняли, что они порой просто противоречат друг другу.

Вы сейчас несколько раз произнесли «мы»? А кто это «мы»? Вы были не один?

Конечно, не один. Надо сказать, что при поступлении в аспирантуру я перенес серьезную метаморфозу. Предыдущий период любительского занятия социологией в основном сводил меня с такими сотрудниками ИСАН, с которыми я не чувствовал себя слабым неопитом, и, придя в Институт, даже ощущал себя в чем-то более опытным, умелым и креативным (ну, например, в организации исследовательского процесса). И тут я столкнулся с Гигантами (сначала с одним, а потом еще с одним). Ощущение было, как будто уверенно бежишь и вдруг бац(!) лбом об стену. Таким «гигантом мысли» я искренне до сих пор считаю Юрия Качанова, энциклопедически образованного и очень творческого человека. Он — судя по всему — мой второй учитель в социологии, хотя по возрасту мы в общем-то ровесники. Короче, во многом благодаря Юре (Юрию Львовичу) появился хороший квалифицированный коллектив из 6–7 человек (Юрий Качанов, Наталья Шматко, Ольга Трущенко, Владимир Коробов, Марина Пугачева, Дмитрий Захаров, ну, и Задорин), плюс к нему я присоединил еще 4-х человек из моей внеинститутской исследовательской жизни (впоследствии они довольно быстро отошли от группы). Исторический протокол о создании ЦИРКОН 23 июня 1989 года подписали 8 человек (Да, в этом году у нас юбилей!). Сначала обсуждался вариант сделать полностью самостоятельное предприятие типа кооператива, но я считал, что мы не вытянем. Поэтому для начала было решено пожить в «теле» Молодежного компьютерного центра «Вариант», который я с коллегами по оборонке и РК ВЛКСМ создавал двумя годами ранее. Оценивая мои заслуги в появлении самого МКЦ, руководители «Варианта» пошли на джентльменское соглашение: мы не участвуем в их бизнесе, а они дают нам возможность в виде хозрасчетного подразделения МКЦ «заниматься наукой». Так в МКЦ «Вариант» возник отдел гуманитарных исследований с внешним коммерческим названием — ЦИРКОН. Надо признаться, это соглашение очень помогало нам в течение трех лет: ЦИРКОН не заботился об инфраструктурных вещах — помещении, технике, бухгалтерии и т.д. — и работал практически только на самоокупаемость.

Позже в 1992 году, когда уже появился организационный опыт, нами было «выкуплено» малое предприятие издательского профиля «Фирма «Адапт», которое с тех пор и является «юридическим телом» Исследовательской группы ЦИРКОН. Фирма «Адапт» владеет двумя зарегистрированными товарными знаками: ЦИРКОН (ZIRCON) — для исследовательской деятельности и «Socio-Logos» — для информационно-издательской. Строго говоря, следует различать все три имени, но на практике, как правило, для обозначения всей компании используется имя «ЦИРКОН». Сейчас под этим брендом выступают уже три организации (с 2003 года работает еще АНО «Социологическая мастерская Задорина»), поэтому мы и говорим не просто о ЦИРКОН, а именно о Группе ЦИРКОН.

Да, отвлекся, так вот про метаморфозу... После знакомства с Юрием Качановым, а потом с Александром Филипповым, я года на два вновь стал «учеником», осваивавшим методологию социологических исследований и вообще понимание социологии, а мой функционал в ЦИРКОНе в основном был аналитический (статистический анализ данных), менеджерский и порой продюсер-

ский. Только в 1991 году, когда Качанов уже ушел в «Индем» к Г.Сатарову, я стал проводить собственные исследования, но все равно еще несколько лет старался привлекать Ю.Л. в качестве консультанта.

А с каких исследований начал ЦИРКОН?

Первая заказная работа ЦИРКОН — это обследование московских центров НТТМ (включая интервью с их директорами) летом 1989 года. Надо сказать, что эта работа потом несколько раз использовалась нашими исследователями российской элиты (Наталья Шматко, Ольга Крыштановская) как один из эмпирических материалов о генезисе российского бизнеса. А потом был мощный проект под весенние 90-го года выборы Верховного Совета РСФСР и Моссовета, включавший в себя четыре эмпирических исследования и консультационное сопровождение трех кандидатов в депутаты (все три, кстати, прошли). Этот проект был одним из первых в истории электоральных исследований в России, он был сочинен инициативно, а уже затем я нашел под них заказчиков (не без старых комсомольских связей, конечно). По итогам было написано несколько статей, все они помещены в сборнике «Демократические институты в СССР: проблемы и методы исследований» (весна 1991 г)¹, первой книги, выпущенной ЦИРКОНОм и, пожалуй, первым в России издании, почти целиком посвященном проблемам электоральной социологии. Методические разработки того проекта использовались еще много лет, и не только нами.

Вообще-то про историю ЦИРКОН и его исходные принципы я довольно много раз рассказывал (у меня уже даже формулировки некоторые устойчивые появились как в любой мифологии), многое из этого опубликовано (см., например, интервью начала 1998 года [«ЦИРКОН: «Принципы и дела» // «Кентавр»](#), выпуск 19 или сравнительно недавние беседы с Ларисой Козловой для ее сборника² и с Андреем Яковлевым для его исследования аналитических центров³). Уже и не очень хочется повторяться...

Продолжение 30 ноября 2014 года.

Ну, как же, это очень интересно. Особенно про принципы. У ЦИРКОНа уже тогда принципы были? Шучу. Просто начало 90-х было временем скорее беспринципным, когда старые социальные нормы, правила и кодексы революционно «отменялись».

Ох, и не говорите. Но в то же время как раз тогда формировались новые подходы к исследовательской деятельности и складывались новые принципы отношений между ее участниками, новые принципы организации социальной науки и прикладных социологических исследований. История многих исследовательских институтов, родившихся в то время — это во многом история станов-

¹ Четыре статьи из сборника можно найти здесь — <http://www.zircon.ru/publications/neizvestnyj-zircon/>

² Интервью с Задориным И.В. в кн. «Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации» / Отв. ред. Л.А. Козлова; ред.-сост. Н.Я. Мазлумянова, И.А. Шмерлина; ИС РАН. 2010. — стр. 210–233 // URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/c94/teorija_i_metodologija_v_praktikah_rossijskih_sociologov_postsovetskie_transformacii.pdf

³ В профессиональном социологическом сообществе не хватает независимых экспертов — Беседа А.А. Яковлева с И.В. Задориным // Экономическая социология. Т. 14. № 4. Сентябрь 2013 // URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/1ed/V_professionalnom_sociologicheskom_soobshhestve_ne_hvataet_nezavisimyh_jekspertov.pdf

ления новых норм, правил и новой этики. И у нас, конечно, тогда были не совсем «принципы», а скорее некоторые важные моменты фирменного позиционирования на формирующемся исследовательском рынке, своеобразные «декларации о намерениях», сделанные самим себе. Но со временем они действительно стали принципами или, как говорят, «философией фирмы».

Первый принцип связан с той самой наивной идеей о *возможности совмещения бизнеса и науки, творческого и материального интереса*. ЦИРКОН все время пытался и пытается до сих пор сидеть на двух стульях, причем поначалу смущаясь от этой своей позиции, а потом, напротив, гордо неся звание прикладных социологов. Идеология «прикладности», то есть ориентация на заказные работы, на потребности социальных управленцев (хоть в бизнесе, хоть в госуправлении, хоть в третьем секторе), на поиск решения конкретных социальных задач, все время была важнейшей характеристикой нашей работы⁴. И это именно профессиональная позиция, поскольку именно востребованностью со стороны административных или бизнес-структур мы зарабатывали себе на хлеб. Но вместе с тем, мы все время поддерживали связь с академическими институтами и вузовским сообществом, пытаясь внести посильный вклад и в социологию как науку, хотя бы методическими разработками и эмпирическим материалом, если уж не теоретическими моделями. В ЦИРКОНе постоянно работали люди, совмещающие какие-то должности в ИС РАН, ВШЭ, других вузах (и сейчас так же). Это сопровождалось также и постоянными инициативными некоммерческими проектами, в которые мы скорее вкладывали, чем на них зарабатывали. И это было даже в самые трудные времена 90-х годов. Что такое проект «Трансформация России. Экспертный сценарно-прогностический мониторинг (ЭСПМ)», который начинался совместно с сектором социального прогнозирования ИС РАН в 1991 году, а с 1993-го года стал собственным инициативным проектом ЦИРКОН? Или что такое издание журнала-альманаха «Вопросы социологии» в 1992–1998 гг.? Это же планово убыточные проекты, если говорить с точки зрения экономики предприятия. Но в первом случае родилась оригинальная методика экспертного прогнозирования, а во втором — вообще был сделан существенный вклад в дело освоения российскими коллегами классических работ западных звезд социальной науки (тут прежде всего надо отметить тех же Юрия Качанова, Наталью Шматко и Александра Филиппова, выступавших редакторами отдельных выпусков журнала). А если мы сами не могли сделать что-то научно стоящее, то просто передавали материалы сугубо прикладных исследований академическим товарищам, как когда-то в 1997 году передали Вадиму Радаеву и его коллективу три коробки архива годового проекта включенных наблюдений в очередях вкладчиков финансовых пирамид (по этим материалам несколько хороших статей было написано, см., например, 8-й, он же последний, выпуск «Вопросов социологии» 1998 года).

В общем мы все время пытались (и пытаемся сейчас) удерживать в оптимальном соотношении (я бы сказал, гармонии) разные интересы: и деньги зарабатывать на оказании интеллектуальных услуг, и в науку что-то привнести, а если паче чаяния наши исследования еще и помогут решить какую-то социальную проблему, так и вообще хорошо. Теперь для всех таких гибридных образований типа ЦИРКОН наконец-то нашлись красивые выражения — «научно-технологическое предпринимательство», «интеллектуальное продюсирование», «соци-

⁴ Задорин И. В. Апология прикладности, или еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // «Социальная реальность», 2007 г.

альное предпринимательство». Многие одобряют и даже иногда поддерживают. А раньше кроме ругательных слов — «коммерсанты!» — со стороны «ученых», или уничижительных — «наивные романтики!» — со стороны настоящих «бизнесменов», мы почти ничего и не слышали. Везде чужие, что в науке, что в бизнесе...

Так, принцип совмещения коммерческого (бизнес) интереса и научного творчества — это первое. А что еще определяло «философию» ЦИРКОН?

А второй принцип по аналогии с первым можно было бы назвать как раз принципом разделения. *Мы принципиально разделяем два вида деятельности — исследования и консультирование*, долгие годы фактически табуируя для себя второе. Надо сказать, что к такому пониманию профессии я пришел не сразу. Ведь поначалу, как настоящий физтех, я как раз жаждал дополнить социологию социальной инженерией, считая, что если исследование не заканчивается воплощением полученных данных в социальных решениях, социальных изменениях, то это попросту пустое времяпрепровождение. И первые проекты по электро-ральной социологии мы сопровождали консультированием наших заказчиков — кандидатов в депутаты (напомню, все «прошли»). Но потом, я начал серьезно сомневаться в правильности сочетания в одной организации (в одном субъекте) исследовательских и социально-инженерных работ. Если одни и те же люди (компания) получают деньги сначала за то, чтобы выяснить что-то о социальной реальности, а потом за то, чтобы эту реальность изменить (предложить инструмент изменения) в соответствии с полученным знанием, то весьма вероятно, что результат исследования будет неосознанно подгоняться под априори существующий образ предлагаемых изменений (или задним числом интерпретироваться в соответствии с этим образом). Более того, социальные исследования очень часто служат как раз инструментом контроля и оценки принятых решений (аудит эффективности). И как же один и тот же субъект будет в ипостаси исследователя контролировать себя же в ипостаси консультанта? Налицо конфликт интересов.

Кроме того, у этих двух профессиональных позиций принципиально разная моральная ответственность. Ученый, исследователь, на мой взгляд, не должен нести ответственности за то, кто и как использовал знания, открытия, ставшие результатом его работы. Более того, результаты большинства социальных исследований, по всей видимости, должны быть известны и принадлежать всему обществу. А вот социальный инженер должен десять раз подумать, для кого он создает инструмент изменения социальной реальности (например, давая рекомендации, основанные на результатах социологических исследований), и с какими целями этот инструмент будет использоваться. В какой-то степени можно сказать, что исследователь может не иметь гражданской или политической позиции для того, чтобы проводить корректные исследования (даже лучше, если он ее не имеет), а вот социальный инженер обязан. Моральная ответственность социолога (исследователя) и политконсультанта (имиджмейкера) в рамках предвыборной кампании, существенно разная, и я далеко не всегда готов «потянуть» ответственность второго (например, для меня и ЦИРКОН до сих пор серьезным моральным грузом является работа с МММ и С. Мавроди на выборах 1994 г., хотя некоторые политтехнологи даже гордятся такими проектами).

Почему я про это говорю как о чем-то очень важном? Потому что очень многие коллеги не различают этих двух ипостасей в своем общем позиционировании как социолога. Для меня это, строго говоря, разные профессии, а многие их постоянно смешивают в своей деятельности. Но доверие к исследованиям, сделанным социологом-консультантом (а такие есть), очевидно ниже, потому что там всегда чувствуется «второй план», заинтересованность в определенном видении социальной реальности. И это смешение, как я уже неоднократно говорил и писал, подрывает репутацию социолога-исследователя⁵.

Поэтому с какого-то момента (где-то с середины 90-х годов) в цирконовской корпоративной философии появилось табу на консалтинг. Мы принципиально отделили для себя процесс измерения социальной реальности от процесса ее изменения, сказав себе и всем, что изменениями не занимаемся. Или как мы иногда говорили: «что народ думает, мы вам скажем, а как его обмануть, это без нас...». Хотя многие товарищи недоумевали по этому поводу — «Задорин от денег отказывается». Ведь именно в консалтинге концентрируется основная часть возможной прибыли прикладного интеллектуала, ибо никакая аналитика и исследования не могут конкурировать по своей ценности для управленца с конкретным вариантом решения проблемы, который приносит в качестве своего продукта консультант. Но мы были принципиальны.

Зная Вашу публичную биографию, трудно поверить, что Вам всегда удавалось соблюдать этот принцип. Например, как же Вы работали в Администрации Президента РФ и не предлагали никаких решений? Неужели от Вас совсем не требовали предложений и рекомендаций?

О, это замечательный вопрос! Про этот период моей биографии (рук. отдела изучения общественного мнения в АП РФ в 1996—1999 гг.) надо рассказать отдельно. Только чтобы мне было труднее отвечать на Ваш вопрос, надо бы вспомнить до кучи мою работу и советником в Пресс-центре Моссовета в 1992—1993 гг, и начальником аналитического отдела в Инвестиционно-банковской группе «НИКойл» в 1995—1996 гг., и руководителем социологической группы в Фонде эффективной политики уже после работы в АП РФ в 2000—2002 гг. Если посмотреть на формальный список должностей, то получится очевидный образ непубличного консультанта от социологии. Действительность гораздо хитрее. Но это в следующий раз...

Третий большой перерыв. Возвращение к интервью 10 марта 2015 года.

Ох, как давно мы уже не переписывались с Вами, Борис Зусманович. С Вашего позволения продолжу с того места, на котором прервался разговор. Вообще за время перерыва в нашем долгом интервью я понял, что не хотел бы строить свою биографию как «историю событий». Это «по молодости» казалось, что богатая биография — это, прежде всего, длинный ряд важных событий, встреч со значимыми людьми, крупных дел и проектов и т.п. Но со временем, когда число реализованных проектов-исследований перевалило за три сотни, количество налетанных километров стало исчисляться десятками витков вокруг Земли, телефонная книжка включать более тысячи человек, а важные события

⁵ См. «Три профессиональных позиции социолога и репутация профессии» (2003) и «Смешение позиций подрывает репутацию социологии» / *Репутация общественного мнения*, 2004, №2.

слились в какую-то непрерывную череду, то как-то естественно захотелось осмыслить и найти что-то в этой череде постоянное, то, что двигало и двигает все эти годы. И в этой связи теперь я свою биографию вижу скорее не как историю событий, а как историю идей, которые воодушевляли в разные годы и определяли профессиональную линию.

Так вот, переходя к ответу на Ваш вопрос о работе с Администрацией Президента, скажу, что одной из самых дорогих для меня идей, буквально «идеей фикс», всегда была сугубо управленческая *идея об обратной связи*. Сколько себя помню в социологии, всегда был увлечен внедрением подсистем эффективной обратной связи в управленческие системы, то есть подсистем социальной диагностики и прогнозирования с полноценным, точным и своевременным информированием органов управления (любых — в государстве, бизнесе, общественном секторе) о состоянии и динамике окружающей социальной среды. И в этом видел важнейшую миссию прикладной социологии. Власть должна знать об обществе все без прикрас и искажений, чтобы корректно согласовывать интересы и обеспечивать устойчивое развитие. Бизнес должен понимать тенденции рынка, чтобы эффективно отвечать на запросы потребителей. Гражданские лидеры должны иметь достоверную информацию о мотивах, ценностях, проблемах граждан, чтобы не разрушать, а укреплять общественное доверие и приращивать социальный капитал. И т.д. и т.п. Естественно, меня все время тянуло к месту, где принимаются решения, будь то руководство компании, общественной структуры или государственного учреждения. Причем тянуло совсем не для того, чтобы эти места занимать самому (с этим я еще во времена комсомольской молодости разобрался и свой собственный уровень управленческой и бизнес-компетентности определил жестко), а для того, чтобы понять, каким образом, на основе какой информации, под влиянием каких факторов и т.п., принимаются решения, и вообще, как оно возможно социальное, политическое и бизнес управление. И какой должна быть социальная информация, чтобы управленец ее принял, усвоил и эффективно использовал во благо управляемому объекту.

Поэтому, когда с подачи Александра Ослона поступило предложение возглавить создаваемый в АП РФ после выборов 1996 года отдел изучения общественного мнения (потом он стал просто социологическим отделом), я почти не колебался. «Почти», потому что сомнения были в связи с моим существенным неприятием очень многих аспектов тогдашней политики российской власти. И профессиональный интерес вступал в противоречие с угрызениями совести (как же я этой политике буду помогать?). В конце концов, помню, на волне всех этих переживаний мы как-то с моим давним институтским другом изрядно напились, и в алкогольном угаре сформулировали мысль: «Задорин, ты идешь туда Штирлицем, только наоборот». Имеется ввиду, что я буду тайным агентом, но не транслирующим информацию «оттуда», а поставляющую правдивую информацию «туда». Власть должна знать, что думает народ! Даже, если она не хочет этого знать! Вот с такой тайной миссией я там три года и проработал. И надо сказать, ничуть не жалею: в профессиональном плане было чрезвычайно интересно.

Функцией отдела была сборка и поставка социологической информации для ЛПР (ЛПР — лицо, принимающее решение), причем почти конвейерная поставка. Мы работали в тесной связке с Фондом «Общественное мнение»,

в еженедельном режиме формулируя задачи очередных опросов, получая их результаты и сводя данные в лапидарные аналитические записки. В это время впервые решались непростые задачи постановки еженедельного мониторинга социальных настроений в привязке к событийному ряду и предполагаемым решениям (тогда такого мониторинга ни у кого больше не было), корректного сопоставления и интегрирования данных разных исследовательских центров, объединения в рамках аналитических работ данных разной природы (опросы, госстатистика, в т.ч. закрытая, эксперты, медиаконтент и т.п.). Тогда же я начал проводить первые эксперименты по межрегиональным исследованиям.

И в общем Бог уберег меня тогда от необходимости всерьез включаться в реальное консультирование. Но самое главное даже не это. Главное, что от меня никогда не требовали какого-то специального результата, подправленного под определенное лицо или решение. Мы, как правило, поставляли не просто информацию без рекомендаций, мы поставляли информацию, очищенную даже от интерпретаций. Дело в том, что в то время (период довольно острой внутриполитической конкуренции), служебная записка, идущая на имя Президента РФ или руководителя его Администрации, должна была быть максимально сухой, сжатой, и трижды проверенной на отсутствие даже грамма потенциального влияния на мнение и решения высших должностных лиц государства. Я не питаю иллюзий по поводу того, что «разные башни Кремля» не добавляли к нашим запискам каких-нибудь своих интерпретаций и нужных комментариев уже в рамках своих интересов. Конечно, добавляли. Но это уже было за пределами зоны нашей ответственности. А у нас тогда выработался определенный стиль и формат социологического продукта, который затем стал стилем ЦИРКОНа и был заимствован (а я видел много разных отчетов и докладов) многими исследовательскими и аналитическими организациями. Этот специфический жанр «служебного» социологического доклада хорошо представлен в выходных материалах нашей работы в Фонде эффективной политики в 2000–2002 гг. (более 1000 страниц!), куда была перенесена работа по социологической аналитике после закрытия отдела в АП РФ⁶.

В общем это был важный опыт. Не каждому социологу доводится так близко прикоснуться к механизму власти, а я все три года участвовал в еженедельных пятничных совещаниях у руководителя АП, на которых обсуждалась информационная политика президентской власти (иногда выходили и за пределы этого ограниченного функционала). Кстати, настоятельно рекомендую социологам, занимающимся прикладными исследованиями, некоторое время поработать во властных органах или в бизнес-компаниях (как говорят, «на стороне заказчика»). Начинаешь лучше понимать, как «работает» социологическая информация после того, как она произведена. Знаю коллег, которые занимали какое-то время должности в министерствах, региональных администрациях, муниципальных органах управления, у них гораздо меньше иллюзий по поводу влияния социальных исследований на общественную рефлексию и принятие решений (та самая «обратная связь»), причем как в сторону ее недооценки, так и переоценки.

⁶ Общественное мнение России в докладах и записках. Годовой доклад 2001.

Правда, раньше (не очень представляю, как сейчас) надо было быть готовым и к некоторым возможным материальным осложнениям. Так, я пришел в АП хотя бы с небольшим «жировым запасом», а ушел, будучи весь в долгах. Но уже немногим через полгода меня нашли люди от Глеба Павловского, с которым мы как раз и познакомились в АП, и пригласили создать социологическую группу в Фонде эффективной политики практически с тем же функционалом, что и социологический отдел в АП. И уже на других деньгах, на которые можно было бы и ЦИРКОН немного подкормить (фирма за время моей работы в АП и особенно после кризиса 1998 года серьезно просела, мне даже пришлось тогда кредитоваться у друзей).

То, что Вы рассказываете, сильно отличается от довольно распространенного взгляда на работу социолога во власти, который в представлениях публики постоянно должен чего-то приукрашивать и привирать в угоду работодателю, и вообще не может быть политически беспристрастен...

Повторюсь, возможно я плохо представляю сегодняшний стиль работы Власти с социальной информацией, и возможно мне в свое время просто повезло (люди в АП долгое время никак не могли понять про меня, «чей это человек», и начали немного прессовать только тогда, когда неожиданно обнаружили, что «ничей»; ну, я через полгода и уволился). Это, во-первых. Во-вторых, я не говорю, что все социологи должны быть политически беспристрастны. Это, пожалуй, и невозможно. У меня тоже есть вполне определенная личная гражданская позиция по многим социально-политическим вопросам. Но каждый профессионал выбирает свой стиль, свой имидж, свое позиционирование на рынке, кто-то более «красный», кто-то более «белый».... У ЦИРКОНа в профессиональном поле долгое время по отношению к потребителю была позиция сравнительно универсальная, амбивалентная, даже всеядная, если хотите. За свою долгую профессиональную жизнь ЦИРКОН работал и с коммунистами, и с национал-патриотами, и с либералами-западниками, поставлял социологическую информацию и для органов власти (как российских, так и стран СНГ), и для бизнеса (как российского, так и иностранного), и для НКО (опять же как российских, так и иностранных).

Полушутя я везде представлялся как самый ангажированный социолог, но ангажированный главным субъектом власти в стране — народом (см. Конституцию РФ). Мы постоянно стараемся договориться с любым заказчиком о том, чтобы хотя бы фрагмент из результатов исследований был бы опубликован и стал общедоступным. Таким образом мы хотя бы частично работаем и на российское общество в целом или на его активную рефлексирующую часть. Посмотрите на наш сайт, там висит очень много отчетов не только по нашим собственным инициативным, но и по вполне заказным работам.

И вообще я долгое время повторял, что в отношении работы моя профессиональная позиция сильнее гражданской. Профессиональный (в т.ч. методологический) интерес довольно часто перебивает неприятие заказчика в человеческом и/или политическом плане. Приоритетом было и есть стремление сделать работу качественно, доказать свою высокую квалификацию, показать творческое отношение к задаче вне зависимости от целей заказчика. Наша пристрастность — при любом раскладе оставаться честными в профессиональном плане. Вот обратилась

к нам как-то в 2003 году весьма известная строительная компания по поводу изучения отношения жителей одного из районов Москвы к планам новой застройки, причем сразу заявила о заинтересованности в получении определенного результата. Ну, естественно, была отправлена со своей заинтересованностью «далеко». Через месяц они опять к нам обращаются и говорят «ладно, сделайте как считаете правильным». Было много и других подобных неприличных предложений, связанных, например, с откатами. Все они шли по вполне определенному адресу. Но некоторые возвращались и делали заказ уже без «обременений». И несмотря на то, что я знаю, где и когда я потерял хорошие контракты из-за несговорчивости, я так же хорошо знаю, что эта наша чужаковатость и зацикленность на сугубо профессиональном отношении к работе для реального потребителя (того, кто хотел бы знать реальное, а не желаемое положение дел) является важным позитивным основанием для сотрудничества и заказов.

Конечно, в краткосрочном плане можно вырваться вперед на особых «теплых» отношениях с определенным работодателем и заказчиком, но в долгосрочной перспективе это часто оборачивается профессиональной катастрофой. А мы — «стайеры».

Конечно, если говорить совсем честно, то лично я (не как ЦИРКОН, а как Задорин), все-таки иногда позволял себе заходить в консультационную позицию, когда меня об этом просили друзья. Иногда я действительно чувствовал, что знание об объекте управления, открывшееся мне в исследованиях, поможет управленцу принять правильное решение и избежать ошибок (особенно связанных с излишним насилием над объектом). Но по большей части это было частным неформальным консультированием, а как компания Группа ЦИРКОН всегда старалась держать определенную дистанцию с заказчиком.

В общем я считал и считаю, что социологи могут работать с властью, оставаясь при этом в сугубо профессиональной и беспристрастной позиции. Да что я Вам рассказываю! Вы же лучше всех знаете историю американских отцов-основателей изучения общественного мнения (взять хоть Роупера с Кэнтрилом), которые были советниками разных президентов США, и демократов, и республиканцев. И никто не может предъявить их исследованиям претензий в угодничестве или политической пристрастности.

Четвертый большой перерыв. Возвращение к интервью 12 июля 2015 г.

Похоже, мы хорошо рассмотрели события прошлого века... но уже и в этом столетии вот-вот завершатся первые полтора десятилетия... наверное, все эти годы были разными? Какие «особые точки» Вы бы назвали?

Годы были разными, это точно. Продолжу историю идей и увлечений. С конца 90-х и почти до последнего времени меня сильно занимали две методологические концепции — концепция *мониторинга* (слежение за изменениями) и концепция **сравнения** (компаративистика). Большинство оригинальных проектов ЦИРКОНа этого периода были построены на указанных концепциях, причем интерес к ним берет свое начало с работы в АП РФ.

Надо сказать, что к концу 90-х годов в российской социологии наконец-то появились массивы данных, которые представляли собой динамические ряды регулярных (мониторинговых) измерений. И это не только данные ежемесячных опросов ВЦИОМ и еженедельных опросов ФОМ, но и данные Госкомстата,

Центризбиркома, медиарейтинги, некоторые оценки бизнес-конъюнктуры и т.п. Иными словами стала появляться социологическая история страны. Методология мониторинга требовала специального подхода к фиксации объекта (в т.ч. постоянство схемы выборки и т.п.) и предмета исследования (набор измеряемых параметров, в т.ч. формулировки вопросов в поллах), к процедуре измерения (время, длительность и т.п.), к анализу данных (анализ временных рядов, учет «сезонности», оценка значимых различий между точками измерений) и т.д. Причем почти все мониторинговые исследования рождались в лоне именно прикладной (индустриальной) социологии. А академические и вузовские социологи России в своем большинстве методологически «сидели» в *ad hoc* исследованиях. И, к сожалению, многое тогда в постановке мониторингов делалось по наитию, на коленке, что в дальнейшем сказывалось. Хотя, кое что и тогда рождалось вполне основательное, отмечу проект RLMS компании «Демоскоп», сейчас это признанная и уникальная база социально-демографической истории России.

ЦИРКОН, естественно тоже немного «поучаствовал в процессе», инициировав в 2000 году мониторинг финансовой активности населения (МФАН⁷). За пятнадцать лет ситуация сильно изменилась, многие мониторинги ведутся уже на совершенно новой технологической базе (например, медиаисследования), но и мы свой старый добрый МФАН не прекращаем, тем более, что он представляет собой пример комплексного исследования на данных разной природы и из разных источников. А с 2009 года по запросу Минкомсвязи мы запустили и ведем опросный мониторинг уровня медиаграмотности населения (тоже уже шесть волн провели).

В личной профессиональной истории для меня были также очень важными работы по анализу мониторинговых измерений политических предпочтений и социального самочувствия, а также их комплексирования с данными измерения медиаполя⁸. Собственно с этих проектов 1999–2001 гг. началась моя весьма скромная публикационная активность, до того времени Задорина как пишущего социолога практически не существовало (да и сейчас я в общем-то «не читатель и не писатель», я — «сказитель»).

Вторым увлечением, также появившимся во время работы в АП, были *сравнительные исследования*, сначала межрегиональные, потом — межстрановые.

Аккумулируя данные самых разных всероссийских опросов (статус Администрации Президента позволял собирать практически все, что можно — ВЦИОМ, ФОМ, АРПИ, РОМИР, т.н. «опросы ФАПСИ» и т.п.), я через какое-то время столкнулся с тем, что при кажущемся обилии информации, на некоторые вопросы ответа найти не мог. И прежде всего это касалось региональной (территориальной) дифференциации. Ну, действительно, такая большая и такая разная страна как Россия с очевидными различиями в социально-политических настроениях в регионах в конце 90-х годов вообще не имела сопоставимых региональных измерений. И вот в 1998 году я начал проводить эксперименты по сравнительным межрегиональным исследованиям, сначала просто договариваясь «по дружбе» с некоторыми региональными исследовательскими центрами о вставке в их местные omnibus сопоставимого блока вопросов. Тогда казалось, что на такого рода информацию будет большой спрос со стороны самых разных субъ-

⁷ См. публикации на странице <http://www.zircon.ru/publications/ekonomicheskaya-sotsiologiya/>

⁸ См. публикации на странице <http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-si-tykh-kommunikatsiy/>

ектов, и на этой идее мы с коллегами начали создавать *Ассоциацию региональных социологических центров*, ориентированную на проведение синхронизированных и методически согласованных опросов населения регионов. Провели несколько инициативных проектов, один — Межрегиональный электоральный мониторинг 2003—2004 гг. (пять волн) — даже нашел заинтересованных спонсоров. Но все равно коммерчески приемлемыми такие исследования мы сделать не смогли.

Все-таки межрегиональные исследования — удовольствие дорогое, и потребителей на такие продукты считанное число. Хотя идея мало-помалу все-таки пробила себе дорогу. С 2003 года ФОМ запустил свой «Георейтинг» (сейчас — МегаФОМ») с покрытием 65-ти, а потом и 70-ти субъектов РФ (правда, у него, насколько я понимаю, по-прежнему только один платежеспособный потребитель — АП РФ), потом отдельные наиболее состоятельные министерства и ведомства стали оценивать различия в удовлетворенности населения выполнением соответствующих государственных функций (ЦИРКОН, например, делал несколько волн такого межрегионального мониторинга для Роснедвижимости-Росреестра, последний раз с покрытием 81 региона). Летом 2007 года вышел известный указ Президента №825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ», который вменял в обязанность госорганов ежегодное измерение определенных показателей социального развития всех регионов, некоторые из которых имели характер субъективной оценки (на основе опросов). Забавно то, что когда я в 2004 году выступил на одной конференции с докладом «О новых «отчетных позициях» губернаторов», а потом сдал в журнал «Президентский контроль» соответствующую статью с идеей отчетности руководителей региона за социальное самочувствие населения, то статью в печать не приняли, а негласно пожурили — «ишь какой, хочет чтобы еще и социологи контролировали губернаторов». Однако, не прошло и нескольких лет, и во многом в искаженном виде, но идея стала общим местом.

Сейчас многочисленные рейтинги регионов по разным аспектам развития — «модный тренд», часть из них действительно включают в себя большие массивы разнородной информации с продвинутой методикой ее комплексирования и индексации, а есть и просто псевдоаналитическая попса «на три аккорда». Сравнение и рейтинг — мощные управленческие стимулы, и они очень востребованы. Так что задача корректного регионального сравнения меня по-прежнему занимает. В последний год мы как раз сотрудничаем с одним фондом по разработке методики и пробному измерению состояния медиасферы («институционального развития СМИ») во всех регионах страны.

«Все познается в сравнении» — эта сентенция стала лозунгом для еще одного дорогого моему сердцу проекта, получившему название «Евразийский монитор»⁹. С какого-то момента результаты измерения различных параметров социальной реальности новой России все чаще приводили к мысли, что для серьезного понимания процессов, происходящих в стране, необходимо соотнесение этих процессов с аналогичными явлениями в других бывших республиках СССР и далее за пределами постсоветского пространства. Действительно, скажем, в России уровень социальной адаптации (доля респондентов, заявляющих о своей удовлетворенности сегодняшней жизнью) в какой-то момент достиг 50%. Это много

⁹ <http://www.eurasiamonitor.org/rus/>

или мало, хорошо или плохо? А уровень одобрения деятельности президента в 65–70% — это предел или нет? На такие вопросы трудно ответить, не посмотрев сопоставимые показатели в других странах. И вот к середине 2000-х годов, социологи стран бывшего СССР, в какой-то степени восполнив наконец-то дефицит информации о «правильном» социальном устройстве на примере стран Запада, вновь почувствовали интерес друг к другу и стали восстанавливать прерванные связи (чему способствовало отсутствие языкового барьера и ставшего распространенным для международных проектов *culture clash*). В марте 2004 года на волне этого растущего интереса в Киеве прошел международный круглый стол экспертно-аналитических центров Беларуси, Казахстана, Украины и России. В рамках круглого стола многие его участники (особо отмечу Андрея Вардомацкого из белорусского центра НОВАК) говорили о настоятельной необходимости запуска в постсоветском пространстве межстрановых исследований по типу «Евробарометра».

Замечу, что проект «Евразийский монитор» стал тем редким случаем, когда гуманитарии сразу от слов перешли к делу. Уже через месяц после киевского «саммита» в апреле того же года было проведено первое пилотное исследование (опрос населения трех стран), а в сентябре 2004 г. прошел второй тур опросов, в котором приняли участие исследовательские компании четырех стран формировавшегося тогда «Единого экономического пространства» — Беларуси, Казахстана, России и Украины.

В концепции проекта мы во многом заимствовали и развивали идеи «Евробарометра». Главной идеей является регулярное (мониторинговое) измерение основных показателей социальных настроений жителей стран постсоветского пространства (ПСП). В 2006 году мы с коллегами из трех стран зарегистрировали Некоммерческое партнерство «Международное исследовательское агентство «Евразийский монитор». В него на сегодняшний день входит 10 организаций из 7 стран СНГ. В отдельных совместных проектах принимают участие и коллеги из всех других стран бывшего СССР, включая даже страны Балтии (хотя они члены ЕС). Ряд крупных проектов финансировался разными фондами, часть исследований (в частности, мониторинг социального самочувствия и политической лояльности, опросы дважды в год) проводится на средства самих участников Партнерства. Последние четыре года «Евразийский монитор» сотрудничает с Евразийским банком развития (ЕАБР), осуществляя по его заказу мониторинговое исследование «Интеграционный барометр ЕАБР»¹⁰ по измерению гуманитарного притяжения/отторжения стран друг к другу как фактора развития интеграционных/дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Важно отметить, что исследования «Евразийского монитора» открыты вплоть до первичных массивов данных (большая часть их уже находится в Едином архиве экономических социологических данных¹¹), и ими могут пользоваться все заинтересованные лица. Мы благодарны Центру интеграционных исследований ЕАБР, который с пониманием отнесся к этой особенности ЕМ и сделал публичными и данные «Интеграционного барометра ЕАБР».

¹⁰ См. <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/>

¹¹ <http://sophist.hse.ru/>

К сожалению, аналогом «Евробарометра» как правительственного института наш «Монитор» не стал, организационно он более похож на «Латинобарометр» как сообщество в основном частных компаний с отсутствием регулярного государственного бюджета. Это тяжело, но в каких-то аспектах позволяет сохранять гибкость и независимость. В Партнерстве «Евразийский монитор» ЦИРКОН пока выполняет роль центрального офиса консорциума, методического и аналитического центра, что для нашей маленькой компании, безусловно, высокая честь, но и серьезная ответственность (плюс зачастую дополнительное организационно-финансовое обременение, которое мы рассматриваем в общем почти как миссию). А в личном профессиональном плане для меня важными вехами стали сравнительные исследования по социальным страхам и тревогам, отношению к русскому языку и отношению к общей истории XX века, которые были проведены в 2006–2009 гг. в 14 странах постсоветского пространства (все республики СССР кроме Туркмении). Это были очень интересные работы и, на мой взгляд, недооцененные.

Пятый большой перерыв. Возвращение к интервью 5 октября 2015 г.

Игорь, Вы представили здесь ряд Ваш проектов, безусловно, они интересны и, скорее всего, дают полезную информацию Вашим заказчикам. Не могли бы Вы теперь привести в качестве примера какие-либо результаты Ваших поисков в области мониторинга и компаративистики. Проиллюстрируйте справедливость Вашего утверждения: «Иными словами стала появляться социологическая история страны». Какие книги, сборники статей по социологической истории России подготовлены ЦИРКОНОм?

Ну, я же говорил, что я не писатель, а сказитель. Шучу. Конечно, для маленькой компании мы выпустили очень много разнообразных текстов. Но большая часть — это отчеты по исследованиям и аналитические обзоры, предназначенные для потребления организациями — заказчиками. Это особый жанр, разительно отличающийся от жанра научной (академической) статьи или монографии. С одной стороны, он проще: не надо доказывать актуальность (она уже доказана самим заказом), не надо предварять результаты страницами ссылок на классиков и вписывать их в «контекст мировой науки», снабжая обширной библиографией. С другой стороны возникает много сложностей, связанных с тем, что материал должен быть воспринят и усвоен представителем совсем не социологического сообщества, а напротив человеком, далеким от него, и для которого надо подобрать адекватную форму и язык изложения. В общем очень много из того, что нами сделано, остается только в электронном виде и размещается на сайте ЦИРКОН в разделе «Публикации»¹². Там сейчас примерно 600 открытых документов и статей. А многое вообще остается в закрытых архивах заказчиков.

Но, конечно, в последнее время мы тоже немного поиграли в модную игру «покажи, каков твой хирш». Разобрали архивы, посмотрели, что из наших работ было опубликовано в журналах и сборниках, постарались зарегистрировать публикации в РИНЦ, разместили на Academia.edu и т.д. Надо сказать, забавное это занятие и, по-моему, на редкость бестолковое. Я уважаю своих академических коллег, но, когда вижу, как многие из них убиваются за свои статьи и их

¹² <http://www.zircon.ru/publications/>

индексацию в РИНЦ или паче чаяния в пресловутых Web of Science и Scopus, становится как-то неловко. Какой-то гениальный кукловод когда-то создал в своих интересах эту «машину признания», и теперь тысячи весьма неглупых людей вынуждены для сохранения своего социального статуса заниматься работой, не приносящей никому вокруг никакой пользы и даже не приращивающей никакого нового знания, но лишь добавляющей несколько баллов в «журнале успеваемости», который ведется где-то очень далеко и кем-то очень далеким от нас и нашей действительности. Ну, насчитала мне система ELibrary индекс Хирша = 8 (через пару месяцев, думаю, будет 9), и цитирований больше 400, ну и что? Для моей основной деятельности, как говорится, «не холодно, не жарко».

Являясь сотрудником-совместителем Института социологии РАН (сам работаю в секторе Владимира Петухова, с которым меня связывает многолетняя дружба и множество совместных проектов, а у ЦИРКОН с ИС РАН заключен долгосрочный договор о сотрудничестве) и Московского городского психолого-педагогического университета, я несу определенные обязательства «академического» свойства. То есть я тоже должен участвовать в этой «гонке признания». Но, честно говоря, я гораздо больше горжусь своей работой, если вижу ее результаты в решениях государственных органов или бизнес-корпораций, чем в статьях и сборниках «для своих». И, наоборот, расстраиваюсь, когда наблюдаю, как наши социальные управленцы самоуверенно наступают на грабли, игнорируя результаты многочисленных социологических исследований (наши и/или наших коллег). Именно это имею в виду, когда говорю о недооцененности некоторых работ.

Однако вернусь к вопросу о социологической истории страны. Вообще история какого-то явления возникает тогда, когда появляется возможность работать с артефактами этого явления (причем с первичными), изучать их и заново интерпретировать. Помимо разнообразных многолетних мониторингов, о которых я говорил ранее, в распоряжении современных российских социологов сейчас появляется все больше первичных массивов данных конца 80-х — первой половины 90-х годов. Это бесценный материал, позволяющий противостоять некорректной мифологизации данного периода российской истории, сформировать базу для повторных исследований с целью измерения сдвигов, произошедших за 20–25 лет, заново переосмыслить многие явления тех и нынешних лет. Мы вот открыли у себя на сайте рубрику «Неизвестный ЦИРКОН», в рамках которой начали выкладывать ранее непубликовавшиеся работы 90-х годов. Есть большое желание повторить некоторые исследования того времени, например, проект «Катастрофическое сознание в современном мире», который реализовывался в ИС РАН под руководством Шляпентоха, Шубкина и Ядова в 1996–98 гг., а мы там были соисполнителями (до сих пор горжусь тем, что нашу схему построения выборки тогда положительно оценил сам полумифический «Шляп»). Хочется воспроизвести и более позднее исследование 2005 года «Качество власти». Я знаю, у коллег из ФОМ и ВЦИОМ также лежат в архивах не поднятые кладези данных. Недавно вот вспомнил, что где-то в 1994–1995 гг. у ФОМ было интересное исследование по восприятию российскими гражданами Украины, вот интересно было бы сейчас посмотреть на него.

Вообще открытые архивы данных — главный институт социологической истории, и в этом смысле упомянутый Единый архив социологических и экономических данных, а также Банк социологических данных ИС РАН делают очень большое и нужное дело. Но очень много данных находится в закрытых архивах разных организаций или даже в частном хранении (например, у какого-нибудь политтехнолога, проводившего какие-нибудь фокус-группы перед выборами где-нибудь на Крайнем Севере в лохматом 93-м году). Я как-то предложил Г.Павловскому создать частный архив политической аналитики, в который можно было бы собрать по сусекам эти пропадающие свидетельства эпохи, и мы даже по этому поводу поговорили немного (см. <http://gefter.ru/archive/10788>), но что-то не заладилось...

А что касается книг и статей, то, конечно, хотел бы обратить внимание на три сборника под общим названием «Интеграция в Евразии. Социологическое измерение», которые были выпущены по итогам исследований «Евразийского монитора» 2004–2010 гг. Это уже социологическая история не только России, но и новых государств постсоветского пространства (кстати, в некоторых странах только с появлением «Евразийского монитора» возник национальный мониторинг социального самочувствия). С 2012 года ее продолжили ежегодные доклады «Интеграционного барометра ЕАБР». И надеюсь, эта история не закончится еще долго. 😊

Вы сейчас едко покритиковали «систему признания», как Вы говорите, академических коллег. Но скажите, какие другие показатели кроме публикаций и ссылок на них могут характеризовать профессиональный успех социолога? Что социологи вообще могут оставить после себя кроме текстов и памяти об их авторах? Кстати, как Вы оцениваете Ваши собственные исследования, когда их можно считать успешными, а когда нет? В чем Вы видите успех ЦИРКОН, в чем, напротив, неудачи?

Вообще говоря, в теории ответы на Ваши вопросы просты. Успех — это достижение цели. Нет целей — нет успеха, и нет неудачи. У ученого какая цель? Во-первых, постичь истину, понять реальность, открыть для себя что-то новое, но этот успех, полагаю, адекватно может оценить только сам субъект (самооценка самореализации). Во-вторых, донести свой успех познания до других таких же и получить от них признание этого успеха — символический капитал, и тут вступают в силу законы борьбы и конкуренции, такие же, как и в случае борьбы за любой другой ресурс и капитал. Остаются в памяти не только те, кто что-то открыл, но и те, кто в конкурентной борьбе завоевал право остаться Автором.

У прикладного социолога вообще-то нет цели открыть что-то новое и/или получить ученые степени как свидетельство признания (со стороны «академиков»). Для индустриального производства (а прикладная социология уже давно является индустриальным производством) главным стейкхолдером является клиент, потребитель, а целью — производство потребительской стоимости в виде соответствующих услуг или информационных продуктов. Значит, главным критерием успеха для прикладников является то, что информация, полученная нами в результате исследования, была потребителем усвоена, использована и оценена как качественная и полезная. Я, например, знаю много конкретных решений, принятых в бизнес-компаниях и в органах государственного управления на

основе наших исследований. И это несомненно успех. Выражением такой оценки потребителем во многом (но не во всем!) должна являться высокая рыночная цена нашего продукта, финансовый рост и дальнейшая востребованность исследователя на рынке.

Это так в теории. На самом деле все значительно хуже. Наш интеллектуальный рынок серьезно деформирован туманом и непрозачностью конкурсов и тендеров, частыми случаями нерыночных отношений Заказчика и Исполнителя, низкой квалификацией, а порой и нарочитым антисциентизмом потребителей (многие из них упорно едят псевдосоциологический фастфуд и знать не желают о существовании «вкусной и здоровой пищи»). Наши социально-политические управленцы часто не умеют и/или не хотят использовать социологическую информацию в своей системе принятия решений. Всегда в таких случаях вспоминаю 2004 год, когда мы с коллегами написали кучу записок «наверх» о неприемлемости той концепции «монетизации льгот», в которой не учитывается символическая значимость для людей статуса льготника (как правило, ветерана), так ведь там наплевали на это, и с упрямством догматиков «экономического империализма» реализовали свое понимание социальных отношений, где все определяется деньгами и экономической эффективностью. Ну, и получили то, что получили. И это характерный пример нашей профессиональной неудачи. К сожалению, не единственный.

В этой ситуации дефицита должной и квалифицированной оценки со стороны потребителя (клиента) хороший прикладной социолог вынужден искать иные системы профессионального признания. Кто-то наращивает символический капитал через СМИ и активную публицистику, кто-то периодически бежит в соседнее племя «научных» социологов за тамошними перьями и татуировками (ученые степени и статьи в академических журналах), кто-то начинает активно тусоваться на разных статусных форумах и в среде приближенных и «знатных» советников.

На мой взгляд, нашему профессиональному сообществу надо бы сформировать свои собственные знаки признания и свои критерии успеха. Если у нас нет своего аналога Music Awards (премия за лучшие показатели продаж в мире поп-музыки, то есть признание потребителей), то надо создавать аналог Grammy (премия Академии звукозаписи, то есть признание профсообщества). Вот Ассоциация региональных исследовательских центров «Группа «7/89» с 2004 года ежегодно публикует рейтинг столичных исследовательских компаний на основе их оценки региональными партнерами (как правило, более 100 компаний-оценщиков каждый год). И то, что Группа ЦИРКОН на протяжении последних 7 лет входит в Топ-5 этого рейтинга с точки зрения профессионализма и репутации, я считаю успехом. Кстати, когда наша компания получила главный приз в первом открытом конкурсе лучших исследовательских проектов 2014 года, проводимом той же Ассоциацией «7/89»¹³, мне было очень приятно, и, несмотря на всю условность конкурса, я также оценил это как успех. Думаю, на Грушинской конференции можно было бы ежегодно вручать подобные премии, тем более, что это одно из немногих мест, где встречаются и «академики» и «прикладники», и где профессиональная оценка может проводиться по строгим

¹³ Проектом года было признано инициативное исследование ЦИРКОН «Социологический анализ опыта использования современных технологий электронной демократии», См. <http://789.ru/news/13328-kubok-789-winners.html>.

критериям обеих частей большой семьи социологов. В этом смысле с признательностью (хотя и не без самоиронии) вспоминаю неожиданное награждение в 2012 году нас с Валерием Федоровым Серебряной медалью имени Питирима Сорокина «За вклад в науку». Я сильно сомневаюсь в своем вкладе в социологию как науку, но награждение от имени академического сообщества (медаль вручалась М.Горшковым и Г.Осиповым от имени ИС РАН и ИСПИ РАН) двух сугубых прикладников была знаком того, что где-то мы все-таки можем друг друга узнавать и признавать.

Говоря про критерии успеха исследовательской деятельности, задаваемые либо клиентами, либо коллегами, нельзя не вспомнить и о личных критериях самого исследователя, в т.ч. эстетических. Знаете, вот есть исследования красивые и не очень, доставляющие удовольствие от работы, и, напротив, вызывающие желание забыть их поскорее как кошмарный сон. И эту красоту или уродство исследования задает прежде всего Его Величество Метод. Конечно, в прикладной индустриальной социологии исследователь очень часто не волен выбирать и формировать желаемый метод исследования, но если такая возможность есть, то тогда работа может быть сделана красиво — чисто, ярко и с правильностью линий. По крайней мере в восприятии самого исследователя. Вот, честное слово, мне нравится наше инициативное исследование «Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения» 2012 года, где использовался комплекс разных исследовательских процедур, и которое оставило доброе настроение от встречи со многими очень интересными и добрыми людьми. Несмотря на отрицательное отношение к изучаемому предмету мне нравится заказное исследование «Общественное мнение о легализации короткоствольного огнестрельного оружия» 2010 года, выполненное в виде эксперимента в парадигме «обогащения общественного мнения». Или вот два недавних проекта 2014 года, которые вообще очень необычны по методике, и которые делались в формате collaborative open research — «Самоуправление в старообрядческих общинах. Социологические экспедиции» и «Социологический флешмоб «Пять вопросов учителю». Такие проекты доставляют радость от работы и спасают нашу профессиональную жизнь от рутины. И пусть почти ничего из этого потом не остается в академических статьях. Уверен, у всех участников этих проектов — от авторов до респондентов — осталось от них в памяти что-то хорошее.

И, если говорить про методические достижения, конечно, нельзя не вспомнить про две разработанные нами методики — «Методику прогнозирования итогов выборов по опросным данным на основе вероятностной модели электорального поведения» (2004) и «Методику оценки качества прогнозирования итогов выборов» (1995). Ни одна из них не нашла отражения в научных журналах. Но они реально используются, причем уже далеко не только нами, слышал, что по первой из них даже защищаются магистерские диссертации, и не только в России. Так что кое что от нас останется. Пусть и без имени. Как говорят в таких случаях, «ляжем в почву», и то хорошо.

Но, кстати, об именах. Пользуясь случаем, очень хочу назвать хотя бы основных сотрудников ЦИРКОН последних лет, благодаря вкладу которых собственно и стали возможными наши успехи как компании. Это уже давно работающие в группе Людмила Шубина, Елена Халкина, Дарья Мальцева, Наталья Грибунина, Борис Полторацкий. Нельзя не вспомнить также много лет отдав-

ших ЦИРКОНу ранее Людмилу Стрельбицкую, Алексея Комисарова, Елену Колесникову, Виктора Мойсова, Дмитрия Зайцева, Наталью Возжову, Дмитрия Коноваленко. Всем им я очень благодарен.

Вы в своих репликах о деятельности ЦИРКОН называли много исследований, которые явно и существенно отличаются друг от друга и по объекту, и по предмету. Как можно проводить исследования на столь разные темы одному небольшому коллективу? Не несет ли такая разноплановость риски поверхностного, непрофессионального подхода к научно-исследовательской работе? Не получается ли так, что прикладные социологи не являются специалистами ни в чем, бегая от темы к теме?

Конечно, поверхностность, упрощение, конвейерность в любой индустрии присутствует. И для нашей отрасли это исторически обусловлено. К сожалению, у нас только сейчас стали появляться т.н. «нишевые» исследовательские компании, которые специализируются на каком-нибудь одном предметном поле. Пример — Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ), основы деятельности которого в свое время формировали именно специалисты в социологии финансового поведения (Ольга Кузина и Диляра Ибрагимова), с которыми мы начинали когда-то свой МФАН. Есть компании, работающие только в сфере медиаисследований, социологии религии, социологии города и т.п. Специализация позволяет сотрудникам набирать достаточную компетентность в определенной тематике (предмете или объекте исследований), формировать многолетние базы данных, отрабатывать технологии работы с определенным объектом и т.п. Так, как это устроено в научной сфере. Но в российской прикладной социологии это стало возможным только последние лет десять. А в 90-х, чтобы выжить, первые частные исследовательские компании вынуждены были браться за всё подряд, невзирая на подготовку персонала и отсутствие опыта. И сейчас в нашей индустрии есть исследовательские фабрики универсального толка, но это уже другие компании, по-другому построенные. Они уже не претендуют на конечные выводы по теме исследования и зачастую ограничиваются только сбором и первичной обработкой данных. А комплексирование информации разной природы и из разных источников, глубокий анализ материала и интерпретация результатов, в т.ч. формулирование выводов, отдается специалистам-предметникам, экспертам, аналитическим центрам. Исследовательские компании концентрируют свою компетентность прежде всего в методах и технологиях (в т.ч. организационных), порой даже только в методах сбора первичных данных. Некоторые наши коллеги формулируют это еще жестче: «мы продаем не исследования, мы продаем исследовательские процедуры». В этом случае становиться специалистами в определенной теме, предмете уже необязательно.

На мой взгляд, такое положение есть свидетельство как раз индустриального характера прикладной социологии, для которого существенно разделение труда и специализация не на предмете или объекте исследования, а на определенном фрагменте его технологического цикла. Так же как это сформировалось в свое время в медицине. Сейчас нет врачей, которые бы и диагностировали болезнь, и прописывали бы лечение, и собственно лечили бы, а ночами еще проводили вскрытие умерших, чтобы открыть причину смерти и внести свой вклад в медицину как науку. Сейчас есть отдельно медицина как диагностика, как

профилактика, как лечение (терапия или хирургия), как наука, в конце концов. Но этими разными делами занимаются разные люди. И социолог-универсал, который может и теоретическую модель явления построить, и методологию исследования разработать, и реально эмпирическое исследование провести, и результат убедительно представить сторонней аудитории (заказчику, спонсору, общественности), и опять же ввести этот результат в научный оборот — это уже большая редкость и по большому счету уходящая натура. Профессионализм и компетентность в прикладной социологии — это, прежде всего, специализация и способность к кооперации с другими специалистами. По-настоящему глубокие социологические исследования сейчас это, как правило, работа сотен, а порой и тысяч людей и очень многих организаций.

Естественно Группа ЦИРКОН как компания, работающая на рынке прикладных исследований, тоже следует указанным правилам. Во-первых, мы не претендуем на разработку теоретических моделей изучаемого социального явления, стараясь заимствовать их из литературы или приглашая специалистов-предметников. Хотя, честно говоря, в некоторых проектах это не удастся: то времени нет (заказчик все хочет очень быстро, еще вчера), то денег не хватает, то специалистов по какой-то теме невозможно найти. В этом случае мы вынуждены разрабатывать операциональную модель *ad hoc*, согласуемую с заказчиком. Во-вторых, мы не претендуем на теоретические обобщения и глубокие интерпретации полученных результатов, отдавая это на откуп экспертам в проблематике или самому заказчику, который порой лучше других понимает, что означают те или иные цифры по итогам социологического измерения, и почему они такие. Но, конечно, мы настаиваем на своем праве выбора метода исследования после того, как поставлена задача, и определены ресурсы. Вот это уже наша компетенция.

Исходя из названных ограничений, мы позволяем себе заходить в разные предметные области, что порой внешне кажется безответственным поведением, вызванным сугубо коммерческим интересом (заказ такой пришел). На самом деле как весьма небольшая компания (*research boutique*) мы уже давно концентрируемся на нескольких избранных направлениях социологических исследований, часто отказываясь от непрофильного заказа. Первой исторической специализацией ЦИРКОН, на которой у нас в общем и появилось имя — это электоральные исследования, сейчас мы этим занимаемся не часто, но это бывает (по просьбам друзей). Потом у нас был период, когда мы много занимались финансовым поведением населения и медиапотреблением. Наконец, где-то с 2007 года был резкий поворот в сторону изучения гражданского общества и некоммерческого сектора.

Как «социологический бутик» (ЦИРКОН так позиционирует себя с 2000 года) мы всегда были вынуждены искать новые перспективные ниши на исследовательском рынке, пока туда не заходили брендовые «слоны» и не давили нас своей массой и админресурсом. Смею сказать, что в исследованиях электорального и финансового поведения населения мы были пионерами в России. Потом, когда это стало мейнстримом, мы стали искать новые направления. Где-то мы угадывали, где-то не очень.

В 2003 году я подумал, что в ближайшие годы бизнес должен будет по-настоящему заняться персоналом как своим важнейшим ресурсом (см. выступление на Круглом столе в Клубе корпоративной культуры «Ренова»), а, значит, в ближайшее время будут востребованы методики внутрикорпоративных иссле-

дований удовлетворенности, вовлеченности, корпоративной культуры и пр. То есть, я фактически предсказывал возрождение умершей в начале 90-х заводской социологии, имевшей очень серьезные традиции в советский период. В чем-то мы угадали, и у нас были работы по такой тематике и для Газпромнефти, и для РУСАЛа, и для Росатома. Но спрос все-таки был меньше, чем я ожидал, к тому же на этом поле мы проигрываем иностранным компаниям, имеющим огромный опыт и глобальные базы данных для отраслевых сравнений.

В 2009 году мы создали в Московском психолого-педагогическом университете лабораторию по социологии детства. Сначала коллеги надо мной смеялись («это еще что за рынок?»), но потом после Послания Президента Медведева, в котором он заявил о «политике в области детства» как о новом приоритетном направлении государственной политики, несколько изменили отношение. Мы действительно довольно много исследований провели в области школьного образования, хотя именно детство как социальное явление все-таки не стало распространенным предметом исследования.

А вот со сравнительными международными исследованиями на постсоветском пространстве и с исследованиями в области гражданской активности мы вроде попали. Последние 7–8 лет эти направления составляют значимую долю наших работ и финансового оборота. И в этих предметных полях (с указанными выше ограничениями) мы чувствуем себя довольно уверенно и, надеюсь, делаем совсем не поверхностные работы. Хотя, тут тоже уже становится тесно, и крупные игроки появились.

Вообще, по прошествии многих лет все наши виражи в разные предметные области кажутся движением в одном направлении: мы все время изучаем социальные инновации. Было время, когда свободные выборы были инновацией, мы занимались электоральным поведением, потом возникло то, что раньше отсутствовало у советского человека — инвестиционная активность, мы стали изучать ее, и так далее, много разного, включая социальное предпринимательство, инновационные поселения, взаимодействие человека с новыми медиа. Жизнь не оставляет нас без социальных новаций, поэтому с большой вероятностью, в ближайший год мы совершим очередной маневр. У меня на этот счет есть две идеи, но я их сейчас не скажу, даже не спрашивайте.

Последний перерыв. Возвращение к интервью 5 ноября 2015 г.

Хорошо, секреты будущих исследовательских направлений я у Вас выведывать не буду, а напоследок хотел бы спросить совсем про другое. Вот Вы, когда говорили про достижения свои и ЦИРКОН, называли разные проекты, которыми гордитесь, но совсем не рассказывали о такой Вашей ипостаси, в которой, как мне кажется, Вы известны даже больше, чем в своих работах и тем более статьях. Вы же еще организатор разных профессиональных ассоциаций, клубов, конференций. Вы почему про это молчите?

Я комплексую 😊 В нашей российской культуре автор творческих произведений всегда ценится выше организатора «производственного процесса». Вот в свое время барельеф Саввы Морозова висел на стене МХАТ вместе барельефами Станиславского и Немировича-Данченко, но кто сейчас об этом помнит... Конечно, в западных странах великие менеджеры и продюсеры в пантеоне славы

всегда стояли вровень с великими писателями, художниками и актерами. Но у нас не так (исключения вроде Дягилева и Юрока только подтверждают правило). И в среде научных творцов гордиться своими организационными достижениями не принято, порой даже неприлично.

А вот для меня организационное творчество всегда было именно творчеством, сродни научному или художественному. Причем «управление и организация» является творчеством не только в смысле содержания процесса (те же порой мучительные поиски решения, те же озарения и инсайты), но и в смысле эмоциональной окраски. Когда каким-то чудесным образом удастся соединить множество разных людей, мотивировать их на одну цель, подобрать для них удобную схему взаимодействия, составить эффективный план, найти и сконцентрировать разные ресурсы для работы и так все закрутить, что в результате появляется рабочая организационная структура, живущая уже своей жизнью (пусть и недолго как временной проект) и производящая что-то ценное для других, то испытываешь необычайную радость, почти счастье, как будто сделал какое-то открытие или написал замечательную музыку (последнее я никогда в жизни не делал, но почему-то полагаю, что чувства те же).

И да, у меня в жизни был ряд удачных организационных проектов (еще больше неудачных), и я рад, что часть из них вполне функционирует до сих пор. У каждого человека, занятого творчеством, есть свои особые увлечения, и у меня тоже они есть: я увлечен организацией некоммерческих общественных (зачастую неформальных) объединений — ассоциаций, партнерств, клубов, т.н. «деятельных сообществ» и т.п. Когда-то во второй половине 80-х занимался созданием клубов «компьютерного всеобуча» и ассоциации «компьютерных организаций» Москвы. А потом уже в цирконовскую пору жизни все организационные проекты были, естественно, связаны с профессиональным социологическим сообществом.

Начало этим проектам было положено с создания, поддержания и расширения Базы данных «Социологические центры и коллективы России». Поначалу мы полагали, что инвестиции в этот проект окупятся за счет продаж Базы как коммерческого продукта. Но быстро поняли всю наивность этого плана и перевели его в сугубо общественную миссию. Уже 15 лет поддержание Базы как средства коммуникации и представления российских исследовательских центров осуществляется за счет средств ЦИРКОН и эпизодических спонсорских взносов коллег, которым мы всегда благодарны. Несмотря на многократные попытки других субъектов повторить продукт, База ЦИРКОН и по сей день является самой полной открытой базой и вместе с порталом Sociologos.ru составляет, пожалуй, единственную информационно-представительскую платформу всей российской прикладной социологии.

Среди удачных организационных проектов, безусловно, следует назвать и создание Ассоциации региональных исследовательских центров (Группа «7/89»)¹⁴. Честно сказать, я очень много отдал этому делу с 2000 по 2008 год. Недавно вот просматривал архивы переписки по этой Ассоциации, так там столько много всего поучительного! Как сделать так, чтобы в клубе, в котором вроде бы не очевиден понятный профит, и который не имеет официального статуса, всем участникам было бы интересно, комфортно и полезно? Как соединить

¹⁴ См. www.789.ru

людей с разными профессиональными биографиями, интересами и стилями коммуникаций для плодотворного сотрудничества? Сейчас, когда Группа «7/89» по праву считается одним из самых деятельных и эффективных профессиональных объединений исследователей в России (по моему мнению, так самое деятельное), трудно представить, что судьба ее могла бы быть типичной для судеб десятков подобных инициатив, которые умирали через год-два после торжественных деклараций о сотрудничестве и совместной деятельности. Просто по причине отсутствия личной персональной энергетики двух-трех сумасшедших фанатов ассоциативного дела. К счастью, в Группе «7/89» их оказалось даже больше. Всех назвать трудно, но вклад в становлении Ассоциации, который сделали Роман Могилевский (Санкт-Петербург), Сергей Цыпленков (Калининград), Владимир Звоновский (Самара), Василий Токарев (Волгоград), и в последнее время Анна Благодарова (Саратов) и Сергей Проценко (Ростов-на-Дону), нельзя не отметить.

Успешное создание Группы «7/89» сподвигло на попытку формирования аналогичной профессиональной ассоциации уже на более широком пространстве стран бывшего СССР. Но, к сожалению, Партнерство «Евразийский монитор», поначалу довольно активное в совместных проектах и коммуникациях, в последние пару лет потеряло энергетику. Меня уже не хватает на это дело, а партнеры почему-то стесняются брать инициативу на себя... Я по-прежнему думаю, что «Евразийский монитор» еще не раскрыл всех своих возможностей, и у него впереди новые серьезные достижения, но, уже понятно, что международная профессиональная кооперация — штука гораздо более сложная и тонкая, чем взаимодействие в рамках одной страны. Порой надо быть настоящим дипломатом даже при разработке анкеты очередного межстранового опроса. А этой компетенции нас не обучали.

Не очень удачным оказался и опыт организации Технического комитета по разработке стандартов качества исследований. Необходимость таких стандартов очевидна всем, кто постоянно работает на рынке прикладных социологических исследований, индустриальное производство не может не иметь стандартов качества, признанных профессионалами отрасли. Тему эту даже не хочу обсуждать сейчас, очень уж она болезненная. Кратко скажу только, что инициативу региональных коллег (отмечу здесь большую работу Ольги Рыбаковой, Татьяны Немтиновой, а также Николая Бабича), с которыми мы вместе разрабатывали проблематику стандартизации на протяжении трех лет (2008–2011 гг.)¹⁵, просто убили транснациональные компании, входящие в ОИПРОМ. Очевидно, что у них другие интересы, и этот конфликт еще ждет своего разрешения. История в принципе не закончилась, и теперь из-за того, что вовремя не сделали, что надо, ситуацию придется мучительно исправлять (я имею ввиду ситуацию с утвержденным с подачи Минобрнауки и без всякого обсуждения с профсообществом совершенно абсурдистским госстандартом «Надлежащая практика гуманитарных исследований»). Но я этой темой заниматься больше не хочу.

Конечно, можно еще вспомнить и о работе Локк-клуба — это проект 2010–2013 гг., который мы реализовывали вместе Ниной Беляевой и ее кафедрой публичной политики ВШЭ. Что интересно, Нина — известный либерал и западник, я — в большей мере технократ-государственник и скорее почвенник, но

¹⁵ На сайте http://www.sociologos.ru/cennosti_i_standarty/ много публикаций на тему стандартов в прикладной социологии.

в течение почти трех лет нам удавалось интересно сочетать в деятельности Клуба эти два полюса, которые задавали хорошее содержательное напряжение. Тут нам дипломатии хватало. До Крыма, конечно...

А если говорить о более радостных вещах, то, конечно надо сказать об «Открытом мнении». Вот этот в общем-то именно организационный проект подарил по-настоящему счастье совместного бескорыстного сотворчества. По сути это одна из первых в России попыток создания профессионального «деятельного сообщества» (community of practice). «Деятельные сообщества» — новый тип экономических агентов, устроенных как клуб, но ориентированных на производство продукта как предприятие. Чем-то напоминает артели свободных художников и ремесленников. Тема эта меня очень занимает последние годы.

«Открытое мнение» — это независимая группа профессиональных социологов, в основе деятельности которой лежит принцип совместных открытых исследований (collaborative open research — COR). В нашем случае это означает соблюдение трех базовых принципов: 1) инициативность и независимость: исследовательские проекты иницируются и реализуются независимой группой профессиональных социологов и представителей общественности на условиях сетевой кооперации и добровольного сотрудничества специалистов из разных организаций в отсутствии какой-либо формальной иерархической структуры; 2) открытость и прозрачность: проекты реализуются максимально открыто (публично) на всех этапах технологического цикла исследования, а их результаты (включая первичные массивы данных и сопутствующие «параданные») становятся доступными всем желающим для анализа и публикации; 3) самообеспечение и неангажированность: проекты финансируются за счет средств участников и/или полученных в рамках краудфандинга (открытого публичного сбора средств).

За время существования группы «Открытое мнение» ее участниками были реализованы уже 7 полноценных исследований, среди которых я бы отметил прежде всего «Открытое мнение — Россия» (массовый опрос во время электоральной кампании Президента РФ 2012 года, про него много чего написано), 2) «Открытое мнение — Москва-2013» — уникальный экспертный анализ опросной практики четырех ведущих социологических служб (ВЦИОМ, Левада-Центр, Синовейт Комкон, Фонд «Общественное мнение»), проведенных во время электоральной кампании 2013 года, когда была достигнута беспрецедентная договоренность о раскрытии перечисленными организациями исследовательского инструментария и баз данных проведенных опросов; 3) «Социологический флешмоб «Российский учитель: 5 вопросов о жизни и профессии» (публичная опросная процедура в формате «коллективного действия» около 140 социологов-волонтеров в сентябре 2014 года), 4) «Открытое мнение — Калининград-2015» — уникальный репрезентативный опрос избирателей Калининградской области, проведенный по смешанной выборке силами сразу шести исследовательских центров.

По итогам первого эксперимента были опубликованы аж четыре статьи в «Социологическом журнале». В сети Facebook создана группа «Проект «Открытое мнение»» (<http://www.facebook.com/groups/289593911076225/>). По состоянию на ноябрь 2015 года в нее входят уже более 500 участников, причем их число постоянно увеличивается. Работает сайт openopinion.ru. В общем любой желающий может узнать о проекте подробнее и паче чаяния присоединиться

к нашей деятельности. Успех «Открытого мнения» (а я считаю этот проект очень успешным) не мог бы состояться без активного участия в нем нескольких коллег, поверивших в идею COR и отдающих общему делу часть своего времени. Это прежде всего Иван Климов, Сергей Давыдов, Григорий Добромелов, Мария Мацкевич, Владимир Звоновский.

К ряду «дипломатических» (речь, конечно, идет о внутриотраслевой дипломатии) организационных проектов можно отнести и мое участие в восстановлении нормального функционирования ВЦИОМ после ухода из него команды Юрия Левады. Я вообще тяжело переживаю конфликты внутри профессионального сообщества, даже, когда они меня не касаются напрямую. А тут надо сказать, обе стороны (и государство как собственник тогдашнего ГУП «ВЦИОМ» и трудовой коллектив) наделали много такого, что вообще-то выглядит стыдно и нанесло очевидный вред репутации отрасли. Несмотря на то, что сам я, понятное дело, «частник» и «мелкобуржуазный элемент», я полагаю, что государство имеет право и даже обязано иметь именно государственный исследовательский институт прикладной социологии, функционирующий наравне с частными и общественными (некоммерческими) институтами. Поэтому в течение пары лет 2003–2005 гг. я потратил немало времени на консультационную и кадровую помощь ВЦИОМ, пока он был в тяжелом положении. Сейчас ВЦИОМ вполне успешная компания, стремящаяся повысить качество своей работы, всерьез озабоченная совершенствованием методических и технологических характеристик проводимых опросов. И ЦИРКОН постоянно участвует в различных методологических экспериментах ВЦИОМ, будь то разработка схем репрезентативных всероссийских выборок, постановка регулярных всероссийских телефонных опросов, перевод опросов face-to-face на безбумажные (планшетные) технологии и т.п.. А Валерий Федоров, имевший в 2003 году очень мало оснований для занятия должности директора такой структуры (он об этой моей позиции того времени хорошо знает), стал вполне признанным профессионалом, с которым у меня сложились хорошие и уважительные отношения. Хотя я не приветствую его стремление добавить к исследовательской сути ВЦИОМ политконсалтинговую компоненту, но тут, похоже, политологическое образование Валерия Валерьевича и своеобразие Генерального Заказчика берет верх.

С 2010 года много сил отдаю и работе в Оргкомитете Грушинской конференции. Вот в следующем году будем проводить уже 6-ю конференцию, и каждый раз ее содержательное наполнение (концепция и программа) это тоже интересная организационная задача «со многими переменными». Сейчас Оргкомитет Грушинки – это уже постоянное сообщество заинтересованных людей (то самое community of practice), с которыми зачастую непросто, но почти всегда интересно. Но про это, полагаю, Вы хорошо знаете, как участник программы ряда конференций «Продолжая Грушина». Надеюсь, в ближайшее время встретимся на Оргкомитете.

Спасибо большое за интересное интервью! Желаю дальнейших успехов в Вашем деле.

Спасибо и Вам, Борис Зусманович. Я очень благодарен Вам за предоставленную возможность иногда подумать про себя и свою жизнь. Конечно, разумный и образованный человек обязательно должен периодически останавливаться

и рефлексировать, оценивать сделанное и прожитое, но на практике это же далеко не всегда получается, все бежим, спешим, суетимся... Такие процедуры, как Ваши интервью, заставляют взглянуть на себя как бы со стороны, оценить, что сделал, чего добился, что не получилось. Сделать выводы и обобщения. Причем честно для себя и понятно для стороннего наблюдателя. Ведь очень много интересного было в жизни, рассказывать можно долго, но наверное надо сказать что-то главное, про самое важное и поучительное для других.

Вот я пока размышлял над Вашими вопросами, вдруг осознал себя каким-то Колобком. Ну, действительно, в своей жизни я несколько раз был очень близко к Власти (четырех последних руководителей страны видел на расстоянии вытянутой руки), в какие-то моменты был близок к большим Деньгам (получал приглашения на работу от трех персон, входящих в российский Форбс-50, с двумя так вообще одно время приятельствовал), был лично знаком и много общался с действительно большими Умами (практически со всеми ведущими социологами России последних 25 лет и не только социологами). И что? От всех ушел, как Колобок... Очевидно, что я не воспользовался всеми «окнами возможностей», открывавшимися для меня Провидением. Но с другой стороны, возможно, от чего то уберегся. Хоть и остался как мой дед «ремесленником-одиночкой», но в общем ничего никому не должен. Кроме учителей, конечно, долг которым невозвратен. И уж точно, мне никогда не было скучно. Я без всяких внешних «окон» делал иногда очень решительные и захватывающие виражи в своей деятельности. Сейчас, конечно, возраст уже требует быть поспокойнее, но, надеюсь, на пару-тройку поворотов меня еще хватит. Да и жизнь вокруг постоянно задает новые исследовательские задачи. Надеюсь, нам будет, о чем рассказать, и в дальнейшем. Заходите, в нашей мастерской всегда интересно.

Интервью с Григорием Артуровичем КЛЮЧАРЕВЫМ

«МОЙ ПУТЬ В СОЦИОЛОГИЮ ОКАЗАЛСЯ ДОЛОГ И ТЕРНИСТ»

Ключарев Г. А. — окончил физический факультет Московского государственного педагогического института (МГПИ им. В. И. Ленина, 1979), доктор философских наук (1994), профессор по кафедре философии (1995) Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт», visiting professor, Институт образования, Ноттингемский университет (Великобритания); руководитель Центра социологии образования, науки и культуры, Институт социологии РАН, член Правления Общества «ЗНАНИЕ» России.

Основные области исследования: социология образования и науки, непрерывное и дополнительное образование, образовательные системы, инвестиции в образование, наукоемкие технологии, технонаука. Интервью состоялось: июнь — октябрь 2014 г.

Григорий Артурович Ключарев представляет младшую страту 4-го поколения советских / российских социологов, это — первая послевоенная когорта. К настоящему времени, конец октября 2014 года, мною было проведено 17 интервью с членами этой профессионально-возрастной общности. Если иметь в виду базовое образование, то среди них есть философы и историки, филологи и психологи, специалисты с юридической и медицинской подготовкой. Ключарев — единственный дипломированный физик.

С одной стороны, это удивительно, ведь в предыдущем, 3-ем социологическом поколении число математиков, физиков, инженеров было весьма заметным. Так, из 23 моих собеседников 9 человек пришли в социологию, имея солидную математическую подготовку. С другой стороны, такое уникальное положение Ключарева в своем социологическом поколении вполне объяснимо; математики из предыдущего «призыва» в целом выполнили возлагавшиеся на них функции. Ими была налажена, отлажена система обработки социологических наблюдений и внедрены в практику научные приемы комплектования выборок. Математики, физики оставались востребованными, но уже как логики, концептуалисты.

Можно согласиться с Ключаревым, назвавшим свой путь в социологию долгим и тернистым. «Долгий» — это ясно, продолжительный, Ключарев окончил институт в конце 1979 году, а начал заниматься социологическими исследованиями лишь на рубеже прошлого и нынешнего веков. Тернистость пути, по мнению Ключарева, заключается в характере его конфигурации: сначала (1985 г.) была защищена кандидатская диссертация по физико-философским аспектам проблемы симметрии, затем (1994 г.) — докторская работа по логико-социальной теме — эволюции языка человековедения. Но на мой взгляд, это не тернистость как сложность, опасность, а тернистость как процесс созревания социального мышления. Переход от «чистых» философских изысканий к исследованиям в области социологии образования можно рассматривать как «прямое» продолжение работы Ключарева на ответственных постах во Всесоюзном обществе «Знание». В СССР эта организация по сути была инструментом развития непрерывного и самостоятельного образования. Именно этот круг вопросов и разрабатывает в последние годы Григорий Ключарев.

Ключарев Г. А.: «Мой путь в социологию оказался долг и тернист»

Григорий, в принципе Ваш путь в социологию, хотя он начинался из физики, не единичный... многие из действующих и, к сожалению, уже ушедших из жизни социологов имеют (имели) университетское математическое, физическое, кибернетическое образование. Вместе с тем, траектория жизни каждого человека уникальна...

Вы правы. Мой путь в социологию оказался долг и тернист. По основному профессиональному образованию я учитель физики на английском языке. Нас готовили в МГПИ им. Ленина для работы в африканских странах, к которым в СССР был интерес. Но к моменту окончания вуза интерес к этим странам значительно ослаб и мы были предоставлены сами себе.

Мне удалось поступить там же в философскую аспирантуру по специализации «Философские вопросы физики» исключительно благодаря В. С. Готту, 100летие которого мы недавно отметили. Это был очень мудрый и доброжелательный человек. Он и сумел сделать так, чтобы меня без философского образования взяли в философскую аспирантуру. Правда, я самостоятельно читал многих философов, чтобы восполнить пробелы в моих знаниях. После защиты диссертации «Методологическая роль симметрии и асимметрии в построении научных теорий» несколько лет работал в Правлении Всесоюзного общества «Знание». За эти годы удалось лично познакомиться с такими блестящими учеными как А. А. Гусейнов, В. Н. Шевченко, В. И. Жог, К. Х. Делокаров, Р. Г. Бдулатипов, Р. Г. Яновский, А. Н. Чумаков, Р. Г. Косолапов, С. С. Саидкасимов и многими-многими другими. Думаю, именно общение с ними позволило мне приблизиться к профессиональной научной деятельности, к пониманию того, что может наука в современной жизни.

А дальше все было просто. С распадом страны всесоюзные организации распускались (Общество «Знание» России благополучно действует и сейчас) и проблему моего трудоустройства решили А. Л. Андреев и М. К. Горшков. Сначала я работал в Российском независимом институте социальных и национальных проблем (об этом негосударственном НИИ стоит как-то рассказать особо), где я опять-таки, неформально, на рабочем месте постигал азы социологии у таких мэтров как М. П. Мchedlov, А. Г. Здравомыслов, Н. Е. Тихонова, В. В. Петухов, Ф. Э. Шереги. А затем мы все вместе, были приняты в реорганизованный Институт социологии РАН. Поэтому хотел бы еще раз отметить, что возможность общения с элитой российской и советской социологической и философской науки очень крупная удача в моей жизни.

Спасибо, отлично, будем рассматривать этот текст в качестве основы нашей беседы. Главное в моем историко-биографическом проекте это сам исследователь, но пока в этом тексте нет вас самого. Что я имею в виду? К примеру, да В. С. Готт (я знал его работы, так как увлекался философией и историей физики) Вам помог. Но главное — выбор этого пути был сделан Вами. Вот нам и надо это показать...

Отталкиваясь от сказанного Вами, задам два вопроса:

...Вернемся ко времени, когда Вы начали задумываться о выборе профессии. Вы думали исключительно о физике или были варианты: поступать, скажем, на исторический факультет, философский? Почему выбор был сделан в сторону физики?

Выбор в пользу физики был сделан достаточно случайно. Среди прочих равных причин оказалось то, что на физфаке преподавала хорошая знакомая нашей семьи. Особой поддержки при поступлении она не обещала, но дополнительной уверенности это все-таки придавало. К тому же на протяжении всего десятого класса я брал частным образом уроки у В. А. Балаша, который известен своими задачками по физике для мехмата, физтеха и других ведущих вузов. Он научил меня решать задачи, о которые обычно «спотыкается» большинство старшеклассников. Просто у него была своя методика. В 1990-е годы это мне пригодилось, я успешно «вытащил» на хорошие оценки несколько отстающих по физике детей знакомых нашей семьи.

А потом не будем забывать, что физика — это не профессия. Это образ мировоззрения. А профессия была учитель, педагог. Она мне очень нравится и сейчас, не могу оставить преподавание помимо основной работы в Институте социологии. От молодежи идет много позитива, который в более старших возрастных группах постепенно сходит почти на нет.

Вы заканчивали школу в Москве или приехали в этот город для обучения в институте? Почему предпочтение было отдано МГПИ? У Вас в школе был сильный преподаватель физики, он Вам рекомендовал?

Школу заканчивал в Москве. Вернее учился последние два выпускных года. Это была очень хорошая элитная школа №74 на Мосфильмовской улице. Примерно половина учеников были дети известных и малоизвестных актеров, операторов, директоров картин с киностудии «Мосфильм». У нас был очень дружный класс, который регулярно собирается. Вот две недели назад отмечали 40-летие нашего выпуска. Из 32 человек пришли на встречу 23. Неплохой показатель, как считаете? Среди выпускников — хорошие врачи, олигархи, ученые, профессиональные спортсмены, топ-менеджеры. Такое неформальное общение дорогого стоит.

А до этого мне приходилось учиться в самых разных школах — кроме московских, еще удалось познакомиться со школами в Калуге, Абхазии, в Крыму. О всех остались хорошие воспоминания.

Вы спрашиваете, каким я считаю сбор Вашего класса по случаю 40-летия окончания школы? Считаю очень хорошим. И поделюсь моей историей; я окончил школу в 1959 году, т. е. 55 лет назад. Ясное дело, живя в Америке, я не могу регулярно встречаться с моими одноклассниками, но они это делают. Я звоню им в такие дни, и по очереди говорю со многими. Более того, жива наша классная учительница, она бывает на этих встречах, а 8 марта или в День учителя я стараюсь ей звонить. Мы оба радуемся этой возможности.

Я-то конечно полагаю, что учитель — это тип мировоззрения, а физика — профессия. Мне кажется, что долг каждого исследователя — бывают случаи, когда человек не может преподавать — передавать свои знания и опыт. Какие курсы Вы ведете сейчас? В каких университетах? Работаете ли Вы над учебниками?

Последние лет пятнадцать преподаю в Московском энергетическом институте. Сейчас он стал Национальным исследовательским университетом, вошел в тридцатку лучших вузов страны, а в своей группе среди технических университетов на 4 или 5 месте. Там очень комфортно преподавать, с «технарями» мне легко находить общий язык, они не искушены гуманитарным знанием и им очень приятно «приоткрывать» очевидные для нас вещи из философии, социологии, истории. Причем интереснее всего работать с магистрами и аспирантами. Это уже почти сложившиеся люди, с устойчивой мотивацией к учебе, к получению знаний, которые им пригодятся уже сегодня — завтра. На младших курсах, а тем более в средней школе такого нет. Читаю в основном курс кандидатского минимума «Философия и история науки и техники» — это стандартная обязательная дисциплина. Еще читаю лекции для иностранных студентов по общей философии и социологии на английском языке. Но это менее интересное, хотя и более высоко оплачиваемое занятие. Иностранная аудитория очень разношерстная, кого-то направило учиться государство, а кто-то заплатил за учебу из кармана своих родителей. Соответственно и отношение различное.

А до этого, преподавал в Ленинском пединституте (МГПИ им. Ленина), который заканчивал. Кстати, недавно общался там с коллегами (иногда оппонирую там на защитах диссертаций), разговорились о том, как долго должна продолжаться педагогическая практика. До недавнего времени это был семестр. А теперь, говорят, будет продолжительностью до года. Это очень хорошо. Кто не сможет так долго «продержаться» в реальной школьной жизни, может уходить из учительской и преподавательской профессии.

А над учебниками не работаю. Не удастся совмещать научную деятельность и методическую, поскольку в учебник «идет» все устоявшееся, апробированное, то что было известно исследователям пять-десять, а то и больше лет назад. И поэтому не хочется уходить с «переднего края», возвращаться в прошлое. Как мудро говорит мой коллега Владимир Петухов, «если я буду перечитывать написанное мной ранее, то ничего нового написать не смогу».

Получается, что Вы закончили школу в 1974 году, так? И сразу поступили в институт? Что вспоминается из студенческих лет? Какие области физики Вас наиболее привлекали? Наверное, Вам читали и историю физики?

Как Вы подошли к проблеме симметрии? Я тоже интересовался ею, шел от теории групп и нарушений симметрии в микромире. Но потом читал все подряд, вплоть до симметрии снежинок и симметрии в искусстве. Но это было задолго до того, как Вы закончили школу...

Да, симметрия снежинок — очень красивая. И на симметрии в искусстве очень много построено. И есть даже мнение, что и жизнь человеческая должна быть симметрична, в том смысле, что старость и детство похожи друг на друга. А самое интересное происходит, когда нарушается симметрия. Это означает развитие, движение.

Но до увлечения симметрией было окончание школы в 1974 и поступление в МГПИ им.Ленина. Физические дисциплины нам читались самые разные, вплоть до методики преподавания физики. Но, действительно, одна из самых интересных — это история физики. Любое открытие, любой технический аппарат имеет свою историю происхождения и не появляется из ничего. А еще физика

дает удивительное понимание того, как все связано в нашем мире, в нашей Вселенной. Даже в повседневной жизни очень много имеет непосредственное отношение к миру неживой природы, в том числе к космосу. Русский космизм — Вернадский, Циолковский, Чижевский, Федоров, Николай Рерих — все собственнo об этом.

Вы спросили о том, что запомнилось со студенческих лет. Разумеется, не только учеба. Запомнились выезды на картошку, участие в стройотрядах, комсомольская работа, путешествия, демонстрации, дискотеки. Все как и у всех моего поколения.

Что в истории физики Вас интересовало? Скажем, развитие тех или иных физических идей или механизмы творчества? История физики — это раздел истории науки, интересовала ли Вас общая методология истории науки?

Вопрос, как говорится, «в десятку». В СССР изучению проблем научного творчества уделялось определенное внимание. Творчество понималось как отход от некоторого заданного алгоритма. С этим приходилось мириться с точки зрения интересов государства. Довольно далеко в изучении творчества продвинулись психологи. Но меня, все-таки, больше интересует история идей, открытий. Почему, например русский паровоз Черепановых не пошел в серийное производство? А паровоз Стефенсона получил широчайшее распространение. Есть мнение, которое я не совсем разделяю, что у нас сама среда не располагает практическому использованию открытий и блестящих инженерных решений. Скорее всего здесь дело в чем-то ином.

Ну, а общая методология истории науки — это опять-таки, совершенно самостоятельная область знания. И на физическом факультете о ней не говорили. Хотя проводился методологический семинар и доклады были очень интересные. Я и по сей день солидарен с Г.Гадамером, что метод, которым получено научное знание, и язык, которым это знание изложено, имеют огромное значение. Факт — это еще не все. Важнее — его интерпретация в определенном контексте.

И все же повторю мой вопрос, как бы Вы объяснили сейчас Ваш интерес к проблеме симметрии-ассиметрии?

Вначале интерес имел чисто прагматическое происхождение. Это была проблематика, по которой у моего научного руководителя В. С. Готта была масса работ. И даже при неблагоприятной конъюнктуре диссертация по такой тематике имела хорошие шансы на защиту. Но когда я стал уже собирать материал, увидел, что это удивительно эвристическая дихотомическая пара понятий. Она очень многое объясняла в самых разных областях знаний. Другое дело, что выходить с этим инструментарием за рамки физики и биологии настойчиво не рекомендовалось. А сейчас эти понятия блестяще работают, например, и в политологии («симметричный ответ») и в гендерной эволюционистике (асимметричные признаки наследуют мужчины, а симметричные — женщины) и в некоторых других областях.

Ответ на предыдущий вопрос очень интересен. Несколько лет назад я писал книгу о становлении американской рекламы, которая, ясно — функция развития производства, торговли и прессы. Занимался и общими вопросами. Еще в середине XIX века США была малочисленной, социальные связи — слабыми,

жизнь — медленной, передвижение по редким дорогам — опасным. Однако, по замечаниям историков, ни одна страна мира за такой короткий промежуток не дала столь значительных изобретений и не сделала столько открытий, сколько Штаты в период между 1830-м и 1860 годом. Телеграф, атлантический кабель, соединивший телеграфом Европу и Америку, швейная машинка, цилиндрический пресс, усовершенствовавший процесс печати газет, обогащение угля и добыча антрацита, обнаружение золота в Калифорнии, серебра — в Скалистых горах, нефти — в Пенсильвании... В чем же дело, если не в самой среде?

Возможно повторюсь, но это точка зрения Лоренса Грэхэма, которую он изложил в своей уже ставшей известной здесь книге «Сможет ли Россия конкурировать?» (2014). И дело даже не в открытиях, а в том, как они воплощаются в жизнь, как технологии становятся конкурентоспособным товаром. Открытий было немало сделано и в России, но почему-то большинство из них продолжили жить в условиях рыночной экономики на Западе. Грэхэм считает что дело в социальной среде — насколько она готова принимать инновации. Ведь паровой двигатель, к примеру, был когда-то инновацией. Россия же много веков идет по пути патерналистского развития, пути, который мы называем традиционным. Все реформы санкционируются свыше. И, возможно, с точки зрения рыночной экономики это не самый эффективный путь, но с точки зрения преемственности, стабильности — это достаточно надежно. Если государство обеспечивает концентрацию ресурсов в определенном месте и в определенное время обязательно происходит скачок вперед.

Григорий, где поставить «то»?

Если государство обеспечивает концентрацию ресурсов, *ТО* в определенном месте и в определенное время обязательно происходит скачок вперед.

Или

Если государство обеспечивает концентрацию ресурсов в определенном месте и в определенное время, *ТО* обязательно происходит скачок вперед.

Отвечая на тот же вопрос, вы написали: «метод, которым получено научное знание, и язык, которым это знание изложено, имеют огромное значение». Это утверждение, с которым я абсолютно согласен, напомнило Ваше замечание из нашей короткой переписки о творчестве советского историка науки, физики Б. Г. Кузнецова. Вы отметили о его книге «Эйнштейн»: «Очень интересные мысли, и манера изложения. По-сути неклассическая». Как понимать «неклассическая»?

Да, книги Б. Г. Кузнецова и, особенно, его «Эйнштейн» мне показались асимметричными, если этот термин здесь будет к месту. Они демонстрировали новую манеру изложения предмета, новую для нас модель исторической реконструкции. Ее потом В. С. Степин (возможно и не он первый) назвал неклассической. Суть ее в следующем. Объект исследования рассматривается в контексте его внешних связей. Причем особое значение имеет позиция наблюдателя (историка), инструменты, которыми он пользуется. Скажем, творчество Эйнштейна нельзя понимать вне его отношения к нацистской Германии. А в обычный (классический) учебник по физике это обстоятельство не включается. И, вообще, неклассическая методология пошла после Гейзенберга, его соотношения нео-

пределенностей и успеха квантовой физики. Мышление физиков относительно быстро восприняло этот подход, а вот некоторые гуманитарии, социальные философы и социологи до сих пор не прошли этого пути.

Поясню это примером. В квантовой физике положение электрона или какой-то иной частицы не может быть точно указано. Возможно указать только диапазон значений (координат), внутри которых находится, а точнее говоря, постоянно движется частица. И эта неопределенность всех устраивает, поскольку саму частицу никто «ловить» не собирается, а лишь наблюдают за ее поведением, взаимодействием с другими частицами. В социуме, также все очень динамично. Указать какие-то конкретные и стационарные характеристики, особенно отдельного индивида или группы, конечно, можно. Но степень неопределенности и, следовательно, недостоверности будет достаточно высока. Поэтому и прогноз развития событий или дальнейшего поведения будет вероятностным. А для того, чтобы понизить степень вероятности и сделать прогноз более достоверным приходится включать те внешние связи, которые имеют непосредственное влияние на рассматриваемого субъекта или субъектов. А это уже и экономические факторы, и политические, демографические, физиологические и т. д. И если методы разных наук применить вместе, то картина получается более или менее правдоподобной. А пока мы лишь наблюдаем дисциплинарное размежевание, как в социальных исследованиях, так и в преподавании.

Это верно, «творчество Эйнштейна нельзя понимать вне его отношения к нацистской Германии». Но это уже «поздний» Эйнштейн, что касается теории относительности, то она была предложена задолго до прихода к власти Гитлера. Для нас важнее понять философские и натуралистические предпосылки творчества «раннего» Эйнштейна; а здесь — Аристотель, Галилей, Мах и, согласно одному из писем Эйнштейна, — Достоевский и Моцарт.

Совершенно с Вами согласен. Любая творческая фигура такой величины как Эйнштейн в разные периоды жизни «впитывает» в себя разные социо-культурные контексты и преобразует их в своем творчестве. Возьмите, например, раннего Ницше и позднего, Витгенштейна и многих-многих других. Часто появляются совершенно неожиданные развороты, которые мало согласуются с прошлым творчеством. А иногда происходит просто угасание или выключенность из контекста. Как это произошло с Солженицыным.

Что касается неклассичности стиля Б. Г. Кузнецова, то я (обидно, что я не говорил с ним на эту тему) помимо влияния на него идей Гейзенберга, прежде всего анализировал бы воздействие на него русской классической литературы, в частности, — Достоевского и позже Бахтина.

На это замечание, вряд ли отвечу. Для меня Б. Г. Кузнецов очень интересный философ, биограф, историк. Но реконструировать его творчество не берусь.

Давайте вернемся к Вашей жизни. Когда Вы представили к защите кандидатскую диссертацию «Методологическая роль симметрии и асимметрии в построении научных теорий» и что удалось доказать?

Суть работы заключалась в том, что симметрию и асимметрию, как инструменты познания мира и общества, следует рассматривать как диалектическую, дихотомическую (двойственную) пары абсолютных симметрий или асим-

метрий, а есть динамический процесс перехода то в одну, то в другую сторону. По направленности этих процессов можно делать прогноз. Вспомним, к примеру Гиппократ — «самые опасные болезни те, которые искажают лица». Это асимметрия взяла верх над симметрией. Нарушения симметрии означают начало какого-то процесса. А стремление к симметрии — это путь к стабильности, классической красоте.

Или Демокрит, его *clīnamen*. Атомы, из которых состоит мир, летят в пустоте, параллельно друг другу. Симметрия полнейшая. Но вдруг один из атомов спонтанно отклоняется от первоначальной траектории и сталкивается с соседом. Симметрия нарушена. Асимметричный поступок этого «выскочки» породил начало каким-то взаимодействиям других атомов между собой. Кто-то соединился с соседом, кто-то отскочил и перешел на чужую траекторию. Асимметрия возрастает и появляется какое-то новое состояние, которого не было прежде.

И хотя моя работа была по философии, а это означает пребывание в сфере «чистого разума», кое-какие примеры, в основном из физики и биологии, приводились. А сейчас, когда стал заниматься социологией и изучать эмпирический материал, примеры взаимодействия симметрии и асимметрии видны повсюду. Особенно в области социальных процессов и становления институтов. Прямотаки просится кандидатская социологическая работа по этой проблематике. Это будет очень актуально и интересно. С удовольствием стал бы научным руководителем, если найдется подходящий соискатель или аспирант.

Как я понимаю, после защиты диссертации Вы начали работать в Правлении Всесоюзного общества «Знание». В каком году как это произошло? Вы что активно занимались лекционной работой? Или Вас кто-то порекомендовал? Что Вас привлекло в этой работе?

С Обществом «Знание» для меня отношения сложились судьбоносно. Конечно, я читал лекции еще в аспирантское время и когда затем работал преподавателем. Это была возможность дополнительного заработка, а главное, возможность путешествовать. Правда, далеко меня не посылали, но соседние с Москвой области удалось посетить. И особенно интересны люди. Лекции читались часто во время обеденного перерыва — не самое лучшее время, поэтому ответственные иногда предлагали отметить путевку без чтения лекции. Однако, я старался, хоть минут 20 в конце обеда что-то интересное рассказать. А потом, завязывались беседы, кое-кто даже провожал на электричку или на автостанцию, чтобы пообщаться побольше.

А когда перешел в аппарат Правления Всесоюзного общества «ЗНАНИЕ» референтом, это было в 1985 году, перспективы открылись захватывающие. Во-первых, возможность непосредственного общения с ведущими учеными и даже, нобелевским лауреатом — академиком Н. Г. Басовым. Несколько президентов АН СССР были последовательно Председателями Правления, и мы готовили для них документы. А самые известные в стране ученые — гуманитарии, редактора ведущих журналов, члены Президиума Высшей аттестационной комиссии — почти все они состояли в секции общественных наук и регулярно к нам заходили.

Во-вторых, с переходом на работу в Правление появилась возможность выезжать в дальние командировки по стране. Конечно, этим было грех не воспользоваться. Байкал, Сахалин, Сибирь, Узбекистан, Казахстан (включая самостоятельный выход на дно высохшего Аральского моря) — вряд ли я смог бы выбраться в эти места самостоятельно.

И наконец, это был опыт работы в идеологическом отделе ЦК КПСС, потому что его «продолжением» в то время общество «Знание» и являлось. Там, я застал С. С. Сайдкасимова (в последствии Министр иностранных дел Узбекистана), В.М.Михайлова (весьма известного специалиста по межнациональным отношениям), Р.Г.Абдулатипова — нынешнего президента Дагестана. Все они имели ученые степени доктора наук и были, прежде всего, серьезными учеными в области межнациональной проблематики, которым пришлось пойти на государственную службу.

В 1990-е мы стали постепенно интегрироваться в европейский просветительно-образовательный процесс. И два срока по четыре года мне было поручено представлять единственное в то время российское просветительское НКО в Исполкоме Европейской ассоциации по образованию взрослых. С тех пор именно с этой проблематикой — изучением образования взрослых и непрерывным образованием — связаны мои научные интересы.

Да, и сейчас я остаюсь членом Правления Общества «Знание» России. Хотя, конечно, масштабы работы более скромные, чем раньше.

Согласен с Вами, моя жизнь в Америке показывает, насколько важна тематика образования взрослых и непрерывного образования. Когда, где и как началась Ваша собственно социологическая деятельность?

Спасибо за этот вопрос. Я действительно пытаюсь понять, как имея философскую степень, оказался в социологии. И сейчас, когда прошло уже некоторое достаточно продолжительное время моей деятельности на социологическом поле, можно искать ответ на этот вопрос. Я думаю, что «виновата» в этом философия. Она учит очень нужным и востребованным вещам — смыслу жизни, природе добра, красоте спекулятивных построений «чистого разума». Наконец, она действительно помогает понимать «звездное небо над головой» и самого себя. Именно понимать, в продолжающемся времени, поскольку окончательного ответа не существует.

А социологический подход открывает мир с совершенной иной стороны — со стороны реальной жизни во всех ее проявлениях. Это эмпирика, это анализ эмпирики, поиск закономерностей, их интерпретация. Вот, например, встречный вопрос — был ли А. Л. Чижевский, ученый-астрофизик социологом? Он, как известно, эмпирически обнаружил устойчивую корреляцию вспышек на Солнце и различных катаклизмов на Земле, в том числе биологических и социальных. На мой взгляд, это важный социологический результат.

Итак, возвращаясь к почти безграничным возможностям социологического анализа, я стал его активным сторонником. Посмотрите, где работают социологи — в любой сфере жизни: это политические технологии, маркетинг, различные мониторинги. Последние годы, в значительной степени благодаря

работам М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги, развивается прикладная социология. А с ее инструментами можно отправляться на изучение практически любого феномена нашей жизни.

Одно из таких прикладных исследований в очень необычной социальной среде у меня связано с молодежью группы риска и «трудными подростками». Это исследование мы проводили в 2006 году с И. Н. Трофимовой. Нас интересовало, как у этой категории детей и молодёжи происходит столкновение с законом, как они реагируют на временную изоляцию от общества и почему эта изоляция, фактически сохраняется после их выхода на свободу. Как при этом трансформируются их ценности — отношение к семье, друзьям, образу жизни. В рамках данного исследования мы применили необычную практику организации и проведения экспертного опроса, в результате чего интервьюерам удалось побывать в подростковых колониях, а еще опросить почти всех начальников детских и подростковых пенитенциарных заведений. Можете представить, насколько труднодоступны для социологов эти группы респондентов.

И еще скажу, что мне особенно нравится метод кейсов. Берешь какую-то интересную проблему, явление и начинаешь ее анализировать со всех сторон, в самых разных измерениях. Можно вписывать в контекст, а можно рассматривать, просто, саму по себе. На моих глазах в середине 2000-х защищалась выпускная магистерская работа по социологии в Ноттингемском университете — название привожу примерное, по памяти: «Байкало-амурская магистраль в социологическом измерении». Девочка-магистр была из Сибири и знала, о чем говорила — о расстояниях, о морозах, об отношении людей к центру. Первую главу диссертации она посвятила истории создания магистрали, так сказать, объективным данным. Во-второй — несколько десятков интервью с бамовскими железнодорожниками, строителями, комсомольцами 70-х, которые работали на строительстве и их детьми (прошло-то уже около 30 лет). И получился блестящий кейс — там не было Л. И. Брежнева, КПСС, китайских друзей-соседей, упоминаний о богатых месторождениях. Там был просто социологический анализ масштабного явления, построенный на опросах и биографиях людей. Вот за такие вещи я и полюбил социологию.

Когда эта любовь завязалась? Она сразу стала взаимной? Это Вы еще работали в «Знание» или уже в социологической институции?

В «Знании», как уже говорил, я занимался в основном философией и историей. Социологию, экономику и научный коммунизм вели другие референты. Но на практике, с социологией, конечно, приходилось соприкасаться, ведь мы обеспечивали работу научных мероприятий, где социология уже занимала важное место.

...и как дальше развивались события?

А дальше я перешел на работу к социологам в Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП). И тогда, в конце 1990-х и начале 2000-х, под руководством М. К. Горшкова, А. Ю. Чепуренко, Н. Е. Тихоновой, В. В. Петухова проводилось много интересных исследований, которые имели не только прикладной характер, но позволяли достаточно глубоко понять суть процессов, происходящих в стране. Это была и внешняя политика,

и гендер, и малое предпринимательство. Очень интересный социологический мониторинг коммерческих банков вел Е. Я. Виттенберг. Мудрейший М. П. челдов, также, привлекал меня к некоторым своим проектам. Это были «мои социологические университеты», которые сполна заменили формально отсутствующее на тот момент профессиональное социологическое образование.

Если говорить подробнее о моих исследованиях, то все они направлены на изучение феноменов непрерывного образования, процессов его институализации. Так или иначе, с этим связаны все конкретные проекты, которые были реализованы в различные годы. Взять к примеру, самообразование. Нам удалось показать, что потребность в самообразовании присуща далеко не всем людям (чуть более 20%), но эта часть респондентов добивается в жизни гораздо большего, чем остальные. Поэтому с точки зрения интересов государства и работодателя — самообразование очень ценный ресурс и надо создавать условия для того, чтобы он развивался.

Изучалась нами и роль образования в воспроизводстве социально-экономических неравенств. Оказалось, что существующая социальная структура задает определенный тип образовательных систем, которые её же и воспроизводят. Иначе говоря, есть объективная потребность в массовом образовании низкого качества, которое готовит людей к невысоким профессионально-статусным позициям. И точно также, есть объективная потребность в малодоступном, элитарном образовании высокого качества, выпускники которого занимают высокие статусные позиции. При всем этом изучение образовательных потребностей населения, которое является потребителем образовательных услуг, выявило массовую дезориентацию «простого обывателя» в том, чему стоит учиться и сколько за это следует платить. Люди предпочитают модные специальности, найти работу с которыми потом просто невозможно.

Особенно интересными стали исследования по взаимодействию науки и общества, а точнее производству и трансферу наукоемких технологий. Оказалось, что социальная и экономическая составляющие при этом явно недооцениваются. Мало постоянно повышать образовательный уровень тех, кто с этим имеет дело, изменять их менталитет в отношении коммерциализации научных результатов, но и еще уметь просчитывать выгоды и прибыль от инвестиций в науку и ученых. Все это очень непростые, комплексные вещи, которые выходят за рамки социологии. Вообще, экономическая социология образования и науки — это, на мой взгляд, очень новое и перспективное направление, которым хотелось бы заниматься дальше.

И, наконец, стоит сказать, что в некоторых работах удалось показать прямую связь учебы и образования (именно как формы деятельности, а не наличия соответствующего диплома или аттестата) с повседневным поведением человека, его отношением к миру, в котором он живет, гражданскому и политическому участию. Если кратко, то люди, которые постоянно учатся — не важно в какой форме, живут дольше, счастливее, приносят обществу максимальную пользу.

Я так понимаю, что анализу этой проблематики было посвящено Ваше докторское исследование. В каком году Вы защитили диссертацию?

Докторское исследование было давно, уже два десятилетия назад. Это была работа по «чистой» философии, по теории познания. Конкретнее, речь шла о том, как возникают и развиваются междисциплинарные понятийные конструкции. В чем-то, это философия языка, но с переложением на тогдашнее состояние пост-советской философии того времени. Одной из «изюминок» исследования был опыт деконструирования (по Ж. Дерриде, Д. Сёрлю) устоявшихся в науке понятий. Путем игры с понятиями можно получить новые смыслы, а под них уже находятся явления действительности. Это, конечно, принципиально противоречило материалистической философии. Но социологии там еще не было.

Да, я нашел в каталоге Российской национальной библиотеки библиографическую карточку на автореферат Вашей диссертации «Эволюция понятий в современном человековедении» (1994 г.). Мои первые вопросы, как Вы от анализа роли симметрии и асимметрии в построении научных теорий перешли к исследованию генезиса понятий в человековедении? Что Вас привлекло в этой проблематике?

Ну, во-первых, что такое «человековедение» никто толком не знает. Мы использовали этот термин для обозначения всей совокупности наук о человеке. Это позволяет уходить в любую дисциплину, так или иначе, связанную с человеком и анализировать ее понятийный аппарат. Другое дело, что вторгаться активно в социальные науки, которые в начале 1990-х еще сохраняли пост-советский синдром, я не стал. Подавляющее большинство научного сообщества, именно та его часть, которая заседала в диссертационных советах и, особенно, в Высшей аттестационной комиссии, придерживалось консервативных взглядов. И я не стал искушать судьбу, поэтому ограничился естественными науками.

А вот дальше, пошло собственно исследование генезиса понятий, потому что это очень интересно. Понятия живут своей жизнью, в том числе в науке, какие-то приживаются и входят в широкий оборот. Другие оказываются не к месту и о них забывают. И самое главное, понятия могут оказывать воздействие на действительность. Мы используем понятия, иногда просто играем ими и вдруг неожиданно находим им соответствие (объект, событие) в мире. Как сказал один мой коллега: «Война не тогда, когда начинаются боевые действия, а тогда, когда произносится слово война». Понятие всегда идет впереди события.

Я рассматриваю деконструирование по Дерриде как один из методов истории науки, не интересовались ли Вы, как он сам пришел к этой методологии? Что его повело в эту сторону? Может быть это лишь для европейцев оказалось необычным, а для северо-африканской культуры — традиционно...

Вы правы, деконструирование, конечно один из методов истории науки. Но я ограничился изучением этого метода применительно к генезису научных понятий, о котором уже шла речь.

Не могли бы Вы осветить, как в Европе, США поставлен процесс непрерывного самообразования и в какой мере он исследуется социологами?

Если можно, то я бы предпочел говорить о непрерывном образовании, одной из составляющих которого является и самообразование. В Европе и, прежде всего Центральной и Северной, этому уделяется огромное внимание — как на уровне политической риторики, так и в практической деятельности муници-

палитетов и корпораций. Прежде всего — это административная и финансовая поддержка тех общественных организаций, которые этим занимаются. Если говорить о внутрифирменном, корпоративном образовании — то оно автономно, независимо от государства и сам работодатель решает, чему и как долго обучать своего работника. Но при этом все прекрасно понимают, что учеба — это инвестиция, накопление человеческого капитала, который конвертируется затем в материальные активы. А пример государственной поддержки — пожалуйста, это законы Скандинавских стран о признании неформального самообразования наравне с образованием формальным. Ещё пример — датские Высшие народные школы (Folkeoplysning), в которых может учиться любой человек в любом возрасте. Это очень интересный и, во-многом, уникальный феномен.

В США ситуация несколько иная, в силу особенностей экономического уклада, да и самих масштабов экономики. Могу сказать только, что фордистский подход, когда работодатель предпочитает найти нового работника вместо того, чтобы переучивать прежнего, безнадежно устарел. И параллельно очень успешно развивается community education, о важности которого блестяще написали в своё время Джон Дьюи, Эдуард Линдеман, Карл Роджер. Оно напрямую не связано с экономикой, но очень важно для стабильного развития современного американского общества.

Какие важнейшие тренды Вы наблюдаете в системе самообразования в России?

Важнейший тренд, как и везде в мире, это сетевые и цифровые информационно-образовательные технологии. Это касается всех форм самообразования — профессионального, досугового, социально-политического. К числу новых для России образовательных трендов стоит отнести познавательные экскурсии и путешествия. Десятки миллионов россиян за последние годы съездили на отдых в Европу, Юго-Восточную Азию, Турцию, Египет и, конечно, это повод для неформального образования — увидеть как по-другому живут люди, строят отношения между собой. Для постсоветского человека это очень хорошая школа. Но в отличие от многих других стран, в России почему-то не складывается тренд политического самообразования и участия. Мы знаем много исследований, в которых показано, что гражданское участие и community education (которое я упоминал в ответе на предыдущий вопрос) учат людей не только повседневной жизни, но и позволяют более эффективно выстраивать отношения с властью, изменять в желаемом отношении свою социальную среду. Для нас, к сожалению, это остается чужим опытом.

Не могли бы Вы указать названия Ваших последних книг и что делаете в этом отношении сейчас?

Самая «свежая» книга, вышедшая в этом 2014 году, называется «Непрерывное образование — стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств». Она написана совместно с молодыми и талантливыми коллегами — Д. В. Диденко, Н. В. Латовой, Ю. В. Латовым. Мы стремились показать как связано непрерывное образование в различных его формах с производством, накоплением и конвертацией человеческого капитала, как оно влияет на социально-профессиональную структуру общества. Конечно,

это задача очень сложная и объемная, но, надеюсь, нам удалось продвинуться по этому пути. А сейчас работаю над книгой для издательства Routledge о роли непрерывного образования в социально-экономических преобразованиях российского общества. Предварительные результаты и сюжеты, которые будут в книге, уже дважды обсуждались в Ноттингемском университете для того, чтобы лучше понять восприятие данной проблематики западной аудиторией. В целом понимание было достигнуто и работа продолжается.

Григорий, не могу задавать Вам и вопрос о Вашей деятельности на посту Ученого секретаря ИС РАН. Как долго Вы работали в этой должности? Наверное опыт работы в «Знании», сохранившиеся с тех пор связи и навыки помогали Вам?

Это хороший вопрос, потому что работа ученого секретаря крупного и ведущего научного учреждения — это прекрасная школа менеджмента в науке. Раз пишешь в своих работах о непрерывном образовании, изволь показывать на практике, как это делается. В этой должности я проработал немного более двух лет, но это был исторический и очень непростой период перехода института из-под юрисдикции Российской академии наук под вновь созданное, по-сути, министерство науки — Федеральное агентство научных организаций (ФАНО). Через секретариат идет весь документооборот, отчетность, осуществляется управление подразделениями института. Работа очень нужная, важная и, даже скажу, интересная своей динамикой, контактами с людьми. Правда, на науку времени почти не оставляющая. А что касается «связей и навыков», полученных в своё время в обществе «Знание» — то да, они и сейчас имеют большое значение, как и всякий социальный капитал.

Теперь Вы руководите Центром социологии образования, науки и культуры института социологии РАН. Если я не ошибаюсь, у этого научного подразделения — долгая история; им руководили Владимир Николаевич Шубкин, потом — Давид Львович Константиновский. Какие планы намечаете Вы?

Да, этим летом я принял кафедру (в классическом понимании этого слова), которой руководили в разное время люди, имеющие перед социологической наукой исключительные заслуги. Именно здесь под их руководством проведены десятки серьезных исследований, многие из которых стали классикой, своеобразными социологическими стандартами. Ответственность такого назначения я, конечно, осознаю. Здесь очень опытный и креативный коллектив, который может решать самые сложные исследовательские задачи. Три отдела составляют основу Центра — социологии образования, науки и культуры. Как говорит мой коллега — это, по сути, «маленькое ЮНЕСКО». Отсюда и планы — продолжить начатое В.Н.Шубкиным и Д. Л. Константиновским, постараться используя методы социологии понять происходящее в данных областях социальной жизни, сделать прогнозы, что-то порекомендовать, а может быть и от чего-то предостеречь власти и тех, от кого зависит принятие решений.

В нашей переписке Вы отметили, что являетесь visiting professor Школы образования, Ноттингемского университета в Англии. Какие курсы Вы там ведете, Какова их продолжительность? Участвуете ли Вы в исследовательских проектах этого университета?

Кажется, мы уже отмечали в нашем интервью, что тематика непрерывного образования была очень популярна в Европе в 1990–2000-е годы. Связано это с формированием Европейского союза, который справедливо рассматривал образование и учебную деятельность в самом широком её понимании, как важный интегрирующий фактор. Риторика непрерывного образования присутствует во многих политических декларациях того времени. Тогда и завязались научные контакты с рядом европейских коллег. В Ноттингемском университете оказалась очень «продвинутой» Школа образования, которая совместно с Национальным институтом непрерывного образования Англии и Уэльса, расположенном в соседнем Лестере, провела, да и сейчас проводит весьма интересные исследования. В ряде этих проектов, таких как исследования по функциональной грамотности и ее связи с трудовой занятостью, по досуговому и социальному образованию — мне довелось участвовать. Результаты опубликованы в десятке совместных с коллегами статей. А курсы, которые я читаю, когда приезжаю в университет, связаны с проведением и обеспечением сравнительных (компаративных) исследований в области непрерывного образования, прежде всего, на примере, России и стран СНГ.

Завершая нашу беседу, задам Вам своего рода обобщающий вопрос. Вы занимались физико-философской проблемой симметрии, логико-социальной темой — эволюцией языка человековедения, теперь — социолого-образовательной, непрерывным образованием. В чем Вы усматриваете некое единство Вашей исследовательской траектории?

Да... Ваша оценка моей исследовательской траектории озадачила. Со стороны, как говорится, виднее... Некоторая неоднородность и асимметрия, действительно просматриваются... Наверное так Близнецы проявляются, их двойственность натуры. Наука — это ведь лишь одна из сторон жизни, а есть еще и много других — не менее увлекательных. Это путешествия, новые встречи, умение жить в ладу с другими и самим собой. И если рассуждать таким образом, то устойчивые флуктуации моих научных интересов и занятий, надеюсь, можно понять.

Я хотел бы завершить наше интервью, за которое Вам, Борис, отдельно и очень искренне благодарен, ироничными словами Иммануила Канта, которые он приводит в работе «Что такое просвещение»: *«Мне нет надобности мыслить, если я в состоянии платить, этим скучным делом займутся вместо меня другие».*

А интересно, верно ли обратное ?

Интервью с Ириной Марковной КОЗИНОЙ

«КАЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ УЖЕ ДАВНО НЕ НУЖДАЕТСЯ В ОБОСНОВАНИИ СВОЕЙ ЛЕГИТИМНОСТИ»

Козина И. М. — окончила исторический факультет Самарского государственного университета (1984 г.), кандидат социологических наук (1996 г.), профессор, заведующая кафедрой методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ (с 2010 г.)

Основные области научного интереса: управление и трудовые отношения на предприятиях, рынок труда и социальная политика, гендерные отношения в сфере труда, качественные методы исследования.

Интервью состоялось: март-сентябрь 2015 г.

Начало последней декады сентября 2015 года. Двенадцать месяцев назад было завершено немногим более 80 интервью, и далекой мечтой казалось достижение сотни интервью. Сейчас их — 131 в галерее книги «Интервью с коллегами-социологами» и еще несколько закончено, но пока не размещено на сайте. Однако, заметное количественное приращение биографической информации — не главный итог проделанной работы. Пару месяцев назад я задумал сворачивать процесс интервьюирования, и это получилось. Уже тогда переход от накопления данных к их анализу представлялся оправданным, сейчас в таком решении вообще не приходится сомневаться.

Принципиально отметить, что не организационные моменты детерминировали решение о завершении процесса интервьюирования (хотя и они учитывались), но методологические. Здесь имеется в виду концепция «матрицы событий», или «событийного каркаса», которые строятся на основе изучения биографий социологов. По своей природе «матрица», или «каркас», это особого рода знаковые модели для описания пространства событий, упоминаемых социологами в наших беседах.

Пока число проведенных интервью оставалось небольшим, в каждом новом «разговоре» появлялись какие-то новые ситуации, значимые для понимания становления и развития социологии или нашего профессионального сообщества. Так постепенно матрица заполнялась. Но по мере увеличения числа интервью, количество новых ситуаций уменьшалась, т.е. в матрице не появлялось новых «клеток». Происходило лишь усиление плотности отдельных зон нашего воображаемого пространства. Имеет смысл говорить о «матрице», или «каркасе», применительно к конкретному поколению, группе последовательных поколений или применительно к всему социологическому сообществу.

Безусловно, рассказанное Ириной Марксовной Козиной образует то уникальное и неповторимое, что составляет биографию отдельного, каждого человека. Здесь — своя предбиография, т.е. история семьи, к которой принадлежит человек, свой путь к профессии и свое движение в социологию. И вместе с тем, во внепрофессиональных аспектах жизни Ирины Козиной и в ее профессиональной деятельности наблюдается многое, что характерно для представителей ее поколения социологов (IV) и следующей профессионально-возрастной когорты (поколение V). И в этом плане биографические сюжеты, приведенные ею, приобретают более, чем личностный характер, становятся поколенческими и даже превращаются в феномены общего историко-научного значения.

Именно такой смысл присущ воспоминаниям Ирины Козиной о ее знакомстве с методологией качественных методов, освоении соответствующего набора исследовательских технологий, накоплении опыта работы в этой исследовательской нише. Особое значение я придаю рассказанному ею в силу того, что фактически одновременно с нею философией и инструменталистикой качественных методов овладевала группа социологов IV и V поколений, интервью с которыми были проведены мною раньше. Это: В. И. Ильин, Е. Ю. Рождественская, П. В. Романов, В.В. Семенова, И.Н. Тартаковская, И. Е. Штейнберг, Е. Р. Ярская-Смирнова и некоторые другие.

Таким образом, представляется возможным дать представительное описание процесса освоения российской социологией — в ранние годы ее постсоветского этапа — теории и методов качественной социологии. Безусловно, это уже общий историко-социологический, более того — научный вывод.

Козина И. М.: «Качественная социология уже давно не нуждается в обосновании своей легитимности»

Ирина, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, мои интервью с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем сразу открывают очень интересные личностные миры и историко-культурные миры...

Александр Филиппов рассказал историю своего отчества — Фридрихович, его отец бы назван Фридрихом в честь Энгельса. Ваше отчество — еще реже, Марксовна. Вы не знаете истории имени Вашего отца? И вообще, насколько Вы знакомы с прошлым родительской семьи?

История моего отчества довольно обычная для того времени, ничего неожиданного, — родители отца поженились в 1930 году, когда оба были студентами и как нормальные комсомольцы, рабфаковцы решили назвать первенца Марксом в честь понятно кого. Надо сказать, что никаких революционных настроений больше за всю свою жизнь они не проявляли: в партию не вступали, дед работал бухгалтером, бабушка фармацевтом. Второго своего сына они называли уже обычным еврейским именем — Ефим.

Семейная история родительской семьи моего отца и моей мамы достаточно трагичны, хотя вовсе не уникальны для своего времени. Семья отца жила в Смоленской области (оба моих прадеда были, как это сейчас называется, мелкими предпринимателями: у одного была аптека, у другого лесопилка). В войну отцовская семья спаслась чудом: 14 июля 1941 г., за день до того как танковая армия Гудериана вошла в Смоленск, моей бабушке с двумя сыновьями удалось сесть в эшелон авиационного завода, следовавшего в Куйбышев. Но, они поехали дальше — в Свердловск, где жила младшая сестра бабушки — Лиза. В эвакуационном пункте г. Свердловска бабушку распределили по специальности в госпиталь г. Туринска Свердловской области. В этом городе они и пережили войну. Дед воевал, дошел до Кенигсберга, потом его часть перекинули в Манчжурию, куда он и проследовал в 1945 г. через всю страну мимо семьи и Урала. После демобилизации, вернувшись с двумя орденами и 5 медалями, дед не захотел возвращаться в Смоленск, где вся оставшаяся родня погибла, а дедовский дом на берегу Днепра и смоленскую квартиру, где до войны жила отцовская семья, заняли бывшие добрые соседи. В этой деревне Гусево, где жила семья деда, немцы сожгли в избу всех евреев, расстреляли из пулеметов и сожгли недобитых. Теперь там мемориальный обелиск жертвам Холокоста, на котором выбиты имена, в том числе, почти всех моих родственников. Ни дед пока был жив, ни отец, никогда в жизни больше туда не ездили. Дед говорил, что нога его не ступит на эту землю.

Из эвакуации семья поехала в Куйбышев к дедовскому другу, который помог устроиться и с работой и с жильем.

Отец окончил политехнический институт и был отправлен по распределению вполне себе к черту на рога — в Якутию, где за 3 года доработал до должности главного инженера электростанции. Эта ссылка, кстати, спасла его от больших неприятностей, когда после «дела вр » днявшаяся волна антисемитизма так

и не докатилась до Якутии или докатилась в очень ослабленном виде. Начальник электростанции на всякий случай «уложил» своего молодого специалиста в больницу, где папа и пережил пик административных гонений. Через три года он вернулся в Куйбышев к родителям.

Теперь коротко про мамину семью. Если со стороны отца у меня еврейские корни и, соответственно, «еврейское счастье», то, со стороны мамы — польские. Еврейской родне не удалось пережить Второй мировой, а польская родня почти полностью сгинула уже в Первую мировую. Семья бабушки (маминой мамы) бежала из Польши в 1914 и добралась аж до самой Сибири. К тому времени, как удалось обосноваться в Омске из всей большой семьи (11 детей), осталась только моя бабушка. Она была красавицей, профессии не получила, почти никогда не работала, воспитывала троих детей. Ее муж (мой дед) погиб на фронте, больше замуж она не выходила, моя мама была младшей дочерью. Мама, как и отец — инженер (радиотехник). Из Омска на Куйбышевский авиационный завод она приехала по распределению. Там и познакомилась с папой.

Родители всю жизнь проработали на авиационном заводе, точнее, на испытательном аэродроме при огромном военно-авиационном комплексе, состоявшем из нескольких заводов (папа ушел на пенсию с должности начальника аэродрома, обидевшись на политику развала промышленности 90-х).

Это была неплохая жизнь — все мое детство связано с этой авиационной романтикой, но, тут, наверное, отдельная история.

Авиационная романтика в глазах мальчиков — понимаю, а что романтического видели Вы? Вы жили в Куйбышеве или в военной части? В какую школу Вы ходили, чем она запомнилась?

Мы жили на рабочей окраине под названием «Безымянка». Так называлась железнодорожная станция, где сгрузили и заново отстроили эвакуированные военные заводы. Вокруг них вырос довольно пестрый городской район со «сталинскими» жилыми домами и дворцами культуры с колоннами и прочим заводским соцкультбытом. С аэродромом у меня связано много детских воспоминаний. Родители часто брали с собой, летом я там гуляла в полях, вокруг взлетных полос большое поле с цветами, все самолеты облазила, когда пускали, в радиорубке, где мама дежурила, тоже было очень интересно. У меня даже дома возле письменного стола стоял не стул, а списанное командирское кресло. У родителей была большая компания, жили довольно дружно — были какие-то совместные походы на лыжах, выезды в лес, праздники, песни — и мне очень нравились эти взрослые, веселые, ироничные люди. Было много смешных историй. Помню, один из папиных сослуживцев-летчиков налепил собственный портрет на изображение какого-то из членов политбюро (такие на палках носили на первомайских демонстрациях) и несколько лет торжественно ходил с ним демонстрации, никто и не заметил. Но, никакого особого диссидентства не помню.

Училась я в обычной школе, ближайшей к дому. Училась неплохо, мне все давалась легко, поэтому я особо не напрягалась и учеба меня не очень занимала. Я запоем читала, у нас была огромная библиотека (собственно, и сейчас есть) меня гоняли с этими книжками все детство, пытаюсь с пользой пристроить в какой-нибудь кружок. Дольше всего удалось продержаться в танцевальной студии, без особого, впрочем, успеха. Вершиной моего творчества стало не очень

грациозное исполнение партии пингвина — мама очень хохотала наблюдая мой танец на новогоднем представлении и на этом танцевальная карьера закончилась ко всеобщему облегчению.

Больше всего из школьных предметов мне нравилась история — в ней я узнавала все свои прочитанные книги, и я поступила на истфак. И там я увлеклась археологией. Но, как я сейчас понимаю, не самой наукой а, в основном, антуражем, связанным с экспедициями, раскопками, поездками по разным местам Поволжья. Через три года я уже сама была руководителем экспедиции, вывозила школьный кружок, шумную компанию, состоящую из мальчишек-пятиклассников (вела кружок во Дворце пионеров). Диплом защитила по бронзовому веку. Мой научный руководитель слегка беспокоился по поводу того, что в дипломе нет ни единой цитаты из классиков марксизма-ленинизма и материалов съезда. Ну, не писали они про ямную культуру, сказала я на комиссии, и, в общем, успешно защитилась.

Давайте обозначим время и место вашего студенчества: в каком университете Вы учились, когда Вы поступили? Какие события тогда происходили в стране? Что-либо за стенами университета Вас интересовало?

На истфак я поступила не сразу, и это — отдельная история. К окончанию школы, я определилась только с выбором гуманитарного профиля образования, а выбрать что-то конкретное было сложно. В нашем промышленно-технократическом городе традиционно сильны были технические вузы, а гуманитарное образование — истфак или филфак — давали университет и пединститут, которые, несмотря на огромный конкурс, не очень котировались. Кроме того, после их окончания маячила заманчивая перспектива вернуться в школу учителем истории или литературы. Опять в школу совсем не хотелось. Тем не менее, я поехала подавать документы на истфак. И тут сыграла роль случайность. В очереди на подачу документов, разговорились с соседками, и одна из них сказала, что вот — открылся институт культуры с библиотечным факультетом, он в самом центре города, и там наверно классно, и учиться всего четыре года, только непонятно, о чем это. В десятом классе я поработала месяц в библиотеке волонтером, и мне очень понравилось, — столько книг под рукой, книгохранилище — вообще сокровищница и еще новые поступления, то есть новые, пахнущие типографией книжки два раза в неделю и ты их можешь прочитать первой. Любовь всей моей жизни — книги, и я покинула очередь и поехала «сдаваться» на библиотечный факультет института культуры. (Я вообще быстро принимаю всякие судьбоносные решения, круто меняющие размеренность жизненного пути, порой неудачные). Поступила с первого раза и была счастлива примерно год, потом стало скучно. Самое яркое впечатление от обучения — стройотряд после первого курса (собирали урожай и делали овощные консервы в Тирасполе), куда меня взяли со слезами и скандалами — так как мне не исполнилось еще на тот момент 18 лет, необходимых для такого серьезного комсомольского дела. На следующее лето случилась производственная практика, одним из вариантов ее прохождения была археологическая экспедиция университета. Я поехала и была очарована — несмотря на тяжелый физический труд, вот она настоящая жизнь, настоящее дело и настоящие люди, увлеченные наукой. После этого лета началась жизнь в археологическом кружке, это был узкий круг единомышленников

из студентов и аспирантов-археологов. Мы встречались почти каждый день. В тесную комнатуху с девизом на стене «Мы все стажеры на службе у будущего», заваленную бумагами и артефактами, можно было прийти в любое время. Там всегда кто-то был, всегда было дело — что-то клеить, зарисовывать, просто попить чай (или не чай), и главное — общение. В этом кругу мы все чувствовали себя немножко персонажами Стругацких, для которых «понедельник начинается в субботу». Я решила, что мое будущее должно быть связано с этими людьми и с этой работой. Не очень понятно было, как это сделать: нужно либо поступать заново на истфак, либо попробовать перевестись. Когда я пришла в приемную комиссию с изложением своей светлой мечты, меня выслушали, посмотрели оценки и отправили на прием к ректору. Не помню, кто это был, но настроен он был благожелательно, подписал заявление, и я была зачислена с потерей года. Какие-то общие предметы зачли, какие-то я досдавала. В университете учиться было тоже не трудно. Поэтому я там появлялась, насколько это было возможно, редко. Больше всего мне нравились не основные, а всякие сопутствующие предметы, например, логика, латынь, древнеславянский и еще был такой странный предмет как нумерология. Вот ее я не освоила и до сих пор так и не поняла, зачем это было. Древнеславянский, кстати, пригодился — я писала курсовую работу об изданиях петровской эпохи, которые хранились в отделе редкой книги областной библиотеки — привет библиотечному факультету! и даже что-то понимала.

Что касается событий в стране, честно говоря, ничего существенного не могу припомнить. Наверно, в конце 70-х начале 80-х ничего особенного и не происходило. Во всяком случае, как я сейчас понимаю, что моя жизнь и жизнь многих моих сверстников протекала где-то параллельно — в кругу своих друзей и увлечений, у кого какие были. Кроме того, на четвертом курсе я вышла замуж, мы отселились от родителей в коммуналку, родился сын, появились понятные заботы молодой семьи, которая пыталась жить самостоятельно.

И вот, Ирина, Вы — историк, специалист по «Бронзовому веку». Как дальше Ваша жизнь развивалась?

Дальше произошел неожиданный поворот к социологии, который и определил мою дальнейшую профессиональную жизнь, и не только профессиональную. В стране был период расцвета заводской социологии, мода на которую докатилась и до нашего промышленного города. Одна из наших преподавательниц возглавила социологическую службу производственного объединения Моторостроительный завод имени Фрунзе. Это было даже по советским меркам огромное предприятие — около ста тысяч работающих. Уходя из университета, она пригласила с собой двух выпускниц (меня и мою подругу). Это показалось новым и интересным делом и, что немаловажно, привлекательным с точки зрения финансовой, так как денег молодой семье с маленьким ребенком явно не хватало. Должность называлась инженер-социолог в отделе научной организации труда. Возглавлял отдел Александр Николаевич Малохатко, который относился к новой социологической службе не как к непонятному и модному аксессуару, а очень серьезно: поддерживал наши начинания и дал возможность сидеть в библиотеке и заниматься самообразованием, что в условиях режимного

предприятия довольно сложно. Я высоко ценю этот опыт и людей, которые меня окружали, поскольку это было время самого интенсивного овладения профессией.

Наши исследования имели два направления: оперативная диагностика и развитие социальных технологий. В рамках первого направления мы изучали морально-психологический климат по методике Морено и со своей социометрией слыли грозной силой — руководство оперативно делало выводы из наших измерений, что нередко выливалось в кадровые перестановки. Теперь я понимаю, что посылали нас на проблемные участки, где эти перестановки и так планировались. Но, тогда мы остро чувствовали свою ответственность и работали очень тщательно. В рамках второго направления мы занимались, в основном, созданием МЖК (молодежный жилой комплекс) — было тогда такое движение, совместный проект молодых специалистов нескольких заводов. Эта деятельность придавала особый смысл работе, поскольку давала быстрые реальные результаты — наши разработки внедрялись, дома строились, молодежное сообщество по принципу коммуны, как нам тогда представлялось, формировалось. Моя первая статья так и называлась: «Использование опыта домов-коммун в социальном проектировании МЖК». Социологии мы учились буквально на ходу — это было время великого самообразования. Мы познакомились тогда с основными трудами советских социологов, в основном, ленинградской школы В. Ядова, О. Шкаратана, Л. Бляхмана, и с работами по социальной инженерии — В. Щербины, В. Дудченко, А. Зайцева. В. Герчикова. А по методике была единственная и неповторимая «Рабочая книга социолога», с которой я буквально не расставалась.

В заводской социологии все было прекрасно: и начальник, и коллеги, и работа, и зарплата. Единственное, что не было прекрасно — режим секретности и пропускная система. Если сначала мне нравилось вливаться в толпу людей перед заводской проходной и чувствовать себя частью рабочего класса, то, потом пропускной режим стал слегка напрягать. И опять судьба подкинула очередной поворот. К тому времени я поступила в заочную аспирантуру к профессору Соломону Герцевичу Басину, который возглавлял кафедру истории СССР в педагогическом институте. В нашем городе пединститут соревновался с университетом, и ректор решил, по примеру университета, создать собственную социологическую лабораторию. Соломон Герцевич порекомендовал меня, как свою аспирантку и мы встретились с Анатолием Алексеевичем Семашкиным — тогдашним ректором пединститута, чтобы обсудить с чего начать, общую концепцию, кого пригласить руководителем. И, неожиданно, в процессе обсуждения, он предложил мне возглавить лабораторию. С его стороны это был рискованный шаг — в то время лаборатории не доверяли недавним выпускникам вузов. Я посоветовалась с Соломоном Герцевичем, который сказал фразу, убедившую меня сразу: «всегда лучше иметь возможность самому руководить, чем подчиняться какому-нибудь чудаку» (здесь он употребил более сильное слово). И я согласилась, предусмотрительно выговорив себе право самостоятельного подбора кадров. Сейчас я понимаю, что мне очень повезло встретиться и общаться с такими людьми старшего поколения, как Соломон Герцевич Басин, Александр Николаевич Малохатко, Анатолий Алексеевич Семашкин. Соломон Герцевич был не просто видным самарским историком, создателем школы

поволжских историков, изучающих различные аспекты истории рабочего класса но, мудрым, внимательным, интеллигентным человеком — есть такой тип русского еврейского профессора. Анатолий Алексеевич и Александр Николаевич — пример настоящих лидеров, умных, понимающих, руководящих по принципу «не мешай людям работать». С Анатолием Алексеевичем — мы дружим до сих пор, хотя и редко общаемся.

Основу социологической лаборатории пединститута составили мои коллеги — заводские социологи, которые перешли вслед за мной, и еще несколько недавних выпускников университета. Мы познакомились и начали сотрудничать с замечательными Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Анной Семеновной Готлиб и другими сотрудниками социологической лаборатории университета.

Время создания лаборатории совпало с началом перестройки, вокруг все бурлило. Довольно скоро мы стали самостоятельны, организовав на базе лаборатории хозрасчетный центр «Социо», Это было с одной стороны — отлично, с другой — создавало массу проблем. В институте на нас стали поглядывать косо, нужно было заботиться о заказах, налогах, оборудовании и еще массе мелочей, о которых до этого я не имела представления. Пришлось учиться. Очень помогли друзья по оргкомитету МЖК, многие из которых вполне успешно занялись бизнесом. Они были первыми заказчиками, помогали с бухгалтерией и пр. Центр разрастался, пришли новые люди, среди них Ира Тартаковская и Паша Романов, ставшие известными социологами. Начинались тяжелые времена, но, мы радовались свободе, чувствовали подъем и верили в будущее. Я приведу выдержки из шутивого манифеста, который написал один из наших тогдашних сотрудников — Игорь Иляшов. Мне кажется, что это достаточно точно передает дух того времени и наши настроения:

«О великих и малых достижениях соцлаба и центра «Социо».

Наши достижения непомерно велики по сравнению с тем, с чего мы начали и несравненно малы по сравнению с тем, что нам еще предстоит. Кучка бродяг интеллектуального мира ныне стала могучей силой в борьбе за и в борьбе против. ... О наших недостатках: во-первых, мы не восприимчивы к критике. Во-вторых, мы не любим критиков. Мы любим критиковать. И гордиться. ... Теперь о нюансах: нюанс 1. У нас слишком большая зарплата, по сравнению с общим уровнем зарплат вузовских социологов; нюанс 2. Но, слишком маленькая для нынешних цен. ЦЕН!!! Нюанс 3. Оглашению не подлежит. ... Социология — это наша жизнь, это революция, это бессонные ночи лаборантов, это вторая форма хозрасчета — великая праматерь третьей и т.д. ... Социология — это борьба. За доставание бумаги, чистоту у компьютера, телефон, чернила для принтера, дешевые и дорогие визитки, право перекуров, свободу опозданий, переименование опозданий в задержания, стол, порой хороший стул и т.д.

Ваш рассказ ввел меня в знакомую среду, к настоящему времени проведены интервью с рядом Ваших самарских коллег: с А. С. Готлиб, И. Тартаковской, Б. Г. Тукумцевым, покойным Павлом Романовым... Как долго Вы работали в «Социо»? В какой области или в каких областях социологии лежали Ваши собственные интересы?

Наш исследовательский центр формально просуществовал до 2003 года, потом он был реорганизован в автономную некоммерческую организацию, и я работала там вплоть до переезда в Москву в 2006 году. Было много исследований на самые различные темы: от электоральных и маркетинговых опросов до весьма специфических. Помню, например, исследование о русской бане, как факторе формирования соседских сообществ. Мы зарабатывали деньги и не отказывались ни от чего. Команда у нас была потрясающая: молодые, дружные, открытые всему новому. Недостаток знаний компенсировался энтузиазмом и кооперацией — все занимались всем: выборками, анкетами, анализом данных. В 1989 году я отправилась повышать квалификацию на Высшие социологические курсы, одним из руководителей которых была моя близкая подруга, социолог Галя Михалева. В начале 1990-х годов эти курсы стали не только основой профессиональной подготовки для региональных исследователей, но и площадкой для общения с интеллектуальной социологической элитой — российской и зарубежной. Нам читали лекции и вели дискуссии М. Кастельс, Э. Гидденс, С. Кларк, В. Ядов, Б. Грушин, А. Гофман, О. Маслова и многие другие. Это был колоссальный социальный опыт, по сути, открытие нового мира. Слушатели курсов в дальнейшем составили костяк секции молодых социологов при советской, а затем, российской социологической ассоциации, со многими мы потом работали вместе в разных проектах. Пребывание на курсах совпало со временем эйфории от политической свободы, Москва бурлила митингами, и мое пребывание на курсах было связано с разной активностью: я стажировалась у Б. Грушина, по мере сил участвовала в политической тусовке вместе с Галей Михалевой, Сергеем Митрохиным и другими людьми, которые впоследствии составили ядро партии «Яблоко». Но, главное — я на курсах мы познакомились с британским социологом, профессором Уорвикского университета — Саймоном Кларком, который был одним из приглашенных зарубежных преподавателей. Эта встреча, которая переросла в дружбу и долгие годы сотрудничества, стала поворотным событием и в личной биографии, и в истории нашей самарской исследовательской группы.

С 1991 года мы начали работать в составе межрегиональной исследовательской команды под руководством Саймона Кларка (через пару лет мы объединились в Институт сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) и у нас появилось магистральное направление исследований). ИСИТО был грандиозным долгосрочным проектом, состоящим из цикла разных исследований, посвященных формированию рынка труда и трансформации трудовых отношений в России. Его результатом стали около двадцати книг и сотни статей на английском и русском языке. Другой результат — формирование межрегиональной команды, состоящей из очень разных людей, которые почти 20 лет жизни посвятили совместным исследованиям процессов развития капитализма в России. Работа в проектах ИСИТО была отличной школой профессионализма и человеческих отношений, поскольку общались мы, несмотря на расстояния, очень плотно — по несколько раз в году собирались вместе на семинары и своеобразные школы (иногда они длились месяц), где обсуждали результаты, планы и методологию наших исследований. Это задавало такую высокую планку, что до сих пор мешает жизни «после ИСИТО» и, наверно, не только мне — все как-то не дотягивает до наших стандартов. Сейчас почти все «иситовцы» стали известными

социологами, профессорами, проректорами, заведующими кафедрами, руководителями исследовательских фирм. И хотя живем в разных городах, мы «одной крови», сеть существует, и мы чувствуем поддержку на расстоянии.

Мои интересы вполне закономерно сложились в рамках этих проектов. В 1990-х было легализовано понятие трудового конфликта, по стране прокатилась волна забастовок, начали образовываться альтернативные профсоюзы. Это были совершенно новые процессы, казалось, что рабочее движение, затухающее на западе, возрождается в России. Проблемы трансформации промышленности, изменение социальной роли рабочих, новые профсоюзы — эти темы меня очень увлекали. Тем более что заводская жизнь была знакомым полем. И другое направление было связано с тем, что в рамках проекта я как-то постепенно начала заниматься методическим обеспечением исследований. По натуре я, как говорил Паша Романов, стихийный реалист, то есть, скорее, практик, чем теоретик, предпочитающий работать более с конкретными вещами, нежели с сконструированными типами. Это было созвучно основной идее проекта — уделять больше внимания изучению и пониманию российской специфики, не заикливаясь на заимствованных у западных авторов моделях анализа социальной реальности. Наши исследования, в основном, представляли собой лонгитюдные развернутые кейс-стади, то, что сейчас называют «mixed methodology», где опросы, сочетались с включенным наблюдением в широком понимании этого термина.

Если с количественными методами мы были более-менее знакомы, то про качественные методы в те годы не знали ничего и осваивали их по ходу работы, так что обучение методам было «производственной необходимостью». Пришлось осваивать целые рулоны текстов, присланных по факсу, а затем и привезенных из Англии книг про кейс-стади, включенное наблюдение, интервью. Все на английском языке, которого я не знала, так как учила немецкий. Одновременно, в 1992 году я поступила в аспирантуру к Ольге Михайловне Масловой, лучшему специалисту по методам, которая, помимо всего прочего, очень поддерживала внедрение в исследовательскую практику качественных методов, наверно единственная во всем Институте Социологии. В 1996 г. я защитила, как мне кажется, одну из первых кандидатских диссертаций в России по качественным методам под названием «Теоретические и методические проблемы кейс-стади как стратегии социологического исследования», которая представляла собой смесь компиляций из зарубежных источников с попытками осмысления опыта наших исследований. Это был почти разгар дискуссии между «количественниками» и качественниками («ку-ку» дискуссии, по меткому выражению Инны Девятко) и народу на защиту набился полный зал.

Поскольку Ваша работа была пионерной в области качественных методов, пожалуйста, вспомните, какие проблемы Вы обсуждали с О. М. Масловой, кто был Вашим оппонентом, что удалось показать в диссертации.

Я не очень хорошо помню подробности, но, общение с Ольгой Михайловной всегда было радостью. Мы много говорили о методолого-методической культуре исследования в целом. Основная идея была в том, чтобы показать на примере конкретного исследования самодостаточность метода, его самостоятельный, а не комплементарный характер, как мы привыкли рассматри-

вать всякие неформализованные наблюдения и интервью. Поэтому диссертация была, может быть, более скрупулезная, чем те, тексты, которые обычно сопровождают качественные исследования. Такое методическое занудство.

Но, мне кажется, что работа получилась неплохая, поскольку ее буквально разобрали на цитаты. До сих пор встречаю абзацы, а то и целые страницы в чужих учебниках. Часто без ссылок. Меня это мало волнует, главное, что читают ведь. Оппонентами на защите были Леонид Григорьевич Ионин, как специалист по антипозитивистским теоретическим концепциям в социологии, и Марина Малышева. В то время она в Московском гендерном центре занималась переводами текстов по качественным методам в гендерных исследованиях. Несмотря на то, что некоторым членам совета, наверно, сам метод не представлялся научным, защита прошла успешно, сама фактура исследования была убедительной и оппоненты в основном хвалили. Владимир Александрович Ядов очень вдохновенно выступил в защиту методического разнообразия, лишь бы исследование было хорошим. А вот Геннадий Семенович Батыгин с защиты ушел, сказав мне перед этим примерно следующее: «то, чем Вы занимаетесь, я принципиально не приемлю, но, лично Вы мне симпатичны, поэтому голосую «за» и ухожу».

Вы не можете мне сказать, почему в то время Г. С. Батыгин не принимал качественные методы? Мне кажется, что позже его отношение к ним несколько изменилось.. так ли это?

Свое скептическое отношение к качественной методологии Геннадий Семенович обозначал совершенно четко — письменно и устно. Это его позиция, которую он отстаивал с присущей ему последовательностью и интеллектуальной честностью. Да, он использовал биографические интервью и писал о Чикагской школе, но, в рамках истории социологии, а не эмпирических исследований, где «сингулярности молчат». Не берусь судить, изменил ли он позже свое отношение или нет, просто не знаю — мы не особо часто общались и, к сожалению, уже не спросишь, и не поспоришь.

Мое личное впечатление, что довольно долгое время на критику качественных методов особо и возразить было нечего. Это сейчас качественные методы более чем признанная область социологии, как к ней ни относиться. А в самом начале, в середине 1990-х, мы были больше озабочены тем, чтобы донести наши наблюдения за стремительно изменяющейся реальностью, чем дать адекватные методологические пояснения. За что выслушивали обвинения в том, что то, чем мы занимаемся — не наука, а если наука, то не социология, а если социология, то мы просто не умеем проводить нормальное исследование, потому что не знаем что такое хи-квадрат. Это был довольно трудный переход от языка переменных к языку кейсов и к пониманию того, что строгость методической процедуры далеко не всегда означает сборник рецептов. А тогда, выслушивая на разных семинарах критику в отношении качественных методов, я с ужасом понимала, что я-то, скорее, на стороне «врага», то есть вполне себе за репрезентативность и хи-квадрат, и куда меня бедную занесло.

Этому есть, конечно, объяснение. Тогда российские социологи, вернее, отдельные группы социологов только начинали осваивать новые подходы. И у каждой группы был собственный заграничный гуру с собственным методологическим кредо — Даниэль Берто, Теодор Шанин, Саймон Кларк. Мы работали

достаточно изолировано, я только позже познакомилась с Викой Семеновой, Леной Рождественской, Ильей Штейнбергом и другими коллегами по «качественному цеху».

Ира, все рассказанное Вами очень интересно еще и в том отношении, что — пусть косвенно и фрагментарно — указывает на некоторую полноту информации, полученной мною от тех наших коллег, которые занимаются качественными методами. Так получилось, что к настоящему моменту мною проведены интервью с Еленой Рождественской, В. Семеновой, и И. Штейнбергом (добавлю: М. Масловского, П. Романова, И. Тонконогую, Е. Ярскую-Смирнову) и, конечно, они рассказали о влиянии на их профессиональное становление Даниэля Берто и Саймона Кларка. Что касается роли Теодора Шанина, то она мне давно известна и из многих источников. Меня очень интересует, чтобы Вы теперь, по прошествии лет, ответили бы тем (и новым) Вашим критикам? Или теперь и особо агрессивных критиков нет?

Качественная социология уже давно не нуждается в обосновании своей легитимности, — студентов качественным методам учат, правда, учебников маловато, в журналах множество публикаций, выполненных на качественных данных и т.д. Поэтому, если где-то вдруг появляется вялая попытка реанимировать дискуссию, то, выглядит это довольно уныло, без былого огня в глазах и пены у рта. Очевидно, что такое размежевание в социологии, по крайней мере, на идеологическом уровне, себя исчерпало. Наше социологическое сообщество уже привыкло к мысли о разнообразии методологических подходов, разделив более-менее решаемые ими классы задач.

Другое дело, что по-прежнему актуальна критика конкретной реализации качественного исследования, не самих подходов. Это общая проблема исследователей, работающих в качественной традиции. Строго говоря, универсальных алгоритмов в качественной социологии в принципе нет, качественный подход — «открытая технология», которая каждым автором используется по-своему. Это часто создает впечатление, что здравый смысл и собственная логика рассуждений исследователей, доминируют в формировании научных знаний. И здесь мы, следуя конвенциональной научной логике, так и стоим в позиции вечного оправдания. Будь ты феноменологом, позитивистом или еще кем, любое исследование нуждается в подробных экспликациях. И это важно делать, обращаясь хоть к каким-то объяснениям надежности и валидности. И качественная социология неоднородна. Одни видят суть качественных методов в доверии собственной субъективности, другие ищут пути повышения научной строгости качественных исследований, третьи, судя по некоторым публикациям, видят смысл исследования не в результате, а в самом процессе понимания «другого». Как мне кажется, в самой социологии (если не забредать на чужую территорию — культурной антропологии или этнографии, к примеру), качественные методы остаются очень рациональным проектом. Они «работают» на конкретные цели и задачи исследования, вместе с количественными или отдельно, то есть, чаще всего, напрямую не связаны с парадигмой. Поэтому в исследовательской практике разделение на качественников и количественников непродуктивно, профессионал ставит задачу и умеет определить и применить адекватные для ее решения методы.

Вы рассказали, как в Москве учились в аспирантуре и в 1996 году успешно защитили кандидатскую диссертацию. Что потом было? Когда Вы переехали в Москву?

Потом было еще 10 замечательных лет работы в нашей команде под руководством Саймона Кларка. Много полевых экспедиций по стране, статьи, отчеты зарубежные конференции и, конечно, общение, наши семинары, где все оценивалось по гамбургскому счету. Одновременно, я продолжала учиться, в этом очень помогли курсы повышения квалификации, которые существовали (и продолжают существовать) в институте социологии под руководством Сергея Кухтерина. Я прослушала несколько таких курсов. Анализ данных с Олегом Крыштановским (до этого мы с коллегами тренировались в регрессионном анализе в Стэнфорде, с Валерой Якубовичем, но, другие виды анализа знали плохо). «Подтянула» теорию, и я очень благодарна Инне Девятко, которая блестяще вела этот курс. Мы были первыми слушателями, и это была отличная группа очень сильных социологов из регионов. Со многими мы до сих пор дружим, а с Леной Плотниковой из Перми, Ларой Петровой и Машей Бурлуцкой из Екатеринбурга потом вместе работали в проектах ИСИТО, когда Саймон решил «прирасти» проект Сибирью. Потом я сама в течение нескольких лет читала курс по кейс-стади на этих курсах и еще в Казанском университете.

В жизни нашего самарского центра, тем временем, происходили разные события. В пединституте сменили ректора и буквально через пару месяцев после этого нас оттуда попросили. Пришлось срочно решать, как жить дальше, и главное, где. Нашли помещение бывшего магазина на первом этаже жилого дома, отремонтировали, устроились. В одной комнате устроили фокус-рум. В наследство нам досталось всякое торговое оборудование, например, стеклянные витрины, которые мы не выбросили, а красиво разложили на них свои папки и книги. А еще местные алкоголики, которые по привычке навевались купить у нас чего-нибудь выпить и долго сокрушались, что вместо полезного во всех смыслах учреждения, теперь фигня какая-то непонятная. Обрели еще одно юридическое лицо с ограниченной ответственностью, чтобы проводить коммерческие проекты, приняли бухгалтера. Пришлось познать все прелести российского малого бизнеса (сейчас пишу статью о социальной защищенности в малом бизнесе по материалам исследования этого года — похоже, что почти ничего не изменилось). Налог за то, налог за это, за свет заплати, за воду заплати, проверки, пожарники, администрация требует с нас, как с предпринимателей обновить фасад дома за свой счет...

В общем, готовились стать полноценной опросной фирмой, поскольку со временем исследовательское поле сужалось, грантов стало меньше и, соответственно, полноценных проектов тоже становилось меньше, зато рос заказ на маркетинговые исследования. Развиваться, да и просто выжить можно было, только наращивая обороты. Это был прямой путь в полстеры. Но душа к этому не лежала. К тому времени я начала понимать, что мои стандарты хорошего исследования несовместимы с тем, что предлагал сложившийся рынок. Мы капризничали, отказывались от проведения «неинтересных» полей, предпочитая исследования полного цикла, чтобы с разработкой инструмента и с анализом. Поля выходили дорогими, так как холили и лелеяли интервьюерскую сеть, проводили с интервьюерами полноценные тренинги, платили по-честному —

больше, чем другие фирмы. Поэтому экономический агент из нас получался так себе. Коллеги по цеху называли нашу контору социологическим бутиком — штучно, качественно, дорого. В общем, такая у нас была ниша на рынке. Но, в целом, становилось скучно, рутина постепенно затягивала.

Для меня все изменилось в одночасье, умер муж, внезапно, в экспедиции от тромбоэмболии легочной артерии. Меня как будто выключили. Год прожила как во сне. Работала как автомат, общение давалось с трудом, я почти не помню этот год жизни. Вырваться из этой депрессии казалось невозможно, и когда меня пригласили в Высшую школу экономики в только образованный Институт управления социальными процессами, я согласилась, почти не раздумывая.

Это был 2006 год (?), совсем недавно... чем Вам предложили заниматься? Аналитическая или преподавательская деятельность?

Точнее — конец 2005 года. Позиция была по названию административная — заместитель директора, а по сути, исследовательская. Институт возглавила Татьяна Четвернина, мы были знакомы по работе в совместных проектах. Все сотрудники нового института были экономистами из Института экономики РАН, а для проведения эмпирических исследований нужен был социолог. Мы занимались исследованиями в области труда и занятости, социальной политики и корпоративного менеджмента. Самый большой консалтинговый проект для «нефтянки», который длился несколько лет, был посвящен качеству трудовой жизни и профсоюзам. Как раз моя тема. Мы разработали методику измерения уровня развития трудовых отношений и успешно ее реализовали на многих предприятиях. Это были ежегодные полевые работы, где мы все делали сами, выезжали в экспедиции, по 5 тыс. человек опрашивали. Были в Нижневартовске, Норильске, Оренбурге, Рязани, Питере, наблюдали реальную экономику в действии.

По сути, это своего рода возврат к заводской социологии, хотя на другом уровне, в рамках интенсивной полевой работы: все просто мелькало перед глазами, цеха, буровые, рабочие курилки, кабинеты начальства. Помимо этого каждый год мы проводили фундаментальные исследования — по социальной защищенности населения, проблемам трудоустройства и службы занятости, заемному труду. Много интересных проектов.

Если можно, каковы самые общие результаты этого исследования? Интересно, что же в области социальной защищенности населения, проблем трудоустройства и других направлениях трудовых отношений произошло за два постперестроечных десятилетия. В каком плане это было время потерь, в каком — периодом приобретений? Были ли обобщены итоги этой работы в книге или все растеклось по статьям и докладам?

Вы задали вопрос, на который должен последовать очень обширный ответ — за два десятилетия российская система трудовых отношений эволюционировала от государственного патернализма к рыночным механизмам регулирования, на ходу теряя тапки. Социальные контракты, действовавшие в рамках системы советского типа, гарантировали пусть не очень качественное, но устойчивое и равномерное (а значит в представлении большинства людей справедливое) удовлетворение базовых потребностей. В начале 90-х годов они были буквально

сметены реформами, что привело к резкому ослаблению защищенности в сфере труда. Люди столкнулись с неведомыми им раньше явлениями: безработица, административные отпуска, невыплаты заработной платы и пр. Работники не имели никакого опыта трудовых отношений, поскольку советская система была несовместима с самой постановкой вопроса об «отношениях», роль профсоюзов как проводников политики партии и правительства исключала возможность какого-либо представительства интересов работников. Поэтому трудовые отношения развивались по законам жанра, — забастовки являлись постоянным фоном производственных отношений в России на протяжении 1990-х годов.

Когда спад в экономике сменился ростом, трудовые конфликты пошли на спад. Одновременно происходило ужесточение политического режима. «Кто сядет на рельсы, тот сядет», — так В. Путин определил свое отношение к борьбе за права работников еще в начале своего первого срока. Но, экономический рост не привел напрямую к росту защищенности и укреплению позиций работников в сфере труда, качество большинства рабочих мест осталось низким. Социальные аспекты изменений (такие как развитие социальных институтов, укрепление социально-трудовых прав) остаются неразвитыми. Об этом свидетельствуют невысокие оценки возможностей защиты трудовых прав, пессимистические ожидания, связанные с выходом на пенсию, распространенность дискриминационных практик в сфере труда.

Долгосрочный горизонт стабильности — основная потеря этих лет и это касается всех работников, занятых по найму. Краткосрочные контракты всех видов постепенно приобретают статус правила, а не исключения, даже в такой консервативной сфере, как образование. В совокупности с отсутствием эффективных механизмов защиты в сфере труда, мы прощаемся с правами и льготами, которые обеспечивали трудовые отношения, сложившиеся в течение всего прошлого века. Это, безусловно, общая тенденция, а не специфика России, но, мы отягощены и собственными проблемами. Позаимствовав европейскую модель социального партнерства, мы плюхнули ее на неподготовленную почву, волевым решением исполнительной власти «сверху». В этой модели государство уходит от регулирования трудовых отношений, все меньше правил формулируется на национальном уровне, социальным партнерам или договаривающимся сторонам предоставляется большая свобода устанавливать стандарты, начиная от типа трудовых контрактов до уровня зарплат. Но, ни профсоюзы, ни отдельные работники не имеют достаточной силы, чтобы вести эффективные переговоры и влиять на формирование существенных условий труда. Наши исследования показывают, что профсоюзный аппарат на любом уровне не защищает интересы работников, а оказывает услуги в сфере регулирования трудовых отношений, имея в качестве целевой группы субъектов с противоположными интересами (наемные работники и работодатели). Согласно теории Володи Ильина, это такая модель профсоюза-фирмы. Новые, так называемые альтернативные профсоюзы более близки к классическим принципам тред-юнионизма, но объединяют пока довольно узкий слой радикально настроенных рабочих.

На мой взгляд, слабость системы регулирования трудовыми отношениями привела к диверсификации их внутри страны, и формированию разных моделей социально-трудовых отношений, скорее характерных для определенных секторов экономики и категорий занятых, чем для страны в целом. То есть, занятое

население в плане социальной защищенности неоднородно. Его различные категории и сегменты обладают разным уровнем социально-экономической защищенности и имеют различные зоны уязвимости. Несравнима, например, защищенность работников, занятых в госсекторе и в малом бизнесе. Хотя вопрос об оптимальном уровне и допустимых минимальных и максимальных границах защищенности является одним из наиболее проблемных.

Но, в этом плане я, скорее оптимистка. Все-таки структуры и механизмы переговоров созданы, они должны заработать!

К сожалению, книгу все еще пишу и никак не пишу. Уже написала почти все главы и даже выиграла конкурс на издание монографии. Но, все время появляется новый материал и хочется чего-нибудь добавить.

Сколько лет Вы проработали на «административной по названию, но исследовательской по сути» должности? Как потом развивались события Вашей профессиональной жизни?

Проработала в институте пять лет, в 2010 году мне предложили возглавить кафедру методов сбора и анализа социологической информации на факультете социологии. Для меня это было радикальной сменой основной деятельности: из науки в преподавание, которое до этого занимало, конечно, какую-то часть жизни, но небольшую. Все перевернулось, преподавание стало занимать всю жизнь, а наука отошла на второй план — я продолжаю вести исследовательские проекты в институте (на условиях внутреннего совместительства), но, времени на то, чтобы углубиться в проект, катастрофически не хватает. Это проблема, которая сейчас касается всех вузовских преподавателей. На новой должности, особенно на первых порах, было совсем нелегко, новые люди, новые обстоятельства — все эти учебные планы, нагрузки, комиссии, ни с чем этим я раньше не сталкивалась, поэтому адаптировалась долго и с трудом. Я думаю, что хорошо адаптируются к вызовам нашей системы образования, только те, кто был включен в эту систему с молодости. Хотя сейчас она всем приносит много сюрпризов.

Я не знаю вашей системы обучения: как в прежние времена в СССР, т.е. студент не мог выбирать курсы, он изучал то, что было в сетке расписания, или у вас есть лист курсов по методам сбора и анализа информации и сам студент решает, какие курсы он хочет изучать? На Ваш взгляд, каким группам методов студенты отдают предпочтение? По каким темам, скажем, в этом году, студенты готовят свои выпускные работы?

Я тоже хорошо помню, как мы учились в советское время, даже мысли не возникало, что можно что-то выбрать самостоятельно. Сейчас у студентов, безусловно, гораздо больше свободы. Есть пул обязательных дисциплин, но, определенную часть курсов студент может выбрать самостоятельно, в том числе и на других факультетах. Я полагаю, что это разумная практика, в наше время, когда трудовая жизнь наполняется неопределённостью, важно иметь возможность приобрести разные компетенции. Факультет социологии, в этом смысле до последнего времени был территорией свободы, думаю, что в значительной степени благодаря Вадиму Радаеву. Методы есть и в числе обязательных дисциплин, и в числе элективов — курсов по выбору. В обучении методам приходится всегда держать руку на пульсе. Массу новаций выдает индустрия маркетинга, смежные

дисциплины и всяческие гибридные технологии. Вот, например, data mining, чего здесь больше, математики или программирования? Стараемся привлекать узких специалистов для чтения элективов или мастер-классов. Кроме того, у нас есть специализация «Прикладные методы социологических исследований». Студенты, выбравшие эту специализацию весь последний год бакалавриата, занимаются, в основном, методами. В этом году мы выпустили около 60 человек (это больше половины потока), так что, методы очень востребованы. К диплому по нашей специализации предъявляется требование методического приоритета — проведение методических экспериментов, «изобретений на применение» новых методик, шкал и прочее. Поэтому темы дипломов весьма разнообразны. Могу привести в качестве примера темы некоторых моих дипломников этого года. Качественные исследования: «Индивидуальные стратегии преодоления бедности», это анализ лонгитюдных качественных данных, тема новая и практически неразработанная. «Градостроительный конфликт как фактор формирования городского сообщества» — это сравнительное кейс-стади. «Частичный» дауншифтинг как альтернативный «жизненный проект», исследование построено на глубинных интервью с редкими носителями этих новых практик. И еще две работы совсем другого плана, которые посвящены одной теме — изучению миграционных установок и траекторий миграции выпускников российских вузов. В одной работе рассматриваются возможности анализа соответствий применительно к данной теме, другая представляет смешанный дизайн, в ней последовательно использованы 7 различных методов, от регрессионного анализа до глубинных интервью и анализа когнитивных карт.

Каким группам методов отдается предпочтение, трудно сказать, никто не считал. По моим ощущениям количественных работ больше. Полагаю, что это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, на кафедре просто больше специалистов по количественным методам, чем по качественным. Во-вторых, для «количественных» дипломов собрать собственные данные почти нереально, используются готовые базы, что, несомненно, проще. Наконец, критерии оценки количественных работ более четкие, меньше риска субъективности. Тем не менее, многие студенты идут по пути проведения своего небольшого, но, самостоятельного исследования (и здесь качественный подход — методология открытий) или выбирают комбинирование качественных и количественных методов. Интересных и грамотных работ много, и здесь я не хвастаюсь, а констатирую факт: наши выпускники «снимают весь банк» на всероссийских конкурсах дипломных работ!

Есть ли на Вашей кафедре аспирантура? Если есть, пожалуйста, назовите темы, по которым в последние годы были защищены кандидатские диссертации?

Привязки аспирантов к кафедре теперь нет, есть общая аспирантская программа по социологии и неважно преподаватель какой кафедры руководит аспирантом. Вообще кафедральная система организации уходит в прошлое. Во всяком случае, у нас в университете и кафедр почти не осталось, сейчас вводится другая, весьма жесткая и централизованная система руководства учебным процессом и преподавателями. У нас не очень активно защищаются, но, это общая проблема, а не проблема кафедры. Было несколько защит за последние годы на разные темы: алгоритмы заполнения пропусков, концептуальный ана-

лиз подростковой толерантности, метод фокус-групп. В этом году должна выйти на защиту моя первая аспирантка (не сглазить бы). У нее, на мой взгляд, очень неплохая работа и в плане методологии (это кросс-культурный анализ России и Франции), и тема вполне актуальная: анализ феномена стресса на работе.

Ирина, Вы очень много сделали, причем — в разных направлениях. Если в Ваших планах на ближайшие годы подготовка докторской диссертации?

Жизнь моя идет не по плану, почти все, что сделала, не планировалось, а случилось. В ближайшие годы надеюсь все-таки дописать книгу о трансформации трудовых отношений, но, защищать докторскую не буду. Надо было сделать это раньше, а сейчас не вижу смысла тратить время на утомительные процедуры. Еще хочу подготовить учебник по качественным методам, вместе с коллегами. Если получится.

Интервью с Галиной Борисовной КОРАБЛЕВОЙ

«ПОТРЕБНОСТЬ В ПЕРЕМЕНАХ И ИХ ВЕТЕР НАЧИНАЕТ ЧУВСТВОВАТЬСЯ В КОНЦЕ 80-Х-НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ»

Кораблева Г. Б. — окончила философский факультет Уральского государственного университета (1972 г.); доктор социологических наук (2000 г.); зав. кафедрой теории и истории социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н.Ельцина.

Основные области исследования: социология молодежи, социология образования, социология профессий. Интервью состоялось: ноябрь 2014 г. — февраль 2015 г.

Сейчас, когда счет проведенных интервью перевалил за 100 и матрица событий, встречающихся в жизнеописаниях российских социологов, в целом сложилась, каждая новая беседа рассматривается мною с двух точек обзора. Назову первую — собственно биографической, или личностной, а вторую — поколенческой. В рамках первого подхода центральной оказывается тема социализации человека, его обучения, движения в социологию и его деятельность как исследователя и преподавателя. Со второй обзорной площадки открывается возможность для изучения сходства-различий жизненной траектории конкретного социолога с тем, как входили в науку представители его профессионально-возрастной когорты, в каких нишах протекала (развивается) их деятельность.

Екатеринбургский профессор социологии Галина Борисовна Кораблева относится к старшему слою четвертого поколения советских / российских социологов (время рождения этих ученых заключено в интервале от 1947 до 1958 гг.), который в рамках моего проекта представлен 24 человеками (Таблица 1).

Таблица 1

Опрошенные социологи четвертого поколения

ФИО	уч. ст.	город	ФИО	уч. ст.	город
Бачинин В. А.	д. н.	СПб	Лебедева Л. В.	к. н.	Тюмень
Беспалова Ю. М.	д. н.	Тюмень	Локосов В. В.	д. н.	Москва
Гаврилюк В. В.	д. н.	Тюмень	Мягков А. Ю.	д. н.	Иваново
Горшков М. К.	д. н.	Москва	Омельченко Е. Л.	д. н.	СПб
Давыдов А. А.	д. н.	Москва	Полетаев А. В.	д. н.	Москва
Демидов А. М.	к. н.	Москва	Савельева И. М.	д. н.	Москва
Здравомыслова Е. А.	к. н.	СПб	Семенова В. В.	д. н.	Москва
Илле М. Е.	б/с	СПб	Тарусин М. А.	б/с	Москва
Ильин В. И.	д. н.	СПб	Цыплёнков С. Ю.	б/с	Калининград
Ключарев Г. А.	д. н.	Москва	Чирикова А. Е.	д. н.	Москва
Козлова Л. А.	к. н.	Москва	Штейнберг И. Е.	к. н.	Моск./Энг.
Кораблева Г.Б.	д. н.	Е-бург	Ядов Н. В.	к. н.	СПб

Отмечу главные элементы матрицы событий, обозначенные в рассказе Галины Кораблевой.

Предбиография включает в себя зажиточных крестьянами, раскулаченных в постреволюционные годы и волей судеб заброшенных на небольшой разъезд на Северной железной дороге. Отец, участвовавший в войне на Халхин-Голе, в советско-финской и Отечественной войнах; он не нашел себя в мирной жизни и рано умер. Мать, которая в 16 лет попала на фронт вместе с госпиталем и после смерти мужа одна воспитывала троих детей. Потом школа в небольшом рабочем поселке под Костромой. Молодой учитель немецкого языка, в которого были влюблены все девочки, обратил внимание на «философствование» своей ученицы, так Галина поехала в Свердловск и поступила на философский факультет университета, на котором деканом был М. Н. Руткевич. С социологией студентов знакомил Л. Н. Коган.

Специализировалась она по кафедре исторического материализма, дипломная работа — по проблемам рабочего класса и распределение в Институт экономики Уральского отделения АН СССР.

Заочная аспирантура в ЛГУ и в 1980 году защита кандидатской по социально-политической активности населения Урала. Потом семь лет исследовательской работы на кафедре научного коммунизма Уральского политеха, коллектив которой занимался разработкой планов социального развития. Работа под руководством Ю. Р. Вишневого и Когана, докторантура у Г. Е. Зборовского в Свердловском инженерно-педагогическом институте и защита диссертации в 1999 году.

Биография Галины Кораблевой уникальна потому, что все описанное пережито ею, но почти все сюжеты — не уникальны, с аналогичными можно встретиться в биографиях социологов ее когорты и старших поколений. Есть в материалах данного проекта и обстоятельные интервью с Юрием Вишневым и Гарольдом Зборовским, а также их воспоминания об их старшем друге Льве Когане. Таким образом, в ее личном, неповторимом жизненном и научно-исследовательском опыте отражается, предстает свойственное, присущее ее социо-

логическому поколению. С одной стороны, это обстоятельство позволяет глубже понять рассказ Кораблевой, с другой, дополнить концепцию социологических поколений и валидизировать наши представления об их строении и функциях.

Помимо Г. Б. Кораблевой в таблице 1 названы фамилии еще 23 ученых из четвертого социологического поколения. Следовательно, у нас есть 24 истории социализации людей этой когорты и столько же дорог, по которым эти люди пришли в социологию. У нас — полтора десятка социологов четвертого поколения, имеющих степень доктора наук, 6 — кандидатов наук и трое — без степени; 11 человек — москвичи (по месту работы), 6 — ленинградцы / петербуржцы, 6 социологов из других городов страны и один — работает в г. Энгельсе и Москве.

Все эти биографии являются базой для изучения социологической тематики, которая осваивалась данным сообществом ученых, и анализа межпоколенных и внутривпоколенных связей. Другими словами, оказывается возможным ближе подойти к пониманию истории нашей науки как процесса становления и смены профессиональных поколений.

Кораблева Г. Б.: «Потребность в переменах и их ветер начинает чувствоваться в конце 80-х—начале 90-х годов»

Галина, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, мои интервью с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры... что Вы знаете о своей фамилии — Кораблева и насколько Вы знакомы с прошлым Вашей родительской семьи?

Моя фамилия досталась мне от мужа, а не от родительской семьи. Корневым словом для нее вроде бы является «корабль», но на самом деле, по рассказу мужа, происходит она от слова «короб», с которым ходили по деревням и селам торговцы мелким товаром. Со временем фамилия трансформировалась и, во всяком случае, в XX уже не имела прямой связи с занятиями членов семьи, которые до революции 1917 г. были зажиточными крестьянами, и во времена «раскулачивания», чтобы не подвергнуться репрессиям, перебрались в г. Екатеринбург.

Что касается родительской семьи, то ее генеалогия мне мало известна. По своему происхождению моя бабушка по маме была из карелов, которые в начале XX в. перебрались в Тверскую область, где бабушка нашла свою судьбу в старинном купеческом г. Бежецке. Родители отца происходят из поволжских крестьян Костромской области, но дедушка привез свою молодую жену на небольшой разъезд только что построенной Северной железной дороги, где он потом и проработал железнодорожником в течение всей жизни. И если бы не Великая Отечественная война, то мои родители никогда бы и не встретились. Мой отец, начав службу еще в Красной армии, участвовал в войне на Халхин-Голе, финской войне и далее в Отечественной, что сказалось на его судьбе скорее негативно, поскольку почти десять лет военной жизни позднее мешали ему найти себя в мирной жизни, и он рано умер. Моя мама попала на фронт вместе с госпиталем, куда пошла работать с начала войны в 16 лет. Потом госпиталь был преобразован в эвакуационный полевой госпиталь, где она и служила до окончания войны. Встретились они уже в конце войны на территории Германии, где и поженились. А далее уже появились дети и встал вопрос об месте проживания молодой семьи. Это место искали долго: сначала пытались обустроиться в Западной Украине (г. Владимир-Волынский), где и родилась я, потом в г. Бежецке, но каждый раз сталкивались с неустроенностью послевоенного быта и элементарным полуголодным существованием. В конце концов остановились на родине отца в небольшом рабочем поселке Костромской области. Отца вскоре не стало, и маме пришлось одной воспитывать троих детей. Именно здесь и прошли мои детские годы.

Спасибо, Галина, это же роман... сколько линий, характерных для российской/советской истории, и как прекрасно, что все это хранится в Вас. Вы там и все школьные годы провели? Как вообще помнится то время? Как шла учеба, что нравилось и не нравилось?

Мои школьные годы прошли в небольшом рабочем поселке, где после войны наконец обосновались мои родители. Поскольку отец вскоре ушел из жизни, то жилось семье не просто, но для послевоенного времени и начала 50-х гг. XX в. такая ситуация была характерна для многих семей, так что мое детство было вполне благополучным.

Пока мой отец служил и воевал, подросли и получили образование его сестры, которые пришли работать в ту школу, где я потом училась. Учиться мне очень нравилось. Вероятно потому, что это у меня хорошо получалось и поощрялось. Ведь дети тянутся к тем видам деятельности, которые у них получаются лучше всего. То, что мои близкие родственники работали в той же школе и даже вели уроки в классе, где я училась, тоже не мешало мне. Обе были очень порядочными и ответственными учителями. Одна из них (она была учителем биологии) для того, чтобы продемонстрировать свою беспристрастность и объективность в конце четверти вызывала меня к доске и устраивала опрос по всему пройденному материалу. Я сегодня оцениваю этот ее педагогический прием, поскольку благодаря такому «допросу» меня не считали «выскочкой», «учительской девочкой» и т. п. Отсюда конфликтов с одноклассниками по поводу нечестно полученных оценок не было. Столь пристрастное отношение ко мне со стороны моих тетюшек-учителей, пожалуй, с раннего детства приучало меня быть требовательной к себе. А другие конфликты бывали. Я совсем не росла «ботаником» и неоднократно вступала в драки с мальчишками, в споры с учителями.

Больше всего мне нравилось читать книги. В школе и поселке были неплохие библиотеки, в которых я была постоянным читателем. Когда книг мне все-таки не хватало, что уже имело отношение к старшим классам, я начала читать полные собрания сочинений некоторых классиков. С учетом возраста это уже были романы Бальзака, Золя. Цель я себе тогда поставила прочитать все с первого тома до последнего. Но достичь мне ее не удалось. Далеко не все романы оказались интересными и захватывающими. В семье по мере возможности читали все. Помню себя в первом классе, когда я еще читала по слогам. Вечер. Семья собралась за круглым столом, и каждый читал что-то свое, а на меня никто не обращал внимания. По-видимому, для того, чтобы показать, что я тоже занимаюсь общим делом я начала вслух и по слогам читать какие-то странички букваря. Веселье было всеобщим и смех долго не могли остановить, а я плакала от обиды и непонимания. Не было телевидения и театров, но был радиотеатр, и я помню как всей семьей мы замирали у радиоприемника. Это было не столь часто, но запомнилось.

Любовь к чтению сохранилась на всю жизнь и передалась сыну. В 70–80-е гг. мы выписывали много периодики и у нас постоянно возникали споры, кто первым будет читать новый номер «Юности». Чтение перед сном было семейным ритуалом. Мне жаль, что новые источники информации и новые информационные технологии отодвинули книгу на второй план.

Учиться мне было легко и интересно. Хотя естественные науки (физика и математика) были мне менее понятны, чем гуманитарные и успехи здесь не были блестящими, но и здесь при определенных усилиях мне удавалось получать хорошие и отличные оценки.

В целом я была очень активной ученицей. В школе работали различные кружки, проводились какие-то конкурсы. Я рвалась участвовать во всем и, если не брали или не получалось что-то, то обижалась и расстраивалась. Позднее в средних и старших классах пришла к выводу, что талантов у меня нет, внешность серая. Это заставляло меня комплексовать. Очень завидовала красивым девочкам с музыкальными способностями. Все как обычно: не ценим, что имеем.

Хорошая память и способности к усвоению различной информации без особых усилий в подростковом возрасте, когда друзья, улица первые влюбленности становятся более значимыми, привели к тому, что знания мои по ряду предметов, казавшихся мне скучными, оказались поверхностными, что я понимаю сегодня. Например, уже не помню было ли в мое время обществознание как учебная дисциплина, но в старших классах были в курсе истории схожие разделы. Здесь я явно плавала: партийные съезды, структура и состав правительства и т.п. стали для меня камнем преткновения. Позднее, уже в вузе, был один предмет, который я «завалила» на первом курсе — это история КПСС.

По окончании школы я не получила ни золотой, ни серебряной медали, хотя могла бы. Для этого нужно было пересдать какие-то темы, поднапрячься и погрузить в учебу. Но уже тогда проявилась одна особенность моего характера: я честолюбива, но не амбициозна. Я о той самой медали, в отличие от моих родственников, и не мечтала никогда и не также никогда не жалела, что ее не было. А вокруг кипела жизнь, и можно было бесконечно мечтать о том замечательном и интересном, что тебя ждет.

Школа повлияла на мой выбор профессии. Скорее это не школа в целом, а, конечно, любимый учитель. Он пришел к нам сразу после окончания пединститута и преподавал немецкий язык, был молод и мы, девчонки, были в него явно влюблены. Поскольку в старших классах я стала учиться неровно, дерзила учителям, одевалась не по форме, дружила с компанией, пользовавшейся не лучшей репутацией, то мой учитель оставлял меня после уроков и подолгу беседовал «о жизни». Он первым заметил аналитические особенности моего ума и обратил внимание на способности к философским размышлениям. Вот я и выбрала для продолжения учебы философский факультет, которых в те времена в СССР было всего четыре.

Как далеко был Ваш поселок от Костромы? Вы чувствовали себя готовой жить в крупном городе, где были философские факультеты? Так каким же оказался Ваш выбор?

Мои одноклассники, как правило, действительно для продолжения учебы выбирали вузы областного города, но там их было, насколько я помню, два: технологический и педагогический институты (типичный набор для небольших областных центров) второй половины 60-х гг. XX в. Меня не устраивал ни первый, ни второй вариант. А вот уже к выбору города я отнеслась рационально. В РФ философские факультеты были открыты в Москве, Ленинграде и Екатеринбурге. Москву и Ленинград я сразу отбросила из списка и не потому, что боялась большого города, Причина была в моей собственной оценке уровня своих знаний и степени подготовленности к экзаменам. Я исходила из того, что в этих городах я, скорее всего, не выдержу конкурса. А вот Екатеринбург

в этом плане мне казался более приемлемым. Я сейчас уже не помню, каким был реальный конкурс, но около 2 человек на место, о чем я уже узнала по приезду в Екатеринбург.

Здесь я столкнулась еще с одним барьером, который назывался «собеседование по математике». Дело в том, что программа обучения на философском факультете включала односеместровый курс высшей математики. И два предыдущих набора столкнулись с тем, что уже в первую экзаменационную сессию с ним не справились не менее трети студентов, которые были отчислены. Вот тогда М. Н. Руткевич, а он был первым деканом философского факультета Уральского государственного факультета, и ввел предварительное (до приема документов от абитуриента) собеседование по математике. Те, кто его проходили, дальше сдавали документы и допускались к основным экзаменам. Времени на подготовку к этому собеседованию у меня не было, поскольку я приехала к концу приема документов. Пришлось идти с тем набором знаний по математике, который у меня был. На собеседовании давалось два или три задания: доказательство теоремы и решение математических задач. С задачами я справилась быстро, а вот для защиты теоремы я не знала исходных положений. И здесь сработало нахальство молодости и возможно какие-то аналитические способности. Я заявила экзаменаторам: «Если бы я помнила исходные положения, то дальше данную теорему я доказывала бы следующим образом и продолжила доказательство». Мою логику приняли и допустили к сдаче экзаменов.

М. Н. Руткевич в тот год (1967) ввел еще одно новшество, которое позволило сохранить к выпуску количественно почти полный контингент студентов — это кандидаты в студенты. Их было достаточно много, кажется человек 25. Кандидатом мог стать абитуриент, который получил положительные оценки на экзаменах, но не прошел по конкурсу. Реально это была группа вольнослушателей без каких-то других прав, кроме права занять место студента, отчисленного в течение первого года обучения. Очень интересный вариант, но позднее, возможно уже в 1968 г., эту систему отменили, как и собеседование по математике. Что касается математики, то вопрос решили, пригласив другого преподавателя.

Согласен, было сделано смелое решение. Как пошла учеба на философском факультете? Какие области философии Вас наиболее привлекали, какие преподаватели в наибольшей степени повлияли на Вас?

Учиться на философском факультете было интересно. Хотя традиционно мы знаем, сколь велика роль преподавателя в формировании специалиста, но далеко не всегда это можно проследить столь последовательно, как в моем случае. Дело в том, что философия как направление подготовки было явлением достаточно новым для страны во второй половине 60-х гг. XX в. Отсюда учебные планы и программы дисциплин, с одной стороны, не столь строго определялись Министерством образования, как по другим специальностям. А с другой, — философия рассматривалась как дисциплина мировоззренческая и составная часть марксистско-ленинского учения, и потому контроль за учебной литературой был достаточно жестким. Это проявлялось в том, что учебников по философским дисциплинам практически не было. Кстати, одним из наиболее удачных и новых для своего времени стал учебник по диалектическому материализму М. Н. Руткевича. Отсутствие учебников имело свои плюсы. Студенты философского факультета

с первого курса имели свободный доступ в областную библиотеку им. Белинского (в те времена только студенты старших курсов могли быть ее читателями) и посещали ее для подготовки к занятиям и экзаменам, что приучало к работе с научной литературой. Помимо того, мы с первого курса учились читать философские журналы и работать с научными статьями. Но вот доступ к монографическим первоисточникам был ограниченным, поскольку объявленные еще в 30-е гг. XX в. идеологически «вредные» труды хранились глубоко в запасниках. На третьем или четвертом курсе я писала работу по З. Фрейду. Так вот для того, чтобы познакомиться, хотя бы с одной из его работ, я получала специальное письмо от университета, чтобы эту работу разрешили мне посмотреть.

Отсутствие или ограниченность учебной литературы по философским курсам и дисциплинам повышало значение лекционных занятий, а вместе с этим роль преподавателя, ведущего ту или иную дисциплину. Непререкаемым авторитетом пользовался декан факультета Михаил Николаевич Руткевич. Как с лектором мы с ним познакомились только на старших курсах. Он читал нам спецкурс по социальной структуре общества, да и то только часть лекций, а остальные вела его ассистент. Но как «хозяин» факультета он, уже проходя по коридору, отмечал, чем мы заняты и должны ли быть на занятиях, вызывая трепет у первокурсников.

Мой выбор профессии по окончании школы имел достаточно стихийный характер, а вот утвердил меня в намерениях стать философом Евгений Фомич Молевич, который недолго проработал в УрГУ, переехав сначала в Куйбышев, а затем в Самару. Уже на первом курсе у нас он читал курс диалектического материализма и вел семинарские занятия. Для вчерашних школьников разобраться с диалектикой и материалистической теорией было невероятно сложно. Как-то он трижды распустил группу и отменил семинарское занятие по проблемам активности материи, заявив, что мы к нему не готовы. Скорее всего, он добивался от нас не простого пересказа лекций, а самостоятельного мышления. По окончании учебного года Молевич, подводя итоги, назвал 10 человек, из которых, по его мнению, философы получатся. Я была среди них. И совсем не потому, что блестяще училась. У Евгения Фомича были другие критерии. Такая оценка очень стимулировала. А методический прием роспуска группы и переноса занятий для усиления интереса к его содержательной стороне и дополнительной литературе я использую изредка и сама.

С историей философии нас знакомил Исаак Яковлевич Лойфман. Кроме того, что он хорошо владел содержанием и, как бывший школьный учитель, методикой обучения, Лойфман был хорошим оратором и обладал чувством юмора, что позволяло усваивать материал, опираясь позднее при подготовке к экзаменам на ассоциативные ряды.

Этику нам читал Леонид Михайлович Архангельский, который сменил М. Н. Руткевича, возглавившего к тому времени Институт социологии АН СССР, на посту декана философского факультета. Архангельский мне запомнился не как лектор и оратор, а совсем по другой причине. В середине 70-х гг. XX в. он, как признанный в области этики ученый, был приглашен в Москву в один из институтов АН. Да и раньше нам часто говорили о его заслугах в области этики, а вот в чем состоят эти заслуги я так и не могла понять.

Конечно, особой фигурой на философском факультете был Лев Наумович Коган, который в тот период работал в Уральском отделении академии наук (УрО РАН), но читал лекции и в УрГУ. Невероятно обаятельный, обладающей особой харизмой, он не мог не обратить на себя внимания. Студенты, которые слушали его лекции по историческому материализму (нам этот курс преподавал О. Н. Жеманов), до сих пор сыплют цитатами из этого курса по поводу отдельных социальных процессов. Нас Л. Коган уже на старших курсах знакомил с прикладными социологическими исследованиями в области социологии культуры.

Олега Николаевича Жеманова как преподавателя я оценила гораздо позднее, уже работая над самостоятельной темой в УрО РАН. Кроме исторического материализма он читал нам курс по критике буржуазных теорий. Только пытаясь самостоятельно разобраться в содержании этих теорий, я поняла, как искусно он «критиковал», знакомя нас с содержанием теорий и не искажая реальных взглядов авторов в угоду официальной идеологии. Перейдя из Академии наук в вуз и разрабатывая спецкурсы в области теории менеджмента, я опиралась на небольшой учебник О. Н. Жеманова и монографию Д. М. Гвишиани «Организация и управление. Социологический анализ буржуазных теорий». Монография Гвишиани до сих пор стоит у меня на книжной полке, и я рекомендую ее студентам.

Подготовка студентов-философов, предполагала на моем потоке две специализации: диалектический и исторический материализм. Я выбрала вторую. Именно это приблизило меня к социологии. Уже в начале 70-х гг. XX в. нам преподавали курс методики и техники социологических исследований, читали спецкурсы, базирующиеся на практике эмпирических исследований. В этом плане запомнились курсы М.Н. Руткевича о социальной структуре, где в качестве эмпирического материала использовались данные социологических исследований о студенческой молодежи, проведенных совместно с Ф. Р. Филипповым, знакомство с результатами исследований в области духовной культуры рабочего класса, выполненных в УрО РАН под руководством Л. Н. Когана. Социология меня заинтриговала, но тогда на последних курсах обучения я еще не подозревала, что она определит мою профессиональную судьбу.

Какая истматовская тематика Вас заинтересовала?

К сожалению, ничего не помню из курса истмата, а отсюда и собственно истматовской тематики. Что касается спецкурсов, то выше, когда я писала о преподавателях, я связывала их влияние именно с их профессиональной деятельностью: социальная структура общества (М. Н. Руткевич), спецкурс по методике и технике социологических исследований, духовная культура рабочего класса (Л. Н. Коган), спецкурс по проблемам личности.

Насколько активно Вы были вовлечены в студенческие годы в общественную деятельность?

Общественной активностью я в студенческие годы, как и позднее, не отличалась. Однажды на уровне учебной группы мне что-то поручили (не помню что конкретно), но я не справилась с общественным поручением, и меня потом по этому поводу обсуждали на собрании. И вообще я была «серой» и незаметной

мышкой и очень средней студенткой. Такой тип студентов ни администрацию, ни общественные организации не интересуют. Это позволяло мне жить интересной внеучебной жизнью (выставки, кино, дискуссионные клубы и т. п.).

Да, это известно, среди тех, с кем я уже беседовал, многие видели свою жизнь вне стен университетов. Причин много, часто — своеобразное бегство от рутины, скуки учебных курсов. Что Вы искали в выставках, кино, дискуссионных клубах? Просто расширяли свой кругозор или мечтали о новой профессии?

Я бы не сказала, что на занятиях мне было скучно, хотя рутины тоже было достаточно. Без этого не обходится ни одна работа, что понимаешь гораздо позднее. А вот внеучебный досуг он показывал жизнь в ее разнообразии, поскольку студенчество — это период, когда в жизни все интересно. Мне же было интересно вдвойне после ограниченных возможностей маленького поселка. Хотя не стоит считать, что я не бывала в больших городах до этого, но когда появлялась возможность и я имела возможность собственного выбора, то он был связан с экскурсиями и музеями. Попав в старших классах в Ленинград вместе со своей школьной подругой, первое, что я себе запланировала — это Эрмитаж. Бродила там целый день одна, плутая по залам. Потом уже в аспирантуре я посещала прежде всего, помимо новых выставочных экспозиций, два зала — Родена и импрессионистов. А о новой профессии мне и в голову не приходило мечтать, поскольку, честно говоря, я о своем применении в будущем, кроме преподавания в вузе, мало что представляла.

... поскольку я родился и жил в Ленинграде до отъезда в Америку, то пришел в Эрмитаж очень рано и часто ходил туда, а моя родная сестра, окончив искусствоведческий факультет Академии художеств, пришла на работу в Эрмитаж и работала там буквально до последних дней жизни... так что я могу понять шок, испытанный Вами при первом посещении этого храма искусств...

Обучение на философском факультете, принимая во внимание и тот факт, что там работал Л. Н. Коган, давало вам возможность синтезировать Ваш интерес к философии и культуре, искусству. По какой кафедре Вы специализировались и писали дипломное исследование?

В период, когда я училась на философском факультете УРГУ, Лев Наумович находился в «ссылке» в тогда еще УрО АН СССР и на факультете появлялся не столь часто, чтобы студенты могли его лучше узнать. Фактически он в те годы (конец 60-х и начало 70-х) создал социологическое подразделение в Уральском отделении АН. Формально два сектора существовали там и раньше, но бурная работа началась с приходом Л. Н. Когана. Его первые серьезные работы по социологии культуры написаны на основе именно тех исследований. Но с этим я познакомилась позднее, когда пришла на работу в Академию.

Специализировалась я по кафедре исторического материализма, а дипломную работу писала по проблемам рабочего класса. Но я даже тему плохо помню. Не скажу, что это был захватывающий процесс, хотя потом обращение к этим проблемам пригодилось. Я рано вышла замуж, еще в студенческие годы. Родился ребенок, и меня поглощали заботы молодой мамы. Да и какой-то солидной научной работы не намечалось. Все пришло после окончания вуза.

Что пришло после окончания вуза? Пожалуйста, обозначьте в целом, если мне не будет ясно, начнем обсуждать частности...

А дальше было завершение обучения и распределение в Институт экономики Уральского отделения АН СССР. Дело в том, что мне нужно было остаться в городе, а свободного распределения мне не полагалось, хотя ребенок был еще маленьким. Заявка от Академии наук была организована мамой одной из выпускниц, которой чуть позднее предложили место в аспирантуре. Мест же распределения непосредственно в Екатеринбурге было всего несколько, а я не отличница, чтобы получить право выбора среди первых. Группа повела себя очень достойно: никто не посягнул на это место. А остальные распределились преимущественно в города Сибири: Новосибирск, Красноярск, Хабаровск и др. Спрос на преподавателей философии с базовым образованием был высоким.

После получения диплома полагался месяц отпуска, но я в первые же дни рвалась выйти на новое место работы. Я попала по распределению в социологический сектор, название которого звучало примерно так «Демократизация управления производством». Второй сектор «Духовная культура рабочего класса» возглавлял Л. Н. Коган. При первой же встрече со своим руководителем я озабочилась вопросам: что мне почитать, как мне подготовиться к новой работе, поскольку понимала, что даже учебных навыков работы социологом у меня не было. Ответ был: отдыхай положенный месяц, а там разберешься.

Первоначально мне было несколько грустно, что я не попала на преподавательскую работу: туда меня тянуло, да и график работы был более свободным. Только позднее я поняла, что мне несказанно повезло сразу по окончании вуза погрузиться в профессиональную социологическую среду. С первых месяцев работы мне дали исследовательскую тему «Моральное стимулирование привлечения к управлению рабочего класса» и включили в те исследовательские проекты (тогда говорили «хоздоговоры»), которыми занимался сектор. А это: разработка инструментария по своей проблеме, но в рамках темы договора, участие в опросах, обработка их материалов, написание отчетов по исследовательской работе, написание статей и тезисов, участие в научных семинарах и конференциях.

Накапливался исследовательский опыт. Лев Наумович как хороший магнит привлекал исследователей из разных регионов страны. Особенно тесными были связи с Уфимским авиационным институтом (Н. Аитов, позднее его ученик Ф. Файзуллин), Пермским политехническим (З. Файнбург, Слюсарянский М. А.), Пединститутом Нижнего Тагила. Еще молодые и активные часто приезжали В. Т. Шапко, Ю. Р. Вишневский. Первые встречи с заводскими социологами с НТМК (Бардин, к сожалению, не помню инициалов) многие годы возглавлял там социологическую лабораторию, которая сохранялась и в перестроечные годы, московскими учеными и представителями других регионов.

Очень полезными были поездки по городам и предприятиям Урала для проведения анкетных опросов. Здесь я знакомилась с особенностями работы многих производств: машиностроительных, металлургических, химических, строительных и других предприятий. А сам анкетный опрос, который чаще всего проходил в бытовках, создавал неформальную атмосферу, и со мной охотно делились и проблемами и мнениями о том, что происходит (девочка молодая, нужно же ее было познакомить с жизнью). Этот опыт я до сих пор, так или иначе, использую

при разработке новых исследовательских тем, аспирантских работ, на лекциях и при разработке и чтении спецкурсов. Кроме того я знакомилась с географией Урала.

Второй вид поездок — это конференции, где устанавливались профессиональные контакты. География этих конференций охватывала основные регионы бывшего Советского Союза.

Накапливался и исследовательский материал. Мне становилось тесно в рамках научных отчетов и статей. Но в тот период в Институте экономики существовала практика написания диссертационных работ за рамками аспирантуры. Только, когда в середине 70-х гг. XX в. два сектора объединили в отдел, который возглавил Л.Н. Коган, ситуация изменилась. Он занялся молодыми учеными прежде всего в плане решения вопросов с аспирантурой. Меня он решил направить в ЛГУ. Было организовано целевое место в аспирантуру. Мне оставалось сдать один экзамен, поскольку два кандидатских уже были сданы, и ехать в Ленинград. Экзамен я сдала вполне успешно, но вот из дневной аспирантуры тут же перевелась в заочную, чем, думаю, очень обрадовала кафедру научного коммунизма ЛГУ, получившую дополнительное место. А вот Лев Наумович был страшно недоволен и кричал на весь коридор Института экономики: «Посмотрите на эту обезьяну. Она никогда не защитит диссертации. Надо же было отказаться от Ленинграда!!!». Да, если бы я не отказалась от дневной аспирантуры, то возможно жизнь сложилась бы иначе. Но диссертацию я защитила и даже на год раньше, чем предполагал официальный график.

Здесь не было ничего сложного для меня: поступая в аспирантуру я уже имела около десятка публикаций, располагала материалами более десятка исследований по всему Уралу, кандидатские экзамены были сданы, кроме экзамена по специальности. Так что первые два года аспирантуры я приезжала в ЛГУ на один день, чтобы представить формальный отчет. Диссертацию собственно начала делать на третьем году. Не могу не упомянуть человека, который ускорил ее защиту, — это Галина Алексеевна Ковалева (в конце 90-х—начале 2000-х министр экономики и труда Свердловской области), работавшая в тот период в том же секторе, что и я. Когда я решила отправить текст диссертации своему научному руководителю, профессору Джамалу Зейнутдиновичу Мутагирову, мы встречались с ним раз пять за все время и то кратко, то она посоветовала оформить сделанное полностью в соответствии с требованиями (титульный лист, введение, заключение и т. п.). В результате это был первый и последний вариант диссертации. Когда меня пригласили на заседание кафедры, то я даже не подозревала, что прохожу предзащиту.

Я пишу об этом не только и не столько из-за погружения в ностальгию по прошлому. Мой опыт показывает, сколь значимо для ученого глубокое погружение в исследовательскую профессиональную среду и насколько легко, благодаря этой среде, приходиться к столь серьезным обобщениям своего исследовательского опыта, к каким я отношу кандидатскую диссертацию.

... все ясно, Вы постепенно вошли в социологию, в 1980 защитили в ЛГУ кандидатскую диссертацию. Что удалось показать? Были ли в те годы эффективные пути развития социально-политической активности населения Урала? Как Вам сегодня кажется, можно ли было разглядеть, что страна стояла на пороге коренных перемен?

К вопросу о путях развития социально-политической активности рабочего класса Урала. Здесь, насколько я помню, мои рекомендации с позиций сегодняшнего знания проблемы и накопленного социального опыта, были примитивны. Я их и не помню особенно. Помню, что еще до защиты диссертации меня поразило несколько фактов. Первый был связан с плановым распределением различных способов морального стимулирования активности работников предприятий. Например, на долю того или иного предприятия выделялось несколько почетных званий федерального или местного масштаба, несколько почетных грамот и т.п. (кстати эта практика сохранилась и сегодня в вузах. На ученом совете мы до сих пор утверждаем кандидатуры сотрудников, представленных к поощрениям федерального уровня, да еще с профсоюзом это согласовываем. А количество наград все еще определяется свыше). Когда я отразила данный факт в одном из научных отчетов и попробовала опубликовать это, мне, как еще молодому и «зеленому» исследователи сказали: ну и что: мы-то это с вами знаем, а остальным зачем об этом знать. В диссертации позднее я такую практику все-таки покритиковала.

Далее меня поразило существенно более высокий уровень оплаты труда рабочих по сравнению с ИТР и, тем более научных сотрудников. В социологической литературе эта тенденция объяснялась появлением особой социальной группы внутри рабочего класса — рабочих-интеллигентов (Н. А. Аитов, М. Н. Руткевич). В 80-е гг. начали внедряться в практику системы коллективной ответственности за результаты трудовой деятельности (хозрасчетные бригады) и состояние трудовой дисциплины (опыт Северского трубного завода), что требовало делегирования ряда управленческих функций на нижнее звено управления, непосредственно первичным коллективам. Но опыт Северского трудного завода противоречил законодательству: вся бригада добровольно отказывалась от премии в случае нарушения трудовой дисциплины, хотя бы одним из ее членов, а хозрасчетные бригады, создаваемые по опыту западных автономных бригад, не соглашались распределять заработную плату по коэффициенту трудового участия внутри первичного коллектива, предпочитая сохранение дружеских связей и психологический комфорт социальной справедливости, и возвращая это свое право отделам по труду и заработной плате. Так что для меня начало 80-х гг. XX в. еще мало что говорило о наступлении времени перемен. Потребность в переменах и их ветер начинает чувствоваться в конце 80-х—начале 90-х годов, когда я уже перешла на работу в вуз, каким на долгие годы для меня стал Уральский политехнический университет.

На какую кафедру Вы пришли работать? Кто из старших коллег помогал Вам входить в преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность?

Я пришла работать на кафедру научного коммунизма на должность ассистента, но проработав семь лет в УрО РАН и там уже получив должность старшего научного сотрудника, ассистентом я себя не чувствовала. Кафедра научного коммунизма УПИ в 1980 г. была крупнейшей для вуза в тот период и насчитывала 26 штатных преподавателей, но в научно-исследовательскую работу была включена лишь небольшая ее часть. В их числе наиболее известен в своем регионе Л. Д. Митрофанов, который в рамках межвузовского научного коллектива занимался разработкой планов социального развития. Он входил и в состав авторского коллектива, который подготовил и издал «Методические рекомендации по разра-

ботке планов социального развития предприятия» (не могу ручаться за точность названия издания), но в свое время, будучи включенной в работу по разработке таких планов, я этими рекомендациями пользовалась. Активно занимались подобными исследовательскими проектами Ф. А. Поправко, Р. М. Сырнева, И. Ш. Ослянский.

Научно-исследовательская работа преподавателей кафедры активизировалась с приходом в 1981 г. на должность заведующего Ю. Р. Вишневого, молодого, полного творческой энергии и желания работать в этом направлении доктора философских наук из г. Нижнего Тагила. В силу скорее личностных особенностей он старался, во-первых, объединить коллектив кафедры на решение общих задач, а во-вторых, вовлечь в эту общую работу всех преподавателей, что иногда приводило к казусам, когда он сам дописывал разделы отчетов за некоторых членов группы. Научно-исследовательская работа — это все-таки особый вид деятельности, к которому далеко не у всех есть способности, не говоря уже о знаниях и исследовательских навыках.

У меня в данном случае проблем не было, помогал опыт, полученный за время работы в Академии и написания кандидатской диссертации.

Да и философское образование давало существенные преимущества для работы, поэтому достаточно быстро и на долгие годы я стала заместителем Ю. Р. Вишневого по научной работе на кафедре и ответственным исполнителем при выполнении хоздоговорных работ. А таких работ было много: в доперестроечный период — это в основном планы социального развития предприятий, в перестроечный — исследование проблем адаптации населения к рыночным реформам, реформирования системы общего образования и адаптация учительства к этим реформам.

Что касается аудиторной работы, то основными проблемами здесь можно назвать усвоение содержания курса научного коммунизма и методику преподавания. В Академии я накапливала и формировала объем знаний и информации по узкой научной проблеме, связанной с вопросами управления и детерминации деятельности личности, а здесь нужно было освоить и принять знания по жестко заданной Министерством образования программе. Особенно сложно мне давались два раздела: развитой социализм и деятельность компартий. С развитым социализмом был курьезный случай: иду по коридору и становлюсь случайным свидетелем разговора студента с преподавателем. Речь идет обо мне и студент говорит о том, что я сама мол не знаю, что такое развитой социализм. А преподаватель утешал, что я еще молода и научусь. Студент был прав: мой ум исследователя соглашался с обоснованными фактами, а с идеологическими декларациями никак соглашаться не мог. Слава богу, развитой социализм вскоре отменили и проблем в этой области для меня не стало. Да и Ю. Р. Вишневский во второй половине 80-х гг. XX в. проявил себя как руководитель-демократ, который добился, чтобы мы читали курсы не только научного коммунизма, но и более свободные интерпретации проблем советского общества периода начала перестройки. Конечно, я за эту идею уцепилась, и мой курс скорее был посвящен актуальным проблемам данного периода.

Что касается методики преподавания, то здесь я опиралась на свой студенческий опыт и перенимала те приемы и методы своих преподавателей, которые, по моему мнению, были наиболее интересными и эффективными

в работе с аудиторией. Учителями для меня здесь были прежде всего Л. Н. Коган и И. Я. Лойфман. Оба обладали ярко выраженной индивидуальной харизмой и умели самые скучные факты и темы подавать с юмором и интересно. Такой харизмы у меня не было, а вот борьбе со скукой на лекциях они меня научили. В УПИ я сразу прониклась интересом к ораторским особенностям Ю. Р. Вишневого и специально ходила к нему на лекции, чтобы поучиться методическим приемам работы с аудиторией. Кроме того в тот период шло увлечение активными формами обучения, применением технических средств во время лекционных занятий. Я это все с интересом осваивала. Апробации полученных навыков способствовала работа с разными видами аудиторий учащихся: от традиционных студенческих аудиторий, до работы с руководителями предприятий (школа марксизма-ленинизма, к работе в которой меня очень быстро привлекли) и заводскими социологами. В школе марксизма-ленинизма мы вместе с Ю. Р. Вишневым вели курс по управлению предприятием. Здесь я получила первый опыт чтения лекции вдвоем. С Юрием Рудольфовичем это было легко, поскольку наши мнения по разным проблемам управления часто не совпадали, то мы прямо на лекции вступали в дискуссию, и я училась корректному ее ведению в учебном процессе. Позднее методике работы с аудиторией училась у Г. Е. Зборовского (логика лекционного доклада, аргументация, обращение к особенностям исторического периода и биографическим данным ученых).

Очень хорошим опытом было участие в работе в первой половине 80-х гг. очно-заочной школы социологов. Всего прошло три таких школы с двухгодичным сроком обучения заводских социологов. Меня сюда привлек Л. Н. Коган. Он был основателем этой школы и ее руководителем. Хотя и проходила эта школа на базе Челябинска и курировалась Челябинским областным комитетом партии, но приезжали на нее заводские социологи со всего Урала. Мне поручили курс методики и техники социологических исследований. Опыт взаимодействия с такой аудиторией готовил меня уже к будущей деятельности по подготовке профессиональных социологов, хотя и использован он был позднее: во второй половине 90-х гг. Вместе с тем, в общении с заводскими социологами я получала неоценимую информацию о состоянии дел в коллективах промышленных предприятий из первых уст.

Но к концу 80-х—началу 90-х гг. XX в. исследовательская активность начала спадать, возможности применить накопленный опыт научных исследований и преподавания все сужались. В стране начались бурные перемены, а в вузовской науке, напротив, растерянность и застой. Но это уже другие времена и другие проблемы.

Галина, Вы несколько лет занимались планами социального развития, Вам хорошо знакома эта тематика. Если судить лишь по рассказам моих собеседников из разных городов и регионов, то можно утверждать, что университетскими и заводскими социологами в свое время был собран значительный по объему материал по разным сторонам жизни трудовых коллективов и населения страны. По Вашему мнению, есть ли возможность сегодня вернуться к той информации и тем выводам, чтобы составить целостную картину жизнедеятельности общества в 70-е — начале 80-х годов? И второй вопрос, нужно ли это сделать, есть ли в этом научный резон?

Начну с ответа на второй вопрос: научный резон в этом есть, поскольку материал действительно был собран обширный, хотя следует учитывать, что он отражал интересы заказчика и специфику плановой экономики. Если первоначально планы социального развития отражали потребность в развитии социальной сферы предприятий и учреждений, то уже к 80-м гг. они стали обязательной формой планирования, которая задавалась сверху министерствами. Мне приходилось встречаться с ситуацией, когда мы сдавали заказчику один вариант плана социального развития, а отчитывался он совсем по другому, форма и содержание которого задавалась отраслевым министерством. Далее: цели социального развития, которые мы формулировали и которым подчиняли содержание самого плана, не совпадали с той целью, которую видела администрация. Мы эти цели связывали с созданием условий для развития личности, а для администрации главным было повышение производительности труда. Отсюда, если в строке эффективность тех или иных мероприятий мы писали «социальный эффект», то нас спрашивали а каким и когда будет эффект экономический.

Обращение к исследованиям 70–80-х гг. уже наблюдается в социологической науке, хотя пока еще достаточно скромное. Например, мне известно, что молодой социолог из Высшей школы экономики Р. Абрамов работает над проектом динамики трудовых ценностей в российском обществе с 70-х гг. XX в. по настоящее время и собирается в рамках этого проекта обратиться к материалам социологических исследований 70–80-х гг.

А теперь по первому вопросу. Боюсь, что обратиться к информации, собранной для планов социального развития отдельных предприятий, городов и даже регионов маловероятно. Она представлялась на бумажных носителях и хранилась потом в архивах, которые теперь уже не существуют. Личные архивы такой информации тоже, думаю, редкое явление. Например, я довольно долго хранила такие материалы, но к началу 2000-х избавилась от них, поскольку они не были востребованы и руки до них не доходили.

Ответ на предыдущий вопрос Вы закончили словами: «В стране начались бурные перемены, а в вузовской науке, напротив, растерянность и застой. Но это уже другие времена и другие проблемы». Как эти макрособытия отразились на Вашей жизни и профессиональной деятельности?

90-гг. XX в. были сложными не только для страны и ее населения в целом, но и для вузовских преподавателей. И дело не только в невыплатах зарплаты (ее, как правило, в вузах выплачивали вовремя) и ее покупательской способности, но в изменении в отношении к учебе со стороны студентов, часть которых активно включилась в коммерческую деятельность, которая воспринималась как основная. Лозунг Б. Н. Ельцина: «Разрешено все, что не запрещено законом» оказался привлекательным и для студенческой молодежи. В связи с этим резко снизилась посещаемость занятий, интерес к учебе, несмотря на любые методические усилия и уловки преподавателя. У нас в Уральском политехническом институте в 90-е гг. была введена система спецкурсов по выбору в области социальных дисциплин. Так довольно часто повторяющаяся картина при выборе спецкурса была такой: преподаватель на первом занятии рассказывает о целях и содержа-

нии спецкурса, а в это время открывается дверь аудитории, в нее просовывается голова или головы нескольких студентов и задается типичный вопрос: «А как зачет будете ставить?»

На занятиях бесконечно звонили пейджеры (мобильных телефонов еще не было или они были в ограниченном пользовании), и студент, отвлекая всю аудиторию, начинал общаться с абонентом на другом конце, сопровождая весь процесс громкими комментариями о важности звонка. Смысл профессиональной преподавательской деятельности в таких условиях терялся.

Заказов на исследовательскую работу также не поступало. Отсюда возникли две проблемы: первая связана с обретением нового смысла профессиональной деятельности, а вторая — поиск альтернативных источников доходов. Каждый решал ее в силу своих возможностей. Чаще всего для преподавателей таким источником доходом становилось преподавание практически любых дисциплин и курсов в уже расширяющейся сети филиалов и представительств различных вузов, качество подготовки специалистов в которых реально было ниже всяких требований. Сама имею опыт такой работы, по нему и сужу.

Мне повезло, и нашелся другой альтернативный вариант, идею которого предложил мне Л. Н. Коган — создание и работа в качестве директора в Институте молодежи при Областном комитете по делам молодежи. Не сразу, но я согласилась, но на полставки все-таки осталась в УПИ. Институт нужно было создавать с нуля, концепция его деятельности была достаточно туманной. В результате в 1995 г., оформив все учредительные документы, я заняла должность директора Института молодежи при штате сотрудников в 5 человек. Данный институт сразу создавался не как самостоятельное образовательное учреждение (здесь нужна была особая лицензия), а как структура, занимающаяся аналитической деятельностью в области работы с молодежью и подготовкой материалов для разработки молодежной политики Свердловской области, а также повышением квалификации специалистов, работающих в молодежью и подростками в подростковых клубах и центрах. За работу я взялась с энтузиазмом и, несмотря на ограниченный бюджет, за два года нам удалось, привлекая ведущих социологов города провести исследование «Молодежь Среднего Урала», выступить организаторами Уральских социологических чтений по молодежной проблематике, подготовить несколько аналитических сборников соответствующей тематики, сделать несколько выпусков специалистов для работы в летних оздоровительных лагерях. Но денег было все меньше, и постепенно деятельность института стала сводиться к организации курсов повышения квалификации, а я превратилась в зав. курсами.

Такая работа меня не устраивала, и снова назревал профессиональный кризис, когда Г. Е. Зборовский предложил мне подумать о докторской диссертации. Когда же я согласилась, то бюджетное место в докторантуре тогда еще СИПИ (Свердловский инженерно-педагогический институт), где он в то время работал, Гарольд Ефимович организовал очень быстро. С учетом особенностей данного института (подготовка кадров для системы профессионального образования) и моих исследовательских материалов определилась и тема докторской диссертации о связи профессии и образования. В эту работу я окунулась с головой. Это

уже была моя стихия. Через два с половиной года диссертация уже была представлена в диссертационный совет Уральского государственного университета и в самом конце 1999 г. перед празднованием Нового года защищена.

За эти годы и система высшего образования начала выходить из кризиса начала и середины 90-х гг. Я же в СИПИ получила опыт работы со студентами профессионально ориентированными на будущую социологическую деятельность, и этот опыт был для меня важен и интересен. Да и интерес к социологическим исследованиям начал возрождаться.

Галина, пожалуйста, мне бы хотелось получить более развернутый рассказ о Вашей докторской диссертации. Ее название, проблематика, основные выводы.

Тема моей докторской диссертации «Теоретико-методологический анализ взаимосвязи профессии и образования». В этой работе в конце 90-х гг. XX в. я сделала одну из первых попыток в практике отечественной социологии провести анализ связи данных феноменов с позиций институционального подхода. Хотя еще в работах таких классиков социологической науки как Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Т. Парсонс встречаются идеи, позволяющие исследовать профессию как особый социальный институт, но проработки ее в тот период в российской социологии не было. Да и сейчас, чаще всего, когда в некоторых работах ставится вопрос об институциональных основах профессии, профессиональном разделении труда и профессиональной стратификации, то авторы либо останавливаются на уровне декларации идеи, либо рассматривают институт профессии как априори известное и хорошо исследованное в теории явление.

Сложность работы была связана с тем, что в период кризисных 90-х гг. доступ к отечественной и западной литературе был ограничен. Выходило мало монографических исследований, недостаточно издавалось трудов по классической и современной социологии. Даже с наследием П. Сорокина российские социологи только еще начинали знакомиться. Отсюда оценить состояние разработанности проблемы было крайне сложно. Но здесь существовала и другая сторона медали: свобода для собственного творчества, отсутствие подспудного давления мнений авторитетов.

Моя авторская идея состояла в том, что профессия одновременно представляет собой вид деятельности, социальный институт и социальную общность и функционирует в обществе в системном единстве этих трех составляющих. Ее состояние определяет и развитие института образования. Не случайно в мировой практике первоначально формируется система профессионального образования, а уже гораздо позднее — общего. Институциональный уровень профессии и образования определяет характер и направленность их взаимосвязи в обществе. Именно это легло в основу моей теоретической концепции и развивалось в докторской диссертации через анализ института профессии, этапов его формирования и функционального назначения, исследование институциональных особенностей становления и функционирования профессионального образования. Отдельно поднималась проблема социальных механизмов, обеспечивающих связь между профессией и образованием. Была сделана попытка выявить и проанализировать такие механизмы с учетом уровня их функционирования, направленности и масштаба действия.

Основной вывод, который был сделан в результате работы, состоял в том, что решения любого уровня по реформированию или совершенствованию профессионального образования должны учитывать исторически сложившиеся институциональные нормы и традиции как объективные регуляторы взаимодействий и отношений внутри и между социальными общностями. В противном случае эти нормы и правила выступают барьерами, чаще всего невидимыми, для проводимых реформ и трансформаций. При общности институционального содержания в различных странах существуют свои особенности складывания и функционирования институтов профессии и образования, а также механизмов, обеспечивающих связь.

Проводимая в России реформа профессионального образования, которая сегодня обозначается как его модернизация, подтверждает этот вывод. Я в течение многих лет включена в процессы бесконечного реформирования высшего профессионального образования и имею возможность наблюдать и оценивать их результаты. Сегодня в рамках модернизации решаются вопросы консолидации его с мировой практикой. Изменение структуры подготовки профессиональных кадров (бакалавриат, специалитет, магистратура), внедрение компетентностного подхода, системы кредитов и т. д. пока порождает дикого кентавра с трудом стоящего на своих глиняных ногах. Мы пишем программы учебных дисциплин, где должны учитывать какие-то заданные сверху Федеральным образовательным стандартом компетенции (в большей степени профессиональные), формируемые учебной дисциплиной, даже если эта дисциплина способствует общему развитию личности. Кроме того масса времени тратится на расчет и перерасчет баллов, в которых оцениваются знания и достижения студента (они далее должны переводиться в кредиты), а потом эти баллы переводятся в традиционную для России и понятную всем систему оценок: отлично, хорошо и т. д.

Специальные профессиональные компетенции, их набор и перечень должны формироваться с учетом потребителя и будущего работодателя, но кто сказал, что высшее профессиональное образование обязано подготовить профессионала удобного всем, да еще и за государственный счет в основном? А как же динамика профессионального разделения труда и завтрашняя потребность уже в других профессиях и специальностях? Это противоречия сегодняшнего дня, которые требуют для своего разрешения участия науки и учета ее мнения при принятии управленческих решений. Но это уже другая проблема.

Я не преувеличиваю роль своей диссертации в развитии социологии профессий. Для большинства она прошла незамеченной, но после ее защиты и выхода монографии «Профессия и образование: социологический аспект связи» (тираж небольшой, да издана в местном университетском издательстве) появились новые исследования, были защищены кандидатские диссертации по данной тематике. В Институте социологии РАН был создан сектор по социологии профессий и профессиональных групп, который возглавил В. А. Ансуров. Его аспиранты провели интересное исследование по проблемам профессиональной общности врачей. В этой области интерес представляют работы Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, Р. Абрамова.

Итак, уже полтора десятилетия прошло после остепенения. У вас стало больше возможностей заниматься наукой, готовить публикации, участвовать в конференциях, продвигать свои идеи — дипломированных специалистов, аспирантов? Или не все

так однозначно?

Как оказалось именно время, приближенное к сегодняшнему дню, охарактеризовать сложнее всего. После защиты докторской диссертации у меня был выбор: заняться административной работой (сразу поступили предложения на заведование кафедрой), продолжать работу в вузе с хорошей оплатой, но по подготовке специалистов несоциологического профиля и заняться подготовкой будущих социологов, но с меньшей финансовой поддержкой. Я выбрала третий путь и перешла на работу в Уральский государственный университет на кафедру прикладной социологии на должность профессора.

Уральский государственный факультет начал подготовку социологов в 1988 г. одним из первых в России, в 2000 г. была открыта магистратура по направлению «Социология». Преподаватели, работающие с будущими социологами, имели большой опыт работы в области как теоретической, так и эмпирической социологии (А. В. Меренков, Е. С. Баразгова, Г. П. Орлов, Н. Н. Маликова, С. Н. Чаплыгина и др.). Еще в середине 60-х гг. XX в. в УрГУ была создана лаборатория социологических исследований, которая продолжает работать и до сих пор. Это создавало условия для участия в эмпирических исследованиях, как преподавателей, так и студентов. Кроме того при университете была открыта аспирантура по социологии и с середины 90-х гг. работал диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций в области социологических наук. Это позволяло готовить кадры профессиональных преподавателей-социологов. Многие нынешние преподаватели — это наши выпускники.

Работу на факультете политологии и социологии УрГУ я совмещала с преподаванием ряда дисциплин на кафедре социологии и социальных технологий управления УПИ, которой руководил и по сей день руководит Ю.Р. Вишневский. Для этого пришлось освоить учебные дисциплины в области подготовки менеджеров (Основы менеджмента, Управление персоналом, Социальные технологии), которые, с одной стороны, расширяли кругозор, а с другой, — обогащали собственно социологические курсы, которые я преподавала уже в УрГУ (Общая социология, Социология организаций, Социология конфликта, Методика преподавания социологии и др.). На освоение учебных дисциплин, отработку методов и приемов работы с аудиторией с учетом особенностей курса и особенностей студентов у профессионального преподавателя уходит много времени, но все это компенсируется результатом. Особый интерес представляет работа с дипломниками. У нас подготовка к дипломированию фактически начинается с первых курсов. Научно-исследовательская работа студента организована таким образом, что выбрав тему курсового исследования и его руководителя, студент дальше идет по пути ее углубленного изучения, осваивая как теоретические аспекты проблемы, так и методы ее эмпирического исследования. Конечно не каждый студент в течение всех лет обучения занимается одной и той же проблемой, но важно, что руководитель имеет возможность наблюдать за его профессиональным развитием и ростом и корректировать их.

Кроме того много времени занимает работа с магистрами и аспирантами. Собственно в магистратуру поступают чаще всего наши выпускники, возможности интересы, которых ты уже представляешь. Часть из них идет в аспирантуру. Работа с аспирантами — это, пожалуй, наиболее интересное и сложное дело. За полтора десятка лет под моим руководством защищены более десяти кандидат-

ских и одна докторская диссертации. Я мне важно наблюдать дальнейший путь моих аспирантов и соискателей в науке. Темы работ достаточно разнообразны: часть их связана с анализом функционирования и развития социальных, в том числе и профессиональных, общностей. Другие уходят в область иных социальных процессов: например, блогосфера или влияние глянцевого журналов на социальную идентификацию молодежи. Но ни одна из работ не является для меня случайной или проходной, поскольку вместе с соискателем я погружаюсь в проблему, ее методологические и эмпирические проблемы, и снова узнаю много нового в области социологической науки.

Что касается конференций, то, честно говоря, я потеряла к большинству из них интерес. Когда-то многолюдные профессиональные тусовки ушли в прошлое, если не считать социологические конгрессы. В чем преимущество бывшей многолюдности — это возможность встречи с интересными учеными, это новые контакты и связи, это разнообразие дискуссий. Вероятно, в моем возрасте интересы уже устоялись и система профессиональных контактов сложилась, поэтому открытия случаются редко. Многочисленные заочные конференции еще менее интересны, поскольку исключают возможность живого общения. Но в последние годы, особенно с объединением двух университетов Екатеринбурга УрГУ и УГТУ—УПИ и созданием Уральского федерального университета расширились возможности поддержки исследовательских проектов (федеральные гранты мы выигрываем далеко не столь часто как москвичи), зарубежных командировок и стажировок. И в этом плане я больше радуюсь за молодое поколение преподавателей, у которых появились возможности установления международных контактов, вхождения в мировую социологическую науку. Отсюда я не поддерживаю пессимистических настроений о кризисе отечественной социологии. Думаю, что у нее еще все впереди. И из наших рядов тоже выйдут ученые, которые когда-нибудь будут называться классиками. Но это уже завтрашний день.

Интервью с Аллой Владимировной КОРНИЕНКО

«ОДНОВРЕМЕННО МЕНЯ ПОТЯНУЛО В СФЕРУ ИССЛЕДОВАНИЯ МЫШЛЕНИЯ, КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ...»

Корниенко А. В. — окончила филологический факультет Санкт-Петербургского университета по специальности специалист по структурно-прикладной и математической лингвистике (1974 г.); Социологический институт РАН — научный сотрудник, Институт внешнеэкономических связей, экономики и права — старший преподаватель.

Основные области научного интереса: методология социологических исследований; социология языка и мышления; социология культуры; социология политики. Интервью состоялось: март-июль 2015 г.

Начну с цитирования эссе Светланы Лурье, речь идет о начале 1990-х:

Я не просто попала в Академический институт, а в институт нового образца. Это была попытка восстановить ленинградскую социологическую школу, практически уничтоженную в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов. Директор Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН Борис Максимович Фирсов собирал рассеянных по другим институтам или вообще выгнанных из Академии социологов и предоставлял им право заниматься теми проблемами, которыми они хотят. Свобода для академической системы до тех пор невиданная. Заведующий нашим сектором Б. З. Докторов вообще исповедовал потрясающую теорию научного руководства: не мешать сотрудникам, не вмешиваться в их дела, ограничив весь контроль ежегодным устным докладом на вольную тему. Чем меньше контроля — тем плодотворнее работа. Принцип оказался удивительно верным. Все работали в полную силу и от души, занимаясь исключительно тем, что кому было интересно [1].

Действительно, это был очень сильный в научном плане и в высшей степени этичный коллектив, и моя собеседница — Алла Владимировна Корниенко работала в нем. За давностью лет я уже не помню, каким общим названием объединялось все, что мы — не более полудюжины человек — делали, но какого-либо руководства эта команда и не требовала. Автор цитированного фрагмента искала свой особый путь в области соприкосновения социологии, культурологии и антропологии, два-три человека пытались проникнуть в некоторые пласты общественного сознания с помощью, как теперь сказали бы, демоскопической исследовательской парадигматики, а Алла Корниенко осваивала совсем новый для российской социологии того времени дискурсный анализ.

Корниенко пришла в социологию, тогда мы все работали в Институте социально-экономических проблем АН СССР в Ленинграде, в 1981 году, после того, как получила в ЛГУ диплом матлингвиста и отработала несколько лет в одном из «ящиков». Сектор, которым руководил Б.М. Фирсов, занимался анализом общественного мнения, и Алла — можно сказать — работала в традиции известного «Таганрогского проекта» Б. А. Грушина. Она искала эффективные технологии изучения содержания писем.

По признанию Аллы, большое влияние на нее оказали идеи и технологии контент-анализа, а также философия и арсенал приемов Т. М. Дридзе, известные сегодня под именем «семиосоциопсихология». Услышанное когда-то Аллой высказывание одного из научных авторитетов о том, что любой социальный исследователь, чем бы он ни занимался, рано или поздно осознает, что имеет дело с проблемами языка и мышления, под влиянием работ Дридзе стало реальным отправным толчком ее собственной работы. Некоторые из методик Т.М. она использует до сих пор в своих лингвосоциологических экспериментах, проводимых в студенческих аудиториях.

К концу 80-х Корниенко была знакома со многими классическими работами по когнитивной лингвистике, знала о достижениях К. Крайка и Дж. Фодора, М. Минского, Ч. Филлмора, но новые подходы к анализу текстов обнаружились ею в 1989 году в процессе ознакомления с книгой Ван Дейка «Язык. Познание. Коммуникация». Ей оказались близки его теоретические исследования дискурса прессы и прикладные разработки, позволяющие понять механизмы формирования моделей ситуаций предубежденного сознания на ментальном уровне и того, как они обрастают языковой плотью на вербальном уровне. В последующие годы Аллой был выполнено множество дискурс-аналитических и «концептуальных» исследований, связанных с изучением смыслового содержания ценностных концептов.

Таким образом, Алла Корниенко уже два десятилетия продвигается по направлениям, связанным с именами Т. М. Дридзе и Т. А. Ван Дейка, и ее результаты как теоретико-методологического, так и прикладного характера, весьма значимы. Проведенные свыше сотни интервью с советскими / российскими социологами показывают, что дискурсный анализ стал достаточно распространенным в практике отечественных социологов четвертого и последующих поколений. Корниенко, принадлежащая именно к четвертой когорте (родившиеся в интервале 1947—1958 гг.), может быть с полным основанием отнесена к пионерам этого исследовательского течения. И здесь важно подчеркнуть, что, в силу многих объективных и субъективных факторов, сделанное ею — в высшей степени

самостоятельно. Она не принадлежит ни к каким аналитическим группам, незримым колледжам, и ее результаты недостаточно отражены в кредитных изданиях. Но очевидно одно, придет время, и будет создаваться история освоения российскими социологами всего многообразия методологических подходов и арсенала методов качественной социологии. Будет изучаться и процесс познания и использования логики и приемов анализа дискурса в социологической проблематике. И думается, среди первопроходцев этого направления будет названо и имя Аллы Владимировны Корниенко.

1. Лурье С. О кошке, гуляющей самой по себе, и когнитивной функции государства <http://www.strana-oz.ru/2002/7/o-koshke-gulyayushchey-samoy-po-sebe-i-kognitivnoy-funkcii-gosudarstva>

Корниенко А. В.: «Одновременно меня потянуло в сферу исследования мышления, когнитивных процессов...»

Пожалуйста, расскажите о Ваших родителях, насколько Вам известна история Вашей семьи?

История моей семьи, увы!, очерчена для меня лишь сведениями о бабушках и дедушках, о более ранних своих предках мне ничего не известно. Мой отец, Корниенко Владимир Семенович, родился в 1925 году на Кубани, в городе Краснодаре. Его мать рано овдовела: муж нечаянно сковырнул какую-то болячку на шее, в рану проникла инфекция, спустя пару дней он умер от заражения крови. Через несколько лет бабушка снова вышла замуж, отчим, по сути, и вырастил моего отца. Профессию отчима я затрудняюсь назвать, помню только, что дед много ездил по командировкам. В детстве, наезжая с родителями каждое лето в Краснодар, я редко видела его дома, дед все время был в отлучках. Бабушка вела домашнее хозяйство, которое было обширным. Жили они с дедом на окраине города в собственном просторном деревянном доме с огромным земельным участком. Сад, большой огород, аллеи виноградников, где мы, дети, играли в прятки. В 50–60-е годы Кубань была настоящей житницей, на базарах, хорошо помню, покупали не граммами-килограммами, как в Ленинграде, а пудами и тачками (стоило все очень дешево). Тачка гарбузов и дынь, тачка томатов, из которых тут же начинали дома давить и закатывать в банки сок, и это невзирая на то, что своей провизии выращивалось немало. Всеми заготовками в доме, которые складировались в двух больших подвалах, ведала бабушка. Была она настоящей кубанской казачкой: высокая, статная, с толстенной косой, обернутой вокруг головы, с расторопными работающими руками. И бабушка, и дед были компанейскими людьми. С соседями жили дружно, всей округой помогали друг другу белить стены (обои не признавались), чистить колодцы, что-то строить. По вечерам приходили соседи посидеть-поговорить, выпить-закусить (вино-то свое в каждом доме), поиграть в домино, лото, позже заходили посмотреть телевизор. Этот домашний рай, такой хлебосольный и гостеприимный, мой отец покинул очень рано: сразу после окончания школы он уехал в город Ейск, где поступил в летную школу. В Ейске его и настигла война. Воевать по молодости ему не довелось, но выучившись на летчика, отец несколько лет летал. Вскоре у него обнаружили проблемы со зрением, от полетов его отстранили. Отец решил продолжить образование в Ленинграде в Высшей летной академии им. А. Ф. Можайского. С Ленинградом/Петербургом связана вся его дальнейшая профессиональная и семейная жизнь. После окончания Академии отец служил по инженерной части вплоть до демобилизации в звании подполковника, после чего успел поработать еще ряд лет в Институте охраны труда. Умер отец в 1996 году, чуть перешагнув семидесятилетний юбилей.

Бабушку и деда по материнской линии я не знаю: они умерли до моего рождения. По рассказам мамы и друзей нашего дома, бабушка, Михайлова Клавдия Ивановна, была культурным и очень деликатным человеком; все, знавшие ее, говорили о ней именно так. Она имела гимназическое образование, любила

литературу, театр, писала стихи. До сих пор в доме хранится исписанный ее рукой листочек с шуточным стихотворением о ее маленькой дочке — моей маме: «Моя Ирочка — плутовка, у ней глупая головка, моська грязная всегда, но не в том еще беда...». Бабушка работала бухгалтером. Одна растила дочь, поскольку вскоре после рождения в 1923 г. ее единственного ребенка разошлась с мужем: он серьезно пил. О своем отце моя мама почти никогда не говорила, знаю только, что он ушел на финскую войну и не вернулся. Бабушка пробовала узнавать о нем, ей было сказано «в списках убитых не значится, пропал без вести». К началу ВОВ бабушке было 40 лет, маме 17. Их не эвакуировали, все 900 блокадных дней были пережиты ими в Ленинграде. Война и блокада почти поголовно унесла бабушкиных родственников: семья ее двоюродной сестры вымерла от голода в самое страшное блокадное время — зиму 1941–42 гг., оба двоюродных брата погибли на фронте, дожила до победы лишь еще одна двоюродная сестра, которая после войны тяжело болела, потеряла ногу и умерла в середине 50-х. С бабушкой блокада тоже обошлась крайне жестоко: в 1943 г. у нее обнаружился рак желудка. Сделавший ей виртуозную операцию профессор Виноградов продлил ее жизнь на несколько лет, о чем часто с благодарностью вспоминала моя мама. После войны бабушка постоянно болела, лежала в доме хроников, в 1949 году она, отлучившись за десятерых, умерла.

Мама, как все ленинградцы в военное время, рыла окопы, дежурила на крышах, стояла в очередях за хлебом, а еще ухаживала за больной матерью и постепенно исходила на нет, невзирая на свою отчаянную молодость. Она всегда говорила, что наверняка умерла бы, оставшись и дальше на иждивенческой карточке, если бы в начале 1944 года не случилось «великого счастья»: мама была призвана в армию, она получила рабочий паек! Служила мама на Ленинградском фронте в зенитно-артиллерийской бригаде до самого конца войны, и армия спасла ей жизнь. Повесть Бориса Васильева и фильм Станислава Ростоцкого о девушках-зенитчицах «А зори здесь тихие» — это о моей маме. У нее тоже был свой старшина и своя Женя Комелькова... После демобилизации мама закончила торговый техникум и стала работать товароведом. Похоронив мать, она осталась почти без родных. В 1950 году она познакомилась с моим отцом, через год они поженились, еще через год появилась я. Послевоенное время, как у всех выживших, было у мамы нелегким, она не раз признавалась, что досыта наелась впервые только после замужества. Маленькая, я серьезно заболела дизентерией, мама была со мной в больнице, выхаживала меня. Стала старше — в садик не устроить, и отец сказал маме: «Расти ребенка, зарабатывать на жизнь буду я». Так она стала домохозяйкой.

Для меня мама была сердцем семьи. Любовь к книгам, музыке, театру, изобразительному искусству — все это привито мамой. На всю жизнь любимой формой домашнего досуга для меня стало чтение, а внедомашнего — театр. Несмотря на довольно скромный достаток (жили на одну папину зарплату, из которой часть денег ежемесячно неизменно посылалась в Краснодар бабушке: отец считал помощь матери своим долгом и не изменял ему никогда вплоть до бабушкиной кончины, дед умер много раньше) мама собрала в доме приличную библиотеку, покупала альбомы репродукций русских и зарубежных художников, выстаивала в очередях за подписками на классиков, абонементом в Кировский театр и филармонию. Она была бесконечно предана своим близким, тем чело-

веком, для которого семья, ее благополучие есть смысложизненные ценности. Она была и стойким человеком. В семидесятилетнем возрасте мама упала на улице и сломала шейку бедра. Лежала полтора месяца в постели, настраиваясь на то, что должна, обязана подняться. Делала для этого гимнастику, плакала от боли, но делала, а как только с нее сняли гипсовый «сапожок», начала потихоньку упражняться в ходьбе — и встала-таки на ноги. Судьба подарила ей еще 15 лет жизни, не очень полноценной, правда, замкнутой пределами квартиры, поскольку когда живешь на пятом этаже дома без лифта, проблема спуска-подъема становится неразрешимой, однако все же жизни. На моих глазах произошло несколько аналогичных переломов у пожилых людей, которые довольно быстро привели к летальному исходу по одному алгоритму: обездвиженность, пролежни, воспаление легких, конец. Уже шесть лет как мама ушла от нас.

В каком районе Ленинграда Вы жили, где начали ходить в школу? Может быть, её же и закончили? Как в целом Вы вспоминаете школьные годы?

Жили мы во Фрунзенском районе, на Коломенской улице, дом № 12. Дому повезло: он избежал крупных разрушений во время войны. Обычный ленинградский пятиэтажный дом с двором-колодцем, заповенным дровами, ни деревца, ни солнца, зато удобное место для игры детворы в прятки. На этих дровах и прошли мои дошкольные годы: была своя дворовая компания, подружки-ровесницы, старшие ребята — непререкаемые авторитеты для нас — малышни, любимые игры, секреты на ушко, были и обиды — куда без них —, но это быстро проходило. Помню, что во двор тянуло все время и каждый раз, отгуляв разрешенное мамой время, бежала домой с надеждой выклянчить «еще полчаса».

Моя школа (№ 294) находилась там же, на Коломенской, в ней я проучилась с первого по четвертый класс. Затем мы покинули мамино «родовое гнездо» — двадцатиметровую комнату в коммунальной квартире, что после войны считалось настоящим богатством, и переехали на Моховую улицу, тоже в коммуналку, где проживали, уже в двух комнатах с большей площадью, около трех лет: отец получил повышение по службе, за которым последовало «улучшение жилищных условий семьи офицера». С середины 60-х в Ленинграде начался массовый исход населения из коммунальных квартир. Жители центральных районов города перебирались на его окраины в строящиеся с завидной быстротой «хрущевки»; буквально на глазах вырастали целые микрорайоны. Подхваченная этой волной, наша семья переехала в Купчино, где отцу дали двухкомнатную отдельную квартиру. Это было несказанное счастье! Мама несколько месяцев ходила как замороженная и без конца повторяла, что у нас теперь своя кухня, своя ванна и один-единственный звонок. Когда мы поселились в своей квартире, улица Белградская представляла собой стоящие параллельно друг другу четыре дома среди строительного хаоса и бесконечной грязи окружающего пространства. Никаких школ не было, и я, заканчивая седьмой класс, по-прежнему ездила на Моховую, обязательно взяв с собой туфли и надевая высокие резиновые сапоги: часть пути до электрички шла в них, а на Витебском вокзале приобретала городской вид. За лето выстроили новую общеобразовательную школу (№ 299), в которой и завершилось мое школьное обучение.

На протяжении всех прожитых лет свои школы я вспоминала и продолжаю вспоминать с большой теплотой. Считаю, что нам, ученикам, очень везло с учителями-наставниками. Моя первая учительница, Вера Кирилловна Шведова, никогда не убегала сразу же после уроков домой; она увлекала и вовлекала нас в самые разные затеи. То мы готовили День птиц, то ехали куда-то на экскурсию, то репетировали новогоднее выступление в школе. Тогда, в детстве, я не видела в этом ничего необычного и, конечно, по малолетству не задумывалась о том, что у Веры Кирилловны семья и двое маленьких ребятишек... Сегодня, когда я все чаще разделяю людей не на мужчин и женщин, молодых и пожилых, образованных и не очень, а на доноров и реципиентов, способных отдавать и умеющих только брать, подобный образ жизни моей учительницы мыслится мною как подвижничество. Не скажу, что таких учителей в мое ученичество было преобладающее большинство, но в каждой школе, где довелось учиться, всегда находилось несколько человек, видевших в безвозмездном дарении ценных, если не сказать бесценных, ресурсов — духовных, интеллектуальных, временных, да и материальных тоже — смысл собственного существования. Конечно, не все в школьные годы было безоблачно. Были педагоги, которые, не стыдясь, врали; были пионерские и комсомольские собрания со скучающими взорами и их вечным «одобрям», были те, кто бил на уроках непосед линейкой по головам и рукам, но для меня школьную атмосферу определяли все же не они, а те немногие подвижники, которые отдавали школе свою душу. Память о школе — это память о них, любимых учителях.

Среди них, любимых, находятся и те, кого без преувеличения можно назвать профессионалами высокой пробы. Школа подарила мне незабываемые уроки математики, литературы, истории, английского языка, они-то, видимо, и определили круг моих интересов. С особой благодарностью вспоминаю обеих учительниц по русскому языку и литературе. В наши дни много споров о том, должен ли учебник по литературе быть единым или нет; меня они крайне удивляют. Не помню, чтобы наши любимые учителя держали в руках учебники; не помню, чтобы мы рассматривали литературные произведения с точки зрения развития в них революционной идеи, как предписывалось учебными пособиями. На уроках литературы мы просто читали классику, читали вслух и по ролям, а учителя помогали нам вслушиваться в текст, акцентировали наше внимание на красоте и образности письма. Читая в классе «Ревизора», «Мертвые души», мы хохотали до упаду, такой урок давал эмоциональную зарядку не на один день, да и надежно подталкивал к знакомству с другими произведениями Гоголя. Думаю, что именно школа укрепила во мне тягу к чтению, заложенную усилиями мамы. Там я окончательно поняла то, что недавно так кратко и емко сформулировал Александр Генис в своей «Камасутре книжника»: «Чтение есть частное, портативное, общедоступное, каждодневное счастье — для всех и даром».

И вот, соединив любовь к математике, литературе, истории, английскому языку, Вы отправились на филологический факультет ЛГУ... Вы поступили сразу или было несколько попыток?

Да, школьные годы подходили к концу, и надо было думать о будущей профессии. В те годы довольно модной стала инженерная психология; я почти ничего не знала о ней, однако у отца были знакомые, занимавшиеся этим родом

деятельности. Однажды он повез меня к ним в лабораторию (сейчас я уже точно не помню, при какой институции она существовала, скорее всего, при психологическом факультете университета). Контактный и легкий в общении, мой отец быстро «разговорил» всех присутствующих в ней сотрудников, каждый из них кратко рассказал мне, чем он занимается и каковы перспективы развития его научного направления. Я слушала, раскрыв рот. То было время полной эйфории от внедрения электронно-вычислительной техники в гуманитарные области знаний; идея машинного перевода буквально висела в воздухе. Казалось, 5–10 лет — и такое трудозатратное занятие как перевод (вначале технический, а затем и литературный), сопряженное с бесконечным перелистыванием множества словарей, будет успешно передано устройствам, многократно превосходящим человеческий интеллект и по быстродействию, и по объему памяти. Жизнь очень скоро развеяла эту иллюзию, однако в тот момент увлеченные люди с воодушевлением говорили мне, что задуманное ими — дело ближайшего будущего. От них я впервые узнала о математической лингвистике: лаборатория имела контакты со специалистами данного профиля. Все услышанное меня просто потрясло, я загорелась. Но за словом *инженерный* угадывалась необходимость изучения физики — предмета, к сожалению, никогда не увлекавшего меня в школе и, по сути, оставшегося мною не понятым, несмотря на дежурную школьную пятерку. Поэтому выбор был предрешен: филологический факультет ЛГУ, отделение математической лингвистики — средоточие всех моих пристрастий.

Поступила я туда с первого захода. Сегодня об этом факте думаю как о чуде: девочка-выпускница обычной, неспециализированной, школы, не имевшая никаких репетиторов и дополнительных натаскиваний, без всяких связей идет на филфак ЛГУ! Воистину, безумству храбрых... На вступительном экзамене по английскому языку в конце так называемой беседы на свободную тему преподавательница спросила меня: have you..., далее последовало слово, которого я не расслышала. Было ясно, что молчать нельзя, и я, не задумываясь, уверенно ответила: yes, I have. Тогда она добавила, уже по-русски: «Надо было брать репетитора на полгода раньше». По английскому мне поставили четыре, еще одна четверка была по сочинению: что-то напутала в пунктуации. Так с 18 баллами я подошла к финишу и была зачислена при конкурсе в восемь человек на место — далеко не самом большом на филфаке, где на иностранные языки набиралось порой до 30–40 конкурентов. Для нас же, матлингвистов, профилирующим считался экзамен по математике, он традиционно шел первым и, как правило, имел самый большой отсев. Конечно, в списке поступивших моя фамилия скромно располагалась в конце: из принятых на отделение 11 человек больше половины имели максимальное число баллов и были выпускниками языковых школ. Но, вспоминая прошлое, мне хочется в который раз сказать спасибо нашей отзывчивой и любимой учительнице английского языка, Белле Семеновне Провад, которая углубленно занималась с теми, кто готовился к поступлению в гуманитарные вузы. Ее старания не пропали даром: среди моих одноклассников есть те, кто сразу же после школы успешно одолел вступительную планку на искусствоведческое отделение Академии художеств и факультет иностранных языков Герценовского института.

Наша группа матлингвистов являла собой полный Интернационал: Эстония, Латвия, Белоруссия, Украина, Ленинград и ближняя российская провинция. С начала учебы группа пополнилась тремя юношами-вьетнамцами, которые очень скоро стали ее настоящей визитной карточкой: о нас так и говорили — вьетнамская группа, на филфаке в тот период второй такой не было. Различать наших вьетнамских товарищей по лицам мы научились далеко не сразу, потребовалось время, чтобы понять, насколько они внешне разные. Позднее и они признавались, что мы для них поначалу тоже были все на одно лицо. Мне повезло: меня узнавали по очкам, я носила их, не снимая, единственная в группе. Вьетнамцы очень быстро завоевали наши сердца, ни одна студенческая вечеринка не обходилась без них, вместе ездили кататься на лыжах, вместе устраивали посиделки в студенческом общежитии. Часто их приглашали в семьи, нередко они были и у нас. Отец на это время всегда уходил из дома, чтобы «не вступать в контакт с иностранными гражданами», мама и я старались накормить их тем, что было им по вкусу. Жилось нашим вьетнамцам нелегко: в отличие от прочих обучающихся на филфаке иностранных студентов из Венгрии, Чехии, арабских стран, получавших стипендию 90 руб., наши друзья имели на все про все 60 рублей в месяц (так Вьетнам искусственно увеличивал число обучающихся в СССР своих сограждан). Прожить на такие скудные деньги было очень трудно, даже питаясь общим котлом, и мы все это хорошо понимали, поэтому каждый старался хоть чем-то, по возможности незаметно, помочь, да еще сделать это так, чтобы помощь не походила на милостыню, а выглядела скорее обычной воспитанностью. Возвращаясь на родину после успешной защиты дипломов, наши друзья попросили не оставлять без внимания нескольких их соотечественников — студентов филфака младших курсов, продолжавших обучение в ЛГУ. Переписка с вьетнамцами продолжалась несколько лет, потом один из них вернулся на родную кафедру защищать кандидатскую, а чуть позже — и докторскую диссертацию. Затем новая жизнь, видимо, завертела-закружила, и письма прекратились, но теплые воспоминания о совместно пережитом в годы студенчества, которыми до сих пор делимся мы, ленинградцы-петербуржцы, встречаясь время от времени, уверена, не стерлись и у наших вьетнамских друзей.

Университет — уже не школа, где все — плечо к плечу; здесь были свои приманки, которые обнажали человеческие души и разделяли людей незримыми демаркационными линиями. На филфаке такими приманками были зарубежные стажировки для студентов языковых отделений. Понятно, что «пряников сладких всегда не хватает на всех». В подобных условиях, казалось бы, отправлять в Англию, Швецию, ГДР, Венгрию подучить язык и пожить в инокультурной и иноязыковой среде надо наиболее способных студентов. Но в реальной жизни действенными часто оказываются не логико-рациональные механизмы. И очень быстро, поначалу такая единая, наша филфаковская братия начала поляризовываться: кто-то делал ставку на учебу, читал, вникал, бегал в Публичку, стараясь набираться знаний, а кто-то изо всех сил стремился двигаться вверх по комсомольской, профсоюзной линии, зарабатывал себе авторитет вожака молодежи, что почти стопроцентно гарантировало зарубежные поездки. Естественно возникала серьезная коррозия внутригрупповых отношений. В нашей группе, по счастью, такой поляризации не было, ибо мы на факультете были, в известном смысле, изгоями: нам никаких загранич не полагалось, не брали нас даже в фоль-

каторные и диалектологические экспедиции по российской глубинке, куда ездили в летние каникулы студенты-русисты. Мы же ходили себе на матмех отлаживать свои учебные программы на М-222, не ведая разъедающих душу соблазнов. Была радость каждодневных встреч, были незлые подшучивания друг над другом, были совместные посещения филармонии, куда ходили часто, покупая по 3—4 самых дешевых абонементов на хоры. В нашей группе я встретила со своим будущим мужем, с которым мы уже 40 лет вместе. Однако ощущение ошеломляющей несхожести жизненных позиций разных людей, очевидной противопоставленности их ценностных иерархий впервые я почувствовала именно тогда, в годы студенчества.

Ленинградский университет во все времена славился своими Учителями. Нам, перешагивающим с курса на курс, довелось заниматься у многих именитых преподавателей, считавшихся гордостью филологического факультета. Общее языкознание мы осваивали по лекциям Юрия Петровича Маслова, фонетику читал заведовавший одноименной кафедрой Лев Рафаилович Зиндер, а практические занятия по этому предмету вела Людмила Алексеевна Вербицкая, будущий ректор и президент СПбГУ, а в те дни — ассистент кафедры фонетики. Преподаватели матмеха посвящали нас в премудрости точных наук: математического анализа, высшей алгебры, математической логики. Видимо, мы сильно не дотягивали до более привычных им студентов-математиков, потому что профессор Горбачский после второй-третьей неудачной попытки кого-то из нас решить на доске очередную задачку по матанализу имел привычку обреченно махнуть рукой и, тяжело вздохнув, сказать: «Эх, филфак, филфак...». С кафедры русского языка приходил к нам Александр Сергеевич Герд, профессор, с течением времени возглавивший кафедру матлингвистики и заведующий ею и поныне. Студенты его откровенно побаивались: Герд был суров и тверд, как пели мы в сочиненном нами гимне матлингвистов. Однажды, вызванная на занятиях по словообразованию разобрать по составу слово *замоскворечье*, я, совершенно ошалев от волнения, выделила в нем суффикс —ареч. Услышав такую невообразимую чушь, Александр Сергеевич воскликнул: «Милочка, да вы просто прелесть!». Большого стыда в своем студенчестве я не переживала. Во главе родной кафедры стояла Лидия Николаевна Засорина, первопроходец в области структурно-прикладного языкознания. Изданный под ее руководством в 1977 году Частотный словарь русского языка на десятилетия стал отправной точкой многих лингвистических исследований, в т. ч. сравнительных и межкультурных. Недавно ссылку на это издание я обнаружила, читая сборник эссе М. Н. Эпштейна «В России», вышедший уже в 2005 году. Работали на кафедре В. В. Богданов, В. Д. Буторов, Т. И. Зубкова; из прикрепленной к матмеху лаборатории математической лингвистики приходили читать отдельные спецкурсы С. Я. Фитиалов и М. А. Красноперова, а руководитель лаборатории — легендарный Г. С. Цейтин — набирал себе из нас, матлингвистов, студентов-дипломников. Усилиями перечисленных преподавателей и складывались наши воззрения на лингвистику в целом и ее роль в современном математизированном мире, за что мы в неоплатном долгу перед нашими Учителями.

В отличие от школы университет давал широкие возможности дополнительного посещения различных курсов по выбору студентов. Для меня таким счастливым дополнением к текущей учебе стали лекции незабвенного Григория

Абрамовича Бялого. Он читал свои курсы по русской литературе XIX века на протяжении целого ряда лет раз в неделю в вечерние часы. В день лекций место в самой большой, 31-ой, аудитории филфака надо было бронировать чуть ли не с утра. К середине дня аудитория повсеместно пестрела бумажками со словом *занято*, а приезжавшая к самому началу занятий явно не университетская публика (очень пожилая, как мне тогда казалось) рисковала не найти даже стоячего места для подпирающих стены. На партах этой аудитории было выцарапано: «*Бялый — лучший преподаватель СССР*». Специалисты по когнитивной науке утверждают, что некоторые слова актуализируются в памяти человека в первую очередь не в плане их значения, а в форме визуального образа; так, говорят они, происходит, например, со словами *сосна* и *ель*: сначала в сознании всплывает картинка дерева, затем — описательная часть значения. Для меня словосочетание *русский интеллигент* первично и неразрывно связано именно с образом Григория Абрамовича. Помню, как он входил в аудиторию, как закладывал руки за спину, помню его неизменное начало каждой лекции: «В прошедший (именно прошедший, а не прошлый) раз мы с вами говорили...» — и тут начиналось чудо. Это было еженедельное счастье! Толстой, Чехов, Гаршин — всех их по-новому открыл для меня Г. А. Бялый, на лекции которого я продолжала ездить и после окончания университета.

Высоко оценивая в целом качество полученного мною образования, все же не могу удержаться и от его критики. Да, из нас потихоньку выковали лингвистов-структуралистов, специалистов по прикладной и математической лингвистике, дав нам полезные знания и по общему языкознанию, и по информатике. Однако идеология и в избранной нами сфере шла впереди науки: только одна признаваемая философская основа лингвистики — марксизм, только один тотально господствующий подход — структурализм. Язык рассматривался как самодостаточная и самоорганизующаяся система в отрыве от его носителей; мы изучали его на синтаксическом и семантическом уровне, но не затрагивали прагматики языка. В наши дни представляется просто невозможным и нелепым исключать пользователей языка, коммуникатора и реципиента, из лингвистического анализа; то, что прагматика одного и другого обуславливает успешность/неуспешность языковой коммуникации, стало общим местом в современной мировой лингвистической науке. Но для нас — выпускников середины 70-х — это было незнакомо. О бурно развивавшихся на Западе уже в те, университетские наши годы, языковедческих дисциплинах — психолингвистике, социолингвистике, прагматике текста — я узнала много позже из самостоятельных штудий. Нельзя не упомянуть и о довлевшем в советской марксистской науке тезисе о тождестве языка и мышления (вспомним высказывание молодых авторов «Немецкой идеологии»: язык — непосредственная действительность мысли). Тезис этот, повсеместно и однозначно принимаемый за непреложную истину, как я поняла позднее, затормозил рождение отечественной когнитивной лингвистики и, в целом, отечественной когнитивной науки на десятилетия. Нам же, студентам, он преподносился как аксиома, не подлежащая обсуждению, хотя были, БЫЛИ уже в мировой науке и Джерри Фодор с его «языком мышления» и «естественным языком», и Чарльз Филлмор с его фреймовой семантикой. Поэтому сегодня, размышляя о полученном мною базовом образовании, я оцениваю его все же амбивалентно.

Да, когда я учился на матмехе, для всех Цейтин был просто Гера; уникальный математик и личность... Вы не знаете, он продолжает свои исследования?

Не только на матмехе, но и на филфаке, на нашей родной кафедре старшее поколение преподавателей звало Григория Самуиловича просто Герой. Мы — студенты смотрели на него как на небожителя... После окончания университета я видела его всего несколько раз на защитах диссертаций некоторых сотрудников нашей кафедры. Но Миша долго работал с ним на матмехе в возглавляемой Г.С. лаборатории матлингвистики. Все, что я сейчас пишу о нем, известно мне только со слов мужа. После 1995 г. Г.С. уехал на работу в Ирландию, а затем на ПМЖ в США. В Россию с тех пор он наведлся лишь однажды, совпало это с рождением его внуки, но поддерживал переписку с петербургскими и прочими коллегами. Позже он перестал отвечать на письма. В 2011 г. с 75-летием Г.С. лично поздравляли многие его российские почитатели, коллеги, ученики (Н. Н. Непейвода, И. В. Романовский, М. А. Красноперова), был в числе поздравлявших и Миша — ни один человек не получил из Штатов никакого отклика. Прилагавший усилия узнать что-то о Цейтине М. В. Анолик, имеющий обширные связи в программистских кругах Силиконовой долины, ибо там сейчас работает целая гвардия его учеников, так ничего и не узнал. Г.С. как бы пропал, и у всех, с кем Миша говорил о нем, сложилось впечатление, что свои российские контакты он разорвал намеренно. Так это или нет — можно только догадываться. Игорь Цейтин (сын Г.С.) тоже выпал из поля зрения: когда-то Миша работал с ним в фирме «STAR», но Игорь давно уволился из нее.

Итак, Алла, образование получено, это уже был какой год? Вас распределили в «ящик» или было свободное распределение? Чем Вы начали заниматься?

На дворе стояло лето 1974 года, когда мы, обремененные дипломами о высшем образовании, пришли на распределение, понимая, что оно сулит, скорее всего, работу «в ящике»: так случилось с матлингвистами предшествующего выпуска. Аналогичная ситуация ждала и нас: почти всех моих коллег и меня встретили представители различных закрытых организаций, которые, заранее поговорив с руководством кафедры и друг с другом, предварительно распределили имевшиеся кандидатуры. Поэтому каждый пришедший внешний человек беседовал уже со «своим» выпускником. Мне была предложена работа в Вычислительном центре Союзного проектно-монтажного бюро машиностроения «Малахит» (СПМБМ «Малахит»).

Вычислительный центр занимался широким спектром задач, однако, по моей полной технической безграмотности, меня определили в сектор экономистов, где требовалось программировать на АЛГОЛе и КОБОЛе для ЕС-1020 и позже — ЕС-1022. О первом из названных языков программирования я имела неплохое представление: в университете нас не один год и довольно серьезно погружали в информатику, мы писали индивидуальные программы, которые сами отлаживали, раз от разу сокращая список ошибок и последовательно приближая программу к рабочему состоянию (помню шок от своего программистского «дебюта», когда я вместо ожидаемого исполнения предписанных мною ЭВМ действий получила от нее «разнос» в виде перечня чуть ли не двух десятков моих ошибок — а мне представлялось, я так досконально все продумала!). Второй язык программирования следовало изучить самостоятельно. Лингвистика, как

я и опасалась, покрылась для меня прахом. В 70-е годы все повсеместно носились с идеей создания АСУ; казалось, только она сможет обеспечить желаемый всеобщий и универсальный учет и контроль. Иногда доходило до смешного: поддавшись модным веяниям, об АСУ начали поговаривать даже большие универмаги, но разобравшись, чем это для них чревато в эпоху тотального дефицита, быстро отказались от новоявленной затеи. Разрабатывали АСУ и мы, экономисты ВЦ «Малахита», все пять с половиной лет, которые я в нем провела. Разработки продолжались и после моего увольнения, позже идеи автоматизации управления как-то потихоньку и дружно сошли на нет, и об АСУ забыли, переключившись на новые глобальные задумки.

Годы, связанные с «Малахитом», не считаю потерянными: они дали практику взаимодействия с вычислительной техникой и, наверное, способствовали алгоритмизации мышления — вещи весьма полезной и для исследовательской деятельности, и для повседневной жизни. Главное же приобретение «Малахита» для меня — близкие люди. Сейчас уже ясно, что заложившиеся в ту пору и продолжающиеся до сих пор тесные человеческие контакты — это навсегда. Много раз в жизни от людей слышала: не дай Бог попасть в чисто женский коллектив. Наш сектор экономистов насчитывал 16 молодых девушек и женщин средних лет, мужчина был один — начальник сектора. Не знаю, как чувствовал себя он в женском царстве (хочется надеяться, что неплохо), но нам было уютно друг с другом. У нас была, что называется, схожая судьба, схожие заботы и тревоги, круг которых очерчивался привычными понятиями дом, семья, дети. Любые бытовые вопросы быстро находили ответы у девочек на работе. Старшие коллеги делились с нами не только своими профессиональными знаниями и опытом (а в то время было чрезвычайно распространено наставничество), но и полезными сведениями по самым разным житейским проблемам; у них мы, молодежь, учились быть хорошими хозяйками и умными мамами (у меня уже подрастал сын). Иногда такое учение давало и толк... Работа в режимной организации — строгий вход и выход по звонку, вечером же в те нелегкие времена купить необходимые продукты было очень трудно, поэтому у нас была налажена круговая порука: бегали в обеденный перерыв по окрестным магазинам, занимали очередь на себя и подруг, пытаясь охватить как можно больше точек. Вернувшись на работу, информировали, что и где дают. У наших мальчиков-корабелов — а на ВЦ в других секторах работали преимущественно мужчины — обеденное время использовалось принципиально иначе: сразу же по звонку начинались острые шахматные баталии. Все вместе взятое сегодня подталкивает меня к приятным воспоминаниям о «Малахите». Знаю точно: за годы работы в нем меня ни разу не посетило ощущение принципиальной несовместимости с кем-нибудь из моих ближайших коллег, разности пород, отсутствия общего языка — то, что накатывало порой в период студенчества.

Что произошло с Вами после пяти с половиной лет в «Малахите»? Почему Вы сменили работу? На что?

Произошло то, чему, по-видимому, предрешено было произойти: в мою налаженную жизнь ворвался господин Случай, который ее круто направил в совсем другое русло. Однажды вечером мне позвонила Лидия Николаевна Засорина — заведующая кафедрой матлингвистики и мой научный руководи-

тель, с которым я работала с третьего курса и до окончания университета и с кем не теряла связи в последующие годы. Она сказала, что ее знакомый, Владимир Викторович Максимов, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем АН СССР, подыскивает молодого специалиста для работы в его группе, и предложила поговорить с ним. Так в мою жизнь вошел В. В. Максимов, который и привел меня, в буквальном смысле за руку, в ИСЭП, в возглавляемый Б. М. Фирсовым сектор исследований общественного мнения и массовых коммуникаций. Там мы и встретились с Вами, там я познакомилась с незадолго до меня влившимися в сектор и в группу В. В. Максимова выпускниками психологического факультета университета Н. А. Нечаевой и В. В. Сафроновым, ставшими моими близкими коллегами на десятилетия. Случилось это в апреле 1981 года.

Да, Алла, такое было. Чем Вас заманил В. В. Максимов, каким было Ваше первое впечатление от коллектива, в который Вы попали? С чего началась Ваша работа в ИСЭП?

Владимир Викторович меня особо не заманивал и воздушных замков не строил, он честно обрисовал мне условия труда (я серьезно теряла в зарплате) и возможные перспективы. Но я увидела в нем человека из другого мира, где существует свобода выбора направления своей деятельности, где можно заниматься тем, что тебя интересует и вернуться на желаемую стезю. О научной работе я мечтала еще в университете, и не только мечтала, но кое-что делала в этом направлении: с четвертого курса я подрабатывала в Словарном секторе Института языкознания АН СССР в подразделении, руководимом Надеждой Захаровной Котеловой — главным редактором первых выпусков «Словаря новых слов и значений». В сборе материалов для Словаря я и участвовала вместе с сотрудниками сектора в течение двух лет, включая преддипломную практику. К моменту распределения на кафедре матлингвистики лежало письмо из Института языкознания с ходатайством о направлении меня на обучение в аспирантуру Института. Однако в те дни я не могла думать о продолжении учебы: за месяц до защиты диплома отец ушел из семьи, будущее было неясно, у мамы собственных доходов не было, а меня в случае поступления в аспирантуру ждала стипендия в 78 руб. Так мечты были отодвинуты на задний план, но они никуда не улетучились, дремали где-то в закоулках души, ожидая лучших времен. После разговора с В. В. Максимовым, личностью увлеченной и зажигательной, постоянно имевшей громадьё планов, они будто проснулись, семья сказала «хочешь — переходи», и я решилась.

Первые впечатления о моих новых коллегах были самые благоприятные: меня приветливо встретили, сектор оказался преимущественно молодежным, руководство понимало мое потустороннее происхождение (я была единственным дипломированным лингвистом в коллективе) и давало мне возможность спокойно освоиться с моим непривычным положением. Но, невзирая на сказанное, мое внутреннее состояние было близко к паническому. Я чувствовала себя Незнайкой на Луне. Меня окружали умные, знающие, разбирающиеся, мне казалось, во всех тонкостях социальных наук люди, я же считала себя полным нулем в социологии, да и была таковым реально. Серьезно думалось: все, что знаю я, неприменимо к тому проблемному полю, в которое я втянулась, а все, что

положено знать втянутым в него, было мне неведомо. На одном из состоявшихся вскоре после моего появления в ИСЭП заседаний нашего сектора, на котором делал доклад Куанышбек Муздыбаев, отчитываясь за проведенное им по заказу партийных органов исследование, все что-то спрашивали, высказывались, соглашались и спорили с докладчиком — я же одна-единственная сидела набрав в рот воды и ощущая себя Адамом в день творения. Надо было срочно наверстывать отсутствие необходимых знаний.

С чего началась моя конкретная работа в ИСЭП, сегодня я уже не вспомню, но хорошо запомнила, что сидела в институтской библиотеке с начала рабочего дня до его конца. Набирала стопку книг и вгрызалась в них. Вы, возможно, уже забыли, как однажды при закрытии библиотеки подошли ко мне и сказали: «Алла, я вижу, вы все читаете и читаете, а когда же вы думаете?». Смысл Ваших слов я поняла лишь спустя лет пять-семь; сегодня, когда я говорю нечто подобное своим студентам, я ловлю их такой же растерянный, обескураженный взгляд, каким когда-то посмотрела на Вас. В этом лихорадочном и во многом хаотичном, как я теперь понимаю, чтении я искала точки опоры; мне важно было отыскать области пересечения моих знаний с социологической проблематикой, и я, с большим или меньшим успехом, погружалась то в теорию социологии, то в методологию, то в ее отраслевые ветви. Внутренняя паника потихоньку начала спадать, вместе с тем ограниченность моих социологических познаний продолжала беспокоить меня еще долгие месяцы, если не годы. Какую-то твердь под ногами я почувствовала лишь тогда, когда познакомилась, а затем вникла в суть контент-анализа: он раскрыл передо мной горизонт социологических исследований на основе текстового (а ныне лучше сказать, дискурсного) анализа. Я уверовала в правильность выбора нового вектора жизни.

Насколько я помню, ваша группа или только Вы делали контент-анализ писем в партийные органы? Если это так, в чем заключалась идея?

... напрягалась несколько дней, но — увы! — ничего содержательного из времен работы с В.В. Максимовым вспомнить не могу. То ли я тогда еще не доросла до идейно-концептуального уровня, и он остался для меня непознанным, то ли эмоциональное полностью затмило рациональное содержание нашей групповой деятельности. В памяти только существовавшее к моменту моего появления в группе отчетливое противостояние рядовых членов коллектива (Наташи Нечаевой и Славы Сафронова) его руководителю, которое определяло атмосферу наших совместных заседаний. Поначалу оно породило у меня полное недоумение, но позже, потихоньку разобравшись что к чему, я встала на сторону моих молодых коллег. Извините, но это главное, что сегодня вспоминается в связи с работой в группе В.В. Максимова. Ван Дейк установил, что социальная ситуация запоминается, в первую очередь, по оценке. Содержание постепенно вымывается из памяти, а плюс или минус хранится в ней дольше всего.

Сколько времени Ваша работа в этой группе продолжалась? Не возникало ли у Вас решение отыграть назад? Чем все закончилось и чем Вы занялись потом?

Моя работа в группе В. В. Максимова длилась примерно два-три года до конца ее существования, вызванного переходом Владимира Викторовича на другое место работы. Этот период, безусловно, мог бы быть куда более продук-

тивным, но все же не могу признать его напрасным: к счастью, в нем нашлось время для самообразования. Мысль «отыграть назад» у меня никогда не возникала: не люблю возвращаться по собственным следам. А закончилась вся история очень просто и естественно: за отсутствием руководителя группы мы, трое ее членов, попали под непосредственное начало заведующего нашим сектором Б. М. Фирсова. В ИСЭПе же в те времена серьезно менялся научный и психологический климат, все более сгущались тучи, все тягостнее ощущался диктат партийных органов в научно-исследовательской и организационной деятельности Института. В воздухе пахло грозой — и она-таки разразилась! Первое потрясение всего и вся — вынужденное увольнение из Института В. А. Ядова, персонифицирующего не только ИСЭП и даже не только ленинградскую социологическую школу, но и всю советскую социологию в целом. Вторая мощная встряска — отстранение от заведования сектором и отправка в научную ссылку в Институт этнографии АН СССР, как напишут много позже в Википедии, Б. М. Фирсова, близкого коллегу и соратника В. А. Ядова. Оба события дали толчок кардинальным структурным изменениям внутри ИСЭПа, и над нашим сектором нависла совершенно очевидная угроза расформирования, затем она обрела статус реальности: одна часть сотрудников была переведена под начало В. Б. Голофаства, другая, в которой числилась и я, образовала новую группу, руководство которой было передано Б. З. Докторову.

В индивидуальном плане означенное время было для меня, с одной стороны, важным этапом постижения теории, методологии и практики контент-анализа, а с другой — порой знакомства и освоения исследовательского арсенала Т. М. Дридзе в той области научных изысканий, которая была ею названа семиосоциопсихологией массовых коммуникаций. Теоретические труды Тамары Моисеевны, с которой я, благодаря Вам, познакомилась лично, ее эмпирические исследования языка прессы, семиотических групп читателей газет оказали на меня большое воздействие. Они утвердили меня в мысли о сопричастности лингвистики (шире — семиотики) социологическому изучению массовых (шире — социальных) коммуникаций. Вычитанное у какого-то, сегодня уже забытого мною, научного авторитета высказывание о том, что любой социальный исследователь, чем бы он ни занимался, рано или поздно осознает, что имеет дело с проблемами языка и мышления, под влиянием работ Т. М. перестало быть для меня лишь красивой фразой с неким лингвоцентрическим подтекстом. Я на деле поверила в истинность этого высказывания. Вместе с тем исследования Т. М. убедили меня в перспективности именно междисциплинарных парадигм научного поиска, тех самых, которые закладывались в фундамент многих научных направлений, приобретших впоследствии статус самостоятельных научных дисциплин, таких как когнитивная наука или дискурсология. Ныне для меня уже очевидно: дистанция между когнитивной лингвистикой и когнитивной психологией, например, сегодня куда меньше, чем между отдельными научными парадигмами внутри самой лингвистики: скажем, ее модульным и холистским подходом. Исследователей-когнитивистов сплачивает и общая аксиоматика, и эмпирически верифицированные к настоящему моменту теоретические положения, служащие стартовыми площадками их изысканий. Некоторые методики Т. М. я использую до сих пор в своих лингвосоциологических (как я их именую) экспериментах, проводимых в студенческих аудиториях. Не далее как пару недель

назад интересовалась, знают ли современные студенты те персоналии, которые были включены Т. М. Дридзе в список фигурантов газетного дискурса на рубеже 70—80-х годов. Понятно, что некоторые имена ушли в прошлое: двадцатилетние молодые люди не имеют представления, кто такой В. Брумель — у них свои герои спорта. Однако весьма опечалил тот факт, что никто из присутствующих не смог сказать мне, кем был Ф. Гойя: политиком, композитором, писателем или художником!

Что касается контент-анализа, в те и последующие годы я занималась им на материалах прессы. Первых своих пробных, ученических опытов уже не помню; среди тех работ, которые в настоящее время оцениваю как самостоятельные и достаточно зрелые, хорошо отложился в памяти контент-анализ, выполненный мною в рамках коллективного проекта по изучению установок городской прессы по отношению к акциям протеста (руководил всем проектом В. В. Костюшев). Контент-аналитический раздел проекта, за который отвечала я, предусматривал изучение материалов четырех ежедневных петербургских газет: «Невского времени», «Санкт-Петербургских новостей», «Смены» и «Вечернего Петербурга». На дворе стоял 1994 год, и в контексте пережитых в недавнем прошлом и еще не остывших ожиданий кардинального переустройства всех сфер общественной жизни моя ключевая гипотеза была сформулирована как предположение о толерантности ведущих городских органов печати, открыто декларирующих свою демократическую ориентацию, к местным акциям протеста. Разработанная система индикаторов позволила зафиксировать отсутствие у всех печатных изданий нетерпимости при освещении проводимых в городе протестных акций. От противного гипотеза была подтверждена, я написала отчет, сдала его руководителю и очень довольная собой отправилась с докладом по результатам своего исследования на ежегодную конференцию, проводимую факультетом журналистики нашего Университета. В подобных конференциях я участвовала неоднократно и высоко ценила их, ибо среди выступающих всегда находились журналисты-практики из различных газет, мне же реальная жизнь газетных редакций была совсем неизвестна. Эти-то журналисты-практики и опустили меня с зияющих высот на грешную землю, заявив, что никакой толерантности со стороны органов печати нет и в помине, а есть лишь их сознательный уход от острой темы протеста. Безоговорочно приняв эмпирически зафиксированные мною факты, газетчики столь же безоговорочно истолковали их абсолютно иначе, преподав мне на всю жизнь урок на тему первой журналистской заповеди, гласящей о необходимости отделения фактов от их интерпретаций.

Однако с течением времени мною стала ощущаться необходимость выхода за пределы контент-анализа в области исследования не только содержания текстов, но и того, какими языковыми средствами это содержание оформляется. Одновременно меня потянуло в сферу исследования мышления, когнитивных процессов и их «перевода» на естественный язык. Интерес к дискурс-аналитической и когнитивной проблематике возник как результат знакомства с публикациями еще одного чрезвычайно значимого для меня человека — Т. А. Ван Дейка.

Как давно это было, Алла, когда Вы впервые рассказали мне о работах Ван Дейка по дискурсу; я помню в Амстердаме отправлял ему Ваше письмо. Кто Вас познакомил с исследованиями Ван Дейка, что Вас в них привлекло?

Об исследованиях Ван Дейка я узнала из вышедшей в 1989 году книги «Язык. Познание. Коммуникация», представлявшей собой сборник переводов его новейших работ. Сборник знакомил с двумя направлениями деятельности этого известного голландского лингвиста: с трудами в области исследования дискурса прессы, его новостийной составляющей, и с работами по анализу этнических предубеждений, идеологии «белого расизма». Оба направления были чрезвычайно интересны мне. В ту пору меня уже очень притягивала идея изучения семантики текстовых источников вкупе с ее лингвистическим воплощением; СОДЕРЖАНИЕ + языковая ФОРМА как нераздельное единство ЧТО и КАК, подчиненное замыслу коммуникатора. Анализ новостей в прессе, проводимый Ван Дейком, как раз и являл собой пример подобного комплексного подхода, при котором аналитик, опираясь на содержательные характеристики новостийного дискурса, исследует правила его языковой манифестации, относящиеся к организации его макро- и микроструктуры, а также логике линейного развертывания. Ван Дейк сумел выявить и описать закономерности производства газетных новостей как особой разновидности медийного дискурса. Позже я узнала немало работ, реализующих аналогичную исследовательскую стратегию, но открыл ее для меня и продемонстрировал мне ее эвристические возможности именно Ван Дейк.

С другой стороны, я уже кое-что знала о когнитивной лингвистике, о гениальном предположении Кеннета Крайка, разрушавшем догмат слитости языка и мышления, высказанном еще в 1943 году, но, по известным причинам, не услышанном научным сообществом, о Джерри Фодоре, на новом историческом витке подхватившем и развившем идеи К. Крайка в своей теории ментальных репрезентаций. Была прочитана работа М. Минского о фреймах, Ч. Филлмора о скриптах, Р. Шенка и Р. Абельсона о сценариях. Иными словами, я уже двигалась в направлении освоения исследований, касающихся различных единиц «языка мышления»: концептов, фреймов, сценариев, прототипов — и тут-то в моей жизни появилась книга Ван Дейка с ее моделями ситуаций! Причем ситуационные модели в качестве особых единиц «языка мышления» обстоятельно рассматривались им не только в теоретической плоскости, но и в плане их фактического «перевода» с ментального уровня на естественноречевую, их реального отображения в бытовом дискурсе: повседневных разговорах жителей Амстердама об этнических меньшинствах. Ван Дейк, что называется на пальцах, показал, как формируются модели ситуаций предубежденного сознания на ментальном уровне и как они обрастают языковой плотью на вербальном уровне, в рассказах белой части населения голландской столицы о цветной.

Привлекала к упомянутой книге и ее сфокусированность на острой социальной проблематике — этнической дискриминации. Автор доказательно подводил читателей к основному содержательному выводу: невзирая на повсеместно декларируемый тезис об этническом равенстве, в современном, именуемом себя демократическим, голландском обществе процветают идеи «белого расизма». В других своих работах (с которыми я столкнулась чуть позже благодаря тому самому письму, о котором Вы вспомнили и в ответ на которое получила от адресата внушительный набор его публикаций), Ван Дейк столь же убедительно доказал причастность образовательных учреждений и СМИ Голландии к распространению идеологии «белого расизма». Такая «заточенность», как теперь

говорят, видного европейского лингвиста, одного из основателей лингвистики текста, на социально значимые темы — явление не слишком частое. Безусловно, я вполне одобряю то, что многие лингвисты исследуют сугубо языковедческие вопросы, добывая новое научное знание: кесарю кесарево. И даже если речь не идет о новом знании, это не вызывает у меня никаких возражений, ибо уверена: систематизация уже накопленных сведений всецело достойна внимания исследователей. Однако самое глубокое уважение испытываю к тем филологам, которые развернуты в сторону актуальнейших проблем общественной жизни. Они всегда были и есть. Виктор Клемперер, написавший книгу об LTI — языке Третьей империи, ставшем для нацистов без преувеличения страшным инструментом социальной власти; Дуайт Болинджер, сравнивший язык с заряженным оружием и раскрывший миру языковое крючкотворство вьетнамского английского — того языка, на котором администрация США информировала свой народ о ходе войны во Вьетнаме; Джордж Лакофф, уже в наши дни вместе с философом Марком Джонсоном преподнесший впечатляющие примеры, с одной стороны, созидательного, с другой — разрушительного социального воздействия когнитивных метафор. Ван Дейк с его исследованиями этнических предубеждений, сексизма, идеологии «белого расизма» стоит для меня в этом же ряду.

Вычитанное из работ Ван Дейка стало для меня опорными пунктами собственных исследований, как дискурс-аналитических, так и «концептуальных», связанных с изучением смыслового содержания ценностных концептов, которые вела на протяжении целого ряда лет.

Алла, недолго, но все же мы поработали вместе, что Вы делали в те очень сложные, невеселые годы? Я уехал в самом начале 1994 года...

Да, годы выпали нелегкие. После ухода из Института Б. М. Фирсова руководство ИСЭПа несколько раз тасовало-перетасовывало коллектив нашего сектора, нас разъединяли-объединяли, мы работали под началом Г. И. Саганенко, затем В. К. Потемкина. Частая смена заведующих сектором влекла за собой неизбежные в подобных случаях изменения тематики научных исследований, закрепленной за нашим структурным подразделением. Ситуация была крайне нестабильной. Она выправилась, если не ошибаюсь, к 1989 году, когда совершился победоносный исход социологов, всегда считавшихся в ИСЭПе публикой второго сорта, из этого Института на Серпуховскую улицу, что знаменовало собой рождение Ленинградского филиала Института социологии АН СССР. Оказавшись под крылом прославленного социологического учреждения, да еще и руководимого В. А. Ядовым, мы-переселенцы наконец-то обрели нормальные условия труда. У нас образовался новый сектор, во главе которого встали Вы. Для всех социологов ИСЭПа завершилась пора перестройки на местном уровне. Однако она продолжалась на глобальном уровне, встряхивая всю страну, и очень скоро породила события космического масштаба, последствия которых мы переживаем уже сегодня, но подлинное значение которых, видимо, будет осознано много позже: лицом к лицу лица не увидать... В Вашей работе о Б. А. Грушине, вышедшей к памятной дате — 85-летию со дня его рождения —, я прочитала, что Б.А. очень тревожили события тех лет, приведшие к тому, что мы чуть ли не в одночасье оказались на развалинах страны, которая не должна была разва-

литься. Жизнь стремительно менялась во всех ее проявлениях и далеко не всегда приводила к тому, о чем мечталось. Для науки любые радикальные перемены общественного строя — не лучшие времена.

Весь этот период я двигалась в двух направлениях, заданных двумя названными мною ранее научными авторитетами — Т. М. Дридзе и Т. А. Ван Дейком. Первое направление — проводимые мною в средних школах эксперименты, которые, согласно терминологии Т. М. Дридзе, должны были бы именоваться семиосоциопсихологическими, но которые я, сознательно стремясь к упрощению обозначений, обозвала лингвосоциологическими. (Когда-то А. Д. Швейцер ввел в научный оборот смежное с социолингвистикой понятие лингвосоциологии, которое не очень прижилось в обиходе науки, но мне оно представляется точной номинацией той сферы научных разработок, в которой я обитаю. Поэтому всегда охотно пользовалась и продолжаю пользоваться данным термином). Мои эксперименты преследовали цель выяснить, насколько понятны старшеклассникам газетные тексты и как макроструктура текстов влияет на их адекватное понимание. В качестве экспериментального материала брала небольшие по объему публикации о школе из молодежной газеты «Смена». Помимо конкретных научных результатов, относящихся к умению/неумению школьников внимательно читать предложенный текст, выделять в нем главное и второстепенное, формулировать его основную идею или, напротив, к особенностям макроструктуры анализируемого текста, его линейной развертке, последовательной или прерванной, я получила памятный на всю жизнь урок. Мои встречи со школьниками весомо, грубо, зримо обнажили для меня обратную сторону языковой коммуникации: необъятная вариативность языкового воплощения определенного содержания идет рука об руку с представляющей совершенно невероятной вариативностью его восприятия. С одной стороны, коммуникатор имеет возможность выразить нужное ему содержание множеством разных способов, с другой — реципиенты способны понять передаваемое им сообщение совершенно различно. То, что я увидела в работах учащихся выпускных классов, меня поразило. Казалось бы, нетрудный текст, основная его идея сформулирована уже в заголовке, просишь ее найти и подчеркнуть прямо в статье — и получаешь самые разные ответы, разбросанность которых просто шокирует. Позже, погружившись с головой в преподавание в вузах, не раз сталкивалась с аналогичными ситуациями: далеко не все студенты в аудитории способны к смысловой компрессии текстов и ее записи в виде конспекта лекции; немало и тех, кому сложно выделить несколько основных тезисов из услышанного на занятии. К слову, в наши дни в студенческих аудиториях заметны и проблемы вербализации в целом, они дают о себе знать особенно на семинарах. Вспоминаю, как однажды социологи культуры четвертого курса, с которыми проводила первое в учебном году занятие, попросили меня диктовать им лекцию под запись. «Что, по предложениям?», — спросила я, крайне удивившись про себя. «Да, и лучше сразу с запятыми», — был ответ. Памятуя о прошлом, вывела для себя правило: обязательно вводить в лекционный дискурс метатекст, т.е. снабжать его указаниями, облегчающими восприятие содержания, такими как *переходим к главному пункту*, *проиллюстрирую данное положение* и пр.

Методология Ван Дейка применялась мною неоднократно. Особенно памятен проект, выполненный в 1989–1990 гг. по заказу русскоязычной правозащитной общественной организации Эстонии, касающийся анализа содержания русскоязычных газет и радиопередач с целью выявления политического лица того или иного эстонского информационного канала. Принес данный заказ в Институт О. Б. Божков, он же и возглавил проект, в котором мы были задействованы на пару. Предполагалось, что исследование газет будет проводиться на базе классического контент-анализа, а по части изучения радиопередач думалось использовать когнитивную методологию, анализ ситуационных моделей, разработанный Ван Дейком. Так оно на деле и вышло. То было время, непосредственно предшествующее выходу Эстонии из состава СССР, охватывающее деятельность Народного Фронта Эстонии, народные волнения, провокации на приграничных территориях, борьбу Эстонии за восстановление собственной государственности. На Таллин вещала радиостанция «Надежда», чьи микрофонные папки и стали для меня объектом исследования. Предстояло проанализировать содержательное наполнение различных ситуационных моделей, отраженных в сообщениях радиостанции, предварительно дихотомизировав структурные элементы самих моделей. Фиксировались МЫ- и ОНИ-субъекты, их действия, причины действий и их последствия и, конечно же, оценки. Собранный первичный эмпирический материал подлежал ступенчатой категоризации. Тогда, в очередной раз, я убедилась, насколько более трудоемок и затратен по времени индуктивный путь научного познания, нежели дедуктивный. Однажды, сравнивая применение закрытых и открытых вопросов анкеты и их последующую обработку, Вы, помнится, сказали нам, новичкам, по поводу вторых: «Ребята, здесь время умножается на пи». Абсолютно верно, а также справедливо в случае сопоставления дедукции и индукции. Однако, невзирая на трехкратное увеличение времени анализа, осознаю и преимущества категоризации «снизу-вверх», когда выработка категорий является не началом работы, а ее итогом, ведь любая дедуктивная система категорий, в конечном счете, отражает не объективные характеристики изучаемого материала, а заложенные в систему параметры. С помощью анализа ситуационных моделей были выделены те основные положения, на которые опиралась исповедуемая радиостанцией «Надежда» идеология.

Было еще и третье, изрядно волновавшее меня, направление исследований, которое тянуло к себе и к которому я в ту пору только подступалась: ценностные репрезентации в дискурсе прессы. Любые кардинальные социальные трансформации всегда влекут за собой пересмотр ценностных оснований общественного бытия. Разворачивавшиеся в те годы повсеместно публичные дискуссии были, по сути, полилогами о ценностях. Дискутанты апеллировали когда к разным ценностным концептам, когда к одним и тем же, и невольно возникал вопрос: а что понимается под теми или иными словами-ценностями, какие смыслы в них вкладываются. Меня всегда настораживали те изыскания, когда, скажем, ценностные приоритеты личности изучались по предлагаемому респонденту списку ценностей, который надлежало ранжировать, после чего ставилась точка. До смыслов дело не доходило. Мне же представлялось необходимым идти дальше, вторгаться в смысловой универсум. Первые подобные опыты как раз и относятся к 1993–1994 году: я самостоятельно начала анализировать газеты различной идеологической ориентации, выстраивая их ценностную иерархию и вникая в приписываемые

ценностным концептам различными органами печати смыслы. Вскоре я получила грант от Фонда Сороса, сфокусировавший мой анализ на двух ключевых ценностях общественного дискурса того периода — Свободе и Справедливости.

Что открылось? Если помните?

Открылись факторы, сближающие и, напротив, разделяющие печатные издания разной идеологической направленности в плане их ценностных предпочтений. В ходе работы по гранту анализировались, условно названные мною демократическими, газеты «Известия» и «Невское время», коммунистическая печать — газеты «Правда» и «Советская Россия», национально-патриотическое издание «Завтра». Выяснилось, что все рассматриваемые печатные органы — политические оппоненты апеллировали в то время к близкому набору ценностных приоритетов, в шестерку которых уверенно входили и Свобода, и Справедливость. Несколько лет ранее два известных московских исследователя, А.Н. Баранов и В.М. Сергеев, изучая стенограммы Съездов народных депутатов 1989–1991 гг., констатировали резкое размежевание общественного сознания по оси «Свобода — Справедливость». Аналитики писали тогда о конкуренции слов, ибо в выступлениях парламентариев тех лет вопрос ставился так: «Свобода ИЛИ социальная Справедливость?». Прошло немного времени, и по своим данным я отчетливо увидела, что конкуренцию слов сменила конкуренция смыслов. Дизъюнкция трансформировалась в конъюнкцию; Свобода и Справедливость больше не отрицали друг друга.

Декларируемые политическими оппонентами социальные цели оказались, в принципе, одними и теми же, предлагаемые пути их достижения, правда, кардинально разнились. Не было единства и в смысловом наполнении ценностных концептов. Дискурс прессы убеждал: на страницах печати они переживают глубокую внутреннюю эволюцию, сопряженную с переинтерпретацией ключевых семантических параметров этих ценностных концептов. Для концепта Справедливость таковыми оказались субъект распределения общественных благ и принцип их распределения, для концепта Равенство — ресурс распределения, для концепта Свобода — характер нормативных ограничений и правомочность тех или иных субъектов их порождать. Даже в дружно приветствуемой всеми изучаемыми органами печати формуле справедливой оплаты по труду обнаружили значительные разногласия. Какой труд имеется в виду: труд-процесс или труд-результат? Кто оценивает вложенный труд? Демократические издания, в отличие от прочих, открыто отстаивали новую версию распределительной Справедливости, подразумевающую, что оплачивается труд-результат, оценку которому дает рынок.

Помимо «смысловых ножниц» обнаружилось, что для коммунистических изданий социальная Справедливость по-прежнему оставалась самой востребованной, лидирующей ценностью, а Свобода, напротив, потеряла статус лидера в ценностном узусе демократических органов печати: ее вытеснили новые ценностные приоритеты — Безопасность и Стабильность. Престиж свободы зримо снизился, что представлялось мне следствием навязанного властями хода реформ с их «шоковой терапией»; тому же способствовал творящийся повсеместно хаос и произвол: декларируемая свобода на деле во множестве случаев обернулась полным самоуправством и беспределом. Важным методическим приобретением

той работы считаю применение, освоение и осознание поисковых возможностей фрейм-анализа, метода, которым продолжала пользоваться на протяжении последующих 12 лет, уже занимаясь преподаванием в вузах и собирая свою «библиотеку ценностей».

Очень интересные выводы... Вы их где-либо публиковали, докладывали, обсуждали?

Полученные по соросовскому проекту выводы легли в основу заявки на новое исследование, которая была мною отправлена в РГНФ и получила поддержку в 1996—1997 гг. Этой работой предполагалось расширить круг изучаемых ценностных концептов и, продолжая следить за бытованием Свободы и Справедливости в газетных публикациях, их возможных семантических трансформациях, сконцентрироваться на других ценностях-лидерах, декларируемых теми же, что и в предыдущем проекте, идеологически разнонаправленными печатными изданиями. Естественно, в задачи исследования входило не только выявление по частотному критерию наиболее востребованных ценностей, но и выяснение их смыслового содержания. Анализ показал, что в газетном дискурсе начала 1996 года в самом активном ходу были такие ценности, как Справедливость, Безопасность и Стабильность, о популярности которых я уже упоминала в связи с предшествующим проектом, а также Порядок, Законность, Благополучие народа, Равенство и национальное Достоинство. Свобода опустилась на четвертое-шестое место в ценностных иерархиях демократической и прочей прессы соответственно.

Здесь, как и в предыдущей работе, обнаружились сближения и жесткие демаркации идеологических оппонентов. Приведу лишь один пример, относящийся к концепту Безопасность, под которым, на первый взгляд, подразумевалось нечто схожее: отсутствие опасности, угрожающей некоторому социальному субъекту (его жизнедеятельности, функционированию, целям и интересам), где в качестве субъекта чаще всего выступали Россия, Российское государство или граждане России. Не было и резких расхождений между печатными изданиями в детерминации самой угрозы: преимущественно она квалифицировалась как внутренняя, продовольственная, угроза правам человека, реже как ядерная, экологическая, информационная. Но при сходстве фактического наполнения в разном дискурсе прессы эксплицитных параметров семантической формулы концепта Безопасность наблюдался абсолютный разлад в манифестациях важнейшего ее латентного параметра — источника угрозы. Здесь, как правило, позиции идеологических оппонентов оказывались диаметрально противоположными. Газеты «Известия» и «Невское время» видели главный источник угроз в оппозиционных правящему режиму силах: коммунистах, державниках-патриотах, демократах-противниках избранного курса реформ. Коммунистические издания без устали повторяли, что именно партия власти, так называемые *дерьмократы*, толкнули страну в жуткий кризис, поставили Россию на колени перед Западом, подвергли народ страшным испытаниям. «Орган духовной оппозиции», газета «Завтра», сродни «Правде» и «Советской России», видели в проводимой правящей партией политике реформ спланированное преступление против страны

и ее народа, что, однако, не мешало данному органу печати писать о царившем в прежние, коммунистические, времена и не прекращающемся, с их точки зрения, геноциде русских.

Одновременно исследование раскрыло относительную расплывчатость и даже некоторую семантическую опустошенность отдельных ценностных концептов. Так, анализ установил, что чуть ли не половина апелляций прессы к социальному Порядку — сугубо риторический ход: концепт широко использовался чисто символически, его смысловое содержание часто оставалось неуловимым. Все изучаемые печатные издания охотнее писали о царящем в стране беспорядке, оборачивавшемся нередко полным хаосом, нежели манифестировали свои представления о социальном порядке. Казалось, коммуникатором лучше осознается то, чего не должно быть, чем то, к чему следует стремиться. Предпринятая в исследовании попытка реконструировать смысловое наполнение концепта Порядок от противного привела к выводу о его сопряженности с понятиями Законность, личная Безопасность, снижение преступности, с одной стороны, и гражданским миром, легитимностью и эффективностью власти, с другой.

Продолжение же анализа исходных для меня концептов *Свобода* и *Справедливость* подтвердило полученные ранее результаты. Как и прежде, на страницах «Правды» и «Советской России» социальная Справедливость занимала ключевое положение, причем в своей распределительной версии; как и прежде самым дискутируемым и конфликтогенным ее параметром был принцип распределения материальных благ, который все дальше отходил от фактически действовавшего в советское время принципа «поровну». Свобода же по-прежнему, в преобладающем большинстве случаев, оставалась внешней Свободой, связываемой с отсутствием запретов, препятствий — Свободой ОТ, а не ДЛЯ. При этом она продолжала сползать по оценочной шкале влево. Участились публикации, где говорилось о свободе людей от сытости, достатка, уверенности в завтрашнем дне, свободе правительства от заботы о народе и взятых на себя обязательств. Как социальный идеал представляла Свобода от нужды, обездоленности, равнодушия и произвола властей. Мыслимая на старте реформ Свобода как антитеза гнету, принуждению в реальности на глазах превращалась в пугающий безотчетный и бесконтрольный произвол, что и беспокоило все печатные издания, невзирая на их идеологические позиции.

Результаты двух исследований, помимо секторальных и институтских заседаний, докладывались мною неоднократно на проходивших в то время ежегодно на факультете журналистики СПбГУ научно-практических семинарах под общим названием «Социология и журналистика». О них я уже вспоминала. Вслед за семинаром каждый раз издавался сборник материалов этого мероприятия; в трех таких сборниках напечатаны тексты моих докладов. Кроме того по обоим грантам подготавливался развернутый отчет. Фонд Сороса вывешивал отчеты грантодержателей в Интернете; думаю, что-то похожее было принято и в РГНФ. Оба отчета были приняты и получили положительную оценку, но это, безусловно, не было обсуждением результатов. Самые общие итоги и выводы того и другого исследования были включены в нашу с В. В. Сафроновым, Н. А. Нечаевой, О. Н. Бурмыкиной коллективную публикацию в «Журнале социологии и социальной антропологии» за 1999 год (Том II. № 2 (6)).

За давностью лет и сложностями моего вхождения в американскую действительность я не помню, в каком статусе стала существовать наша «могучая кучка».

Хронология событий восстановлена с помощью О.Н. Бурмыкиной. Она такова:

1983 г. — увольнение из ИСЭПа В.А. Ядова.

1984 г. — увольнение из ИСЭПа Б.М. Фирсова.

Октябрь 1984 г. — 1985 г. — нашим сектором руководит Г.И. Саганенко.

1986—1988 гг. — наша группа, руководимая Б.З. Докторовым, входит в состав сектора В.К. Потемкина.

Конец 1988 г. — 1989 г. — наша «могучая кучка», руководимая Б.З. Докторовым, существует в ИСЭПе как самостоятельная структурная единица.

25 августа 1989 г. — переезд на Серпуховскую ул. С этого дня мы уже отдельный сектор в структуре СПб филиала Института социологии АН СССР.

Заведующий сектором — Б.З. Докторов. Члены сектора: О.Н. Бурмыкина, И.Л. Гамзеева, А.В. Корниенко, С.В. Лурье, Н.А. Нечаева, В.В. Сафронов, Л.Г. Фридлендер.

15 апреля 1994 г. — переезд на Красноармейскую ул.

28 апреля 1994 г. — отъезд Б.З. Докторова. С этого дня заведование сектором принял на себя Б.М. Фирсов.

Не думали ли Вы после завершения этих исследований или позже оформить все это в виде кандидатской диссертации?

Ваш вопрос, более частного порядка, теснейшим образом связан с более общим вопросом, который, естественно, не мог не возникнуть в ходе нашей беседы: почему я не защитилась. Ответить на него непросто не потому, что ответ мне неясен, а потому что здесь очень важно найти нужный тон ответа, чтобы было искренне (это обязательно, иначе зачем было затевать нашу беседу), чтобы слова не оборачивались самоуничижением паче гордости, чтобы от них не веяло выпренности. Последнее тоже очень важно, ибо высокие слова внутреннего монолога о ценностях, которые каждый человек неизменно повторяет в минуты полного откровения с самим собой (бессонными ночами, например), будучи произнесенными перед другими людьми, часто отдают выпренности. Хотел открыть душу, высказаться о наболевшем — а прозвучало натужно и фальшиво. Воистину: мысль изреченная есть ложь. Ежи Лец высказался по-другому: «Что деформировало их лица? Слишком высокие слова».

Однако решаюсь подыскивать слова: ведь иного выбора у меня нет, иначе все сказанное ранее в нашем интервью просто безрезультатно «провиснет».

Итак, и в случае с соросовским грантом, и с грантом РГНФ, и позже у меня появлялись неплохие заделы для диссертации: это были оформленные в виде структурированных текстов отчеты с требующейся для диссертации постановкой проблемы, целями-задачами исследования, его методологической частью и предъявлением эмпирических результатов. Но каждый раз мне казалось, что сделанного, а главное — «умеемого», мною очень мало, что я еще не рассмотрела

того, не понимаю его связи с этим, не овладела навыками глубокой матобработки эмпирического материала, не располагаю достаточными данными для квалифицированных сравнений с чужими результатами и т.д. Иными словами, всегда считала, что моих знаний недостаточно, чтобы претендовать на почетное звание кандидата. Что надо углубиться в такую-то проблематику, перевести ее на свой язык, затем сопоставить с полученными мною результатами... Я уже говорила, что по психологическому складу я в маму — мы с ней интроверты, значит самооценки собственных действий для меня много важнее оценок внешних, даже исходящих от самых близких и бесконечно дорогих мне людей. Требовательность к себе, однако, ходит у меня рука об руку с требовательностью к окружающим. Я всегда жду от людей остепененных серьезных публикаций, выступлений, и каждый раз, когда сталкиваюсь с научной беспомощностью (а это, к сожалению, случается все чаще), меня коробит. Легче прощаю незнание и неумение (всего знать нельзя, и у каждого человека свой потолок, за который не прыгнуть), но не приемлю отсутствие стыда. Казалось бы, вся аудитория и ты сам прекрасно чувствуешь, что выступать тебе не с чем — так подготовься как следует, либо не выступай совсем, не позорься. Так нет — выступают, да еще с апломбом — и ничуть не стыдно! Подобное бесстыдство меня поражает. Бесспорно, лучший вариант, когда формальный и фактический статус человека соответствуют друг другу, однако в противном случае, думается, предпочтительнее удивление окружающих из-за того, что ты не кандидат, удивлению по поводу того, что кандидат или даже доктор. На мой взгляд, гораздо честнее быть без вины обойдену, чем без заслуг пожаловану.

И еще одно, что просится на язык. В недавнем прошлом Вы сказали, что мой ответ на Ваше предложение приступить к интервью проявил мою суть — неуверенность в себе. Сегодня, я знаю и поминутно чувствую это, я человек во многом иной, чем прежде. Иной меня сделала моя вторая профессия — профессия вузовского преподавателя, и я благодарна судьбе за то, что она меня в нее втянула. Помню свой первый день на преподавательской стезе: я иду по длинному коридору в Бонче в аудиторию, где меня ждут неведомые мне молодые люди, ноги подкашиваются от страха, волнение до колик в желудке — и вдруг вижу боковую лестницу. Сразу же мелькает мысль: пара шагов в сторону, вниз и бежать. Не надо будет пересиливать себя, жизнь вернется в привычную колею. Если бы так поступила, осталась бы прежней неуверенной в себе персоной. Преодолела иску́с — и профессия меня, абсолютного нелидера по рождению, заставила занять лидерскую позицию, назначенную педагогу. За мои 15 лет преподавания было множество самых разных трудных ситуаций, требующих мгновенной реакции лидера. Приходилось «драться» с другими преподавателями за аудитории, отстаивать интересы студентов перед деканатом, реагировать на попытки нерадивых учеников обмануть меня, насочинять душераздирающие истории о военкоматах, пожарах, изнасилованиях и Бог знает о чем еще. Мы ловили залетевшую в аудиторию птичку (ну чем не кадры из «Доживем до понедельника»), нас ждала настоящая словесная битва, когда студенты, негодуя на решение деканата о сдаче зачета по моему курсу, тогда, в самом начале моей преподавательской деятельности, еще факультативному, устроили мне настоящую обструкцию. Я выстояла, не уронив себя и приведя их в чувства, но домой, помню, шла по Гороховой улице, рыдая. Было всякое. Было много и хорошего,

не о нем сейчас речь. Но пережитое изменило меня. Ныне я уже ничего не боюсь и смело вхожу в любую аудиторию с ощущением того, что смогу, найду выход из любого положения. Очень приятное внутреннее состояние, но хватит об этом, хотя, уверена, Вы понимаете, что не хвастаюсь. Мой отклик на Ваше предложение не был порожден неуверенностью в себе; в своих знаниях и позициях я уверена, однако любое интервью с действующим социологом неизбежно имеет институциональный контекст и даже подтекст. А институты — это социальные иерархии, и в них, нравится нам это или нет, почетное место отводится публике оспепеченной, занимающей верхние позиции.

Все прочел, все верно... по ходу чтения Ваших прежних ответов я давно увидел «другую» Аллу Корниенко — много смелее, увереннее в себе, чем «давно», и я рад этому, но обидно, что рядом с Вами не оказалось в 90-х человека, который сказал бы Вам: «Алла, кандидатская диссертация — это не научная работа, а квалификационная».

Вы мне рассказали о своих исследованиях 90-х. Но уже завершается первая половина 2010-х, совсем новое время. В каких проектах Вы участвовали в последние годы?

Последний по времени завершённый академический проект касался изучения политического дискурса партийных элит. В проблематику исследований элиты (политической, административной, экономической) я погрузилась давно, в самом конце истекшего столетия, участвуя в коллективных грантах, полученных от Фонда Эберта, РГНФ, а позже и РФФИ. Бессменным руководителем работ по этим грантам был А. В. Дука, в чей сектор, занимающийся социологией власти и гражданского общества, я перешла, если память мне не изменяет, в 2004 году, в нем же продолжаю трудиться и по сей день. О тех давних грантовских изысканиях речь чуть позже, а сейчас об уже упомянутом проекте по партийному политическому дискурсу, трактуемому мною как сознательно сконструированный продукт оперирования языком политиков. Из множества разновидностей политического дискурса элит был выбран предвыборный партийный дискурс — именно тот, который наиболее явно выступает орудием борьбы за власть. Анализировала печатные издания, относящиеся к выборам в Госдуму и ЗАКС Санкт-Петербурга 2011 года — газеты, листовки семи допущенных к выборам партий — с намерением выявить содержательные характеристики предвыборного партийного дискурса как такового и средства их языковой реализации, а также специфику использования языка политики каждой шедшей на выборы партии. В содержательном плане рассматривала функциональную и интенциональную составляющую анализируемых изданий и лингвистические средства репрезентации той и другой лексического, морфологического и синтаксического уровня. Хотела убедиться в полифункциональности и партитурности различных языковых средств воздействия коммуникатора на аудиторию — и убедилась. В буквальном смысле одни и те же единицы языка репрезентируют одновременно и функциональность, и интенциональность обращений партийных лидеров к избирателям, с одной стороны. С другой, производимое, например, печатными изданиями намеренное разделение фигурантов статей на СВОИХ и ЧУЖИХ, противопоставление МЫ- и ОНИ-группы достигается посредством целого комплекса языковых инструментов, принадлежащих различным уровням

языка. В ход пускаются содержательные и оценочные противопоставления, метафоры, сравнительные обороты, сильные модальности, императивы, обращения, вводные и вставные конструкции, выражающие уверенность/неуверенность и многое другое. Очень схоже с музыкальной партитурой. Но пока что в моей «партитуре» не задействованы приемы обоснования; погружение в чрезвычайно значимый аргументативный пласт языка — дело ближайшего будущего.

Предтеча проекта по предвыборному партийному дискурсу — проведенное ранее в рамках гранта РФФИ исследование дискурса политической оппозиции, в качестве которого выступали материалы газеты «Советская Россия» — печатного органа КПРФ. Коллективный грант, затрагивавший тему политической культуры элиты Санкт-Петербурга и «заточенный», как теперь говорят, под проблематику толерантности/интолерантности межфракционных взаимодействий элит, своей дискурс-аналитической частью был сориентирован на диагностику публикаций оппозиционной действующей власти печатного издания с целью установить: какой тип массмедийного политического дискурса репрезентируют его материалы — толерантный или интолерантный. Сверх того предполагалось выявить объекты толерантного/интолерантного отношения «Советской России» среди сосуществовавших в то время на политической арене партий и оценить по шкале «конфликт — консенсус» избираемый КПРФ характер межпартийных взаимодействий. Помимо решения поставленных задач — фиксации взятых на вооружение «Советской Россией» эксплицитных и имплицитных способов передачи нетерпимости и установки на конфликт по отношению к «Единой России», основному оппоненту, и стоявшей за ее спиной высшей государственной власти — в том исследовании удалось собрать воедино и описать языковые индикаторы интолерантного дискурса, что очень пригодилось мне в будущем.

С дискурсом элит связано еще одно изыскание, проведенное в период, получивший говорящее за себя название «нулевых» (!). В нем сравнивались концептуализации ценностных категорий *Демократия* и *Свобода*, присущие двум социальным группам: представителям политической, административной и экономической элиты Санкт-Петербурга и петербургскому студенчеству.

Здесь я должна вернуться к уже сказанному: своему участию в коллективных грантах 1998–2006 гг., сфокусированных на изучении региональной элиты, ее политических, экономических ориентаций и политической культуры, руководителем которых был А. В. Дука. Работа по этим грантам, предусматривавшим проведение масштабного опроса лиц, принимавших в тот период в Санкт-Петербурге и области ключевые управленческие решения, была крайне полезна мне. То была совместная деятельность большого коллектива, где общими усилиями выковывалась теоретическая платформа исследования, где анкета не раз проходила внешнее рецензирование и пилотаж, где обсуждались процедуры анализа собранных эмпирических данных и их интерпретационные схемы. Первым крупным итогом работы стала коллективная монография «Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации»; мой вклад в нее — социально-демографический портрет участников опроса и раздел, освещающий экономические предпочтения региональной элиты в проекции рынок или государство? Наша анкета включала ряд открытых вопросов, в том числе те, где респондентов просили сформулировать их собственное понимание Демократии и Свободы. По завершении первого этапа исследования я занялась

этим материалом, его семантическим анализом и ступенчатой категоризацией. Параллельно разбиралась с письменными высказываниями студентов об этих же категориях, которые накапливала с самого начала своего преподавания в вузе, предлагая их как темы самостоятельных аудиторных размышлений. Сравнение двух эмпирических массивов показало, что процесс освоения новых старых слов (что мы знали о Свободе в советские времена? Только то, что она есть познанная необходимость) идет в анализируемых социальных группах разнонаправленно и с разной скоростью.

Не могу не вспомнить весь блок исследований, выполненных в 2006–2011 гг. на материалах аудиторной работы студентов с ценностными категориями. Помимо названных Демократии и Свободы изучала представления молодых людей о Справедливости, Равенстве, Гражданском обществе. И в настоящий момент продолжаю собирать студенческие толкования перечисленных категорий. Поскольку материал ежегодно пополняется и, надеюсь, будет пополняться, есть возможность и дальше отслеживать складывающиеся тенденции семантизации избранных мной ценностных концептов. Пока что можно сказать, что тенденции эти неравнозначны в оценочном плане. Радует, что в последние годы неуклонно растет доля тех, кто пишет, что внешней неограниченной свободы для человека, живущего в социуме, просто не бывает; лет десять назад таковых было много меньше половины, сегодня они доминируют. Хочется думать, что буква закона постепенно встраивается в русский алфавит, по крайней мере, для студенчества. Зато концепт *Гражданское общество* и ныне малопонятен молодым людям. Конечно, теперь редко кто скажет, что гражданское общество — общество, состоящее из гражданских лиц (т.е. не военных), как бывало не раз прежде, но все же смысл словосочетания у большинства студентов пока что едва очерчен. Грустна история и с концептом *Демократия*. В первые годы накопления данных он имел достаточно широкий спектр толкований; трактовки опирались и на принципы (всеобщее избирательное право, подчинение меньшинства большинству), и на процедуры (выборность, сменяемость власти), и на признаваемые фундаментом демократии ценности (Свобода, Равенство перед законом, Частная собственность). Минула декада — и толкования, совсем неожиданно для меня, унифицировались; бывшее разнообразие заметно оскудело, в ходу остались лишь упоминания свободы, выборов, независимых СМИ и исходное клише *власть народа*, превалирующее над всем остальным. Что ж, процесс освоения новых ценностей не так скор, как ожидалось на старте, но он, безусловно, идет. Такими обнадеживающими словами хочется завершить экскурс в собственные исследования последнего десятилетия.

Алла, как Вы обрабатываете Ваши материалы? Вы создали специальный софт?

С материалами по ценностным концептам уже много лет разбираюсь дедуктивно, как с контент-аналитическими данными, т.е. собранные в разное время концептуализации проецирую на одни и те же, некогда выработанные мной, проверенные и перепроверенные, схемы анализа. Это делает возможным всяческие сравнения по годам, периодам (начало нулевых — начало десятых); продолжая движение в указанном направлении, можно подойти к сравнению двух десятилетий. Однако действующие и поныне исходные схемы анализа были

сконструированы мною вручную; никаких специально созданных софтов у меня не было и нет, что, видимо, есть серьезный изъян моей деятельности. Когда-то я знакомилась с системой ДИСКАН, спроектированной и программно реализованной усилиями Г. И. Саганенко и Е. А. Каневского и предназначенной для обработки открытых вопросов анкет. Галина Иосифовна — большой их любитель, активно подталкивающий студентов к включению их в опросники, она же охотно помогает молодым людям анализировать собираемую с их применением эмпирию компьютерными методами. Евгений Александрович — известный специалист по разработке баз данных и баз знаний и их использованию в социогуманитарных изысканиях. Совместным трудом двух исследователей — социолога и математика — и была рождена система ДИСКАН, существенно изменившая само оперирование эмпирическими массивами — ответами на открытые вопросы анкеты — и схемы их анализа. Я же не вошла в число пользователей системы из-за специфики моего материала: он представляет собой не отдельные слова, словосочетания, но всегда связный цельный текст. К тому же вложенные в него смыслы часто не эксплицитны, а «вычисляются» на основе углубленного семантического разбора. Наряду с аналитическими определениями типа «Для меня свобода — это возможность принимать решения, не подвергаясь воздействию запретов, правил, законов, руководствуясь только личными интересами и желаниями», «Я думаю, что справедливость — это равноправное отношение, когда каждый получает то, что заслужил, а не один больше, а другой меньше, за одинаковое количество выполненной работы», где все предельно четко сформулировано, нередко попадаются описания очень конкретных ситуаций, которыми респондент иллюстрирует свое понимание того или иного концепта, не раскрывая его значение. Например, он пишет: «По-моему, свобода — это ключи от дома, оставленные на подоконнике, и пустой чемодан» или «Свобода — когда родители на месяц в отпуске», или «С моей точки зрения, справедливость — это то, что заставляет сажать в тюрьмы тех, кто раньше сидел в кожаном кресле директора нефтяной компании «ЮКОС». В подобных случаях, опираясь только на эксплицитное содержание высказывания, быстро получаешь тождество свободы и чемодана.

Обработка же данных дискурс-анализа политического дискурса не требует особого матобеспечения, здесь с лихвой достаточно контент-аналитического пакета.

Вы в курсе? Кто еще в России работает близкими к Вашим методам?

В направлении анализа отдельных концептов, социальных представлений об общественно значимых феноменах в настоящее время работают многие отечественные исследователи, пользуясь как традиционными социологическими методами, так и методами иных социо-гуманитарных дисциплин. Прежде всего на ум приходят изыскания, проводимые на основе ассоциативных экспериментов известным российским лингвистом и психологом Р. М. Фрумкиной; вербальные ассоциации для нее — релевантное средство описания социальных явлений. Ассоциативные процессы изучаются в науке уже более 100 лет, и методика ассоциативного эксперимента за это время практически не менялась: участникам эксперимента предъявляется некоторый набор стимульных слов, и инструкция предлагает записать первые несколько слов или словосочетаний, которые всплывают в сознании информанта как отклик на предъявленный стимул. Ассоциативная реакция должна быть немедленной, информанту не дают времени размышлять,

что ему сказать; таким образом, метод ассоциативного эксперимента претендует на вторжение в сферу подсознания. Подобным образом Р. М. Фрумкина изучала вербальные реакции московских старшеклассников на слова поля политики, такие как *парламент, партия, правительство, президент*. Также она осуществляла эксперименты с российскими и польскими школьниками, лицеистами и студентами-первокурсниками, желая понять, в какой мере для них осмысленны или, напротив, пусты ценностно нагруженные понятия патриотизм, *Родина, добро, семья*, причастные к социализации и самоидентификации молодого человека. Кстати, ею был обнаружен и описан «синдром семантического опустошения» — отсутствие ассоциаций на отдельные стимульные слова, свидетельствующее об утрате их личностного смысла, превращении в слова-пустышки.

Другой родственный метод исследования концептов — транссимволический анализ — был введен в научный оборот О. А. Кармадоновым, который использовал его в опытных кросскультурных сравнениях реакций российских и китайских студентов, обучающихся в Иркутском госуниверситете, на политические понятия *власть, свобода* и пр. Опираясь на трехчленную структуру символа — символы когнитивный, аффективный и деятельностный — он предлагал своим респондентам ответить на три вопроса. Применительно к концепту *власть*, например, они звучали так: «Власть — это что?» (реконструкция когнитивного символа), «Власть какая?» (реконструкция аффективного символа), «Власть что делает?» (реконструкция деятельностного символа). Здесь, в отличие от ассоциативного эксперимента, от респондентов ожидалось вполне продуманные ответы, репрезентированные тремя группами слов (существительными, прилагательными и глаголами соответственно), выражающими, с точки зрения респондента, сущностные характеристики власти. Они-то и раскрывали личностные смыслы, приписываемые респондентом стимульному слову. Транссимволический анализ, вошедший в арсенал проективных методов, позволил его автору продемонстрировать принципиальные различия семантики политического пространства двух наблюдаемых им культур. Вместе с тем оба метода — и ассоциативный эксперимент, и транссимволический анализ — имеют дело с лексическими единицами, лишенными контекста, в то время как личностные смыслы однозначно определяются лишь с учетом контекста и ситуации общения. На практических занятиях со студентами многократно сталкивались с трудностью оценки такой реакции как «власть — это деньги». Что имел в виду респондент? Если то, что бесконтрольная власть сопряжена с коррупцией, тогда его отношение к власти негативное. Если то, что одна из нормативных функций власти — распределение материальных ресурсов, тогда связка «власть — деньги» вполне нейтральна. Для снятия возможной неоднозначности в своей работе я намеренно концентрировалась на концептуализациях, эмпирическими референтами которых являлись цельные связные сообщения.

О методе изучения восприятия газетной лексики читателями газет, разработанном Т. М. Дридзе, я уже вспоминала. Он также опирался на толкования слов, оформленные текстуально. Классический контент-анализ применялся Т. П. Емельяновой в ее комплексном многоуровневом исследовании социальных представлений о демократии, бытующих в сознании различных групп населения, а также тиражируемых российской прессой периода 1988—1998 гг. В первом случае проводился контент-анализ высказываний менеджеров, бюджетников, рабо-

чих частных предприятий, студентов и пенсионеров — участников фокус-групп; во втором — анализировалась представленность темы демократии в печатных изданиях разной политической направленности в десятилетней ретроспективе. В итоге Т. П. Емельянова зафиксировала ядро и периферию присущих изучаемым группам социальных представлений о демократии. Кроме того, удалось выявить целый ряд тиражируемых прессой ключевых слов, соотносимых с шедшими в те годы в стране реформами, таких как *ускорение, гласность, подлинная демократия*, характерных для поддерживавших власть газет, и таких лексических новообразований, как *демгоспода, демократура, демгенсеки*, свидетельствовавших о зарождении оппозиционной прессы. Помимо привычного контент-анализа в рассматриваемом исследовании дополнительно был задействован и разработанный У. Фликом метод тематического кодирования текстов интервью, взятых у респондентов-эмигрантов из России, проживавших в Германии, с целью кросс-культурного сравнения. Суть метода — в первоначальной разработке системы категорий, отражающих текст каждого интервью, на ее основе он кодируется, после чего определяется тематическая структура всего массива текстов, в которой выделяются категории более высокого уровня, примыкающие к теме демократии. Так были получены категории: *определение понятия демократия; личное отношение к демократии; демократические ценности; атрибуты демократии; примеры проявления демократии* (в России, Германии). На их базе было очерчено три типа представлений о демократии, озаглавленных «Демократия как миф», «Демократия как анархия» и «Хрестоматийная демократия».

Упомянутые мною изыскания тяготеют к новой области знаний, получившей название «концептология» — ветвью междисциплинарной когнитивной науки, складывающейся в наши дни усилиями психологов, филологов, социологов, политологов, философов. В рамках концептологии параллельно оформляется лингвоконцептология — научное направление, занимающееся языковым моделированием концептов культуры. Не будет преувеличением сказать, что к настоящему времени в России уже сложилось несколько лингвоконцептологических школ, в которых ведется систематическое изучение конкретных концептов с применением лингвистических методов. В предисловии к вышедшей в 2007 году «Антологии концептов» говорится, что число известных ее редакторам-составителям защищенных диссертаций по анализу и описанию отдельных концептов перевалило за сотню. Несмотря на различия в методах и приемах их исследования, приверженцы разных школ едины в признании того, что концепт — основная единица сознания, имеющая языковую объективацию, и что посредством анализа семантики совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно манифестировать его содержание и структуру. Максимально полно арсенал этих языковых средств объединяет лексические единицы (слова, словосочетания), образующие типичные контексты изучаемых словоупотреблений, дериваты, синонимы, антонимы, паремии, метафоры, метонимию. Многое из названного было в ходу и у Т. М. Дридзе. Создавая индуктивным путем первоначальную систему категорий семантического анализа ценностных концептов, которая сегодня, после неоднократной апробации, функционирует у меня как контент-аналитическая анкета, я также учитывала перечисленные языковые единицы. Моя любовь к фрейм-анализу имеет истоком устоявшуюся в когнитивной лингвистике практику языкового

моделирования концептов в опоре на традиционные для когнитивной науки структуры мышления: концептуальные метафоры и фреймы. Имея достаточно узкую область применения, фрейм-анализ, однако, служит полезным инструментом сравнения нормативного, т.е. лексикографического, значения концепта, зафиксированного в специализированных словарях, с психологически реальным его значением, хранимым в сознании носителей языка.

Что касается дискурс-аналитических моих методик, все они сродни контент-аналитическим анкетам с той только разницей, что помимо содержательных категорий имеют один или несколько блоков, характеризующих языковое оформление наличествующего в тексте содержания.

Алла, а Вы с кем-либо контактируете? Переписываетесь?

Из упомянутых мною персон ни с кем не переписываюсь и лично не контактирую. Все мои контакты с ними — заочные, состоящие в знакомстве с публикациями этих исследователей. Читаю и перечитываю публикации Р. М. Фрумкиной; ее учебник по психолингвистике — мое настольное пособие, обращаюсь к нему периодически как к руководству по работе со студентами. Более того, в свое время, можно сказать с волнением, погрузилась в ее книгу «Внутри истории» — сборник статей, эссе, мемуаров, вдумчиво и честно повествующих о прошлом и настоящем отечественной лингвистики, перипетиях советской научной элиты и собственной «линии жизни». Освоив другую ее книгу «Мне некогда», подарила ее всем подругам, имеющим взрослых дочерей, вступающих в самостоятельную жизнь: доброжелательные и ненавязчивые советы опытного и мудрого человека по вопросам жизнеустройства семьи (как поддерживать порядок в квартире, чем заполнить бельевой шкаф, как организовать праздничный стол и пр.), думаю, пригодятся каждой молодой хозяйке.

О. А. Кармадонову я писала в процессе обучения транссимволическому анализу, который быстро взяла на вооружение. Новый метод, предъявленный в номере «Журнала по социологии и социальной антропологии» за 1998 год, нуждающийся, по словам его создателя, «в дальнейшей верификации и валидации», вызвал у меня кучу вопросов. Часть из них, самые насущные, были сформулированы в письме автору, но ответа, к сожалению, я не получила.

Об исследованиях Т. П. Емельяновой узнала из ее монографии «Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества», насыщенной добротным анализом дискурса.

За трудами концептологов слежу и по части диссертационных исследований, и по части подготовки и выпуска в свет новых словарей, которые с недалекого прошлого, в отличие от предыдущих разработок лексикологов и лексикографов, базируются на совершенно новой научной методологии. Ее суть в том, чтобы описывать не изолированные слова, а концепты, основополагающие понятия русской культуры, в их широком семантическом контексте. Таковыми предстали «Антология концептов» В. И. Карасика, И. А. Стернина и «Константы: словарь русской культуры» Ю. С. Степанова.

Мои непосредственные научные контакты ограничиваются, в основном, коллегами по СИ РАН и вузам, где преподавала и преподаю ныне (их в моей жизни было три). Кроме того, периодически посещаю конференции филфака СПбГУ, чтобы не оторваться слишком далеко от лингвистической пробле-

матики. Кстати, прошедший в минувшем апреле семинар подарил встречу с Ю. Д. Апресяном — живым классиком, автором книги «Идеи и методы современной структурной лингвистики», изданной еще в 1966 г., по которой мы учились в студенчестве. То был наш первый «учебник по специальности». Еще есть постоянный коллектив элитологов, собирающийся в Петербурге ежегодно на всероссийский научный семинар «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», проводимый нашим сектором социологии власти и гражданского общества по инициативе А. В. Дуки (уже прошло 13 таких семинаров). Тоже круг общения со специалистами из разных российских городов и не только: бывают и приглашенные зарубежные гости. Периодически выступая с докладами на этих семинарах, каждый их участник, и я в том числе, выставляет свою работу на общественное обозрение.

Вы много лет занимаетесь языковой коммуникацией. Что Вы можете сказать о ее текущем состоянии?

По мере сил стараюсь следить за современным состоянием русского языка, спецификой русскоязычного общественного дискурса; и тот, и другой претерпевает в наши дни очевидные изменения. Конечно, есть известные приобретения. Специалисты по Интернет-коммуникациям утверждают: русский язык быстрыми темпами наращивает свое присутствие в сетевом общении. Масса людей, ранее не испытывавших ни малейшей тяги к писательству, теперь охотно пишет, регулярно отмечаясь в чатах, на форумах, в блогах и социальных сетях. Чтение уже перестало быть линейным процессом, мы успешно привыкаем постоянно бегать по ссылкам. Однако новое время принесло и новые потери, они-то и вызывают беспокойство. Я уже говорила о тех трудностях владения языком, которые наблюдаю у своих студентов: многим из них достаточно сложно облечь некое содержание в языковую форму, устную или письменную, это особенно заметно при ответах на вопросы комиссии на экзаменах, защитах курсовых и дипломных работ. Не меньшие затруднения вызывает и восприятие учебного дискурса: неумение выделить и кратко законспектировать главное (т.е. произвести смысловую компрессию услышанного) — весьма нередкий случай. Мой личный опыт, а также опыт моих коллег-преподавателей, подтверждающий сказанное, печалит, хотя, естественно, он очень ограничен и не дает права на обобщения. Вместе с тем то и дело повсеместно раздаются голоса педагогов, констатирующих снижение навыков языковой коммуникации у школьников и студентов и связывающих подобное явление с установкой обучения на натаскивание к ЕГЭ. Если же обратиться к сфере систематических научных наблюдений над русским языком, современным трудам лингвистов, картина вырисовывается не более радужная. Специалисты признают: в наше время русский язык переживает лексический взрыв — стремительное заполнение речевого пространства множеством новых слов. Плохо то, что пополнение словарика идет почти исключительно за счет заимствований. Ныне скорость вторжения иноязычной лексики (англизации языка) в разы выше по сравнению с советским периодом, а исходно русские словообразовательные элементы, и в первую очередь исконные обширные корневые гнезда, перестали работать, давать новые дериваты. Профессор Кронгауз в своей монографии «Русский язык на грани нервного срыва» пишет, что на просьбу назвать появившиеся в недавние годы не заимствованные слова

он неизменно получает только один ответ: *отморозок*. В «Легких мирах» Татьяна Толстая вспоминает *натоптыш*. Глубоко задумавшись, можно, видимо, извлечь из памяти еще несколько слов — и это будет все. И в профессиональной жизни, и в обыденности нас все теснее окружают чужеродные слова, непривычные для русского уха и затемненные по смыслу, поскольку нам не ясна их внутренняя форма. Сегодня, отмечает Ю. В. Щербинина — автор только что вышедшего словаря-справочника новейших терминов и понятий, «подростки сочиняют крипи-треды, домохозяйки увлекаются артбуками, абитуриенты штудируют клифф ноуты, дизайнеры состязаются в бук-карвинге, писатели упражняются во фрирайтинге, филологи записываются в граммар-наци». Мощный поток заимствований вливается в наш вокабуляр в то время как из активного употребления выходят ставшие непопулярными исконно русские слова и даже целые лексические пласты. Созданный лингвистами Национальный корпус русского языка, запечатлевающий текущее его состояние во всем разнообразии жанров и стилей, демонстрирует, например, полное отсутствие слов *порядочность* и *бескорыстие* в мультимедийной своей составляющей, имеющей объем, между прочим, свыше трех миллионов лексических единиц. Неуклонно сужается русская семейная лексика, а ведь применительно к терминам родства русский язык ранее считался одним из самых богатых. Часть терминов совсем забыта, другая переключевала в так называемую пассивную лексику; далеко не каждый сегодня объяснит, что значит слово *свойство* (с ударением на последнем слоге).

Помимо качественного изменения лексического состава русского языка происходит и свертка его синтаксиса. Лингвисты подчеркивают: синтаксис упрощается, из него постепенно уходят анафоры, катафоры — отсылки к информации внутри текста, сложные виды подчинительных предложений. Падежное управление унифицируется, перестают склоняться сложные числительные, 1812 теперь произносится как 18, 12, 2015 как 20, 15. Широко наблюдаемый феномен — экспансия устной речи, имеющая оборотной стороной снижение стилового регистра и усиление просторечности. Все это — индикаторы обеднения языковой культуры. О нем же свидетельствует и фиксируемая исследователями гипертрофия эмоциональности общественного дискурса при резком оскудении рационального содержания высказываний, влекущая за собой расширение способов выражения эмоциональности в языке. С учетом выявленных тенденций лингвисты предсказывают дальнейшую интернационализацию технолектов, усиление влияния на язык устной коммуникации и сокращение корпуса текстов промежуточного между технолектом и разговорной речью типа. Доминирование «разговорности», считают языковеды, приведет к еще большему сокращению нетерминологического словника и синтаксического инвентаря, частичному «выветриванию» содержательной компоненты языковых знаков, т.е. их десемантизации. Самые пессимистичные аналитики высказывают опасения, что с течением времени письменный русский литературный язык станет своеобразной латынью XXI века, уделом немногочисленного гуманитарно образованного сословия, а тексты на нем, несущие в себе исконно русские слова, модели словообразования, грамматику и синтаксис, будут восприниматься как эстетическая ценность. Продолжающееся упрощение языковых средств массового общения, возрастание

его клишированности, разговорности, просторечности чревато отпочкованием от великого и могучего «пиджин рашена» (термин Александра Привалова) — языка, на котором массы людей будут писать и говорить, а значит и думать.

В России объявлен год русского языка, но по-прежнему отсутствует внятная языковая политика. В статье М. Н. Эпштейна прочла: «Во многих ведущих американских газетах и журналах есть регулярные колонки и рубрики, посвященные состоянию английского языка. Лингвисты, журналисты, писатели обсуждают динамику языкового развития, проблемы словообразования, критикуют или поддерживают те или иные новые слова, идиомы, речевые обороты, стилевые тенденции. Английский язык — в центре внимания американского общества...». Чего не скажешь о нас. Иногда, правда, прокатывается волна общественных дискуссий на предмет признания допустимости сочетания *черное кофе*, например, или в защиту отрыва одной буквы от морфемы при переносе слова. Но все это, на мой взгляд, слишком несущественные для русского языка поводы публичных обсуждений. Готова принять *кофе* даже как существительное женского рода, лишь бы школа и вуз учили владеть русским языком, общаться на нем, создавая отвечающие замыслу создателя тексты, устные и письменные, и адекватно понимая сказанное или написанное кем-то. Пока что школа не справляется со своими задачами, и не только по части русского языка. Преподаватели вузов сетуют, что первокурсники плохо знают школьный курс математики, выход один — им вводят дополнительную дисциплину «Основы математики», отодвигая всю вузовскую программу. То же и с химией, физикой, историей — появляются «Основы химии» и т.д. С русским языком картина аналогичная. Не говорю об орфографии: она стала общим стоном педагогов, да, в конце концов, правильность написания — не самое главное в языке. Но не могу не вспомнить примеры высказываний молодых людей, приведенные в статье того же Александра Привалова: *мёртвому при парке, как Христос за пазухой, в ежовых рукавах, не на вящего, пожимать плоды*, — свидетельства полного непонимания говорящим смысла произносимого. А ведь еще великий Гумбольдт видел в национальном языке средоточие «духа народа». Сегодня мы редко читаем Ломоносова и Тредиаковского — основоположников русского стихосложения: язык XVIII столетия труден для нас, но с нами Пушкин — родоначальник русского литературного языка — и великие русские классики XIX — XX века. Не хотелось бы расстаться с ними.

Интервью с Ольгой Константиновной КРОКИНСКОЙ

**«Я бы не сказала, что меняются студенты.
Меняется — и не в лучшую сторону — университет»**

Крокинская О. К. — окончила Гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, отделение истории (1972 г.), доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук РГПУ им. А.И.Герцена с 2002 г. Основные области научного интереса: социология образования, социология культуры, социология гражданского общества, когнитивная социология, социосемиотика
Интервью состоялось: январь-сентябрь 2015 г.

Конец сентября 2015 года. Двенадцать месяцев назад было завершено лишь немногим более 80 интервью с российскими социологами, и далекой мечтой казалось достижение сотни интервью. Сейчас их — 133 в галерее книги «Интервью с коллегами-социологами» и еще несколько закончено, но пока не размещено на сайте. Однако, заметное количественное приращение биографической информации — не главный итог проделанной за год работы. Пару месяцев назад я задумал сворачивать процесс интервьюирования, уже тогда переход от накопления данных к их анализу представлялся оправданным. Сейчас в таком решении вообще не приходится сомневаться.

Отмечу, не организационные моменты детерминировали мое решение о завершении процесса интервьюирования (хотя и они учитывались), но методологические. Такое решение базировалось на концепции «матрицы событий», или «событийного каркаса», которые строятся на основе изучения биографий социологов.

По своей природе «матрица», или «каркас», это особого рода знаковые модели для описания пространства событий, упоминаемых социологами в наших беседах. Пока число проведенных интервью оставалось небольшим, в каждом новом «разговоре» появлялись какие-то новые ситуации, значимые для понимания становления и развития социологии как науки или нашего профессионального сообщества. Так постепенно матрица заполнялась. Но по мере увеличения числа интервью, количество новых, т.е. не встречавшихся ранее в интервью, ситуаций уменьшалась, т.е. в матрице не появлялось новых «клеток». Происходило лишь усиление плотности отдельных зон нашего воображаемого пространства. Имеет смысл говорить о «матрице», или «каркасе», применительно к конкретному поколению, группе последовательных поколений или применительно к всему социологическому сообществу.

«Лабораторно» эта концепция тестировалась мною с середины 2013 года, а впервые я сказал о ней летом 2014 года в дискуссии с Л.А. Козловой при обсуждении итогов десятилетней работы над моим историко-социологическим проектом. Тогда в моем архиве насчитывалось всего 60 интервью, 56 из которых были с социологами первых четырех поколений, т.е., родившимся не позже 1958 года (Таблица 1). Кроме того, три социолога принадлежали к V поколению и один – к VI когорте. Так что материал для построения матрицы, конструирования каркаса был ограниченным и в количественном, и в качественном отношении.

К настоящему моменту возможности для построения таких матриц и аналитических операций в рамках описанного модельного пространства принципиально обогатились (Таблица 1). Полсотни представителей V-VII поколений – это интереснейший, богатейший материал для изучения трендов в развитии постсоветской социологии. Это – новая общность, изучение которой позволяет заглянуть в наше будущее и лучше понять прошлое.

Таблица 1

Структура опрошенных (на конец сентября 2015 года)

Поколение социологов	Годы рождения	Количество интервью		Социально-хронологическое название поколения
		2014, июнь	2015, сентябрь	
Первое	1923–1934	8	8	«Шестидесятники» (первая волна)
Второе	Конец 1920-х – 1934	12	13	«Шестидесятники» (вторая волна)
Третье	1935–1946	21	27	Военное
Четвертое	1947–1958	15	35	Первое послевоенное
Пятое	1959–1970	3	20	Постоттепельное
Шестое	1971–1982	1	20	Предперестроечное (годы застоя)
Седьмое	1983–1994	0	10	Дети перестройки
Итого		60	131	

Интервью с Ольгой Константиновной Крокинской – социологом IV поколения из Санкт-Петербурга – документ, очень интересный, многоплановый, он – об истории страны, об истории социологии, об истории ее семьи и, конечно

же, о ее вхождении в социологию и продолжительном периоде работы в ней. Причем, это не упоминание происходившего, а детальное описание, в котором – как правило – четко обнаруживается авторская позиция. Мы говорили долго, начали 6 января 2015 года и закончили в начале второй декады сентября. Конечно, было несколько перерывов, но в целом же работа шла постоянно. Я не торопил Ольгу, а она каждый раз присылала мне очень развернутые ответы на мои вопросы. Общий объем нашего интервью – 4,5 листа. Это – небольшая книга.

Размер текста интервью – немалый, но и не самый выдающийся. В моей практике есть несколько интервью примерно такого размера, есть и более «крупные». Но, можно сказать, что интервью с Крокинской – наиболее исторично. Оно охватывает более продолжительный период времени, чем другие интервью подобного размера. К нему приближается по размеру и по охвату описываемого времени лишь интервью с Ю.Г. Вешнинским, московским социологом архитектуры, представляющим III поколение социологов. Безусловно в процессе будущего анализа собранной информации мне придется множество раз обращаться к его воспоминаниям, по крайней мере в силу «присутствия» в них нескольких ключевых в истории культуры фигур. Но в целом это интервью – более камерное, менее историко-социологично, чем информация, которой поделилась Ольга Крокинская.

Первичная социализация Ольги прошла в послевоенной Самаре (тогда Куйбышеве), историческое образование она получила в Новосибирском университете, защитив диплом по историко-социологической теме, которую она развивала в опоре на редко использовавшийся в то время (1972 г.) биографический метод. Через два года она стала работать в Ленинграде в Научно-исследовательском институте комплексных социальных исследований (НИИКСИ) – одном из сильнейших в городе социологических центров. В настоящее время Крокинская – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук Российского государственного университета им. А. И. Герцена (с 20?? г.). Таким образом, ее рассказ охватывает многие стороны развития социологии и социологического сообщества в Ленинграде-Петербурге за последние четыре с лишним десятилетия.

Москва представлена в моем архиве наибольшим числом социологов (53 человека), за ней следует Санкт-Петербург (46 человек). Поэтому можно было бы ожидать, что к настоящему времени матрица событий применительно к развитию ленинградско-петербургской социологии должна включать себя многое из происходившего в развитии социологии города и в самом научном (социологическом) сообществе. Так оно и оказалось. Содержание интервью с Ольгой Крокинской в принципе может быть в его значительной части «распределено» между уже существующими клетками матрицы, в частности, все ведущие социологи НИИКСИ, имена которых называл мой собеседник, присутствуют в рассказах ранее опрошенных социологов, в разные годы работавших в этом институте: В. Я. Ельмеева, Я. И. Гилинского, Р. С. Могилевского, Л. В. Пановой, А. А. Русалиновой и Е. Э. Смирновой.

Таким образом, уже первичное рассмотрение материалов интервью с Крокинской подводит нас к уточнению процедуры изучения матрицы событий (или каркаса событий). По-видимому, в будущем целесообразно говорить

макроанализе пространства событий, фокусированном на исследовании «плотных», «тяжелых» клеток матрицы, и микроанализе, в центре внимания которого должны быть «легкие», «единичные» события.

**Крокинская О. К.: «Я бы не сказала,
что меняются студенты.
Меняется — и не в лучшую сторону — университет»**

Ольга, в конце 2014 года на сайте Когита.Ру было небольшая заметка под названием «Беседа о корнях с Ольгой Крокинской». В ней сообщается о Вашем выступлении в Интерьерном театре с рассказом о Вашей семье. Есть там и такие слова: «Её отец, Константин Крокинский, был узником Бухенвальда, участвовал в лагерном подполье и восстании 11 апреля 1945 года...».

Пожалуйста, давайте и наш разговор начнем с истории Вашей семьи.

Здравствуйтесь, Борис Зусманович. Мне очень приятно Ваше предложение. Уже до нас, грешных, дело дошло? Второй, а скорее, третий уже эшелон... С трудом себе представляю, чем могу пополнить Вашу копилку, вряд ли в моей практике есть что-то очень уж существенное для отечественной науки. И, честно, особой памяти на события у меня нет, не то, что у Лены Смирновой. В человеческих и клановых отношениях нашей корпорации я совершенно не разбираюсь, никогда ни в какие тусовки не входила. Но с удовольствием напоминаю, что когда-то давно никто иной, как Вы давали мне рекомендацию в СПАС — Питерскую социологическую ассоциацию (только тогда она, кажется, как-то по-другому называлась).

Вот, думаю... Подумала... Что ж, я согласна, и буду очень стараться рассказать что-то интересное. По Вашему предложению, перехожу на обращение по имени.

Здравствуйтесь, Борис. Начинаю свое повествование. Как говорится, «I was born...»

Я родилась в городе Куйбышеве 29 февраля 1948 года. Как видите, матушка умудрилась родить меня в особенный день, что до сих пор приносит мне много разных приятных последствий. Во-первых, в високосные годы у меня вал поздравлений, все вспоминают, что кто-то у них на этот день есть, а теперь, на просторах Facebook'а, который неустанно напоминает о днях рождения друзей и подписчиков, и того пуще; во-вторых, почему-то считается, что если ДР случается один раз в 4 года, то это помогает быть всё ещё чуть ли не подростком, ведь еще и до 17 законных циклов не добралась; ну, а в-третьих, я и сама с детства считала, что такой особенный день рождения придает и мне самой некоторую особенность. По этой ли причине, или по какой-то другой, я довольно рано стала себя осознавать и сознательно «строить» — так, как считала правильным.

Родной свой город, который и сейчас очень люблю, мы в детской нашей компании, да и потом, редко называли именем Куйбышев, гораздо чаще Самарой, — первым историческим именем, который ему вернули в 1990-е годы, когда возвращение имен было важным трендом культурной политики. При этом о самом Валериане Владимировиче Куйбышеве, в отличие от других советских деятелей, я никогда ничего плохого не слышала. Может быть, по этой причине в городе до сих пор есть площадь Куйбышева, памятник Куйбышеву и улица Куйбышева, на которой мы и жили.

Мои родители принадлежали, как сказали бы сейчас, к нижней страте советского среднего класса. Мама была учительницей начальной школы, отец работал в Облпотребсоюзе. Вот, думала облпотребсоюз – сугубо советское явление, а оказалось, оно живет и, может быть, даже процветает. Да и как не жить, если это нормальная рыночная система закупок и продаж местной сельскохозяйственной продукции, связывающая производителя и потребителя, в том числе, в городах. И в городах (в Куйбышеве тоже, я их помню) были специальные магазины с товаром, явно отличающимся от фабрично-заводского. Конечно, в СССР под присмотром государства, с участием госкапитала, но все же какой-ни-какой рыночный товарообмен, живое и, наверное, во многом теневое дело, в котором знаменитое советское «достать» вместо «купить» было еще более естественным, чем в советской торговле вообще. Наверное, по этой причине мы с моими двоюродными братом и сестрой в детстве щеголяли в цигейковых шубках тигровой расцветки, которые доставал папа. Есть довольно смешные фотографии, где я в возрасте лет 3-х лет с отцом на демонстрации 7 ноября фигурирую, как говорила мама, с флажком и в этой шубе до пят.

Мама была хорошей учительницей, ребята ее любили, бывали у нас дома, навещали ее и учась уже в старших классах. Все-таки в Союзе «учительница первая моя» – человек, очень уважаемый и часто любимый, в песнях прославленный, которые все пели. А тут – и по правде: выдумщица была, строгая, но заводная, активная, всё какие-то наглядные пособия придумывала и меня в их изготовление вовлекала с раннего возраста. Тетради по русскому языку доверяла мне проверять, когда я еще и в школу не ходила! Потому что лет с 4-х уже умела читать и писать, и как-то это само собой получилось, специально она меня не учила.

Но это все – уже в 1950-е годы, а до войны жизнь и история изрядно потрепали молодых тогда моих родителей. Мама – Евдокия Николаевна Федорова, в семье Дуся, – была одной из 11 детей своего отца, крестьянина села Алексеевка Самарской губернии – зажиточного хозяина, в соответствующее время, конечно, раскулаченного. Семью и детей в результате разбросало по Поволжью и Средней Азии, из своих дядьев и теток я знала только четверых. Мама оказалась сначала в городе Хвалынске, работала там в семье инженера нянкой, училась на рабфаке и после рабфака стала учительницей, и оставалась ею до выхода на пенсию. Карьеры такая работа не предусматривала. А она могла бы, способности были. Тут непременно надо сказать, что семья моего деда была молоканская. Молокане – разновидность, течение, движение или субкультура т.н. «духовных христиан», т.е. христиан, исповедующих Учение Христа «в Духе», а не в церкви, у них нет храмов, священников и многих обрядов православия, наоборот, по стилю жизненных установок и образу жизни их часто сравнивают с протестантами.

На примере мамы и ее семьи я думаю, что это имеет основания. Вот о Боге, религии, ритуалах я от нее никогда ничего не слышала (впрочем, она же была комсомолка, рабфаковка), а вот все, что касается труда, работы, любого дела было для нее абсолютом. В любую минуту ее руки были там, где происходило что-то практическое. От нее я научилась шить, и вплоть до прихода общества потребления, то есть все время скудного существования в условиях дефицита, шила всё – от носового платка и трусов до костюмов и пальто, для себя, мужа и сына. Она физически не выносила того, что считала бездельем: «Не сиди про-

сто так, делай что-нибудь» – было ее жестким требованием. При этом модница, шеголиха, лет до 80-ти ходила в туфлях на высоких каблуках, и звалась отнюдь не Дусей, а Диной – в честь Дины Дурбин, конечно, облику которой в одежде и причёске она долго подражала. Так и осталась до конца жизни Диной Николаевной.

Мама оставила мемуары! Писала их, выйдя на пенсию, думаю именно для того, чтобы «что-то делать», хотя и на пенсии продолжала работать. Когда и я все-таки выйду на пенсию, то первое, что сделаю – переведу мамины мемуары в электронную форму, а может, и опубликую, потому что это замечательный документ эпохи. Там есть картины крестьянского «кулаческого» детства, сюжеты, связанные с семейными отношениями, хозяйством, развлечениями, и написано это таким живым, богатым языком, что право, достойно публикации. И – что в свое время произвело на меня очень сильное, уже исследовательское, впечатление – язык этот исчезает, становится советским и суконным, когда она пишет о годах своей жизни в Хвалынске и Самаре.

С историей и жизнью моего отца, Константина Мироновича Крокинского, связано много неясного. Известно, что он по происхождению поляк, польский еврей, мальчиком бежал с братом из Польши во время советско-польской войны 1920-х годов. Следы брата совершенно затерялись, а он оказался в Самаре, где в 1939 году они с мамой поженились. Во время войны он попал в плен и содержался в Бухенвальде. Вернулся в 1946 году, а в 1952-м умер от полученного в лагере туберкулеза. Я всегда знала о плене и Бухенвальде, но очень глухо, мама не любила об этом говорить, а я была слишком мала, чтобы самой узнать это от отца. Да и то правда, что ни доблестью, ни подвигом это не считалось. От послелатерных репрессий отца спас, видимо, туберкулез и участие в восстании в апреле 1945 года. То, что я об этом знаю, я знаю из книг, одна из которых есть дома (маленькая книжка Олега Моисеева «Ключ от берлинской квартиры», 1965 года издания), а несколько других знаю уже по текстам, найденным в Интернете. Это, в основном, воспоминания узников о многонациональной подпольной организации в лагере, которая, зная о приближении союзнических войск, смогла выступить изнутри лагеря, этим остановить его работу и спасти, возможно, тысячи узников от готовившегося уничтожения. Из этих воспоминаний я знаю, что отец входил в одну из подпольных групп, готовивших восстание, и был связным в группе руководителя восстания Николая Кюнга.

От мамы я знаю только два эпизода, связанных с лагерем. Один, известный и из других источников факт, касающийся методов расчеловечивания, характерных для нацистской машины концлагерей, которая имела целью не только физическое уничтожение человека, но и, может быть, прежде всего, уничтожение, стирание его личности. Уже на исходе своей жизни мама рассказывала, что заключенным, выводимым из лагеря на внешние работы, чтобы пройти через ворота лагеря, надо было оттолкнуть рукой уже разлагающийся труп кого-то из умерших товарищей. А второе – что к нам домой приходил писатель Константин Симонов, собиравший материал для книги о Бухенвальде. Но книга эта осталась не написанной и не изданной.

Еще одна неясность, даже тайна, связанная с отцом – это его фамилия. Она уникальна, своих однофамильцев я никогда не встречала, и мои – правда, не очень активные – поиски в интернете никакого результата не принесли. В итоге я думаю, что фамилия его произошла из писарской ошибки, особенно если

учесть обстоятельства появления и регистрации беженцев из воюющих стран в 1920-е годы. Буквально несколько недель назад возник новый след, который ведет не в Америку, как я думала, поскольку именно туда стремились, в основном беженцы из Польши, а в Германию. Что ж, попробую.

Его фамилия – это и моя фамилия, в замужестве я ее не меняла, потому что папа меня об этом просил. Я нашла эту просьбу среди бумаг и старых документов, когда мне было лет 16, в адресованном мне письме из больницы, где он вскоре умер.

Несмотря на тяготы, страдания и пережитой лагерный ужас, папа был замечательно светлым, эмоционально теплым человеком. Так говорила о нем моя тетушка Люба, мамина сестра, мой двоюродный брат, который после войны был уже подростком и хорошо его помнит, так помню его я по нескольким эпизодам детской памяти, и так я его понимаю, глядя на фотографии. А поскольку мама, нередко упрекая меня в своеволии и упрямстве, которые я считала просто желанием отстоять собственное мнение, сопровождала это словами «Вот, папенька родимый», – то я считаю себя папиной дочкой и совершенно сознательно всю жизнь себя с ним, с его образом, соотношу.

Рассказывая о семье, я должна – и очень хочу – назвать еще бабушку. Христина Семеновна Сенчурина – не родной для моей семьи человек, просто соседка по двору, была мне любимой и единственной бабушкой. Других – ни со стороны мамы, ни, естественно, со стороны отца, не было. Христина Семеновна, баба Хрестя, казачка, участница гражданской войны, вместе с мужем и моим, выходит, дедушкой, а для меня именно так, воевала в составе Первой конной армии, а после уже Отечественной войны жила в крохотной комнатке на подселении к богатой семье других наших соседей. Мама, оставшись после смерти отца одна, работала в две смены, а соседку просто просила за мной присмотреть. Ну, она и присматривала, и стала совершенно родная. Я даже считаю ее своей главной воспитательницей, ее добро и ласку помню всегда. Мне было 12 лет, когда она умерла, и мама получила меня «готовенькой» – в сущности мало знакомую девочку, наверное, не совсем такую, как ей хотелось. И здесь возникает развилка моей биографии, которая привела меня в результате в Новосибирск, в университет и в социологию.

Но перед этим была школа.

Да, конечно, о школе... детям из семей, в которых родители – учителя, часто трудно в школах... повспоминайте, и не только учебу, но жизнь вне школы...

Итак, школа. Сразу вспомнились две песни – «Школьные годы чудесные» и «Школьный вальс»:

Вот это:

«В первый погожий сентябрьский денек
Робко входил я под светлые своды,
Первый учебник и первый урок –
Так начинаются школьные годы...»

И вот это:

«Давно, друзья веселые,
простились мы со школою,
но каждый год мы в свой приходим класс.
В саду березки с кленами
встречают нас поклонами
и школьный вальс опять звучи ..»

Всем знакомые и любимые, они пелись с искренним чувством, и ощущением причастности тому, о чем поется. Вообще образ Советского Союза – светлый несмотря на полное понимание, что он собой представлял на самом деле, – это, во многом, именно из-за прекрасных песен, которые через мелодическую красоту и правильные слова сообщали нам возвышенные чувства и светлые эмоции. И очень важно для понимания той, ушедшей, культуры, что их можно было не только слушать в более или менее официальном исполнении, но и петь самим – в одиночку и в компании, за столом и просто так. Нынешние категорически не поются. А значит, осмелюсь предположить, не будет долгой памяти у нынешней эпохи.

И опять-таки, несмотря на полное, в том числе, профессиональное понимание нашего общего прошлого, с уверенностью говорю: мне в жизни очень повезло. Я действительно считаю свои школьные годы чудесными, люблю свою школу и многое о ней помню. Во второй половине 1990-х годов, работая в Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования (бывший Институт повышения квалификации учителей, бывший Университет педагогического мастерства) на кафедре под руководством Елены Эмильевны Смирновой мы провели несколько крупных и интересных по результатам исследований школьной жизни Санкт-Петербурга. Не оцененных по достоинству, потому что почти не опубликованных – трудно тогда было публиковаться. В одном из моих собственных проектов в школе, где я числилась научным руководителем (да, вот такие «лихие» 1990-е, когда в школах вспыхнуло массовое экспериментальное и исследовательское движение, да такое, что понадобились научные руководители, чтобы уж не совсем было доморощенное) – так вот, в одной из питерских школ в моем собственном проекте, направленном на организацию детского самоуправления в школе, отвечая на вопросы, заданные методом незаконченного предложения, старшеклассники сформировали такую вот смысловую оппозицию: на одном полюсе «Школа это – дом, второй дом, родной дом, процентов 16–20% таких ответов, хоть и стереотипных, но искренних (дети никогда в социсследованиях не врут), а на другом полюсе – ад, скука, дурдом, каторга, тюрьма, еще 12%.

Не могу сказать, что для меня школа была «второй дом», в каком-то смысле это было лучше, чем дом – демократичнее, веселее, а главное, важнее с точки зрения самосознания и самооценки. Школа мне их сильно поднимала и укрепляла. Меня там любили и ценили. Да и то сказать: активная пионерка, комсомолка, участница художественной самодеятельности – пела, читала стихи, играла в школьных спектаклях, но не заносилась, не «звездила». Многие всерьез считали, что дорога моя – в артистки. Я и сама так считала, но два обстоятельства развернули судьбу в другом направлении. Об этом – ниже.

В школе № 15 города Куйбышева я проучилась от первого звонка до последнего – и в символическом смысле слова, и в буквальном. Школа была на хорошем счету, туда шли учиться дети и ближайших, и отдаленных кварталов. Не исключено, что была в этом какая-то давняя традиция, потому что школа как бы наследовала знаменитой самарской женской гимназии Нины Андреевны Хардиной, чье имя она сейчас носит. В годы моей учебы мы тоже это знали, но в титуле, конечно, не имели. Зато всем был известен сопутствующий исторический факт, что в соседнем доме бывал В.И.Ленин, о чем там висела мемориальная доска.

Итак, по традиции или по стечению обстоятельств крупного промышленного города с секретным авиа- и космическим производством, в моей школе были прекрасные учителя – замечательные, яркие люди, навсегда оставшиеся в памяти. Многих могла бы перечислить по именам и рассказать разные забавные и серьезные, связанные с ними, случаи, но сейчас не буду этого делать, оставляю до мемуаров. Назову два имени: Фрида Яковлевна Либрейх и Евгения Александровна Матульская. Фрида Яковлевна – учительница математики. Почему я вспоминаю ее, хотя математика никак не была и не стала для меня чем-то путеводным? Потому что за нею чувствовалась наследственная педагогическая и учительская культура. Я бы сказала, если это можно сказать о маленькой, полненькой, кудрявой женщине, – что это была такая глыба, такая твердыня, на которой можно было строить храм школы, да простится мне здесь евангельская аналогия. Мы не были очень близки, но ее влияние я чувствовала и тогда, и теперь. Кстати, многие мои одноклассники как раз пошли по естественнонаучной и математической стезе, закончили Политехнический институт и стали специалистами как раз авиационного и космического профиля.

Тот факт, что моя мама учительница, для моей школьной жизни не играл ровно никакой роли. Только один раз, перешедшая к нам из маминой школы учительница химии среагировала на фамилию, вызвала отвечать на первом же уроке, но, поскольку у меня с химией все было в порядке, осталась довольна и больше никак не отличала меня от остальных ребят.

Главный мой педагог – Евгения Александровна Матульская, учительница русского языка и литературы с 7-го по 11-й класс. Высокая, крупная, статная и, такое впечатление, что всегда в одном и том же темном длинном платье с белым воротничком. Между собой мы звали ее, конечно, Тетя Женя. В ней все было крупное – гладко причесанная голова с гордой посадкой, руки, ноги, горбатый нос под очками, голос. Властное, мало улыбающееся лицо. Воплощенная строгость, никаких скидок никому. Но это с ней – школьный театр, серьезные роли, костюмы, взятые в драмтеатре, стихи. Она и сама читала нам на уроках совсем не предусмотренных тогда программой Есенина, Гумилева, Ахматову, Цветаеву. Так читала, что крупный нос ее краснел, очки запотевали, на глаза наворачивались слезы, мы все замирали (от Тети Жени такие эмоции сильно впечатляли), и через все это мы лучше понимали, что такое поэзия – что это «не вздохи на скамейке и не прогулки при луне», что это всегда драма.

Я у нее была не то, чтобы в любимицах (это вообще не про нее), но на примете. Часто она поручала мне на уроках читать вслух тексты изучаемых произведений, роли давала сильные, драматические – Рашель в «Вассе Железновой», Алена Дмитриевна в «Купце Калашникове», пятерка, конечно, была по русскому и литературе. Но не этим только брала, не этим, а чем-то более настоящим, и в нас хотела видеть настоящих людей, вот почему без скидок. У меня с ней было несколько воспитательных коллизий.

Вообще-то я честно не понимаю, что такое воспитание как отдельная работа или отдельная деятельность. А вот сейчас, когда мановением чьей-то методической руки (не головы, точно) мне поручен курс «Социология воспитания» в нескольких университетских группах, об этом приходится специально думать. И все равно не получается, кроме как вообразить нечто вроде советской системы воспитательных мероприятий – тематических экскурсий, встреч с вете-

ранами, пионерских сборов, «линеек», политинформаций и т.д. с моралью типа «Все будем брать пример с Маши Канарейкиной и Льва Толстого», как в фильме «Доживем до понедельника». Но ведь мероприятия это одно, а собственно воспитательный результат – это другое, и не факт, что достигали именно того, чего хотели. Может быть, по этой причине нет и сложившейся научной дисциплины «социология воспитания», ибо предмет исследования расплывается? Но учебный курс все равно, как в старом анекдоте, должен быть, тем более, в педагогическом университете. А вот в жизни воспитательные коллизии не просто встречаются, из них, собственно, и состоит педагогическое взаимодействие, причем совсем не обязательно учителя и ученика, а, как внушают мне студенты, любое взаимодействие, в том числе, друг с другом. Надо бы к ним прислушаться.

Так вот, мои воспитательные коллизии с Тетей Женей, точнее, у нее со мной. Их было несколько, по сути касавшихся таких фундаментальных для личности опор, как человеческое лицо и человеческое достоинство, уважение и самоуважение, долг, умственная дисциплина. Слов таких, разумеется, не произносилось, смысл происходившего стал мне понятен много позже, и, может быть, только сейчас я готова сказать, что вот это и было воспитанием. Расскажу один случай. Восьмой класс, «Евгений Онегин», сочинение. Вместо стандартной темы «Онегин – “лишний человек”», такое идеологическое, революционно-демократическое понимание героя, Тетя Женя задает другую. Точно не помню, но что-то вроде «Мое отношение к Онегину». Чуть-чуть поворот от наезженной колеи, проложенной миллионами школьников до тебя и, как выясняется, после тебя. С изумлением узнала, что сочинения на эту тему в школах пишут до сих пор: в Яндексе 364 000 ответов на эти ключевые слова! И вот я отчетливо помню свои ощущения при необходимости сделать что-то за рамками простого пересказа учебника. Это было нежелание напрягаться, нежелание заставить мозг работать в непривычном направлении. Сегодня я знаю, что для производства на свет мысли требуется не просто интеллектуальное, но именно личностное усилие, преодолевающее стремление мозга сохранять состояние покоя, а тогда – вот только это: нежелание напрягаться. Ну, и написала всё того же «лишнего человека». Результат шоковый, потому что никогда раньше! – это у меня-то, которую без конца вызывали к доске зачитывать свои сочинения! – жирнущая двойка и обоснование: «Сочинение не на тему». Запомнила на всю жизнь и с тех пор беспощадно борюсь с соблазнами умственной лени. Более того, теперь в моем миропонимании этот урок существует рядом с императивом интеллектуальной честности Карла Поппера. И это, несомненно, явление воспитания, где рядом с Карлом Поппером – Евгения Александровна Матульская.

Что еще рассказать о школе? Доля прожитых в ней лет численно уменьшается – половина, треть, четверть, сейчас одна шестая (или уже седьмая? – ужас-то какой!) – а значение их не снижается, и, может быть, даже растет. Потому что школа – это прежде всего класс, друзья, подруги, дружба, любовь. Никуда не денешься, никакой оригинальности здесь нет, это классика, в том числе, по исследовательским данным. В начале учебы, в первом классе, нас было больше 40 человек, к окончанию 11-го осталось 27, и треть из нас закончили школу с золотыми и серебряными медалями. Это тоже к тому, какие были учителя.

Кто-то уходил из класса, кто-то приходил, но сохранялось ядро — бóльшая часть моих одноклассников и кое-кто из параллельных, составляли плотную, дружную компанию.

По способу существования наша ядерная группа представляла собой непрерывную, по-научному сказать, коммуникацию, а по-простому, тусовку, когда в каждый момент времени ты знаешь, где кто находится и что делает (в наши дни надо добавить — при отсутствии мобильных телефонов!); можно было в любое время собраться и что-то затеять, куда-то поехать, просто пройтись по набережной Волги, что класса с 9-го мы делали чуть ли не каждый вечер. И прогуливающиеся граждане знали: 9-«А» идет, потом 10-й... Эта тусовка — как еще одна колыбель, в которой «вынынчивается», вырабатывается человеческая личность и индивидуальность. Среди нас случались и любви, очень сильные, на всю жизнь, но на пары мы никогда не разбивались, и семей из этих любовей не состоялось. Этих моих детских друзей, от которых я после школы уехала, я очень люблю и до сих пор ощущаю как часть себя. Встречаясь, мы начинаем общаться, как будто расстались всего несколько часов назад.

Две мои ближайшие подруги уехали из России. Одна в Америку, и Америка подарила ей ещё десять лет жизни к отпущенным природой, вторая — раньше многих почувствовав опасность жизни в стране, в Москве, и, как она говорила, спасая детей, — в Австралию. Обоих уже нет, но они все равно со мной. Третья подружка по-прежнему живет в Самаре, всё у нее хорошо. И вот она, с которой мы через много лет жизни в разных городах однажды явились на встречу друзей чуть ли не в одинаковых, очень похожих по стилю, платьях, с которой, не сговариваясь, могли начать петь одну и ту же песню с одной и той же ноты, — теперь она сильно переживает за оставшихся на Украине родственников, но верит всему, что несет с экрана телевизора. Я не могу вторгаться в атмосферу ее семьи и идейно отрывать от пожилой мамы, мужа и сына, но, зная, что она заглядывает на мою страничку Фейсбука, кое-что пишу там и публикую в расчете на то, что она прочтет. Знаю, что читает. Но, так же не вступая в спор, «постит» там почти исключительно кулинарные рецепты, да отзывается на фотографии кота Ёжика. Вот так и общаемся. И это очень и очень печально.

Еще кое-что о Кубышеве и школе. О еврействе. В Куйбышеве было много евреев. Во дворе моего дома жили две еврейские семьи, одна — бедная, многодетная, в подвале, другая состоятельная — в «переднем доме», бывшем доме купца Акима Жоголева. У них еще была черная овчарка Гаяр. И у нас в школе евреев было немало — и учеников, и учителей. В классе, думаю, что до трети, разного уровня достатка и успешности в учебе. Но это я теперь понимаю! — а тогда совершенно отсутствовало само это обозначение, по национальности, не говоря уже о «национальном вопроса», которого не было и в помине. Такой заповедник, особенно на фоне послевоенной антисемитской кампании. Потому что провинция, а не столица? Потому что врачи и учителя, а не писатели и ученые? Или потому что их просто много, а против большой доли населения кампанию не раскрутишь? Не знаю, честно, никогда об этом не думала. Сейчас многие уехали, конечно. По Петербургу чувствую, насколько много. Вернее, по сравнению Петербурга с Литвой. Оказалась в Литве два года назад и поняла, что просто вижу характерные лица, а Питере их практически нет.

Что ж, пора заканчивать эту часть интервью. Поэтому еще одна история про школу, имеющая отношение уже к следующему жизненному периоду.

В 11-м классе к нам пришел новый учитель истории, Феликс Яковлевич Гуревич – молодой красавец с пышной шевелюрой, горящими глазами и необыкновенным педагогическим талантом. Напрашивается сказать, что девчонки в него влюбились – но нет, это было что-то другое. С ним и история стала самым интересным предметом, и отношения сложились просто невероятные для школы. Во-первых, он обращался к нам на «Вы», говорил, что в 11-м классе мы почти уже студенты, приглашал к себе домой, где мы пели с ним под его гитару и пили вино (белое, легкое, вкусное, не портвейн какой-нибудь, который мы пили сами по себе). И вот, уже после выпускных экзаменов, я гордо сообщила ему, что решила поступать «на историю». А в ответ услышала: «Ну и дура» (в смысле, надо было в театральный институт) – такая вот педагогика замечательная. Не шучу, действительно замечательная, потому что здесь всё – и свойскость, из-за которой суждение принимается как истина, и оценка тех моих способностей, которые я сама для себя считала главными, что тоже было очень приятно. А вот и еще невероятный факт: Феликс Яковлевич до сих пор работает учителем истории в каком-то колледже. Изменения в нем коснулись, кажется, только шевелюры. Малюсенькая фотография показывает нам седоватого и лысоватого человека. Но разве это важно, если до сих пор девчонки пишут о нем восторженные сетевые сообщения? Откуда я это знаю? Велик Интернет, хвала ему!

В моем решении идти учиться истории, а не в артистки, сыграла судьбоносную роль мама. Она и слышать не хотела ни о какой Москве с ее театральными перспективами! В результате просто заперла меня дома на ключ, пошла и своими руками купила билет в Новосибирск, потому что так ей казалось безопаснее для девочки, пускающей в автономное плавание. Дело в том, что годом раньше в Новосибирск, в университет, в знаменитый тогда Академгородок, уехал учиться мой приятель, сын маминой подруги, и от него весь год шли письма о том, как там хорошо. Думаю, что были у мамы и брачно-семейные планы в отношении нас обоих, но здесь дело повернулось по-другому. Итак, престиж Академгородка и перспектива учиться не в пединституте города Куйбышева, а в университете в научном центре перевесили мечты об актерской карьере. Закончила я школу с Золотой медалью и поехала одна, сама, в неизвестность, в Новосибирск. Провожали меня всем классом.

И вот еще что: наверное, в этом решении была своя истина, которая подспудно тоже как-то проросла. Однажды мы с подружками играли в судьбу, писали друг другу всякие гадания-пожелания. И вот совершенно неожиданно моя ближайшая, любимая подружка Люся пророчит мне что-то совершенно несуразное: «философский техникум». Ну, техникум, я думаю, перекочевал сюда из местного самарского мема «мукомольный техникум», которым страшили нерадивых учеников – но откуда философский, когда мы и слова-то такого толком не знали? Может, я так усиленно и выразительно думала, что это стало заметно? Но я за собой этого не помню, хоть убей.

Оля, спасибо, так полно и живо, что все вижу... хотелось лишь узнать, что читало в Куйбышеве Ваше поколение?

Коротко говоря, читали все подряд, кроме газеты «Правда» и вообще газет. Журнал «Юность» очень даже читали, «Новый мир», когда удавалось достать или получить на время. Однако, по порядку.

Читать было одной из самых существенных сторон образа жизни вообще. На вопросы о любимом занятии честно и убежденно отвечали: «читать». Вот только не припомню, кто задавал такие вопросы в отсутствие социологов. Наверное, какие-то полуразвлекательные странички как раз в детских или юношеских журналах.

Более или менее читали литературу по школьной программе. Где-то классе в 10-м Евгения Александровна, рассказ о которой был выше по тексту, задала тему домашнего сочинения, связанную со всем школьным курсом литературы. Точную формулировку не помню, но, следуя ей, пришлось написать нечто вроде очерка или рецензии на весь пройденный курс. Выяснилось, что ко всем великим, составившим этот комpendиум, так или иначе сложилось определенное отношение, о каждом удалось сказать что-то личное. Выразив особые восторги А.Пушкину (абсолютно искренние, не дежурные) и В.Маяковскому, отказала в них, например, М.Лермонтову, чей демонизм и пафос оказались мне не близки. А Пушкин и Маяковский парадоксально близки, понятны, в том числе, эстетически, хотя один из них, как известно, предлагал сбросить другого «с корабля современности».

Лермонтова, тем не менее, читала со сцены, точнее, играла в инсценировке «Песни о купце Калашникове» Алену Дмитриевну. Не стану утверждать, что были нами полностью поняты драма опозоренной жены и смертного боя Степана Калашникова за свое человеческое достоинство, и тем более, метафора царского всевластия и вседозволенности царской челяди, но страсти со школьной сцены звучали неслабые. Хотя все эти «Ой ты, гой еси, царь Иван Васильевич» уже тогда казались очень искусственными. А соображение, что это, возможно, парафраз гибели А.Пушкина пришло вообще только вот прямо сейчас, под умудренным, так сказать, пером. Впрочем, сюжет более чем архетипический. Вот, оказывается, зачем нужны мемуары – для демонстрации благоприобретенной мудрости!

Тогда же поймала себя на том, что не восхищаюсь Л. Толстым, или даже откровенно его не люблю. За Анну Каренину не люблю, бросившую маленького сына ради... – ради кого? – слово «любовник» было стыдным и, строго говоря, непонятным, а что такое любовь – такая, чтобы бросить сына – я и сейчас не понимаю. Особенно же не люблю Л.Толстого за его настойчивое морализаторство, за его педагогику, как в рассказе про Ваню и сливу: «Все засмеялись, а Ваня заплакал».

Это я сейчас понимаю, что надо различать разные планы повествования – персонажа и автора, текста и контекстов, и многое другое, что характеризует грамотного читателя – но подросткам такая рефлексия, видимо, не свойственна, а в школе этому не очень-то учат. Особенно в советской школе, где литература была вспомогательной дисциплиной для истории и нередко служила воспитанию классового, идеологического мировоззрения. В этом смысле спасибо Тёте Жене, что опиралась в литературе на человеческое, а не на литературоведческое и идеологическое.

Возвращаясь к педагогике Л. Толстого: казалось бы, любую педагогику как любое давление на личность подросток должен отвергать. И вот Толстого отвергала, а А. С. Макаренко – нет. «Педагогическую поэму» читала множество раз, очень переживала и за героев, и за автора, книжка была у нас дома. Может быть, потому, что это были уже «свои», советские люди с трудными судьбами? Но уж точно не потому, что хотела стать учителем, вот уж нет. Наоборот! Глядя на маму, активно этого не хотела. Но стала. Не учителем, так преподавателем. И не то чтобы полюбила это дело, но поняла, что получается, и очень этому рада.

В общем, чтение было, пожалуй, главным занятием на досуге, а библиотека – важной деталью образа жизни. Я была записана в две или даже три библиотеки – районную, городскую и, кажется, в Доме учителя. Помню, какое впечатление произвела «реформа» пользования библиотеками, когда в них стал возможен свободный доступ к полкам. Около них можно было провести много часов, выбирая книги по вкусу и по настроению. Для домашнего чтения можно было взять сразу несколько книг, и вот, интересно, что структура этого набора была вполне определенной: что-то серьезное, что-то полегче, «жизненное», и обязательно что-то развлекательное, «на сладкое» – журналы о кино, о моде, такой тогдашний гламур. Ну, в общем, как столовский обед – «первое», «второе» и «третье».

Обозначу коротко круг этого библиотечного чтения. Прежде всего, немало книг о войне. Читала и перечитывала «Сильные духом» и «Партизан Лёня Голиков», в том числе, вслух, в пионерлагере для отряда. Книжку о военных летчиках (и вот, стыдно, не могу вспомнить названия той, из-за которой сама хотела летчиком стать). А дальше – Т. Майн Рид, Ф. Купер, Р. Л. Стивенсон, А. Конан-Дойль, Этель Л. Войнич, то есть «Овод» (о, как я рыдала в момент казни!); а из отечественных – А. Толстой («Аэлита», хотя и «Хождение по мукам» тоже), А. Беляев («Звезда КЭЦ», «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля»), Иван Ефремов, конечно, («Час быка», «Лезвие бритвы», «Туманность Андромеды»), весь А. Гайдар, В. Катаев, позже В. Аксенов, Д. Гранин, Ч. Айтматов, Ю. Герман, Б. Балтер в «Юности» («До свидания, мальчики»).

Ну, то есть военная и революционная романтика, приключения, фантастика, детективы – иными словами, интеллектуальные открытия, пища для ума и души. Тут же рядом надо помнить, что еще, конечно, кино и бардовская песня. У кого-то прочитала, что Советский Союз был силен тем, что в нем говорили «правильные слова», то есть существовало сильное языковое подкрепление идеям и ценностям. Круг чтения, «смотрения» и пения формировал картину мира с высокими идеалами. С этих вершин то припочвенное, что произрастало в реальности – идеологическое лицемерие, бедность, неустроенность, неспособность экономики прокормить страну, тотальный дефицит – хотя виделось и понималось, но казалось не главным. Однако пребывание в башне из слоновой кости великих символов вечным быть не может, в конце концов сносит эту башню, и тогда до правильных слов нужно еще очень долго катить в гору Сизифов камень – с его усердием и с его же результатами.

Хорошими книжками мы менялись, потом обсуждали их, как правило, в дружеском кругу, но бывало, что и в школе. Так, школьного диспута заслужила «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева. Мудрая Тётя Женя поручила главный доклад мальчику, лишь недавно появившемуся у нас в 8-м классе из-за

того, что остался в нем на второй год. Ну, представляете себе его мироощущение – чужой, непризнанный, униженный, забившийся в угол, настороженный человек. Но сильный человек, быстро ставший нам любимым другом на долгие годы и до сего дня. И вот он явился на диспут в костюме, в галстук «бабочкой», был серьезен, убедителен и, я бы сказала, романтичен, чем мгновенно расположил к себе и ребят, и учителей.

У девочек на вершине успеха были «Дорога уходит вдаль» Александры Бруштейн и «Дикая собака Динго» Рувима Фраермана. В обеих книжках главные героини – наши сверстницы, только одна растет в счастливой семье, вторая – не очень. У одной жизнь полна чудесных, важных подробностей, серьезных и забавных сюжетов, переливается событиями и персонажами, как в калейдоскопе (про мальчиков такое же семейное чудо написал Лев Кассиль в «Кондуите и Швамбрании»), у другой девочки, в отличие от первых двух книжек, – современная нам, уже советская жизнь, более скупая на детали и подробности, при этом внутренне напряженная и драматичная. Ну, то есть, в центре заинтересованного чтения – детство и юность в разные времена и при разных обстоятельствах, и, конечно, они интересны, близки и важны из-за самого процесса взросления, самоопределения, поисков себя, складывания собственной идентичности.

И тут уж обязательно «про любовь». Любовь Анны Карениной отвергнута, любовь Г. Мопассана (да-да, «Милый друг») – не понята и не принята, не задела и не заинтересовала. Напротив, Р. Нойберт и до сих пор бесконечно издаваемая «Новая книга о супружестве», такая ГДР-овская назидательно-медицинская и несколько технологическая книга «про это» пришлась очень даже кстати, передавалась по рукам и «обшущивалась» по углам. Но «про это» – это ведь не про любовь. А про любовь – все-таки «Дикая собака Динго». Сочувствуешь, сопереживаешь, и те пельмени на крылечке пополам со слезами вместе с девочкой Таней ешь.

И вот только сейчас поняла, что во всех трех, ярче всего вспомнившихся книгах – «Дорога уходит вдаль», «Кондуит» и «Дикая собака Динго» – есть один объединяющий персонаж. Это отец – благородный, сильный, любящий, защита и опора, друг и наставник на пути во взрослую жизнь. От того ли, что в моей жизни его можно было только вообразить и присовокупить к полусказочной младенческой памяти, от того ли, что в послевоенное время литература так откликнулась на массовую безотцовщину, но это «свято место» не осталось пусто. Однако не стану выводить гипотезу на общественный уровень, где «отец народам» был обеспечен. Детям нужно было другое. И оно было создано.

Приехали Вы в Новосибирск, и что? На какой факультет Вы все же поступили: исторический или философский? Как начиналась самостоятельная студенческая жизнь?

Новосибирск, Академгородок. Начало. Позвольте сперва небольшую справку. Университет закладывался в структуру Сибирского отделения Академии наук СССР как необходимый элемент для обеспечения науки кадрами, и первые несколько лет, даже, пожалуй, десятилетий, связь учебы с реальной наукой была тесной и совершенно естественной. Преподавали в университете сами научные сотрудники, а студенты включались в работу институтов. Однако, тем самым

создавалась закрытая система, и теперь, когда Академгородку почти 60 лет, он испытывает довольно серьезные социальные проблемы, и это заставляет его меняться. Что-то в этих изменениях способствует развитию науки, а что-то – нет.

В том, что касается университета, это, конечно, уверенное развитие. Поначалу он планировался как сугубо естественнонаучный, но для того, чтобы с полным правом называться университетом, через несколько лет после открытия в нем были учреждены численно очень маленькие, всего человек по 25 студентов на курсе, отделения истории, филологии и экономической кибернетики, вместе составившие Гуманитарный факультет (Гумфак). Он и сейчас так называется, и служит рассадником все новых общественно-гуманитарных специальностей. Работают отделения истории и археологии, востоковедения, филологии, фундаментальной и прикладной лингвистики. И он по-прежнему время от времени «отпускает» от себя подразделения, становящиеся самостоятельными факультетами – первым, еще при нас, был факультет экономики, потом философии, иностранных языков, журналистики и т.д.

И вот университет возник в моей жизни. Само это слово возвышало. А то, что он находится в Академгородке, таком научном Городе Солнца, где живут одни ученые, а сам он состоит исключительно из научных институтов и стоит посреди леса, вдалеке от большого города Новосибирска, – создавало невероятно романтический и утопический образ, наполняло гордостью осознания, что ты будешь там учиться.

Сами жители или «населенники» этого научного монастыря между собой называли его просто Академ или Городок, но новосибирцы произносили АкадЭмия, и в этом различающемся нарративе уже было много символически значимого: демократичная «свойскость» и простота в первом случае, и определенно уважительное, но все же отчуждение во втором, а бородатые люди в свитерах а'la Э.Хемингуэй, в одном мире, и серьезно-напряженные граждане в драповых пальто в другом, визуально дополняли эту культурантропологию. А поскольку Академгородок не был закрытым городом, то жители Новосибирска там появлялись и легко узнавались на фоне молодого и молодежавого, а главное, эмоционально и энергетически заряженного настроения и какой-то очень явной «организменной» радости. Честное слово, даже по пластике, по походке можно было понять, свой здесь человек или пришлый – так мы все там были счастливы.

Еще мы знали, что там снимались несколько эпизодов знаменитого фильма «Девять дней одного года», о советских физиках-ядерщиках, и такой он был теплый, такой человечный, этот фильм, и вместе с тем такой космический по устремлениям (что ж, это время советского космоса, 1950–60-е годы!), что все это производило грандиозное впечатление, обещание новой большой жизни и казалось открытым окном в целый мир разных возможностей. «Улитку на склоне» Аркадия и Бориса Стругацких мы тогда еще не читали, но теперь понятно, что сопоставление Института и Леса навеяно не в последнюю очередь Академгородком, и проблемы самого Городка, Академии, а также познания как «езды в незнаемое» поставлены ими пророчески под его влиянием. Даже аббревиатура СОАН (вообще-то просто Сибирское отделение Академии наук) мелькает в их романах, кажется, в «Трудно быть богом», в качестве названия одного

из княжеств или городов. И вот здесь мне предстояло учиться, на Гуманитарном факультете, его все-таки историческом отделении, привет Феликсу Яковлевичу и его «дуре».

Выяснилось, что это, прежде всего, трудно. Совсем не так, как в школе, где мне удавалось учиться, совершенно не прилагая к этому никаких особых усилий. Все получалось само собой. Теперь требовались другие способности – понимать более сложные тексты, устные и письменные, причем часто совсем не интересные. До такой степени трудно, что время от времени сам собой отключался мозг. Все, наверное, видели, что студенты иногда засыпают на лекциях, и чаще всего первокурсники, потом это проходит. Я думаю это не от того, что они всю ночь танцевали, играли в карты или еще чем увлекательным занимались, а оттого, что мозг отказывается воспринимать что-то чрезмерно для него новое и поэтому трудное. Даже интересный рассказ преподавателя не всегда может с этим справиться. И вообще все 90 минут лекции неотрывно следить за содержанием тоже невозможно, поэтому так называемая невнимательность (у детей СДВ – синдром дефицита внимания) – тоже вполне обычная вещь. Идет испытание на способность адаптироваться к сложности, такая мозговая инициация: выживешь – будешь учиться, не получится – гуд бай.

Впрочем, как и в школе, наличие или отсутствие интереса было тесно связано с личностью преподавателя. Хороших, прекрасных, даже великих, и любимых было больше. Но были и Дуб Дубычи, как без них? Удивительно, что студенты, люди молодые, только пришедшие учиться, очень быстро и вполне адекватно понимали, кто есть кто. И это тоже непонятно: как, на основе чего это происходит? Тоже адресуюсь с этим вопросом к мозгу. Думаю, при всем первоначальном неведении молодые мозги просто улавливают, как радиоволны, существенные смыслы там, где они есть, и фиксируют пустоту, там, где их нет. То есть это, до некоторой степени, функция не мышления, толком еще не сформированного, а лишь способности к мышлению, потенциально присутствующей в нейробиологической структуре мозга. Простите мне это ненаучное суждение, потому что, правда, совсем неясно, каким образом неофиты вообще что-то понимают, как происходит рецепция нового и сложного неподготовленным агентом на базе имеющегося, всегда недостаточного, опыта.

Но как-то с нашими мозгами наши преподаватели справлялись Им, ныне живущим, сейчас хорошо за 80, а тогда было всего по 35–37!

Осенью 2012 года Гумфак праздновал 50-летие, и по этому случаю я провела довольно большой и содержательно глубокий письменный опрос выпускников разных лет (E-mail'ом). Сама, одна, целый год этим занималась, потом сделала доклад на юбилейной сессии, слетав в Городок на три дня, позже опубликовала большую статью. Были в анкете вопросы о преподавателях. Просила назвать любимых, запомнившихся учителей, оценить их педагогические качества, сегодняшнее к ним отношение и т.д. В результате составились несколько списков, фактически рейтинги из нескольких десятков имен, где за первыми поколениями преподавателей волнами появлялись следующие поколения, и волны эти шли вплоть до последних дней.

Наряду с этим, главным, выявилось одно второстепенное, но систематическое отличие: полностью, с именем-отчеством и фамилией, называют своих педагогов, главным образом, выпускники-историки первых десятилетий (1960–

80-е годы) и филологи всех лет существования факультета. Почти не называют по имени-отчеству, а только по фамилии, преподавателей младших поколений, причем совсем не сильны в этом выпускники последних десяти-пятнадцати лет. Ну, может, мода такая, сложившаяся в т.ч. под влиянием виртуального Интернет-общения. Однако думаю, что мода эта указывает и на ослабленную межперсональную коммуникацию. Ведь если существует тесное общение, то люди как-то друг к другу обращаются, и младший к старшему обращается вежливо, соблюдая определенную дистанцию и ритуалы даже в случае налаженных контактов. А тут что?

Сама недавно вынуждена была сделать выговор хорошему, сильному студенту, который в почтовой переписке вообще не применял никаких обращений, не здоровался и не прощался, да и тон его был неприятным: равнодушно-деловым и статусно равновеликим, если не высокомерным. Неприятным или недопустимым? Даже готова сказать, неуважительным, если под поведенческим рисунком уважения понимать несколько склоненную голову и признание наклонной плоскости контакта с возвышением на моем краю. Переживаю. Не понимаю, как правильно. Уже не понимаю, как правильно в наше время. Пришлось его осадить, хотя собиралась честно помочь в его личном проекте, и несмотря на случившееся не отказывала ему в этом. И вот, думаю: может, была неправа, и плоскость контакта нужно выравнивать? На занятиях в его группе атмосфера была вполне дружеская и свободная, в том числе, с моей стороны. Так, может, сама дезориентировала?

А вот в новосибирском проекте открылся потрясающий факт, и я не знаю, существуют ли для него аналоги: определились имена, которые присутствовали в списке, то есть в памяти студентов, на протяжении всех 50-ти лет. Хочу, чтобы и здесь были названы вершины этих списков, но сначала – человек вне разрядов, вне времени, с наивысшим почитанием называемый и историками, и филологами Гумфака: Михаил Иосифович Рижский. Великий Папа Рижский, только на одну букву не Папа Римский. Итак, вершина горы – патриархи. Для моего времени это Николай Николаевич Покровский (позже академик), Лев Фадеевич Лисс, Варлен Львович Соскин, Нина Викторовна Ревякина, Марина Михайловна Громыко, Леонид Михайлович Горюшкин, Наль Александрович Хохлов, Борис Павлович Орлов. О них в материалах исследования – самые восторженные слова: яркие личности, преподаватели-титаны, нетривиальная заинтересованность в своей науке и в учебном материале и т.д.

Забавно, что многие из отвечавших до сих пор, вспоминая учителей, чувствуют себя учениками и хотят получить оценку, желательно хорошую. В анкете был вопрос: «О чем Вы сегодня хотите спросить Ваших учителей?» В основном (на две трети) хотят спросить о здоровье, самочувствии, не нужна ли помощь, но треть ответов – от тех, кто хотел бы спросить... о себе:

Вы меня помните? – Вы нас простили? – Довольны ли вы нами? – Не подвели ли мы вас? – Было ли вам интересно с нами? – Чем мы отличались от нынешних студентов? – Вы чувствовали, что рядом с вами были творческие личности? И довольно ревниво: – Как вы считаете, какие студенты интересней, первых лет или нынешние?

Между прочим, на 1-м курсе одно время у нас преподавал Владимир Эммануилович Шляпентох, а с его сыном Митей мы некоторое время учились в одной группе, и у нас были очень хорошие приятельские отношения. То есть первая инъекция социологического была сделана уже на 1-м курсе, прошла почти бесследно, бессознательно, но не исключено, что как-то повлияла и на мое последующее отклонение от истории в сторону социологии. Да и личность В.Э. была уж больно яркая!

Да. Ну, вот. Перефразируя классика, можем сказать: рассказывать о себе легко и приятно, особенно если рассказываешь только хорошее. Но чем дальше, тем больше понимаешь, что поставленная перед этим интервью задачка – ой, неслабая. Ведь вот теперь нужно рассказать чуть ли не самый насыщенный событиями отрезок жизни. Потом она более или менее стабилизируется, рутинизируется, а в студенчестве все – новое.

Как раз на днях вспоминали с мужем (Саша Марголис, мы вместе учились), как моя тетушка, жившая тогда в Душанбе и занимавшаяся пчеловодством, прислала деточкам посылку с медом, протертой черной смородиной (совершенно натуральный вкус!) и спиртом. Чего ради спирт – ума не приложу, но все пошло в дело. Нашему 2-хлетнему тогда сыну кто-то подарил детский электрический миксер. Детский, но миксер, вполне работоспособный. И дальше, Вы же понимаете полный технологический процесс: с помощью этого миксера попробовали все сочетания: спирт с медом, спирт с черной смородиной, спирт с медом и черной смородиной вместе и т.д. Было нас человек пять, лучших друзей, дело происходило в день зачёта по педагогике, на который мы честно и пошли после этой экспериментальной работы. Что интересно – с успехом сдали.

В общем, сейчас только перечислю, о чем в принципе можно рассказать, а потом выберу, что написать подробнее, и Вы, Борис, подскажете:

1. Колхоз и картошка. Со «Старкой», разумеется.
2. Любовь, свиданья на Оби («Хороши вечера на Оби, ты мой миленький мне...» что – позвони? – нет, конечно, – «пособи»! – «... научись на гармошке играть». Советские эвфемизмы и культурные «инфантилизмы». Это я, конечно, написать не смогу, здесь нужны исследования и, наверное, они есть.
3. На занятия в учебный корпус – через лес. Зимой мороз 30–40 градусов, ресницы на морозе белые и пушистые, как елочные ветки, но красить нельзя, ибо в тепле текут черными ручьями.
4. Да. Любовь, замужество, ребенок в студенческой семье.
5. Экспедиция с Н. Н. Покровским в Туву за старопечатными книгами.
6. Кризисы 2-го и 3-го курсов в структуре учебного цикла в вузе. Но тем не менее здесь идет собственно образование, а с 4-го курса – настоящая учеба. Парадоксальный порядок? Но думаю, что так, потому что на 4 курсе начинается осмысленная самостоятельная работа, появляются реальные цели, интерес не к изучаемому материалу, а к результатам собственных изысканий и исследований.

7. Возможности университета в конце 1960 – начале 1970-х годов. Фундаментальная библиотека (ГПНТБ) – в городе, туда надо ездить 40 км. в любую погоду, и в то же время – знаменитые ученые как приглашенные профессора, и всем курсом (!) на архивную практику в Москву.

8. Карнавалы!

9. Политические эксцессы. Начиная с фестиваля бардов (среди других был А.Галич) – граффити 1968 года против суда над диссидентами и ввода советских войск в Прагу, студенческие выступления против переезда Гумфака в Красноярск, спектакль студенческого театра «Рыжее и серое», и в результате отбытие мужа после окончания университета не в Шушенское на работу в музей В.И.Ленина, а сначала в деревню учителем, а потом всем семейством в Ленинград.

10. Вопрос о будущей работе, о профессии: «Ну, вот, учусь. А что значит работать с этим образованием? Делать-то я что буду?»

11. Социологическая линия в учебной программе и в начале исследовательского опыта.

12. Диплом историко-социологический.

13. Из юбилейного доклада 2012 года: «Десять слов о чувствах».

Ну и? Напишу об экспедиции, тем более, что это было после 1-го курса, то есть относится к теме «Университет. Начало».

Эта экспедиция была (и остается), пожалуй, самым невероятным приключением в моей жизни. Собственно, приключением единственным – ничто с нею сравниться уже не может.

Николай Николаевич Покровский, тогда молодой человек 36-лет, историк, пострадавший по «университетскому делу» Ренделя-Краснопевцева конца 1950-х годов, отсидевший несколько лет в Дубровлаге и лишенный права проживать в Москве, в Академгородке нашел свое уникальное место в исторической науке и завершил жизнь в 2013 году, в возрасте 83 лет, действительным членом Российской Академии наук. Нам он читал историю и культуру Древней Руси. Был замечательным лектором и потрясающе интересным рассказчиком, чем увлек многих, пусть и на время, как в моем случае, в область именно древней истории России. В конце 1-го курса он набирал студентов в экспедицию за старопечатными староверческими книгами в Туву, где в верховьях Енисея сохранились и мирские старообрядческие села часовенного согласия, и, что самое потрясающее, скиты. Это была его вторая туда экспедиция, по ранее проложенной дорожке и уже при минимально налаженном контакте с местным населением и настоятелями общины.

Группа состояла всего из пяти человек: Н.Н. с женой, Зоей Васильевной, и трое студентов: мои однокурсники – Саша Марголис и Гена Енин, да вот, еще я. У Н.Н. было несколько фундаментальных целей: он искал тайный скрипторий – мастерскую, где еще писали и создавали староверческие книги, и надеялся обменять несколько хороших дореволюционных печатных изданий на рукописные раритеты для их дальнейшего хранения и изучения. Мы же фактически на практике изучали часть той самой истории, а кроме того, помогали в фиксации

наблюдений и, надо сказать, достаточно убедительно отыгрывали «легенду» группы – «искатели истины». Дорога: большим самолетом до Кызыла, маленьким самолетом в районный центр, оттуда на перекладных в небольшое мирское село староверов и дальше – через тайгу пешком в потаенные места монашеских поселений. В тайге два мощных впечатления: склоны холмов, красные от земляники, и тучи мошки, которую можно было, взмахнув рукой, набрать целую горсть. Если бы не жуткая отравка, которой мы намазывались с ног до головы, не прожить бы там было и часа. Но главное это, конечно, сам Енисей, его фантастическая мощь и красота всего вмещающего его мира. Кажется, именно тогда я, полностью городской человек, впервые ощутила, что такое, на самом деле, Природа в ее собственном существовании, не предполагающем человека, в отсутствие человека, в том, что Пушкин назвал «равнодушная природа», когда она сама по себе, сама себе причина и, вот именно, «красою гордою сияет» не для человеческого, а, может быть, только божественного взора. А может, и вообще просто так.

К поездке и походу мы, конечно, готовились – учились читать тексты, написанные полууставом (рукописный шрифт XV века), слушали рассказы Николая Николаевича, раскрыв рты, глаза и уши, забывая обо всем. Не могу сказать, что все это практически пригодилось, но для того, чтобы понимать происходящее на наших глазах, чтобы не подвести учителя и сыграть роль юношей, ищущих истину, оказалось достаточно. Мне бы очень хотелось рассказать об этом путешествии максимально подробно, потому что все это необычайно и незабываемо, но это был бы рассказ размером в книгу, а не в интервью. Кроме того, такая книга есть, она написана самим Николаем Николаевичем, уже выдержала три издания и существует в Интернете, так что отсылаю интересующихся к ней. Поверьте, это очень и очень интересно:

Покровский, Н. Н. «Путешествие за редкими книгами», Изд. 3-е, дополненное и доработанное. Новосибирск: «Сова», 2005.— 339 стр. // <http://history.nsc.ru/publ/1pdf%20%281-120%29.pdf>

То, что я могу к этому добавить постфактум – это нечто социологическое. Для меня экспедиция стала уникальным опытом полевой работы – этнографической, культур-антропологической, социологической, выполненной в формате включенного наблюдения, где объектом исследования был редчайший и крайне мало доступный изучению феномен фактически культурного резервата с перспективой если не полного исчезновения, то существенного размывания. Я все очень хорошо помню, могу еще, поговорив с одним из тогдашних попутчиков, а ныне собственным мужем А.Марголисом, восстановить какие-то детали и написать то, что Николай Николаевич оставил за рамками своего внимания. Вот выйду окончательно на пенсию – и займусь этим. А пока текущей работы – ужас, сколько, а я ее все откладываю и откладываю, потому что уже больно приятно тут вот сидеть и писать то, что легко, а надо писать то, что трудно – новый курс, который никогда не читала, но придется, ибо висит над головой Дамоклов меч – так называемая «оптимизация», что в переводе на современный русский язык означает вероятность сокращения кадров или, как минимум, перевод на сокращенную ставку. Таковы контексты. Что ж! Если это случится – вот тогда, как в старом детском анекдоте, мы и покрутим швейную машинку!

Не будем торопиться со швейной машинкой... а вот то, что касается кризиса учебы на 2–3 курсах и перехода к настоящей самостоятельной работе на 4-ом курсе, то хотелось бы узнать поподробнее.

Не могу сказать, что кризис 2–3-го курсов в пятилетнем (тогда) учебном цикле высшего образования был когда-либо специальным предметом изучения в проектах, где я участвовала, но некоторое спонтанное наблюдение, как бы на втором плане внимания, определенно, шло и сопутствовало основным целям. Сама специально об этом не писала, кроме одного отчета по проекту, который мы делали с Андреем Вейхером в ЛИЭИ (Ленинградском инженерно-экономическом институте им. П. Тольятти) где-то в конце 1980-х годов. Тот проект был замечателен тем, что там часто звучало имя А. Б. Чубайса. Анатолий Борисович сначала учился в ЛИЭИ, потом там работал и обладал среди коллектива большим авторитетом. Чуть что, из того, о чем мы хотели узнать в связи с проектом, как нас посылали к нему: «Ну, это вам надо к Чубайсу». Им тогда явно гордились в институте.

В моем случае кризис 3-го курса выглядел так. Свою основную «профориентацию» (в артистки!) я в угоду разным соображениям и давлению все-таки сломала, а вместо нее начала строить другую. Нет, не строить, а просто плыть по течению той реки, в которую вошла, позволяя ей нести себя туда, куда она текла. Это ведь разные вещи: представлять себя в каком-то образе, идентифицироваться с ним – и просто чем-то интересоваться. В данном случае, историей. К тому же выяснилось, что этого интереса хватило ненадолго. Однако первый курс прошел вполне благополучно, было именно что интересно. А как может быть неинтересной история Древнего мира – археология, Египет, античность, славяне, Киевская Русь. Все это было захлеб, как праздник, как непрерывное кино, и были, как я уже писала, замечательные, яркие педагоги, а к концу 1-го курса уже и та потрясающая экспедиция в Туву, на Енисей, к старообрядцам, за редкими книгами. И было долгое переживание триумфа от поступления в университет, эйфории свободы, новой дружбы, любви, и опять свободы – того, что очень точно называют «щенячьим восторгом».

А потом я на год отстала от своей группы из-за академического отпуска, а когда вернулась, то испытала серьезные трудности с восстановлением самих навыков учебы, освоением научного языка и логики движения в системе знаний, которые на 2-м курсе уже ушли от первичной романтики и обросли другими – вспомогательными, идеологическими (одна история КПСС чего стоила!), да и сама история, чем дальше, тем больше подавалась идеологически. Сейчас, даже пытаясь вспомнить что-то про 2-й и 3-й курс, не могу назвать ничего определенного. Кроме философии и спецкурсов, которые читали нам приезжавшие из Москвы большие ученые и замечательные специалисты – историки А. Я. Гуревич и Н. Я. Эйдельман, исследователь древнерусского искусства А. П. Рогов, африканист и индолог А. И. Собченко (его я на экзамене буквально умилила рассказом о языке африканских барабанов, приятно вспомнить).

Философия давалась мне легко, все три дисциплины – диалектика, история философии и философия культуры, и особенно история философии, с помощью которой я поняла, что такое парадигмальность, что, встав на какую-то одну точку зрения, можно мыслить ее категориями и видеть одну картину мира, а потом с другой точки зрения – другими

категориями в другой картине мира. Тоже как путешествие по разным мирам и установка на ценность разного. Вот тут и вспомнишь напрогностический мне в юности «философский техникум»!

Кстати, мое второе «Я» (а в личной истории первое) не только не было подавлено, а первые три курса — как раз до наступления серьезного периода — помогало существовать в отсутствие сильной учебной мотивации, потому что давало возможность по-прежнему петь, играть в студенческом театре поэзии и т.д. Потом, думаю, именно этот креатив был переадресован науке. Сублимация, знаете ли.

И все-таки на фоне заметного разочарования в учебе в эти годы происходило нечто важное, потому что позже, на 4-м курсе, о котором еще расскажу, застала себя кое-что умеющей и с тех пор уверенно двигалась уже по исследовательской дорожке. Такое впечатление, что главная познавательная работа шла в основном, в бессознательном, скрыто от собственных глаз, как во сне.

Про бессознательное говорю сознательно, простите за каламбур, потому что много занималась этим вопросом, в том числе, социологически, книжка есть в соавторстве с еще двумя коллегами.

Известно, что бессознательное, будучи самой древней частью сознания, имеет собственные средства контроля происходящего и может накапливать результаты, не вынося их до поры до времени на поверхность. Местопребывание бессознательного — один из участков мозга, древняя лимбическая система, а также все грешное тело. В общем, пока студент от сессии до сессии живет весело, не только его мозг, но и все его тело участвует в познании. (Прозвучало многозначно, но я согласна, пусть остается). Итак, некий организм в лице своего обладателя присутствует в среде обитания, «всеорганно и общетелесно». Так говорят Заратустры психоанализа. А содержательно богатая среда снабжает его многочисленными ситуациями, активностью и разнообразнейшими текстами и нарративами — устными и письменными, строгими и нестрогими, кодифицированными и нет, в разговорах, спорах, дескрипциях и рефлексиях. Что, кажется, входит в голову само собой, в непредсказуемых сочетаниях, как если бы вы скользили по волнам радиоэфира, сменяя частоты, и вас окружали кучевые облака смыслов, «тихо плавая в тумане без руля и без ветрил», переплетаясь, соединяясь, рифмуясь друг с другом или, наоборот, отталкиваясь. Возникающее при этом ощущение неорганизованности, неясности, хаоса представлений довольно сильно угнетает, особенно если на минуту задуматься, а что ты тут, собственно, делаешь, и зачем тебе это нужно. Потому, полагаю, и снижается еще недавно бодрый, победный тонус новообращенного студентозуса.

Но видимо, плавание это не проходит зря, потому что выныриваешь из него с рыбкой в зубах. Про себя знаю, что этой рыбкой, т.е. признаком того, что некое эмбриональное состояние закончилось, и можно действовать, стало осознание (вот только не смейтесь, пожалуйста), что откуда-то появились мысли. Я имею в виду мысли, так сказать, «по специальности», такие зародыши профессиональных аналитических суждений. Собственные, нигде не прочитанные, удивляющие своей необычностью. Я точно помню свою первую мысль. Она была о народовольцах, которым я, как, видимо, и большинство советских людей, относившихся к революционной борьбе и революции возвышенно и романтично, симпатизировала. И вдруг — иное понимание: но ведь они преступники! Убив

царя, они нанесли вред государству, породили террор, прервалась верхушечная либерализация и в конце концов логика процесса довела страну до революции и страшной гражданской войны. Да и просто погибли невинные люди! Немного уже модернизированная мысль, но в основе – та, первая.

Вот эта благоприобретенная способность совершать мыслительную работу кажется мне признаком уже давшего какие-то плоды образования – в том числе, образования как характеристики личности. Собственная мысль означает выход из полубессознательного дрейфа в «учебном процессе» и формирование активного умственного и, повторю, личностного, статуса, что ли. Вот как-то все срослось и возникла способность сознательно существовать и в учебе, и в самостоятельной работе.

Думала, где, в каком месте повествования сказать об усвоенных установках такой работы, о научном мышлении как методе и как ценности. Здесь скажу. Все это тоже обнаружила в себе, когда начала работать, хотя никакого специального обучения этому не было. Просто наши педагоги были носителями этих ценностей и все, что они нам передавали, уже содержало в себе эти подходы. Способы построения суждений, общение, язык, на котором они изъяснялись со студентами, делали применение соответствующих образцов совершенно естественным. Мастер, школа и подражание лучшим образцам, шедеврам – видимо, так же, как в средневековых цехах, в передаче из рук в руки, из уст в уста существует и ремесло, и научный колледж.

На 4-м курсе все это проявилось в первой серьезной курсовой работе. Она была по Новой истории, по теме, связанной с Робертом Оуэном. Формулировку не помню, но что-то вроде «Роберт Оуэн как практик социалистической утопии». Во всяком случае так я ее назвала бы сегодня. Писала с удовольствием, легко оперировала материалом, сопоставляла, сравнивала, конструировала композицию – в общем, все, как положено, и запомнила эту работу как первый исследовательский опыт. А главным ее результатом было то, что строгий Лев Фадеевич Лисс, преподаватель этого курса и куратор работы, взял меня в свой спецсеминар по социологии науки и согласился стать научным руководителем моего диплома.

Так в моей биографии начинается социологическая линия.

Оля, какой же это был год? Л. Ф. Лисс – известный специалист, какой же он представил Вам социологию науки? Чем конкретно Вы заинтересовались? Замечу, мой историко-биографический проект я рассматриваю и как работу в области социологии науки.

А был это 1971–72 год. У Льва Фадеевича уже работал спецсеминар, где собирались студенты разных курсов и шло обсуждение неких идей вокруг науки и образования, в том числе, в связи с выпускными работами пятикурсников. О спецсеминаре чуть позже, а пока о самом Льве Фадеевиче.

Не берусь утверждать, что все было именно так, но похоже, что так. Во всяком случае, мой дальнейший рассказ не противоречит воспоминаниям Л.Ф. об этом периоде. А он их написал и издал, и это очень интересно. Закончив школу в Новосибирске с золотой медалью, Л.Ф. в 1946 году уехал в Москву, где учился на истфаке МГУ, тоже с блестящими успехами. Несколько иронически он пишет о том, что блестящим было и его распределение на работу – в педучилище города Бердска Новосибирской области. Но, может, и не шутя, почти блестящим,

потому что даже с хорошими результатами неумолимое распределение отправляло выпускников МГУ на работу по всей стране, в том числе, в местные архивы, что, конечно, не столь почетно, как педучилище в городе Бердске. Дальнейшая карьера сделала Л.Ф. директором школы, и ему это нравилось, поскольку позволяло реализовать организаторские таланты. Вот с поста директора школы он и был приглашен в начавший тогда строиться Академгородок заведовать учебной частью зарождавшегося университета. Совсем молодым человеком, едва 30-ти лет.

Все тогда были молодые, даже академики. Будучи выпускниками МГУ, ЛГУ и московского Физтеха (МФТИ) они считали необходимым иметь в Новосибирском научном центре университет, причем с самого начала называя его «университетом нового типа». Эта новизна заключалась в том, что университет следовало тесно связать с работой научных институтов, чтобы он мог стать органом постоянного обновления и ускорения самого научного процесса. Этому собирались добиться особой структурой учебных занятий, когда общенаучная подготовка сосредотачивалась на первых трех курсах университета, а старшекурсники уже полноценно включались в работу научных институтов. Кроме того, преподавателями должны были стать сами сотрудники институтов с высочайшими требованиями к квалификации: преподавать могли только люди уже с научными степенями, а результаты их повседневной научной работы немедленно переносились в студенческие аудитории.

И все бы хорошо, но унифицированная и сверхцентрализованная советская образовательная система не содержала таких норм. Отдельные элементы подобной организации учебного процесса существовали в МГУ и Физтехе, у академика А. Иоффе в НИИ и Ленинградском Политехе, но в полной мере она не практиковалась нигде. То есть ее нужно было создавать с нуля – и на уровне уставных министерских и внутренних документов, и на уровне организации непосредственной практической деятельности – кадров, жилья, нагрузки, расписания и т.д. И особенно – правил взаимодействия с управляющей бюрократией местного и московского уровня, частью формальных, закрепленных, а частью неформальных, человеческих. Об этом тоже множество потрясающе интересного можно прочесть у Л.Ф. в мемуарах.

Вот этой оргработой и занимался Лев Фадеевич, оказавшись в кругу выдающихся людей своего времени – крупных ученых, организаторов науки и образования. В своих воспоминаниях он с глубоким уважением и очень человечно пишет об отцах-основателях университета – академиках М. А. Лаврентьеве, И. Н. Векуа, С. Т. Беляеве, А. И. Мальцеве, С. Л. Соболеве и других.

Когда университет заработал на полную мощность, Льва Фадеевича «отпустили» преподавать на Гумфак, он читал там Новую историю, изучал историю образования во всемирном масштабе, при этом продолжая участвовать в сложных сетях административных и межличностных отношений. Думаю, что именно вот эта демиургическая работа – создание университета практически на пустом месте, с нуля, в Сибири, в лесу, но в компании с мощными мыслителями и яркими энтузиастами своего дела и привела Л.Ф. в социологию науки. Как историк он сопоставлял опыт создания НГУ с зарубежным опытом, а как надежный для руководящих кругов человек имел допуск в спецхран Новосибирской публичной научно-технической библиотеки (ГПНТБ) и однажды, уже в мою

бытность его ученицей, принес оттуда фотокопии какой-то англоязычной, скорее всего, американской, монографии о развитии науки как института и как сообщества ученых. Помнится, его особенно интересовали их биографии, их жизненный путь и личностные особенности – как стимулы научного успеха. Вот почему нам, студентам, семинаристам, для перевода с английского и освоения этого безумно интересного и необычного материала была выдана часть фотографий с подробным описанием знаменитого 16-факторного личностного опросника Р. Б. Кеттелла и результатами тестов, продемонстрированных по нему успешными учеными.

Деталь того времени: фотографии – это не то что нынче ксерокопии. Фотобумага толстая, выпрямить ее почему-то не получалось, и она все время скручивалась в трубочку, а кроме того, отпечатки были сделаны с негатива, то есть белый текст на черном фоне. В общем, читать это было страшно неудобно, переводить с английского еще неудобнее (в силу не особо выдающегося владения), так что трудов было затрачено немало. А добытое таким образом знание обсуждали, в том числе, на семинарах.

Спецсеминары в НГУ были и остаются до сих пор особой учебной формой специализации – групповая межкурсовая (4–5 курсы) мастерская у одного научного руководителя, в высшей степени удачно ориентированная на научное творчество и поддержание научных школ. В этом состояла одна из специфических черт НГУ, черта его эксклюзивных правил, и больше я таких примеров никогда не встречала. Когда сама начала преподавать, всё просила: дайте мне спецсеминар, но вокруг просто никто не понимал, чего я хочу.

Я не знаю, сколько времени просуществовал у нас на историческом отделении Гумфака спецсеминар по социологии науки, но из него вышли, думаю, несколько десятков социологов, профилированных в рамках тематики «наука и высшая школа в системе культуры». Причем в 1970–80-х годах это было уникальным явлением, потому что социологического образования в стране еще не существовало. У меня, не в самих дипломных «корочках», а во вкладыше, значится небывалая для того времени квалификация: «историк со специализацией по социологии». Она прямо вытекала из темы дипломной работы и подтверждалась ею: «Социальная обусловленность революционной активности учащейся молодежи в 70-х годах XIX века». И это отдельная удивительная история.

Р.С.: Вот, до сих пор помню тему, а многие нынешние дипломники, которым через полгода защищаться, свою могут до последнего не помнить. Ну, это полбеда, а беда – и не понимаю, откуда взявшаяся – в том, что (Боже! Я так произношу эти слова – «в наше время»!) – но в наше время никакому научному руководителю не пришло бы в голову сидеть со студентами, чуть ли не диктуя им тексты работы. Мой диплом Лев Фадеевич увидел готовым, мою кандидатскую Владимир Тимофеевич Лисовский увидел готовой. А нынче ребята отчаянно не самостоятельны. И с дипломами часто тянут до последнего просто потому, что не знают, как к ним подступиться. А уж править их тексты – ... мы все этим занимаемся.

Непременно хочу сказать, что Лев Фадеевич Лисс – очень строгий учитель, человек исключительной четкости и ясности мысли, а кроме того, очень красивый человек. В 2013 году ему исполнилось 85, на юбилее Гумфака в 2012 он сделал доклад о его истории и вел секцию на конференции. Тогда же я его

навещала в Академгородке и была счастлива видеть, что он продолжает работать, и, хотя не очень здоров, но потрясающе выглядит в своем маленьком домашнем компьютерном центре, который я называю «Центр управления полетами», перед экраном, на котором заведена знаменитая книжка Дж.Салми «Создание университетов мирового класса».

Во время нашей встречи к нему зашла другая его ученица, гора-а-а-здо моложе меня, и страшно ревновала к нашим с ним прощальным объятиям. Он вышел на лестницу меня проводить, и вот тогда я едва сдержалась, чтобы не заплакать.

Спасибо, какой теме Вы посвятили свою дипломную работу? Что удалось сделать?

Ну, вот, мы находимся в 1971–72 году, и надо писать диплом. Тут в моем повествовании (Ваше почтовое определение «повестушки» для моего жанра мне очень понравилось) появляется еще один замечательный человек – старший брат моего мужа, Юрий Давидович Марголис. Необыкновенный человек, яркая личность, блестящий историк, гениальный педагог. Достаточно сказать, что его семинар работает до сих пор, хотя самого Юрия Давидовича уже почти 20 лет нет с нами. А его уже немолодые и уже маститые ученики все еще собираются на научные беседы. Если с кем-то его можно сравнить – то с Натаном Яковлевичем Эйдельманом.

Ю.Д. преподавал на истфаке ЛГУ, и никто не сомневался в его грядущей большой карьере, но поперек ей – да и всей его жизни – встала «утрата политической бдительности», которая выразилась в чтении книг Р.Пайпса и М.Джиласа, а также в недонесении о подпольном кружке, а вообще-то довольно крупной подпольной организации Игоря Огурцова, основателя ВСХСОН (Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа). Ю.Д. к ней никак не принадлежал, но знал – и не донес. В результате был исключен из партии и изгнан с факультета. Это 1964–68 знаковые годы. Собственно, именно поэтому его младший брат Саша, впоследствии мой муж, не имел возможности поступить учиться в ЛГУ, а уехал в Новосибирск, где на Гумфаке Новосибирского университета преподавал студенческий друг Ю.Д. – Варлен Львович Соскин, ныне профессор, известный историк Сибири. Для меня это, как Вы понимаете, судьбоносный момент – сошлись два беглеца: один из Ленинграда, другая из Самары.

После нескольких лет без преподавательской работы, а находясь в должности заместителя главного механика ситценабивной фабрики им. Веры Слуцкой и написания ее истории (Ничто не может так украсить биографию историка, как должность механика! Книга его о фабрике вышла без указания имени автора) – Ю.Д. возвращается в университет, но не преподавать, это ему было запрещено, а работать в НИИКСИ. И работает в там в лаборатории В.Т. Лисовского при полном обожании и до сих пор восторженной памяти всех, кто был к этому причастен. Вообще НИИКСИ был таким местом ссылки для ЛГУ, туда отсылали на исправительный срок многих провинившихся политически, и это была, конечно, мягкая мера наказания.

Для меня отсюда следуют ещё два судьбоносных момента. Во-первых, тема диплома. Ю.Д. всю свою профессиональную жизнь на фоне других направлений работы занимался студенческим движением в России, и обсуждая мой будущий

диплом, предложил тематику народничества 1870-х годов, ибо народники были сплошь студенты. Возможно, эта мысль родилась из моих рассказов о преддипломной архивной практике, которую весь наш курс (25 человек) проводил в Москве! Такие были возможности у Новосибирского университета, сегодня это просто поражает. Во время этой практики, не помню уже как, похоже, в совершенно спонтанном поиске, в делах Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии – ведомства, которое занималось политическим сыском и слежкой за революционерами, – я набрела на документ, который тогда же осознала как социологический. Это было что-то вроде аналитической записки об антиправительственных настроениях в студенческой среде со статистикой, таблицами, социодемографическими выкладками, основными тезисами пропаганды и т.д. – блестящий, спокойный, точный аналитический документ. Между прочим, с того самого времени, не зная вопроса доподлинно, я все же имею убеждение, что такая тайная социология существовала в стране всегда, даже когда научной, открытой социологии не было, то есть в СССР. А чего добро пропадать? Ведь дело было хорошо поставлено.

И вот, к уже имевшемуся у меня интересу и кое-какому материалу Ю.Д. добавляет самую существенную основу. Он присылает мне в Новосибирск редчайшее, раритетное издание 1930-х годов – Биобиблиографический словарь «Деятели революционного движения в России» за 1870–80-е годы! Всё в этом факте удивительно: на другой конец страны уходит из Библиотеки академии наук в Ленинграде книга, которую и на дом-то не выдают! Но Ю.Д. имеет такой авторитет, что получает ее в длительное пользование. И я получаю потрясающий источник – собрание кратких биографий практически всех известных участников «хождения в народ», построенный тоже с использованием материалов III Отделения. А они там уж такие аккуратисты, что при малейшей возможности фиксируют все основные признаки социального и семейного положения, место работы, учебы и формы участия. И не только лидеров и организаторов, но и большого числа сочувствующих. Вместе с членами семей и товарищами около тысячи имен, точной цифры не помню. В общем, сети широко закидывали. Материал Словаря фактически представлял собой результаты анкетного опроса, а если вспомнить, что французское слово *enqûte*, означающее «расследование», пришло к нам из криминалистики, то так оно и есть – анкетный опрос. Оставалось подсчитать, типологизировать и обобщить. Для этого мне пришлось перенести все унифицированные данные на карточки, т.е. создать большую картотеку, с ней много-много работать, раскладывая карточки на разные кучки, и в итоге узнать кое-что новенькое, т.е. получить исследовательский результат.

Итак, «Социальная обусловленность революционной активности учащейся молодежи в 70-х годах XIX века». Результаты соответствующие:

1. Да, большинство народников были студенты, в том числе, недоучившиеся, изгнанные из университетов и институтов (обстоятельство, служившее и причиной и следствием политической активности), молодые интеллигентно-разночинцы, закончившие вузы, а также гимназисты старших возрастов. Особо отличались студенты Медико-хирургической академии, Лесного и Горного институтов, Института инженеров путей сообщения, Петербургского политехнического института, Петербургского университета. То есть ситуация, позже

описанная Т. Парсонсом для 1960-х, когда сама по себе концентрация молодых людей в университетах была стимулом и средой для распространения протестных идей.

2. Вообще образование выглядело сильным фактором революционных настроений. В пореформенное время на волне капиталистического бума оно само росло быстрыми темпами, особенно образование непосредственных производителей, рабочих (график в дипломе был красивый, до сих пор помню), ну, и просветительская, развивающая, интеллектуальная миссия его были очевидны.

3. Вполне сочувствующей средой оказались и семьи молодых людей. Среди арестованных и привлеченных к ответственности было множество братьев, сестер и даже матерей участников движения.

4. Наконец, диплом имел ясно выраженный междисциплинарный историко-социологический характер! И это потом было записано в формулировке квалификации. К этому времени уже вышли работы Я. И. Гилинского, откуда я почерпнула термин «социализация», и В. Д. Плахова, откуда пришел анализ с точки зрения социальных норм. Может быть, они и помогли мне тогда произвести на свет свою первую Мысль – о преступности народовольческой террористической деятельности? Писала об этом выше. Как у Б. Гребенщикова: «Революция, ты научила нас верить в несправедливость добра». Хотя, возможно, наоборот: в недобрую силу того, что считается справедливостью.

В общем, хорошие получились результаты, настоящие, Лев Фадеевич был доволен, я счастлива, но остаться в Городке и продолжить научную стезю мы не могли из-за очередной семейной политической истории, теперь уже с Сашей и моим участием (постановка студенческого театра «Рыжее и серое», воспринятое «органами» как идеологически подрывная). Вот она, семья, опять сказала. Пока я заканчивала последний год учебы, он вместо аспирантуры работал в сельской школе, а потом мы вернулись в Ленинград. То есть, он вернулся, а я, как жена декабриста, а в данном случае, декабристоведа, последовала за ним. Правда, не на каторгу, а в обратном направлении)

Через два года после переезда и моей первой работы в архиве кинофонофотодокументов, опять с легкой руки Юрия Давидовича, я оказалась в НИИКСИ, во вновь образованной лаборатории проблем подготовки специалистов в высшей школе, под руководством Елены Эмильевны Смирновой, с которой мы подружились, много вместе работали, были соавторами, и потом уже она двинула меня дальше, в высшую школу, преподавать.

Если бы не Ю.Д. и потом Лена Смирнова, я не знаю, как сложилась бы моя профессиональная жизнь, потому что у меня самой с амбициями плоховато. А эти люди побуждали двигаться. И вот вывод: очень нужно, чтобы кто-то говорил таким, не слишком амбициозным людям, как я, – «Ты можешь». Вспомню здесь еще Наля Александровича Хохлова, одного из любимейших наших педагогов на Гумфаке НГУ, я у него слушала диамат. Ну, можете себе представить, какого уровня знания мы демонстрировали. Неплохие, в общем, но в масштабах философии... скажем так, наивные. И вот на одном из экзаменов, ставя мне «пятерку», он сказал: «У Вас хороший мыслительный аппарат». Ах, как я это запомнила!

Как мне всю жизнь это помогало. И помня это, в подобных случаях, я говорю это своим студентам, называя при этом и имя своего педагога. Мне не жалко им это говорить, потому что я знаю, как это ценно.

Два эпизода вдогонку истории с дипломом. Пока, вернувшись, я искала, и мне искали работу в Ленинграде, возник вариант с истфаком ЛГУ. Меня познакомили с доцентом факультета Б. Н. Мироновым. Будучи историком, он интересовался социологией, и ему дали читать мой диплом. Устройства на работу из этого не произошло, но кое-какие последствия были. Купив однажды его книжку «Историк и социология» и открыв ее на первой попавшейся странице, я увидела там... свои таблицы и другие данные диплома. Без ссылки — и почему-то хочется написать «разумеется, без ссылки». Испытала смешанные чувства, причем первым было удовольствие — вот, и правда, хорошие были результаты у диплома, достойные публикации известным специалистом. Но вторые чувства были понятно, какие. И вот опять удивительный факт: нашелся защитник, и нанесенная обида была отомщена. Молодой и горячий Лев Лурье, сегодня знаменитый ученый, любимый учитель питерских гимназистов и наш с Сашей друг, в одной из своих статей прямо написал, что Б. Н. Миронов совершил плагиат. Могу ошибаться, но, кажется, в Советском Союзе такого раньше не бывало.

...А свою картотеку по материалам Биобиблиографического Словаря перед отъездом в Ленинград я уничтожила. Мысль была такая: я знаю, какие ошибки при фиксации данных я совершила, и если буду эту работу продолжать, то надо, чтобы не было соблазна воспользоваться неточным исходным массивом...

Вернемся к Вашим словам: «... я оказалась в НИИКСИ». Когда это было? Кто в те годы там был директором? Какая команда социологов тогда в нем работала?

Да, вот, «оказалась в НИИКСИ», в только что образованной лаборатории проблем подготовки специалистов в высшей школе, которой руководила молодая и прекрасная Елена Эмильевна Смирнова. Было это в 1974 году. По рекомендации Ю. Д. Марголиса Е.Э. взяла меня почти без пристрелки. «Почти» — потому что один предшествующий разговор квалификационного содержания все же состоялся. Там я что-то импровизировала в ответ на ее вопросы, рисуя при этом схему с характерными «щедровицкими» человечками, что, видимо, стало дополнительной гирькой на весы ее решения, потому что это имя и то, что с ним связано, было ей уже известно. Георгий Петрович Щедровицкий — еще одна о-о-о-очень большая величина в моей личной истории, но я не представляю, как о нем можно что-то просто рассказать. До сих пор ощущения, как от сверхплотной материи и сверхновой звезды одновременно. Однако, по порядку.

Явление науки вообще и аббревиатура «НИИ» в частности придавали эпохе 1960—70-х годов весьма романтическое звучание. Героем книг и кино стал МНС — младший научный сотрудник, он шел на грозу (Д.Гранин), стремился в космос, создавал мирный и немирный атом и т.д. Вот и НИИКСИ предстал для меня в таком романтическом ореоле, и я почти не шучу, и по сей день считаю проведенные там 25 лет лучшим временем своей взрослой жизни и работы.

Институт располагался во дворце графов Бобринских на улице Красной, а раньше и теперь Галерной. Галерной — потому что она вела к высоким заборам и запертым воротам бывших петровских верфей, а в советское время — Адмиралтейского судостроительного завода.

стве с которым стоял и дворец. Это соседство нам никак не досаждало, а порой бывало очень даже полезным, когда во времена продуктового дефицита к нам в институт дородные заводские буфетчицы приносили в корзинах нераспроданные предпраздничные «заказы» – свертки с копченой колбасой, сырой печенкой, растворимым кофе и т.д.

Сам дворец находился в плачевном состоянии – обветшалый, сырой, но просторный и экзотичный. В самых неожиданных местах, посреди вполне утилитарных стен глаз нет-нет да и выхватывал какой-нибудь бывший декор, и прямо из темноватого коридора можно было попасть в помещения со следами былой роскоши. Такими были юридическая лаборатория, обитая по стенам поблекшим багровым шелком (Красная гостиная), овальный кабинет директора, в 1970-е Алексея Степановича Пашкова, с высоченными арочными окнами, выходившими в сад и создававшими для Ученых советов дивную атмосферу загородной дачи, и сама приемная перед директорским кабинетом, очень светлая, легкая, воздушная, цвета слоновой кости зала, очень подходящая для приветливой милой женщины, секретаря Алексея Степановича, которую все звали просто Валечка. Настолько Валечка, что я даже не помню ее отчества. Из тех секретарей, которые всем рады, за всех болеют, всем помогают и самого директора очеловечивают. Еще мне очень нравилась центральная ротонда с высоким куполом и двумя округлыми лестницами, по которым сновало все местное народонаселение, где можно было встретиться и переговорить с коллегами и где на площадке, на лавочке, сживали, бывало, четыре наших богатыря – Юрий Алексеевич Суслов, Павел Николаевич Лебедев, Николай Грибалева и Роман Могилевский. Молодые, озорные, мозговой авангард института. Мимо них и ходить-то было страшно – сразу четыре пары насмешливых мужских глаз, но по-хорошему насмешливых, дружеских, втягивающих в живую общую жизнь.

Впрочем, наша лаборатория поначалу этих красот была лишена. Ее первый адрес – подвал жилого дома на 1-й линии Васильевского острова, мало похожий на научный центр. Да и потом мы сменили несколько адресов и помещений в разных концах города и в самом дворце, часто тоже в сырых и холодных повалах. А вот на общеинститутские мероприятия собирались в «парадных залах» с лепниной и росписями. Общими мероприятиями были профсоюзные собрания и методологические семинары. Надо сказать, что к своему «титульному» имени – Институт комплексных социальных исследований – коллектив относился серьезно, и проблематика комплексности, системности, междисциплинарности была в научной жизни центральной. Или одной из центральных, уступая место только ведущей, локомотивной теме – социальному планированию, в которой я ничего не понимала, и рассказать в связи с этим ничего не могу. Бывать на общих мероприятиях мне очень нравилось, потому что там обретал плоть явственно выраженный научный коллектив, где между отдельными лабораториями не существовало жестких дисциплинарных и понятийных границ, и где атмосфера была очень похожа на прославленный Аркадием и Борисом Стругацкими понедельник, который начинается в субботу.

Вот, например, и я почти не шучу, главным событием рабочего дня могло быть, и часто бывало, чаепитие. Одно из наших помещений во Дворце к этому весьма располагало – там стоял большой квадратный стол, за которым все могли устроиться. И вот, с самого утра и с самого начала рабочего дня кипятился элек-

трический самовар, выкладывалась на стол вся принесенная снедь и начинался разговор. С чего бы он ни начался, через несколько минут уже шел, можно сказать, симпозиум. Конечно, о работе, о ее научных тонкостях и о текущем проекте, хотя словом «проект» мы тогда не пользовались. Что важно: за чаем не существовало никакой иерархии или субординации, за чаем можно было не придерживаться понятийных строгостей, а изъясняться шуточно и бесконтрольно. Именно поэтому там рождались лучшие идеи и общее понимание дела. А вот по поводу политических проблем, уже во время Перестройки, конечно, кипели битвы. Во всяком случае, у меня с одним нашим коллегой.

В неформальной, но, по сути, очень серьезной мыслительной работе вдруг могли вскрыться какие-то важные тайны. Однажды некая прикомандированная к нам временно, помнится, с философского факультета, девушка в пылу спора почти вскричала: «Ну, что вы всё «общество» да «общество». Что это такое, блин, – общество?» – И стало понятно, что мы не очень-то можем ответить. Не будешь же всерьез утверждать, что это «Часть материального мира, отделившаяся от природы... и т.д.» А что? Пришлось прояснять представления. Но вот на днях, услышала ровно этот вопрос от магистрантки, правда педагогического профиля. А меж тем прошло лет 25 уже. Вот вам скорость развития нашего общественного сознания, вот вам его состояние и вот вам работа школы и университета по человеческому развитию...

И все-таки наука – прекрасная вещь. А коллективная научная работа, даже с известными внутригрупповыми напряжениями – самая прекрасная работа, которую я знаю. После ухода из НИИКСИ мне всего этого очень не хватает. Но по времени моего рассказа до этого еще очень далеко.

На самом деле, официальное название лаборатории содержало еще одно слово: «по исследованию проблем подготовки специалистов...», но этой смысловой нелепостью («лаборатория по исследованию») думаю, что сознательно пренебрегли, потому что без слов «по исследованию» получалось, что у высшей школы СССР есть какие-то проблемы. Заявить это столь открыто даже государственные учредители не могли. Однако лаборатория появилась на свет именно потому, что проблемы у высшей школы были, и нешуточные.

На днях одна моя приятельница, московский социолог, разместила на страничке Фейсбука фотографию своего диплома от, кажется, Общества «Знание», где черным по белому написано, что она – лектор «пропаганды проблем нравственного воспитания». Ну, чистый Фрейд! Так боялись одного лишь упоминания проблем, так обставляли всевозможными экивоками, что всё это, наоборот, бросалось в глаза и выдавало тогдашних «специалистов по дискурсу» с головой.

Но вернемся к проблемам подготовки специалистов. Еще в 1970 году в СССР была издана монография Филиппа Кумбса «Кризис образования в современном мире: системный анализ». В ней констатировалась неспособность образовательных систем угнаться за научно-техническим прогрессом и соответствовать его запросам в области подготовки специалистов из-за глубоких разрывов между содержанием образования и жизнью, т.е. характером реальных проблем, которые требуют решения. Книга вышла всего через три года после одноименного доклада автора на конференции ЮНЕСКО, что для нашей издательской системы и при нашем отношении к зарубежным идеям было более чем

оперативно. Видимо, «наверху» об образовании знали что-то большее, чем весь остальной советский народ, вполне удовлетворенный или даже вдохновленный суждением Дж. Кеннеди о лучшем в мире советском образовании.

Тут у меня в первом варианте текста стоит ремарка «подводники». Да, видимо, «наверху» и в других важных инстанциях об образовании и связанных с ним проблемах знали что-то серьезное. Надеюсь, никого не подведу, если расскажу один случай. Однажды к нам в лабораторию, тогда на ул. Чайковского угол Потемкинской, пришли трое красивых мужчин в морской форме и попросили оставить их наедине с руководителем. Подивились, что с ними будет говорит вот эта великолепная блондинка, но своих намерений не изменили, и разговор состоялся. Подробности Лена нам не рассказала, но в общем получалось так, что эти люди, офицеры-подводники, потрясены авариями, которые случаются на подводном флоте, в них гибнут их друзья, а причин они понять не могут. Обсудив и проанализировав между собой, кажется, все возможные варианты, они дошли до версии о недостаточной профессиональной подготовке. По каким-то отдаленным сведениям нашли лабораторию, вот именно, проблем подготовки специалистов и пришли консультироваться... Было в этом что-то от безысходности. А случилось лет за 15 до «Курска», а то и больше, когда о таких авариях ходили лишь очень глухие слухи.

Так или иначе, открытие лаборатории произошло по госзаказу, то есть были выделены средства и «спущена» тема – модель специалиста. Результатом разработок должны были стать нормативные или даже идеальные «образы» специалистов для их более точной, в том числе, целевой, подготовки в вузах. Пока называю явление сорокалетней давности применявшимися тогда словами и терминами, хотя сейчас оно выглядит и терминологически описывается иначе.

Такой заказ поступил не нам одним, моделями специалистов занимались на всех ступенях системы образования от чуть ли не ПТУ до университетов. Кто-то шел путем определения необходимых психологических качеств специалистов, и получалась модель личности специалиста. Кто-то аналитическим или экспертным путем конструировал квалификационные характеристики для номенклатуры специальностей, а кто-то, как наша исследовательская группа, подходил к задаче путем моделирования самих профессиональных деятельности. И на то время этот подход был наиболее правильным и наиболее научным. Идея состояла в обратной связи между сферой практики и учебным процессом. В вуз, который, по умолчанию, понимался как структура, консервативно транслирующая некие автономно существующие знания, следовало «вернуть» информацию о том, что «на самом деле» на своих рабочих местах делают специалисты, чтобы под эти живые требования подогнать содержание образования. То есть как бы осуществить обратную связь.

Была в этом подходе одна методологическая заноза, не до конца осознаваемая. Потому что, вот именно, «как бы осуществить». «Вернуть» вузу информацию о реальных практиках специалистов и подгонять к ним учебный процесс тогда означало замкнуть порочный круг. Потому что реальные практики застойного производства в стагнирующей экономике могли лишь законсервировать их в образовании. И что? Обучать будущих специалистов перманентному ремонту гнилых труб и руководящим приемам приведения в чувство загулявших рабочих, как это получалось по нашим данным? Хорошенькое развитие в период НТР!

И вот вдруг подумала, прямо сейчас: а может, именно так и надо было учить? Вот это был бы эффективный менеджмент. Кстати, слова «менеджмент» ни мы, ни наши респонденты тогда тоже не знали.

Сегодня, когда квалификационные модели и профессиональные стандарты разрабатывают на основе экспертного мнения руководителей и работодателей, задача тоже вряд ли решается надолго, потому что руководители и работодатели далеко не всегда могут считаться прогностически ценными экспертами – главным образом, потому, что тоже существуют в мало развивающихся контекстах. Работодатель вряд ли может прогнозировать и проектировать необходимое ему образование работников. Он не стратегический мыслитель, не визионер, не прогнозист и не проектировщик новых видов деятельности, и он тоже не знает, что ему понадобится завтра, кроме способности людей переучиваться и коммуницировать. Попытка исследовать проектно-прогностическую позицию, например, школьного руководства показала, что оно, как правило, не выходит за границы представлений о текущем состоянии квалификаций учителя. Директора школ видят образ нового педагога просто как улучшенный старый – все то же самое, только более дисциплинированно и ответственно.

Но это мы сейчас такие умные, а тогда, в середине 1970-х, обращение к практике деятельности специалистов, повторюсь, казалось наиболее адекватным шагом в изменении содержания образования. Итак, мы определились через модель деятельности и тем самым вышли, без преувеличений, на передовые рубежи науки и методологии. Потому что присоединились к деятельностному подходу и обсуждению категории «деятельность», которая преодолевала научно-коммунистическую детерминацию всего сущего, выводила из тени субъекта деятельности, а вместе с ним – его собственные цели, что уже было почти криминально. Но свежо! И в обстановке унылых 70-х это примиряло с действительностью. Отсюда дорожка вела как раз к московским философам-системщикам, к проблемам комплексных исследований и к школе Г. П. Щедровицкого.

В своем интервью для Вашего, Борис, проекта Лена Смирнова вспоминает коллизию с ее докторской защитой, где была подвергнута сомнению сама научность проведенных исследований по модели деятельности, и Вашу поддержку, которая ей существенно помогла. Хочу обозначить здесь свою позицию.

Честно говоря, в ходе той работы я не очень понимала, почему она считается социологической. Мы ничего не стремились узнать о людях и обстоятельствах их жизни, а лишь методично (чуть не сказала «тупо» – однако же совсем не тупо!) фиксировали детали их рабочего функционирования. Тут надо рассказать, что собой представляли наши модели. Я пришла в лабораторию, когда методическая основа уже была заложена. Модель понималась как структурированный текстовый аналог деятельности. В качестве структур выделялись несколько параметров описания (сейчас говорят «дескрипторов») – проблемы, которые решает специалист, знания, которые он при этом применяет, функции, которые исполняет и некоторые другие, то есть, действительно то, на что надо было ориентировать учебный процесс. В нашей инструментарии они были представлены в виде многоуровневых номинативных шкал. Сегодня это называется «профессионально-квалификационные модели», средствами описания в них

служат наборы компетенций и компетентностей работника, довольно широко применяемые в рекрутинге и в корпоративном образовании. Конструируются они, в основном, экспертным методом, в том числе, с прикидкой на прогноз.

А мы это делали социологическим методом, опросом, то есть экспертами по фактическому характеру деятельности у нас выступали сами работники разных отраслей и предприятий. И это в результате делало сугубо техническую задачу познавательной и научной. В методическом отношении это было полностью стандартизированное, формализованное интервью с измерительной процедурой. Структурное описание деятельности создавалось путем ранжирования фрагментированных элементов деятельности по частоте или важности. Для удобства ранжирования каждая «деталь», а их было несколько десятков, штук сто пятьдесят в общей сложности, заносилась на отдельную карточку. Таким образом, респонденты – инженеры и научные работники – занимались у нас в ходе интервью раскладкой пасьянсов из этих карточек, причем делали это с интересом и удовольствием. С тех пор я ничего подобного не встречала. Надо ли говорить, что обработка гигантских «простыней» с накоплением и пересчетом ранжированных рядов в итоговые частотные конструкции происходила вручную? Таки вручную.

Себе для удобства работы я сшила из клеенки такую «кассу» с кармашками, как для азбуки в первом классе. И это немало способствовало точности работы, потому что ничего не терялось, не перепутывалось и сохраняло «концептуальную стройность».

Ой, к вопросу о концептуальной стройности и всякой другой концептуальности. Не забыть хотя бы упомянуть Владимира Александровича Сухина, нашего замдиректора, человека явно из каких-то спецслужб. К науке, за которой он должен был «присматривать», он относился с плохо скрываемым презрением, одним из самых больших его удовольствий было напомнить, что для выполнения какой-нибудь срочной внеплановой работы у сотрудников есть еще суббота, воскресенье и две ночи (типа «Сталин не спит, и вам спать не положено»), а слова «концептуальная схема» буквально бесили этого человека.

Да, так вот, в ходе интервью, за раскладкой пасьянса из карточек, наш собеседник выкладывал такую мозаичную картину своей работы, мог карточки двигать, перемещать, и тем самым рефлексировать, ибо выявление устройства чего бы то ни было – работа рефлексивная. Делали они это, чаще всего, не молча, и вот тут начиналась социология.

Ну, то есть, волей-неволей мы были вовлечены в наблюдение. Конечно, никто даже не задумывался о запечатлении и сохранении результатов этих наблюдений. И это ужасно жалко! Некоторое время они существовали в лабораторном фольклоре, в нескольких замечательных «капустниках» по разным поводам, но теперь растворились в вечности. Если только у Лены сохранилось что-то... но она с тех пор несколько раз переезжала с квартиры на квартиру, так что вряд ли.

Но кое-что я помню. Например, по работе с моделью инженера химикотехнолога. Заказ на эту модель мы получили от московского Института тонких химических технологий (МИТХТ), преподаватели которого, ученые, профессора, сформировали основную семантику модели, ее многоуровневые шкалы. В шкалу знаний, используемых в работе практикующими специалистами на местах, они включили экологические и информационные знания. Ну, что касается экологии, мы кое-что понимали, а вот с информационными были проблемы, потому что

понять и, главное, объяснить, что это такое в конце 1970-х—начале 1980-х годов мы не могли, ибо в окружающей действительности то, что потом стало информационным феноменом, еще полностью отсутствовало, и лишь слово откуда-то долетело, а люди из МИТХТ оказались чуткими к его явлению на нашей почве и включили в состав модели «опережающим порядком». Но ни нам, ни, тем более, нашим респондентам от того было не легче. Как-то выкручивались, что-то на пальцах поясняли. А с параметром «экологические знания» даже получили косвенно довольно существенный результат. Потому что выяснилось, что в те годы, да еще в отдалении от столиц, а для сбора материала мы ездили на эти производства в Горький, в Подмоскovie и еще куда-то, далеко не все работники химических производств знали, что это такое. Нет, само влияние химических производств на состояние окружающей среды ими понималось, но термина такого они не использовали, и такой категорией не мыслили.

– А! Это вы про выбросы, что ли, говорите? (Имелись в виду выбросы в атмосферу вредных веществ из заводских труб) – Бывает, да, занимаемся этим.

– Но ведь у вас семья здесь, дети

– Конечно, иной раз и задумаешься, что это все жуткая отравка, и надо отсюда уезжать, но пока работаешь – никуда не денешься: план выполнять надо.

Или вот еще «сгусток эпохи», правда, более поздний, когда мы уже занимались темой «Образ жизни специалиста с высшим образованием» (смех и грех от этих официозных названий). Уже не помню как, но в рамках этого задания удалось провести опросы в городе Иваново, на знаменитом Ивановском станкостроительном объединении, где директором был тоже знаменитый Владимир Павлович Кабаидзе. Завод тогда пытался строить автоматизированные системы, станки с «числовым программным управлением» (ЧПУ), и чтобы поддержать марку, им создавали оранжерейные условия, оставляли практически всю прибыль – на социалку, на технику, но все равно ничего не получалось. А у нас в отчете по эмпирическим данным выходило, что два ключевых отдела, конструкторский и технологический, так отличаются между собой по оснащению, поощрениям, вниманию со стороны руководства и т.д., что существуют как будто в разные научно-технические эпохи. Первые – уже с компьютерами, а вторые, тут же, за фанерной перегородкой – все еще с карандашом и бумагой. По уровню удовлетворенности условиями труда, если представить нормированную шкалу со срединной нулевой отметкой, то в конструкторском отделе большинство оценок было выше нуля, а в технологическом – ниже. Как сейчас вижу этот график с зубцами: одни смотрят высоко вверх, а другие – глубоко вниз. Ну, и в выводах было что-то про то, что надо готовить резерв для будущего нового руководства заводом, потому что вокруг Владимира Павловича, которого все обожали, и который мыслился такой глыбой, за которой завод был, как за каменной стеной, люди не видели «второго эшелона» руководителей, никакой новой поросли. Отчет отправили, а потом с завода звонили в партбюро института, и Елену Эмильевну вызывали «на ковер». Если я правильно помню, спрашивали, откуда взялся этот вывод, является ли он мнением коллектива или мы это сами придумали. Но никаких санкций для лаборатории, кажется, не было, потому что шла уже Перестройка.

Может, кто-то из «ответственных работников» все-таки чувствовал какую-то пользу от социологической «биопсии», ведь разрешали работать в ключевых местах, каким было Иваново, вот, даже отчеты читали, хотя, по всеобщему убеждению, ими интересовались только крысы в наших шкафах. С одной такой я однажды столкнулась буквально лицом к лицу, на верхней полке шкафа. Испугаться не успела, быстренько закрыла дверцу и решила не мешать ей расправляться с уже частично погрызенными папками...

Тут – не корысти ради, а токмо волею давнишней дружбы с Леной – я должна пропеть ей панегирик и воскурить фимиам. Лена вела себя исключительно осторожно, и в этом была большая мудрость, которой я тогда не понимала. Но доверяла ей и не противилась. Ведь ее трепали и в парткоме Института, и в Смольном, но на нас она никогда ничего такого не опрокидывала. Почти никогда. Мне один раз досталось за какой-то радикальный вывод. Ее талант (не зря у нее всегда были кошки, и о них она рассказывала с больши-и-и-м пониманием кошачьей природы!), так вот, ее талант – вести дело «мягкими лапками», но с железной хваткой, медовым голосом сообщать миру только то, что считает нужным, отстаивать только те интересы и цели, которые сама себе задала, и уверенно собирать вокруг этого группу. И, вот, люди, которые не были полностью лояльны общему делу, довольно быстро из лаборатории исчезали. Теперь мне кажется, что именно из-за этой осторожности она была не склонна сильно углубляться в теоретические дебри, чуя, что от этого могут быть лишние неприятности. Огородила себя как бы простеньким лейблом «я эмпирик» – и тут взятки были, в основном, гладки. А мне довольно быстро стало интересно именно теоретическое в социологии, хотя и эмпирической работой я тоже заниматься очень люблю. Потому что точно знаю: это всегда даст что-то, что мне еще неизвестно. Аж дрожу, когда получаю новый массив материалов.

Эта дрожь мне ой-как знакома; а иначе зачем искать? Помню, я еще студентом обработал ночью на ЭВМ материалы психологических измерений И. М. Палея и разглядел в результатах факторного анализа то, о чем он мне «на пальцах» рассказывал. От невозможности сразу связаться с ним я так «перегрелся», что вынужден был запихнуть голову в раковину и остужать ее водой из-под крана.

Оля, пожалуйста, расскажите мне о своем кумире Г. П. Щедровицком. Он меня и сам по себе интересуется (я его никогда не видел), и как студенческий друг Б. А. Грушина. Они, а также М. К. Мамардашвили и А. А. Зиновьев образовывали группу «диастанкуров»; я немного писал о нем...

Вы просите, Борис, рассказать о Георгии Петровиче Щедровицком.

Я принимаю этот высокий вызов, но буду рассказывать не столько о нем самом (ибо уровень моего знакомства с ним этого не позволяет), сколько, как написано в интервью выше, о его исключительном значении для меня лично как профессионала и как человека. Буду далее называть Георгия Петровича «ГП». Это не будет фамильярностью, так как это его законное именование для всех, его знавших.

Как ни странно, но ГП и то, что с ним связано – это попытка ответа на один из довольно рано отрефлексируемых моих «собственных» вопросов: как люди мыслят? Где-то выше я писала, что само возникновение в молодой голове собственного познавательного вопроса, вопроса к окружающему миру

вообще, было ощутимо необычным событием, и даже, кажется, вспомнила, что это был за вопрос. Но на самом деле, первым настоящим вопросом, на который мне хотелось получить ответ, был именно этот: как люди мыслят — словами или образами, как возникают мысль и смысл? Я даже задала его на одном и первых университетских семинаров по философии. Кажется, это был диамат, диалектический материализм. Ответа не помню, видимо, его по сути не было, да и по сей день вообще нет. Или пока нет, потому что искусственный интеллект уже есть.

Думаю, практически мгновенное принятие способа репрезентации смыслов, с которым в моей жизни появился ГП, стало так или иначе ответанием (не ответом) на этот засевавший в голове вопрос, изредка дававший о себе знать.

Отсюда же и моя любовь к Л. Леви-Брюлю, «Первобытное мышление» которого прочитала на первом курсе, чтобы лет через сорок вернуться к нему в собственной работе в книжке «Социальное бессознательное» (2005 год, в соавторстве с З. В. Сикевич и Ю. А. Поссель).

Мои преподаватели философии, а это, напомним, 1967–72-й годы, были с работами ГП знакомы, да он и сам бывал в Академгородке. Во всяком случае, имя это я слышала на занятиях и изложение каких-то тематических вопросов учебной программы усвоила уже в соответствующих акцентах и рисунках-схемах с характерными «человечками» как действующими лицами обсуждаемых процессов. Вот, например, схему того, что сейчас называют социальным изменением, показал нам Владимир Александрович Конев на лекциях по истмату. Не через классовую борьбу, как полагалось бы, а через изменение нормы. Причем эта измененная норма на схеме существовала вне основного процесса социального воспроизводства, в некоем отдельном пространстве, там формировалась и «возвращалась» в мейнстрим, тем самым изменяя его содержание. Инакомыслие, однако! и инакодействие «вшивались» тем самым в этот самый процесс. Что подразумевало и наличие «инакодействующих», которые в схеме и присутствовали в виде антропоморфных значков. Потом, в несколько более сложном виде, я такую схему видела и в работах ГП. И вот вам маленькая инъекция в мировоззрение, наверное, давшая позже свои ростки.

Какими-то путями идеи Московского методологического кружка irradiровали по научному пространству Советского Союза, и вот уже в Ленинграде, при поступлении в НИИКСИ, а это 1974 год, имя ГП и рисование схем с человечками послужило мне пропуском в социологию. Впрочем, что значит «какими-то» путями? Сетевыми, конечно, — в том смысле, что социальные, а пуще того, профессиональные сети существовали всегда, и «эйдосы» разные в этих незримых колледжах летали по умам, как хотели. Точнее, как умели, в меру восприимчивости к идейной новизне.

А восприимчивость была, оттепельного и НТР-овского происхождения. И если первая «в верхах» уже иссякла, то вторая, наоборот, набирала обороты и ставила нешуточные задачи, в том числе, глобального противостояния политических систем, борьбы за космос и т.д., и только этим я могу объяснить, что в орбиту влияния московских методологов вовлекались все новые отрасли науки и практики – первоначально педагогической и спортивной, позже — градостроительной, управленческой, научно-производственной.

Это была уже не философия, а ныне широко известное явление, даже движение под именем «организационно-деятельностные игры» или ОДИ. Феномен ОДИ – это особого рода интеллектуальные коллективные игры, осмысленные как средство и метод решения сложных междисциплинарных, межпрофессиональных и даже межкультурных комплексных проблем, размышление над которыми «подкреплялось государственными и партийными установками», так как имело «важное народнохозяйственное значение». Игры эти сам ГП считал удобной и достаточно эффективной формой организации и развития коллективной мыследеятельности, называл новым социокультурным явлением современной жизни. Так пишут на сайте Фонда Г. П. Щедровицкого (<http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/49>), в таком значении ОД-игры исследуются и изучаются в университетах, и, скорее всего, практикуются в разного рода «think tank'ax». Потому что работа под девизом «Анализ техники решения сложных проблем и задач в условиях неполной информации и коллективного действия» может относиться к о-о-очень разным и в том числе, о-о-очень современным проблемам.

Так или иначе, в НИИКСИ, который, вот именно, НИИ комплексных социальных исследований, с конца 1970-х годов, кажется, персонально на имя Е. Э. Смирновой, стали приходить приглашения участвовать в работе ОДИ, как правило, образовательного профиля. И мы, сначала с Е.Э., а потом я одна, несколько раз в них участвовали – в Горьком, в Киеве, в Пушкино и в Калининграде, последний раз – в 1988 году.

Я не сразу «въехала» в то, что происходит на ОДИ, да никто и не принуждал «въезжать», и это принципиально. Но со временем поняла, и расскажу здесь так, как понимаю.

ОД-игра – это довольно длительное, как правило на неделю плюс два выходных, мероприятие, в котором участвуют порядка сотни, а то и больше, человек. В структуре Игры есть общие, установочные заседания, работа в группах по разным разделам общей темы и несколько внешних оболочек, работающих в рефлексивном формате – в основном, для организаторов и исследователей Игры. Задач у Игры несколько. Это, конечно, достижение поставленных целей по заявленному содержанию – например, «Проектирование вуза нового типа для г.Пушино (1988)», но также это изучение процессов самоорганизации межпредметной, межпрофессиональной коллективной мыследеятельности и развитие человека в этих совокупных процессах. Да-да, развитие человека, участника этой деятельности, – тоже задача Игры, и это я могу подтвердить на собственном опыте, об этом ниже.

Сам Георгий Петрович произвел на меня – придется выразиться банально – сильнейшее впечатление. Прежде всего, тем, что простой и привычный мир в его устах вмиг превращался в клубок вопросов. Все, о чем он говорил, оборачивалось своей неизвестной стороной, всю нашу стабильную, рутинную, банальную, удобную, очевидную реальность он предлагал видеть через призму сомнения: а так ли это на самом деле? Называлось «проблематизировать» и относилось ко всему, что только выглядит очевидным.

С нашей последней встречи прошло почти 30 лет, а впечатление не ослабевает. Худой, подвижный, с лицом аскета, с острым, пристальным, почти сверлящим, взглядом и слегка грассирующей речью, великолепный лектор и полемист, он владел любым залом полностью, сколько бы времени это ни занимало.

В кругах, настроенных к нему и его делу негативно, бытует мнение чуть ли не об умственном принуждении аудитории к высказываемым принципам и положениям, но, думаю, это мнение тех, кто не мог понимать говоримое, реакция на непостигаемость смыслов происходящего, в сущности, реакция комплекса неполноценности. Я почти сразу уловила в Игре два потока смыслов, (на самом деле, их было значительно больше). Один – это коммуникация организаторов ОДИ между собой. Как с другой планеты. Понять их, особенно поначалу, было совершенно невозможно. Ибо это был густой, категориально непроницаемый извне язык – язык секты или экзегезы избранных. На самом деле, как и любой узкопрофессиональный язык, он рождался для описания нового способа бытия – методологии коллективной мыследеятельности. Разумеется, ощущение своего несоответствия этому их внутреннему существованию у сторонних людей могло возникать и возникало. Но при желании примкнуть в сообществу оно, в общем, могло быть реализовано и требовало лишь умственных усилий и практики.

Для ощущения важности, новизны и серьезности происходящего, для получения реальных результатов участия это было совершенно не обязательно, потому что этот самый результат каждый получал сам, и потому что с залом ГП говорил на другом языке – полностью понятном любому внимательному слушателю, с постоянным обращением к живым человеческим случаям и ситуациям, содержательно богатом и даже увлекательном. Мысль его, чрезвычайно разветвленная, за каждым поворотом открывала новые пространства смыслов, и каждый ее поворот означал наличие в этом месте некоего вопроса, проблемы, новизны, интереса – в общем, чего-то, раньше не замечаемого. Интеллектуальное удовольствие от этого «когнитивного детектива», да простится мне такое слово, было огромным. И этот дискурс я понимала полностью – не в том смысле, что исчерпывающе для того, что закладывалось автором, а в том смысле, что у меня не оставалось ощущения недоговоренности или барьера, за которым для непосвященных был обозначен «запрет на проникновение».

Работа на Игре в группах, принципиально межпрофессиональных (туда можно было записаться только по интересу к тематике, которая, в свою очередь, представляла собой содержательную декомпозицию общей проблемы Игры), заключалась в составлении доклада для заключительного пленарного заседания. Как составить такой доклад в группе людей, впервые видящих друг друга и представляющих разные сферы деятельности? Ну, понятно, каким-то образом объединив усилия. И вот это объединение усилий и было самым трудным делом, потому что ни на одном отдельном профессиональном языке комплексные проблемы практики описаны и решены быть не могут. Поэтому каждый из участников, попробовав сначала настаивать на своем профессиональном видении проблемы, но, не добившись успеха и не подчинив себе группу, неизбежно вынужден был «выйти» из профессиональной позиции и участвовать в создании общего понимания и общего языка описания проблемной ситуации.

В группах работали и приглашенные участники, часто со всей страны, и члены методологической команды. Все на равных правах, только методологи, кроме работы по теме, вели еще и исследование игры, наблюдение за процессами содержательной коммуникации и интеллектуальной самоорганизации. Таким образом, в тематических группах, как в колбах, шли сразу несколько многокомпо-

нентных «реакций взаимодействия», «выращивались» сразу несколько структур коллективного интеллекта, коллективной мыследеятельности. Интеллектуальная возгонка иной раз оказывалась исключительно мощной.

Однажды, в мой приезд на игру без Елена Эмильевны, меня поселили в один гостиничный номер с девушкой из московской команды. После одного из рабочих дней мы разговорились, и проговорили, обсуждая ход игры, поставленную проблему и разные сопутствующие идеи, почти всю ночь. Наутро в нам зашел один из организаторов, поводит руками над моей головой и серьезнейшим образом констатировал ощущение огромного энергетического умственного, как он выразился, «столба». Только, – как он сказал, – очень неорганизованного.

Я ни в какой степени не признаю паранормальных явлений, но тут поверила. Во-первых, потому что лестно, а во-вторых, потому что ночь проговорили, а усталости никакой, и зарядки хватило на весь наступивший день. А вечером – танцы! И опять почти на всю ночь. И тут должна сказать, что работа на Играх, когда в нее втянешься, шла практически круглосуточно, а вместо сна – танцы, и танцы тоже планируются в программе мероприятия как «активный отдых», а на самом деле как еще один ресурс человеческой психики, когда дело рождает энергию, а не наоборот (не знаю, кто сказал, но мне нравится).

На третьей моей Игре, в Пушкино, я умственно «разогрелась» до такой степени, что получила, прямо скажем, высокое признание и от москвичей-методологов, и от самого ГП – и за мои рефлексии хода игры, и за «умственный столб» (хорошо, что не столбняк), и за доклад нашей группы. С докладом получилось вот что. Как раз по теме «Проектирование нового вуза для Пушкино». В групповой работе никто, конечно, за столами не сидит, люди то расходятся по углам и что-то обсуждают на двоих-троих, то сходятся, чтоб обменяться результатами, кто-то рисует, а кто-то просто слоняется – самоорганизация идет, как идет. И вот, в какой-то момент стало понятно, что, вроде, всё обсудили, а общей картины нет. И тут я обнаруживаю себя в центре круга, и на меня со всех сторон устремлены ожидающие взгляды моих товарищей. Ну, то есть, по структуре процесса должна состояться венчающая все это дело кода, и честь ее исполнить почему-то достается мне. И некуда деваться, ожиданий обмануть нельзя, и страшным усилием, собравшись сама и собрав все увиденное и услышанное в группе за несколько дней, сама себе не веря, излагаю идею и структуру завершающего доклада. Это было потрясающее чувство, да и доклад получился вполне достойным.

А на другой Игре, кажется, в Калининграде, случился вообще «инсайт», результатами которого я пользуюсь всю оставшуюся жизнь. Заранее прошу прощения за пафосный рассказ, так ведь и событие не рядовое. Работа в группе было очень трудной, много неясного, непонятного, никак не удавалось привести содержание в какой-то порядок. Вышла из комнаты, где работала группа, и долго ходила по полутемному, пустому, коридору, с расположенными вдоль стен удобными красными бархатными креслами (почему-то мне сейчас важно сказать, что там было комфортно находиться). Итак, ходила туда-обратно по этому коридору, сосредоточившись почти до состояния медитации, а может, именно в медитации. И вдруг ощущение темноты и тумана в голове как будто полыхнуло светом, практически взорвалось – и на месте тумана возникла зримая картина мерцающей стройной Вселенной. И все. С тех пор этот ясный образ меня не покидает, мне

легко ориентироваться в других сложных ситуациях, как будто перемещаться по хорошо знакомому пространству, и скрепляется все это откуда-то взявшейся уверенностью в себе, которой раньше не было.

Ну, и скажите мне: разве этого не достаточно, чтобы подтвердить ощущение исключительной важности персоны Георгия Петровича Щедровицкого для того, кем я стала, как я себя понимаю и как действую? Ведь я самым непосредственным образом почувствовала в себе изменения, произошедшие благодаря тому способу существования, который создается в Игре. Так что задача развития человека, которую ГП ставил, в числе прочих, для ОДИ, в моем личном случае точно была решена.

Словосочетание «способ существования» встречается в разных моих текстах, но лишь недавно увидела статью М. А. Розова о Щедровицком, у которой в заглавии есть похожие слова – «способ бытия». И узнала, что Михаил Александрович Розов, мой преподаватель истории философии в НГУ, был близким другом ГП, что они познакомились еще в 1960-м году в Томске и, видимо, по этой связи он и бывал в Академгородке. Не могу исключить, что М.А. каким-то образом через курс истории философии транслировал определенные ценности или интерпретировал идеи, соотнося их так или иначе с интенциями Московского методологического кружка (ММК). А нам доставались, пусть и неявно, результаты этого внутреннего диалога. Возможно, это каким-то образом подготовило и меня к легкому восприятию и принятию картины мира с авторством ГП, причем на уровне фундаментальных понятий. И, конечно, понимание процессов такого рода – в данном случае, тайной жизни идей – имеет отношение к социологии знания, когнитивной социологии, формированию личности и т.д., – вопросам, которые меня увлекают более всего.

Даже не ожидала, что могу рассказать так много о влияниях «фактора ГП» на мою личную историю, но пора и честь знать, надо закругляться.

Г. П. Щедровицкий не был просветителем или культуртрегером, не «нес» новые знания и не пытался изменить мышление окружающих его людей, не «учил мыслить», как иногда говорят и как легко было сказать, скользя по поверхности. Нет, он ставил проблемы мышления как такового, обсуждал их не снисходя к предыдущей подготовленности аудитории (захотят – сами «дойдут») и он восходил от абстрактного, которым парадоксально выступали конкретные вещи реального мира, к конкретному – к тому, как должно быть. Так я это, во всяком случае, понимала. Предлагал проектировать это самое «как должно быть» – но не целевым, квази-марксистским способом, не предопределяя тем самым будущее, а самим процессом коллективной мыследеятельности, утверждая человека и человеческие коллективы в качестве субъекта истории, выращивая то, что я сегодня назвала бы гражданским обществом. Кстати, имя Карла Поппера в контексте предопределения истории, в те времена злейшего врага советской общественной науки, я слышала именно от ГП и, позже прочитав, совершенно влюбилась в исключительную четкость и ясность его (их обоих) мысли, в понятие интеллектуальной честности и превыше всего в своем мировоззрении ставлю – несмотря ни на что даже сегодня, во времена разгула преступного опрошения умов – веру в человека и его разум.

Была ли это «прогрессорская» работа в смысле братьев Стругацких? Думаю, что да. Само слово «прогрессор» иногда возникало в речах ГП, и это тройное «р» звучало, из-за его грассирования, особо раскатисто.

Как и многие, приезжая на свои первые игры, я задавала вопрос: «Что я должна делать?» И получала ответ: «Просто быть самой собой». Или, как писал где-то сам ГП по поводу установки на Игру: «Иди туда – не знаю куда, принеси то, не знаю, что. Это есть единственная формулировка (того, что следует делать – О.К.) и в Игре, и в любой другой проблемной ситуации». То есть: человека ставят перед открытой дверью, за которой – хочется сказать «дорога» – но как раз не дорога, а таинственное неструктурированное пространство, и в процессе его структуриации вы обретаёте другого себя, потому что на этом пути происходят события по формуле три «С» – самодеятельность, самоорганизация и самоопределение. Но это происходит только тогда, когда перед вами, действительно, проблема, то есть нечто новое, необычное, ранее не встречавшееся на вашем пути явление или препятствие. Это установка на жизнь как игру, как действие с открытым финалом, еще раз подтверждаемый отказ от предопределения результата. «Игра между людьми» как структурный принцип производящей системы, по Д.Беллу. И это есть, по сути, формула вероятностного процесса – движения, свойственного эволюции.

Что из этого всего имеет значение для меня не только лично, но и профессионально, для моей социологической работы? Потому что, еще раз скажу, что ГП совершенно не стремился к тому, чтобы все вокруг поголовно стали методологами или игротехниками. Ему казалось правильным, чтобы появлялись экономисты, психологи, управленцы и социологи с методологическим мышлением. Про социологов в этом контексте слышала от него сама. Итак, несколько вещей, важных для моей работы, я приобрела, просто пребывая в атмосфере ОД-Игры.

1. Слово «методология» для меня не пустой звук. Я очень строго отношусь к тому, как построить исследовательскую программу, чтобы получить релевантный результат, и учу этому студентов. Казалось бы, более чем естественная в науке вещь, но говорю об этом потому, что вижу попытки ниспровержения ее постулатов. И сюда проникает постмодернизм! И вот уже на коллегиальной страничке «Мануфактура СоцПох» в Фейсбуке, где обсуждаются методы социологических исследований, с изумлением читаю бурную дискуссию, в которой уважаемые коллеги подвергают сомнению эпистемологическую пару «объект-предмет» исследования, полагая ее инструментом пыток для аспирантов и ничего более. При этом недобрым словом поминают Щедровицкого (!), хорошо, что их своевременно поправляют Андрей Игнатьев и Виталий Куренной. Другое дело, что в огромном большинстве случаев в научных работах, в том числе, дипломах и диссертациях, эти важнейшие эпистемологические различия превращаются в ритуальные декларации и, на самом деле, не означают ничего, даже схоластики. А значит, не ведут ни к продуктивным гипотезам, ни к достоверным результатам.

2. Из других программных позиций особенно люблю момент проблематизации. Вот тут готова заменить дежурную «актуальность» всяческих «введений» на проблемную разработку. И понимаю, что далеко не все обладают самим по себе проблемным видением реальности, и далеко не всегда готовы понять и принять

его, даже молодые люди. Но вижу также, как у них загораются глаза, когда они начинают это понимать и видеть мир – да, полным драматизма, но и да, как свой рабочий стол, площадку постановки своих целей и принятия своих решений.

3. И, конечно, бесконечно благодарна ОДИ за осознание рефлексивности как способа социального и научного существования. Этот оборот сознания на себя, на понимание других людей, на метод работы, на самую мысль дает ни с чем не сравнимую уверенность в реальности собственного «Я» и ощущение своих возможностей.

А в заключение пропетого дифирамба не могу не признать с грустью, что все великое рано или поздно поглощается мелким. Полчища грызунов наползают на вершины и перемалывают их в массовидный продукт. Как писали еще И.Ильф и Е. Петров в «Золотом теленке», параллельно большому миру существует маленький мир, который хочет быть созвучным эпохе и паразитирует на ней. Достойное имя дал им Пьер Бодрийяр – симулякры. Вокруг обсуждаемой темы симулякров тоже полным полно. Как и любое омассовление, они являют нам опошление замысла, выхолащивание прорыва, оглупление неофитов и, в конечном счете, имитацию, деформацию и анти-результат, каким была, например, пресловутая «гуманитарная технология» у нас в РГПУ. И вот с нового учебного года у меня в пед.нагрузке курс «Технологии воспитания»...

Но и большой мир изменяет свои благородные очертания. Если принять значение ОДИ как предлагал это делать ГП, то есть видеть в них средство и метод решения сложных междисциплинарных, межпрофессиональных и даже межкультурных комплексных проблем, (см. выше) то можно сказать: был намечен путь реформирования социальных и хозяйственных, а может, и политических структур через реальное участие людей в их преобразовании и одновременное развитие и саморазвитие субъектов этих процессов. Это была попытка ответа на сакраментальный вопрос «как в преобразованиях, перестройках, инновациях, и изменениях учитывать традицию» – да через людей же, блин! Через культуру и просвещение!

Но, видимо, проделать эту прогрессорскую работу в столь массовых масштабах, которых требует дело реформирования целой страны с глубоко отягощенной социальной наследственностью, либо невозможно, либо для латентной диффузии этих идей просто не хватило времени. И оргдеятельностное начало уступило традиционно командному, авторитарному, и теперь мы наблюдаем деградацию возможностей самоизменения российского общества.

Что интересно: при утрате уже намеченных возможностей самодвижения, то есть при поколебленной, но не завершенной трансформации нормы, произошло не восстановление предыдущей модели организации общества, а «отскок» глубоко в прошлое, архаизация чуть ли не феодального, а то и племенного типа. Незавершенность реформ, недосформированность нового прочного статуса нормы опасны тем, что ситуация не может просто вернуться на ранее покинутую позицию. Ибо её больше нет, нет тех условий, при которых она существовала. И распавшаяся, растекшаяся, нестабильная социальная материя в поисках твердой почвы сходит с рельс и мчится вспять, теряя по пути все цивилизационные приобретения. Культура обнуляется, а куда двинется от нуля – большой вопрос.

Что же будет противоядием? Да ничего. Средства и методы коллективной мыследеятельности будут использовать все, кому не лень. А не лень, в том числе и силам зла. Террористам, например, и фашистам у власти. И тогда что? Тогда — кто победит. Армагеддон. Игра или война между этими самыми силами. Со всех понятий сняты маркёры морали, добра и зла. С ужасом видим, как интеллектуалы служат Системе, даже не желая ей служить. Тезис «Культура имеет значение» в устах Е. Ясина, А. Аузана и А. Архангельского, совсем не то же самое, что в устах В. Суркова и иже с ним, «культурологов в штатском», ныне столь профессионально и эффективно разрушающих мозг нации, растлевающих ее с помощью «гуманитарных технологий» пропаганды и манипуляции. Потому что они тоже поняли, что культура имеет значение, и конструируют ее такой, какая нужна для сохранения их переродившейся монструозной власти. И это — не исключая — на базе глубокого познания человеческого мышления как такового.

Оля, выше Вы отметили: «мою кандидатскую Владимир Тимофеевич Лисовский увидел готовой». Интересно, что Вы исследовали и в силу каких обстоятельств Лисовский увидел ее лишь на последнем этапе? Я не за то, чтобы руководитель контролировал весь ход работы, помогал бы аспиранту готовить текст, но — мне кажется — что зачастую между старшим и младшим возникает потребность в обсуждении проблем, интересных обоим.

Ответ на этот вопрос будет не таким пространным, как на предыдущие. Тут все просто.

Кандидатскую я защищала в 1987 году, т.е. уже проработав в НИИКСИ больше 10 лет. Тема была непосредственно связана с нашей плановой работой, о которой я выше писала — «Моделирование профессиональной деятельности специалистов: на материалах исследований научных работников и инженеров». В аспирантуре я не училась, да и соискательство оформила уже когда стало ясно, что диссертация в целом сложилась. То есть никакой специальной дополнительной учебы с целью повышения квалификации до уровня кандидата наук я не проходила, а три года соискательства ушли фактически на сдачу кандидатских экзаменов и оформление всех процедур. К социологии кандидатские экзамены имели весьма опосредованное отношение, потому что такой отдельной научной специальности ВАК в 1987 году не было, и кандидат я философских наук по специальности «прикладная социология».

Все мы тогда защищались на философском факультете ЛГУ. Из-за модного, но еще не освоенного, модельного подхода научным руководителем мне назначили Виктора Александровича Штоффа — выдающегося специалиста по методологии науки и методу моделирования. Ему я сдавала кандминимум, и один раз мы встречались для обсуждения работы. Но, к сожалению, Виктор Александрович вскоре скончался, и в этот трудный момент руководство диссертацией подхватил Владимир Тимофеевич Лисовский, чем, конечно, оказал мне неоценимую помощь и поддержку. Однако с Владимиром Тимофеевичем мы к этому времени были уже в совсем иных отношениях — коллегиальных, а не ученических, тему диссертации он сменить не предлагал и, видимо, полагал, что особенно пристально руководить моей работой уже не нужно, т.к. она уверенно развивалась в рамках программы лаборатории у Е. Э. Смирновой. Общих научных проблем у нас, собственно, не было. Его область, социология молодежи,

и моя, социология профессий, практически не пересекались, по крайней мере, тогда. Кроме того, в качестве редактора нескольких институтских сборников он читал мои тексты, приглашал вместе с ним сборники редактировать — в общем, доверял, понимая, что не подведу. С его легкой руки одним из официальных оппонентов на защите был у меня Владимир Александрович Ядов. Он, правда, из Москвы не приезжал, но прислал текст отзыва. К великому сожалению, у меня не сохранилось копии, но, видимо, отзыв был положительный, коль скоро искомая степень у меня есть.

Я не знаю, как В.Т. руководил другими своими подопечными, но уверена, что не мелочно и не идеологически. Он был человеком, абсолютно открытым для тематического и проблемного разнообразия, и, по-моему, легко допускал существование вокруг себя «всего, что шевелится» — и в науке, и в просыпающейся общественной активности 1980–90-х годов. Помнится, что он не одобрял решений суда над И.Бродским, когда тот заклеил его как тунеядца («Поэт не может быть тунеядцем»), общался с неформалами, кришнаитами, вел с ними дискуссии, был знаком с Валерией Новодворской, говорил о ней с симпатией, называл ее Лера и «старая дисси». Очень скудная страница о нем в Википедии, но в других публикациях, особенно его коллег по лаборатории молодежных проблем в НИИКСИ, есть чудесные, теплые, эмоциональные очерки о нем.

Так случилось, что через 15 лет после кандидатской, уже при защите докторской диссертации, Владимир Тимофеевич согласился быть у меня официальным оппонентом. Но он покинул нас в мае 2002 года, и тогда, за месяц до защиты, меня опять «подхватил» другой благородный человек — Николай Генрихович Скворцов. Легкость, с которой он пошел на этот шаг, наверное, связана с тем, что он полностью доверял Владимиру Тимофеевичу в этом вопросе.

Итак, я не имею социологического образования, не училась в аспирантуре, соискательство тоже не стало серьезным образовательным этапом, и все же все ступени квалификационной лестницы до степени доктора наук я преодолела. Уверенно заявляю, что исключительно благодаря огромному интересу к социологии и тому, что называется самообразованием, а также опыту работы в кругу столь же увлеченных людей, моих коллег. Много читала, слушала, смотрела, старалась понимать то, что делают другие, и — извините за нескромность — думала. До много доходила, как Ляпкин-Тяпкин у Н. Гоголя, «своим умом». Но слабость теоретической, понятийной базы, фундамента профессионального мировоззрения, довольно долго сказывалась. Мне не хватало категориального аппарата, чтобы выразить какие-то интуиции, обосновать наблюдения, интерпретировать выявленные эмпирические факты.

Но время шло, и в середине 1980-х мы уже кое-что из зарубежной социологической классики и современной литературы имели возможность читать. Большим событием стало появление в 1983 году нового «Философского энциклопедического словаря». Курировали его, конечно, еще Л. Ф. Ильичев и П. Н. Федосеев, но среди научных консультантов и авторов уже были С. С. Аверницев, В. И. Гараджа, А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, А. Г. Спиркин и другие, новые по духу, люди. В Словарь оказались включены немало статей социологического содержания, и он вообще совершенно иначе представил философское и социальное знание. Ну, например, статью «Социализм» писал известный и популярный тогда политолог и политкомментатор Александр Бовин, а статью «Социоло-

гия» – Игорь Кон. Я бы и сегодня назвала Философский словарь 1983 года предвестником Перестройки, развернувшим советскую картину мира пост-тоталитарным образом. Прямо, чуть ли не Энциклопедия в духе Дидро и Вольтера. Помню, как мы с кем-то из сотрудников лаборатории специально ехали в магазин Политиздата, купили сразу несколько толстенных томов – чтобы на всех, и возвращались с ними в институт откровенно счастливые. Позже начали издаваться труды коллектива под руководством Ю. Н. Давыдова («Буржуазная социология на исходе XX века», 1986 г., потом, в 1990-е – 4-томник «История теоретической социологии») и это была уже серьезная база для того, чтобы социология не сводилась только к опросам. Но в середине 1980-х многое приходилось все же изобретать на ходу.

Чтобы исследования по моделированию профессиональной деятельности могли считаться научной работой, а не просто утилитарным измерением каких-то поведенческих актов, понадобились определенные понятийные конструкции и концепции, обобщения, наделенные социальным смыслом. На этом пути эмпирическое моделирование с помощью многомерных шкал удалось осмыслить, как мне теперь кажется, в рамках проблемы, имеющей словарное название «структура и воля» (взаимодействие субъекта действующего с объективными системами функционирования), развести понятия «специальность» как область знаний и «профессия» как вид деятельности, понять профессию как социокультурный феномен, ввести позицию индивидуального субъекта в интерпретацию процессов развития профессии, связать остро стоявшую проблему адаптации молодых специалистов с застойным характером экономики и показать неизбежность нормативных трансформаций в профессии, осуществляемых некими (слово перестроечной эпохи!) инноваторами. И все это – не голословно, а с эмпирическими репрезентациями.

Защита была успешной, утверждение пришло быстро – но 15 лет спустя, на докторской, многое из диссертационного процесса выглядело уже совсем по-другому.

Нельзя ли здесь подетальнее? На какую тему было Ваше докторское исследование? Это уже было начало 2000-х, уже можно был писать «пошире», не опасаясь быть обвиненной в ревизионизме и позитивизме...

Докторская – это целая эпопея, маркированная историей и генеральной линией. Только она связана не с ревизионизмом и позитивизмом, а с политикой, к чему я совершенно не стремилась. Но так повело себя Время.

Время на этот раз было постперестроечное, кризисные или, как потом будут говорить, «лихие 90-е». Богатое слово. Здесь «лихо» – как горе и преступление, и «лихость» – как бесшабашная смелость и азарт. В общем, так и было. Для меня и моих друзей – полное оптимизма счастье движения, открытости, человечности, разрыва с душным социально-патологическим советским строем. Но жить было трудно. В науке одно время практически перестали платить зарплату, плановой работы было мало, зато было много свободного времени, которое я тратила на чтение – всего, что было интересно, захватывало, цепляло. И вот, «зацепило» понятие гражданского общества – феномена, о котором были слабые воспоминания из истории философии, но не больше, а тут оно возникло как реальный социальный проект и стало мне, можно сказать, путеводной звездой. А выража-

ясь методологически – объяснительной концепцией и познавательной установкой практически для всего, чем я и просто интересовалась, и занималась в науке к этому времени уже лет десять. Это: синтетическая теория эволюции (Дарвин плюс генетика, палеонтология и др.) и эволюционная парадигма в социологии; теория семиосферы Ю. М. Лотмана, динамика ценностей в постсоветский период (западно-восточная дилемма, патриотизм, коллективизм, государство, социальная субъектность); с 2000 по 2005 – не боюсь этого слова, прорывной проект по гранту РФФИ «Социальное бессознательное» с З. В. Сикевич в НИИКСИ, несколько крупных исследований по состоянию школьного образования в Санкт-Петербурге, в Академии постдипломного педагогического образования с Е. Э. Смирновой (АППО – бывший Институт повышения квалификации учителей). И в какой-то момент поняла, что все это так или иначе соотносимо с задачами развития гражданского общества в стране.

Ничего странного я в этом не вижу. Даже эклектики не вижу, в которой меня потом упрекали, потому что если смотришь на социум как объект познания, пусть даже на разные его стороны и ипостаси, то рано или поздно можешь связать каким-то общим контекстом, а конкретные участки заполнять, как пазл, изученными картинками реальности. Думала об этом, что-то писала, публиковала, а что-то писала, не рассчитывая на публикацию, просто из интереса к проработке идеи. О следующей диссертации не думала, к карьере не стремилась, с амбициями у меня вообще плоховато. Но старшие товарищи подталкивали, особенно Лена Смирнова, к этому времени ушедшая в АППО и перетянувшая меня туда же, и заведующий кафедрой в АППО после нее В. В. Тумалев. И как-то все начало двигаться – и текст (довольно быстро), и процедура.

И был спусковой крючок, который помог все ранее наработанное между собой связать.

Когда в стране была объявлена Перестройка, мне стало скучно. Подумала: ну, вот, всё и налаживается, не надо никакой борьбы, никакого сопротивления несправедливости, начинается рутинная, правильная, размеренная жизнь. Но довольно быстро стало ясно, что никакой размеренности и скуки не будет. Общество что-то принимало, а от чего-то отказывалось, оно не собиралось «брать под козырек» даже тогда, когда открывалась дорога к лучшему. Стало ясно: оно живое, со всем заморочками живого. Такое же живое, как природа. И реально возможными станут только те изменения, которые примут люди. Успех преобразований зависит не только от целей и идеологии реформ, но в решающей степени – от реакции и рецепции их людьми. Наивно? – Наверное. Особенно глядя из сегодняшней реальности. Но сработало, и определилась тема: «Человеческий потенциал гражданского общества в современной России. Антропоцентрический критерий социальных изменений». Такая проблема макро-микро-отношений в духе Дж. Ритцера, но это я узнала уже потом.

Вот что удалось показать в диссертации как научный результат, напомним, что это конец 1990-х, самое начало 2000-х годов:

Теоретически: в дополнение к структурному пониманию общества была предложена концепция «Общество как процесс» или как большое число процессов с двойной детерминацией: спонтанного «естественного», квазиприродного самодвижения и саморазвития – и целевого, «искусственного», технологического, технократического конструирования и управления.

Гражданское общество толковалось как особый социальный и социокультурный эволюционный феномен и в силу этого понимания утверждалось, что его возникновение в России неизбежно, а его терминальным смыслом являются изменения микроуровня социальной реальности и изменение человека.

К этому прилагались эмпирические доказательства наличия благоприятных и неблагоприятных предпосылок к гражданскому обществу в массовом сознании. В первом случае – универсальные цивилизационные установки, вполне свойственные и нашим людям тоже, а во втором (Боже! Все те же сны..., а это почти 15 лет назад) – унаследованные от исторически длительной автократии институты и установки: задержка, в том числе, искусственная, социального развития, сохранность бюрократической регуляции и архаических семейно-клановых отношений общинного типа (гемайншафт) на месте современных функциональных социальных отношений (гезельшафт); воспроизводство личности с сильным комплексом авторитаризма и чувства превосходства; недостаточная рациональность мышления (гипертрофия бессознательного и мифологизированного мышления, замещение ими сознания), незрелость диалога общества с государством. Ну и так далее – про магистральный путь цивилизации, предсказанный еще И. Кантом, необходимость свободы как условия возникновения и отбора продуктивных новых форм социальности и т.д.

Ну, Вы же понимаете...

Два раздела по проблемам и предмету исследования были сверхновыми: школа как модель гражданского общества и социальное бессознательное как атрибут современной ментальности – привет еще от детской любви к Л. Леви-Брюлю, но с результатами, достающими аж до сегодняшней фантасмагорической действительности. Социальное бессознательное мы изучали в НИИКСИ два грантовых срока подряд. В этом проекте я пыталась идти вслед знаменитой теореме Э. Геккеля о «повторении» филогенеза в онтогенезе человека, т.е. основных базовых форм развития вида в развитии индивида или позднейших популяций, и сопоставляла архаические когнитивные установки с современными, в том числе, в детской и взрослой картине мира. Были проделаны еще кое-какие академические штудии, но также имел место анализ свежих, только что сложившихся представлений людей о нашем нынешнем президенте. Да-да, ВВП. Оперативно включили тогда в анкету открытый вопрос о его роли в спасении подводной лодки «Курск» и получили нечто серьезное.

А именно: увидели сам момент складывания основных мифов об этой персоне и основных мемов, работающих до сих пор. Прежде всего, это формирование идентификации «он свой», причем тогда – для каждого по-разному свой, потому что в неопределенных смыслах его личностного статуса и речей каждый вычитывал свой месседж. Он был такое туманное стекло, и распознающий взгляд видел в нем то, что хотел видеть. На этой «свойскости» очень быстро выросло знаменитое «Кто, если не он?», и оно уже присутствовало в наших материалах 2001-го года. Нашлись уже и устремленные к его образу эмоции надежды и даже любви, а также вполне осязаемые черты мифологического образа Героя и Спасителя отечества.

В общем, боюсь, эта работа оказалась в числе тех, которые невольно подсказали конструкторам имиджа президента самые перспективные направления его раскрутки, а что в этих конструкторских think-танках утилизируют все, что выявляется опросами, не сомневаюсь.

Сейчас перечитала – поразительно, насколько все, тогда сказанное, действительно и для сегодняшней ситуации: «Респонденты с низким уровнем доверия президенту (тогда примерно треть от общего числа опрошенных в Санкт-Петербурге – О.К.), считают основой его поддержки качество народа: четверть всех ответов и 2-е место в ранговой структуре отведены характеристике сообщества, избравшего такого президента. Причем существенная часть этих оценок уничижительна, состоит из выражений в спектре от высокомерия до бессильной ярости: не понимают, что происходит в стране, низкий уровень культуры, образования, интеллекта, хотят Сталина, жесткой руки, дураки, глупцы, думать лень, идиоты, серость, быдло».

Читать это и тогда, и сейчас неприятно, тем более, что часть этих скептиков премилым образом сегодня переместились в стан с восторгом доверяющих, а кроме того, они сами 15 лет назад тоже были заражены глубоким патернализмом, что и было выявлено дискурс-анализом их ответов.

Я тогда быстренько написала статью на этих материалах и отнесла в журнал на социологический факультет СПбГУ. Там ее встретили буквально с восторгом, но долго тянули с публикацией, а потом и вовсе отказались печатать, пряча глаза при моих недоуменных вопросах. Видимо, она пошла куда-то на согласование – и не согласовалась. Но в диссертацию этот раздел вошел как элемент анализа обстоятельств, препятствующих становлению гражданского общества.

Защита прошла прекрасно, все отзывы были высоко положительные, в том числе ведущей организации, подписанный В. А. Ядовым, и Бориса Максимовича Фирсова как официального оппонента. Многие выступавшие обозначили свое отношение к моей работе самыми ценными для меня словами: «это интересно». Но дальше, с утверждением диссертации в ВАКе, «что-то пошло не так». Через полгода пришло не утверждение, а запрос на оригиналы моих работ, на базе которых написана диссертация, еще через полгода последовал вызов в Экспертную комиссию ВАК для собеседования. К этому моменту уже стало понятно, что дело плохо.

Поскольку восемь месяцев, отведенные для рассмотрения работы, прошли, я получила право поинтересоваться, что происходит, позвонила в ВАК и имела разговор с милой дамой – руководителем нужного мне отдела. В ходе разговора, касавшегося деталей процедуры, я вдруг услышала какие-то неформальные слова, сказанные как бы между прочим и как бы не мне, потому что совсем другим тоном голоса: «Не нравится работа. Ну, не нравится». Как говорил Гамлет, – «Вот и ответ!»

На заседании Экспертного совета мне были предъявлены две основные претензии: 1) несоответствие публикаций требованиям ВАК (книжка, в которой изложены основные результаты диссертации, вышла не как научное издание, а как учебное пособие, а две другие – коллективные монографии, название которых не отражало тему диссертации). Мои объяснения по этому поводу, кажется, Совет устроили. И 2) несоответствие содержания диссертации «Паспорту специальности».

Паспорт специальности — это такая головная боль всех защищающихся. Это документ, расписывающий все известные нам науки по основным предметам, темам и проблемам исследования. Основная цель — провести и соблюдать границы научных отраслей и дисциплин, и в целом это законное требование с точки зрения организации экспертизы и вообще поддержания структуры научного знания. Но с другой — это свидетельство большого произвола в членении знания, когда большая часть реальных исследований проваливается между ограждениями, не попадая ни в одну ячейку этой дисциплинарной клетки. Я знаю немало работ, которые испытывали трудности с защитой именно по этой причине. Приходится подгонять реальные исследования под эти границы, уродовать их в угоду мало изменяемой, негибкой, системе, что попросту тормозит развитие науки. Хорошо себя чувствуют в этой научно-бюрократической сетке только те, кто «делает» диссертацию целенаправленно, а не занимается исследованиями как таковыми.

В моем случае несоответствия паспорту, на самом деле, не было, потому что проблематика гражданского общества была обозначена в паспорте специальности 22.00.04 – социальные структуры, институты и процессы, по которой я и защищалась, и уж именно обо всем этом и шла в диссертации речь. Но Экспертное мнение комиссии этого «не заметило». Результатом стало решение Совета о том, что моя диссертация не является социологической работой, а, в лучшем случае, является философской. Мне было предложено оставить ее на дальнейшую экспертизу, теперь с участием экспертов-философов, с тем, чтобы попытаться переквалифицировать ее на дисциплину «социальная философия».

Но я никак не могла с этим согласиться — ни по сути, ни по форме, потому что это могло поломать всю дальнейшую профессиональную жизнь, к тому времени уже связанную с Герценовским университетом (РГПУ им. А.И.Герцена). К тому же меня сильно мучило, что я не смогла вступить с Экспертным советом в дискуссию по этому поводу. Главным образом потому, что общая обстановка на Совете меня просто смяла и раздавила, я лепетала что-то малосущественное и фактически провалилась.

Впрочем, я не уверена, что смогла бы переубедить большинство собравшихся. Кажется, их решение было подготовлено без расчета на возможность согласования позиций.

Судите сами. Пока я, сидя в темном коридоре, ожидала вызова, из-за дверей доносился истошный крик: скандальный женский голос докладывал Совету обстоятельства моего аттестационного дела. В мое отсутствие, поэтому я даже не знаю, что именно там говорилось. Когда я вошла, мне было предложено рассказать, в чем состоит новизна моей работы, и далее были заданы вопросы. Все это – не познакомив с экспертной оценкой, что лишало ситуацию контекста. Кажется, я сломалась уже здесь: в чем смысл изложения новизны, если она сформулирована в автореферате, введении к диссертации и в Заключение диссертационного совета? Стало понятно, что никто не собирается обсуждать со мной сути дела. В результате о новизне я рассказала очень плохо, сумбурно, неточно и не главное, т.к. практически не владела собой. На вопросы отвечала лучше, но они не касались сути проблемы.

Большинство вопросов носили почти экзаменационный характер: что такое ментальность, как я понимаю социальное бессознательное, существует ли вообще гражданское общество — «ведь многие считают его только метафорой», а также почему я определяю предмет исследования так, а не иначе. По мизансцене, по интонации, по анонимности происходившего (надо ли говорить, что никто из них не представился?) — все это совсем не походило на разговор между коллегами, пусть даже и разного ранга, в «общественно-научной организации», каковой называет себя ВАК. Меня распекали, как школьницу за то, что я чему-то там «не соответствую».

На этом собеседование закончилось, и я отправилась в коридор ждать решения. О том, что моя работа квалифицируется не как социологическая, а как философская, мне было объявлено как о решении большинства членов Совета. Даже и в этот момент можно было спорить, но я была настолько деморализована, что не смогла повернуть ситуацию в эту сторону. Хотя, повторяю, была полностью готова аргументировать социологический, то есть научный, а не философский характер моей работы. Это же хрестоматийные вопросы. Я студентов учу различать науку и философию! Но, видимо, у Совета другие хрестоматии.

На мой вопрос, что заставляет считать работу философской, единственное, что я услышала от дамы, которая, кажется, и была главным экспертом, дословно: «Мы как социологи с трудом читаем Вашу работу, мы ее не понимаем. Мы на социологическом факультете так не учим»... Получалось, что диссертацию, которая как жанр научной работы призвана сообщать нечто новое, следовало писать так, как уже учат, причем у них на социологическом факультете... Социологические факультеты открылись в российских вузах в 1989–90-м годах, я работаю в социологии, в научно-исследовательском институте с 1974 года, а они собрались учить меня социологии... В общем, было понятно, что все это лишь повод к отклонению работы или переводу ее в другое русло.

Я, конечно, советовалась со знающими людьми, близкими и друзьями, как мне все это понимать и как быть. Один из них, известный историк Рафаил Шоломович Ганелин, друг нашей семьи, был уверен в идеологических причинах происходящего и решительно рекомендовал написать обо всем В.А.Ядову, поскольку дело касалось уже и Института социологии, давшего положительный отзыв, как выясняется, не по профилю! Таких моих писем Владимиру Александровичу было два, но его ответы, короткие записки mail'ом, к сожалению не сохранились, т.к. я не догадалась перенести их в документы. Помню, что он адресовал меня к З.Т.Голенковой, которая занималась гражданским обществом и была экспертом ВАК. Но к ней я не обращалась.

В результате передо мной встала дилемма. Скорее всего, философы не признают работу своей (и будут правы). Но я ни в коем случае не пойду на защиту, то есть не стану забирать работу и «переписывать ее под социологию», как выразился один из членов Совета. Им придется ее отклонить, и я буду оспаривать это решение. Перспектива рисовалась безрадостная. А надо сказать, что само написание диссертации доставляло мне, вот именно, истинную радость. Я чувствовала себя полностью свободной, никакого цензора в чернильнице, только собственный строгий контроль содержания с научной точки зрения, что

я делаю неукоснительно и дотошно. А тут мое гордое чувство свободы встретилось с прокрустовым ложем то ли научной бюрократии, то ли идеологической цензуры – один чёрт.

Выход нашелся вот какой. Председатель диссертационного совета, где прошла защита, Алексей Васильевич Воронцов, которому тоже это было все неприятно, т.к. бросало тень на Совет, и более того: как человек опытный он даже предположил, что атака, на самом деле, на Совет и нацелена, отправил меня советоваться к проректору РГПУ, Владимиру Валентиновичу Лаптеву, который был членом Президиума ВАК. К Владимиру Валентиновичу я пришла не с пустыми руками, а с письмом, в котором выдвинутые мне претензии проанализировала. Спокойно, аргументированно и, я бы сказала, объективно, потому что писала о междисциплинарном характере проведенных исследований, соглашалась с трудностями идентификации предмета исследований в жесткой системе координат, а также (вот, нахальство!) разъясняла-таки различие философского и научного знания. А в качестве решения, «принимая во внимание трудности уважаемого Экспертного совета», предлагала переквалифицировать работу на другую, но все же научную специальность – социологию культуры. Тем более, что по паспорту этой специальности там фиксировалась проблематика социокультурной эволюции, о которой в диссертации было много чего.

Владимиру Валентиновичу это откровенно понравилось, он по базовой специальности физик, что касается науки и философии оказалось ему близким, и он взялся мне помочь, что и сделал, как мне показалось, даже весело. Говорил мне потом, что тоже выдержал в ВАКе бурную дискуссию о науке и философии, и, видимо, в ней победил. В результате меня утвердили. Теперь я имею автореферат, изданный по специальности «социальные структуры, институты и процессы», а докторский диплом по специальности «социология культуры».

С этим багажом живу и работаю в Герценовском университете, преподавание далось мне сначала очень нелегко, но со временем превратилось во что-то, что я даже не могу назвать «преподаванием». Чаще всего со студентами от 1-курса до магистратуры (но первокурсников люблю особенно), я просто разговариваю о том, что нам всем сегодня важно понимать, и что социология – это такая наука, которая позволяет делать это осмысленно.

Прошло более 10 лет после Вашей защиты, но – по тексту видно – Вы до сих не совсем остыли от тех событий... но все хорошо, что хорошо кончается. Чем же оказались наполнены прошедшие годы? Какие новые курсы Вы читаете? Как изменились студенты?

Если предшествующий сюжет, с утверждением докторской, получился слишком эмоциональным, то это не потому, что до сих пор не успокоилась, а потому, что тогда же все записала, в том числе, с терапевтической целью, чтоб выкинуть из головы.

Что дальше? Дальше началась другая профессиональная жизнь – университетского преподавателя. Некоторый опыт преподавания к этому времени у меня уже сложился, опять с помощью Лены Смирновой, которая, уйдя из НИИКСИ, стала заведовать кафедрой социологии в Университете педагогического мастерства (ранее Институт повышения квалификации учителей, а позже – Академия постдипломного педагогического образования), и позвала меня к себе сначала

на работу по совместительству, а потом и на полную ставку. Связь с НИИКСИ сохранялась, т.к. с 1996 года меня взяла к себе в лабораторию этносоциологии Зинаида Васильевна Сикевич. Хотя я ни в какой степени не считаю себя социологом этничности, все эти годы – до сих пор, то есть до фактической ликвидации НИИКСИ, – мне удавалось вести в ней некую общесоциологическую тематику.

Академия, ее слушатели и ее учебный процесс по сравнению с научной работой в НИИ стали довольно серьезным испытанием. Вольное умствование научной жизни пришлось сменить на «рамочное» существование преподавательской – со строгим графиком, планированием каждого рабочего дня с точностью до минут и очень высокой ответственностью за каждое сказанное слово. Каждый раз, как на экзамен.

Моей первой аудиторией стали социальные педагоги – нарождавшаяся тогда, новая для постсоветской России профессия, специалисты по координации воспитательных усилий школы, семьи, медицины, правоохранительных органов и т.д. Предполагалось, что они должны стать консультантами довольно широкого профиля, помощниками для всех, но, главным образом, для детей. Специалисты такого рода есть во многих школьных системах за рубежом, и их роль в успешной учебе и социализации очень велика. Я бы даже сказала, что это как раз специалисты по успешной социализации детей.

Итак, в аудитории – взрослые люди очень разного возраста, от 20-ти до чуть ли не 70-ти и очень разного профессионального происхождения. Выпускники педагогических училищ, бывшие и нынешние учителя, пожелавшие приобрести дополнительную квалификацию и направленные на эту учебу официально, бывшие пионервожатые, работники закрывавшихся из-за экономических кризисов предприятий, даже отставные офицеры. В основном, конечно, женщины, но и мужчины тоже. Нередко оказывалось, что они как будто всю жизнь только этим и хотели заниматься – так им нравилось это новое поприще. А оно, и в самом деле, мыслилось как занятие в высшей степени благородное, ибо такой единой инстанции, которая стояла бы на страже интересов детей и была призвана защищать эти интересы, раньше не существовало.

А вот кого не было среди вновь набираемых социальных педагогов, так это административных работников образования, эти из системы не выпадали никогда, даже если система вдруг начинала со скрипом разворачиваться к какой-то другой жизни. А в 1990-е она именно разворачивалась. И социальные педагоги были именно педагогами, а не соцработниками и не связными инспекторов детских комнат милиции, как, кажется, это стало сейчас.

Читала я этим людям курс, названный бесхитростно «Общая социология». Что такое общая социология я по сей день не знаю. Но поскольку никакой другой социологии для этих групп предусмотрено не было, я была достаточно свободна в определении содержания своих занятий. В результате сложился курс «Базовые понятия социологии», с помощью которого удавалось не только познакомить слушателей с содержанием науки, но и показать, как эти понятия можно применять для анализа реальности общества и его проблем.

И применяли! На практических занятиях мы занимались чем-то вроде ситуационного анализа – фиксировали и анализировали проблемные ситуации, с которыми социальные педагоги к этому времени реально работали. Я предложила им писать Дневники наблюдений, объяснив, как это делать более или

менее методически и технически грамотно, и на занятиях мы разбирали эти ситуации. Работал их «коллективный разум», а я со своей стороны показывала, как можно использовать для понимания ситуаций социологические знания, термины и понятия.

Довольно быстро выработался алгоритм анализа и оценки степени полноты и точности применения социологического аппарата, так что это были не просто «разговоры в учительской», а все-таки тренировка в овладении социологическими знаниями. А кроме того, в этих обсуждениях у меня на глазах рождалась профессиональная культура социально-педагогической работы – с воспитательными установками, ценностями, построением организационных систем, систем принятия решений и т.д.

После проверки, а точнее, написания аналитического отзыва на Дневники наблюдений, я отдавала их слушателям обратно, но мои конспекты этих работ, заметки и рефлексии по многим разобранным ситуациям сохранились. Недавно был повод в них заглянуть, и было удивительно видеть, какой насыщенности это материал, сколько детских судеб оставили свои следы, как ясно видны характеры взрослых участников этих ситуаций, в том числе, самих педагогов, и, главное, характер времени, в которое все это происходило, с его дефицитами всех видов – экономическими, педагогическими, правовыми. В сумме – яркая, сложная, тревожная, одновременно и уникальная, и универсальная ситуативная картина социальных трансформаций, отраженная в индивидуальном бытии, на микроуровне социума и его действующих лиц.

Академия несла миссию подготовки социальных педагогов очень ответственно, и не только обучала их, но и исследовала реальность этой профессии. Совместно с кафедрой педагогики социального творчества (вот так это красиво и небесмысленно называлось) удалось тогда, применив наработки НИИКСИ по моделированию профессиональных деятельности, провести довольно большое профессиографическое исследование и создать модель профессиональной деятельности социального педагога. А поскольку в Академии две эти инстанции – образовательная и исследовательская – были организационно едины, а руководили ими энтузиасты своего дела Людмила Серафимовна Нагавкина и Светлана Анатольевна Косабуцкая, то и модель социального педагога органично легла в основу системы их подготовки.

Однако вернемся к преподаванию. Это будет рассказ о способе существования социологии в ее популярной и просветительской форме.

Вот какие элементы социологического знания составили в результате основу курса «Базовые понятия социологии» и аппарат, которым мы со слушателями пользовались для их профессиональных целей: природа и культура (здесь для моих слушателей было множество открытий), нормы и ценности как средства социальной регуляции, социализация (в том числе, школа как агент социализации с очень хорошими собственными эмпирическими данными, относящимися ровно к тому времени и месту, в котом осуществлялся этот конкретный учебный процесс и работали его участники), стратификация, институты (уже по Д.Норту), группы и другие общности (популяция, масса), общество, гражданское общество, общественное мнение, социальные изменения. Согласитесь – это же прелесть,

а не курс. Самое интересное, самое важное, самое научно ценное и в то же время интуитивно очевидное, то есть позволяющее опереться на неявное социальное знание, которое мы все имеем.

Прототипом такого курса – «социологии всего и для всех», особенно для непрофессионалов – была, конечно, книжка Яна Щепаньского «Элементарные понятия социологии», изданная у нас в 1969 году. Вообще первая книга по социологии, которую можно считать учебником до всех других учебников и за 20 лет до того, как в стране начали обучать социологии. Я ее купила в свое время в Академгородке, учась еще на 3 курсе НГУ, за 94 копейки советских денег. Среди моих сокурсников она стала бестселлером, и следы ее многочисленных чтоток в буквальном смысле хранят страницы.

В своих книгах, не библиотечных, я считаю возможным отчеркивать места, привлекившие внимание, к которым потом нужно вернуться. Но все-таки делала я это обычно карандашом, чтобы можно было стереть. Сейчас – увы – шариковой ручкой, потому что карандаш сильно пачкает страницы, а вообще, теперь уже, как правило, копирую тексты в Word и отмечаю цветовым фоном, что совсем удобно. Те, кто читал мою книжку Я.Щепаньского после меня, тоже карандашиком что-то в ней подчеркивали. И вот теперь ее можно читать, как минимум, на двух уровнях рефлексии – как первичный авторский текст и как текст со следами познавательной работы читателей: мы увидим, что было для них важным тогда в конце 1960-х – начале 1970-х годов, что отвечало на вопросы в области знаний об обществе и не находило ответа в официальном социальном знании. А подчеркнуто в ней очень и очень много, практически на каждой странице такие пометки есть.

Вот она, эта маленькая книжка, лежит сейчас передо мной, и я попробую ее открыть на каком-то случайном развороте. Погадаем. Страница 72 (раздел «Социологическая концепция человека и личности»). Подчеркнуто: «Влияние биологических и психологических черт на выполнение роли было предметом многих эмпирических исследований, и — говоря кратко — не подлежит сомнению, что они отражаются на выполнении ролей...». Моя это пометка или кого-то другого, не ясно, но ясно, что выделен смысл, оправдывающий индивидуальность человека, и не только психологическое начало, но и биологическое. Это же совсем другое дело! Что-то мы ничего подобного не читали у К. Маркса, а на экзамене отвечать приходилось «по Марксу». Подчеркнутый текст открытия на сегодня, может, и не содержит, хотя по-прежнему имеет нормативно-институциональное значение, но во времена «единственно верного учения», с его необходимостью трактовать сущность индивида анти-индивидуально — как совокупность всех общественных отношений, т.е. с позиции структурного супер-принуждения и сверхсоциализированности, подобное могло быть сочтено не просто ошибкой, а идеологической ошибкой.

В общем, своим взрослым слушателям я, наверное, что-то рассказывала о социологии по-человечески, за что и имела результат: мои разновозрастные группы хорошо посещали занятия, внимательно слушали, активно обсуждали и меня этим вдохновляли. А вдохновлять надо было, потому что страха я натерпелась изрядно.

Было очень трудно. Несмотря на то, что никакого освоения нового материала не требовалось и необходимое знание у меня для этого было, однако его предстояло рассказывать, передавать, заботиться об усвоении, понимании и т.д. То, уже совершенно естественное «облако смыслов», в большой мере синкретическое, переплетенное с практикой, следовало разобрать по ниточкам, вербализовать и донести до совершенно не подготовленной к этому аудитории доступным образом. И так донести, чтобы это не было знание, пригодное только для сдачи экзамена, а чтобы оно работало на понимание и вызывало вопросы «по жизни». И вопросы были, и этот результат я ценила более всего. За хорошее вопросы обещала сразу пятерку ставить, и пару раз ставила.

Больше всего я боялась, что мне нечем будет заполнить «пару» в полтора часа, а получалось наоборот, мне было никак не втиснуть в полтора часа то, что уже хотелось рассказать. От этого ужаса я почти не слышала поначалу, что говорю, с трудом контролировала себя, лихорадочно вспоминая, что там впереди по теме. А кроме того, я вообще не понимала, как я могу учить людей, которые часто были старше меня и сами были учителями. И смех, и грех. Не знаю, как это бывает у других, но для меня было большим стрессом.

Однако, научилась постепенно. И мои слушатели мне в этом помогли. Иной раз, в ответ на начальное «Тема лекции...» они кричали с мест: «Не надо лекции, расскажите что-нибудь, Вы так интересно рассказываете...». Вот оно что! Я-то думала, что лекцию читаю, а оказывается, рассказываю что-то. Ну, так тому и быть. Видимо, это были первые звоночки сегодняшнего тренда, признающего, что в насыщенной и доступной информационной среде классическая лекция уходит в прошлое. Становится понятно, что «чтение» лекций — это такие слова, которые в преподавании давно утратили свой первоначальный смысл. По нашим последним студенческим опросам тоже получается, что лекции — один из наименее эффективных методов учебной работы, мало что дающий для результатов образования.

Себя в этой ситуации тешу мыслью, что мои первые педагогические опыты были чем-то вроде пропедевтики с майовтикой, а попросту просветительскими беседами. Ну, и хорошо.

Чтобы закончить рассказ об Академии, скажу еще, что кафедра и лаборатория социологии под руководством Е.Э.Смирновой провела несколько крупных исследовательских проектов в области школьного образования Санкт-Петербурга, часто получавших пионерски новые результаты, которые, к сожалению, остались почти не известными, потому что для 1990-х — начала 2000-х годов были еще очень характерны большие трудности с публикациями.

На этом фоне и уже в процессе подготовки докторской, которая шла в Диссертационной совете факультета социальных наук РГПУ, я начала там работать на вновь открытой кафедре прикладной социологии. Сначала по совместительству, а после защиты — на полную ставку. Кафедральная жизнь в классическом университете, когда юношество, студенты — основная аудитория общения, а социология — и наука, и полноценная учебная дисциплина, точнее, целый спектр специальных дисциплин — это, конечно, еще один радикальный разворот, и еще одна грань профессии, очень специфическая. Если думать об этом

всерьез, то Вам, Борис, пришлось бы открывать новый биографический проект. Впрочем, возможно, в предыдущих почти полутора сотнях Ваших интервью это уже отражено.

С Вашего позволения, не стану сейчас заходить на этот новый виток повествования, только обозначу вкратце сложившийся за 13 лет круг преподаваемых программ и отвечу на вопрос о студентах.

С момента открытия социологического направления в РГПУ, то есть в течение 15, а то и более лет, учебные программы носили довольно стабильный характер и были закреплены за сотрудниками кафедры, состав которой тоже был более чем стабилен. Начиная с примерно с 2009 года стали интенсивно меняться образовательные стандарты, появлялись новые предметы и их, естественно, чаще распределяли на сотрудников новой кафедры, сохраняя учебные планы основного профессорско-преподавательского персонала. В результате я чуть ли не каждый учебный год готовила новые курсы, иногда несколько, причем узнав об этом за несколько дней до начала занятий, и теперь мой набор дисциплин являет собой довольно пеструю картину. Это, прежде всего, то, с чего все началось и то, в чем у меня был и есть немалый научно-исследовательский опыт, – «Социология образования», далее уже упомянутый добрым словом курс «Базовые понятия социологии» (очень пригодился для непрофильных отделений университета) и, конечно «Методология и методы», в котором мне тоже было что рассказать из полевой работы. В том числе, например, о наблюдении – на материале экспедиции в Туву к староверам.

Несколько лет на факультете философии человека, запечатлевшем в своем названии одно из социальных «открытий» еще горбачевской перестройки («человеческий фактор») на кафедре «Реклама и связи с общественностью» читала большой годовой курс «Социология (в) рекламной деятельности». Было там это «в» или нет, кафедра сама долго не понимала. Мне было удобно и то, и другое, и курс получился с содержанием, скорее, социокультурным, что-то вроде «Реклама как социокультурное явление». В нем я с большим энтузиазмом из-за точного попадания и яркого содержания, с благодарностью, непременно с ссылками и адресацией к имени автора использовала Ваши, Борис, работы по истории рынка, рекламы и складывания опросного метода в США, опубликованные в журнале «Телескоп». Среди моих любимых сюжетом, исключительно важным для понимания различий в статусе общественного мнения у нас и на Западе, был рассказ о первых переселенцах в Америку, выходцем из которых был, по невероятному стечению обстоятельств, Джордж Гэллуп, городском собрании Новой Англии как форме самоуправления и непосредственной демократии и «вшитом» в нее, корнем для нее способе принятия решений на основе мнения членов общины. Вот это вот управление от лица общественного мнения («government by public opinion») или даже правление общественного мнения («rule of the public opinion»). Мне казалось очень важным показать студентам, что опираться в работе власти на общественное мнение – это и реально, и нормально. По реакции в аудитории я видела, что так они это и понимали.

Позже в мой набор дисциплин вошли «Культурология», «Культурная политика» (до недавнего времени не существовавшая, и лучше бы так и было), «Социальное проектирование в образовании», «Социология семьи», «Социология воспитания» (почти не существующая как отрасль науки, но ничего не подела-

ешь, в педуниверситете вещь нужная), «Детская субкультура», «Современная социализация». То есть, пришлось многое узнать, «переварить», в аудитории «прокачать», найти во всем этом собственный интерес, так как без собственного интереса к студентам лучше не ходить. Ошибок наделано немало, но в общем и в основном получается.

Студенты? Я бы не сказала, что меняются студенты. Меняется – и не в лучшую сторону – университет, а они это чувствуют. Сегодня, когда университетских преподавателей по всей стране – ибо такова образовательная политика – загоняют в стойло и берут под уздцы, сооружая вокруг профессии жесткую клетку требований, не имеющих ничего общего с образовательными целями, думать о продуктивной работе со студентами, о развитии своих учебных дисциплин, о саморазвитии, наконец, и о научном продвижении не приходится. Вернее, кто все-таки склонен об этом думать, существуют в профессии на голом энтузиазме, чувстве ответственности и на привычке «не портить руку», то есть попросту не умея халтурить.

Текущие реформации издевательски называются «оптимизацией», и это та оптимизация, которая практически не оставляет места просто университетской жизни и университетской культуре. В этом смысле самое «оптимизированное» место – это кладбище, ведь на нем «все спокойно». Так вот, студенты все это чувствуют и тоже существуют в стиле «оптимизации»: работают для заработка практически с 1-го курса, и, к сожалению, халтурят в учебе. А университет смотрит на это сквозь пальцы, а порой и способствует этому. В прошлом году я отказалась подписать одну откровенно скачанную и крайне лицемерную по воспитательной посылке магистерскую курсовую, так ее подписал кто-то другой, и магистрант отделался лишь несколькими минутами стыда в нашем приватном разговоре. Система приучает лгать обе стороны взаимодействия и тем самым участвует, простите за пафос, в разложении нации.

В этих обстоятельствах сто́ит жить и работать ради тех, кто открыт знанию, готов мыслить и чего-то добиваться самостоятельно. И тут неважно, каких идей придерживается человек, путь даже противоположных моим собственным, главное – способность мыслить и готовность разговаривать. Приведу два примера.

1. Юноша, третий курс. Знающий, информированный, хорошо воспитанный. Имеет позицию и отстаивает ее, самый активный спорщик в группе на протяжении семестра. Позиция определенно имеет корни в личных убеждениях, но выдает «обработку» каким-то пропагандистским источником, потому что артикулируется абсолютно стереотипным дискурсом. Я его слышала неоднократно, он оперирует совершенно одними и теми же языковыми мемами и информационными сгустками. Тезис про «всего» 800 тысяч погибших в ГУЛАГе и выносящие мозг аргументы к нему встретила и у этого мальчика, и у взрослого дяденьки, опытного преподавателя, который одновременно обучался в магистратуре и выходил на защиту докторской (по другой дисциплине). Вот когда вспомнишь Б. А. Грушина с Х. Ортега-и-Гассетом. Позволю себе перефразировать: восставшее сознание масс впрыскивает свой субстрат в отдельные фигурки и формочки.

По содержанию – смесь сталинизма с русским национализмом. Молодой человек отчасти признает неправомерный характер современной российской действительности, но считает страну вправе нарушать нормы, в том числе, международные, потому что «так поступают все» – везде ложь, пропаганда, агрессия

и т.д. Вот это «так поступают все», «езде так» кажется мне фундаментом всего остального. То есть «в анамнезе» – убеждение в принципиальной единообразии устройства человека и мира. Такое мышление одинаковое видит, а различное – нет. Неразличение сущностных особенностей, упрощенное, неразвитое представление сложного мира, отсутствие способности видеть иные социальные порядки, слабость или отсутствие воображения как инструмента, моделирующего Иное. «Инакомыслие» и «неспособность практиковать сложность», – как называл это М. К. Мамардашвили. Понятно, что это классика – мировоззренческий инфантилизм в комплекте с политическим патернализмом, но – не наглухо закрытый сосуд. Ибо мы состоим в переписке, и все выше сказанное я мальчику в ответ на его страстное «езде так!», «им можно – значит, и нам можно» – на днях написала. Посмотрим, что будет дальше.

2. Девочка из той же группы. Ее назову по имени, потому что она – Маша Миронова, но не капитанская дочка, а детдомовская. Мальчик, между прочим – Иван. Такая архетипическая пара, хоть и совершенно случайная, т.к. между собой они парой не являются, у каждого свои дружбы и свои любви. Но: «бывают странные схождения» – и в ментально-ценностном смысле они именно архетипическая пара. Потому что мальчик Иван хочет мировой революции, а девочка Маша страстно хочет семьи и счастья. Она мгновенно среагировала на предложенную для курсовой тему, выбрав из довольно большого списка «Счастье как фактор семейного благополучия», написала очень хорошую работу, намерена продолжить тему в дипломе и опасается, что с другим руководителем не сможет сделать того, что ей хочется. Однако из-за необходимости дать дипломников всем сотрудникам кафедры, в том числе, ради должного объема нагрузки в ситуации угрозы сокращения ставок, меня руководителем ее диплома не назначили. И вот маленькая, беленькая девочка Маша, стремясь к своей цели, добилась того, что я все-таки буду консультировать ее диплом. Я бы консультировала его в любом случае, но вследствие ее упорства это будет фактом победы над системой. И я почти не преувеличиваю.

Дорогой Борис Зусманович! У меня такое впечатление, что «Случай Маши Мироновой» может стать хорошим завершением моего биографического интервью. Оно состоялось исключительно потому, что Вы были по-научному настойчивы и по-человечески заинтересованы. Если бы не Ваш живой интерес и полное позитивных оценок побуждение писать, вряд ли я смогла бы это сделать.

Интервью с Людмилой Владимировной ЛЕБЕДЕВОЙ

«ТОГДА Я ВПЕРВЫЕ СТОЛКНУЛАСЬ С СОЦИОЛОГИЕЙ И С ТЕМОЙ АВТОБИОГРАФИИ»

Лебедева Л. В. — окончила исторический факультет Тюменского педагогического института (1975 г.), кандидат философских наук (1986 г.), доцент каф. общей и социальной психологии Института психологии и педагогики Тюменского государственного университета. Основные области исследования: морфология жизненного пути человека, жизненный и профессиональный опыт в автобиографическом нарративе, биографический метод исследования автобиографического дискурса. Интервью состоялось: май — сентябрь 2014 г.

Я давно знаю Людмилу Владимировну Лебедеву, в интервью обращаюсь к ней — Люда. Знаю, ее научные интересы, у нас есть общие добрые коллеги. Но вот почему-то не предлагал ей рассказать о себе. Отчасти потому, что была «мечта» закончить сбор данных и надо было закончить ранее начатые интервью. Но к началу лета обнаружилось, что интервью стало «много», а «много» тяготеет к больше. В мае я написал Люде, что хотел бы провести с ней биографическое интервью, был рад ее согласию, а одна из частей ее ответа вызвала мое желание начать нашу беседу немедленно. Вот эти слова: «Тема предков (предшественников нам) в нашей семье жива. Мои пра-пра деды и бабушки в Тюмени появились в 60-х годах 19 века. Мои прадеды были первыми врачами в Тюмени... Мы собираем сведения о них и надеемся к лету оформить возможно полную родословную, чтобы передать ее внукам, седьмое колено.

В последние годы мой историко-биографический проект «сам», изнутри стал развиваться в двух направлениях: приобретать историко-научно-культурологическую окрашенность. Многие, вспоминая предков, рассказывали о драматических событиях в своих семьях, происходивших в 1917-1937 годах. Рассказ Людмилы Лебедевой — один из самых густых, жестких в своей непосредственности. Сказанное ею можно обозначить как «обыденность драматизма». И очевидно, что до ее поколения, конца 1940-х, волна этого обыденного драматизма дошла, и ее слова: «чтобы передать внукам» — свидетельство незатухания общественной памяти.

Лебедева пишет, что она смирилась с мамиными советами и поступила на исторический факультет Тюменского педагогического института. Мне думается, что решение мамы не было спонтанным, прошлое их рода, близких людей, города пронизывало жизнь семьи. Историческое образование дочери было естественным. Затем — интерес к личной истории и автобиографиям, знакомство с исследованием У. Томаса и Ф. Знанецкого и вхождение в социологию.

Мне приятно отметить, что мое допущение о биографичности социологического творчества нашло еще одно подтверждение.

Лебедева Л. В.: «Тогда я впервые столкнулась с социологией и с темой автобиографии»

Люда, я очень благодарен Вам за согласие рассказать о себе, о своей работе в социологии. Я уже десять лет интервьюирую наших коллег, и вижу, как каждая новая беседа обогащает историю становления и развития нашей науки и нашего профессионального сообщества. Вы знаете, я давно связан тюменской социологией, и нам будет, о чем поговорить. Но начать я хочу с темы, которую вы пару дней назад мимоходом обозначили. Вы написали: «Тема предков (предшественников нам) в нашей семье жива. Мои пра-пра деды и бабушки в Тюмени появились в 60-х гг. XIX века».

Пожалуйста, расскажите о прошлом Вашей семьи. Как, почему и откуда Ваши пра-пра деды и бабушки перебрались в Тюмень? И как это Ваша семья смогла сохранить информацию о том, что было полтора века назад?

Память о тех людях, с которых мы «берем отсчет» действительно жива в нашей большой семье. Ее носителями долгое время были моя мама — Кудрюкова Нина Александровна (урожденная Никольская) и бабушка Горохова Татьяна Михайловна (урожденная Олерская). Наш род, по словам этих замечательных женщин, начался с сельского священника Олерского Егора — протоиерея церкви Николая Чудотворца (год постройки-1876) в селе Перевалово, в 16 км от Тюмени. Как он там оказался — точно не известно. Скорее всего, думаем мы с сегодняшними Олерскими-москвичами, его направили после завершения семинарии. По словам его внуки, а моей бабушки Татьяны Михайловны, такую фамилию о. Егору дали по окончании учебы. Есть сведения, что он в своей семье был не первым ребенком. Первым мальчиком оставляли фамилию отца. Его фамилия была... Лебедев. Лебедь — «олера» с древнегреческого. Такова семейная легенда. Храм в селе Перевалово был разрушен в годы Советской власти, а сегодня восстанавливается. Его сын протоиерей Петр (Олерский) также служил в этом храме. От него и его жены Марфы Ефимовны родились сыновья Михаил Петрович, Сергей Петрович и Кронид Петрович (священники в с. Перевалово, г. Тюмени, и г. Тобольске) и дочери Анна Петровна, Мария Петровна (на которую я, по словам бабушки Татьяны Михайловны, я очень похожа), Елизавета Петровна (моя прабабушка). Род Олерских большой и история его драматична. До революции все сыновья о. Петра Олерского служившие в церкви, впоследствии были репрессированы. Особенно драматична судьба Михаила Олерского, 1892 г. рождения, который в конце 20-х годов переехал в Москву и служил в Елоховском соборе протодиакон. У него был удивительной красоты голос. Михаил Петрович был арестован по доносу в 1932 и 1937 году. «Олерский Михаил Петрович родился 24 августа 1896 года.

Окончил 1 класс Духовной Семинарии, был певчим в Тюменской опере. Служение — г. Тобольске и г. Омске диаконом с 1914 до 1916, затем диакон в Чите в 1916—1919 г. С 1920 — 1923 года в Тобольске — диакон. С 1923 по 1932 год в Москве — диакон, протодиакон Елоховского Собора.

В конце марта 1932 г. поступил в качестве певца в ГОМЭЦ (Государственное объединение музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий). Организовано в 1931 из ранее существовавшего Центр. управления гос. цирками (ЦУГЦа) и влившихся в него эстрадных и филармонических организаций. Находилось в ведении Наркомпроса РСФСР. Состояло из неск. крупных управлений (музыкально-эстрадного, филармоний, циркового, аттракционов и зоопредприятий). Располагало значит, сетью отделений на периферии — <http://cult.vslovar.org.ru/1544.html>, но сан не снимал и связи с религией не порывал. Антисоветских разговоров избегал, Аресты: Москва 15 апреля 1932 года. Обвинение при аресте: «проведение систематической антисоветской агитации». Осуждение коллегии ОГПУ: год осуждения — 4 мая 1932. Обвинение при осуждении — «группировка вокруг церквей г.Москвы, проведение среди церковников а/с агитации и распространение всякого рода к-р провокационных слухов», статья обвинения ст.58—10 УК РСФСР. Приговор: из-под стражи освободить. Но вскоре снова арест по групповому делу «Дело священника Александрова Николая Львовича и др. Москва, 1932 г.»

Места заключения — Москва, Бутырский изолятор ОГПУ. Время заключения — 10 мая 1932 г. Дальнейшая судьба неизвестна». Информация из документа ЦА ФСБ РФ. Д.Р—34935. Источник: (с) Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет). В перестроечные годы его дочери Татьяне Михайловне на Лубянке показали папку с доносом и делом ее отца. Так мы узнали его судьбу: отправлен т.н. Мандельштамовским эшелоном (предположительно в Карлаг), где и погиб. Креста не снял и был причислен к лику новомучеников и исповедников Российских, в XX веке (см. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет, сайт, список). Когда арестовали «деда Михайло» — так его называла моя мама, его семью выслали из Москвы. Всех приютила моя бабушка Александра Алексеевна Никольская — открытой и доброй души человек. Все тюменские родственники побоялись это сделать, а она — нет. Но о ней рассказ впереди.

Драматична история и другого сына Петра Олерского — Сергея Петровича. Он жил в Тобольске и у него было много детей, Когда его арестовали в первый раз, вернувшись из ЧЕКа, он снял с себя сан и уехал на южный Урал, где впоследствии работал инженером. Вырастил всех детей, дал образование. Его дочь, одна из моих бабушек, Уирко Сергеевна рассказывала мне, как утром (после ночного ареста отца) они с братом пришли в школу, то дети кричали: «Враги народа!» и бросали в них камни. Это было для нее шоком и детской травмой, с которой она прожила всю жизнь.

Вообще, в нашем роду по линии Олерских было пять священников (двое — репрессированы и погибли в лагерях). Это, конечно, не полная информация о них. Предстоит работа в Тобольском архиве. Насколько мне известно, в Тобольске и сегодня проживают Олерские. Живут потомки славного рода в Сибири, на Урале (в Екатеринбурге и Миассе, в Москве, в Израиле). Моя мамочка пока была жива, поддерживала переписку со многими из них. Сегодня, не со всеми у меня близкая связь. Пожалуй, только с москвичами, а это уже 5, 6 и 7 поколение Олерских.

Другая линия нашей большой семьи — род купцов Молодых. Первым, кого мама — носитель памяти, помнит — Молодых Гавриил Тимофеевич. По фамилии — сибирского происхождения. Он был купцом — чаеоторговцем, владеец торгового дома «Торговля чаем Молодых», который он передал во владение сыну Молодых Алексею Гавриловичу. Отец и сын ездили в Китай и покупали там чай. В конце 19 века Алексей Гаврилович увлекся Толстовством и поселился на заимке недалеко от Тюмени, где у него была своя лавка. Он был женат на Елизавете Петровне (урожденной Олерской) — сельской учительнице, которая окончила епархиальное сельское училище. В 1910 году они переехали в Тюмень, купив большой двухэтажный дом с постройками на ул. Царево Городище, который сохранился до 2000 года, и где прошло мое детство. К этому времени подросла его дочь Александра Алексеевна (1897—1943) — моя бабушка, и ее нужно было учить в гимназии. У него было еще две дочери и сын (Варвара Алексеевна — провизор, известный в г. Тюмени в свое время человек), Милитина Алексеевна, Михаил Алексеевич. Алексей Гаврилович в Тюмени служил в страховом обществе и умер в 1921 году. Вместе с отцом и другими купцами Тюмени еще до революции, участвовал пожертвованиями в постройке сиропитательного дома с домовою церковью в честь Праведного Симеона Богоприимца. Как тесен мир! В начале 2000 года мы вместе с одним из предпринимателей г. Тюмени участвовали в его реставрации, ведь в Советское время там помещалась кафедра анатомии Тюменского медицинского института. Здание нуждалось в серьезной реставрации после того, как его передали Епархии.

Судьба моей бабушки Александры Алексеевны соединила три рода — Олерских (по матери), Молодых (по отцу) и Никольских (по мужу). Окончив гимназию, Александра Молодых познакомилась со своим будущим мужем Александром Ивановичем Никольским. В 1916 году они вместе уехали учиться в Томский технологический институт, который им не удалось закончить — началась Гражданская война. В Советское время они работали учителями: дедушка Александр Иванович в школе учителем физики, пения, музыки. Он был очень талантливым человеком. Прекрасно рисовал, написал либретто и музыку к опере «Золотой петушок» и поставил ее с детьми. До сих пор сохранилась Программа этой постановки и фотография всех участников этого спектакля. Он прожил немного — любитель охоты, однажды простыл и умер, оставив жену с двумя детьми, примерно в 1930 году. Когда после ареста Олерского Михаила Петровича, его семья из Москвы приехала в Тюмень, моя бабушка была уже вдовой и единственной владелицей большого дома. Она и приютила беженцев, не побоявшись последствий. Она была очень доброй женщиной — так ее вспоминали родственники. Ей приходилось много работать, чтобы поднять двух детей — Нину и Игоря (мою маму и дядю, которые прожили в этом доме всю жизнь).

Пришло время рассказать об еще одном «корне» нашей семьи — Никольских. Никольские — Павел Иванович и Иван Иванович — первые Тюменские врачи.

Больше сохранилось информации о Павле Ивановиче (1860—1922). Последний почетный гражданин Тюмени в дореволюционный период. Окончил медицинский факультет Казанского университета. С 1911 по 1916 г.г. занимал должность городского головы. Он открыл несколько бесплатных столовых для малоимущих, сделал все необходимое для защиты заречной части Тюмени от наводнений, построил Успенско-Романовское городское начальное училище,

завершил строительство городского водопровода. Много сделал для улучшения медицинского обслуживания горожан. С 1919 по 1922 г. возглавлял первую городскую Тюменскую больницу. Награжден Орденами Святой Анны III степени, Святого Станислава III степени. Звание «Почетный гражданин города Тюмени» присвоено 12 ноября 1916 года за большие заслуги перед городом. По сведениям сотрудников областного музея им. Словцова, ушел вместе с Колчаком и его след потерялся (<http://www.tyumen-city.ru/gorodtyumeny/pocetniegrajdane/pg1/45/>).

Его брат Иван Иванович — окончил медицинский факультет Казанского университета, приехал одновременно с ним, также работал врачом, если не ошибаюсь, статский советник (на фотографии — знак). Иван Иванович женился на француженке, которая преподавала французский язык. К сожалению, я не знаю, каким образом она попала в Тюмень. Она приняла православие с именем Нина Александровна, родила 8 детей, и умерла, дав жизнь последнему ребенку примерно в 1915 году. Оставшись один, мой прадед Иван Иванович вырастил всех, всем дал образование. На фотографии дети стоят «лесенкой». Их няню звали Арина Родионовна.

В нашей семье репрессированы были еще два родственника. Ребрин Константин Петрович (1883 г. р, до ареста — иерей, настоятель храма Михаила Архангела в г. Тюмени, затем — счетовод артели инвалидов «Кондитер». Арестован 5.7.1937 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 10.10.1937 г. Расстрелян в Тюмени 12.10.1937 г. Реабилитирован 9.2.1957 г. Зырянов Александр Николаевич. 1900 г.р., член тюменской коллегии защитников. Арестован 2.10.1937 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 31.10.1937 г. Расстрелян в Тюмени 3.11.1937 г. Реабилитирован 29.9.1956 г. Это — муж Варвары Алексеевны (урожденной Молодых). Источник «Книга расстрелянных» (<http://www.memo.ru/memory/tumen/index.htm>)

Очень все интересно... возможно, я попрошу Вас кое-что уточнить, а сейчас, пожалуйста, расскажите о Ваших родителях. Кем они были? Отразились ли в их жизни драматические события, произошедшие в их семьях?

Судьбы моих родителей не простые, да и у кого из военного поколения они иные. Мама — Курдюкова Нина Александровна (урожденная Никольская) — родилась в 1922 году и прожила почти всю свою жизнь доме, который в свое время купил ее дед Молодых Алексей Гаврилович. Это был большой двухэтажный купеческий дом, по улице Царево Городище (до революции), а затем Коммуны. Детство было радостным. Она рассказывала, как родители старались сделать праздники для детей (для мамы и ее брата — Игоря Александровича). Когда Советские органы запретили праздновать Новый год и наряжать елку, то они наряжали большой цветок фикус елочными игрушками.

Мама окончила среднюю школу №1 и педагогическое училище, а затем — педагогический институт по специальности «учитель начальных классов» в г. Тюмени. Так учителем начальных классов и работала всю свою профессиональную жизнь, все 38 лет. Я помню, как она готовилась к урокам, придумывая интересные приемы, чтобы заинтересовать своих маленьких учеников. Уроки были интересными, а знания твердыми, так что у нее учились поколениями: ее бывшие ученики приводили своих детей и внуков. Мама была примером трудолюбия. Я в детстве думала, что она никогда не спит: я засыпала, когда она,

рассказав нам сказку, садилась проверять тетради учеников, когда просыпалась, она готовилась уходить на занятия. Мама очень любила читать и ходить на оперные спектакли, на которые я ходила с ней с 10 лет. В военные годы ей было очень трудно, вначале 1941 года она вместе со своими учениками трудилась на лесозаготовках и торфопеработках. Была осень, холодно и голодно — война. По колена в холодной осенней сибирской воде они пилили на дрова деревья в ближайшем от Тюмени лесу. Конечно, все после этого болели, но кого это волновало: «мы за ценой не постоим».

В 1942—43 году после уроков вместе с детьми шла на Тюменский фанерный комбинат делать ящик для снарядов. Мама рассказывала, что дети были маленького роста и поэтому сначала делали ящички-подставки для себя, чтобы доставать до станков. Мама награждена медалью «За трудовое отличие» как участница трудового фронта.

Несмотря на трудные послевоенное время, люди были рады окончанию войны, и готовы были радоваться мирной жизни. Мама была певуньей и бессменным руководителем хора, да и всей художественной самодеятельности начальной школы №3, в которой она проработала большую часть профессионального пути. У мамы есть награды «Ветеран труда (За долголетний добросовестный труд)» и медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне».

Сколько помню себя, нам всегда рассказывалась сказка на ночь, была наряжена елка на Новый год, праздновали веселые дни рождения, ходили на концерты, читали и обсуждались книги. Мама читала каждую свободную минутку. Каждое лето она рассказывала о своей большой семье. Эти рассказы сопровождались фотографиями, которые ею хранились (а теперь и мы храним). Мы жили с ощущением причастности к большому роду трудолюбивых и талантливых, отзывчивых людей. Мы росли, и мама каждый год прибавляла к своему неизменному рассказу новые подробности. Так уже взрослыми, мы узнали, что когда в 1937 году арестовали Олерского Михаила Петровича, из Москвы выслали его семью: жену и двух маленьких детей. Это был уже второй арест и люди боялись последствий. Не побоялась и приютила их моя бабушка Александра Алексеевна Никольская, и они все дружно прожили в нашем большом доме некоторое время, пока не вернулись в Москву. Мама рассказывала обо всех, молчала только о своем дяде Никольском Павле Ивановиче. Много лет спустя, сотрудники Областного музея «Городская дума» нашли в своем архиве данные о городском голове, последнем дореволюционном почетном гражданине г. Тюмени. Тогда только мама рассказала всю историю братьев Никольских в Тюмени. Выяснилось, что он ушел с Колчаком и его след пропал. Нужно сказать, что мама умела хранить семейные тайны и была довольно сдержанным человеком. Так, она отдала почти все семейные иконы в Тюменский Знаменский собор, опасаясь неприятных последствий для семьи.

Отец — Курдюков Владимир Николаевич из семьи дочери сельского священника Василия (фамилия не сохранилась). Родился отец в 1926 году, умер — в 1980 г. Когда начались репрессии, его дед велел дочери уезжать из села и никому не говорить о своем происхождении. Бабушка рассказала о своей истории только моей маме уже в 50-х годах. Отец воевал в звании ст. сержанта, горел в танке, освобождал Ригу, окончил войну механиком авиаотряда. У него есть награды: медаль «За отвагу», орден «Красной Звезды», «За победу над

Германией». (Данные нашла на сайте «Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (<http://podvignaroda.mil.ru/?#tab=navHome>). После войны отец работал шофером. Помню его очень веселым человеком, но знаю о нем мало, т.к. родители расстались, когда мне было 12 лет. У них было трое детей: все девочки.

Понимаю, что жизнь моих родителей была драматичной, т. к. они несли в себе груз опыта войны и потерь. В нашей семье праздник Победы был святым. Мы с детьми всегда ходили на парад, а затем к дедушке (Лебедеву М. В.) и бабушкам, слушали их рассказы о военных годах.

Что из себя представляла Тюмень в Ваши дошкольные и школьные годы?

Город Тюмень, который часто называют «воротами Сибири» в 50–60-е годы был в основном застроен деревянными домами с красивыми дымниками, деревянной резьбой и оставшимися от купцов каменными зданиями. За годы советской власти к 50-м годам были построены административные здания. Архитектурный план дореволюционного города сохранялся. Так, территорию города на две части делила река Тура с единственным деревянным мостом. В центре города административные здания, драматический театр, больница, школы, библиотека, педагогический и сельскохозяйственный институт, рыночная площадь, почтамт. Еще в конце 50-х появился телецентр. Пленные немцы построили высокие кирпичные дома – «сталинки». На востоке город заканчивался Текутьевским кладбищем (по фамилии похороненного там знаменитого тюменского купца). Далее простирались болота. На западе город заканчивался вокзалом. Остальная территория города состояла из небольших районов с колоритными сибирскими названиями Городище, Затюменка, Ямская слобода, Зарека. Промышленные предприятия – либо исконные тюменские (фанерный комбинат, овчинно-шубная фабрика), либо оставшиеся от тяжелых военных лет эвакуированные из центральной части страны небольшие заводы.

Город рос, требовались новые трудовые руки. Поэтому Тюмень начала пополняться молодыми людьми и окрестных деревень. В деревнях жили тяжело, поэтому родители правдами и неправдами освобождали своих детей от колхозной лямки. Паспортов у колхозников не было, и родители буквально выкупали у местного начальства справки, дающие возможность подрастающим детям жить в городе. По рассказам одной моей знакомой, она девочкой сбежала из колхоза и жила у родственников несколько лет на нелегальном положении, пока не появилась возможность получить документ и начать официально работать. В то время открывалось много ПТУ, где молодым людям давались рабочие профессии, так необходимые растущему городу.

В определенном смысле новую жизнь Тюмень обрела с открытием нефтяных месторождений в 60-е годы. Буквально выросли на глазах огромные (по тем меркам) здания в которых находились главки: Главтюменнефтегаз, Главтюменьгеология, проектные институты, построен Дом техники нефтяников, в котором я в будущем буду работать в качестве социолога.

Город основательно разросся в это время: в восточной части появился новый микрорайон, застроенный «хрущевками», ТЭЦ, областная больница, два аэропорта. Появился Индустриальный институт – местная кузница нефтяных

кадров, в котором был собственный учебный телецентр (третий в стране после Москвы и Ленинграда), медицинский институт. Город разрастался, становился большим, появились кинотеатры, филармония и Дворец пионеров.

... все-таки он еще долго оставался провинцией, ведь правили областью и городом временщики, для которых Тюмень — «трамплин» для партийной карьеры.

Вы жили в старом доме Вашей семьи, в школу Вы пошли в том же районе, или она была уже в новой части города? Возможно, за годы учебы Вы сменили несколько школ, какое впечатление в целом у вас осталось от школьных лет?

Да, мое детство прошло в старом купеческом доме, доставшемся моей матери от родителей. Это был большой двухэтажный дом, с постройками во дворе. До 1943 года мама вместе с бабушкой и братом владела этим домом. После смерти бабушки Никольской Александры Алексеевны мама вынуждена была продать нижнюю часть дома. Это была классическая купеческая постройка конца XIX века с парадным и черным ходом на второй этаж. Помню, что узнав о том, что этот дом был построен до революции не только наше поколение, но и наши дети искали «клад» как в кладовых дома, так и на территории двора. Дом находился в старой части Тюмени, т.н. Царевом (Большом) Городище. Когда-то во времена Ермака на этом месте было Городище (стойбище) татарского хана. Ландшафт сохранился до сих пор: окруженный ровом высокий берег речки Тюменки.

Училась я и мои сестры в начальной школе №3, которая находилась недалеко от дома и в которой работала моя мама. Большое (мне тогда казалось) здание школы с дружным коллективом учителей. С благодарностью вспоминаю Благинину Людмилу Петровну и Шупову Нину Ивановну — моих первых учителей. Из того времени запомнилось большое количество прочитанных книг и пионерское-тимуровское шефство над неграмотной старушкой. Заданием ученицы третьего класса была «ликвидация неграмотности» отдельно взятой женщины. Я ходила к ней домой и учила ее грамоте по букварю. До сих пор помню ее радостные глаза, когда она впервые написала свою фамилию. Так я продолжила семейное дело учителей, начиная с дедушки и бабушки Никольских, и мамы. «Цепкие когти семьи» — есть такое выражение.

С пятого класса и до окончания средней школы училась в средней школе №1, которая находилась в центре города, славилась как хорошей подготовкой, так и учениками со сложным поведением («хулиганами»). В средней школе жизнь была веселее. Классы были большие и ребята делились на группы. Наша группа «интеллектуалов» и любителей ходить на каток сохранила дружбу и после окончания школы. Учителя были разными, конечно, но теплыми чувствами вспоминаю учительницу литературы Калугину Тамару Петровну, истории Саморукову Марину Семеновну. Помню, что с подругой Викой Белогуровой в 9 классе создали школьный клуб любителей кино, собирали учеников, смотрели и обсуждали фильмы. Одним из первых фильмов был «Чайковский» И.Таланкина со Смоктуновским в главной роли. В старших классах я проявляла комсомольскую активность в городском Дворце пионеров. Создавали городской клуб вожатых под руководством замечательной Полины Прохоровны Капеко. Вместе с другой подругой Олей Симоновой готовилась стать журналистом, писали заметки

в малотиражку «Связист». Стезя журналистки удалась только Ольге. Она стала известным в Екатеринбурге журналистом. Мама, обеспокоенная моим слабым здоровьем, категорически запретила думать о жизни в другом городе без материнской заботы. Школьные годы вспоминаются насыщенными, сложными и интересными. Осложнялась жизнь в школе моим непростым, независимым характером подростка, который зачастую был испытанием учителям, привыкшим к авторитарному характеру отношений с учениками.

В школе Вас окружали ребята из семей со столь же глубокой историей жизни в Тюмени или в том регионе, или в этом плане Вы были «белой вороной»?

В школе не было принято рассказывать о своих глубоких корнях. Люди больше молчали. Да и мама, рассказывая нам, не поощряла наши разговоры об истории семьи чужим людям. Когда ей не нравилось наше поведение, она произносила: «В нашей семье так не принято». Праздновалась пасха, но рассказывать о ней в школе было нельзя. Надо отметить, что социальный контроль со стороны семьи был значительным, т.к. с одной стороны, мы знали о своих предках, и это было домашней жизнью, с другой, дети учительницы должны были учиться и вести себя «примерно» всегда и везде. Это накладывало определенный отпечаток и, скорее, я чувствовала себя «белой вороной».

В какой-то момент Вы стали задумываться о том, кем стать. Какими были эти планы?

Первые мысли появились в начальной школе — конечно, учителем, как мама, как первая учительница, да и радость неграмотной бабушки запомнилась. Лет в 14 решила, что буду философом, т.к. прочитала учебник по философии старшей сестры. Мало что понимала, но какая-то магия чувствовалась. Затем в конце школьных лет планировала податься в журналистику, но смирилась с маминым решением и поступила на исторический факультет Тюменского педагогического института. Поступление совпало с проведением эксперимента: студенты получали две специальности: история с обществоведением и английский язык. Это объяснялось нехваткой учителей иностранного языка в сельских школах. Я твердо знала, что не буду работать сельской учительницей, а займусь наукой и защищу диссертацию в 37 лет. Не помню, откуда была эта мысль, но защитилась я именно в 37 лет. Какое-то было предзнание, интуиция ...

Люда, в какие годы Вы учились в институте? Как Вы сейчас оцениваете характер преподавания Вам истории и общественных наук, скажем: либеральный или консервативный? Читали ли Вам нечто относящиеся, пусть условно, к социологии? Занимались ли Вы общественной работой? Продолжали накапливать опыт в журналистике?

Я поступила в институт в 1969 году и окончила в 1975. Учиться было интересно и сложно т.к. требовалось успевать по двум специальностям: истории и английскому языку. С благодарностью вспоминаю увлекательные занятия преподавателя Древней истории Сосновкина Игоря Николаевича, по истории СССР Рощевских Павла Ивановича и его дочь — Ларису Павловну, Юкляевского Вилена Александровича — моего первого научного руководителя. Даже такие, казалось бы, казенные лекции по истории КПСС он умел прочитать интересно и с юмором. Конечно, преподавание скорее консервативным (особенно

на истории КПСС философии и научному коммунизму). Особенно запомнились занятия на первом курсе по Древней Руси, изучение истории по документам («Русская правда», например). Проучившись на первом курсе и умудрившись выйти замуж в первую же сессию, на втором курсе я ушла в академический отпуск по уходу за родившимся сыном. За это время экстерном сдала все предметы по специальности «история» и, вернувшись на второй курс, учила только английский язык и писала научную работу о тактике компромиссов большевиков (тему точно не помню). Научный руководитель был строг, но желания заниматься не отбил. Выступила с докладом на городской конференции и заняла второе место. А вот с английским было сложнее из-за непростого отношения ко мне преподавателя. Молодая была — утверждалась. Да Бог ей судья. С социологией встретила на последнем курсе на спецсеминаре по новейшей истории у Данилова Владимира Алексеевича. Делала доклад о польском крестьянстве на основе исследования У. Томаса и Ф. Знанецкого условий жизни и изменении личной истории, отраженные в переписке и дневниках эмигрировавших крестьян («Польский крестьянин в Европе и Америке»). Вот когда впервые я столкнулась с социологией и с темой автобиографии. Видимо от своей темы не уйдешь. (Как это?...«Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои»\ Екк:2—11). Так и в моей жизни: интерес к истории возник в детстве под влиянием мамы, затем — учеба, затем интерес к личной истории, тема автобиографии и социологии появилась в студенчестве. Спасибо В.А.Данилову, ведь это он назначил мне тему доклада на спецсеминаре.

Поступила в педагогический институт (основан в 1930 году — старейший в стране), а окончила университет, который был открыт 1 января 1973 года. Он был шестым в Сибири и 59-ым в стране. Окончив в 1975 году университет, я стала преподавать на кафедре Истории СССР у Степанова И.В. По совету преподавателя кафедры сдала в этот же год кандидатские экзамены (хватило знаний по английскому и философии) и была приглашена в аспирантуру Степановым — специалистом по Степану Разину и этой эпохе. Отказалась, т. к. не чувствовала интереса к научным исследованиям исторических процессов. Даже такой глубокой старины.

Что касается общественной работы, разочаровавшись, а может, исчерпав интерес, в институте\университете я больше занималась учебой и детьми, ведь на 4 курсе у меня родилась дочь. С журналистикой больше не встретила.

Вы давно и неожиданным образом вошли в социологию. Вам тогда удалось найти американские работы Томаса и Знанецкого или работали с переводами? И что прежде всего Вас привлекло: метод, результаты, дух новизны, необычности?

Это было скорее первое знакомство, не вхождение. Работы Томаса и Знанецкого читались в переводе, в журнале по истории... Привлекал, скорее, новый подход к истории: история простых людей, отдельного человека... Ведь до этого мы изучали великих людей и результаты их деятельности, события и факты (советская историография). Необычен был метод. Работа ученых основывалась на изучении личных документов, а не официальных. И содержание текста воспринималось не как социологическое (я ведь еще этого термина не знала), а историческое. Описание истории отдельных людей, уехавших в другую страну, но не

порвавших связей с родиной, близкими. Странно было, что крестьяне писали подробные письма, которые изучались как документы учеными. Так мне помнится сегодня.

Конечно, это далеко не та история, которую Вам преподавали. Доминировало представление, что субъективной информации нельзя доверять при изучении прошлого, хотя при этом — фактически — высказывалось недоверие основному двигателю истории — народу. Итак, Вы отказались от аспирантуры и погружения в эпоху Стеньки Разина. И что Вы решили делать?

В 1979 году я узнала, что в Доме техники Главтюменьнефтегаза существует должность «инженер-социолог». Это было скорее интуитивное решение, чем рациональное. Было что-то магическое в слове «социолог». Оставив работу в университете, я пошла «туда, не знаю, куда и затем, не знаю зачем». Работа потребовала образования и я начала учиться в вечернем двухгодичном университете марксизма-ленинизма при Тюменском обкоме партии, где к тому времени уже несколько лет преподавал Юрий Михайлович Федоров. Он читал все основные предметы: социальную психологию, методику социологического исследования и математические методы в социологии. Следует сказать, что в 1979 году в Тюмени уже работало несколько групп социологов. Это группа социологов в Главтюменьнефтегазе под руководством Г. М. Юрасовой, социолог А. Н. Силин в Главтюменьгеологии, В. М. Семин, А. И. Кулябин институте НИИПЛЕСДРЕВ, С. М. Бабицкая в институте ЗАПСИББУРНИПИ, Н. Брагина и В. Фадеев на моторном заводе. В. Фадеев в 1974 г. представлял заводскую социологию СССР на Всемирном съезде социологов (г. Варна). На одном из заводов работал В. Абрамов, который учился в Ленинграде у В. А. Ядова.

Работа в Доме техники нефтяников заключалась в изучении культурных предпочтений сотрудников предприятий ГТНГ. Получив консультацию в Москве у специалистов НИИ культуры, разработала программу, составила анкету, провела опрос, обработала результаты и получила информацию о том, что традиционные советские массовые культурные мероприятия были малопривлекательны для инженеров и рабочих. Требовались новые формы работы с населением. Я предложила малые формы: клубы по интересам, которые стали организовывать и проводить специалисты Дома техники. Проработав три года социологом и получив начальный опыт опросов, в 1982 году я поступила в аспирантуру по философии Тюменского индустриального института. Полученный навык пригодился при сборе информации для кандидатской в северных городах на предприятиях нефтедобычи.

Следующий раз я встретила с социологией в лаборатории прикладной этики Института проблем освоения Севера в конце 80-х годов. Я участвовала в гуманитарной экспертизе проблем освоения тюменского Севера. Это была очень интересная, на мой взгляд, важная работа. Она показала различные аспекты гуманитарных проблем, которые были следствием агрессивной политики освоения нефтяных и газовых месторождений.

Для созданной в 1989 году Б. А. Грушиным службы изучения общественного мнения “Vox Populi” требовались организаторы групп интервьюеров. Мне предложили сотрудничество, и я согласилась провести опрос населения

Тюмени. Собрала группу заинтересованных людей и провела несколько опросов. Результаты отвозила в Москву Б. А. Грушину. Служба тогда помещалась в МГИМО, в полуподвальной части здания.

Еще одно сотрудничество с социологами — участие в опросе телевизионной аудитории института Гэллапа в качестве респондента. Случайно попав в выборку, несколько лет вся наша семья старательно отмечала (оценивала) телевизионные передачи.

Вернемся к аспирантуре. Какую тему для диссертационного исследования Вы выбрали? Кто был Ваш руководитель? Как шла работа?

Тема диссертации вполне советская, в духе времени: «Наставничество как индивидуальная форма нравственного воспитания». Тему предложил заведующий аспирантурой Владимир Иосифович Бакштановский. Предлагалось исследовать механизмы нравственной социализации. Отношения к нравственным ценностям у представителей поколений «отцов и детей», должны расходиться, иначе — какова же основа вечного конфликта... Возникал вопрос, при каких условиях взрослые: наставники, учителя (в идеале — носители ценностей) могут транслировать их подросткам и юношеству. Разработана была «зеркальная» анкета с ценностями, отношение к которым проверялось у наставников и их подшефных. Институт наставничества был распространен на предприятиях. Интересен был Север, так как там особые кросскультурные условия жизни. Изучался процесс наставничества, вернее, механизм идентификации во взаимодействии наставника и ученика.

С научными руководителями мне повезло. Заведующий аспирантурой и научным руководителем был В. И. Бакштановский, известный философ, основатель школы прикладной этики. Замечателен он был тем, что давал аспирантам возможности общения с ведущими философами, участия в научных конференциях, этических деловых играх, не препятствовал моим поездкам в Москву. Но с особой благодарностью я вспоминаю своего Учителя в науке и жизни — Юрия Михайловича Федорова. У него и Вадима Борисовича Ольшанского я училась социологии и социальной психологии. Это были годы дружбы и ученичества, которые позволили сформироваться моему научному мышлению, отношению к делу, жизни. В. Б. Ольшанский — известный социолог и социальный психолог, конструктивный критик моей работы.

Ю. М. Федоров — социолог, социальный психолог, философ, переводчик стихов с польского, поэт и мыслитель. Автор оригинального монументального трёхтомного философского труда «Сумма антропологии» (<http://www.ofedorov.ru/otec/>). Годы аспирантуры вспоминаю, как время плотной работы над диссертацией, постоянных открытий для себя. Так я стала заядлой театралкой, не пропускающей ни одного спектакля Таганки, Ленкома, МХАТа, выставок музея им. Пушкина, концертов. Часто ездила в Москву. День работала в Ленинке, вечером бежала в театр. Написала диссертацию и защитилась в положенные три года. Поскольку работа была написана на стыке социологии, социальной психологии, философии и этики, то найти подходящий диссертационный совет было не просто. Защита проходила в МГУ, на факультете философии в 1985 году. Нужно сказать, что меня постоянно окружали замечательные люди. Хочется добрым словом вспомнить Е. Ф. Сулимова и Ф. И. Минюшева (кафедра теории

и практики коммунистического воспитания, нынешняя социальной философией). Именно они согласились сначала познакомиться с работой, а потом предложили защиту в своем Совете.

В книге «Социологи России» есть информация о Ю.М. Федорове, конечно же — о В. Б. Ольшанском, он признается одним из первых советских социологов. Люда, так Вы прошли школу таких интересных исследователей и людей... Пожалуйста, расскажите о них, вспомните встречи, их советы... это очень важно для истории нашей науки...

Начну с Ю. М. Федорова, так как с его именем связана социология Тюмени. Именно он привез из Москвы идею чтения курса лекций по социальной психологии, которая трансформировалась в вечерний университет марксизма-ленинизма при котором в 1975 году открыт двухгодичный социологический факультет, где и читались Юрием Михайловичем курсы социологии, социальной психологии, методологии и методики социологического исследования. На этих курсах учились будущие сотрудники социологических служб, руководители предприятий, отделов, организаций, аспиранты и преподаватели различных кафедр города. Интерес к этим лекциям был совершенно неформальным и огромным. В 1976 г. создан Тюменский филиал Сибирского отделения Советской социологической ассоциации и его первым председателем стал Ю. М. Федоров. Проводились научные конференции, в работе которых принимали участие социологи Новосибирска, Тюмени, Москвы.

Юрий Михайлович был человеком колоссальной эрудиции. Он посвятил меня в поэзию Уитмена, П. Неруды, Н. Хикмета, В. Маяковского, прозу Х. Борхеса, Т. Уайлдера, Кнута Гамсуна, Ф. Вийона..., в мир французский живописи 20 века. (Он и сам был поэтом и переводчиком. На его сайте можно прочитать его стихи и переводы).

Ю. М. Федоров осуществлял научное руководство первым моим исследованием и работой над кандидатской диссертацией. Руководителем был очень строгим. Будучи сам феноменально организованным и целеустремленным человеком, требовал этого же от меня. Еще одним важным качеством, по мнению Юрия Михайловича, была самостоятельность научной позиции. Сам он являл пример этого, сделав уже в 80-х—90-х годах открытие в философии. Его «Сумма антропологии» собственная философская система, монументальный труд, объемлющий все мыслимое мироздание, — от происхождения человека и человечества до того драматического срока, когда они должны дать отчет о своем существовании.

Независимость его мировоззренческой позиции была под стать его социальной позиции. Он рассказал мне однажды историю своей ссылки в Тюмень. Ссылки без кавычек. Выпускник Омского высшего общевойскового командного училища, после службы в Польше, учился Военно-политической академии им В. И. Ленина. Будучи лучшим выпускником академии, он позволил себе слова возмущения порядками, царившими не только в армии, но и в стране. Его поведение стало предметом обсуждения в Главном политическом Управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота. В результате Юрий Михайлович после окончания адъюнктуры был сослан (он именно так восприни-

мал направление) в Тюменское высшее военно-инженерное училище. Для меня Юрий Михайлович — пример самоорганизации, творческой и мужественной жизни, выходящей за рамки стандартного, социально одобряемого поведения.

Федоров Ю. М. был учеником В. Б. Олышанского. От Юрия Михайловича я получила книгу Т. Шибутани «Социальная психология», которую блестяще перевел Вадим Борисович. Позднее он познакомил меня со своим учителем и другом. Я слушала знаменитые лекции Олышанского в Москве и Тюмени, в которых он мастерски, в простой манере рассказывал аудитории об экспериментах американских ученых, не называя имен, но объясняя природу повиновения человека в разных социальных условиях.

Вадим Борисович рассказывал о своем профессиональном пути, полном интересных событий. Оказывается, Вадим Борисович собирался посвятить себя зоологии, но суровые условия жизни подростка, потерявшего родных, привели его в армейскую службу. Он делился воспоминаниями о «включенном наблюдении» — исследовании ценностей рабочего класса на заводе им. Владимира Ильича. Ему удалось стать своим среди рабочих, стоять у станка, отмечать праздники в неформальной атмосфере. Он приводил пример двойных ценностей в рассказе Абрамова «Рычаги». Именно Вадим Борисович познакомил меня с текстами рядовых отчетов социологов (не помню, какой европейской страны). Я была потрясена глубиной, структурированностью и четкостью формулировок. Помню разговор Ю. М. Федорова и В. Б. Олышанского о предмете социальной психологии. Азарт обоих был удивителен, оба полемисты, не уступающие друг другу, но уважающие чужое мнение. Этот разговор Федоров привел в своих лекциях по социальной психологии.

Однажды мы разговаривали с Вадимом Борисовичем о требованиях к написанию научной статьи. «Статья быстро не пишется, — говорил он, — 1 страница в неделю». Это был его стандарт. Кропотливая работа с осознанием ответственности за содержание текста. Помню, спросила его, почему не напишет докторскую диссертацию. Снова узнала профессиональные стандарты учителя: докторская — открытие в науке. Для меня это мнение было и остается значимым критерием. С благодарностью вспоминаю его конструктивную критику моей кандидатской диссертации. Благодаря Вадиму Борисовичу я читала переводы текстов М. Рокича, Э. Фромма, Шуца еще в начале 80-х. Он рассказывал, как вместе с надежными коллегами добывали оригинальный текст американских социологов, социальных психологов, делили его на 4–5 частей и переводили его на русский язык, печатая на машинке. Первый экземпляр доставался тому, кто переводил свой фрагмент, остальной текст бы в разной степени читабельным. Но все равно чтение было увлекающим.

Олышанский рассказывал о своем исследовании социальных установок методом незавершенных предложений. Феноменология обыденного мышления, роль обоснования как предпосылка и следствие межличностных отношений интересовали Вадима Борисовича в начале 80-х годов.

Я запомнила Вадима Борисовича как человека любившего жизнь, умеющего дружить с людьми. В последнее время он не мог много передвигаться и я, будучи в Москве, приезжала к нему в гости. Наши разговоры часто преры-

вались звонками его друзей, учеников, детей. Будучи прикованным болезнью к домашним условиям жизни, он написал книгу «Практическая психология для руководителей, учителей и родителей».

Помню еще, с какой горечью Ольшанский воспринимал происходящие события в стране в конце 80-начале 90-х. Он рассматривал их как катастрофу. Последнее наше совместное дело — работа над планом-программой моего исследования «Нравственная социализация в условиях аккультурации» на примере Тюменского Севера. Планировалось социологическое исследование, научным консультантом которого согласился стать Вадим Борисович. Но последующие события в стране и в Институте Проблем Освоения Севера в Тюмени, отменили наш замысел.

Действительно, Вам повезло на встречи, с наставниками. Такое остается внутри нас навсегда.

Итак, защита кандидатской состоялась. Как это изменило Вашу жизнь? Вы продолжили работу в лаборатории прикладной этики и продолжали разрабатывать свою тематику или начавшаяся перестройка изменила и Вашу жизнь?

С защитой кандидатской закончилась целая эпоха в моей жизни, имевшая и цели, и результаты. Не только формальные, но внутренние, личностные. Мне пришлось «отрабатывать» аспирантские годы преподаванием научного коммунизма в Тюменском индустриальном институте целых 3 года. За это время я сумела договориться с пятью деканами, о важности знаний у инженеров социальной психологии. Они согласились включить в учебный процесс факультативный курс, который я читала с удовольствием. Важно было продолжать говорить на языке социальной психологии. Эти 100 часов не были включены в нагрузку и читались мною на общественных началах после возмущения преподавателей кафедры научного коммунизма: учебный курс не являлся для кафедры «своим». После «освобождения» от научного коммунизма, я получила предложение работать в лаборатории Прикладной этики ИПОСа, которой руководил В. И. Бакштановский. Была идея провести исследование «Нравственная социализация в условиях аккультурации» на примере Тюменского Севера, об этом я писала выше. Помню, как возвращалась из очередной поездки из Москвы вечером 18 августа 1991 года. В дороге узнали о путче. Первой мыслью было: «Слава Богу, что сын вернулся из армии».

Не предполагала, как развернутся события в стране и моей жизни. 90-е годы были сложными. Лаборатория закончила свое существование, и я перешла преподавать социальную психологию учителям и психологам в областной ИПК педагогических кадров. Пришла востребованность моего курса. С самого начала преподавания социальной психологии и до сих пор, в начале я говорю «спасибо» своим Учителям: Юрию Михайловичу и Вадиму Борисовичу. Во многом я чувствую себя их ученицей и сегодня.

В 1993 году судьба моя резко повернула в прикладную социальную психологию. Я с группой единомышленников придумала концепцию и создала психологическую службу в Калининском районе. Идея была проста и актуальна. Это было время, когда взрослые теряли работу, опору в жизни и старались выжить в новых условиях. Дети оказались на периферии их внимания. Жизнь учителей была не проще. В школе должны были появиться люди, которые могли бы

любить детей и оказывать им профессиональную помощь в трудных жизненных ситуациях и интеллектуальном развитии. Профессиональная помощь требовалась и учителям и родителям. Для такой работы требовались специалисты, и мы начали готовить психологов на биологическом факультете Тюменского государственного университета. За 6 лет мы подготовили психологов для школ не только района, но города и области. Большую помощь нам оказали питерские психологи А. И. Вовк, С. И. Сергеев из института Личности, согласившиеся сотрудничать с нами. Они проводили семинары и тренинги, на которых начинающие психологи, учителя, директора школ, заведующие и воспитатели детских садов получали гуманистическую подготовку, навыки консультирования. В каждой школе были созданы психологические службы. Не всем была по вкусу наша активность, и после ухода с заведования районо нашего ангела-хранителя Поршнева В. А. нашу службу в 1999 году ликвидировали, как финансовую обузу. Разрушены были и школьные психологические службы. Этот процесс был, конечно, вызван и сменой идеологии в стране. Не скрою, тяжело было терять детище, созданное таким трудом.

Мои сотрудники разбрелись по городским службам и вузам. Несколько из них защитили кандидатские и докторскую диссертации. Главное, они несли в себе нашу идею помощи людям, которым трудно. Я стала заниматься преподаванием сначала в Тюменском нефтегазовом университете, затем в Тюменском государственном университете. Сегодня я не только читаю социальную психологию, психологию рекламы, организационную психологию, но и занимаюсь консультированием организаций. Несколько лет назад обучилась медиации и теперь занимаюсь посредничеством в разрешении конфликтов. Все мои сегодняшние занятия вышли из социальной психологии.

Как оценить значение этих трудных лет? Обретение новых целей и смыслов, опыт сотрудничества с удивительными людьми. Я научилась видеть насколько талантливы могут быть люди, какие силы в них есть для преодоления трудностей. Научилась думать не о своих успехах, а в первую очередь о других людях. За эти годы потерь и обретения новых целей и смыслов мне не стыдно. Если первую половину жизни человек живет для себя, своих результатов и опыта, то вторая половина жизни подчинена ответу на вопрос: «Что останется после тебя?».

По-моему, так бывает лишь в романах; разве нам дано знать, где кончается первая и начинается вторая половина жизни... на тему, что останется после... тоже бесполезно думать, не нам решать... но дети, внуки — это точно... Люда, выше Вы заметили, что с социологией встретились через изучение автобиографий... но недавно Вы писали мне, что анализируете автобиографии советских/российских социологов, собранные в проекте, для которого Вы и рассказываете о себе... Пожалуйста, расскажите, что и как Вы изучаете и каковы самые первые результаты...

Еще лет 10 назад, меня заинтересовала тема поиска человеком своего Пути. Поняв необъятность затеи, я сконцентрировалась на профессиональном пути (Пути) и жизненном опыте человека. Результатом первого этапа исследования была статья, в которой сформулированы основные положения. Драма жизненного пути человека включает в себя различные этапы его личной истории: детство, отрочество, юность, зрелость и старость. Частью этой истории является время жизни, проживаемое в профессии. Часто его называют профессиональ-

ный путь, путь в науке, а профессию — делом жизни. Возможно, поэтому повествование человека о своем профессиональном пути во многом совпадает с его жизненным путем.

Жизненный путь человека я определяю как траекторию процесса его жизненно важных событий, имеющих продолжительность, периодичность, этапность, сюжетность, в ходе которых человек ставит цели, стремится к результатам, получает личный опыт, содержание и смысл которого может быть предметом субъективной рефлексии.

Профессиональный путь человека — это часть его личной истории, связанная с профессиональной деятельностью, разворачивающаяся в определенных социокультурных и исторических условиях. Описание жизненного и профессионального пути человеком носит ретроспективный характер, оно чаще всего происходит в середине или во второй половине жизненного пути, когда подводятся первые итоги, осмысливается жизненный и профессиональный опыт. Первой эмпирической базой исследования послужили материалы проведенных сотрудниками Научно-исследовательского института прикладной этики Тюменского нефтегазового университета (руководитель — В. И. Бакштановский) исследований «Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса, 20 рефлексивных биографий», и «Жизнь в профессии». Это материалы рефлексивных профессиональных биографий преподавателей Тюменского нефтегазового университета. Завершение первого этапа работы позволило сформулировать основные элементы структуры профессионального (жизненного) пути.

Побывав на Вашей, Борис Зусманович, лекции для студентов и преподавателей кафедры социологии ТюмГУ, я познакомилась с Вашей историей и узнала о проекте МБИ. Для исследования феноменологии профессионального или жизненного пути, необходимо, на мой взгляд, обратиться к текстам уже отрефлексированного человеком собственного жизненного или профессионального опыта. Этот опыт чаще всего называют автобиографическим, и получить его можно с помощью биографических методов, например, интервью. Это тексты, содержание которых посвящено прожитым и продуманным событиям, переживаниям, встречам и отношениям. Вот почему тексты автобиографических интервью, собранные Вами, являются важным материалом для понимания не только содержания жизни, но и значимости ее событий для человека. Тексты автобиографий — это своеобразная точка сборки жизненного опыта, в которой сконцентрированы важные события, смыслы, наполнившие жизнь людей.

Мне интересно найти ответы на вопросы, связанные не столько с описанием жизненной линии, сколько со смыслами, трудностями, способами их преодоления и последствиями опыта, полученного в процессе преодоления этих трудностей, с определения главных событий в жизни человека; понять, с чем или с кем они связаны, их влияние на дальнейший путь, с пониманием или осознанием смысла происходящих событий; узнать каков способ реконструкции событий автором, каковы основные категории, в которых человек описывает свой жизненный путь, представления человека о своей роли в на своем пути и на каждом этапе, о том, как им определяется идентичность, каковы характер системы ценностей и кто повлиял на ее формирование, на сколько она транс-

формировалась на каждом этапе и под влиянием каких факторов (люди, события, переживания, смыслы или еще что-либо), а также изучить другие проблемы, связанные описанием и пониманием человеком своего жизненного пути.

Погрузившись в содержание текстов, я поняла, что моя идея структурировать жизненный путь и опыт не лишена смысла. На сегодняшний день исследовано несколько тем, содержащихся в автобиографиях социологов нашей страны: «Метафора как средство рефлексии жизненного и профессионального опыта», «Архетип помощника в текстах рефлексивных биографий», «Жизненные события в текстах рефлексивных биографий». Есть намерения исследовать темы, посвященные опыту Встречи на жизненном и профессиональном пути и локусом семьи в жизненном пути.

В работе использовался контекстный контент-анализ и экспертный опрос. Для обработки полученных данных были использованы методы статистической обработки: критерий хи-квадрата и коэффициент корреляции Пирсона, таблицы сопряженности. Работа не была бы возможна, если бы ею не заинтересовались мои студенты, ставшие моими единомышленниками. Результаты части нашей работы опубликованы в статьях научных журналов. Я увлечена процессом исследования жизненных историй, опыта людей, проживших удивительные по содержанию события жизни, способных отразить их в своих автобиографиях.

Удивительным образом, моя первая встреча с социологией, начавшаяся с доклада о У. Томасе и Ф. Знанецком, исследовавших биографическим методом опыт жизни польских крестьян, «встретилась» с сегодняшним исследовательским интересом, материалами для которого являются тексты автобиографий, собранные Вами, Борис Зусманович.

Спасибо, Люда. Долгое и драматичное прошлое Вашей семьи старанием Вашей мамы определило не только Вашу профессию, но и отношение ко многому, что вас окружает. И социологом Вы стали в силу интереса к личным историям. Все целостно, все неразрывно.

Интервью с Владимиром Изявичем МУКОМЕЛЕМ

«Я БЫ РАССМАТРИВАЛ НАШ ДИАЛОГ В ТРЕХМЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ОБЩЕСТВО - НАУКА - РАБОТА. И Я ПРИ СЕМ»

Мукомель В. И. — окончил экономический факультет МГУ (1971 г.); доктор социологических наук (2006 г.); Институт социологии РАН, Заведующий сектором изучения миграционных и интеграционных процессов. Основные области научного интереса: миграционные процессы, миграционная политика, трудовая миграция, этническая политика, национальные меньшинства, этносоциология, этнодемография. Интервью состоялось: август 2014-апрель 2015 г.

Моя беседа с Владимиром Изявичем Мукомелем началась 13 августа 2014 года и завершилась 6 апреля 2015 года, т. е. продолжалась почти восемь месяцев. Но я это не к тому говорю, что «долго или коротко», а к тому, что у меня явно было время обстоятельно знакомиться с его рассказом. Но привлекало меня в нем не фабульная сторона его воспоминаний, хотя в них много интересного, того, чего не было в материалах интервью с другими социологами. Меня интересовала его способность строить описание сюжета. Приведу три примера.

Вот он вспоминает ситуацию из жизни отца: «Выгоняли из партии и отца. Будучи в кабинете секретаря горкома и услышав сообщение об аресте Берии он воскликнул: “Не может быть!”. За недоверие к политике партии — мгновенно. Восстановили, но нервы потрепали. Может памятью об этих эксцессах никогда не стремился и не состоял...». О влиянии школы: «Что мне дала школа? Друзей, окружение, - то, что один выдающийся социолог обозначил как «общественный конвой» — изменяющуюся в течение жизни личную сеть, в окружении которой мы идем по жизни». О послестуденческой работе в Хабаровске: «Но время-то было дремуче-советское. Нас посылали на уборку — и мы, собирая капусту, подсчитывали ее себестоимость, исходя из нашей зарплаты и производительности труда. Получилось около 20 рублей за килограмм — при том, что в магазине она стоила 12 копеек. Дури было много: институт заказал карты в Канаде, а когда они прибыли, на них поставили гриф секретности».

С одной стороны, здесь все коротко, с другой, — все как бы закончено, трудно подцепиться с новым вопросом. Возможно, кто-либо и не обратит внимание на «зрительность» производимого Мукомелем дискурса, но я многое воспринимаю как набор легких, карандашных набросков картины его жизни. Допускаю, что мое отношение ко многому обусловлено близостью наших жизненных опытов, ведь я лишь на восемь лет старше его, и многие общественные события, элементы повседневности, даже люди, о которых он пишет, мне знакомы. Но не только этим.

В рамках развиваемой мною концепции поколений Владимир Мукомель относится к старшему слою четвертой когорты советских / российских социологов, тех, кто родился в 1947–1958 годах. Я не ставил перед собой такой задачи, но оказалось, что именно это сообщество социологов наиболее богато представлено в коллекции проведенных интервью. Беседа с Мукомелем стала 29-й, так что у меня есть возможность разместить рассказанное им в пространстве событий, образованных воспоминаниями достаточно большого числа представителей его профессионально-возрастной когорты. А это означает, что траекторию жизни и вхождения в социологическое сообщество Мукомеля можно видеть не только саму по себе, но в ансамбле с жизненными путями других исследователей этой когорты. Таким образом, процесс восприятия мною биографии Мукомеля — это не простое «узнавание», но узнавание, пронизанное воспоминанием и собственными жизненными дорогами, и биографий моих собеседников, относящихся к четвертому поколению.

Интересно, зримо описание Мукомелем студенческих лет на экономическом факультете МГУ. Однако для понимания истории становления нашего профессионального сообщества важно иметь в виду, что его рассказ дополняет и может быть дополнен воспоминаниями других выпускников этого университета, позже влившихся в четвертое поколение советских / российских социологов. Большинство из них — философы: Козлова Л. А., Локосов В. В., Омельченко Е. Л., Руткевич А. М., Тарусин М. А., Тихонова Н. Е.; двое — психологи: Давыдов А. А. и Чирикова А. Е., еще двое: Полетаев А. В. и Чепуренко А. Ю. — экономисты; Савельева И. М. — закончила исторический факультет и Семенова В. В. — факультет журналистики.

Но и это не всё, есть еще выпускники МГУ среди моих собеседников. Они учились на разных факультетах и относятся к разным поколениям. Опять же большинство — философы: Артемов В.А. (II), Ионин Л.Г. (III), Колбановский В.В. (I), Лапин Н.И. (I), Подвойский Д.Г. (VI), Федоров В.В. (VI). Кроме того: экономисты Заславская Т.И. (I) и Никулин А.М. (V), историки Тощенко Ж.Т. (II) и Травин В.И. (III), математик Толстова Ю.Н. (III).

Если отметить, что я изучал и описывал биографии пяти социологов-выпускников философского факультета МГУ: Батыгина Г.С. (IV), Грушина Б.А. (I), Капелюша Я.С. (III), Левады Ю.А. (I) и Раббота Б.С. (I), то открываются заманчивые возможности для изучения «особой» группы российских социологов, объединенных принадлежностью к Московскому университету. Что нас ждет на этом пути? Если характер, тип образования, место обучения как пребывание формирующейся личности в определенной гражданской и интеллектуальной среде, действительно детерминируют жизненный, профессиональный путь человека, то много интересного.

По мере освоения накапливаемых материалов и узнавания специфики IV поколения возникало несколько названий этого сообщества. Одно из первых «дети социологов первого поколения». В начале исследования были интервью с двумя «истинно» детьми — Еленой Здравомысловой и Николаем Ядовым. Недавно была завершена еще одна беседа, с Алексеем Руткевичем. Но очевидно, что характеристика «дети социологов первого поколения» имеет богатое социокультурное значение, которое распространяется на всю четвертую когорту. И в этом смысле всегда будет справедливым еще одно имя этой страты российского социологического сообщества — «Первое послевоенное».

Разрабатывая еще одну классификацию поколений, я назвал четвертую когорту «спасенными перестройкой», имея в виду то обстоятельство, что горбачевские начинания расширили горизонты возможного для тогдашних 30—35-летних социологов. Пришло то, на что они не могли надеяться в период застоя с его устоявшейся предметностью поисков, идеологической заданностью анализа социальных процессов, сложностью публикации результатов, оторванностью от многих тенденций, развившихся в западной социологии. В 2011 году я провел небольшой опрос представителей IV поколения с целью выявления их отношения к названию «спасенные перестройкой». Из одиннадцати человек 10 в той или иной степени согласились с ним. Лишь один из опрошенных не увидел в перестроечных преобразованиях позитивного влияния на свою профессиональную жизнь: «Нет, я себя к поколению, спасенному перестройкой, не отношу. Все, что я получила в плане профессиональном и научном, я получила в советскую эпоху: встречи с ведущими учеными, школы молодых ученых, конференции в пространстве всего Союза».

Без комментариев приведу несколько фрагментов из интервью с А.М. Руткевичем, проведенном в феврале-марте 2015 года. Вот его ответ на вопрос о том, как случилось, что он не ограничился чтением иностранной научной литературы «для себя», но занялся переводом: «Много стал переводить только в эпоху “перестройки”. Ранее тексты большинства западных мыслителей не переводились, мешала идеология». Далее я спросил Руткевича, сделала ли перестройка более свободным выбор исследовательских тем, освободила ли от самоцензуры, расширила ли методологические горизонты. Приведу его ответ полностью: «Естественно, как и многие другие учёные, я получил свободу писать без оглядки на партийные органы, говорить то, что думаю, просто-напросто посещать другие страны. В 1986 году я отправился на стажировку во Францию, причём я точно знаю, что до этого на мои поездки за границу был наложен запрет. Об этом мне сказал другой стажёр, которого поэксплуатировали чиновники Министерства образования: он видел мое дело, на котором красовалось: “не пущать”. За пару лет до этого меня даже на Кубу не пустили (приглашали из тамошнего Института философии). Диссидентом я не был, но в разных компаниях говорил то, что думал, а уши бывают даже у стен. Видимо, с перестройкой была дана команда с ряда людей запрет снять. Восемь месяцев я пробыл в Париже (Сорбонна — 1), прочитал немало книг и статей, познакомился с рядом коллег, посмотрел Францию». На мой вопрос, в какой мере его «спасла перестройка, Руткевич заметил: «Не думаю, что меня перестройка “спасла”. В отличие от многих моих друзей и знакомых, я не спился, не ушёл в дворники-диссиденты, наконец, мог зани-

маться осмысленным делом — учить студентов Аристотелю и Канту. Границы самовыражению, самоцензура были привычны. Позднесоветский мир был для меня тошнотворным, но всё же кровавым он не был».

Относительно недавно я впервые попытался описать доминантные функции различных поколений социологов. Первым трем из них были — соответственно — приписаны следующие функции: «Конституирование социологии как самостоятельной науки», «Расширение предметного поля исследований», «Развитие эмпирических методов». Четвертому поколению, вступавшему в профессию в годы застоя, по моему мнению, история предназначала «Сохранение достигнутого, испытание нового». В материалах интервью легко обнаруживается, что все сделанное сверх этого, — влияние перестройки.

Рассказанное Владимиром Мукомелем соотносимо с теми особенностями IV поколения, которые зафиксированы в его различных именах. Его родители не были социологами или гуманитариями, они были «простыми инженерами» и работали как и большинство штатского населения Севастополя в «почтовом ящике» — на одном из крупнейших предприятий, занимающегося электрооборудованием судов. Но знакомство Владимира с социологией состоялось в 1967 году, о ней студентам рассказывали один из ярких представителей первого поколения отечественных социологов И.С. Кон и один из зачинателей изучения социальной структуры и общественного сознания Ю.Н. Козырев. К тому же, Д. И. Валентей, увлекший студента Мукомеля проблемами демографии, в современных понятиях, был не только экономистом, но и социологом, в центре внимания которого находились социальные вопросы динамики населения.

Начало 90-х было сложным, в описании Мукомелем того времени просматривается иллюстрация слов Руткевича: «Надо было выживать, наш замечательный ЦНИИПГрад устремился в неведомое с прогнозируемым концом, и я ушел в бизнес — точнее не совсем в бизнес, а вроде того <...> мой однокурсник <...> пригласил меня своим заместителем в аналитический центр одной нефтяной биржи. Это был неопишуемый эксперимент — никому ничего не было нужно, деньги делались из воздуха и туда же со свистом улетали. Долго так продолжаться не могло, и после некоторых проблем со здоровьем, выйдя с больничного, я оказался у разбитого корыта: с биржи меня уволили, заработков не было. Я — безработный <...> Терять друзей приходилось каждый год — кто спился, кто замерз, кто как завершал свой жизненный путь...».

Потом началась серия пертурбаций, друзья пригласили Мукомеля в Рабочую группу члена Президентского совета Эмиля Паина. Ему приходилось решать новые аналитические и прогностические задачи. В середине 90-х в стране обострилась вынужденная миграция; она стало основной исследовательской проблемой Мукомеля. Но в конце 1990-х он второй раз оказался безработным и пришел в Институт социологии. Проблем с трудоустройством не возникло, но в отделе кадров его уверили: лучше пока не оформляться на работу, т.к. пособие по безработице в несколько раз больше зарплаты ученого. Он оформился лишь когда пособие по безработице сравнялось с его зарплатой; это произошло в конце 2000 года.

Если рубеж веков считать моментом вхождения в социологию Мукомеля, то для представителя его профессионального поколения это будет «поздним стартом». Но в действительности уже его дипломное исследование (1971 г.) было

социологическим. Приведу его слова: «При выборе темы диплома я взбрыкнул и сменил как географию, так и акценты: дипломная работа была посвящена экономико-демографическому развитию Австралии. Самым парадоксальным образом именно эта тема помогла мне осознать значимость миграции не только для экономического и демографического, но и социального развития территорий, понять значимость проблем интеграции». А это означает, что в социологию он пришел заметно раньше многих представителей его профессионального поколения.

Сегодня — 10 мая 2015. 70-летие Победы, вчера в России состоялся грандиозная гражданская акция — «Бессмертный полк». Присоединимся и мы к ней...

Анализ значительного числа интервью, проведенный в 2010–2011 годах, показал, что память о войне — общая, и при этом — у каждого своя. Тогда я изучал лишь материалы бесед с социологами первых четырех поколений, теперь у меня есть основание говорить о том, что война присутствует и в памяти молодых социологов, т.е. память о ней — всеобщая. Приведу воспоминания не только Владимира Мукомеля, но еще нескольких моих собеседников, интервью с которыми состоялись в последние месяцы:

Бахштановский В. (III поколение): «В 1942 году осенью отец ушел на фронт. И хотя я родился в июне 1942 года, конечно я его не помню. У меня есть письмо от отца с фронта, где он пишет и маме, и моей сестре Ире, спрашивает про мое здоровье, беспокоится о нем. <...> Других документов из фронтовой переписки у меня нет. Как мне рассказывала мать, отец погиб под Сталинградом, во всяком случае его часы маме переслали с таким адресом. Но недавно я нашел информацию о том, что отец похоронен в братской могиле Святогорского некрополя, у города Славянска. На сайте некрополя написано, что сержант Бахштановский Иосиф Борисович похоронен в братской могиле.

Безуглова М. (V поколение): «Мой дед по линии отца, Владимир Павлович Чернов, родом из города Юрьевец Ивановской области. Он работал агрономом в разных районах Ивановской области, а перед войной перебрался с семьей в город Иваново, где служил начальником областного сортового управления. Дед погиб во время Великой Отечественной Войны: сначала был ранен под Харьковом, а потом пропал без вести под Сталинградом.

Гавра Д. (IV поколение): «Своим отцом, Петром Дмитриевичем Гавра я горжусь не меньше. Он участник войны, прошел сталинские лагеря, не сломался. На первый курс поступил в 18 лет, а на второй — в 32 — после лагеря. А уже к 45 — зам. Главного конструктора, потом Главный конструктор. На его счету — двигатели к баллистическим ракетам и истребителям, ордена, Государственные премии».

Дука А. (V поколение): «Дед прошел Финскую войну, но пропал без вести в Отечественную под Ленинградом. Один из его братьев также погиб на войне, другой побывал в немецком лагере, откуда бежал. Старший же брат не воевал по возрасту и здоровью (но он участвовал в Первой мировой), был в оккупации в Днепропетровской области. Брат бабушки закончил танковое училище, погиб под Москвой. Вся семья бабушкиной сестры погибла в блокаде. Сама бабушка всю блокаду проработала в Ленинграде, жила на Тверской улице, рядом со Смольным. Мама в 1942 г. была эвакуирована, вернулась после войны. Рассказы о блокаде я слышал много раз с самого детства. Поэтому эта история — часть меня».

Карпенко О. (V поколение): «... дедушка по папиной линии погиб под Ленинградом во время войны. Бабушки во время блокады работали в Ленинграде. Папа (родился в 1938) тоже провел войну в Ленинграде, вспоминал о концертах, которые их детсадовская группа давала в госпиталях... ».

Мукомель В. (IV поколение): «Мой дед был то ли из пограничных с Белоруссии районов Украины, то ли из Украины. Судя по фамилии, кто-то из его предков имел отношение к мельникам, во всяком случае, это достаточно распространенная фамилия в Украине (правда, без мягкого знака) и этиология — на поверхности. К сожалению, он погиб рано, сорокалетним, в последние дни обороны Севастополя. Партийный работник, он был комиссаром одного из секторов обороны. И тяжелораненный, когда надежды на эвакуацию с Херсонесса таяли с каждым часом, он предпочел отдать свой пропуск на катер — понимая, что у него нет никаких шансов, — и застрелиться. Бабушка ждала его многие годы, так и осталась одна».

Никулин А. (V поколение): «Мой отец Никулин Михаил Петрович 1936-года рождения родом из центрально-черноземных крестьян Липецкой области. У них в семье было четверо детей (отец третий по счету), когда в 1941-м из колхоза на фронт призвали его отца и старшего брата, вскоре погибших на войне. И так, осталась моя бабушка Маша с тремя детьми в то нищее и голодное военное и послевоенное время особенно для крестьян».

Рождественская Е. (IV поколение): «Отец, Родин Юрий Дмитриевич, из семьи репрессированных, его отец — бывший офицер царской армии, погибший от пеллагры в мордовских лагерях. Сам призванный на фронт, был ранен в Восточной Пруссии и потерял ногу. Будучи инвалидом, не смог реализовать свою мечту стать геологом, но с успехом закончил Одесский институт инженеров морского транспорта, экономическое отделение, и был отправлен в Рижский порт, где работал главным экономистом». А вот фрагмент рассказа о маме: «... живя в Красном Селе под Ленинградом, она ездит в Ленинград в студию Маршака и сочиняет стихи и рассказы. Все прервет война, со старшей сестрой они будут мобилизованы санитарками в армию, и это их спасет от угона в Германию на принудработы, как это случилось с матерью и младшей сестрой. Так началась военная биография моей мамы, которая пройдет блокаду в военном госпитале, будет сбивать бомбы-зажигалки с крыш в составе молодежной бригады и спасется тем, что ее перевезут по дороге жизни. Далее старшая сестра поможет ей перевестись в авиабригаду под Ленинградом, где она будет и переводчиком, и делопроизводителем, где найдет своего первого мужа, летчика».

Устинова О. (VI поколение) пишет о своем деде: «Когда ему было 17 лет, в 1944 году, его забрали на военно-морскую службу, и он попал в г. Владивосток. Он прослужил 10 лет и после демобилизации остался на гражданском флоте, где дослужился до должности капитана дальнего плавания».

Фарахутдинов Ш. (VI поколение): «Мой дедушка был из многодетной семьи в Башкирии (их было около 12 детей), и из-за нехватки денег был вынужден жить в интернате. В Сибирь он приехал со своей сестрой, которую советская власть направила для просвещения коренного населения. Здесь он вырос, получил образование (учитель истории), призвался на войну, женился и в старости умер. На войне дед был танкистом, и, говорят поменял пять танков — каждый раз получая новый взамен подбитого старого».

Филиппов А. (IV поколение) рассказывает биографию отца, социолога Фридриха Рафаиловича : «В 1943 г. его призвали в армию с третьего курса, на военной фотографии этого года он без очков, но страшно косит одним глазом. Это, впрочем, уже не было помехой. У него был хороший слух, что и определило военную специальность. Он служил радистом, потом начальником радиостанции в дивизии ПВО. В партию он тоже вступил в армии, по-моему, в 1944 г. По случайности дивизия, в которой он служил, вошла в Резерв Главного командования, стояла сначала под Москвой, в Зюзино, а потом ее перебросили в Крым. Впоследствии оказалось, что они с воздуха прикрывали Ялтинскую конференцию».

Хайруллина Н. (V поколение): «В одну из встреч мне вынесли дело моего деда, я видела его роспись под показаниями, подписи “тройки” односельчан, которые решили его судьбу и судьбу его детей, мою судьбу, в своей жизни я никогда его не видела, как и не видела дедушку со стороны отца. Он ушел на фронт, но не добрался даже до места назначения — их эшелон попал под бомбежку».

Мукомель В. И.: «Я бы рассматривал наш диалог в трехмерном измерении: общество — наука — работа. И я при сем»

Владимир, я спрашивал Ж. Т. Тощенко об истории его имени Жан, Б. Г. Тукумцева — о происхождении его имени и отчества — Будимир Гвидонович, оказалось, что и история его фамилии не проста. А. Г. Здравомыслов вспоминал, как появилась его фамилия, а А. Ф. Филиппов — имя его отца, Фридрих. Петербургского социолога Д. Гавру я просил рассказать о происхождении его фамилии. Не знаете ли Вы историю Вашей фамилии — Мукомель? В ней читается принадлежность кого-то из Ваших предков к цеху мельников. Так ли это? И вообще, насколько глубоко Вам известна история Вашей семьи?

Увы, мои познания об истории моей семьи не столь глубоки, как хотелось бы и как следовало бы. Мой дед был то ли из пограничных с Белоруссии районов Украины, то ли из Украины. Судя по фамилии, кто-то из его предков имел отношение к мельникам, во всяком случае, это достаточно распространенная фамилия в Украине (правда, без мягкого знака) и этиология — на поверхности. К сожалению, он погиб рано, сорокалетним, в последние дни обороны Севастополя. Партийный работник, он был комиссаром одного из секторов обороны. И тяжело раненный, когда надежды на эвакуацию с Херсонесса таяли с каждым часом, он предпочел отдать свой пропуск на катер — понимая, что у него нет никаких шансов, — и застрелиться. Бабушка ждала его многие годы, так и осталась одна.

Они перебрались в Севастополь в начале двадцатых годов, здесь уже и родился мой отец, и я появился на свет.

По материнской же линии мои предки — русаки. Прадед, выходец из Воронежской области, в начале 20 века перебрался с семьей в Западную Сибирь. А уж потом дед, встретившись с бабушкой, перебрались в Казахстан. И вот уже более столетия повелось — по отцовской линии родственники в Крыму, а по материнской — в Казахстане и Москве.

В детстве и юности я немного стеснялся своей фамилии — у всех нормальные, Ивановы да Петровы, — а у меня. Правда в моей школе №1 были всякие... Зато потом оценил преимущества — и забыть сложно, и найти легко. Сейчас, если я хочу найти какую-то свою статью- забиваю в интернете свою фамилию — и достаточно. Иногда выручала. В советское время, будучи в Узбекистане, мне нужно было получить визу у одного чиновника. Увидя табличку на кабинете, понял, проблем не будет. — «Здравствуйте, товарищ Мелкомуков, моя фамилия Мукомель, надо бы подписать бумагу за подписью Мукоедова». Хохот стоял, когда я был по другую сторону кабинета.

Меня всегда забавляла не столько даже моя фамилия, сколько отчество. Моего отца в детстве звали Изя, уменьшительное вообще-то от Исаака. Но уже бабушка, как я помню, не знала идиша, а отец и подавно. Так и перекочевало в его паспорт — Изя, а потом передалось и мне — Изявич.

Сделанное Вашим дедом — героический поступок. Какова профессия Ваших родителей?

Мне очень жаль, что не застал деда. Вы упомянули, что Время прокатилось через судьбы людей катком. В моей семье трагедия оборачивалась фарсом: уже на излете Большого террора, деда — а он, как я уже говорил, был партийным работником, — выгнали из партии. По навету он содержал бордель до революции. Потом дошло, что не могли восемнадцатилетнему парнишке доверить столь ответственное дело. Восстановили, выдали полное собрание сочинений Сталина и огромную карту мира. Выгоняли из партии и отца. Будучи в кабинете секретаря горкома и услышав сообщение об аресте Берии он воскликнул: “Не может быть!”. За недоверие к политике партии — мгновенно. Восстановили, но нервы потрепали. Может памятью об этих эксцессах никогда не стремился и не состоял...

Мои родители были простыми инженерами и, как и большинство горожан в ту пору, работали в “почтовом ящике” — на одном из крупнейших предприятий, занимающегося электрооборудованием судов и для запутывания шпионов называвшегося “Эра”. Отец не мог понять, как я не могу справиться с элементарными вещами, когда что-то нужно сделать руками (ему-то удавалось все) — увы, руки у меня растут не из того места. С ранней молодости я понял, что я отщепенец, сиречь — гуманитарий.

В каком году Вы пошли в школу? Было ли Вам в охотку учиться или не особо? Повезло ли Вам с учителями? К каким предметам школьной программы у Вас был повышенный интерес?

Три измерения оказали влияние на меня и которые меня сформировали: атмосфера школы, атмосфера города и атмосфера того времени.

В школу я пошел в 1956-ом. Школа № 1 — первая не только по порядку. Старейшая в городе (недавно столетие как уж), сейчас бы сказали — элитная. В тихом центре города, на горке, рядом с Владимирским собором. «Первая» вошла в нашу семью три четверти века назад. В ней учился мой отец, потом я, затем мои двоюродные братья. (К сожалению, о школьных годах моего отца, предвоенного комсорга школы, знаю не столь уж много: его поколение отличалось немногословностью, стремлением придавать словам смыслы. А семейный архив, увы, был утрачен во время войны ...)

Школу я любил. Бежал туда с радостью (с не меньшей, правда, и оттуда). Не будучи «ботаником», отличником был только в начальных классах. Если и были предметы, которые я не очень терпел, так это рисование, пение, чистописание, иностранный. Вспоминаются почему-то предметы исключительно начальных классов.

Для меня школа — это еще вся среда, которая ассоциируется с Горкой, с развалинами Владимирского собора, тогда полуразрушенного, куда мы лазили мальчишками. Морем — как забыть уроки физкультуры в открытом морском бассейне. Сбором металлолома. Факельными шествиями — в городе, жившем на полувоенном положении, где периодически устраивали светомаскировку, время от времени такие шествия устраивали. Сейчас у меня иные ассоциации от этих шествий, когда классы шли квадратами, но тогда мы с удовольствием к ним готовились, творя факелы из консервных банок.

Что мне дала школа? Друзей, окружение, — то, что один выдающий социолог обозначил как «общественный конвой» — изменяющуюся в течение жизни личную сеть, в окружении которой мы идем по жизни.

А еще — школа формировала мировоззрение. Главное, чему она научила меня и моих школьных друзей — нонконформизму: не следовать тупо мнению большинства.

Мы и сами были — палец в рот не клади, но вклад учителей — несомненен. Они учили нас ответственности. Мужеству. Трудолюбию. Не забуду учительницу географии, поставившей мне пятерку: вызванный к доске, я стал пересказывать книгу о венгерских событиях 1956 г., изданную за границей (которую до того читал под партой). Учительницу истории и обществоведения, заставлявшую нас штудировать первоисточники. (Не слышал, чтобы в школе заставляли читать «Капитал» Маркса — она заставляла. Пять признаков империализма — включенные в госэкзамен экономфака МГУ, — я знал со школы). Математичку, с которой были отношения непростые: пересадив меня с Камчатки на первую парту, она каждый урок говорила: «Мукомель, ты и так как курица лапой пишешь, а еще ноги выставил».

Но математику мы знали. Как и литературу, любовь к которой нам прививали и привили.

Еще со школы я полюбил шахматы. Благодаря шахматам я и не вступал в комсомол: когда всех принимали, у меня был важный шахматный турнир на 4-й разряд, который, разумеется, я не мог пропустить. (А вступил уже в выпускном классе исключительно из понимания, что без сего меня никто в ВУЗ не примет — конформизм, однако).

Владимир, я — на десятилетие старше Вас, в школьные годы — это огромная разница. Не припомните, что Вы, Ваши однокашники читали в старших классах?

Мы читали в старших классах все — без преувеличения. Тем паче, что наступила оттепель. Журналы: «Иностранная литература» — я читал от корки до корки, включая критику и рецензии. Особо запомнился приход другой литературы, начиная с Э. Ионеско и кончая латиноамериканцами. «Новый мир» — с публикациями А. Солженицина («Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор»), безумно интересными мемуарами Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Полюбил Эренбурга и как писателя («Хулио Хуренито», «Трест Д. Е.» и пр.), и даже как поэта. А еще были «Нева», «Юность», даже в «Октябре» что-то можно было найти, еще какие-то журналы, сейчас и не припомнишь.

С оттепелью пришла литература начала 20 века, «литература лейтенантов», начали печатать и новую поросль, того же В. Аксенова. Подзабытых писателей 20-х — не печатавшихся с того времени. Всех проглатывал. А «ЖЗЛ» — как не вспомнить. Интересовался мемуарами — от военных до А. Игнатьева, западных политиков.

Что изменилось к старшим классам, — не только безмерно раздвинулся мир литературы. Он стал другим, кардинально отличавшимся от школьной программы. Особенно изменился мир поэзии: пришли невесты откуда не только С. Есенин (которого я не очень жалую), но и Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Цветаева, Саша Черный. Кажется тогда — возможно позже — Мандельштам. Бешеным успехом пользовалась «Библиотека поэта» («Большая серия» и «Малая серия»), «Мастера поэтического перевода», скромную, но неплохую серию

выпускала «Молодая гвардия» (Н. Майоров, Б. Кульчицкий, П. Коган, потрясшие тогда и способствовавшие лучшему пониманию поколения отцов и мощи советской пропаганды).

Мы умели не только читать, но и слушать: Би-Би-Си, «Голос Америки», «Немецкую волну», «Свободу» — последнюю глушили почему-то сильнее. Наверное, лет с 12—13: именно тогда я, читавший лет с восьми «Правду», как-то в ней разуверился. Окончательно меня отвадила от чтения официоза более поздняя статья, уверявшая, что отравления в Испании, будто бы вызванные апельсинами, на самом деле — результат радиоактивного излучения. (Тогда американский Б—52 потерял атомную бомбу, упавшую в море). Но были еще «Известия», «Литературка».

Итак, в 1966 году Вы закончили школу, или тогда в Севастополе была 11-летка? Какие планы на продолжение обучения У Вас были и как они реализовались?

Выпускной, десятый класс я закончил в 1966 году. Встал вопрос о дальнейшей учебе. Разумеется, не о военно-морском училище — их было два в Севастополе, — традиционном образовании для большинства севастопольских мальчишек. В нашем классе из восьми ребят четверо пошли в училище, четверо — в московские ВУЗы. Во-первых, «очкарик», во-вторых — твердо знал, что не мое.

Меня интересовала экономика, эконом-география, юриспруденция, филология. Победила экономика: во-первых, это было время косыгинских реформ, которые еще не заглохли окончательно, во-вторых, если Маркс написал «Капитал» про капитализм, то что мешает мне создать подобное про социализм? Даже название придумал.

Не было вопроса и куда ехать — в Москву, разумеется. В какой ВУЗ? — Опять же, в МГУ. Тогда в МГУ действовал такой порядок: естественники поступали в июле, гуманитарии — в августе. И мой ближайший друг Серега Погорельский, поступавший на мехмат, так расписал университет, что как-то о другом и не мыслилось.

И я уехал поступать на экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Тогда экономфак размещался на проспекте Маркса 18 (ныне Охотный ряд), где памятник Ломоносова. Историческое университетское здание с впечатляющей парадной лестницей, Ленинской и Коммунистической аудиториями и множеством иных прелестей. А поблизости от общежития был еще Главный корпус на Ленгорах (они же Воробьевы), в котором был свой шарм. Очарованный самим университетом и вкусив свободы университетской жизни в общежитии во время вступительных экзаменов, я твердо решил: коль провалюсь, буду поступать сюда и только сюда.

Случилось же так, что я поступил. Надо сказать, что в 1966 г. был двойной выпуск: школу кончали и 10-й класс, и 11-й. В результате конкурс на наш факультет был 10 человек на место. С историей у меня проблем не было, даже пятерку получил. Справился и с литературой, свалив в кучу «реализм без берегов» Роже Гароди и Милована Джиласа. И с математикой.

Отнесся к поступлению философски: когда вывесили на колоннах у входа в здание списки поступивших, у меня был такой вид, что встретив на первом занятии меня спросили: «А ты что тут делаешь?». Видать восторга на моем лице не просматривалось... Начались студенческие годы.

Тот факт, что Вы окончили элитную Севастопольскую школу, были весьма начитанным человеком и даже были знакомы с некоторыми основополагающими марксистскими работами, должны были помочь Вам успешно войти в студенческую среду. Но все же московские мальчики и, особенно, девочки, не давали Вам понять, что они и «периферия» — это разные миры?

Чего не было, того не было. Во-первых, время было другое. Я был вхож и в Дом на набережной, и в дома академиков и профессоров. И выходцы из этих семей, как и все, не были отягощены карманными деньгами, носили такие же вещи, ели и пили то же самое, что и все. Исключения подтверждали правило: вспоминаю дочь маршала и сына руководителя одной из стран СЭВ.

Дифференциация «москвичи» / «немосквичи» была, но она строилась не на социальных различиях, а на образе жизни, причем скорее вечерне-ночном: если первые могли (но не все и не всегда) возвращаться в свои дома, то приезжие (не все и не всегда) проводили ночь в общежитии. Вся жизнь строилась вокруг факультета — а это самый центр города, и Ленгор.

Во-вторых, что важно, и для москвичей, и для приезжих жизнь началась, по существу с нуля — студенческая среда была внове и тем и другим. Может лучше к ней, особенно к быту, были изначально приспособлены ребята, отслужившие армию (на них выделялась отдельная квота). Помню, один из них, служивший каптенармусом, сделала прикидку, как можно прожить на 5 рублей 70 копеек в месяц. (Это при стипендии 35 рублей, на которую невозможно было просуществовать).

Общежитие — а со второго курса мы жили в Главном здании, вообще играло огромную роль в нашей жизни. К нему, к окружающей его среде тянулись и москвичи, особенно ребята. Общежитие, его «зоны», Дом культуры достойны отдельного описания. Кажется, мне привелось жить практически во всех зонах гуманитарной части Главного здания: 18-этажной зоне «В», в трехэтажных башенках на крыше зоны, примыкающих к «В» 9-ти этажных зонах от «Д» до «Е». Везде была разная обстановка и в каждой — своя прелесть. (Согласно легенде, само название «зон» шло со времен строительства здания, в котором участвовали то ли пленные, то ли зэки).

Образ жизни был еще тот: помнятся сплошные пьянки-гулянки, кругло-суточная игра в преферанс, в который мы с другом играли профессионально и являвшийся основным и постоянным источником хороших доходов, на порядок превышавший и стипендию, и переводы из дома. Играли по-крупному. Но деньги как приходили, так и уходили: после вечернего выигрыша мчались куда-нибудь, к утру денег как не бывало, а утром уже ждали очередные клиенты, терпеливо дожидавшиеся когда мы проснемся, займем деньги и сядем за игру вновь. Играли не только в общежитии (часто на два стола в комнате), но и на факультете, помню одновременно три стола в аудитории.

Ночной образ жизни приводил к тому, что однажды, опоздав на пару в 14 часов, на вопрос преподавателя, почему опоздал и честно ответив, что проспал, понимания не нашел.

Наверное, находилось время и на учебу. (Меня всегда удивляло в молодости: как это не хватает времени. Понимание пришло с возрастом). Но с ближайшим другом мы только через год обнаружили, что ходим в одну языковую группу. Сбежать на выставку, в музей — коль уж приехал на факультет, — это было святое

дело. А что проходило строго по расписанию, так это обход букинистических магазинов. По строгому маршруту — через Камергерский, к Лубянке, памятнику Первопечатнику — магазинчиков 5–6 на маршруте располагались. На это требовалось несколько часов.

Но ведь и учились. А какие были преподаватели! Помню первую лекцию. И слова Ф. Полянского, крупнейшего специалиста по истории народного хозяйства и экономических учений: «Я ничем не отличаюсь от всех вас. Кроме одного — я знаю что и где искать». Преподаватели были и старой школы, еще со времен Института красной профессуры, и военного поколения: без ноги, без руки, без глаза (последний потерял его еще в гражданскую). Обстановка была довольно либеральная: когда у нас забрали преподавателя, ведшего семинары по политэкономии, только оттого, что у него не было степени, наша группа забастовала: семинар без него посещать не будем. Вернули...

Но идеологические вещи преследовались жестко: когда начались осложнения с Китаем и несколько человек с китайской группы на зарубежке вышли на демонстрацию, всю небольшую группу (6 человек) разогнали, нескольких — исключили. (В их числе — парторга и сына автора основного учебника, по которому мы учились). Достаточно строго позже обошлись с редактором стенгазеты, опубликовавшего неизданные еще стихи Мандельштама.

Вы довольно быстро определились со своими научными предпочтениями, с семинарами или этот процесс был сложным и долгим?

Небольшое пояснение. На экономфаке были три отделения, распределение на которые шло уже после поступления: экономическая кибернетика, зарубежная экономика, и, самое большое — политэкономия. На зарубежку не попал из-за языка, кибернетика не интересовала. Политэкономия.

Поначалу все шло замечательно. Но в конце второго семестра я как-то охладел к политэкономии капитализма и стал потихоньку ненавидеть политэкономия социализма. Все остальные дисциплины меня устраивали, но не эти, ключевые.

И я задумался о переводе на другой факультет, филологический, библиотекой которого я пользовался весьма интенсивно, благо это было соседнее здание.

Декан был приветлив, сказал, что это возможно, однако придется досдавать несколько дисциплин и я потеряю год.

Но тут, весной 1967 года, когда я вел переговоры о переводе, было создано отделение демографии, формировалась новая группа и молодой Дмитрий Игнатьевич Валентей, за глаза называвшийся не иначе, как Д. И. стал всю пропагандировать новую науку. Загорелся. И половина нашей студенческой группы — а это и уже сформировавшиеся личные пристрастия, и интерес к новому — ушла в эту группу. Мы и стали первым поколением профессиональных демографов.

Тогда, осенью 1967 г. и состоялось первое знакомство с социологией. Д. И., прекрасный организатор, привлек молодых Игоря Семеновича Кона, Юлиана Николаевича Козырева, в которого были влюблены половина девочек. Были и другие, но они запомнились больше всех.

Д. И. таскал нас в Дом ученых, на все значимые дискуссии— а есть ли вообще демография? Со второго курса мы и были в теме, и привыкли к аудитории. Преподаватели были замечательные. Помню, еще тогда предупреждали: придется нелегко, с каждым годом будут ограничиваться исследования, закрываться статистика. Увы...

А мои интересы, стали все больше концентрироваться на изучении миграции. И по сию пору...

Я в последнее время все больше ищу следы биографичности творчества социологов. Как бы Вы сегодня объяснили, почему интерес пал на миграцию? Может быть, потому что не были москвичом и тема московского будущего часто обсуждалась в общежитии?

Даже не могу найти логичного объяснения, почему — миграция. Это никак не было связано с тем, что я не был москвичом — в общежитии, в конце концов, все не были таковыми.

Я попал в сообщество демографов, надо было находить сферу интересов. К миграции, в известном смысле, я пришел методом исключения: рождаемость, смертность, динамика возрастного состава меня как-то не слишком вдохновляли. Это во-первых. Во-вторых, проблемы миграции привлекали внимание представителей нескольких дисциплин, в то время — особенно экономистов, эконом-географов, градостроителей. (Разумеется, и демографов, зарождались и социологические исследования, публикации о которых стали появляться в это время, еще позже я ознакомился с работами этнологов и антропологов). Междисциплинарный характер меня чем-то привлек. В-третьих, всю жизнь у меня не было однозначного ответа на вопрос: Вы откуда? — Наверное, это предвидение, что когда-нибудь вопросы идентичности мигрантов станут актуальными.

Как в целом шла Ваша учеба? Какие первые темы для самостоятельной разработки Вы находили себе? Чему было посвящено дипломное исследование?

Учеба шла своим ходом: главное было не слишком увлекаться и не допускать «хвостов». А знания как-то приходили сами, иногда даже и не покидали после сдачи зачетов и экзаменов. Всегда считал и считаю: в молодости важно расширить кругозор — общая эрудиция, культура, важнее узко профессиональных знаний. Последние всегда можно восполнить, а вот узость мышления — навсегда. И делать это лучше — в молодости.

Темы курсовых определялись тем, что я примкнул к авторитетным специалистом по расселению населения. А Валентина Михайловна Моисеенко стала на долгие годы моим научным руководителем, — с первой курсовой, вплоть до кандидатской. Я очень благодарен ей, потому что она научила меня тщательности и скрупулезности в любом исследовании.

Названия тем курсовых как-то выпали из памяти, помню только, что все они крутились вокруг проблем миграции в города. А при выборе темы диплома я взбрыкнул и сменил как географию, так и акценты: дипломная работа была посвящена экономико-демографическому развитию Австралии. Самым парадоксальным образом именно эта тема помогла мне осознать значимость миграции не только для экономического и демографического, но и социального развития

территорий, понять значимость проблем интеграции, важность миграционной политики и инструментов реализации таковой. Наверное, это повлияло на меня: на многие годы я сконцентрировался на проблемах миграции...

Забавно, Австралия-то откуда всплыла: романтика моря, «Дети капитана Гранта» или желание понять «чистый» случай — страна эмигрантов? Если можно, остановитесь кратко на результатах, выводах?

Никакой романтики, чистый прагматизм (правда, прояснил для себя, что такое животный мир континента). Австралия — замечательный кейс для понимания, с чем мы (СССР на тот момент) можем столкнуться в будущем. Что общее: во-первых, страна колонизации (как не вспомнить В. Ключевского: история России есть история страны колонизируемой). Со специфической историей заселения и освоения территорий, расселения. Различием природно-климатических, экономико-географических зон, социально-экономического развития штатов. Длительной историей и изощренными способами регулирования иммиграции. Во-вторых — огромная роль добывающей промышленности и сырьевого экспорта. (До сих пор помню: «Брокен хилл пропайетори»). В-третьих, учитывая огромную роль иммиграции, возможность посмотреть, как она влияет не только на демографию, но и на экономическое развитие. А сейчас, спустя четыре с лишним десятилетия, все чаще всплывает в памяти опыт регулирования межэтнических и межрасовых отношений, включая и состав разных иммиграционных волн.

Итак, университет окончен. Что дальше?

Встал вопрос распределения. Молодой член-корреспондент Академии наук Павел Григорьевич Бунич, создававший экономический академический институт в Хабаровске, стал пропагандировать Дальневосточный научный центр АН СССР среди выпускников и аспирантов. И мы поехали — шесть выпускников и двое окончивших аспирантуру. Бытовые условия первые полгода были ужасные: в комнате в общежитии было зимой 7—8 градусов, находиться без шапки и перчаток невозможно. Этот холод запомнился навсегда. Потом стало легче, мы получили нормальное жилье. А через год приехала следующая когорта выпускников нашего факультета, преимущественно девушки, стало веселее.

Весело работали, весело отдыхали. Вспоминая то время осознаешь, как молоды были все — и П. Г. Буничу чуть больше 40, кажется 42, зав. отделами — около 30—35 и т.д.

Но время-то было дремуче-советское. Нас посылали на уборку — и мы, собирая капусту, подсчитывали ее себестоимость, исходя из нашей зарплаты и производительности труда. Получилось около 20 рублей за килограмм — при том, что в магазине она стоила 12 копеек. Дури было много: институт заказал карты в Канаде, а когда они прибыли, на них поставили гриф секретности.

Зато была неплохая библиотека, в которой я и проводил большую часть времени. (Запомнился американский антропологический журнал, печатавший, кроме научных статей и анекдоты).

Сейчас и не вспомню, чем же я занимался. Помню лишь, что тогда мне удалось сделать чуть ли не наилучший прогноз. Павел Григорьевич попросил сделать прогноз цены золота на ближайшие годы. Надо пояснить: цены на золото не менялись многие годы, составляя 35 долларов за третейскую унцию. Фокус был

в том, что все данные по золоту в СССР были засекречены (а масштабы добычи были тайной за семью печатями), можно было опираться исключительно на зарубежные публикации. Я проанализировал добычу — вот здесь и пригодилось знание о золотодобыче в Австралии, — пришел через какое-то время к Павлу Григорьевичу и выдал: через год цена должна подскочить до 150 долларов. Павел Григорьевич посмотрел на меня как на идиота, но через полгода цена подскочила под 200 долларов. А через несколько лет — подскочила до 700 долларов. О чем и вспоминаю каждый раз, глядя на биржевые сводки. Тогда удалось самое сложное в прогнозе — предсказать сдвиг, выбивающийся из тренда.

Но спустя пару лет я для себя принял решение: что-то уж меня затягивает обыденность, надо учиться. И в 1974 году я поехал на родной факультет поступать в аспирантуру на родную кафедру демографии. Так закончился дальневосточный этап моей жизни, начался новый, московский. О чем жалею, так о том, что мало поездил по Дальнему Востоку.

Удалось сразу реализовать задуманное? Поступить в аспирантуру? Какую тему Вы выбрали для диссертационного исследования? Чем она Вас тогда привлекала?

Осенью я поступил в аспирантуру родного факультета на родную же кафедру демографии. Колебаний в выборе направления не было: я решил сконцентрироваться на миграции. Формулировка темы уточнялась и, в конечном счете, к защите, выглядела как «Миграционная подвижность населения больших городов РСФСР». Почему в таком виде? — Несколько аргументов имелось. Во-первых, импонировала идея рассмотреть подвижность горожан в увязке с проблемами расселения, урбанизации. Во-вторых, меня заинтересовала связь миграции с социальной мобильностью. В-третьих, не очень привлекала миграция сельского населения, имеющая специфические факторы и мотивы. В-четвертых, хотелось элиминировать влияние различий городского образа жизни и расселения, этнической специфики в разных республиках СССР. В-пятых, было понятно, что роль больших городов будет только возрастать в силу центростремительного движения в эти города. Уже тогда на них приходилась половина перемещений и подавляющая часть сальдо миграции городского населения. В-пятых, имело место и чисто прагматическое соображение: статистика по большим городам была много полнее и существенно достоверней, чем по другим городским поселениям. Мне же хотелось использовать математические методы анализа социально-экономических параметров городов, предъявляющие определенные требования к исходной информации. А так как больших городов в России тогда насчитывалось почти полторы сотни, меня это вполне устраивало.

И я стал работать над диссертацией под руководством, как уже упоминал, Валентины Михайловны Моисеенко, поощрявшей самостоятельность — хотя и не всегда одобрявшей все, приходящее мне в голову. Я думаю, что был неплохим аспирантом — ни Д. И., ни Б. С. (Борис Сергеевич Хорев, талантливейший эконом-географ, крупнейший специалист по расселению, возглавлявший сектор расселения Центра народонаселения) не предъявляли, по крайней мере, ко мне претензий, которыми обременяются обычно аспиранты. Д. И., более того, увидев, что у меня нет особых проблем с диссертацией, навязал мне руковод-

ство комсомольской организацией аспирантуры. (Учитывая немногочисленность комсомольцев и мою политорганизаторскую лень, обременение не было чрезмерным).

Что же оказалось на выходе Вашего исследования?

На выходе была диссертация. Похоже неплохая — я, во всяком случае, смотрю на нее как баран на новые ворота — пестрит какими-то подзабытыми математическими терминами, формулами и значками. При том, что все делал сам, обсчитывая матмодели либо вручную (труд адов!), либо на большой машине, которая жрала перфокарты, время от времени сплевывая не понравившиеся.

За диссертацию мне не стыдно. Работа над ней мне многое дала.

Надо понимать, что диссертация писалась во времена, когда функционировала административно-командная система, когда разрыв в условиях и уровне жизни разных поселений был колоссален: в Москве, областных центрах еще можно было найти какие-то продукты и товары, неведомые в глубинке. Люди рвались в города. Я пытался ненавязчиво внушить читателю, что политика ограничения роста больших, особенно крупнейших городов, путем сдерживания интенсивности притока мигрантов (пресловутая прописка) бездарна и не эффективна: не снижая потенциальное миграционное давление на города, она сдерживает мобильность жителей крупнейших городов — кому охота уезжать, зная, с какими трудностями придется столкнуться при возвращении. Но низкая мобильность населения — препона не только для индивидуума, но и для общества в целом. (Как не вспомнить ленинские слова: «Без создания подвижности населения не может быть и его развития»).

Человек всегда найдет выход: если нельзя переехать в город, то можно в нем работать и проводить большую часть времени — и в те времена фиксировался всплеск маятниковых миграций, рост агломераций. Но он лишается свободы выбора в планировании своей биографии — и это огромный минус. Я и предлагал перенести акцент с регулирования прибытий в города на повышение подвижности населения этих городов — в дискурсе того времени это означало бы постепенный отказ от прописки.

Подвижность населения — сложный социальный процесс, параметры которого взаимосвязаны и ограничения, накладываемые на один из них, выводит из равновесного состояния всю систему. И регулирование миграционными процессами — шире, социальными процессами, — предполагает просчет всего спектра возможных последствий принимаемых решений. Пожалуй, это важнейшие выводы диссертации. И когда законодатели предлагают ограничить приток внешних мигрантов, перенаправить их в другие регионы, ввести визы и прочие административные благоглупости, я думаю про себя: хорошо, что мы исследовали все это раньше и пусть не всегда знаем, что нужно делать, зато знаем, чего делать точно нельзя.

Сейчас в нашей беседе был естественный перерыв, Вы были в командировке в Вашингтоне. Это была конференция? участие в международном исследовательском проект? Пожалуйста, расскажите немного... потом вернемся к рассмотрению траектории Вашей жизни.

Конференция, но не совсем стандартная. Немного предыстории.

В свое время, году в 2010 (реально заработала в 2011), была создана программа Фонда Евразия US—Russia Civil Society Partnership Program (CSPP) / Российско-американская программа по сотрудничеству институтов гражданского общества (РАПСИГО). В рамках программы были образованы совместные российско-американские рабочие группы, возглавляемые российским и американским сопредседателями. Предполагалось, что каждая из рабочих групп разрабатывает и реализует конкретный проект в своей области (от Флоры и фауны до Гендера).

Весной 2012 г. умерла сопредседатель рабочей группы «Миграция» Елена Тюрюканова и сопредседатель с американской стороны, Синтия Бакли, предложила мне занять место Елены. Так я вдряпался в эту историю...

Уже в 2012 г. внешнеполитическая ситуация изменилась. И хотя все рабочие группы (а их было 12) старались максимально отойти от политики, было довольно сложно.

Год назад программа была переформатирована и преобразована в US-Russia Social Expertise Exchange (SEE) / Российско-американская программа «Обмен социальным опытом и знаниями». Появился такой компонент, как обмен стажерами, которые должны помогать рабочим группам.

А конференция была посвящена разработке проектов каждой из рабочих групп (их число сократилось до 8). Такая своеобразная конференция.

Вы защитили кандидатскую диссертацию в 1977 (8?) году. Поскольку в Вашем рассказе появился Б.С. Хорев, можно предположить, что выводы Вашего исследования могли оказаться полезными для каких-либо управленческих структур. Так ли это было на самом деле?

Я защитил диссертацию в начале 1978 года. Вы ведь помните то время: специалисты имитировали взаимодействие с управленческими структурами, прекрасно отдавая отчет, что тем это не шибко нужно, а служивые и не пытались делать вид. Конечно, были исключения — лишь подтверждающие правило. Борис Сергеевич, как человек, искренне веривший в миссию науки (не без цинизма притом), всячески старался продвигать близкие ему идеи. Кое-что ему удавалось, проталкивая идеологию систем расселения через такие инструменты, как Генеральная схема расселения, генпланы городов, схемы районной планировки, в работе над которыми принимали участие классные специалисты. Документы бывали прекрасны, но судьба этих документов, чаще всего, была незавидной...

Я пару раз встречался с Б.С. Хоревым, читал его работы, он сотрудничал с некоторыми ленинградскими «гороδοшниками», потому такой вопрос Вам и задал. Итак, пока внешне все развивалось довольно гладко. К 30 годам у Вас было хорошее образование, опыт работы по профессии, защищенная кандидатская диссертация, Вы входили в круг видных специалистов... как дела развивались дальше, скажем, в следующее десятилетие?

А дальше были 1980-е. Годы странные. И вроде все как всегда в начале 1980-х — биография расписана до гробовой доски, — и что-то новое, какое-то предстояние в воздухе витало еще до прихода М. С. Горбачева.

Но мне было не до высокого — появилась семья, надо было кормить детей, отсутствием аппетита не страдавших. Аппетит-то был, а с продуктами — беда. Так и приходилось крутиться каждый день, доставляя птенцам килограмм по 10 на перекладных. Мы поселились в новом тогда районе, где можно было встать у подъезда на лыжи и добираться до ближайшего леса. Где надо было идти до телефонной будки несколько сот метров — в домах телефонов еще не было — и стоять в очереди, в зависимости от совестливости звонящих. Где могли отключить свет вне зависимости от аппетита младшего — электрическая плита не работала.

Вы вспомнили «городошников». Вероятно, это судьба — и в последние годы я пересекаюсь с ними — с Олегом Николаевичем Яницким, например, работаю в одном институте.

Вообще в последние годы ощущается всплеск интереса со стороны всех социальных наук к урбанистике — и социологии в первую очередь. А тогда, в 1980-е, это была моя научная среда, говоря высоким штилем: с конца 1970-х и вплоть до 1991 года я работал в институтах Госстроя СССР — сначала в ЦНИИЭП Граждансельстрое (хоть убей, аббревиатуру не расшифрую), занимаясь сельским расселением. Тогда привелось ознакомиться с огромным пластом исследований новосибирских социологов по руководством Т. И. Заславской — и по сию пору актуальных. Другой плюс — судьба свела меня с хорошим коллективом, руководимым В. Р. Беленьким, а с Эмилем Паиным, Аркадием Поповым — вообще на долгие годы.

Воспоминания о содержательной стороне нашей деятельности довольно смутные. Работа, как и во всех научных коллективах того времени — по крайней мере в тех, с которыми я сталкивался, — была на втором плане: на первом месте были бесконечные чаепития, обсуждения толстых журналов и повседневности, добыча пропитания. Что-то, конечно, публиковал, но вплоть до конца 1980-х, преимущественно по проблемам расселения.

И все-таки обыденность засасывала. И я пошел учиться в МФТИ — там был спецкурс для лиц с высшим образованием со специализацией на моделировании социальных процессов. Это была еще та учеба: приходилось ездить в Долгопрудный, чуть позже стало несколько легче, т.к. мы больше времени проводили в базовом академическом институте — Институте системных исследований, руководимом академиком Д. М. Гвишиани. Я хорошо знал матстатистику, по крайней мере, так считал. Моего запаса знаний хватило на три месяца, дальше я уже мало что схватывал.

Дипломная работа была по прогнозированию демографических процессов: я сделал одну модельку и просчитал на машине (перфокарты и все прелести, о которых уже упоминал). Главное, что я вынес из учебы: менталитет гуманитария отличен от менталитета технаря и представителя иных профессий. Тривиально? Козьма Прутков меня опередил? — Возможно, но сталкиваясь позднее с юристами, военными, я лишний раз убеждался в важности этого ограничения, недоучет которого чреват разочарованиями от несбывшихся ожиданий. (В нашей группе было несколько гуманитариев, две трети из них курс не прошли. Самое сильное впечатление: сижу за одной партой с женщиной-технарем, кандидатом наук. Когда преподаватель продемонстрировал теорему и методику решения

задачи она попросила представить доказательство теоремы. На мой недоуменный вопрос: зачем тебе это нужно, она ответила — а без этого я не пойму саму теорему).

А в 1987 году наш отдел влился в ЦНИИПГрадостроительства, со специалистами которого мы давно контактировали по работе — огромный институт, чем только не занимавшийся — от генпланов городов, районных планировок до Генеральной схемы расселения, Комплексной программы научно-технического прогресса. Ярчайшие люди во главе с руководителем нашего отдела районной планировки (в котором было свыше сотни человек) В. В. Владимировым, будущим директором института. Не могу не упомянуть зубров: Ф. М. Листенгурт, Н. И. Наймарк, Е. Е. Лейзерович, М. Я. Вильнер, всех не перечесать.

Это был уникальный коллектив, объединявший архитекторов, экономистов, эконом-географов, социологов — кого только не было. Очень дружный, профессиональный и креативный. Особенно в части капустников, времяпровождения на картошке. И «старички» были хороши, и сверстники, и молодежь.

Стало веселее — как и в стране в целом. И первый отдел сбавил спесь, и партийная организация мутировала. Появилась и одна «персоналка», которую запирали на ночь в специально сконструированный железный ящик и к которой стояла такая очередь...

Институт бурлил, бурлили и мы. Неугомонный Гоша Васильев (Георгий Леонардович уже давно) записывал пластинки, концертировал («Иваси»), включился в партийные дискуссии и партийную работу — да так активно, что в 1990 г. возглавил крупнейший райком Москвы. (Позже он совмещал бизнес, возглавляя Московскую товарную биржу, на первых ролях в «Вымпелкоме», с культурой — вплоть до «Норд-Оста», увы...). Игорь Портянский стал осваивать Америку, Аркадий Попов писал стихи и песни, Эмиль Паин ударился в общественную деятельность и публицистику.

Сбежал в публицистику и я. Итогом этого побега стал объемистый том «СССР: демографический диагноз», составителем которого я являлся, вышедший в издательстве «Прогресс» в 1990 году в знаменитой серии «Иного не дано».

Не стыдно мне и за другую книгу, вышедшую в том же году и в том же издательстве — «Люди едут в города», которую мы написали вместе с В. М. Моисеенко. Работа над ней мне доставила огромное удовольствие, т.к. пришлось перелопатить кучу литературы, посвященной урбанистике и миграционным процессам в крупнейших мегаполисах. К сожалению, с ней мало кто знаком (да и вообще не ведаю, читал ли ее кто-нибудь) — она вышла не хилым тиражом, но... на бенгали. Английский и немецкий переводы не успели издать, т.к. СССР вскоре распался, а с ним и издательство, крупнейшее в мире в то время.

Это не единственный случай, когда приходилось вскакивать в последний поезд: год спустя мы с Игорем Злоказовым написали статью «Демография нестабильности», опубликованную в последнем номере «Вестника Академии Наук СССР». Попутно замечу, что политическая демография меня все больше привлекает в последнее время.

В конце 1980-х появились новые возможности — как технические, так и связанные с изменением социально-политического климата. После проведенной Всесоюзной переписи 1989 года наш институт инициировал обработку данных в разрезе выделенных Е. И. Лейзеровичем и Н. И. Наймарком агломераций.

И мы их получили из Вычислительного центра Статкомитета! Обработанные на больших машинах, распечатки шириной с метр, на которых были уникальные данные — включая жилищный фонд, коммунальную инфраструктуру — не говоря о демографии и прочем. Но это случилось уже накануне распада СССР ...Когда я был в институте в начале 1990-х этих материалов, занимавших несколько шкафов, уже не обнаружил... И публикации, основанные на этих материалах, мне не попадались...

С переписью 1989 года отчасти связана и другая работа, которая имела другую судьбу. В это время активизировалось движение крымских татар, которым доселе дорога в Крым была закрыта. (Я, родившийся и выросший в Крыму, не встречал до того в Крыму ни одного крымского татарина — их не прописывали без справки с работы, а на работу не принимали без прописки). Была создана комиссия Верховного совета, которая занималась репатриацией крымских татар и в которую вошел Эмиль Паин. Он и привлек нас к подготовке прогноза репатриации. Как помнится, Г. Васильев и И. Портянский писали о перспективах расселения, Э. Паин — об истории, я отвечал за прогноз репатриации. Что было весьма непросто по двум причинам: во-первых, их численность была неизвестна, во-вторых — надо было представить и обосновать динамику возвращения.

Оценка численности крымских татар — ключевого параметра прогноза, была проблемой крайне политизированной. Из среды крымских татар исходили цифры в миллион и более. Данным переписи 1989 года, давшей численность менее 190 тысяч, не верил никто: все знали, что на местах крымских татар записывали и татарами, и представителями титульных национальностей среднеазиатских республик. Что мы учудили: во-первых, — вдогонку переписи 1989 года, организовали перепись крымских татар силами самих же крымских татар, заручившись поддержкой на самом высоком уровне. (Очень много сил в проведение переписи затратил Рефат Чубаров, я же отвечал за переписной лист). И такая перепись была проведена, о чем мало кто знает. Увы, в Узбекистане, где большинство из них и проживало, ее проигнорировали, но сравнение материалов этой переписи со Всесоюзной переписью позволило оценить масштабы недооценки их численности (в отдельных республиках — в пять раз). Во-вторых, я взялся за демографический прогноз численности исходя из единственно достоверной базы — материалов переписей спецпоселенцев, проведенных МГБ/МВД СССР в 1948 и 1954 гг. Руководители крымских татар мне не очень поверили и я заказал аналогичные прогнозы в Центре народонаселения МГУ. Наши результаты были близки, сколько помнится — около 480 тысяч человек.

Тогда уже, я взялся за прогноз их репатриации. Украинские специалисты заложили неизменную за все годы прогнозного периода численность и репатриация должна была растянуться на четверть века, что не устраивало ни крымских татар, ни политическое руководство страны, т.к. могло взорвать ситуацию). Приняв за аналог тренды заселения крестьянами Сибири, я предположил, что динамика возвращения крымских татар будет схожа с логнормальной кривой, достигнув пика к 1994—1995 гг. в дальнейшем резко сходя на нет. Так и случилось: численность крымских татар достигла максимума в 250 тысяч в 1995 и с тех пор стабилизировалась — один из лучших моих прогнозов.

Еще одно направление исследований, которое меня захватило в конце 1980-х — анализ и моделирование этнополитических конфликтов, которые стали множиться на тогда еще советском пространстве. Тогда мне удалось привлечь к работе двух талантливейших математиков, с которыми мы сделали пару имитационных моделей, одну из них я использовал во время работы на государственной службе, уже в середине 1990-х. Но это уже другое время...

Пожалуй, впервые в моей практике бесед с социологами встретился с анализом и описанием таких действительно актуальных социальных процессов. Вы, Владимир, счастливый аналитик... Середина 90-х — тоже не самый спокойный в истории современной России период в области межнациональных отношений и демографических трендов. Я по-моему дважды был в Стенфорде на американо-российских встречах, где присутствовали видные татарские историки и политологи и Эмиль Паин. Вы не помните, действительно тогда мог состояться выход (отделение) Татарстана от России. А каковы сейчас отношения между Татарстаном и Башкирией, с одной стороны, и Федеральной властью?

Должен заметить, что знаменитая фраза Б. Н. Ельцина «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» относится к середине 1990-го, ко временам РСФСР. И, на мой взгляд, будучи правомочной в то время, она стала сверх актуальной после распада СССР, когда «парад суверенитетов» республик и областей в составе России принял угрожающую форму экономического обособления, когда каждый регион, в условиях товарного голода, ставил барьеры для вывоза товаров и продуктов питания — и это было страшнее виртуальной «независимости». Достаточно посмотреть на карту: ну куда могли бы выделиться те же Татария и Башкирия? Этой фразой Б. Н. Ельцин убил двух зайцев: как в том анекдоте, говорите о чем угодно, но мы-то с вами знаем, что это невозможно. Это во-первых. Во-вторых, политическое руководство регионов России прямо или косвенно контролировало националистические движения. После этого заявления, получив заверения в почтении со стороны руководства России, им ничего не стоило прижать означенные движения к ногтю. Получив — что крайне важно, — и большие преференции по части налогов, собственности и прочая.

Экономические взаимоотношения центральной и региональной власти ряда республик расхлебываем и по сию пору. Но тогда это был верный шаг: даже Джохар Дудаев в 1994 году, судя по его письмам Б. Н. Ельцину, практически не хотел ничего большего, чем уже имели Татарстан и Башкортостан.

В 2000-х ситуация изменилась: то, что было позволено в предыдущее десятилетие, перестало быть таковым. Выстраивание «вертикали власти» после Беслана имело по крайней мере одно положительное свойство: власть серьезно и весьма продуктивно озаботилась приведением регионального законодательства в соответствие с федеральным. Знаю не понаслышке: в сфере моих научных интересов крайне актуальна стала проблема противоречий между федеральным законодательством и законодательством субъектов Федерации, регламентирующим права иностранных граждан и граждан России на свободу передвижения и выбор места жительства и проживания, права вынужденных мигрантов. Регионы вводили все новые и новые ограничения в 1990-х, а Конституционный суд — надо отдать ему должное — давал все новые и новые Постановления и Определения.

(Об этом я много писал). Приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным — неоспоримое достижение власти в первой половине первой декады века.

А сейчас, в середине второй уже декады, все то же, если говорить о взаимоотношениях Москвы с Татарстаном или Башкирией: центр старается изъять те преференции, которые были даны этим республикам ранее и, по возможности, их монетизировать — ничего личного.

Но мы несколько отвлеклись. Борис, я не считаю, что мы должны идти в хронологическом порядке. Одно, тем не менее, полагаю важным: я бы рассматривал наш диалог не столь как попытку биографического анализа, сколь как попытку осмысления собственных опытов — достижений и неудач, — в контексте тех тектонических сдвигов, в которые нам/мне привелось жить и работать. В трехмерном измерении: общество — наука — работа. И я при сем.

Давайте теперь вспомним 1990-е. Что он и Вам принесли?

Новые опыты. Фантастические опыты. Надо было выживать, наш замечательный ЦНИИПГрад устремился в неведомое с прогнозируемым концом, и я ушел в бизнес — точнее не совсем в бизнес, а вроде того; Игорь Злоказов, мой однокурсник, о котором я упоминал, пригласил меня своим заместителем в аналитический центр одной нефтяной биржи. Это был неопишуемый эксперимент — никому ничего не было нужно, деньги делались из воздуха и туда же со свистом улетали. Долго так продолжаться не могло, и после некоторых проблем со здоровьем, выйдя с больничного, я оказался у разбитого корыта: с биржи меня уволили, заработков не было. Я — безработный.

Тогда я стал понимать американцев, для которых отсутствие работы — это проблема номер один. Через это можно пройти, но трудно: психологическое давление, что ты не можешь содержать семью, что ты лузер, неудачник, никто — страшнее всяких ужасиков. Это было тяжелейшее время для всех моих друзей и именно тогда я сформулировал тезис: мы — потерянное поколение. Чуть за сорок — и все. Кинематографисты, работающие грузчиками, инвалиды, подрабатывающие бомбилами... (Позднее я переформулировал сей тезис: в нашей стране каждое поколение обречено пройти период «потерянного поколения»). Терять друзей приходилось каждый год — кто спился, кто замерз, кто как завершал свой жизненный путь...

И — опять, очередная пертурбация: Эмиль Паин, ворвавшийся в информационное пространство программы «Итоги» Евгения Киселева и ставший членом Президентского совета, пригласил меня, Аркадия Попова, Лену Бурасовскую и Наташу Большакову — все из ЦНИИП Градостроительства, — в Рабочую группу члена Президентского совета. Так мы весной 1993 года обосновались на Варварке, где еще сохранялись следы варварской эвакуации прошлых обитателей — аппарата ЦК КПСС.

Запомнилась первая работа: мы должны были дать прогноз голосования по знаменитому апрельскому референдуму («Да, да, нет, да».) Насколько помню, мы с Леной Бурасовской отвечали за первый вопрос: «Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?». Придумал модельку, просчитали и не оплошали: ошибка прогноза была менее 1%, за что Руководитель Администрации Президента РФ С. А. Филатов вынес нам благодарность.

Странное время: о чем говорить, когда спервоначала мы ходили получать зарплату в кабинет Сталина в Кремле. Мы работали в октябре 1993 г., смотрели по телевизору как стреляют в Белый Дом танки, а время от времени наши коллеги из информационного центра, работавшие круглосуточно по соседству, вскрикивали: «ой, в мой кабинет попали...».

А затем, в следующем 1994 году, я стал — неожиданно для себя, — государственным служащим: весной был создан Аналитический центр Президента Российской Федерации, руководимый сначала Г. Е. Ясиным, а потом М. Ю. Урновым, куда и влились наши небольшие группы при членах президентского совета Э. А. Паине и Л. В. Смирнягине. Моя должность именовалась роскошно: Главный аналитик Аналитического центра Президента Российской Федерации. (Чувствовал себя героем «Ревизора»). Но при встречах с гаишниками помогало.

Прекрасное время, несмотря на постоянные реформации и переименования: я собирал так называемые «горчичники», уведомляющие об очередной реорганизации. (Только Руководителей Администрации на моем недолгом веку сменилось шесть человек!). Немыслимая ни до, ни после демократичность: проходя мимо кабинета С. А. Филатова, можно было застать картину, когда на его рабочем столе стоял электрик, ввинчивающий лампочку, а руководитель Администрации Президента терпеливо ждал, когда он завершит сей труд. Когда первый помощник Президента В. В. Ильюшин приходил смотреть, как работают наши информационные системы, когда тот же С. А. Филатов принимал участие в научных дискуссиях, а помощник Президента РФ Г. Сатаров вел постоянно действующий семинар.

Лучше всего это чувство наслаждения от работы зафиксировал Аркадий Попов, отметивший празднование 8 марта 1995 года строками, согласно которым «мы будем помнить долго март, девяносто пятый год, и этот Центр аналитический». А работа... Помните то время? — Чечня, Кавказ, конфликты. От Чечни, правда, старался держаться подальше, но не всегда удавалось.

Был еще один пласт работы, более тогда мне близкий. Середина 1990-х — это время пика вынужденных миграций: потоки беженцев и вынужденных мигрантов, время становления Федеральной миграционной службы, формирования миграционного законодательства — я не мог пройти мимо всего этого. Частично эта тематика проходила по работе, но по большей части — вне ее. Благо мы с Эмилем Паиным в 1993 г. зарегистрировали некоммерческую организацию «Центр этнополитических и региональных исследований» (предтеча этой организации — аналогичный центр при Внешнеполитической ассоциации, возглавляемой в начале 1990-х Э.А. Шеварнадзе, покинувшим пост последнего министра иностранных дел СССР). Мы получали гранты на темы, не финансируемые государством, и реализовывали с их помощью проекты, которые были не под силу тогдашнему государству. Основная проблема, которой я тогда занимался — вынужденные миграции на постсоветском пространстве.

Самый фантастический проект — проведение совместной конференции нашего центра (ЦЭПРИ) и Администрации Президента России по проблемам вынужденных миграций в пост-СССР. Без всяких гарантий, под честное слово, ключевым спикером прилетает третий человек в Управлении Верховного комиссара ООН по проблемам беженцев, Сержиу Виейра ди Меллу, помощник

Верховного комиссара. (К несчастью погибший в 2003 году при взрыве в Ираке, где был представителем Генсека ООН. После трагедии с Хаммаршельдом в 1961 году, он был самым высокопоставленным чиновником ООН, погибшим при исполнении служебных обязанностей. С ним тогда же погиб и другой крупнейший специалист по юридическим вопросам в области миграции, с которым неоднократно приходилось встречаться — (Артур Хелтон). Хорошо, ди Меллу не нужны были формальности, но нам-то были нужны и пришлось понервничать: формальное решение о проведении конференции и его участия в ней было подписано в Администрации Президента когда он уже летел.

Вынужденные миграции не были приоритетным направлением моей работы в Администрации, но являлись предметом моего наибольшего внимания и внеслужебного рвения. Иногда удавалось совмещать — так я принимал активное участие в т. н. «женевском процессе». (Инициированный в 1993 году Россией и поддержанный Генассамблеей ООН призыв к подготовке и проведению всеобъемлющей международной конференции, посвященной проблемам миграции на постсоветском пространстве). В процессе подготовки итоговой конференции, прошедшей в 1996 г. в Женеве, пришлось участвовать в серии региональных конференций в составе российской делегации (иногда и возглавлять), участвовать в подготовке документов, где шла борьба за каждую фразу. (Конференция, развеявшая страхи перед ордами бывших граждан СССР, которые, как многие опасались, ринутся на Запад, достаточно подробно мной описана в книге «Миграционная политика России: постсоветские контексты»).

Когда «женевский процесс» вступил в завершающую фазу, мое внимание все больше стало концентрироваться на миграционной политике и практиках ее реализации в регионах России. В регионах творилось столь невообразимое, что в середине 1990-х Конституционный суд — честь ему и хвала — по несколько раз в год принимал Постановления и Определения, признававшие неконституционными те или иные нормативные правовые акты субъектов Федерации. Тогда у меня и появился вкус к работе с правовыми документами. И в середине 1990-х, опубликовав до того под эгидой ЦЭПРИ несколько книг по миграциям на постсоветском пространстве, мы выпустили несколько книг по регулированию миграциями в регионах Северного Кавказа, Центральной России.

У меня сложились хорошие отношения с Федеральной миграционной службой — со времен ее образования. И когда ФМС обратилась с просьбой подготовить для них концепцию государственной миграционной политики на Северном Кавказе, было на что опереться. (Эта концепция легла в основу первого варианта Концепции государственной миграционной политики, подготовленной ФМС, широко обсуждавшейся в конце 1990-х, но так и не принятой).

Администрация Президента жила в состоянии перманентного реформирования, но характер работы менялся мало — будь то работа в Главном программно-аналитическом управлении, Территориальном управлении или даже в Главной военной инспекции, где числился формально какое-то время. Но самое интересное время, о котором вспоминаю с удовольствием — работа в Совете Безопасности. (Должность именовалась угрожающе: советник Управления внутренней и государственной безопасности).

Это уже конец 1990-х. Другая работа, другие функции, иные источники информации и иной уровень принятия решений. Я был достаточно свободен в выборе своих действий, неукоснительно было одно — подготовить документ в срок. Как? Твое дело...

И раньше приходилось действовать в жестких рамках формальных правил подготовки разного рода документов. Но здесь это было еще более строго: если аналитическая записка готовилась на самый верх, нужно было изложить суть проблемы, предложения по ее решению, возможные последствия и ограничения на 2–2,5 страницах максимум, причем очень крупным шрифтом. Борьба шла за каждый знак. Это было очень полезный и неоценимый опыт овладения навыками четко и аргументировано обосновывать управленческие решения. И по сию пору иногда, сталкиваясь с академическими рассуждениями, возникает раздражение — чиновнику это не понять, ему нужен ответ на единственный вопрос: что предлагается. А уж когда я сам был таким чиновником...

Однако все хорошее кончается: пришла новая команда, и в 1999 г. мне вручили последний «горчичник» в мою коллекцию — на тот момент в Совете безопасности без погон оставались трое, включая меня.

А мои научные интересы стали смещаться: с одной стороны, становилось понятно, что вынужденные миграции сходят на нет, с другой — что проблемы миграционной политики тесно увязываются с вопросами национальной политики, с третьей — на государственной службе больше занимался проблемами, так или иначе соприкасавшимися с вопросами межнациональных и межконфессиональных отношений. И вопросы национальной политики, особенно на региональном уровне, вышли на первый план в моих исследованиях.

Вспоминаются два эпизода 1999 года. Первый: в главе по миграции, подготовленной для ежегодника по человеческому измерению в России, я написал — о вынужденных миграциях пора забыть, что привело в раздражение Международную организацию по миграции, финансировавшую эту главу. Они обратились к Ж. А.Зайончковской — самому авторитетному специалисту, как мол так? А Жанна Антоновна выдала вердикт: я прав. Но тогда это был шок — подавляющее большинство статей продолжали выходить по вынужденным миграциям.

Второй: я периодически встречался с Владимиром Школьниковым, работавшим в МОМ, наиболее информированным специалистом по миграциям на постсоветском пространстве, не вылезавшим из командировок по всем странам СНГ и Восточной Европы, и мы «сверяли часы». И в 1999 г. (может начале 2000 г.), встретившись в Москве мы единодушно пришли к выводу: миграции перестают быть интересными для исследований.

Я отвлекся. Лишившись работы, надо было искать новую. Благо, как госслужащий я имел преференции и мог достаточно долго продержаться на пособии — сначала выходное, затем по безработице. Так я стал второй раз безработным: каждые две недели приходил в офис службы занятости, расписывался, что мне вакансии не нашлось (шутка была стандартной: и на этот раз нет должности советника Администрации).

Разумеется, я начал искать работу сразу после увольнения и пришел в Институт социологии. Проблем не возникло, но кадры уверили: мне лучше пока не оформляться на работу, т.к. мое пособие по безработице в несколько раз

больше зарплаты ученого. На том и договорились с Леокадией Михайловной Дробижевой, возглавлявшей институт: я оформляюсь тогда, когда пособие по безработице (ежемесячно снижавшееся) сравняется с моей зарплатой. Это случилось в конце 2000 года и с тех пор — я в Институте.

Придет время, Владимир, и все это надо будет отразить в мемуарах или в истории Ваших исследовательских направлений. Уникальный опыт... Итак, рубеж веков Вы встретили в РАН. Какую проблематику Вы стали разрабатывать? Наверное, было скучно после бурных дней-ночей в высоких консультативных структурах?

Начну со второго вопроса. Мой «поход» на госслужбу — эпизод, никак не прерывавший мою научную деятельность. Просто приходилось работать и на службе, и вне ее. Скорее даже — командировка, когда никогда не забываешь — это временно, придется рано или поздно возвращаться домой, сиречь — в науку. Но тогда для меня и большинства окружающих, пришедших в госуправление, было актуально: «не мы, так кто же». В этом смысле мы были временщиками: пришли из науки, вернулись в нее. Не пропали без госслужбы: почти все коллеги из Администрации, с кем приходилось работать, защитили докторские, пользуются авторитетом. Аналогично сложилась судьба первого набора в ФМС 1990-х — сегодня это лучшие специалисты по миграции, активно печатающиеся и преподающие.

Логичен вопрос: а не жаль ли лет, потраченных на госслужбе? — Нисколько. Они меня многому научили. И в первую очередь пониманию, что имеется диссонанс между дискурсами людей от науки и чиновниками. Для первых, как в том анекдоте, важен процесс, а не результат. Для вторых — именно результат. Разные постановки вопросов: что происходит vs что делать.

Что касается бурных дней-ночей на госслужбе — это был выбор каждого: кто-то предпочитал «от сих до сих» и их можно было понять, особенно женщин.

Я научный работник и по складу ума, и по привычкам: мне достаточно компьютера и чтобы не дергали.

Когда и в связи с разработкой какой проблематики Вы перешли в Институт социологии РАН?

Придя в Институт социологии, я попал в сектор изучения ксенофобий и экстремизма, которым руководил тогда Эмиль Паин, пришедший в институт раньше меня. Сектор входил в Центр исследования межнациональных отношений и я, — в очередной раз в своей жизни — столкнулся с замечательным коллективом, возглавляемым Леокадией Михайловной Дробижевой, руководившей этим центром будучи директором института.

Экстремизм меня не интересовал, после госслужбы хотелось дистанцироваться от подобного рода тематики, ксенофобии — да. (Название сектора родилось спонтанно. Деталей не помню, помню лишь, что при том, что и Эмиля и меня интересовали межнациональные отношения, мы бурно обсуждали, что изучать — «ксенофобию» или «ксенофобии»). Но основная тематика исследований начала 2000-х — национальная политика, особенно в отношении национальных меньшинств. В эти годы я еще написал несколько статей о миграциях и миграционной политике, результат предшествующих исследований 1990-х, но

подавляющая часть публикаций того времени — о национальной политике, особенно — проводимой на региональном уровне. Влезая в проблемы этнорегиональной политики, пришлось штудировать десятки тысяч нормативных правовых актов (благо к тому времени появились соответствующие правовые информационные системы, позволяющие это делать), тогда и появился вкус работы с законодательными актами.

Почему все-таки национальная политика, национальные и этнические меньшинства? Не только утрата интереса к миграциям, не только понимание, пришедшее еще в конце 1990-х, что миграционная политика и национальная (этническая) политика тесно переплетены. Обследования, проведенные в начале «нулевых» на юге России показали, что население довольно индифферентно к традиционным для данной конкретной местности национальным меньшинствам, но крайне настороженно относится к мигрантским этническим меньшинствам. Стало ясно, что, во-первых, ксенофобии все более концентрируются на представителях «видимых» мигрантских меньшинств, во-вторых — обозначилась тенденция их постоянного роста, в третьих — именно в это время (конкретно, в 2004 году), федеральный центр фактически устранился от национальной политики, сбросив ответственность на региональные власти, в четвертых — обнаружился огромный разброс политик и практик на региональном уровне. Было жутко интересно.

Но — «не было никогда, и вдруг — опять» — произошли существенные трансформации в миграционных процессах, подвигнувшие меня вновь обратиться к исследованию миграции. С начала 2000-х обозначился взрывной рост трудовой миграции в Россию и уже к году 2004 стало ясно — это всерьез и надолго. (А учитывая демографические прогнозы, особенно прогнозы трудовых ресурсов, стало понятно — навсегда).

Трудовые миграции пришли на смену экономической и социальной иммиграции, в свою очередь заместившей вынужденные миграции. Население новых независимых государств обнаружило, что для решения экономических и социальных проблем вовсе необязательно переселяться в Россию навсегда, можно в ней работать временно, благо рабочие места в России есть. Отсутствие работы в посылающих государствах, на порядок меньший заработок, чем в России, стали мощнейшими стимулами выезда на заработки. А нарастающий разрыв в экономическом развитии России и других стран СНГ с каждым годом выбрасывал на российский рынок труда все возрастающие потоки трудовых мигрантов.

Не удивительно, что я не мог не заинтересоваться этими пертурбациями. И уж совсем не странно, что, учитывая место работы, меня стали интересовать в первую очередь социальные аспекты «новой миграции», проблемы адаптации и интеграции мигрантов, их повседневности. Отсюда — и интерес к мигрантофобиям, к миграционным дискурсам. С другой стороны, памятуя о своем экономическом образовании, заинтересовался экономикой трудовой миграции, финансированием миграционной политики и ее эффективностью.

Но отвлекусь. К середине «нулевых» стал актуальным вопрос о защите докторской. Тому было несколько причин. Во-первых, Леокадия Михайловна стала меня попрекать и оказывать «давление», что весьма стимулировало и за что я ей безмерно благодарен. Во-вторых, стало ясно, что годы, когда это было не важно, остались позади: атрибуция и титулы стали принимать значение. Разумеется, не

столь материальное, сколь символическое (которое иногда способствует материальному). До того было не важно, какие у тебя бирюльки — в конце концов, все мы знали, кто чего стоит по «гамбургскому счету»; ху из ху. Ситуация изменилась, пошли защиты каких-то «левых», на коленях состряпанных диссертаций, я осознал, что эти люди будут читать лекции студентам и вдалбливать в них те крохи, что они знают, будут давать рекомендации, которым грош цена. Это был очень значимый для меня, скорее эстетический аргумент. Третий аргумент этического свойства: не считал защиту возможным до того, как не защитилась Жанна (Жанна Антоновна Зайончковская, специалист по миграции номер один, Жанной я назвал ее прилюдно лишь однажды, написав заметку к ее юбилею). Но, поняв, что Жанна Антоновна не собирается этого делать — к вопросу о «гамбургском счету», — для меня и этот барьер пал.

Монография у меня была, но я старался писать ее легко и стиль ее отличался от академического (под которым обычно понимается невразумительное занудство, а должно бы — строгость мысли и изложения). Кроме того, мне казалось, что отдельные направления мной разработаны недостаточно и я принял приглашение Государственного университета управления поработать по совместительству, следуя известной логике: если чего не знаешь, тому и учи. Повторяюсь, но и здесь был прекрасный коллектив Института миграции, возглавляемый формально бывшим руководителем ФМС России, а реально — бывшим первым замом ФМС Ю. В. Роциным и другим замом — В. А. Волохом. Вспоминаю то время с удовольствием, хотя приходилось мотаться на другой конец Москвы. Да и среди студентов попадались замечательные. Мне было интересно, надеюсь — и им. (В оправдание надежды: будучи за пределами Москвы, принимаю звонок от Б. С. Ягодина, преподававшего также на этой кафедре. И он с поддевкой: «это что же, студенты выбрали лучшим преподавателем тебя, а я лишь второй»). Мне нравится преподавать. Но это отнимает слишком много времени, которого, увы, всегда не хватает. С возрастом приходится ограничиваться, надо же в чем-то, в конце концов. Лучше уж только в этом.

Стыдно сказать, но мне было все равно, в какой области защищаться: по экономическим наукам (что логично не только сообразно моему образованию, но и оттого, что большинство специалистов по миграции в то время были экономисты или эконом-географы), по политологии (я активно занимался миграционной политикой), или социологии. Выбрал последнее: не оттого, что в нашем институте было легче — скорее наоборот, очень многие и весьма авторитетные специалисты Института социологии защищались на стороне, зная спрос институтских диссоветов, — может оттого, что в этом был какой-то азарт.

В середине «нулевых» произошли изменения в институте, объединившем несколько академических подразделений и институт возглавил М. К. Горшков. По большому счету, на сотрудниках это сказалось лишь в одном аспекте: кто работал — у того появилось больше возможностей больше и лучше работать. На мой неискушенный взгляд, институт сегодня работает как хорошие часы. Что изменилось для меня лично? — Может слишком буквально воспринял слова Михаила Константиновича, сказанные им в шато на кабардино-балкарских горах: «если социолога нет в публичном пространстве, его нет вообще». Стараюсь не отказывать журналистам, когда они обращаются: полагаю, что просвещение —

одна из основных задач научного работника. Уж слишком часто приходится сталкиваться и с излишне вольной трактовкой статистики, и с прямыми измышлениями, и вообще черт знает с чем. Кому если не нам?

В последние годы я все больше интересуюсь проблемами мигрантов на рынке труда, их социальной исключенностью и вопросами интеграции. Конечно и проблемами миграционной политики — в связке с политикой интеграции. Здесь очень много конъюнктуры: складывается впечатление, что периодические развороты миграционной политики на 180 градусов ориентированы в первую очередь не столько на решение внутренних экономических, социальных и демографических задач, сколько на поддержание определенного градуса ксенофобий и сопутствующей консолидации общества. И для меня кажется естественным обозначившийся у меня в последнее время интерес к проблемам диаспор из стран СНГ, вопросам национальной политики в регионах — своеобразный возврат к исследованиям начала 2000-х.

Задам один резко политизированный вопрос: «А есть ли проблема мигрантов — русских и украинцев — с Украины?».

Все вопросы миграции политизированы. Различия лишь в том, на кого ориентирована миграционная политика — на внутреннее потребление, либо на внешнее.

С украинской миграцией ситуация разворачивается в нескольких измерениях — политическом, социальном, экономическом. Политическое (внешне-политическое) явно доминирует. Мир или война? — После Минска-2 вряд ли кто однозначно ответит на этот вопрос. Сотни тысяч бежавших от войны — по данным ФМС России численность граждан Украины, находящихся на территории России, возросла с февраля 2014 на 1 миллион человек. (По данным УВКБ ООН, на конец ноября бежало в Россию свыше 430 тысяч, чуть больше — в другие регионы Украины). Сколько-нибудь устойчивый мир — и подавляющее большинство из них в кратчайшие сроки вернутся в свои дома, как это бывает при вооруженных конфликтах, не отягощенных этническими чистками. Часть не вернется — чьи руки в крови, у кого никого и ничего не осталось в Украине.

Второе измерение, социальное, больше связано с внутривнутриполитической обстановкой в России — с адаптацией и интеграцией бежавших из Украины. Люди, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации, не готовы к тому, чтобы эта ситуация растянулась на годы. Нуждающиеся в жилье, работе, доступе к социальным благам они вызывают понимание россиян. Но это понимание не вечно, и назревают конфликты, угрожающие социальной стабильности на местах. В лучшем случае — замирения — десятки тысяч оставшихся в России столкнутся, по меньшей мере, с непониманием. В худшем же случае — «гибридного мира» — уже сотни украинских граждан прочувствуют на себе рост ксенофобии, производной от общественных настроений, когда Украина, по данным Левада-Центра, вышла на второе место в списке враждебных России стран.

Еще одно измерение, которому уделяется недостаточное внимание — экономическое. Украина — традиционный для последних десятилетий поставщик трудовых ресурсов, занятых в российской экономике. Экономическая ситуация в России ухудшилась, но в Украине она просто катастрофическая. Разрыв в оплате труда в России и Украине — в долларовом исчислении — даже увели-

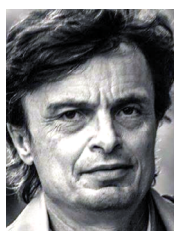
чился. Вопрос лишь в скукоживании рабочих мест, занимаемых гастербайтерами из Украины — особенно в ритейле. Потенциал трудовой миграции из Украины остался практически неизменным, но проблемы их легализации, работы на законных основаниях, усугубились. Складывается парадоксальная ситуация: постоянно работающие в России трудовые мигранты выдают себя за преследуемых, стремясь легализовать трудовую деятельность, а действительно бежавшие от войны не спешат получать статус беженца или получать временное убежище, т.к. это чревато изъятием украинского паспорта.

Владимир, в заголовок нашей беседы мы решили вынести Ваши слова: «Я бы рассматривал наш диалог в трехмерном измерении: общество — наука — работа. И я при сем». Сейчас я перечитал наш разговор; конечно, обо всем мало, но у всего бывает конец. В нашей беседе есть Вы, и не «при сем», а в фокусе внимания. Есть Ваше дело, без которого, как я понимаю, нет и Вас. Присутствует наука, она — часть Вашей работы. Есть и общество; и само по себе, и «при сем». Но завершая наш разговор, задам Вам вопрос: «Что Вы как социолог, гражданин, отец скажете относительно ближайшего развития нашего общества?»

Я оптимист по жизни. Но последняя вытворяет такие фортели... Такого цинизма, такой ненависти — всех ко всем — не припомню. Всплывают ассоциации с высказанным много ранее. Вспоминается Юрий Александрович Левада — об обществе в «Школе злословия» (2005): «Ситуация упростилась, но и опошлилась... В обычных ситуациях людям не нужно, чтобы народ стоял на ухах, но до обычных ситуаций ни наша страна, ни власть не доживала никогда». Тогда же он высказал важнейший тезис, без понимания которого трудно понять механизмы формирования «общественного мнения»: «Общественное мнение глупее, чем отдельный человек. Примитивнее. Нельзя с ним прямо считаться. Иначе можно упасть ниже, чем мы сейчас (2005!) стоим». — Можно ли, пройдено ли дно? Более четверти века назад, увидев статью М. Я. Гефтера «Сталин умер вчера» был шокирован. Как? Точка поставлена давно, окончательно и бесповоротно... — Ан нет, жив курилка, и живет иных живых.

Признание В. Э. Шляпентоха, вспоминающего исследования 1960-х: «Главные уроки советского прошлого — несовместимость авторитаризма и изучения общественного мнения... Без ...реального выбора между различными политическими силами реальное, независимое от власти, общественное мнение невозможно» (из неопубликованной статьи). Парадокс: власть формирует угодное ей общественное мнение и опираясь на него, принимает решения, не отягощаясь анализом всего спектра возможных последствий принимаемых решений: «народ всегда прав».

Каждому поколению в нашей стране выпадали годы, когда оно было потерянным. Была надежда, что внуков сия чаша минует. Увы, сегодня такой уверенности нет. Четверть века назад команда Днепропетровского университета в КВН спела: «Будет голод, но будет и холод, Но хорошего — больше будет». Тогда я «прочитал» их «хорошее» как выбор из альтернатив — голода и холода. Сегодня теплится надежда: может я ошибался, а они имели в виду просто ХОРОШЕЕ?

Интервью с Михаилом Яковлевичем РОЖАНСКИМ

**«Я продолжаю считать себя историком,
занимающимся социальной историей, но не социологом»**

Рожанский М. Я. — окончил исторический факультет Иркутского государственного университета (1976 г.), аспирантура философского факультета МГУ, кандидат философских наук (1983 г.); директор АНО «Центр независимых социальных исследований и образования» (с 2002 г.). Основные области научного интереса: социальная история советской и современной Сибири, устная история и биографический метод, советский идеализм, поколенческий анализ, историческая память. Интервью состоялось: декабрь 2014 — октябрь 2015 г.

Середина октября 2015 года, закончено и размещено на сайте книги «Интервью с коллегами-социологами» 134 текстов (http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207) и каждый из них — сопровождается моим введением.

Эта традиция сложилась давно, еще в «доинтернетовскую» для данного проекта эру. Первое интервью, проведенное с Б.М. Фирсовым, было опубликовано в журнале «Телескоп» №1 за 2005 год, т.е. свыше десяти лет назад. Тогда еще не существовало практики размещения текстов интервью в Интернете. Но даже когда это произошло, вводные тексты оставались достаточно короткими и имели сугубо информационный смысл, они кратко представляли респондента.

И этот порядок вещей сохранялся долго, до конца ноября 2014 года. К тому моменту в галерее, созданной в конце 2011 года, было около 80 портретов, а в целом было завершено несколько более 90 интервью. Впереди — как сложно доступная высота — маячила «магическая сотня» интервью (эта цель была достигнута лишь к началу февраля 2015 года), тем не менее, уже тогда было ясно, что «экватор» преодолен, что до конца пути, т.е. завершения процесса интервьюирования российских социологов, — много ближе, чем от точки отправления. Сразу резко актуализировалась проблема будущего анализа биографических интервью, и дело не только в объеме, размерах накопленного массива данных, но в сложности, многомерности подобного рода информации.

И как часто встречается в критических ситуациях, спонтанно возникло новое понимание роли, назначения вводного текста. Делая сопроводительный текст к интервью с Денисом Подвойским, я объявил это пространство зоной абсолютной свободы, правда, позже — отказался от определения «абсолютной». Целями «вводок» стало подведение итогов сделанного по тем или иным аспектам проекта и рассмотрение общих направлений описания и анализа накопленной информации. Здесь важно все: и методология, и технология и организация будущих поисков. Предстоит обосновать некую пошаговую систему освоения содержания архива интервью, тщательно оценивая ее реализуемость.

Беседа с Михаилом Яковлевичем Рожанским дополняет совокупность представлений о четвертом поколении российских социологов, к которому относятся исследователи, родившиеся в интервале — 1947-1958 гг. Среди семи возрастных групп нашего профессионального сообщества, анализируемых в данном историко-социологическом Проекте, эта когорта оказалась самой многочисленной; интервью с Рожанским — 36-е. Подчеркивая тот факт, что к ней принадлежат дети первых социологов, ставшие тоже социологами, я в свое время назвал это поколение — «дети первых социологов». К настоящему времени эта общность, старшие из которых приближаются к 70-и, а младшим — в конце года будет не менее 57 лет, представляет собою одну из наиболее сильных, активных групп российских социологов. Среди опрошенных — директора академических институтов, деканы, заведующие кафедрами, руководители независимых аналитических структур, редакторы социологических журналов.

Специфика IV поколения заключается в том, что даже младшие его представители начали свою карьеру в социологии или в смежных научных дисциплинах еще в советское время; оно — последнее, имеющее опыт работы в застойные годы. Несколько лет назад у меня были основания назвать это поколение «спасенным перестройкой», ибо первое перестроечное десятилетие открыло перед многими из него богатые возможности для обучения, освоения Западного опыта, участия в обсуждении того, что ранее было невозможно. И сегодня мы можем видеть, насколько плодотворными были те годы для их профессионального самоопределения.

Интервью с Рожанским позволяет отметить тот факт, что в фокусе анализа полученной в ходе моих бесед информации будут не только мои собеседники, но и ученые, повлиявшие на их исследовательские предпочтения и гражданское становление. Рожанский говорит о значении его встреч с Михаилом Гефтером. Вот воспоминание Рожанского о первой встрече с Гефтером: «эта встреча, моё впечатление от общения с ним, и возникший его интерес ко мне оказали огромное влияние на мою последующую жизнь».

Юрий Вешнинский детально описывает свое общение с одним из крупнейших отечественных социологов-урбанистов Леонидом Коганом и Юрием Лотманом. Давид Константиновский вспоминает Владимира Шубкина, Ольга Крокинская — Георгия Щедровицкого, Гарольд Зборовский — Льва Когана, Франц Шереги — Анатолия Харчева, Ирина Савельева щедро рассказала об Андрее Полетаеве. Сегодня, когда уже нет многих представителей первого поколения российских социологов, возрастает ценность воспоминаний людей этой когорты друг о друге, а также воспоминаний о них их коллег и учеников.

Все это указывает на перспективность построения сложной, многоуровневой коммуникационной сети, конструирование которой во многом равносильно воссозданию истории становления и развития российской советской и постсоветской социологии.

Рожанский М. Я.: «Я продолжаю считать себя историком, занимающимся социальной историей, но не социологом»

Михаил, в моем проекте неожиданно для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. К примеру, мои интервью с петербургскими социологами Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Еленой Эмильевной Смирновой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры...

Вы не знаете истории Вашей фамилии? Что Вы знаете о ее происхождении? Насколько вообще Вы знакомы с прошлым Вашей родительской семьи?

Что я знаю о родословной... Только на два поколения, хотя в 80—90-х успел даже записать какие-то воспоминания родных. И это характерно для Сибири, поскольку попадание за Урал — добровольное или вынужденное — было, как правило, связано с травмой, уходом и т.д. Фамилия Рожанский унаследована от деда (неродного — об этом ниже) Давида Анисимовича, иудея по вере, родом из восточной Польши (из-под Белостока). Родился в декабре 1881 года, участвовал в Русско-японской, вспоминал о Цусиме. Попал в армию как кантонист, и мой отец припоминал, что дед попал в армию вместо своего брата. Видимо, после Русско-японской и осел в наших краях — большом селе (сейчас город) Тулуне (на Московском тракте и Транссибе), занимался работами по металлу (изготавливал всякие бытовые предметы), там и женился. Женился на дочери ссыльного Вере Исаевне (фамилию не знаю), которая приехала к своему отцу с Украины. Тот не стал возвращаться из Тулуна, так как наладил свое дело (судя по всему, торговое) и очень успешно. Вера, когда выросла, переехала к нему (мать не уехала за мужем в Сибирь, а когда он не вернулся, вышла замуж). По воспоминаниям, Вера вписалась в среду ссыльных в Тулуне, была довольно грамотной и культурной, говорила на четырех языках (понятно, что идиш, русский, украинский и, видимо, польский). Работала белошвейкой. Отец дал за ней серьезное приданное — дед на него построил самый заметный дом в Тулуне (во время Гражданской там размещали штабы и белые, и красные, и партизаны). Да, дед участвовал и в Мировой войне, на которой получил контузию (почти оглох). Он был также ранен, но о ранении почему-то вспоминал в связи с Японской (мне так помнится с детства и отец так запомнил тоже) — как он мог с осколком в ноге попасть опять в армию, не ведаю. Детей у Давида и Веры не было.

Мой отец родился на Украине, в местечке Монастырище (где-то рядом с Уманью) в сентябре 1922 года в семье Винарских. Его мать — Татьяна, единоутробная (т.е. по матери) сестра Веры Исаевны, а отец Тейве/Тимофей. Эта семья Винарских пережила погромы и голод, мой отец был у них четвертым (выжившим четвертым) ребенком и, когда еще они его ждали, Татьяна и Вера договорились по переписке, что семейство переедет после рождения ребенка в Тулун и новорожденного отдадут Рожанским. То есть мой отец — отданный ребенок (так называют подобную историю у бурят, а называют ли как-то у евреев, не знаю). В общем, летом 1923 года они добрались до Тулуна, где дед помог им обустроиться и семьи так всегда и жили рядом. Обе семьи угодили в «лишенцы» — дед за

зажиточность, а Винарские, видимо, за компанию. Сначала заняли под советское учреждение первый этаж дома Рожанских, а в годы «великого перелома» выселили и со второго этажа на улицу.

Были и какие-то истории с конфискациями — обыски, деда сажали в милицию и т.д. Семья собралась переезжать в Иркутск и тут, как вспоминал отец по рассказам старших, объявляется борьба с перегибами и деду чуть ли не предложили опять занять часть его дома. Но дед решения менять не стал. Тогда ему предложили подписать бумагу, что он передает дом государству, это дед Давид отказался делать и Рожанские с Винарскими переехали в Иркутск, где дед построил дом-временный, тесный, но мы нем жили до 1963 года, а простоял он, будучи аварийным, до начала семидесятых. В него еще и подселили семью депортированных из Молдавии, а когда их отпустили на родину, то кого-то просто нуждающихся в жилье. Наша семья из 7—8 чел. жила в конце пятидесятых на 24 кв.м..

Папа — Яков Давыдович (такое отчество стояло в паспорте) окончил семилетку, затем ремесленное училище, стал токарем и работал к началу войны на машиностроительном заводе, откуда в 1942 году смог уйти в авиатехническое училище, то есть в военную авиацию. Но на военные действия не попал — сначала он служил на аэродромах у границы с Японией, а с весны 1945 — в Подмосковье, на аэродроме в Раменском, где и познакомился с мамой. Про мамину родословную знаю еще меньше. Вера Петровна, девичья фамилия — Кононова. Родом из крестьян Старицкого уезда Тверской губернии. Родилась или в 1916 (так стояло в документах) или в 1919 году (так считалось у нас в доме, а запись в документах объясняли какой-то запутанной историей, уже колхозной). Семья так и жила в деревне (с. Никольское), но отец мамы, Петр (мама Надежда) занимался отходничеством — на строительных работах в Питере (и даже одно время или уже в результате «карьеры» — приказчиком). Училась мама три класса, раскулачивания не только семья, но и всё село, избежало (или часть села, которая была относительно автономной от остальных — так я понял маму): будучи родственниками, они сумели как-то организовать и оформить колхоз, упредив насильственную коллективизацию. Мама с ужасом вспоминала, как раскулачивали соседние деревни. А дальше — тяжелый колхозный труд (лён), который лег, по словам мамы, в конце концов на плечи девчонок. И она с кем-то из подруг смогла какими-то правдами и неправдами выбраться в Ленинград «в люди», сначала домработницей в семью, вышедшую из их села и родни, а затем на всякие работы. не требующие образования, кроме элементарной грамотности (точно — почтальоном, про остальные не помню). Так она угодила в блокаду и пережила две блокадные зимы. вывезена была в тяжелом состоянии весной 1943 года. Потом вернулась в родную деревню, была бригадиром, чуть не угодила под суд из-за конфликта с местным милиционером и брат, служивший на аэродроме в Раменском, забрал её к себе в часть вольнонаемной. В 1947 году отец демобилизовался и увез маму (уже с первенцем) в Иркутск. Отец после возвращения стал работать в Иркутском аэропорту (где и проработал до пенсии) на текущем ремонте самолетов — сначала как квалифицированный рабочий, затем на инженерных должностях, начальником смены и т.д. Мама работала заведующей хозяйством в Дворце Труда (доме, который занимал Облсовпроф и всякие учреждения-арендаторы). Я был тре-

тым ребенком (и третьим сыном), но мои братья Борис (1947 г.р.) и Тимофей (1950 г.р.) очень рано погибли. Тимофей в 1963 году умер от опухоли головного мозга, Борис утонул во время турпоездки на Кавказ в 1968 году.

Спасибо, Михаил, такое вспоминать и излагать очень сложно... все думаю, как написать о семьях, из которых вышли действующие социологи, несколько лет назад опубликовал небольшую статью, но теперь у меня гора информации.. и в каждой истории о семье войны, переселения, высылки, аресты, расстрелы, кровь... но ведь семьи я не выбирал...и мои собеседники не только сибиряки...

Раз были старшие братья, Вы скорее всего тянулись за ними... не так ли? Вы, наверное, научились читать до школы... как вспоминаются первые школьные годы?

Точно сказать, когда научился читать, не могу. Склонен считать, что когда пошел в школу. Но сразу стал читать быстро — видимо, знал все буквы и нужно было только научиться складывать их. Дома книг было немного, как и игрушек. Любимым занятием до школы, как запомнилось, было разглядывание учебников старших братьев — естественно, по истории и литературе, в которых были интересные картинки. Научившись читать, стал еще читать вслух газеты или пересказывать их деду (по-русски он не читал, только на идише), благодаря чему стал не в меру политизированным ребенком еще в младших классах. Любимыми книжками тогда уже стали книжки по истории и другие научно-популярные для подростков. Плюс, конечно, радиопередачи, репертуар которых в начале 60-х был совершенно замечательный. Влияния старших братьев на интересы почти не было. Они были склонны скорее к технике и тому, чтобы делать что-то своими руками (это от отца и деда). Но благодаря этому в доме были популярные технические журналы («Юный техник», «Техника — молодежи», что-то по радио), а позже и «Наука и жизнь». Очень дружил со средним братом, но когда он умер, мне еще даже девять лет не исполнилось, а со старшим братом была большая разница в возрасте (7 лет) и интересах — было уже тогда ощущение, что это другое поколение.

В школе легко давались все предметы, оценки были гарантированы, поэтому усердия не требовалось, и основным занятием было чтение того, что было интересно: география, история, литература, политика (наверное, больше всего), астрономия (точнее, история астрономии и космонавтика), спорт. Чуть ли не с первого класса хорошо знал политическую карту мира и любил карты, атласы. Книги покупал и собирал уже с третьего-четвертого класса, а первую библиотеку свою к 7—8 классу точно собрал: научно-популярные книжки, юмор-сатира (библиотечка «Крокодила» и книжки разных авторов), книжки о спорте, какую-то политическую публицистику. Были попытки коллекционирования (спичечные этикетки, марки), но, в общем, не приистрастился — интерес был ко всему этому, в основном, как к носителям информации, но не как к системным коллекциям. В шестом классе победил на городской олимпиаде по математике и, кажется, после этого чуть ли не перестал делать домашние задания по математике — книжки по истории математики и всякие сборники занимательных задач (вроде Перельмана) с удовольствием читал, но заниматься этим как предметом не собирался. В астрономический кружок при обсерватории попытался записаться в шестом классе (тоже не для профориентации, а из интереса к предмету), но за

малостью лет не взяли, а с седьмого класса стал ходить в кружок международников при Дворце пионеров (и тот и другой кружок были секциями ученического общества «Знание»).

В общем, уже в 6–7 классе было ясно, что мои занятия в жизни будут связаны с географией-историей-международными отношениями, но никаких планов в отношении того, где и чему учиться не строил. Родители, уверен, тоже — во-первых, переживались семейные трагедии (все мои школьные годы прошли под знаком смертей в семье) и другие семейные события, во-вторых, были далеки от сферы моих занятий, гордились эрудированным мальчиком, но переживали, что не занимаюсь спортом (не развиваюсь физически). Да, еще был завсегдатаем библиотек, но отказывался от всех предложений библиотекарей составить мне список систематического чтения и т.п. (видимо, была такая методическая установка в детских и юношеских библиотеках). Из событий жизни как очень значимые (кроме потери братьев — это, конечно, самое сильное) запомнились несколько. Через год после смерти брата был летом с родителями на курорте и там мама рассказывала (и, может, не один раз) моей старшей двоюродной сестре и её подруге о жизни во время блокады. Мне было чуть меньше 10 лет, но уже тогда я слышал многое из того, что потом авторы и редакторы не включили в «Блокадную книгу». После 6 класса родители взяли меня с собой в отпуск в Одессу они были в доме отдыха, а я ночевал у родственников и иногда сам осваивал город, в котором больше никогда не был, но к которому с тех пор пристрастен. Кроме влюбленности в Одессу в той поездке еще случились важные события: в палате, где жил отец, ходила библиотечная книга без обложки (т.е. без автора и названия), которую запоем прочитал. Это стало одним из самых сильных литературных впечатлений в жизни — «Марсианские хроники» Бредбери. Через годы думаю, что дело в ostranении земной жизни, в этом было открытие. В той же палате шли постоянные разговоры о культурной революции в Китае (лето 1966 года) и один из обитателей (художник — грек по национальности) сказал «А разве у нас не то же самое было?». В семье у нас был, в общем, «анти-сталинский» настрой, но до таких сравнений не доходили. И тогда же в Одессе нам родственники рассказали о расстреле в Новочеркасске. Кроме того мы съездили на несколько дней в Кишинев, в гости к семье молдаван, которые были депортированы и жили в Иркутске в нашем доме (родители с ними дружили). Остальные личные события, связывающие с историей, были вполне общими — полеты космонавтов, продовольственные беды 1963 года, убийство Кеннеди, снятие Хрущева, Олимпиады, чемпионат мира по футболу, приход московского телевидения (1967 год в Иркутске), и, наконец, 1968 год со всеми своими событиями, но это уже были совсем не младшие школьные годы.

Можно ли сказать, что к моменту завершения школы Вы в целом определились с тем, что именно история это то, что Вам хотелось выбрать в качестве будущей профессии? Вам сразу удалось поступить на исторический факультет Иркутского университета или первая попытка оказалась неудачной?

Поступил с первого раза, но только благодаря стечению обстоятельств. И взяли меня кем-то вроде «вольнослушателя». Готов был плохо, хотя уже класса с девятого знал, что пойду именно на исторический. Но связано это было не с желанием стать историком, а с посещением кружка международников, кото-

рый вели студенты с истфака, а еще точнее, из студенческого кружка новейшей истории и международных отношений, который был на истфаке. Кружок был одновременно научный и лекторский, то есть участники занимались темами новейшей истории и читали лекции о международном положении. Собственно, поступая на истфак, я шел целенаправленно в этот кружок, на заседаниях которого бывал уже, будучи школьником. Конкурс в 1971 году, когда я окончил школу и поступал, был примерно 13 человек на место, если вычесть места, которые занимали золотые медалисты после сдачи первого экзамена и выпускники «рабфака». Систематически я не готовился — не научился делать это по гуманитарным предметам — привык в школе сдавать устные экзамены за счет начитанности. Первый экзамен — история.

Тут совпали два счастливых для меня случая. Попался билет, в котором был первый вопрос программы «Древнейшие государства на территории нашей страны», чуть ли не единственный вопрос, который я педантично готовил, что к выпускному экзамену, что к вступительному, и мог прочитать на эту тему лекцию, это и стал делать на экзамене. Зато второй вопрос — о народниках 70-х — я не мог собрать в мозгах и сразу стал «плавать», пытаюсь сделать длинное вступление о 60-х, о последствиях реформы и т.д. И тут помог второй случай: среди экзаменаторов был преподаватель, знавший, что я уже несколько лет занимаюсь в кружке, что делаю это активно и т.д. В общем, он как-то дал знать это остальным и комиссия осталась ко мне благосклонной. Иначе это было бы не больше четверки — незнание одного вопроса из трех. Без проблем сдал на «пять» устный экзамен по литературе и русскому языку, а вот сочинение написал на «три», взяв почему-то (из самонадеянности) «свободную» тему (что-то про современника). И в том году 13 баллов оставляли за чертой. Проходными были 15 из 15 и брали какое-то количество абитуриентов, набравших 14.

У меня были еще всяческие грамоты, победы на олимпиадах, хороший аттестат без троек, но зато не было трудового стажа. Да и тех, у кого меньше 14 баллов, просто не пригласили на собеседование. И тут совпало еще несколько обстоятельств. Во-первых, я пришел в день собеседования, чтобы апеллировать по поводу сочинения: я попросил его показать, обнаружил, что из пяти отмеченных ошибок, неверно отмечены три, и стал ждать председателя предметной комиссии, чтобы опротестовать оценку. Во-вторых, к моменту собеседования было принято решение кроме 50 студентов набрать учебную группу кандидатов в 25 человек и просить министерство открыть новую специализацию. Вот и приняли в качестве «кандидатов» после собеседования часть (или всех) абитуриентов, набравших 14 баллов, а заодно пригласили трех человек, набравших еще меньше — кандидата в мастера спорта, демобилизованного пограничника (т.е. сержанта из войск КГБ) и меня, который оспаривал оценку за сочинение — и предложили нам стать «кандидатами в кандидаты», т.е. всё посещать, всё сдавать, но прав никаких ни на что не иметь и надеяться, что дадут студенческие места, которые мы займем, если будем достойны. По слухам, которые потом услышал на факультете, у этой истории была такая подоплека: к моменту окончания экзаменов из отпуска вернулся декан (такой принципиальный человек «старой закалки» из офицеров-фронтовиков) и был возмущен «блатным» характером набора на факультет. Как никогда много было детей работников университета и различного начальства. Он, мол, и убедил университетское начальство, что

надо набрать группу кандидатов. Как бы то ни было, но декан не ошибся — уже к четвертому семестру, после третьей сессии, то есть к середине второго курса осталось ровно столько студентов, сколько было предусмотрено набором. Я стал студентом одним из первых — к началу второго курса. А новую специализацию так и не открыли.

Вот это про поступление. Очень долгое...

Похоже, выиграв этот забег с барьерами, Вы учились успешно, в том смысле, что легко определились с выбором специализации, нашли себе наставника... Так это было?

Слово «наставник», действительно, точнее, чем «учитель» для моей биографии. Мне было ясно не только со специализацией (новейшая история), но и что буду работать в кружке международников. И главным человеком для меня на факультете был руководитель кружка Мирон Акимович Бендер, один из самых ярких и авторитетных людей на истфаке, хотя не был даже кандидатом наук. Не стал он кандидатом, поскольку имел инженерное образование, в Иркутск приехал из Москвы вместе с авиазаводом перед войной и, будучи человеком социально активным (в Москве жил в коммуне, вхож был в круг «ифлийской» молодежи и, вообще, творческой молодежи), читал лекции о международном положении, стал известным лектором, затем его пригласили преподавать в иркутских вузах. Диссертацию он написал, если не ошибаюсь в начале 50-х, но не защитил. По одной версии, поскольку угодил в борьбу с космополитизмом, по версии идеологически выдержанных товарищей на факультете — из-за того, что ему нужно было до кандидатских сдать госэкзамены, чтобы получить допуск к кандидатским. Самого его и его родственников я об этом не спрашивал. На факультете его историческую эрудицию не то, что не ставили под сомнение, а, напротив, подчеркивали — до восхищения.

Мне было ясно даже с темой «научной работы». Меня занимал всерьез вопрос о том, почему «массы» пошли за Сталиным, Гитлером, идут за Мао. Понятно было, что темой можно брать только нацизм. Что можно читать на китайском даже в голову не приходило, а иллюзия, что выучу немецкий, была (но не выучил, хотя в дипломе некоторые источники использовал с помощью словаря). Иллюзии, что можно всерьез исследовать 30-е годы в нашей стране, не было. Интерес к теме «психологии масс» был переплетен с интересом к психологическому знанию, а с первого-второго курса и к социологии. В конце первого курса мне преподаватель, которая вела семинары по истмату, дала прочитать «Социологию личности» Игоря Кона, тем же летом, если не ошибаюсь, прочел в библиотеке «Лекции» Левады, потом вышло первое издание «Социальная психология и история» Поршнева, позже сборник «История и психология». В общем, меня всё это сильно в понимании природы нацизма не продвинуло, ни о Райхе, ни о Фромме (кроме имени), ни о других классических работах я толком ничего тогда не знал. Курсовые и диплом были довольно слабыми как работы по истории, до социально-философских или историографических тоже не дотягивали (точнее попадали между канонами научной работы на истфаке и методологической работы), но была проблематизация, углубление интереса к более стереоскопичной истории, чем та «методическая», которая лежала в основе нашего образования, и к методологии.

Нужно сказать еще об одном кружке и «наставнике». Это философский кружок. В силу какого-то эксперимента с учебными планами философия у нас преподавалась на первом курсе (мы были одни такими), и молодой преподаватель, который вел семинары по диалектике, Николай Сергеевич Коноплев как раз начал руководить философским кружком при кафедре, в который я сразу пошел — почему-то еще в старших классах считал, что буду заниматься философией. Сейчас могу твердо сказать об этих намерениях, вспоминая разговоры со школьными друзьями, но откуда это было, не восстанавливаю. Об истории философии представления были крайне смутные. Собственно, вот эти два кружка и работа над курсовыми были главным в моей университетской повседневности. Ну и очень значительную роль сыграло то, что я читал лекции о международном положении, был этим увлечен и это получалось. В общем, тут несколько повезло с тем, что эта деятельность выпала на эпоху разрядки.

Безусловно, есть какие-то эпизоды этой моей увлеченной деятельности, какие-то слова, за которые потом стало стыдно, неловко, но вот это совпадение с разрядкой придавало лекциям в 70-х в провинции тот смысл, который исчез позднее — убеждать в правильности и необходимости «разрядки», то есть чувствовать, что ты на эту разрядку и работаешь. Забежав вперед, скажу, что меня в этом смысле сильно отрезвила уже московская среда в аспирантские годы. Причем не диссидентские (и около) разговоры, а как раз среда московских «бойцов идейного фронта», которых приглашали на кафедру выступать (из МИДа или ЦК), которых слушал на семинаре общества «Знание». Там и тогда (это 1980—1982 гг., т.е. польские и афганские дела) понял, что оказался в дурной компании.

Сейчас о лекторской работе своей должен сказать по двум причинам. Главная — благодаря лекторской активности, стал ездить и много по Иркутской области. Вторая — эта активность определила этап «трудовой биографии». Первая командировка была уже после первого курса. Она, кстати, случилась благодаря «социологической практике». Будучи кандидатом в студенты, я, как и другие одноклассники, не мог ехать на археологическую или этнографическую практику (командировка, какие-то выплаты и т.д., а нас нет в этих списках студентов), и для нас придумали социологическую практику в лаборатории при кафедре научного коммунизма. В общем, все, кроме меня и двух однокурсниц, отправились на какой-то из заводов фиксировать бюджет рабочего времени, то есть стоять за спинами рабочих и записывать, сколько времени они работают, а сколько занимаются чем-то другим. Слава богу, я этого испытания избежал.

Нас троих решили использовать в каком-то социологическом исследовании, связанном с Усть-Илимом (который стал потом городом Усть-Илимском), дать изучить документы, а потом отправить туда в командировку. Мне как юноше доверили документы парторганизации поселка (девушки, соответственно, читали комсомольские и профсоюзные) — протоколы собраний и всяких пленумов, где вычитал массу интересного на тему: что сначала? обеспечить быт или совершить трудовой подвиг? Собираясь туда в командировку, мы решили, что заодно прочитаем лекции. Мирон Акимович рекомендовал нас в обществе «Знание», где пользовался огромным авторитетом. Кафедра в конце концов решила, что мы прошли социологическую практику и без поездки на место, а на Усть-Илим мы отправились в командировку от «Знания», т.е. как лекторы. Это были лекции в районе — в поселках, в бригадах, которые работали на трассе, и в бригадах, которые

очищали «ложе будущего водохранилища», т.е. лихорадочно спиливали лес в зоне затопления. Потом были другие поездки по области, и мне это очень нравилось и, наверное, формировало больше, чем что-либо: наблюдения за жизнью, совсем иркутской. Особенно любил молодые города — Братски Усть-Илимск, там появились друзья, в том числе, близкие. И совсем иные социальные миры, чем в «старом» городе. Много ездил по леспромхозам в разных районах, с весны 1974 года, с самого начала строительства БАМа ездил в БАМовские поселки.

Ну а насчет «трудовой биографии»: эта активность моя привела к тому, что стал отвечать за лекторскую работу в комитете комсомола университета, а на пятом курсе, когда затащивший меня на эту работу мой друг ушел на повышение в райком, стал заместителем секретаря, т.е. «освобожденным работником». В университете эта работа была живой и интересной. Сложнее было в среде комсомольских работников, это было совсем не мое. И среда была не моя. Но однажды (к этому моменту я год проработал в комитете) мне мой друг сказал, чтобы я не питал иллюзий, потому что по должности стою в резерве на его место и как только его переместят, я должен буду занять его должность в райкоме. Это для меня было невозможно, и я стал искать место работы. Хотел работать в школе: у меня уже был хороший опыт работы со школьниками, но не в школе плюс надежда на опыт лектора. И, узнав, что ищут учителя истории и географии в пригородном поселке в вечернюю школу, которая «обслуживала» три «зоны», расположенных рядом, я решил, что, во-первых, надо себя попробовать и, во-вторых, на такую работу должны отпустить «с комсомола». Съездил в поселок, договорился с директором школы обо всем, но в тот же день, вернувшись в город, столкнулся со своим приятелем по философскому кружку, который уже работал несколько лет на кафедре философии в одном из иркутских вузов. Он шел ко мне, потому что у них должно было освободиться место зав.кабинетом при кафедре, и у руководства кафедры было большое желание сделать этот кабинет живым и активным, вести кружок и т.д. Иначе говоря, им нужен был активный человек, увлеченный философией, которому можно было еще плюс к этому и учебную нагрузку дать. Дальше была история слишком запутанная и необязательная для пересказа, но к началу учебного года это место не освободилось, зато в университете заведующим кафедрой стал Николай Сергеевич Коноплев (кстати, и раньше убеждавший меня, что «хватит заниматься ерундой», имея в виду лекции о международном положении, а заниматься надо всерьез философией) и двое заведующих кафедрами договорились, что преподавать я буду в университете. Два учебных года я вел семинары по диамату (который так и не стал мне интересен и преподавать, как не искал методические приемы, я его так и не смог) и истмату на пяти-шести разбросанных по городу факультетах по 20—24 часа в неделю. Это была сумасшедшая нагрузка. Плюс трудно было, что студенты — почти ровесники, ну и, конечно, что «марксистско-ленинская философия» — это не то, ради чего ребята пришли учиться в университет. С истматом было проще. У историков это было так или иначе связано с методологией истории, с концепциями исторического процесса — можно было обращаться к текстам от Плеханова до Гумилева прямо на семинарах, ну а, в первую очередь, к Марксу. Так или иначе это работало на профессию. На остальных факульте-

тах это было скорее некое введение в «логику всемирной истории», в функции социальной теории и т.д., что тоже бывало интересно, особенно, гуманитариям, но не только.

Завершился этот сумасшедший период поступлением в целевую аспирантуру на кафедру философии гуманитарных факультетов МГУ осенью 1979 года. Одной из научных специализаций кафедры была методология исторического познания, и в аспирантуре выпускников провинциальных истфаков было не меньше, чем выпускников философских факультетов.

Методология исторического познания — что может быть интереснее в области соприкосновения истории, философии, науковедения и прочих наук? Какое направление Вы избрали? Историческое познание общества, государства, науки...? Кто был среди Ваших профессоров? Не приходилось ли Вам бывать в Институте истории?

Тему своей кандидатской, разумеется, хорошо помню, но стараюсь вслух лишний раз не упоминать: «Закономерности развития сознания масс». Эта дикая формулировка возникла как компромисс между моей смутной заявкой и представлениями научного руководителя о том, как соединить интересную проблему с «проходимостью» темы. Свой интерес я бы определил как методологию исторической реконструкции сознания. Но в марксистской парадигме, во-первых, сознание было «общественным», а, во-вторых, история общественного сознания представляла формационной. Разобраться я хотел во всё той же проблеме принятия массами идеологической пищи, которую предлагают господствующие классы (простите за терминологию), и найти/выработать для этого инструменты анализа. В общем, проблему я видел как онтологическую, но считал, что для её исследования нужно решительно разрабатывать методологию (в результате, в диссертации предложил несколько новых понятий и возвел в статус понятий несколько формулировок Маркса). Диссертация вышла очень путанной, но работа над ней здорово продвинула меня. Потом, в середине 80-х я стал на её основе готовить монографию «Инерция общественного сознания» и тут подоспела перестройка. Некоторые идеи и выводы стали очень актуальными, но монографию на какое-то время я отставил как раз из-за своей включенности в перестроечную активность, а потом не вернулся. Благодаря работе над диссертацией, я отчасти самостоятельно, отчасти благодаря реферативным пересказам, изобрел важные для себя «велосипеды» — вышел на то, что было освоено школой «Анналов», понимающей социологией, Юнгом и на многое другое, прочитал внимательно многое у Маркса, Грамши, упразднил для себя почти всю советско-марксистскую литературу про общественное сознание (и уязвимость самого термина, кстати, показал в диссертации). Но работа над диссертацией — не самое главное для меня в аспирантском периоде. Во всяком случае, далеко не единственное. Важно, конечно, что я защитился практически в аспирантуре — через пару недель после её формального завершения — и вернулся в Иркутск кандидатом наук. Второе главное — это историко-философское самообразование, которое можно назвать систематическим. Формальным поводом была необходимость сдать кандидатский по истории философии, но мощным стимулом — ощущение собственного невежества и возможность слушать интересных людей.

В аспирантуре кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ были выпускники как исторических, так и философских факультетов. Рядом с выпускниками философских, естественно, отсутствие историко-философского знания остро переживалось. Я сделал несколько попыток послушать и какие-то курсы на истфаке МГУ, но быстро разочаровался — почти всегда вместо известных мне по работам светил исторической науки лекции читали их аспирантки и аспиранты. А вот на философском и на дневных, и на вечерних занятиях можно было найти интересного специалиста по любому периоду истории западной философии. Я слушал регулярно Чанышева, Соколова, Майорова, Богомолова, и самых разных лекторов по «современной буржуазной философии».

По социологии, которая меня интересовала не меньше, я, увы, таких курсов не нашел, зато пристрастился к реферативным изданиям ИНИОНа, на основе которых (плюс некоторые книги) стал составлять представление о современной социологии. К интеллектуальным ресурсам надо еще отнести семинар Вас.Вас.Давыдова на психфаке МГУ, на котором был всего несколько раз, но благодаря дискуссиям на этом семинаре утверждался в своей методологической позиции и продвигался в осознании, что она у меня есть. Ещё один опыт аспирантских лет, важный в том числе для профессиональной траектории — опыт пребывания на кафедре, где работали вместе те, кто сидел и те, кто сажали (или мог бы сажать, если бы времена были соответствующие). Мой шеф, Григорий Георгиевич Андреев и другие симпатичные мне старшие коллеги либо отсидели (Андреев — 10 лет), либо подвергались каким-либо гонениям во время оно, а те, что помоложе, были активны в своей антидогматичности. И, в общем, я угодил в самое горнило, оказался в центре скандала, чуть не вылетел из партии и, соответственно, аспирантуры и профессии, но не дошло даже до рассмотрения персонального дела, хотя моей крови требовали. Судя по всему, это была атака на моего руководителя, его товарищей, и заодно на молодого завкафедрой, который был в то время, одновременно, замминистра. Видимо, последнее обстоятельство меня и спасло, поскольку он был крайне заинтересован в том, чтобы скандал погасить (да и человек был достаточно человечный и, уверен, что он крови никакой не хотел).

И в период аспирантуры произошло еще одно из самых важных событий в моей жизни — знакомство с Михаилом Яковлевичем Гефтером. Сначала — с его статьями и выступлениями, с книгой «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (он вдохновитель, составитель, редактор и автор этой книги), а затем — личное знакомство. Личное знакомство состоялось за несколько дней до моего отъезда из Москвы. Инициатором была коллега по кафедре, которую я как-то спросил о Гефтере, узнав, что она работала в секторе всемирной истории в Институте истории. Это Ирина Александровна Желенина, с которой у нас возникли очень добрые отношения в ходе как научных, так и околополитических событий на кафедре. И когда я уже ходил с обходным листом, она спохватилась, что бы такое подарить мне на прощание. И подарила. Позвонила Гефтеру и договорилась, что вечером я приду к нему. Вот эта встреча, моё впечатление от общения с ним, и возникший его интерес ко мне оказали огромное влияние на мою последующую жизнь.

Вы спросили, бывал ли я в Институте истории. В аспирантские годы нет. Известные люди из института иногда выступали на методсеминарах кафедры, но я впервые в Институт истории попал только в 1990 году и сразу с докладом — на семинаре Арона Яковлевича Гуревича. До этого много воды утечет и сильно изменятся мои занятия, трансформируются исследовательские интересы.

Вообще говоря, в спешке отправить Вам вопрос я не дописал то, что хотел. Я имел в виду Институт истории естествознания и техники, мне казалось, что ряд исследователей этого института успешно работали именно в той области, которую Вы разрабатывали...

Вас интересовали (допускаю, что и сейчас интересуют) логика и стиль работы Гефтера или какие-либо его конкретные положения, выводы?

Если даже выбирать между двумя предложенными вариантами, то выбор невозможен. Прежде всего, «логика и стиль», которые при первой нашей встрече я определил для себя не без пафоса как «мужество ума». Если расшифровывать формулу, то это стремление исследовать вопрос, освобождаясь от интеллектуальных зажимов, ради того, чтобы в вопросе разобраться, а не подтвердить или опровергнуть какую-то позицию. И постановка самых существенных вопросов без каких-либо зон внутреннего запрета. Очень важным в те годы для меня было то, что Михаил Яковлевич уже прошел как историк свой «истматовский» период, в котором я в те годы находился. Причем прошел, зная Маркса и Ленина глубже, чем кто-либо из известных мне авторов. Философская работа и профессионализм историка сочетались в его рассуждениях вслух и в текстах по-разному, но всегда органично и инструментально. А предметом этой постоянной работы (25 часов в сутки) была история России, точнее, её настоящее, а еще точнее — история России как её настоящее и ключ к будущему, антропология российского развития. Что касается выводов и положений, я бы сказал, скорее, о мире понятий, которыми пользовался Гефтер и которые разрабатывал: мир миров, история как способ существования человека и как «тело внутри человека», альтернативность истории, многоукладность России как потенциал развития. Но основным всё-таки надо назвать влияние личности Михаила Яковлевича и личного общения, в этом влиянии невозможно разделить интеллектуальное и человеческое. Мы быстро сблизились. Каждый раз, бывая в Москве, я обязательно приходил и не один раз, и не на час-другой. А осенью 1985 года удалось «вытащить» его в Иркутск. Эта поездка, по словам близких, оказалась важным событием для него, выходом или импульсом к выходу из психологически тяжелого состояния после обысков 1982 года, угрозы «посадки», посадок молодых друзей, в делах которых он активно участвовал. Если говорить обо мне, то дружба, душевная близость с Гефтером, участие в том «незримом колледже», который годами сложился вокруг него, стали главным катализатором «разгосударствления мозгов» и определили отношение к собственной интеллектуальной работе.

Я понял, что монографию «Инерция общественного сознания» Вы не издали, но не могли бы Вы рассказать, в чем суть этой концепции. Оставили ли Вы разработку этого понятия (феномена) полностью или нашли в этой теме какие-либо новые области интереса и сосредоточились на их анализе?

Суть концепции довольно тривиальна сегодня — устойчивость некоего типа общественного сознания, который воспроизводится в социальных отношениях, в том, что сейчас мы назвали бы способом социальности. А манипуляции, пропаганда, «идеологическая работа» — это лишь некая верхушка на том, что является общим как для власти, так и для «масс». И само понятие «общественное сознание» — одно из центральных в марксоидной схоластике, я пытался там показать как процесс, как взаимодействие индивидуального и коллективного. Когда я сказал, что эту кабинетную работу отложила и, в общем, похоронила перестроечная активность, то имел в виду не только свою активность «политическую», а не меньше активность историка за пределами кабинета и библиотек. В принципе, именно мой предмет — как «общественное сознание» обновляется и как при этом внешнем обновлении не меняется нечто устойчивое и неотрефлексированное — стремительно актуализировался. И всё совпало у меня в середине 80-х: потребность выйти в своей работе из библиотек, социальная активность, выход предмета исследования «на улицу», экраны ТВ и страницы журналов, газет, запрос на людей внятно пишущих о социальных процессах. Именно в 1986 году, когда товарищ привез мне из Франции первый диктофон, я занялся устной историей, расспрашивая о прошлом сначала родных и близких, а затем самых разных людей, в которых видел носителей уникальных воспоминаний.

Кстати, в мае 1986 года начал последовательное биографическое интервью с Гефтером. С ним беседовали под запись многие, больше всего, конечно, Глеб Павловский, но это в основном проблемно-тематические диалоги и интервью. Я же пытался держать биографическую линию. Мы брали с Гефтером и какие-то темы и проблемы методологические или историософские, но почти всегда в биографическом контексте, тем более, что такая переплетенность методологической и автобиографической рефлексии была стилистической характеристикой мышления Гефтера. В сумме это более полусотни часов аудиозаписи, которые велись примерно до 1990 года, хотя хронологические лакуны в этом биографическом повествовании сохранились. В 1988—1989 годах мы с группой моих бывших студентов (я тогда ушел из университета в академию наук) собирали в редакциях газет и журналов в Москве и Иркутске письма читателей, которые обращались к истории, откликаясь на публикации или рассказывая свои семейные истории. Собрали архив, небольшую часть которого только в прошлом году смогли обнародовать, сделав небольшую книгу «Письма об истории и для истории». И всё это, конечно, сопровождалось попытками писать иначе, чем писал раньше для философских сборников и журналов. Собственно, монография у меня «провисла» не только из-за занятости и динамики интересов, но и в силу того, что диссертация и последующие статьи были написаны на «птичьем языке», который я никак не мог перевести на язык, на котором стремился писать — более пригодный для эссе, чем для диссертаций/докторских монографий. В 1988 году возник еще один предмет интереса — места памяти. Он оформился, когда французские коллеги предложили написать статью для большого сборника о местах памяти в Восточной Европе и СССР. Устная история, социальные эффекты представлений об истории, коммеморация и места памяти — это темы, которые с того времени и до сей поры для меня в круге основных интересов.

Какие формы имела Ваша перестроечная активность? Была ли она следствием влияния идей и личности Гефтера?

Перестроечная активность была не результатом чьего-либо влияния, а, скорее, продолжением активности, которую можно условно назвать «просветительской» и «организационно-образовательной». Самым важным моим делом внеаучным и внеуниверситетским еще до перестройки стал Летний университет для старшеклассников, который по своей инициативе, привлекая друзей и студентов, я стал организовывать с 1979 года. У этого была личная предыстория — еще в студенчестве меня старшие товарищи по кружку международников привлекли к работе в лагере старшеклассников, которая оказалась совсем «моей». Это была «школа комсомольского актива», но никаких занятий про комсомольскую активность я там не вел, да и не мог бы вести — сам был далек тогда от этого, а работал «на отряде», то есть, попросту говоря, жил вместе с ребятами чуть младше меня из разных городов и районов области, отвечая за их здоровье и внеучебную активность (к которой не надо было побуждать). А после окончания университета два года работал в Летней физматшколе, где, к сожалению, было деление на преподавателей (т.е. физиков, математиков, химиков) и «воспитателей» (которыми могли быть и гуманитарии). Вот, собственно в физматшколе у меня и возник вопрос, почему бы не создать подобную для гуманитарно ориентированных ребят.

В 1979 году, как раз перед поступлением в аспирантуру это удалось, а дальше уже было невозможно не проводить, потому что ребята хотели собираться. А собираться просто нельзя было, надо было организовано, то есть иметь какую-то официальную «крышу» и при этом быть независимым в самой работе с ребятами и в привлечении тех, кто работал, плюс проводить набор ребят. Каждое лето до 1985 года мы собирались (то есть всего семь раз) на две или три недели — в разном количестве и под разными официальными «крышами», в зависимости от того, где работал тот, к кому на этот раз я обращался за поддержкой. В общем, поддерживали меня из старых добрых отношений и/или ожиданием, что можно включить в отчеты как интересные формы работы с молодежью. Дважды получилось так, что работали на грани риска, то есть «крыши» в последний момент не оказывалось, в пионерлагере занять места было нельзя, и вынуждены были собираться на какой-нибудь большой деревенской усадьбе. Это был риск, поскольку не физикой с математикой занимались и «припаять» можно было что угодно, а для обвинений было достаточно и то, что проводится летний лагерь без соответствующего санконтроля/санприемки и прочего необходимого. В общем, Летний университет — это отдельная песня.

В «профессиональной биографии» он важен по нескольким причинам. Первая: моя лекторская активность перешла в образовательную деятельность такого рода, где и лекции, и дискуссии, и рождение каких-то новых активных форм сочетались ради результата, а соблюдение формы и канона имели всё меньше значения. Вторая: от, можно сказать, «шестидесятической» утопии по соединению интереса к политике с культурно-гуманистическим знанием (эта идея лежала в основе программы первого Летнего университета — мне не давало покоя, что гуманитарно ориентированные люди аполитичны и антиполитичны, аполитически заостренные часто просто малокультурны) я вместе со своими товарищами (и во многом благодаря им) пришел просто к поиску интересных увлекающих форм гуманитарного образования. А произошло это потому, что Летний университет стал тем, что Гефтер назвал, когда в Иркутске побывал на паре наших осенних собраний-семинаров, «импровизацией равенства». В общем,

образование для меня в целом стало импровизацией равенства. Это и совпало с персональным случаем «разгосударствливания мозгов» и было важной частью этого разгосударствливания. И третий важный для моей будущей траектории результат Летнего университета — в нём возникли отношения с людьми, бывшими тогда школьниками или работавшими там, которые соучаствовали позже, и вплоть до сегодняшнего дня в разных коллективных проектах.

К той же просветительской активности можно отнести философский кружок, которым меня нагрузили на кафедре, когда я вернулся из аспирантуры, и который как-то быстро превратился в многолюдный философский клуб — по форме и по сути дискуссионный. Лекции по истории философии перемежались с дискуссиями по разным гуманитарным и культурным проблемам. Но клуб, как и всякие дискуссии, привлек любителей агональных споров. Поэтому примерно в 1986—1987 году с частью ребят (в основном, историков) мы создали неформальный семинар «Историческое сознание», позднее ставший домашним, бросив любителей поспорить и пофилософствовать на попечение моей коллеги. Да, и из этого же клуба вырос годичный (если не больше) еженедельный курс устных очерков по истории культуры, который мы проводили уже не в университете, а в здании храма, которое занимал тогда музей и которое сторожил мой друг, работавший на нашей кафедре лаборантом. Невероятно бурная и многосторонняя жизнь была, и началась она до объявления гласности и перестройки.

При этом под политический удар попал серьезно только один раз — в конце 1986 года. Трое студентов истфака, приятели и собутыльники, написали на ноябрьских праздниках антисоветские лозунги на факультетском здании — где-то со двора. Всё бы ничего, но службы были начеку, потому что ловили и никак не могли поймать кого-то писавшего лозунги по крупному и на видных местах. Наших ребят стремительно взяли, шум поднялся и, в общем, школу тюрьмы, хоть и краткосрочную, они прошли. А в университете нужно было найти виноватого и всё как-то сошлось на мне: лидер ребят был вообще моим дипломником и взял тему по новым левым, другой парень иногда бывал на философском клубе и брал у меня книжки по антиутопии. А я был фигурой для битья удобной, потому что работал на общеуниверситетской кафедре, и руководители университета могли не связываться с историческим факультетом, который мог постоять за себя (за меня он, кстати, постоял). И на университетском партсобрании (на котором я удачно не был из-за учебных занятий) ректор сделал главным обвиняемым меня, воспользовавшись текстом («справкой»), написанным моим завкафедрой. Там был замечательный речевой оборот обо мне как преподавателе, который не имея базового образования, не смог воспитать в студентах диалектико-материалистического мышления и вместо этого знакомил их с концепциями буржуазной социологии. Дело в том, что после аспирантуры я действительно сделал спецкурс для историков, который назвал то ли современная буржуазная социология, то ли современная западная и, в общем, по просьбе факультета (родной кафедры) его читал для тех, кто специализировался на всеобщей истории. Содержание курса — отдельная песня, а в основе были книги Кона, Ионина, сборники ИНИОН, «Американская социология», а затем «Структура социологической теории» Тернера, которая была переведена, если не ошибаюсь,

в 1985 году. Не буду вдаваться в перипетии этого эпизода. В общем, каяться не стал, а коллеги по кафедре и товарищи с факультета активно меня защищали, из партии и университета не исключили и ректор даже извинялся.

Политическая активность, когда в стране и городе возникла политическая жизнь, стала продолжением активности просвещенческой. Осенью 1987 года возник (в общем, с моей подачи) городской дискуссионный клуб, весной 1988 года на фоне митинговой активности он стал многолюдным (по 150—200 человек пару раз), а к моменту партконференции уже пошел процесс создания Народного фронта, я был в оргкомитете наряду с неформалами, а во время партконференции (это июнь) в самом популярном месте центра города у нас был ежевечерний гайд-парк. Правда, осенью, когда было объявлено о создании Народного фронта, это было одновременно и его концом — уже возникали квазипартии — но тогда был уверен (и сейчас, в общем, так думаю) вся эта активность, в которой вместе участвовали самые разные по степени радикализма и взглядам лидеры, сыграла роль позитивную. Во всяком случае, удалось сохранить некое сотрудничество, создать самые разные институты социальной активности и при этом удержать радикальных бунтарей от конфронтации. Отошел я от этого всего как раз в конце 1988 года, когда был создан/завершен Народный фронт, вёл еще некоторое время дискуссии в одном из клубов гражданских инициатив, участвовал во всяких дискуссионных семинарах. А другие лидеры почти все ринулись в политику — выборы, создание партий и т.д. Я себя в этом совсем не видел.

А что с записями бесед с Гефтером? Вы транскрибировали их? Публиковали фрагменты? Делали общий анализ?

Копии всех записей разговоров с М.Я. я передал еще в конце 90-х в общий гефтеровский архив, который создавали Глеб Павловский и Елена Высочина. Там они и хранятся вместе с транскриптами. Позднее я записи оцифровал. Какие-то фрагменты публиковались на гефтер.ру в последние годы, но книга откладывается и откладывается. К записям как к биографическому повествованию обращаюсь, когда пишу статьи о советском идеализме, сопоставляю с человеческими документами других представителей поколения «ровесников Октября». К сожалению, даже отдельной статьи об этом поколении до сих пор не написал, только по несколько страниц в статьях о поколениях советских идеалистов. Надеюсь, что напишу главу в книгу о советском идеализме, большинство глав для которой готовы.

Поколение это — ифлийцев и предвоенного истфака МГУ — меня всегда очень привлекало и было мне по-человечески близко. Дружба с М.Я. отчасти и этим объясняется. Своё отношение ко мне во всяком случае он как-то объяснил моей похожестью на его студенческих товарищей. Необходимость и трудности работы над книгой о советском варианте (назовем это так) социального идеализма связаны в том числе и с необходимостью интроспекции и с необходимостью собственной рефлексии по поводу автобиографической рефлексии Гефтера, чтобы избежать использования его повествования в качестве иллюстраций. С записями Давида Самойлова, скажем, или мемуарами некоторых их ровесников мне проще дается процедура отстранения, но писать об этом поколении, отложив в сторону фонд своих разговоров с Гефтером, я тоже не могу.

Кончались 80-е, начинались 90-е. Какие изменения происходили в Вашей профессиональной жизни?

Изменения происходили радикальные, хотя при этом каждая из этих новых траекторий историей уходит в предыдущий период. Постараюсь перечислить их с краткими комментариями.

В 1988 году я ушел из университета в Иркутский научный центр Сибирского отделения Академии наук. Там была небольшая кафедра философии, функцией которой была подготовка тех, кто работал над диссертациями, к кандидатским экзаменам. Когда мне предложили туда перейти, я то ли обещал подумать, то ли сразу сказал, что вряд ли уйду из университета. В голове, действительно, не умещалось, как можно уйти из университета и, особенно, от исторического факультета. Но хорошо помню момент, когда я принял решение. На кафедре было заседание: то ли партсобрание на какую-то тему, то ли методсеминар. И где-то на втором часу этого заседания мне вдруг стало не по себе от мысли, что вот эта бессмысленная говорильня тоже входит в должностные обязанности, и нам за неё платят зарплату. Вспомнил планерки у отца, когда в детстве бывал у него на работе в аэропорту, бывал и в студенчестве, приходя по каким-то делам, и представление о разговоре «по делу» у меня прочно было связано с этим образом: от четкости обсуждения задач зависело, в каком состоянии самолет будет поставлен на рейс — отец отвечал за межполетное техобслуживание самолетов. А эта говорильня, которая поддерживалась людьми, имевшими к философии чисто формальное отношение, «достала» меня. К тому моменту еще и стало ясно, что идея разделить кафедру и таким образом оставить «идейно-выдержанных» разговаривать друг с другом, не поддержана и похоронена. С этой идеей я носился, аргументируя её тем, что преподавание философии гуманитариям и естественникам — это разные задачи, разное содержание, и если их не разделить организационно, то мы не приблизим наши курсы к интересам студентов. Кстати, случилось так, что тогда чуть ли ни в один день, не советуясь друг с другом, с кафедры ушли кроме меня еще четверо коллег, как раз те, с кем было взаимопонимание.

Несколько лет, которые я проработал на кафедре в Академии, до сих пор воспринимаю как некий «золотой век». Это касалось и преподавания, и научных занятий. Все идеологически предписанные стандарты в преподавании тогда пошатнулись, вместо «марксистско-ленинской методологии» аспирантам естественно-научных специальностей (а других нет в Иркутском научном центре) нужно было преподавать что-то такое, в нужности чего они бы не сомневались. За этим меня, собственно, и пригласили. И, разумеется, это была история философии, на которую любознательные «естественники» ходили с удовольствием и иногда не только те, кому предстояло сдавать экзамен. И общая атмосфера, режим были такими, что можно было работать над текстами днями и неделями, а не в паузах между занятиями и заседаниями. И на исходе восьмидесятых я стал, наконец, писать в той стилистике, к которой стремился, на близком мне языке и с естественной для меня интонацией.

В это время написал важные для собственного движения статьи в жанре научного или философского эссе, в основном, для коллективных книг, которые собирали европейские коллеги (Франция и Германия), и московских журналов. Кажется, упоминал уже, что в 1988 году написал статью о местах памяти и о том, что называют теперь войнами памяти, для сборника в популярном француз-

ском издательстве. В 1989 году лаконичное словарное эссе «Ментальность» для франко-советского проекта «50/50. Опыт словаря нового мышления», в 1990 году для сборника, посвященного пятилетию перестройки, вышедшего в Германии — большую статью «История: ответы без вопросов» о бурной динамике «пересмотра истории». Вспоминаю эти и другие эссе не только потому, что эти тексты важны для меня (и были, и есть), а потому что история запросов на них или их публикаций выпукло характеризуют ту эпоху.

Теперь, несколько эпизодов всей этой работы. Замысел «словаря нового мышления» принадлежал Гефтеру и Веронике Гаррос. Вероника — очень талантливый историк, друг Гефтера, ставшая и моим близким другом, в то время работала в московском корпункте «Монд». Не знаю, кто первый из них высказал идею — скорее всего, родилось в разговоре, но именно они придумали словарь социального знания, в котором каждое понятие раскрывалось бы парой статей — от французского и советского авторов. Вдвоём набросали первый словник, наметили возможных авторов, так я попал в авторы. Но в Москве книгу готовил «Прогресс», в издательстве резонно захотели, чтобы с «нашей стороны» писали люди известные: приглашают Андрея Дмитриевича Сахарова, Юрия Александровича Леваду и многих других, чьи имена были на слуху. Про ментальность просят написать Арона Яковлевича Гуревича. Об этом я ничего, конечно, не знал. Но когда книга собирается, выясняется, что содержательно необходимы и моя, и его статьи. Поэтому в книге на каждое из понятий по две статьи, а про ментальность — три, с тремя разными подходами. Иначе говоря, подходы делятся не только на западный и советский уже в 1989 году.

Эссе «Память, выбирающая псевдонимы», написанное для французов, я публикую в 1990 году в альманахе, который выходил в иркутском издательстве. Вдруг осенью 1990 года в издательство звонят из «Свободной мысли», которую тогда редактировал Игорь Дедков, и спрашивают, могут ли переопубликовать у себя. Выясняется, что редакция бывшего «Коммуниста», радикально обновляя журнал, столкнулась с дефицитом авторов и текстов и стала методически просматривать региональные издания. История, которую невозможно было представить до конца восьмидесятых и очень трудно представить сейчас (дефицит может и есть, но никто из столичных редакторов так жертвовать временем и усилиями на поиск авторов, пожалуй, не будет).

Еще более яркая история случилась с докладом «Устная история как философия памяти». Написан он был для участия в ежегодном европейском конгрессе по устной истории, на который меня пригласили после первой в стране конференции по устной истории, организованной историко-архивным институтом и «Мемориалом» осенью 1989 года. Но советская делегация уехала на конгресс в Германию без меня, поскольку у меня не было немецкой визы — делегация состояла из москвичей, они коллективно делали визу и как-то упустили, что меня либо надо включить в этот процесс, либо предупредить, чтобы приехал в Москву заранее и занимался визой сам. Обнаружилось это всё, когда я уже прилетел в Москву, доклад мой на английском был прочитан во Франкфурте московской коллегой. Это был и остается важный для меня текст, написанный практически за ночь; мне через пять лет Даниэль Берто сказал, что помнит этот доклад. А тогда, весной 1990 года, я, застряв таким образом в столице, гулял по Москве и вдруг на Арбате увидел вывеску журнала «Общественные науки».

Русский текст доклада лежал в сумке, и я понял, что данный журнал — чуть ли не единственное наше издание, в котором текст в такой стилистике может быть опубликован. Зашел в здание, но в редакции никого не было кроме вахтера. Попросил вахтера передать статью сотрудникам. Вернулся в Иркутск и через пару недель получил открытку из редакции с сообщением, что статья будет опубликована в ближайшем номере. А из других событий конца восьмидесятых, наверное, стоит упомянуть первую зарубежную конференцию, хотя она была не научной, а такой публицистической — социально-философские доклады вперемешку с программными выступлениями социально-активных людей из России и в таком публичном месте — в зале Национальной библиотеки. Конференция к 200-летию Великой французской революции была посвящена сравнению двух революций — французской и нашей. Доклад у меня был всё-таки социально-философский, но резонанс был совсем в «перестроечном» духе, вопросы, затем встречи, предложения и т.д. Но по этому, философско-публицистическому пути я далеко не пошел, хотя был в разные годы в разных изданиях и колумнистом, и эссеистом. Ближе уже было исследование на основе человеческих документов, конструирование источников и их анализ. Поэтому упомяну второй знаковый для меня доклад с бурной дискуссией, летом 1990 года — на семинаре у Арона Яковлевича Гуревича. Выступал я как раз с докладом об устной истории как новых отношениях между памятью и историей. В обсуждении участвовали Г. Кнабе, Е. Мелетинский, Ю. Бессмертный и другие «гранды», занимавшиеся антропологическими аспектами истории.

В 1992 году золотое время резко сменилось ситуацией профессионального «выживания». В Иркутском научном центре сменился председатель и начал реорганизацию с создания новых управленческих структур, сокращая штат структур неуправленческих. Наша кафедра была сокращена до одного человека, я не стал возвращаться в университет, а сосредоточился на новом проекте, уже набиравшем обороты к моменту ликвидации кафедры. Проект был командный, возникший из разработанной новой образовательной технологии. Мы называли её «штудиями», а в публикациях и других публичных текстах студиями развития гуманитарного опыта. Выросла эта история из двух оснований: из стремления найти какие-то интересные формы общего философского образования и из того, что я попал по разным причинам как стажер на пару входивших в моду психологических тренингов для управленцев. Формы философского образования нефилософов меня волновали из-за нестыковки между функциями философии и учебным процессом (что в университете, что при подготовке к кандидатским). Особенно раздражал экзамен как таковой: что я должен оценивать в баллах? Культуру мышления? Умение сомневаться методически? Если знание темы, то зачем оно оценивается у людей, в круг профессиональных интересов которых эта тема не входит и вряд ли войдет. Значит, баллы ставятся за эрудицию и не столько философскую, сколько общегуманитарную. В общем, тоже важно, в том числе для естественников, но докажите физику или врачу, сдающему кандидатский по философии, что это не лишняя для него нагрузка: лекции послушать может и интересно, но учить десятки вопросов в билетах — занятие, которое может навсегда от философии отвратить. А к психологическим тренингам у меня возникло двойственное отношение. Неприязнь к явным элементам скрытой манипуляции, к эпизодам «душевного стриптиза», когда чьи-то личностные проблемы

«вытаскиваются» на общее обсуждение. Но я увидел, что люди, придумавшие когда-то эти формы коллективной работы, поставленные теперь на поток как некая технология и бизнес, были людьми, начитанными в античной философии.

И возникла идея заниматься философией в режиме «коллективного погружения» через совместное решение каких-то задач, дающих выход на философский уровень разговора и обсуждение проблем. Основа для такой работы — разность жизненных, профессиональных, интеллектуальных (в том числе и философских, если они есть) опытов, а, значит, и их равенство. Первые же пробные студии привели к тому, что некоторые из участников стали разрабатывать свои модули по разным гуманитарным компетенциям (если пользоваться термином образовательной бюрократии): по стилистике, логическому мышлению, восприятию живописи и т.д. И вот эти разработки оказались в тот момент настолько кстати, что мы создали образовательный центр, работающий со школами. Нужны мы оказались «инновационным» школам, особенно в молодых городах области, где образовательные поиски в школах были особенно живыми, на что были тогда свои причины, о чем разговор отдельный. Мы проводили свои студии как с учителями, так и со старшеклассниками, и нас после примерно двух лет работы пригласили в институт повышения квалификации работников образования («институт усовершенствования учителей», говоря прежним языком), переживавшем кризис. Главной нашей задачей в институте были курсы «учителей-исследователей» — подготовка к кандидатским экзаменам, помощь в определении темы научной работы и т.д. Некоторые учителя, действительно, начинали работать над диссертациями, но большинство приезжали/приходили на наши курсы, потому что им нечему было учиться на курсах по тем предметам, которые сами преподавали — они знали и умели гораздо больше, чем преподаватели института, некоторые из которых в школе никогда не работали. Главными предметами у нас были история философии, философия и социология образования, и это было интересно и нужно «продвинутым» учителям.

Так в девяностые годы я оказался активным работником системы среднего образования. Что же касается научных занятий, то, во-первых, появилась еще одна центральная тема — сибирский фактор в развитии России, а, во-вторых, вдруг выяснилось, что я занимаюсь социологией. В общем, собирая биографические повествования в Иркутске и других городах области, где бывал, работая со школами, я уже занимался социальной историей и антропологией Сибири, но в 1993—1994 году пришел, благодаря участию в конференциях и работе над статьями, к идее создания социокультурной карты Сибири и к убеждению, что без такой карты всякий социально-экономический и политический анализ необоснован. Важным стимулом стала работа над главой о Сибири для трехтомной (если не ошибаюсь) книги *Post-Soviet Puzzles* по предложению Клауса Сегберса. Глава вышла довольно большой. Плюс вышло еще несколько статей на французском и русском. А когда я только начинал эту работу, то получил свой первый грант. Это был грант только что созданного Московского общественного научного фонда. Было это в 1994 году. Второй (и последний индивидуальный) грант я получил уже в самом конце девяностых от фонда Сороса, но не на научные занятия, а как премиальный по аналитической журналистике. Премией стало финансирование поездок по Сибири, и в течение 1999 года я сделал семь больших маршрутов по разным сибирским регионам, собирая впечатления и био-

графические интервью. А в социологическом сообществе я оказался, получив в 1995–96 годах стажировку в Париже по программе стипендии Дидро. Дело в том, что Даниэль Берто был соруководителем франко-российского проекта по изучению социальной мобильности в России 20 века на основе метода истории семей. В проекте работали московские социологи, благодаря чему собранные (и затем представленные в итоговой книжке) истории семей, как правило, если не разворачивались в Москве, то в Москве сходились. И Берто узнал от моих французских друзей, что в Иркутске есть историк, активно занимающийся устной историей. Он пригласил меня в проект вместе с моими материалами, а я так узнал, что занимаюсь биографическим методом и приобщился к методу истории семей. Историю семей, кстати, я и сейчас считаю недостаточно оцененным методом, крайне редко используемым. Кроме изящного исследования супругами Берто ремесленного хлебопечения во Франции, когда и был разработан метод, по сути, ни одной известной работы. Благодаря стажировке у Берто, я попал осенью 1996 года на первую конференцию по биографическому методу в России. Её проводил Центр независимых социологических исследований (и это была их первая крупная конференция, если не ошибаюсь). За несколько месяцев до конференции Виктор Воронков был в Иркутске и захотел встретиться со мной, чтобы посмотреть, кого это Берто рекомендует для участия. Так мы познакомились с Виктором, хотя, как выяснилось потом, когда Виктор жил в Иркутске в семидесятых годах, мы просто всё время ходили где-то рядом — и в университете, и в городской жизни. С этой конференции начинается моё участие в социологическом сообществе, активное сотрудничество с ЦНСИ, хотя я продолжаю считать себя историком, занимающимся социальной историей, но не социологом. Потом были другие конференции и публикации. Всегда на сибирском материале и, в основном, на биографических интервью, а в начале «нулевых» годов эти занятия и, в том числе, сотрудничество с ЦНСИ привели к новому этапу и в профессиональной траектории и в жизни, к этапу внегосударственного существования.

Вижу, очень плотное у Вас было время... еще до начала нашего интервью я знал Вашу статью «Устная история» — философия памяти», но вопросов по этой проблематике не задал, ждал, когда мы естественно подойдем к данной теме. Мой интерес ней — очевиден. Более 10 лет я провожу интервью с российскими социологами (http://vk.com/oralhistory?w=wall-44076811_69), уже набралось свыше 130. Проведение интервью завершается, во всю думаю о методологии анализа это огромного (порядка 300 авторских листов) массива. Я полагаю, что — планируя или не планируя — я фактически вошел в пространство «Устной истории», но слабо ориентируюсь в нем. К каким концепциям и методам «Устной истории» Вы порекомендовали бы мне присмотреться повнимательнее? Моя цель — от анализа отдельных биографий через изучение жизненных траекторий семи поколений российских социологов предложить вариант истории советской и (уже можно говорить) постсоветской социологии.

Хотя я и отложил ответ, но сейчас формулирую именно то, что сразу пришло в голову. Меня этот вариант увлекает как потенциально очень плодотворный для уникального банка интервью, конструируемого Вами. И предлагаю я обратиться не к концептам «устной истории», а к методам анализа биографических повествований, родившимся в социологии.

На первом этапе это подход к анализу биографических интервью, который предложил Валерий Голофаст (см. его статью в материалах конференции «Биографический метод в исследовании постсоциалистического общества», ЦНСИ, 1997). Он выделил три слоя в биографическом повествовании, которые кратко можно назвать 1) рутина (т.е. повседневное, привычное и т.д.) 2) события (как общие, исторические, так и семейные, личные, экзистенциальные) 3) скрытое (как рассказчиком от спрашивающего, так и от самого рассказчика). Я использую этот подход при триангуляции. И это дает очень сильный эффект. Разность опытов, дисциплин, возраста участников триангуляции приводит к объемному взгляду на любой биографический текст и дает веер гипотез и интерпретаций, к «вскрытию» очень многого скрытого от того, кто брал интервью. Эту процедуру я бы и провел на первом этапе, выделив для неё по 2–3 интервью от каждого из поколений. Трудность в том, что 20 интервью (если выделено 7 поколений), то это 20 очных (обязательно!) семинаров. Иначе говоря, для этой работы нужно проводить специально конференцию/семинар/коллоквиум/школу. Причем, её не стоит проводить в ходе какого-либо учебного курса. Именно потому, что нужно свести людей из разных дисциплин и поколений. А вот второй этап, на котором в анализ включается весь массив, собранный вами, можно проводить и заочно (вряд ли это по силам одному человеку — нужна команда под вашим руководством). И этот этап я бы построил по аналогии с методом истории семей Берто, т.е. сопоставил бы, что разные поколения выделяют в качестве событий (прежде всего) и как по-разному смотрят на одни и те же события, как описывают рутину профессии и что оказывается скрытым. Это работа сопоставимая (и по объему, и по возможному результату) разве что с тем, что Р. Коллинз сделал по социологии философий, но собранный вами материал уникален и, соответственно, есть потенциал для решения очень масштабной задачи. Тематическое кодирование на таком массиве мне кажется делом невозможным именно по объему, а «история семей» по модели Берто вполне инструментальна.

Закончились 1990-е, уже прошло полтора десятилетия нового века... На ваш взгляд, что удалось сделать в области методологии и технологии анализа, какие из теоретических и прикладных результатов вы могли бы назвать как главные?

Трудный вопрос. Профессия предполагает, что предъявление стоящих результатов — книга. Последние полтора десятилетия в биографии сложились таким образом, что, создав в 2002 году Центр независимых социальных исследований и образования в Иркутске, я оказался в плотной зависимости от коллективных проектов. Большинство из них вполне результативно, но их довольно много и они неизбежно проходят в разных проблемно-тематических полях. Центр возник благодаря работе над книгой, вышедшей в 2002 году под названием «Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты». Её жанр обозначен как альманах-исследование. Это была первая реализация давнего моего замысла-социокультурная картография Сибири, которую создавали бы сами сибиряки.

Замысел удалось осуществить, когда мой друг историк, работающий в Иркутском университете, Виктор Дятлов, специалист по изучению диаспор, миграций и т.д., получил грант на большой коллективный проект от фонда Форда. Общая тема проекта «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе» была мне глубоко чужда, но Виктор предложил в его рамках направление по исследованию региональной идентичности. Вот это направление я с его согласия и выстроил как коллективную работу над социокультурной картой в текстовом виде. Для этого был мощный ресурс — гуманитарии разных специальностей, живущие в разных городах, поселках, деревнях края или выросшие в них и плотно с ними связанные. Среди этих гуманитариев были и учителя (спасибо предыдущей работе в среднем образовании), и университетские преподаватели, а потом появились и студенты. Задача была сложной не только потому, что принципиально новая — «исследовательское краеведение» или, если угодно социологическое вместо лирического, сентиментального — но и потому что была методологическая трудность.

Авторами должны были стать люди, плотно связанные с полем и нужно было не только дать им арсенал исследовательских методов, но и выполнить процедуру остранения поля. Поэтому необходимой частью исследования были образовательные семинары, внутри которых происходило то, что мы называли коллективными лабораториями. Образовательный опыт, наработанный на гуманитарных студиях, оказался звеном методологии исследования: на каждом этапе, начиная с замысла индивидуального исследования и будущего текста, автор выносил свой проект и полученные результаты на обсуждение других авторов, живущих в других локальностях, в чем-то схожих, чем-то особенных. Ощущение уникальности, эмоциональная окраска суждений рассыпалась, предрассудки становились предметом саморефлексии автора, привычные мнения требовали верификации. Иначе говоря, мы создавали карту не в экспедициях, а из самих мест, помогая респонденту стать наблюдателем, экспертом, исследователем того мира, с которым он плотно связан, и взглянуть на этот мир максимально объемно — добивались стереоскопии. Задача невероятно сложная, но не сложнее, чем добиться стереоскопии от исследовательской группы из научного центра, приехавшей в малый город или поселок, чтобы исследовать его проблемы или какую-либо «типичную» проблематику российской провинции. Альманах включил 44 статьи четырех десятков авторов плюс написанные мной введения к разделам.

Работа эта была скорее социально-историческая, а не социологическая, поскольку в фокусе изменения в конкретном месте в конкретный период времени, но отнести её можно к тому, что чуть позднее назвали публичной социологией. Мы решали задачу развития социального зрения. Тексты предназначались не только профессионалам, а в принципе любому читателю — местному и неместному — которому интересно, что происходит в нашем крае, в чем особенности того или иного города и поселка, как складывалась там жизнь и как они прошли через девяностые годы. Можно сказать, что «развитие социального зрения» — это credo нашего исследовательско-образовательного центра, который возник на волне успешного проекта, то есть альманаха «Байкальская Сибирь».

Возник Центр отчасти благодаря доброжелательному, но настойчивому давлению Виктора Воронкова: «Как можно распускать такую команду!». Виктор видел в перспективе некий сибирский аналог созданного им ЦНСИ, настоящего

исследовательского института. ЦНСИ выступил учредителем, мы и название взяли близкое — Центр независимых социальных исследований и образования. Но я, решившись пуститься в это плавание, смотрел на перспективы иначе, чем Виктор. Понимал, что профессионального социологического института не будет — для этого нужны профессиональные социологи, готовые строить свою карьеру, оставаясь в Иркутске, да и задача это не для меня. В моих намерениях были именно публичная социология и публичная история современности, предметом которых была бы Сибирь. И поддержание площадки — интеллектуальной и образовательной, которая предполагает профессиональное образование через семинары, школы и, обязательно, работу в коллективных исследовательских проектах, которые принято называть междисциплинарными. Готов был сам посвятить созданию центра и его руководству несколько лет, постепенно меняя пропорции своих занятий в пользу индивидуальных проектов.

Но создание центра и «раскрутка» его работы происходили в ситуации, когда международные фонды, представленные в Москве, искали возможность поддержать что-то реальное в провинции. Во всяком случае, у меня осталось такое впечатление от первой половины нулевых. Плюс к этому необходимое зарабатывание денег и наработку опыта на маркетинге приходилось даже сдерживать, чтобы это не мешало исследовательским проектам. Исследовали неформальную экономику, местное самоуправление, роль школы в местных сообществах, скрытые учебные планы в высшем гуманитарном образовании. В общем, существование и развитие центра стало основным моим занятием не на несколько лет, а по сути до сих пор. В последние годы исследовательских проектов много меньше, чем в середине нулевых. Основным делом центра стали ежегодные международные конференции исследователей Сибири, на которые мы собираем прежде всего полевики, и традиционная Байкальская международная школа социальных исследований. Байкальскую школу проводим уже больше десятка лет, она выросла скорее в своеобразную проблемно-тематическую конференцию, где есть время на главное, на что не хватает времени на обычных конференциях — на продвижение индивидуальных замыслов и на дискуссию по теме школы.

Образовательная площадка и исследовательские проекты у нас почти неразделимы (можно обойтись и без «почти»), так формируется и поддерживается сеть, связывающая исследователей-полевики с хорошей методологической культурой из разных городов Сибири плюс подключающая несибиряков, исследующих Сибирь или проблемы, которые для нас значимы. В 2005 году Фонд Форда поддержал большой проект, итогом которого в 2007 году стал второй альманах «Байкальская Сибирь», более профессиональный по своему уровню, нежели первый. «Ядро» авторского коллектива уже составили те, кто наработал исследовательский опыт за годы, прошедшие с первого проекта, да и к рожденному нами жанру альманаха-исследования мы уже подошли более осознанно. Давно хочется сделать следующий альманах и более широкий географически, нежели Байкальская Сибирь — во всяком случае, для этого есть авторский коллектив, но нет фонда, готового профинансировать, поскольку это не просто издание книги, которую можно собрать дистанционно или подготовить как итог конференции. В последние годы Байкальская школа развернулась еще к тем, кто занимается документальным кино и документальной прозой, к музейщикам. Это осознанная стратегия, вполне методологическая: публичная социология, история, антропо-

логия — не популяризация научных исследований, а готовность исследователя представить результаты своего исследования тем, чей мир он изучает, и исследовательская культура тех, кто работает в документальных жанрах.

Если говорить о моем собственном научном продвижении за эти годы, то видимые результаты гораздо менее значительны, чем могли бы быть, если знать, какие материалы наработаны. Собственно, все темы исследований нашего Центра кроме, может быть, неформальной экономики и мне были близкими и что-то свое в эти исследования вносил и получал, благодаря им, новые материалы и идеи. Важно было интерпретировать результаты в контексте социальной истории Сибири и России. Поэтому одна из ключевых моих тем — роль Сибири в социальной истории России — и продвигалась, благодаря работе в коллективных проектах, и позволяла задавать историческую перспективу в тех работах, которые выходили по результатам. Я, кстати, разделяю концепцию российской истории как воспроизводства внутренней колонизации, она вполне инструментальна для работы и необходима, но как одна из объясняющих концепций, и не совсем в том варианте, в котором её «застолбил» Александр Эткинд. Скорее ближе к тем смыслам, которые вкладывают в неё социальные географы, но и работы Эткинда и воодушевленных им культурологов сыграли роль.

В каких-то программных для себя статьях о федерализме, о местном самоуправлении и самоорганизации, о гуманитарном образовании и социальных исследованиях, о политиках памяти я опираюсь на понятие внутренней колонизации, при этом работая на конкретном полевого материале, но пока всё это не доведено до состояния книги. Опубликовал ряд статей о советском идеализме, значимых для разработки этой темы. Точнее, о советских идеалистах — интересуется именно человеческое измерение, и работаю на документах человеческой жизни (дневники, биографические интервью, письменные мемуары и т.д.). Книга складывается, но тоже пока есть значительные лакуны, мне важно представить все поколения советских идеалистов, включая своё. А со своим, конечно, больше всего проблем в преодолении собственных предрассудков.

Авторы книг о моем поколении из моего поколения, на мой взгляд, не преодолели и даже не пытались преодолевать свои ограничения, заданные их сословной биографией или географией их жизни. Вышел на результат в виде книги разве что в исследованиях исторической памяти, но эта книга «Сибирь как пространство памяти» — такой промежуточный вариант, быстро собранный и изданный по предложению из Иркутского университета из эссе и статей в монографию. Монография явно неполная и не включившая ряд необходимых тем, по которым вполне достаточно материала на объемную — не по количеству листов, а по рассмотрению проблематики — книгу. Так что, я итоги бы не подводил, пока не довел вот эти три неготовых пока рукописи — «Россия в Сибири: деколонизация без сепаратизма», «Советские идеалисты: от ровесников Октября до детей перестройки» и «Сибирь: пространство и войны памяти» — до издания и общественной дискуссии.

Большое спасибо, Михаил. В какой-то момент мне казалось, что мы не дойдем до конца дороги... как приятно ошибиться.

Интервью с Алексеем Михайловичем РУТКЕВИЧЕМ

«ИСТОРИКА РАДУЕТ НЕ ЕДИНООБРАЗИЕ, А МНОГООБРАЗИЕ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ»

Руткевич А. М. — окончил философский факультет Московского государственного университета (1974 г.); доктор философских наук (1993 г.); заведующий кафедрой истории философии и декан гуманитарного факультета НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева.

Основные области научного интереса: История современной западной философии; философская антропология, герменевтика, психоанализ.

Интервью состоялось: февраль - март 2015 г.

Середина апреля 2015 года, лишь недавно, 7 февраля, я «отметил» завершение сотого интервью, а эта беседа — с профессором «Вышки» Алексеем Михайловичем Руткевичем — уже 111-я. И хотя мои интервью с социологами продолжаются, все же главными стали рассуждения о будущем; о том, когда процесс интервьюирования будет закончен и настанет время анализа собранной информации. Однако как невозможно вмиг прекратить разговоры с коллегами, так невозможно откладывать начало процесса обобщения собранного историко-биографического материала. И здесь стихийно обнаружилось, что мои вводки к интервью, которые я пишу уже десять лет, дают мне возможность одновременно рассматривать и общие вопросы исследования, и некоторые аспекты каждой завершенной беседы.

Я помню первые публикации Алексея Руткевича, многие годы дружу с рядом московских социологов, входивших в науку одновременно с ним, но лично мы не знакомы. Сам этот факт не мог быть причиной того, что я не обращался к нему с просьбой рассказать о себе, о своей работе; ведь среди тех, с кем к настоящему времени проведены интервью, не менее трети исследователей, которых я начинал узнавать лишь из их ответов на мои вопросы.

Люблю байку, рассказанную когда-то Юрием Никулиным: «Из города А в город Б по однокорейке вышел поезд, навстречу ему из города Б в город А вышла дрезина. Но они не встретились. Почему? Не судьба...». По-видимому только теперь мое обращение к А. Руткевичу стало своевременным, подготовленным изнутри.

Одним из ключевых моментов нашего интервью является фраза Алексея Руткевича: «... социологом я себя не считаю». И здесь для меня важным является и содержание этого суждения, и мое право не согласиться с ним. Формально говоря, может возникнуть вопрос: «Кто прав?», но — как я понимаю — оправдан ответ: «Оба». Границы наук подвижны и понимание содержания наук может быть различным.

По поводу моего замечания, о том, что я не абсолютизирую наличие и характер границ между науками, тем более, что существует множество их классификаций, мой собеседник заметил: «Я тоже не склонен проводить резкие дисциплинарные границы: мир не делится по факультетам. Тем не менее, существует не только разделение труда, но ещё и более или менее чёткое понимание, чем именно мы занимаемся, когда этот мир исследуем, какие методы применяем». Я же в качестве аргумента в пользу социологичности исследований Руткевича приведу путь, движение по которому привело к нашей с ним встрече.

Летом 2014 года я активизировал изучение биографий исследователей, которых отношу к пятому поколению отечественных социологов, и начал целенаправленный анализ социологов шестой профессионально-возрастной группы. К первому из названных сообществ относятся те, чьи годы рождения заключены в интервале 1959—1970 гг., ко второму — в промежутке 1971—1982 гг. Так среди моих собеседников оказались московские социологи Александр Никулин (5-е поколение), Роман Абрамов, Виктор Вахштайн, Денис Подвойский и Дмитрий Рогозин (все — 6-е поколение). Из этих пятерых исследователей я до начала беседы был знаком с Никулиным и Рогозиным и по переписке — с Абрамовым. Ответы названных исследователей на первые вопросы интервью показали мне, что здесь я имею дело со специалистами, во многом иначе смотрящими на науку, на себя и на свой путь в социологию, чем другие представители их профессионально-возрастных когорт. У меня нет возможности (да, здесь это и не требуется) как-то развивать и иллюстрировать примерами данное утверждение, но в значительной степени я объясняю свое наблюдение характером образования этих ученых. Оно разное, но их дороги в науку включили в себя общение с профессорами «Шанинки» и «Вышки», на рубеже веков следовавших схожим моделям подготовки социологов. В частности, я отметил бы два элемента предлагавшейся им программы обучения: историзм в изложении теории социологии и историко-социологический (процессный) взгляд на социум.

В интервью с кем-то из названных собеседников я впервые узнал об исследованиях Андрея Полетаева и Ирины Савельевой в области истории и социологии знания. Вскоре проведенное обстоятельное интервью с И. Савельевой и, в частности, ее слова о том, что в последние десять лет жизни А. В. Полетаев, экономист и историк, «в значительной мере ощущал себя социологом», стали основой моих поисков работ российских авторов в области истории социологии и методологии этого типа исследований. Так я «открыл для себя» сферу научных изысканий А. Руткевича. Их содержание, а также тот факт, что я пришел к его

работам «из социологии» и дали мне возможность «считать» его социологом. Более того, в моем понимании среди ряда трендов, присутствующих в картине динамики современной российской социологии, просматриваются такие гармонии, как «интеллектуализм» и «историзм», которые весьма зримы в книгах и статьях Алексея Руткевича. В силу этого значение его работы будет возрастать.

В целом, интервью с Алексеем Руткевичем еще раз показало важность темы, которую я разрабатываю в последние годы. Это — определение реальных, эмпирически обнаруживаемых границ российской социологии

Руткевич А. М.: «Историка радует не единообразие, а многообразие людей и идей»

Алексей, Ваш дед был историком, а отец философом и социологом, так что Вы обществовед в третьем поколении. Кроме того, насколько я понимаю, в Вашей семье существовал культ искусства и литературы. Мало кому повезло с детства находиться в подобной среде. Не могли бы Вы рассказать о том, какое влияние оказала семья на Ваше воспитание в раннем возрасте и в первые школьные годы?

О раннем возрасте, к коим можно отнести и первые школьные годы, говорить довольно сложно, поскольку многое нами забыто, причём совсем не по тем причинам, о которых говорят психоаналитики. Наша память несовершенна, многое ушло из неё навсегда, да и вряд ли в ранние годы мы отслеживаем, что получено нами от родителей, а что из других источников.

Я бы не сказал, что в семье был культ искусства и литературы. Скорее, культ науки. Отец по исходному образованию физик-теоретик. Его забрали из аспирантуры в армию в 1939 году. Он воевал с 22 июня 1941 года по лето 1944-го, а снял форму и вернулся в университет в 1946-м. С нами он занимался прежде всего математикой и физикой — два моих брата стали естествоиспытателями.

Разумеется, родители были хорошо образованными людьми. Музыка в доме звучала постоянно («Реквием» Моцарта, последние симфонии Чайковского, арии из опер великих итальянцев), на ночном столике обычно лежал томик того или другого поэта. Для отца поэтом «на все времена» был Александр Блок. Родители выписывали «толстые» журналы — «Новый мир», «Иностранную литературу». Драматический театр, консерватория были для них само собой разумеющейся частью повседневности. Позже они стали таковыми и для меня.

Из раннего детства, пятидесятых — начала шестидесятых годов, мне помнятся обсуждения писателей-фронтовиков: Константина Симонова и так называемой лейтенантской прозы. И отец, и мать, равно как и многие их друзья, были на фронте. Об их литературных предпочтениях свидетельствовали «зачитанные» тома собраний сочинений. Скажем, из сочинений Эренбурга, наиболее потрепанными от чтения был первый том («Хулио Хуренито») и мемуары («Люди, годы, жизнь»), тогда как остальные тома вряд ли даже открывались. Впрочем, до всех этих книг я добрался не в детстве.

Если же говорить о влиянии, оказанном на меня в те годы, то ничуть не меньшим, чем со стороны родителей, было влияние бабушки по материнской линии, её сестёр и дяди по отцовской линии, т.е. представителей другого, ещё не советского поколения. Но это воздействие станет ощутимым несколько позже — в старших классах школы.

Пожалуй, влияние «несоветского» поколения отчётливее других сформулировала Татьяна Ивановна Заславская, но она принадлежала поколению постарше. В чём это влияние выразилось в Вашем случае и как проявилось в старших классах школы?

Как и Ваш отец, Татьяна Ивановна родилась в Киеве, и я сейчас подумал, не мог ли он быть учеником её деда — Георгия Георгиевича (де) Метца, профессора

физики Киевского университета?

Относительно учёбы у Г. Г. Метца ничего сказать не могу. Быть может, они это обсуждали. С Татьяной Ивановной Заславской отец был хорошо знаком, поначалу их отношения были вполне доброжелательные, затем наступил период взаимного противостояния.

Влияние на меня людей старшего поколения с годами росло. Поколение моих родителей было именно советским, да ещё и фронтовым. Не обязательно их всех записывать в сталинисты, в частности, мои родители и их друзья к Сталину и его окружению относились негативно. Я сам слышал в детстве, как они отзывались о Хрущёве ещё в то время, когда тот возглавлял КПСС. Отец учился в Киеве как раз тогда, когда Хрущёв «чистил» Украину, и говорил, что у этого антисталиниста руки по локоть в крови. В советских исправительно-трудовых лагерях погибли родственники и отца, и матери. Тем не менее, родители были именно советскими людьми, оба вступили в партию во время войны. Это сказывалось не только на преданности существующей власти, но также на круге чтения, вкусах, отношении к прошлому.

О многом в семье умалчивалось. То, что один брат моей бабушки, полковник царской армии, погиб под началом Л. Г. Корнилова; другой, поручик, воевал с «красными» у Е. К. Миллера, в 1925 году вернулся и был расстрелян на Соловках; третий сгинул в лагере в 1938 году. О том, что сестра бабушки служила медсестрой в бронепоезде у А. В. Колчака, я узнал только лет в шестнадцать. Дед моего отца был крупным царским чиновником, имел чин действительного статского советника и умер в эмиграции. Гражданская война прошла через нашу семью, а сталинские «чистки» были продолжением этой войны. Представители старшего поколения, с которыми мне довелось общаться, конечно, тоже о многом умалчивали, но одни только их рассказы о дореволюционном прошлом — далёкие от всякой политики — выявляли картину, которая никак не совпадала с идеологической версией советской пропаганды, учебников, фильмов и т. п. Противниками советской власти они не были. Как впоследствии рассказывал мне дядя отца, арестованный в Киеве в 1921 году как член подпольной кадетской организации, они вместе с моим дедом-историком приняли советскую систему в 1928 году, проговорив перед тем целую ночь напролёт: эта власть впервые в российской истории стала учить и лечить народ. Как русскому интеллигенту противостоять такой власти, которая тратит огромные усилия на народное образование, борется с неграмотностью и двигает вверх по социальной лестнице десятки миллионов? Русские кадеты и эсеры, к которым принадлежали многие мои родственники, были такими же наследниками народников, как и большевики.

Если же вернуться к вашему вопросу о влиянии в тот период, то влияние это, конечно, было непрямым. Вероятно, мой интерес к истории обусловлен историей нашей семьи. Круг чтения расширялся и за счёт того, что с разных сторон давались разные советы. Скажем, по совету отца я начал читать Анатоля Франса, Хемингуэя (лучшим романом которого для фронтовика было «Прощай, оружие»), «Конармию» Бабеля и рассказы Шукшина, а по советам старшего поколения читал Достоевского и Лескова. Труды русских мыслителей в ту пору, конечно, были для меня недоступны, да и вряд ли я что-нибудь в то время сумел бы в них понять.

В интернете я нашёл, что Ваш прадед Паулин Михайлович Руткевич (1865 года рождения) был сыном священника, учился в Киевском университете, после 1913 года служил чиновником по особым поручениям при министре иностранных дел, получил чин действительного статского советника, умер в эмиграции. Ваш дед историк Николай Паулинович Руткевич умер ещё до вашего рождения. Что ещё Вы о них знаете?

О прадеде, Паулине (в малороссийском просторечии — Павлине) Михайловиче, я знаю мало. Выходец из православных священников, стал царским чиновником. Карьеру сделал в Министерстве внутренних дел и как «силови́к» был на короткое время арестован Временным правительством в начале марта 1917 года, летом 1917 года бежал в родной Киев, занял какой-то высокий пост в правительстве гетмана Скоропадского (кажется, заместителя министра), а затем бежал за границу и умер в Кракове в начале 1930-х гг.

Иначе говоря, как и у многих русских интеллигентов-разночинцев, наш род восходит к нескольким поколениям православных священников. По семейному преданию, в священники в конце XVII века ушёл сын запорожского казака. Косвенно эту версию подтверждает тот факт, что фамилию Руткевич, довольно редкую среди малороссов (более распространённую среди белорусов), носили несколько священников в станицах кубанских казаков, расстрелянные во время гражданской войны большевиками (случайно обнаружил их имена в списках «Мемориала»). Скорее всего, это дальние родственники, переселившиеся вместе с прочими запорожцами на Кубань во времена Екатерины II.

Так как прадед дослужился до генеральского чина («ваше превосходительство»), дававшего потомственное дворянство, дед в классовых анкетах вынужден был в графе о происхождении писать «дворянин», что создавало ему немалые проблемы. Он вовремя, в конце 1920-х гг., покинул родной Киев, поскольку иначе его репрессировали бы уже в то время, в период «чисток» от «бывших», проходивших под лозунгом борьбы с «буржуазным национализмом». Работал в Краснодаре, в середине 1930-х перебрался в Свердловск. Много сделал там для исторической науки. Об этом я встречал упоминания местных историков (они есть в интернете). Славился как превосходный лектор. Начинал свою научную деятельность как балканист (изучал Балканы XVI—XVIII веков), затем писал работы, которые сегодня отнесли бы к социальной истории (что-то о крестьянах Поволжья и Предуралья). Отец вернулся к нему с фронта в Свердловск, там и остался. А дед вскоре умер от дистрофии — сказались лишения во время войны.

То, что прадед был «классовым врагом» и «белоэмигрантом», могло сыграть дурную роль и в карьере моего отца. В 1950 году коллега (некто Г. Курсанов) написал на отца донос: «скрывает своё происхождение», «дед — белоэмигрант». Отца спасло то, что в анкетах сталинской эпохи нужно было подробно писать о предках, так что обнаружилось, что отец ничего не скрывает, и дело закрыли.

Словом, со стороны отца родословная типичная для российских интеллигентов-разночинцев: духовная семинария, чиновничество, университет.

Со стороны матери ситуация отчасти сходная — её мать (моя бабушка) также из семьи, достигшей высокого положения за счёт службы (так сказать, *noblesse de robe*). Прадед по материнской линии также был действительным статским советником. В годы Гражданской войны, несмотря на то, что большинство его детей были за «белых», видя, как «белые» на севере России отдают англичанам в кон-

цессии русский лес (а он отвечал за лесное хозяйство Севера), поддержал «красных». Помню, как в детстве слышал в разговоре бабушки и её сестры (той, что служила медсестрой у Колчака) о словах деда — их отца: «Большевики — варвары и бандиты, но они сохраняют единую Россию, а лес русским, тогда как «белые» готовы отдать его англичанам». Иначе говоря, дед ещё в 1919 году стоял на той позиции, которую чуть позже ярко представлял Николай Васильевич Устрялов.

Отец моей матери был большевиком с 1905 года, подпольщиком, боевиком РСДРП, дважды осуждённым на каторжные работы. В 1914 году он бежал из Сибири, был арестован, но с началом войны его не стали возвращать в Сибирь, а мобилизовали. Хорошо воевал, был награждён двумя Георгиевскими крестами. После Гражданской войны направлен работать директором банка.

В воспоминаниях Вашего отца упоминается, что его жена, т. е. Ваша мама, одно время работала вместе с ним в Свердловском пединституте. Она тоже была философом?

Мама не была философом. Она получила филологическое образование, работала журналистом, преподавала русский язык и литературу. Затем воспитывала троих сыновей. Так что к работе в Свердловском пединституте вернулась уже после того, как отец поменял его на университет. Она лет десять была руководителем аспирантуры этого вуза.

Джордж Гэллуп принадлежал к десятому поколению американцев. Когда я собирал информацию о нём, мне написал один из активных членов The Gallup Family Association: «...Конечно, Джордж Гэллуп был самым настоящим американцем. Длительная история нашей семьи заставляет нас принимать близко к сердцу всё происходящее в стране, усиливает чувство причастности к ней. Мы гордимся тем, что являемся частью истории великой страны. Мы ничуть не больше американцы, чем все остальные, но, живя здесь с 1630 года, знаем, кто мы такие и какова наша роль в этом великом потоке истории». Каково это — чувствовать свою принадлежность к большой, многопоколенной семье и ощущать историю страны через прошлое своей семьи?

Чувство принадлежности народу, стране, культуре — это исток не только патриотизма, но также переживания истории, даже некоего исторического чутья, которое предшествует научным историческим исследованиям. Тот, кто лишён этого чувства, готов редуцировать историю к тем или иным социологическим или экономическим законам, не видя того, что сами эти социальные теории выдвигаются людьми определённой эпохи — уже завтра их сменят другие люди и другие теории. «Род уходит, и род приходит, а земля остаётся навек».

Это чувство собственной укоренённости в жизни народа является и основанием личной идентичности, того, что Пушкин назвал в одном наброске «самостоянием человека»:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его...

Вернёмся к траектории Вашей жизни. Вы родились и закончили школу в Свердловске? Какие из школьных предметов Вас привлекали? Что интересовало вне школы?

Да, учился я в Свердловске, в школе с углублённым изучением английского языка. Школа была не из лучших, состав учителей пёстрый — от очень приличных до малограмотных. Английский преподавали последние, и считалось, что к языкам у меня нет способностей. Я и сам так считал, пока не понял, что у меня просто нет желания всё время делать грамматические упражнения.

Мне нравились история, литература, география; математика и естественные науки меня не привлекали, хотя генетику и органическую химию я осваивал без особых проблем. Но по физике и математике выше «четвёрки» никогда не поднимался.

Конечно, занимался спортом (сначала плаванием, затем волейболом), но из внешкольных интересов на первом месте было чтение. В старших классах прочитал том за томом многих русских и французских классиков — таков был набор книг в домашней библиотеке. В литературных журналах той поры печатались хорошие переводы западной литературы XX века. Помню, с каким наслаждением я читал «Мартовские иды» Т. Уайлдера и «Всю королевскую рать» Р. Пен Уоррена.

Пробовал сочинять и сам. Окончательно оставил эти попытки уже в аспирантуре, когда понял, что писатель из меня получится, но только средненький, а потому без жалости истребил все наброски. Единственный большой набросок был фрагментом исторического романа — я хотел стать историком.

Уже упоминал драматический театр и консерваторию. В миллионный по населению Свердловск, город с двумя десятками вузов, охотно приезжали лучшие советские исполнители, и я слушал Давида Ойстраха и прочих «звёзд» консерватории. Оперный театр посещал реже. А главный режиссёр драматического театра был близким другом моих родителей, поэтому я изнутри знал этот театр, что и как они ставят. Каждое лето в Свердловск приезжал на гастроли какой-нибудь московский театр, но на лето мы уезжали к бабушке на Волгу.

Ещё один вопрос, относящийся к школьным и, возможно, студенческим годам. Насколько активно Вы участвовали в делах комсомольской организации? В жизни многих будущих философов, социологов, историков Вашего поколения общественная работа занимала важное место.

В делах комсомола я старался не участвовать. Уже к старшим классам школы у меня сформировалось негативное отношение к этой организации. Оно ещё не было политически окрашенным, хотя сомнения в том, что «всё к лучшему в этом лучшем из миров» уже были. Поучаствовать пришлось позже, когда начал преподавать (для молодых преподавателей общественная работа была обязательной). Не всё в этой комсомольской деятельности было дурно, и занимались ею самые разные люди — от милейших идеалистов до откровенных подлецов. Ничего плохого в том, что я работал в студенческом стройотряде, каковые организовывались по линии ВЛКСМ, я не вижу. Но меня не прельщала (и не прельщает) политическая карьера. Да и был я в то время довольно замкнутым юношей — типичным интровертом, если использовать терминологию К. Г. Юнга.

Для меня неожиданно прозвучали Ваши слова: «...считалось, что к языкам у меня нет способностей». Вы успешно переводите крайне сложные в логическом и стилистическом отношении книги по различным направлениям философии, социологии, психоанализу с английского, немецкого, французского, испанского (и других ?) языков. Я думал, что знание языков в Вашем случае — след влияния Ваших родственников из старшего поколения и что оно закладывалось в детстве-юности. А в действительности когда сформировался Ваш интерес к языкам? Как случилось, что Вы не ограничились чтением научной литературы «для себя», но занялись переводом?

Относительно способностей к языкам. «Считалось» именно учительницами английского, полагавшими, что знание языка сводится к знанию грамматики. В последнем классе школы обнаружилось, что и чтение, и перевод, и разговор на иностранном языке не так уж сложны, а нежелание делать грамматические упражнения сказывается только на письме. В случае английского это ещё не так чувствительно, а вот уже более сложный с точки зрения грамматики немецкий требует усердия в заучивании падежей и глагольных форм.

Переводил я действительно с английского, французского, немецкого и испанского. До неплохого уровня выучил польский, причём очень быстро, поскольку он близок к русскому и ещё более к украинскому (отец побудил меня лет в двенадцать-тринадцать прочесть двухтомник стихов и прозы Тараса Шевченко в подлиннике). Позже выучил латынь, но совершенно её забыл. За древнегреческий взялся, но скоро оставил: сил нужно положить много, а в круг занятий не входит. Из тщеславия тратить время на древний язык мне не захотелось: *vanity of vanities...*

Сказать точно, когда сформировался интерес к языкам, я не могу. В университете я учил французский, на последнем курсе заинтересовался философией Хосе Ортеги-и-Гассета, выучил испанский (впоследствии читал на испанском лекции кубинским студентам). Специалисту по западной философии не обойтись без немецкого, его я выучил уже будучи молодым преподавателем МГУ. Знание каждого нового иностранного языка открывает для тебя и иной «жизненный мир». Так что опыт этот был для меня важен. Правда, ни один из иностранных языков я не знаю в совершенстве, но все они для меня рабочие. А читать книги доводилось и на других языках. В своё время несколько книг прочитал по-итальянски — он просто очень близок к испанскому, равно как и португальский (читал на нём газеты).

Переводить начал рано, ещё студентом на Урале. Тогда обнаружилось, что это у меня получается. На четвертом курсе перевёл с английского довольно большой текст Карла Поппера (перевод затерялся). Много стал переводить только в эпоху «перестройки». Ранее тексты большинства западных мыслителей не переводились, мешала идеология. Мне довелось десять лет вести семинарские занятия со студентами по воззрениям мыслителей, которых они не читали. Так что для занятия переводами были, можно сказать, идейные мотивы.

В постсоветской России к ним добавились и вполне материальные стимулы. Я работал в институте Академии наук, получал, будучи доктором наук и заведующим сектором, около 50 долларов в месяц. В девяностые я перевёл десятка два книг — мне не хотелось уходить в бизнес или в политику (предложения были, но я предпочёл остаться в науке).

Вы уже частично ответили на мой следующий вопрос. После школы Вы поступили в Свердловский университет на философский факультет. Почему не на исторический, почему не в МГУ или ЛГУ? По какой кафедре Вы специализировались?

Исторический факультет был довольно слабым по составу преподавателей, сильными там были только византинисты, а меня в то время Византия не очень интересовала. На философском факультете тогда читали трёхлетний курс всеобщей истории. Кстати, хорошо читали свою часть, опять же, только византинисты во главе с легендарным Михаилом Яковлевичем Сюзюмовым.

Образование российским философам давали хорошее, каким бы странным это ни казалось сегодня. Идеологических курсов было не больше, а меньше, чем у историков или экономистов. Так как мой отец был создателем этого факультета, то его программа несла на себе след личных пристрастий. Политэкономия была сокращена в сравнении с программой МГУ в два с половиной раза, зато полтора года я изучал математику, год — физику, год — биологию, семестр — астрономию и ещё семестр — экологию (это в 1971 году!). Меня эти предметы не особенно интересовали. Разумеется, лучше иметь некоторое представление о красном смещении галактик или о кольчатых червях, но историку можно без таких знаний и обойтись. Правда, в дальнейшем мне курс математики и физики помогал при изучении (а потом и преподавании) философии Нового времени. Однако время было потрачено огромное на решение задач по интегралам, причём по учебнику для радиофакультетов политехнических институтов.

С третьего курса началась специализация, и я пошёл на кафедру исторического материализма и марксистской социологии, поскольку особой кафедры истории философии в УрГУ не было. Правда, и на этой кафедре марксистской схоластики почти не было. Прослушал курсы по социальным измерениям, по методике и технике социологических исследований. Понял, что это тоже не моё. Курсовые работы писал по истории социологии: американские теории социальной стратификации, социология Ф. Тённиса (прочитал его главный труд по-английски, немецкого тогда ещё не знал).

В 1972 году отец возглавил Институт социологии (тогда еще ИКСИ), семья переехала в Москву, а я перешёл на четвертый курс философского факультета МГУ на кафедру истории философии. Стоит сказать, что философское образование в МГУ было другим, чем на Урале. Некоторые философские предметы читали лучше — логику, историю философии, но образование в целом было куда более идеологизированным, схоластическим. А некоторые курсы, вроде марксистско-ленинской этики, были откровенно скучны. Так как к тому времени я уже был настроен весьма «антисоветски», то ряд курсов воспринимал как неумную пропаганду. Да и как иначе можно было воспринимать курс по русской философии, если её вершинами были объявлены Добролюбов и Плеханов, а философы Серебряного века не изучались вообще? Труды их даже в спецхране имелись только на иностранных языках, поэтому я читал одну работу Бердяева по-английски, а другую по-французски. Впоследствии помогал так называемый самиздат, но в начале семидесятых он ещё не получил широкого распространения.

В какой-то момент меня заинтересовала философия Ортеги, я прочитал с десяток его книг по-английски, несколько работ на тогда ещё плохо выученном испанском и написал дипломную работу по социальной философии Ортеги-и-Гассета.

О М. Я. Сюзюмове я слышал, когда интервьюировал учившегося у него много раньше Вас Г. Е. Зборовского. Естественно, что он обстоятельно рассказал и о Л. Н. Когане. Не могли бы и Вы поделиться своими воспоминаниями о Когане и Сюзюмове, а также, возможно, и о других ваших преподавателях. Какие курсы в университете вёл ваш отец — Михаил Николаевич Руткевич?

С Сюзюмовым дружил мой дед-историк, более того, дед помог ему устроиться на работу после лагеря. Об этом я слышал от отца, коего Сюзюмов звал попросту Мишей. Помню, два забавных рассказа отца. Идёт заседание учёного совета, на котором кто-то спрашивает Сюзюмова, действительно ли он сидел семь лет в лагере, на что тот громко отвечает: «Какой же приличный человек в Советском Союзе не сидел». Другой рассказ относится к 1967 году, когда проходили всякие мероприятия по поводу 50-летия Октябрьской революции. Сюзюмова потащили как свидетеля революции в школу к пионерам. Он действительно был в Петрограде в конце октября 1917 года. И перед полным залом школьников Сюзюмов стал вспоминать: «Да, с утра немножко постреляли, потом затихло. В читальном зале университетской библиотеки мне работать никто не мешал».

Лев Коган учился с моей мамой в одной школе (кажется, классом младше). Так как он физически не годился для армии, то, один из немногих, уцелел во время войны — из класса мамы на 1945 год в живых осталось только двое ребят. Выбитое войной поколение. Когана я дома видел очень часто, семьи дружили. Человек он был яркий, душа компании, большой жизнелюб (и женолюб). Из множества анекдотов и баек, которые он рассказывал, вспомнилась одна: «Как так получается, — говорил Коган, — сам я еврей, жена у меня полька, а дети оказались белорусами?». Общение с ним отец прекратил в девяностые годы. Коган заведовал кафедрой научного коммунизма, но в 1992 году публично сжёг партбилет. Для преданного марксизму человека, каким был мой отец, это было предательство, да ещё и мелочное, из карьерных целей. Мне представляется, мотивы Льва Наумовича были совсем иными.

В УрГУ лекции хорошо читали немногие профессора. Уровень преподавателей философии был довольно посредственный, биологию и физику читали куда лучше, чем логику или историю философии. Как ни странно, одним из лучших лекторов был молодой доктор наук (не помню фамилию), читавший историю КПСС. Из социологов запомнился Владимир Александрович Ядов, который на неделю приехал в Свердловск, а отец попросил его прочитать короткий курс студентам (кажется, излагал он нам тогда Т. Парсонса).

Сам отец читал курс по диалектическому материализму для первокурсников (его я прослушал) и какой-то курс по социологии для старшекурсников — о нём ничего не могу сказать. Читал убедительно, ясно, логично. Да и учебник у него был по диамату хороший. Только у меня диамат уже тогда не вызывал симпатий. Не потому, что я был такой прозорливый и умный; просто была какая-то

неудовлетворённость этой весьма догматичной дисциплиной. Склонность к скептицизму уже в какой-то форме у меня присутствовала и мешала вере в «диалектику природы».

В МГУ отлично читал курс по современной западной философии Алексей Сергеевич Богомоллов, довольно интересным был курс по рукописям Маркса к «Капиталу» (так называемые Grundrisse) Георгия Александровича Багатурия. Некоторые курсы, вроде политэкономии социализма и научного коммунизма, я просто прогулял.

Чем бы Вы сегодня объяснили Ваш ранний интерес к Ортеге?

Интерес у меня был к философии первой трети XX века. Собственно говоря, значительная часть мною написанного касается именно философии конца XIX — начала XX веков. В интеллектуальной истории Испании обнаруживается довольно много параллелей с Россией. Интерес был и к испанской поэзии — от Хорхе Манрике до Антонио Мачадо, и к живописи — Эль Греко, Веласкесу и др. Ортега очень яркий философ, отличающийся прекрасным стилем. Я прочитал несколько книг и заинтересовался. Дипломную работу я писал по социальной философии Ортеги, изложенной им в сочинении «Человек и люди». Для меня это явилось переходом от истории социологии к истории философии.

Ранее я питал интерес к истории социологии, но поскольку отец возглавлял ИКСИ, продолжать эти занятия далее я не мог. Не только потому, что мне претил любой намёк на протекцию. Отношения с отцом в то время были скверные; бывало так, что мы, проживая в одной квартире, пару месяцев друг с другом не разговаривали. Отношения более или менее наладились только через несколько лет, когда я жил уже отдельно от родителей. Вероятно, решающую роль в нашем примирении сыграли мои маленькие дочери, которых никак не волновали идеологические дебаты.

Да и вся «кухня» советской социологии вызывала отвращение. Даже в среде советских философов (мягко говоря, не очень похожей на нормальное научное сообщество) не было такого взаимного доносительства, непрестанной склоки, сведения счётов и т.п. Вспоминаю, как работавший в ИКСИ Юрий Николаевич Давыдов со смехом говорил об интригах в социологическом сообществе: «Они задумывают столь сложные схемы интриг, что по ходу дела забывают, ради чего начинали свару».

Как развивались события после окончания университета?

После завершения учёбы я поступил в аспирантуру на кафедру истории зарубежной философии. На то время это была самая сильная кафедра философского факультета МГУ. Моим научным руководителем был Богомоллов, крупный специалист по немецкой и англо-американской философии XX века, который в те годы начал заниматься и античной философией. Первые, ещё довольно слабые статьи, начало педагогической работы. Меня уже в аспирантуре основательно загрузили семинарскими занятиями со студентами — эта работа мне давалась легко и нравилась. Диссертацию написал и защитил по испанской философии: «Социальная философия “Мадридской школы”» (Ортега и его последователи).

Из важных для меня человеческих контактов, отмечу общение с супругами Пиамой Павловной Гайденоко и Юрием Николаевичем Давыдовым. Эти видные учёные были «подписантами», т.е. людьми, так сказать, политически неблагонадежными. Но именно они (а отчасти и Богомолов) удержали меня от превращения в типичного диссидента конца 1970-х годов.

На это время приходится и постепенно вызревавшая трансформация моих философских взглядов. При всей моей оппозиционности всему «советскому», я оставался марксистом, пусть и неортодоксальным. В 1960–70-е годы и на Западе марксизм был весьма влиятелен, а я ещё студентом читал и Маркузе, и Фромма, и югославский журнал «Праксис». Иными словами, подобно большинству представителей поколения «шестидесятников», я склонялся к некоему «марксизму с человеческим лицом», т.е. к Марксу, слитому с Сартром, Фроммом и им подобным. Под конец аспирантуры марксистом я уже не был.

Набирало обороты движение думающих «семидесятников», людей моего поколения. Кто-то шёл быстрее, кто-то медленнее. Если философы из поколения моего отца от жуткой схоластики переходили к философским проблемам естествознания, а «шестидесятники» от Ленина и Энгельса сдвинулись к «истинному Марксу» (т.е. к молодому Марксу рукописей 1844 года), то моё поколение, родившееся после войны (между 1945 и 1955 гг.), стало отвергать марксистскую доктрину целиком. А уж дальше пути расходились: одни через русскую религиозную мысль двинулись к святоотеческой традиции, к христианскому неоплатонизму, другие через Карнапа и Поппера — к аналитической философии, третьи через Гуссерля и Хайдеггера — к философской герменевтике и т.д.

Правда, расставшись с марксизмом, я оставался «левым» в западном понимании, если угодно, социал-демократом. Таковым я перестал быть много позже, находясь во Франкфурте-на-Майне, в котором заправляла коалиция социал-демократов и «зелёных» (в частности, за культуру отвечал небезызвестный Даниэль Кон-Бендит. Наглядевшись на эту публику, я без особых сожалений распрощался с «левой» европейской традицией: «по плодам их узнаете их».

В связи с тем, что Вы затронули тему марксизма, задам Вам два вопроса. Как Вы объясните тот факт, что марксизм, который на протяжении десятилетий был теоретико-методологической базой советской философии и всех общественных наук, в конце XX века тихо «сдал свои позиции» в российском обществоведении? И второй вопрос: есть ли сейчас в России сильные теоретики-марксисты?

На мой взгляд, подавляющее большинство тех, кого в СССР именовали обществоведами, были людьми малограмотными. Шёл негативный отбор как среди экономистов и социологов, так и среди философов: наверх пробивались чаще всего самые убогие «марксисты». На кафедрах философии до сих пор сохранились такого сорта кадры. Идеологическую вершину представляли кураторы от ЦК КПСС, вроде неудобозабываемого академика П. Н. Федосеева. Серость плодила серость. Как только марксизм перестал быть кормушкой, открылась вся эта нищета.

В философии хотя бы имелись уголки, в которых можно было заниматься профессиональной деятельностью без жертвоприношения интеллекта (логика, история философии, философия науки). Куда хуже была ситуация у экономистов. По словам хорошо знающих тогдашнюю ситуацию коллег, на весь СССР

к концу режима было примерно двести человек, знавших современную экономическую теорию на уровне выпускника бакалавриата. Их тут же расхватывали банки и корпорации, в науке почти никто не остался. Получше обстояли дела у историков, поскольку специалисты по Шумеру или той же Византии неплохо работали. Среди них были и марксисты. В исторической науке марксизм не был столь бесплоден, как в философии или в экономике. Собственно говоря, то, что именуется на Западе социальной историей, возникло под прямым влиянием марксизма. Да и споры в марксистской терминологии между историками в советские годы (например, по поводу «азиатского способа производства») были вполне содержательными.

Одним словом, проиграл не столько марксизм, сколько официальная его версия, восходящая даже не к самому Марксу, а к «Краткому очерку истории ВКП(б)». Разумеется, было немало умных и образованных обществоведов. Далеко не всё из написанного в советские времена было ничтожно. Но всё это ушло вместе с серой пеной официальной доктрины.

Думаю, дело даже не в том, что в СССР марксизм сводился к неприглядной в интеллектуальном отношении версии, а всякие отклонения от официальной линии преследовались как «ревизионизм». Изменился мир, сама реальность сегодня плохо описывается в марксистских терминах. В начале XX века люди уровня П. Струве, Н. Бердяева и С. Булгакова уже в юные годы становились марксистами (даже Иван Ильин побывал членом РСДРП), поскольку разделённое на классы общество было наглядной действительностью, а к концу столетия устройство общества стало куда сложнее. Последний всплеск марксистской мысли на Западе (в 1950–70-е гг.) был связан с попытками учесть эту сложность. Франкфуртская школа в Германии, школа «Анналов» во Франции генетически связаны с марксизмом. Я совсем не исключаю того, что возможен ренессанс марксизма в ближайшие десятилетия. Упадок среднего класса, всевластие финансовой олигархии возвращают нас к тому обществу, которое соответствует марксистской доктрине.

О современных теоретиках-марксистах почти ничего сказать не могу. Как мне кажется, речь может идти не о «чистых» марксистах, но о людях, соединяющих марксистское наследие с кейнсианством в экономике (С. Ю. Глазьев), «мир-системным» анализом в истории (А. И. Фурсов). За идеологическими спорами я в последние годы не слежу. Вероятно, люди уровня Бориса Кагарлицкого пишут серьёзные тексты, но для того, чтобы о них судить, нужно их прочитать.

Кандидатскую диссертацию Вы защитили в 1978 году. После этого Вы продолжали разработку философии и социологии Ортеги или ушли в другую исследовательскую область?

Диссертация была готова к сентябрю 1977 года, защитил я её в апреле 1978 г. Потом ещё несколько лет занимался испанской философией, доработал текст диссертации и опубликовал первую монографию. Но примерно с 1980 года начал разрабатывать другие темы. Кажется, в 1980 году я прочитал первый курс по психоанализу. Много читал французских структуралистов. Поднял свой немецкий и в оригинале осваивал Гуссерля и Хайдеггера. Да и освоением истории философии приходилось заниматься основательно. У меня мог быть утроем семинар по индийской философии, вечером — по неокантианству с «вечерниками»,

на другой день — занятие по Декарту или Лейбницу, а ещё через день — семинар по «Малой логике» Гегеля. Приходилось готовиться и читать. Тогда на факультете образовалось «кубинское отделение»: на три года приехали учиться философии кубинские студенты, и я читал им курс по истории философии. Русский они знали очень плохо, а потому я быстро перешёл на испанский.

При всём многообразии занятий главной исследовательской областью в восьмидесятые годы для меня стал психоанализ.

Вашей первой книгой по психоанализу стала опубликованная в 1985 году монография «От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа», где вы следовали путём Давыдова, Замошкина, Кисселя, Кона и других — через критику давали очерк основных идей психоанализа. Каким в конце 1970-х — первой половине 1980-х было отношение «официальной философии» к этому философскому направлению? Каков был Ваш собственный путь от социальной теории к психоанализу? Как Вы думаете, был ли в нём какой-то отголосок Ваших ранних попыток сочинять прозу?

Разумеется, все писавшие в те годы о современных западных теориях вынуждены были прибегать к эзопову языку, да ещё и цитировать «классиков марксизма» — без этого книга не могла выйти в свет. После того, как книга уже была отредактирована, завредакцией вызвала меня и потребовала, чтобы в каждой главе появилась такая цитата. Так сказать, творческое задание. Мне удалось отбиться только от ссылок на решения очередного съезда КПСС.

Официальное отношение к психоанализу было, естественно, негативным, несмотря на то, что в истории советской России был период, когда психоаналитики вели себя весьма активно и стремились участвовать в «воспитании нового человека». К адлеровской версии психоанализа положительно относился Троцкий. Строго говоря, запрета на психоанализ не было, но он сошёл на нет в начале 1930-х годов вместе с педагогическими экспериментами, окрещёнными «педологическими извращениями». Жёсткая критика психоанализа начинается в 1940—50-е годы, когда его представляют как часть «буржуазной идеологии эпохи империализма».

Философам было чуть проще обращаться к психоанализу, чем психологам или медикам. Обсуждать проблематику бессознательного психического разрешалось, а вот психотерапевты, которые в той или иной степени использовали технику психоанализа, вынуждены были это тщательно скрывать.

То, что психоанализ в явном или скрытом виде опирается на ряд философских тезисов, не является секретом. Расхождения внутри самой психоаналитической ассоциации, появление разных «ересей» (от Адлера и Юнга до Лакана) всякий раз сопровождалось философскими дискуссиями. Меня особенно интересовали те версии психоанализа, в которых трансформация фрейдовской «метапсихологии» совершалась за счёт её соединения с феноменологией Гуссерля и экзистенциальной аналитикой Хайдеггера. Так как в 1960—70-е годы эти теории межвоенных лет получили широкое хождение (прежде всего в рамках «антипсихиатрии»), то примерно треть моей книги было посвящено им.

Мотивы обращения к этой проблематике у меня были многообразные. Первый сдвиг к этим вопросам произошёл в студенчестве. В археологической экспедиции у меня на глазах сходил с ума мой ближайший друг; он окончил свои

дни в психиатрической лечебнице. В эти же годы советская психиатрия прославилась диагнозом «вялотекущая шизофрения», применявшимся и к здоровым людям. Но мне самому доводилось сталкиваться и с явно больными людьми, мания преследования у которых в советских условиях проявлялась специфическим образом: им казалось, что за ними следило КГБ, что их преследовала власть. Философа не может не интересовать вопрос: что есть норма, а что — отклонение от неё. Но что в том или ином обществе считают нормой и что болезнью? На манер П. Бергера и Т. Лукмана можно сказать, что «символическое конструирование реальности» в Древнем Египте производило человека, коего сегодня быстро упрятали бы в сумасшедший дом.

Свою роль сыграло и то, что западная культура была буквально пронизана прямыми или скрытыми отсылками к психоанализу. Взять хоть фильмы Феллини и Бергмана или некоторые сочинения Томаса Манна — их семантика предполагает знакомство с Фрейдом и Юнгом. Неплохо знать труды последних и для того, чтобы отличать настоящих творцов от жуликов. Какой-нибудь Сальвадор Дали всю жизнь играл роль творца с сумасшедшинкой; играл весьма успешно для неплохого рисовальщика, сделавшегося не только кумиром, но ещё и миллионером. Да и для понимания социальных наук необходимо: и культурная антропология Маргарет Мид, и социология Дэвида Рисмена — обе требуют знакомства с психоанализом.

Но преобладали у меня всё же теоретические интересы. Я с увлечением читал в те годы труды Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна, но марксистская психология вызывала всё больше вопросов. К тому же, ученики Выготского в то время принялись истолковывать свои результаты в духе Э. Ильенкова — той смеси гегельянства и марксизма, которая казалась мне пустословием. Чтение работ отечественных психиатров, медицинских психологов, учебников по физиологии и психопатологии на время отвлекло от философии. Опыт оказался бесполезным: ранние работы Бинсвангера или первое издание «Общей психопатологии» Ясперса кое-что проясняют и в философской антропологии.

Времени на чтение трудов Фрейда, Юнга, Бинсвангера я потратил много. Кстати, самым бесполезным в моей жизни я считаю время, проведённое за чтением по-немецки собрания сочинений Фрейда. Правда, сей «подвиг» происходил позже, когда я был в Германии. Занятия психоанализом растянулись на два десятилетия: переводил и издавал Фрейда, Юнга, Фромма, работал в архиве Юнга, встречался с его сыном и дочерью и т. д. Докторскую защитил по «глубинной герменевтике». В начале 1990-х гг. едва не стал деканом факультета прикладного психоанализа в московском психоаналитическом институте, но вовремя пригляделся и обнаружил, что сотрудничать придётся с откровенными жуликами, и отказался. Да и наскучил мне к тому времени психоанализ во всех его видах.

Если вернуться к книге, то она никак не связана с литературными опытами. Напротив, написана довольно сухо, наукообразно. Помню, что мне за «позитивистский стиль» книги сделал выговор Юрий Давыдов. Какую-то роль, вероятно, сыграло то, что книга вышла в «Политиздате», где наукообразие могло служить своего рода прикрытием. Сейчас не вспомню, был ли у меня такой мотив (могло и не быть). Единственное литературное место в книге: скрытая (из-за цензуры) цитата из «Дара» Набокова.

В последние несколько лет — — — — — прощупывать тему биографичности

творчества. Биографичность творчества поэтов, писателей, композиторов не вызывает сомнений. Мои беседы с советскими / российскими социологами обнаруживают биографичность их творчества, и — более широко — их деятельности. И биографичность будет усиливаться, если государство ослабит давление на личность. В какой мере можно говорить о биографичности, т.е. обусловленности событиями личной жизни, научного наследия тех учёных, которых Вы изучали и продолжаете изучать?

Для развёрнутого ответа на эти вопросы пришлось бы писать целую статью. Как историк мысли я являюсь наследником той традиции, которая восходит к Шлейермахеру, Дройзену, Дильтею. Она предполагает обращение к биографии. В то же самое время я признаю и границы биографической интерпретации применительно к научному знанию. Понять учёного — значит понять те проблемы, которые он решал на протяжении своей жизни, а эти проблемы не обусловлены детскими переживаниями, юношескими порывами и т.п. Конечно, опыт революции и гражданской войны в России многое определил в творчестве Александра Кожева, о котором я сейчас пишу, но его антропология и философия истории восходят к младогегельянцам XIX века, к Ницше, Хайдеггеру. В понимании метафизики или биологии Аристотеля изыскания в его биографии («Платон мне друг, но истина дороже») помогут не больше, чем попытки найти эдипов комплекс у Фомы Аквинского или Рассела.

На основании имеющегося у меня опыта могу сказать, что есть мыслители, для понимания которых привлечение биографических данных бывает полезно. Скажем, «Миф о Сизифе» Камю передаёт его собственный опыт болезни, отчаяния, абсурда. Аналитическая психология К. Г. Юнга несёт след не только его юношеских увлечений эзотерикой, но также личного душевного кризиса во время Первой мировой войны. Только содержание аналитической психологии обусловлено долгой историей витализма и спиритуализма в XIX веке, а для понимания аргументов Камю стоит прочитать «Философию трагедии» Льва Шестова.

Но у меня ничуть не меньше примеров отсутствия какого бы то ни было воздействия подобного опыта. Нельзя, например, сказать, что интерес к онтологическому аргументу Ансельма и Декарта, а затем к истории науки Нового времени появился у Койре в результате его революционной деятельности в партии эсеров в ранней юности, фронтовому опыту, участию в Гражданской войне и т.п. Главную роль здесь играло именно увлечение философией Гуссерля и математикой. Вероятно, найдутся психоаналитики, которые и увлечение математикой объяснят какой-нибудь стадией развития либидо в раннем детстве, но у меня выработалось устойчивое недоверие к подобной археологии.

Не вполне соглашусь с вами в том, что относится к государству. Конечно, режим какого-нибудь Пол Пота смертелен для творческих деятелей. Но и эпоха барокко, в которую возникали наука и национальная европейская литература, и «золотые века» немецкой или русской культуры обнаруживаются в не самых благоприятных для личных свобод государствах. Наш Серебряный век начинается во времена Александра III, а сами мы являемся свидетелями того, что устраивавшая гонения на генетику и кибернетику власть в то же самое время поспособствовала чрезвычайно быстрому развитию физики и математики. Шостакович и Свиридов были именно советскими композиторами, хотя и не слишком любили коммунистическую идеократию. Театральное искусство в под-

цензурном СССР было на голову выше, чем в нынешней постсоветской России. В Великобритании, куда более свободной в XIX веке, чем Германия или Россия, мы не находим такого всплеска литературы, музыки, философии. В коммунистической Польской Народной Республике работали отменные социологи и интересные философы — есть ли подобные им в нынешней Польше? Я мог бы предположить, что противостояние авторитарной или тоталитарной власти порождает усилия, которые способствуют творчеству в разных областях. Потенциальный революционный трибун или член парламента в условиях несвободы оказывается великим композитором или учёным. Но это лишь гипотеза. Кем стали бы в условиях демократии русские нонконформисты вроде Герцена или Бакунина? Бог весть.

Короче говоря, историку необходимо учитывать и личность творца, и принадлежность к социальной группе, и принадлежность к той или иной нации, и степень авторитарности государства, и случайные события (Ницше случайно наткнулся на том Шопенгауэра в книжной лавке) и многое другое. Но на первом месте — в случае философии и науки — стоит всё же круг проблем, с которыми имели дело мыслители прошлого. Этот горизонт также историчен, он обусловлен прошлым. Только не личным прошлым, а историей научной дисциплины. В случае философии речь, наверное, может идти об истории всей нашей цивилизации.

В своих будущих текстах я буду говорить о разных формах влияния государства на творчество. Но так получилось, что я многие годы интересовался биографиями физиков, а потом — выдающихся американских рекламистов и первых полстеров. И когда в 2004 году начал изучать жизнь Б. А. Грушина, то первое, что буквально бросилось в глаза, это присутствие в каждой точке его жизненной траектории государства ...

К сожалению, до нашего интервью я ничего не слышал об Александре Кожеве, не читал его работ. Кожев покинул Россию в 18 лет, опыт его жизни в России был невелик и потому не мог глубоко и «широко» влиять на его творчество, но, наверное, его понимание антропологии и философии истории отмечено влиянием и русской истории, и русской литературы, и православия?

Не удивляюсь тому, что у наших «шестидесятников» отношение к государству чаще всего негативное. Они унаследовали этот «комплекс» от дореволюционной интеллигенции. «Вехи», конечно, читали, не понимая того, что в этом сборнике описываются и они сами. Насколько пагубно всё это манихейство («до основания, а затем»), показали девяностые годы, когда примитивные схемы, заимствованные даже не из учебника Economics, а из популярной книжки Хайека, стали применять к сложной социальной реальности. Один «изм» с лёгкостью поменяли на другой. Не помню, кто именно из дореволюционных мыслителей писал, что русские западники всё время путали западные идеалы с чудесами. В той или иной вполне рациональной программе (хоть план, хоть рынок) находили живую воду, семимильные сапоги, ковёр-самолет... Сентиментальные разрушители, которых умело использовали куда более практичные стяжатели и властолюбцы.

Сам я тоже этим переболел, избавлялся от такой упрощённой картины социальной и политической жизни постепенно, помогали умные тексты мыслителей прошлого. Вспоминаю, как читал году в 1978-м текст Ханны Арендт

о революции, в котором чётко разграничивались понятия «власть», «господство» и «авторитет». Отношение к советской системе у меня не поменялось, прибавилось понимание сложности современного мира, в котором на бюрократию ложатся и пенсии, и пособия, и школы, и организация труда инвалидов, и проблемы закрывающихся предприятий в моногородах и т.п. Мы знаем не только о провалах государства, но и о провалах рынка, передаём решение множества вопросов чиновникам и «унтер-офицерам» бюрократии и не можем без последних обойтись.

Но есть и не менее важная сторона: лишённые собственного государства нации либо исчезают, либо проходят через мучительные испытания. Необязательно даже вспоминать историю сионистского движения, возьмите опыт поляков, армян, балканских народов. В идеологические (и небескорыстные) сказания о глобализации я верю не больше, чем в «реальный социализм».

В общем, я могу отнести себя в равной степени к наследникам Гоббса и Гегеля (а в политической социологии — Макса Вебера и отчасти Лео Штрауса), но никак не Руссо и не Ленина. Главной проблемой сегодняшней России является не авторитаризм, «полицейское государство», а то, что аппарат государства до сих пор находится в руках олигархических кланов, слившихся с естественными монополиями. Но эти кланы у нас хотя бы ограничены в своих устремлениях. Не будь этого, наша ситуация напоминала бы украинскую. Мы хоть какую-то прививку от «семибанкирщины» получили. Развал страны с ядерными электростанциями (не говоря уж о боеголовках!) вряд ли может служить рациональной целью какого бы то ни было осмысленного политического проекта.

Обо всём этом можно писать долго, не хочу сбиваться на публицистику. Кстати, последний переведённый мною текст Александра Кожева — небольшая книжка «Понятие власти», написанная им «в стол» в 1943 году и лишь недавно опубликованная во Франции, — содержит довольно любопытную классификацию типов власти.

С творчеством Кожева я начал знакомиться в середине 1990-х гг. Ранее, конечно, что-то знал по второисточникам, но специально им не занимался. Перешёл я к нему после недолгих занятий трудами его близкого друга, тоже эмигранта, Александра Койре. Я перевёл сборник последнего «Мистики, алхимики, спиритуалисты Германии XVI века», поработал в его архиве в Париже. Там я узнал, что ещё жива спутница жизни Кожева Нина Владимировна Иванова. Несмотря на возраст, она обладала прекрасной памятью, сама расшифровывала рукописи Кожева (после болезни, перенесённой им в 1929—1930 гг., почерк у него стал совершенно неразборчивым). Привлёк к расшифровке рукописей сначала мою живущую в Париже дочь, затем тогдашнюю *de facto* (не *de jure*) жену, сам поучаствовал в этом проекте. Переводил, издавал, сейчас пытаюсь дописать о нём книгу, чему препятствуют бесконечные административные дела (*too much administrative strain* — так это звучит по-английски?).

Отвечая на ваш вопрос, могу сказать, что православие в жизни Кожева никакой роли не играло, он был атеистом. Но он не случайно до конца дней внимательно изучал тексты не только неоплатоников-язычников, но и отцов церкви. Атеизм у него был «гегельянский», т. е. признающий «истину» христианства, которая «снимается» в философии. Но об этом мне пришлось бы писать страниц десять, а потому ограничусь лишь рядом замечаний. Кожев защищал

диссертацию о метафизике Владимира Соловьёва под руководством К. Ясперса в Гейдельберге (он учился в Германии). Целый ряд его философских размышлений восходит к спорам о «богочеловечестве» и «человекобожестве» в дореволюционной России. Русскому искусству посвящён лишь один его текст — статья о «конкретной живописи» его родного дяди Василия Кандинского. На стене его квартиры я видел несколько небольших картин Кандинского. Что же касается его философии истории, то наиболее известная её часть, вошедшая в оборот даже у американских политологов («конец истории», Фукуяма!), содержит отсылки не только к Французской революции и Наполеону, но также к большевистской революции и Сталину как «Наполеону индустриальной эпохи». Впрочем, на реальность СССР он смотрел критически, а само завершающее историю «универсальное и гомогенное государство» с конца 1940-х гг. стал пессимистически описывать как царство нищееанского «последнего человека».

Словом, к кругу моих занятий в последнее время относится творчество тех русских эмигрантов, которые стали писать на чужих языках — в отличие от большинства других, продолжавших в эмиграции споры, начавшиеся в Москве и Петербурге до революции. У нас до сих пор не получил хождения целый ряд текстов Фёдора Степуна и Ивана Ильина, написанных по-немецки. До Питирима Сорокина, боюсь, руки (глаза, голова) так и не дойдут.

Меня вообще интересует эта тема: как менялись концепции в другом культурном окружении, что они собой приносили и т. д.? Мне приходилось читать покинувших Испанию после гражданской войны учеников Ортеги, немало сделавших для развития философии в странах Латинской Америки. Немецких философов, психоаналитиков, социологов, осевших в США и Великобритании (например, Норберта Элиаса, которого я переводил и издавал).

По Вашему мнению, какое значение для современной российской социологии может иметь изучение деятельности социологов, оказавшихся в годы гражданской войны в эмиграции? И здесь же вопрос иного плана. В Париже Вам несказанно повезло: Вы встретились со спутницей жизни Кожева, смогли получить доступ к его рукописям. Как Вы думаете, насколько вероятно сейчас найти в США и в Европе неизвестные работы русских социологов, философов, историков? Имеет ли смысл искать или «поезд ушёл»?

Работа историка проходит в архивах. Он имеет дело с *past perfect* (даже с *pass simple*, если перейти на французский), завершившимся, лишённым прокуроров и адвокатов из числа свидетелей происходившего. Слова из романа «рукописи не горят», конечно, неверны: утрачено многое, но искать нам никто не запрещает. Скажем, переписку Кожева с его другом Лео Штраусом опубликовали недавно, равно как и переписку с Карлом Шмиттом. Самый резкий отзыв на «Открытое общество» Карла Поппера можно найти в переписке двух других эмигрантов, которых не заподозришь в симпатиях к тоталитаризму (обширное письмо Э. Фёгелина Штраусу). Чрезвычайно интересен цюрихский архив К. Г. Юнга, в котором я поработал три недели. Например, его переписка с Брисом Вышеславцевым, каковую, кроме меня, видимо, вообще никто не читал (она не очень интересна ни поклонникам, ни противникам Юнга из числа психоаналитиков). Или его отношения с Эмилием Метнером, важной фигурой в истории русского символизма.

В общем, как пелось в не столь уж давние времена: «Кто ищет, тот всегда найдёт».

Алексей, согласно моей типологии поколений советских/российских социологов, Вы относитесь к срединному пласту четвёртой когорты, которую образуют те, кто родился в интервале между 1947 и 1958 годами. В моей коллекции из 100 интервью уже 24 беседы с представителями этой общности, в т. ч. с теми, кого, я уверен, вы знаете: М. К. Горшковым, А. В. Полетаевым, И. М. Савельевой. В начале моей работы я называл эту страту «детьми социологов первого поколения», т.к. одними из первых беседовал с Е. А. Здравомысловой и Н. В. Ядовым, — соответственно, дочерью А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова. Получается, что и на Вас распространяется это определение.

Выше вы уже дважды говорили о сложных отношениях с отцом — Михаилом Николаевичем Руткевичем. Можно ли Вас спросить, в чём была причина таких отношений? Повлияло ли это «личное» на направленность и характер Ваших научных интересов?

Я уже отчасти ответил на этот вопрос: нас разделяла политика, идеология, та же философия. С августа 1968 года, т.е. будучи ещё школьником, я утратил детскую веру в то, что социализм может быть «с человеческим лицом». Когда стал что-то понимать в философии, распрощался с казённым диалектическим материализмом, а потом и с марксизмом вообще. А отец был человеком убеждённым, цельным, преданным и строю, и идеологии. Подозреваю, что с фронта он вынес чёрно-белое восприятие мира, который делится на друзей и врагов. Знай он Карла Шмитта, то удивился бы совпадению с ним (впрочем, он хорошо знал труды Ленина, у которого были схожие взгляды). Учитывая бойцовский характер и непрестанное желание вести военную кампанию, можно сказать, что он сам себе создавал врагов. А затем клеймил их. А тут враг обнаружился в собственной семье. Обоим было трудно.

Это повлияло на то, что социологию я оставил — социологом я себя не считаю. Грамотному историку нужно знать социологические теории, обладать, так сказать, социологическим видением, родственным с клиническим взглядом врача. У отца было чему поучиться, его работы по социальной структуре, по социологии образования я читал, он привил мне умение работать со статистикой — тут он был виртуозом. Его дважды вызывали в комитет цензуры с вопросом: где и у кого он добыл совершенно засекреченные данные? А он их вычислял по открытым цензурой сведениям. Но эта работа меня никогда не вдохновляла и не слишком интересовала.

Историку интересны люди прошлого, жившие своей жизнью и во многом от нас отличавшиеся. Как написал некогда Леопольд фон Ранке, предметом истории являются не некие уроки прошлого для настоящего, а то, «как это действительно было» (*wie es eigentlich gewesen*). Так как индивиды всегда были общественными существами, то историк неизбежно обращается к социальной теории: понимать нужно группы, общности, общества. Но такая теория для него лишь средство, дополняемое чётким пониманием историчности самих концепций, выдвигаемых по поводу других обществ. Строго говоря, историку приходится на свой лад создавать собственную социологию применительно к обществу давнего прошлого. Ни сегодняшняя *economics*, ни марксизм во всех его ипостасях,

ни Дюркгейм или Парсонс не годятся для анализа древнеегипетского общества, в котором треть экономики работала на правильное захоронение (не только фараона, но и каждого египтянина).

А социологи, по большей части, истории не знают. Примером для меня может служить представитель символического интеракционизма Рэндалл Коллинз, который написал гигантский, в тысячу страниц, том об истории философской мысли, не понимая ничего ни в философии, ни в устройстве тех обществ, где эта философская мысль появлялась и существовала.

Словом, я ценю полёт мысли классиков социологии, идёт ли речь о «Капитале» Маркса, «Философии денег» Зиммеля, «символическом капитале» Бурдьё, но «капиталом» для меня лично как историка является, скорее, «Идея истории» Р. Дж. Коллингвуда, в которой социологизм подвергается суровой критике. Суждение «социальное понимать через социальное» никогда не было для меня догмой уже потому, что «социальное» по-разному понимается и толкуется самими социологами. Ничуть не лучше, чем «культурное понимать через культурное», «человеческое — через человеческое». Любой научный анализ предполагает редукцию как методологическое средство: и экономический, и социологический редукционизм оправданны, только не следует путать свои абстракции («идеальные типы», говоря веберовским языком) с многообразием изучаемого мира.

Если задать самому себе вопрос, кто из социологов оказал на меня воздействие, то, помимо марксистской школы, пройденной в студенчестве, я бы выделил Макса Вебера. Пожалуй, в какой-то степени я являюсь его наследником. Намерение написать небольшую книжку о социологии Норберта Элиаса не осуществилось, поскольку всё самое важное я сказал в большом предисловии к переведённому мною труду Элиаса «О процессе цивилизации». Но его теория «фигураций» меня не вдохновляла; интересен он мне тем, что пытался социологически осмыслить европейскую историю последних веков.

В последние годы я социологов практически не читаю. Если считать социологами (а не экономистами) Вернера Зомбарта и Карла Поланьи, смотреть на Макса Шелера прежде всего как на социолога знания, а не философа, то можно сказать, что я обращался к социальной теории, но лишь к историческим трудам. Разумеется, когда я пишу о «консервативной революции» в Веймарской республике или о месте философии в истории высшего образования, то неизбежно обращаю внимание на социальные конфликты, институты, на «эффект колеи» (как именуют давление традиции представители институциональной экономики), на статус тех или иных групп и т. п. Но так делают, на мой взгляд, все грамотные историки, что не делает их социологами.

Возможно, поскольку я начинал в математике и шёл через биометрику, психологию, методы социологии и анализ общественного мнения к истории социологии, я не склонен абсолютизировать границы между науками, тем более, что их классификаций масса. Вот А. В. Полетаев начинал как экономист, но в последние годы жизни считал себя социологом...

Я тоже не склонен проводить резкие дисциплинарные границы: мир не делится по факультетам. Тем не менее, существует не только разделение труда, но ещё и более или менее чёткое понимание, чем именно мы занимаемся, когда этот мир исследуем, какие методы применяем. Андрей Полетаев, с которым

мы были близкими друзьями, чаще говорил о себе как об историке, хотя у меня на факультете читал одно время, по моей просьбе, социологию знания. И он сам, и Ирина Савельева были поклонниками книги П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» и авторами работ, которые можно назвать социологическими в собственном смысле слова, а у меня таких работ нет. Есть предисловия к трудам социологов, но к ним я подходил именно как историк мысли.

В хронологии Вашей жизни мы застряли в начале восьмидесятых. Вскоре пришла перестройка. Как Вам представляется сегодня, новые политические, идеологические реалии открыли Вам новые возможности для работы? Сделали ли они более свободным выбор исследовательских тем, освободили от самоцензуры, расширили ли методологические горизонты?

Естественно, как и многие другие учёные, я получил свободу писать без оглядки на партийные органы, говорить то, что думаю, просто-напросто посещать другие страны. В 1986 году я отправился на стажировку во Францию, причём я точно знаю, что до этого на мои поездки за границу был наложен запрет. Об этом мне сказал другой стажёр, которого поэксплуатировали чиновники Министерства образования: он видел мое дело, на котором красовалось: «не пущать». За пару лет до этого меня даже на Кубу не пустили (приглашали из тамошнего Института философии). Диссидентом я не был, но в разных компаниях говорил то, что думал, а уши бывают даже у стен. Видимо, с перестройкой была дана команда с ряда людей запрет снять. Восемь месяцев я пробыл в Париже (Сорбонна — 1), прочитал немало книг и статей, познакомился с рядом коллег, посмотрел Францию.

Относительно методологических горизонтов ничего сказать не могу, поскольку, как и многие эмпирики, остаюсь скептиком и эклектиком. Когда этого требует предмет исследования, я могу прибегать к феноменологии, герменевтике, структурному анализу, даже марксистская выучка иной раз может пригодиться. Разработкой какой-то собственной философской доктрины я почти не занимался. Могу приблизительно назвать себя «критическим реалистом» — этого мне достаточно для работы. Конечно, историк философии должен сам быть философом, иначе он просто не поймёт тех, кого он исследует. Собственно философских работ я написал немного (по философии истории, философии образования). Если сказать предельно кратко, я считаю себя наследником континентальной европейской философии (к каковой относится и русская). Сегодняшнюю аналитическую философию знаю поверхностно, да и отношу немалую часть её к стрельбе из пушек по воробьям. Попытки превратить философию в разновидность science, аргументы по поводу разработки аргументов — иногда это любопытно (скажем, я высоко ценю Дж. Сёрля), но чаще просто не интересно. Правда, при всех недостатках такой академической философии, она всё же сохранила многое от великой традиции, тогда как весь так называемый постмодерн я отношу к софистике, причём не самого лучшего толка.

Знакомился я с этой постструктуралистской философией именно в 1986 году, находясь во Франции. Тогда это меня вдохновляло. Вернувшись, даже прочитал (наверное, первым в России) спецкурс по философии Мишеля Фуко. Слушал лекции Деррида, Бурдьё, познакомился и полчаса проговорил с Делёзом, читал Лиотара...

Но возникшая в России мода на постмодерн меня не столько разочаровала, сколько рассмешила. Отбросить Маркса, чтобы сотворить себе кумира из Фуко или Деррида? Всерьёз считать вершиной мысли тексты расстриги от аналитической философии вроде Рорти? Дочитать до конца книгу Анкерсмита, когда видишь натяжки и софизмы с первой страницы? Слушать болтовню их подражателей, читать нелепицы какой-нибудь дамы, разрабатывающей «феминистскую теологию» или «гендерную компаративистику»? Как вообще записать в философию книги ничтожных новых философов вроде Глюксмана и Бернара-Анри Леви? В общем, я ещё тогда решил, что как-нибудь обойдусь без знакомства с многословием этой публики. Имею право быть неполиткорректным консерваторм, который называет вздором то, что таковым считает. Примерно с этого времени я стал держаться совета Огюста Конта: иные книги не стоит читать из соображений ментальной гигиены.

Конечно, создатели «постмодерна» были людьми незаурядными. Не думаю, что есть нужда писать здесь о каждом из них, а общая негативная характеристика не означает того, что я ничего ценного не находил у них тогда и не обнаружу сейчас, если перечитаю. Но мне гораздо симпатичнее тексты Поля Рикёра, своеобразная философия природы Марселя Конша, с которым я познакомился в ту поездку, равно как и некий «неоэпикуреизм» его ученика Андре Конт-Спонвиля.

Вскоре после возвращения из Франции, в начале 1988 года я перешёл в Институт философии в сектор, который тогда ещё носил типичное советское название — «критики современной буржуазной философии». Свободного времени стало куда больше, стал переводить и издавать «классику»: Камю, Фрейда, Юнга и т.д. А ещё через пару лет отправился в Германию.

В 1992 году Вы защитили докторскую диссертацию по теме «Глубинная герменевтика». В какой мере это было продолжением Ваших штудий в области психоанализа и в какой — уходом от психоанализа? Пожалуйста, поясните значение термина «глубинная герменевтика».

В Германии я был Fellow Фонда им. Александра фон Гумбольдта; приглашающей стороной выступил профессор Альфред Лоренцер, социальный психолог, психоаналитик. Ему принадлежит термин «глубинная герменевтика», хотя параллельно той же проблематикой занимались Юрген Хабермас и Карл-Отто Апель. Речь идёт о развитии в других обстоятельствах той программы соединения психоанализа с феноменологией и герменевтикой, которой я занимался ранее. Франкфуртская школа изначально была синтезом марксизма и психоанализа (Фромм, Маркузе, да и Адорно); у представителей «среднего поколения» Франкфуртской школы в этот синтез стала входить ещё и герменевтика. У Хабермаса это был короткий этап («Познание и интерес»), Апель этой программе остался верен на всю жизнь. Лоренцер философом не был, но его вес в немецкой психоаналитической ассоциации был большим, толковых книг он написал немало.

К сожалению, к моменту моего приезда Лоренцер уже был неизлечимо болен (Альцгеймер), а его ученики, с которыми мне довелось общаться, были людьми мелкими, типичными «левыми интеллектуалами», повторяющими, как мантры, слова Адорно или Маркузе. Социологический факультет, на котором я оказался, был забит такими преподавателями, а о качестве студентов и говорить не приходится. Издержки немецкой системы высшего образования, плодящей «вечных студентов». Средний срок обучения в немецких высших школах был тогда 21 семестр, а если вычесть инженерные институты, то средний студент учился в университете лет 13–14. Понятно, что на социологии оказывались не лучшие. И если философам всё же требуется за первые два года освоить малый Graeco-Latinum, то социологи годами осваивали курсы вроде Lesben und Frauen-Seminar, на котором они уясняли, что лесбиянки являются передовым отрядом борьбы феминисток за женское счастье. Единственным профессором, с которым у меня наладились дружеские отношения, был Хансфрид Кельнер (брат супруги Питера Бергера и его соавтор), философ по исходному образованию, ученик Хельмута Плесснера и знаток Макса Вебера. Он был на этом факультете белой вороной, я тоже...

Выше я уже говорил о том, что в Германии я сделался откровенным консерваторм. Видимо, сказался и опыт общения с «левыми интеллектуалами», малая часть которых ударилась в терроризм, а большая часть как раз в это время начала успешное вхождение в ранее ненавидимую «систему». Впереди всех шёл Йошка Фишер, но движение было общим. Как-то я прогуливался по улице Франкфурта, беседуя с дамой, занятой изданием трудов Маркузе. Она поздоровалась с вышедшим из банка индивидом, а потом сказала: «Вместе с ним мы бросали «коктейли Молотова» в витрину именно этого банка. Сегодня он является его вице-директором». Я в это время как раз читал тексты Арнольда Гелена и Хельмута Шельски, которые можно отнести к «социологии левых интеллектуалов»; их суждения были одинаково пригодны не только для немецких «бунтарей», но и для отечественных «прорабов перестройки».

Будучи предоставлен самому себе, я имел возможность в хорошей библиотеке читать немецких мыслителей XX века. С этого времени начинается мой интерес к «консервативной революции». Тогда я проработал труды представителей немецкой философской антропологии — Шелера, Плесснера, Гелена; открыл для себя и прочитал основные сочинения того же Элиаса. Естественно, я «раскопал» всё доступное по теме будущей диссертации, начитался Фрейда и его последователей, съездил в Швейцарию и поработал в архиве Юнга. Из благодарности к пригласившему меня Лоренцеру перевёл на русский его книгу об истории психоанализа.

Диссертацию я защитил вскоре после возвращения в Москву. Я намеревался начать с монографии, а уж затем писать «кирпич» диссертации. Однако меня вызвало в кабинет начальство и задало вопрос: готов ли я возглавить сектор, который утратил боевое коммунистическое название и стал сектором «современной западной философии». Мне этого не хотелось. Тогда было сказано: «В таком случае этот сектор прекратит своё существование и будет слит с другим». В секторе работали весьма уважаемые мною коллеги, занимавшиеся в коммунистические годы немецкой, французской, американской философией. Ни с кем «сливаться» они не желали. Я указал на то, что мне нужно быстро защитить

докторскую, на что получил ответ: «Защищайтесь по докладу, публикаций у вас достаточно, монография есть». Такая возможность, действительно тогда появилась, а я о ней не знал. За пару недель написал три авторских листа — наброски книги ведь имелись — и в январе 1993-го. защитил диссертацию. Писать на эту тему книгу уже не стал, основное содержание в кратком виде изложил в послесловии к книге Лоренцера «Археология психоанализа».

Отход же от психоанализа происходил постепенно. Нарботанный материал пошёл в предисловия к переводам, в быстро написанный том об истории психоанализа. Денег было мало, а тут я получил заказ от издательства на книгу о психоанализе на XX авторских листов с неплохим гонораром. Не будь такого внешнего побудителя, писать бы её не стал. Несмотря на то, что я в это время занимался ещё и разводом, разъездом и прочими не самыми весёлыми вещами, написал её быстро. В целом я этой книгой доволен: в ней есть и вполне уважительное отношение к Фрейду и его наследникам, и дистанция, и довольно язвительная критика.

Выше я отметил, что четвёртое поколение российских социологов можно назвать «детьми социологов первого поколения». Есть у Вашей профессионально-возрастной когорты ещё одно метафорическое название — «их спасла перестройка». Имеется в виду, что события конца 1980-х годов открыли перед молодыми тогда социологами новые перспективы для работы. Правда, начало 1990-х было крайне трудным. В какой мере «их спасла перестройка» распространяется на Вас?

Не думаю, что меня перестройка «спасла». В отличие от многих моих друзей и знакомых, я не спился, не ушёл в дворники-диссиденты, наконец, мог заниматься осмысленным делом — учить студентов Аристотелю и Канту. Границы самовыражению, самоцензура были привычны. Позднесоветский мир был для меня тошнотворным, но всё же кровавым он не был. Были ли времена Калигулы или императоров-иконоборцев лучше? Или, если брать нашу историю, времена какой-нибудь Анны Иоанновны?

Припоминаю, что я часто повторял тогда: «Бывали хуже времена, но не было подлей». Правда, я ещё не ведал о тех временах, которые наступят в 1990-е. Конец девяностых мог посоревноваться с брежневской эпохой в низости и даже победить в этом соревновании. У меня нет ностальгии ни по СССР, ни по ельцинской России; нет иллюзий и по поводу настоящего.

В книге о российской социологии 60-х годов, вышедшей под редакцией Г. С. Батыгина, есть его интервью с Вашим отцом, озаглавленное: «Многое было предпринято». Похоже, что Вы с Геннадием учились на одном или на соседних курсах философского факультета МГУ. Вы знакомы с содержанием этой беседы? Не приходилось ли Вам обсуждать с Михаилом Николаевичем уже в 2000-х его деятельность на посту директора Института социологии РАН?

Мы с Геннадием однокурсники, были друзьями (хорошо узнали друг друга в военных лагерях — жили в одной палатке). Последний раз я его видел где-то за месяц до его смерти. Он рассказывал о том, как напряжённо занимается текстами Ницше.

Я ему в каком-то смысле помог стать социологом. Он тогда носил фамилию отца (Гантман), и, несмотря на диплом с отличием, на работу его не брали. Дело не только в антисемитизме, беспартийному устроиться преподавателем в вуз было в то время чрезвычайно сложно. Я свёл его с отцом, тогда директором ИКСИ, тот взял Гену сначала на временную должность, а через год-полтора на постоянную ставку.

С отцом его деятельность мы обсуждали много раньше, в конце 1980-х, и после к этой теме не возвращались. Он был убеждён в своей правоте, полагая, что разгонял не учёных по идеологическим причинам, а бездельников, которые ничего не знали и умели на него только доносы в ЦК КПСС строчить (их действительно только за первый год его работы было более двухсот). Сожалел он лишь о конфликте с Грушиным, с которым, кстати, отношения остались неплохими, но и в данном случае говорил мне что-то о неправильном понимании Грушиным «общественного мнения». Не будучи специалистом, не берусь судить, кто прав, да и не моё это дело. Меня коробило в действиях и отца, и его оппонентов совсем другое.

Так как я изнутри знал конфликты в философском сообществе (а кое-что слышал от своего друга, сына будущего члена Политбюро), то представляю себе скрытую от большинства наблюдателей подоплёку. Шла драка в верхах. Группа лиц, в которую входил отец (кажется, Иовчук возглавлял их, но может быть кто-то и повыше — говорили о Кириленко), пыталась «свергнуть» Федосеева, а тот имел прямой выход на Суслова и пользовался поддержкой последнего. Никакой идейной разницы между этими группами не было, шла подковёрная борьба за власть, в которой сошлись и два отдела (идеологии и пропаганды) ЦК. Отца сняли, а Федосееву не удалось посадить своего кандидата, некого В. Семёнова, которому, впрочем, вскоре досталось место главного редактора журнала «Вопросы философии». Если вы не читали роман моего коллеги и друга Владимира Кантора «Крокодил», то рекомендую прочитать. Там ярко описана фигура главного редактора.

Поскольку я представлял себе подноготную этих баталий, то и спрашивать об этом отца мне не было нужды. Мастером интриги он не был, да и сам наплодил конфликтных ситуаций с людьми, не имевшими ни малейшего отношения к этой драке. Идеологическими ярлыками люди той поры награждали друг друга щедро. Поинтересуйтесь предысторией, тем, какие интересные «теоретические» дискуссии ещё до прихода моего отца на пост директора ИКСИ вели Г. Осипов и Ф. Бурлацкий.

Единственное, в чём я с ним не мог не согласиться, это в том, что в ИКСИ было невероятное количество бездельников. Впрочем, так же обстояли дела во всех гуманитарных и социальных институтах АН СССР. Я сам застал в конце восьмидесятых Институт философии, в котором трудилось четыреста научных сотрудников, из которых я с натяжкой мог бы назвать «коллегами» четвертую часть. В Институте социологии ситуация была ещё хуже. У меня там работала и работает поныне первая жена. Не уверен в том, что сей институт качественно изменился за последние четверть века. Но об этом лучше спросить кого-нибудь из социологов, например, работающего у меня на факультете Александра Филиппова. Кстати, он в последние годы жизни Геннадия общался с ним чаще меня.

После защиты Вами докторской диссертации прошло два десятилетия, срок — немалый. Как бы Вы очертили в целом предметное, или проблемное, поле, которое Вы разрабатывали? Скажу иначе, последние двадцать лет Вы рассматриваете как время изучения одной многоаспектной темы или Ваши исследовательские интересы претерпевали серьёзные изменения?

Диссертацией я, скорее, завершал работу предшествующих лет. Хотя в девятые я написал целый ряд текстов по истории психоанализа и его связей с философией, но разработкой темы уже не занимался.

Как я уже говорил выше, на какое-то время в круг моих занятий вошла социология Норберта Элиаса. Я начал знакомство с его трудами случайно. Когда я был в Германии, Элиас был ещё жив, а газета *Frankfurter Allgemeine* опубликовала отдельные главы его новой небольшой книги о Моцарте (так сказать, биография глазами социолога). Я прочитал его основную работу «О процессе цивилизации», затем «Придворное общество», затем прочие. Съездил в Голландию, где немало учеников и последователей Элиаса. Станным для меня итогом этой поездки явилось через пару лет приглашение меня в Амстердам в качестве члена комиссии, вручающей королевскую премию крупным учёным. В тот год лауреатом оказался американский историк (не помню, как его звали), взгляды которого близки Элиасу. На торжественном приёме я почти час беседовал с королевой Беатрикс и её супругом (кажется, из немецких князей Лихтенштейн) — их очень интересовало, что творится в России.

Интерес к социологии Элиаса в начале девяностых отчасти был связан и с продолжавшейся работой над психоаналитической проблематикой: его теория цивилизации восходит к дискуссиям в салоне Марианны Вебер в 1920-е гг., но явным образом связана и с психоанализом. Переведя главную работу Элиаса на русский и высказав всё существенное в большом предисловии, я этим и ограничился.

Основной темой моих трудов со второй половины 1990-х гг. стала «консервативная революция» в Веймарской республике. В самом начале 2000-х я год провёл в берлинском *Wissenschaftskolleg*, где созданы идеальные условия для работы. Книги, журналы той эпохи, вторичная литература, общение с учёными высокого уровня.

Написал немало статей о «консервативной революции», готовил книгу, но оставил её. Поначалу из-за своего рода перфекционизма: некоторые аспекты требовали более тщательной проработки — я всё же не историк той богатой (и трагичной по результатам) эпохи — нужно было продолжать чтение. А потом я перешёл в Высшую школу экономики в качестве декана факультета философии, расширившегося с открытием отделений культурологии и востоковедения, а административная работа большим проектам явно препятствует. Сейчас, после внутриуниверситетской реформы, я оказался во главе большого факультета гуманитарных наук. Опубликованные недавно статьи об «идеях 1914 года» и главы в большой коллективной монографии о Первой мировой войне являются продолжением начатой работы: «консервативная революция», как и сама Веймарская республика, была следствием этой войны.

Другой темой моих исследований стали уже упомянутые А. Койре и А. Кожев. Сотрудничество с такими друзьями, как Андрей Полетаев и Ирина Савельева, участие в их проектах, привлекло более пристальное внимание к неко-

торым сюжетам, которые ранее хотя и вызывали мой интерес, но не артикулировались в моих текстах. Скажем, несколько моих статей можно отнести к тому, что немцы называют Historik, т.е. исследованиям на стыке эпистемологии, философии истории и историографии.

Сейчас я пытаюсь дописать книгу об Александре Кожеве. Мешают возросшие административные нагрузки. После десяти лет деканства я собирался этот пост покинуть и уже договорился о том, чтобы какое-то время поработать в Германии. Однако затем в силу ряда причин согласился возглавить большой гуманитарный факультет. The show must go on...

Иными словами, темы, которыми я занимаюсь, многообразны, к одному знаменателю не сводятся. Объединяет их разве что время и место действия: Европа конца XIX — начала XX веков. Большинство трудов тех мыслителей, которыми мне доводилось заниматься, издано в 1920—30-е гг. В каком-то смысле, с них начинается наша современность — водоразделом является Первая мировая война. Революции и контрреволюции, новые идеологические доктрины, трансформация науки (квантовая механика и др.), обновление философии и теологии... Список может быть долгим. Мы являемся наследниками этого не только политического, но и культурного переворота. Эта эпоха меня интересовала на протяжении всей моей научной работы. Конечно, как историк философии, я обращался и к куда более далёкому прошлому: лекции доводилось читать не только об античной мысли, но также о веданте и конфуцианстве. Но практически всё мною написанное имеет своим предметом начальный этап нашей современности.

Да, безусловно, the show must go on... Вы не пытались встретиться с Норбертом Элиасом, или он уже был слишком преклонных лет?

Поскольку Вы работаете над книгой о Кожеве, раздумываете о Койре, писали о большом числе выдающихся философов, социологов, психоаналитиков, хотел бы затронуть тему объективности в освещении жизни подобного рода учёных (и не только). В этой теме масса аспектов: что значит в данном случае объективность? Достижима ли она? Стремимся ли мы к ней? И надо ли к ней стремиться? Я написал небольшую книгу о Джордже Гэллапе, меньшую — о Борисе Грушине, более десятка статей об американских полстерах и выдающихся копирайтерах (к примеру, о Дэвиде Огилви), о наших коллегах: Андрее Алексееве, Геннадии Батыгине, Татьяне Заславской. Когда мы пишем о близких нам творческих людях (не имеет значения, в какое время они жили и знали ли мы их лично), мы общаемся с ними. Общение — всегда персонализированное; я в большой степени ориентируюсь на принцип пристрастности. У меня по этому поводу много соображений, но ограничусь словами Пушкина: нет правды без любви. Он писал так в критической заметке о книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Что скажете?

На то время я только начинал знакомство с трудами Элиаса, да и не смог бы я тогда его повидать. Он жил в Голландии, а у меня был советский служебный загранпаспорт, каковой выдавали тогда научным стажёрам. Чтобы куда-нибудь поехать, нужно было отправляться в посольство в Бонне, там обосновывать необходимость поездки перед людьми, которые старались, скорее, помешать. В Голландию к ученикам Элиаса я поехал уже в 1996 году, после смерти их учителя.

Вопрос об объективности знания касается всех наук, но для историков он имеет особое значение, поскольку историк имеет дело с дошедшими свидетельствами, а не с «героями», не с очевидцами происходившего. Конечно, Фукидид описывал войну, в которой сам участвовал; существует «история настоящего», собирающая свидетельства о недавнем прошлом. Тем не менее, работа историка в основном связана с ушедшим, с тем, что было и навсегда ушло. Стремление видеть в людях прошлых эпох соучастников наших проектов ведёт к наихудшим искажениям мыслей и дел людей иных времён. В случае истории философии такие переделки прошлого чаще всего связаны с идеологическими запросами. Демокрит или Джордано Бруно делаются «борцами за светлое будущее», учения Фомы Аквинского или Маркса объявляются «вечными истинами» и т. д.

Наша субъективность присутствует в любом знании, мы не свободны от ценностей и горизонта знаний нашей эпохи. Понимание философской и научной мысли Парацельса или Паскаля означает погружение в их эпоху, уяснение предпосылок научного знания той поры (весьма отличных от наших), сопоставление с предшественниками и современниками и т. п. Для начала требуется «взять в скобки» всю современную мифологию по поводу прошлого, многообразные предрассудки нашего времени. Студентам мне приходилось указывать на то, что мы судим об античном искусстве по дошедшим до нас беломраморным статуям, а они были довольно вульгарно раскрашенными; любимым развлечением (причём, не только черни) в средние века и в Новое время были казни преступников, «костры ведьм» и т. п. Романтические теории эмпатии («вчувствований») хороши для романов Вальтера Скотта или нынешней «альтернативной истории», но никак не для историков. Объективность в историческом знании, в принципе, не отличается от объективности в любой научной теории. Выдвигается гипотеза, которая лучше прежних объясняет социальную структуру аккадского города, ментальность жителей деревни в средневековом Провансе и т. п.; эта гипотеза обосновывается фактами — документами, археологическими данными, фольклором.

Для историка философии или физики ситуация упрощается за счёт того, что мы имеем дело с узкой областью теоретического мышления — нам нужно понимать не людей прошлого во всём богатстве их переживаний и деяний, но в первую очередь дошедшие до нас тексты. Понять «Сумму против язычников» в чём-то сложнее, а в чём-то проще, нежели психологию подростков, отправляющихся в крестовый поход («Крестовый поход детей»).

Вы имеете дело с недавним прошлым, а потому можете быть пристрастным. Недавнее прошлое ещё живо, мы сами являемся его свидетелями. Пока не умер последний участник Второй мировой войны, она ещё не стала историческим прошлым в полном смысле слова, поскольку он может сказать: «Нет, это было не так». Мне понравилась типология Э. Хобсбаума, который заметил, что между историческим прошлым и современностью находится «серая зона»: участников Февральской революции 1917 года или Великого похода китайских коммунистов в 1930-е гг. уже нет в живых, но есть те, кто с ними общался, для кого это прошлое сохранило личную значимость. Наша идентичность сформирована тем, что совершали и что думали наши предки в сравнительно недавнем прошлом. Есть события, создавшие нынешние нации в их современном виде, а потому они тоже никак не уходят в прошлое. О революции 1789 года французы спорят донныне,

тогда как гражданская война католиков и протестантов 16 столетия целиком отошла в прошлое. В США вы доныне можете услышать: “to arms in the Dixie” или “I’m Johnny Rebel” — в южных штатах память до сих пор препятствует превращению довольно давнего события в историческое.

Иначе говоря, историк работает с тем прошлым, которое в основном уже оторвалось от личной и коллективной памяти. Мне как специалисту по первой трети нашего столетия понятно, что предметы моего исследования находятся на стыке исторического прошлого и «серой зоны». Изучая тексты Хайдеггера и Лукача, мы обязаны учитывать то, что первый был членом НСДАП, а второй, будучи комиссаром в 1919 году, подписывал смертные приговоры «контрреволюционерам». Но если я сужу об онтологии Хайдеггера и Лукача, то мои политические пристрастия не должны мешать мне в интерпретации текстов. Так что, меня, скорее, можно зачислить в сторонники беспристрастности, изучения прошлого *sine ira et studio*. Что не мешает мне быть весьма пристрастным, когда речь идёт о сегодняшней политике, литературе, религии. Скажем так, я скверно отношусь к сегодняшним анархистам, но высоко ценю некоторые труды Годвина и Бакунина, видя в них оригинальных мыслителей другой эпохи.

Вопрос о любви в случае истории философии кажется мне не вполне корректным. Среди мыслителей прошлого были и нравственные, и безнравственные люди, бывали среди гениев и совсем мне несимпатичные лица. Тот же Зигмунд Фрейд мне никогда не был симпатичен, равно как немецкий националист Вернер Зомбарт. Это не мешало мне изучать их труды. Одним из почитаемых мною немецких философов является Арнольд Гелен, который был убеждённым нацистом, да и по своим человеческим качествам никак мне не нравится. Альбер Камю вызывает у меня добрые чувства, а Жан-Поль Сартр как человек ничего, кроме презрительной усмешки. Но я не могу не признать того, что философия Сартра куда лучше разработана, а «Бытие и ничто» является важным произведением. Вряд ли мне хотелось бы иметь соседа или коллегу с ментальностью Шопенгауэра (Фихте, Кьеркегора, Ницше, Маркса...), но это не отменяет их роли в истории мысли. Не уверен, что в отношении философов давнего прошлого, о которых до нас дошло немного сведений, критерий «любви» вообще может применяться. Как мне «любить» главу стоиков Хрисиппа или создателя неоплатонизма Плотина, если о них самих дошли в лучшем случае анекдоты Диогена Лаэртского или жизнеописания, составленные их учениками? Если же «любовью» именовать близость моим собственным убеждениям, то и здесь слова «нет правды без любви» не вполне точны. Николай Кузанский и Карл Ясперс мне куда ближе, чем Александр Кожев, но это мне ничуть не мешает в изучении трудов последнего.

Можно было бы сказать и так: у историка философии должна присутствовать любовь как к мудрости, так и к философии прошлых эпох. Без этого нет смысла этим делом заниматься. Историка радует не единообразие, а многообразие людей и идей. Он видит споры, творчество незаурядных индивидов, странствует вместе с ними по эпохам. Это многообразие стоит любви. «В доме Отца Моего обителей много». В этом смысле, пожалуй, «нет правды без любви».

Вы написали, что я имею дело с «недавним прошлым», а потому могу быть пристрастным. Спасибо, Алексей, в моей ситуации это неплохой спасательный круг. Мне кажется, я имею дело даже с —————авним прошлым, а с супернастоящим,

это — своего рода минное поле; под ногами уже взрывалось, но (пока) не убило. Хотя советской / российской социологии немногим более полувека, я заметил, что во многих случаях, мне приходится иметь дело с мифами. Четыре десятилетия назад историк и философ физики Б.Г. Кузнецов заметил: «История науки и философии присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое». Я постоянно думаю о том, как описывать прошлое, не создавая новых мифов... Вас посещают подобные размышления?

Да, занимаясь недавним прошлым, мы рискуем попасть на «минное поле»; имеются темы, которые замалчиваются, поскольку можно задеть то, что Веблен именовал *vested interests*, идеологические мифы, чувствительность коллег по ремеслу. Так как я немало занимался немецкой и французской интеллектуальной историей, то хорошо представляю себе круг запретов и умолчаний в этих странах. Разумеется, в России эта область тоже обширна, просто у нас ещё не выработалась собственная «политкорректность».

Приведённое суждение Б. Г. Кузнецова кажется мне преувеличением, опирающимся на отождествление нашего нарратива и реальности. В известном смысле галактики и нейтрино даны нам ровно настолько, насколько они нам известны. Звёзды и незримые частицы существуют в учебниках по астрономии и физике. Как говорил кто-то из неокантианцев, наглядны не звёзды, а мерцающие точки, тогда как о природе созвездий мы знаем из утверждений в статьях и монографиях.

То же самое можно сказать и о прошлом, включая и прошлое науки. Творя новую интерпретацию, мы создаем ту историю, которая может войти в учебники и сделаться само собой разумеющейся для миллионов. Только через какое-то время её сменит другая трактовка прошлого, но отменить его мы можем ничуть не больше, чем звёзды или нейтрино. Я припоминаю разговор с одним американским философом, очень хорошо образованным и умным. Он увлечённо убеждал меня в верности той разновидности релятивистской софистики, которую в то время проповедовали Рорти со товарищи. Я позволил себе задать ему всего два вопроса: следует ли из всего им сказанного, что есть полное право утверждать на манер «ревизионистов», что в Освенциме и в Дахау никого не уничтожали? Решится ли он публично признать, что теория, согласно которой рабовладение было благотворным для американских негров, не менее допустима, чем ей противоположная? Надо было видеть лицо этого политкорректного джентльмена.

Мне хорошо знакомы аргументы тех, кто видит в историке создателя будущего, «пророка, оглядывающегося назад», а в истолковании — экзистенциальный выбор («проект», как говорят не только сегодняшние менеджеры от науки, но и Хайдеггер). Всё это любопытно, далеко не ново (Протагор жил давно) и уничтожает само научное знание. Тем историкам, которые начинают утверждать нечто подобное, я предложил бы практическое следствие: зачем налогоплательщику оплачивать университетских сочинителей, которые пишут фэнтези на исторические темы, только делают это куда хуже писателей, да ещё и за счет государственного бюджета?

Кажется, я уже писал выше, что склонен к скептицизму. Но его не следует смешивать с релятивизмом, в особенности с «наглым релятивизмом», как назвал Гуссерль позицию *anything goes*.

Конечно, имеется необозримое количество исторических мифов. Любой грамотный историк знает, что на Чудском озере происходило не «Ледовое побоище», а незначительная стычка, каковых между новгородцами и ливонскими рыцарями было много (у псковичей ещё больше). Кажется, погибло там 7 рыцарей и 30 пехотинцев с ливонской стороны. Но в учебниках писали и будут писать иначе: есть традиция, признанный святым князь, известный фильм и т.д. Таких мифов полно и в других странах. Никто не станет разубеждать в американской школе учащихся, которые должны верить, что гражданская война началась из-за рабства негров, тогда как в действительности у неё были совсем иные причины.

В истории философии и в истории науки подобной мифологии меньше, поскольку наши труды малопригодны для идеологического использования. Советская всепроникающая политизация истории, конечно, основательно задевала историю мысли, но всё же идеологическая подмена была исключением. Сегодня мы сталкиваемся разве что с тем, что «сытые» гранты получают малограмотные лица, готовые обслуживать и прислуживать. Но если отказаться от писания на такие «заманчивые» темы, как «микрофизика власти Витгенштейна» или «гендерная история средневековой философии» (не шутка, обе темы получали западные гранты в России лет 15 назад), то потеряешь только деньги. Всех денег не заработаешь, да и проституция не столь уж привлекательное ремесло.

При этом я вовсе не отрицаю роли идеологии в жизни государств и наций. В секуляризованном обществе они служат мобилизации людей, организации избирателей, обратной связи между элитой и массами. Мне самому доводилось писать идеологические тексты. Нужно только не смешивать друг с другом разные сферы деятельности. При всей моей приверженности консерватизму, об истории консервативных учений я пишу не менее критично, чем об истории либеральных или социалистических. Есть кабинет учёного, есть университетская кафедра — их не стоит путать с выступлениями на митингах или с писанием партийной программы.

В истории науки, конечно, есть место мифам, служащим популяризации научного знания, распространению этой (а не иной) доктрины. Я сам столкнулся с подобной мифологизацией фигуры Фрейда в истории психоанализа и довольно подробно об этом писал. В истории философии подобных мифов тоже немало. Достаточно вспомнить о таких фигурах, как Сигер Брабантский, Джорджано Бруно, Спиноза — с XIX века тянется ряд нелепейших модернизаций их учений.

Не так уж сложно «брать в скобки» расхожие мнения, «шум и ярость» передовиц и телевизионных шоу. Значительно сложнее постоянно держать критическую дистанцию, проверять и перепроверять свидетельства, истолковывать тёмные тексты, а самое главное — учитывать несхожесть людей прошлого с нами, наличие у них иного «жизненного мира». Для меня это просто повседневная работа, которая требует определённой аскезы — не в смысле телесного воздержания, но дисциплины ума.

Вы изучаете жизнь и творчество Александра Койре и Александра Кожева — французских философов русского происхождения. В какой мере эти исследования относятся к истории русской философской мысли?

В незначительной мере. Койре по-русски написал в эмиграции немного, но он является автором двух книг о русской философии первой половины XIX века (одну из которых я перевёл). Классиком истории науки он стал даже не во Франции, а в США, где лет десять проработал после войны. Кожев написал на родном языке куда больше, упомянутая мною рукопись 1940—41 гг. представляет собой его первую попытку целостно изложить своё учение. Кроме того, в случае Кожева куда больше скрытых перекличек с русскими последователями Гегеля и Ницше.

Важно не происхождение само по себе, но сложносоставное единство (язык, культура, проблематика и т. п.). Был ли Питирим Сорокин русским или американским социологом? Американцы или немцы Лео Штраус и Герберт Маркузе? Вряд ли кто-то вспомнит, что Сорокин был не русским, а коми, тогда как Штраус и Маркузе были евреями. Как мне кажется, основным (хотя и не единственным) показателем является язык, на котором пишет (и тем самым мыслит) учёный, адресуясь к определённому читателю. Хотя в естественных, да и в социальных науках сегодня доминирует английский (как в прошлом латынь), в философии ситуация иная, поскольку философское творчество сродни художественному. По крайней мере, та философия, которая мне интересна. Мы думаем на родном языке, эмиграция иногда заставляла мыслителей переходить на другие наречия. Бывают, конечно, промежуточные и сложные случаи. У Лейбница важнейшие философские труды написаны по-французски; Чаадаев в письме (кажется, Бенкендорфу) признавался, что по-русски писать сложные тексты не способен. В некоторые эпохи господствует свой язык «республики письмен» — латынь, французский, сегодня это английский. Вряд ли на него перейдут философы континентальной Европы. Да и не только Европы — испаноязычная аудитория огромна, аргентинского философа читают в Испании, испанского — в Чили.

Будь я представителем аналитической философии, то перешёл бы на английский. Хотя начиналась аналитическая философия в Вене, Берлине, Праге и даже Львове, только помнят об этом сегодня немногие. Но к этой славной деноминации с такими святыми, как Витгенштейн и Карнап, я не отношусь, а потому предпочитаю обращаться к более узкому кругу потенциальных читателей.

Изучают ли Ваши сотрудники, аспиранты, дипломники какие-либо аспекты послевоенной (постхрущёвской) советской / российской социологии?

Думаю, что у некоторых преподавателей интерес к этой тематике может присутствовать (Виталий Куренной, Александр Филиппов, Александр Малинкин), но я не уверен в том, что они заняты именно историей советской социологии. А среди аспирантов и магистров этим никто не занимается. Пришло новое поколение, для которого это уже древность. Как говорилось в каком-то романе: *The past is a foreign country: they do things differently there*. Социологию сегодня учат с тем, чтобы проводить маркетинговые исследования. А тем, кто занимается историей русской мысли, Владимир Соловьёв, Константин Леонтьев или Николай Бердяев интересны как философы, тогда как история социологии второй половины XX века вообще бедна с точки зрения историка философии. Отцы-основоположники обращались к философии, тот же Питирим Сорокин не исключение. Социология как нормальная наука в философской рефлексии

чаще всего не нуждается. Поэтому есть смысл задать этот вопрос социологам. Насколько я помню, вместе с Батыгиным какие-то тексты писала по этой теме Инна Девятко, ныне профессор на факультете социальных наук НИУ ВШЭ.

Замечено, что в физике, биологии, технических науках в ответ на вызовы времени формируются первые поколения учёных, которые затем сменяют друг друга. Другими словами, науку развивают поколения, а прорывы делаются единицами. Так было в ядерной физике, компьютерных технологиях, генетике, освоении космоса... Замечаете ли Вы нечто аналогичное в философских науках?

В случае философии роль гениальных одиночек, пожалуй, ещё больше, чем в современных науках; древность не беру, поскольку тогда философия с наукой зачастую совпадала. Демократии (one man, one vote) нет и в науках, но в них всё большее значение приобретает специализация, они делаются фабриками знаний, зависимыми от немалых финансовых вложений. Такие инвестиции в случае философии лишены смысла.

Имеется специализация и в философских дисциплинах: логика отличается от этики или эстетики. Но в основе «прорывов», о которых вы говорите, всегда можно обнаружить некую интуицию, целостное схватывание «духа времени». Ведь философия соотносится не только с научным знанием, но также с миром религии, искусства, политики. Да и передаются навыки философствования иначе, чем умение вести наблюдения или проводить эксперименты. На фоне сегодняшнего «фабричного производства» в науках, философы выглядят «ремесленниками». Философия остаётся делом немногих, да и не слишком многих привлекает. Как говорил восточный мудрец: «Трудно найти хорошего учителя; хорошего ученика найти ещё труднее». Так было, так, наверное, и будет.

Что же до вашего вопроса о поколениях, то здесь ситуация чрезвычайно любопытна, а отчасти и загадочна. Талантливых людей рождается в разные времена примерно один и тот же процент, но бывают долгие периоды упадка философии (да и всей культуры), после которых вдруг приходит поколение, блещущее талантами. Они словно подталкивают друг друга, возникает некий синергетический эффект. Об этом довольно любопытные размышления можно обнаружить у Ортеги («доктрина поколений»): в Испании словосочетание «поколение 98 года» имеет примерно такое же значение, как «Серебряный век» в России. Независимо от верности (или неверности) теорий Ортеги, подобные «прорывные» поколения в истории философии известны. Если использовать выражение из истории немецкой литературы — это периоды «бури и натиска».

Последний такой период в европейской философии пришёлся как раз на первые десятилетия XX века. Все основные идеи сегодняшней философии были выдвинуты в этот период. Сейчас мы переживаем период эклектики и софистики. Это не обязательно плохо — во времена эклектики в Александрии Птолемея возникают специализированные науки, да и сама философия получает значительно более широкое хождение, чем в прежних небольших городах-полисах. В таком виде она приходит в Рим (Цицерон был именно эклектиком). Только вот оригинальности досократиков или Платона с Аристотелем в такой философии не найти. Но через ряд веков возникает великий синтез Плотина, оплодотворивший не только языческую, но и христианскую мысль. А время было не самое благоприятное: «солдатские императоры», начавшееся отступление империи,

упадок прежних добродетелей и т.п. Великие для философии эпохи редко бывают счастливыми временами для самих философов. Настоящая философия появляется в России во времена Николая I, но именно при нём министр просвещения, заявил, воспрещая преподавание философии в университете: «Польза от философии не доказана, а вред возможен».

Мы сколько угодно можем строить догадки относительно творчества философов как ответа на вызовы времени, но вряд ли можем с уверенностью сказать, почему в иные эпохи незаурядные умы обращаются именно к философской рефлексии, а не к математике, живописи, монастырскому уединению или политической карьере.

Вы себя больше видите в качестве аналитика, исследователя или преподавателя?

Мне доводилось писать аналитические тексты, включая и тексты «для служебного пользования»; в этом качестве мне предлагали работать в Администрации Президента. Я прекрасно понимал, какие это открывает карьерные перспективы, но уже в начале правления первого президента России испытывал к нему и его окружению не самые тёплые чувства, а потому отказался. Так что аналитиком я бывал по случаю, а вот исследовательская деятельность меня привлекает больше всего. Если построить некую иерархию сфер моей деятельности по тому, что мне нравится, то на вершине окажется именно исследование («удовлетворение своего любопытства за государственный счёт», как говорилось в давние годы). Затем идёт преподавание, а за ним следует переводческая и издательская деятельность.

В самом низу находится административная работа. Изображать из себя начальника мне никогда не нравилось, но управлять командой единомышленников я умею. Куда хуже даётся писание бесконечных бумаг, трата времени на заседаниях и т.п. прелести бюрократии. Умом я понимаю, что в современном мире без этой работы не обойтись, но предпочёл бы, чтобы её делал кто-нибудь помимо меня. Но в последние годы мне приходится заниматься по большей части именно администрированием. Научную работу я, конечно, не бросил, лекции продолжаю читать, а вот перевожу очень мало. Последнюю книгу я перевёл только потому, что несколько месяцев страдал от бессонницы: если уж не спится, то почему бы не перевести Рудольфа Бультмана? Так что на некоторых заседаниях я мечтаю о времени, когда начну готовить спецкурс о французских писателях и философах XVII века (Ларошфуко, Паскаль, Лабрюйер), а потом возвращаюсь в реальность, поскольку речь заходит о ставках, регламентах, финансах, и это затрагивает мой факультет. Жизнь согласно «принципу реальности», а не «принципу удовольствия»...

Интервью с Ириной Максимовной САВЕЛЬЕВОЙ

«В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ АНДРЕЙ В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЕ ОЩУЩАЛ СЕБЯ СОЦИОЛОГОМ»

Полетаев А. В. (1952-2010), — экономист и историк, специалист по социологии знания. Доктор экономических наук (1989), НИУ Высшая школа экономики, ИМЭМО РАН. Основные области исследования: социология знания, история идей, экономическая история Нового и новейшего времени, теория исторической науки. Интервью с И.М. Савельевой состоялось в ноябре-декабре 2014 г.

Савельева И. М. — — окончила исторический факультет МГУ (1970 г.), доктор исторических наук (1991), Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева НИУ Высшая школа экономики. Директор института, ординарный профессор факультета истории. Варшавский университет. Гостевой профессор. Основные области исследования: история наук о человеке, теория исторической науки, историография стран Европы и США, социология знания, история идей. Интервью состоялось: ноябрь-декабрь 2014 г.

К этой беседе я двигался последние полтора десятилетия, если не дольше. Поначалу мое движение было стихийным и происходило в очень широком пространстве, но постепенно оно становилось осознанным, и пространство поисков сужалось. Кратко поясню сказанное.

В начале 2000 г. я задумал написать для одной из русскоязычных газет Сан-Франциско заметку о том, что, опираясь на результаты опросов общественного мнения, можно уверенно прогнозировать итоги президентских выборов в США. Написал, опубликовал. Но в ходе работы над ней меня увлекла история возникновения современных опросных методов, а также личность и творчество Джорджа Гэллапа, внесшего наибольший вклад в технологию, методологию и культуру изучения политических установок. Меня всегда интересовала философия и история науки, так что я не чувствовал себя совсем беспомощным в этом новом деле. Вместе с тем я довольно быстро осознал, что не могу ответить на, казалось бы, простейшие вопросы: с чего начинается история изучения общественного мнения и что считать началом биографии Гэллапа? Внесу ясность, по базовому образованию я — математик и перед отъездом в Америку около четверти века участвовал в проведении опросов общественного мнения в Ленинграде и СССР. С рядом работ Гэллапа я был давно знаком, но никаких представлений о нем и его деятельности не имел.

Безусловно, я знал, что до научных опросов общественного мнения, которые возникли в середине 1930-х гг., существовали донаучные, или «соломенные». Достаточно быстро удалось узнать, что рождение «соломенных» опросов относят к 1825 г. и что Гэллап пришел к своей технологии опроса, отталкиваясь от собственного (и не только) опыта анализа эффективности рекламы. Так в сфере моего анализа внезапно появилась серия вопросов о социально-политических предпосылках возникновения «соломенных» опросов и о становлении американской эффективной (продающей) рекламы.

Скорее всего, для российских американистов и специалистов по истории демократии первый вопрос не представлял бы труда: со студенческих лет они знают о фундаментальных работах Алексиса де Токвиля и лорда Джеймса Брайса; я их не читал. Меня ввели в эту тему книги и статьи Гэллапа, многочисленные интервью с ним. Оказалось, что исследование Брайса характера первичной формы американской демократии «Городское собрание Новой Англии» и, среди прочего, его неспособность понять, каким образом в американских условиях можно использовать практику швейцарских референдумов, стали для Гэллапа отправными пунктами в его стремлении к созданию в США системы регулярных опросов общественного мнения. Исходно Гэллап называл их выборочными референдумами.

Мое обращение в Университет Айовы с просьбой прислать личное дело студента Гэллапа, анализ содержания курсов, которые он прослушал, биографий и книг его профессоров помогли мне реконструировать его путь к изобретению технологии изучения подписчиков газет, известной на рубеже 1920-х — 30-х как «метод Гэллапа». По сути это было началом создания им арсенала современных приемов изучения общественного мнения.

Как социолог я понимал, что раскрытию личности Гэллапа поможет максимально полное изучение прошлого его семьи, в частности — отыскание начала американской ветви Гэллапов.

Помог развивавшийся в те годы интернет. Согласно сайту The Gallup Family Association, Джон Галлоп, родоначальник семьи Гэллапов, прибыл из Англии в Бостон на корабле “The Mary and John” в марте 1630 г. Таким образом, клан Гэллапов относится к одному из старейших в стране.

Один из бывших президентов Гэллаповской ассоциации, существующей с 1902 г., подарил мне книгу, содержащую генеалогическое древо этой семьи. Так стало возможным достаточно детальное изучение хроники семьи Джорджа Гэллапа. Оказалось, что он был американцем в десятом поколении; не зная этого, было бы сложно понять его глубочайшую приверженность американской демократии и истоки его установки на изучение общественного мнения.

В этих поисках мне открылся совсем неожиданный факт: на корабле “The Mary and John” в Новый Свет прибыл Роджер Ладлоу — создатель «Городского собрания Новой Англии», в работе которого в своей общине активно участвовал Джон Галлоп.

Таким образом, траектория жизни человека, сыгравшего исключительную роль в становлении опросов общественного мнения, вышла из той же пространственно-временной точки, в которой произошло рождение старейшей формы американской демократии. Нет необходимости придавать этому обстоятельству слишком большое значение, однако оно оказалось сильным мотиватором моих историко-научных поисков.

В конце 2004 г., не прекращая изучение прошлого-настоящего-будущего опросных методов, я начал проводить интервью по электронной почте с российскими социологами, но поначалу никаких далеко идущих планов у меня не было. Изначально материалы интервью рассматривались мною лишь в качестве информации для специалистов, которые в отдаленном будущем задумаются о процессах становления и развития послевоенной советской социологии. Одновременно эти беседы были для меня бегством от одиночества, формой общения с теми, с кем я десятилетиями работал до отъезда. Но через несколько лет отношение к собранным биографическим данным стало меняться, воспоминания людей приобретали самооценку и подталкивали меня к их анализу.

Вся эта десятилетняя работа, связанная с проведением глубинных биографических интервью с моими коллегами, — полная самостоятельность. Мои планы никем не утверждаются, и я ни перед кем не отчитываюсь. Она существует лишь потому, что я вижу внимание к ней со стороны моих друзей, получаю от них добрые советы и неоценимую помощь в «бумажной» и «сетевой» публикации. Я никогда не задумывался о названии этого проекта, но скорее всего это — история российской социологии в воспоминаниях ее создателей. А если коротко, то «Беседы с коллегами-социологами».

По аналогии с процессом моего вхождения в «Гэллаповский проект» при ознакомлении с содержанием проведенных интервью естественно возник вопрос о генезисе современного (постоттепельного) этапа социологии. Доминирующей в то время, да и сейчас, была трактовка, согласно которой, советская социология, возникшая в конце 50-х — начале 60-х гг., является возрождением дореволюционной российской и ранней советской социологии. Но в рассказах социологов, стоявших у истоков современного этапа отечественной социологии, и в специальных историко-теоретических построениях мне не удалось найти достаточно сильных аргументов в пользу этой концепции. И осенью 2007 г. я назвал все

происходившее вторым рождением социологии в России/СССР. К тому времени уже существовало некое эмпирическое подтверждение возможности рассуждать подобным образом. В интервью с академиком Т.И. Заславской, начатом в апреле 2006 г. и опубликованном через год, я задал ей вопрос: «Мои беседы с социологами Вашего поколения показывают, что точнее говорить, что в 1960-е годы происходило не возрождение советской социологии, но ее второе рождение...». Ответ Заславской был кратким: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас».

Постепенно стремление к решению конкретных науковедческих задач заставило меня задуматься об общей методологической проблеме: что является неизвестным нам началом того или иного сложного и продолжительного процесса, где где его следует искать? Так возникло понятие меняющегося «толстого настоящего». При историческом анализе настоящее не ограничивается временными рамками, как-то: вчера, сегодня, завтра, — но задается внутренней логикой этих процессов. События, удаленные от «сегодня» (в его буквальном понимании) на сотни лет, не кажутся далекими, древними, если их следы обнаруживаются в текущей повседневности. Люди, определившие развитие этих событий, оказываются современниками не только своего окружения, но и всех последующих поколений. В этом случае настоящее как бы теряет свою «точечность», свое «абсолютное» значение в социальном пространстве-времени и, соответственно, в процессе познания. Постигание прошлого можно моделировать как логический переход от «одного» начала к «другому», как правило, более отдаленному.

Различные составляющие методологии моих историко-науковедческих и историко-биографических разработок рассмотрены в серии книг о прошлом, настоящем и будущем методов изучения общественного мнения и о становлении современной советской / российской социологии, опубликованных в России в 2006–2014 гг. Но конкретно-ориентированные исследования последних лет, в частности — завершение сотни глубинных интервью с российскими социологами семи поколений, требуют нового понимания философии и методологии исторических исследований знания.

Осуществляя этот поиск, я в конце лета 2014 г. случайно обнаружил в Интернете сразу привлекшие мое внимание работы А.В. Полетаева и И.М. Савельевой. В архиве

электронной почты сохранился мой «мэйл» Александру Никулину, с которым я в то время проводил интервью: «Вчера в ходе различных поисков нашел интересного человека — Андрея Владимировича Полетаева, похоже, Вы его знали, во всяком случае — его работы Вам знакомы, если это так, задам Вам вопрос о нем» (10 сентября 2014). А. Никулин — экономист, социолог и историк науки, работаю-

щий по программам Вышки и Шанинки, по моим представлениям, должен был знать Полетаева и Савельеву и мог помочь мне в установлении контактов с Ириной Максимовной. Так оно и оказалось. Разыскав ее почтовый адрес, я обратился к ней с просьбой рассказать об А.В. Полетаеве, себе и их работе. Мы договорились о беседе (по электронной почте), и в начале ноября наша совместная работа началась.

Меня удивляет, что я ничего не знал раньше об исследованиях Полетаева и Савельевой, но причина этого мне ясна. Их «заявочные» работы появились в середине 1990-х, а развернутые труды — в начале 2000-х. Это все «автоматически» прошло мимо меня, так как в конце апреля 1994 г. я эмигрировал в США и до конца прошлого столетия вообще находился вне науки и не поддерживал регулярных контактов с российскими социологами. Позже я смог восстановить связи с моими бывшими коллегами, но все они работали и работают в иных, нежели Полетаев и Савельева, областях социологии. К тому же в первые годы моих историко-научных и науковедческих поисков я мог опираться на известные мне еще до отъезда из России труды А.В. Ахутина, М. М. Бахтина, В.С. Библера, Д.С. Данина, Б.Г. Кузнецова, В.П. Зубова и других историков и философов науки. Добавлю, эти книги находятся в моей домашней библиотеке, тогда как новая российская научная литература в США весьма труднодоступна.

Прежде чем перейти к содержанию беседы, я хочу поблагодарить Ирину Максимовну Савельеву за согласие на интервью, на трудный в человеческом плане разговор о недавно скончавшемся Андрее Владимировиче, о том, как они работали и что удалось сделать. И я весьма ценю ту атмосферу доверия и открытости, которая сразу сложилась в нашем общении. В моем понимании, такой стиль разговора через океан ранее незнакомых людей сложился в силу трех причин: понятного стремления Савельевой рассказать о жизни и творчестве Полетаева; того факта, что мы оба оказались заинтересованными в обсуждении их движения к разработке проблем социологии (истории) знания; наконец, выяснившейся в нашей переписке (за рамками интервью) близости общенаучных и культурных интересов. Таким образом, минуя этап формальных отношений, традиционно складывающихся между мало знакомыми «интервьюером» и «респондентом», мы сразу начали беседу, характерную для понимающих друг друга коллег. В частности, это объясняет, почему наше столь пространное интервью протекало всего полтора месяца.

Данная беседа — не единичная, она часть большого проекта. Конкретнее, к ее началу мною было завершено около 90 интервью: младшим из моих собеседников на момент разговора не было 25 лет, старшие — перешагнули 80-летие. Давно сложилось дерево целей этого исследования и устоялась общая структура содержания беседы. При этом у меня никогда не было «вопросника», каждый вопрос — уникален, ибо в нем присутствует, отражена реакция на полученные от человека ответы.

Данное интервью задумывалось как рассказ И.М. Савельевой об А.В. Полетаеве, но вскоре стало ясно, что такой план обедняет и принципиально затрудняет беседу, потому она превратилась в написание «двойного портрета». Ранее в моей практике такого не было, да и в литературе по биографическому методу подобное мне не встречалось.

На раннем этапе «Бесед с коллегами-социологами» я задавал вопросы о родителях и «большой» семье моих собеседников, лишь следуя определенной социологической традиции и предполагая в будущем изучать среду ранней социализации социологов; иных намерений не было. Но в последние годы одной из стержневых тем моего историко-биографического исследования стала тема биографичности социологического творчества. Достаточно традиционны рассуждения о биографичности творчества художников, музыкантов, поэтов, писателей, но мне неизвестны обсуждения этой стороны творчества применительно к социологам. В данном интервью есть вопросы о родителях Полетаева и Савельевой, и могу предположить, что характер, направленность их творчества детерминированы деятельностью, образом жизни семей их родителей.

Два других общих для всех интервью информационных блока — во-первых, выбор профессии, начало карьеры и, во-вторых, собственно научная и преподавательская деятельность. Настоящее интервью не исключение, его большая часть охватывает именно эти две темы.

Нет лучшего способа познания новых научных концепций, истории их происхождения, чем беседа с их авторами. Это интервью представляет такую возможность как для тех, кто давно следит за работами А.В. Полетаева и И.М. Савельевой, так и для тех, кто, подобно мне, лишь знакомится со сделанным ими. А сделано ими так много и переходы от одних направлений их индивидуальных и совместных теоретических построений к другим настолько удивительны и нетривиальны, что необходимо время для освоения всего этого. У меня это — впереди, и я уверен, что сделанное ими в области социологии знания может стать заметным дополнением, обогащением моей методологии историко-научоведческих исследований. Представляется мне, что для многих российских социологов, работающих в нишах теории, методологии, истории, а также изучающих динамику социальных процессов, труды Полетаева и Савельевой могут оказаться крайне полезными.

Несколько лет назад, заметив, что американские полстеры и политологи при анализе текущих президентских кампаний и построении моделей для прогнозирования итогов выборов стали активно обращаться к многодесятилетним рядам измерения электоральных установок, я ввел понятие актуализации прошлого. Думаю, что нечто подобное через какое-то время будет происходить и в российской социологии, и здесь темпоральные построения Полетаева и Савельевой, их методология анализа природы и динамики развития знания могут стать эффективным ключом к постижению закономерностей переходов от прошлого к настоящему и от настоящего к прошлому.

Первую публикацию настоящего интервью см.: Логос. Том 25. № 1 (103) 2015. С. 226–288

Савельева И. М.: «В последние десять лет Андрей в значительной мере ощущал себя социологом»

Ирина, я понимаю Ваши человеческие чувства: конечно, писать о человеке, которого Вы любили, с которым вместе обсуждали многие научные проблемы, работали над общими текстами, крайне сложно. Но Вы понимаете, что от этих воспоминаний, ощущений Вам никуда не уйти... давайте часть Ваших размышлений и отразим в нашей беседе.

В Wiki сказано, что Андрей Владимирович родился в 1952 г. в семье профессора истории В. Е. Полетаева. Не могли бы Вы рассказать о семье Андрея Владимировича, о его ранних интеллектуальных интересах?

Андрей Владимирович Полетаев родился 27 сентября 1952 г. в Москве, на Арбате и был настоящим «дворянином арбатского двора». (Он, кстати, особенно радовался, когда появилась эта песня Окуджавы). С Арбата — и на всю жизнь — были друзья детства. Оба его деда — арбатские. Один, Евгений Черномордик, большевик, был арестован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г. Бабушку, как жену врага народа, арестовали тогда же, но в 1938 г. отпустили, и она потом жила еще долго. Другой дедушка, профессор медицины Павел Берлин, был главным врачом туберкулезной клиники в Пушкино. В его квартире на Арбате и жила вся семья. Мама, Галина Павловна, тоже была врачом, а отец, Владимир Евгеньевич Полетаев, в 1948 г. закончивший исторический факультет МГУ (наши родители учились там в одно время), доктор исторических наук, профессор, работал в Институте истории СССР, заведовал созданным им сектором историко-социологических исследований. Фактически он был одним из первых социальных историков в СССР, которых можно соотнести с западной исторической наукой того времени. Он начал использовать математические методы в изучении истории рабочего класса. Андрей говорил о себе, что он — профессор в третьем поколении. Это было важно, как и арбатские корни.

Эти дежурные вопросы о семье на самом деле совсем не праздные. Сама я очень рано поняла, что значит принадлежать к университетской семье. В семье узнаешь, как говорить, как думать, что читать, за что ценить других. В семье впитываешь стиль жизни ученого (родители всегда за письменным столом). Понятие о профессии складывается в детстве, а не в университете. Профессиональная среда, то есть среда родителей, доступна уже в студенческие годы. Она защищает — у меня была возможность в этом убедиться. Андрей учился сначала в английской школе на Кутузовском, которую закончили многие мои арбатские знакомые, но и «банановых детей» там было предостаточно. В 9-й класс Андрей по серьезному конкурсу поступил в знаменитую 2-ю математическую школу. И здесь он пережил первую сильную травму. Не раз потом он объяснял многое в своем характере и отношении к делу потрясением, испытанным в математической школе. Там было много по-настоящему одаренных математическими способностями детей, и из отличника он в один миг превратился в троечника. С тех пор познал, что такое максимизация усилий,

какова цена результата. Всегда говорил, что ничто важное в жизни не далось ему без труда, хотя яркость, артистизм, легкость, с которой ему все удавалось, ни у кого таких мыслей не вызывали.

Несмотря на непростую жизнь в математической школе, выбор специальности был предопределен знанием математики. Все, кто выросл в то время, помнят, куда поступали амбициозные молодые люди (Физтех, МИФИ, МГУ), какие были конкурсы и риски. Конечно, его математическая подготовка позволила бы ему поступить и на лингвистику (выигрывал олимпиады), но в итоге он выбрал экономкибернетику. О притягательности кибернетики в 60-е годы тоже все помнят.

Там Андрею очень повезло. Его рано заметил профессор Революд Михайлович Энтов. Энтов обладал целым рядом достоинств, но главными были знание экономической теории (economics) и педагогический талант, прямо-таки призвание к выращиванию молодежи и созданию своего круга. Чтобы попасть к нему в ученики, надо было знать высшую математику (или, по крайней мере, быть готовым ее освоить), владеть английским языком, чтобы читать западную литературу по экономике, и главное — работать «по гамбургскому счету». В Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО) Энтов руководил сектором, состоявшим из молодых людей, которые соответствовали всем этим критериям и к тому же еще умели жить со вкусом (что РМЭ тоже очень поощрял). Не только сложные семинары, доступные лишь избранным, но и капустники, вечеринки, совместные походы, были отличительной чертой сектора Энтова. Сам Энтов — человек знаточеской культуры, с весьма разнообразными и нетривиальными научными и эстетическими интересами, и ему удалось собрать вокруг себя интеллигентных и образованных молодых людей, а Андрей, по общему признанию, был центром этой компании. В гости и на всевозможные школы молодых ученых он приезжал всегда с гитарой, прекрасно танцевал, с университетских времен руководил английским театром на экономфаке и потому ставил капустники в ИМЭМО. Легкости бытия, впрочем, не было, среда была высоко конкурентной, надо было все время держать удар. Сектор Энтова (официально именовавшийся сектором анализа экономических циклов) состоял из молодых, исключительно профессиональных для того времени людей, отличавшихся очень высокой самооценкой.

Я думаю, именно в секторе Энтова Андрей получил прививку истинной академической культуры, предполагающей не только глубочайшее уважение к коллегам, но и особое умение проявлять его в самых разных обстоятельствах: внимательно читая, тщательно выправляя, вдумчиво, со всей ответственностью и чуткостью рецензируя их тексты; не забывая сослаться на их труды и выразить им признательность в собственных работах, посещая их выступления и участвуя в торжествах, связанных с событиями их жизни.

Андрея там поначалу больше всего ценили за статистические компетенции и умение строить модели. Статистиком он был отличным, занимался статистическими исследованиями до конца жизни (Всемирный банк, ЮНЕСКО, Бюро экономического анализа, REСЕР) и сам очень высоко себя оценивал как статистика. У него была своя табель о рангах для наших статистиков, я до сих пор знаю очень немногих, кого он ценил, и очень многих, кому он совершенно не доверял и объяснял мне почему. Поэтому и сегодня, что бы они ни делали, я по-прежнему

смотрю на них его глазами. Я много наблюдала за тем, как Андрей работает со статистикой, и меня поражало его совершенно не техническое отношение к цифрам. Он видел все нестыковки, «дыры», как он выражался, пытался понять, какие сбои в сборе данных стоят за этими пробелами, какие именно искажения на самом деле они вызывают. На мой взгляд, со статистикой он работал совершенно как настоящий историк (критика источника, вопрошание источника, извлечение не прямой информации), но при этом умел считать ☺.

В эти же годы обнаружились и другие прикладные способности Андрея. Он известен как великолепный редактор и замечательный переводчик (участвовал в создании русскоязычных версий сочинений ведущих западных экономистов — В. Леонтьева, Дж. Хикса, Дж. Кларка и др.). Эта работа тоже началась в 70-е годы, во многом из-за необходимости подрабатывать, но и из желания сделать доступными соотечественникам труды экономистов-классиков. И вот что показательное. Получив первую статью на редактирование в журнале «МЭиМО», он прежде всего изучил знаменитый справочник Д. Э. Розенталя («Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати»). И впоследствии, возмущаясь чьей-нибудь небрежной редакторской работой, всегда говорил: «Если бы вы изучили этот учебник, вы бы такого не допустили». Редактировать и переводить я училась все же не у Розенталя, а у Андрея, но вот составлять библиографию и указатели к нашим работам он мне не доверял никогда. Так что в разделении труда в этой области у нас было явное нарушение гендерных ролей.

В отношении Андрея к прикладным аспектам науки проявлялся перфекционизм, присущий ему во всем. За что бы он ни брался, ему необходим был безупречный результат. Это касалось даже разделывания рыбы, починки сантехники или колки дров, что неоднократно наблюдали наши друзья и младшие коллеги. Я редко видела в нашей среде людей, у которых была бы такая гармония между головой и руками. И, надо сказать, он не всегда мог скрыть раздражение чужой неумело сделанной работой. Впрочем, чтобы не впасть в жанр панегирика, скажу и о том, что Андрей делал неважно. Например, он был посредственным гитаристом. У него был плохой музыкальный слух, и на гитаре он просто брэнчал. Поскольку лет пятнадцать гитара была для него важным средством социального статуса, видимо, как-то он свое несовершенство терпел.

Завершить описание этого периода, исходя из наших академических маркеров, стоит, наверно, защитой кандидатской диссертации. Выйти на защиту у Энтова было непросто — он мариновал своих аспирантов лет по десять. Андрей был первым из сотрудников сектора, кто защитился, хотя он и не был самым старшим. В 1980 г. он закончил диссертацию, в которой исследовал динамику современной американской экономики, и чуть позднее началось его движение за границы экономики, прежде всего — в сторону экономической истории. Во всяком случае, в двухмесячной стажировке в США (по линии IREX) в 1986 г. он уже встречался не только со знаменитыми экономистами, но и с известным экономическим историком Стенли Энгерманом, знаменитым создателем Индекса цитирования научных статей Юджином Гарфилдом и — по моему совету — с Иммануэлем Валлерстайном. Они с Валлерстайном, кстати, казались мне очень похожими.

В целом, к середине 1980-х годов Андрей стал профессиональным экономистом, хорошо ориентировавшимся в западной экономической теории, умевшим работать со сложными статистическими данными и программами. Однако наука (в то время — экономика и статистика) еще не поглощала его целиком, не стала для него образом жизни. Андрей (Энди, как все называли его в то время) жил очень разными интересами, его разнообразные таланты этому способствовали.

Для меня полнейшей неожиданностью стали Ваши слова о том, что отец А. В. — профессор Владимир Евгеньевич Полетаев создал в Институте истории СССР сектор историко-социологических исследований и руководил им. Вы не могли бы сказать, когда это было, назвать основные работы В. Е. в этой области.

Для точности я справилась об этом в интернете. Самые полные данные я обнаружила в Российской еврейской энциклопедии. Полетаев Владимир Евгеньевич (1924 — 1993, Москва), историк. Д-р ист. наук (1966), проф. (1969). В 1941 ушел добровольцем в народное ополчение, участвовал в боях на Западном фронте. В декабре 1941 был демобилизован, как не достигший призывного возраста. Окончил истфак МГУ (1948), в 1948—49 и 1951—53 работал в Музее истории и реконструкции Москвы, затем в Институте истории АН СССР, в 1968—90 возглавлял сектор историко-социологических исследований. Один из основателей школы социальной истории в советской историографии, одним из первых историков в СССР применил ЭВМ в исторических исследованиях. Автор работ, посвященных истории Москвы, Октябрьской революции 1917, истории рабочего класса и социальной структуре СССР, участвовал в подготовке авторитетных коллективных трудов, в т. ч. энциклопедии «Москва» (М., 1980). Труды: Московский Кремль. М., 1959; Рабочие Москвы на завершающем этапе строительства социализма. 1945—1958. М., 1967; Социальный облик колхозной молодежи: По материалам социологических обследований 1938 и 1969 гг. М., 1976 (соавт.); Социальный облик рабочей молодежи: По материалам социологических обследований 1938 и 1972 гг. М., 1979 (соавт.).

Можно допустить, что отец В. Е. Полетаева происходил из крещенной еврейской семьи? А Вы не знаете истории возникновения фамилии Полетаев?

Фамилию «Полетаев» отец Андрея взял уже после войны (когда он учился на истфаке, он был еще Владимир Черномордик). Полетаева — фамилия его матери, жены Евгения Черномордика. Она была русская, из купечества.

Ирина, я так понял, что Ваши родители учились на историческом факультете МГУ в то же время, что и В. Е. Полетаев, и что у Вас было много арбатских друзей... Вы тоже из арбатского братства? Когда Вы познакомились с Андреем Владимировичем?

Я не принадлежу к арбатскому братству (арбатское дворянство — лучше!). Я приехала учиться в Москву из Риги, куда мои родители уехали работать, закончив МГУ. Свою укорененность в Риге я до сих пор ощущаю не меньше, чем дети Арбата — свою. Но в Москве я быстро обзавелась множеством друзей. И, правда, меня удивляло, как это все они помещались на Арбате (однако в то время, когда я с ними познакомилась, уже мало кто из них там жил).

С Андреем я познакомилась 11 января 1978 г. в ИСКАНе на совещании председателей Советов молодых ученых институтов АН СССР, которое проводил Андрей Кокошин (Кокошин, кажется, тогда был руководителем всех советов молодых ученых институтов по общественным наукам в ЦК ВЛКСМ). Андрей был из ИМЭМО, я из — ИМРД. Я, конечно, ни за что не запомнила бы дату, но несколько лет спустя она обнаружилась в старом ежедневнике записью: «Заседание совета молодых ученых. Кокошин».

Ирина, мы решили сделать здесь «двойной портрет», ибо иначе не получается ни Вашего рассказа об Андрее Владимировиче, ни описания ваших совместных исследований. Расскажите, пожалуйста, о Вашей семье...

Мама, Зинаида Васильевна Мосеева (1921—2009), родилась в Архангельске и вскоре семья переехала в Сибирь, в деревню Черемушки, Омской губернии. Семья была многодетной, семеро своих детей и двое приемных. Моя бабушка Елена Ивановна умерла, когда маме было три года, а отец Василий Васильевич Мосеев исчез, когда маме исполнилось пять лет. Детей разобрали родственники и соседи.

Мама о своих родителях знала мало, а о дедушке и бабушке — тем более. Наверно, потому, что девичья фамилия мамы вызывала сомнения, а преподавала она в это время в партшколе, ей в 1952 г. велено было представить доказательства своего происхождения. И она поехала в Архангельск, где родилась. Нашла родных. Помню молодых статных, румяных, белокожих маминых племянниц, которые в 50-е приезжали к нам в Ригу. С расовым происхождением все оказалось в порядке, а вот с классовым не вышло. Дед ее оказался в прошлом одним из самых богатых купцов Архангельска. Думаю, что «сокрытие» такого факта тоже могло бы дорого ей обойтись, но тов. Сталин вовремя умер.

Когда дети остались сиротами, маме в итоге повезло. После кратких переходов из одной семьи в другую она попала в дом сельского учителя, эстонского ссыльного, где и прожила до одиннадцати лет. Уверена, что тяга к образованию и культуре, свойственная маме, следствие не только фантастической вертикальной мобильности и культурной революции в СССР 30—40-х годов, но и результат жизни в этой семье. Учителя в 1932 г. арестовали и увезли, и жена его сказала, что маме лучше уйти в детдом в Омск. И мама отправилась одна, пешком. (Учительская семья вскоре из деревни исчезла. Мама не знала, арестовали их или они просто уехали.) Дальше — детдом, педучилище и МГУ. В МГУ мама приехала поступать как отличница (без экзаменов), но оказалось, что к этому этапу опоздала, и ей пришлось сдать все вступительные экзамены. Она поступила в 1939 г. на истфак. В том же году, благодаря старшему брату Порфирию, который был офицером в охране Сталина и смог разыскать почти всех братьев и сестер, встретила с сестрой Ольгой и двумя братьями-офицерами. Братья ей до войны сильно помогли материально (она приехала в Москву в одном платье и в теннисках, а пальто брала каждый день по очереди в общежитии у одной из девочек, остававшейся дома). В 1941 ушла на фронт, была во фронтовых госпиталях, в том числе и на Ленинградском фронте. После контузии и госпиталя вернулась в Москву студенткой МИИТа (в Омске, где она находилась после госпиталя, был в эвакуации МИИТ) и восстановилась на истфак МГУ по кафедре истории КПСС. Сразу скажу, что мама была идейным и совершенно советским

человеком, членом партии с 1943 г., но никогда не была активисткой. На истфаке она и познакомилась с моим папой Максимом Михайловичем Духановым (1921—2001), у которого была совсем иная предыстория. 40 лет спустя папа говорил, что встреча с мамой и жизнь с ней — самое большое счастье в его жизни.

Мой отец родился в Петрограде. Его мама (моя бабушка) Мария Максимовна Духанова жила там с семьей и до революции, закончила гимназию. В 1918 г. ее отец, военный врач, ушел в Красную армию, взяв ее с собой медсестрой, чтобы спасти от голода. В Сибири, в походе на Колчака, он умер от тифа, а бабушка вышла замуж за комиссара, Михаила Борисовича Немчина, и вернулась в Петроград. Ее мать с двумя младшими детьми к тому времени смогла выбраться в Ригу. Навестить их бабушка с моим будущим папой поехали в 1926 г. Не знаю, был ли у нее на уме билет в один конец, но, как бы то ни было, она решила там остаться. Кажется, тогда же вышел сталинский указ, предлагавший всем немедленно вернуться в СССР под угрозой присвоения статуса невозвращенца, во всяком случае, бабушка на него ссылалась.

Так папа потерял отца и обрел его, пережившего блокаду, только в 1946 г. Дедушка нас очень любил, и до его смерти я каждый год ездила к нему в Ленинград. Помню хорошо, как мы с ним выходили с Лиговки и шли по Невскому мимо кинотеатра «Аврора», кафе «Север», иногда до Пассажа, а иногда и до Адмиралтейства. С ним ходила и в Мариинку и даже помню, на какие спектакли. Он вышел из партии из-за НЭПа, и почти все время после этого был директором кирпичного завода. Возможно, беспартийность спасла его от ленинградских чисток.

Отец окончил гимназию в Риге, поступил на физмат в Латвийский государственный университет, здесь, как я говорила бабушке, «советская власть их догнала». Впрочем, бабушка, будучи совершенно не советской по габитусу, ничего против власти не имела, а у отца вообще был отчетливо антибуржуазный настрой. Но все заслонила война. В июне они эвакуировались из Риги, потом папу призвали в армию, где он почти сразу был ранен, вынесен из окружения и после госпиталей нашел бабушку в Казани. В 1944 г. он поступил на истфак МГУ, и там встретился с моей будущей мамой.

Они поженились, и вскоре появилась я. Огромную роль в жизни нашей семьи сыграла Светлана Сталина (она за день достала стрептомицин, который спас маму от неминуемой смерти). Если бы не она, я бы росла без мамы. Эту «историю одного дня» во всех подробностях я слышала много раз и от родителей, и от их однокурсников, которые активно в ней участвовали.

В 1949 г. родители приехали работать в Ригу, сначала в республиканской партшколе, а с середины 1950-х в Латвийском государственном университете. Мама стала доцентом и преподавала историю КПСС, папа — новую и новейшую историю. Был профессором, завкафедрой всеобщей истории, проректором Латвийского государственного университета, а уже в независимой Латвии получил звание professor emeritus. В общем, хорошая университетская репутация и карьера. Автор более 70 научных статей, учебных пособий. А книги написал по истории остзейцев в Российской империи, потом о нацизме. (Духанов М. М. Остзейцы: явь и вымысел; о роли немецких помещиков и бюргеров в исторических судьбах латышского и эстонского народов в середине XIX века. Рига: Лиесма, 1970; Духанов М. М. Остзейцы: политика остзейского дворянства

в 50—70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. Рига: Лиесма, 1978; Duhanovs M. Baltijas mužniecība laikmetu maiņā. Rīga, Zinātne. 1986; Duhanovs M. Nacisms. 1919—1933. Rīga: Zvaigzne, 1989.) Последний договор у него был на книгу о Гитлере, но, кажется, папа с самого начала понимал, что ни издательство не дотянет, ни он не осилит.

13 октября 2014 г. я получила письмо от остзейского барона (он так и представился), и для меня было очень важно прочесть, что он пишет о книге моего отца «Остзейцы. Политика остзейского дворянства...». Вот это письмо и мой ответ:

Dear Ms. Savelieva,

my name is Gregor v. Kursell, I'm preparing some events in the frame of the association of the Baltic nobility on the relationship between Baltic Germans and Russians in the Russian Empire.

Among others I have read your father's book on Baltic Germans. («Политика остзейского дворянства в 50—70-е годы 19 века и критика ее апологетической историографии».) While being rather critical about my ancestors and applying the Marxist approach in his work, your father obviously observed scientific standards and most of his findings are fair and fact based. He even criticised some myths used by the slavophiles in the 19. century.

My question to you would be if you know more about your father's view on this topic. Some Soviet scientists had to adapt their opinion to the ruling ideology, others did not have any problems as their private views converged with the official ones.

Do you know why he chose this topic? Was this important for him or more a suggestion by his senior fellows at the university?

I would be pleased if you could give me some insights on this matter. Would you be ready for a short telephone conversation?

With best regards

Gregor v. Kursell

Мой ответ:

Dear Mr von Kursell,

I was pleased to get your letter and to find appreciation of my father's book. I can tell that honesty was his hallmark in life and in science. I think he was a kind of a positivist scholar and Marxist approach was a mode of explanation he considered effective. I often tell to my students that in the 60—70-s Marxist approach was popular among Western historians, especially in Britain and French history. The big difference is that in the Soviet Union Marxism was a forced theory.

I remember very well how Dad worked on the book. Our whole family (we all are historians) was immersed in the process. So if I can be useful to you, it is my pleasure.

Мой отец был стопроцентным органическим атеистом, стопроцентным органическим социалистом и органическим педагогом. Папа научил меня всему, что умел, — передавая мне не только разные знания, но и умения: петь, танцевать, играть в шахматы, даже бегать. К сожалению, не смог научить языкам, потому что не выносил, когда на неродном языке люди говорили с ошибками, и был вспыльчив. Сам он одинаково свободно говорил на русском, латышском и немецком и хорошо знал английский. (Учился в школе на немецком, а преподавал на латышском — в ЛГУ на истфаке было только латышское отделение.)

..и вам судьбою было предписано стать историком...

Я поступила на исторический факультет МГУ сразу после школы. Но выбор специальности не был предрешённым: скорее, он осуществлялся по принципу «орёл или решка». Дело в том, что мне одинаково легко давались как гуманитарные, так и естественные науки, поэтому в итоге я выбирала между биологией и историей. И это были не единственные предметы, которые мне нравились. Но, наверно, потому, что мои родители были историками и вокруг всегда было много их друзей-историков, выбор в итоге пал на историю. Я поступила на исторический факультет в Московский университет. Как только оказалась в Москве, в общежитии, я осознала свою фору, predetermined семью. На курсе было много ребят *selfmade*. Я быстро убедилась, что некоторые из них ничуть не глупее меня. Но они просто не знали, что, кроме классиков XIX века, надо читать О. Мандельштама, А. Солженицына или Ю. Трифонова или что, кроме Чайковского и Бетховена, есть еще Густав Малер и Пауль Хиндемит. А мы все это узнавали, читали и слушали вместе с родителями. Пока я не оказалась в другом кругу, я все свои заслуги — речь, письмо, начитанность, саморефлексию, эмпатию — приписывала себе.

С учителями мне, как и Андрею, повезло. Во всяком университете преподаватели делятся на плохих, хороших и звёздных. Плохие — это преподаватели, сделавшие большую ошибку, избрав нашу профессию. Хорошие преподаватели — это основа университетской корпорации. Они делают очень важную работу, и студенты их за это ценят. Наконец, есть звёзды, которых на каждом факультете может быть много, мало или не быть вовсе. На истфаке всё именно так и обстояло, разве что с поправками на роль идеологии, пролетарского происхождения или партийной карьеры, что сказывалось на облике преподавательского корпуса. Я застала ещё и профессоров «из бывших» (П. А. Зайончковский, Г. А. Навицкий, А. Г. Бокшанин) — так называли тех, кто повзрослел до революции. Не могу сказать, что они были самыми приятными людьми или самыми умными, разные они были, но отличала их культура речи и манеры — в частности, манера двигаться. Они умели всходить на кафедру. Я говорю об этом потому, что преподаватель в университете не только передатчик знаний или наставник в научных штудиях, но и транслятор культуры.

Если говорить о модусах существования разных групп на истфаке того времени, то в основном остатки «старого корпуса» были представителями позитивизма в духе немецкой исторической школы. А в целом, если говорить о влиянии идеологии на состояние преподавания исторической науки в Московском университете 1960—1970-х годов, то мой опыт здесь не укладывается в сложившуюся в постсоветские годы традицию оценивания. Когда я училась (после «оттепели»), доминировала идеология марксизма. Почти все историки в СССР тогда работали в этой парадигме, то есть все анализировали прошлое с позиции марксистской концепции развития общества, исторического материализма. Но, во-первых, я всегда говорю, что марксистская теория не самая плохая среди тех, которыми пользовались историки на протяжении XX века (в этом важное отличие роли марксизма в историографии XX века от его значения, скажем, для экономической теории). Плох не марксизм сам по себе, а его монопольное положение в советской общественной науке, невозможность выбора другой интерпретативной модели. Ведь и в западной историографии позиции историков-марксистов были очень сильными. Например, приверженность марксизму считается систе-

мообразующим принципом великой французской школы Анналов, лидирующей в исторической науке многие десятилетия. Конечно, разница между нашими марксистами и западными историками-марксистами была серьёзной. Я, например, всегда неомарксизм понимала гораздо хуже, чем структурализм.

Так вот, на истфаке МГУ нас, конечно, учили работать в марксистской парадигме, но горизонты науки оставались открытыми. Именно в те годы я прочитала Торстейна Веблена, Джона М. Кейнса, Фридриха Хайека, Джона Коммонса. Не говоря уже о массе зарубежных и русских историков. В этом смысле «неспособности, приобретённой благодаря обучению» (выражение Веблена) многие из нас счастливо избежали. Этот круг университетского чтения просто поразил Андрея, учившегося на экономфаке, где ничего подобного не было.

Благодаря родителям я хорошо знала многих московских историков и, в частности, Петра Андреевича Зайончковского, одного из самых интересных, ярких и «не вполне советских» советских историков. Знакомство с ним и походы к нему в гости позволили мне прочесть много книг — дореволюционных российских и современных западных, последние у него были в изобилии благодаря американским аспирантам. Помню, он дал мне еще не переведенное тогда «По ком звонит колокол» Хемингуэя — и потрясение от этой книги. Я очень ценила общение с Петром Андреевичем, однако, когда к третьему курсу надо было выбирать специализацию, я всё же выбрала американистику. Причём в этот момент я не решила, у кого именно буду учиться.

Американистику я предпочла по разным причинам. Отчасти потому, что в то время она была более престижной специальностью. Она давала выход в мир современной исторической науки, политических и социологических знаний. Меня интересовала именно эта сторона исследования. Я уже много раз говорила в разных интервью, что я не настоящий историк. У меня нет привязанности к архивам, фактам, документам, которая в принципе должна отличать историка (П. А. Зайончковский был именно таким).

Американистика в отечественной исторической науке очень долго оставалась заброшенным ребёнком. Всеобщая история Нового времени в целом в России была сильным направлением, вышедшим в начале XX века на европейский уровень, но именно американистикой в дореволюционной России вообще не занимались. Впервые курс по американской истории, если я не ошибаюсь, начали читать в конце XIX-го, а может быть, даже в начале XX века. Так как традиции не было, до середины 1950-х годов говорить о существовании американистики в нашей стране не приходится. Однако каким-то до сих пор не до конца понятным для меня образом в середине 1950-х годов на кафедре новой и новейшей истории МГУ три человека одновременно стали заниматься историей США (сначала в студенческие годы, а затем в аспирантуре) — Евгений Федорович Языков, Игорь Петрович Дементьев и Николай Васильевич Сивачёв. Все они были яркими, интересными учёными, благодаря им кафедра стала одним из двух ведущих центров американских исследований в России, их курсы я слушала. Из этой тройки в итоге я выбрала руководителя, который мне по характеру, психологии и культурному бэкграунду подходил меньше всех. Очень часто

студенты ориентируются на мнение других студентов. Старшекурсники мне рекомендовали Николая Васильевича Сивачёва как совершенно потрясающего руководителя.

В свете сказанного несложно понять, что Вы выбрали профессора Сивачёва... так? Пожалуйста, расскажите о нем... всегда интересно понять, как все начиналось...

Ему было в то время всего тридцать четыре года! Он ещё не был доктором, следовательно, и профессором (хотя очень быстро защитился и титуловался). На факультете он был известен, прежде всего, как очень строгий замдекана по учебной работе. Я лично его не знала, он мне не был определённо симпатичен, и, кроме того, у него была ещё ужасная тема. Хуже темы для девочки с гуманитарными способностями не придумаешь. Он занимался трудовым правом США. Это означало чтение и изучение законов, материалов арбитражных судов, протоколов заседаний Ассоциации трудовых отношений и всевозможную скуку. Должна сказать, что некоторые преподаватели пытались меня отговорить. Тем не менее, я всё же решилась пойти на собеседование. У него была репутация хорошего руководителя, и к нему тогда пошла не я одна, а пять человек, причём все пятеро были сильными студентами. Он посмотрел на меня и сказал: «Ну, вот насчёт девочки я как-то сомневаюсь». Так как я всегда была азартной и легко принимала вызовы, после этой фразы у меня уже не было никаких сомнений в том, что я пойду к нему, и в том, что через какое-то время буду его любимой студенткой. Так и получилось.

Николай Васильевич родился и вырос в глухой деревне, не то алтайской, не то уральской. Он вообще очень напоминал Шукшина, даже внешне: самородок, в послевоенной деревне чудом выживший. В этой деревне была библиотека, в которой он все книги перечитал. Затем, бог знает, какой уверенностью движимый и на какие деньги, приехал в Москву поступать в МГУ на исторический факультет, куда в основном поступала элитная московская публика. И поступил!

Даже когда мы с ним познакомились, он не очень был силён в риторике и письме. Совершенно не потому, что я была самонадеянна, но я в том юном возрасте точно знала, что и то, и другое я делала лучше, чем он. Речь и письмо — это те качества, которые в интеллигентной семье приобретаются сами собой. А если этого нет, то, конечно, человеку приходится потом, уже во взрослой жизни, очень много над этим работать. Я здесь имею в виду только внешнюю сторону речи и письма (форму выражения), а не способность системно мыслить, формулировать и выстраивать эвристически сильные концепции. Всеми этими качествами он был наделён сполна, и я этому училась, прежде всего, у него.

Николай Васильевич был блестящим учёным и организатором науки. В 1956 г., когда ему было меньше тридцати лет, у него появилась возможность поехать на стажировку в Америку. Только представьте себе, какой культурный шок он тогда испытал, поехав в Америку лишь через десять лет после того, как покинул свою деревню. Оказалось, что за десять лет в МГУ он действительно сильно преобразился, и американские коллеги потом отмечали, что он совершенно спокойно вошёл в их среду. Мало того, попав в библиотеку Рузвельта в его поместье, он так очаровал вдову президента Элеонору Рузвельт, что она ему очень помогла и с документами, и с условиями работы. Вернулся Сивачёв из поездки человеком с хорошими и стойкими американскими связями, что было

тогда редкостью в нашем научном сообществе. Он рано защитил докторскую диссертацию, рано опубликовал свои первые книги. Он был учёным американского уровня, то есть писал и работал так, как это делали в Америке. У него была своя концепция (не марксистская!), чего не было в нашем цехе в то время почти ни у кого. Он объяснял рабочую политику государства, особенности формирования трудового права, идеологию трудового права в рамках концепции национального интереса, баланса и дисбаланса политических групп, либерализма и консерватизма в идеологической сфере.

Он был не только выдающимся учёным, но и увлечённым и самоотверженным Учителем. У него был домашний семинар. Мы приходили к нему чуть ли не каждую неделю и сидели в его маленькой квартирке часами. Разговаривали почти только на научные темы — о своих работах, книгах, которые мы вместе читали, планах. Доверительных разговоров не помню. Кроме этого, у нас был еженедельный спецсеминар, где мы впятером обсуждали тексты. Задавал он безжалостно много, но не подготовиться к его семинару никому не могло прийти в голову. Не прочитать какой-нибудь стостраничный закон, в котором сто пунктов с десятью параграфами в каждом, и не понять хотя бы приблизительно то, что ты прочитал (на английском языке), было просто невозможно.

Николай Васильевич часто ездил в Америку и привозил чемоданы, набитые книгами. Необходимой литературы в то время в библиотеках было мало, и из своего шкафа с книгами он спокойно мог за один раз выдать мне двадцать книг в общежитие (а мы там довольно безалаберно жили). И это были или самые лучшие исторические книги, которые выходили с 50-х годов, или нужные непосредственно для работы. У меня, например, дома два года, пока я писала диплом, стояли все двадцать пять томов протоколов заседаний Американской ассоциации индустриальных отношений (конечно, за покражу 25 томов таких протоколов он мог не беспокоиться 😊).

Наши с ним занятия в основном заключались в продумывании темы, концепции, структуры, выборе материалов, на которых будет основано исследование, обсуждениях. Но с самим текстом (в плане редактуры) работы практически не было. Николаю Васильевичу нравилось, как я пишу. Мне, пожалуй, в этом отношении очень многое дал мой отец — он был самым строгим и жестким моим критиком до конца жизни (папа умер в 2001 г., успел прочитать многое из того, что мы с Андреем написали, и всегда говорил: «Вы торопитесь»). Как только я защитила диплом, в тот же день вечером Николай Васильевич предложил мне писать с ним статью — большую и важную для нас обоих. Моя первая публикация в хорошем американском историческом журнале “Labor History”, чуть позднее, тоже была написана в соавторстве с ним.

Научный метод Сивачёва заключался, прежде всего, в том, что он умел создать концепцию и свободно чувствовать себя в её рамках. Нарращивать обороты, передвигаться от одной проблемы к другой. Его исследования не были развитием каких-то идей марксизма по поводу классовой борьбы или государства как рупора господствующего класса: в своих работах он выстраивал траекторию американской рабочей политики, развития трудового права в контексте изменений в соотношении сил между предпринимателями и профсоюзами, где государственная власть выступала в качестве арбитра. Потом он создал лабораторию американистики на факультете (тоже редкость в советских вузах того периода)

и переключился на изучение истории политической системы США. Но самое поразительное, что в застойные советские годы Сивачёву удавалось каждый год приглашать на кафедру новой и новейшей истории, которой он заведовал, ведущих американских профессоров для чтения семестровых (!) авторских курсов. С экзаменами на английском языке и без всякого вмешательства парткома или кафедры в содержание лекций! Сейчас молодым людям трудно представить себе, насколько невероятно было утвердить эту практику и сохранять её на протяжении десятилетий. В то же время он побывал и в роли секретаря парткома МГУ и хорошо владел, согласно его определению, «искусством социалистического реализма».

Как многих настоящих учёных, его отличала высокая требовательность к себе. Мы точно знали, что этот человек работает столько часов в сутки, сколько он может не спать. Соответственно, и нам он не делал никаких скидок — нельзя было сказать: «Я сдавала экзамен, устала, не успела, болела и т. д.».

У Николая Васильевича было очень специфическое обаяние. Американцы, которые потом о нем рассказывали, всегда подчёркивали именно это качество, которое открывало ему все двери. Он был самым *self made man* из всех *self made men*, которых я знала. Он всё время развивался, и это отражалось даже на его внешности (от облика Василия Шукшина — к облику Вадима Радаева ☺).

К сожалению, он умер очень рано, не дожив до своего 50-летия. Я думаю, что главное, чему меня научил Николай Васильевич, да и другие мои учителя, — это то, что занятия наукой могут быть профессией, призванием и, тем самым, образом жизни (и даже двадцатилетнее пребывание в Академии наук с её культом праздности эти устои не пошатнуло); что наука требует постоянных интеллектуальных усилий и эрудиции, которой никогда не бывает достаточно (в том числе и в области сопредельных дисциплин). Приобщение студентов к науке — это большой и взаимный труд. Слово «труд» — ключевое, но он оправдан только атмосферой поиска, открытия, которая рождается именно в общении студента и учёного.

Защитив диплом, я поступила в аспирантуру Института международного рабочего движения АН (ИМРД). Защитила в 1975 г. кандидатскую диссертацию по истории американского трудового права в XX в. и позже написала книгу «Профсоюзы и общество в США в XX в.: критика буржуазно-реформистских концепций» (М.: Наука, 1983).

После защиты кандидатской я работала в ИМРД до 1986 г., занималась социальной историей и рабочей культурой в духе тогдашней американской и английской историографии. Об ИМРД я могла бы написать роман, повесть, пародию — что угодно. И отдельно о директоре Тимуре Тимофееве (он тоже учился с моими родителями). К нему, по-моему, были несправедливы, особенно его однокурсники, многих из которых он вытащил в АН из библиотечных и редакционных нор. Уж не говоря о том, что он принимал изгнанных, например: А. А. Галкина с сектором после разгона Института социологии, Г. Г. Дилигентского с командой после исключений из партии и партийных выговоров в ИМЭМО.

В ИМРД жизнь была бездельная, но много интересных людей там тогда собралось: от известного специалиста по Достоевскому Юрия Карякина до театроведа Виталия Вульфа. Я застала еще и Мераба Мамардашвили. По «при-

сутственным дням» всегда был чай, пироги и беседы, а в спецхране — “Times”, “Newsweek”, “Spiegel”. Все же мне казалось, что «так жить нельзя», и в 1986 г. я перешла в ИМЭМО в только что созданный сектор моего однокурсника Камо Гаджиева. Докторскую работу и книгу, лежащую в ее основании, — «Альтернативный мир: модели и идеалы» (М.: Наука, 1990.) — я делала уже там.

Я так понимаю, что Ваша кандидатская стала развитием того, что Вы начинали делать под руководством профессора Сивачёва. А как возникла тема докторского исследования? Каковы его основные выводы?

Моя докторская и книга «Альтернативный мир: модели и идеалы» стали результатом перехода в ИМЭМО и радикальной смены темы. Я пришла в сектор Анализа политических концепций, стала изучать политические учения (впервые прочла Гоббса, Локка, Руссо, основные политологические труды, классические и современные утопии) и писать о концепциях альтернативного развития западного общества — утопиях и прогнозах антибуржуазных движений: инвайроменталистов, зеленых, движений «за новый образ жизни», представителей контркультуры.

Должна сказать, что современная политическая наука показалась мне скучной, точнее, довольно плоской, а прогнозы и утопии моих авторов (от знаменитого Элвина Тоффлера до малоизвестных создателей различных манифестов, вроде “Blueprint for Survival”) — не впечатляющими. Пласт чтения накладывался на время. Как раз в эти годы началась Перестройка, что определило скептический дух и раскованность моего письма. Я весьма критически оценила все эти рациональные и идиллические, утопические и ригидные, наивные и жесткие проекты и социальные эксперименты 1970–80 гг., и с тех пор плохо отношусь к любым идеям масштабных преобразований, будь они скрупулезно прописанные или стихийные. И точно помню, что именно знание западных альтернативных моделей позволило трезво смотреть на проекты, будь то «500 дней» Явлинского или идеи моей тоже популярной в конце 80-х подруги замечательной Ларисы Пияшевой, всерьез полагавшей, что, если все выйдут на рынок, кто с шубкой, кто с морковкой, а кто с котенком, то рынок заработает сам собой.

Ирина, пока что Вы кратко описали жизненные траектории Андрея Владимировича до середины 1980-х годов. В русской «Википедии» о нем сказано, что с конца 1980-х годов предметом интереса А. В. Полетаева становятся долговременные и циклические процессы в мировом хозяйстве, с учетом достижений американской клиометрии и новейших подходов к изучению экономической истории. И далее: «Особенно значимым является цикл работ А. В. Полетаева, выполненных совместно с И. М. Савельевой (т. е. с Вами) по современной теории истории и изучению эволюции образов прошлого в разные эпохи». Прежде всего, что в информации «Вики» следует уточнить, откорректировать? Во-вторых, под воздействием каких обстоятельств научные интересы А.В. стали меняться, и он от исследований макроэкономической направленности начал переходить к изучению экономической истории?

В информации «Вики» все верно. Последние 20 лет своей жизни Андрей занимался историей и социологией исторического знания, но до этого примерно столько же лет он был экономистом, и между этими двумя ипостасями существует некая переходная полоса — экономическая история. Дальше попробую описать и объяснить этот переход исторически, т.е. на уровне событий.

Сектор Энтова, в котором Андрей работал, занимался теорией циклов и кризисов, но циклы — вещь протяженная во времени, и, если работать с длинными рядами, то от теории циклов естественно обратиться к их истории. С самого начала Андрей выбрал тему нормы прибыли. Ее важность состояла в том, что она связывала показатели эффективности производства, динамики цен и издержек, а также имела свойство быть весьма важным циклическим фактором в форме различных показателей рентабельности, захватывая при этом проблемы ренты и процента. Как я уже говорила, в секторе Энтова умели работать на вполне адекватной статистике, владели современными методами ее анализа, опирались на западную литературу.

С середины 1980-х годов Андрей начал ездить в ведущие научные центры в США и встречаться с известными экономистами. IREX (International Research & Exchanges Board), организовывавший эти обмены, сыграл огромную роль в трансфере научного знания из США в советское академическое сообщество. Ездили единицы, но зато, если ученый, прорвавшийся в Штаты, знал работы лучших представителей своей области (а именно такие работы мы и знали, что, кстати, существенно завышало наше представление о среднем уровне тамошней науки), то ему «по запросу» устраивали встречу практически с любым корифеем. Американские ученые охотно встречались с нами, им было любопытно. А порой, наверно, и удивительно, что мы в курсе происходящего в науке. Андрей тогда познакомился с очень многими ведущими экономистами, и некоторые из них впоследствии вошли в редколлегия журнала THESIS, который мы издавали в 1992—1994 годы. Конечно, среди его знакомых американских коллег было много известных советологов. Те сами поджидали советских ученых, дабы порасспросить о текущей ситуации и расширить свои контакты в СССР.

Андрей защитил кандидатскую диссертацию на тему «Циклические колебания издержек и прибыли в обрабатывающей промышленности США в послевоенный период» в 1980 г. Его коллеги говорят, что и в диссертации, и в сделанной по ней книге (Полетаев А.В. Прибыль американских корпораций (особенности послевоенной динамики). М.: Наука, 1985) виден творческий почерк Андрея: четкая постановка проблемы, стремление опираться на факты, качественная обработка статистики, умение задавать вопросы источнику и убедительный анализ. Докторскую «Механизм движения капиталистической прибыли (анализ долгосрочных тенденций)» он защитил восемь лет спустя, в 1988-ом. Из тематики понятно, что как экономиста его интересовали уже временные периоды большой протяженности.

Всего Андрей опубликовал более 300 исследований, и около 100 из них — по экономике, причем примерно 80 работ он написал до 1990 г. Андрей, работая у Энтова в Секторе анализа экономических циклов, хорошо знал работы русского экономиста Николая Кондратьева, опубликованные в 1920-е годы. Еще в 80-е годы Андрей стал писать о кондратьевских циклах, работать с длинными рядами цен, прибыли, особенно на материале английской статистики.

Дальше, я думаю, стимулом к его «историческому повороту» стало наше знакомство и поиск совместных научных тем. Первым нашим опытом соавторства была статья об американских забастовках, которую Андрей дополнил интересными графиками, отображающими динамику стачечного движения. Но это решение было принято по принципу «давай что-нибудь напишем вместе». (Мне почему-то многие друзья и коллеги, включая и моего научного руководителя Николая Васильевича Сивачева, предлагали писать вместе, и ничего необычного для меня в этом не было). Действительно, общий интерес оказался связанным с теорией циклов Кондратьева. Я тоже знала о Кондратьеве и включила текст о циклах Кондратьева в доклад, с которым Тимур Тимофеев, директор Института международного рабочего движения, ездил к Иммануилу Валлерстайну.

Репрессированный по сфабрикованному делу о «Трудовой крестьянской партии» и расстрелянный в 1938 г. Кондратьев был в то время персоной, в советской литературе не упоминаемой, но уже в 1987-м мы опубликовали о нем статью (Полетаев А. В., Савельева И. М. Длинные волны в развитии капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 5. С. 71–86). Примерно тогда же появились и две другие статьи о судьбе и трудах Николая Кондратьева. Одна была написана подругой Андрея Еленой Беляновой, другая — моей подругой Ларисой Пияшевой. В 1987 г. мы с Андреем поехали во Францию в Монпелье на конференцию по циклам Кондратьева. Надо сказать, что «кондратьевские циклы» были необыкновенно популярны на Западе в 1970–1980-е годы. Вот с этого момента Андрей начал, я бы сказала, быстро приближаться к экономической истории.

В 1989 г., защитив докторскую диссертацию, он создал сектор, который мы называли между собой, по аналогии с Центром Валлерстайна, сектором Броделя (а в капустниках, так и похлеще:). В пародии на бытие сектора Энтова, сочиненной и опубликованной Леонидом Григорьевым (Григорьев Л. М. Кампус. Роман в 36 рассказах. М.: Агентство Информат, 1992), в которой сотрудники Сектора представлены жителями захолустного американского городка Кампус и Андрей — в роли шерифа Трабла, есть глава «Преображение шерифа». Как раз о том, как он закладывает поселок Бродель и начинает строить к нему из Кампуса железную дорогу, улаживая отношения с Судьей Стивенсом (Энтовым), добываясь финансовой поддержки губернатора (директора ИМЭМО А. Н. Яковлева) и переманивая попутно жителей.

На самом деле сектор, созданный Андреем, назывался «Сектор эволюции рыночной экономики», и занимались там уже экономической историей. В 1989 г. вышла его статья «Клиометрика — новая экономическая история — историческая экономика» (Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: Экономика, 1989. С. 37–54), первая в СССР статья по клиометрике, связывающая экономическую историю с исторической экономикой.

Клиометрика (история, основанная на применении математических методов) утверждается в 1960-е годы как мощная попытка сциентизации истории. Дело в том, что к 1960-м гг. социология, экономика, антропология, политическая наука завоевали научное лидерство в науках о человеке, они стали задавать образцы и определять научную моду. На фоне их научных результатов историки, восприимчивые к новациям, почувствовали себя отставшими. Экономическая и социальная исто-

рия стали двумя магистралями, ведущими историю в «новый мир» социальных наук, а локомотивом оказалась клиометрика. Если посмотреть на исторические исследования 1960–70-х годов, то мы увидим, что многие из них опираются на серьезную статистическую базу. Таблицы, графики и стоящая за ними кропотливая работа с цифрами — все это воспринималось как свидетельства научности исследования. Многим прогрессивным историкам казалось, что именно на этом пути можно обрести сильные объяснения и доказательства. В экономической истории главными темами становятся конъюнктурная динамика, экономические кризисы, экономический рост. Именно этими темами Андрей занимался в секторе Энтова, еще будучи экономистом.

Вслед за экономистами к клиометрике обратились исследователи политической (серийная административная история и регрессионная картография) и культурной истории (регрессионный анализ антропологических данных). Историки-демографы вычисляли нетто-коэффициенты воспроизводства и вероятность выживания в самых разных регионах и в очень далекие времена. Для изучения ментальности велись количественные исследования печатных письменных источников. Овладевая количественной семантикой, историки пытались получить доступ к анализу различных форм выражения мысли.

Затем, как это обычно и бывает в науке, стало ясно, что посчитать можно далеко не все. Да и сами подсчеты еще не есть объяснение. С использованием статистических методов происходит то, что происходит с любым научным новшеством после полосы обольщений: границы зоны их эвристической эффективности приходят в соответствие с их эвристической эффективностью. Клиометрические исследования постепенно занимают свою нишу. Весьма достойную, но все же нишу. И так получилось, что и в научной биографии Андрея-историка они стали важным, этапным, но не магистральным направлением.

В 1993 г. вышла наша с Андреем книга «Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования)» (М.: Наука, 1993). В основном она представляла анализ экономических циклов, но частично в ней затрагивались циклы политические, идеологические, а главное — от структур экономического времени мы вполне естественно вышли на категорию исторического времени, то есть на тему следующей книги (это я реконструирую, конечно, уже *post factum*). В более общем смысле для Андрея занятия теорией циклов Николая Кондратьева стали «переключателем» с экономической истории на историю социального знания. Мы ведь к длинным циклам отнесли в этой книге достаточно критически, показав, в отличие от большинства западных и отечественных адептов Кондратьева, что речь идет не об открытии устройства мира (развития капитализма), а о создании еще одной достаточно интересной модели, позволяющей что-то в этом мире объяснить. Когда книга вышла, я поехала в магазин Академкнига на ул. Вавилова к открытию, чтобы получить авторские экземпляры (тогда давали 10, а в продажу поступило 50). У входа стояла приличная очередь — и, к моему удивлению, все эти покупатели бросились за книгой о Кондратьеве. Выданные мне без очереди экземпляры многих из них оставили без покупки.

Кстати, в 2009 г. нам предложили эту книгу переиздать. Сначала показалось, что не стоит без переработки (а заниматься ею времени не было) издавать работу, написанную в 1993 г., но перечитали внимательно и поняли, что она очень неплохая и не устаревшая. Так что есть и переиздание 2009 г. (Полетаев А. В., Савельева И. М. «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. 2-е испр. изд. М.: Юстицинформ, 2009).

Хотя с конца 1990-х годов Андрей считал себя историком (и именно так с тех пор определял свою профессию во всех анкетах), время от времени он писал статьи по экономической истории. Например, основанная на статистическом материале статья про экономику 1990-х, главная идея которой сводилась к тому, что система советской экономики, хотя и была очень плохая, но вся как бы сцепленная — начали вынимать связки, и все рухнуло (Полетаев А. В. Экономическое развитие СССР в 1980-е годы: Очерки политэкономики социализма // Экономическая история. Ежегодник, 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 486–510). Или большая статья по сравнительной экономической истории: Poletayev A.V. Gross Domestic Product of the Russian Federation in Comparison with the United States, 1960–2004 // Scandinavian Economic History Review. April 2008. Vol. 56. No. 1. P. 41–70. Андрей все время делал проекты по статистике образования, по экономической статистике. Несколько лет подходил к тому, чтобы сделать полную экономическую статистику (Национальные счета) Советского Союза и России с 1946 г. до наших дней. Сначала думал, что найдет нормальные деньги на этот проект, создаст группу, чтобы проанализировать ежегодные справочники, отчеты, восстановить цифры из региональных справочных изданий, перевести, как он выражался, нашу статистику на вменяемый язык. Ведь отдельные данные по свекле, яйцам, шуропам ничего не говорят. Чтобы понять взлеты и провалы в рядах, надо использовать самые разные методики. Но денег так и не нашел. В 2010 г., после того, как мы одновременно сдали три книги и решили передохнуть, он взялся за всю эту работу сам. И вот последние полгода он каждую неделю ездил в ИНИОН, делал ксероксы со справочников Госкомстата, а потом набивал и набивал статистические ряды, приводя их во «вменяемое состояние». В мае уже дошел до финансов и внешней торговли; по другим показателям в поисках недостающего перешел от ежегодников к региональным справочникам. Летом 2010 г. в Москве было очень жарко и дымно, думать было трудно, но он продолжал работать.

Прекрасно, есть два вопроса. Не знаете ли Вы, как сам Кондратьев пришел к длинным рядам? Есть ли кто-либо, кого можно было бы в каком-то отношении рассматривать как его предшественника? Что подтолкнуло Кондратьева к работе над этими проблемами?

Ответ на Ваш вопрос извлекла из нашей книги. Концепция длинных циклов (а точнее, тогда еще «длинных волн») возникла в конце XIX — начале XX веков, когда ученые многих стран (и прежде всего специалисты по истории и теории экономических кризисов и циклов) обратили внимание на наличие длительных (продолжительностью около 50 лет) волн в динамике отдельных экономических показателей: С. Джевонс, Р. Макдональд, Т. Уилльямс (Англия); М. Туган-Барановский, Парвус (А. Гельфанд) (Россия), К. Каутский (Германия), Ж. Лескюр, А. Афталъон, М. Ленуар (Франция), К. Виксель (Швеция), В. Парето

(Италия). Правда, тогда длинные волны были зафиксированы лишь на протяжении XIX в., только в движении цен и процентных ставок, и рассматривались в основном как дополнение к «обычным» деловым циклам.

Наиболее существенным достижением этого периода стала работа голландского экономиста Я. ван Гельдерена (писавшего под псевдонимом Я. Феддер), который в 1913 г. первым выдвинул тезис о том, что «длинные циклы», так же как и обычные промышленные, являются действительно экономическими циклами, т. е. охватывают все стороны воспроизводственного процесса и представляют собой вполне самостоятельное явление.

Глубинная разработка рассматриваемой концепции пришлось на период между двумя мировыми войнами. В этот период сформировались два основных подхода к изучению длинных циклов — экономический и исторический. Это деление достаточно условно, поскольку концепция длинных циклов является собой удачный образец взаимодействия этих двух дисциплин. Тем не менее, все последующие изыскания в области длинных циклов можно разделить на преимущественно исторические и преимущественно экономические.

Кондратьев существенно расширил эмпирическую базу исследований и одновременно выдвинул ряд новых гипотез о механизме длинных циклов («больших циклов конъюнктуры», по его терминологии), связав их не только с динамикой цен, но и с процессом накопления капитала, темпами роста производства и динамикой нововведений. Кроме того, Кондратьев первым попытался распространить концепцию больших циклов на социально-политическую сферу, связав с ними периодичность наступления войн, революций и других событий, по сути, заложив и основы исторического направления в анализе длинных циклов. Значимость вклада Н. Кондратьева в разработку проблемы отразилась, в частности, в том, что эпоним «циклы Кондратьева» ныне используется в научной литературе наравне с термином «длинные циклы».

Как Вы думаете, что препятствовало советским обществоведам раньше начать поиски в области экономической истории: идеологические препятствия? Неумение работать со статистикой? Я помню, что в 70-е годы читал Струмилина и Птуху. Не было ли в их работах намек на экономическую историю?

Экономической историей у нас как раз активно занимались историки, и это было, начиная с 60-х годов, может быть, самое соотносимое с мировой наукой направление в советской историографии. И наименее идеологизированное, хотя, конечно, совершенно марксистское (в данном случае я говорю без негативных коннотаций, значительная часть западной историографии 60–70 годов была марксистской).

Основоположником советской клиометрической школы был Иван Дмитриевич Ковальченко. Он заведовал кафедрой источниковедения на истфаке МГУ, уже когда я училась, и был очень популярен. К нему шли сильные студенты. Они как раз применяли математические методы для изучения экономической истории России (аграрной, прежде всего, но и истории промышленности, банков, фондовых рынков, железных дорог и пр.). Насколько могли, осваивали математику. Тогда еще приходилось с перфокартами ходить в центр ЭВМ, и там компьютерщики обрабатывали данные. При Институте истории СССР Ковальченко основал и возглавил Комиссию по применению математи-

ческих методов и ЭВМ в исторических исследованиях. Ковальченко был ученым, признанным и в стране, и в мире. В 1972 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1987 г. — действительным членом Академии наук СССР. В 1978—1990 гг. он являлся членом Исполнительного комитета Международной Ассоциации экономической истории, с 1982 г. — сопредседателем Международной комиссии по квантитативной истории. Поэтому вряд ли можно сказать, что идеологические препятствия мешали заниматься экономической историей. Нежелание или неспособность постичь математику, конечно, резко ограничивали этот круг.

В СССР, конечно, не было такого бума количественных исследований как в западных странах. Но все же казалось, что складывается научная школа. Другим ярким экономическим историком был Валерий Иванович Бовыкин, он работал на кафедре у Ковальченко. С 1990-го по 1994 г. входил в состав исполкома Международного Конгресса по экономической истории. Бовыкин был одним из немногих отечественных историков, которые активно публиковались за рубежом. Вместе с выдающимся экономическим историком Рондо Кэмероном он был соредактором коллективной монографии “International Banking, 1870-1914”. (Oxford — NY: Oxford University Press, 1991). Эта публикация завершила цикл из трех работ под общей редакцией Кэмерона, которые стали фундаментом исследований по истории финансов и банков в мировой историографии.

Ковальченко и Бовыкину наследовал (в том числе и в занятии ряда международных постов) замечательный историк (математик по образованию, окончивший МФТИ) Леонид Иосифович Бородкин, руководитель Центра экономической истории истфака МГУ, завкафедрой исторической информатики.

Андрей уже в конце 80-х хорошо был с ними знаком, а потом и подружился с Бородкиным, входил в Центр экономической истории, публиковался в ежегоднике «Экономическая история». Исследования Бовыкина и Бородкина он всегда оценивал высоко, чего не могу сказать о работах некоторых других экономических и социальных историков, в которых Андрея не удовлетворяли ни уровень обработки статистики, ни модель, ни концепция. Соответственно, и результаты таких исследований он считал бессмысленными.

Так что экономические историки в СССР были, а вот исторических экономистов почему-то не было. Как Вы, наверно, знаете, в США экономической историей занимаются преимущественно экономисты, и она намного более формализована, а в Европе — историки. Андрей в большей мере представлял американский путь и этим был интересен. Кроме того, мало кто из наших историков занимался западной экономической историей и вряд ли кто-то из них мог корректно работать с такими длинными рядами и массивами данных, как Андрей. Впрочем, в последнем утверждении я, конечно, могу ошибаться.

К сожалению, сейчас экономическая история как направление в России исчезла, даже ресурсы Высшей школы экономики оказались не в состоянии вдохнуть в нее новую жизнь. Есть буквально несколько, включая Бородкина, хороших экономических историков.

Ирина, я так понял, что Ваш интерес к длинным циклам возник до встречи с Андреем Владимировичем. Как он у Вас возник, Вы ведь — историк, не экономист?

Как я выше писала, в университете я занималась историей американского трудового права у профессора Сивачёва и потом продолжила эту тему уже применительно ко всему XX веку в аспирантуре, где моим руководителем был Тимур Тимофеев.

Но после защиты стала все больше интересоваться социальной историей. В англо-американской историографии именно рабочая история тогда была одним из самых новационных направлений (Эрик Хобсбоум, Эрик Томпсон, Питер Стирнс, Чарльз Тилли и др). От социальной истории путь лежал к Фернану Броделю с его теорией трех уровней социальных изменений и *longue durée*; читая Броделя, невозможно было не узнать о Кондратьеве. Поскольку в наших спецхранах найти можно было многое, я свое любопытство удовлетворила. Возможно, конечно, что я тогда уже это и с Андреем обсуждала, но этого я не помню. Определенно знаю, что Тимофееву перед его поездкой к Валлерстайну в 1979 г. я про Броделя написала текст, а про Кондратьева рассказала, и он вернулся очень довольный. Отправил меня на две недели в 1980-м г. в Штаты к Валлерстайну, что, как Вы понимаете, в то время было архитрудно пробить. Я узнала о том, что меня выпускают, за день до отлета в три часа пополудни. У меня на всякий случай, чтобы не расстраиваться, на следующий день был взят билет на самолет в Крым и собран чемодан (на оба случая). По дороге в международный отдел АН за загранпаспортом и 30 долларами я успела только позвонить мужу и попросить купить консервы. Он смог найти лишь банки с сайрой.

Спасибо, кое-что прояснилось в «историческом повороте» Андрея Владимировича и в Вашем движении к длинным рядам Кондратьева. Теперь, по наводке «Вики», прошу Вас рассказать об изучении «эволюции образов прошлого в разные эпохи». Что это означает, как эта тема попала в поле вашего зрения, что удалось обнаружить?

Ответ на вопрос «Как эта тема попала в поле вашего зрения?» надо предвзреть, как минимум, рассказом о трех предшествующих этапах: издании журнала «THESIS», см.: <http://igiti.hse.ru/thesis/>; работе над книгой о категории исторического времени «История и время: в поисках утраченного» (М.: Языки русской культуры, 1997) и о «Translation Project» — проекте по организации перевода основополагающих западных книг по социальным и гуманитарным наукам в Фонде Сороса (<http://igiti.hse.ru/tp/>). Без опыта «THESISa», где публиковались переводы ключевых статей крупнейших западных экономистов, социологов и историков, у нас не возник бы необходимый междисциплинарный горизонт. Мы сами получили очень хорошее образование благодаря тому, что делали этот альманах. Несколько лет мы с Андреем читали и редактировали все статьи, участвовали в их отборе, поскольку не передоверяли целиком и полностью ответственным за разделы (даже за раздел неизвестной нам тогда социологии) эту работу. И мы вышли из «шинели «THESISa» совершенно другими людьми, с новыми обретенными знаниями и преобразованным научным кругозором. Знаю, что именно благодаря этому опыту нас пригласили в Фонд Сороса делать «Translation project». И нам, с привлечением единомышленников из «THESISa», удалось организовать перевод и издание более 400 книг по 12 социальным и гуманитарным наукам. Руководя проектом, мы приобщились к культурной антропологии, семиотике, аналитической философии, теологии. А без книги об историческом времени

(это моя любимая из наших монографий) мы никогда бы не подошли к проблеме устройства знания о прошлом, его производства, функционирования и признания.

Ответ на вопрос «Что удалось обнаружить?» требует объяснить нашу теорию форм знания о прошлом, изложенную в большой двухтомной книге: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. В 2-х тт. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. М.: Наука, 2003, 2006. Когда я читаю студентам лекцию на эту тему, я показываю им эти два кирпича и говорю: «А сейчас я вам за полтора часа объясню, о чем написано в этой книге», — и улыбаюсь 😊. Но, во-первых, полтора часа — все равно немало. Во-вторых, объяснив им, что есть разные символические универсумы (архаичное знание, религия, философия, наука, идеология, обыденное знание и пр.), и в каждом из них формируется разный образ прошлого, по разным законам и с разными целями, обычно успеваю объяснить на пальцах только, как образ прошлого выглядит в архаичном знании и идеологии.

Самый короткий вариант изложения нашей концепции — статья в 3 а.л. (Савельева И. М., Полетаев А. В. Типы знания о прошлом // Феномен прошлого / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 12–66). Даже если убрать из нее ненужное Вам как социологу объяснение подхода к знаниям о прошлом с позиций социологии знания (подход, который мы, собственно, и используем в исследовании), все равно это большой текст. Могу, конечно, объяснить общую идею, но короткий текст на сложную тему иногда писать сложнее, чем развернутый. Так что решайте, каким путем пойдем.

Я готов к чтению любых текстов, но в данном случае мне бы хотелось, чтобы после ознакомления с Вашим рассказом социолог, работающий в любой области нашей науки, мог сказать, что он уловил «зерно» методологии исследований эволюции образов прошлого в разные эпохи. Возможно ли показать, для примера, динамику отношения к индустриальной революции (или к любому другому фрагменту прошлого)?

Нас интересовали не образы прошлого в разные эпохи, а образы прошлого в разных типах знания. Я сейчас немного расскажу об этом, а потом отвечу и на Ваш вопрос о динамике отношения к индустриальной революции.

Часто все знания о прошлом называют историческими, подразумевая, что их производят историки. На самом деле это не так. Начало нашим размышлениям о том, как устроено знание о прошлом, было положено в книге «История и время: в поисках утраченного». Там мы пытались определить место истории в пространстве социальных наук, исследуя категорию времени в исторических исследованиях. Трактую современное историческое знание как научное, мы, тем не менее, обращали внимание на его гораздо менее формализованный характер, почти полное отсутствие самостоятельных исторических теорий и активное заимствование концепций и методов у других социальных и гуманитарных наук, элементы интуиции и игры, присущие многим историческим сочинениям. Тогда мы по существу отстаивали тезис, что с конца XIX в. история складывается как специализированное научное знание о прошлой социальной реальности, то есть отличается от других социальных наук не столько по предмету и методу, сколько по критерию времени. Однако многие вопросы оставались без ответа. Как на

протяжении более чем 2000 лет менялись значения и смыслы понятия «история»? Почему история все время переписывается? Почему параллельно существуют разные версии прошлого, даже когда доступны одни и те же источники? Почему содержание исторической науки так волнует власть, общественность, отдельные социальные группы?

Ответ на вопрос, что такое история, пришел в ходе работы над двухтомной книгой «Знание о прошлом: теория и история», когда мы вышли за пределы анализа научного знания и попытались разобраться, как и какое знание о прошлом конструируется в других символических универсумах. В настоящее время историческая наука играет доминирующую роль в общей совокупности представлений о прошлом, однако так было не всегда. В досовременных обществах, строго говоря, вообще не существовало общественных наук как самостоятельного типа знания. В средние века доминирующим специализированным знанием была религия и гораздо большую роль, чем сегодня, играло обыденное знание о прошлом. Но и в настоящее время вненаучные формы знания о прошлом занимают достаточно важное место в создании общей картины мира.

Мы попытались продемонстрировать, как именно прошлая социальная реальность конструируется в разных типах знания. В качестве объектов анализа мы выделяли архаичное знание, религию, философию, идеологию, общественно-научное и обыденное (массовое) знание. Написали большие главы, посвященные каждому из них. Например, глава по религии объемом 5 а.л. на самом деле могла бы стать самостоятельной книгой. За рамками нашего анализа осталось искусство, хотя мы отдаем себе отчет в особой важности этой символической системы для формирования представлений о прошлом. Достаточно заметить, что, например, практически исключительно благодаря живописи мы знаем, как выглядят Иисус Христос, Клеопатра или Уильям Шекспир, как сватались военнослужащие и устраивали пикники на траве в XIX в., и многое, многое другое.

Предлагаемый нами подход к анализу знания о прошлом базируется на использовании и развитии концепций, разработанных в рамках социологии знания, которая оказалась очень эффективным теоретическим инструментом для осуществления задуманного нами анализа (М. Шелер, К. Манхейм, Т. Знанецкий, Р. Мёртон, А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, Д. Блур, Б. Барнс, К. Кнорр-Цетина).

Базовыми понятиями в этой книге были: «история», «социальная реальность», «знание» и «прошлое». Их раскрытию и исследованию их эволюции посвящены отдельные главы. И, конечно, нас интересовало, в первую очередь, научное историческое знание, поэтому примерно половина двухтомника — об исторической науке.

Поддавшись нетерпению, первый том мы издали за три года до выхода второго и, уже работая над вторым, поняли, что композиция книги должна была быть иной. Поэтому, воспользовавшись известной таблицей Кортасара, вкладывали в экземпляры, которые презентовали друзьям и коллегам, шутивное руководство о порядке чтения.

Таблица для руководства

Эта книга в некотором роде — много книг, но прежде всего это две книги. Читателю представляется право выбирать одну из двух возможностей.

1. Книга читается обычным образом.

2. Книгу нужно читать в особом порядке по приведенной таблице:

Ia) Т. 1, гл. 3, 5, 2, 4.

Ib) Т. 2, гл. 13–17.

IIa) Т. 1, гл. 1, 6–8.

IIb) Т. 1, гл. 9–12.

IIc) Т. 2, гл. 19–21.

Главу 18 из 2-го тома можно вообще не читать, поскольку она входит в третий том, который будет издан в свое время.

Писано на русском

Ириной Савельевой и Андреем Полетаевым

с приведением цитат.

С разрешения.

Москва, 2006.

В первой коллективной работе ИГИТИ «Феномен прошлого» (М.: ГУ—ВШЭ, 2003) наши авторы (Борис Дубин, Галина Зверева, Александр Филиппов, Михаил Андреев, Лорина Репина, Наталья Самутина и др.) применили нашу теорию формирования образов прошлого в разных типах знания к анализу исторических романов, школьных учебников, политических манифестов, философских трактатов, кинофильмов и пр.

С тех пор уже десять лет «Формы знания о прошлом» — одна из главных тем ИГИТИ, ее в разных направлениях развивают наши последователи и ученики. Хотя формами знания о прошлом теперь уже занимаются очень многие историки в разных городах и странах, хорошо, что удалось создать свой институт! Это позволяет не размывать исходную теорию и вместе с тем включать в поле зрения все новые объекты исследования и задействовать эвристические возможности разных дисциплин. Например, в 2014 году мы в ИГИТИ провели большое исследование «Конструирование прошлого и формы исторической культуры в современных городских пространствах», в котором на передний план выведены формы исторической культуры в городской среде. Среди прочих задач, проект с самого начала предполагал поставить под сомнение монополию академической науки на производство представлений о прошлом, на осмысление коммуникативных рамок и импульсов повседневности. Нам удалось описать значительное количество факторов, которые не в меньшей степени, чем академическое знание, формируют ландшафт современной исторической культуры; зафиксировать рефлексивный потенциал различных форм представления прошлого поверх границ между идеологией и наукой, академическим и неакадемическим и т. д. При этом сюжетно и методологически проект далеко отстоит от наших с Андреем исследований. В его дизайне соединено не только множество научных областей, формирующих современное знание о городе (история, археология, социологически фундированные городские исследования, культурная география, теория культуры, визуальные исследования, исследования медиа и т. д.), но также задействовано многообразие эмпирических возможностей анализа исторической культуры, сформированных в различных дисциплинах.

Теперь вернусь к Вашему вопросу о динамике отношения к индустриальной революции. Это во многом вопрос об историографии. Действительно, в разное время и в разных историографических традициях индустриальную революцию понимали по-разному. И как переходный период от традиционного общества к модерному (или от феодальной формации к капиталистической). И как механизм перехода от одного уклада к другому. В ней видели и важные экономические процессы обезземеливания, создания рынка труда дешевой рабочей силы, и негативные социальные последствия (обнищание), и культурный разлом (формирование буржуазной и рабочей культуры). В 1970-е годы возникла ревизионистская школа, представители которой усомнились в том, что о такой революции вообще есть основания говорить. И они приводили весомые статистические выкладки. Но это все споры и смены интерпретаций внутри исторической науки. А вот в контексте нашей теории важно, как на представления об индустриальной революции (в том числе и на научно-исторические) влияли идеологические позиции, что об индустриальной революции рассказывает художественная литература, живопись, кино; какая память о ней транслировалась из уст в уста или запечатлена на страницах дневников и мемуаров; что писали в прессе и в какой. Все эти образы, конечно, не существуют изолированно и меняются во времени — важно уметь находить их приметы в конкретных дискурсах и применять разные критерии оценки.

Джордж Гэллап начал изучать установки американцев по отношению к разным аспектам политики, жизни общества в 1935 году, т. е. около 80 лет назад. За это время накоплены ряды, показывающие динамику отношения населения к важнейшим проблемам страны, к количеству детей в семье, к профсоюзам и церкви, к смертной казни и владению оружием, курению и потреблению наркотиков, абортam и нелегальной эмиграции и т.д. Обращались ли вы к подобной статистике в ваших исследования? Может ли быть она полезной?

Хочу сначала сказать, что Андрей в последние десять лет считал, что в значительной мере работает на поле социологии. Если посмотреть написанные нами в 2000-е годы книги, то там он все-таки выступает скорее не в роли теоретика истории, а в роли социолога науки или исторического знания. Ведь он изучал формы исторического знания, природу массовых исторических представлений, историю формирования гуманитарной и социологической классики, имманентные свойства гуманитарного образования.

Вот как раз в связи с исследованием природы массовых исторических представлений ему и пришлось произвести фронтальный просмотр опросов Гэллапа. Книгу «Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю» (М.: НЛО, 2008) мы написали совершенно неожиданно. Когда мы задумывали работу «Знание о прошлом», то в замысле был даже не двухтомник, а трехтомник. И третий том должен был быть полностью посвящен обыденному знанию о прошлом (механизмам формирования, типам, образам, исторической памяти и пр.). Но мы, конечно, выдохлись и ограничились двумя главами на эту тему во втором томе.

Мы все хорошо знаем, что история имеет важные социальные функции и что знание истории позволяет человеку идентифицировать себя с определенным местом, с определенным обществом, что оно (знание истории) легитимизи-

рует власть и задает людям разные образцы поведения и решения задач. Однако для изучения массовых знаний о прошлом применительно к давним эпохам, вплоть до начала XX века, у нас есть только мемуары, дневники, по которым мы можем судить о знании прошлого, которым обладали отдельные люди, чаще всего образованные, грамотные, просвещенные. Поэтому, когда историки изучают массовые представления о прошлом, то они используют косвенные источники, которые позволяют делать довольно смелые предположения, что если люди что-то видели, слышали, прожили, то они об этом знали. То есть предполагается, например, что если люди ходили в церковь, слушали службу, глядели на фрески, то у них было примерное знание религиозной и церковной истории, которую они в те времена понимали как прошлое. Но на самом деле изыскания, проведенные разными историками (например, замечательное исследование Эммануэля Ле Руа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня (1294—1324)», где он на материалах допросов инквизитора пытался косвенно судить о том, что же именно жители глухой пиренейской деревушки XIV в. знали, наряду с прочим, о недавнем и далеком прошлом, показали, что люди практически не знали религиозной истории, которую им, казалось бы, постоянно репрезентировали, очень плохо могли интерпретировать библейские сюжеты, которые они видели на фресках, и так далее.

Начиная с 1930-х годов появляются два других типа источников, которые говорят нам о знании истории гораздо больше. Это опросы общественного мнения и тесты. Тесты обычно проводятся в группах студентов и школьников, то есть показывают знания определенных категорий людей, а вот опросы общественного мнения (например, американские опросы, сделанные на корректных национальных выборках) репрезентируют знания разных слоев населения, и не только по политической истории, но и по истории права, науки, медицины, искусства, спорта и т.д. Естественно, что у такого источника как опросы есть много очевидных минусов и ограничений. Главный недостаток опросов — это то, что в них в лучшем случае выявляются только «конечные результаты», но практически никак не обнаруживается механизм формирования тех или иных представлений о прошлом.

Возвращаясь к Гэллапу. В 2005 г. я сидела весной в Париже, работала с группой коллег по предложенному нами проекту (Maison des Sciences de l'Homme, Paris, Columbia University Institute for scholars at Reid Hall, Paris, «Forms of Knowledge of the Past — Les formes de la connaissance du passé — Формы знания о прошлом»). Готовила для семинара доклад о формировании массовых представлений о прошлом. Андрей предложил прислать мне какую-нибудь американскую статистику о том, что американцы знают про историю. Он залез в данные Гэллапа, Хэрриса и др., ему стало интересно, в итоге летом он докопал их до конца, и осенью мы начали монографию про американцев, которую через год закончили. Результаты были для нас совершенно неожиданными.

Исходными для нас были следующие вопросы: во-первых, насколько представления элиты о важности исторического знания разделяются широкими слоями населения? Во-вторых, и это ключевой вопрос — для чего вообще нужны знания о прошлом? Отсюда возникает третий вопрос: что именно должны знать

широкие массы о прошлом (если не даты и факты)? Этот вопрос, в свою очередь, связан с пониманием того, для чего они должны это знать, — и тем самым мы снова возвращаемся к первому вопросу.

В самом общем виде можно сказать, что знания о прошлом должны обеспечивать ориентацию во времени и социальном пространстве. С этой точки зрения, знание или незнание исторической конкретики (дат, событий, личностей) само по себе не может рассматриваться как свидетельство неинструментальности обыденных представлений о прошлом в целом.

Свою мысль мы объясняли на простом примере естествознания. Подавляющая часть взрослого населения любой страны вряд ли сможет воспроизвести законы Ньютона, но при этом в современном обществе все понимают, почему брошенный камень падает на землю, а Земля не улетает от Солнца. Наличие общих представлений об электричестве и работе бытовых электроприборов не связано с точным знанием закона Ома. Это же относится и к массовым знаниям в области химии, биологии, медицины и т. д., позволяющим ориентироваться в современной жизни.

Иными словами, хотя после окончания школы большинство людей в современных обществах быстро забывает конкретные формулы, законы и пр., полученные естественнонаучные знания позволяют в течение всей оставшейся жизни ориентироваться в физической реальности и понимать базовые принципы ее устройства в соответствии с относительно современными научными представлениями (хотя бы на уровне естествознания XIX — начала XX века). Благодаря усвоенным знаниям значительная часть населения может воспринимать и некоторые новейшие научные теории, популяризируемые печатными изданиями, а также телевидением и радио.

Гипотетически можно предположить, что такая же ситуация существует и в области массовых представлений о социальной реальности, в том числе и о прошлом. Незнание дат и конкретных исторических фактов вполне может сосуществовать с наличием функциональных знаний об устройстве социального мира, его историческом развитии и, соответственно, о «времениположении настоящего». Если эта гипотеза верна, то отсюда следует гораздо большая, чем принято считать, познавательная значимость как школьного общественнонаучного образования в целом, и исторического — в частности, так и важность всех других источников знания о прошлом.

Для проверки этой гипотезы мы обратились к материалам, в которых фиксируются данные о содержании представлений о прошлом в разных странах, а именно, к социологическим опросам. На первый взгляд, и сами опросы, и полученные в них результаты показались нам довольно тривиальными. Но оставалось ощущение, что в этих результатах все-таки что-то есть помимо набора банальностей. В итоге некоторых размышлений мы пришли к выводу, что надо попытаться взглянуть на эти данные в ином ракурсе. Ситуация в этом случае является типично историографической: мы имеем дело с неким источником, который традиционно используется для получения определенных сведений, но историк может попытаться использовать этот же источник для получения иной информации, узнать из него о неких иных явлениях.

Мы занялись результатами опросов более плотно с целью найти в них ответы на свои вопросы. В качестве объекта исследования мы выбрали США по ряду причин: во-первых, информация о результатах опросов в США более доступна; во-вторых, подобные опросы там начались раньше и проводятся более качественно и интенсивно; в-третьих, мы все-таки изначально были американцами; в-четвертых, массовые представления в Америке в последние десятилетия отличались большой устойчивостью, и поэтому их легче интерпретировать.

Анализируя данные социологических опросов, мы пытались выявить, в первую очередь, своего рода каркас исторических представлений, их общие характеристики и просматривающиеся за этими знаниями ценностные, идеологические, религиозные ориентиры. Иными словами, объектом нашего интереса были общие представления об истории, точнее, об историческом процессе. Но попутно выяснилось, что и конкретные знания американцев о прошлом совсем не так плохи, как это часто изображается.

Отдав предпочтение опросам общественного мнения, мы попытались свести воедино разрозненные данные различных социологических опросов. Мы использовали результаты нескольких специальных обследований, проводившихся в 1990-е годы (в частности, в 1999 г., в преддверии конца века и тысячелетия), а также несколько сотен отдельных вопросов, включавшихся в американские социологические обследования преимущественно в последние 15 лет. В некоторых случаях удавалось сравнить результаты последних лет с более давними опросами, вплоть до первых послевоенных лет, но таких возможностей — немного, поскольку интерес социологов к исторической проблематике активизировался лишь в 1990-е годы.

Понятно, что в этой книге главное — материалы, собранные по опросам общественного мнения (ведь специальных опросов, которые проводились бы именно с целью выявления исторических знаний, очень мало, и приходилось выискивать отдельные вопросы буквально по одному-два в опросах на самые разные темы), их осмысление и обработка. Конечно, все это делал Андрей, а я говорила, что пишу тексты к таблицам, потому что гуманитарии таблицы не то что читать не умеют, но в большинстве своем на них даже не глядят.

Верно ли я понял, что «исторический поворот» Андрея Владимировича происходил на рубеже 1980-х — 1990-х годов, когда он работал в ИМЭМО? Как к этому отнеслись его коллеги, руководство? Что именно в его поисках порождало критические замечания, что, наоборот, представлялось полезным?

Плохо отнеслись, конечно, причем и коллеги, и руководство, и друзья-экономисты. По-моему, все, кроме Энтова и, может быть, Владимира Автономова. Часть из них потом поняла масштаб того, что Андрей сделал за пределами экономического поля, а часть это в принципе понять не может, просто в силу образования и интересов. Самое интересное, что и сектор Энтова, и сектор самого Андрея в 90-е годы фактически кончились, одни ушли в бизнес и госструктуры (и стали в основном очень успешными), другие — в консалтинг, аналитику. То есть речь не идет об «измене» делу сектора. Андрей совершил, конечно, совершенно непредсказуемый поворот, и суть этого поворота прекрасно выразили наши молодые друзья Елена Вишленкова и Александр Дмитриев в посвященной Андрею статье, сделанной на основе взятого у меня интервью.

«Главная уникальная особенность его творческого пути — превращение талантливого экономиста в социального ученого и блестящего гуманитария, когда большинство выбирало путь прямо противоположный. Но за этой красивой итоговой строчкой стоит способность к личному выбору, стремление шагнуть наперекор массовому потоку. Не будем забывать — это была еще и немалая драма целой когорты ученых в тот момент, когда их профессиональные качества оказались “сверхвостребованы” новым социальным запросом, — и сколько способных и одаренных предпочло новообретенную успешную и предсказуемую деловую карьеру прежней, еще отчасти престижной, но все же вмиг потускневшей ученой стезе. В начале 1920-х Осип Мандельштам, по итогам всеевропейского социального переворота, начатого еще со злополучных выстрелов в Сараево, очень точно писал о своих современниках, которые оказались в новой реальности “выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз”. Тем более ответственным и осознанным было собственное, а не внешне обусловленное желание Андрея Полетаева выйти из плотной сферы и предсказуемой траектории, где тебя держат уже признанная репутация и заслуги, в рискованную и не избалованную внешним вниманием “разреженную” среду теоретической истории, Высокой Теории вообще». (Вишленкова Е. А., Дмитриев А. Н. Настоящее совершенное: время Андрея Полетаева // Новое литературное обозрение. 2010. № 106).

Но хочу подчеркнуть, что переход Андрея к истории, а тем более трансформация в ученого широкого профиля, были замечены не в начале 1990-х годов, а позднее — в 1996-ом. Книгу о Кондратьеве воспринимали как в значительной мере экономическую, и части, написанные Андреем и мной, там были вполне различимы. С 1991-го по 1994 г. мы издавали журнал «THESIS», тогда у всех были какие-то проекты, и в этом журнале было три блока: экономическая теория, социальная теория и теория истории. В Редколлегию журнала входили крупнейшие ученые мира, из экономистов были нобелевские лауреаты (а некоторые стали ими впоследствии, что свидетельствовало о точности нашего выбора 😊). Журнал был нарасхват. Коллега из Адыгейского государственного университета в Майкопе Людмила Рашидовна Хут, с которой я познакомилась уже в 2000-е годы (она брала у меня интервью для своей книги о российской исторической науке), говорила, что им из Москвы привозили даже не ксероксы, а конспекты(!) очередного номера «THESISa». Для руководства ИМЭМО, хотя наш журнал был совершенно от Института независимым, было престижно, что издатели «THESISa» обитают в его стенах. К тому же тогдашний директор ИМЭМО Владлен Аркадьевич Мартынов очень тепло относился к Андрею. Одновременно Андрей тогда зарабатывал, издавая «Russian Economic Monitor» с Еленой Беяновой, т.е. присутствовал в поле зрения своих коллег. А на писание собственных текстов, когда мы издавали «THESIS», времени у нас не было, что и стало главной причиной отказа от продолжения издания журнала. Мы его закрыли в конце 1994 г. и два года писали книгу «История и время». Вот она и стала бомбой, причем не только для экономистов, но и для историков. Сначала мы дали читать рукопись Лорине Репиной и Юрию Львовичу Бессмертному, которые высоко ее оценили, и с тех пор у нас с ними сложились не просто профессиональные отношения, а отношения признания, если можно так выразиться. Правда, еще в рукописи книгу прочитали и другие наши кол-

леги, после чтения перешедшие в разряд друзей: социолог Борис Дубин, филолог Татьяна Венедиктова и философ Надежда Маньковская. На эту книгу опубликовали тринадцать рецензий, и лучшая была написана Борисом Дубиным.

В заключение ее Борис процитировал два последних абзаца нашей книги, и я позволю себе их повторить:

«Работа историка, безусловно, включает в себя игры с временем. Мы используем множественное число, потому что разные историки играют по-разному, в зависимости от “добровольно принятых правил”. Выбор игры зависит от времяположения самого историка — периода времени, на который приходится его творчество. Соответственно, вариант игры зависит от принадлежности историка к тому или иному сообществу: профессиональному, политическому, идейному. От задач, которые он перед собой ставит: поиск истины, воспитание молодежи или “историческое” обеспечение той или иной политической линии. (Марксисты играли с временем совсем не так, как неопозитивисты.) Далее, характер игры определяется типом историка: серьезен он или весел, смотрит ли на свое занятие как на науку или как на искусство, как на призвание или как на времяпрепровождение. Наконец, страсть и азарт, эти движущие силы игры, безусловно, руководят историком.

Конечно, историк играет не только, точнее, не просто с временем. Он играет с историческими субъектами: героями и армиями, царями и мельниками, партиями и толпами. Он вновь и вновь готовится к битвам, которые давно отгремели, располагая войска на позициях. Он определяет курс кораблей, затонувших столетия назад, пересчитывает золотые монеты и бочки с вином. Он играет эмоциями и чувствами людей: их волей, слабостями, страстями. Он манипулирует обстоятельствами. Он создает структуры даже не так, как по чертежам воссоздают разрушенные здания, — он создает сами чертежи. Он играет столь самозабвенно, что дает советы умершим! И все эти вольности он может позволить себе благодаря игровому компоненту истории, открывающей возможности “иного бытия” в ином времени» (Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время... С. 695—696).

Как точно написали мои друзья, сотни людей, пришедших на похороны Андрея, принадлежали к разным цехам науки и «весьма фрагментарно понимали сущность вклада Андрея Полетаева в развитие других дисциплин. Но все сознавали, что потеряли уникального ученого, который в силу широчайшей эрудиции и причастности к разным исследовательским сообществам мог браться за изучение пограничных тем и ставить научные проблемы там, где их еще никто не видел».

Когда вы стали осознавать, что, синтезируя экономический и исторический подходы к обществу, вы фактически становитесь социологами? Можно ли сказать, что сознание этого факта возникло у вас естественным образом — не только потому, что вы хорошо понимали, что и как вы делаете, но и потому, что отец Андрея Владимировича был создателем сектора историко-социологических исследований?

Это были подходы не к обществу, а к знанию, проблеме его производства и признания. И экономический подход уже не играл особой роли, хотя в книге «История и время» была тема экономического времени, например, а в «Истории и теории» в параграфе о формировании социального запаса знания, наряду

с социальной легитимацией и психологическими факторами, был параграф об экономических механизмах. Андрей все глубже забирался в устройство исторического знания, и естественно вышел на социологию знания. К этому времени благодаря работе над «THESISom» и проектом, связанным с переводами научной литературы (и, что очень важно, оказавшись в совершенно новом интеллектуальном кругу: нас окружали люди намного более эрудированные, чем мы) он был готов к быстрому освоению социологической теории, как, впрочем и блоков из многих других дисциплин: психологии, семиотики, лингвистики, аналитической философии. Самым удивительным для меня было то, что он не просто осваивал какое-то прежде совершенно незнакомое направление, и даже не то, что он понимал, как его можно применить к нашим исследованиям, а то, что он на новом поле мог свободно мыслить, высказывать оригинальные суждения в рамках этого поля. Таких суждений и построений очень много в наших книгах, и, я думаю, не специалистам и в голову не придет, что это лежит за пределами того, что в этих «чужих» науках сделано. Я так говорю потому, что в рецензиях на обе книги почти всегда писали об энциклопедизме, имея в виду как раз разнообразие дисциплинарных дискурсов, а это не был энциклопедизм, это почти всегда было исследование (с психологией вот не получилось — там сразу видно, что обзор). Например, уже упомянутая глава о религиозном знании — совершенно оригинальное не только по концепции, но и по многим интерпретациям религиозного знания исследование. Знатоки, которым мы давали ее читать, не находили там необоснованных заключений или ошибок. Юрий Кимелев, прекрасный специалист по социологии религии, сказал, что он перерыл самые известные и новейшие энциклопедии и библиографии, потому что не мог поверить, что никто из теологов и религиоведов не написал, как устроено знание о прошлом в религии. Ведь тема на поверхности лежит: и о Священной истории, и о церковной сколько всего написано. Так же и с текстом о смыслах и значениях истории и со многими другими. А в последние годы Андрей библиометрику освоил.

Какой была роль отца Андрея Владимировича в «социологическом повороте», сказать трудно. Может быть, занятия отца и послужили причиной рано возникшего у Андрея интереса к социологии, но сам Андрей этого как будто не замечал. Об отце часто говорил, что тот прекрасно знал Москву и ее историю, и еще рассказывал, как в молодости в команде отца подрабатывал интервьюером на фабрике «Красный октябрь». Там его поразила беспросветность жизни работников-лимитчиц, ему показалось, что они практически в эпохе работных домов жили (общеежитие — фабрика).

Можно согласиться, что работы (ряд работ), выполненные Андреем Владимировичем и Вами, относятся к социологии знания, и просматриваются их связи, по крайней мере, с социологией времени, с социологией образования и социологией науки. Обсуждали ли вы свои результаты с российскими и зарубежными специалистами, работающими по этим направлениям социологии?

Так получилось, что если в советское время мы активно встречались с западными учеными и многих знали (что в контексте тогдашней академической жизни представляло собой исключение), то с 1995 г., когда начались активные и свободные контакты, мы практически перестали общаться с зарубежными коллегами. Мы все время писали книги (пять книг, два учебных пособия и три

коллективные монографии с 1995-го по 2010 г.) и статьи, параллельно сначала делали «Translation Project» (в проекте было задействовано 60 издателей и около 1000 переводчиков, научных редакторов и экспертов), а потом создали ИГИТИ. Мы не отдыхали, годами не ездили в отпуск. Андрей еще и подрабатывал статистикой. У нас физически больше ни на что не хватало времени и сил. Сейчас я считаю, что это было серьезной ошибкой, мы себя отрезали от мира, и только в последние шесть лет связи с зарубежными коллегами у нас налаживаются, в том числе и благодаря нашим молодым сотрудникам. В ИГИТИ с 2008-го каждый год проходят международные конференции по социологии и истории науки, последняя большая Летняя школа «Интеллектуальная история и современная социология знания: перспективы взаимодействия» была в августе 2014-го), коллеги приезжают и на специальные семинары и лекции, у нас партнерские связи с несколькими сильными университетами. Но это все сейчас.

С российскими социологами, конечно, мы общались всегда. Но сколько у нас специалистов по социологии науки или знания? Инна Девятко, Виктор Вахштайн, Михаил Соколов, при Андрее в ИГИТИ пришел Александр Дмитриев, а уже после — Олеся Кирчик.

В каких российских университетах Андрей Владимирович и Вы читали (продолжаете читать) лекции по истории знания (тем или иным ее разделам, направлениям)? В каких областях специализируются студенты, которым адресованы такие лекции?

Андрей был замзавкафедрой ИМЭМО (завкафедрой был директор ИМЭМО) на экономфаке МГУ примерно с 1989-го по 1995 г., преподавал экономическую историю. Получил профессора и ушел, в основном опять-таки из-за дефицита времени, но не только. Если в первые годы к нему на курс записывалось более сотни студентов и много сильных, то в последние годы возобладал студенческий прагматизм, все шли на финансы и другие практические специальности, и к нему записывалось менее десяти, да к тому же слабых.

Я начала преподавать только в 2005 г., причем, из практических соображений. В Вышке ввели очень весомые надбавки за публикации, получившие высокую экспертную оценку, но их давали только при условии преподавания хотя бы на четверть ставки. Я читала «Теорию исторического знания», потом и Андрей стал читать «Социологию знания». Читали мы на факультете философии, так как в Вышке истфака до 2010 г. не было, а на экономфаке, где мог бы читать Андрей, в магистратуру по экономической истории тоже никто не шел. Истфак в Вышке — это наш последний с Андреем проект. Теперь я преподаю на истфаке и слишком много: у меня и магистерское направление по истории знания, и аспирантская школа — отличные аспиранты, и все это мне нравится. А когда я начала преподавать, я говорила: «Какое счастье, что это случилось так поздно». Мне казалось, что день накануне лекции, даже если не готовишься, это просто потерянный день, потому что в этот день я настраивалась и ничего другого не обдумывала и не писала.

Ваши последние два вопроса для меня на самом деле о том, чем пришлось пожертвовать, чтобы успеть сделать то, что мы сделали. Очень многим, и я сейчас говорю только о жертвах в профессии. А было и много других.

Когда мы обсуждали нашу будущую работу, Вы писали мне, что читаете *key lecture* на конференции в Варшаве, вернетесь в Москву, тогда и начнем. Вы регулярно преподаете в Варшаве? Может быть, и в других странах?

Я с 2007 г. профессор Варшавского университета, и тогда предполагалось, что вместе с коллегами по ИГИТИ буду читать там курс «Формы знания о прошлом» в *Liberal Arts college*, созданном профессором Аксером при его Институте, но потом мы переключились на целый ряд больших совместных проектов.

Сначала несколько слов о моем большом друге профессоре Аксере, который в начале 90-х годов на волне университетской автономии, создал собственный Институт междисциплинарных исследований «*Artes Liberales*». На пике своих возможностей, помимо научной работы, институт организовывал до 25 международных студенческих школ в год, приглашая студентов из университетов стран Восточной Европы и России. Ежи Аксер — человек фантастический, успешный администратор и романтический мечтатель одновременно. Идею подхватывает на лету и переводит ее в статус реальности. Нас с Андреем он покорила сразу и навсегда.

Самые значимые результаты нашего сотрудничества, на мой взгляд — организация школы для учащихся гуманитарных факультетов ведущих московских вузов в Варшавском университете в 2009 г., которая длилась месяц и в которой приняли участие 18 студентов и 7 семь преподавателей из Москвы; издание совместной монографии «Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши» (Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / Ред. Е. Аксер, И. Савельева. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010; *Humanistyka krajowa w kontekście światowym: doświadczenie Polski i Rosji*. Red. Jerzy Axer i Irina Sawieliewa. W., wyd. DG, 2011); международная программа PhD «Традиции европейского гуманизма и вызовы современности», в которой принимают участие 25 исследовательских и образовательных организаций стран Европы и США; многолетняя работа в рамках проекта «*Common academic space. Transmission of national humanistic and social sciences into the international discourse*». Дважды в год студентов Вышки приглашают на школу, приуроченную к конференции по этому проекту и организуют для них еще и учебно-экскурсионную программу в один из городов Польши. И, помимо этого, ежегодно на декабрь наши студенты отправляются в Варшаву на стажировку. Для них в Варшаве созданы оптимальные условия. И не только в смысле «презренного металла» — оплаты проезда, дешевого общежития и стипендий, — а ведь все это берет на себя Варшавский университет, но и в плане возможностей работы над темами и консультаций с профессорами факультета.

Если бы Вы задали личный вопрос: что больше всего радовало нас с Андреем в Варшаве, — я бы ответила так. Во-первых, и это главное — настоящие друзья, профессора Ежи Аксер и Ян Кеневич, в которых *szlachetność* (шляхетность) сочетается с необыкновенной сердечностью. А во-вторых, дух Варшавы — такая старая довоенная Европа, чистая, чинная и галантная, и в ней я ощущаю себя больше «по-европейски», чем, скажем, в Париже или Мюнхене. Варшава — город сравнительно камерный: зайдешь пару раз в кофейню на полчаса, и на третий раз тебя уже знают, помнят и называют «пани профессор» — нам с Андреем очень

нравилось такое обращение. Когда Андрея не стало, Ежи Аксер написал мне просто: приезжай к нам. И я приехала, отметив 9 дней, на десятый. Эта поездка меня, наверно, от многого спасла.

Защищались ли уже российскими историками, экономистами, философами кандидатские, докторские исследования по клиометрии?

Да, конечно. У Бородкина все время защищаются. И даже у меня сейчас есть магистрант с темой «Концепции экономических циклов и проблемы экономического развития России XVIII – первой половины XIX в.». Постоянно выигрывает на конкурсах. Я не хотела его брать, потому что не могу проверить его базу данных и методики, но он очень просил. Договорилась, что Бородкин прочитает текст диссертации и даст замечания.

Ирина, несколько лет назад в интервью, данном Вами Марине Пугачевой для издания «Социологическое обозрение», Вы заметили, что в последние десять лет жизни Андрей Владимирович «ощущал себя социологом». Не могли бы Вы развернуть это утверждение?

Слово «ощущал» совершенно точное, потому что, мне кажется, коллеги-социологи не задумывались о его принадлежности к своему цеху, но его собственная самооценка, я думаю, была оправданна. Книга «Знание о прошлом» в целом социологическая, но, помимо «в целом», в ней были развернутые многоуровневые сугубо социологические главы о социальной реальности (по Парсонсу), о знании и собственно блок глав о формах знания о прошлом. Это примерно том. В интервью Марине Пугачевой я сказала, что относительно необходимости главы о социальной реальности у нас были споры (я считала, что Парсонса не надо было анализировать так подробно, что это уводит от темы и скучно), но Андрей согласился со мной лишь несколько лет спустя. Андрей, с органично присущим ему сильным структурным мышлением, Парсонса читал и препарировал увлеченно (я Парсонса так и не осилила и знаю только в изложении Андрея). А для того чтобы сделать главу о знании, Андрей изучил, наверно, все основные релевантные теоретические работы, кроме Макса Шелера (не знал немецкого). Мы освоили значительную часть работ по теоретической социологии – от классики до самых актуальных. Здесь нам очень много дало многолетнее общение с Александром Филипповым и Светланой Баньковской. Книга об американцах, которые знают историю, ввела Андрея в мир практической социологии (опросы и работа с ними). И, наконец, последние две книги о классике (Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. М.: Новое литературное обозрение, 2009; Савельева И. М., Полетаев А. В. Классическое наследие. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2010), в которых Андрей представил оригинальное теоретическое исследование, предметом которого стал статус классики в социальных науках. Еще была книга «Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши» (под ред. Ежи Аксера, Ирины М. Савельевой. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2010) в русском и польском изданиях, сделанная с польскими коллегами, но она все-таки по истории науки.

В целом у Андрея после его переключения на теоретико-исторические исследования существовала проблема профессиональной идентичности, и он это переживал. Экономисты продолжали считать его экономистом и разводили руками по поводу его отхода от профессии; историки его признавали де факто: нас очень много публиковали в хороших изданиях, приглашали на конференции и семинары и пр., учили по нашим книгам, но все-таки явно или неявно упрекали в том, что мы — не практикующие историки (не работаем в архивах). Признание у социологов было только на точечном уровне (отдельные и очень немногие). Науковеды и библиометры его признали своим сразу, но у них нет таких жестких дисциплинарных границ — они сами из разных профессий.

Теперь, когда вместе с Еленой Вишленковой мы сделали книгу о профессорской корпорации «Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов» (под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М.: ИД ВШЭ, 2013), а с Александром Дмитриевым — о генезисе дисциплинарного поля в науках о человеке (Науки о человеке: история дисциплин / под ред. А. Н. Дмитриева, И. М. Савельевой. М.: ИД ВШЭ, 2015), я знаю, что пересечь дисциплинарные барьеры в когнитивном поле намного проще, чем в институциональном. Научные профессиональные сообщества защищают себя с помощью жестко проведенных границ, подразумевающих, помимо многого другого, и систему дисциплинарной сертификации и «историю в корпорации». Но тогда Андрей это проходил на собственном опыте.

После успеха книги «История и время» на рубеже 2000-х Андрей даже обдумывал возможность защиты докторской диссертации по истории, и это было вполне реально, мы советовались с влиятельными историками. Но тогда надо было бы сделать и издать книгу и статьи без соавторства. По клиометрике и с его темпами работы это не заняло бы много времени, но, тем не менее, требовало минимум на год отвлечься от следующей книги, в которую он уже был погружен. Ну и решили, что еще одна докторская степень того не стоит.

Ира, а Вы тоже ощущаете себя социологом или в большей степени историком?

Историком, конечно. Но историком, который мыслит социологически, понимает, о чем думают социологи, стремится сопрягать исторические и социологические исследования и теории. Сейчас как раз заканчиваю статью «Стала ли история социальной наукой? Энергичные объятия сциентизма». Пару лет назад опубликовала статью “In Search of the New ‘Turns’: History and Theory in the 21st Century” (Savelieva I. In Search of the New ‘Turns’: History and Theory in the 21st Century // Humanities. WP BRP 02/Hum/2011/. National Research University Higher School of Economics, 2011) — и получила много приглашений выступить с такой лекцией в разных странах. Статья о том, как оскудела история в результате ее де-социологизации в последнее десятилетие. Моя последняя статья, опубликованная уже во время нашего интервью, посвящена современной американской исторической социологии.

Да, я согласен, самоидентификация в профессии крайне важна для творческой личности, иначе она (личность) вынуждена вечно вращаться в границах полученного образования, а они — очень узкие.

Когда я беседовал с Татьяной Ивановной Заславской, я спросил ее: «Ведь не было так, что одним прекрасным утром Вы встали и сказали себе: “Дай-ка я создам экономическую социологию...”. Она ответила: «А вот тут Вы как раз ошибаетесь. На самом деле было почти так”. Судя по рассказанному, со знанием о прошлом было не так... когда вы ощутили (использую это слово), что нечто серьезное, самостоятельное возникло?

Да, мне кажется, я процесс так и описала. И книга о Кондратьеве, и «История и время» были необходимыми подступами к этой теме, так же как и издательская деятельность, но мы не двигались к социологии знания о прошлом целенаправленно. У каждой книги была своя задача, в целом же мы пытались понять, в чем специфика истории в значении знания (у истории есть еще значения: текст и процесс). Мы всегда довольно много времени тратили на продумывание каждой отдельной идеи, искали интересные развороты, контрапункты. Особенность нашей работы состояла в том, что мы долго обсуждали гипотезу, проверяли ее логически, крутили так и этак, прежде чем начинали писать. Процесс письма был скорее воплощением или превращением уже продуманной идеи в текст. Но и само письмо было ежедневным совместным занятием. То, что мы выходим на уровень теории знания о прошлом, мы осознали в процессе работы над книгой «Знание о прошлом», когда социологию знания стали использовать для анализа устройства разных типов знания о прошлом. Только когда главы о прошлом в разных символических универсумах были продуманы и частично написаны, мы поняли, что получилось не просто описание или объяснение, а целостная конструкция. О том, что это теория, первый сказал Александр Филиппов, но немногим это было очевидно. Большинство просто не знало литературу, состояние исследований в разных дисциплинах, и им в голову не приходило, что мы первые сделали такую работу.

Из западных ученых, наверно, никто именно эту книгу не прочитал — она на русском и очень большая (1300 страниц, лучше было бы меньше). Кстати, у книги «История и время...» был шанс быть переведенной и изданной в ведущем французском издательстве Éditions Gallimard. Аня Шевалье, влиятельный редактор издательства и наш большой друг, запросила наш текст на рецензию. Трудно судить, каков был бы вердикт, но рукопись отправить мы не успели — Аня безвременно умерла.

Вообще ответ на вопрос об оценке сделанного ученым-гуманитарием очень зависит от системы критериев в разных сообществах, от нормативных моделей воспроизводства науки в разных странах и дисциплинах. В России процесс приобщения к западной науке после 1990 г. был динамичным, но, как и многие другие, затронул лишь часть сообщества российских историков, в разных сегментах которого по разным правилам производятся разные типы научно-исторических дискурсов. Поэтому о признании наших текстов мы точнее всего узнаем по интенсивности, с которой нас приглашают на международные конференции. Приглашение на российские конференции, как и готовность публиковать тебя в российских журналах, обычно свидетельствует не столько об оценке работ, сколько о твоём статусе или принадлежности к определенной сети.

Ирина, при всей наивности моего вопроса, при понимании относительности границы между прошлым и настоящим (даже будущим), хочу узнать у Вас, где

«начинается» в Вашей концепции прошлое... может ли оно быть очень близким? знаете, есть очки для дали и для чтения... есть микроскоп и телескоп...

Это не наивный вопрос, над ним тысячелетия бьются мыслители и художники. Я отвечу подробно, а Вам виднее, что оставить.

Еще Августин в блистательном пассаже о «земном времени», по существу, предвосхитил философскую концепцию времени, приобретшую популярность в XX в.: «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен — прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание» (Августин. Исповедь. 11, XX, 26).

В 1 главе нашей книги «История и время» мы подробно рассматриваем два образа времени (Вечность и Время, условно говоря, — мы их обозначили как «Время-1» и «Время-2»), которые отличаются феноменальной устойчивостью и проходят через всю философскую традицию от Аристотеля до самых современных философов и социальных ученых.

В социологической литературе факт наличия двух образов или концепций времени впервые был отмечен, по-видимому, в статье Питирима Сорокина и Роберта Мертон. Эти два образа времени они определили как «астрономическое время» («время часов») и «социальное время»: «Астрономическое время одинаково, однородно, оно является чисто количественным, лишенным качественных различий. Можем ли мы так же охарактеризовать социальное время? Очевидно, что нет — существуют праздники, дни, посвященные выполнению определенных общественных функций, „счастливые“ и „несчастливые“ дни, базарные дни и т. д.».

В течение почти трех десятилетий статья Сорокина и Мертона оставалась едва ли не единственной социологической работой, в которой проблема «двух времен» обсуждалась в явном виде. Ситуация кардинально изменилась в 80-е годы, которые знаменовали собой резкое усиление интереса социологов к проблеме «двух времен». Отмечу, прежде всего, анализ двух концепций времени, содержащийся в работе Норберта Элиаса, который обозначил их как время «структурное» и время «экспериментальное».

Нас в книге «История и время» специально интересовал вопрос о времени историка и о понимании прошлого историком, поскольку мы определили историю как научное знание о прошлой социальной реальности. Не в пример философам, историки проявляли поразительное (учитывая специфику их профессии) равнодушие к разработке теоретических проблем исторического времени — в числе немногих исключений можно упомянуть интересные работы Мишеля де Серто, Райнхарда Козеллека, Дэвида Лоуэнталя, Франсуа Артога.

Однако, не размышляя о том, что «говорят прозой», историки самым активным образом используют «Время-1» и «Время-2». «Время-1» выражается в попытках «заполнить» время событиями и присутствует, в частности, в хронологии, без которой немыслима история: например, для любого современного европейского историка падение Рима произошло в 476 г., а первая мировая война началась

в 1914 г., и между двумя этими событиями прошло именно 1438 лет независимо от субъективных представлений того или иного исследователя. Далее, для историка все исторические события прошлого присутствуют в его сознании: он может практически одновременно размышлять, например, об убийстве Цезаря, крестовых походах и Ватерлоо, что подразумевает одновременное «сосуществование» каждого из этих событий в сознании, т. е. каждое из них находится в своей собственной «точке» времени.

Но вместе с тем историческое время воспринимается и как достаточно неоднородное «Время-2»: оно может быть более плотным, насыщенным или, наоборот, разреженным. Одни и те же интервалы времени, измеренные в календарных годах, представляются более или менее продолжительными. Точно так же очевидно, что упоминавшиеся выше св. Августин (354—430) и Боэций (ок. 480—524/526) жили примерно «в одно время», а И. Кант (1724—1804) и А. Бергсон (1859—1941) — «в разное», хотя промежутки времени, отделяющие смерть одного мыслителя от рождения другого, в обоих случаях более или менее одинаковы. Для любого российского историка дистанция, например, между 1909 и 1913 гг. совсем не такая же, как между 1913 и 1917 гг., хотя в обоих случаях речь идет о промежутке в четыре года. Наконец, типичный историк Нового времени, начиная с эпохи Просвещения, размышляет в контексте каузально-эффективного времени. Выявление причинно-следственных связей между последовательными событиями является почти неизменным атрибутом любого исторического сочинения.

Изучая общество, каждый исследователь, с одной стороны, является как бы внешним «наблюдателем», и в таковом качестве он использует в своем анализе «Время-1» — события социальной жизни при этом размещены во времени и заполняют его. С другой стороны, сам процесс «наблюдения» как действия протекает во «Времени-2». Описание и анализ социальных процессов зависят от положения наблюдателя во времени, от того, что именно для него является «прошлым», «настоящим» и «будущим» и, соответственно, от его представлений о каждом из этих трех компонентов временного процесса — его «памяти» (знаний, информации, представлений о прошлом) и его «ожиданий» (прогнозов, представлений о будущем). Существенное значение имеет, наконец, степень осознания исследователем своей двойственной роли — наблюдателя и действующего.

Рассматривая эволюцию исторического времени, можно отметить, что до середины XVIII в. историю пытались писать исключительно с позиций наблюдателя, т. е. в рамках концепции «Время-1». Сообщавшиеся в работах исторические сведения претендовали на роль абсолютной истины (независимо от степени их надежности). Соответственно, историческое знание предполагалось «абсолютным», а история прошлого — однозначной. Требовалось лишь установить характер и очередность событий, т. е. «заполнить» историческое время, и, будучи однажды расположена во времени, история прошлого не должна была претерпевать никаких изменений. Конечно, это не означает, что все писали одну и ту же историю, но каждый автор исходил из того, что рассказанная им «история» — единственно верная и не подлежит дальнейшему пересмотру.

Со второй половины XVIII в. время все чаще начинает рассматриваться не просто как среда, в которой происходят все «истории», — оно приобретает историческое качество. Начиная с этого периода в исторической эпистемологии складывается представление, что истина в истории не едина. Историческое время приобрело качество, производное от опыта, и это означало, что прошлое в ретроспективе можно интерпретировать по-разному. История была темпорализована в том смысле, что, благодаря течению времени, прошлое по мере дистанцирования изменялось в соответствии с меняющимся настоящим. Современность есть прежде всего, если воспользоваться удачной формулировкой Зигмунта Баумана, «время, когда у времени появилась история» (Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity, 2000. P. 110). До этого время было вместилищем истории, но у самого времени истории не было.

Для определения объекта истории удобно использовать образ, предложенный английским философом Майклом Оукшотом. «Пока я наблюдаю человека с деревянной ногой, я говорю о делящемся настоящем, как только я говорю о человеке, который потерял ногу, я говорю о прошлом», — писал он (Oakeshott M. *On History*. Oxford: Basil Blackwell, 1983, p. 7). Кардинальный вопрос методологии истории — это вопрос о том, что же все-таки изучает историк. Человека, потерявшего ногу? Или человека до того, как он потерял ногу? Или, может быть, саму потерянную ногу?

По мнению большинства исследователей, в европейской культуре чувство прошлого окончательно оформляется лишь в XIX в., и вслед за этим начинает складываться особая область знания — знание о прошлом, которое начинают именовать историей (до этого «история» в значении «знания» имела другие смыслы). Однако концептуализация различения прошлого и настоящего остается предметом дискуссий и по сей день. Эти дискуссии вертятся вокруг двух взаимосвязанных вопросов, над которыми размышляли еще Аристотель и Августин: чем отличается прошлое от настоящего и где проходит граница между ними.

Проблема отличия прошлого от настоящего обычно решается с помощью высказывания, что настоящее — это то, что существует (присутствует), прошлое — то, что уже не существует, соответственно, будущее — это то, что еще не существует. Подобный подход, однако, не слишком плодотворен. В рамках одной из двух основных концепций или образов времени все события сосуществуют одновременно. Прошлая реальность — такая же реальность, как и настоящее, и она точно так же существует (присутствует) в нашем сознании, как и настоящее.

Другой вариант разделения — то, что произошло; то, что происходит; то, что произойдет. Однако любые события (т. е. действия и взаимодействия людей) всегда или уже находятся в прошлом, и мы узнаем о них *post factum*, или становятся прошлым сразу, как только мы сделались их свидетелями. В таком определении фактически исчезает настоящее. Прошлое и будущее предполагаются бесконечными, в то время как настоящее — это всего лишь мгновение, точка на оси времени. Мало кто понимает «настоящее» как мгновение — подразумевается, что «настоящее», во-первых, представляет собой некоторый отрезок времени, во-вторых, зона «настоящего» несимметрична по отношению к прошлому и будущему. (Выражаясь языком математиков, можно сказать, что настоящее — это «односторонняя ε -окрестность» данного мгновения). Будущее отделено от

настоящего четко, а прошлое как бы сливается с ним, и границу между прошлым и настоящим мы проводим интуитивно. При этом «настоящее» включает ближайшее прошлое, отрезок ближайшей истории.

Сложность разделения прошлого и настоящего имеет вполне объективную основу. Грань между настоящим и прошлым в обществе действительно весьма условна. Специфика социальной реальности, отличающая ее от природы, состоит в том, что ее основой являются человеческие действия. Любая информация (сведения) о любом событии (действии), происходящем в обществе, является информацией о прошлом, о чем-то, что уже состоялось (произошло) — будь то поход Цезаря или последнее изменение курса рубля. Все, что мы знаем, за исключением того, что мы переживаем (наблюдаем, ощущаем) лично — относится к прошлому.

Первая линия концептуализации понятия «Прошлое» связана с понятием «Другой». Прошлое — это время, когда общество было Другим, отличным от настоящего, и мы можем показать, в чем это различие. Не менее важна и вторая линия, в рамках которой речь идет о выделении разных типов «прошлого». Первые подходы к этой проблеме были намечены еще историками Иоганном Дройзеном и Эрнстом Бернгеймом во второй половине XIX в. Эта концепция была развита спустя сто лет социологом Эдвардом Шилзом, который выделил два типа «прошлого». Первое — «реальное прошлое» — это прошлое таких институтов как семья, школа, церковь, партия, фракция, армия, администрация. Сюда же относятся знания, произведения искусства, вещи. Но, кроме того, как считает Шилз, есть «ощущаемое (perceived) прошлое», более пластичное, более поддающееся ретроспективной переделке, заключенное в памяти и письме.

Более интересный подход был предложен Оукшотом, который выдвинул идею о наличии трех «прошлых». Первое — это прошлое, присутствующее в настоящем, которое он именует «практическим», «прагматическим», «дидактическим» и т. д. Это прошлое не просто присутствует в настоящем, оно является частью настоящего — дома, в которых мы живем, книги, которые мы читаем, изречения, которые мы повторяем, и т. д., то есть все, чем мы пользуемся в настоящем, создано в прошлом. Это прошлое не отделено от настоящего, оно является его составной частью, и в этом смысле это — практическое или утилитарное прошлое.

Второе прошлое, по Оукшоту — зафиксированное (recorded) прошлое. Речь идет о продуктах прошлой человеческой деятельности, отчетливо воспринимаемых как созданные в прошлом. На самом деле это могут быть те же элементы, которые составляют прагматическое прошлое — дома, книги и т. д., но отчетливо отождествляемые с прошлым. Кроме того, в это прошлое входят те предметы, которые могут вообще не использоваться в настоящем — например, архивные документы.

Наконец, третье прошлое — это прошлое, сконструированное в человеческом сознании (Оукшот пишет только об историках, но на самом деле возможен и гораздо более широкий подход). Это прошлое конструируется, прежде всего, на основе прошлого второго типа, а именно, зафиксированных или сохранившихся остатков прошлого. Но прошлое третьего типа, в отличие от второго, физически не присутствует в настоящем, оно существует лишь в человеческом воображении.

В нашей беседе уже несколько раз упоминался Институт гуманитарных историко-теоретических исследований (ИГИТИ). Пожалуйста, расскажите немного о его создании, статусе, его тематике...

Я уже, кажется, говорила, что пять лет (1997 — 2002 гг.) было отдано программе «Translation Project» (если у меня в жизни была миссия, то она — именно в этом). Это программа, инициированная Джорджем Соросом на всем постсоциалистическом пространстве Европы. Я руководила ею в России. Мы с Андреем и друзьями-коллегами организовали перевод и издание более 400 фундаментальных западных трудов по 14 социальным и гуманитарным дисциплинам, с хорошо налаженной экспертизой переводов. В переводном проекте участвовало 63 издательства, около 400 переводчиков и научных редакторов, примерно 200 экспертов по переводам (конечно, между этими категориями было много пересечений).

Среди изданных книг: 125 — по философии, 74 — по истории, 34 — по экономической теории и истории, 38 — по филологии, лингвистике, семиотике, 12 — по психологии и т.д. Была освоена и фундаментальная литература по дисциплинам, которые отсутствовали в СССР. Например, в рамках проекта перевели 23 фундаментальные работы по социальной и культурной антропологии (Марселя Мосса, Бронислава Малиновского, Клода Леви-Стросса, Рут Бенедикт и др.); 15 трудов по теологии и религиоведению — от четырехтомной «Суммы против язычников» Фомы Аквинского до современных сочинений Иена Барбура и Ганса Кюнга. Списки переведенной литературы доступны на сайте ИГИТИ: <http://igiti.hse.ru/Editions/TP>.

После смены руководства Фонда Сороса в Москве начались постоянные попытки нас контролировать и не то чтобы вмешиваться в наши дела, но придирались. Какое-то время нас оберегала фраза Сороса, сказанная во время его приезда: «Это самый лучший проект, который я здесь видел». В конце-концов повод был найден, и меня, честно говоря, выгнали. Буквально на следующий день весь наш экспертный совет, за исключением одного человека, покинул фонд. И стало понятно, что надо где-то работать. Кроме того, было чувство признательности к людям, которые пожертвовали своими планами, уйдя вместе с нами из Фонда, и обязательства перед ними.

И в это время Вадим Радаев предложил мне возглавить в Высшей школе экономики одну структуру. Я сказала, что согласна при условии создания небольшого научного центра. А вот Андрей тогда был против. Во-первых, он считал, что заработает на жизнь, в крайнем случае, и для меня можно найти небольшие проекты, а главное для нас — писать книги. Институт, по его мнению, отвлек бы нас от научной работы. И во-вторых, он не верил, что гуманитарный институт в Высшей школе экономики (Вышка) в состоянии занять серьезную позицию и иметь какую-то перспективу. Это был 2002 год. В Вышке доминировали экономисты. Денег нам действительно дали только на год. Но, к счастью, Ярослав Кузьминов, как мне кажется, в глубине души человек гуманитарный. К нам он стал относиться как к жемчужине, маленькой, но важной структуре. И — Андрея это удивило — я довольно быстро завоевала авторитет в этой среде экономистов, маркетологов и социологов. Вопросы стали решаться. Деньги выделили под систему гуманитарных факультативов, которые мы с тех пор и читаем для всех студентов Вышки.

Первые годы управляться с ИГИТИ было намного легче, чем с огромным «Translation Project». У ИГИТИ в Высшей школе экономики была монополия на гуманитаристику, но коллег-гуманитариев почти не было. У меня до сих пор есть список «Друзья ИГИТИ в Вышке», в который в 2002 г. мы вписали всех известных нам преподавателей, не чуждых гуманитарным знаниям (конечно, мы не каждого знали). Список этот был очень короткий, и нашей аудиторией на семинарах были преимущественно историки, филологи, философы, социологи, работавшие в других вузах и институтах РАН. В наших мероприятиях участвовали лучшие специалисты-гуманитарии. Такого яркого семинара, какой был в ИГИТИ в первые три года, я нигде больше не видела.

Однако гуманитаризация Вышки шла довольно быстро, и постепенно сотрудники ИГИТИ стали во главе разных гуманитарных структур в ВШЭ: А. М. Руткевич создал факультет философии (впоследствии с отделениями востоковедения и культурологии); а А. Ф. Филиппов стал заведовать там кафедрой; А. Б. Каменский стал деканом факультета истории, открытого в 2010 г. Утратив монополию на производство и оценку гуманитарного знания в Вышке, мы приобрели высокопрофессиональную критическую среду, возможность готовить учеников и поддержку своих занятий фундаментальной наукой.

Но для нас с Андреем начался период, когда первоначальная команда — Алексей Руткевич, Александр Филиппов, Лорина Репина, Михаил Андреев — люди яркие и независимые, стали расходиться по своим институциональным и интеллектуальным тропам. И мы с Андреем из «главных» остались вдвоем, тянули весь институт на себе, что нам не очень нравилось. Но выросли в ИГИТИ или пришли новые люди, молодые, талантливые и подвижнически настроенные — Юлия Иванова, Борис Степанов, Наталья Самутина, Елена Вишленкова и Александр Дмитриев. Когда Андрея не стало, они удивительные слова о нем написали, каждый написал совсем не ритуально.

Я здесь процитирую только Наталью Самутину, которая раскрыла еще одну особенность Андрея, важную для понимания его облика.

«Андрей Владимирович был одним из самых талантливых, самых темпераментных участников тайного международного сообщества наблюдателей абсурда бытия. Никакая усталость, никакой цейтнот не могли удержать его от того, чтобы, шурясь сквозь сигаретный дым, во всех риторических подробностях разобрать с кем-нибудь из благодарных соучастников непостижимые человеческим рассудком обстоятельства появления пятого параграфа тринадцатого подпункта в восьмом приложении к документу X. Но, в отличие от многих членов этого сообщества, чье чувство юмора остается беззубым, он всегда находил силы, время, он чувствовал себя ответственным за то, чтобы давать абсурду бой везде, где это могло оказаться важным».

За последние четыре года ИГИТИ стал институтом большим и молодым. В нем около 40 человек, средний возраст около 40 лет. Четыре центра (научных направления): социологии и истории знания (это тема, на которой мы с Андреем как раз остановились); истории наук о языке и тексте; университетских исследований; исследований современной культуры. Мы пришли одной командой, и, хотя она увеличилась в четыре раза, все время сохраняется редкая возможность подбирать новых сотрудников буквально по одному, учитывая и таланты, и эрудицию, и способность к командной работе, и чувство юмора. У нас тяжело:

гамбургский счет, ответственное отношение к делу, по-крупному и в мелочах, высокая публикационная активность, много учебной, организационной и экспертной работы, неотменимые дедлайны. Но, видимо, есть атмосфера, которая привлекает, дух ИГИТИ.

Ира, пожалуйста, расскажи, как вы работали, писали вместе?

Обычно в гуманитарных и социальных науках соавторство — это разделение труда. Один читает литературу на английском, другой — может читать на немецком, один знает XVIII век, другой — XIX, один больше сидит в архивах, другой обобщает, один считает, другой анализирует и т.д. Конечно, совместному труду предшествует выработка концепции, гипотезы, плана композиции и сопутствует обсуждение результатов, а дальше большая часть работы выполняется автономно, периодически осуществляется «сверка часов», а затем — «сборка деталей», творческая или механическая.

У нас, конечно, разделение труда тоже присутствовало, но не в нем было дело. Мы изо дня в день думали вместе, и возникало удивительное поле интеллектуального и эмоционального напряжения. Острота процесса была совсем другая: мысль в тонусе, темп — как жонглеры. Уставали, конечно, ужасно.

Естественно, с разными книгами и статьями модусы работы у нас были разные. Например, в работе «Циклы Кондратьева и развитие капитализма» очень легко показать, что писал Андрей (все про экономические циклы), а что писала я, но были и общие главы. Но главное — в ней не было ни одной значительной части, которую мы бы не обсуждали, не редактировали вместе или не вторгались со своими фрагментами. Андрей тогда смеялся: мол, Ира пишет в каждой главе первые и последние страницы.

«Историю и время» мы очень часто писали, сидя за одним компьютером, и ее большая часть написана буквально в четыре руки — как пишут в партитурах, *crescendo*, *accelerando*. Вот тогда мы достигли этого удивительного состояния, когда от совместного размышления возникает огромная энергетическая сила, которая усиливает во много раз способность думать. Особенно хорошо вдвоем придумывать. Открываю Введение к этой книге и не только помню, кто какие три строчки написал, но даже как от этих строчек другой перехватывал мысль. Потом было много книг, и у каждой своя история, но такой больше не было.

Наши близкие друзья пытались угадать, кто что писал в этой книге. Все ошибались, кроме одной моей подруги. А когда-то одна наша общая знакомая высказала предположение, что все яркие части, наверно, писал Андрей, а сухие — я. «Ведь когда он выступает, он такой эмоциональный, а вы — сдержанная». А на самом деле все наоборот: на письме я эмоциональна, а у Андрея очень жесткая и сухая структура фразы. Его и редактировать поэтому неплототворно: все слова расположены на правильных местах, но много одинаковых (только и остается подбирать синонимы). А если поломать его фразу, за которой стоит совершенно точная мысль, следующее предложение начинает «плыть». Ну и везде, где в наших книгах есть таблицы и статистика, понятно, что это делал Андрей. И самые скучные темы (вроде календарей и хронологии) он, как истинный джентльмен, брал на себя. Но и полюс иронии — поле Андрея. А уж подбор эпиграфов!

«Красную книгу» «Знание о прошлом: теория и история» мы придумали вместе, но писали многие части по одиночке. Точно могу показать, какие писал Андрей, какие — я, а какие писались вдвоем. Хотя опять же не было так, чтобы один написал, другой подредактировал — и все. Андрей очень часто переставлял то, что я напишу, выстраивал логику и структуру, требовал «не скакать» — у него была удивительная системность мышления.

О том, как написали книгу «Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю», я уже рассказывала. Монография «Классика и классики в социальном и гуманитарном знании» готовилась как коллективная, но поскольку другие авторы слишком долго писали свои главы, мы за это время прочитали и сочинили столько, что, решив не занимать много места своими текстами в коллективном издании, сделали отдельную книгу — «Классическое наследие» (2010). Тогда это название показалось удачной находкой. Мы очень веселились, представляя, как будет выглядеть переплет: Ирина Савельева, Андрей Полетаев, «Классическое наследие». Книга появилась в продаже в сентябре 2010 г., и для тех, кто знал Андрея, слово «наследие» приобрело не иронический, а прямой смысл. В 2011 г. мы с друзьями и коллегами подготовили из разных трудов Андрея Nachlaßausgabe «Неклассическое наследие. Андрей Полетаев».

Когда Андрея не стало, я не знала, не разучилась ли я писать сама, без него, потому что пятнадцать лет мы все писали вместе. Это был вызов, и я в первый год писала и все время представляла его реплики, реакции, смену выражений лица. До сих пор перечитываю написанное его глазами и пишу по-прежнему увлеченно и много.

Интервью с Натальей Евгеньевной ТИХОНОВОЙ

«Я ВСЮ ЖИЗНЬ ЗАНИМАЛАСЬ ТЕМ, ЧТО МНЕ САМОЙ БЫЛО ИНТЕРЕСНО И ЧТО Я СЧИТАЛА ВАЖНЫМ»

Тихонова Н. Е. — окончила философский факультет МГУ (1975 г.); доктор социологических наук (2000 г.); Высшая школа экономики, зав. кафедрой социально-экономических систем и социальной политики (2003 — 2012 гг.), профессор-исследователь (с 2012 г.); Институт социологии РАН, зам. директора по науке (2005–2012 гг.), главный научный сотрудник отдела социально-экономических исследований (с 2012 г.). Основные области научного интереса: социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для социальной структуры российского общества в целом и различных групп населения, социокультурная трансформация и модернизация российского общества, реформирование социальной политики и его социальные последствия.
Интервью состоялось: июнь 2014–февраль 2015 г.

Завершается апрель 2015 года, начался отсчет второго десятка второй сотни проведенных интервью с советскими / российскими социологами. В рамках используемой мною поколенческой стратификации нашего профессионального сообщества, совокупность социологов, рассказавших мне о своей жизни, пути в науку и о своей исследовательской и преподавательской деятельности, может быть описана следующим образом:

Таблица 1

Поколенческая стратификация собранного массива биографических данных

Поколение	Годы рождения	Социо-хронологическое название поколения	Количество и (%) представителей поколения
Первое	1923–1934	«Шестидесятники» (1-я волна)	8 (7%)
Второе	1920-е–1934	«Шестидесятники» (2-я волна)	13 (12%)
Третье	1935–1946	Военное	24 (21%)
Четвертое	1947–1958	Первое послевоенное	28 (25%)
Пятое	1959–1970	Постоттепельное	15 (13%)
Шестое	1971–1982	Предперестроечное	16 (14%)
Седьмое	1983–1994	Дети	8 (7%)
Итого		866	112

Процесс интервьюирования продолжается почти одиннадцать лет и, думаю, завершится летом этого года. Зная к каким поколениям относятся социологи, с которыми сейчас проводятся интервью, можно сказать, что приведенное в Таблице 1 распределение респондентов по обозначенным семи поколениям, не претерпит значительного изменения. Пожалуй, лишь несколько увеличится пропорция социологов двух последних когорт.

Таким образом, первичная информация о поколениях практически собрана и теперь предстоит огромная работа по ее анализу и созданию портретов каждого из поколений и нашего сообщества в целом.

Наталья Евгеньевна Тихонова, интервью с которой приведено ниже, принадлежит к четвертому поколения отечественных социологов. И беседу с нею я рассматриваю с двух взаимодополняющих точек зрения: какую «новую краску» оно добавит к уже имеющемуся образу своей профессионально-возрастной когорты и не разрушит ли сказанное ею сложившееся ранее представление об этой общности. Ведь всегда приходится ожидать появления фактов такого уровня новизны, неожиданности, что они могут разрушить прежние теоретико-эмпирические построения и выводы.

В целом сообщенное Натальей Тихоновой о ее социализации и пути в социологию вписывается в семантическое пространство, образованное воспоминаниями социологов четвертого поколения. Интерес к философии, возникший как бы без каких-то видимых причин; в действительности, он может рассматриваться следствием ее начитанности и желания узнать реальную жизнь: намерение девочки из интеллигентной семьи, жившей в центре Москвы пойти после школы работать на ЗИЛе. Поступление на философский факультет и быстрое освоение правил, духа логического мышления, позволивших ей в будущем работать в разных областях знаний. Аспирантура, где интерес к обществу подвел ее от анализа проблем ноосферы к тематике «социальной экологии». Кандидатская была защищена в начале 1981 года, в ней рассматривалась история взглядов К. Маркса и Ф.Энгельса на взаимодействие общества и природы. Согласно рассказанному Тихоновой, ее исследование, в современном понимании границ и методов социологии, можно отнести к истории и методологии социального познания, или к теории социологии. И если это так, то в траектории ее движения в социологию обнаруживаются те же реперные точки, что и в биографиях представителей ее (четвертого) поколения социологов.

Правда, сама она отсчитывает свое «пребывание» в социологии с 1987 года, когда сложилось ее сотрудничество с Андреем Григорьевичем Здравомысловым. Однако в моем понимании, ее работа «в паре» с ним потому развивалась успешно, что в его коллектив она пришла с солидной социологической подготовкой. В конце 80-х лишь оформилась ее социологическая прописка, тогда как процесс вхождения в социологию начался значительно раньше. Как не вспомнить собственный опыт... Двадцатью годами раньше Тихоновой, весной 1968 года, когда я пришел к Здравомыслову и стал работать в крошечной социологической группе при кафедре марксистско-ленинской философии Ленинградской высшей партийной школы, я не знал о существовании такой науки. Замечу, многие мои коллеги-математики, принадлежащие к третьему поколению социологов, которые помогали социологам в обработке данных опросов, пребывали в аналогичном состоянии.

Каждый человек, рассказывая историю своей семьи, описывая процесс ранней социализации, получения образования, начало и развитие собственной карьеры, выстраивает нечто уникальное, единственное. Вместе с тем это уникальное во многом является цепочкой сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях его коллег, прежде всего — представителей его социологического поколения. Все эти более или менее часто встречающиеся жизненные коллизии в совокупности образуют «матрицу событий», или «событийный каркас» большинства биографий. И в этом смысле все сказанное Натальей Тихоновой в полной мере укладывается в матрицу событий, присутствующих в биографических воспоминаниях социологов ее поколения. При этом в интервью видна уникальность ее жизненной траектории, удивительное погруженность в научный поиск, ее успешность в разработке многих проблем социологии.

До тех пор, пока проведенных интервью было немного, настоящий проект имел лишь одну, заданную мною направленность — историко-социологическую, но постепенно в нем «самостоятельно» раскрылось еще одно свойство, он стало историко-культурологическим. Рассказы моих собеседников о своих родителях, бабушках и дедушках, более далеких родственниках, о том, где они жили, как перемещались по стране, что им пришлось испытать в годы Революции и Гражданской войны, в период коллективизации, индустриализации и в предвоенные годы. Отдельные страницы — война: фронт, тыл, эвакуация; борьба с космополитизмом, смерть Сталина. Более ста интервью с социологами — это рассказы о многих сотнях людей, среди которых были представители знати и научной элиты, крупные офицеры и крестьяне, выпускники лучших российских и зарубежных университетов и безграмотные крестьяне. Были жители столиц и небольших провинциальных городов, северных деревень и еврейских местечек. Неожиданно для меня изучение предбиографий моих коллег дало информацию о добровольной и принудительной географической миграции населения, о социальных перемещениях.

И здесь тоже, но уже применительно ко всей совокупности моих собеседников, образовалось «матрица событий», и я каждый раз соотношу содержание новой социо-культурной информации с тем, что встречалось ранее. Особенно это касается редких событий.

Так, в рассказе Натальи Тихоновой есть крайне интересные, уникальные данные, к примеру: «мои бабушки и дедушки и со стороны мамы, и с папиной стороны еще в юности приехали в Москву. В итоге наш «род» живет в Москве уже 100 лет»; «историю своей семьи я знаю с начала 19 века, т.е. примерно за последние 200 лет»; «Я — типичный представитель потомственной разночинной российской интеллигенции — в своем роду я представляю уже четвертое поколение людей с высшим образованием»; «Если же рассматривать не социальный, а этнический состав семьи, то с ним у меня тоже типичная для России картина, т.е. во мне намешана много «кровей» — от немецкой и голландской до эстонской и цыганской, хотя доминирует, конечно, русская».

Действительно, нечасто можно встретить представителей московских семей со сто летней историей, мало тех, кто знает историю своей семьи за два столетия; лишь единицы могут сказать о себе, что среди их родителей, дедушек-бабушек, прадедушек-прабабушек были люди с высшим образованием. Не могу сказать что многие отмечали подобное богатство этнического состава семей.

И все же, моя матрица социо-культурных событий включает такие случаи. Приведу несколько примеров, это — фрагменты интервью с социологами разных поколений:

А. Г. Здравомыслов (I поколение): «Я родился и вырос в русской интеллигентской семье. Мой отец был уже третьим человеком в роду, получившим высшее образование, причем и он, и его отец были выпускниками Петербургского университета; этот же университет окончили и я, и моя дочь. Сама моя фамилия говорит о происхождении из духовного сословия и о незаурядных способностях моего прадеда, который получил эту фамилию по окончании Новгородской духовной академии. Среди моих предков и родственников есть герои обороны Севастополя и 1854—1855, и 1941—1942 годов. Многие из моей родни сложили головы на полях русско-японской, Первой мировой и Великой Отечественной войн. Среди моих предков были князья и дворяне, крестьяне (в том числе крепостные), военные, вплоть до генерал-майора, священнослужители и разночинцы — почти вся Россия».

Я. И. Гишинский (II поколение): «...я закончил 281 среднюю школу в 1952 г. Время «убийц в белых халатах» и «пятого пункта», а мой отец, Илья Яковлевич Гишинский, — и с «пятым пунктом», и в белом халате (врач-невропатолог и научный сотрудник института физиологии АН СССР, канд. мед. наук). Да и двоюродный дядя мой, нарком Гишинский [1], был расстрелян как «враг народа» в 1938 г. <...> Моя мать — Редько Елена Львовна, не просто русская, а русско-украинка. Моя бабушка со стороны матери, урожденная Давыдова, принадлежала к довольно старому русскому роду (увы, связь с гусаром и поэтом Денисом Давыдовым не установлена). Ее отец — мой прадед — был аж старший егерь Его Императорского Величества и проживал с семьей под Питером в Мариенбурге, где были, как говорят, уголья царской охоты. Братья бабушки были частично «золотопогонниками», офицерами русской армии, а потому своевременно сбежали после Великого Октября».

Сымонович Ч. Э. (III поколение): «От старших родственников слышал в среднем детстве, что мой прадед Чеслав Аполлинарий (?) Каэтан (?) Сымонович был родом из шляхты Ковенской губернии. Отец гордился: «Наша фамилия “нобилитирована” в 1768 г.», о чём он-де видел запись в книге дворянских родов этой губернии. Бабушка упоминала, правда не гордясь, ибо гордиться к моменту её рождения в 1889 г., видимо, было уже нечем, что сей прадед оказался железнодорожным служащим во Владикавказе (?).<...> По материнской линии я — правнук Председателя Духовного управления мусульман СССР (в 1924 — 36 гг.) Ризаэтдина Фахретдинова. Сей муж был администратором поневоле, сожалея об

отвлечении его от дела его жизни — просвещения масс мусульман, прежде всего Поволжья и Приуралья. Мне, не знающему его языков, приходится принимать на веру утверждения его внучек о сотнях публикаций Ризаэтдина, о мудром исполнении им обязанностей судьи, о десятках томов богословских и востоковедческих рукописей, забранных сразу после его смерти в Центр, где их след затерян. Его сын, а мой дед, Габдулахат закончил Химический ф-т СПб Императорского университета, а в советское время служил в Москве «бухгалтером в наркомате»(?), был репрессирован в 1930-е гг. Его жена, т.е. моя бабка, Фирдоус вернулась в Татарию и сумела дать дочкам — моей матери Эльмире и тётке Деляре, образование. Первая стала врачом, вторая — искусствоведом».

М. А. Тарусин (IV поколение): «Я москвич в пятом поколении, то есть примерно с середины XIX века. <...> Дедушка — потомственный русский дворянин по роду с XVI века, до тех пор предки его были шляхтичи, перешедшие на службу к русскому государю. На улице Немецкой до сих пор стоит особняк, построенный по проекту Казакова, в котором дед провел свое детство. Мать деда была немка из Пруссии, а со стороны отца польская кровь сочеталась с эстонской — бабушка моя родилась в Эстонии. Так что кровей в нашей семье намешано много. Но в России не кровь определяет человека, а принадлежность к земле русской, к ее истории, языку, культуре. Дед, получивший образование в Москве, в лицее для привилегированного сословия, а до этого учившийся в Мюнхене, а потом в Лондоне, был человеком энциклопедических знаний».

А. М. Никулин (V поколение): «По материнской линии я происхожу из поволжских немцев и поволжских украинцев. Я как-то попросил мою бабушку (маму моей мамы) Амалию Давыдовну незадолго до ее смерти рассказать историю нашего рода. Она помнила историю семьи от имени прадеда с 1840-го года. Уже тогда жили мои предки немцы в Покровской Слободе (ныне город Энгельс Саратовской области) и окрестных немецкоязычных селах. Все в этом немецком роду по профессии были или колбасники, или сапожники. Муж бабушки дед Семен был хохол по фамилии Зейко, потом в советском паспорте его фамилию сокращенно записали как Зей. Они поженились в годы гражданской войны, когда в Поволжье царили голод и бандитизм. У Бабушки отец и мать, многие братья и сестры умерли от тифа или погибли в хаосе гражданской войны. <...> Мой отец Никулин Михаил Петрович 1936 года рождения родом из центрально-черноземных крестьян Липецкой области. У них в семье было четверо детей (отец третий по счету), когда в 1941-м из колхоза на фронт призвали его отца и старшего брата, вскоре погибших на войне. Итак, осталась моя бабушка Маша с тремя детьми в то нищее и голодное военное и послевоенное время особенно для крестьян».

В целом, настоящее интервью не только обогащает наши знания об успешно действующих российских социологах, но свидетельствует о логической валидности информации, заключенной в энциклопедических беседах.

Тихонова Н. Е. : «Я всю жизнь занималась тем, что мне самой было интересно и что я считала важным»

Наталья, Вы по рождению москвичка? Что Вы могли бы рассказать о своих родителях, насколько глубоко Вы знакомы с прошлым Вашей семьи?

Да, я коренная москвичка — мои бабушки и дедушки и со стороны мамы, и с папиной стороны еще в юности приехали в Москву. В итоге наш «род» живет в Москве уже 100 лет.

Историю своей семьи я знаю с начала 19 века, т. е. примерно за последние 200 лет. Это, конечно, не очень много, но все же больше, чем знают о своих предках большинство жителей России. Мне кажется, что в этой истории, как в капле воды, отразилась и история страны в самых разных ее аспектах. Я типичный представитель потомственной разночинной российской интеллигенции — в своем роду я представляю уже четвертое поколение людей с высшим образованием.

При этом жизнь моих пра-пра-пра- была очень разной. Так, один мой прадед мой имел чин тайного советника, а другой был потомственным рабочим на металлургическом заводе Демидовых на Урале. Бабушка со стороны мамы за казенный счет, как особо талантливая студентка, еще в царское время закончила консерваторию и Бестужевские курсы по математике, т.е. сумела в царской России получить два высших образования и впоследствии была математиком. Зато бабушка со стороны папы закончила лишь четыре класса церковноприходской школы, хотя это не мешало ей помогать мне решать наиболее сложные задачи по геометрии даже когда я училась в 6 классе школы.

Если же рассматривать не социальный, а этнический состав семьи, то с ним у меня тоже типичная для России картина, т. е. во мне намешана много «кровей» — от немецкой и голландской до эстонской и цыганской, хотя доминирует, конечно, русская.

О моих предках можно рассказывать много — дед, Константин Терехин¹, был солистом Большого театра, пел, например, князя Игоря, дружил с Лемешевым, с которым их объединяло происхождение и схожесть жизненного опыта. Второй дед был членом Совета солдатских депутатов во время Первой империалистической, основную часть жизни проработал потом на заводе «Серп и молот». Оба принимали активное участие в революции и Гражданской войне, хотя никакого отношения к структурам советской власти впоследствии не имели.

Что же касается родителей, то это замечательные люди, большие патриоты нашей страны. Мама еще совсем молоденькой девушкой в начале войны выступила одним из инициаторов движения «Девушки на фронт» и, начиная с битвы под Москвой, прошла всю войну в роте зенитных пулеметов, охраняла военные аэродромы. Потом с отличием закончила истфак МГУ и всю жизнь была историком. Папа во время войны был еще подростком, учился в хореографическом

¹ В книге И. С. Козловского «Музыка — радость и боль моя : воспоминания, письма, статьи, интервью» отмечается: «Певший в “Чио-Чио-сан” и “Князе Игоре” Константин Терехин — первый член Коммунистической партии среди артистов-певцов Большого театра того времени, участник гражданской войны, участник боев, которые вела Первая К 239].»

училище Большого театра, а затем работал по полученной в нем специальности сначала в ансамбле им. Александрова. Рассказывать о них можно много, но вряд ли эти «семейные предания» интересны широкой публике.

Главное — все мои предки были очень осмысленно относящимися к жизни людьми с так называемой «активной жизненной позицией».

Как Вы думаете, почему (как) Вашей семье удалось сохранить в памяти прошлое? Может быть мама-историк все собрала или, наоборот, уважение семьи к своему прошлому сделало ее историком?

Мне кажется, что потребность знать откуда тянутся твои корни — это естественная потребность человека. Не думаю, что мама что-то специально собирала, просто в доме было достаточно много старинных фотографий и вещей, и родители рассказывали связанные с ними истории и факты. А историком мама стала не сразу — долго колебалась между деятельностью инженера (и даже поступила в Бауманский, но на первом курсе поняла, что это «не ее»), певицы (и успешно закончила Гнесинское училище) и историей — на ней в конце концов и остановилась.

До школы Вашим воспитанием больше занимались бабушки-дедушки или родители? В какой части Москвы вы жили?

Трудно сказать, кто меня воспитывал до школы — уверенно можно сказать лишь, что и до школы, и в школе мое воспитание было «домашним». Ни детского сада, ни продленок, ни (до 12 лет) пионерлагерей. При этом бабушка с нами (мной и братом) занималась, в том числе и немецким языком; няня, работавшая в свое время няней у моей мамы, а к моему рождению ставшая уже членом семьи, нас с братом кормила и «пилила» за то, что шалим, а ее племянница, специально «выписанная» для этого из деревни, по 6 часов в день с нами гуляла и играла в активные игры. Мама появлялась с работы поздно, обычно в районе 8—9 часов вечера, но авторитет ее был в семье абсолютно непререкаем, а влияние на нас — огромно.

Что же касается того, где мы жили, то это был центр — улица Чехова, прямо рядом с Ленкомом, в одной из наших комнат окна выходили прямо на его стену.

Вы сделали очень интересное примечание о Вашем деде Константине Терехине: слова о нем выдающегося певца Ивана Козловского. А Вы не знаете, как и когда Ваш дед вступил в партию, из какой он семьи?

Дедушка происходил из семьи потомственных уральских рабочих, его предки еще при крепостном праве работали на заводах Демидова. Сам он начал работать на металлургическом заводе еще совсем молодым, в 19 лет (в 2017 году) вступил в партию большевиков, был комиссаром в армии Фрунзе в гражданскую войну. В конце войны был направлен в Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, известный больше как «Институт красных комиссаров». В эти годы математику там преподавала моя бабушка. Они познакомились и поженились, а в январе 1922 г. родилась моя мама.

Бабушка с ее прекрасным консерваторским образованием поняла ценность дедушкиного голоса и стала заниматься с ним вокалом. Очень скоро дедушка поступил на работу в Большой театр, где и пел потом всю жизнь. Кстати, бабушка продолжала с ним занятия и потом — до войны, выступала с ним в кон-

цртах как аккомпаниатор. Дедушка вообще был разносторонне талантливый человек. Он, например, прекрасно рисовал, освоил живопись, после него осталось много картин, причем самые удачные из них, на мой взгляд, он написал, когда ему было уже около 80 лет — в них такая щемящая жизнеутверждающая сила чувствуется, которая теперь очень редко встречается. Интересно и то, что свое революционное прошлое дед часто использовал потом в 30-е годы, когда, не боясь последствий, ходил хлопотать за своих знакомых, ставших жертвами репрессий. Например, благодаря его вмешательству удалось вытащить из застенков НКВД мужа бабушкиной сестры, астронома, который еще до революции в 26 лет получил в Санкт-Петербургском университете звание профессора, а впоследствии стал очень известным ученым и академиком не только в СССР, но и в ряде Академий наук других стран мира.

Так приятно читать, от Вашего рассказа веет теплом, уютом, похоже, Наталья, Вам радостно все это вспоминать. Начало 60-х — Вы пошли в школу, наверное, были хорошо подготовлены. Чем запомнились школьные годы?

Спасибо за добрые слова. Мне действительно приятно об этом говорить — это была иная жизнь, до всеобщей коммодификации всего и вся. Окружавшие меня люди обладали истинным чувством собственного достоинства, а самым страшным им казалось потерять уважение к себе. Все текущие жизненные проблемы на этом фоне выступали для них «мелочами жизни». И нас с братом тоже так воспитывали.

Возможно поэтому я довольно спокойно воспринимала и свои более чем пестрые отметки в школе — хотя пошла я в нее, действительно, неплохо подготовленной, книжки по 200 страниц прочитывала за три дня еще до поступления в школу. И главное, что я делала в школьные годы — это читала. Читала непрерывно — в школе на уроках, в транспорте, в кровати под одеялом с фонариком ночью, словом всегда и везде. Няня говорила, что меня нельзя оторвать от книжки как запойного пьяницу от бутылки. Перечитала почти всю классическую русскую и западноевропейскую литературу. Даже у таких неизвестных, но интересных писателей как полька Ванда Василевская или латыш Вилис Лацис прочитала полные собрания их сочинений. Очень полезное, как оказалось впоследствии, это было занятие — и для жизни вообще, и для понимания особенностей жизни общества и его социальной структуры в разных странах и на разных этапах развития.

Нет, конечно, что-то еще тоже при этом делалось — я училась во французской спецшколе, три года отзанималась танцами в Локтевском ансамбле во Дворце пионеров, девять лет — музыкой. Но все это прошло «по касательной». Зато тот единственный раз, когда мне пришлось по поручению пионерской организации брать интервью у ветеранов (в моем случае это оказался бывший узник Бухенвальда), я помню очень хорошо, а встреча с ним оказала на меня глубокое влияние. Очень жаль, что сегодняшние дети лишены таких возможностей «встретиться с историей». Но в целом в коллективе я была, скорее, «белой вороной» и не могу сказать, что слова «школьные годы чудесные» — это обо мне.

Не частый тип воспоминаний о школе, но встречающийся... в диалогах Соломона Волкова с Иосифом Бродским поэт вспоминает, что в какой-то момент школа его «так достала», что он встал на уроке, вышел из класса и навсегда ушел из школы. Жил он,

замечу, в самом центре Ленинграда, на улице Пестеля, в 10 минутах от улицы Чехова. Но Вы, можно думать, школу закончили и закончили неплохо. Не было ли у Вас планов стать филологом, профессионально заниматься музыкой, театром?

Нет, таких планов у меня не было никогда, хотя театр я очень любила. А мое отношение к школе лучше всего передает понятие «внутренняя эмиграция». Во всяком случае мне никогда не было жалко, что школа осталась в прошлом.

Может быть из-за такого отношения к ней, школу я закончила достаточно неровно — вообще-то, у меня выходило к моменту выпуска две тройки (по русскому языку — любила предложения больше чем на полстраницы и вечно ставила в них лишние запятые — и по физике). Но, поскольку остальные оценки были четверки и пятерки, то и эти две для улучшения показателей школы тоже «дотянули» до четырех. В целом средний балл по аттестату у меня был 4,2 (тогда это имело значение для поступления, поэтому запомнилось).

Я, кстати, почти до последнего момента не знала, куда я хочу поступать. Нет, конечно, чтобы не травмировать родителей озвучивалась версия, что я буду поступать на истфак МГУ. Но к экзаменам я не готовилась, хотела их провалить и пойти работать на ЗИЛ — я ведь была очень домашней девочкой, воспитанной в лучших традициях 19 века, и мне хотелось ближе познакомиться с реальной жизнью. Но зимой последнего школьного года сразу несколько человек сказали мне, что философский факультет МГУ будет впервые проводить Олимпиаду по философии. Я поняла, что все — от родителей до одноклассников — ждут моего в ней участия. Спорить не стала, т.к. мне и самой было любопытно, что это такое. Заняла на этой Олимпиаде 3 место. В итоге уже в мае меня также коллективными усилиями отправили на День открытых дверей философского факультета. Там я вдруг перестала чувствовать себя «белой вороной», поскольку там из таких ворон собралась целая стая. Да и то, что рассказывали при презентации факультета, мне показалось очень интересным. И я поняла — это мое. Правда времени на подготовку практически не оставалось, а конкурс в тот год был 25 человек на место. Но на вечернее отделение мне мои баллы поступить позволили, а потом уже я перевелась и на дневное отделение.

А почему, вообще говоря, родители и одноклассники решили, что Вы должны участвовать в Олимпиаде по философии? Что они «такое» подметили в Вас?

Мне сложно ответить на этот вопрос, но, видимо, что-то разглядели. Может быть, то, что я была «белая ворона», подталкивало их к тому, чтобы ассоциировать со мной какие-то экзотические вещи, типа олимпиады по философии. Хотя, правда, я действительно интересовалась тогда философией, но в школе об этом не знали.

Видно, действительно, у Вас было «философическое» (романтическое) представление о жизни, если Вы без совета Максима Горького (он посылал Бабеля, многих молодых писателей на стройки — жизнь познавать) думали о работе на ЗИЛе. Чем Вас встретил философский факультет? Было интересно учиться? Что прежде всего Вас привлекало?

Не согласна, что философическое отношение к жизни — это отношение романтическое. Хотя, конечно, я была тогда со своим домашним воспитанием до чрезвычайности наивной и далекой от жизненных реалий девушкой, но это

касалось скорее представлений о людях, чем отношения к жизни в целом. Ведь философия в переводе — это любовь к мудрости, т.е. это не просто набор знаний, а именно особый стиль мышления, определенное отношение к жизни. На мой взгляд, отношение к жизни, вытекающее из такого понимания философии — это стремление понять реальность вообще и что в ней действительно важно, а что лишь пена на мощном потоке жизни — в частности.

Так что в моем намерении пойти на ЗИЛ не было ничего романтического — я была достаточно умна, чтобы понимать, что практически ничего не знаю о реальной жизни, и хотела попасть совсем в другую среду, поближе познакомиться с незнакомой мне реальностью. То есть это была как бы «экспедиция в реальную жизнь», планируемая вполне сознательно ради сбора информации, а не романтический порыв. ЗИЛ же возник просто потому, что он был больше на слуху — в противном случае это мог бы быть и Завод им. Хруничева или любое другое предприятие.

Что же касается философского факультета, то первыми словами, которые я там услышала, придя 1 сентября на лекцию (это была формальная логика) были: «Я должен прочесть у вас курс логики. Вообще-то логика у человека либо есть, либо ее нет. Но курс я вам все-таки прочитаю». И уже на первой же паре я ощутила и вкус академической свободы, и прелесть свободного полета мысли, и открытие каких-то новых горизонтов, а не просто изложения новых знаний. А главное — вокруг меня были люди, которым все это тоже было важно, которые хотели понять что-то о сути жизни, а не просто пользоваться ее отдельными возможностями. И это было очень здорово — я как бы оказалась на свежем воздухе после душной комнаты, для меня задул «вольный ветер». Так что учиться было не просто интересно — фактически именно тогда у меня сформировался определенный стиль мышления, были приобретены те базовые знания, которые впоследствии позволяли мне с определенной корректировкой их работать в самых разных областях знаний. И я и до сих пор считаю, что главная задача хорошего университетского образования — это сформировать определенный стиль мышления, а не просто вложить в голову студента некую совокупность знаний.

Я знаю воспоминания о годах обучения на философском факультете Б. А. Грушина, Ю. А. Левады, ряда других философов, учившихся в начале 1950-х. Они отмечали, за редким исключением, высокий уровень идеологичности в подаче и интерпретации философского знания. Аналогичное писала и Т. И. Заславская о преподавании на экономическом факультете. В те годы, когда Вы учились, это было уже не так? Какие разделы философии Вас наиболее интересовали?

Да, мне повезло, в те годы, когда я училась (1970–1975), философский факультет переживал пору своего расцвета. Конечно, и у нас была история КПСС и научный коммунизм (кстати, это были два единственных предмета, по которым у меня были четверки — в отличие от школы, где успеваемость у меня была не ах, попав в интересную для себя проблемную среду, университет я закончила с «красным дипломом»), но изучение их проходило как-то «по касательной» и мало на что влияло. Зато у нас пять лет шла история зарубежной философии, два года — высшая математика, пять лет — логика (формальная, математическая и диалектическая), два года — философские проблемы естествознания, а также психология, философия науки и масса других интересных предметов. В универ-

ситете я занималась соотношением форм движения материи, там же еще 40 лет назад, в студенческие годы, появилась моя первая публикация, посвященная проблемам ноосферы. Меня интересовали также вопросы методологии познания, и я была единственной девушкой, которой уже на 4 курсе предложили пойти в аспирантуру на кафедру диалектического материализма, где и сосредотачивалась тогда разработка этой проблематики. Но интерес к обществу победил, и я в итоге занялась проблематикой, которая теперь называется «социальной экологией».

Вообще говоря, в науке чаще интереснее не предмет исследования, а методология поиска. И я уверен, что к разработке проблематики, называемой сегодня «социальной экологией», Вы подходили примерно также, как если бы сделали выбор в пользу диалектического материализма. И все же, что это была за тематика? Как она оказалась в Вашем поле зрения? Она и стала темой вашей кандидатской разработки?

Не могу с Вами не согласиться — фактически, методология анализа и задает (конструирует) во многом предмет исследования. Здесь диалектическая взаимосвязь: с одной стороны, те задачи, которые Вы ставите перед собой, приступая к исследованию, определяют для Вас «коридор выбора» методологии, а с другой — избранная методология невольно определяет получаемую картину результатов анализа. Так, например, если Вы рассматриваете объект вне связей с внешней средой, то информации о них у Вас в результатах не будет, хотя, возможно, именно взаимодействие изучаемого объекта с его окружением являются наиболее интересным для понимания его сущности и важным для прогнозирования его развития.

Что касается тематики, то меня интересовала с середины 1970-х по середину 1980-х гг. система взаимосвязей и взаимообусловленностей в развитии общества и природной среды нашей планеты. То есть это как раз взаимодействие общества с внешней для него средой, которая, одновременно, выступает его внутренним «я», являясь материальным носителем накопленного богатства развития самого общества (от собственно материальных, включая культурные, ценностей, то человеческого организма, также развивающегося в процессе все еще продолжающегося антропогенеза) и, в этом смысле, опредмечиванием сущности самого общества.

Соответственно, начав с проблематики ноосферы (как в понимании ее Тейяр де Шарденом, так и В. И. Вернадским) я плавно перешла к изучению методологии анализа взаимодействия общества и природы как одной из вариаций взаимодействия разных форм движения материи — и в этом плане мой анализ, действительно, шел в русле традиции диалектического материализма. Кстати, очень много интересного на эту тему, именно в плане методологии, писали Карл Маркс и Фридрих Энгельс — я считаю, что глубже них проблематику взаимодействия общества и природы и до сих пор не анализировал никто.

А в 1980-х годах, уже после защиты кандидатской диссертации по философии, я занялась проблематикой социальной экологии уже через призму глобальных проблем, в частности ограниченности ресурсов разного типа (в контексте традиции, идущей от работ Римского клуба, буквально «гремевших» в 70-е годы прошлого века). Однако во второй половине 1980-х гг. в нашем обществе начались глобальные перемены, и мне стало интересно разобраться в сути происхо-

дящего. Кроме того, к этому моменту мне уже стало понятно все, с чем я хотела разобраться в области социальной экологии, как, впрочем, и весьма печальное в этом контексте будущее человечества. В результате мне захотелось переключиться на более близкую его (человечества) перспективу.

Я согласен с Вашим понимаем единства предмета и методологии, просто мое сегодняшнее понимание методологии, думаю, несколько отлично от Вашего, но это — детали. С середины 70-х по середину 80-х и я занимался экологической проблематикой, но лишь одним аспектом — восприятием людьми окружающей среды на разных ее уровнях. Это была серия исследований, которые проводились в Ленинграде, Эстонии, Литве и Венгрии. Сегодня, сопровождая свои ответы, Вы написали: «Увы — в Институте я практически не бываю, и вообще больше времени провожу за рубежом, чем в России». Почему «увы» и почему за рубежом? Это связано с Вашим текущим проектом?

Если бы я писала о своем сегодняшнем понимании методологии, то оно тоже было бы, конечно, несколько иным. Я описывала тогдашнюю ситуацию глазами себя из «того времени», кстати тогда у меня была даже другая фамилия.

Если же говорить о том, что я по полгода отсутствую в России, то это связано не с каким-либо проектом, а с избранным мной в последние годы образом жизни. Увы — так как это создает с учетом того, что я продолжаю работать сразу в двух местах (НИУ ВШЭ и Институте социологии РАН), довольно много оргпроблем. Потребовалось изменение всего строя жизни, нет возможности так часто, как хотелось бы, видеть близких и т.д. В значительной степени выбор такой модели жизни для меня — вынужденное решение, диктуемое проблемами со здоровьем мужа.

Сил Вам, Наталья... пойдём дальше? Как называлась Ваша кандидатская диссертация, когда Вы ее защитили? Что удалось показать?

Кандидатскую диссертацию я защищала очень давно, еще в феврале 1981 года. Точное название ее сейчас и не вспомню, но предметом ее выступала проблематика анализа взаимодействия общества и природы в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса. Она включала рассмотрение истории их взглядов на эту проблему и методологии анализа диалектического взаимодействия общества и природы. Материала было море Мало кто знает, например, что Маркс специально проштудировал десятки книг по экологической проблематике — от работ, посвященных анализу роли опавшей листвы для биоценоза леса до вклада человеческой деятельности в изменении составов почв в тех или иных странах. Причем он эти книги не просто просматривал, а именно штудировал, оставляя на полях подчас с десятков пометок на одной странице. Очень интересны многие идеи Марксом о роли биологического начала в человеке, соотношении в нем социального и биологического, о причинах и этапах протекания процесса отчуждения человека от природы, предпосылках формирования экологического кризиса и последствиях нарушения экологического баланса для разных групп населения в условиях капиталистического общества («экологической эксплуатации»), а также многие другие, намного обогнавшие свое время.

Работать над этой проблематикой было сложно, но очень интересно. Сложно — потому что, во-первых, в этом вопросе, как, может быть, ни в одном другом Маркс постоянно шел в логике диалектического метода, причем без вся-

ких расшифровок и комментариев, поскольку эти сюжеты при анализе и изложении материала были для него сопутствующими. Соответственно, требовалось немалое интеллектуальное напряжение. А во-вторых, потому, что у Маркса и Энгельса нет работ, специально посвященных этой тематике. Поэтому для восстановления их взглядов, а тем более их эволюции, мне пришлось полностью перечитать все их тексты, включая переписку и черновые наброски, сделать картотеку фрагментов текстов, посвященных интересующей меня проблеме, провести их систематизацию, пересмотреть для полноты картины все книги с их пометками на полях, которые относились к сюжетам взаимодействия общества и природы, все это осмыслить и описать. Как Вы догадываетесь, это была титаническая работа, сейчас сама удивляюсь, как я смогла это сделать, учитывая, что в это время я работала и, к тому же, у меня родился старший сын. Просто было, видимо, уж очень интересно. Погрузиться глубоко в логику работы таких ученых и их систему взглядов — это как дышать чистым морским воздухом после выхлопных газов. Такое же чувство во мне вызывали только работы В. И. Вернадского и З. Фрейда.

Что же касается выводов, то главный вывод, который я для себя сделала изучив взгляды Маркса и Энгельса на эту проблему — что экологическая политика советского государства не имеет ничего общего с марксизмом (как, впрочем, и многое другое в его деятельности). Более того — это закономерный и неизбежный порок существовавшей общественной системы. Соответственно, пытаться изменить это абсолютно бессмысленно — для этого надо менять всю систему. После этого я еще 3—4 года позанималась проблематикой глобальных проблем, а когда мне и с ними, в том числе и перспективами их эволюции все стало ясно, то переключилась на социологическую проблематику.

После защиты Вам предложили работу на Вашей кафедре или Вы сами что-либо новое для себя нашли?

Мне не могли предложить работы на кафедре — если помните, тогда, чтобы преподавать философию в вузах, надо было быть членом партии. А меня в КПСС упорно не принимали, хотя я искренне верила в коммунистические идеалы и хотела вступить в партию отнюдь не по карьерным соображениям. И, кстати, хотя я никогда не была сторонником марксизма-ленинизма (считая его одной из разновидностей утопического социализма), но и тогда, и сейчас считала себя сторонником аутентичного марксизма. Убеждена, что лучшей методологии для анализа общества на макроуровне и до сих пор нет. Другое дело, что аутентичный марксизм как методология очень сложен, для его понимания надо для начала неплохо знать Гегеля и его диалектический метод, и, уже хотя бы только поэтому, реальный марксизм в нашей стране мало кто знает.

Так что, хотя я никогда не голосовала за Зюгановскую компартию, которая никакого отношения к реальной коммунистической идеологии, конечно, не имеет, но считаю, что весь мир идет в предсказанную Марксом сторону — ведь что есть постиндустриальное общество с точки зрения основных его особенностей как не описанный Марксом этап общественного развития, приходящий в эпоху глобализации (в его терминологии — «интернализации») на смену современному ему капитализму (индустриальному этапу общественного развития)? Кстати, для чего надо много мужества и сил — так это для того, чтобы в среде нашей интел-

лигенции, отстаивающей якобы демократию и плюрализм, публично заявлять о своей приверженности марксизму. Видимо, за эту готовность открыто отстаивать свою позицию и иметь ее независимо от внешнего давления меня и не принимали в советское время в партию — тогда ведь таких людей тоже и система, и общество отторгали.

Ваше отношение к марксизму напоминает мне отношение к концептуальному аппарату марксизма «диастанкуров», т.е. членов «Московского методологического кружка»: Б. Грушина, А. Зиновьева, М. Мамардашвили и Г. Щедровицкого. Так, по мнению Мамардашвили, их поколение было лишено информации, лишено связей, но диастанкурам удалось найти в логике «Капитала» материал для анализа, который рассматривался ими как образец интеллектуальной работы. «Это не марксизм, — говорил он, — это текст личной мысли Маркса, текст мыслителя по имени Маркс». Вы в целом согласны с моим допущением?

Да, конечно. Маркс как ученый и как деятель революционного движения — это совершенно разные ипостаси. Маркс как ученый, логика его анализа, разработанная им методология анализа общества и сегодня сохранили свое значение, в том числе — и для внутреннего роста любого ученого в процессе их освоения. Более того — думаю, что Маркс похож в этом отношении на Гегеля. Как применительно к Гегелю можно говорить о более чем спорности разработанной им системы представлений о мире, но вряд ли более-менее образованный человек не оценит по достоинству предложенный им вариант диалектического метода анализа, так и разработанный Марксом метод анализа общества не теряет научной значимости, хотя его конкретная система представлений о мире являлась отражением современных ему реалий и в этом плане, конечно, устарела.

Правда, если говорить конкретно о «Капитале», то, несмотря на его широкую известность, он мне кажется менее интересным, чем подготовительные рукописи к нему. Именно в подготовительных рукописях Маркс писал максимально свободно, полет его мысли, их логика особенно наглядны, а многие мысли, которые он высказывал как бы «по ходу» основного анализа, чисто ассоциативно, особенно интересны. В их числе и мысли об изменении функций свободного времени, о сути азиатского способа производства, о роли науки в будущем обществе и масса других. И это не удивительно — как знает каждый, кто издает свои работы, при подготовке их к печати приходится выбрасывать массу не относящихся к основному предмету анализа сопутствующих идей и прогнозов, а само изложение подстраивать под существующий в науке «дискурс», который, конечно, достаточно быстро устаревает. И чем больше конкретный ученый опережает свое время, тем больше теряют его работы при подготовке их к печати.

Что же касается Маркса, то о нем и его взглядах как ученого у нас вообще сплошь и рядом судят даже не по «Капиталу», который, на мой взгляд, тоже уже во многом устарел, а по «Манифесту Коммунистической партии» — небольшой ранней и заказной, как мы бы теперь сказали, работе, написанной им совместно с Энгельсом для пропаганды среди малообразованных рабочих и на понятном им языке. Так что построенный во многом на этой работе «марксизм-ленинизм» и аутентичные взгляды Маркса — как говорится «две большие разницы».

Как происходило Ваше включение в социологию? Я понимаю, это был конец 1980-х.

Вы правы — мое включение в социологию началось в 1987 году, после того как я в силу чисто личных причин перешла на другую работу и оказалась в одном, сравнительно небольшом коллективе (семь человек) с Андреем Григорьевичем Здравомысловым. Как я уже говорила, я хотела сменить проблематику исследований, в советском обществе начались тогда очень интересные процессы (именно в это время были приняты законы, создавшие основу для развития частного бизнеса — о кооперации, о трудовых коллективах, о центрах научно-технического творчества молодежи, которые тут же начали торговать компьютерами и т. д.). Новая работа давала мне такую возможность.

Кроме того, мне повезло, что мой тогдашний руководитель правильно оценил особенности моего отношения к миру, а также круга моих знаний и интересов, и решил переориентировать меня не на политические (что, по сути, в то время означало выполнение идеологического заказа) проблемы, которыми занималось большинство окружавших меня людей, а на социально-экономическую проблематику. В практическом плане это означало то, что я начала работать «в паре» с Андреем Григорьевичем Здравомысловым над одними и теми же темами, проектами и т.д. Для меня работа с этим действительно выдающимся российским социологом была прекрасной школой. Мы проработали с ним вместе много лет, и даже десятилетий, фактически до самой его смерти. И хотя непрерывная теснейшая работа с ним продолжалась не так долго, всего 4—5 лет, но потом мы еще не раз участвовали в совместных проектах, как внутрироссийских, так и международных.

Второй этап моего включения даже уже не в социологию, а в социологическое сообщество был связан с защитой мной в 2000 г. в Институте социологии РАН докторской диссертации. К этому времени у меня вышло уже немало социологических работ — десятки статей в России и за рубежом, ряд коллективных монографий с моим участием и под моей редакцией, индивидуальная монография, на которую, с гордостью могу сказать, достаточно активно ссылаются до сих пор. Тем не менее, в социологии я все еще ощущала себя скорее гостем, чем хозяином. Но на мою защиту пришли как годами не появлявшиеся на заседаниях диссовета «корифеи», так и его завсегдатаи — Грушин, Левада, Ядов, Здравомыслов, Лапин и другие, а Заславская и Гордон были у меня, соответственно, первым и вторым оппонентами. Защита продолжалась больше 3,5 часов, и наши «корифеи» проверяли меня «на вшивость» всеми мыслимыми способами. А когда она успешно закончилась, Андрей Григорьевич Здравомыслов подошел ко мне и сказал: «Ты оценила, кто к тебе пришел и как они себя вели? Радуйся — теперь тебя приняли в этот круг и ты своя в социологии». Именно тогда, а не на своей кандидатской защите, мне стал понятен смысл защиты как определенного обряда инициации и многие особенности процесса защиты, начиная с подготовки к ней, как бы обрели в моей голове свой изначальный смысл. Теперь я пытаюсь объяснить этот смысл молодежи, своим ученикам, что помогает им легче пережить все, связанное с процессом защиты.

Согласен с А.Г. Здравомысловым, который был моим первым социологическим учителем, что тот Совет имел право открывать вход в социологию. Как называлось Ваше докторское исследование и к каким основным выводам Вы в нем пришли?

Вот видите, оказывается мы с Вами птенцы из одного гнезда. А что касается диссертационного исследования, то оно называлось «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» и затрагивало довольно обширный круг вопросов.

Если говорить об основных его выводах, то сейчас, спустя 15 лет, я бы выделила среди них прежде всего выводы о том, что для наиболее массовых и низко-ресурсных страт, составляющих примерно 60% россиян, действует только вертикальная система социальных статусов, так как их уровень жизни не позволяет им выбирать тот или иной стиль жизни. Для представителей страт, находящихся выше границы между малообеспеченностью и среднеобеспеченностью, возможна также группировка на основе принципов горизонтальной стратификации. Кроме того, я обратила внимание на тот факт, что в российском обществе уже к концу 1990-х годов сформировалась группа представителей застойной бедности, которые имели отчетливо выраженные особенности не только их экономического положения, но и образа жизни и личностных характеристик. Наконец, в работе было зафиксировано, что верхняя и нижняя страты практически уже оформились к тому моменту в группы со своими субкультурами. Эта ситуация и сейчас, спустя 15 лет с пришедшимся на них во многом кажущимся ростом благосостояния населения, не изменилась.

Был в работе сделан и вывод о том, что в сознании россиян по итогам преобразований 1990-х годов утвердилось такая модель социального устройства российского общества, где основная часть населения противостоит элитным группам, существует сильная социальная дифференциация, а большинство населения сосредоточено в наиболее бедных слоях, а также что эти представления в целом соответствовали реальности. В то же время в ней было показано, что россияне отчетливо понимали, что то время давало поистине уникальные возможности для социальной мобильности, включая как возможность “разбогатеть”, так и возможность “сделать карьеру”, и это выступало в их глазах одним из важных достоинств сложившегося общества, примирявшим их с возникшей глубокой социальной дифференциацией, во многом, к тому же, нелегитимной в их глазах по своим основаниям..

Стали ясны также соподчиненность и основные группы факторов, определяющих как нахождение в составе различных классов, так и характер мобильности. В их числе оказались: 1) факторы, связанные с особенностями рыночной позиции; 2) факторы, связанные с местом работы; 3) факторы, связанные с местом проживания; 4) факторы, связанные с аскриптивными характеристиками; 5) факторы, связанные с особенностями семейного положения; 6) факторы, связанные с социально-психологическими особенностями; 7) факторы, связанные с особенностями поведения; 8) факторы, связанные с особенностями социализации и ближайшим окружением людей. Таким образом, выявленный на основе анализа эмпирических данных список факторов стратификации включал, наряду с макрофакторами (сосуществование двух секторов экономики, региональные особенности и т. п.), также факторы микроуровня, связанные с особенностями отдельных акторов.

Интересным оказалось и то, что часть этих факторов имеют «сквозной» характер действия, т.е. сказываются на месте в социальной структуре представителей всех групп, однако другие, и их относительно больше, имеют локальный

характер действия. Так, для принадлежности к верхним слоям населения среди этих факторов решающую роль играли в 1990-е годы властный ресурс, регион проживания, наличие собственности, в некоторых регионах — квалификация. Для принадлежности к среднему слоям — регион проживания (поскольку различные регионы характеризовали тогда различные темпы, масштабы и глубина рыночных преобразований), а внутри определенного региона — работа в разных секторах экономики, остальные же факторы имели значение прежде всего постольку, поскольку оказывали существенное влияние на работу в разных секторах экономики, причем решающее значение среди этих факторов имели личностные факторы. Для принадлежности к низшим слоям основное значение имел состав домохозяйств, здоровье, пенсионный возраст, в некоторых регионах — факторы, связанные с работой (задержки с зарплатой, нестабильная занятость), но главными среди них в любом случае выступали тип домохозяйства и коэффициент семейной нагрузки.

Отмечу, кстати, что в своей последней книге, вышедшей в 2014 году («Социальная структура России: теории и реальность»), я проверила, в том числе, и как изменились эти факторы и их роль в 2000-е и 2010-е годы, и оказалось, что сейчас картина факторов стратификации существенно иная, чем 15 лет назад, и особого оптимизма происшедшие изменения не вызывают.

После защиты докторской диссертации минуло полтора десятилетия. Как бы Вы охарактеризовали их в целом, какие периоды можно было бы выделить? Стремились ли Вы и удалось ли Вам сконцентрироваться на анализе одной сферы социальных отношений или пришлось мигрировать?

Да, Вы правы, годы эти были непростыми, и заниматься за это время пришлось разными проблемами, хотя стержневой проблематикой для меня всегда оставались проблемы социальной структуры российского общества. С одной стороны, это было связано с тем, что менялось само общество, а, следовательно, и характер его структурирования сохранял как научная проблема свою актуальность. Кроме того, учитывая неоднозначность самой модели стратификации российского общества, обусловленную его многоукладностью (и до сих пор в литературе идут споры о том, какой же является социальная структура России — классовой или это разновидность позднесословных структур, есть и мнение, что можно ограничиться лишь делением россиян на «управляющих» и «управляемых»), интересно было посмотреть как «работают» в российских условиях различные концепции социальной структуры, предлагавшиеся такими гигантами социологической мысли как Маркс и Вебер, а из наших современников — Эриком Олином Райтом, Джоном Голдторпом и другими. Ведь ни одна научная концепция сама по себе не в состоянии обеспечить получение «истины в конечной инстанции», это всегда не более чем инструменты анализа, в той или иной степени подходящие для изучения интересующей тебя проблемы. А, значит, с учетом того, что показывают разные концепции, можно получить не плоскостную, а объемную картину анализируемого предмета (в данном случае — общей модели структуры российского общества). С другой стороны, многие вопросы, входящие в проблематику социальной стратификации, требовали более деталь-

ного анализа. Поэтому много внимания мне пришлось уделить за последние полтора десятилетия анализу среднего класса в России, ситуации с низшими классами в нашей стране, проблемам динамики факторов стратификации и т.д.

Однако, наряду с проблематикой социальной структуры, была и еще одна тема, которая, войдя в мою жизнь еще в середине 1990-х годов с легкой руки Андрея Григорьевича Здравомыслова, потом уже не отпускала от себя, и ей посвящено за это время не меньше моих работ, чем проблематике социальной структуры. Называть ее можно по-разному — социокультурная динамика российского общества, эволюция нормативно-ценностных систем россиян, этап социокультурной модернизации, переживаемый Россией и т. п. С разных сторон все эти определения, по сути дела, описывают один и тот же предмет исследования. Думаю, на этом поле своих интересов мне тоже удалось кое-что сделать — во всяком случае, судя по данным РИНЦ, публикаций, ссылающихся на мои работы по данному направлению, не меньше, чем по проблематике социальной структуры.

Однако главным, что отличало этот период от предшествующего периода моей жизни, была даже не динамика научных интересов, а появление в моей жизни новой для меня сферы деятельности — работы с молодежью. Не секрет, что 1990-е годы тяжело сказались на российской науке. Фактически мы потеряли в то время целое поколение, и сейчас те, кому от 30—35 до 45—50 лет, в российской науке очень немногочисленны, а уровень их как ученых во многих случаях оставляет желать лучшего. Смотреть на эту картину грустно, хочется, чтобы в науку пришла свежая талантливая поросль. И к 50 годам я, наконец, созрела-таки до осознания того, что надо активно включаться в процесс подготовки молодежи. Не скажу, что до этого я совсем не занималась научным руководством — одна из моих сотрудниц, Надя Давыдова, успешно защитилась еще в начале 2000-х, причем, несмотря на ее трагическую кончину уже более пяти лет назад, на ее работы ссылаются и до сих пор, и не только в нашей стране. Но в целом эта деятельность долго была на далекой периферии моего сознания. В декабре же 2003 г. я после 7 лет отказов согласилась, наконец, на предложение Овсея Ирмовича Шкаратана прийти в Вышку (Высшую школу экономики) и взять там кафедру социально-экономических систем и социальной политики.

Приход в Вышку (причем именно приход, а не переход, т.к. в Институте социологии, который стал моим «вторым домом», я не только осталась, но и объем моей деятельности там не сократился) очень сильно осложнил мою жизнь в организационном плане, но эмоционально принес много радости. Я даже сама не ожидала, что удастся всего за 10 лет подготовить больше десятка действительно высококлассных специалистов, большинство из которых работает теперь в академической науке и имеет, несмотря на свою молодость, не только около полусотни российских, но и ряд зарубежных публикаций в солидных изданиях. И какое удовольствие получаешь, когда видишь, как они «растут над собой», становятся известны в академической среде, публикуют работы, написанные на очень хорошем научном уровне, по которым никогда в жизни не догадаешься, что их авторам не более 30 лет! Не случайно буквально за несколько лет работы в науке их индекс цитирования по РИНЦ достигает уже 14—15 баллов.

В целом могу сказать, что мне в жизни, несомненно, повезло, хотя период моей активной работы пришелся на очень непростое для российской социологии время — мне довелось иметь прекрасных Учителей, я всю жизнь занималась тем,

что мне самой было интересно и что я считала важным, судя по всем признакам мне удалось при этом немало сделать в научном плане и после меня в науке останутся талантливые молодые ребята, которым суждено большое будущее. И хотя в российской культуре не принято гордиться своими достижениями, но могу честно сказать, что мне за свою жизнь не стыдно, даже если больше мне уже ничего не удастся сделать.

Интервью с Марией Сергеевной ТЫСЯЧНЮК

«Я – ФЕНОМЕНОЛОГ, МНЕ НРАВИТСЯ ЧТО-ЛИБО ОБЪЯСНЯТЬ И СОЗДАВАТЬ СВОИ СОБСТВЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ»

Тысячнюк М. С. — окончила биологический факультет ЛГУ (1978 г.), магистерскую программу наук об окружающей среде Бард Колледжа в (1998 г.), аспирантуру в Университете Вагенингена в (2012 г.); кандидат биологических наук (1984 г.), Ph.D. in Sociology (2012 г.); Научный сотрудник ЦНСИ, координатор направления «экологическая социология».

Основные области научного интереса: экологическая социология, экономическая социология, социология транснациональных процессов, этнография народов Севера

Интервью состоялось: июль 2016 г.

Сегодня – 1 августа 2016 года, более года назад я решил не начинать новые интервью, лишь доделывать начатые, но в силу разных обстоятельств не законченные. И четко следовал этому решению. Но 10 или 11 июля я прочел на моей facebook-странице слова Марии Тысячнюк о том, что ей было бы интересно рассказать о себе. Я практически ничего о ней не знал и ответил ей: «Мария, я готов провести с вами интервью, я понял, вы работаете в команде Виктора Воронкова... но есть один существенный момент... я сейчас составляю 9-томник моих работ по истории социологии, в который войдут и все интервью; делается это к Конгрессу, который состоится в Екатеринбурге в 20-х числах октября; чтобы успеть все с диском, я должен ВСЕ тексты передать в макетирование (я уже передаю частями) не позже первой недели августа... если вы готовы работать над интервью в ударном режиме, начнем...

12 июля мы начали. Кто лишь начнет читать рассказ Марии Тысячнюк о своей жизни и характере ее деятельности, сразу поймет, что сжатые сроки никак не пугают ее; она всегда много работает, всегда – под прессом внешних обстоятельств, всегда в дороге, всегда в (для многих других) экстремальных обстоятельствах. Для иллюстрации сказанного замечу, что 29 июля мы закончили наше интервью. При этом, в течение прошедших 2,5 недель Мария проводила свою плановую работу в нескольких поселках Аляски, а затем поехала на Гавайи писать статьи и познавать острова.

Но рад я не тому, что провел очередное (точнее — совсем внеочередное) интервью, оно стало 141-м, но меня устраивало «даже» 140. Рад я тому, что обнаружил в нашем профессиональном сообществе ярко выраженный тип, по словам Марии, «научно-номадической жизни». Она легко, радостно, переезжает из страны в страну, работает в разных иностранных университетах, участвует в многочисленных научных форумах, публикуется в зарубежных журналах с высоким значением импакт фактора.

Я обнаруживал нечто подобное, но в более «стертой форме», в рассказах других российских социологов, и понимал, что эта нередкая для американских и западно-европейских ученых форма организации труда и жизни захватит и российских социологов. Но мне казалось, что это модель — будущего, ее станут осваивать социологи VI-VII поколений. Ошибся, одной из первых это стала делать Мария Тысячнюк, принадлежащая к IV генерации социологов. В этом смысле она — обогнала свое время.

М. С. Тысячнюк: «Я — феноменолог, мне нравится что-либо объяснять и создавать свои собственные теоретические концепции»

Мария, не ждали, не гадали, что сегодня начнем наш разговор, однако... в тех отрывочных сведениях, что я нашел о Вас в Интернете, сказано, что Вы закончили биологический факультет ЛГУ. Вы и родом из Ленинграда? В любом случае, пожалуйста, расскажите немного о Вашей родительской семье?

В моей семье все биологи, дедушка был академик, Алексей Алексеевич Заварзин, он создал теорию параллельных рядов эволюции, мама и дядя продолжали его работу. Он умер в послевоенные годы, когда я еще не родилась, но наш дом жил его идеями. Бабушка и дедушка в Сталинские времена не ложились спать, ждали черный ворон и арест, который, к счастью не произошел. Наоборот, семье дали почти целый этаж в ведомственном доме Института экспериментальной медицины. Над нами был этаж, который занимал Иван Петрович Павлов. Мое детство прошло среди ученых, они собирались у нас дома, я слушала их разговоры об эволюции беспозвоночных и диссидентские политические разговоры.

В школьные годы каждый день мама напоминала, что нельзя рассказывать в школе ничего из того, что я слышала дома. Я научилась быть пионеркой в школе и диссиденткой дома. Времена были уже не страшные, никого в тюрьму не сажали, мама и дядя перестраховывались. Я училась в Испанской школе, где директором была Афанасьева Надежда Александровна, мама Лены Здравомысловой. Я была в нее влюблена с первого класса и на всю жизнь... Каждое лето я ездила с мамой в экспедиции, на Белое море, на Дальний Восток, очень любила путешествия. К биологии относилась хорошо, но мне всегда больше нравились гуманитарные науки, литература, иностранные языки и психология.

Я боялась, что не поступлю на филфак, поэтому поступила на биофак. Мне было неловко, что я живу как бы в тени своих родных, дядя заведовал кафедрой Гистологии на биофаке, мама доктор наук в Институте эволюционной физиологии и биохимии им. Сеченова—все продолжали труды дедушки Заварзина. Я решила, что раз уж я уже на биофаке, то тоже продолжу его труды вместе с мамой, хотя у меня всегда было внутреннее сопротивление и, на самом деле, не хотелось идти по стопам.

Если, Мария, мы начнем говорить о том времени и о биологии, будет сложно закончить. Заметно раньше Вас я учился на мат-мехе ЛГУ и, если можно так сказать, «специализировался» в биометрике. Многие годы был членом биометрического семинара Олега Михайловича Калинина, изучал работы Гальтона, Пирсона. У нас часто выступал Александр Александрович Любищев, Раиса Львовна Берг, я слушал лекции профессоров Терентьева и Токина. А начинал мою социологическую деятельность под руководством Андрея Григорьевича Здравомыслова. Какими направлениями биологии вы занимались в студенческие годы?

Да, о биологии можно говорить бесконечно! Мне всегда нравилась Раиса Львовна Берг, а вот к лекциям Токина я относилась скептически, много теоретических натяжек... Я занималась нейрогистологией и энтомологией. Моя дипломная работа была посвящена структурной организации нервной системы клопа Вредная

черепашка. Она плавно переросла в кандидатскую диссертацию. Дедушка, Заварзин, окрашивал метиленовой синью брюшную нервную цепочку беспозвоночных и показал схожесть ее организации с позвоночными, выявил параллельные ряды эволюции, так, например брюшная нервная система мухи отличается высокой организацией и сравнима с мозгом человека. Моя мама всю жизнь изучала структурную организацию нервной системы стрекозы Эшна (Aeshna). Мамин любимый руководитель, который был и моим наставником — Г. А. Невмывака, всю жизнь исследовал нервную систему дождевого червя. Он всегда говорил с сожалением: «Жизнь такая короткая, а нервная система червя такая длинная, только бы успеть». Я в свою очередь исследована центральную нервную систему клопа Вредная черепашка (Eurigaster integriceps). Это было необходимо для эволюционных обобщений теории параллельных рядов эволюции.

Я, как и все мои родные, училась на препаратах Заварзина. В отличие от родственников, я заинтересовалась эндокринной системой насекомых и исследовала нейросекреторные клетки клопа Вредная черепашка. Для этого применяла другую методологию гистологической окраски. Часть дипломной и кандидатской диссертации делала в Москве у Алексея Алексеевича Панова, специалиста по эндокринологии насекомых, часть в Институте защиты растений, а основную часть (под руководством Владимира Леонидовича Свидерского и моей мамы Плотниковой Светланы Ивановны) в Институте эволюционной физиологии и биохимии. В дальнейшем, я не порвала связь с Институтом эволюционной физиологии и биохимии, когда маме исполнилось 90 лет, она стала хуже видеть и не могла успешно находить литературу по специальности в интернете, я ей помогала с поиском литературы на английском языке и в написании дискуссии к ее статьям. Она внезапно переключилась на исследование нервной системы американских тараканов, а руки уже были не те, я помогала делать препараты.

Четыре года назад, когда к маме, приезжал Николас Штраусфельд (известный ученый из Университета Аризоны), я помогала его принимать, он знал мои ранние работы и думал, что я до сих пор работаю по специальности, перед его приездом я прочитала все современные работы в области нейробиологии и иммунохимии. Это был мой, слегка ностальгический, поход в прошлое. Мы с мамой помогали Штраусфельду написать главу о моем дедушке. Книга вышла очень красивая, Штраусфельд увез наши лучшие препараты для электронной библиотеки, обещал сделать их реконструкцию, используя современную компьютерную технику, которой нет в России.

На какие годы пришла Ваша студенческая пора? Что Вас интересовало за стенами биологических лабораторий?

Это были Брежневские времена, я ходила на выставки, 2–3 раза в неделю в театр, очень часто в Мариинку, читала Солженицына (рукописи передавали из рук в руки). Мы встречались в Сайгоне, на Невском, с Леной Здравомысловой и ее друзьями, меня к ним тянуло, но я была маргинальным членом их компании. Это была социологическо-биологическая тусовка, обсуждали мировые проблемы. Иногда ходили на нелегальные выставки в квартирах с друзьями с биофака, один раз, помню, нагрянула милиция, и мы выпрыгивали из окна. Летом путешествовала 3 месяца подряд, 1–2 месяца в экспедициях, а потом сама. Время было достаточно беззаботное и счастливое.

В каком году Вы окончили биофак и что было затем? Аспирантура или исследовательская работа?

Я закончила Биофак в 1978 году, оформила соискательство в Институте эволюционной физиологии и биохимии, и поступила на работу старшим лаборантом в Институт защиты растений (в Пушкине). Моя диссертация была в области фундаментальной нейрогистологии, а работа в Институте защиты растений прикладная. Клоп Вредная черепашка, большой вредитель полей Краснодарского края. Мы испытывали ювенильные гормоны, которые заставляли клопа спать летом, вместо нажировочного питания, без жира клопы вымирали зимой. Предполагалось, что гормональная обработка полей менее вредна, чем пестициды, но я думаю, что вредна. В Институте эволюционной физиологии и биохимии я продолжала исследования в русле моей семьи и дипломной работы, у меня были публикации в реферируемых журналах еще в студенческие годы. В 1979 году у меня родился сын, и я перешла на работу в Педагогический Институт им. Герцена, обучилась анатомии и физиологии в Первом Меде и стала преподавать анатомию и физиологию в Педагогическом институте им. Герцена, в 1984 году защитила кандидатскую диссертацию и вскоре стала доцентом.

Все так гладко, внутри своего профессионального сообщества... и когда и почему обозначилась социология?

Мой путь в социологию был очень долгим, через психо—физиологию, науки об окружающей среде, исследования третьего сектора, прикладные социальные исследования, инициативные проекты в области окружающей среды... Студенческая пора была долгой, одни студенческие годы проходили, а другие начинались в разных западных университетах. Когда я работала в Институте Герцена, я стала немного удаляться от нейрогистологии. Кафедра называлась — Анатомии и физиологии человека, и Юрий Анатольевич Даринский, наш заведующий кафедрой, намекал, что нужно бы заняться человеком, а не насекомыми. Я всегда интересовалась психологией, и у меня был друг (коллега) психолог — Виктор Таланов, бывший физик, с которым мы развернули целое направление психо-физиологии на кафедре, вместе вели дипломников, у нас их было очень много.

Мы исследовали зрительную угловую иллюзию у детей и студентов, проводили массу психологических тестов и искали корреляции с чертами характера. По зрительной угловой иллюзии пытались предсказывать акцентуации личности. Это было интересно, но я немного скептически относилась к результатам наших исследований, по сравнению с нейрогистологией, мне казалось, что это — шаг назад в науке. Мы ездили на массу конференций по психологии и возили с собой дипломников. Тогда на кафедре были хоз-договоры, были специальные сотрудники, которые их выполняли, а деньги делили на всех преподавателей; мы много ездили, то в Узбекистан, то в Украину, то на Дальний Восток, то в Сибирь. В семье говорили: «Ну и фигней же ты, Маша, занимаешься» А наш профессор Даринский, наоборот, радовался, что у нас много дипломников и публикаций. Тогда никто не знал об импакт факторе, любая напечатанная работа считалась публикацией: любые тезисы, любые сборники трудов... У нас было своеобразное разделение труда: Виктор помогал студентам измерять зрительную иллюзию и проводить тесты, он же считал статистику, а я писала тезисы и статьи в сборники. Я тогда была рьяным преподавателем, студенты жили у меня дома (смотрели за сыном), мы очень увлеченно занимались

дипломами, кроме того, я препарировала трупы в Первом Меде и приносила новые самодельные экспонаты в наш анатомический музей. Студенты всегда были вокруг, и дома, и на даче, иногда мы с ними сидели в институте до часу ночи, обсуждали наши исследования. Я согласна с мамой, что в науке, возможно, это был шаг назад, но в преподавании точно шаг вперед.

Так продолжалось до Перестройки, а когда она настала, то было уже не до зрительной угловой иллюзии. Я была очарована Перестройкой! Бабушка рассказывала мне о революции 1917 года, я была вдохновлена тем, что смогу рассказать внукам о перестройке и о Михаиле Горбачеве. Все хотелось наблюдать и документировать.... Тогда у Казанского Собора собирались люди, незнакомцы, и просто разговаривали о политике. Меня туда тянуло, и я устраивала со студентами своеобразные флэш-мобы—мы выходили на газон с человеческими костями и там проводили занятия по анатомии. Вокруг нас собиралась толпа, все, в конце концов, переключались на разговоры о политике. Вскоре об этом прознал деканат, и мне сказали, что кости не должны покидать пределы кафедры! Когда случилась Чернобыльская авария, я влилась в движение за охрану окружающей среды. Тогда страны Прибалтики уже хотели отделиться, и экологическое движение было связано с движением за независимость. Олег Яницкий исследовал эти общественные движения, Ольга Цепилова изучала протесты против загрязнения в Киришах, ну а я просто наблюдала и участвовала в разных акциях. В 1992 году в Институте Герцена стали задерживать зарплату, у мамы на работе тоже, было трудно доставать реактивы для нейрогистологических исследований, ученые практически перестали работать, приходили на работу и бесконечно пили чай. Хоздоговоры все закончились...

Тогда я стала ездить в Турцию и в Польшу челноком, совмещала это с преподаванием в Институте Герцена, успевала ездить между занятиями. Это было достаточно увлекательно, убегать от мафии, перевозить через границу 20 громадных сумок. Я изучила достопримечательности Стамбула и успевала проводить там экскурсии для туристов на английском языке. Успевала развлекаться... но челночная работа, конечно, сказывалось на основной работе, студенты стали получать меньше внимания. Социологи, знакомые Лены Здравомысловой, брали у меня интервью. Они все время хотели услышать о тяготах жизни и вынужденности поездок, но я сама воспринимала поездки как приключения и жажду путешествий, хотя заработок, конечно, тоже был важен. Мои интеллектуальные друзья, философы, жаловались, что я стала разговаривать о турецких трусах и ценах, а не о книгах. Я и сама почувствовала, что с этим бизнесом нужно завязывать, иначе трудно будет вернуться в науку. Меня утешало то, что я могла заказывать маме нужные реактивы из Германии, и она, и ее коллеги могли продолжать худо-бедно нейрогистологические исследования.

И тут появились гранты! Лена Здравомыслова первой поехала в Америку по программе IREX, по возвращению, она помогла мне написать мой первый грант на обучение в Центральном Европейском Университете в Будапеште, и я его получила, и поехала на летнюю программу изучать науки об окружающей среде. Меня тогда интересовали экологические движения и социальные аспекты охраны окружающей среды. И потом понеслось... Тем, кто успешно закончил программу в Будапеште, Фонд Сороса дал грант на дальнейшее обучение, мы сами выбирали куда ехать. Тогда я еще как-то старалась увязать свое обучение с интересами нашей кафедры анатомии и физиологии, поехала в Эдинбург изучать экологию человека (Human Ecology), это

были уже социальные науки. Потом я получила следующий грант и поехала изучать науки об окружающей среде в Бард Колледж, штат Нью Йорк. Это была магистерская летняя программа, можно было получить магистерскую степень за четыре лета.

Я выбрала летнюю программу потому, что не хотела бросать работу в Институте Герцена, преподавала по-прежнему, но интересы были уже не те. Мой грант был только на одно лето, а потом администрация Бард колледжа стала переживать, что я не плачу за обучение. Колледж, в конце концов, дал мне стипендию, но не покрывал расходы на жилье. Я тайно жила под столом моего научного руководителя Жоржа Маккарти (George McCarthy). Утром складывала спальник, убирала в шкаф и уходила в бассейн. Когда приходила, в офисах уже были люди, никто ни о чем не догадывался. Секьюрити меня постоянно будили по ночам, предлагали отвезти домой на своей машине, но дома то и не было, хотя был пропуск для работы по ночам. Потом удалось подружиться с секьюрити, и они перестали проверять этот офис по ночам. Вскоре я получила грант от Американского совета учителей русского языка (American Council of Teachers of Russian) на полугодовую стажировку в Штаты, приехала и «нормально» жила в съемной комнате. Тогда на кафедре в Институте Герцена за меня радовались, отпустили на полгода, даже гордились мной. Но потом я получила грант по экономической программе, изучать экономику в США... с этой стипендией закончила мою магистерскую программу и защитила магистерскую диссертацию по теме «Устойчивое развитие в России и США».

Трудно определить, была ли это социология или просто социальные исследования. За этим последовала стипендия Фулбрайт — на 8 месяцев в Штаты. И тут-то терпение ректората в Институте Герцена не то чтобы лопнуло, но меня начали спрашивать, а не хотите ли Вы поменять специальность? А Вы точно вернетесь? Решили, что я уволюсь, но если после возвращения захочу обратно, то меня возьмут снова доцентом. Раньше, когда я уезжала в Штаты, я просто отдавала зарплату коллегам, а они меня заменяли, неся двойную нагрузку. Теперь появилась возможность взять другого сотрудника на мое место. Чтобы не терять стаж, я перенесла свою трудовую книжку в ЦНСИ, там и осталась работать до настоящего времени. Стажировку по Программе Фулбрайт я проходила в Нью Джерси, в Рамапо колледже (Ramapo College of New Jersey), там в первый раз в жизни стала преподавать в Штатах... После возвращения в Россию гранты потекли рекой, я курировала обменные программы между учеными из России и США (12 таких программ, профинансированных фондом «Доверие и Взаимопонимание» [Trust for Mutual Understanding]), три гранта Макаруров подряд, 6 грантов Сороса, и много других, преподавала в Центральном Европейском Университете, в Будапеште. Бард колледж тогда создавал в Питере Смольный колледж либеральных наук и искусств, они меня вдохновили преподавать там, на открытых курсах, это было увлекательно. Меня, как и раньше, любили студенты, и мои выпускники курсов стали сотрудниками ЦНСИ, у нас создалась группа экологической социологии. Среди них Алла Болотова (закончила Европейский Университет и отделилась—стала коллегой), Дима Воробьев—так и не закончил ЕУ, хотя учился, Света Пчелкина, Антонина Кулясова и Иван Кулясов (Кулясовы и сейчас в ЦНСИ), намного позже, я уже забегаю вперед, в нашу группу влилась Светлана Тулаева, моя невестка. Сотрудники группы стали активными участниками моих обменных программ, все постоянно ездили в Штаты, в основном в те университеты, в которых я преподавала.

Когда было мало грантов для них, а сама спонсировала исследования группы и издание книг, которые мы писали. Моих американских зарплат на это хватало сполна. Потом я получила стипендию по исследованию Благотворительности (Fellowship in Philanthropy) и поехала в Университет Джонса Хопкинса к Лестеру Саламону, там опять захотелось поучиться, и я начала программу по исследованию третьего сектора. Было увлекательно снова стать студенткой! Чтобы себя содержать, я преподавала один курс в Университете Джонса Хопкинса (Johns Hopkins University), потом два курса в Тавсон Университете (Towson University) и один в Дикинсон Колледже (Dickinson College, Pennsylvania), ездила туда на Грейхаунде. Впоследствии, стала работать в Дикинсон колледже аджанкт-профессором, и тогда, я около года жила в Карлайле — это был один из моих любимых колледжей. Когда началась война в Ираке, мы со студентами Дикинсон колледжа по вторникам выходили со спальниками на улицу и перегораживали хай-вей, университет это приветствовал, это было весело, студенты играли на гитарах и пели песни. Так я и пробыла в Штатах 3 года, пока мой лимит по J-1 визе не закончился. Грантовая жизнь и поездки в Штаты по В-1 визе продолжались, я даже умудрялась по ней преподавать. Но, в общем и целом, война в Ираке на мне сказалась, я временно охладела к Америке, захотелось в Европу. Все время, проведенное в Штатах, я искала проекты для моей экологической группы, иногда их сама придумывала и оплачивала. Мы тогда увлекались исследованиями экопоселений в России и США, ездили вместе в поле. Это были социальные исследования, но еще не настоящая социология. Настоящая социология началась с поступления в аспирантуру в Голландии, и тогда, когда я подружилась с Саскией Сассен, Ждоном Урри и увлеклась Антони Гидденсом и Ульрихом Бэком.

Чем же Вас увлекли Гидденс и Бэк? Какие проблемы и какие пути их решения они вам открыли? Чем нагрузили Вас эмоционально?

О проблемах и их решениях я думала только тогда, когда писала гранты и отчеты, но мне всегда хотелось понять и объяснить мир вокруг себя. Когда я была нейробиологом, то пыталась все объяснить работой нейронов, на кафедре анатомии и физиологии языком гормонов и физиологических процессов, впоследствии языком психологии...ну а в социологическую бытность вообще настало раздолье, масса теорий и неограниченные возможности для интерпретации социальных явлений. В ЦНСИ все феноменологи, а Виктор Воронков, радикальный сторонник качественных методов в социологии, всегда резко противопоставляет себя позитивистам. Я искала теоретический фрейм для работы в области экологической социологии, для объяснения моих данных. До Гидденса я читала в основном Маркса, историю философии и критику марксизма (в университете), а по Гидденсу пыталась разобраться с классикой социологии. Глазами Гидденса я пыталась понять Дюргейма и Макса Вебера, не читая, к сожалению самого Вебера...(нужно прочитать!)

Интерпретативная социология, изложенная Гидденсом, была в духе миссии нашего Центра. Была интересна критика Гидденсом исторического материализма. Для ЦНСИ особенно важен микро уровень в исследованиях, хотя мне больше было интересно сочетание микро и макро уровней, как в трудах Гидденса. Я старалась понять социологическую классику через ее ре-интерпретацию Гидденсом; тогда я еще не задумываясь о создании своей собственной социологической теории. Меня интересовала модернизация и ее влияние на самоидентификацию. То ли в 2002, то ли в 2003 году у меня был грант Британского Совета (British Council); я поехала

в Лондонскую Школу Экономики и сходила на лекцию Гидденса, это была лекция в середине его курса по теории Структурализма (Structuration Theory), вот это было эмоционально, после этого я смогла осилить книгу Гидденса “The Constitution of Society» (не всю целиком, с небольшими пропусками – мощная книга). Меня вдохновляло то, что очень многое в социальном мире можно объяснить через концепцию Гидденса «структура и действие» (interplay of structure and agency), практически не отдавая предпочтения ни одному из этих элементов. Вдохновляла дискуссия о пространстве и времени в эпоху глобализации. И Мануэль Кастельс, и Джон Урри подхватили эту дискуссию вслед за Антони Гидденсом, я тоже подхватила в своей социологической теории (намного позже).

Мой собственный, постперестроечный выход в открытый, глобальный мир способствовал жажде интерпретации явлений глобализации, в особенности того, что сейчас называют глокальностью (glocal и «interplay of global and local actors across hierarchy of scales»), но это уже Саския Сассен – мастер и мой кумир. Гидденс начал дискуссию о рефлексивной модернизации, которая была развита Ульрихом Бэком. Теория рефлексивной модернизации никогда не вызывала у меня эмоций, но она хорошо объясняла необходимость изменения экологической политики. Я много работала в области экологической политики (environmental policy), была нужна объясняющая теория. Кроме всего прочего, мои научные руководители в Голландии (Артур Мол и Герт Спааргарен) ярые сторонники Ульриха Бэка и его теории рефлексивной модернизации, рефлексивная модернизация является частью их теории экологической модернизации. Я с интересом прочла труды Бэка об обществе риска (risk society). В традициях российской социологии было применение – тестирование западных социологических теорий к российскому контексту, именно тогда Олег Яницкий начал писать об обществе всеобщего риска в России следуя теории Бэка. Мне это казалось уже через чур... уж больно трагично Россия выглядела, такая интерпретация шла в противоречие с моим собственным опытом.

В моей жизни риск не носил отрицательных коннотаций, а был частью познания, как у Бэка в теории рефлексивной модернизации (в психологии это называется выходом из зоны комфорта, который расширяет возможности личности) Последние работы Гидденса разочаровали, он стал политиком и стал писать на злобу дня... очень уж много повторов. А вот поздний Бэк мне нравился, особенно его работы о космополитическом обществе (cosmopolitan society). Эти работы радовали душу и сердце, я сама себя считаю космополитом, а тут как тут теория об этом. Сама теория мне казалась натянутой и идеалистичной, но это был творческий процесс Бэка, которому я со-радовалась. Бэк приезжал к нам в ЦНСИ, Виктор Воронков и Лена Здравомыслова его встречали, он всегда поддерживал ЦНСИ, я старалась ходить на его лекции в Европе, о космополитизме помню его интересную лекцию в Амстердаме.

Теперь, Мария, пообстоятельнее об аспирантуре в Голландии; в Америке аспиранты затрачивают около четырех лет для подготовки Ph.D., у Вас, наверное, меньше, Вам могли зачесть какие-либо предметы, которые Вы изучали в студенческие годы и при работе над кандидатской. Какую тему Вы разрабатывали в аспирантуре?

В Голландии аспиранты тоже делают диссертации не менее четырех лет, большинство 5–6 лет. Аспиранты часто испытывают стресс, очень переживают из-за всего, долго работают над концепцией своего проекта (thesis proposal), долго ее утверждают, бесконечно работают над своей теоретической рамкой, которая, как

правило, является излюбленной теорией их профессора, многие заболевают синдромом хронической усталости, и им продляют срок.... Я была необычным аспирантом, я получала удовольствие и только под самый конец напрягалась и не спала ночами. После обучения в Штатах, и опыта работы, все было легко.

Я не собиралась поступать в Голландскую аспирантуру, это вышло почти случайно. У меня был проект с Университетом Чикаго по исследованию нелегальной торговли животными, растениями и их частями на пограничной территории (implementation of CITES convention), я работала с китайской аспиранткой Чикагского Университета и тогда очень часто ездила в Чикаго. Недалеко от Чикаго в Медисон-Висконсин проходила конференция-дебаты к юбилею Алана Шнайберга. Тогда в экологической социологии шел диалог между сторонниками теории экологической модернизации (Hubert, Mol, Spaargaren) и сторонниками теории Жернова Производства (Treadmill of Production — Schnaiberg, Weinberg, Gold). Поскольку я руководила группой Экологической Социологии в ЦНСИ, то меня эти дебаты интересовали, и мы с китайской студенткой написали тезисы и поехали на конференцию в Мэдисон-Висконсин, там, кстати, классная социологическая школа, и у меня было много знакомых. Там на банкете мы разговорились с Артуром Моллом, я с ним и раньше много раз встречалась на разных конгрессах, в основном Американской Социологической Ассоциации, ну и Европейской тоже.

Обычно, когда я разговариваю с интересными социологами, то спрашиваю их, нет ли у них в Университете каких-либо стажировок (guest researchers, visiting professors, fellowships), это мой обычный, дежурный вопрос, Артур сказал, что есть только аспирантура. Я и сама не заметила, как начала горячо ему объяснять, что у меня образование биологическое, а работа социологическая и очень нужно PhD по социологии, и именно по экологической социологии. Никогда раньше не думала, что мне это нужно... Сунула ему визитку и благополучно забыла о нашем разговоре. Неожиданно, через пол года Артур Молл написал мне письмо, сказал, что у них есть конкурс на аспирантское место с финансированием и нужно быстро написать проект будущей диссертации (thesis proposal). То, что у них называется быстро — месяц — у меня называется очень, очень медленно. Я, конечно же, написала proposal исходя из моих текущих проектов. Тогда целая серия проектов была связана с управлением возобновляемыми ресурсами (governance of renewable natural resources), а именно с управлением лесами, с лесной сертификацией. Эти исследовательские проекты финансировались Академией Наук Финляндии, но была еще и практическая часть, на которую я получала отдельные гранты Европейского Союза. Я еще работала экспертом аудитором и консультантом лесных холдингов, кроме того по грантам Евросоюза мы работали с местными жителями российских деревень, объясняли людям их новые права, которые дает лесная сертификация. Плюс, как я уже рассказывала, я организовывала обмены между учеными России и США, тогда у меня был проект с Йельским Университетом, с директором Школы лесоведения, Бенжамином Кашором (Yale University School of Forestry с Benjamin Cashore). Это очень известный политолог-социолог в области лесных отношений; он — классик в исследовании лесной сертификации. Я как раз планировала поехать в Йельский Университет к Кашору на 4 месяца, ну и поехала, конечно, когда уже училась в аспирантуре.

Так что, мой аспирантский проект был практически суммой этих выше-перечисленных проектов. Тема называлась: «Транснациональное управление силами негосударственных акторов: исследование добровольной сертификации Лесного

попечительского совета (“Transnational governance through private authority: The case of the Forest Stewardship Council certification in Russia”). Работа опубликована в виде книги в издательстве Университета Вагенингена Wageningen Academic Publishers <http://www.wageningenacademic.com/doi/book/10.3920/978-90-8686-772-1>).

Когда я выиграла конкурс, то было некогда ехать в Голландию, было очень много проектов, я была перегружена, все время откладывала начало аспирантуры. Тогда Артур Мол предложил приехать, зарегистрироваться в университете, оформить документы, а потом уехать доделывать дела. Так мы и сделали.

Я не хотела перезачитывать никакие предметы. В России, мы сдавали кандидатский минимум: специальность, философию и иностранный язык, так что из этого вообще ничего не подходило. Наверное, я могла бы перезачесть что-то из магистерских курсов Бард Колледжа, что-то из Университета Эдинбурга, или курсы из Университета Джонса Хопкинса (у меня есть кредиты всех этих университетов), но я хотела новые курсы проходить, учиться дальше, мне нравился сам процесс учебы, и, на самом деле, степень не была нужна. Весь смысл нового образования пропал бы, если бы я стала избегать новых курсов. В Америке я узнала, что такое плата за обучение (tuition), а в Голландии нам университет даже платил зарплату, и все учебные курсы были бесплатные. Как же не воспользоваться такой возможностью? Мне нравилось приезжать в Голландию на несколько недель в году, а остальное время заниматься своими проектами в России, Финляндии, Швеции, США.

Тогда я работала с Университетом Восточной Финляндии (University of Eastern Finland), Лапландским университетом (University of Lapland), Университетами Лулео и Юмео в Швеции (Luleo and Umeo Universities in Sweden). В США моим главным партнером был в то время Йельский университет (Yale University). Аспирантам разрешали брать курсы по всей Европе, например Саския Сассен вела короткий курс в Университете Утрехта (Utrecht University), я туда к ней ездила. Все аспирантские курсы в Голландии 6 недель, вот я и приезжала на 6 недель каждый год. Обязательным курсом у нас была только Экологическая модернизация, теория наших профессоров, я была ее основным критиком и оппонентом.

Руководители вздохнули с облегчением, когда я закончила курс. Приезжать в Голландию, общаться с коллегами, тусоваться с аспирантами было прекрасно, я нашла себе голландского бойфренда. Ведь так чудесно быть аспиранткой! В группе Экологической политики (Environmental Policy Group) 35–38 аспирантов одновременно, очень веселая дружная компания. Я часто ездила в Париж в Опера Гарнье и Бастиль, в Венскую оперу, летала в Милан, в Ла Скала, танцевала севильяну в Севилье, каталась на велосипеде по всей Европе. Поездки в университет больше походили на отдых, чем на работу. Главы диссертации представляли собой расширенные статьи, которые я публиковала по проектам. Иногда глава складывалась из нескольких статей, в последний год я съездила во все мои исследовательские регионы и добрала недостающий материал. Аспирантура не нарушала моих обычных практик повседневности, я по-прежнему ездила на 8–10 конференций в году, по-прежнему, ездила с гостевыми лекциями и на стажировки в Европу и в Штаты, по-прежнему работала в ЦНСИ и руководила группой. Было здорово брать социологические курсы, это было прекрасно!

Я не торопилась, поэтому у меня аспирантура заняла много лет—с ноября 2004 года до декабря 2012-го. Я бы и еще потянула, но руководители сказали, что если я защищу диссертацию, то они мне дадут пост-док с зарплатой. Я обрадовалась,

напряглась и защитила в тот же год с Cum laude (Кумлауде), т.е., с признанием особых достижений. У нас в университете почти никто никогда не получал кумлауде, я была первой в истории нашей группы Экологической политики, руководители были счастливы. Бен Кашор был одним из моих оппонентов, коллега Бас Артс — вторым оппонентом, двух других я раньше не знала. В Голландии, когда кого-то хотят наименовать на Кумлауде, то диссертацию посылают еще двум независимым рецензентам, я их не знаю, мои руководители тоже не знают, это сам университет посылает. Кумлауде мне дали за развитие собственной социальной теории — Сетей организующих управление (Governance Generating Networks), ну и поле у меня, конечно, было громадное, многолетнее. Плюс профессиональный дизайнер работал над оформлением, был англичанин-редактор и технический корректор.

Я хотела опубликовать книгу в издательстве Ашгейт (Ashgeit), но руководителям очень уж хотелось, чтобы это было издание нашего университета... к сожалению, я разорвала контракт с редакцией (вот теперь и цитируют книгу мало, приходится полагаться на статьи) Я изучала лесную сертификацию с 2002 года, все мои исследования вошли в диссертацию. На следующий день после защиты у нас был специальный симпозиум, на котором у меня были дебаты с Бен Кашором: «Теория рыночного управления силами негосударственных акторов» (Кашор) и моя теория «Сетей организующих управление» («Non state market driven governance» versus «Governance generating network»). Теории, в общем и целом, друг друга дополняют, хотя объясняют разные вещи. В честь защиты я организовала выставку с инсталляциями, отражающими мою социальную теорию, а также фото выставку, документирующую мою полевую работу, и флэшмоб — «социолог транснационального пространства». Было много Голландской прессы и вышло несколько публикаций на голландском языке в местных газетах.

В Голландии защита диссертаций проходит очень торжественно, это традиционная церемония, оппоненты и руководители наряжены в судейские рясы. Специальный дресс код у аспирантов, у каждого аспиранта 2 паранимфы. Раньше, паранимфы должны были знать работу аспиранта, и если аспирант не мог ответить на вопрос, то им давали слово. В настоящее время это друзья аспиранта, которые помогают в организации банкета и фуршета. Моей первой паранимфой была Ольга Малец, которая хорошо знала тему (в духе традиции), она делала диссертацию в Институте Макса Планка, а поле для своей немецкой диссертации у нас, в ЦНСИ, в моей группе. Мы вместе ездили в леса брать интервью у заинтересованных сторон в лесных отношениях. Ее диссертация тоже по лесной сертификации в России. Итальянская художница Джулия Ландонио была моей второй паранимфой, она и помогала мне с монтажом выставки в стиле Искусство и социальные науки (Art-Social Science). У нас есть такое направление в ЦНСИ, его основали Лиля Воронкова и Олег Паченков, ну а я активно развиваю, это мое хобби. Голландские волонтеры-художники тоже участвовали, делали инсталляции теории Мануэля Кастельса и Джона Урри, которые легли в основу моей социальной теории. Сделать инсталляцию работ Саскии Сассен мы не успели, хотя хотели. Нормальные аспиранты перед защитой готовятся, ну а я в ночь перед защитой красила камушки для инсталляций, и мы с паранимфами и волонтерами провели эту ночь в выставочном зале. Открытие выставки было через день после защиты, но из-за банкета, мы бы не успели сделать монтаж. Моя аспирантская жизнь плавно переросла в ранее обещанный пост-док.

Пост-док — это в основном исследовательская или преподавательская деятельность?

Тот пост-док, который я получила сразу после защиты, включал и исследовательскую и преподавательскую деятельность. Артур Мол хорошо знал мои индивидуальные особенности, понимал, что я просто не смогу целый год сидеть в Голландии, поэтому мы договорились, что у меня как и во время работы над диссертацией будет 6 недель обязательного присутствия, а в остальное время дистанционная работа. В присутственные недели я преподавала два курса: Окружающая среда и развитие (Environment and Development) и Политика в области океанологии (Ocean Governance). Это были очень интенсивные курсы по 6 часов в неделю каждый, и еще масса работы по подготовке и проведению деловой игры.

В Голландии, студенческие эссе проходят через черновые варианты, которые студенты исправляют после правок преподавателя. Кроме того, я должна была руководить 2–3 магистерскими и 1 докторской диссертацией. В случае докторской диссертации это было не полное руководство, а со-руководство с профессором-промоутером. По моему договору, нужно было опубликовать 2 статьи в год в реферируемых журналах с импакт фактором выше, чем 1.5, или 3 статьи, с импакт фактором больше 1. Если меньше 1, но журнал хороший, например новый, который еще не «заработал» себе импакт фактор, то можно было получить специальное разрешение с согласованием с администрацией. Если вдруг захотелось написать главу в книгу или послать статью в «плохой» журнал (типа Europe and Asia Studies), то это можно делать в выходные дни, или во время отпуска, и это не считается выполнением контракта. Статьи на русском языке не считаются, конечно.

Журнал Лабораториум, основанный в ЦНСИ, вообще не считается. Журналы по экологической тематике котируются намного больше, чем чисто социологические. Наш топ: Экологические изменения, Глобальная экологическая политика, экологическая политика (Environmental Change, Global Environmental Politics, Environmental Politics). Приветствуется журнал «Общество и природные ресурсы (Society and Natural Resources), хотя у него импакт фактор только 1.1. Приветствуются статьи с соавторами из нашей группы, не приветствуются работы в соавторстве с американскими приятелями (не приветствуется, но все-таки разрешаются). Деньги на полевую работу университет не дает, нужно самой искать, ну а на 2 конференции в год дает. Плюс я должна была развить Арктическое направление в группе, найти аспирантов с деньгами или просто деньги, а потом набрать аспирантов по конкурсу. Плюс писать гранты с аспирантскими местами по всем темам, или приводить аспирантов с деньгами по любым темам, конечно, в области экологической политики и экологической социологии или политологии. За 2 года найти хотя бы 1 такого нового аспиранта было условием контракта. Перевыполнение засчитывалось в счет следующего года. В первый год пост-дока я опубликовала 2 статьи с импакт фактором 1.7 и 1.9 — обе по старой теме, по лесной сертификации, одну в со-авторстве с Констанс Макдермотт (Constance McDermott), мы с ней очень подружились в Йеле, а сейчас она работает в Оксфорде. А вторую с Лорой Хенри (Laura Henry), моей давней подругой из Боуден колледжа (Bowdoin College), которая у нас ЦНСИ проходила свой Фулбрайт, а раньше делала диссертацию по экологическим НПО в России. Наша группа ей помогала, Лора защитила диссертацию в Беркли и теперь профессор в Боудене. Все остальные условия контракта тоже почти удалось выполнить... с маленькими недочетами, но было напряженно, и я делала не всегда делала то, что хочу.

Периодически вставал вопрос, да и сейчас встает: «Почему все сотрудники пишут труды в офисе, а Вы, Мария, на Гавайях?» В мою бытность психологом, я читала труды профессора Асмолова, который говорил: «Индивидом рождаются, личностью становятся, а индивидуальность отстаивают», вот я ее постоянно и отстаиваю свою индивидуальность, во всех моих университетах. Преподавание в Университете Вагенингена было не простым. В штатах намного легче преподавать, можно разрабатывать курсы, основанные на обсуждении прочитанных статей, студенты любят дискуссии и отличаются крайней разговорчивостью. В разработанные курсы в Штатах никто, никогда не вмешивается, полная свобода. Я с ностальгией вспоминаю, как классно было преподавать в Штатах, особенно в Дикинсон колледже и в университете Джонса Хопкинса. В Рамапо колледже студенты были сравнимы со студентами Института им. Герцена, но и там было радостно. В Штатах я придумывала разные педагогические инновации и у меня была полная свобода! В Голландии нужно читать лекции, в классическом понимании, а для дискуссий есть коллоквиумы и семинары. Преподаватель, который изначально разработал курс, передает свой учебный план (syllabus) своему последователю.

Конечно, многое можно менять, но описание курса уже опубликовано в брошюре для студентов, требования тоже опубликованы, поэтому свобода весьма относительна. Курс Окружающая среда и развитие (Environment and Development) на мой взгляд был разработан моим предшественником гениально. Он начинался с деловой игры о сертификации креветок в Эквадоре—это были переговоры между заинтересованными сторонами (stakeholders) о содержании стандартов. Саймон Буш, который разрабатывал курс, много лет работал в разных странах и изучал сертификацию креветочного бизнеса, он составил деловую игру по своим полевым данным, практически реконструировал свое поле. Мои студенты играли очень эмоционально, некоторые плакали, некоторые убегали и хлопали дверями, и так целую неделю. Я привыкла мягко, с любовью, ласково и приветливо вести занятия и всех всегда поддерживать, ну а тут были нервные срывы на глазах. Я за студентами бегала и утешала, объясняла, что это у их коллег роль такая, а не ОНИ такие. На второй год научилась готовить студентов к игре, они все равно нервничали, но уже без истерик. По окончании игры, студенты превращались в исследователей, то, что происходило в деловой игре — их полем. Студенты выбирали тему будущего эссе, и брали интервью друг у друга, о том какие стратегии у них были на переговорах и почему. Я читала лекции по четырем социологическим теориям— одна из теорий была моя собственная, я ее добавила в курс. Студенты выбирали одну их теорий, и она становилась теоретической рамкой для анализа интервью с заинтересованными сторонами (участниками игры). Добрая половина студентов выбирала мою теорию.

Каждую неделю на коллоквиумах мы отрабатывали элементы написания научной статьи: исследовательский вопрос, постановка цели, и др.. Ну а потом они все по очереди приходили советоваться, а чуть позже со своими черновиками, а их было 28—32 человек в группе. Каждую неделю у студентов были письменные задания по теориям (которые нужно было проверять), чтобы каждый разобрался в каждой теории. Вы представляете, сколько это работы? Я сама была знакома только с теорией экологической модернизации и своей собственной, а вот политическую экологию и анализ цепочек поставок учила вместе со студентами. Хорошо, что у меня контракт начался в августе, а преподавание в марте, я хотя бы успела разобраться с этими новыми для меня теориями, да и с сертификацией креветок я никогда раньше не

сталкивалась. Это был курс для магистров и аспирантов, сильные студенты приходили, это очень облегчало жизнь, я уверена, они очень многому научились, и я тоже многому научилась. Про Управление политикой в области океанологии я вообще имела слабое представление, но там было меньше инноваций, курс был для бакалавров, и я быстро во всем разобралась. Чтобы меньше мучиться я приглашала много гостевых лекторов и практиков. Думаю, что студенты на этом курсе не получили новых навыков, в отличие от курса «Окружающая среда и развитие», но информация была для них интересной. В конечном итоге студенты были довольны обоими курсами и хорошо их оценили.

Для научной работы у меня был грант Евросоюза, который проходил через ЦНСИ, я переключилась на исследования взаимодействия между коренными народами и нефтяными компаниями (в Арктике с лесами не густо, а нефть именно там, местным жителям она особенно не мешает, а коренным народам очень мешает). Я стала активно писать гранты по новой теме, и вскоре получила сразу три гранта одновременно: а) грант Академии наук Финляндии — коллективный (для исследования в Арктических и суб-арктических регионах России); б) грант Научного фонда Голландии (NWO— Netherlands Research Foundation), очень престижный—на исследование Аляски; в) грант Арктической Программы Фулбрайт по которому предусматривались поездки в Канаду, в Икалуит, в Оулу, на севере Финляндии и стажировка в Университете Вашингтона в Сиэтле (Арктическую программу открыли потому, что США председательствует в 2016 году в Арктическом Совете).

Грант NWO позволил мне изменить контракт с Университетом Вагенингена, я принесла в группу внешнее финансирование, а когда у человека внешнее финансирование, и еще громадный оверхед идет группе, то и правила меняются. Я могла полностью перейти на научную работу, и по официальному контракту так и сделала, но куда же я дену нерадивого аспиранта Лешу из Омска, не коллегам же с ним мучиться... остался аспирант. Умная магистрантка в этом июле защитилась, она пойдет прямо в аспирантуру, и у нас ней будет совместна статья — она со мной и моей командой ездила в Коми на исследования, так что поле у нас общее, так что пусть будет моей аспиранткой. Мне было жалко отдавать курс «Окружающая среда и развитие», никто ведь кроме меня не прочтет мою социологическую теорию, наверняка ее заменят другой, плюс сам дизайн курса я считаю гениальным, и курс уже освоен, да и надо же иногда появляться на работе, а то коллеги забудут, как я выгляжу.

В общем, оставила себе этот курс. Видно, что была проведена очень большая, многослойная работа. Что удалось обнаружить, доказать, опровергнуть...? Нельзя ли рассказать о сходстве и различии Вашего и Бена Кашора подходов?

Майкл Бэлл из университета Мэдесин Висконсин всегда советует своим аспирантам выбирать для своего теоретического фрейма теорию, которую они ненавидят, и ее потом опровергать в процессе работы над диссертацией. При этом очень сильно повышается индекс цитирования и рождается дискуссия в реферируемых журналах. Я наблюдала воочию такой процесс между Артуром Молом и Аланом Шнайбергом—«Экологическая модернизация или Жернов производства» (Ecological Modernization versus Treadmill of Production). Я — феноменолог, поэтому мне всегда интересно что-либо объяснять, а не кого-либо опровергать.

Вот я и пыталась объяснить феномен негосударственного регулирования (governance by private authority) природными ресурсами на примере лесной сертификации. Конечно, этот подход идет в противовес подходам исследователей международных отношений и политологам, которые ставят во главе угла национальное государство. Но я не вступала с ними в дискуссию, просто отнесла себя к когорте исследователей транснациональных процессов, к сторонникам социологической теории сетей и потоков (sociology of networks and flows-Кастельс, Урри, Сассен). Да, это была большая работа, и уж точно многослойная. Вы уже знаете, что я очень люблю путешествовать, может быть именно поэтому, моим основным методом исследования стала мульти-сайтная этнография (multi-sited ethnography), которая предполагает глубинное исследование процессов связанных с исследуемым кейсом на разных уровнях и в разных местах. Стандарты добровольной лесной сертификации Лесного Попечительского Совета (Forest Stewardship Council-FSC) разрабатываются для всего мира на глобальном уровне, затем адаптируются к национальным социо-политическим условиям и лесным экосистемам, характерным для региона, затем при их применении ре-интерпретируются на местном уровне.

В процессе лесной сертификации важную роль играют заинтересованные стороны разных уровней, от глобального до локального, которые проживают и работают в разных странах и континентах. Среди них транснациональные лесные корпорации с офисами в разных странах, глобальные, региональные и местные НПО, инвестиционные фонды, банки и издательские дома. Генеральные ассамблеи FSC, заседания разных рабочих групп, встречи заинтересованных сторон, на которых я проводила участвующее наблюдение, также проходят в разных странах. Это исследование включало работу по 14 различным проектам, из которых я составила своеобразный грантовый кластер, в сумме составляющим более 700000 долларов. Каждый грант покрывал какой-либо элемент моего мульти-сайтного исследования. Но и этого было бы недостаточно для такого рода работы. Поэтому я наряду с чисто исследовательскими проектами, чтобы получить доступ к полю, выполняла прикладные проекты, была активным международным членом FSC, членом Совета директоров FSC России, входила в массу экспертных групп, работала консультантом транснациональных корпораций, а также аудитором FSC в одной из аккредитованных компаний. В России на местном уровне исследование проходило в Карелии, Псковской области и в Республике Коми, там, где глобальные стандарты реализуются, и тем самым, трансформируют практики лесопользования на местах. В этих местах я проводила и прикладные, и исследовательские и консалтинговые работы.

Уже сама методология и процедура такого исследования была достаточно инновационной, а ее легитимность спорной. Приходилось постоянно рефлексировать и делать своеобразные триангуляции, чтобы избежать субъективности и конфликта интересов. Как и большинство исследователей ЦНСИ, я являюсь сторонницей теоретических обобщений исходящих от поля (grounded theory). А вот в моем Голландском университете все аспиранты разрабатывают свой теоретический фрейм и ставят свой основной исследовательский вопрос до того как отправляются в поле. Я начала свое исследование задолго до начала аспирантуры, и задолго до нее увлеклась социологией транснациональных процессов, Саскии Сассен, Мануэла Кастельса и мобильной социологии Джона Урри. Поэтому, моя социологическая теория складывалась от поля, но при этом я принимала во внимание социологию транснациональных процессов. Я разрабатывала свой теоретический фрейм, и не рассказывала своим руко-

водителям, что мои теоретические обобщения на самом деле идут от поля, призналась в том только на третьем году аспирантуры. Я совершенствовала свою теорию около пяти лет, поэтому она по-разному отражена в различных публикациях.

Что же в результате? В своей диссертации я концептуализирую феномены сертификации и маркировки, используя социологию транснациональных процессов, а также привлекая ключевые идеи сетевого общества. Социальные теории Мануэла Кастеллса, Саскии Сассен и Джона Урри помогают лучше разобраться в общих характеристиках современных обществ «за пределами системы национальных государств». В рамках социологии глобального сетевого общества теория постепенно перестаёт фокусироваться на соотношении структуры и действия (structure and agency)— теме, занимавшей многих социологов начиная с 1980-х. Новые акценты приходятся на открытый, условный, трудноуправляемый тип социальных сетей и отношений (Урри), на необходимость изучать новые комбинации территории, власти и прав (territory, authority and rights) (Сассен) и на новые значения и измерения, которыми наделяются понятия социального действия и власти в сетевом обществе (Кастеллс).

В экологической социологии эти общие соображения используются для того, чтобы анализировать сложную, гибридную и непредсказуемую природу материальных и информационных потоков, организующих взаимодействие между природой и обществом (Мол). Такие общепринятые темы, как биологическое разнообразие, вода, энергия, отходы, выбросы углерода, были переведены на язык сетей и потоков, породив, таким образом, новые знания, ставшие особенно актуальными для управления транснациональными экологическими потоками и акторами, с ними связанными. Социологи сетей и потоков пытаются своими работами создать общее видение современного общества, моя теория Сетей организующих управление (Governance Generating Networks) предназначена для анализа конкретной экологической политики, к примеру, роли негосударственных акторов в управлении программами сертификации. Основываясь на данном подходе, в своей диссертации я ввожу некоторые новые категории и понятия, которые должны быть полезны для понимания современных черт транснационального экологического управления. Сети, играющие ключевую роль в развитии глобальных регуляторных механизмов, продуктов и стандартов в разных частях мира, я предлагаю называть Сетями генерирующими управление (Governance Generating Networks-GGN). Эти сети включают в себя три структурных элемента: ядра глобального дизайна (планирования), где разрабатываются глобальные стандарты, форумы переговоров (где заинтересованные стороны обсуждают стандарты) и места внедрения (где глобальные правила подвергаются переводу и переносу для трансформации в конкретные практики на местах).

Как следует из названия, сеть GGN предполагает управление, генерирование и сотрудничество (networking). Эти составляющие реализуются при помощи трёх структурных элементов: ядер глобального дизайна (узлов планирования), переговорных форумов и мест внедрения. Узлы глобального дизайна формируются различными типами транснациональных заинтересованных сторон, представляющих разные сети, а также группами и индивидами, движимыми личными интересами. Места внедрения представляют собой физические территории, где устанавливаются новые правила, влекущие за собой новые социальные практики. Переговорные форумы неразрывно связаны с разработкой, адаптацией и внедрением стандартов, так как являются связующим звеном между узлом глобального дизайна и местами внедрения во всём мире (Kortelainen et al. 2010, Tysiachniouk 2012).

Глобальные стандарты вводятся в действие при помощи четырёх процессов: абстрагирования, стандартизации, операционализации (часто это включает перевод на язык национальных стандартов) и внедрения-институционализации в рамках конкретных практик на месте. Абстрагирование и стандартизация представляют собой транснациональные, детерриториализированные процессы; в основном они проходят в узле глобального дизайна (планирования) и на относящихся к нему форумах. Процессы операционализации, внедрения и институционализации опосредованы другими форумами при учёте локальных условий, к примеру, социальных, политических, экономических и экологических контекстов в различных частях мира. Стандарты по большей части разрабатываются в узле глобального дизайна (планирования), где происходит абстрагирование от локальных вопросов и проблем. Далее, стандарты, прошедшие фазу абстрагирования, согласовываются и усваиваются в процессе операционализации, после чего в местах внедрения переносятся в различные локальные среды. В местах внедрения стандарты превращаются в правила, с помощью которых с тем или иным успехом происходит регулирование локальных практик. Следовательно, структурные элементы GGN играют разные роли и обеспечивают различные генеративные процессы, несмотря на то что между ними не существует чётких границ.

GGN может одновременно быть носителем и генератором новых определений повестки дня (agenda-setting), исходящих от акторов, работающих на месте в различных точках по всему миру; заниматься разработкой политики и стандартов; генерировать цепочки обратной связи от локального к глобальному; производить пересмотр политики и стандартов; адаптировать и внедрять стандарты на определённых территориях; проводить оценку, измерять эффективность и контролировать соблюдение требований в местах внедрения. Посредством генерирования организуется всё больше форумов, а новые правила, регулирующие новые практики, охватывают всё больше территорий. Так как FSC–GGN представляет собой сочетание нескольких механизмов разработки политики, работающих одновременно, и в них транснациональные и локальные акторы связаны как нисходящими, так и восходящими каналами, то необходим новый концептуальный подход для анализа процессов разработки, адаптации, согласования, перевода и внедрения новых режимов глобального экологического регулирования. Бенжамин Кашор также исследовал регулирование со стороны негосударственных органов управления различных сертификационных схем. Он концептуализировал этот феномен как негосударственное рыночное управление ('non-state market driven governance' [NSMDG]), которое можно применить к индустрии одежды, игрушек, косметики, производству кофе, чая, какао, сахара, бананов и других сельскохозяйственных продуктов, строительной индустрии, рыболовству, добыче полезных ископаемых и развивающейся индустрии туристических сертификатов.

Основным, как и у меня, было исследование добровольной лесной сертификации FSC. Согласно теории Бена Кашора, теория NSMDG стремится объяснить рыночную динамику, легитимность негосударственных акторов. Введённый мною концепт GGNs отражает глобальную/локальную динамику акторов, возникающую в процессе сертификации. Этот концепт позволяет получить представление о некоторых моментах, которые невозможно объяснить при помощи NSMDG. Сам термин NSMDG недостаточно точно отражает суть феномена, лежащего в основе систем сертификации, как глобального механизма регулирования. В самом деле, регулирование посредством добровольной сертификации подвижно не рынком, но самими

акторами — в основном НПО, использующими рыночные силы и стимулы с целью повлиять на производственный процесс компаний и их практики на местах. GGNs, в отличие от NSMDG, фиксирует процессы и практики, происходящие на местах внедрения и вовлекающие локальных акторов и заинтересованные стороны, которые реагируют на новые глобальные стандарты и приспосабливаются к ним. Понятие GGNs также в большей степени уделяет внимание важности переговорных форумов с участием большого количества сторон для разработки, адаптации и институционализации глобальных правил. Ценность концепта GGN и связанных с ними понятий переговорных форумов и мест внедрения заключается в способности зафиксировать глобальное/локальное взаимодействие между акторами посредством сети, в то время как акторы разыгрывают сложные формы действия и власти на различных иерархических шкалах. В этом смысле понятие GGN не только сосредоточено вокруг акторов и организаций, которые обычно считаются ключевыми разработчиками новых глобальных стандартов, но также будет иметь прямое отношение к роли, которую играют сторонники, противники и реципиенты новых политик в достижении окончательных результатов процесса регулирования.

Маша, Вы хорошо знаете Западные социологические теории и методы феноменологической социологии. Какие теоретико-методологические подходы и методические разработки Вы черпаете в опыте ЦНСИ. Вы — тоже «оголтелый» феноменолог или видите и достоинства «жестких» технологий? Чем в рамках ЦНСИ занимаетесь Вы и Ваши сотрудники?

Именно в ЦНСИ я определилась с тем, что я феноменолог, хоть и не «оголтелый», и когда кто-либо из профессоров Американских Университетов, например Лестер Саламон из Центра Исследования гражданского общества (Civil Society Studies), Джонс Хопкинс Университета, пытался склонить меня к количественным методам, то я отказывалась. Работы школы Лестера Саламона я уважаю, и считаю нужными, хотя они все основаны на анализе разных статистических данных, собранных по третьему сектору по всему миру. Я была единственным «качественником» в его группе, и моя выпускная работа в двухлетней программе Центра исследований третьего сектора и гражданского общества была: «Роль НПО в управлении водосборами в окрестностях Балтимора» («NGOs in watershed protection in greater Baltimore area»), выполненная только качественными методами.

В ЦНСИ большинство исследователей пытается увидеть в обычных практиках повседневности то, что другие исследователи не видят. В обычных социологических институтах, исследования ставят во главу угла проблему, которую нужно решить. Мы учим студентов, во введении в статью, идентифицировать проблему и только потом исследовательский вопрос. В ЦНСИ прекрасно то, что мы исследуем то, что интересно, удовлетворяем свое любопытство, и совсем не обязательно исходим из существующих проблем. Мне очень нравится инициатива ЦНСИ — «Беспредельная Социология», где сотрудники пишут о необычном: туалетах, как социо-культурном пространстве (Олег Паченков), прокладках и месячных (Лена Богданова), прогулках по кладбищам (Ольга Бредникова), юмористически представляют карты безопасности в самолетах (Оксана Карпенко). Моя первая статья в «Беспредельной Социологии» была о феномене хаявы по результатам интервью, и о собственном опыте «спортивной хаявы», то есть хаявы без всякой нужды, хаявы для удовольствия, для выброса адреналина, для эмоций. В студенческие годы я умудрялась летать на самолетах

и ездить в поездах без билета, проникать на разные концерты зайцем, путешествовать вообще без денег в кармане. Сейчас я тоже иногда трясусь стариной, недавно в Канаде, проникла на концерт Big Boys, а потом летела с ними в бизнес классе.

Моя невестка и соавтор Света Тулаева, отнеслась к статье о халяге очень серьезно, специально разработала достаточно глубокий теоретический фрейм. Весь интерес такой работы был именно в сочетании «несерьезных» практик повседневности с достаточно глубоким теоретизированием; можно прочесть эту работу, «Беспредельна Социология» есть на нашем сайте ЦНСИ. Вторая работа в Беспредельной Социологии была в соавторстве с Джулией Ландонио, итальянской художницей, мы вместе ездили по деревням, загрязненным нефтью, Джулия реконструировала мои биографические интервью в рисунках. Эта работа интересна диалогом художественных произведений и социологических нарративов. Она не очень «Беспредельная», но, надеюсь, что методически инновационная, я хочу опубликовать этот материал в журнале Визуальная социология (Visual Sociology), но руки пока не доходят.

Я не отношу себя к «оголтелым» феноменологам, уважаю любые хорошо выполненные исследования, мне нравится читать хорошие работы, сделанные «жесткими» методами. Например, интересно читать о результатах опросов, связанных с президентскими выборами в Америке, которые Вы нам представляете в фейсбук. Но сама, я не хочу проводить опросы, мне гораздо больше по вкусу процесс интервьюирования и участвующего наблюдения. Я никогда не тратила своего времени на дискуссию о том, какие методы социологического исследования лучше, хотя Виктор Воронков любит такие дискуссии, по-крайней мере, раньше любил, когда еще не было моды на качественные методы, и они еще не вошли в мейнстрим. Мне интересно совершенствовать качественную методологию: мульти-сайтную этнографию; исследования, которые сочетают экспертную работу с исследовательской; методологию исследования переговоров между заинтересованными сторонами, противостоящими друг другу. В такой работе много тонких и важных нюансов, которые интересны для социолога-качественника. Я ничего не публиковала по качественной методологии, но собираюсь, когда будет немного меньше текущих проектов и появится свободное время.

Все, чем я занимаюсь, идет в рамках ЦНСИ, и к этому добавляются рамки разных Европейских и Американских университетов, включая разные обменные программы и стажировки, ну и теперешняя работа в Вагенингене. Я подчеркиваю свою идентичность с ЦНСИ во всех своих публикациях. ЦНСИ в моей жизни это Альма матер, научный дом и гарантия хотя бы некоторой стабильности в моей крайне не стабильной жизни. Очень приятно то, что есть постоянная аффилиация, что никогда не нужно искать работу где-либо, а нужно только искать проекты, которые по-душе и в русле текущих интересов. Это трудно понять моим американским коллегам, они периодически предлагают мне, которые бы засадили мне постоянную работу, которая засадила бы меня в их университеты и заставила бы прекратить мою научно-номадическую жизнь, которую я так люблю! ЦНСИ никогда не покушался и не покушается на мою свободу, в этом его великая ценность как института, наряду с другими благами, конечно.

С группой экологической социологии у нас идут многолетние проекты по эко-деревням, они начались в 1995 году и продолжаются по-настоящее время. Сейчас их ведет Антонина Кулясова с массой сподвижников и практиков. Экологические НПО и общественные движения тоже наша постоянная тема. В ней участвует наша аме-

риканская коллега Лора Хенри, сейчас мы с ней и со Светланой Тулаевой пишем об Экологических НПО, которые стали иностранными агентами. Сотрудники группы экологической социологии—участники большинства наших коллективных проектов, спонсируемых Академией наук Финляндии, касающихся управления возобновляемыми и невозобновляемыми природными ресурсами. Практически все сотрудники работают с Университетом Восточной Финляндии и Лапландским университетом. Мы берем с собой в поле финских аспирантов и неформально курируем их диссертации. Несколько лет шли проекты по загрязненным сообществам в России и США, мы ездили в Челябинскую область, в сообщества расположенные на берегах реки Теча, загрязненные радиацией, а Америке изучали загрязненную химикатами территорию недалеко от города Баффало (Love Canal). Тогда много работали с Натальей Мироновой, лидером движения «За Ядерную Безопасность» и с Надеждой Кутеповой, лидером-правозащитницей из закрытого города Озерска (обеим пришлось эмигрировать). Из моей группы Дмитрий Воробьев и Алла Болотова были очень активны в проектах по загрязненным территориям и по Оценке влияния на окружающую среду (Environmental Impact Assessment). У нас вышла книга: *Cultures of contamination: Legacies of Pollution in Russia and the US*. 2007 Ed. By Michael Edelstein, Maria Tysiachniouk and Ludmila Smirnova Elsevier Ltd

Достаточно долгим этапом были проекты по роли НПО в управлении водосборами в России и США («NGOs in watershed Governance in Russia and the US»). Это было в бытность моей учебы в Университете Джонса Хопкинса и работы в Тавсоне и Дикинсоне. Мы с сотрудниками проводили социальные исследования и экологический мониторинг малых рек, изучали роль гражданских активистов в охране водоемов в России и США. Наши обменные программы с Университетом Тавсон (Towson University) и с Дикинсон колледжем (Dickinson College, Pennsylvania) были по этой тематике. Много внимания мы с коллегами уделяли сравнительному анализу активизма в охране водоемов в России и США, ну и книгу, конечно, написали: «Охрана водосборов в России и США», авторами, наряду с профессорами, были мои американские студенты, которые проводили микро- исследования по этой теме в рамках учебных курсов. Я тогда создала исследовательские группы в Джонс Хопкинсе, в Тавсон Университете и в Дикинсон Колледже, во всех этих университетах (я там везде преподавала) студенты делали кейс-стади по НПО в охране водоемов, а сотрудники моей группы в ЦНСИ проводили параллельные исследования в вологодской области.

В конце семестра у нас была межуниверситетская конференция, на которой все студенты встретились, а мои сотрудники ЦНСИ были участниками телеконференции, было классно, очень интересно. В ЦНСИ к этой проблематике относились снисходительно, но когда как-то раз, через счет ЦНСИ проходили грузовики с песком, которые были нам нужны для реставрации речки в вологодской области, Ольга Бредникова возмутилась: «У нас тут элитный мыслительный центр (think tank), а Экологическая группа под видом социологии речки реставрирует? Она и коллег взбудоражила. Я приняла во внимания пожелание коллег и тех пор стала больше времени уделять социальной теории, более старательно теоретизировать наши полевые данные, и, кроме того, стала мучить сотрудников и проверять то, что они пишут, заставляя переписывать тексты, ведь бывает просто текст, а бывает текст социологический. В поездках, по пути в поле, мы стали проводить методологические семинары и семинары по социальной теории, ну и научились писать социологические тексты, сделали два специальных выпуска «Журнала социологии и социальной антропологии». Лена Здравомыслова до

сих пор считает некоторых моих сотрудников недоучками, ну а для меня они самые лучшие, самые важные, самые любимые, и необходимые для ЦНСИ. У Антонины Кулясовой выросли три дочки и тоже влились в наши ряды. Александра Кулясова закончила театральный институт, и стала менеджером наших выставок по социологическому искусству (art-social science). Нашим постоянным спонсором в течении последних 14 лет была правозащитная программа Евросоюза, в этом году у нас по ней перерыв, один из грантов провалился...

Это были практические проекты, связанные с защитой прав коренных народов и местного населения в ресурсо-зависимых сообществах, там, где транснациональные корпорации занимаются лесозаготовительной деятельностью, добывают нефть и уголь. В этих сообществах я, в большей степени, чем коллеги, проводила исследования, а сотрудники, принимая во внимание результаты исследований, проводили обучающие семинары, тренинги НПО, формировали сети правозащитников. Кроме того, они мобилизовали местных художников и дизайнеров, чтобы донести результаты наших исследований до широких масс. В ресурсо-зависимых сообществах в шести регионах России мы организовали художественно-социологические выставки (Art-social science), на которых проводили переговорные площадки с заинтересованными сторонами. Эти же переговорные площадки были, выражаясь социологическим языком, фокус группами либо разработанной в Лулея университете методикой — Policy exercise. Мы начали исследования по лесной сертификации вместе с сотрудниками, Антониной Кулясовой, Иваном Кулясовым, и Светланой Пчелкиной, я их возила в Йельский университет (Ира Олимпиаева тоже один раз с нами ездила, хотя у нее своя тематика — Экономическая социология), мы вместе работали со Шведскими Университетами — Лулеа и Юмео.

В России наши исследовательские проекты проходили в разных регионах, те, которые представлены в моей голландской диссертации (Карелия, Псковская область и республика Коми), я делала практически одна, а вместе с сотрудниками мы работали в Архангельской, Мурманской и Вологодской областях. По лесной тематике в нашу группу периодически вливались аспиранты из разных стран, самыми яркими были, Ольга Малец и Ольга Улыбина, мы брали их с собой в поле, возили на Дальний Восток, они участвовали в наших обменных программах с университетами США. Ольга Малец закончила диссертацию в Институте Макса Планка в Германии, а сейчас преподает во Фрайбургском Университете, мы продолжаем сотрудничество, иногда вместе публикуемся. Ольга Улыбина защитилась по лесной сертификации в Кэмбридже, она и сейчас там работает, но сменила тему и отдалилась от нас. Ну и, конечно, ярким аспирантом была моя невестка Светлана Тулаева из Европейского Университета, которая вместе с нами плавно перешла из лесной тематики в нефтяную, и сейчас активно работает в проекте Академии наук Финляндии по взаимодействию нефтяных компаний и коренных народов в арктических регионах России. В ЦНСИ наша группа всегда была немного маргинальна, но очень успешна, независима и богата проектами. Наши проекты Евросоюза, в некотором смысле, многие годы были «кормильцами» ЦНСИ.

Маша, прочел все, порадовался Вашему размаху и Вашей свободе и одновременно взгрустнул о прошлом... скорее всего, Вы не в курсе грандиозного по тем временам изучения экологического сознания, проводившегося перед перестройкой. Центр был в Ленинграде, руководил проектом Б.М. Фирсов. Проект начинался как советсковенгерский (Центр по изучению массовой коммуникации и ^А для наук), но потом очень активную роль

играли в нем наши эстонские (Тарту) и финские (Тампере) коллеги. Было проведено несколько семинаров в Ленинграде, Тарту, Тампере и Будапеште, выпущено несколько сборников, книга... и что? Б.М. Фирсова попросили оставить Институт социально-экономических проблем АН СССР и дали очень серьезное партийное взыскание... в частности, нас обвинили в том, что тема (экология) подброшена нам на Западе... Сейчас Вы проводите исследование на Аляске, что является центральной темой ваших интервью? С кем вы беседуете: жители Аляски, эксперты, журналисты...?

Ну как же, я в курсе и помню работы по исследованию экологического сознания. Я некоторые из них прочитала по наводке Ольги Цепиловой, тогда, когда поступала в Центральный Европейский Университет. Ольга Цепилова, во времена перестройки, была участником проектов по экологической осведомленности и экологическому сознанию. Помню, что в рамках этих проектов исследовали обеспокоенность населения СССР состоянием окружающей среды, на волне перестройки обнаружился пик озабоченности после Чернобыльской аварии и в связи с общей политизацией населения, который спал в экономически-сложные 1990-е годы. Помню, что Фирсов тогда выделял индивидуальные типы личности, от которых зависит экологическое сознание.

Люди определенного типа, кажется, их называли «экологистами», способны жертвовать своим благосостоянием во благо окружающей среды, а для других типов экономика была приоритетом, детали не помню, остались воспоминания-отголоски. Олег Яницкий в ранних работах цитировал Фирсова, а потом в Россию стал приезжать Дунлап, россияне помогали ему проводить опросы по экологическому сознанию. Дунлап, единственный американский экологический социолог, которого тогда знали в России (я с ним лично познакомилась гораздо позже, на конгрессе Европейской социологической ассоциации, мы с ним вместе были в Совете директоров RC-24) его ранние работы я тоже помню смутно, помню сравнительные работы Рональда Инглхарта по постмодернистским ценностям, в том числе экологическим. А вот о том, что у Фирсова были неприятности в связи с экологической тематикой, в первый раз от Вас услышала.

Исследования на Аляске — составная часть исследований взаимодействия нефтяных компаний и коренных народов. Исследование посвящено тому, какие блага получают и какие потери несут коренные народы от нефтедобычи на их территории. Моя теория Сетей, генерирующих управление (Governance Generating Networks) хорошо объясняет сертификационные системы, но она должна быть адаптирована к анализу управления невозобновляемыми ресурсами. Стандарты, по которым работают нефтедобывающие компании, разрабатываются в разных «драх глобального дизайна», как, например Арктический Совет, комитеты ООН, Мировой Банк и Банк реконструкции и развития. Справедливая компенсация ущерба, нанесённого нефтяной инфраструктурой земле, на которой живут коренные народы, и их культуре, лежит в основе всех этих стандартов.

Возникает вопрос: каким образом можно сбалансировать интересы добывающей промышленности и коренных сообществ, внедряя глобальные стандарты на месте? В идеале, когда компании применяют и внедряют эти стандарты, они уважают права коренных сообществ, способствуют расширению их возможностей и улучшают их экономическое благосостояние. Однако подобные ожидания редко оправдываются на практике, так как стандарты можно интерпретировать по-разному, и когда они применяются в конкретной местности, взаимодействие с локальными правилами

может, как укрепить их, так и ослабить. Я рассматриваю сеть нефтедобычи как структурную единицу регулирования. Данный подход предлагает огромные возможности для обнаружения прежде невидимой динамики, происходящей между нефтяными компаниями и коренными сообществами. Он принимает во внимание и других акторов (государства, НПО) и исследует перекрывающиеся друг друга правила (совпадения с другими видами законов и предписаний), таким образом, объясняя, почему различные сети нефтедобычи, придерживающиеся стандартов распределения выгод (benefit-sharing), оказывают различное влияние на локальные сообщества и коренные народы.

Чтобы обеспечить устойчивое развитие нефтедобычи и защиту прав коренного населения, на транснациональном уровне разрабатываются глобальные стандарты. Сети нефтяных компаний, включая сами добывающие компании, инвестиционные банки, долевого участников и локальные офисы, вместе с государственными и гражданскими сетями, к примеру, сетями регулирования нефтедобычи (oil governance networks), объединяют между собой процессы на транснациональном и локальном уровнях. Районы, в которых происходят нефтеразведка, добыча и транспортировка нефти, определяются как места внедрения. Акторы внутри этих сетей являются участниками постоянных переговорных форумов, связанных с разработкой и внедрением стандартов распределения выгод. Динамика взаимодействия внутри сетей регулирования нефтедобычи определяется властью, которой обладают участвующие акторы (Кастеллс), например, экономической властью частных акторов, политической властью национального государства, нормативной и символической властью НПО и коренных народов.

Акторы осуществляют власть, пытаясь повлиять на поведение других участников в пространстве множества переговорных форумов во время процессов установления и внедрения стандартов. Это особенно верно в том случае, когда политика и стандарты имеют отношение к потоку финансовых ресурсов, направленному в сторону коренных сообществ. Такой сетевой подход привносит новые идеи в традиционный анализ национальных государств. Он особенно подходит для анализа регуляторной роли негосударственных акторов, таких как НПО и транснациональные корпорации (ТНК). Этот подход обладает большим потенциалом для того, чтобы понять, как утверждение транснациональными корпорациями стандартов распределения выгод может повлиять на локальные сообщества и коренные народы, насколько эффективны эти регуляторные инициативы и при каких условиях они адаптируются и меняются со временем. В разных регионах России во время полевой работы я выделила несколько идеальных типов взаимодействия и распределения выгод.

1. Режим партнёрства: интенсивное глобальное/локальное взаимодействие акторов. Трёхсторонние договоры о партнёрстве между государством, компаниями и коренным населением основаны на стандартах распределения выгод и применяются на месте. Режим партнёрства поощряет развитие, расширение возможностей, самообеспеченность и совместное с коренными сообществами принятие решений. —на Сахалине

2. Режим корпоративной социальной ответственности (Corporate social responsibility-CSR): в этом режиме доминирует сеть нефтяной компании. Компания придерживается стандартов распределения выгод и применяет эти стандарты на месте, однако консультируется с другими акторами лишь ограниченно. Режим CSR

влечёт за собой, по большей части, компенсацию ущерба локальным сообществам и ограниченное взаимодействие с коренным населением.—В Ханты-Мансийском Автономном округе и в Сибири

3. Патерналистский режим: в этом режиме доминирует государство, а глобальное/локальное взаимодействие между акторами минимально; стандарты распределения выгод не имеют большого значения. Государство предоставляет поддержку локальных сообществ и коренных народов в неденежной форме, компания присоединяется к усилиям государства или же заменяет его в этом контексте. В России, к примеру, патерналистский режим проистекает из сохраняющихся последствий советского прошлого, и часто приводит к тому, что коренные народы начинают зависеть от нефтяных компаний.—в Ненецком автономном округе и в республике Коми.

Четвертый тип распределения благ—из литературы, на Аляске, вот и нужно было его изучить для полной картины и Голландская программа NWO и программа Фулбрайт дали мне такую возможность

4. Режим акционеров: интенсивное глобальное/локальное взаимодействие между акторами. Корпорации коренных (Native Corporations) предоставляют услуги и работают по контракту с транснациональными нефтяными компаниями. Прибыль от продажи нефти делится между компаниями и коренными сообществами, которые являются акционерами. Коренные народы обладают большими возможностями экономического развития. Так я представляла этот режим пока не поехала на Аляску, но оказалось все совсем не так! Ну, да вы и не спросили о том, что я увидела в поле, поэтому расскажу про то, как было организовано исследование. Это мультисайтное исследование, в первую очередь, сетей гражданского общества и именно, экологических НПО и коренных народов, это две разные сети, в большинстве случаев коренные народы не сотрудничают с экологическими НПО, хотя бывают исключения. Исследование включает интервью с представителями нефтяных компаний, их банков инвесторов, и заинтересованных сторон разного уровня. Третья категория информантов включала представителей государственных агентств разного уровня, регулирующих нефтедобычу, а также, курирующих программы помощи коренным народам. Сети экологических НПО, участвующих в общественном движении против добычи углеводородов, я исследую по всему миру. Много интервью было в Сиэтле, потому что именно там возникло движение против компании Шелл, которая собиралась работать на Аляске и бурить нефть на Арктическом шельфе, а именно «Каяк активизм». Сеть НПО рассеяна по всему миру, поэтому были интервью во многих странах, самые важные в Оттаве, поскольку там директор Арктической Программы WWF, в Голландии, там главный офис Гринпис...в Вашингтоне, Анкоридже и Фэрбанксе тоже располагаются ключевые для исследования НПО, с которыми я работала.

Из нефтяных компаний я исследую Шелл, Конноко-Филлипс и Эксон Мобил—брала интервью в офисах этих компаний разного уровня, в Хьюстоне, в Анкоридже, на Энергетическом Саммите в Фэрбанксе, в Амстердаме (чтобы реконструировать взаимодействие в сетях компаний и с заинтересованными сторонами). При исследовании госструктур, брала интервью в различных государственных агентствах в Вашингтоне, потом в представительствах этих же агентств в Анкоридже и Барроу. В Анкоридже основные заинтересованные стороны: офисы корпораций коренных (native corporations) плюс разного рода консультанты. Джуно, столица штата, там были интервью с представителями сообществ Северного берега в законодательных органах штата. Самым основным было исследование на северном берегу Аляски, в Барроу,

в Нуиксуте и Кактовике. В остальных местах, в Анкоридже и Ждуно я просто добирала интервью с теми, с кем не удалось встретиться в предшествующих экспедициях. Во всех населенных пунктах на северном берегу, моими информантами были: правительства племен, региональные и местные корпорации коренных, администрация поселков ну и местные жители, особенно активисты. На северном берегу мне очень хотелось сделать этнографическое исследование, но это оказалось затруднительно, поэтому пришлось только брать интервью и проводить участвующее наблюдение. На Северном берегу я выдержала почти месяц, а для этнографического исследования нужно было бы в каждом из населенных пунктов провести по месяцу или по два. В результате реконструировала сети гражданского общества, государственных структур и компаний, ну и взаимодействие в связи с распределением прибыли. Очень грустная получилась картина, очень неожиданная и в литературе ранее не описанная.

В 2008 году, когда Сара Пэйлин, в ту пору «Самый горячий губернатор самого холодного штата», призывала «бурить». Чем все это завершилось? Бурят?

Нет, к счастью! Речь идет об Арктическом природоохранном резервате (Arctic Wildlife Refuge), святая святых всех американских природоохранных организаций! На него очень часто покушаются, каждый раз, когда проходят новые выборы президента и меняется администрация, экологические НПО уже заранее показывают фото ценных, уязвимых экосистем и белых медведей. Я сама, переживаю за Арктический резерват со времени учебы в Бард Колледже, а вот в это лето побывала там сама, в Кактовике, посмотрела на чарующую красоту этих мест! В Кактовике, кстати, многие представители коренных за бурение. Они считают, что когда создавали резерват, то их обманули экологи...

Земля принадлежит корпорации коренных деревни Кактовик (native village corporation), но они не могут ей воспользоваться без решения конгресса, и очень из-за этого расстраиваются. Сенатор Лиза Марковски подливает масла в огонь! В последние годы в Кактовике стал развиваться туризм, масса людей приезжает наблюдать за белыми медведями. Когда коренные добывают кита, то оставляют кости с остатками мяса у берега, медведи приходят ими поживиться, а туристы слетаются на это посмотреть. Появились местные туристические фирмы, и они, вместе с экологами, против бурения. Думаю, что если Клинтон будет президентом, то она не покусится на Арктический резерват, Билл Клинтон, в свое время, его защищал, ну а уж Альберт Гор и подавно! Если Трамп будет президентом, то я очень надеюсь, что цены на нефть останутся низкими, шельфовая нефть перегрузит рынок, ну и Арктический резерват как жил, так и будет жить!

Маша, в чем Вы видите прикладное, практическое значение Ваших результатов в России и в других странах?

С этим дело не простое... Один раз я написала грант для Института эволюционной физиологии и биохимии в Национальный совет обороны США (National Defense Council) по программе борьбы с терроризмом. В Лаборатории изучали механизмы ходьбы тараканов и механизмы машущего полета насекомых. Ну я и написала, что наши исследования позволят американским ученым дистанционно управлять ходьбой тараканов, и тараканы смогут обезвреживать бомбы. Все очень смеялись над этой заявкой, но грант прошел. Через год приехали американцы, проверять, как идет проект, все очень боялись, что проект закроют, но американцам из военного

ведомства все понравилось, они с интересом смотрели препараты, и одобрили следующий транш. Потом лабораторию чуть в России не засекретили. Исследователи честно делали все то, что обещали, ну а уж учить тараканов обезвреживать бомбы предполагалось по результатам этих исследований не нам. Во всех проектах я всегда пишу о том, как могут использоваться результаты исследования, и как мы будем их доводить до сведения лиц принимающих решения (decision makers), но это не значит, что они наши результаты подхватят и применят.

В России ЦНСИ иностранный агент, якобы мы работаем на запад, всегда готовы охраной природы подорвать экономику страны и, в особенности, ее стратегический ресурс-нефть. Я усвоила, что если хочется практически использовать результаты исследований, но нужно самим этим и заниматься, не полагаясь на лиц принимающих решения (decision makers). В моей группе мы так и делаем, проводим исследования, а потом сами на их основе разрабатываем тренинги для НПО, или местных сообществ. Антонина Кулясова фанат этого дела, эта развивает в деревнях альтернативное образование, самоорганизацию, строит и развивает эко-деревни. Встает вопрос, а нужно ли учить западной демократии жителей Российской глубинки, нужна ли такая социологическая интервенция? Я всегда руководствуюсь результатами наших исследований, когда занимаюсь консалтингом компаний или работаю аудитором. По лесной сертификации, например, конечно я провожу аудит не там, где проводила исследование, иначе был бы конфликт интересов. Но благодаря исследованиям в одном регионе, очень легко догадаться какие несоответствия будут у компаний в других регионах, трудности ведь типичны. Сразу ясно, куда и как смотреть. Офис FSC в Бонне держит специального сотрудника, который читает научные работы по лесной сертификации и каждый год пишет отчет, который используется для корректировки действий организации. Я включаю в дизайн интервью то, что интересно FSC Интернэшнл и FSC – России, выступаю с аналитическими докладами на генеральных ассамблеях.

В нефтяной отрасли консультировала Сургутнефтегаз, по проекту дорожной карты губернатора Ханты-Мансийского автономного округа, после нашего исследовательского заключения Сургутнефтегаз меня близко к себе не подпускает, потому, что я и сотрудники описали возможные сценарии последствия бурения в Природном Парке Нумто. Мы с Ириной Олимпиаевой напишем статью об этом, уже начали. В этом случае во главе угла было прикладное исследование, которое переросло в академическое. Мне самой больше интересны фундаментальные исследования, интересно сделать вклад в социальную теорию. Конечно же, в учебных курсах использую результаты наших исследований. Особенно в Университете Лапландии, где курс, который читаю об экологическом законодательстве и экологической политике России. Как вы знаете, я сейчас исследую распределение прибыли между нефтяными компаниями и коренными народами в России и США. Так вот мы с Ассоциацией Алеутов, которые являются постоянным представителем в Арктическом совете, готовим предложения в рабочую группу по Устойчивому развитию с предложением разработки глобальных рекомендаций по распределению прибыли.

В рамках Арктической программы Фулбрайт мы с коллегами из всех арктических стран разрабатываем рекомендации по переходу к возобновляемой энергетике в Арктике. В октябре у нас назначена встреча с Джоном Керри, в Вашингтоне, мы тесно работаем с министерствами и ведомствами арктических стран (со всеми кроме Российского, я единственный представитель России в программе, и отказалась взять

на себя труд по работе с ними, нет у меня на это ни желания, ни сил). Наш аналитический доклад находится на рассмотрении сразу нескольких министерств. Канада уже пообещала внедрить часть наших рекомендаций. Если действительно, наши рекомендации найдут практическое применение, то я поверю в прикладную значимость наших исследований.

Завершим нашу стремительную беседу традиционным вопросом: «Какие у Вас планы, задумки на ближайшие несколько лет?»

Та жизнь и работа, которая у меня есть сейчас, очень мне нравится, поэтому в планах ее продолжать. Очень хочу дальше развивать мою теорию Сетей генерирующих управление, хотя есть сомнения в том, что она когда-нибудь выйдет в мейнстрим, уж больно сложна и многоярусна. Сейчас ее используют в качестве теоретической рамки пять аспирантов в Финляндии и Голландии, не густо... Хочется опубликовать исследования, которые я провожу для удовольствия, в виде хобби. Например, исследую по всему миру хостелы как социальное пространство. Останавливаюсь в хостелах даже в тех случаях, когда у меня есть грантовое финансирование на отель в 5 звезд. Беру интервью у менеджеров, владельцев, гостей и пишу путевые заметки. Сейчас живу в 197-ом хостеле на Гавайях, материал громадный, но для анализа времени не хватает. Мой контракт с университетом Вагенингена закончится через два года, по Голландским законам нельзя более четырех лет подряд работать по контрактам. Можно сделать перерыв в полгода, а потом продолжить работу по новому контракту. Я уже почти 12 лет в Вагенингене, было бы интересно начать что-то новое. Я пока еще не работала в Канаде, а хотелось бы освоить это пространство или поехать в какой-нибудь латиноамериканский университет, попробовать преподавать на испанском языке. Совершенно определено то, что я буду продолжать работать в ЦНСИ и не заброшу свою группу экологической социологии, буду поддерживать наш Центр!

Спасибо, Маша, за добрую совместную работу.

Интервью с Сергеем Юрьевичем ЦЫПЛЁНКОВЫМ

«Я И ОКАЗАЛСЯ ОФИЦЕРОМ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА С ДВУМЯ ДИПЛОМАМИ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ»

Цыплёнков С. Ю. — окончил Киевское высшее военноморское политическое училище (1976 г.). Директор Калининградского социологического центра.

Основные области исследования: социологические, политические и маркетинговые исследования; анализ корпоративного имиджа и микроклимата в трудовых коллективах; проведение «полевых работ» для ведущих социологических и маркетинговых компаний России.

Интервью состоялось: ноябрь — декабрь 2014 г.

25 декабря 2014 года, 8 утра. Только что я вернулся с прогулки, сегодня — Рождественское утро, на улице совсем тихо, огромный паркинг на торговой плазе пуст. На озере малолюднее, чем обычно. К утреннему обмену приветствиями — со знакомыми и незнакомыми — кроме обычного “Morning!” все добавляют “Marry Christmas!” Холодно, но не более +10 по Цельсию, но сухо, особенно это чувствуется после недавнего трехдневного шторма, и очень солнечно. Красиво: голубые вода и небо и зелень деревьев, не только многочисленных видов хвойных, но даже ивы. Множество роз: крупных и мелких, от почти белых до темно красных. За 20 лет жизни в северной оконечности Кремниевой долины я привык к такой новогодней погоде... но все равно, что-то не то.

Ранним утром, до прогулки, я получил ответы на последние вопросы от Сергея Юрьевича Цыплёнова, калининградского исследователя рынка. В этом году других интервью я заканчивать не буду, поэтому можно подвести предварительные итоги.

Урожай — необычайный, проведено свыше 30 интервью. Знаю, как это удалось сделать и чего мне это стоило, и знаю, что подобного больше не будет. Нет необходимости. В целом завершено более 90 интервью, а закончить процесс интервьюирования задумано к лету 2015 года на отметке в 100 или несколько более бесед. Так что, даже если я доделаю все начатые интервью, то задуманное будет выполнено.

В «Телескопе» № 1 за 2004 год было опубликовано первое интервью, моим собеседником был Борис Фирсов. К концу этого, 2014 года, вышло 72 выпуска журнала, и в каждом из них были материалы по истории советской / российской социологии; в большинстве случаев — интервью. Листаю эти выпуски: в первые три года моими респондентами были исключительно петербуржцы и москвичи, первым социологом из не столичных городов был новосибирец Виктор Артемов («Телескоп» 2008, № 5). Еще через два года — социолог из Иваново Александр Мягков («Телескоп» 2010, № 2). И потом доминировал московско-петербургский «след», наблюдались лишь редкие «вылазки» в Тюмень, Самару, Красноярск. В последние годы, в связи развитием интерактивного web-проекта «Биографические интервью с коллегами-социологами» <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>> появилась возможность не только для регулярной публикации интервью в «Телескопе» и «Социологическом журнале», но для размещения их в Интернете. Стало расти число проводимых интервью и сразу значительно изменилась география моего опроса. В 2014 году состоялись беседы с социологами Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска, Сургута и Иркутска, Тюмени и Екатеринбурга, Ставрополя, Белгорода, Воронежа.

20 октября произошло «чудо», его описание приведено в блоге Андрея Алексеева <<http://www.cogita.ru/>> в эссе, озаглавленном «Если двигаться вслед за Солнцем...». В тот день случайно у меня состоялась переписка с социологами из многих городов: от Хабаровска на востоке до Петербурга на западе. И я понял, что для покрытия всей территории России необходимо провести интервью с социологом из Калининграда.

...коллеги помогли, и 29 октября началась моя беседа с Сергеем Цыпленковым, который в начале 1990-х после 22 лет службы на флоте был демобилизован и сразу же отправился в новое плавание. Морская душа «искала бури». Исследования рынка в «лихие 90-е» позволили ему проверить свою устойчивость к качкам и найти способы плавания под парусами при полном безветрии.

Рассказанное им интересно тем, что открывает нам пока мало известные страницы процесса становления в России исследований рынка.

Цыплёнков С. Ю.: «Я оказался офицером Балтийского флота с двумя дипломами о социологическом образовании»

Сергей, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, мои интервью с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры... что Вы знаете о своей фамилии — Цыплёнков и насколько Вы знакомы с прошлым Вашей родительской семьи?

Ну что ж начнем.

Фамилия действительно несколько необычная. Первый раз задумался, почему такая фамилия еще в детстве, когда на улице меня называли не иначе как «цыпа». Клички, конечно, были у всех Севастопольских мальчишек, но такая. Вот тогда-то и задумался, и понял — как еще могли назвать маленького белобрысого очкарика с такой фамилией. С тех пор перестал обижаться и стал свою фамилию «пропагандировать». Выставлять как бы напоказ. А заодно занялся спортом. Чтобы не быть маленьким очкариком — цыпой. Потом уже никто меня так не называл.

А еще стал использовать ее в своих интересах. Например, в школе, когда меня ругали за плохой почерк, подсмеиваясь, отвечал: «Это курица лапой пишет, а я еще только цыплёнок».

Как-то уже в 10 классе поправил одного нового учителя, а он мне в ответ: «яйца курицу не учат». Ну я тут же с гордостью ответил — «А моя фамилия Цыплёнков». У бедняги чуть шок не случился. Решил, что я над ним издеваюсь.

Вот после этого случая вывел для себя еще одну формулу. Вернее ответил на главный вопрос философии — что первично яйцо или курица. Ну, понятно же, что цыплёнок. Что вырастет из вылупившегося цыплёнка сразу не понятно — петух или курица. А без них (петуха и курицы) и яйца не будет. Кстати, с удовольствием рассказываю эту байку всем людям по фамилии Петухов, Курочкин, Кречетов и другим носителям птичьих фамилий. А их в России, оказывается, много.

С годами обыгрывание своей фамилии стало и профессиональным приемом. Например, чтобы снять первичное напряжение у участников фокус группы представляюсь «..Я социолог с такой простой фамилией Цыплёнков. Заметьте не Курочкин не Петухов а еще только Цыплёнков. В детстве говорили, что вырасту в Кречета, но расту пока только в ширину..». Как правило, люди улыбаются и первое напряжение уходит.

Вообще шутить над фамилиями у нас всегда умели. Выпустившись лейтенантом из военного училища попал в бригаду, где начальником штаба был Куроедов. А корабль, на котором я служил — был сплошь птичьим. Среди офицеров были Орлов, Курочкин, Соколов и т.д. Поэтому лейтенант с фамилией Цыплёнков мог служить, по мнению кадровиков, только на этом корабле. Кстати соседний корабль назывался зверинцем. Там фамилии офицеров — Львов, Рысинов, Медведев и т. д.

Так что фамилия в данном случае играет важную роль в судьбе человека...

И еще о фамилии. По правильному ее произношению я определяю насколько человек хорошо знаком с русским языком. Правильное написание Цыплёнков. То есть если ее произносят с ударением на ё, то знает русский язык. Если с ударением на «ов», (как принято) то знает традиции, но не знает языка. Шутка конечно. Но, как известно, в любой шутке есть доля....шутки. Когда кто-то произносит известную русскую поговорку – «Цыплят по осени считают», я всегда прошу «Начните с меня – я Цыплёнков».

Хотя эта путаница с «ё» и проблемы создает. Особенно в документах. Ну, это так, издержки. Как скорлупа от яйца.

Ну а если серьезно, то свою родословную могу проследить только до своих дедушек и бабушек. Ниже в «века» опуститься не удалось. Пока были живы дедушка с бабушкой – спросить не удосужился. А папа особо распространяться об этом не хочет (или не может). Говорит, что его отец об этом старался не говорить. Время было такое. Но по косвенным намекам я догадываюсь, что это как то было связано с ссылкой. Так что биографию дедов и бабушек знаю с момента войны. Вот такой парадокс.

Ну а папину с мамой биографию могу рассказать в лицах. Нужно ли?

Да, конечно, чем обстоятельнее, тем лучше...

Сначала расскажу о материнской линии:

Прадед Шумилкин Дмитрий, 1850 года рождения с.Кривичи Орловской губернии.	Прабабушка– Наталья – Орловская губерния	Прадед Мельников Петр. Жил в д. Житные Дворы, Орловской губернии. Работал бондарем. Умер в 1936 г.	Прабабушка умерла в 1924
В семье было пятеро детей		В семье – двое детей. Дед старший	
Бабушка – Мельникова (Шумилкина) Олимпиада Дмитриевна 11.11.1906г. – 13.12.1983 г. Родилась в с. Кривчево Орловской губ.; Окончила 4 кл. церковно-приходской школы. В селе ее называли «интеллигентка». Работала воспитателем в дет. садах г.Спасске, после войны в г.Ковеле, где и проработала до пенсии. После выхода на пенсию переехала к дочери (моей маме) в г. Севастополь. Похоронена в г. Севастополе		Дедушка – Мельников Илья Петрович 02.08.1907г.–05.12.1953 г. Окончил Калужский автодорожный техникум. С 1937 по 1941год нач.дор.участка в Рязанской обл. Воевал с 1941 по 1945 год в саперных войсках Войну кончил майором с орденом Красной Звезды, Красного знамени, медали. После войны жил и работал в г. Ковеле – Украина. Погиб в автокатастрофе 5 декабря 1953 г.Хотя бабушка говорила о мести бандеровцев, с которым дед воевал после войны.	
В семье было четверо детей – три сестры и старший брат. Мама – младшая в семье			

Мама Мельникова Нина Ильинична (Фамилию не меняла. Как говорила, смеясь – мельников на цыплят не меняю) родилась 1.06.1932 г.р. в селе Житные Дворы Орловской губернии. В 1954 году закончила Киевский Государственный Университет (факультет философии). Вышла замуж, и с мужем (моим отцом) переехала в Севастополь. Работала экскурсоводом, инструктором горкома партии. В 1970 году вместе с папой (перевод по работе) вернулась в Киев. Работала научным сотрудником (преподавателем в аспирантуре) Академии наук УССР. Кандидат философских наук. В 1993 году вышла на пенсию. Живет в Киеве.

Мама – образец пунктуальности и организованности. У нее все по полочкам, все по времени, все так «как положено». Несмотря на здоровье, продолжает читать свою философскую литературу, что-то рецензирует. К ней часто приезжают ее коллеги по Академии. О чем то советуются. В общем, как всегда при деле.

Об отцовской линии семьи мне известно меньше:

<p>Бабушка Цыпленкова Мария Петровна Сибирячка. Всю жизнь вслед за дедом. Умерла в 1967 году в г. Солнечногорске Московской области</p>	<p>Дедушка Цыпленков Николай Васильевич О прошлом семьи деда знаю мало. В семье не принято было рассказывать, его родословную. Знаю, что из Сибири. В конце 20х годов переехал в Москву. В 1931 году закончил курсы красных командиров и уехал служить на Дальний восток. Был комиссаром погранзаставы на Амуре. Дважды ранен. На личном счету задержание нескольких японских шпионов. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, много медалей. В 1947 году комиссован, по здоровью, в звании подполковника. Умер в 1964 (последствия ранений).</p>
<p>В семье было четверо детей – три брата и сестра. Папа – старший в семье</p>	
<p>Папа Цыпленков Юрий Николаевич 24.11.1930 г.р. г.Москва. В 1954 году закончил Киевский автодорожный институт и по распределению переехал в г. Севастополь. Работал прорабом, мастером, главным инженером строительно-монтажного управления СМУ №4 г. Севастополя. С 1963 по 1970 – зам. председателя Севастопольского горисполкома. В 1970 – приглашен на работу в Киев – начальником республиканского объединения УКРДОРСТРОЙ, зам министра дорожного строительства УССР. В 1995 году вышел на пенсию (хотя и продолжал подрабатывать, где только мог) Сейчас живет в г.Киеве. У Бати – золотые руки – может делать все, золотая голова – огромное количество свидетельств о рац. предложениях, изобретениях и неумная энергия. В свои 84 года не может сидеть на месте, все время что- то делает, усовершенствует.</p>	

Нас у родителей двое. Я – старший, 1955 года рождения, и брат Алексей – 1962 года рождения. Мы – севастопольцы.

Вы все школьные годы провели в Севастополе? Как шла учеба? Какие были интересы в школе и вне школы?

Севастополь, детство, школа... пожалуй, именно в таком порядке нужно описывать те годы (1955 – 1969 гг.). Севастополь и определил мое детство, да и всю последующую жизнь.

Родился я 26 февраля 1955 г. Первое детское воспоминание – Крымское землетрясение (март 1957 г.). Жили мы в то время в коммунальной квартире. Мамы в тот момент не было, а мы с батей, лежали на диване. Что-то он мне

рассказывал. Вдруг диван «заходил» по комнате. Осталось ощущение чего-то необычного и страха отца, который схватил меня в охапку и выскочил на улицу. Наверно вот это ощущение страха моего бати, который никогда и ничего не боялся (я так тогда думал) и записалось мне на подкорку. Кстати я испытал примерно тоже ощущение 1977 году. Будучи в отпуске в Киеве, когда по комнате «заходил» сервант, выхватил годовалого сына из ванны и в панике бросился на улицу. В панике не за себя, а за сына. Нужно будет его спросить — помнит ли он этот случай. Хотя вряд ли, ему тогда было чуть больше года. Я же своё пережил чуть старше 2-х лет.

Севастопольский мальчишка тех лет — это сорванец, постоянно лазающий по развалинам укреплений второй мировой войны, бастионам периода первой обороны Севастополя, слушающий рассказы фронтовиков, играющих в «наших и немцев», имеющий в своем личном арсенале как минимум пару действующих «стволов» и другой вполне себе рабочий арсенал. Причем не только со времен войны. У меня, например, был морской офицерский палаш еще первой обороны Севастополя.

Мама, работая экскурсоводом, часто брала меня с собой на свои экскурсии (некуда было девать). И я, бродя по развалинам Херсонеса, сидя на пушках Малахова Кургана или на Сапун горе слушал рассказы о греческих героях, крещение князя Владимира, подвиге брига Меркурий, матроса Кошку, Дашу Севастопольскую, Пирогова, пятерых краснофлотцев, легших под немецкие танки, штурм Сапун горы, просто впитывал в себя живую историю города и его людей.

На памятнике Казарскому (командиру брига «Меркурий») выбиты замечательные слова: «Потомству в пример». Вот эти слова вместе с «завещанием» умирающего адмирала Корнилова: «Отстаивайте же Севастополь», наверно и определило мою судьбу и судьбу большинства севастопольских мальчишек моего поколения. Из нашего класса все ребята после окончания школы поступили в военные училища (хотя детей военных у нас было немного). Кроме одного. Он не прошел по здоровью. Поэтому поступил в Военно-медицинскую академию. И сейчас, когда мне говорят, про аннексию Крыма Россией, я всегда отвечаю — севастопольцы просто выполнили завет своего адмирала — отстаивали Севастополь.

Это про дух того времени. Во всяком случае, мой Севастополь был именно таким. Таким во многом и остался. Так мне кажется.

Учился я в специализированной школе с английским уклоном. Сказать, что средне — ничего не сказать. Скорее не очень, но это касалось тех предметов, которые «были не для меня». Вообще с языками у меня всегда было плохо. Как, впрочем, и сейчас. Ну нет слуха на языки. А вот математика, история, география — это было моё. Очень увлекался историей. Перечитал все доступные тогда книги и про войну, вообще всю историческую литературу. Естественно все «подростковые» книги. Обожал «Два капитана» Каверина, Дюма (кстати, перечитывал несколько раз уже во взрослом возрасте и находил каждый раз что-то новое), О. Генри, Байрона, Катаева, Ильфа и Петрова. Одно время Лермонтов был кумиром. Позже увлёкся В. Пикулем, Л. Толстой с его «Севастопольскими рассказами». «Маленький принц» — А. Экзюпери. В общем, обычный набор для ребят моего возраста. Фантастика тоже была, но как-то не очень увлекался ею.

Скорее читал то, что читали и обсуждали сверстники. Как, впрочем, и музыка. «Роллинг Стоунз», «Битлы» — то, что зазвучало для меня именно в Севастополе наряду с песнями Пахмутовой, Зыкиной. Высоцким. Но если советские песни мне были понятны, и даже делал попытки повторять, то «Битлы» скорее, «за компанию» — как некая взрослость и приобщенность к «понимающим». Хотя нет, скорее как танцевальные мелодии тех лет (это называлось «шейк»). А танцевать любил. При отсутствии слуха оказалось, что у меня неплохая пластика и чувство ритма. Так что с удовольствием ходил в танцевальный кружок и даже выступал на каких-то конкурсах.

И еще спорт. Чем только ни занимался. Плаванием (вообще, Батя говорит, что я сначала поплыл, а потом только пошел), гимнастикой, боксом, подводным плаванием. Но, пожалуй, главным видом спорта в Севастополе для меня стала легкая атлетика — хорошо бегал на средние дистанции. Вот тогда, пожалуй, и научился терпеть и добегать свою дистанцию, даже если уже нет сил. Во всяком случае, закалка, полученная тогда, до сих пор дает возможность доделывать даже то, что мне не нравится.

Ну, а в остальном — как все севастопольские ребята — прыгал со скал, ходил в походы, играл в хоккей. Вообще странно звучит — хоккей в Севастополе в те годы. Но это же, как раз тогда, когда наши канадцев начали нагибать. Так что все мы мастерили клюшки, вместо шайбы — консервная банка, какие-то самодельные роликовые коньки. И разбитые носы, содранные об асфальт колени, но зато «мы их сделали».

Конечно — в меру хулиганил, в меру дрался (хотя кто знает, где эта мера). Но что точно — никогда просто так. Всегда «за дело» или защищая кого-то. Вообще мне кажется «защитник» — это ключевое понятие в Севастополе тех лет. Как туляки — государевы люди (на государя работали и от государя получали), так севастопольцы в большинстве своем защитники. По истории и по духу. Даже гимн Севастополя — гимн защитников.

И еще из воспоминаний тех лет — продовольственная проблема конца 50-х начала 60-х годов. Тогда в Севастополе картошки, крупы давали не более 0,5 кг «в одни руки». Поэтому в очереди стояли всей семьей. А чтобы купить кусок белого хлеба (белый хлеб продавали только детям), нужно было встать в пять часов и бежать занимать очередь в булочную (или как говорили у нас в булошную).

Так что обычное детство, обычные первые влюбленности. Тогда же научился шить, готовить, мастерить какие-то поделки. Родители всегда были заняты, поэтому «обслуживать» приходилось себя самому. А потом и за младшим братом ухаживать. Так и закончил семь классов. Троечником, но вполне самостоятельным.

В 1968 Батю перевели в Киев. Пришлось переезжать в непонятный мне город. Где не было ни моря, ни моих бастионов, ни друзей. В день приезда отправился за хлебом — в «Перукарню». Оказалось, что это не булочная и парикмахерская. Ну не мой это был город, непонятный мне. И вообще там люди были другие. Вернее такие же, но другие. Как бы все нужно было начинать с белого листа.

Пожалуй, с этого и началась моя самостоятельная жизнь. Я решил, что раз я севастополец, значит должен быть первым во всем.

Тройка в учебе стала невозможной оценкой. Поэтому окончил школу, хоть и без медали, но с вполне приличным аттестатом. Изжил из речи «южный говор», стал комсоргом школы. Увлёкся регби (пригодились навыки быстро бегать, терпеть боль и умение драться). Не стеснялся доказывать свое мнение. В том числе и в силовом варианте. Авторитет учителя — только если он авторитет. На первом же уроке английского поправил учительницу (у неё было жуткое произношение) и был выгнан из класса до конца школы, но, правда, с отличной оценкой. Слабенькая троечка в Севастопольской спецшколе давала отличный результат в киевской обычной школе. В общем «пыжился» быть впереди. Не всегда по делу, как сейчас понимаю, но старался доказать себе и окружающим — что могу. Могу хорошо учиться, могу делать хорошие фотографии, могу строить. А потом стал от этого получать удовольствие. Удовольствие от того, что, получается, сделать хорошо какое-то дело. Наверно, это вошло в привычку.

Тогда же выбрал себе жену. Смешно звучит, но придя первый раз в новую школу, сам выбрал девочку, с которой «буду сидеть за одной партой». С тех пор, вот уже почти 40 лет мы вместе.

И еще у нас был замечательный, дружный класс. Что мы только вместе ни делали. В театр — вместе, на лыжах — вместе. Новый год, преферанс, танцы, колхоз, даже первый алкоголь — всё вместе.

А еще у нас был замечательный классный руководитель — Аркадий Захарович Гендель, Историк. Думаю, что во многом он повлиял на судьбу большинства своих учеников. Интеллигент. Фронтвик. Человек и Учитель. В общем, мне повезло. И с друзьями, и с учителем, и с городом. Я влюбился в Киев. Здесь другая история, другой дух города. И все же это тоже мой город. Как два пальца на одной руке: Севастополь и Киев — какой ни отрежь — больно.

Так в 1972 году и окончились моё детство и юность. Последнее, правда, не в смысле возраста, а в смысле беззаботной жизни.

PS. Перечитал эти строки и еще раз подумал, что Севастополь во многом определил всю мою жизнь. Он меня воспитал. Он, если можно так сказать, меня сделал.

Могу допустить, что, думая о будущем, Вы выбирали между «севастопольским путем», т.е. военно-морским училищем, и «киевским», скажем, техническим, инженерным путем. Что в действительности произошло?

Я точно был нацелен на военно-морское училище. Причем на штурманский факультет (Севастополь, Питер, в крайнем случае — Владивосток). Хотя мама меня видела как минимум историком, а батя — строителем. А по натуре, как сейчас понимаю, я был скорее «общественник». Если такое слово можно использовать.

Но детская мечта! Так что путь был один, а вот выбор был вынужденный.

В военкомате при прохождении медицинской комиссии выяснилось, что по зрению я не годен. Стали искать, куда с моими 0,8 я могу поступать. Выяснилось (по словам военкома), только в военно-строительное в Питере. Пришлось согласиться (все-таки военное), но обязательно на факультет гидростроительства. Думал, что так буду ближе к морю. Поехал в Питер, сдал две математики и физику на отлично, а перед сочинением (тогда это было обязательно) еще раз прошел

медкомиссию. Беседуя с окулистом, вдруг выясняю, что с моим зрением вполне можно поступать в Киевское Высшее Военно-Морское Политическое Училище (КВВМПУ).

Забрал документы и под причитания командира роты абитуриентов (отличник смывается) улетел в Киев. В это же день подал документы в КВВМПУ. Это был последний день подачи документов. Принят как абитуриент. И уже на следующий день, практически без подготовки, сдавал историю. Вот такой кульбит. В общем, все четыре экзамена на пять — зачислен.

И тут выяснилось, что в дипломе выпускника пишется — «штурман-политработник». Так что не только флот, но еще и штурман, хоть и политработник. В общем, судьба распорядилась так, как я хотел. С небольшой корректурой, но все же. И я не пожалел. И штурманскому делу хорошо учили и политработником, говорят, был неплохим.

Съездил я потом к тому военному, спрашиваю — как же так, почему сразу не сказали. А он мне в ответ — в КВВМПУ и так был конкурс огромный (действительно нас было 7,5 человек на место), а военно-строительное — недобор. А у меня разнарядка. Тогда в первый раз понял, что такое разнарядка в советские времена. Великая вещь, оказывается. Командует людьми как хочет.

В общем, окончил училище с красным дипломом. Медаль не дали, так как по разнарядке на училище полагалась всего одна медаль (вот опять разнарядка вмешалась в судьбу). Из двух выпускников, отвечающих требованиям медали, у моего сослуживца «в багаже» ещё парторговский довесок оказался. Конечно дали парторгу, а не его заму. Так без медали и поехал служить. Кстати, тут тоже «Его Величество разнарядка» сыграла свою роль. Дело в том, что выпускник с красным дипломом имел право выбора флота. Я выбрал Северный. Но в разнарядке на выпускников значилось — такое-то количество краснодипломников отправить на Тихоокеанский флот.

Старая армейская притча гласит «сын полковника не может быть генералом, потому, что у генерала есть свой сын». У меня даже лейтенанта среди живых родственников не нашлось. Так что понятно, из кого и как разнарядку выполняли. Так и попал на Дальний Восток. О чем вспоминаю с теплотой, хотя по сегодняшним меркам то, что там было вспоминать с теплотой нельзя — условий для жизни практически никаких. Но зато служба была интересная. Моря попробовал так, что иные и мечтать не могли.

Сколько лет Вы прослужили на Дальнем Востоке? А потом что: демобилизовались или продолжили службу в других краях?

Постараюсь быть краток (без флотской лирики).

1976—1984 гг. — служба на Дальнем востоке в разных должностях и разных соединениях Тихоокеанского флота. Большую часть из этих 8 лет провел в море, на боевой службе, в боевом дежурстве.

В 1984 году поступил в военно-политическую академию (г. Москва)

В 1987, окончил академию с красным дипломом и для дальнейшей службы выбрал Балтийский флот. Служил в боевом соединении (г. Балтийск).

С 1988 г. — офицер политуправления Балтийского флота (г. Калининград).

В 1994 г. уволился по сокращению штата с должности начальника военно-социологической службы флота. Капитан 2 ранга запаса.

Вот и вся военная карьера, уместилась в несколько строк. Все 22 года календарной службы.

Среди Ваших коллег по социологическим и маркетинговым исследованиям есть Ваш одноклассник. Петр Залесский тоже отличник Военно-политической академии.

Не могу не попросить Вас развернуть строчку со словами «уволился с должности начальника военно-социологической службы флота». Когда и как происходило Ваше собственное знакомство с социологией? Еще в Академии или позже? Когда Вы возглавили социологическую службу? Что это такое, типа лаборатории в институтах?

Ждал подобный вопрос. В несколько другой формулировке. Но суть была очевидна.

Не сразу и не вдруг стал социологом. Хотя вся предыдущая служба была связана с работой с людьми. Приходилось быть и психологом, и, как я теперь понимаю, социологом. Только тот период можно было назвать «стихийный» психолог — социолог. То есть «по наитию». Пожалуй, она (служба) и готовила меня к этому «увлечению», переросшему в «болезнь».

Конечно, в академии кое-что давали по социологии, но тогда это было что-то отвлеченное от реальной жизни, поэтому интересовало мало.

Работая в политуправлении флота, как говорят, у меня проявилась склонность к анализу и обобщениям. Стал писать аналитические записки, анализируя факты, события, происшествия. Тогда же стал искать какую-то базу для анализа. Тут и вспомнилась социология. Нашел несколько книг. В том числе Военно-социологические исследования (Москва 1987 г). Но все это было как-то оторвано от повседневной жизни.

В одной из командировок встретил своего товарища по академии. Он закончил факультет психологии. Вот он мне первый раз и показал, что такое социометрия, какие анкеты и как он составляет, как обрабатывает.

Тут я и заболел. Увидел прикладной характер социологии. Стал искать всю возможную литературу. Тогда, правда, это была в основном еще советская «заводская социология». Во всяком случае то, что было доступно мне. Провел первые «исследования» (беру в кавычки, потому, что по сегодняшним меркам это исследованиями назвать нельзя).

Хочу напомнить — это были годы (конец 80-х), когда всё в стране бурлило. И исследования «Социально психологическое состояние офицерского состава флота» наделало тогда много шума. И оказалось востребовано. А я, наконец, нашел то, на что можно было опираться, делая выводы и предложения, которые, как я чувствовал, назрели. Это были несколько лет замечательного освоения нового. Но чувствовал, что базы не хватает.

А тут «Его Величество случай». В академии из числа бывших выпускников набирали курс по специальности «военный социолог».

Опять Москва, опять академия. Причем я уже представлял (в отличии от многих сокурсников) что мне нужно. Поэтому мучил преподавателей вполне прикладными вещами. А вот теории не хватало. И опять «Его Величество случай». Как раз в это время Институт Социологии РАН совместно с Институтом молодежи организовал «Высшие социологические курсы» как второе высшее

образование. Я не мог не оказаться на этих курсах, совмещая два учебных процесса. А преподавали кто? В. Ядов, Ю. Левада, Т. Заславская, Ю. Давыдов и моя «социологическая мама» — Ольга Михайловна Маслова. И еще много-много достойных людей.

Владимир Александрович Ядов собственноручно вклеил мне четверку на защите дипломной работы. Чем и горжусь, по сей день.

Кстати двухтомник «Методы сбора информации в социологических исследованиях», соавтором которого были и Вы, у меня до сих пор стоит на полке как один из «первоисточников» моих социологических знаний.

Вот так я и оказался офицером Балтийского флота с двумя дипломами о социологическом образовании — «Военный социолог -исследователь» (так это тогда называлось у военных) и «Преподаватель, с правом преподавания социологии» (так это звучало у гражданских).

В армии и на флоте как раз пошла мода на психологов и социологов. Так что должность начальника военно-социологической службы флота почти автоматически закрепилась за мной.

PS. Что — то много «Я» в этом тексте. Не хорошо.

Нет, Сергей, здесь много не бывает. Ведь Вы написали одну из страниц нашей истории; если о «Высших социологических курсах» уже рассказало несколько человек, то о распространении социологии в армии и на флоте пока сказано мало.

Вы уволились в Калининграде, будучи старшим офицером; Вам не было и 40 лет. Что по части трудоустройства Вам предлагали флотские структуры? Как Вы сами распорядились своей судьбой?

Время было такое — страшное — «лихие 90-е». Все разваливалось. Флот тоже. Офицерам месяцами не платили денежное содержание. Кормить семьи было не чем. Офицеры ушли на «подножный корм». Кто чем перебивался. Кто торговал (тогда все торговали), кто пытался где-то подрабатывать. Приходилось и вагоны разгружать, и гаражи строить. А потом я нашел свою нишу. Теперь бы это назвали «фрилансер».

Как социолог стал подрабатывать в образовавшемся тогда «Калининградском социологическом центре». Считал и обосновывал выборки, составлял анкеты, писал отчеты. Одновременно преподавал социологию в «Европейской бизнес школе». Участвовал в подготовке программ социального развития города. Помогал в становлении центра занятости в Калининграде. В общем, окунулся в другую жизнь.

Но, пожалуй, не это было главным в решении уйти с флота. Предлагали остаться, тем более, что и звание вышло. Документы на присвоение звания капитана 1 ранга уже были в Москве. Но для этого нужно было остаться служить. А служить не хотелось. Вернее так служить. Никому мои работы стали не нужны. Начальство их складывало в стол — страшно было представить командованию тогдашние настроения военнослужащих. А работать «в стол» я не мог. Да и участвовать в развале флота не хотел. Поэтому решение было однозначно — увольняться. Хотя и страшно было. После 22 лет службы резко менять судьбу. Но почему-то был уверен — не пропаду.

К тому времени и в городе и в областном правительстве многие уже знали фамилию Цыплёнков (благо запоминается). Так что предлагали должности и в центре занятости и еще в ряде структур власти.

Но я уже был «болен» социологией. Так что принял приглашение — в социологический центр. А буквально через пару месяцев и возглавил его.

Структура полностью коммерческая — что заработал, то и съел. А я не умел «зарабатывать». Офицеры, все-таки, государевы люди. Бухгалтерия, заказчики, налоговая и т.п. — для меня тогда это был темный лес. Пришлось учиться и этому. Вот уже 20 лет учусь. Как говорила моя бабушка — «выдурился» (выучился, вырос, поумнел).

Начинали с того, что из собственности в центре был только телефон. Все остальное — пару столов, 286-й компьютер, матричный принтер и маленькая комнатуха (вернее чуланчик) — всё арендованное.

Но самое главное, ни власть, ни тем более бизнес в то время, даже не представляли, что такое социологические, маркетинговые исследования. Как заказчики они тогда были «полный ноль». Кстати, что такое маркетинговые исследования я тогда тоже плохо представлял. Пришлось учиться и этому, а заодно учить своих потенциальных заказчиков. Думаю, что через это прошло большинство региональных центров, начинавших свою работу в те годы. Было очень трудно. Но очень интересно. Последнее как раз и было мощным стимулом двигаться вперед. Самому осваивать новое, учиться и предлагать заказчикам. Повторю любимое слово бабушки — «выдурились».

Социологии Вас дважды учили, а как Вы осваивали философию и технологии маркетинговых исследований? Какие ниши рынка Вы тогда изучали?

Не считаю себя специалистом в маркетинговых исследованиях. Хотя конечно определенные навыки, опыт и знания приобрел (именно в такой последовательности оцениваю свою подготовку в этой области).

Как это происходило?

С одной стороны, мы делали полевые работы практически для всех московских исследовательских компаний. С точки зрения инструментария это была полезная практика. Во всяком случае, тогда я пытался понять, что измеряет тот или иной индикатор. Почему так, а не иначе сформулирован вопрос. Кроме того, часто бывал в Москве и «приставал» к коллегам — что и как. Это был такой «внешний контур».

С другой стороны — много читал. Помню, что первые книги тогда были «Основы маркетинга» (Ф.Котлера). «Академия рынка — маркетинг» (перевод французских авторов).

С третьей стороны, изучал Калининградский рынок, какие ошибки делают местные предприниматели и уже с конкретными предложениями шел к ним. Мы даже проводили собственные исследования — опрашивали предпринимателей. Пытались понять востребованность наших услуг, проблемы бизнеса. Это оказалось полезным. После этого исследования более плотно занялся изучением качественных методов, фокус группами. Вернее достал всю тогда доступную литературу, читал и проводил собственные группы (не под заказ, а в качестве тренировки на «кошечках»).

В связи с этим очень помог грант, который получил тогдашний ВЦИОМ. У них был грант на подготовку социологов из регионов России. Были две опции — для полевых менеджеров (организация опросов) и для будущих модераторов. Так что мы (всего восемь человек) целый месяц провели в пансионате под Москвой, учились, тренировались.

Алексей Левинсон тогда очень здорово нам «вправлял мозги». И тут тоже оказалось полезным то, что у меня к этому времени был уже собственный опыт. Так что учение было не на пустом месте. И меня кроме теории еще очень интересовали практические вопросы. Так что я Левинсона тоже помучил.

Потом, уже читая работы Сергея Белановского, в чем-то даже готов был с ним поспорить. Вернее предложить свое видение. Не с точки зрения теории, а сугубо как прикладник.

Вообще со временем, проведение групп стало моей чуть ли не специализацией. Во всяком случае, очень много езжу по стране (приглашают). Даже в Монголии пришлось проводить группы. Правда, там была политика.

Но по-прежнему не считаю себя специалистом в маркетинговых исследованиях. Вообще в таких центрах как наш (я имею ввиду небольшие региональные центры) — мы, скорее, «специалисты широкого профиля». Здесь и социально-политические, и культурологические, и маркетинговые исследования, и изучение аудиторий СМИ, и много еще чего.

Таким путем все развивались и все идут... лишь самые крупные центры постепенно специализируются.. иначе не прожить. Сергей, пожалуйста, приведите один-два примера Ваших удачных маркетинговых исследований для локального бизнеса.

Их было достаточно много. Пожалуй, два из первых. Именно потому, что первые.

Это было еще в 90-х. Обратился ко мне бизнесмен, который разливал и продавал минеральную воду. Разливал в обычную стеклянную бутылку. Традиционная Калининградская вода (вернее еще немецкая скважина). Но бренд «Калининградская» был хорошо известен в городе. Будучи в Англии он увидел там необычную бутылку — черная пластиковая литровая бутылка. Почему-то решил, что такая оригинальная упаковка поможет ему развивать свой бизнес. Закупил небольшую партию и договорился о контракте — поставке линии по производству таких бутылок. Но в последний момент засомневался и решил обратиться ко мне. Мы тогда придумали такой ход. — разлили одинаковую воду в три разные бутылки. Традиционную (стекло, 0,5 литра), черную литровую, и прозрачную литровую. И провели серию холл-тестов. Респонденты не только выбирали на «витрине» то, что они бы купили, при этом объясняли мотив своей покупки. Но и пробовали якобы разную воду, описывая свои ощущения от вкуса.

Мы показали заказчику две принципиальные вещи.

Первая — покупатель хочет видеть то, что налито внутри. Черная бутылка тогда воспринималась как бутылка для технической жидкости. Следовательно, ее вряд ли будут покупать.

Второе — форма бутылки ее прозрачность — влияют на представления покупателей о качествах воды.

Этот предприниматель потом всем рассказывал, что я его спас от банкротства (он не стал приобретать дорогостоящую линию), а в последствии, мы еще несколько лет работали с его командой по разработке дизайна, этикеток, рекламы его продукции.

Вспомнил об этом эпизоде потому, что смею утверждать — это были первые холл-тесты, проведенные в Калининграде.

Второй — предприниматель торговал шинами для машин. Но в какой-то момент решил стать ресторатором. Открыть пиццерию. У него работал неплохой маркетолог, который и обратился к нам. Нужно было понять, что такое пицца для калининградцев и в каком виде ее можно продвигать, какого формата должно быть заведение.

Мы тогда провели серию фокус групп с разными категориями потенциальных потребителей. Много тогда «вылезло» интересного в восприятии людей. А это тоже конец 90-х. Тогда у людей были несколько иные представления о пицце. Не буду описывать детали, но если по крупному — мы тогда предложили сделать пиццерию в формате респектабельного кафе, где на глазах у посетителей готовится продукт, причем с открытым огнем. Идея оказалась удачной. Кафе стало модным в городе. Предприниматель теперь действительно ресторатор — владеет сетью пиццерий и ресторанов. С ним мы до сих пор поддерживаем деловые отношения. Привожу этот пример просто потому, что это был мой первый опыт маркетингового исследования с использованием фокус групп.

А вообще приходилось работать и со строителями, с производителями хлеба, полуфабрикатов из курицы и мяса, мебели, сигарет, автоцентров, птицефабрик, сети магазинов строительных материалов, торговых центров, с местными СМИ. В общем, достаточно широкий спектр местных заказчиков.

Вы знаете, что меня интересует вопрос эффективности рекламы, т. е., какая реклама и почему лучше продает. Вы проводили исследования по этой тематике? Что удалось найти?

Рекламой особо мы не занимались. Все-таки я не специалист в этой отрасли. Хотя были работы, когда мы делали контент рекламного рынка Калининграда (очень давно) или тестировали рекламную продукцию. Но плотно этим не занимались уже давно. Хотя иной раз ко мне обращаются за советом. Например, недавно работал в Подмоскowie (Красногорский район) по просьбе консалтингового агентства, консультирующего застройщика этой территории. Один из вопросов, которые они мне задали по итогам работы, — в каком виде должна быть информация о предстоящем строительстве, чтобы максимально снять отторжение от проекта. Я им предложил вариант в виде ответов на вопросы, которые звучали у участников фокус групп, причем в «прямой речи».

Во-первых, это действительно то, что волнует людей. Не абстрактное — «у вас будет», а вполне конкретное — эта проблема того или иного поселения будет решаться так то и так то.

Во-вторых, люди увидят, что застройщик интересуется их мнением, их проблемами, а значит повышение лояльности к такому застройщику

Похоже, они согласились с таким подходом.

Ну и второе. Недавно был в Екатеринбурге — интересная работа, связанная с подготовкой города к чемпионату мира по футболу 2018 года. Встречались представители нашей группы со многими людьми, в том числе и местным музыкантом. Все его называли «дедушкой Екатеринбургского рока».

Так вот этот «дедушка» высказал «забавную» мысль. Суть его высказывания в том, что нынешние 20—30 летние и тем более те, кто еще моложе, сейчас в подавляющем большинстве обладают так называемым «клиповым мышлением». То есть, могут воспринимать короткие (не более 30 секунд) информации в виде клипа, или как он сказал «всхлипа», после чего их внимание переключается на другие «всхлипы». Мне кажется он достаточно точно «ухватил» суть происходящих изменений. Вообще-то этим можно было бы заняться и поизучать. Во всяком случае, тем, кто занимается рекламой. Я, к сожалению, этим сейчас не занимаюсь. Хотя тестировать рекламную продукцию иной раз приходится. Но именно тестировать, а не изучать, что лучше продается.

Калининград — по многим основаниям особая территория, особый мир, в частности, население Вашего региона лучше, чем других знает рынок Германии, Польши, Прибалтики. Принимаете ли Вы во внимание это обстоятельство в Ваших маркетинговых разработках?

Обязательно. Не просто принимаю во внимание. Без этого просто нельзя что либо понять. Поэтому приезжая в тот или иной город или регион начинаю прежде всего с того, что пытаюсь понять особенности жителей этого региона. Они (эти особенности) во многом определяют типовое поведение людей в этом городе.

Ну а про Калининград и говорить нечего. Здесь не только хорошее знание жителями региона рынка Польши, Германии, Литвы. Кстати, Калининградцы, почти все, до недавнего времени регулярно — чуть ли не каждую неделю, ездили в Польшу и Литву «закупаться» товарами повседневного спроса. Так что их рынок большинство знает досконально.

Но не это главное. Особый «статус» области, то, как формировалось Калининградское сообщество, наложило свой отпечаток на типаж поведения Калининградца.

Это как в Штатах. Собрались люди из разных стран, с разной культурой, разным типом поведения. Приехали на чужую землю. Как в тигле переплавились. И получилось то, что получилось — американцы. У нас конечно не США, но похожие процессы и сейчас продолжаются. А тут еще под боком Европа. Так что «гремучая смесь» людей с разной культурой, попавшая в уникальное географическое положение, диктует свои законы становления и развития этой общности.

Не учитывать этого просто нельзя.

Вы начинали деятельность с «нуля»: маленькая комнатуха, арендованные компьютер и столы, лишь собственный телефон. Где теперь располагается Центр, какой техникой он обладает?

Сейчас мы расположены на тихой улочке в довольно престижном районе города (так называемый «Старый Кёнигсберг»). Небольшой немецкий особнячок с придомовой территорией, на которой высажена травка. Люблю косить эту травку. Это такой рабочий релакс. Часть этого особнячка с отдельным входом —

это и есть наш центр. Есть всё. И мини типография, и фокус-групповая комната, компьютеры, планшеты, диктофоны и т. д. В общем, всё есть для автономной работы. И все в собственности, начиная с помещений. Так что с этим проблем нет. Технику постоянно обновляем, да и за тенденциями развития отрасли следим, стараемся не отстать. В этом плане мы теперь (вернее уже давно) ни от кого не зависим.

Сколько человек работает в Вашем Центре? Кто по образованию Ваши аналитики рынка? Теперь в стране есть возможность повышения квалификации в области изучения рынка? Стажируются ли Ваши сотрудники в Германии, Польше, других странах?

Всего штатных сотрудников семь человек. Аналитиков — два человека. Я и исполнительный директор — Матвеева Оксана Викторовна. Социолог по образованию. В 2005 году она стажировалась в США. А прошлый мой аналитик Ольга Сезнева уехала в США и сейчас, насколько я знаю, преподает в Чикагском университете. Так что куем кадры и для США.

Вообще практика обучения, постоянного обмена опытом у нас, на мой взгляд, поставлена неплохо. Наш центр является членом ассоциации региональных центров «Группа 7\89». В практике работы этой ассоциации ежегодные съезды с обязательным учебным планом. Приглашаются ведущие специалисты — исследователи в нашей области. Плюс ассоциация вот уже несколько лет ведет образовательные вебинары для социологов практиков и преподавателей из регионов России. Ну и мы сами друг другу подсказываем, учимся. В этом году провели съезд — школу полевых менеджеров членов ассоциации. Так что пытаемся учиться сами, учить своих аналитиков и даже полевики.

Кроме того практически обязательное посещение всех научных конференций. Например, на последней «Грушинской конференции» во ВЦИОМе в том числе слушал и Вас. В марте 2015 собираюсь на 5-ю конференцию. А сейчас, в январе, члены ассоциации собираются в Болгарии. На лыжах покататься и заодно поучиться друг у друга. Мне, например, заказан мастер класс по проведению фокус групп. Так что пытаемся соответствовать.

Есть ли у Вас мониторинговые маркетинговые проекты? Если есть, то как Вы их проводите? Кто заинтересован в таких наблюдениях?

Мониторинговых маркетинговых проектов от местных заказчиков у нас, к сожалению нет. Как правило, заказчики приходят с проблемой. Другое дело, что уже образовался круг заказчиков, которые обращаются только к нам. Но темы бывают разные.

Трекинги (полевую часть) делаем для московских исследовательских компаний. Но там без аналитики.

С оптимизмом ли Вы смотрите в 2015 год? С одной стороны, правительство говорит о поддержке малого и среднего бизнеса, возможно, некое оживление рынка, могут появиться новые клиенты. С другой стороны, санкции, ослабление рубля, инфляция... угроза кризиса.

Наступающий год не радует. Явно ощущается тревожные ожидания в бизнесе.

Но с другой стороны опыт прошлых кризисов показывает, что как только бизнесу становится «неуютно», они обращаются к нам. Ищут возможности выжить, ищут новые ниши или своих потребителей. Так что 2015 год встречаю в состоянии «тревожной неопределенности с элементами сдержанного оптимизма». Странное сочетание слов. Но, как мне кажется, достаточно точно отражает мои ощущения и представления о будущем.

Интервью с Александром Юльевичем ЧЕПУРЕНКО

«ЖИЗНЬ СПОСОБСТВОВАЛА СТИХИЙНОМУ ПРЕВРАЩЕНИЮ МЕНЯ В СОЦИОЛОГА»

Чепуренко А. Ю. — окончил экономической факультет МГУ (1977 г.); доктор экономических наук (1990 г.); Высшая школа экономики, профессор (с 2004 г.), декан факультета социологии (2005-2014), руководитель департамента социологии (с 2014 г.); Институт социологии РАН, ведущий научный сотрудник (с 2005 г.). Основные области научного интереса: социология предпринимательства, малое предпринимательство, социология среднего класса, рыночное хозяйство в Германии.

Интервью состоялось: март-апрель 2015 г.

Завершается май 2015 года, за прошедший месяц мое собрание интервью приросло на четыре текста, могло бы и больше, но долгие праздники в России повлияли на общий ход работы. Тем не менее, в фото-галерее моих собеседников http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207 уже 116 портретов. Если учесть, что завершены и ожидают своего размещения на сайте еще семь интервью и кроме того продолжается беседа с 19 социологами, подавляющая часть которых доведет наш разговор до конца, то можно ожидать, что к концу лета общее количество проведенных интервью достигнет 140. Далее, массового роста не будет, лишь отдельные беседы с особо интересными для проекта социологами.

В рамках развиваемой мною концепции поколений Александр Юльевич Чепуренко относится к четвертой когорте советских / российских социологов, это те, кто родился в 1947 — 1958 гг.; младшему из представителей этой группы в конце 2015 года исполнится 57 лет, старшему — 68. Так что в целом — это поколение 60-ти летних.

В конце 2010-х, когда я задумывался о названиях возрастных страт отечественных социологов, в моем распоряжении было лишь 12 интервью с представителями IV поколения, и было крайне сложно выделить определяющие его черты. Тогда оно было названо «первым послевоенным». Одновременно эта профессионально-возрастная когорта была условно обозначена как «дети социологов первого поколения», и не потому, что среди них могли быть и в действительности есть дети тех, кто начинал развивать социологию в СССР (Елена Здравомыслова, Алексей Руткевич и Николай Ядов), но таково соотношение возрастов представителей этих групп. И, как в любой подвижной общественной системе, в которой родители и дети входят в мир в разных социальных обстоятельствах и устраивают свою жизнь по-разному, в мире науки, в частности в социологии, должна наблюдаться такая же закономерность. Для историко-биографического исследования признание данного обстоятельства становится импульсом к анализу межпоколенных различий.

Сейчас в моей коллекции 30 завершенных интервью с представителями IV поколения; и эта совокупность может быть задана рядом статистических показателей. Но прежде отмечу, что ни цели настоящего историко-социологического исследования, ни задачи, возникающие в процесс поиска, не требуют формирования множества респондентов, репрезентирующего всю совокупность советских / российских социологов или его отдельные поколения. Более того, строго говоря, это и невозможно. У нас нет возможности описать статистически строение нашего профессионального сообщества, однако, даже, если бы это было (допустим) сделано, все равно создание репрезентативной выборки неосуществимо.

Итак, среди 30 социологов IV поколения, с которыми были проведены интервью в течение 8,5 лет (2007- 2115), 20 исследователей — доктора наук, семеро — обладают кандидатской степенью и трое — не имеют научной степени. В смысле базового образования наше множество весьма гомогенно: философское, экономическое, историческое, филологическое, физическое, психологическое, медицинское, военное. Базового социологического образования в нашем современном понимании не имеет ни один человек.

В период бесед половина моих собеседников (15) жила и работала в Москве, восемь человек — в Санкт-Петербурге и семеро — в других городах страны: трое в Тюмени и по одному человеку в Екатеринбурге, Иванове, Калининграде и Энгельсе.

Наибольшее число участников опроса (13) в качестве основного места работы называли университеты, 11 человек указывали московский или петербургский институты РАН, пятеро — работали в новых негосударственных, независимых организациях и один — идентифицировал себя как независимый аналитик и автор. Но подчеркну, в постперестроечное время сложилась новая система занятости ученых. Как правило, академические ученые активно преподают, а большинство профессоров, преподавателей и университетских аспирантов участвуют в академических проектах и прикладных разработках независимых исследовательских структур.

Многое в судьбу IV поколения и каждого из его представителей внесла перестройка, все они встретили ее достаточно взрослыми с заметным жизненным и профессиональным опытом, с определенными планами. Младшие находились

в 30-летнем возрасте, старшие — приближались к сорокалетию. У многих за плечами были завершённые кандидатские исследования, некоторые закончили докторские диссертации или задумывались о них. Одни не вписались в трансформировавшийся мир социальных отношений и, как следует из воспоминаний ряда социологов рассматриваемой когорты, спились, ушли из профессии, но для других — открылись широкие возможности для работы по новым направлениям науки, для глубокого освоения опыта западной социологии. Это стало основанием того, чтобы дать IV поколению ещё одно «имя» — спасённые перестройкой. Данная характеристика — тоже не универсальна, значительная часть моих собеседников её приняла, но одновременно некоторые из них заметили, что к ним она не применима, наконец, есть и те, кто категорически не согласился с таким определением. Например, среди них оказались те, кто в принципе не принял события, обстоятельства ранних 90-х и ельцинскую эпоху.

Исходно, в 2007 году, концепция поколения социологов возникла в стремлении найти способы, методы упорядочения массива данных. Однако в последние год-полтора в ответ на рост числа проведенных интервью и постоянные размышления о направлениях анализа собранной информации пришло новое понимание «лестницы поколений» и роли этой конструкции в моем историко-социологическом проекте. В значительной степени этому способствовало то, что в начале 2014 года я начал проводить интервью с социологами VI, а летом — с VII поколений. К настоящему времени 17 человек представляют шестое поколение и восемь — седьмое. Таким образом, открылась возможность не только проводить сравнительные межпоколенные исследования, но переходить к динамическому, или процессному, анализу; что и составляет суть исторического поиска.

Другими словами, направленный анализ поколений позволяет трактовать историю современной российской социологии как процесс становления и смены поколений социологов, т.е. решение «технической», «инструментальной» проблемы — упорядочение биографической информации — дало ключ к рассмотрению генеральной задачи проекта — описанию движения социологии как науки в пространстве макро-социальных общественных изменений. Инструментом такого историко-научоведческого исследования может стать функциональный анализ поколений, т.е. определение и изучение функций каждого из поколений и того, каким образом они осуществлялись.

Так возникла потребность обозначить доминирующие функции поколений, принимающие во внимание исследовательские задачи, решение которых возлагается на каждую из этих профессионально-возрастных общностей историей развития российской социологии. Получился такой ряд: I поколение — «Конституирование социологии как самостоятельной науки», II поколение — «Расширение предметного поля исследований», III поколение — «Развитие эмпирических методов», IV поколение — «Сохранение достигнутого, испытание нового», V поколение — «Обогащение парадигматики и методологии», VI поколение — «Определение характера постсоветской российской социологии» и VII поколение — «Вхождение в глобальное социологическое сообщество».

Перечисленные функции названы доминирующими для соответствующих поколений, поскольку ни одно из поколений не может в принципе в полной мере ответить на соответствующие вызовы науки, и следующие профессиональные поколения непременно продолжают искать ответы на вопросы, над которыми думали их предшественники.

Например, главнейшую целью своей деятельности первопроходцы современного этапа российской социологии видели в конституировании социологии как самостоятельной науки, в ее выходе из объятий марксистской философии. Формально это удалось сделать лишь в конце 1980-х, так наука, родившаяся в нашей стране на волне политической оттепели, получила признание лишь в период перестройки. Но и сейчас остаются актуальными вопросы генезиса российской социологии, ее предметной и объектной очерченности.

История распорядилась так, что IV поколение оказалось «самым переходным». Оно перенимало опыт своих учителей, начинало работать в существовавшей парадигматике, анализировало социальную проблематику позднего этапа периода застоя, и оно же должно было первым осваивать новую реальность и создавать подходы к ее познанию. Таковым был единственный пусть к профессиональному и — часто — физическому выживанию представителей данной когорты.

Кратко рассмотрим интервью с Александром Чепуренко сквозь решетку характеристик, которым я наделил его профессиональное поколение, и попытаемся проверить, в какой мере они распространяются именно на него.

Его родители не имели отношения ни к социологии, ни к изучению социальных процессов, но по времени рождения он принадлежит к поколению детей социологов первого поколения. Он — из первой послевоенной генерации. Для него война — не далекое прошлое, а событие, коснувшееся непосредственно его дедушки и бабушки, а также — отца. Из воспоминаний Александра: «Деда и бабки по линии матери не стало задолго до моего рождения. Бабка была замучена гитлеровцами-карателями, потому что дед был в партизанах. А дед, до войны работавший провизором в еврейском местечке, в годы войны стал врачом в крупном партизанском соединении. Умер он уже после войны» и далее: «Отец всю жизнь проработал на одном и том же предприятии, был ведущим инженером в крупном авиастроительном КБ <...> Все соседи — сослуживцы отца, многие были друзьями еще со времен войны (завод был вывезен в чистое поле в Оренбуржье едва ли не последним эшелоном из Ленинграда, и через 3 месяца уже выдал первые истребители)».

В 1972 году Александр поступил на экономический факультет МГУ и увлекся изучением «плохо понятого (и поныне!) “Капитала”». Успешно окончил обучение и один из немногих был рекомендован в аспирантуру, но по идеологическим соображениям партком факультета отказал ему в этом. С 1977 по 1991 годы он вел свои исследования в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где в ту пору работало немало очень знающих и прогрессивно мыслящих ученых. В 1981 году им была защищена кандидатская диссертация, а в 1989 году, в 37 лет — докторская. Обе работы были посвящены анализу экономического учения Маркса и носили междисциплинарный характер: использовалась методология экономических наук, философии и истории науки.

Но уже к моменту окончания работы над докторской Чепуренко понимал, что заниматься дальше чтением и расшифровкой рукописей Маркса с лупой в руках ему не удастся — жизнь не позволит. Он был вовлечен в серию методологических семинаров, на которых обсуждались актуальные проблемы истории и теории социализма, выступали теоретики и идеологи нарождавшегося демократического движения.

Было бы неверным говорить, что перестройка спасла его от занятий мало интересной тематикой, но она явно расширила горизонт его поисков. В дни путча Чепуренко вошел в группу молодых экономистов, социологов и исследователей политики, которые к началу 1992 года создали Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП), который сразу приступил к теоретико-эмпирическому анализу ценностей, молодежи, среднего класса и т. д., и т. п., а также к прикладным исследованиям по заказу разных, прежде всего зарубежных, фондов и университетов, заинтересованных в информации о России.

В конце 80-х Чепуренко — подобно многим аналитикам его поколения — прошел школу публичной социологии, а в начале 90-х начал осваивать социологический подход к анализу актуальных проблем развития общества, учиться азам формирования анкет, пониманию принципов формирования выборки и прочему. Его наставниками были М. К. Горшков, А. Г. Здравомыслов, Ф. Э. Шереги и другие опытные специалисты. Однако к концу 90-х по мере затухания демократических и экономических реформ и, позже, когда началось возведение «вертикали» власти, западные фонды и международные организации стали терять интерес к России, и РНИСиНП по согласованию с Президиумом РАН был преобразован в Институт комплексных социальных исследований РАН, и вскоре он слился с ИС РАН.

Александр Чепуренко к тому времени уже был сотрудником Высшей школы экономики. С 2005 по 2014 годы он был деканом факультета социологии, а в настоящее время — руководит департаментом социологии.

Итак, при всей уникальности жизненной траектории Александр Чепуренко, специфике его вхождения в социологию все рассказанное им укладывается в общее представление о социологах IV поколения.

Чепуренко А. Ю.: «Жизнь способствовала стихийному превращению меня в социолога»

Александр, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, мои интервью с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем сразу открывают очень интересные личностные миры и историко-культурные миры...

Александр Филиппов рассказал историю своего отчества — Фридрихович, его отец бы назван Фридрихом в честь Энгельса. Ваше отчество — Юльевич тоже нечастое, Вы не знаете истории имени Вашего отца? И вообще, насколько Вы знакомы с прошлым родительской семьи?

С прошлым родительской семьи знаком в основном по рассказам отца. Я — поздний ребенок, а отец очень рано (в 16 лет!) перебрался с исторической родины (Сумщина) в Ленинград, потом — война, эвакуация, послевоенный перевод его предприятия в Москву... Тем временем личные связи с родственниками истончились.

Отец родился еще до 1-й мировой войны в семье сельского парикмахера, где было еще трое детей (по тем временам, малодетные), и сравнительный достаток. Дед был не просто сельским брадобреем, но и, по-видимому, фатом и жуиром. Любил музицировать, дома были музыкальные инструменты, на которых играли он и его братья. Любил читать. Так, наверное, и появилось имя Юлий — в честь Юлия Цезаря.

Деда видел в раннем детстве лишь однажды, во время посещения летом украинской родни. Помню его плохо — мне было около 5 лет. Бабка умерла еще до моего рождения. Тетку, старшую сестру матери, не застал в живых, младшего брата отца немного помню, он несколько раз к нам приезжал в Москву из Ленинграда.

Деда и бабки по линии матери не стало задолго до моего рождения. Бабка была замучена гитлеровцами-карателями, потому что дед был в партизанах. А дед, до войны работавший провизором в еврейском местечке, в годы войны стал лекарем в крупном партизанском соединении. Умер он уже после войны.

Теток и дядю по линии матери знал лучше, никто из них не был москвичом, но они часто наезжали из Казани и Таллина, куда забросила их послевоенная жизнь. Все они были представителями советской интеллигенции — инженер, экономист, жена консерваторского профессора.

Мать и отец не часто, но все-таки перебирали семейные фотографии. Обычно это происходило либо во время приезда кого-то из родственников, либо по случаю какой-то даты из жизни семьи. По фотографиям и сопутствующим рассказам примерно я в основном и представляю себе поколение моих дедов и бабок.

Очень интересно, когда я задавал вопрос, конечно, думал Юлии Цезаре, но не очень верил в это... а ведь, действительно, целая семейная история... спасибо. Теперь, пожалуйста, побольше собственных воспоминаний о родителях, о своем детстве

Отец всю жизнь проработал на одном и том же предприятии, был ведущим инженером в крупном авиастроительном КБ, мать — домохозяйка. Жили в коммунальной квартире, предоставленной заводом. Все соседи — сослуживцы отца, многие были друзьями еще со времен войны (завод был вывезен в чистое поле в Оренбуржье едва ли не последним эшелоном из Ленинграда, и через 3 месяца уже выдал первые истребители), поэтому обстановка в большом многоквартирном доме была как в селе: все друг другу старались помогать, вместе отмечали праздники, дети были под «коллективным присмотром». В общем, довольно типичная для середины 50-х — начала 60-х картина.

Денег, как я теперь понимаю, не хватало (моя старшая сестра училась в институте на дневном отделении и получала крохотную стипендию), но выручала изобретательность матери в плане ведения хозяйства. Стало чуть легче, когда по чьему-то совету меня отвели в Дом моделей одежды на Кузнецком мосту, и я стал манекенщиком (проработал примерно с 4-х лет и до 7-ми). Когда все мои сверстники играли во дворе, меня везли через полгорода на примерки или на показы одежды. Но мне объясняли, что я теперь — второй кормилец семьи, и это помогало переносить молча долгое стояние на табуретке в какой-то тряпице, исколотой булавками и исчерченной мелком.

Школа — одно из самых радостных впечатлений детства. Это была школа с углубленным изучением немецкого языка, с сильным и дружным (не часто встречается) педагогическим составом и со своим летним школьным лагерем в Подмоскowie. Учились в основном дети из интеллигентских семей, никакого сословно-классового расслоения не чувствовалось. Хотя во второй половине 60-х начало ощущаться, что разные семьи стали жить по-разному: у кого-то появились многокомнатные отдельные квартиры, автомобили, какие-то модные вещи... Но зависти не было.

Атмосфера изменилась в самом конце 60-х — тогда мы еще не могли связать это с внутрисполитическими последствиями подавления Пражской весны и сворачивания косыгинских реформ. Один из учителей эмигрировал, после чего школу начали «проверять» по всем линиям; директор школы повесился, вместо него прислали новую директрису, с которой учителя скрыто, а некоторые старшеклассники — открыто стали враждовать. Меня это тоже не миновало... не сошлись на почве интерпретации недавно опубликованного в журнальной версии «Мастера и Маргариты». Поскольку директриса, сама преподававшая у нас литературу, трактовала его как плутовской роман, а мы (я) — как иносказательную, но острую сатиру на советский строй. Ну, как такое можно было говорить на уроке литературы вскоре после процесса по делу Синявского и Даниэля?

В школе были очень ровные и сильные предметники, со всеми у меня были нормальные отношения и по всем предметам я успевал, но интерес сформировался все же больше в гуманитарной области. Читал в основном толстые романы и исторические монографии, поэтому на уроках истории мог подробно изложить позицию основных партий во 2-й или 3-й Думах. В 9—10 классах долго перебирал: истфак? Географический? Или все же МГИМО? В итоге выбрал все-таки экономический факультет МГУ.

Прошел со второй попытки в 1972 году и стал специализироваться на экономике зарубежных стран (ФРГ).

Вам дико повезло... начало 70-х, разрядка, дружба Брежнева с Вилли Брандтом, Хельсинкский процесс... можно думать, учиться было интересно; что и кто особенно запомнилось?

Это было самое начало застоя. Который по мере нашего обучения сгущался. Поначалу все было интересно, но где-то к началу 3-го курса я с тоской понял, что нам впаривают нечто, очень далеко отстоящее от изучения реальных экономических и общественных отношений. Чуть было ни ушел в никуда, но пересилил себя и перешел на следующий график обучения: как общественник, я имел право на так называемый свободный график сдачи сессии. Сдавал обычно еще в конце семестра, потом, когда у всех была сессия — немного отдыхал, а когда все уходило на каникулы и библиотека пустела — приходил в библиотеку и читал. Конечно, читать можно было только то, что было разрешено. Но даже таким образом удавалось кое-что в плане самообразования.

Большое влияние на меня оказали два человека. Это был Г. Г. Водолазов, который учил нас думать о взаимосвязи явлений, о диалектике общественных процессов. И, конечно, В. П. Шкредов, который своим спецсеминаром по «Капиталу» совершенно перевернул мое представление о Марксе и его экономической теории и методе исследования общественных проблем. Это было как глоток свежего воздуха в атмосфере середины 1970-х гг. Я начал много читать литературы по теории познания, диалектической логике, методу «Капитала» и т. п. (Ильенков, Тронеv, Вазюлин, Грушин, Абдильдин и др.), и к концу 4-го курса, думаю, был в этих вопросах подготовлен лучше многих студентов философского факультета.

Примерно тогда же меня впервые обвинили в «правом уклоне» за мою курсовую работу по экономике ФРГ на 3-м курсе, и я почел за лучшее переключиться на систему и метод «Капитала»: кафедра политэкономии экономического факультета тогда буквально «кишела» методологами, велись ученые споры на уровне метатеории, я в это втянулся. При этом, прочитав гегелевскую «Жизнь Иисуса», я уже отчетливо видел разницу между огромным большинством «марксистствующих» фарисеев и истинно глубокими исследователями — Шкредовым и несколькими его последователями и учениками. Нужно сказать, что я тогда был правоверным сторонником идей недогматического социализма, и идея подвергнуть фарисеев разгромной критике с позиции того, кого они признавали своим предтечей, казалась мне грандиозной. Ведь таким образом, казалось мне, можно показать их убожество и открыть дорогу настоящему научному анализу анатомии и физиологии современного нам общества!

Я ходил на лекции Вазюлина по логике Гегеля, был старостой студенческого кружка по теории Маркса (руководил им, разумеется, Шкредов). Мы как-то незаметно сблизились с моим учителем и наставником, и на 5-м курсе я выбрал в качестве темы дипломной работы анализ плохо понятого (и поныне!) начала 2-го тома «Капитала». Тогда я не подозревал, что это — выбор поистине судьбоносный.

В своей работе мне удалось развить идеи так называемого конкретного историзма Маркса; сравнивая товар как предпосылку теоретического анализа в 1-м томе и кругооборот капитала в начале 2-го тома, я доказал, что Маркс всюду имел в виду товар как продукт развитого капиталистического способа производства. Не буду утомлять — отсюда следовал ряд резких выводов в отношении

вульгарной трактовки метода у Энгельса, Ленина и моих тогдашних «учителей»; отсюда же следовало развитие тезисов Шкредова о том, что развитая теоретическая система понятий, отражающая диалектику экономических отношений, возможна только на этапе высокого уровня развития самого отображаемого предмета. Между тем, кафедра отчаянно боролась за высокую государственную награду за разработанный ею совершенно догматический учебник политэкономии социализма.

В начале 5-го курса меня в числе очень немногих рекомендовали в очную аспирантуру кафедры. Но после защиты моего диплома разразилась буря; меня лично допрашивал «главный инквизитор», причем это настолько напоминало известную сцену допроса несчастного Га-Ноцри Понтием, что я чуть не рассмеялся. Правда, бичом никто не хлестал: все-таки, 20 век!

Партком факультета затем, естественно, решил, что таким, как я, не место в их аспирантуре. Впрочем, это было уже понятно и мне.

Поэтому я сделал вид, что ухожу работать в ИМЭМО, оплот вольнолюбия, а на самом деле отнес документы в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Дело в том, что на преддипломной практике я был именно там и активно поработал над предметным указателем к Сочинениям Маркса и Энгельса, а заодно запоем читал удивительную литературу по теории и методу Маркса, стенограммы дискуссий, кипевших в начале 20-х гг. в Институте красной профессуры и т.п. И я подумал, что именно здесь я смогу, честно занимаясь изданием и комментированием Маркса, продолжать самообразование и даже кое-что пописывать, пользуясь прикрытием грозного учреждения. А сектору произведений Маркса и Энгельса остро необходим был экономист со знанием немецкого языка для работы над корпусом экономических текстов Маркса.

Так и получилось. С 1977 по 1991 год я проработал в ИМЛ в секторе произведений Маркса и Энгельса, успел, будучи еще стажером, за полгода перевести и подготовить к изданию самую объемистую черновую рукопись 2-го тома «Капитала», а также, уже став младшим, а потом старшим научным сотрудником — поучаствовать в подготовке ряда томов английского издания Сочинений и Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала. Ну, а кроме того, — написать не один десяток статей по истории и теории «Капитала», ряд коллективных монографий, в которых удалось опубликовать несколько работ моего учителя, которого не публиковали тогда почти нигде, защитить кандидатскую и докторскую диссертации.

Захватывает... замечу у меня в жизни было нечто аналогичное; по завершению аспирантуры матмеха ЛГУ меня нигде не брали на работу, обострение государственного антисемитизма после «семидневной войны»; но взял Андрей Григорьевич Здравомыслов, который заведовал кафедрой марксистско-ленинской философии в Ленинградской высшей партийной школе; хотя тогда я не знал, что такое социология и не был членом КПСС.

Вы работали в сугубо идеологическом институте, к моменту начала работы Вы были членом КПСС? Если нет, предлагали ли Вам вступить в партию?

В КПСС я вступил в силу юношеских иллюзорных надежд на возможность изменения КПСС изнутри, еще будучи студентом университета — именно поэтому, возможно, меня не «сожрали с потрохами» сразу, а проявили некото-

рую нерешительность: нельзя было признать, что один из немногих принятых в КПСС студентов оказался «ревизионистом». Это и дало мне время, чтобы перейти на работу в ИМЛ.

Этот институт многие представляют себе совершенно неверно. По сути, он до последних лет оставался одним из островков внутрипартийной фронды. Будучи создан Д.Б. Рязановым, который на партсъездах осмеливался полемизировать с Лениным и подтрунивал над Кобой, этот институт был во многих отношениях совершенно новой формой институционализации социально-гуманитарных исследований; поскольку его ядром был сектор произведений Маркса и Энгельса, там требовались люди с широкой гуманитарной подготовкой и со свободным знанием нескольких иностранных языков. Придя туда, я застал своего рода кружок шестидесятников, в котором обсуждения предисловий к томам сочинений Маркса и Энгельса превращались в увлекательные научные дискуссии.

Разумеется, были в Институте и другие подразделения и другие люди — партназначенцы, переобученные журналисты партийных газет и журналов и т.п., которым сектор Маркса и Энгельса сильно не нравился как своей интеллигентностью, так и своим «вольнодумством». Но поскольку официальной партийной доктриной был марксизм-ленинизм, со стороны ЦК КПСС выпуску произведений основоположников уделялось большое внимание, а потому приходилось терпеть этих неприятных людей.

Пожалуйста, Александр, расскажите обстоятельнее, что удалось сделать в кандидатской работе, в докторском исследовании. Я так понимаю, что Вы работали с подлинниками...

В кандидатской диссертации я, если коротко, реконструировал работу Маркса над 2-м томом «Капитала». До меня последним этим занимался Энгельс. Попытался датировать все восемь разного формата рукописей, написанных им с середины 1860-х до начала 1880-х гг., и объяснить, почему он так долго и много занимался выстраиванием этого тома-связки между 1 и 3 томом.

В 1980-е гг. мной было много чего написано и опубликовано, в том числе — в нескольких коллективных монографиях, в которых мы, группа молодых сотрудников Института, а также Шкредов, немногочисленные «критические марксисты» из СССР и ряд коллег из берлинского аналогичного института, вместе с нами работавших над изданием МЭГА (Полное собрание сочинения Маркса и Энгельса на языках оригинала), пользуясь, прямо скажем, не очень большой осведомленностью руководства ИМЛ в теоретических и методологических дебатах вокруг теории и метода «Капитала» как в ортодоксальной советской политэкономии, так и тем более — в кругах «новых левых» в Европе и США, продвигали, подчас эзоповым языком, со ссылками на аутентичные тексты Маркса, которые мы знали, конечно, гораздо лучше, чем наши оппоненты как в СССР, так и за его рубежами, некоторые идеи, которые шли вразрез с ортодоксией. Если говорить совсем общо, мы доказывали, что Энгельс и Ленин совершенно не понимали специфики метода Маркса, что марксизм-ленинизм является в значительной мере плодом этих двух идеологов; мы доказывали, что между «поздним» и «ранним» Марксом существует значительное, качественное различие в понимании природы и законов развития современного ему общества, причем так называемое

международное рабочее движение опиралось главным образом на упрощенное представление о законах истории молодых Маркса и Энгельса; что теория, изложенная в «Капитале», не решила так называемой проблемы трансформации (стоимости в цену производства и прибавочной стоимости — в среднюю прибыль), и это — глубокое фиаско экономической теории Маркса, но не решили ее ни критики-современники, ни младорикардянцы (Сраффа и др.)... Сегодня это кажется умствованием по поводу мелочей, но для брежневского застоя это была такая крамола, за которую можно было поплатиться многим.

Мы пытались эти идеи заложить и в различные части научного аппарата к соответствующим томам МЭГА. Кстати, это было сразу замечено нашими проницательными критиками на Западе, с некоторыми из которых мы позднее, в период перестройки, стали встречаться на разных конференциях и подружиться.

В докторской диссертации я продолжил эту линию, она была посвящена критике догматизма под видом критики неомарксистских теорий, получивших распространение на Западе в конце 1970-середине 1980-х гг. Были проанализированы различные интерпретации самого трудного в «Капитале», а именно теории товара и денег; различные концепции «историзации» диалектического метода Маркса якобы самим Марксом; а также историзирующие концепции соотношения между так наз. общей теорией капитализма и теорией современного капитализма. Фактически, я критиковал Энгельса и Ленина, показывая генетическую близость ряда проблематичных интерпретаций «Капитала» с их идеями.

Защищался я, что называется, уже под гул митингов и демонстраций, в 1990 г. В 1989 г. диссертация в несколько сокращенном и популярном изложении вышла как книга на русском языке, а в 1991 г. была переведена на японский язык одним маленьким левым издательством.

Но к моменту завершения работы над книгой и диссертацией я уже понимал, что заниматься дальше чтением и расшифровкой рукописей Маркса с лупой в руках мне не удастся — жизнь не позволит. Я был вовлечен в серию так называемых методологических семинаров, которые тогдашний директор ИМЛ Смирнов организовал как площадку для обсуждения самых острых проблем истории и теории социализма, с привлечением тех ученых и публицистов, которые высказывали довольно критические взгляды и выступали как теоретики и идеологи нарождающегося демократического движения.

Где-то в конце 1988 г. я стал одним из соорганизаторов так называемого Независимого клуба марксистских исследований (довольно странное самоназвание, но мы тогда названиям большого значения не придавали, понимая, что все это очень ненадолго). В него вошли на первых порах такие известные теперь люди, а тогда молодые ученые и публицисты, как А. Аузан, А. Бузгалин, А. Колганов, Л. Гребнев, А. Рябов, А. Клепач и некоторые другие; встречи проходили в разных местах и были посвящены обычно различным аспектам развала советского строя и плановой экономики; уже тогда спектр моих интересов стал смещаться с истории и теории марксизма на актуальные проблемы развития позднесоветского общества. Клуб просуществовал недолго, т.к. обнаружились серьезные расхождения между всеми нами в понимании специфики текущего момента и перспектив развития, а кроме того, некоторые ринулись в активную

политическую жизнь и стали больше внимания уделять именно этому. Но начало моего интереса к тому, что, как я много позднее понял, составляло предмет публичной социологии, было положено в самом конце 1980-х.

Этому способствовало и то, что в ИМЛ работали некоторые впоследствии известные социологи, с которыми я общался на семинарах и в частном порядке, да и уже тогда вполне известные социологи — я имею в виду А.Г. Здравомыслова. Мы никогда не были очень близки в жизни, но примерно с конца 1980-х гг. много встречались, обсуждали разные проблемы — и научные, и общественные; до самой его смерти.

Окончательно социологический подход к анализу актуальных проблем развития общества у меня сложился, однако, позже, уже в начале 1990-х гг., под влиянием острой неудовлетворенности от бездумного и некритического подхода к реформированию общества по методу вживления в совершенно иную социальную среду рецептов вашингтонского консенсуса.

Можно ли сказать, что социально-политические реалии конца 1980-х и размышления по поводу пришедшего «пододвинули» Вас к социологии?

Да жизнь способствовала стихийному превращению меня в социолога. В начале августа меня вызвали из отпуска на совещание в журнале «Коммунист». Формировалась рабочая группа по подготовке проекта новой программы КПСС. К тому времени, впрочем, я уже давно не платил членских взносов и не имел никаких иллюзий относительно ближайшей судьбы этой партии, о чем и сказал коллегам... С довольно тяжелым чувством я вышел с совещания и уехал назад на дачу к семье. Где и узнал — не сразу! — о путче в Москве и отправился в город, на работу.

Застал там некоторое число растерянных коллег, большинство сотрудников после долгой и трудной реорганизации находились в летних отпусках. По крупицам собрал информацию.

В выходные дни, кажется, 20 или 21 августа 1991 г. в моей квартире, на портативной машинке с группой коллег по ИМЛ мы написали манифест с безусловным осуждением путча, отмежевались от КПСС и объявили о ликвидации Института теории и истории социализма, в который ИМЛ был преобразован в конце весны 1991 г. В этом институте я получил должность зав. сектором теории социализма. Летом я уговаривал перейти В. Мау, а также В. Иноземцева, А. Улюкаева, и некоторых других тогдашних сотрудников журнала «Коммунист», собираясь создать веселую компанию креативных людей — но они почему-то вежливо отказывались...

А 22 августа мы созвали общее собрание сотрудников ИТИС и провозгласили о грядущем создании нового исследовательского учреждения, которое мы назвали Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (за неимением более звучных и простых наименований, которые все уже были разобраны). Этот институт вполне сложился и сформировался к началу 1992 г., директором стал нынешний директор ИС РАН М. Горшков, в институт влился со своей группой Ф. Шереги, и мы много стали заниматься эмпирическими исследованиями — ценностей, молодежи, среднего класса и т. д., и т. п., а также прикладными исследованиями по заказу разных, в основном зарубежных, фондов и университетов, которые ринулись в Россию, как мотыльки на свет.

Учиться некоторым азам формирования анкет, пониманию принципов формирования выборки, самым простым методам анализа данных я начал у тех же Горшкова и Шереги, по их учебнику. Особенностью РНИСИНП, которая мне очень нравилась, было то, что все мы специализировались в каких-то сравнительно узких направлениях исследований, но при получении крупных заказов, предполагавших проведение большого исследования и написание развернутого отчета, все работали по принципу артели: вместе обсуждали рамку исследования, формировали исходную структуру анкеты, обсуждали ее и т. п. В этом процессе мы занимались *learning by doing*, причем такие теоретики, как Здравомыслов, дополняли прикладников, и вместе мы, как я полагаю, довольно быстро росли и продвигались в понимании постсоветского общества, его структуры и происходящих в нем процессов.

РНИСиНП был уникальным для России проектом неправительственного *think tank*. Он не имел государственной или академической крыши, существовал на гранты и прочие поступления (в том числе от субаренды части полученных от государства площадей, конечно; но так жили тогда все). Так продолжалось примерно до конца 1990-х гг. За эти годы я дважды съездил на длительные стажировки в разные немецкие исследовательские организации как стипендиат Фонда Александра Гумбольдта, установил довольно плотные контакты с различными университетами, фондами и центрами изучения России и Восточной Европы, что помогало и институту получать исследовательские заказы и гранты. Много публиковался по проблемам развития предпринимательства в России и др. странах ЦВЕ, главным образом — за рубежом.

Но к концу 1990-х почва стала уходить из-под ног РНИСиНП. После кризиса 1998 г. неожиданно для многих западных фондов и международных организаций, с неизменным упорством продвигавших в постперестроечной России «лучшие практики» выяснилось, что «лучшие практики» почему-то не прижились, в России — приятельский капитализм и т.п. соответственно, интерес к России пошел на убыль, меньше стало заказов и грантов. А приезжая на различного рода конференции и лекции в университетах Германии или Швейцарии, я встречал там маленькую горстку студентов, да и те в основном были выходцами из России, пришедшими послушать заезжего соотечественника.

Во-вторых, начала отстраиваться «вертикаль». Первый сотрудник компетентных органов, которым почему-то вдруг стало интересно, чем занимается наш институт, появился в моем кабинете, я тогда был замом директора по науке и международным связям, буквально через пару месяцев после назначения премьер-министром Путина. Зачастили различные проверки от Росимущества... В 2003 г. РНИСиНП выселили из прежнего здания, мы въехали в маленький уютный особнячок в районе Площади Ильича и решили спрятаться под зонтик Академии наук: РНИСиНП в значительно усохшем составе стал по решению президиума РАН Институтом комплексных социальных исследований РАН. А через пару лет он слился с ИС РАН и рядом др. академических институтов. Горшков стал директором объединенного института.

Впрочем, к тому времени я уже перешел на работу в Высшую школу экономики, куда меня позвали в конце весны 2004 г.

Александр, большое спасибо за рассказ о Ваших научных исследованиях в области истории марксизма и о начале в области социологии. О социологии

— поговорим, но сначала немного о марксизме. Первый вопрос, насколько хорошо в свое время были переведены канонические (академические) тексты Маркса, были ли в них (если да, то какого рода) купюры, как делался перевод «темных» мест текста, я читал, что Маркс часто сокращал слова, которые не всегда однозначно можно было восстановить. Второй вопрос: а сейчас в России кто-либо занимается серьезно Марксом? А в Германии?

Переводы были разные, как правило, вовсе не плохие, но ведь плохое качество перевода не всегда связано с намеренной фальсификацией, иногда — с сидящими в голове (напр., под влиянием системы партполитпросвета) предпосылками. Так, например, «фетишистский характер товара» превращается в «товарный фетишизм». Но есть, конечно, и дискуссионные моменты, связанные с разными рецепциями. В некоторых дореволюционных русских переводах немецкое *Wert* переводилось как ценность, но в советское время взяла верх традиция переводить как «стоимость». Возможно, потому, что в немецком языке *Wert* и *Preis* (цена) имеют разный корень, тогда как ценность и цена — один и тот же?

Купюр в текстах не делалось — просто некоторые работы не публиковались, например, «Тайная дипломатия», где Маркс весьма нелестно оценивал внешнюю политику царской России. (Думаю, сегодня ее в России опять запретили бы — если бы кому-нибудь пришло в голову реагировать на какого-то Маркса). Другие вещи более принципиально повлияли на рецепция метода Маркса — в первую очередь, вставки и примечания Энгельса в тексты 2 и 3 томов «Капитала» и в изданное им уже после смерти Маркса немецкое издание 1 тома. Сегодня благодаря МЭГА можно сопоставить отредактированные Энгельсом — разумеется, без злого умысла: просто он так понимал своего друга — и собственно авторские тексты.

Что касается сокращений: да, Маркс использовал скоропись из одних согласных букв, причем по-немецки писал готикой, плохим почерком и очень мелко (экономил бумагу). Поэтому нормальный современный немец едва ли сможет прочесть там хоть слово. Но ведь надо текстами работали всегда первоклассные расшифровщики, которые при необходимости «вычитывали из контекста»; кроме того, Маркс много правил в тексте — зачеркивал, переписывал — и это помогало реконструкции хода его мысли. Слава богу, машинные программы-переводчики в такой работе не использовались.

Увы, на сегодня в Москве осталась горсточка людей — 2-3 чел., которые в РГАСПИ продолжают работать над МЭГА. Но основную работу взяли на себя Международный институт социальной истории (Амстердам), где хранится значительная часть Маркса, и Берлинско-Бранденбургская академия наук. Привлекая различные источники финансирования, они вовлекли в подготовку томов ряд академических исследователей со всего мира.

На базе МЭГА в Германии издано много популярной и учебной литературы, вплоть до комиксов, курсы по «Капиталу» читаются во многих университетах. В отличие от России...

Какие задачи ставили перед Вами, приглашая в ВШЭ?

Собственно, никаких особых задач. Читать курсы по предпринимательству и малому бизнесу в качестве профессора кафедры экономической социологии. Ну, и публиковаться, как это было у меня заведено до прихода в Вышку: в среднем в год выходило 5—6 статей в разных журналах и сборниках, и не только в России, и как раз накануне прихода в Вышку — монография и вскоре за этим — учебник.

На анализе каких проблем фокусировалась монография и что рассматривалось в учебнике? В какой мере Ваши курсы по предпринимательству и малому бизнесу на кафедре экономической социологии опирались на результаты исследований РНИСиНП?

В значительной мере на них базировались оба моих курса. Все-таки, к тому времени у меня было уже несколько проектов ТАСИС АСЕ, ИНТАС, др. международных и зарубежных фондов, которые дали хорошую пищу для размышлений и обобщений. Разумеется, курс «Социология предпринимательства», который я создавал с ходу, содержал в себе и ряд тем и сюжетов, которые я взял из зарубежного мейнстрима и отчасти — из работ российских авторов (прежде всего, из учебника «Экономической социологии» Радаева, потому что предполагалось, что «Социология предпринимательства» продолжает и развивает некоторые темы из экономической социологии — логика хозяйственного поведения предпринимателя, роль сетей, формы контроля рынка и и т. д.).

Монография вышла в «Науке» и представляла собой доработанные и сведенные воедино ряд проектов, выполненных в 1990-е гг. на гранты разных фондов и в инициативном порядке (в условиях осеннего кризиса 1998 г.) и называлась «Малое предпринимательство в социальном контексте». Это был такой подарок самому себе на 50-летие.

А учебник «Малое предпринимательство» вышел чуть позже, в издательстве Международного университета в Москве, куда меня за несколько лет до этого пригласили читать по совместительству курс по малому предпринимательству. Я посмотрел на имевшуюся на рынке литературу — в основном переводную и в значительной мере посвященную организационно-правовым аспектам и менеджменту малых компаний — и решил сделать курс, объясняющий основные экономические и социальные проблемы малого бизнеса в переходной российской экономике, их контекст, формы и пути решения. Дал кое-какую статистику, кейсы. Потом из этих лекций и сложился небольшой учебник.

Сегодня, конечно, и то и другое представляет собой сугубо исторический интерес. Ситуация сильно изменилась.

Вы и сейчас исследуете малый бизнес и преподаете соответствующие курсы? Они скорее дают общее понимание бизнеса и специфику именно малого бизнеса или готовят студентов к работе в этой нише? Я постоянно читаю в российской прессе заявления политиков и экономистов о необходимости развития и поддержки малого бизнеса, а что сейчас сдерживает людей? Это прежде всего психологические факторы или есть какие-то серьезные политические и экономические обстоятельства, препятствующие развитию малого бизнеса?

Да, продолжаю заниматься этим делом. Причем я работаю с той небольшой группой студентов и сотрудников, которым интересно заниматься исследованиями предпринимательства и малого бизнеса, в том числе сравнительными международными — желающих научить вести бизнес и без меня достаточно.

Предпринимательство в последние лет 20 оформилось в сравнительно самостоятельное направление междисциплинарных исследований, в котором россияне почти не представлены, и мы пытаемся эту ситуацию изменить.

Заявления российских политиков оставляю на их совести. Практика говорит о другом — после того, как в первой половине 2000-х гг. был сделан выбор в пользу создания экономики, основанной на крупных корпорациях, а работающее население как-то распределилось в основном между госсектором и крупным бизнесом, реально идет вытеснение и подавление малого бизнеса. В периоды кризисов власть спохватывается, и начинаются попытки «помочь», сопровождаемые обычно одновременно всплеском контрольно-проверочной деятельности. В итоге все уходит опять в песок, и ситуация стабилизируется, а идеологи начинают витийствовать о том, что русский народ не любит предпринимателей, не готов заниматься бизнесом и т.п.

Нормальные люди, видя это, делают правильный выбор — либо идут помощниками столоначальников, либо пытаются трудоустроиться в рамках сегмента, который можно условно определить как «экономика трубы», либо оказывать услуги работникам этого сектора и верхушке чиновничества — визажисты, мозолисты, дизайнеры, архитекторы, адвокаты и т.п. В ходе опросов они обычно вежливо говорят, что предпринимательством не занимаются, потому что не чувствуют достаточных способностей; так понятно — не каждый способен «решать вопросы» с чиновниками, крышевателями, проверяющими и проч.

Те, кто занимается в этой системе малым предпринимательством — либо отчаянные, либо отчаявшиеся люди. Отсюда понятно, что значительная часть низовой предпринимательской активности протекает в ненаблюдаемой, или неформальной экономике. Ее мы тоже изучаем.

Задам один актуальный вопрос... в первой половине 2014 года российское руководство поставило задачу «импортозамещения», в частности, заявлялось, что западные санкции приведут к активизации в сфере малого бизнеса. Одна группа аналитиков заявила, что импортозамещение может быть осуществлено быстро и «малой кровью». Другие аналитики сразу обозначили проблемы системного характера и, поддерживая общую установку на импортозамещение, предлагали не ждать быстрых результатов. Что Вы думаете на эту тему? Что показал прошедший год именно в сфере малого бизнеса?

Импортозамещение — либо красивый лозунг, либо очень отдаленная перспектива. На деле импортозамещение предполагает, как правило, во-первых, инвестирование в основной капитал, потому что на старом оборудовании конкурентоспособной продукции произвести не удастся, во-вторых, наличие ноу-хау, в-третьих, наличие кадров с соответствующими компетенциями. Инвестирование в основной капитал, в свою очередь, предполагает, как правило, закупку импортного оборудования (отечественное машиностроение почти погибло), для чего нужны длинные и дешевые кредиты — про доступность этого оборудования в условиях санкций я уже не говорю. А если кредитов нет — значит,

издержки на переоснащение будут закладываться в цену производимых сегодня отечественных товаров. С ноу-хау и кадрами высокой квалификации — инженерами и рабочими — тоже сейчас в России не очень...

Что касается малого бизнеса, то значительная его часть была занята торговлей (в том числе импортом) и общественным питанием. В условиях сокращения спроса со стороны населения и скачкообразного изменения курса основных валют к рублю этот бизнес испытывал, мягко говоря, серьезные трудности. Производственный сектор в сегменте малого бизнеса сравнительно мал, впрочем, не только в России. Он едва ли может быть драйвером импортозамещения — как в силу своих размеров, так и в силу еще больших трудностей с финансированием.

Точками роста импортозамещения могли бы стать средние быстро растущие компании, так называемые «газели». Их до кризиса 2008—2009 гг. в России было сравнительно с развитыми экономиками много, но в настоящий момент — меньше, т.к. многие перестали быстро и устойчиво расти, хотя и по разным причинам. Но для них нужны: определенность с макроэкономической и политической ситуацией, подготовленные кадры и, желательно, также длинные кредиты. Ничего этого пока они не видят и не получают.

К тому же, часть из них возникла в рамках кластеров, сформировавшихся вокруг западных автопроизводителей — например, в Калужской области, Калининградской обл., Ленинградской обл. Сейчас автопроизводство сворачивается, некоторые западные автопроизводители из России уходят. Те регионы, которые наиболее активно включились в международное разделение труда, сталкиваются в силу этого с самыми большими проблемами.

А активизация в сфере малого бизнеса, если и произойдет, то главным образом в результате проседания крупных компаний и бюджетной сферы, что вынудит часть занятых уйти в индивидуальное предпринимательство и самозанятость. Но это будут в основном услуги населению — ремонт, обслуживание домохозяйств и т.п.

«По дороге» Вы фактически рассмотрели перспективы разных форм бизнесов в России... и в целом — пессимизм. Мне кажется, что Вышка, т.е. Ваши коллеги и Вы, уже много лет говорите о необходимости кардинальной перестройки экономики... почему к Вашим советам не прислушиваются? Никто ближе Вышки не расположен к центрам принятия решения... Не вызывает ли происходящее скептицизм, озабоченность своим будущим среди Ваших студентов, ведь они много лучше других понимают происходящее...

Да, студенты Вышки много лучше понимают происходящее — поэтому среди них желающих начать собственное дело в разы меньше, чем по населению в целом, а желающих стать СЕО или чиновниками — стабильно высоко. Даже с точки зрения интереса к изучению предпринимательства это заметно: в 2005—2007 гг. у меня ежегодно бывало по 8—10 студентов с бакалаврскими и магистерскими работами, в последние годы — 1-2, не больше. В лабораторию, где мы учим их работать с данными и писать аналитику по предпринимательству, стало трудно набрать желающих, хотя, казалось бы, навыки научной и прикладной аналитики в любом случае пригодятся.

Относительно Вышки и благих пожеланий о необходимости кардинальной перестройки экономики... Что тут сказать? Некоторые действительно убеждены, что дело в адекватных стратегиях и механизмах их осуществления, и поэтому без устали их предлагают *urbi et orbi*. Но я считаю, что дело — не в экономике самой по себе, а в структуре интересов, которая привела к формированию такой экономики. Вернее, в том, что та сцепка специфических рентоориентированных групп интересов, которая сформировалась в России, работает только на воспроизводство «экономики трубы» и делает какие бы то ни было системные преобразования невозможными.

В этом меня убеждает анализ происходящего, чтение книг — Олсона, Норта, Баумоля и др., но так же и мой детский опыт. Во Всесоюзном доме моделей одежды на меня шили прекрасные вещи. Периодически устраивались показы для директоров швейных предприятий. Модели, которые мы демонстрировали на них, публиковались в журналах. Но что происходило на практике? Директор какого-нибудь предприятия брал какой-нибудь костюм или пальто на заметку, подходил к его автору, художнику-модельеру (тогда никаких «кутюрье» не было), и говорил: отличная вещь! Мы ее возьмем. Вот только ткани такой у нас нет — заменим вот на эту. И фурнитуры такой тоже нет, поэтому обошьем по краю вот такой тесьмой... Дальнейшее понятно? Вот примерно то же самое происходит и с Вышкой и ее советами...

Здесь есть два варианта: первый — пытаться «достучаться»; поэтому каждый год ВШЭ организует огромную конференцию, куда приглашают руководство правительства, Центробанк, международные организации и презентуем там очередную серию аналитических докладов, поэтому много работаем с администрацией президента и правительством в рабочем режиме. Поэтому же большое внимание уделяется работе с масс-медиа: нет буквально ни дня, чтобы в ведущих новостных и аналитических программах, на страницах ведущих печатных изданий не появилась статья, интервью, реплика кого-то из ведущих «говорящих голов» Вышки. Второй вариант: плюнуть и заняться академическими исследованиями — в надежде на то, что «это» будет когда-то востребовано, если не здесь, то в международном академическом сообществе.

Скажу, что в Вышке представителей первой и второй стратегий — примерно поровну. Но подавляющее большинство вообще об этом не задумывается, перегруженное преподаванием, писанием статей и программ курсов, текущими заданиями, поручениями и прочей суетой.

Вы всегда активно публиковались... какие сейчас для этого возможности?

Активно я публиковался ровно до того, как пришел в ВШЭ. Вообще, в 2004 г., идя на работу в Вышку, я полагал, что буду читать какие-то курсы, а остальное время посвящу самосовершенствованию — в виде писания текстов, обучения студентов писанию текстов и т.п. Но жизнь распорядилась иначе. Летом 2005 г. внезапно умер А.О. Крыштановский, декан факультета, и меня попросили «временно» принять бразды правления. Вот до сих пор «временно» и управляю, правда, теперь уже хотя бы только департаментом, т.е. отвечаю по большому счету за преподавательский состав и его качество, а не за все на свете, как раньше. Если добавить, что параллельно с этим в 2005—2007 гг. я был еще и директором

по международным связям Вышки, то эти годы (и еще как минимум пару лет, пока я приходил в себя после чудовищной нагрузки), можно смело вычеркнуть из моей научной биографии.

Впрочем, это не моя только проблема. Многие из тех, кому приходится руководить факультетом, кафедрой, институтом в Вышке, могут сказать то же самое. Руководить и заниматься самостоятельными исследованиями в Вышке параллельно практически невозможно — такое количество поручений с пометкой «вчера», «сегодня», «завтра» приходит каждый день, что свою не спетую песню приходится откладывать до лучшего будущего.

Правда, в последние несколько лет все-таки удалось создать некоторый задел тем и текстов. Но резко изменились и требования со стороны университета. Если еще 3—4 года назад я особо не задумывался, где публиковаться — предлагали, просили, и я писал, не особо задумываясь, кто и когда прочитает, для друзей и узкого круга коллег я экземпляр-то всегда раздобуду! — то теперь все резко изменилось: его величество индекс Хирша и ее величество квартиль журнала правят бал. Поэтому почти ничего не пишу и ну публикую по-русски, т. к. большинство журналов на русском языке не очень котируются на академическом рынке, а написанное по-английски проходит многолетнюю обкатку и закалку... Все-таки, мы, наше поколение, не готовили себя к писанию текстов по жестким форматам международных журналов, где никакой «отсебятины», структура статьи определена наперед, и т. д., а потому все статьи написаны словно одной опытной рукой. Трудно свой более свободный стиль письма приспособливать к этим жестким канонам. Ну, и др. проблемы возникают: более узкий словарный запас, не всегда успеваешь прочитать последнюю статью по теме, особенно когда статья лежит уже у рецензентов, и потом получаешь предложение более полно учесть актуальную литературу по теме... и т. п.

Резко изменилось отношение к монографиям и учебникам. Если раньше эти виды научной продукции считались подтверждением высокого класса, то сегодня, указывая их в списке публикаций, испытываешь едва ли не чувство неловкости: надо же, правильные люди строчат статьи в правильные журналы, а ты вот...

Предвижу от такого положения вещей большие трудности, главным образом, для воспроизводства академической братии: учебники устаревают, а писать их стало чуть ли ни дурным тоном; наиболее способные авторы уходят и будут уходить из российских журналов в международные, а потому шансы последних занять более или менее пристойное место на академическом рынке будут стремиться к нулю. Таким образом, борьба за достойное представительство россиян в международных журналах обернется, скорее всего, дальнейшей деградацией русскоязычной инфраструктуры научного сообщества.

Интервью с Галиной Анатольевной ЧЕРЕДНИЧЕНКО

«ЗА МЕНЯ ВСТУПИЛОСЬ ПРОВИДЕНИЕ»

Чередниченко Г. А. — окончила географический факультет Московского государственного университета по специальности «эконом-географ» (1973 г.), кандидат философских наук (1980 г.), в 2015 году успешно защитила докторскую диссертацию по социологии; ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Основные области научного интереса: социология образования, социология молодежи, методология и методика лонгитюдных сравнительных социологических исследований, методология и методика международных сравнительных социологических исследований, качественные методы в социологии, социологическое исследование изучения иностранного языка.

Интервью состоялось: апрель-июль 2015 г.

Беседа с Галиной Анатольевной Чередниченко началось вскоре после успешной защиты ею докторской диссертации по социологии и смерти отца. Каждое из этих обстоятельств не способствует биографическому интервью. И я весьма благодарен Галине за ее согласие ответить на мои вопросы и за очень обстоятельный, с деталями, передающими дух соответствующего времени, рассказ о своей семье и учителях, о своем вхождении в социологию и проектах, в которых она участвовала, о направлениях своих исследований.

Её семья, каких много в России, в жизни которой отразились важнейшие события отечественной истории с середины XIX века до наших времен, поддерживала ее интересы к школьным предметам, искусству и культуре. Школа дала знания в области истории, литературы и математики, позволила хорошо изучить французский язык, культивировала в ребятах дух самореализации и оригинальности. В МГУ Галина училась на кафедре экономической географии зарубежных стран и, хотя далеко не все из предлагавшихся там предметов ей нравились, она оказалась готовой к работе в элитном Институте международного рабочего движения АН СССР. В команде высоко образованных обществоведов она чувствовала себя комфортно. Там в начале 70-х она стала работать в тесном сотрудничестве с социологами, исследования которых во многом определили лицо российской / советской социологии: Л. А. Гордоном, Э. Б. Клоповым и В. Н. Шубкиным. Владимир Николаевич на долгие годы стал ее руководителем и определил характер и направленность ее научных поисков: проблематика профессиональной социологии молодежи.

Именно в рамках этой тематики Галина Чередниченко во второй половине 1970-х готовила свою кандидатскую работу и в 1980 году защитила ее. В докторском исследовании она обобщила свои многолетние разработки.

Любовь к французскому возникла у Галины в 4-м классе, и Перестройка создала предпосылки для использования ею знания этого языка и для принципиального углубления, расширения ее профессиональных (социологических) знаний. В 1990 году, пройдя конкурс, она и еще шесть российских социологов получили стипендии Дидро для стажировки на полгода во Франции. Галина стажировалась в Париже в Доме наук о человеке, главным образом в Центре европейской социологии под руководством Пьера Бурдьё и в других французских организациях по изучению молодежи.

В качестве объекта своего исследований она выбрала элитарную школу в Москве и два года обследовала учащихся спецшкол, интервьюировала директора, педагогов, родителей; собирала фактическую информацию по классным журналам. Развивая методологию Бурдьё, ей удалось выявить механизм социокультурного воспроизводства спецшкол и их внутреннюю иерархию в осуществлении этой функции.

Выше я стремился акцентировать уникальность вхождения Галины Чередниченко в социологию, обусловленную, в частности, ее работой под руководством двух выдающихся социологов: Владимира Шубкина и Пьера Бурдьё. Вместе с тем ее принадлежность к IV поколению советских / российских социологов (к ним относятся те, кто родился в интервале 1947–1958 гг.) позволяет рассмотреть траекторию ее движения в пучке жизненных траекторий 31 представителя этой профессионально-возрастной когорты, с которыми уже проведены интервью. Оказывается, что среди 25 социологов IV поколения, входивших в науку в Москве и Петербурге, совмещение российского и зарубежного опыта — не редкость. Если для социологов первых трех поколений обучение, работа на западе были исключительными явлениями, то для социологов IV поколения это уже не казалось недостижимым.

И в целом, перестройка заметным образом повлияла на развитие этой страты нашего профессионального сообщества. Она пошла своим путем, во многом отличным от дорог, которыми шли их учителя. Так, по воспоминаниям Леонида Гордона, одной из причин его переключения с исследований рабочих Индии на изучение советской социологической тематики стало понимание им невозможности поездок в Индию.

Чередниченко Г. А. : «За меня вступилось Провидение»

Еще раз большое Вам, Галина, спасибо за согласие на наш разговор. Вы совсем недавно успешно защитили докторскую диссертацию, после этого пережили семейную драму и все же не пересмотрели своего решения рассказать о прожитом...

Пожалуйста, расскажите о своих родителях, и вообще, насколько глубоко Вы знаете историю своей семьи?

Мой папа — Полишнин Анатолий Алексеевич, родился 5 октября 1925 г. в городе Череповце. Всю его жизнь предопределил трагический уход отца: в июне 1937 года в возрасте 46 лет Полишнин Алексей Александрович застрелился. Это событие так было пережито моей бабушкой — Софьей Александровной, что она с тех пор и на протяжении всей своей жизни (умерла в 1982 г. в возрасте 88 лет) никогда и никому (ни детям, ни внукам) абсолютно ничего не рассказывала ни об Алексее Александровиче, ни о себе, ни о родственниках. В семье отсутствуют документы и фото, датированные до лета 37 года. Папа в свои неполные 12 лет знал только, что его отец работал «вместо начальника» железнодорожной товарной станции города. Моя бабушка никогда не работала, ни до, ни после гибели мужа. Ей, оставшейся с четырьмя детьми (старший — мой папа и младшая — младенец Александра), помогали родственники. Папа рассказывал, что, когда вскоре после гибели отца какие-то родственники пришли забирать к себе его маленькую сестренку, он схватил ее, сказав «Не отдам», и унес, спрятался. Его долго искали и ждали, а потом так и оставили сестренку с ним. Все свое подростковое детство он сам кормил и ухаживал за маленькой Шурочкой; вспоминал, как все его занятия и мальчишеские игры проходили с ней на закорках. Папа пошел в школу в 6 лет: не говоря родителям, сам, вместе с другом соседом, стал ходить в первый класс. Когда это обнаружилось и его мама через месяц пошла к учительнице, та сказала, что мальчик сообразительный, хорошо все схватывает, «пусть остается». Чтобы помочь семье, папа в 14 лет поступил в музыкальный военный взвод, где предоставлялось довольствие и одежда. Играл на трубе. Когда началась война, его в 16 лет определили в сыны полка (в тылу). К лету 1944 г. он окончил военное училище и в звании лейтенанта стал участником ВОВ. Закончил войну в мае 1945 г. в Польше, имеет боевые награды. Продолжал военную службу в Польше и далее на Украине. В мае 1949 г. женился на моей маме. Весной 1951 г. папа экстерном сдал экзамены за десятилетку и, получив аттестат о среднем образовании, поступил на военный факультет Московского финансового института. По окончании с 1956 по 1961 год работал как офицер финансист на Урале (Челябинск и Златоуст), далее — в Центральном финансовом управлении Министерства обороны в Москве (долгие годы — в звании полковника). После отставки папа до 80 лет работал зав. финансовым отделом стоматологической поликлиники ВМФ МО. Папа ушел из жизни 18 марта 2015 г.

Из родственников папы я знаю и знакома только с его братом, сестрами и их детьми. Брат Александр всю жизнь работал на Череповецком металлургическом комбинате, в последнее время — начальником инструментального цеха.

Сестра Тамара жила в Ленинграде, работала хирургической медсестрой. Сестра Александра живет в Череповце, на пенсии, всю жизнь работала преподавателем математики средней школы.

Моя мама — Полишнина Лидия Григорьевна, родилась 20 января 1928 г. в селе Ливенская ныне Липецкой обл. Ее семья по отцовской линии — Богдановы. Мой прадед — Нестор Иванович, 1856 г.р. из села Ливенская Елецкого уезда Орловской губернии. Его отец и родственники были ямщиками. У прадеда была артель, которая в теплое время года работала в окрестных районах — золотила купола церквей. Он, а затем и его трое сыновей, в том числе мой дедушка, занимались этим ремеслом вплоть до 20-х годов. Моя прабабушка — Марья Михайловна, у них в семье было трое сыновей и две дочери. Мой дедушка (третий по счету ребенок) — Григорий Нестерович, родился в 1901 г., в том же селе. Мамина семья по материнской линии — Якунины. Мой прадед — Федор Петрович был крестьянин. Его жена, моя прабабушка — Екатерина Романовна Попова, из семьи священнослужителей. У них было пятеро дочерей (моя бабушка — Анна, пятая, родилась в 1902 г.) и сын (шестой ребенок). Прадед умер в 1905 г., относительно молодым. Оставшись вдовой с таким количеством детей прабабушка жила в большой нужде. Но, будучи по характеру очень гордой, она отказывалась от помощи довольно состоятельных двух братьев-священнослужителей, один из которых жил в Ельце. Прабабушка и старшие дочери, а также с ранних лет моя бабушка, плели кружево на коклюшках и продавали его в Ельце. В 14 лет бабушку поселили в дом дяди в Ельце, где она нянчилась с детьми, в 16 лет ее отдали в няньки в семью инженера, где она обучилась грамоте. Дедушка окончил церковно-приходскую школу (сохранилось его свидетельство). В 1920 году дедушка и бабушка венчались. Они жили в Ливенской в доме прадедушки (другие его сыновья жили отдельно), не крестьянствовали, а содержали небольшую мельницу с двумя работниками. Семья жила для села зажиточно: в доме была городская мебель, утварь. Когда началось раскулачивание, в декабре 1929 г. прадеда тайком предупредили, что завтра придут к ним в дом. В ту же ночь, в сильный мороз семья (уже было трое детей) на трех санях сбежала из села. Первое время жили в Батайске под Ростовом-на-Дону, а вскоре — в самом Ростове. Дедушка работал на строительстве жилых домов, быстро стал прорабом, а затем бригадиром. У них был дом в центре города — небольшой для размеров семьи (8 членов, в 1937 г. родился четвертый ребенок). Сохранились семейные фото — дореволюционные и 30-х гг. На войну ушли дедушка и старший мамин брат, оба вернулись. Семья в Ростове пережила две волны оккупации.

Мама очень живо, в значимых деталях рассказывает о бытовании семьи в этой время. Мама закончила кинотехникум. Стала работать, уже живя в Москве — инспектором отдела кадров в Центральном финансовом управлении МО. Моя тетя и два дяди живут в Ростове. Тетя Антонина работала преподавателем физики в одной из престижных (спец. немецкой) школ города, долгое время была ведущим репетитором физики для поступающих на физический ф-т РГУ. Дядя Владимир — инженер-строитель, возглавлял участки и организации промышленного строительства. Дядя Юрий — техник-авиатор, долгие годы работал в Опытном-конструкторском бюро «Ростов-Миль» при вертолетном заводе.

...да, можно писать эссе «История страны в истории семьи...». Вы родились в Череповце или в Москве? Кто Вас г — вал?

Я родилась в Ростове-на-Дону — там, где жили родители моей мамы. Мама переехала к родителям за какое-то время до родов, поскольку папа в это время вновь был отозван на службу в Польшу. В Ростове я провела менее года. С тех пор я всегда жила только с мамой и папой, которые меня и воспитывали. Я была единственной дочерью. Семья была средне, а потом относительно хорошо обеспеченной. На отдых мы выезжали на море, были в Ленинграде, на Карпатах. Вместе ездили в экскурсии, на природу, а также меня водили в театр и на концерты. У родителей были классические пристрастия в искусстве.

В каком городе Вы пошли в школу? Что за школа была? Как начиналась школьная жизнь?

Я пошла в школу в городе Златоусте (на Урале). Мы жили в центре города, это была полная средняя школа. Там я проучилась три года. Так как я отлично училась, меня прикрепляли шефствовать за отстающими учениками. Одну девочку-двоечницу по математике я так успешно «подтянула», что ее мама пришла к нам в дом с каким-то существенным подарком, который мама, разумеется, отвергла, но сам факт остался в памяти. Затем семья переехала в Москву и в четвертый класс я ходила в среднюю школу в Кунцеве. Ходила в шахматный кружок Дома пионеров и дома играла в шахматы с папой. Мне тогда очень хотелось изучать иностранный язык. Я где-то достала учебник для 5-го класса по немецкому языку и с помощью мамы и сама пыталась его учить. Перед началом 5-го класса я поступила в специальную (французскую) среднюю школу № 16, расположенную на ул. Дзержинского (центр Москвы). Информацию об этой школе я услышала по радио и упросила маму обратиться к директору. Директор поговорила со мной и как круглую отличницу приняла меня в школу с обязательством мамы взять репетитора и догнать программу знаний по французскому языку. С первого класса четыре с лишним года я училась в музыкальной школе по классу фортепьяно. Когда стала ездить во французскую школу, я настояла на том, чтобы занятия музыкой бросить. Музыка была единственным занятием, которым я занималась по настоянию родителей. Все последующие выборы я совершала сама, родители уважали мою самостоятельность. Я ездила в школу из Кунцева вплоть до старших классов, когда наша семья переехала в центр. Именно эта школа сыграла большую роль в моем становлении.

Галина, вопрос — очевидный... Пожалуйста, расскажите об этом влиянии.

Директор школы, Татьяна Ивановна Панфилова, была в свои юные годы сподвижницей Макаренко. В нашей школе, как я теперь оцениваю, она собрала коллектив истинных интеллигентов-шестидесятников. Состав детей тоже был по большей части из детей интеллигенции и разночинцев. Школа была небольшой численности — по два параллельных класса вплоть до 8-го и одна параллель в 9-м и 10-м. В 9-й класс отбирали лучших по учебе. Была исключительно большая деятельность вне уроков. В 7-м классе преподаватель физики устраивала вечера поэзии, ценились выступления со стихами современных поэтов и поэтов Серебряного века. Преподаватель литературы вела литературный кружок: мы писали рецензии на рассказы классиков, ходили по музеям писателей, выезжали в экскурсии (на родину Есенина, в подмосковный музей Блока). Она для нас открыла театр «Современник». Преподаватель рисования (молодой московский

художник, который жил при школе) вел в 7-х — 8-х классах занятия по искусству: приносил нам альбомы импрессионистов, водил в музей Изобразительных искусств им. Пушкина.

Преподаватель истории (молодая выпускница Историко-архивного института) начинала с исторического кружка (для всех старшеклассников, начиная с 8-го класса): ходили по московским церквям и монастырям, ездили на каникулах в Псков и Новгород. Но главная и исключительная ее деятельность — организация подготовки и проведения больших театральных представлений: Лермонтовского вечера и представления «Атомная бомба». Это были длительные, по три часа, представления на сцене школы. Нашими шефами был Малый театр, поэтому сцена была оборудована задником, кулисами, занавесом, рампой, прожекторами. Из инициативных и успешных в учебе старшеклассников сформировалась группа, с которой Элеонора Юрьевна проводила заседания по написанию сценариев: школьники обсуждали и выбирали отрывки произведений, стихов, прозы, документов, выстраивали их в последовательность. То есть делали спектакли по примеру театра на Таганке. Участники этой группы были актерами, осветителями, рабочими сцены, художниками декораций. Шли долгие репетиции до позднего вечера. На сам спектакль брались на прокат костюмы. Нас гримировали.

В этой группе сложились тесные контакты по обмену книгами, стихами. У нас, семи девочек, были в ходу толстые книжки-альбомы, куда друг другу записывались стихи, свои заметки, впечатления, высказывания, делались рисунки. Был дух самореализации и оригинальности. Надо сказать, что он шел от уроков литературы и истории, где оригинальность всегда приветствовалась. «Бульон» активности этой группы вылился и в политику. Небольшая подгруппа организовала распространение листовок в защиту Синявского и Даниеля весной 1966 г. КГБ быстро вышло на нашу школу и летом начались допросы. Я была на периферии этой подгруппы и меня вызвали только один раз. Следователей больше всего интересовало, было ли руководство со стороны учителей. Его на самом деле не было. Учителя ничего не знали, но они то и пострадали. Директор школы вынуждена была уйти на пенсию, была уволена Элеонора Юрьевна. Несколько школьников исключили из комсомола и заставили уйти из школы.

В 9-м — 10-м классах несмотря на то, что директор была поставлена со стороны райкома партии (она же преподаватель истории), в целом сохранялась гуманистическая и демократическая обстановка. Было выпущено еще одно театрализованное представление, посвященное на этот раз революции. Главным центром притяжения стал французский театр при школе. Его организатор — Гили Евсеевна, преподаватель французской литературы. Она сама была актрисой самодеятельного французского театра при Доме учителя Москвы. Были поставлены: «Проделки Скапена» Ж-Б. Мольера и «Руи Блаз» В. Гюго. Здесь шли не только долгие репетиции, но и рисовались декорации для каждого действия, оформлялся реквизит (на чердаках находили старые стулья, столики, их реставрировали), самостоятельно шились все костюмы (находили шелка, кружева, «драгоценности»).

Помимо школы я ходила в 7-м классе в физический межшкольный кружок, а в 8-м классе — в вечернюю математическую школу при МГУ. Разумеется, в школе были очень сильные учителя и мы получили очень хорошую подготовку. Из нашего выпуска из школы (35 человек) 32 сразу же поступили в вузы, преимущественно дневные.

Действительно, со школой Вам повезло, и школьные годы были интересными... Куда Вы решили поступать? Чем это решение было продиктовано? Сразу удалось реализовать задуманное?

К 10 классу у меня сложилось намерение стать биофизиком. Я тогда увлеченно читала журнал «Химия и жизнь», в котором были соответствующие публикации, брала какие-то книги в библиотеке. Нас было в классе трое девочек, кто собирались на биофак и классная руководитель устроила нам встречу с сотрудником биофака МГУ. И он разбил мою мечту, сказав, что женщин на биофизику не берут. Тогда я спешно начала искать, исходя из того, чтобы в профессии нашли соединение мой хороший уровень знаний по математике, естественным наукам и иностранному языку. Думала поступать на экономику зарубежных стран на экономфак МГУ. Но схожая (как мне тогда представлялось) специальность была и на географическом факультете — экономическая география зарубежных стран. Поскольку экзамены на естественные, в том числе, географический факультет тогда принимались в июле, а на гуманитарные (экономфак) — в августе, я начала с геофака. Я сдала на «5» первый и главный экзамен — математику и, поскольку у меня была серебряная медаль, меня сразу зачислили на этот факультет. По результатам собеседования меня приняли на «зарубежку» — это было элитное отделение на факультете, с отдельным от основного потока абитуриентов конкурсом.

Когда я начала учиться, я была сильно разочарована. На первых двух курсах было много природоведческих дисциплин. Кроме того, студенты этих природных кафедр (а их было большинство) сильно не дотягивали в интеллектуальном и культурном отношении до той публики, к которой я привыкла в школе. Более или менее «своими» были студенты «зарубежки». У нас были интенсивные занятия базовым иностранным языком и факультативно языком той страны, которая была определена каждому в виде специализации. Я попала на кафедру эконом-географии социалистических стран и из-за базового французского языка мне определили специализацию «Румыния». Я быстро выучила румынский, но страна для изучения была не выигрышная: отсутствовала статистика, исследования, было много идеологизированной информации. Это был еще один минус моей факультетской жизни. Интересными были студенческие практики. Мы ездили в Хибины, Карпаты. С третьего курса начались экономические дисциплины и практики: на автобусе мы проехали от Москвы до Новороссийска, посещая промышленные, транспортные, сельскохозяйственные и пр. предприятия, порт, шахту и др. После 4-го курса такая же практика была в Чехословакии: от ее восточной до западной границы (для этого нас полгода обучали чешскому языку).

Так и хочется спросить — получилось по принципу «стерпится, слюбится» или все же ушли, нашли нечто новое?

За меня вступилось Провидение. Когда началось распределение, моя подруга с «зарубежки» устроилась на работу в Институт международного рабочего движения АН СССР, поскольку у нее там были знакомые. Они же сказали, что институт формирует отдел по проблематике соцстран и нужен специалист с румынским языком. Получить там место было, разумеется, очень трудно. Заведующим нашей кафедры был Олег Николаевич Богомолов — чл. корр. АН СССР, директор Института соц. стран АН СССР. По его рекомендации меня Тимофеев Т. Т. принял на работу. Это было то время, когда Руткевич громил Институт конкретных социальных исследований и из него настоящие социологи бежали. Одним из них был Шубкин Владимир Николаевич, которого принял в свой институт Тимофеев. Последний рассчитывал, что тот возьмет на себя руководство проблематикой соц. стран. Соответственно подбирались специалисты. Конечно Шубкин ни какими соц. странами заниматься не стал. Вместе с Гордоном Л. А. и Клоповым Э. В. они составили мощное социологическое подразделение ИМРД. Так я попала к социологам и в абсолютно свою — по школьной ностальгии — среду. Меня увлекла обстановка и социология и я стала учиться новой профессии.

Какой это был год? С Л. А. Гордоном и В. Н. Шубкиным у меня были хорошие отношения, но интервью с ними у меня нет. Гордон умер, когда моего проекта еще не было, а Шубкин уже был тяжело болен... Может Вы немного вспомните их и расскажите о них?

Я попала в ИМРД на исходе 1973 г. Там была собрана элита обществоведов — главным образом, историков, а также философов, социологов. Была интенсивная интеллектуальная жизнь в обстановке «шестидесятничества», латентных симпатий диссидентству, доступа большинства сотрудников к информации спецхрана и закрытого ТАСС. Проходили интереснейшие методологические семинары, как всего института, так и отделов. В отдел Шубкина, в который я попала, несколько лет входил сектор Клопова и Гордона, поэтому у нас было много совместных обсуждений, общения.

К сожалению, о Леониде Абрамовиче Гордоне я знаю немного. Он окончил истфак МГУ и был специалистом по рабочему классу и социальной истории Индии, о ней была его кандидатская диссертация. В 1968 г. Тимофеев тот институт, которым он руководил под эгидой ВЦСПС, сумел перевести в АН СССР и создать ИМРД. Он, прежде всего, собрал вокруг себя истфаковскую компанию, в которую, в частности, входили Гордон и Клопов. Они основную проблематику, связанную с рабочим движением, преломили для себя в изучение социального развития рабочего класса СССР, а впоследствии и соц. стран. Именно в это время они проводят свое, ставшее широко известным и сделавшее им имя в советской социологии исследование быта городского населения (в Таганроге). Их совместная монография, опубликованная в 1973 г., была названа «Человек после работы», что было переключкой со знаменитым исследованием и монографией В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова — «Человек и его работа». Именно социальному развитию рабочего класса СССР была посвящена докторская диссертация Леонида Абрамовича. Он был человеком очень притягательным. Привлекал не только его яркий, оригинальный, изощренный интеллект исследователя — он всегда собирал заинтересованную аудиторию слушателей на своих семинарах,

с вниманием следили за его участием в других обсуждениях. Он завораживал своей энергетикой, одновременно оптимизмом и мудрым скепсисом, юмором и вкусом к жизни. Весьма импонировала его аполитичность относительно официоза. Для меня и он, и Э. В. Клопов всегда оставались важной референтной группой не только в профессиональном плане. В институте было широкое и достаточно демократичное общение «у подоконника» в коридорах. Там обсуждалось все — театр, путешествия, политика и пр. В новые времена (мы уже работали в разных институтах) исключительно органичным стало исследование Л. А. шахтерского рабочего движения начала 1990-х годов. Здесь теории Алена Турена полностью совпали с деятельностной натурой и политической позицией Леонида Абрамовича: он внес вклад не только в социологию массовых движений, но и в просвещение рабочих, их лидеров. Хорошо помню (я тогда работала социологом в партии Е. Гайдара «Демократический выбор России») яркие демократические выступления Л. А. на различных политических мероприятиях в середине 1990-х.

Под руководством Владимира Николаевича Шубкина я проработала тридцать лет. Собственно, во многом благодаря ему я и стала социологом: он и увлек меня этой наукой, и многому научил. Владимир Николаевич был хорошим рассказчиком и очень любил рассказывать, как он называл — «байки»: о своей жизни, о запретной в те времена политической истории.

Он родился 9 августа 1923 г. в Барнауле. Его отец — Николай Феоктистович — был преподавателем словесности женской гимназии Барнаула, затем педагогом советской школы. Мама также была школьным преподавателем литературы. В. Н. очень трепетно относился к своему отцу (в конце 1980-х гг. он издал его дореволюционные дневники — «Дневник словесника»), тот был репрессирован в 1937 г. И хотя мать уволили из школы, самому В. Н. дали возможность закончить десятилетку. Как в повести Тендрякова «Ночь после выпуска» восемнадцатилетний Володя 21 июня 1941 г. после вечера в честь окончания школы провел всю ночь вместе со своими одноклассниками у реки, в городском парке. Утром суровый военный на танцплощадке объявил: «Началась война». (В. Н. написал вступление-эссе к этой повести Тендрякова). Как сына «врага народа» его сначала на фронт не взяли. Но поскольку он был хорошим спортсменом-лыжником, весной 1942 года он попал в формировавшиеся тогда в Сибири отряды военных лыжников. Он начал войну летом 1942 г. под Сталинградом. У него было исключительное среди солдат — среднее — образование. С таким образованием люди попадали как минимум в лейтенанты. А он стал наводчиком 76-мм. орудия и прошел войну на этом низовом уровне. Поэтому его свидетельство образованного человека о тяготах, голоде, грязи солдатской жизни — явление единичное. Он отразил свой военный опыт (уже в зрелые годы) в литературной повести «Пашкин подарок» и публицистическом очерке «Социология войны».

После войны он окончил экономический факультет МГУ, работал в Москве преподавателем политэкономии, защитил кандидатскую диссертацию. Затем перешел в Институт философии АН СССР, где на рубеже 50–60-х гг. участвовал в одном из первых социальных исследований — села Копанка в Молдавии. Вскоре начал создаваться Новосибирский академгородок. Туда Шубкина с женой (занимавшей аналогичную позицию) пригласил академик Лаврентьев. Они приехали в Новосибирск где-то в 1961–62 гг. и попали в Институт экономики

промышленного производства к Аганбегяну, который начинал разрабатывать экономико-математические методы исследований. Но Шубкин быстро от него ушел в Институт истории и философии, так как уже к этому времени был «заражен» социологией. В мае 1962 г. он проводит первое пробное исследование — анкетный опрос выпускников средних школ об их планах в связи с выбором профессии, а осенью того же года собирает персональные сведения о реальных шагах молодежи по продолжению образования и/или трудоустройству. В следующем году проводится массовое исследование в Новосибирске, городах, поселках и селах области. И вскоре появляется его статья в «Коммунисте» с результатами, главный из которых — наличие социального неравенства по происхождению, месту жительства и др. — стал громким неожиданным фактом в тогдашнем идеологизированном обществе. Примененная емкая и познавательной богатая методика исследования быстро привлекает внимание последователей. С 1966 г. аналогичные опросы проводятся во многих регионах страны. Сам Шубкин ежегодно повторяет эти исследования на тех же объектах до 1969 г., закладывая базу динамических сравнений.

В 1966 г. он в числе первых защищает докторскую диссертацию по социологической тематике — методологии социологических исследований. В том же году впервые участвует в Международном социологическом конгрессе в Эвиане, где завязывает знакомства со многими известными социологами. Большими его друзьями-коллегами были Грушин, Ядов, Фирсов. В 1969 г. он переезжает в Москву и начинает работать в недавно созданном Институте конкретных социальных исследований под руководством академика Румянцева. В 1970 г. выходит его монография «Социологические опыты», где совместно представлены методологические вопросы и результаты его социологических исследований.

Итак, в 1973 Шубкин оказывается во главе большого отдела в ИМРД. Он упорно, несмотря на давление директора института, гнет свою тематику. Уже в следующем году он проводит повторное исследование разысканных бывших выпускников средних школ Новосибирской области — тех, которые опрашивались в 1963–1969 гг. Новые анкеты «Начало пути», как и прошлые «Анкеты выпускника» — персонифицированы, поэтому образуется банк совокупной — прошлой и новой — информации о жизненных путях молодежи. Результаты публикуются в «Литературной газете», в отдельной публицистической книге «Начало пути».

Нависавшую со стороны директора института задачу заниматься тематикой социалистических стран Шубкину удается удачно преломить в свою пользу. Тогда организовались Проблемные комиссии международного сотрудничества академий наук социалистических стран. Одну из них возглавлял директор Тимофеев. В рамках работы этой комиссии Владимир Николаевич с венгерским социологом Ференцем Гаждо договариваются организовать сравнительное международное социологическое исследование жизненных путей трудящейся молодежи. С 1978 г. этот проект начал реализовываться. Он включал социологов Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии и нас. Участники проекта добились значительных результатов, прежде всего организационно-методологических. В условиях тогдашних сложностей международных контактов и поездок удалось принять единый блок вопросов анкеты и осуществить эмпирические исследования в каждой стране-участнице. Вопросы выборки решались каждой сторо-

ной самостоятельно. В России была опрошена молодежь (до 30 лет), занятая на предприятиях промышленности, строительства, торговли и обслуживания г. Костромы. Далее было совместно разработана и реализована единая система кодировки информации, а потом и единая схема статразработки. Был осуществлен обмен эмпирической информацией. При подготовке итоговой совместной монографии участники вышли на тематическую специализацию каждой страны-участницы, когда каждая команда участников разрабатывала свою тему на базе эмпирического материала из всех стран. Монография была сначала опубликована на русском языке в Будапеште, затем уже в отредактированном виде — в странах-участницах на своих языках.

Во второй половине 1980-е гг. тот же международный коллектив подготовил еще одну совместную монографию по молодежной проблематике. Следует сказать, что В. Н. был неформальным лидером этого международного коллектива, благодаря не только своему авторитету социолога, но главное — исключительному демократизму. В те годы многие представители социалистических стран, привыкшие к главенствующей позиции «большого брата», были насторожены и одновременно готовы проявлять «послушность» относительно всех установок, исходивших от представителей советской стороны. В. Н. на корню сломал эти стереотипы и поддерживал рабочую обстановку, в которой важнейшим ценным показателем был профессионализм.

В. Н. упорно продолжал свой Новосибирский проект. В 1983 г. спустя 20 лет после его начала, опросы молодежи в Новосибирской области были повторены. В анкету на новом этапе вносился блок основных, неизменных с 1963 г. вопросов, кроме того она дополнялась рядом актуальных вопросов. К примеру, вносились некоторые новые профессии в список тех, которые предлагалось оценить молодежи по степени престижа. Изменялись шкалы кодировки социально-профессионального статуса родителей, их доходов и пр. Данный методический подход сохранялся и дальнейшем, на следующих этапах продолжения этого уникального по своей длительности проекта как самим Шубкиным, так и последователями его «школы». Это позволило собрать на сегодняшний день уникальный банк сопоставимой социологической информации одного и того же объекта за 50 лет наблюдений. В 1985 г. по результатам исследований 1963–1983 гг. была опубликована монография (в соавторстве со мною) «Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства)».

В. Н. ценностно тяготел к литературному творчеству. Он не только с большим пиететом относился к ряду писателей и публицистов, но и сам довольно много сделал как публицист. Он считал, что социология имеет свои ограничения в изучении человека, она не способна отразить наиболее важную сторону его бытия в обществе — его нравственную позицию и поведение. Это — поле деятельности настоящей литературы и потому литература — выше социологии. В середине 1970-х гг. он написал большую статью, опубликованную в «Новом мире», под названием «Пределы», где он изложил свои взгляды на этот счет. Она имела большой резонанс.

В 1991 г., когда к руководству Институтом социологии пришел В. А. Ядов, В. Н. Шубкин с наибольшим коллективом сотрудников (я была в их числе) перешел в этот институт. В 1994, 1998 гг. продолжались обследования молодежи. Они расширялись и географически, и с точки зрения объекта исследований.

Опросы по «Анкете выпускника» и сбор информации осенью проходили не только в Новосибирской области, но и в Москве, Краснодарском крае, охватывали выпускников не только дневных средних школ, но и средних специальных учебных заведений и средних профессионально-технических училищ. Результаты публиковались в виде коллективных монографий, в частности «Когда наступает время выбора (устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений)», 2001. В конце своего творческого пути В. Н. больше писал как публицист и литератор. Вел совместно со Шляпентохом международный сравнительный проект о страхах людей разных стран. Последняя его публикация — «Страхи в России».

Спасибо большое, Галина, Гордон и Шубкин — знаковые фигуры в нашем сообществе, и все относящееся к их жизни и исследованиям крайне важно для истории. С чего началась Ваша исследовательская деятельность? Кто был Вашим непосредственным руководителем?

Я сразу начала работать под руководством Шубкина В. Н. Весьма знаменательно, что первой прочитанной мною книгой по социологии были «Социологические опыты» Шубкина, а второй — «Воспроизводство» (на французском языке) Пьера Бурдьё (и Жан-Клода Пассерона). Воздействие «школ» именно этих двух социологов оказалось основным в моем профессиональном становлении и дальнейшем развитии. С одной стороны, реферат и доклад по этой книге П. Бурдьё (а затем и книги «Наследники») были первым полученным мною рабочим заданием, а через полтора-два десятилетия — уже на следующем цикле своей карьеры — я довольно долго общалась и сотрудничала с «бурдовьянами». С другой стороны, мои «социологические университеты» состояли в том, что я с порога погрузилась в конкретную работу социологического проекта Шубкина «Начало пути»: розыск бывших респондентов в Новосибирской области, составление анкеты, почтовый опрос в 1974 г., разработка материалов, интерпретация и т. д. Я поступила в заочную аспирантуру ИМРД АН СССР. Первую свою статью по результатам этого исследования я опубликовала в совместном венгерско-советском сборнике в 1975 г., с которого началось сотрудничество В. Н. Шубкина и Ф. Гажо. Далее была продолжительная работа — официально в качестве ученого секретаря — а по сути ближайшего помощника В. Н. в международном сравнительном исследовательском проекте с учеными шести социалистических стран.

Чему было посвящено Ваше кандидатское исследование, к каким выводам Вы пришли?

Мое кандидатское исследование было посвящено выявлению специфики процессов выбора профессии, получения образования и начала трудовой деятельности молодой женщины. В то время (я готовила работу во второй половине 1970-х и защитила ее в 1980 г.) не только не существовало понятие гендера, но и социальные исследования, посвященные особенностям положения женщины в обществе и в сфере труда, были единичными. Сама постановка социологических исследований в ключе «женской проблематики», а также их результаты становились тогда важным инструментом просвещения, внесения в массовое сознание более гуманных представлений о равноправии мужчин и женщин, преодоления подхода с позиций их формального равенства в обществе. Моя

работа была основана как на результатах эмпирических исследований жизненных путей выпускников средних школ Новосибирской области, так и на данных госстатистики об образовании, занятости, брачности, рождаемости и других демографических показателях. Главным было выявить и конкретно показать, что при вступлении в самостоятельную жизнь девушка и молодая женщина оказывается в треугольнике проблем и решений, связанных с получением образования и выбором профессии, с началом трудовой деятельности и потребностями карьеры, с образованием семьи и рождением детей. Были обнаружены эффекты «упреждения» будущей семейно-материнской роли в особенностях получения разных уровней образования, в оценках престижа профессий, в профессиональных склонностях и реально выбираемых специальностях (при воздействии также специфичной структуры женской занятости). Показано в динамике влияние повышения уровня занятости молодых женщин на снижение показателей рождаемости. Выявлено, что из-за волнообразного возрастного состава населения страны (чередования малолюдных и многолюдных возрастных когорт) в тогдашней перспективе (в 1980-е гг. и чуть далее) относительно увеличится в трудоспособном населении доля лиц молодежных возрастов при одновременном уменьшении их абсолютной численности. В результате будущее поколение молодых женщин вынуждено будет принять на себя гораздо большую (чем поколения конца 1960–70-х гг.) трудовую и демографическую нагрузку. То есть главный пафос работы — необходимость со стороны общества создавать условия и всячески содействовать более гармоничному сочетанию профессиональной и материнской ролей молодой женщины. Повторюсь, тогда это было на волне новых социальных интересов.

Если Вам сейчас удастся проследживать исследования по этой тематике, скажите, в какой мере оправдались Ваши выводы?

Важное положение об усилении общей — образовательной, трудовой и демографической — нагрузке молодых женщин подтвердилось. После 1980 г. продолжился рост уровня образования молодых женщин, уровень занятости всей молодежи не снизился (данные по молодым женщинам не фиксируются), в результате происходило снижение рождаемости в молодых возрастных группах, число ежегодно рожденных длительно снижалось с середины 1980-х гг. Комплекс проблем, характеристики и особенности совмещения учебной, профессиональной и материнской ролей оставался тем же вплоть до новых времен.

После завершения работы над кандидатской диссертацией Вы продолжили изучать тот же круг проблем (Женщина и Труд) или ушли в новое исследовательское пространство? В любом случае, какие проблемы были в центре Вашего внимания накануне Перестройки?

После защиты кандидатской диссертации на ее основе я опубликовала брошюру, а также ее обновленные материалы составили одну из глав монографии, которая была написана в соавторстве с Шубкиным В. Н. и опубликована в 1985 . Далее я этой проблематикой не занималась. Накануне перестройки я участвовала в международном сравнительном исследовательском проекте социологов шести европейских социалистических стран «Жизненные пути молодежи». По единой методике во всех странах были проведены социологические опросы

трудящейся молодежи, информация единообразно закодирована и статистически разработана. По результатам международным коллективом в 1985 году была опубликована совместная монография, где каждая страна-участница подготовила тематическую главу, используя материалы по всем странам. У нас в стране в этот период, в конце 1970-х — начале 1980-х гг., привлекательной казалась идеологема — заимствовать социально-экономический опыт европейских социалистических стран. Социологические исследования, которые выявляли соответствующую специфику, были весьма востребованы. Коллектив советской части проекта (где я была Ученым секретарем и непосредственным помощником Шубкина В.Н.) разрабатывал проблематику сравнительного (по этим странам) изучения выбора профессии молодежью, ориентаций на образование, престижа профессий и реальных первых решений, связанных с поступлением в учебные заведения и первым трудоустройством. Одновременно в монографии авторами других стран на основе сравнительных материалов разрабатывалась проблематика социальной мобильности молодежи, получения разных видов и уровней образования, характеристик трудовой деятельности и профессиональной карьеры, включая установки, ориентации, оценки на этот счет и т.д.

Конец 1980-х — начало 1990-х: рушится система ценностей молодежи и трансформируется система профессиональных ориентаций. Вам удалось это зафиксировать? Пришли 90-е, Ваши научные поиски продолжались в той же нише?

На рубеже 1980-х — в первой половине 1990-х у меня был большой период проникновения во французскую социологию. Дело в том, что в 1988 г. в ходе поездки М. Горбачева во Францию в частности было заключено соглашение о научных контактах в области общественных наук и Горбачеву был сделан подарок: французское правительство финансировало Программу стипендий Дидро для молодых российских ученых на несколько лет. В Москву и Ленинград приехала группа ведущих парижских социологов, они посетили известных советских социологов в поисках молодых ученых со степенью, знающих французский язык. Таким кандидатам, в числе которых я оказалась, предлагали поучаствовать в конкурсе проектов на получение стипендии Дидро для стажировки на полгода. Я прошла по этому конкурсу и в 1990 г. стажировалась во Франции: в Париже в Доме наук о человеке, главным образом в Центре европейской социологии под руководством Пьера Бурдьё, а также в Высшей школе социальных наук, в Центре городской социологии, в Центре молодежных исследований, в Социологическом центре в Марселе. Это было погружение во французскую социологическую теорию, методологию и методику. Социологи «бурдьёвены» окружили нас неустанным вниманием (нас было 6 человек первых стажеров). Это были не только книги, статьи, лекции, наши выступления со своими привезенными материалами, но и участие в семинарах, присутствие при интервьюировании и т. д. Тогда для нас были в новинку качественные методы. По мере освоения теории и методологии мы должны были разработать свои проекты, защитить их и, вернувшись домой, осуществлять.

Новой и заинтересовавшей меня стала проблематика элит. Я выбрала объектом своего проекта элитарную школу — спецшколу иностранного языка, что вылилось в изучение ее функционирования как механизма социокультурного воспроизводства. В Москве я два года подряд проводила обследования учащихся

спецшкол, интервьюирование директоров, педагогов, родителей; сбор фактической информации по классным журналам. Во второй год выборка школ была районирована (центр, промежуточные зоны, периферия) и с соблюдением пропорций разных языков обучения. В результате при разработке удалось выявить и внутреннюю иерархию спецшкол в осуществлении ими функции социального воспроизводства. До 1996 года я регулярно ездила во Францию по приглашению Дома наук о человеке с докладами о результатах этого своего исследования, затем исследования о трансформации средней общеобразовательной школы в 1990-е годы и исследования «Руководители партии «Демократический выбор России»» (в 1994—1995 гг. я работала руководителем отдела социологии этой партии). В этот период я опубликовала несколько статей во французских социологических журналах, в том числе в самом престижном — “*Actes de la recherche en sciences sociales*”. В первой половине 1990-х я (совместно с другими стипендиатами «бурс Дидро») перевожу труды П.Бурдьё и его соратников. Мы и иными способами всячески стараемся продвигать французскую социологию и, в частности, качественные методы (которые тогда плохо воспринимались) в ряды коллег: проводятся семинары, международные симпозиумы (с приездом французских социологов), по результатам публикуются сборники.

В 1991 году В. Н. Шубкин и часть его сотрудников (я в том числе) перешли на работу в Институт социологии, поскольку там директором стал В. А. Ядов. В продолжение и обновление Новосибирского проекта мы в 1994 г. проводим обследования выпускников средних школ Новосибирской области, Краснодарского края и Москвы. Помимо блока неизменных с 1963 г. вопросов анкеты она включает актуальную проблематику относительно вступления молодежи в самостоятельную жизнь. Изучение ведется в сравнении двух видов — хронологическом и региональном. Лично для меня эти материалы предоставляли базу сравнения «обычной» средней школы со спецшколами иностранного языка.

Галина, интересный поворот в событий... Каким был Пьер Бурдьё в общении? Изучая внутреннюю иерархию спецшкол, Вы не могли не знать работ Бурдьё, приходилось обсуждать с ним свои результаты?

Еще пару слов к предыдущему. Основная цель Программы Дидро для самих французов, о которой нам не прямо стало известно: получить результаты социологического изучения российской действительности, проводимого на основе теорий, методологии и методов, которым они могли доверять. Поэтому с самого начала французы-«бурдьёвены» отметили все наши привезенные с собой результаты и стали очень методично нас учить. Их шефство было всеобъемлющим: помимо науки нам предоставили обширную культурную программу, нас приглашали в гости (что в принципе в среде французов не заведено), устраивали походы, встречи и т. д. Всем этим тьюторством занималось шесть социологов-соратников П.Бурдьё (трое из них работали в иных институтах SNRS). По нашим параметрам (опубликованным книгам, статьям, руководствам семинарами, выступлениям в СМИ) все они были на уровне докторов наук. Моник де Сан-Мартен была официальным руководителем Центра Европейской социологии. А сам Пьер Бурдьё был Главой-Учителем-Небожителем. Мы его слушали на семинарах, на лекциях в Колеж де Франс. Собственно в Колеж де Франс и был его кабинет. Я лично общалась с ним один раз: договорившись с секретаршей о теме встречи

и получив время я обсуждала с ним план подготовки сборника статей французских авторов и возможных российских — для публикации в Москве. Он вел себя на семинарах, лекциях и при личном общении очень демократично. Просто он очень сильно загруженный и широко задействованный человек. Кроме того, он сам продолжал вести крупные исследования. Поэтому, повторяю, всю «науку» П. Бурдьё мы получали от его соратников.

Все мы работали в рамках его теорий габитуса, социального пространства и конституирования социальных полей, распределения и действия различных видов капиталов — экономического, культурного, социального, символического — при занятии (и перемещении) определенной позиции в отдельном социальном поле и выработке определенной (например, политической) позиции (*prise de position*), которая является инкорпорацией объективированных структур. Моя проблематика касалась образовательного поля, где главным образом задействован культурный капитал. На примере спецшколы я показала, что ее репродуктивная функция есть следствие практик привилегированных классов и слоев, обеспечивающих свое социальное воспроизводство. При формальном равенстве уровня обучения появление с виду нейтральной специализации путем неизбежного культурного отбора превращается в привилегию, которая используется семьями элит и высших классов. Они, действуя свои культурные и социальные (а в новые времена и экономические) капиталы, способны предоставлять своим детям качественное образование и более продвинутые на выходе их школы образовательные (в дальнейшем социальные) позиции. На эмпирическом материале были показаны: механизмы латентного отбора на входе и отсева по ходу учебы; связи и взаимное преумножение культурного капитала учащихся и педагогов; роль внеурочной деятельности, которая в хронологии задействовала последовательно культурный, социальный и экономический капиталы родителей; связь размещения спецшкол с социально сегрегированным размещением населения на карте Москвы, выявившая исключительную роль символического Центра; усилившаяся в новые времена дифференциация школ английских, немецких, французских по линии родителей, наделенных преимущественно экономическим — к наделенным преимущественно культурным капиталом; сравнительное распределение выпускников спецшкол и обычных школ (престижные вузы — массовые вузы). Результаты этого исследования и последовавших я представляла на семинарах, когда приезжала в Париж, готовила и публиковала статьи там. В Москве это происходило с большим трудом. Мы с моей коллегой по «бурс Дидро» долго уговаривали Шубкина, пока не выпустили сборник «Образование в социокультурном воспроизводстве: механизмы и конфликты», в котором была моя статья про спецшколу и ее «В поисках утраченного имени: либерализация профессии архитектора как механизм ее воспроизводства». Созданный в Институте социологии Центр французской социологии — руководитель Н. А. Шматко (по началу нас было четверо бывших стипендиатов) получал регулярно из Парижа журналы «*Actes de la recherche en sciences sociales*», «*Revue française de sociologie*», там же предоставлялись для общего пользования привозимые нами книги. Делались и публиковались переводы в издательстве Socio-Logos, а также в несколько лет выходившем журнале «Вопросы социологии» (большую роль здесь играл Ю. Л. Качанов), проводились симпозиумы

с приезжавшими французскими социологами. Во многом благодаря этому спустя лет десять в социологический дискурс постепенно вошли термины «социальное пространство», «поле», «культурный капитал» и прочие.

Какие методы исследований Бурдьё Вас особенно заинтересовали?

Социология П. Бурдьё представляет собой цельную систему и носит глубоко критичный и рефлексивный характер. Из нее нельзя вытянуть и принять какие-то одни элементы и отказаться от других. Ее принимают или не принимают целиком. Его диалектическое и порой парадоксальное мышление направлено на критику не только социальной реальности, но и на саму социологию как инструмент познания реального мира. Он последовательный противник разграничений между эмпирической и теоретической социологией, того, что эмпирическая социология базируется на конкретных данных, интегрирована в наблюдаемую социальную реальность, а теоретическая социология в своих рассуждениях старается встать на некую объективную позицию, расположенную как бы над обществом. Он за практическую, вовлеченную в социальную жизнь стратегию теоретического исследования, когда интересы исследователя инвестированы в действительность, которую он изучает. Он ратует за практическую мысль в противовес «теоретической теории» и подчеркивает, что теоретические определения не имеют сами по себе никакой ценности, если их нельзя заставить работать в эмпирическом исследовании. И его теории — лучшее подтверждение последнего.

Что касается конкретно методов, то самое важное, что я (и все мы) усвоила — это цепочка социологического проекта в условиях совершенно нового, неисследованного до сих пор предмета: сначала берутся интервью методом разматывания клубка проблематики; на основе выявленного спектра вопросов проблематики разрабатывается анкетное обследование, проводится, получаются основные результаты; на базе полученных знаний о предмете проводится целевое (например, типологическое) интервьюирование. И только потом можно переходить к интерпретации результатов.

...я такую стратегию планирования-организации исследования продвигаю очень давно, поскольку я по базовому образованию математик, называю ее «итерационной». На мой взгляд, наука только так и делается...

Итак, 90-е в Вашей жизни стали «французскими». Все закончилось из-за смерти Бурдьё или кончилась Программа? Что принесло начало нового века?

Во второй половине 1990-х кооперация с французскими социологами сошла на нет по мере того, как сокращалось, а затем и прекратилось финансирование правительства после ухода социалистов из власти. Во Франции социалисты традиционно поддерживают социологию, поскольку социологи в своем большинстве «леваки».

На рубеже веков я столкнулась с тем, что проводить самостоятельно исследования на теоретико-методологической основе П. Бурдьё в отделе Шубкина я не смогла, как не смогла и сагитировать его на такие коллективные исследования. Поскольку труд социолога коллективный я «заблудшей овцой» вернулась в проекты всего отдела. В начале 2000-х гг. появились возможности различных грантов. Я участвую в продолжении большого проекта Шубкина, который развивается

по разным направлениям сравнительных разработок: в хронологии лет, разных групп молодежи, в возрастной динамике по мере развертывания жизненного пути. В 1998 г. Участвую в обследовании выпускников средних школ, ССУЗов и ПУ Новосибирской области, который далее превращается в лонгитюдное исследование этих когорт молодежи вплоть до 2008 г.

По результатам первого этапа лонгитюда (1998—2001 гг.) выходит коллективная монография под моей редакцией. Проводим исследование нового явления — трудовой занятости студентов дневных вузов, также публикуем коллективную монографию. Я на основе гранта опубликовала большую монографию «Молодежь России: образовательные ориентации и жизненные пути» в 2004. Все ждут от меня докторской диссертации, но у меня появляется внучка (дочь с семьей живет в Германии, я к ним периодически надолго езжу) и так потихоньку время упускаю и отказываюсь от попытки. В тот же год руковожу исследовательским проектом по гранту Независимого института социальной политики по проблемам социальной дифференциации в системе образования, проводим исследование, участвуем в публикациях НИСП.

Прошло десять лет после выхода в свет Вашей «Молодежь России: образовательные ориентации и жизненные пути». Что оправдалось в Вашем видении путей развития российской молодежи и что пошло совсем не так?

Социальные ориентации и личные планы молодежи, как было выявлено прежде, остались тесно связанными с привлекательностью для нее определенных занятий и статусов; при своей реализации молодежь продолжает в значительной мере руководствоваться своими субъективными намерениями. Разумеется, появились новые зоны приоритетных сфер деятельности, занятий и молодежь динамично их осваивает. Исследование выявило, что бывшее в советский период существенным противоречие между структурой (пирамидой) потребностей общества в кадрах по профессиям и структурой (обратной пирамидой) профессиональных ориентаций и склонностей молодежи, в новое время относительно сгладилось или видоизменилось. Большой блок профессий сместился с вершины прежней пирамиды привлекательности, на их место пришли новые лидеры престижа. Значительно расширился сектор средне привлекательных профессий, что было вызвано тем, что в структуре субъективных стремлений произошла (и продолжает доминировать) ориентация на заработок и работу, которая может обеспечивать достойную жизнь. Самые нижние этажи пирамиды профессий заняли иные (нежели молодежные контингенты россиян) группы трудящихся, в частности трудовые иммигранты. Выявленное таким образом в исследовании изменение (схематичное) пирамиды вакансий, заполняемых молодежью, которая приняла скорее грушевидную форму, а также «округлившаяся» в срединной части обратная пирамида субъективных стремлений — продолжают иметь место.

Продолжаются выявленные тенденции социальной дифференциации всех типов учебных заведений, начиная с общеобразовательной школы. Замаскированная под введение различных специализаций, новых форм и способов обучения, «инноваций», каналов дополнительной подготовки реорганизация средних школ на самом деле сталкивается с запросами социально дифференцированной публики, и на эти запросы неизбежно отвечает, становясь полем выражения социальных различий пользователей этих школ. В целом эта тен-

денция продолжилась, хотя последняя реформа внесла много организационных смещений в «обычных» общеобразовательных школах в эту тенденцию; между тем, одновременно сформировался (что признается образовательным сообществом) сектор школ, работающих в неблагоприятном социокультурном контексте (социологически — школах социального отсева).

В целом подтвердилась выявленная социальная дифференциация учебных заведений высшей школы. Между тем, тогда представлялось, что через верхние этажи иерархии учебных заведений элиты и господствующие слои обеспечивают себе инструмент социокультурного воспроизводства, что социальное воспроизводство происходит посредством с виду нейтрального меритократического принципа функционирования системы образования. Однако в реальности меритократическая тенденция социальной селекции была дополнена и существенно усилена другой формой дифференциации учебных заведений, которую тогда мне не удалось зафиксировать. Речь идет об эффектах быстрого роста числа вузов и численности студентов, который в условиях сложившегося рынка образовательных услуг (и значительной автономии деятельности вузов), стал прямым ответом на запросы непосредственных потребителей, а не отражением потребностей общества и производства. В результате сложилась иерархия вузов по качеству предоставляемого образования: ведущие, престижные вузы с высоким качеством образования, «массовые» учебные заведения и сектор вузов образования низкого качества и «псевдо-образования». Разумеется, эта иерархия по большей части коррелирует с первой. Вместе с тем, когда писалась монография, еще не было столь очевидным, что массовизация высшего образования приведет к определенному перепроизводству молодых специалистов с дипломами, а сам диплом перестанет гарантировать части молодежи подготовку к работе на уровне высокой квалификации. На рынке труда существенная часть выпускников вузов стала не получать рабочих мест по специальности обучения и по уровню его квалификации. Все это не попало в поле зрения моего исследования в начале 2000-х.

Различия, обнаруженные в структурах профессиональных ориентаций и реальных типах преобладающих карьер у выпускников средних школ, выпускников ССУЗов и выпускников ПУ (дающих среднее образование), оставались теми же вплоть до последнего времени, когда в результате реформы систем профессионального образования определенным образом изменились функции и назначение ССУЗов, а система начального профессионального образования была преобразована: сектор НПО на базе среднего образования передан системе СПО и выделен сектор краткосрочного профессионального обучения. Эти перемены требуют актуальных исследований.

Верным оказалось обнаруженное в исследовании жизненных путей молодежи явление пролонгирования периода молодости, когда после получения обязательного образования достаточно большой промежуток времени молодости посвящается не только первичному профессиональному образованию, но и совмещению и чередованию обучения и труда, различных видов нестандартной занятости, совмещению дневной учебы и вторичной занятости, подработки и т. п. Специфический рынок молодежного труда, появление которого тогда было зафиксировано, продолжил свое развитие.

Тогда говорилось о «прорыве плотины геронтократии», что молодежь, вступавшая на рынок труда в новых экономических условиях и со «свежими» компетенциями, выигрывала в конкуренции со старшими поколениями и имела в большом количестве доступ к позициям, в том числе новым, обеспечивающим достойное экономическое и социальное существование. И делался вывод о том, что в ближайшие (относительно начала 2000-х гг.) одно-два десятилетия новые когорты «переходящих во взрослый возраст» будут сталкиваться с относительно молодыми держателями высокостатусных позиций, что будет блокировать карьеры многих. В реальности этот характер конкуренция между поколениями принимает только сейчас и она будет несколько ослабляться в результате сильного спада численности молодежных когорт, вступающих в рабочий возраст. А трудности трудоустройства выпускников вузов и ССУЗов середины 2000-х — середины 2010-х гг. были главным образом связаны с окончанием периода кардинальных экономических преобразований и появления новых сфер деятельности, массы новых рабочих мест, а также с перепроизводством людей с дипломами, не обеспеченными качественной подготовкой.

Когда читаешь Ваш динамический анализ, понимаешь еще глубже, конкретнее значение первых поисков Владимира Николаевича Шубкина... как не поклониться его памяти... Скажите, Галина, не приходилось ли Вам изучать установки и практику обучения молодежи студенческого возраста в иностранных вузах? Есть ли в российском обществе потребность в такого рода специалистах?

Один инструментальный вопрос: «Как организован сбор информации? Как проводится опрос?

В 2007 г. Отдел проводил исследование «Эффективность практики обучения за рубежом». Это был подпроект большого проекта под руководством В. А. Ядова «Воздействие западных социокультурных образцов на социальные практики в России». Моей нишей в подпроекте были две темы: «Иностранный язык: изучение, овладение, результативность» и «Профессиональные карьеры по возвращении на родину». Эти сюжеты вошли в мою монографию 2014 г., а второй — одним параграфом и в докторскую диссертацию.

Было проведено глубинное интервьюирование (по 1,5 часа). Целеориентированная выборка строилась на основе социальных связей и дополнялась методом «снежного кома». Она охватывает преимущественно молодых людей (в возрасте от 20 до 30 лет, два человека 35 лет), которые имели опыт более или менее длительного (от 3—6 месяцев до нескольких лет) пребывания за рубежом с целью получения там образования. В отличие от расхожих представлений о том, что зарубежное образование является привилегией имущих элит, выборка опрошенных нами отличается относительно демократическим составом (ее особенностью является только большой объем культурного капитала родительской семьи основной части опрошенных), что связано с формами финансирования их зарубежных поездок. За исключением одного из 22 интервьюированных все они были победителями или призерами международных конкурсов, получившими на конкурсной основе стипендии университетов, фондов, международных образовательных программ, профессиональных корпораций. До поездки они были студентами, выпускниками, аспирантами ведущих вузов Москвы (МГУ, МФТИ, МИФИ, МАРХИ, ВВАТ, Российско-Британского универси-

тата) и классических университетов крупных городов России, а также молодыми специалистами крупных известных фирм и учреждений. За границей они были студентами, получателями степеней магистра и PhD, стажировавшимися и обучавшимися специалистами. Характер организации их поездок и пребывания за рубежом предопределял высокое качество получаемого образования и обучения, что демонстрирует даже неполный перечень организаций, осуществлявших обучение: в США — государственные университеты отдельных штатов, школа авангардной архитектуры Лос-Анджелеса (работающая на основе приглашения ведущих мировых архитекторов), во Франции — Сорбона, Высшая школа социальных наук при Доме наук о человеке, университет Гренобля (ведущий в области математики), в Германии — ведущая клиника репродуктивной генетики при университете в Бонне, университет в Марбурге, а также Европейский Дом переводчика, отделение транснациональной компании «Шлюмберже» и пр.

Попытки анализа профессиональных карьер в традиционных показателях социологии труда (зависимости от отраслевой принадлежности опрошенных, пола, уровня квалификации, групповой принадлежности — студенты, выпускники вузов, молодые специалисты) не давали результата. Анализ наиболее общей конфигурации траекторий выявил, что карьера у информанта формируется в зависимости от того, каким человеческим капиталом он обладает и насколько его квалификации, специализации, знания, умения, дополнительные навыки встречают или не встречают спрос на рынке труда (адекватную «ячейку приема»). Столкновение спроса и предложения главенствует в карьере независимо от того, используются или не используются специализация обучения (базового на родине и/или полученного за рубежом), обретенные дополнительно знания и навыки, достигнутая квалификация. Именно эти факторы «работают», и именно такой подход к анализу карьерных траекторий оказался продуктивным, позволил выделить несколько типов их развития.

Восходящие карьеры обнаруживаются в тех случаях, когда происходит использование полученных знаний, специализации, за которыми информанты уезжали за рубеж; полученное зарубежное образование служит средством продвижения на трудовом пути. Примечательно, что у этой категории молодежи приобретенные на Западе, не имевшие аналогов в России профессиональные знания и умения, находят прямое применение на родине.

Пример: Наташа, молодой медик прошла годичную стажировку в одной из ведущих клиник Германии в области генетики. Вернувшись, благодаря полученным новейшим знаниям, была принята в ведущую медицинскую организацию в этой области (в Академии медицинских наук), одновременно приглашена на работу в частную клинику, подготовила кандидатскую диссертацию. Здесь главным карьерообразующим моментом служит соединение приобретенного новейшего опыта и соответствующей профессиональной ячейки.

«Нишеобразующие» карьеры. Передовые узкоспециализированные знания и опыт, приобретаемые во время обучения на Западе, только на первый взгляд представляются неременной ценностью и приобретением. В реальности они оказываются большим, но сугубо амбивалентным ресурсом. Такой ресурс может работать как капитал и превращаться в безусловную ценность для обладателей, когда обретенные уникальные или редкие знания и умения находят на родине спрос. Вместе с тем, будучи даже самыми прогрессивными и передовыми, у ряда

респондентов полученные знания и квалификации остаются по возвращении во многом неиспользованным резервом. Такие информанты, приобщившись на Западе к специфическому опыту, авангарду соответствующего специальности мирового научного знания и пытаясь на родине строить свой путь в рамках своей специальности, сталкиваются с тем, что их опыт не принимается здесь в структурах образования. Далее, и это главное, он не применим на практике.

Примеры. После обучения в школе авангардной архитектуры в США на родине студент Сергей не может вписаться в МАРХИ в проблематику кафедр, семинаров, руководства дипломом. Далее как молодой архитектор не находит места в проектных организациях или архитектурных мастерских, где бы стали использовать его специфический опыт и знания, соответствующие авангарду специальности. Он устраивается работать в международном архитектурном журнале, позиционирует себя и общается с себе подобными в Интернете, участвует в международных исследовательских архитектурных проектах, выступает как критик архитектуры.

Денис, выпускник философского факультета МГУ, после обучения в Париже защищает диплом DEA по социологии. Вернувшись в Москву, работает преподавателем философии и социологии в ведущих технических вузах (диплом DEA никак не отражается в квалификационной сетке оплаты труда). В качестве дополнительной занятости периодически делает переводы теоретических трудов и работает как синхронный переводчик высокого уровня. Он подготовил диссертацию по социологии, но не смог ее защитить, так как опирается не на здешние школы и авторитеты, а на иную, здесь еще не воспринятую систему идей, стилей, методов.

Полученное за границей узкопрофессиональное передовое образование оказывается слабо рентабельным как для самого человека, так и для российского общества, поскольку в нем еще не вызрели соответствующие структуры приема. И тогда наличие подобного опыта выталкивает его обладателей за рамки традиционных мест в своей сфере деятельности или этот опыт используется лишь дополнительно к основной занятости.

Карьеры на основании конверсии. Есть карьеры, когда полученное базовое образование в России и приобретенные на Западе профессиональные знания не используются. Это траектории, в ходе которых происходит конверсия всего комплекса дополнительно полученных знаний — овладения иностранным языком и деловой культурой, изучения культуры страны, практики приобщения к нормам и институтам — в новую профессию и карьеру. Большая часть опрошенных нами приезжающих после обучения за рубежом устраиваются на работу в иностранные компании или в сфере бизнеса. Особая роль здесь принадлежит иностранному языку, овладение которым становится важнейшим фактором их трудоустройства, выполнения профессиональных обязанностей, продвижения в карьере.

Ряд траекторий (физика, математика, инженер) демонстрируют, что то обучение, за которым непосредственно респонденты ездили за границу, на родине предлагается использовать в том сегменте (наука или инженерные специальности), который не дает достойной оценки этой квалификации, предлагает слишком низкую оплату труда и потому не выдерживает никакой конкуренции с альтернативным карьерным предложением, идущим со стороны бизнеса и пред-

полагающим использование знаний английского языка и всего обретенного прикладного опыта. Профессиональная выучка, специализация оказываются незадействованными и у большинства гуманитариев, которые по возвращении на родину свои узко специальные знания не используют, а реализуют в международных организациях и компаниях полученную общегуманитарную подготовку и уникальные знания иностранного языка.

Узловые характеристики траекторий ряда таких информантов. Настя, филолог (выпускница МГУ), посещавшая Дом переводчика в Испании и собиравшая материал для кандидатской диссертации об испанском писателе, по возвращении поступает работать сотрудником в Посольство Испании в Москве. Дарья, будучи студенткой факультета иностранных языков педагогического университета Саратова, обучается в США по специальности «Преподавание английского языка», завершает на родине высшее образование и попадает на работу в агентство по образованию за рубежом, вскоре переходит на позицию менеджера по развитию в некоммерческую американскую организацию. Екатерина, юрист по российскому образованию, проходит в США обучение на степень магистра на общегуманитарном факультете по специальности «Архитектура и история искусств», на родине устраивается на работу в итальянскую кампанию «Индезит». Юлия, по специальности в российском дипломе «Преподаватель английского языка», обучается в США по программе магистра (культурология и искусствознание), в Москве начинает работать административным ассистентом в американском благотворительном фонде, затем — координатором программ в международной программе стипендий Фонда Форда. Егор, «американист» по российскому образованию (университет в Чите), обучается в США по специальности «страноведение», после года работы у себя дома по специальности на кафедре университета устраивается в Москве на работу в Британский Совет, затем — ассистентом программы в Фонд Форда.

Та компонента человеческого капитала, которая накапливается по самому факту пребывания за границей (прохождения через формальные институты и освоения культуры, норм, форм общения), в сочетании с владением иностранным языком, конвертируется на родине в преимущества при трудоустройстве, более высокооплачиваемую работу, ускоренный профессиональный рост. Большинство как гуманитариев, так и представителей технических специальностей, опрошенных нами, независимо от того, какой была полученная ими профессиональная подготовка за рубежом, по возвращении на родину успешно устраиваются прежде всего в иностранных компаниях и в международном бизнесе. Этот факт — самый явный, самый очевидный эффект получения образования за рубежом в рассмотренных нами случаях.

Галина, возможно, теперь уместен вопрос о содержании и основных выводах Вашей докторской диссертации?

Тема моей диссертации — «Формирование образовательных и профессиональных траекторий молодежи: внешние регуляторы и действия субъектов» — связана с тем, что несбалансированность в развитии общественных подсистем, с одной стороны, и социальная дифференциация общественного поведения молодежи в ходе освоения образовательных и профессиональных ресурсов, с другой стороны, обуславливают неуравновешенность процессов перехода в сфере

образования и труда от фазы подростковости к состоянию взрослости и как следствие высокую вероятность возникновения рассогласованностей при формировании образовательных и профессиональных траекторий. На эмпирическом материале комплексно исследовалось формирование образовательных и профессиональных траекторий молодежи России на протяжении 1990-х — 2000-х гг., происходившее под воздействием развития системы образования, рынка труда, демографической ситуации и в результате действий самих субъектов по накоплению образовательного капитала и обретению социально-профессиональных позиций в ходе трудовой деятельности. То есть, анализировалось, как внешние регуляторы, их взаимоотношения и автономность развития определяют те возможности, условия и ограничения, в рамках которых разные группы молодежи (в период от 15 до 30 лет) реализуют свои потребности в получении общего, профессионального и дополнительного образования и его конверсии в профессиональные позиции на начальном этапе трудовой карьеры.

Применены концепции социологии образования и социологии молодежи в анализе формирования ее траекторий как сложного процесса, осмысливаемого в его обусловленности воздействием социальных подсистем и социальным действием самих субъектов. Осуществлены комплексные методы сбора и анализа информации, представляющей сочетание трех уровней: данных государственной статистики, эмпирических материалов количественных опросов и качественной информации, полученной в результате интервьюирования. Эмпирическую базу исследования составляют материалы следующих проектов: 1) лонгитюдного исследования на протяжении 10 лет (1998—2008 гг.) траекторий выпускников дневных средних школ, средних специальных учебных заведений и профессиональных училищ Новосибирской области; 2) опроса (2009 г.) молодых рабочих промышленных предприятий в 12 регионах России 3) качественного исследования в рамках лонгитюда (2008 г.) и интервьюирования молодежи, получившей образование или обучение за рубежом (2007 г.).

Выявлено усиление воздействия наиболее важных внешних регуляторов формирования образовательных и профессиональных траекторий молодежи.

Прежде всего это касается резких изменений демографической ситуации. Возрастной состав населения страны характеризуется волнообразным строением: чередованием соотносительно многолюдных и малолюдных возрастных когорт. Это порождает существенные колебания важнейших экономических показателей — доли «производителей» и «потребителей», абсолютной и относительной численности молодежи и ее отдельных возрастных групп в трудоспособном населении. Наиболее видимо на судьбах молодых сказывается влияние демографической волны рождений. В последнее двадцатилетие произошла быстрая смена многочисленных когорт молодежи, вступавших в трудовой возраст, на малочисленные. В 1990-е — первую половину 2000-х годов многочисленность претендентов на учебные и рабочие места порождала высокие конкурсы в учебных заведениях, оказывала давление на рынок труда, повышала показатели безработицы молодежи. Начиная с 2005 года резкий спад численности последовательных возрастных когорт ведет к росту доли поступающих в вузы из числа сверстников, повышает долю тех, кто может выбрать профессии высокой квалификации, редкие специальности и соответственно уменьшает возможности их использования в ряде массовых производств, занятий. Эти малочисленные

поколения к 2030 г. составят основу трудоспособного населения и будут обременены высокими трансфертными обязательствами. Чтобы адекватно ответить на такой вызов необходимо, чтобы у этого поколения принципиально повысился образовательный и социальный капитал и эффективность его использования.

В 1990-е — 2000-е гг. происходила более интенсивная, чем во всем занятом населении, реструктуризация занятости молодежи, предопределявшаяся быстрыми трансформационными процессами российской экономики, а также динамикой глобального контекста новых тенденций в развитии рынка труда. Существенно снизился уровень занятости молодежи, особенно в младшей и средней возрастных группах. Реструктуризация занятости молодежи шла более интенсивно, чем во всем занятом населении. Кардинально изменились векторы отличий отраслевой занятость молодежи от таковых основного работающего населения. В результате произошла коренная перемена в использовании трудового потенциала молодых поколений. В позднесоветский период за счет трудовых ресурсов молодежи в большой мере обеспечивались потребности экономики в наиболее дефицитных и массовых кадрах в сфере материального производства, секторах малоквалифицированного труда. Сегодня сложившиеся отличия отраслевой, профессионально-квалификационной, нестандартной занятости молодежи от таковых у всех занятых стали в большей мере отвечать тенденциям современных структурных перемен, современным трендам развития постиндустриальной экономики.

Произошли перемены в как минимум двояком воздействии структуры и динамики развития системы образования на траектории молодежи: при выполнении ею функции социализации, подготовки к труду и функции социального воспроизводства. Изменения в структуре и установлениях системы образования, готовящей молодежь к труду, в определенной мере были реакцией на новые запросы рынка труда и общества, а также, в большой мере, ответом на давление изменившегося потребительского спроса молодежи и проявления избирательности ее поведения. Одновременно система образования стала отвечать на запросы по-новому, гораздо более полярно, чем прежде, социально дифференцированных потребителей. Происходившая, начиная с 1990-х годов, дифференциация и диверсификация средней школы включала не только педагогическую, но и социальную составляющую, что привело к существенному усилению к рубежу XXI века социального структурирования элементов школьной системы. Сформировалась по меньшей мере трехслойная система учебных учреждений (классов) среднего образования: 1) элитные гимназии, лицеи и спецшколы, 2) школы с отдельными привилегиями в образовании, 3) массовые общеобразовательные школы, обеспечивающие образовательный стандарт.

Важной составляющей формирования траекторий молодежи стали особенности взаимоотношения в новых условиях запросов рынка труда, спроса на образование потребителей и ответа со стороны рынка образовательных услуг. Развертывание рыночных отношений породило потребность в работнике с человеческим капиталом, который бы легко и быстро конвертировался в разнообразные трудовые навыки и умения, востребуемые новой экономикой. Рынок труда быстро выявил лучшие конкурентные возможности тех, кто получил социализацию в системе высшего образования, возник сигнал рынка о «прибавке» к зарплате от вузовского диплома. В ответ на давление потребительского спроса на

подготовку в высшей школе и благодаря относительной автономизации развития системы образования сложилось массовое высшее образование. При этом наряду с многочисленными новыми прогрессивными образовательными структурами сложился сектор образования сниженного, низкого качества и даже «псевдообразования». Такие структуры отвечают на характер части запроса в отношении качества образования реальной экономики, в частности сектора обслуживания в расширенном его понимании. Кроме того они поддерживались специфическим социо-культурным потребителем — пришедшими в первом поколении на рынок высшего образования, выходцами из нижних и отчасти средних слоев населения. В результате сложилась социальная иерархия вузов; предлагается ее схема.

В промежуточном положении системы образования (между структурой объективных потребностей общества в кадрах по профессиям и структурой субъективных профессиональных склонностей молодежи) произошел сдвиг системы образования в сторону большего удовлетворения личных ориентаций потребителей. Это перенесло основную конфликтность ситуации выбора с этапа перехода между школой и системой профессионального образования к периоду перехода между системой профессионального образования и рынком труда. Несоответствия ориентаций объективным потребностям теперь реализуется в виде конфликта между структурой уже полученных в ходе обучения квалификаций и специальностей и структурой реального спроса сегодняшнего рынка труда, который одновременно подпитывается воздействием неизбежной динамики такого спроса.

На примере разных групп молодежи исследовано, как различия в стартовом образовательном и социальном капитале, предварительной профессиональной подготовке воздействуют на дальнейшие инвестиции в образование и обучение, на обретаемые и изменяемые социально-профессиональные и квалификационные позиции. Выявлено ряд закономерностей и взаимосвязей. Инерционность воздействия на последовательные позиции траекторий различий в базовом школьном образовании и типе оконченного среднего учебного заведения. Тесная взаимосвязь между интенсивностью и формами обращения на протяжении трудовой деятельности к формальному и неформальному образованию и занимаемыми/изменяемыми социально-профессиональными позициями, уровнями квалификации у рабочих. Усиливающееся по ходу траектории воздействие на нее совокупности стартовых и обретаемых образовательно-профессиональных ресурсов; что демонстрируют как «сильные», так и «слабые» с точки зрения ресурсообеспеченности группы.

Выстраивание профессиональных траекторий определяется рядом факторов.

Развитие профессиональных траекторий тесно связано со стимулами и ценностями, которые обнаруживаются у молодежи при получении образования и обучения по ходу трудового пути. Молодые люди, возвращающиеся в систему формального образования и обращающиеся к дополнительному обучению, реализуют преимущественно свою потребность в инструментальной ценности образования (легитимации права на занимаемую или искомую позиции). Наличие стимулов и антистимулов к продолжению образования и дополнительному обучению тесно связано с латентными установками в отношении образования,

сформированными у молодежи на стартовом этапе — при окончании разных типов средних учебных заведений: высоких у бывших выпускников средних школ и низких — у окончивших ПУ совместно со средним образованием.

Основными способами выстраивания траекторий становятся использование или конверсия первоначальной профессиональной подготовки. Траектории ее успешного применения обнаруживаются преимущественно в секторах, обслуживающих рыночные инфраструктуры, в успешно развивавшихся производствах, в занятиях универсального применения. Массовыми являются траектории, в которых происходит смена специальности обучения и ее конверсия в соответствии с актуальными запросами рынка труда. Практика конверсии первоначальной подготовки, полученной в вузах и в ССУЗах, оказывается различной. Обретаемые в высшей школе компетенции и опыт социализации позволяют выпускникам (при необходимости конверсии наличных ресурсов) как правило получать социально-профессиональные позиции, соответствующие уровню их квалификации. Выпускники ССУЗов оказываются в этом отношении в большем проигрыше, а часть их деквалифицируется.

Важной составляющей формирования траекторий становится складывающееся соотношение накопленных образовательно-профессиональных ресурсов и спроса на рынке труда. Использование накопленного редкого ресурса (образования или обучения, полученного за рубежом в результате предварительных побед в конкурсах или отбора кандидатов) тесно связано с наличием/отсутствием актуального спроса рынка труда на полученную подготовку. Это ведет к формированию как минимум трех типов карьер. С одной стороны, складываются «восходящие» карьеры, они обнаруживают исключительную эффективность высококвалифицированной подготовки при условии востребованности рынком труда обретенной специальности, с другой стороны — при трудоустройстве не по полученной специальности — «конверсионные» карьеры демонстрируют потенциал культурных мега-ресурсов, воплощение которых оборачивается обретением привлекательных, высокооплачиваемых рабочих мест, профессиональным ростом. Промежуточный тип карьеры — «нишеобразные» формируются при невостребованности полученной подготовки на массовых рабочих местах соответствующих специализаций и она используется в их маргинальных секторах.

Взаимосвязь образовательных и профессиональных траекторий молодых рабочих вскрывает противоречие в формировании рабочих кадров. Большой объем совместных ресурсов (уровень школьного багажа и обращение к различным формам обучения по ходу трудового стажа) предопределяет большой рост уровня квалификации и размера зарплаты; одновременно он ведет часть молодых рабочих к «транзитным» карьерам главным образом в производственном секторе. Напротив, меньший совместный образовательно-квалификационный капитал становится фактором большей стабильности в рабочей профессии.

Очень мощная, фундированная позиция; работа именно — социологическая. Вы совсем недавно защитили докторскую диссертацию, наверное, помните и критические замечания. В чем они состояли, что Вы отвечали вашим оппонентам?

Вопрос очень неожиданный. С одной стороны, я помню критические замечания и то, как я на них отвечала. С другой, во мне нет того «завода», который был в момент защиты, и нет того куража, который необходим в дискуссии. Поэтому я решила привести полностью текст замечаний оппонентов и мои ответы, в том виде, как они вошли в стенограмму защиты.

В работе изучается воздействие на формирование траекторий молодежи таких внешних регуляторов как институт образования, рынок труда и занятость, демографические процессы. Чем обусловлено выделение именно этих факторов из совокупности более общих, обусловленных уровнем развития производства, экономики, политической организации общества, характером социальных отношений, социальной мобильности и рядом других факторов?

В постановке и осуществлении исследования я шла от социальных фактов, от того, что происходит в социальной действительности. Можно много рассуждать о том, как на формирование траекторий влияют развитие экономики, политики, науки и культуры. Но как их измерить и на такой основе проанализировать? Я как исследователь могла опираться на то, что можно измерить и проанализировать на базе статистики и эмпирических данных. В определенных социально-политических, экономических и прочих условиях развития общества на старт молодежи воздействуют прежде всего со стороны внешних регуляторов демографическая ситуация, состояния рынка труда и занятости, структуры и институций системы образования. Воздействие этих регуляторов постоянно присутствует в аналитических объяснениях процессов образования и труда молодежи в проводившихся ранее исследованиях. Но еще не предпринималось специального и взаимосвязанного их изучения, что и предпринято в работе.

В диссертации исследуются жизненные траектории молодежи в рамках протяженного по времени жизненного цикла, в рамках которого происходят принципиальные (этапные) изменения в процессах ее самоопределения. В этой связи следовало четче выделить эти этапы, тем более, что автор в своем исследовании неизбежно охватывает разные ступени общего и профессионального образования, дополнительного обучения, фиксирует вехи выхода на рынок труда, смены позиций на этом рынке и т. д. Такое выделение позволило бы реализовать эвристические возможности более глубокой интеграции парадигм социологии образования и социологии молодежи.

Выделение этапов в самоопределении молодежи на мой взгляд было бы необходимо, если бы целью исследования было представление картины типов и моделей траекторий, которые дифференцированы у разных групп молодежи, получающей разные уровни образования, получающей рабочие места специалистов, служащих, рабочих и т.д. Но меня интересовало выявление общих для всех групп закономерностей и зависимостей накопления образовательных ресурсов и их конвертирования в профессиональные и квалификационные позиции от стартовых образовательных и социальных ресурсов, от совокупности их аккумуляции по ходу трудового пути, выявление основных факторов выстраивания

самой молодежью своих траекторий. На этом пути характеристика большой вариативности типов траекторий и этапов не добавляла познавательных возможностей анализу.

Анализируя формирование иерархии высших учебных заведений, автор в качестве одного из факторов появления и сохранения сегмента вузов со сниженным и низким качеством образования называет ответ системы на структуру реального спроса экономики и общества по большому спектру рабочих мест. Но вопрос о том, как сложившаяся структура качества образования соотносится с объективным запросом общества и экономики на формирование высокоинтеллектуальных сфер экономики страны, остается за пределами авторского интереса. Выявление этого соотношения имеет принципиальное значение, в том числе для оптимизации траекторий современной молодежи.

Сохранение сложившегося сегмента вузов со сниженным и низким качеством образования я объясняю в частности тем, что таков до сих пор остается характер части запроса в отношении качества образования реальной экономики: частный сектор в том его большом сегменте, который касается сферы обслуживания в широком его понимании, использует главным образом получаемую социализацию и общие социальные компетенции выпускников вузов и нейтрален к качеству их подготовки, а в бюджетных сферах деятельности кадровый дефицит оборачивался снижением требований к качеству заполняющих вакансии. Симптоматично, что в своих интервью многие респонденты прямо говорят о потребности в «корочках», а не о качестве полученного образования. То есть я анализировала реальную ситуацию, а не соответствие ее объективным запросам общества и экономики.

На обсуждение вынесен результат исследования базовых подходов к изучению траекторий на основе эмпирических данных. Но не хватает ценностной картины. Как можно говорить о действиях субъектов, если не обращаться к ценностным ориентациям, к смыслам и еще многим внутренним характеристикам действий субъекта? (Замечу, недостаточное внимание к анализу субъективных характеристик, в частности отношения молодежи к образованию — было отмечено в ряде отзывов).

Моя задача состояла в том, чтобы показать, как воздействие внешних регуляторов сопряжено и соотносится с результатами деятельности субъектов, с теми решениями и поступками, которые совершает молодежь, получая образование, накапливая его в дальнейшем. Конечно, в этом реальном поведении сказывается весь комплекс субъектности молодежи. Я сосредоточила свое внимание на реальном поведении молодежи потому, что 80% исследований молодежи — это изучение ее установок, ценностей, планов, ориентаций. А то, что реально происходит, исследуется гораздо реже. Я вышла на анализ ценностей, когда стала изучать на основе качественных эмпирических исследований, как молодые люди сами выстраивают свои траектории, почему они обращаются к формальному и дополнительному образованию по ходу трудовой деятельности. Вот тогда одним из выявленных факторов оказались те конкретные ценности, которые они обнаруживают по ходу трудового пути. И оказалось, что практически все они говорят о том, что нужно получить просто «корочки». То есть их интересует только

инструментальная ценность образования. Терминальная ценность образования была выявлена только у небольшой группы молодежи, которая получила высшее образование высокого качества, накопила большой объем образовательных ресурсов.

Специально разрабатывать проблематику субъективных характеристик формирования траекторий молодежи в диссертации я не стала еще и по организационным резонам. В нашем исследовательском коллективе при разработке материалов тех проектов, которые я использовала в работе, изучением субъективной проблематики занимается моя коллега. Я решила не создавать не нужной конкуренции в нашей совместной коллективной работе.

Какого рода имеющиеся и возможные неравенства на пути формирования различных, специфичных для разных групп молодежи траекторий и поддерживающие их социо-структурные процессы должны быть сохранены, нивелированы или устранены с целью гармонизации интересов и потребностей общества и молодежи? (из отзыва на автореферат)

Прежде всего, я не разделяю подобного технократического подхода и столь детерминистской постановки вопроса о сложнейшей мировоззренческой проблеме социального неравенства. Мы знаем, к каким противоречивым и в большой степени негативным последствиям вела историческая социальная практика устранения социальных различий в обществе. Она показала, что их существование не только неизбежно, но и во многом необходимо для его органичного функционирования. Речь должна идти в применении к рассматриваемой проблематике о смягчении социальных неравенств, препятствующих реализации способностей, раскрытию потенциала молодежи. И в работе уделяется много внимания социокультурной дифференциации в шансах доступа индивидов и групп к образованию разных уровней подготовки и качества, а также предложению путей преодоления сниженных возможностей представителей ущемленных социальных слоев и групп.

Проводимая в последнее десятилетие модернизация образования не может не проявиться в образовательных стратегиях молодых людей. Поэтому следовало бы подробнее проанализировать влияние последствий реформирования образования на формирование жизненного старта современной молодежи.

Я исхожу из того, что объявленные программы модернизации, реформирования системы образования, педагогическая и, организационная практика их осуществления, перемены установлений и порядков — это одно, а их социальные последствия, социальный характер воздействия этой реализации — это совершенно другое. Результаты могут и часто расходятся с декларируемыми принципами, они оказываются проявлением не учитываемых сообществом теоретиков и практиков народного образования сопутствующих социальных процессов. Так, приветствуемая плюрализация и децентрализация школьного образования, адаптивность системы к учету способностей, поощрению одаренных, развитию талантов вылились в разнообразие обучения, которое неизбежно приобрело характер социальной дифференциации учебных заведений. Большая самостоятельность деятельности, данная вузам ради более быстрого и адекватного ответа на спрос по востребуемым специальностям, выплилась в возникновение наряду с прогрес-

сивными институтами и программами в появление сектора вузов сниженного и низкого качества. Именно таким социальным последствиям реформирования и модернизации системы образования уделялось внимание в работе. Разумеется, не все они были проанализированы. Это открывает путь дальнейшего изучения.

Лонгитюдные исследования не позволяют оперативно отслеживать современные изменения в образовательном пространстве и на рынке труда, без учета которых анализ формирования образовательных и профессиональных траекторий оказывается не полным. Видимо, автору следовало бы восполнить недостаток необходимой информации, опираясь на вторичный анализ опубликованных результатов исследований данных тенденций.

Дело в том, что достоинства и уникальность лонгитюдной информации в одном отношении неизбежно сопровождается недостатками в другом. Но я сопровождала этот анализ доступными современными данными государственной статистики. А привлекать современные результаты исследований данных тенденций не представлялось возможным, поскольку даже такое крупное исследование, как мониторинг траекторий выпускников дневных средних школ и вузов, было запущено НИИ ВШЭ в 2009 г. и до сих пор представило только результаты изучения субъективного аспекта изучаемых процессов.

Недостаточное место в исследовании уделено проблемам получения и использования молодежью высшего образования — этого важнейшего ресурса профессиональной деятельности и социального развития молодежи.

Это было сделано в работе намеренно. В пространстве социологических исследований образования молодежи изучению разнообразных проблем высшего образования посвящается преобладающая часть работ. Моя исследовательская стратегия состоит в том, чтобы широко представить массовые группы молодого поколения. Эмпирические материалы позволили анализировать траектории практически всей возрастной когорты: молодежи, окончившей дневную среднюю школу, окончивших ССУЗы и профучилища со средним образованием, в которые молодежь поступала после окончания 9 класса. Дальнейшие пути большей их части были связаны с получением высшего образования и они достаточно полно изучались.

Возникает сомнение в том, насколько необходимо выделять как отдельный социальный феномен то, что автор называет «конверсией профессионального образования». Почему нельзя остаться в рамках известной и достаточно адекватной трактовки в качестве «частичного и/или косвенного использования полученного профессионального образования»?

Проведенное исследование позволяет мне утверждать, что имеет место именно конверсия профессионального образования. Впервые это явление было обнаружено, когда я пыталась выстроить типологии профессиональных карьер людей, получивших образование за рубежом. Оказалось, что часть из них успешно трудоустраивается не по специальности, но на продвинутые рабочие места благодаря не частичному использованию подготовки, а обращению, конверсии всей совокупности имеющихся ресурсов, в том числе мега-ресурсов:

овладения иностранным языком, социального опыта пребывания в стране, практики освоения информационных технологий и пр. Изучение при трудоустройстве не по специальности позиций выпускников вузов и ССУЗов показало различия в характере применения/использования их профессиональной подготовки. Оказалось, что при трудоустройстве не по специальности совокупность культурного капитала, которым наделяет высшая школа, как правило, обменивается на занятие, эквивалентное по уровню квалификации высшему образованию. А подготовка в системе СПО не формирует обособленного от технологической составляющей специализации блока универсальных компетенций, оцениваемых рынком как квалификации работника среднего звена. Я считаю, что этот феномен целесообразно назвать конверсией, поскольку происходит валоризация совокупности накопленных ресурсов.

Определенная часть замечаний касалась того, что в работе не удалось рассмотреть:

- прогностическую сторону воздействия внешних регуляторов на траектории; в рамках каких проблем и теорий видится последующее развитие социологических исследований образовательных и профессиональных траекторий молодежи;
- охарактеризовать черты универсальности и специфичности современной ситуации формирования траекторий в сравнительно-исторической перспективе;
- культурную составляющую диверсификации учебных заведений как фактора социальной мобильности молодежи;
- накопленная база эмпирических данных, включающая результаты международных проектов, в которых автор участвовала под руководством В. Н. Шубкина, позволяют провести сравнительный анализ траекторий молодежи в советский и постсоветский периоды.

Отвечая, я соглашалась с важностью изучения предложенных в данных замечаниях аспектов проблематики. Сожалела, что ограничения объема работы не позволили представить подобную разработку. Выражала намерение учесть эти замечания в дальнейшем развитии своих исследований.

Интервью с Ильей Ефимовичем ШТЕЙНБЕРГОМ

«УЖЕ БЫЛО ТАК СКУЧНО, ЧТО СТАЛО НЕ ТАК СТРАШНО»

Штейнберг И. Е. — окончил факультет психологии Саратовского государственного университета (1977) (2002 г.); MA in sociology (Московская школа социальных и экономических наук и University of Manchester, 1997 г.). кандидат философских наук (1992 г.), преподаватель МВШСЭН, «Школа-студия полевого исследователя Ильи Штейнберга» (ЦСПИ при ИС РАН), психолог-консультант Центра практической психологии «Позитив».

Основные области исследования: методология и методика качественных исследований, неформальная экономика, социальные сети поддержки, аграрная социология, социология общественного здоровья, социология организаций, образовательные технологии подготовки полевых исследователей. Интервью состоялось: ноябрь 2014 г. — январь 2015 г.

Начало февраля 2015 года. Количество проведенных интервью с советскими / российскими социологами приближается к 100. Сто рассказов о жизни: о ранних и юношеских годах, об обучении в школе и получении высшего образования, о путях, которыми люди пришли в социологию. Об учителях, коллегах, об аналитической и преподавательской деятельности.

За десять лет изучения прошлого-настоящего нашей науки накопились множество наблюдений, теоретико-эмпирических выводов, размышлений о том, как проводить интервью с социологами, многие из которых сами являются экспертами и в области общения с респондентами, в биографике. В целом просматривается и несколько направлений продолжения этого историко-научно-исследовательского проекта в опоре на большое число интервью с социологами разных возрастов и разного количества лет, отданных социологии. Старшим из них — за 85 лет, самые молодые лишь недавно отметили свое двадцатилетие.

Одним из итогов анализа жизненных путей социологов стала концепция профессионально-возрастной стратификации советского / российского социологического сообщества, согласно которой оно представимо как совокупность 12-летних поколений. В первые годы проведения интервью в силу многих объективных и субъективных причин моими респондентами были преимущественно социологи первых трех поколений (Таблица 1), это те ученые, годы рождения которых заключены в интервале между 1922 и 1946 годами. Затем в поле анализа стали входить представители IV поколения (1947 – 1958 годы рождения). И лишь в 2013–2014 годах началось изучение следующих трех когорт – V, VI и VII (совокупный интервал рождения социологов этих поколений – 1959 – 1994 годы. Итак, в целом наше исследование включает в себя семь групп (поколений) социологов, старшие из которых родились во второй половине 1920 годов, а младшие – в годы перестройки и в период распада СССР.

Таблица 1

Главные функции первых семи поколений советской / российской социологии

Поколение	Годы рождения представителей поколения	Главная функция
I	1923 – 1934	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	Конец 1920-х – начало 1930-х	Расширение предметного поля исследований
III	1935 – 1946	Развитие эмпирических методов
IV	1947 – 1958	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959 – 1970	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971 – 1982	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983 – 1994	Вхождение в глобальное социологическое сообщество

Каждое поколение формировалось в свое время, и на каждое из них историей страны и историей нашей социологии возложены определенные функции (Таблица 1). Конечно, это не означает, что все представители каждого из поколений в равной мере участвовали в реализации соответствующих функций, но именно эти функции задают «лицо» поколения.

Настоящий материал предваряет интервью с Ильей Ефимовичем Штейнбергом – представителем младшей части IV поколения. Важнейшая цель интервью с Штейнбергом – сохранить информацию о его движении в науку для истории российской социологии, зафиксировать для будущих поколений, как, в каких обстоятельствах работали ученые в прошлом, какого типа задачи им приходилось решать. Но одновременно данное интервью – это шаг в длительном процессе испытания моей методологии анализа исторического поиска.

Как вспоминает Илья в нашей беседе, мы познакомились с ним в 1986 году на 1-ой Всесоюзной конференции по изучению общественного мнения, т.е. около трех десятилетий назад. Для меня они включили 20 лет жизни в Америке, длительный отход от социологии (1994–1999 годы), медленное возвращение

в науку и включение в историко-социологические поиски (2004 год). Все эти годы мы не виделись с Ильей, я не мог регулярно читать опубликованное им. Так что данное интервью — это фактически мое новое знакомство с ним.

Многое, о чем рассказал Штейнберг, знакомо мне по рассказам других социологов и по собственному опыту. Илья родился, социализировался и многие годы работал в Саратове, учился в специализированной физико-математической школе, окончил психологический факультет, защитил кандидатскую диссертацию по философии (работа имела социально-психологическое содержания) и около пяти лет занимался изучением общественного мнения по заданиям партийных органов. На полтора десятилетия раньше в Ленинграде я шел примерно теми же дорогами. Поступив после школы на математико-механический факультет, я уже на первых курсах заинтересовался психологией, несколько лет помогал психологам в математической обработке их измерений и после завершения математического образования защитил кандидатскую диссертацию по психологии. С конца 1960-х до начала 1980-х участвовал в опросах общественного мнения ленинградцев, заказчиком которых было партийное руководство города. Направление научной и педагогической деятельности, которой Илья занимается последние четверть века в Москве, мне в целом тоже знакомо.

Таким образом, достаточно отчетливое понимание того, что делалось и делается сейчас Штейнбергом, первичный анализ его творческой биографии позволяют утверждать, что генеральными линиями его научной деятельности является сохранение достигнутого и стремление к разработке и испытанию новых количественно-качественных способов получения данных.

Кроме того, Илья Штейнберг является уникальным исследователем, он — социолог, полстер и психолог, он — методолог и прикладник, он — аналитик и консультант в области сложнейших социальных проблем личности, он — автор собственных образовательных технологий. И все это не разрозненно, а едино, дополняет друг друга.

Штейнберг И. Е. : «Уже было так скучно, что стало не так страшно»

Илья, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, мои интервью с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем сразу открывают очень интересные личностные миры и историко-культурные миры...

Достаточно распространены еврейские фамилии Штейн и Берг, а также, скажем, производные от них, типа: Бронштейн и Итенберг. А что Вы знаете о происхождении своей фамилии — Штейнберг? И насколько Вы знакомы с прошлым родительской семьи?

Происхождение фамилии своей точно не знаю, но есть версия, что она связана с местом в 120 км от Берлина, которое так и называется. Возможно, мои предки пришли оттуда, т. к. будучи в Германии, мне неоднократно намекали, что моя физиономия схожа с типом лиц из тех земель, я, правда, так не считаю.

Но это вполне вероятно, т.к. свои фамилии иудеи часто получали по месту жительства, занятию и т. п., а также могли купить. Кто побогаче, тот мог стать Зильберштейном или даже Голдштейном или Голдбергом. Видно, мои предки были нищebroды или не были озабочены темой бренда. Вот так вместо «серебра и золота» — просто камень. Более подробно мне сказать нечего.

Репрессии 30-х унесли деда, даже фото его нет. Знаю, что жили они в местечке под Житомиром.

Материнская линия — это фамилия Шапиро. Это были известные литваки из Вильнюса, даже дом знаю, где они жили в двух кварталах от вокзала. Практически их всех фашисты убили там в начале войны. Дед был кадровым офицером и погиб в первые дни войны под Брестом. Брат матери, командир противотанкового орудия, погиб в 43-м при отражении танковой атаки под Могилевом.

Конечно, сохранились фото, рассказы матери, были попытки создать «историю семьи», но увы, семейный архив в годы войны был утрачен во время эвакуации в Саратов. Там жил брат бабушки профессор СГУ Павел Абрамович Вундер. Ему удалось поселить свою сестру с дочерью в общежитии для научных сотрудников университета. На тот момент там проживала профессура эвакуированная из блокадного Ленинграда, а поскольку война отняла у них детей и внуков, то они часто зазывали меня к себе, кормили меня и разговаривали со мною, учили языкам и еще чему-то, не помню, к сожалению. Это были мои первые учителя, т.к. отец с мамой были заняты с утра до ночи на оборонном предприятии.

Кстати, один из них, проф. Шехтер, зав. кафедрой теоретической физики, мне в пять лет предрек, что я буду заниматься методами. Он любил детям задавать «вопросы на изумление». Например, ты видишь, что земля плоская, а она круглая.... и т. п.

По рассказу мамы, он как-то встретил ее в коридоре общежития и напугал ее, сказав, что «странный у вас мальчик, первый раз такое встречаю, чтобы ребенок в ответ на сообщение, что земля круглая, а не плоская, не очень удивился, а спросил: «а как узнали?», наверно, методами будет заниматься со смехом сказал он маме. Так и вышло.

В плане рефлексии, когда думаю на тему, почему занимаюсь, тем, чем занимаюсь, всегда возвращаюсь к этому эпизоду. Вероятно, в профессиональном плане я продукт ленинградской профессуры. Я их уже смутно помню, мне было 6 лет, когда мы уехали из общежития, но родители мне говорили, что я повторяю их фразы и подражаю манере речи, задаю «не свои вопросы», но чьи это вопросы, вспомнить не могу.

Я не понял, до войны Ваши родители жили в Вильнюсе? Вы – человек публичный, в Интернете сказано – родился в 1955 году. Почему родители остались жить в Саратове?... и продолжали жить в общежитии?

В Вильнюсе жила родня по материнской линии. Мама родилась в Харькове, куда ее отец, военврач, переехал по службе. Отец родился на Украине. Родители познакомились и поженились в Саратове, куда мама была эвакуирована с бабушкой, а военная часть, где служил отец (он в 44 был призван и в звании старшины демобилизован в 54 г.) была переведена в Саратов с Дальнего Востока.

Вернуться было некуда. Квартиру в Харькове, на Сумской ул., заняли переселенцы, отец в войну родственников потерял, нашлись только после войны в Днепропетровске. Они поступили в саратовский электромеханический техникум, а по окончании, получили распределение на оборонное предприятие, от которого получили жилье в коммуналке через 6 лет после начала работы и с общежития съехали.

Я почему спросил? Саратов в военное и послевоенное время играл важную роль в жизни страны... какие у вас сохранились воспоминания о школьных годах? Как шла учеба? Что особенно интересовало?

О начальной школе воспоминания смутные. Учеба шла без проблем, особенно был успешен в гуманитарных дисциплинах. Но мама хотела, чтобы я учился «в хорошей школе с хорошими детьми» и толкала меня в физико-математическую школу №13, известную уникальным подбором преподавателей, особой творческой атмосферой, талантливыми учениками и успехами выпускников. Ее желание окрепло, когда я стал заниматься спортом, записался в секцию бокса, чтобы бить тех, кому не нравилась моя фамилия. Помню, как ощупывая мое побитое на тренировках лицо и слушая мои восторженные восклицания по поводу своей растущей компетентности и о моих кумирах в боксе, она заметила: «Я была бы рада, если бы ты был поближе не к тем, кто сильнее тебя, к тем, кто умнее».

Вот так, с восьмого класса, я попал в среду, где больше половины моих товарищей по учебе были явно умнее меня в математике, физике и химии. Хотя я легко прошел вступительное собеседование и тест на IQ, но там мне стало очевидно, что Лобачевского и Ландау из меня не выйдет.

Помню, как скрепя и дымясь, своими, как выяснилось, «гуманитарными мозгами», решил задачку из учебника, по которому учатся на втором курсе мехмата (такая была там программа в 10-м классе) и был неизъяснимо горд собой, а вместо этого получил горькую отповедь от знаменитой Веры Петровны: «Штейнберг, посмотри, как некрасиво твое решение, как ты долго возился для того, чтобы вот это вот мне показать?! Посмотри, как можно это сделать и сделали Вася, Коля и проч. Иди, работай дальше».

Такие вещи она говорила мне потом еще не редко, но и еще что-то, я не могу вспомнить, после чего у меня не было чувства зависти или злости, а какая-то странная радость и восхищение тем, что кто-то это может и он рядом с тобою.

Укреплял я свою разрушенную самооценку тем, что непрерывно выигрывал призовые места на городских олимпиадах по биологии и истории, а также отстаивал честь школы на соревнованиях по стрельбе (занимался в спортшколе снайперов «Спартак», выполнил норматив кмс), чем, хоть как-то, себя реабилитировал в глазах одноклассников, которым эти дисциплины были скучны, а в спорте достижений таких было немного.

Благо, что учителем по биологии был опальный ученый, «генетик-морганист», изгнанный из университета и так в него не вернувшейся, Рамзаев Федор Сергеевич. Ему я многим обязан в плане «автономности мышления» и интересом к биологии и медицине. Впрочем, как и всем учителям этой удивительной школы, которые были незаурядные личности и приучили меня к дисциплине мысли, логике математического аппарата, склонности к критико-аналитическому мышлению, «отсутствию страха перед формулами и техникой», а также наивной вере, что «большинство проблем можно продавить мощью интеллекта».

И, как мне сейчас кажется, сформировали привычку стремиться быть поближе к людям, которые умнее меня, искренне радоваться этой возможности и постараться чем-то заслужить их уважение. Мне эта привычка, впоследствии, очень пригодилась.

Похоже, к окончанию школы Вы испытывали проблемы с выбором направления дальнейшего обучения: успехи в биологии и истории, навыки критико-аналитического мышления (для Вас замечу — область особого, многолетнего интереса Джорджа Гэллапа, он ведь по образованию, прекрасному для того времени, был психологом)... и какое Вы решение приняли? Почему именно такое?

Это так. Я учился в физическом классе (всего выпускных классов было 10; 4 —физических, 5 —математических и один химический). Соответственно выбор был предопределен. «Физики» шли поступать в университеты или политехи, математики на мехмат, химики на хим. фак или в мед.институты. Иной выбор не приветствовался и считался «образовательным браком». Больше половины моего класса без проблем поступили на учебу в МГУ, Бауманку и т. п. Такому «бракованному» маргиналу как я, единственным приемлемым выбором оставался мединститут, где была биология и химия. Тем более, дед был военврачом, я назван в его честь и считал правильным продолжить его дело.

Вероятно, так оно бы и было, если бы не мой странный интерес не к самим научным открытиям, а к их открывателям, их способу мышления, который позволяет найти способы увидеть и понять то, что другие не могут даже представить. Я перечитывал доступные мне книги с описанием биографии открывателей,

причем, только те места, где им в голову пришла эта идея, силясь понять, как это возможно. Помню, как удивил класс и учителя, детальным анализом того, каким образом Копернику пришла в голову мысль об гелиоцентричной картине мира и как он это доказал.

Важным фактором для выбора было мое увлечение научной фантастикой (как раз тогда выходила «библиотека научной фантастики» и мои родители были счастливыми обладателями «подписки»). Среди любимых мной повестей и рассказов из этой серии был один, где главный герой назывался «психологом» и своим пониманием устройства барьеров человеческого мышления помог физикам преодолеть их неверие в возможность антигравитации и построить аппарат.

А тут открывается новое отделение психологии при биофаке университета. Вступительными экзаменами были математика, биология и история. Все сошлось. Конкурс был, как в театральный институт, устная математика была могучим фильтром, где оседала основная масса абитуриентов, т.к. на устном экзамене по математике «завалить» можно было кого угодно. Меня отпустили с миром и «5», помучив полчаса, после того, как выяснили, где я учился и у кого (может быть сказалось то, что один из экзаменаторов оказался выпускником «тринашки»).

В 1973 году в СГУ, как я сейчас понимаю, реальных ресурсов для открытия отделения было недостаточно: ни научной школы, ни кадров, ни традиций, ни практики. До «прекрасного психологического образования» Гэллапа было, как до звезд. Поэтому первые три курса лекции читали профессора биофака (физиология и анатомия высшей нервной деятельности) и преподаватели мединститута, где мы занимались в анатомическом театре и прослушали полные курсы патопсихологии и краткий по психиатрии. Я проходил практику в психиатрическом отделении 2-й горбольницы у проф. Гамбурга. Лекции по психологии, по сравнению, с фундаментальными дисциплинами биологии и медицины, меня не впечатляли, кроме, может быть, экспериментальной психологии, где работали бывшие физики — энтузиасты этого дела.

Помог случай, моим руководителем курсовой стал Н. В. Крогиус, представитель ленинградской школы психологии, международный гроссмейстер, тренировавший Спасского в матче с Фишером, впоследствии Председатель шахматной ассоциации СССР. Я помогал ему в его работе над докторской, выполняя несложную техническую работу по теме «конфликты в шахматах». Он отчего-то считал, что психологии больше всего в рекламе. Этому невозможно было поверить, т.к. советская реклама «Летайте самолетами Аэрофлота и «храните деньги в сберкассе» к психологии, на мой взгляд, не имела отношения. Но он был «выездным», видел другую рекламу и привозил из-за бугра их журналы (Лайф и др.), где я пытался переводить слоганы и тексты, изучал композиции. Николай Владимирович помогал мне с литературой по психологии рекламы и даже устроил мне «рекламную практику» по расчету величины шрифта и его расположения, цвета и проч. на билборде Дворца спорта, оповещающем о хоккейном турнире. Суть задачи в том, чтобы текст можно было легко прочесть пассажирам проезжающего мимо Дворца трамвая. Апофеозом моей рекламной практики было 2-е место на всесоюзном конкурсе студенческих работ и премия в размере стипендии.

Его я считаю, своим учителем в психологии, т.к. при его занятости, он почему то , много времени мне уделял, приглашал домой, пытался научить теории шахмат, постоянно давал головоломные задачки по психологии рекламы. Как-то провел меня в спецхран, где я перечитал все имеющиеся там работы Фрейда, о котором мы знали только из «марксистско-ленинской критики». А после часами пересказывал однокурсникам, т. к. даже законспектировать мне не дали. Не оставил меня и после окончания университета, мы общались до его отъезда в Москву.

Другие преподаватели психологии были переученные физики, филологи, медики и др. Они были самоучки в хорошем смысле слова и нас научили самостоятельно учиться, заразили энтузиазмом научного поиска и привили много неспецифических навыков, которые являются необходимым фундаментом для специфических. Это потом помогло, когда появилась переводная литература по зарубежной психологии, а отечественную, как выяснилось, мы знали неплохо, т.к. часть преподавателей были их студентами или учениками их учеников.

Сегодня, относительно психологии и социологии все наоборот.

Похоже, что мы (Вы на полтора десятилетия позже меня) в разных городах двигались в социологию схожими дорогами.

По какому разделу (какой кафедре) психологии Вы выпускались, делали дипломное исследование? В каком году Вы закончили университет и что дальше?

Моя дорога в социологию началась на Троллейбусном заводе им. Урицкого в г. Энгельсе, куда я попал по распределению после окончания университета в 1978 г. по специальности «Психолог. Преподаватель психологии». С этим единственным в стране производством троллейбусов была связана моя дипломная работа по эргономике рабочего места водителя троллейбуса, как следствие моей производственной практики.

Т. к. занятия психологией рекламы дали мне кое-какие практические познания в психологии восприятия, то я оказался полезен разработчикам новой модели троллейбуса по организации пульта управления в кабине водителя (расположение приборов, размер и цвет надписей и проч.) Разработку делал специальный НИИ с участием специалистов предприятия. Я потратил много времени и сил, вникая в документацию и даже поставил пару смешных экспериментов по восприятию сигналов с пульта для водителя и расположению кнопок управления. Вот так мои «предложения», которые были одобрены заводским ОКБ, были включены в документ от завода, что было особо учтено при защите диплома.

Это показывает, что я получил высшее образование в области психологии, но не получил конкретной профессии в смысле специализации, которой у нас и не было. Т.е. я оказался на выходе, так называемым «специалистом широкого профиля».

На заводе я был зачислен поначалу в отдел НОТ инженером-психологом. Должностные обязанности такого специалиста были загадкой для всех и прежде всего для меня самого. Поэтому мне вручили типовые должностные обязанности по Автопрому и его предприятиям, где были заводские психологи (ВАЗ, ГАЗ, ЛИАЗ, ЛАЗ, РАФ) и поручили составить и возложить их на себя.

Я составил и возложил, оставалось только выполнять и соответствовать.

Первым «выходом из-за печки» заводского психолога в моем лице было радикальное решение проблемы текучести кадров на участке револьверных станков, где работали исключительно женщины и их состав менялся за три месяца почти полностью. После моих «рекомендаций» текучесть снизилась в пять раз.

Дело было так. В «обязанности» входила борьба с текучестью кадров. Меня привели «побороться» за этот участок, и руководство цеха устало на меня в ожидании чуда. Я был в панике и полной растерянности. Только этим я могу объяснить уверенную наглость моего заявления, что все дело в огромном на всю стену плакате, призывающем к победе в соцсоревновании. Кроваво-красный цвет, вещал я тоном оракула, вызывает раздражительность, утомление и стресс у работниц, провоцирует брак в работе и прочее. Надо убрать плакат, оставить чисто побеленную стену, по НОТу организовать пространство участка и что-то еще, не помню. Это было выполнено, дополнительно выкрасили станки и текучесть прекратилась. Думается, что здесь сработала элементарная забота о людях, которая была тут в дефиците. Участок убрали, станки почистили и подремонтировали, выдали новую спецовку, постоянно бегало начальство, спрашивая женщин, как себя чувствуете без плакатного «призыва к трудовому подвигу», даже норму подкорректировали с учетом женского труда.

Знал ли я тогда о Хотторнских экспериментах с человеческим фактором, не помню, но вывод для себя сделал тогда очень похожий.

Следующее «психологическое чудо» было связано с расчетом биоритмов. По обмену опытом меня направили на ВАЗ, где я познакомился с этим концептом, который высчитывал «черные дни» работника, это когда зловещим образом совпадали одновременно низкие волны физических, интеллектуальных и эмоциональных биоритмов человека. В году таких «дней» было по одному на месяц, кажется.

Я рассчитал эти биоритмы для транспортного цеха завода и число аварий сократилось на 70%. Т.к. каждый водитель получил страшное предупреждение в виде распечатки волн биоритмов, где красным крестом были указаны совпадения двух волн, а черным — всех трех, то он был осторожен в пути, не злоупотреблял спиртным накануне рейса, а в «черный день» его снимали с рейса и ставили на ремонт.

Но окончательная вера в силу «заводской психологии» и моей персональной магии наступила после того, как в «черный день» директор предприятия свалился с температурой под сорок, а главный инженер сломал ногу.

Этими активностями я сам себя загнал в угол. От меня ждали только демонстрации магии и волшебства, которые у меня закончились. Что-то надо было делать. Первое что я предпринял, это под флагом глубокого изучения производства методом включенного наблюдения, о котором я имел смутные представления, отправился на рабочие места в цеха, освоил профессию токаря, электро-монтажника, сборщика передних мостов и прессовщика. Подлинная причина моего профессионального порыва — взять тайм-аут и банально заработать для прокорма семьи, т.к. мне сохранялся оклад и премии, а в цеху была сдельщина, где я мог за месяц получить еще полтора своих ИТРовских оклада, а руками я работать умел и любил.

Потом, по ходу моего «включенного наблюдения», меня двинули в мастера прессово-сварочного участка, где работали «химики» (осужденные за «мелкие» преступления). С помощью двух «зеков», один из которых был начальником прииска по добычи драгметаллов, а другой, кажется, нач. производства хим.комбината в Узбекистане, я наладил отношение с бригадами, добился сносной дисциплины и производительности труда. Это были мои первые и лучшие учителя по управлению трудовыми коллективами, пониманию основ менеджмента промышленного производства и психологии труда, т.к. в вузе этому меня не учили.

Но по выходу из этой «экспедиции» у меня случился серьезный облом. Мой отчет о социально-психологическом климате в коллективе цеха и мои предложения по повышению производительности труда и организации производства не нашли понимания. То, что я предлагал, видимо вступало в противоречие с принципами соцпроизводства, практикой планирования, традицией штурмовщины и приписок в конце месяца, кумовством и многим таким, о чем я даже не подозревал. Меня срочно изъяли из производства методом повышения — назначили зам начальника отдела кадров завода, на котором в тот момент числилось 4 тыс. человек.

Примерно через полгода меня отправили повышать квалификацию на Южмаш в г. Днепропетровск. Это было одно из крупнейших в СССР оборонных предприятия, в качестве «ширпотреба» они делали трактора ЮМЗ, что свидетельствует о масштабах производства. Там я стажировался в отделе, который занимался социально-экономическим планированием, психологией труда и тем, что сегодня входит в обязанности службы по работе с персоналом предприятия.

Оттуда я вывез прототип «телефона доверия» и немедленно внедрил на заводе под названием служба «Ваше настроение». Вся служба состояла из трех человек: оператора на телефоне и двух сотрудников, которые обрабатывали жалобы и предложения, направляли их в соответствующие структуры, отделы, добивались решения вопросов, встречались с клиентами службы, т.к. звонки не были анонимными.

Результат превзошел ожидания. Через три месяца из горкома и обкома прибыла комиссия разбираться «с зажимом критики и разгулом произвола» на заводе. Сигналом им послужило сокращение жалоб трудящихся в эти органы в два раза, т.к. мы замкнули на себя их большую часть. После их знакомства со «службой» было решено этот передовой опыт тиражировать. Издали «листок» о внедрении и изобретательстве (забыл, как он назывался) и стали распространять на другие предприятия города и области и далее. Приезжали делегации даже из Казахстана.

Меня хотели уже двигать в первые секретари заводского комитета комсомола, но помешал пятый пункт, черед смен вождей и мое нежелание строить партийную карьеру, но двигать — научную. В 1980 году в Саратове открывают ИСЭП АПК АН СССР, я подаю документы на конкурс, но «обком не утвердил» мою кандидатуру, лучшую на тот момент, по утверждению зав. отдела, А. Петрушевой и его директора (когда я уже стал сотрудником этого Института в 1986 г., его директор В.Б. Островский в приватной беседе рассказал, как и почему «меня не брали»).

В 1983 г. вышло Постановление об организации совета по изучению общественного мнения при ГК КПСС. Вероятно, за неимением лучшего (мои затеи были известны высокому начальству, особенно, история с «телефоном доверия») меня назначили ответственным секретарем этого «совета», который должен был отвечать за его работу.

Это было необычное, короткое и смутное время «второй оттепели», передо мной ставили задачи по изучению отношений, оценок и суждений трудящихся предприятий города по различным экономическим и социальным вопросам. На меня работала армия из 1200 анкетеров — из числа коммунистов-активистов предприятий и организаций города. С этой командой проводились регулярные занятия типа «курса молодого бойца» по проведению массовых опросов. Особенный упор делался на «достоверности» данных, под которой подразумевалось, что «туфту» опрошенные писать не должны.

Темы для исследования общественного мнения регулярно поступали вместе с Постановлениями партии и правительства. Я приступил к обязанностям в период подготовки Пленума горкома по выполнению Постановления «о борьбе с формализмом во внедрении бригадной формы организации труда на промышленном предприятии».

Мне тупо поставили задачу «выявить формализм и доложить на пленуме». Я не менее тупо взялся за дело, не понимая, где кончается наука и начинается политика. Нашел «экспертов по внедрению», с их помощью определил основные признаки бригадной организации труда (КТУ, оплата по конечному результату и т. п. и т. д.).. составил по ним вопросник, а поскольку опрос на предприятиях проводили «свои», заряженные на выявление «формализма» (было короткое время, когда из-под горы лжи, практики приписок, вдруг стало выглядывать что-то настоящее, хотелось уцепиться, не дать утонуть опять), то ответы вполне соответствовали реальности.

То, что случилось на Пленуме во время моего доклада, до сих пор является одним из самых ярких впечатлений в моей профессиональной жизни, где я на своей шкуре понял, что есть социальное.

Вы удачно тормознули рассказ, вопросы сами напрашиваются: «Что же случилось на Пленуме» и какими были последствия произошедшего? Кроме того, что полнее прояснилась природа социального...

Как—то вышло, до сих пор не знаю причин, что мой непосредственный начальник не довел до сведения секретарей, как я выявил «формализм».

И вот Пленум горкома. Повестка дня: выполнение постановления партии и правительства о борьбе с формализмом во внедрении бригадной формы организации труда на промышленных предприятиях города.

Первый секретарь кратко разъясняет собранию важность выполнения Постановления и сообщает, что созданный при горкоме совет по изучению общественного мнения провел исследование по выявлению формализма и сейчас ответственный секретарь совета доложит результаты по сорока с чем-то предприятиям города.

Я выхожу на трибуну, коротко описываю цели и задачи исследования, благодарю за оказанную помощь парткомы заводов и фабрик и перехожу к сути дела. Т. к. о форматах презентации социологической информации я не имел представ-

ления, то начал без затей. «Объединение Химволокно, показывает в отчетах, что 70,4% трудового коллектива охвачены бригадной формой. Наше исследование показало, что 3% (1–2 бригады), завод «Трансмаш» показал 80,3, а на деле 5% и так по всем предприятиям.

Повисла тишина, которую называют «матросской». Все напряженно смотрят на «первого». До него начинает доходить, что речь идет не о борьбе с «формализмом», а о саботаже Постановления на вверенной ему территории. Не помню, что он конкретно произнес, то ли вопрос, то ли «не понял», но после его слов зал взорвался. Это были около 500 советских командиров производства и секретарей заводских парторганизаций, в компетенцию которых входило умение громко возмущаться, выражать справедливый гнев и негодование. «Это деза, клевета, ложь», — оралли они. «Откуда взялись эти цифры». «Да кто он такой, этот»

Я стоял, оглушенный и растерянный. Мой начальник меня расхвалил за мою работу, а тут такое.

В этот момент «первый» делает, как мне кажется, реальную политическую ошибку. Он требует объяснить, как я получил эти данные. Я, по-прежнему не понимая, что происходит, объясняю технологию сбора данных и по каким критериям был выявлен «формализм». При этом анкеты я называл «протоколами», утверждая, что могу показать «все протоколы», где вашими же рабочими написано, что вместо собрания, где должны решить, что они переходят на БФОТ, им утром объявили, что они уже бригада, что оплата труда происходит по прежнему, а не по КТУ и конечному результату и проч.

Всем стало еще хуже. Непонятно, что с этим делать. «Первый» объявляет перерыв, предваряя ритуальной фразой, что будем в этом разбираться и делать оргвыводы. И Вас это касается, говорит он, глядя, в мою сторону.

Я понял, что произошло непоправимое. Это чувство укрепились, когда я шел по набитому людьми залу, как по пустому коридору. Те, кого я знал, отворачивались и расступались передо мной. В прострации я добрал до кабинета начальника и спросил, что же это было, что я сделал не так. Тот ответил, что все нормально, так надо и еще не вечер. Но я понял, что здесь мне больше не работать. Через день меня вызывают в Обком, где в течение часа выдерживают в приемной, чтобы «осознал и проникся». Наконец приглашают зайти, а дальше происходит удивительное. В кабинете было пять человек. Один из них подходит ко мне хлопает по плечу, говорит, что я молодец, что наш метод будут использовать, что это действительно по-партийному и т.п. и т.д. Как оказалось, это были проверяющие из ЦК, и наш пример попал «в струю». После этого аппарат Горкома наградили премией, но не меня, конечно.

Наградой мне было решение, что я продолжаю «выявление общественного мнения», но уже то, что я делал, находилось под контролем, отчеты внимательно изучались.

Вспомнилась беседа с зав. отделом промышленности, которого я очень уважал, за знание производства, дар предвидения и стратегическое мышление топ-менеджера, как бы это назвали сегодня. Помню его слова: «Знаешь, меня не так удивляет, что ты сидишь передо мной, хотя уже должен быть далеко отсюда с волчьим билетом, т.к. нарушил правила. Ты все верно выявил, действительно, реальных бригад на заводах не более 2–3 в каждом. Но это мы и без тебя знали. Потому как ресурсов и времени на внедрение нет. Поэтому командно-волевым

методом, ломая через колено, вынуждая «отчитываться вприсядку», проводят «внедрение». Потом Постановление о преодолении «формализма», начинаем «борьбу», но 1–2 бригады действительно появляются и результаты реальные. Их объявляют «точками роста», дают им ресурсы, а остальным объясняют, что можно же, а вы не хотите. Общий уровень «бригадизации» поднимается, потом опыт накапливаем, лишние убираем, нужное оставляем, но уже в рабочем порядке, больше уже по уму, где надо. Все это понимают, кроме тебя мудака. Меня удивляет, что это продолжается, что меняются правила игры, но что это за игра, я не понимаю, чувствую, что не так что-то пошло, дело не в бригадах, не в формализме, что-то случилось там наверху, как бы производство наше не загнулось от таких игр. Шел 1983 год.

Вот так я узнал, что «достоверные результаты» сами по себе не объясняют социальные феномены, что объяснение того, что происходит и почему это происходит, лежит глубже и не только в организации производства. Я увидел, как вроде бы незначительный факт нештатной ситуации на каком-то собрании может стать признаком перемен в обществе. Наверно, тогда я впервые всерьез стал задумываться над сложностью взаимосвязей различных экономических, политических и социальных факторов, определяющих практики и об инструментах выявляющих эти взаимосвязи.

Илья, спасибо, блестящий кейс; в нем и социальное, и научное, и человеческие отношения. Какие Вы из этого случая извлекли уроки? Что было дальше в Вашей карьере? Ведь наступило время перестройки...

Честно сказать, никаких уроков я тогда не извлек. В том же духе продолжал «выявлять мнение» по вопросам «атеизма», производственной дисциплины «чувства хозяина» (без хозяйства) и др.. Темы исправно поставлялись ЦК в виде Постановлений, «писем» и прочих «цидуль». Не помню, чтобы мне пришлось самому проявлять инициативу. Я был завален «социальными заказами» и работал как «фабрика опросов» в миниатюре (как говорено выше, до полусотни предприятий и организаций в выборке, более 1000 «обученных» анкетеров и до двух десятков помощников для обработки данных). Потом возникла затея предать гласности результаты опросов в городской газете «Коммунист». Я переделывал отчет для газеты, редакторы и цензоры его рихтовали. Получалось не совсем то, что я хотел, но в целом цифирь не искажалась, и некоторые выводы, основанные на здравом смысле и исследовательской логике, которой любая идеология не указ и предназначенные для служебного пользования, отчего-то не изымались.

Но полевая работа усложнилась. Меня стали на заводах опасаться, т.к. то, что я делал, не укладывалось в привычные форматы партийной работы. Было ощущение, что те, с кем я общался из начальства, подозревали, что у меня в кармане «лицензия на их отстрел». Невольно, я был предвестником смутных времен, которых ждали с надеждой и опаской.

К 1986 г. интерес к изучению общественного мнения уже изменился, «контору» опять стало интересовать то, каким оно должно быть в соответствии с «гласностью и новым мышлением», а не каким оно есть в реальности и почему. Работать стало, как ни странно, не так интересно, как в начале создания «совета», хотя внешне, «свободы слова» стало больше. Но появился невидимый «фильтр», который «новое» пропускал, а старое делал «осадком». Он был даже не снаружи,

а внутри нас, хотя теперь не могу сказать точно. Говорят, что такое же ощущение было в первую оттепель. Но я не уверен, что перестройку можно назвать второй оттепелью, как многие считают и сегодня, слишком глубокие структурные изменения намечались. Но главное — это усталость от идеологии, причем, любой. Глядя из 2014 г. на своих товарищей по работе в ГК в 86-м, я вижу высокопрофессиональных топ-менеджеров штаб-квартиры огромной производственной корпорации, каким, по сути, был любой горком. Лояльные, исполнительные, организованные, компетентные в своем секторе, с ярко выраженными лидерскими качествами...

Не желая их идеализировать, могу сказать, это была управленческая элита города. Идеология крепко сидела в них, но как «заноза», которая дает о себе знать, только, когда ее заденешь. Так впоследствии и оказалось, далеко не все сумели конвертировать свой социальный капитал в материальный. Комсомольцы из горкома ВЛКСМ, которых я знал, оказались, куда как успешнее.

Но это только мой единичный кейс, вряд ли он показателен, я больше никогда не возвращался к этой теме. Чем-то отдаленно, это похоже на то, как ветеран войны не склонен говорить о том, что там реально было, кроме бак «для чужих». Потому что все, что бы ты не сказал, не совсем то...

Но когда в 1986 г. меня пригласил А. Н. Гаврилов из ИСЭП АПК АН СССР принять участие в конкурсе (он у нас собирал данные, так познакомились. Человек по своему уникальный, своей разносторонностью напоминал гениев Возрождения. Обладал острым практическим и парадоксальным умом, неутомимой энергией исследователя и предпринимателя в любых областях знания. Учился в ЛГУ на философа, кажется, там и защитил степень кандидата, но и был блестяще подготовлен технически, разбирался в любом «железе») на м.н.с. , я без колебаний согласился, хотя терял многие социальные блага статусу инструктора горкома КПСС.

Отпустили меня в «науку» неожиданно легко, я бы сказал с пониманием, какое-то странное ощущение было, что уходишь из крепости, которую кто-то остается защищать, потому что «надо», а зачем, уже боишься думать. Почти каждый, при прощании, что-то дарил на память или давал совет, просил не забывать, но никто не намекал на возможность вернуться. Вероятно, благодаря их рекомендациям и предыдущим проверкам моей персоны, пятый пункт не стал препятствием для прохождения конкурса на этот раз.

Вот так, в октябре 1986 г. я попал в эту «башню из слоновой кости», которой на то время, как мне казалось, была АН СССР, по сравнению с теми местами, где мне приходилось работать. 20 лет моя трудовая книжка лежала в этом заведении. В 2006 г. под благовидным предлогом поступления в докторантуру, я ее оттуда забрал, хотя идея остаться на полставки была, но начальство не пошло навстречу и я их глубоко понимаю, т.к. знакомство с Теодором Шаниным в 1989 г. и работа с ним в экспедициях и т.д., сделала меня «несовместимым элементом» в этой системе, к моему сожалению, т.к. Институт и особенно своих коллег, я искренне уважал и любил и сегодня поддерживаю с ними добрые отношения.

Здесь два вопроса или один, но «двойной», очевидны... что Вы делали в ИСЭП АПК АН СССР (позже — РАН) два десятилетия? По какой теме Вы писали кандидатскую диссертацию и когда ее защитили?

До 1990 г. занимался исследованиями трудовых коллективов колхозов и совхозов, проблемами миграции из села в город, трудовым потенциалом села, «сельским образом жизни» и т.п. и т.д.

С 90-го был «откомандирован» в «сельский проект Теодора Шанина и большую часть времени проводил «в полях», появляясь в Институте событийно. Поскольку в этот период академическая наука переживала не лучшее времена, полевые исследования практически не финансировались, то плотное участие сотрудника Института в международных исследовательских проектах и полевых исследованиях в целом приветствовалось. К тому же, полагаю, что количество и качество публикаций, плюс мое активное участие в конференциях в России и за рубежом, видимо, было достаточным, чтобы мой внеинституциональный статус не вызывал вопросов у администрации. Часть «полей» шанинских проектов проводилась в Саратовской области, и мне удалось включить в сельские экспедиции трех сотрудников Института, что тоже было важно для повышения квалификации научных работников, да и результаты исследований по договору с Интерцентром считались плодом их сотрудничества и научной кооперации.

Кандидатскую диссертацию защитил в 1992 г. по теме «Социально-психологические механизмы формирования и функционирования общественного мнения села».

Очень интересно, никогда не встречал человека, который бы специально, направленно изучал особенности формирования и функционирования общественного мнения сельского населения в России. Илья, пожалуйста, — поподробнее о самих опросах и о результатах...

Выбор темы, как мне тогда казалось, полностью соответствовал моим компетенциям: психологическое образование, специфический опыт работы по исследования общественного мнения в партийных структурах. Я наивно полагал, что в этой теме «съел не одну собаку». Прозрение наступило после повторного прочтения знаменитой работы Б. Грушина «Мир мнений и мнения о мире», когда накопился первичный материал, требующий объяснения и переосмысления того, что я увидел и услышал на 1-ой Всесоюзной конференции по изучению общественного мнения, которое проводилось в Тбилиси в 1987 г. (кстати, там впервые с Вами познакомился).

Я понял, что столкнулся с социальным феноменом общественного сознания, который выходит за рамки «оценочных устойчивых суждений большинства населения по актуальным для них вопросам и т.п.», кажется, таким определением тогда мы пользовались. Этому пониманию способствовало несколько обстоятельств: 1) конкретная локализация предмета исследования общественного мнения — село, как относительно замкнутого коммуникативного пространства, одной из характеристик которого, являлась «публичность личной жизни»; 2) уникальный для того времени метод исследования — междисциплинарный подход в условиях «полноформатной этнографической» научной экспедиции (8 месяцев проживания в каждом селе с 1990 по 1994 гг.) и возможность сравнить с «штатными» массовыми анкетными опросами нашего Института; 3) Знакомство с английской исследовательской культурой, которую демонстрировал нам Теодор Шанин; 4) Возможность общения и консультирования выдающимися учеными — «друзьями шанинского проекта» Т. И. Заславской,

Ю. А. Левадой, В. П. Даниловым и др. Их вопросы ко мне и комментарии моих выводов заставили меня стать на порядок «скромнее» и поставить более конкретные и реалистические задачи.

Не думаю, что это диссертационное исследование заслуживает особого внимания, но оно существенно дисциплинировало меня, дала возможность посмотреть на общественное мнение из разных перспектив. Помогло увидеть функционирование в нем архаичных структур крестьянской общины, а также познакомиться с его многослойностью и парадоксальностью формирования даже на таком ограниченном пространстве, причем, максимально открытым для наблюдения за механизмами возникновения «оценочных суждений» и их влияния на поведение жителей села.

Я увидел «мнение для своих» и «для чужих», которые могут быть прямо противоположны, выявил факторы устойчивости одних «суждений» и «изменчивости» других. Удалось зафиксировать разнообразные роли, которые выполняло «общественное мнение села», когда уже начинаешь сомневаться, является ли это социальное явление «мнением» или это «мнение» — просто симптом какого-то непонятного состояния общественного сознания сельского сообщества в данный момент времени, которое руководствуется непонятными нормами и стереотипами сознания и поведения этого сообщества.

Приведу пример влияния «исторического фактора» на формирование общественного мнения трудового коллектива колхоза «Путь Ленина» на решение о выборе формы хозяйствования. Суть вопроса — оставить колхоз или преобразоваться в акционерное общество или товарищество. Дебаты длились долго, причем «лидеры общественного мнения» села в лице председателя, директора школы и «ветерана всего чего можно» сильно агитировали за колхоз и давили на чувства страха перед капитализмом и ответственностью перед родителями, которые завещали беречь общественную собственность и прочее.

Я вел наблюдение, т.е. фиксировал тех, кто был за «социализм» и за «капитализм». А так, как знал большинство присутствующих и их происхождение, то после обработки с удивлением обнаружил, что потомки «бедноты» в большинстве проголосовали за колхоз, а потомки «середняков» и «зажиточных» (потомков раскулаченных осталось единицы) за ОАО.

Это вроде бы логично, но при сборе «голосов крестьян» (тема — «белые пятна истории села») воспоминания о хозяйстве дедов и прадедов были у этих респондентов очень расплывчатыми и носили в основном нейтральный эмоциональный фон (кроме раскулаченных, конечно). Общим рефреном было суждение, что «советская власть дала все» (подняла из нищеты, дала образование, работу, защитила мир и прочее). Никто из них своих предков даже середняками называл с большой натяжкой и неохотой (может на всякий случай). И это в контексте высокой достоверности информации. Я, помнится, тогда испытал «полевой шок» от того, как нам рассказывали старики о своем прошлом. Даже записал в полевом дневнике: «Они отвечают на наши вопросы так, словно ждали нас 50 лет. Потому что 20 лет боялись говорить, а 30 лет их никто не слушал».

Так я впервые столкнулся с феноменом устойчивости общественного мнения вне зависимости от влияния его «лидеров», когда «общество» выступает, руководствуясь нечто неотрефлексированным, даже не иррациональным на первый взгляд, то ли спонтанно возникшим, то ли под влиянием латентных процессов исторической памяти или еще чего.

Были и другие «открытия». Одно из них Г. С. Батыгин даже опубликовал в своем СЖ под названием «Спираль молчания» или «когнитивный диссонанс в общественном мнении села». Там описывался фактор устойчивости принятого решения за кого голосовать в зависимости от прекращения (избегания) участия в дискуссиях о выборах части сельчан. Создавалось впечатление, что они вдруг как бы потеряли интерес к выборам. Но потом, выяснилось, что решение принятое ими за 10 дней не изменилось, а те кто продолжали дискутировать до последнего дня, отдали голос скорее ситуативно.

Отвлечемся на миг от хронологии, Ваш ответ и ссылка на книгу Б. А. Грушина позволяют мне задать Вам вопрос о феноменологии общественного мнения, чему посвящена значительная часть «Мира мнений...». В частности, Борис Андреевич в той работе и позже обращал внимание на то, что не любое, даже массовое мнение является общественным мнением. Считаете ли Вы, что фиксируемое сегодня в опросах «Левады-Центра», ФОМ, ВЦИОМ это — общественное мнение россиян, а не какая-либо иная фракция общественного сознания?

На этот вопрос я, пожалуй, смогу ответить только из перспективы полевого исследователя, т. к. регулярно не слежу за библиографией и текущей дискуссией по данной теме, а без этого моя позиция, мягко говоря, довольно специфична.

Для «полевика», вы знаете, такой вопрос беспредметен, т.к. надо сначала прояснить, что мы с вами будем считать общественным мнением и общественным сознанием, хотя бы в рабочем представлении, чтобы сравнить с ним вербальные и невербальные поведенческие реакции респондентов наших «фабрик опросов» на их стимульный материал в виде вопросов, картинок и проч., которые они называют «общественным мнением».

Второе, на какой модели формирования и функционирования «феномена» мы будем обсуждать, является ли «это» общественным мнением в нашем понимании или «иной фракцией общественного сознания»? (Для Б. Грушина, помнится, общественное мнение не было отдельной фракцией, т.к. представляло собой «общественное сознание со сломанными внутри перегородками»)

Например, поведенческие реакции респондентов на вопросы «фабрики» по поводу Крыма могут быть «общественным мнением» для определенного политического института и его конкретных целей, а могут быть симптомом структурных изменений в «патриотической фракции» общественного сознания для института гражданского общества.

Без этого, боюсь, что кроме спекулятивного теоретизирования и беспредметного философствования, ничего содержательного сгенерировать не смогу.

Илья, в недавнем мэйле Вы написали мне, что по контрактам и договорам, преподаете в Шанинке, РАНХиГС, ведете школу-студию и прочее. Когда Вы начали свою деятельность в Москве? Что преподаете? Что такое школа-студия?

Деятельность в Москве началась в 1990 г. и была связана с проектами Теодора Шанина и Интерцентром. Полевые исследования в сельских проектах шли без перерыва до 96 г. Потом была учеба в Шанинке и другие проекты. В Шанинке преподаю с 2006 года курс «Качественные методы» (Практикум полевого исследования методом «длинного стола»), примерно такой же курс ежегодно веду в ЦСПО при ИС РАН («кухтеринские курсы»). Эти занятия содержат основные элементы ремесла полевого исследователя, который применяет качественный подход в решении своих задач. Обучение проходит в процессе производства конкретного исследования, что, собственно, составляет первоначальную суть понятия «студии» как формата профессиональной подготовки.

Можно сказать, что «Школа студия полевого исследователя-качественника» представляет собой систему «производства» исследователя в процессе «производства» самого исследования. «Студия» родилась из моих попыток научить ремеслу полевого исследователя по нашей с Е. Ковалевым монографии «Качественные методы в полевых социологических исследованиях», которая неожиданно для нас стала достаточно популярной в научном сообществе.

Но результаты обучения меня не устраивали, т. к. я видел, что между знаниями и умением проводить исследования существует слишком узкий мост, который преодолевали единицы из моих студентов. Нужна была иная образовательная система обучения навыкам и умениям полевой работы, хотя бы на крепком базовом уровне владения ремеслом. Почему-то никого не удивляет, что выпускник консерватории владеет навыками игры на инструменте, способен исполнить любое произведение на среднем уровне, а выпускник нашего социологического факультета представляет собой в этом смысле «черный ящик». Умеет ли он решать исследовательские задачи в плане подготовки и проведения полевого исследования и на каком уровне, можно понять только опытным путем.

По счастью, сохранились записи «длинных столов», которые проводил Теодор в первом четырехлетнем проекте. Я их изучил и обнаружил, что практически 2/3 этих рабочих совещаний в первый год проекта представляли собой школу полевого исследователя, где шла передача традиций британской исследовательской культуры, освоение основ крестьяноведения и междисциплинарного подхода, отрабатывались специфические и не специфические навыки и умения работы в формате экспедиции. Это было вызвано необходимостью подготовки группы исследователей в условиях, когда исследование уже стартовало, а представления британского социолога о том, что должен знать и уметь полевой исследователь, расходилось с нашими компетенциями на тот период.

Все обучающие занятия по сути являются демонстрацией метода «длинного стола» (ДС), которые дополнены технологиями мозгового штурма и тренинга по развитию основных неспецифических и специфических навыков и умений, необходимых для проведения качественного исследования. Это включает в себя основные алгоритмы обучающих заданий и упражнений, мини-семинаров, разбор типичных полевых ситуаций в ходе исследования, в т. ч. на кейсах самих участников «школы». В центре методического подхода стоит активизация личного исследовательского опыта слушателя, что предполагает методическую и аналитическую триангуляцию оценок, суждений, предложений и т. п. участников «длинного стола» в режиме «оффлайн» и «онлайн». Итогом работы является содержательный отчет по исследованию и презентация его результатов.

Эффективность этой системы связана не только с авторскими технологиями обучения, но и с синхронизацией трех основных этапов подготовки и проведения полевого исследования (до поля, в поле и после поля) с 8 фазами цикла «производства» исследователя от замысла исследования, через «полевой шок» и «кризис» к выводам и новому замыслу. Эти фазы были выделены из записей встреч на «длинных столах» и полевым дневникам их участников за период 2008–2012 гг.

Одновременно Вы отметили, что в Энгельсе Вы создали организацию «Социум» и работаете как практический психолог. Не могли бы Вы пояснить, что такое «практический психолог»? Чем Вы занимаетесь?

Некоммерческая организация «Социум» возникла по моей инициативе в 1998 г. на базе Центра практической психологии, как профессиональное объединение психологов, социологов, медиков, педагогов с целью реализации мечты профессионала — делать то, что считаешь нужным, так, как считаешь нужным, имея необходимые для этого ресурсы и за вознаграждение, которое устраивает. Сфера деятельности включала, как проведение социологических исследований по широкому спектру социальных проблем, так и практическую деятельность по профилактике наркомании, ВИЧ-инфекции, медико-психологической и социальной помощи социально уязвимым группам населения, включая беженцев, участников локальных войн, осужденных, «работниц коммерческого секса» и т. п. и т. д.

Причина моей активности — это желание непосредственно видеть результаты профессиональных усилий, как компенсацию однобокости представления о социологии как демоскопии («социологи подсчитали») и тем состоянием души, которое довольно точно выражено в одной бардовской песне — «лучше быть нужным, чем свободным».

К концу 90-х у меня возникло ощущение, что я — член отряда космонавтов, которых готовили к высадке на Луну, но которые так и не полетели. Этому способствовало череда неудачных крушений «ракеты-носителя» «большого сельского проекта» на старте. По замыслу Теодора Шанина группа исследователей первого проекта должна была составить кадровый костяк коллектива исследователей нового «Аграрного Института им. Чаянова», кажется на базе ВАСХНИЛ и его аналогичного подразделения. Цель проекта — возродить славные традиции отечественной школы ученых-аграрников, которая считалась самой продвинутой в мире до сталинских репрессий. Была договоренность с последним президентом ВАСХНИЛ А.А. Никоновым об организации такого подразделения, но его загадочная трагическая гибель в 1995 г. привела к закрытию этого проекта.

Вторая попытка «взлететь» была связана с именем Е.С. Строева, который с начала 1996 года до конца 2001 года был председателем Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Строева впечатлила личность Шанина и его идея всероссийского мониторинга аграрных реформ в духе традиций земской статистики, изучению которой мы посветили много времени и сил. Даже использовали в своих экспедициях некоторые методические приемы ее известных представителей. Но Строев был смещен со своего высокого поста, попал в опалу и был отправлен рулить Орловской губернией. Мы опять не «полетели».

Но главное для меня — это то, что наш продукт (реальное знание экономической и социальной жизни крестьянской России) на тот момент оказался обществу не просто не нужным (к этому не привыкать, можно работать и на будущее), а как бы даже вредным для текущей политики «разрешено все, что не запрещено», а ведь в мозгах еще жили «перестроечные» надежды и вера, что «пришло наше время». Передел собственности и полукриминальная приватизация земли и активов колхозов и совхозов, беспредельная коррупция, колонизаторское отношение «новых аграриев» к селу и его жителям и проч., делали наши усилия по поиску истины, занятием, лишенным смысла во всех отношениях, кроме чистой науки, причем, на деньги иностранцев, которые тоже, похоже, уже удовлетворили свое любопытство. Можно было и дальше вполне себе существовать на их мелкие грантики и мелкие темы «из жизни крестьян», писать отчеты и рекомендации по ходу аграрных реформ «асфальтного социолога». Но я уже был отравлен масштабными экспедициями Интерцентра с перспективой «дальнего полета в аграрные миры» и тяжело переживал неудачные запуски на старте.

Вот эта, впитанная с детства, «советская» программа, что наука должна иметь «народнохозяйственное значение», плюс «разница потенциалов» между масштабом планов Теодора и тоской анонии в постперестроечной Академии, заставили меня искать нишу, где я мог не ощущать себя жертвой обстоятельств и делать то, что считал правильным и полезным. Выбор уже был не между выгодно и невыгодно, тяжело и просто, можно-нельзя, а между скучно и страшно. Скучно было «отбывать номер», слушать сетование коллег на судьбу, власть и проч., и страшно выходить их привычной колеи, теряя пусть малое, но надежное. Но уже было так скучно, что стало не так страшно.

Такой нишей оказались НКО, практическая психология и, как ни странно выглядит, первая Чеченская компания.

В конце 97 г. я прошел краткосрочные курсы подготовки «фронтовых психологов, психотерапевтов и психиатров» по боевому ПТСР для работы в «горячих точках». Курсы вели специалисты Центра психосоциальной травмы Миссурийского университета, которые имели почти полувековой опыт работы с «поствьетнамским синдромом». Научили нас отменно. Сразу после их окончания я начал практику в «Реабилитационном центре для воинов, пострадавших в вооруженных конфликтах и локальных войнах». Это была тяжелая, но конкретная работа по психотерапевтической помощи комбатантам — участникам боевых действий в Чечне. Довелось работать в лагерях беженцев из Грозного. Через год и 2 месяца я обнаружил у себя все симптомы профессионального выгорания и решил заниматься этим в свободном режиме, совмещая с научной работой, которую впрочем, не прекращал, будучи сотрудником ИАП РАН.

И тут подвернулся случай. Фонд «Евразия» объявил конкурс грантов для НКО по разработке программы профилактики наркомании для школ. Под этот грант мы вместе с школьными психологами Центра практической психологии г. Энгельса создали НКО «Социум». Наша заявка была одобрена, программу разработали и внедрили в школы области и даже заняли с ней 2-е место на «Всероссийском конкурсе им. Памяти матери Терезы». С этого и пошло. Потом наладилось сотрудничество с организацией «Врачи без границ» по профилактике ВИЧ/СПИДа среди инъекционных потребителей наркотиков, чем организация занимается и по сей день. Практически с 2000 г. «Социум» выполнил более

30 различных проектов социальной направленности и примерно половина из них включала исследовательский блок, так что я мог реализовать все свои профессиональные навыки и видеть практические результаты.

Поэтому моя вторая профессиональная ипостась — это консультирование по посттравмам и химическим зависимостям, работе с персоналом, проведение тренингов и организация социальной работы в сфере общественного здоровья. Я рад, что имею возможность, как говорят хирурги, сохранять чувство в пальцах.

Илья, Вы работаете по многим направлениям, и Ваша работа, очевидно, востребована. Вы когда-либо думали о подготовке докторской диссертации в области социологии или психологии? Вы реально работали над ней?

Я уже писал, что закончил очную докторантуру в при СГПУ в 2008 г. Диссертацию готовил по теме социальных сетей поддержки на материалах сельских экспедиций и социальных проектах по профилактики наркомании, ВИЧ и проч. Готовность ее была на 70%. Состояла из академических отчетов, докладов на конференциях и ряда статей, которых за 16 лет накопилось немало. Никто, да и я сам не сомневался в успешном финале. Если бы я постоянно работал в вузе или академическом институте, то непременно бы довел дело до конца. Но т.к. решил попробовать поработать без постоянной прописки с перспективой стать независимым исследователем, то защиту отложил, т.к. в этой сфере наличие докторской степени мне больше вредило, чем помогало. Особенно сказалась девальвация научных регалий в глазах заказчика в конце 90-х. Были даже вопросы: «ты «довоенный» кандидат или нынешний» или, «а что на докторскую по деньгам не прошел и т. п.». Тут уж лучше пусть спрашивают, почему ты не «доктор», чем «как ты им стал» + подозрение в теоретизировании и академизме и «неумении работать руками». Важнее оказалось просто «имя» как бренд, репутация в сообществе и прочее. Но идею защиты не бросаю, есть моральный долг перед «докторантурой» и есть ситуации, где «звезды на погонах» имеют определяющее значение. Но тему, скорее всего, поменяю. Основные идеи, связанные с «живыми» социальными сетями поддержки мною высказаны в публикациях и более интеллектуально меня не цепляют, а вот новые качественные методы исследований и новые образовательные технологии подготовки исследователей, интересуют очень сильно.

Есть надежда, что у меня в наличии имеется пара идей и технологий, которые могут поспособствовать в решении задач, связанных с «разрывом компетенций» в нашем профессиональном образовании, в частности, подготовки исследователей. Как-то вышло, что я, по-прежнему, придерживаюсь позиции, что наука — это не объект, наука — это метод.

Вы уже много лет — в аналитическом и консалтинговом бизнесе. Как, по Вашему мнению, в этой бизнес-нише в последние годы ситуация улучшилась или ухудшилась?

Лично для меня улучшилась, т.к. заказчик стал более грамотным и опытным в постановке задач и ожидании конечного результата. Требования к профессиональной компетенции возросли, что для меня важно. Работать стало сложнее, но интереснее. Хотя это может быть связано с моей несколько странной специализацией на задачах, которые не решаются стандартными и проверенными

способами, накатанными технологиями. Нужно тратить много времени и сил, чтобы разобраться в специфике и разработать под нештатную задачу инструмент, короче, много думать и рисковать. А в штатных ситуациях я нашим бизнес-консультантам не конкурент, они свое дело знают лучше. Это моя «ниша», мне представляется, довольно узкой по двум основным причинам: 1) заработать на таких проектах особо не получается из-за избыточных временных затрат и рисков, сходными с рисками стартапов; 2) дефицит компетентных специалистов, которых могли бы заинтересовать подобные задачи.

Но сами задачи и заказчики бывают настолько интересны в профессиональном плане, что высокие издержки и возможные неудачи не останавливают. Ну, как отказаться, если ставится задача понять, как возможно возрождение традиции регулярных пожертвований (десятины) в религиозной общине, если эта традиция не поддерживалась в трех поколениях или как провести трансформацию, удивительным образом сохранившихся ценностей, норм, ритуалов социалистического производственного коллектива финансового учреждения для работы на современном рынке финансовых услуг. Здесь, как говорится, целью становится — «понять», даже, если стоит задача заработать. Иногда кажется, что наш консалтинг пытается приблизиться к культуре стартапов, где возможно «праздновать хороший проигрыш», где к решению задач привлекают «странных маргиналов» с «странными идеями и подходами», чтобы сделать решительный прорыв. Но пока устойчивого тренда не наблюдается. Пока.

Научное издание

Докторов Борис Зусманович

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

В 9-ти томах

ТОМ 7

БЕСЕДЫ С СОЦИОЛОГАМИ
II–IV ПОКОЛЕНИЙ

Макет издания Елена Григорьева

Издатель: Центр социального прогнозирования и маркетинга

127106, Москва, ул. гостиничная, 9.

Тел. (495) 481-18-38, 482-18-47

E-mail: info@sheregi.ru

Подготовка электронного издания:

IT центр Института социологии РАН

E-mail: delo@isras.ru

Тираж: 500 экз.